

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.Н. Уйманов

**ЛИКВИДАЦИЯ И РЕАБИЛИТАЦИЯ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СИСТЕМЕ
БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ
(КОНЕЦ 1919 – 1941 г.)**

Научный редактор – д-р ист. наук, проф. Н.С. Ларьков

Томск
2012

УДК 94(571.1/.5) : 316.325
ББК 63.3(2P5)716
У11

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *А.С. Шевляков*,
д-р ист. наук, проф. *Э.И. Черняк*

Уйманов В.Н.

У11 Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). – Томск : Томский государственный университет, 2012. – 586 с.

ISBN 978-5-94621-363-9

В монографии представлен опыт исторического исследования периода политических репрессий в СССР в масштабе Западно-Сибирского региона.

Целенаправленное и плановое изучение документов и материалов фондов шести сибирских архивов позволило автору предметно рассмотреть политику Советского государства по уничтожению потенциальных противников режима, описать механизм репрессий (нарушение процессуальных норм, фальсификация материалов и т.д.), раскрыть логику принимавшихся решений, проследить влияние местных особенностей на организованные в масштабе страны кампании.

Отдельная глава посвящена вопросам реабилитации жертв политических репрессий и анализу деятельности органов ФСБ и МВД России в организации этой работы.

Для научных работников, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется советским периодом в истории России и Сибири.

УДК 94(571.1/.5) : 316.325
ББК 63.3(2P5)716

*Издание вышло в свет при финансовой поддержке
ООО «Газпром трансгаз Томск»*

ISBN 978-5-94621-363-9

© Уйманов В.Н., 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исторический период конца XX – начала XXI в. в российской истории был насыщен событиями, оставившими глубокий след в судьбах миллионов россиян: «перестройка», распад Советского Союза, попытка государственного переворота, кампания приватизации, переход к рыночным отношениям и «шоковая терапия» в экономике, разгул криминалитета и многое другое. Произошло разделение общества на «богатых» и «бедных», зародился средний класс, однако многое из величайшего наследия наших предшественников, в частности в области культуры, было утрачено. Стали размываться и обесцениваться понятия чести, долга, патриотизма, национальной и религиозной терпимости, выросла проблема проявления и обострения межнациональных конфликтов, в том числе вооруженных. Стали широко применяться террор и диверсии против мирного населения, когда ни пол, ни возраст, ни национальная принадлежность преступников не интересовали.

В политической жизни страны начинают возобладать явления, традиционно не характерные для нашего общества. Пережив всплеск эмоций и эйфорию от свобод и проявлений различного рода вседозволенности, мы так и не стали демократическим государством, поскольку наличие «свобод» и многопартийность еще не есть признаки развитого демократического общества. Мы вновь вынуждены заниматься государственным строительством, опираясь на чужие опыт и знания, подчас не используя лучшее из накопленного нашими предшественниками. Развитие общества по спирали предполагает четкое осознание предыдущего опыта в целях недопущения имевших место ошибок в будущем. По этой причине необходимы глубокое целенаправленное и планомерное изучение массовых политических репрессий в СССР, выявление и анализ не только их причин, но и последствий, серьезно повлиявших на дальнейшее развитие советского государства и общества.

Теме политических репрессий в СССР посвящены тысячи работ – научных, научно-публицистических, документальных и просто художественных, не меньшее число кинофильмов, телепередач и программ. Каждый из авторов использовал возможность донести до читателя или зрителя собственное восприятие событий тех лет, опираясь на определенные источники и материалы, а также на собственные жизненный опыт и мировоззренческую позицию, накопленный багаж знаний и наличествующий опыт исторического исследования. Однако никогда и никому не удавалось и не удастся охватить весь спектр документов, посвященных тому или иному аспекту рассматриваемой темы. По этой причине разные исследователи стараются изложить (на основе собственного отбора источников) свое понимание происшедшего и доказать правомерность своих выводов.

Сегодня все публикации, посвященные теме политических репрессий в СССР, можно разделить на две группы: освещающие события в целом по стране и посвященные событиям в отдельных регионах. Первые обычно строятся на основе матери-

алов центральных архивов, когда тема раскрывается на подборе «нужных» фактов, часто вырванных из контекста событий, без учета конкретных обстоятельств и местных особенностей. Примеры могут быть «удобными» только для самого автора, но не отражать суть явления в целом. Этим, в частности, грешат отдельные работы зарубежных авторов, имеющих ограниченный доступ к документальным источникам; попасть в большинство местных архивов нашей страны для них является проблемой. Нельзя не учитывать и того, что такие работы рассчитаны в первую очередь на читателей из других стран, а посему несколько тенденциозно освещают события. Читателю часто предлагается однополярная трактовка материала. Иногда такие работы содержат непроверенную или противоречивую информацию, имеют место курьезы вследствие незнания административно-территориального деления СССР.

Другая часть работ представляет больший интерес. Рассматривая те или иные события в отдельных регионах, авторы полнее и глубже прорабатывают «местные» материалы, хранящиеся в региональных архивах. В этих случаях легче понять механизм, логику принимавшихся решений и последовательность тех или иных действий, явлений и событий. В таких работах можно проследить влияние местных особенностей, например национальных, на проводившиеся в масштабах страны кампании. И не всегда полученные в ходе исследования «местные» результаты вписываются в общегосударственные.

В предлагаемой книге предпринята попытка в рамках Западно-Сибирского региона предметно рассмотреть политику советского государства по уничтожению потенциальных противников большевистского режима. Такими противниками, в первую очередь, оказались «бывшие» – представители офицерского корпуса, интеллигенции, духовенство и сектанты, а также члены политических партий и движений, многие из которых были сподвижниками большевиков в борьбе с самодержавием, но после Октября 1917 г. их объявили врагами. Автор рассматривает механизм репрессий (нарушение процессуальных норм при ведении следствия, фальсификация материалов при «раскрытии» и ликвидации всевозможных «контрреволюционных» организаций, прямое участие всей государственной системы в борьбе с «врагами народа»).

Отдельная глава посвящена вопросам реабилитации жертв необоснованных политических репрессий. Выявлена цикличность работы партийно-советских и правоохранительных органов по пересмотру архивных следственных дел, определены причины этого, проанализирована деятельность западносибирских органов ФСБ и МВД России в организации работы по реабилитации.

В приложении названы имена нескольких сот жителей Томской области, которые были реабилитированы после 2000 г. и не были включены в Книгу Памяти «Боль людская»¹.

¹ Боль людская: Книга Памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и в начале 50-х годов. Т. 1 / сост. В.Н. Уйманов, Ю.А. Петрухин. Томск : УКГБ СССР по Томской области, 1991; Т. 2 / сост. В.Н. Уйманов. Томск : УАФБ РФ по Томской области, 1992; Т. 3 / сост. В.Н. Уйманов. Томск : УМБ РФ по Томской

Предлагаемая книга является продолжением ранее изданной монографии², которая первоначально задумывалась и планировалась в качестве одной из самостоятельных частей данной работы.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1919 г. (освобождение Сибири от колчаковщины) до первой половины 1941 г. (начало Великой Отечественной войны, резко изменившей политику государства во всех сферах жизни). Другой период – 1950–2000-е гг. – связан с вопросами государственной политики по реабилитации жертв массовых политических репрессий в СССР.

Географические рамки работы ограничены территорией Западно-Сибирского региона и включают современные Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую и Томскую области, Республику Алтай. В рассматриваемый период все эти субъекты практически представляли единое целое в рамках Сибирского, а затем Западно-Сибирского края. Однако материалы исследования в отдельных случаях имеют отношение к соседним регионам, в частности к Красноярскому краю, Тюменской и Иркутской областям, северным районам Казахстана (в современных административно-территориальных границах), поскольку часть этих территорий в определенные периоды времени входила в рассматриваемый регион.

Основными источниками при написании работы послужили документы и материалы архивных фондов 7 сибирских архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Впервые в таком объеме использованы, особенно при обработке статистических материалов, автоматизированные базы данных о репрессированных жителях Республики Алтай, Алтайского края, Кемеровской и Томской областей. Использовались также опубликованные сборники документов, периодическая печать, воспоминания.

области, 1992; Книга Памяти репрессированных томичей. Т. 4 / сост. В.Н. Уйманов. Томск : УФСК РФ по Томской области, 1994; Т. 5 / сост. В.Н. Уйманов. Томск : УФСБ РФ по Томской области, 1999.

² Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск, 2011.

Идея может быть благовидной в теории
и губительной на практике...

Эдмунд Бёрк

1. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОПЕРАТИВНАЯ ОБСТАНОВКА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1919–1941 гг.

1.1. Основные особенности социально-политической и оперативной обстановки

Двадцатые годы прошлого века стали для молодого советского государства годами становления и испытаний. Не успела завершиться Мировая война, в которой России была отведена одна из ведущих ролей, а страна погрузилась в ожесточенную Гражданскую войну, сопровождавшуюся иностранной военной интервенцией. В войну были втянуты так или иначе практически все политические силы, все население страны. В мировой истории произошел социальный катаклизм, кардинальным образом затронувший не одно Российское государство.

Сегодня не только в исторической науке, но и в общественном мнении возобладала точка зрения, согласно которой вина за развязывание Гражданской войны практически полностью возлагается на большевиков. Не меньшая вина лежит и на Временном правительстве, допустившем захват большевиками власти. Складывается впечатление, что эту власть им «преподнесли на блюдечке», позволив расшатать и обрушить основы одного из крупнейших государств мира. Массовое выступление различных социальных групп населения в начале 1917 г. большевики сумели использовать для достижения своих целей.

Их политические оппоненты были пассивны, что позволило большевикам достаточно быстро убрать их с политической арены. К началу второй половины 1920-х гг. на территории Советского Союза не было уже ни одной серьезной оппозирующей большевикам партии или движения из числа действовавших в России в октябре 1917 г.

Последствия Гражданской войны были ужасны. Война, болезни, голод, террор в общей сложности сократили население страны на 10–12 млн чел., из них около 8 млн убитых, искалеченных, умерших от ран, голода и эпидемий. Потери участников вооруженной борьбы с обеих сторон составили до 2,5–3,3 млн солдат и офицеров, погибших на полях сражений и умерших от ран и болезней, включая потери со стороны белополяков во время боевых действий в 1920 г. По данным академика С.Г. Струмилина, потери Красной армии на 1 июля 1920 г. составили 170 тыс. чел. убитых и умерших. По другим данным, число погибших в Красной армии в 1918–1920 гг. составило более 1 200 тыс. чел., но эти цифры, несомненно, завышены. Из России эмигрировало от 1,5 до 2 млн гражданских лиц и военных, в том числе почти вся полити-

ческая и финансово-промышленная элита дореволюционной России, представители научной и творческой интеллигенции¹.

Полные данные о хозяйственной разрухе представить сложно. Общий ущерб, нанесенный народному хозяйству страны за годы Гражданской войны и иностранной интервенции, составил, по разным данным, от 39 до 50 млрд золотых рублей, что равнялось более одной четверти всех её довоенных богатств. К 1920 г. промышленное производство в стране сократилось по сравнению с 1913 г. в 7 раз, добыча угля – в 4 раза, чугуна – в 36,5 раза, стали – в 26,3 раза. Особенно пострадали топливная и металлургическая промышленность, машиностроение, транспорт. Остановилась работа на предприятиях легкой промышленности, не хватало мыла, керосина, обуви, спичек и многих других товаров первой необходимости. Хлопка собрали в 27 раз меньше, чем в 1913 г., посевные площади льна сократились на 63,2%, конопли – на 69,2%. Уменьшение поголовья скота и потеря инвентаря в ходе Гражданской войны в денежном выражении определялось в 1 200 млн золотых рублей. Объем валовой продукции сократился в 16 раз, а в сельском хозяйстве в 1921 г. составил 60% от уровня 1913 г. Транспортные перевозки сократились втрое, так как подвижной состав не имел нормальных условий для работы. Парк паровозов стал вдвое меньше (9 532 из 19 280 ед.), вагонов – на 29% (356 360 из 502 101 ед.). Выпуск новых паровозов сократился в 6,8 раза (с 609 до 90 ед.), вагонов – в 23,8 раза (с 20 429 до 859 ед.). Было разрушено 1 700 км железнодорожных путей и 3 672 железнодорожных моста.

В Сибири в 1919 г. прекратили работу 20,3% предприятий. По отношению к 1913 г. промышленность Сибири давала не более 25% продукции, добыча угля (по сравнению с 1917 г.) сократилась вдвое, в полное расстройство пришла железодельная промышленность, прекратилась разработка медных, свинцовых и цинковых рудников. Сильно пострадала Транссибирская магистраль. Полностью или частично были уничтожены 167 железнодорожных мостов, 66 водокачек, сотни километров железных дорог, многие вокзалы и другие объекты. Из строя были выведены две трети паровозов (1 400 из 2 000), свыше 13 тыс. вагонов из 59 тыс. Ущерб, причиненный Сибири (до Байкала), составил около 4 млрд довоенных рублей. Посевы пшеницы и овса к 1922 г. сократились на 49 и 62% соответственно. Зерна собрали в два раза меньше, чем в 1917 г. В 1920 г. (без учета Украины и Казахстана) недоставало почти 3 млн плугов. Поголовье скота только за период с 1917 по 1920 г. (без учета Дальнего Востока) сократилось на 2 млн (10%), а в 1920–1922 гг. – по крупному рогатому скоту – на 17%, коровам – на 25, лошадям – на 13, овцам – на 10, свиньям – на 50%².

¹ Подробнее см.: Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб. : Полигон, 1994. С. 399; Население России в XX веке : исторические очерки : в 3 т. Т. 1: 1930–1939. М. : Российская политическая энциклопедия, 2000. С. 94–98, 139.

² См.: Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 7. С. 688; Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. М., 1987. С. 485–487, 540, 599; История Сибири. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. Л., 1968. С. 151; Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 3. С. 49 и др.

Сибирь к 1917 г. занимала особое место в экономике Российского государства. Здесь проживало 9 млн чел., 90% из них занимались сельским хозяйством. Длительный период оторванности сибирского хлебного рынка от европейских по причине слабой развитости транспортной инфраструктуры региона и существовавшего на железной дороге челябинского «тарифного перелома» способствовали специализации сибирского сельского хозяйства в области животноводства. По развитию молочного животноводства Западная Сибирь опережала все другие регионы страны. Перепись 1917 г. показала, что на 100 сибиряков приходилось 40,9 коровы, в то время как в Европейской России лишь 17,5. За границу вывозили от 80 до 90% производимого в Сибири животного масла. В 1909–1913 гг. Сибирь поставляла 16% мирового экспорта масла и 60 % российского. Экспорт сибирского масла за границу в 1917 г. составил 3521 тыс. пудов.

Отмена челябинского тарифа привела к увеличению площади пахотных земель и посевов зерна. В 1917 г. на 100 чел. населения здесь приходилось по 96 десятин посевов, тогда как в черноземной зоне Центральной России – по 65, а в нечерноземной – по 34 десятины. Накануне революции из Сибири вывозились ежегодно до 90 млн пудов зерна. Посевные площади в период с 1913 по 1917 г. за счет крупных и крепких хозяйств увеличились с 7,5 до 8,7 млн десятин, поголовье скота – в 1,3 раза, овец – в 1,8, свиней – в 3 раза, что превышало показатели других регионов страны. Рост посевных площадей продолжался вплоть до 1920 г., когда составил 113% от уровня 1913 г. К весне 1920 г. поголовье крупного рогатого скота равнялось 76% от уровня 1916 г., овец и коз – 81%, свиней – 84%³.

По переписи 1917 г. на каждые 100 хозяйств в Сибири приходилось свыше 11 жаток, 0,6 рядовых сеялок, 63 плуга и буккера, 7,5 сох. В производстве хлеба и продуктов животноводства доля сибирского «кулачества» превышала 50%⁴.

Гражданская война оказала столь же разрушительное воздействие на экономику Сибири, как империалистическая и Гражданская войны в Европейской России, поскольку главные потери были вызваны отрывом сотен тысяч мужских рабочих рук от мирного труда. Однако это не привело к утрате регионом позиций стратегической продовольственной «кладовой», которую большевики стали активно эксплуатировать сразу после своей победы.

Активные боевые действия на территории Сибири завершились в феврале 1920 г., но угроза новых вторжений оставалась вполне реальной. В Забайкалье и на Дальнем Востоке находилась почти 150-тысячная группировка интервентов, в Забай-

³ Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. С. 48–49; Шуклецов В.Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1981. С. 10–14.

⁴ Трифионов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.). Ч. 1: Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л., 1964. С. 81. В период с 1900 по 1914 г. в Сибири продали сельхозмашин более чем на 150 млн рублей. Например, в Томской губернии в 1910 г. на 100 крестьянских хозяйств приходилось 589 сеялок (так в тексте – *В.У.*), 24 жатки, 26 молотилок, 20 веялок и 32 сенокосилки, в европейской части России – соответственно 67, 25, 32, 8 и 183 ед. См.: Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. С. 48–49.

калье осели крупные вооруженные формирования Семёнова и Каппеля, а на сопредельных с Сибирью территориях – Анненкова и Бакича (в Сынцзяне), Унгерна (в Монголии).

Основными потерями Сибири в эти годы явились преимущественно человеческие ресурсы. Так, в годы Первой мировой войны в Алтайской губернии было мобилизовано 53,7% трудоспособных крестьян-мужчин, в Томской – 54,5, в Тобольской – 50,9, в Иркутской – 49,6, в Енисейской – 38,9%, в Акмолинской и Семипалатинской областях – соответственно 60,6 и 49,3%. Всего было призвано в армию и прошло военную службу более миллиона человек, или около 10% сельского населения с учетом младенцев, стариков и женщин. Возвратилось же из старой армии по демобилизации немногим более 250 тыс. человек⁵.

Были потери и другого рода. Так, за полтора года Гражданской войны только в Енисейской губернии, по данным сводки губернского земельного отдела «О сельских местностях Енисейской губернии, пострадавших от колчаковской реакции», было разрушено жилых домов и надворных построек 11 844 ед., уничтожено и увезено хлебных продуктов, сена и соломы 1 млн 250 тыс. пудов, уведено 13 134 лошади, уведено и истреблено 19 760 голов коров и мелкого скота, уничтожено 1 768 плугов, борон, молотилок, жаток и сеялок. Телесному наказанию были подвергнуты жители 68 волостей, 558 деревень, а также 13 858 домохозяев. Расстреляно и повешено 9 600 чел. (Минусинский уезд – 6 000 чел., Канский – 2 000, Красноярский – 800, Енисейский – 500 и Ачинский – 300 чел.)⁶. В Омской губернии пострадали 15 337 крестьянских хозяйств, ущерб составил 5 млн золотых рублей. Было истреблено и угнано более 630 тыс. голов рогатого скота. На территории Алтая разрушено 14,6 тыс. крестьянских хозяйств, около 60 тыс. крестьянских дворов лишились сельхозинвентаря, лошадей, коров, семенного материала⁷.

Кровавый след колчаковцы оставили и в других губерниях Сибири. Их карательные действия носили настолько зверский характер, что командующий американскими войсками в Сибири генерал В. Гревз в 1932 г. в своей книге «Американская авантюра в Сибири (1918–1920)» писал: «Жестокости такого рода, что они, несомненно, будут вспоминаться и пересказываться среди русского народа и через 50 лет после их свершения». Не менее жестокими были и ответные действия со стороны партизан.

Тяжелейшее социально-экономическое положение в стране стало главным дестабилизирующим фактором социально-политической и оперативной обстановки в Сибири.

Конец 1920-х – 1930-е гг. для Советской России и Союза ССР ознаменовались многими важными событиями. Это, в первую очередь, политика «военного комму-

⁵ Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 32–33.

⁶ Красноярский рабочий. 1921. 11 янв.; Грани: чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск, 2000. С. 326.

⁷ Тимонин Е.И. История Сибири : учеб. пособие. Омск, 2004. С. 67.

низма», в ходе проведения которой выяснилось, что многие из постулатов марксизма на практике не нашли своего подтверждения, так как национализация всей промышленности, слом старой государственной машины и т.д. не привели к подъему экономики, развитию и упрочению социалистических начал управления и усвоения социалистической идеологии. Обострились отношения между городом и деревней. «Красногвардейская атака на капитал» позволила большевикам удержаться у власти, но не способствовала выводу из кризиса, подъему и развитию экономических отношений в стране. Принятие новой экономической политики привело к созданию и нового механизма управления народным хозяйством, главными элементами которого стали утверждение рыночных отношений и хозяйственный расчет. Проведение новой экономической политики позволило добиться серьезных результатов: за 5–6 лет во многих областях производства были достигнуты довоенные объемы производства, выросли уровень производительности труда и реальные доходы населения. Но и нэп не позволил разрешить стоявшие перед большевиками проблемы в управлении экономикой.

Что касается Сибири, то в 1925 г. на её территории обрабатывалось уже 72% посевных площадей от довоенного уровня. Если в 1917 г. с десятины получали 46 пудов, в 1920 г. – 21 пуд, то в 1925 г. – уже до 60 пудов. Если численность поголовья крупного рогатого скота в 1920 г. составляла 4,5 млн голов, т.е. 81% от довоенного, то в 1925 г. – уже 5,15 млн (96,5%). Число овец увеличилось в 1925 г. по отношению к 1917 г. на 136% и составило 8,5 млн голов и т.д.⁸ Все это лишний раз подтверждало, что нэп дал серьезный толчок к подъему народного хозяйства, особенно сельского. Однако изменение акцентов политики государства в пользу развития промышленности привело к обострению проблемы «ножницы цен» – дорогие промышленные товары для села и низкие заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию. Начался «зажим» частника как в городе, так и на селе. В стране появился дефицит товаров. Нэп не мог разрешить всех проблем хозяйственного механизма страны, так как изменения в рыночной экономике были по сути своей урезанными. В этих условиях руководство страны во главе с И. Сталиным предприняло шаги по изменению курса – к концу 1920-х гг. новая экономическая политика была свернута, ей на смену пришла командно-административная система управления. Индустриализация и коллективизация страны проводились уже в условиях её действия.

Политика коренной перестройки всего хозяйственно-экономического механизма страны потребовала срочного изыскания дополнительных финансовых поступлений в казну государства. Единственно надежной возможностью их получения была продажа хлеба за границу. Государство начало наступление на крестьянство, применяя чрезвычайные меры для изъятия хлеба. Крестьянство встретило это наступление

⁸ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 46. Л. 28. Максимальные показатели (к 1917 г.) по количеству овец были превышены в 1924 г., крупного рогатого скота и посевных площадей – в 1926 г., числу коров – в 1928 г., но дореволюционный уровень конского поголовья восстановлен так и не был. Выросла обеспеченность сельхозинвентарем. В 1928 г. сенокосилок было на 84%, жнеек – на 61, сеялок – на 119, плугов и буккерров – на 57% больше, а сох, косуль и сабанов – на 71% меньше, чем в 1917 г. См.: Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. С. 49.

сопротивлением – от ропота до открытых выступлений. По мере усиления нажима государства сопротивление росло и ширилось, принимая самые ожесточенные формы.

Насильственная коллективизация встретила еще большее сопротивление со стороны крестьянства, в первую очередь зажиточного, в котором власть видела своего потенциального противника, способного активно поддержать силы, заинтересованные в реставрации капитализма. Наступая на «кулака», власть решала одновременно две задачи – получение хлеба и уничтожение возможного противника, численность которого в масштабах страны представляла значительную силу. Реальной возможностью уничтожения этого «врага» был подрыв его материальной базы. Коллективизация явилась комплексом мер, предназначенным для решения этой двуединой задачи.

Индустриализация предполагала скорейшее развитие промышленности, которое было невозможным без прочной материально-сырьевой базы. Для экономии средств новые промышленные предприятия планировалось размещать как можно ближе к источникам сырья. Для строительства этих предприятий необходимы были не только значительные материальные средства, но и рабочие руки, на начальном этапе строительства преимущественно неквалифицированные, которых очень часто в районах будущих строек не было совсем. Этими «руками» и должны были стать «кулаки».

Обстановка в стране стала осложняться с весны 1928 г. – с момента введения чрезвычайных мер в ходе хлебозаготовок, которыми были затронуты не только кулаки, но и середняки. После выхода 5 января 1930 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» обстановка обострилась еще больше; кулаки были противопоставлены основной массе крестьянства, что вызвало их крайнее озлобление и привело к активному сопротивлению проводимой по отношению к ним политике – политике их уничтожения. Необходимо учитывать и то, что критерии, по которым крестьянские хозяйства относились к категории кулацких, были неконкретными и расплывчатыми, что не позволяло отделить «кулаков» от зажиточных середняков.

Изданный в феврале 1930 г. ОГПУ приказ № 44/21 «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса» гласил: «В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям Советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства – в первую очередь в районах сплошной коллективизации – в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесен сокрушительный удар. Сопротивление кулака должно быть и будет решительно сломлено.

Осуществление этой исторической задачи потребует исключительного напряжения по всем основным линиям партийной и советской работы. Особо серьезны, сложны и ответственны задачи, возлагаемые партией на органы ОГПУ.

От наших органов больше, чем когда-либо, потребуется исключительное напряжение сил, решительность и выдержка, исключительно строгая классовая линия, четкость и быстрота действий».

Приказ предусматривал развертывание мероприятий органами ОГПУ по двум основным направлениям:

– немедленная ликвидация **контрреволюционного кулацкого актива** из числа членов контрреволюционных и повстанческих организаций и активных одиночек (первая категория);

– массовое выселение наиболее богатых кулаков и их семейств, в первую очередь из районов сплошной коллективизации, в отдаленные районы страны и конфискация их имущества (вторая категория).

Первая категория включала в себя достаточно обширный перечень групп кулаков – «наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социалистической реконструкции хозяйства», активные белогвардейцы, повстанцы и бывшие бандиты, проявлявшие активность бывшие белые офицеры и каратели, активные члены церковных советов, религиозных и сектантских объединений, ростовщики, спекулянты, бывшие помещики, крупные земельные собственники и иные активные противники советской власти. По отдельным регионам СССР предполагалось изъятие от 49 до 60 тыс. чел. Вне всякого сомнения, «невод» был заброшен с мелкой ячеей, под указанные категории можно было «подобрать» многих.

Следствие по делам арестованных по этой категории окружными и областными отделами ОГПУ должно было завершаться в срочном порядке. Рассмотрение же дел было отдано на откуп «троек», создававшихся при Полномочных представительствах ОГПУ. Основная масса фигурантов названных дел должна была направляться в концлагеря, а наиболее «злостный и махровый актив» подлежал физическому уничтожению – расстрелу.

Выселение повсеместно проводилось в плановом порядке с контрольными цифрами и показателями, но на местах разрешалось устанавливать свои «контрольные» цифры. Например, в дополнении к постановлению Сибкрайисполкома с грифом «Совершенно секретно» «О переселении кулачества внутри 17 округов» от 1 марта 1930 г. отмечалось, что «общее количество переселяемых внутри округов на новые земли явно кулацких хозяйств, за вычетом выселенных на север, определяется по краю в 50 000...»⁹. Расчет делался из того, что, по данным того же крайисполкома, число кулацких хозяйств в крае достигало 100 тыс.¹⁰

⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 51.

¹⁰ См.: Куперт Ю.В. Проблемы классовой борьбы в западносибирской деревне накануне и в годы коллективизации (1927–1937 гг.) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971. С. 219. Не подлежали конфискации и выселению кулацкие хозяйства и семьи (обеих категорий) в случае прохождения службы в Красной армии кого-либо из членов семей «кулаков»; если высылаемые относились к иноподданным стран, с которыми у СССР были нормальные дипломатические отношения; бывшие красные партизаны и участники Гражданской войны, имевшие ранения и иные заслуги (за исключением случаев их «превращения» в «кулаков», ведших активную борьбу с коллективизацией, и т.п.). Также не подлежали конфискации и переселению семьи татаро-бухарцев, немцев, латышей, эстонцев и латгальцев, если села и районы их проживания полностью еще не перешли к сплошной коллективизации. См.: Спец-

Приказ ОГПУ предусматривал решительную и немедленную ликвидацию всех действующих контрреволюционных кулацко-белогвардейских и бандитских кадров, а также созданных ими организаций, группировок и банд, о чем директивы на места были направлены по телеграфу.

Уже 21 февраля 1930 г. Полномочный представитель ОГПУ по Сибкраю Л.М. Заковский¹¹ докладывал в Центр, что в период «с пятнадцатого по двадцатое [февраля] ликвидирована одна контрреволюционная повстанческая организация из села Умыган Иркутского округа. Организация готовилась к вооруженному выступлению 17 февраля... Арестовано 26 человек, из них кулаков 22, середняков 4, изъято оружие (количество неизвестно). Организацией руководили: бывший военчиновник Разумов... и кулак Разумилов. Во время ликвидации организация, узнав о провале, пыталась оказать сопротивление путем [организации] вооруженной засады... Арестованные во всем сознались. При производстве арестов толпа женщин в 159 человек собралась к сельсовету (в описываемый период женщины достаточно часто являлись главной протестующей силой. – В.У.), подняла истерический плач. Принятыми мерами толпа рассеяна без эксцессов. Арестован дополнительно к ранее ликвидированным к.-р. организациям 31 человек... [Всего выявлено] кулацких группировок 36, по ним арестовано 311 человек... одиночек 1 054, из них кулаков 931, середняков 27, попов 33, бывших белых 20, прочих 43, арестовано кулаков за попытку продажи имущества 35, бежавших с места жительства 83, итого арестовано за пятидневку 1 540 человек, а с начала кампании 6 113 человек, из них по контрреволюционным организациям 456, группировкам 1878, одиночек 3 093, за попытку продажи имущества 315 и бежавших с места жительства 377».

Кроме того, в записке были приведены примеры случаев стихийного раскулачивания, «сопровождаемого по-прежнему голым расширительным в сравнении с наметкой контрольных цифр раскулачиванием... грубейшими извращениями партийных установок», что выражалось в подведении под экспроприацию вместе с кулаками значительного числа середняков и даже бедноты. В отдельных селах раскулачиванию подверглись 80–90% кулацких хозяйств вне зависимости от перехода села, района на сплошную коллективизацию. Практиковался «отбор у экспроприруемых полностью

переселенцы в Западной Сибири. С. 51 (Из дополнения к постановлению Сибкрайисполкома о переселении кулачества внутри округов от 1 марта 1930 г.).

¹¹ Заковский Леонид Михайлович (Штубис Генрих Эрнестович), 1894 г.р., латыш, из семьи лесника, образование начальное. Член партии большевиков с 1913 г., активный участник революционного движения. В органах ВЧК со дня образования, комендант ВЧК, сотрудник по особым поручениям. С 1920 г. в Одесской губЧК, с апреля 1921 г. – начальник Подольской губЧК, с марта 1923 г. – начальник Одесского губотдела ОГПУ. В январе 1926 г. был назначен Полпредом ОГПУ по Сибкраю. С 1932 г. возглавил ОГПУ–НКВД Белоруссии, с декабря 1934 г. – начальник УНКВД по Ленинградской области. В январе 1938 г. назначен начальником Московского УНКВД и первым заместителем наркома внутренних дел. В период с 20 по 30 апреля 1938 г. – начальник строительства Куйбышевского гидроузла НКВД СССР. Комиссар госбезопасности 1-го ранга. Член Верховного Совета СССР. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени (дважды) и Красной Звезды, медалью «XX лет РККА», двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в апреле 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

всего имущества вплоть до белья, ложек, снимая последние пимы, шапки, [требуя] немедленного при этом выселения, выгоняя семьями из домов в ночное время, не предоставляя помещения, нового места поселения»¹². Среди прочих «недочетов» проведения кампании значились факты грубости, издевательств, расхищения и присвоения имущества, бесхозяйственного обращения с имуществом, граничавшие с явным мародерством, в чем были замешаны отдельные члены партии и комсомольцы. Все эти проявления негативно влияли на население.

Ретивых исполнителей подобных приказов всегда находилось предостаточно. Отдельные из них были инициативными и предприимчивыми в свою пользу, отбирая все или почти все у выселяемых. Подтверждением этому может служить выдержка из закрытой части решения бюро Панкрушихинского райкома ВКП(б): «Решительно предупредить уполномоченных, ячейки, с[ельские] советы о недопустимости изъятия у кулаков вещей домашнего обихода (одежда, посуда, мебель и др.). Указать на недопустимость поступков местных работников, как это было в Н. Петровском с/совете, когда секретарь с/совета Глотов (член ВКП(б)), председатель с/совета Строгин (кандидат ВКП(б)) и др. члены с/совета отобрали вещи домашнего обихода (ручная швейная машина, самовар и др.), воспользовавшись этим, приобрели эти вещи в свое личное пользование»¹³.

Известный в Сибири писатель В. Макшеев еще ребенком был сослан в Сибирь из Эстонии со своей семьей за «белое» прошлое отца. Прожив в качестве спецпереселенца долгие годы, он не мог забыть испытаний, выпавших на его долю, и многократно возвращался к этой теме в своем творчестве. В 2007 г. он выпустил книгу под названием «Спецы. Исследование», в которой в очередной раз вернулся к теме ссылки, широко используя материалы архивов. Рассказывая о выселении кулаков, он цитирует служебные документы партийно-советских органов, хранящиеся в Госархиве Новосибирской области, в которых освещались события тех лет: «...В Исилькульском районе (Омский округ) в селах Кольцовка, Плотниковка, Вяженка, Серебрянское и др. при раскулачивании отчуждалось не только имущество, находящееся в сундуках, но снималось с веревок сырое белье...

...При выселении из пос. Тропино кулака Чернигина члены сельсовета присвоили себе три пары подошв и две пары стелек, заявив: “Походил в сапогах, теперь поезжай в тайгу и привыкай там ходить босиком”...

...В деревне Подьянда Ирбейского района (Канский округ) председатель сельсовета Мозгалевский при входе в дом к кулакам прежде всего брался за одежду и ящики... Забирали все, оставляя членов семьи только в том, что было на них. Где попадалось варенье, сметана, масло – часть съедали на месте, остальное забирали с собой...

...В деревне Плоское Саргатского района Омского округа колхозники в числе 15 человек во главе с председателем сельсовета Зориным ходили по домам кулаков,

¹² Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 48–49.

¹³ О выселении кулаков // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 2: 1931–1936. Барнаул : Упр-е арх. дела адм. АК, 1999. С. 181.

отбирая всю домашнюю утварь. Пришли к Григорьевой Ксении, муж которой арестован окротделом ОГПУ; дома её не было, были дома старик семидесяти лет и двое детей. Старик, увидев толпу, закрылся и в квартиру никого не пускал, тогда Зорин взял лом и выломал дверь. Девочка 12 лет, испугавшись, выскочила в окно на улицу, порезавшись стеклом, двухлетний мальчик с испугу помешался. Вломившись в дверь, колхозники унесли с собой все, включая ложки, чашки»¹⁴.

В июне 1930 г. в газете «Советская Сибирь» перед 5-й краевой конференцией ВКП(б) было опубликовано, что «...удалось выявить 5 с половиной тысяч хозяйств, неправильно обложенных и поэтому раскулаченных. Эта работа еще не закончена..., но и эти цифры показывают, как преступно, небрежно подходили места к применению закона о сельхозналоге... Прокуратура плелась в хвосте... редко вмешивалась в действия комиссии, очень нерешительно боролась за восстановление нарушенных прав... Ограничивалась чаще всего бюрократическими запросами, адресованными сельсоветам, рикам, и на этом успокаивалась...»¹⁵.

Подобные действия со стороны власти негативно встречались достаточно большой частью населения, подталкивая к активному противодействию, еще больше расслаивая крестьянство, обостряя ситуацию в деревне. Именно произвол на местах часто вызывал ответную реакцию крестьян в форме разного рода «волынок», «бабьих бунтов» и открытых вооруженных выступлений (например, Муромцевское восстание). Коллективизация стала своего рода продолжением Гражданской войны.

Газеты региона постоянно публиковали сводки потерь с «фронта». Например, в «Советской Сибири» практически через несколько дней после принятия инструкции ЦИК и СНК СССР (гриф «Совершенно секретно») «О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков и конфискации их имущества» от 4.02.1930 г. сообщалось, что в деревнях Васильевке, Узунгуль, Бобринке и Орловке по требованию батраков, бедняков и середняков проведен показательный процесс над 28 кулаками, уничтожившими 7 коров, свиней, машины и эксплуатировавшими батраков. Кулаки были приговорены к высылке из пределов округа. По Чановскому району раскулачено и выслано по требованию колхозников более 100 кулаков¹⁶.

В мае в Тальменском районе Барнаульского округа были избиты кулаками во время сортировки зерна весовщик Борисов и агроном райзо Семёнов. В с. Зубково Родинского района совершено покушение на убийство председателя крестьянского комитета, в Ивановке пытались расправиться с учителем-активистом, в с. Кубарево Усть-Чебулинского сельсовета кулак Ефим Тайченачев с братом-подкулачником пьяные явились на квартиру председателя колхоза «Красные соколы» Основа, но не застав его дома, избili жену и детей, стреляли в них...¹⁷

¹⁴ Макшеев В.Н. Спецы. Исследование. Томск, 2007. С. 14–15.

¹⁵ Советская Сибирь. 1930. 5 июня.

¹⁶ Там же. 9 февр.

¹⁷ Там же. 18, 23, 30 мая.

В с. Первая Покровка Покровского р-на Рубцовского округа восемь кулаков на почве мести убили из винтовки коммунара – активного общественника, после чего зашли в дом, где убили его жену и взрослую дочь, прикололи холодным оружием грудного ребенка, а второго – трехлетнего – повесили. Затем подожгли дом и скрылись¹⁸.

Были ли участники описанных выше событий кулаками, сегодня определить сложно, но идеологическая машина сделала их таковыми в глазах населения, в первую очередь крестьянского. Именно средства массовой информации активно формировали общественное мнение о кулаке как первоочередном враге советской власти и всего крестьянства. Еще до начала массовой кампании, 22 января 1930 г., газета «Советская Сибирь» опубликовала статью «Ленин о борьбе с кулаком и об уничтожении классов». Статья содержала выдержки из работ Ленина по этому вопросу, была, по убеждению власти, своевременной, актуальной и злободневной. Использование авторитета Ленина позволяло партийно-советскому активу открыто вести речь о необходимости борьбы с кулачеством и его уничтожении. При этом не учитывалось, что ленинские работы относились к первым годам советской власти, но никак не к началу четвертого десятилетия XX в.

Таким образом, создавалась идеологическая основа формирования образа врага в лице «кулака». К началу кампании коллективизации обстановка в деревне была достаточно накаленной.

Справедливости ради следует заметить, что значительная часть опубликованных материалов имела под собой реальную основу. Многие исследователи этого периода советской истории отмечали кулацкий террор как одну из активнейших и острейших форм противодействия зажиточного крестьянства проводимой по отношению к нему государственной политики¹⁹.

Борьба с кулачеством, имевшая место после победы революции в Октябре 1917 г., после некоторой «оттепели» периода нэпа, в конце 1920-х гг. развернулась с новой силой. Только в октябре – декабре 1929 г. и только за саботаж твердых заданий по хлебозаготовкам в Сибкрае были оштрафованы в пятикратном размере около 13 тыс. кулаков и зажиточных крестьян²⁰; 15,3 тыс. чел. были осуждены по ст. 61 УК РСФСР (отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имевших общегосударственное значение).

¹⁸ Из письма Сибкрайисполкома окрисполкомам, райисполкомам и сельсоветам края о мерах по пресечению вредительской деятельности кулачества от 9 июля 1930 г. // Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.): Документы и материалы. Томск, 1972. С. 163.

¹⁹ Гушин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.). Новосибирск, 1972; Гушин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987; Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции. Томск, 1981; Данилов В., Ильин А., Тепцов В. Коллективизация: как это было. Урок дает история. М., 1989; Новокшенов В. Крестьянская ссылка в Сибири. 30-е годы // Сибирские огни. 1989. № 12 и др.

²⁰ На ленинском пути. 1930. № 2. С. 23.

Ужесточение карательной политики со стороны государства не могло не вызвать ответной реакции со стороны крестьянства. Только за три последних месяца 1929 г. число «кулацких» акций сопротивления увеличилось в 1,7 раза по сравнению с предыдущими месяцами года. По сравнению с 1928 г. более чем в полтора раза выросло число террористических актов – с 703 до 1 135 случаев. Количество «контрреволюционных» преступлений по сравнению с периодом 1926–1928 гг. увеличилось в 8 раз (35% приходилось на «контрреволюционную агитацию», 30% – на убийства с «контрреволюционными» намерениями, 25% – на поджоги общественного имущества и 10% – на прочие).

Отдельной проблемой стали бандитские проявления. В четвертом квартале 1929 г. только судебными органами были осуждены 898 чел. из 156 уголовных банд. К высшей мере наказания приговорены 157 из них, в том числе 26 «кулаков» и 119 воров-рецидивистов²¹. Все это способствовало тому, что в ноябре 1929 г. Сибирь была объявлена «неблагополучной по бандитизму» на три месяца. Следствием этого явилось введение чрезвычайных мер в борьбе с этим явлением.

Достаточно часто выступления против раскулачивания перерастали в массовые стихийные выступления со стороны крестьян. После выхода постановления ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» в феврале – марте в СССР, без учета Украины, произошло около 1 700 массовых антиколхозных выступлений, в которых приняло участие более полумиллиона человек. По данным Н. Гущина, в первом квартале 1930 г. в стране произошло 2 638 выступлений, в том числе в Сибири имели место 65 антиколхозных и антисоветских «кулацких» акций неповиновения²². Оперирова этими цифрами, мы не должны забывать, что в исследованиях советского периода преобладал принцип классового подхода к рассматриваемым событиям, а по этой причине присутствовало вольное или невольное преувеличение и усиление трактуемых событий и фактов, так как полагалось «необходимым» показывать ожесточенность классовой борьбы. В целом же крестьянство в основной своей массе было традиционно законопослушным, а посему безропотно подчинялось властям, в том числе и в случае применения к нему мер репрессивного характера.

В марте 1930 г. ЦК ВКП(б) вынужден был принять постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Этим документом вина за допущенные нарушения на местах возлагалась на местные партийные организации и отдельных коммунистов, тем самым партийная верхушка отводила удар от себя за ранее принятые решения и развернутую кампанию. Однако одновременно, 18 марта 1930 г., вышел приказ ОГПУ СССР, предписывавший территориальным подразделениям продолжать оперативные действия без превращения их в массовые операции. Но остановить набравшую ход «машину» было нелегко. Именно в марте – апреле 1930 г. Томским оперсектором ОГПУ были арестованы и привлечены к уголовной ответственности

²¹ Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Указ. соч. С. 185, 196–197.

²² Там же. С. 217.

сти, а 2 июня «особой тройкой» ПП ОГПУ по Сибкраю осуждены по ст. 58-10-11 УК РСФСР 203 участника контрреволюционной повстанческой организации, якобы существовавшей на территории бывших Зачулымского, Ново-Кусковского и Зырянского районов. К высшей мере наказания приговорены 186 участников так называемого «Зачулымского дела»²³.

В фонде «Прокурор Томского округа» Государственного архива Томской области исследователями обнаружен очень интересный и важный документ – список заключенных Томской закрытой колонии с домом заключения, осужденных и расстрелянных **только в марте – апреле 1930 г.** (выделено мною. – В.У.) в г. Томске. В списке 329 фамилий жителей Томска и округа, 87 из которых были осуждены по ст. 58 УК РСФСР. Большинству остальных было инкриминировано совершение преступления по ст. 59 УК (преступления против порядка управления), где п. 2 (массовые беспорядки, сопряженные с явным неповиновением законным требованиям властей или с противодействием исполнению последними возложенных на них обязанностей) и п. 3 (организация вооруженных банд и участие в них) были наиболее часто применяемыми²⁴. Объявление Совнаркомом РСФСР Сибири «неблагополучной по бандитизму» в ноябре 1929 г. позволило партийно-советским и правоохранительным органам Сибири активно применить чрезвычайные меры при подавлении крестьянского сопротивления. Несмотря на политическую направленность сопротивления, задержанным участникам часто предъявлялось обвинение в бандитизме, т.е. в преступлении уголовного порядка.

Там же обнаружен еще один документ, датированный 5 октября 1930 г. и содержащий информацию о заключенных, обвиняемых по ст. 58 УК РСФСР. Таковых в списке 61 чел., 16 из которых значились за Томским окротделом ОГПУ, а остальные – за ПП ОГПУ по Сибкраю²⁵. Основная часть этих «контрреволюционеров» опять-таки имела прямое отношение к крестьянству. Характерно, что 45 чел. из числа заключенных значились за ПП ОГПУ по Сибкраю. Подобное было повседневной практикой – «курировавшие» коллективизацию органы ОГПУ, особенно вышестоящие, должны были подчеркивать важность дел и сложность оперативной обстановки, непосредственно участвуя в «борьбе с врагами народа».

С.А. Красильников в работе «Серп и Молот», ссылаясь на документы ОГПУ, рассматривает вопрос адекватности репрессивных действий со стороны режима в ответ на сопротивление крестьянства. Его выводы однозначно не в пользу государства. Так, если потери представителей власти разного уровня от крестьянского сопротивления составили (по 1930 г.) убитыми 1 345 чел., ранеными 1 107 чел., пострадавшими в «различной форме» 6 621 чел., всего 9 073 чел., то потери со стороны крестьян были несоразмеримо

²³ Материалы дела были сфальсифицированы сотрудниками Томского оперативного сектора ОГПУ. За фальсификацию материалов дела начальник контрразведывательного отдела сектора Б.Д. Грушецкий был приговорен к высшей мере наказания, а уполномоченный ОГПУ по Зырянскому району Михайлов за необоснованные аресты в 1933 г. осужден к 10 годам лишения свободы.

²⁴ Из истории земли томской. 1930–1933... С. 298–303.

²⁵ Там же. С. 321–325.

большими. Только «тройками» ОГПУ к высшей мере наказания приговорены 18 966 чел. (10,6%), к заключению в ИТД – 99 319 (55,3%), к ссылке – 38 179 (21,3%), к высылке – 8 869 (4,0%), приговорено условно и передано в органы НКЮ и освобождено 14 287 чел. (7,9%); всего 179 620 чел. Еще несколько сот тысяч человек были изъяты из сельской местности и подвергнуты иным репрессивным мерам²⁶.

Начало 1931 г. ознаменовалось новым наступлением на кулачество. В Западной Сибири крайком ВКП(б) 2 апреля принял постановление «О ликвидации кулачества как класса». В соответствии с этим документом в период с 10 мая по 10 июня было выселено 39 788 кулацких хозяйств²⁷. Какого-либо разделения на категории при этом не делалось, выселению подлежали жители не только деревень, но и городов. К моменту выселения в колхозах состояли 2 422, в совхозах – 586, на промышленных предприятиях работали 928, в государственных учреждениях – 226 «кулаков». Все они были выселены. Всего в 1930–1931 гг. в северные районы Западной Сибири (Нарымский край) было переселено 42,5 тыс. кулацких хозяйств, т.е. примерно 193 тыс. человек.

Тысячи крестьян, 90% которых были определены «кулаками» и «зажиточными», осуждены за «злостный срыв хлебазаготовок».

Ответная реакция крестьянства – нападения на колхозы; в Западной Сибири нападению подверглись 1 138 из 2 688 (42,3%) колхозов. Отмечено 1 642 антиколхозных выступления со стороны «кулаков», из них 742 – террористические акты против партийно-советского актива, 399 – поломка сельхозмашин, 347 – поджог колхозного имущества, 154 – отравление скота²⁸. В отдельных районах края произошли вооруженные выступления крестьян.

На протест крестьянства власть ответила новым ужесточением репрессивных мер. В процессе кампании по ликвидации кулачества для оперативного решения вопросов, связанных с выселением, конфискацией имущества и др., на местах создавались «тройки», в состав которых входили первые секретари РК ВКП(б), председатели РИКов и представители местных подразделений ОГПУ. Решения этих внесудебных органов заменяли приговоры и отмене не подлежали. Крестьянин практически лишался надежды на какую-либо помощь или защиту от государства и его органов. Дальнейшему наращиванию репрессивных мер в значительной степени способствовало принятие на январском (1933 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) решения, в котором подчеркивалось, что «хозяйственно-разбитый, но еще не потерявший окончательно своего влияния кулак, бывшие белые офицеры, бывшие попы, их сыновья, бывшие управляющие помещиков и сахарозаводчиков, бывшие урядники и прочие антисоветские элементы из буржуазно-националистической и в том числе эсеровской и петлюровской интеллигенции, осевшие на селе, всячески стараются разложить колхозы, стараются сорвать меро-

²⁶ Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2009. С. 40; Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. 1927–1939 : в 5 т. Т. 2. С. 704, 809.

²⁷ Куперт Ю.В. Проблемы классовой борьбы в западносибирской деревне накануне и в годы коллективизации... С. 219.

²⁸ См.: Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Указ. соч. С. 247–248, 239.

приятия партии и правительства в области сельского хозяйства, используя в этих целях несознательность части колхозников против интересов общественного, колхозного хозяйства, против интересов колхозного крестьянства»²⁹. Такая оценка обстановки в стране не могла не привести к новому витку репрессий.

В этом же году в МТС и совхозах были созданы политотделы, заместителями начальников которых назначались кадровые сотрудники ОГПУ. В их обязанности входило решение задач по борьбе с контрреволюционными проявлениями, а также по освещению производственно-хозяйственной деятельности МТС и совхозов.

Резкий рост репрессий на пороге четвертого десятилетия XX в. объясняется вступлением в решающую фазу борьбы государства с трудовым крестьянством, когда ломался хребет «старого» сельского хозяйства, шло приручение крестьянства к новым условиям жизни, а точнее, выживания.

Участие органов ОГПУ в коллективизации и укреплении колхозного строя в стране не было обусловлено объективными причинами, а имевшие место нарушения социалистической законности в ходе реализации этой политики были прямым следствием конкретных политических установок партийно-советского руководства страны.

Спланированное и реализованное государством переселение кулацких хозяйств в труднодоступные и необжитые районы страны потребовало перестройки деятельности практически всех звеньев хозяйственного механизма, в том числе и пенитенциарной системы, которая и должна была на практике реализовать политику государства. Переселение сотен тысяч семей «кулаков» и некоторых других категорий лишенцев предполагало организацию их охраны, быта, трудовой занятости и т.п. в местах расселения. Труд спецпереселенцев должен был стать основой для экономического развития преимущественно отдаленных регионов страны.

В конце 1920-х гг. вышел целый ряд документов ВЦИК и СНК СССР, регламентирующих ужесточение карательной политики и создание новых мест лишения свободы в отдаленных малонаселенных районах страны. Их организация предполагала, в частности, колонизацию необжитых территорий и их промышленное освоение. Главной целью было создание значительных контингентов трудовых ресурсов для строительства объектов промышленности и развития транспортной инфраструктуры.

Несмотря на значительное увеличение числа лагерей в 1930-е гг. и постоянно растущее число заключенных, основную массу эксплуатируемого государством населения составили спецпереселенцы. По данным отдела по переселенцам ГУЛАГа НКВД, только в 1930–1931 гг. на спецпоселение были отправлены 391 026 семей общей численностью 1 803 392 чел.³⁰ В районы Западной Сибири были выселены семьи из Украинской ССР, Башкирии, Московской и Ленинградской областей (6 556, 5 305, 4 729 и 1 269 семей соответственно), всего 17 859 семей. Еще 52 091 семья была переселена на новые места жительства в пределах Западной Сибири. Таким образом, число переселенных в крае составило 69 950 семей, или 17,9% от общего числа выселен-

²⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 6. С. 78.

³⁰ Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118.

ных семей. На 1 января 1932 г. в Западной Сибири на учете состояло 265 846 спецпереселенцев (14,7%), больше было только на Урале – 484 380 чел.³¹

По данным сибирских историков, составителей сборника «Спецпереселенцы в Западной Сибири...», «в результате депортаций 1930–1931 гг. в Западной Сибири в комендатурах Сиблага было размещено более 80 тыс. семей общей численностью 363 тыс. чел., из них в Нарымском крае – 68 тыс. семей, или 284 тыс. чел. Согласно статистике Сиблага, 2/3 спецпереселенцев региона составляли местные, сибирские кулаки, в северных комендатурах их численность достигала 9/10. Результатом политики государства стало удвоение населения в промышленных районах Кузбасса, в северных районах края население почти утроилось – от 119 до 300 тыс. чел.³²

При определении районов расселения специально выбирались места, из которых в силу природных условий было крайне затруднительно совершить побег: **«Изысканы и детально проработаны** под расселение необжитые, отдаленные северные районы... при этом в принципе отвода районов расселения для каждого округа наряду с экономическими соображениями (пригодность их к сельскохозяйственному и промышленному использованию) также учтены были и моменты политического характера, в частности, в отводе районов учитывались природные обстоятельства, гарантирующие невозможность бегства выселенных обратно (болота, реки, отсутствие дорог)»³³.

Население расселялось в спецпоселках (трудпоселках), в большинстве своем организованных в непригодных для проживания условиях; зачастую несмотря на отчаянные усилия реперессированных, освоение этих необжитых мест оказывалось невозможным.

Вот как, например, описал размещение спецпереселенцев Омского округа в Кулайской комендатуре в бассейне р. Ягыл-Яг работник краевого земельного управления Белокобыльский: «Высланные кулаки расселены за болотами на весьма низком месте – четыре поселка во время весеннего половодья затопляются. По приблизительному подсчету можно насчитать 2 500 га чуть-чуть возвышенных мест, остальная часть заболочена и покрыта моховыми рябовыми болотами... Постройка произведена: избышки без моху, прорезаны окна, но не застеклены ввиду отсутствия стекла,

³¹ Подсчитано В.Н. Уймановым по материалам: Земсков В.Н. Указ. соч. С. 119–122.

³² Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. С. 4. Какие из этих цифр более точны, судить сложно. Но в любом случае они ярко демонстрируют «грандиозность» планов партийного и советского руководства СССР по строительству «светлого будущего», при этом миллионы сломанных человеческих судеб в расчет не брались.

³³ См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М. : Наука, 2003. С. 34. Однако в августе 1931 г. СПО ОГПУ в справке о политическом состоянии кулацкой ссылки в отношении расселения в Западной Сибири вынужден был констатировать, что «участки расселения определены на основании данных, имевшихся в крайЗУ (относящиеся к 1903–1914 гг.). Предварительные практические изыскания проведены не были, в результате чего участки старых комендатур не сходятся с планом вселения на 50%, а вновь организуемые – на 80%. Вследствие отсутствия предварительной проработки возможности расселения площадь удобной земли значительно сократилась, т.к. спецпереселенцев на удобные участки сажали числом значительно больше, чем было предусмотрено...». Цит. по: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы : в 4 т. Т. 3: 1930–1934 гг. Кн. 1. М. : Российская политическая энциклопедия, 2003. С. 761.

крыши отсутствуют, забросаны кое-как березовой корой, полы в очень редких избах деревянные, большинство – земляные. На вспаханных почвах произрастание огородных культур остановилось на стадии развития первых листов... До 16 июня включительно в утренние зори температура доходила до нуля градусов, было несколько инеев, почва в низких местах до сих пор промерзшая, протаяла не более чем на 1–1,5 метра... Заниматься там сельским хозяйством, учитывая вышесказанное и большую затрату рабочей силы на раскорчевку леса, хозяйственно нецелесообразно...»³⁴.

На место расселения прибыли 8 891 чел., к моменту приезда комиссии сбежали 6 622, еще 80 умерли. В основной массе это были старики, дети, больные и те, кто рассчитывал на освобождение. Ввиду малого пайка в пищу добавляли травяные и древесные суррогаты, вместо чая употребляли перегнившие шишки. Болели почти 80% населения, совершенно отсутствовал какой бы то ни было учет родившихся и умирающих.

С учетом изложенного, комиссия предложила перевести переселенцев в другое место, более подходящее для занятия сельским хозяйством.

Если по данным на сентябрь 1931 г. в Сибири насчитывалось 363 поселка спецпереселенцев и 6 квартир в Анжерке с численностью населения 295 320 чел., то на 1 декабря 1932 г. в 21 районной комендатуре ОГПУ, с учетом Томского пересыльного пункта, было уже 492 поселка и 8 совхозов (Барнаульская комендатура) с населением в 229 078 чел. без учета детей до 3 лет (см. табл. 1)³⁵.

Таким образом, число спецпереселенцев в крае за период с октября 1931 г. по ноябрь 1932 г. сократилось на 66 242 чел. Причин этому несколько. Во-первых, очень высокая смертность – только с октября 1931 г. по май 1932 г., согласно официальным данным, умерло 14 679 чел. Во-вторых, за это же время бежали и не были пойманы 18 225 спецпереселенцев. В-третьих, 10 317 чел. были возвращены к местам прежнего проживания. Только эти данные определяют цифру сокращения численности спецпереселенцев в 43 221 чел.³⁶, поэтому статистика убыли (66 242 чел.) отражает действительную картину. Планировавшегося в 1932 г. прибытия в край новых контингентов не произошло по причине отмены руководством СССР ранее запланированных ОГПУ депортаций.

Справка Сиблага ОГПУ в Запсибкрайисполком о хозяйственном использовании и бытовом устройстве спецпереселенцев в крае, подготовленная не позднее марта 1932 г., подтверждает отсутствие какой-либо подготовки к расселению поселенцев. В ней, в частности, отмечалось, что по согласованию с РИКаами предполагалось организовать переселение в текущем году 10 961 семейства спецпереселенцев.

³⁴ Макшеев В. Указ. соч. С. 21.

³⁵ С.А. Папков в своей работе «Сталинский террор в Сибири» указал 369 мест поселения, т.е. объединил число поселков с квартирами в Анжерке (С. 128).

³⁶ Подсчитано автором по данным статистических приложений к отчетному докладу Сиблага ОГПУ за период с июня 1931 г. по май 1932 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 289.

Численность переселенцев в комендатурах Сиблага (на декабрь 1932 г.)

Наименование районных комендатур	Число поселков	Численность населения в них, чел.				Всего, чел.
		Мужчин	Женщин	Детей до 12 лет	Подростков 12–16 лет	
Каргасокская	59	5 119	5 958	7 718	2 782	21 577
Парабельская	114	5 969	6 594	7 945	3 178	23 683
Колпашевская	35	5 338	6 715	9 634	3 381	25 068
Чаинская	73	7 731	8 728	11 669	3 590	31 718
Могочинская	7	1 800	1 480	1 922	521	5 723
Ново-Кусковская	21	2 049	2 077	2 518	615	7 259
Кулайская	11	780	785	1 055	202	2 822
Тяжинская	44	3 858	4 296	5 942	1 426	15 522
Колыванская	7	1 498	1 752	2 338	653	6 241
Александровская	10	773	774	1 039	278	2 864
Итого по северным комендатурам	381	34 915	39 156	51 780	16 626	142 477
Томский пересыл. пункт	2	2 582	1 207	1 034	328	5 151
Анжерская	9	3 966	3 407	3 887	1 230	12 490
Прокопьевская	11	5 095	4 870	6 099	1 654	17 718
Кузнецкая	27	9 353	7 406	7 644	2 316	26 719
Крапивинская	6	466	522	819	237	2 044
Барнаульская	8 совхозов	911	884	573	272	2 640
Саралинская	13	1 362	1 262	1 568	435	4 627
Егоро-Салаирская	10	339	246	256	69	910
Курагинская	13	2 082	1 965	2 235	841	7 123
Мартайгинская	17	2 081	2 051	2 049	638	6 819
Таштыпская	3	125	86	123	26	360
Итого по южным комендатурам	111, совх. 8	28 362	23 906	26 287	8046	86 601
ВСЕГО по комендатурам	492, совх. 8	63 277	63 062	78 067	24 672	229 078

Примечание. Сведения представлены по: Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 308. И в названном сборнике документов, и в книге «Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917–2002. Страницы истории» (Кемерово, 2002. С. 169) приведена эта таблица с указанием одного документа из ГАНО. Но при проверке опубликованных данных выяснилось, что в сведения по Таштыпской комендатуре вкралась неточность – всего проживало в ней 360 чел., а не 36, как указано в таблицах. Таким образом, можно предположить, что эта неточность присутствует в первоисточнике, и никто не обращал на нее внимания либо авторы последней работы использовали в качестве источника информации сборник «Спецпереселенцы...», но отсылку сделали к другому.

В качестве главной причины был назван недостаток земли (7 042 семьи; 64,1%), среди других – отсутствие на выделенных участках производственных перспектив (1 501 семья; 13,7%), непригодность земельных участков (605 семей; 5,5%), их затопляемость (576 семей; 5,3%), расположение на болоте (522 семьи; 4,8%), отдаленность от места работ (243 семьи; 2,2%) и даже отсутствие воды (472 семьи; 4,4%)³⁷.

³⁷ Информационная справка Сиблага ОГПУ в Запсибкрайисполком о хозяйственном использовании и бытовом устройстве спецпереселенцев // Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 186. Это только учтенные для переселения семьи. Несомненно, еще тысячи семей вынуждены были оставаться там, куда

В подписанной Прокурором Верховного Суда СССР П.А. Красиковым справке в 1931 г. так описывалось состояние поселков спецпереселенцев: «В Нарымском крае водворено до 50 тыс. кулацких хозяйств численностью до 200 тыс. человек... Количество нетрудоспособных, включая детей, в среднем составляет 50% общего населения кулацких поселков, а в некоторых районах и выше.

...Жилстроительство своевременно начато не было. В результате этого по ряду поселков положение с жилищем крайне обострилось и переселенцы к началу зимы оказались в шалашах и землянках, не защищающих от холодов и дождей. Это положение усугублялось еще необеспеченностью теплой одеждой и обувью большинства переселенцев. Почти все поселки, стоящие на больших расстояниях от водных путей, к концу навигации продовольствием обеспечены не были... Сеть медпунктов совершенно недостаточна.

В результате высока смертность стариков и детей... Так, по Парабельской комендатуре в течение лета по 1 сентября умерло 1 375 человек, из них 1 106 детей. По Средне-Васьюговской (правильно Средне-Васюганской. – В.У.) комендатуре с момента расселения... по 1 сентября умерло 2 158 чел., или 10,13% к общему составу...»³⁸.

Уполномоченный по расселению репрессированных в междуречье Кети и Чулыма Бочарников свидетельствовал, что **«после первой зимы от сорока тысяч человек лишenceв в живых осталось еще половина. После второй – едва пять ты-**

их поселили. В феврале 1938 г. И. Долгих в секретной докладной записке о передаче хозяйственной деятельности отдела трудовых поселений в ведение Новосибирского облисполкома так охарактеризовал ситуацию 1931 г.: «Разработанный план расселения 200 000 человек на основании имевшегося в краевых организациях картографического материала и материалов об естественных условиях районов расселения оказался несостоятельным по причинам неполноты этих материалов. Не менее 50% участков, намеченных для поселений, заселить оказалось невозможным за их непригодностью» (Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 220). Подробнее об условиях расселения спецпереселенцев см.: Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск, 2011.

³⁸ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы : в 5 т. Т. 3. С. 236–237; Режим личной власти Сталина. К истории формирования. М., 1989. С. 81–82. Информация о высокой смертности в этой комендатуре подтверждается и В. Макшеевым. Он писал, что в музее с. Каргасок (ныне райцентр Томской, а ранее – Новосибирской области) хранится карта комендатуры, на которой были отмечены участки на р. Васюган, где выгружали с барж спецпереселенцев в мае 1931 г. «На карте указано, сколько людей на каждый участок доставлено, откуда эти люди выселены. Всего тогда на берега таежного Васюгана привезли водным путем 40 550 человек, из которых 16 248 – на территорию Средне-Васюганской комендатуры. На другой, составленной позже, карте северных районов Новосибирской области (хранится в ГАНО) работниками Сиблага сделаны пометки о численности спецпереселенцев во всех подведомственных им комендатурах по состоянию на 1 января 1938 г. К этому времени в Средне-Васюганской комендатуре, переименованной в Васюганскую, насчитывалось 5 193 спецпереселенца». Информация взята из докладной записки начальника ОТП УНКВД Долгих руководству созданной тогда Новосибирской области. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 223. И это несмотря на то, что в период с 1931 по 1938 г. контингенты ссыльных постоянно пополнялись, в том числе и в названной комендатуре. См.: Макшеев В. Спецы... С. 37.

сяч. Подсчет был точный. Я сам посылал сведения... Мужчин меньше, чем женщин. Стариков – единицы. Детей – никого...»³⁹.

Таким образом, ссыльные практически заранее обрекались на смерть, так как выжить в этих условиях было очень сложно. Местному населению, чтобы приспособиться к жизни в этих местах, потребовались долгие годы тяжелейшего труда.

В ходе переселения кулацких хозяйств органам власти пришлось решать несколько проблем. Первой была доставка необходимого имущества для обживания на новом месте. Согласно директивам центральных органов власти при раскулачивании предполагалось оставлять кулакам лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, отдельные простейшие средства производства и минимальный запас продуктов питания, а также не более 500 рублей на семью.

Однако несмотря на ограничения объема вывозимых в ссылку вещей, именно эта ситуация стала одной из серьезнейших проблем для партийно-советского руководства на местах. Так, Новосибирский окрисполком 27 февраля 1930 г. направил в крайисполком докладную записку, в которой обосновал невозможность доставить к местам расселения в намеченные сроки почти 5 000 семей переселенцев из Новосибирского и Каменского округов (соответственно 2 964 и 1 938). Для перевозки 578 191 пуда груза требовалось 28 909 лошадей; учитывая пропускную способность, переброску можно было завершить только за 57 дней, тогда как с 15 апреля на севере дороги портятся и проезда нет. При этом требовалось изыскание 227 658 пудов сена и 141 760 пудов овса для лошадей. Задание по переброске «кулацких» хозяйств оказалось нереальным. Более того, выполнение его могло привести к срыву посевной кампании по причине нехватки лошадей⁴⁰.

Еще большую озабоченность ситуацией высказывали в своем (с грифом «Совершенно секретно») письме в марте 1930 г. в краевые органы секретарь Томского окружкома ВКП(б) Нусинов и председатель окрисполкома Решиков, отмечавшие, что при наличии политической и уголовной ссылки в округе наибольшие проблемы возникают с передвижением прибывавших кулаков. Только в одно с. Подгорное (Чаинский район Нарымского края) для нужд кулацких семей надлежало перевезти ржи,

³⁹ Елегечев И. Со слов Ивана Терентьевича... // За советскую науку. 1989. 15 июня.

⁴⁰ Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 134–135. Уже 12 марта 1930 г. секретарь Сибкрайкома ВКП(б) Р. Эйхе вынужден был лично обращаться к И. Сталину по вопросу размещения в Сибири 18 тыс. семейств «кулаков». В шифротелеграмме он писал: «...Перевести эту массу людей на север гужем не можем. Хозяйственные организации в Сибири слабы, и использовать их также не можем...». См.: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 : в 2 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 144; Руководители Барабинского окрисполкома в своем письме в Сибкрайисполком 11 апреля сообщали, что для перевозки натурфондов «кулакам» на Север были бесплатно мобилизованы 12 тыс. подвод. От населения стали поступать жалобы и заявления об уплате, росло недовольство тем, что лошади замучены и возникла угроза пригодности их к севу. Часть лошадей единоличников и кулаков при перевозке натурфондов пала (до 50 голов). По этой причине принято решение об их замене за счет находившихся в колхозах конфискованных лошадей. Подобную картину описывал и уполномоченный Новосибирского окрисполкома Машинистов по Баксинскому району. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г... С. 81, 158; Политбюро и крестьянство... С. 770–771.

пшеницы, овса и семенных материалов 105 000 пудов, без учета домашних вещей каждой прибывавшей семьи (по 30–35 пудов). Необходимые для сопровождения колонн продовольствие и фураж приходилось доставлять на пункты концентрации за 400–500 верст. Опыт первых четырех прибывших эшелонов показал, что **средства передвижения у ссыльных были в безобразном состоянии** (здесь и далее выделено мною. – В.У.): «У прибывших эшелонов не оказалось лошадей, саней, сбруи; так, в первом эшелоне из 200 лошадей две пали в дороге, 4 непригодны к передвижению на 300 километров, так как на месте отправки хороших лошадей заменили клячами, причем, по заявлению прибывших, обмен происходил несколько раз. Эшелоны прибывают без саней... многие сани без оглобель, крестовин и т.д.

При таком состоянии средств передвижения не только не приходится говорить о перевозке домашних вещей и двухмесячного запаса продовольствия, но даже **нельзя перевезти детей и стариков, которых в эшелоне свыше 50%... Пришлось оставить в Томске все кулацкое имущество: домашние вещи, продовольствие и проч.**

Для перевозки хлеба и фуража, перевозки вещей в пункты концентрации требуется мобилизация около 20 000 подвод... что является громадной дополнительной нагрузкой к заготовкам леса, перевозкам сена, перевозкам нарымских грузов (рыба, орех) и т.д.»⁴¹.

Описанная ситуация не была единичным случаем. Так, 2 декабря 1931 г. Тарским РИКом было принято решение о формировании обоза в связи с необходимостью перевозки хлеба для кулаков, сосланных на Кулай. Предполагалось привлечь от Имшегальского сельсовета 50 подвод, Сырбашинского – 180, Егоровского – 300, Фёдоровского – 230, Унарского – 50, Ермаковского – 50, от Тары – 100, всего – 960 подвод. Планировалось на каждые сани загрузить по 25 пудов и одновременно перевезти сразу 24 000 пудов хлеба. Даже с учетом минимальных норм питания, установленных для спецпереселенцев, этого хлеба не должно было хватить на продолжительное время, а значит, надо было возить и возить⁴². Что касается сена, то В. Макшеев писал: «... с момента заброски кулаков (в урочище Кулай. – В.У.) сена лошадям не было, доставили только овес, который выдавали на каждую лошадь по 5 фунтов; кормили лошадей – раскапывая снег, собирали листву... В данный момент (лето 1930 г. – В.У.) осталось кулацких лошадей 333, а было приведено 2 254, пало 877... Оставшиеся лошади к работе ввиду истощения исправились до сих пор недостаточно...»⁴³.

Подобные ситуации складывались повсеместно, и уже к середине 1931 г. сибирские руководители приняли очередной документ – Инструкцию по организационному построению выселения кулацких хозяйств в северные районы Западно-Сибирского края (с грифом «Совершенно секретно»). Инструкция подробно разъясняла активу на местах, как надлежало организовывать работу по определению кон-

⁴¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г... С. 56–58.

⁴² Забвению не подлежит: Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2001. Т. 2. С. 39–40.

⁴³ Макшеев В. Указ. соч. С. 22.

тингентов, подлежащих выселению, что необходимо предпринимать, чтобы не допустить бегства намеченных к выселению людей, уничтожения ими своего имущества и т.д. В документе вновь велась речь о выделяемом имуществе для переселенцев⁴⁴.

Появление этого документа было связано с очередным этапом переселения в отдаленные районы края 40 000 хозяйств. Полпред ОГПУ по Сибкраю Л. Заковский еще в марте 1931 г. выступил с докладом о планах переселения на 1931 г. в Сибкрае перед специальной комиссией, созданной по решению Политбюро ЦК ВКП(б). В обязанности комиссии входило «наблюдение» за кулаками и спецпереселенцами. В докладе были учтены просчеты предыдущей кампании и намечен конкретный план действий, исполнение которого должно было обеспечить заметное снижение проблем реализации задуманной акции. Так, например, были определены более поздние сроки отправки ссылаемых (весенне-летние месяцы), районы и места расселения, цели использования переселенцев с учетом экономической целесообразности, определен минимум инструментов и т.п., которые семья могла взять с собой, была «отработана» система более рациональной организации снабжения переселенцев продовольствием, фуражом и рабочим скотом. Обязательным условием было размещение переселяемых в районах, откуда был бы затруднен их побег. Следует заметить, что районы расселения намечались в соответствии с данными, подготовленными Сибирским переселенческим управлением еще в 1920-х гг.⁴⁵ Как позднее отмечал в своем докладе начальник Комендантского управления ПП ОГПУ И. Долгих, не менее 50% участков оказались непригодными для заселения. Все это потребовало перестройки планов расселения уже в ходе операции. Однако к 1 сентября 1931 г. все ссыльные были размещены на точках расселения⁴⁶. Замечу, что основная масса переселенцев к зиме подготовиться не успела, что привело к большим жертвам.

Переселение 1931 г., в отличие от 1930 г., по данным ПП ОГПУ по Сибкраю, прошло более «спокойно»: «Зафиксировано массовых волынок 21, анонимов, воззваний 3, терактов 40, что объясняется огромной профилактической работой наших органов (ликвидировано с 1 января до начала выселения контрреволюционных организаций – 51, участников – 2 326, группировок – 292, участников – 2 290, активных одиночек – 5 849). Всего по селам и городам изъято активного контрреволюционного элемента 18 960 [чел.]»⁴⁷.

«Спокойной» операцию по выселению можно было назвать условно. Привезенный сельхозинвентарь оказался в значительной мере малопригодным, например, оказались непригодными из-за отсутствия дорог телеги, часть их была брошена. Не пол-

⁴⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 132. Л. 10–12.

⁴⁵ Подробнее см. в воспоминаниях коменданта Бочарникова: Елегечев И. Со слов Ивана Терентьевича... // За советскую науку. 1989. 15 июня; Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск, 2011.

⁴⁶ См.: Красильников С.А. Серп и Молох... С. 100–109.

⁴⁷ Там же. С. 105; Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 137. (Информация ПП ОГПУ по ЗСК Л.М. Заковского для комиссии А.А. Андреева о выселении кулаков в северные районы края – не позднее 5 июня 1931 г.).

ностью перевезли скот (лошади и коровы), около 20% его погибло при перевозке из-за отсутствия кормов и т.п. Транспортная проблема оказалась нерешенной, что привело к длительным задержкам при перевозках, неоднократным перегрузкам и т.п. Караваны не были и в малой степени обеспечены необходимыми медикаментами, что привело к смерти около 500 детей и стариков, преимущественно по причине желудочных заболеваний. Позднее выяснилось, что это число жертв только караванов из Томска. В обозах, следовавших из Омска (у Красильникова С.А. – «из Томска», что невозможно. – В.У.), смертность была еще выше – от 1 500 до 2 000 чел. Уже на новых участках расселения смертность вновь увеличилась, достигнув 1 000 чел.

Сроки операции затянулись в силу «некачественного» отбора высылаемых семей. В результате фильтрации подразделениями ОГПУ число «отбракованных» семей исчислялось десятками. Это требовало их замены, порождая цепочку других нерешенных вопросов. Более того, в числе переселенцев были члены ВКП(б) и комсомольцы, семьи раненых красноармейцев и партизан и даже гости, оказавшиеся в момент выселения в домах кулаков⁴⁸.

Еще более важной была проблема снабжения спецпереселенцев продуктами питания. Только в первой половине 1930 г. в Сибири им было предоставлено: 91 тыс. ц муки, 10 тыс. ц крупы, 2,5 тыс. ц сахара, 20 тыс. ц рыбы, 786 ц растительного масла и другие продукты⁴⁹.

В июне 1930 г. Наркомторгом СССР были даны категорические указания союзным объединениям о выделении для спецпереселенцев нижеследующих видов продовольствия (в частности, для Сибири, в тоннах: муки – 9 743, крупы – 989, сахара – 313,9, масла растительного – 113,6, рыбы – 2 844, а также мыла – 60, овса – 2 400. Но сюда вошли и объемы, выделенные в марте – июне 1930 г. Были приведены и размеры норм снабжения: хлеба – 300 г в день или 6,5 кг муки в месяц (взрослое население, занятое на работах по освоению колонизационного фонда, подлежало снабжению из расчета 500 г хлеба в день или 10,8 кг муки в месяц), крупы – по 20 г в день (для особо отдаленных районов эта норма могла увеличиваться до 30 г, но при условии, что в приварке отсутствовали капуста, картофель и т.д.), сахар – 6 г взрослому и 12 г детям до 12 лет, растительное масло – ввиду крайней ограниченности его ресурса норма не была установлена, детям до 12 лет – не свыше 6 г в день, рыба – 75 г, мыло – в зависимости от ресурсов, исходя из примерной нормы от 50 г в месяц на одного человека⁵⁰.

Запсибкрайкомом были разработаны и утверждены нормы путевого довольствия и снабжения на местах расселения. По этим нормам ежедневная выдача муки составляла 300 г, сахара взрослому – 6 г, детям – 9 г, подболтки – 2 г, соли – 15 г, крупы – 20 г, лука – 15 г, картошки – 195 г, капусты – 100 г, рыбы – 75 г и т.д. Перец и лавровый лист были исключены, животное масло не полагалось, а растительное –

⁴⁸ Красильников С.А. Указ. соч. С. 106–108.

⁴⁹ См.: Гушин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне... С. 270.

⁵⁰ Секретное циркулярное письмо Наркомторга РСФСР о нормах снабжения спецпереселенцев продовольствием от 2 июля 1930 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 240–241.

только для детей⁵¹. Но этого, вне всякого сомнения, было недостаточно. В 1931 г. нормы снабжения спецпереселенцев включали муку, крупу, сахар, рыбу, растительное масло. В сентябре имелись запасы муки в расчете на 3–4 месяца, на отдельных участках – на 8 месяцев. Круп, сахара, растительного масла, рыбы и мяса почти не было. Совершенно не было овощей. Причина создавшегося положения объяснялась поздним поступлением нарядов из центра и задержкой исполнения их местными хозорганами⁵². На дворе стоял сентябрь, и навигация практически подходила к завершению. Можно ли было в таких условиях выжить?

В инструкции по организации выселения кулацких хозяйств в северные районы Запсибкрая также были определены **нормы продовольствия на одно хозяйство** (выделено мною. – В.У.). Муки на 2 месяца – 72 кг, крупы – 5, соли – 3,6 кг. Всего на семью – 81,4 кг (так в тексте. – В.У.) на 2 месяца. Исходя из вышеприведенных норм, в данном случае даны суммарные показатели из расчета 4 едока в одном хозяйстве. А если их было больше, то нормы не увеличивались, просто порции уменьшались соответственно количеству едоков⁵³.

Не улучшилась ситуация с продуктами питания и в 1933 г. В докладной записке руководства ГУЛАГа от 3 июля 1933 г. в ЦКК ВКП(б) и РКИ отмечалось, что с момента передачи спецпереселенцев Наркомлесу СССР для трудового использования в лесной промышленности, т.е. с августа 1931 г., Правительством была установлена норма снабжения иждивенцев-спецпереселенцев на лесе из расчета выдачи в месяц: муки – 9 кг, крупы – 9 кг, рыбы – 1,5 кг, сахару – 0,9 кг. С 1 января 1933 г. по распоряжению Союзнаркомснаба нормы снабжения для иждивенцев были снижены до следующих размеров: муки – 5 кг, крупы – 0,5 кг, рыбы – 0,8 кг, сахару – 0,4 кг». В результате этого положение спецпереселенцев в лесной промышленности резко ухудшилось. Были отмечены случаи поедания несъедобных суррогатов, кошек, собак, трупов павших животных. Резко выросли заболеваемость и смертность, зафиксированы случаи самоубийств, выросла преступность: «Голодные спецпереселенцы воруют хлеб и скот у окружающего населения, в частности у колхозников...»⁵⁴. Производительность труда в отдельных леспромпхозах упала до 25%. Отмечались случаи смерти от голода на рабочих местах или по возвращении с работы.

Еще одной серьезной проблемой была трудовая занятость ссыльных. Выше уже упоминалось, что их прикрепляли к отдельным отраслям и объектам народного хозяйства (железные дороги в Кузбассе и Томске, угольные шахты и объекты металлургии в Кузбассе, 5 крупных лесозаводов в Енисейском районе, 300-верстная железная

⁵¹ Новокшонов В. Крестьянская ссылка в Сибири. 30-е годы // Сибирские огни. 1989. № 12. С. 107.

⁵² См.: Политбюро и крестьянство... С. 395–396.

⁵³ ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 132. Л. 12. В 1930–1931 гг. на каждую семью, направленную на спецпоселение, приходилось в среднем 4,7 чел. К началу 1940 г. этот показатель снизился до 3,8, т.е. за 10 лет состав семей уменьшился почти на одного человека. В Западной Сибири на 1940 г. эти показатели равнялись: в Алтайском крае – 3,3, в Новосибирской области – 4,1, Омской – 4,2 чел. См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960... С. 42–43.

⁵⁴ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 34.

дорога Тайшет – Усть-Кут (через Братск), строительство мощной Ангарской гидростанции, разработка месторождений полезных ископаемых и, конечно, развитие сельского хозяйства во всем многообразии его специализаций).

Постановлением СНК СССР от 28 декабря 1931 г. «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае» перед западносибирскими организациями **была определена задача в течение двух лет полностью освободиться от завоза в Нарымский край хлеба, фуража и овощей для снабжения спецпереселенцев и перейти на снабжение продуктами собственного производства.**

Для достижения поставленной цели предполагалось спецпереселенцам Нарымского края отвести «земельных фондов 855 000 га, из коих землеустроить в 1932 г. 427,5 тыс. га (т.е. ровно половину. – В.У.), раскорчевать 75 690 га, построить 970 колодцев и проложить не менее 285 км проселочных дорог, освоить под полевые и огородные культуры не менее 34 700 га»⁵⁵. Для реализации этих планов предполагалось задействовать 55,7 тыс. спецпереселенцев (из них 25 тыс. работоспособных) Галкинской, Тоинской, Парбигской и Шегарской комендатур Нарымского края. Еще 160,2 тыс. спецпереселенцев (из них 60 тыс. работоспособных) Ново- и Средне-Васюганской, Парабельской, Кетской, Кето-Чулымской и Александро-Ваховской комендатур должны были заниматься лесоповалом. Перспективы налицо, но климатические условия Нарыма не позволяли реализовывать многое из задуманного.

Памятником одного из подобных проектов сегодня остается 150-километровая шоссейная дорога Томск – Бакчар. В докладной записке об организации совхоза на Галке (ныне территория Бакчарского района Томской области) начальник комендантского отдела ПП ОГПУ по ЗСК И. Долгих предлагал использовать труд спецпереселенцев для преобразования Нарымского края: в бассейне р. Галка площадью до 75 тыс. га организовать мощное показательное земледельческо-лесьное и скотоводоконеводческое хозяйство, могущее питать продовольствием, семенами, рогатым скотом, породистыми лошадьми, свиньями, продуктами молочного хозяйства, медом и кустарными изделиями весь Нарымский край. Реализация этой инициативы вылилась в жесточайшую эксплуатацию спецпереселенцев, но работа по созданию ГУЛАГовского «шедевра» так и не была завершена⁵⁶. Эта записка позволяет представить человека, которому были вверены сотни тысяч человеческих жизней, человека честлюбивого, амбициозного, жестокого⁵⁷.

⁵⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

⁵⁶ Возвращение памяти: Историко-публицистический альманах. Новосибирск, 1991. С. 99–100; Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М.: МОНФ, 1997. С. 87–89.

⁵⁷ Долгих Иван Иванович, 1896 г.р., ур. г. Барнаул, возглавил отдел трудовых поселений ПП ОГПУ СССР по Запсибкраю в августе 1930 г., перейдя на эту работу с должности начальника административного отдела Барнаульского окрисполкома. С марта 1938 г. по октябрь 1944 г. занимал руководящие должности в ряде лагерей ГУЛАГа. Был переведен в Москву и назначен на должность заместителя начальника Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных, хотя отдельные исследователи приписывают ему руководство всем ГУЛАГом. В 1945–1946 гг. он возглавлял спецлагерь МВД № 0324 в г. Шатура Московской области. С марта 1946 г. по март 1947 г. – в резерве кадров как пенсионер МВД. В марте 1947 г. возглавил Южжубаслаг, в августе 1950 г. уволен по болезни в звании

Всего на 1 декабря 1933 г. в Запсибкрае числилось 288 630 переселенцев, в том числе старого контингента – 216 731 чел. и нового – 71 899 чел. 174 768 ссыльных были расселены по северным комендатурам (60,55%). В 1933 г. в Западную Сибирь было завезено 131 955 чел. «нового контингента», но еще на 1 сентября 1933 г. почти 40 000 из них проходили по убыли (были переданы в лагеря, бежали, умерли, были освобождены и т.д.)⁵⁸. При этом только в 1930–1931 гг. в Западной Сибири было расселено 363 238 спецпереселенцев, или 82 457 семей, 284 146 чел. (78,22%) из которых были направлены на сельскохозяйственное расселение в Нарым и северные районы края. С их водворением население там увеличилось на 114,1%. Расселение было проведено в 3 этапа. Первый – конец 1929 г. – начало 1930 г. и частью начало 1931 г. – расселено 96 349 чел. (24 738 семей). Основная масса спецпереселенцев (второй этап) была завезена в период с мая по сентябрь 1931 г. – 187 797 чел. (43 862 семьи). Третий этап – вторая половина 1933 г., когда были расселены 78 157 чел. (31 239 семей).

В абсолютном большинстве спецпереселенцы представляли собой «кулаков», 60% из которых были сибиряками, а 40% – из европейской части СССР⁵⁹.

В 1932 г. депортации крестьянства проводились в значительно меньших масштабах, так как само государство отменило планы об очередных перемещениях 40 тыс. крестьянских семей. В последующие годы переселения носили характер локальных (чисто западносибирских), инициатором их было партийно-советское руко-

полковника. Умер в 1956 г. Награжден тремя орденами и медалями. В 1937 г. «за успешное проведение хозяйственного и политического освоения трудпоселений в необжитой Нарымской тайге» представлялся к награждению орденом Ленина, но награждение не состоялось. Что касается жестокости И. Долгих, то она, в частности, была проявлена им при разгроме отряда Кайгородова, когда в Катанде он лично изрубил 40 пленных. См.: Гришаев В.Ф. «За чистую советскую власть». К истории крестьянских мятежей на Алтае... Барнаул, 2001. С. 164.

Очень ярко описал категорию таких руководителей в романе «Отрешение» известнейший русский писатель П. Проскурин: «Поднявшись вверх, на обрыв, Раков, окинув взглядом немереное и не обжитое на сотни и тысячи верст безлюдное пространство... где он отныне должен был... заготавливать лес для нужд молодого пролетарского государства и где он отныне является верховным и полномочным представителем власти с неограниченными правами в жизни и смерти тысяч людей, ощутил прилившую к голове горячую волну... Нечто сходное происходило сейчас на всем огромном теле обновляющейся страны, шло небывалое переселение народов, и от мысли о своем собственном участии в таком государственном деле он весь молодежато подтянулся, скрипя новыми ремнями и портупеей... “Надо работать, – сказал он себе... Надо честно работать и доказать всем, что работать он умеет и любит и что дело во имя государства поставит. В конце концов, такая сейчас эпоха, или – или, вот из этого и нужно исходить...” ...Зрелище тысяч выгруженных и нетронутый лес мертвых и живых людей, женщин, детей, стариков действовало на Ракова угнетающе, в то же время он ощущал некий мистический холодок восторга; все эти люди, дети, женщины, мужчины и старики, живые и мертвые, были в его полной беспредельной власти...». См.: Проскурин П. Отрешение // Роман-газета. 1990. № 21. С. 48–52.

⁵⁸ Из информационной справки отдела трудпоселений ПП ОГПУ Западно-Сибирскому крайкому ВКП(б) о размещении спецпереселенцев по состоянию на 1 декабря 1933 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 118–119.

⁵⁹ Секретная докладная записка начальника ОТП УНКВД И. Долгих о передаче хозяйственной деятельности отдела в ведение Новосибирского облисполкома от 5 февраля 1938 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 218–222.

водство края. Так, в мае 1935 г. были переселены в северные комендатуры 588 хозяйств (2 615 чел.) – «саботажников сева» – из 55 районов края, а в сентябре – 500 хозяйств из девяти северо-восточных районов Западной Сибири за саботаж и противодействие хлебопоставкам. Последней локальной высылкой в регионе стало отселение в Карагандинские спецпоселки 300 семейств «баев и бывших организаторов восстаний» из Ойротии. По замечанию прокуратуры края, при проведении акции были допущены перегибы и искривления, что привело к неправильному отселению до трети семей⁶⁰.

В конце 1929 г. на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) была принята новая точка отсчета внутренней политики советского государства. Все нити руководства жизнью государства и общества сосредоточивались в руках партийных органов. Отныне любой шаг советских, хозяйственных или общественных органов должен был получить одобрение партийной структуры соответствующего уровня. Резко возросло влияние Сталина на внедрение в повседневную практику его идеологических установок. Это было возможно, в частности, по причине резкого форсированного роста численности партийных рядов. Если в 1925 г. она превысила 1 млн чел., то в 1930 г. составила почти 2 млн чел., а в 1933 г. – 3,2 млн чел. Рост численности партии отрицательно сказывался на качественном составе её рядов. Не только рядовые коммунисты, но и многие руководители были необразованными, не имели опыта практической работы и воспринимали марксистско-ленинское учение как аксиому. Эти люди принимали как истину любое слово партийных лидеров и были готовы выполнить без раздумий любой приказ. Членство в партии не только накладывало обязательства, но давало определенные привилегии и льготы. Вся эта масса коммунистов воспитывалась в духе обязанности выполнять волю вышестоящих органов и партийных лидеров беспрекословно. Путем отбора готовили тех, кто должен управлять народом, быть заместителями партии на местах. А такое положение в обществе обязывало ко многому. Время от времени ряды руководителей «чистили», избавляясь от тех, кто по каким-то качествам не смог удержаться на заданном уровне или не соответствовал потребностям момента. Так, например, в связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» в Барнаульском округе была проведена проверка деревенских ячеек. По её итогам из названных ячеек были исключены 395 членов и 230 кандидатов в члены ВКП(б), что составило 25,7% от числа проходивших чистку. Отдельные из них были объявлены социально чуждыми, кулацкими или окулачившимися, примазавшимися к партии лицами⁶¹.

⁶⁰ Красильников С.А. Указ. соч. С. 77, 129–133; Политбюро и крестьянство... С. 667, 703, 841–844. Подробнее о роли и месте спецпереселенцев в экономическом развитии Западной Сибири – их расселении, питании, трудоустройстве и результатах трудовой деятельности см.: Уйманов В.Н. Пенитенциарная система...

⁶¹ Кладова Н.В. Региональные особенности реализации политики коллективизации и «ликвидации кулачества как класса» (на примере Барнаульского округа Алтайской губернии) // Алтайская деревня в 20–30-х гг. XX века : сб. науч. тр. Барнаул, 2010. С. 71–72.

Умело обыгрывался и фактор наличия угрозы со стороны капиталистического окружения первого в мире социалистического государства. Международные отношения СССР складывались достаточно сложно. Идея мировой революции так и осталась идеей. Мировой пролетариат не был готов к преобразованиям, подобным тем, что произошли в России. Мировое сообщество, особенно на первых порах, предпринимало все усилия, чтобы задушить молодое государство. В последующие годы, по сути до начала Второй мировой войны, политика конфронтации была продолжена, хотя и претерпела изменения, в большей степени перешла в плоскость политическую, выражавшуюся в недопущении СССР к решению многих международных вопросов. Сближение происходило в экономических отношениях, иначе и быть не могло, так как Советский Союз при наличии огромного экономического потенциала и многолетних реально устоявшихся связей был нужен этому сообществу. В рассматриваемый период десятки стран установили дипломатические отношения с СССР, что привело к дальнейшему развитию торгово-экономических связей.

Одновременно многие из этих государств активным образом усиливали разведывательно-подрывную деятельность против нашей страны, забрасывали десятки агентов с заданиями по сбору экономической и военной информации, организовывали антисоветское подполье, диверсионную и террористическую деятельность. Кроме того, на территориях большинства стран Европы, Японии и Китая активно действовали лидеры белой эмиграции, стремясь всеми силами и средствами добиться уничтожения советской власти и восстановления прежнего строя. На территории многих сопредельных с Советской Россией государств иностранными разведывательными органами и иными специальными службами активно создавались и организовывались опорные базы и пункты для подготовки разведывательных, диверсионно-террористических и просто бандитских групп из числа белоэмигрантов и уголовных элементов для последующей засылки на территорию нашей страны с целью проведения подрывной деятельности и дестабилизации обстановки в целом. С финансовыми затратами на создание, подготовку, вооружение, содержание и практическую деятельность этих групп и отрядов не считались, полагая, что цель оправдывает средства.

Особая активность была проявлена в начале 1920-х гг., когда были зафиксированы многочисленные случаи нарушения государственной границы. На северо-западной границе в первой половине 1920-х гг. неоднократно происходили боестолкновения с отрядами финнов и карельских националистов. На границе с Эстонией и Латвией было проведено несколько операций по разгрому белоэмигрантских групп, переброшенных в РСФСР для организации восстаний и осуществления диверсионных актов.

На западной границе приходилось выдерживать провокации и вылазки групп белорусских и украинских националистов, отрядов Савинкова, Булак-Булаховича, Петлюры и др. В отдельных случаях численность этих групп достигала нескольких сот человек. Только в 1924 г. были уничтожены 50 главарей и 3 тыс. рядовых бандитов, арестованы 229 главарей и 8 463 рядовых, добровольно сдались 221 главарь и 2 361 рядовой бандит, было захвачено 36 пулеметов, 1 776 револьверов, 23 308 винтовок и обрезов, 193 бомбы.

В Средней Азии активно проявлялись басмачи, борьба с отдельными отрядами которых продолжалась и в начале 1930-х гг. В 1926–1928 гг. были уничтожены более 5 тыс. басмачей. До 10 октября 1931 г. взяты в плен и сдались добровольно 74 главаря и 3 287 рядовых басмачей, ликвидированы 32 закордонные банды численностью 1 430 чел. В 1930–1933 гг. только на границе с Ираном и Афганистаном было уничтожено 66 банд басмачей.

На Дальнем Востоке приходилось вступать в схватки с белогвардейскими отрядами, бандами хунхузов и группами, охранявшими контрабандистов. Так, в 1923–1924 гг. зафиксировано 13 425 случаев контрабанды, в 1927–1935 гг. задержано 125 тыс. нарушителей границы.

В целом же за период с 1921 по 1941 г. на всей границе СССР было задержано 932 тыс. нарушителей и ликвидировано 1 319 вооруженных банд⁶².

Разруха в народном хозяйстве, обнищание населения, недовольство политикой большевиков, неготовность масс к грандиозным переменам в жизни, к которым звала новая власть опять-таки через лишения и страдания, активно использовались заинтересованными международными силами, внешней и внутренней контрреволюцией для активизации борьбы с советской властью путем заговоров и восстаний. В борьбе с ненавистными большевиками оказывались возможными немислимые ранее (даже теоретически) союзы и объединения, достаточно серьезные изменения претерпевали принципы и моральные нормы, становились приемлемыми самые дикие и безжалостные приемы и способы.

В 1924 г. среди членов XII съезда РКП(б) на правах рукописи был распространен документ (с грифом «Совершенно секретно») «Численность и краткая характеристика заграничных классовых вооруженных организаций буржуазии (краткий перечень)». Согласно этому документу, к странам, имевшим «наиболее организованную вооруженную классовую силу», были отнесены Германия, Австрия, Италия, Польша, Финляндия, Америка, Англия, Венгрия, Латвия, Литва, Франция, Бельгия, Япония, Румыния, Дания, Швеция и Норвегия были определены как страны, где «организация классового резерва буржуазии продвигается вперед довольно быстрыми темпами, охватывая широкие круги населения». Это не полный перечень стран, имевших «классовые организации буржуазии», просто еще не были получены необходимые данные о них. Все организации подразделялись на организации буржуазии, военные, террористические, фашистские и иные. В перечень включались даже те организации, чье участие в подрывной деятельности против СССР предположить было сложно: например, Союз немецких инвалидов, Ку-Кукс-Клан (так в тексте. – В.У.) и некоторые другие. По неполным данным, свыше 5 млн чел. были отнесены к «классовому резерву буржуазии», а с учетом того, что по многим организациям не было цифровых сведений, число предположительно увеличивалось вдвое⁶³.

⁶² Велидов А.С. К истории ВЧК – ОГПУ. Без вымысла и купюр. СПб. : Алетей, 2011. С. 202–205; Часовые советских границ: Краткий очерк истории пограничных войск СССР. М. : Политиздат, 1979. С. 73, 77–85, 91; Пограничники. М. : Молодая гвардия, 1973. С. 28.

⁶³ ГАТО. Ф. Р-579. Оп. 1. Д. 83. Л. 6–9. Этот экземпляр находился в пользовании у начальника штаба ЧОН губернии.

Вне всякого сомнения, подобная информация с перечислением десятков «подривных» организаций, с данными об их численности, целях и задачах способствовала формированию у допущенных к ней людей чувства тревоги и опасности. Несомненно и то, что получение делегатами данной информации предполагало доведение её до населения, пусть и в неконкретной форме. Все это умело обыгрывалось руководством страны в оправдание проводимых в стране часто непопулярных мер.

В 1926–1929 гг. завершилось объединение белой эмиграции в различные «союзы», «объединения» и другие организации, финансировавшиеся империалистическими государствами и их спецслужбами. Наиболее крупными белоэмигрантскими организациями являлись «Российский общевоинский союз» (РОВС) во главе с генералами Кутеповым и Миллером, «Союз офицеров русской армии и флота», поддерживавший претендента на русский престол Кирилла Романова, «Республиканско-демократическое объединение», возглавляемое Милуковым и Керенским, объединявшее сторонников установления в России буржуазно-демократической республики, «Братство русской правды» – глубоко законспирированная организация, целью которой было восстановление монархии в России путем организации вооруженного восстания, и др.

В целях организации молодежи в 1927 г. при РОВС был создан «Союз русской национальной молодежи», развернувший активную антисоветскую деятельность вместе с членами РОВС.

Активную работу против Советского государства проводили заграничные центры кавказских эмигрантов («Комитет освобождения Кавказа») и организации украинских националистов. В Средней Азии активно проявляли себя вооруженные отряды басмачей.

Результатами деятельности всех этих формирований явились провокации различного рода – от конфликта на Китайско-Восточной железной дороге до налетов на советские дипломатические и торговые представительства в Лондоне, Берлине, Шанхае, Пекине и других городах, убийств советских дипломатов и т.п.

Умелое использование этих факторов позволило Сталину укрепить новую систему управления страной и свою личную власть, максимально централизовать руководство страной, ограничивать демократические права и нормы.

В эти годы была организационно сформирована система правоохранительных органов советского государства – органов государственной безопасности (ВЧК–ГПУ–ОГПУ), милиции, суда и прокуратуры. Становление их также оказалось делом сложным, так как у лидеров большевистского государства не было единой концепции их формирования. Английский исследователь П. Соломон подробно рассмотрел процесс становления и развития системы судебных учреждений и органов прокуратуры в 1920–1950 гг., продемонстрировав на многочисленных примерах борьбу различных позиций и точек зрения, проанализировал возникавшие при этом проблемы⁶⁴.

Главной особенностью силовых структур, на мой взгляд, явилось установление над ними партийного контроля практически с первых дней их образования. Это сыг-

⁶⁴ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998.

рало значительную роль в решении вопросов борьбы коммунистической партии с политическими оппонентами, а также представителями внутривластной оппозиции. С конца 1920-х гг. правоохранительные органы стали важнейшим звеном командно-административной системы, инструментом подавления любого сопротивления правящему режиму.

1.2. Бандитизм

В 1920-е гг. важнейшими для власти оставались вопросы активизации бандитизма. После Февральской революции 1917 г. на свободу из мест лишения свободы вышли десятки тысяч заключенных, из них около 80% уголовников. В условиях сложнейшей политической и социально-экономической ситуации (развал органов правопорядка, отсутствие новых подобных структур) эта масса уголовного элемента терроризировала мирное население, подчас прикрываясь революционными лозунгами борьбы с прежним режимом и его сторонниками. К уголовникам в условиях возникшего правового беспредела примыкали в значительном количестве «обиженные царизмом». В своих желаниях покончить с прежним строем они не останавливались ни перед чем, часто не щадя женщин, стариков и детей.

В первые годы советской власти в России не было ни одной губернии, в которой бы не действовали многочисленные банды разных окрасок и мастей. Отдельные из них провозглашали политические лозунги, но по сути своей оставались уголовными. Социальный состав банд был разношерстным – от бывших военнослужащих, в том числе офицеров, военных чиновников, дезертиров Красной армии – до простых уголовников и представителей люмпенизированной части населения. Многие банды можно охарактеризовать как уголовно-политические, причем подобные «объединения» зачастую носили временный характер. В числе непримиримых врагов советской власти было немало тех, кто для достижения цели не гнушался пусть и временных, но союзов с уголовниками. Уголовный элемент, сталкиваясь с «идейными» попутчиками, часто договориться с ними не мог, а возникавшее «непонимание сторон» разрешал достаточно просто – физически уничтожал таких попутчиков.

Банды, как правило, были хорошо вооружены, поэтому справиться с ними было нелегко.

Борьба с бандитизмом в Сибири велась на протяжении 1920-х гг., что оказывало серьезное влияние на оперативную обстановку. К причинам длительности борьбы, на мой взгляд, можно отнести следующие: 1) наличие значительного числа вышедших на свободу представителей уголовного мира; 2) отсутствие сложившейся действенной системы органов безопасности и правопорядка; 3) попытка реализации государством возобладовавших в области проведения пенитенциарной политики на протяжении 1920-х гг. идей постоянного отмирания преступности и возможности перевоспитания или «перековки» «оступившихся» граждан, в частности из числа «социально близких»; 4) «конфликт»

отношений между «нэпманами» и основной частью населения в условиях разрухи, массовой безработицы, дефицита промышленных товаров и продуктов питания; 5) наличие «кампанейщины» в борьбе с бандитизмом.

Несколько раз Сибирь объявлялась «неблагополучной по бандитизму». Для подавления бандитских выступлений привлекались регулярные части Красной армии. Отдельные проявления бандитизма фиксировались еще в начале 1930-х гг. Главное отличие бандитизма начала и конца 1920-х гг. заключалось в том, что он стал преимущественно «оседлым».

Поскольку милиция не могла справиться с разгулом бандитизма, решение задачи было возложено на органы ВЧК–ОГПУ. При этом резко были расширены и их права. В постановлении ВЦИК от 16 октября 1922 г. говорилось: «...В целях скорейшего искоренения различного рода бандитских налетов и вооруженных ограблений **предоставить ГПУ право внесудебной расправы вплоть до расстрела** (выделено мною. – В.У.) в отношении всех лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях...». Для борьбы с бандитами создавались вооруженные отряды из партийно-советско-комсомольского актива – части особого назначения, расквартированные практически в абсолютном большинстве губерний и областей, а также войска внутренней охраны и, как уже отмечалось выше, регулярные части Красной армии.

После освобождения от колчаковцев Сибирь представляла собой «котел», в котором одновременно «варились» сотни тысяч людей, представлявших разные социальные слои и группы, с разными политическими взглядами и целями, приверженцы разных религиозных верований и учений. Каждый вынужден был бороться за выживание всеми возможными способами. Одни тайно надеялись на возвращение «светлого прошлого», другие прилагали все силы и средства для возможного бегства от большевиков, третьи приспособлялись к новым условиям, поступая на службу к новой власти. Те, кто не мог смириться с произволом большевиков, беззаконием и хаосом, вставали в ряды борцов с режимом, создавая подпольные организации, поддерживая любые формы сопротивления, активно выступая с оружием в руках против большевистской власти. В своем протесте они не щадили никого – ни противника, ни себя.

Но были и те, кто выбирал путь насилия, грабежа и разбоя, оседая в городах или уходя в «леса», туда, где они могли чувствовать себя в безопасности после возвращения из набегов на мирные села, лавки и магазины, обозы, почтовые отделения, железнодорожные станции и т.п.

В отличие от европейской части России, бандитизм в Сибири во многом имел черты обычной уголовщины (грабеж мирного населения, налеты на склады, магазины, потребительские общества и т.п.). Банды чаще всего были малочисленными и очень маневренными, легко уходили от погони, растворяясь в массивах сибирской тайги, а часто и среди мирного сельского населения, которое в силу запуганности, родства или круговой поруки не выдавало бандитов.

Все органы ВЧК на местах в информационных сводках, которые составлялись каждые две недели для вышестоящих чекистских органов и партийно-государ-

ственных структур, обязаны были освещать положение с бандитизмом. Допускалось сообщать не только проверенную и подтвержденную фактами информацию, но и подчас предположительную⁶⁵. Например, в сводке Мариинского политбюро за первую половину октября 1921 г. сообщалось, что «массового бандитизма не наблюдается. Замечены случаи появления в Тисульском районе бандитов группами [по] 6 человек. На границе Ачинского уезда и Тамбарской волости курсирует банда численностью 6 человек. По сведениям банда оперирует в окрестностях пос. Кургусуюл и по реке Урюпу Ачинского уезда. В ночь с 6-го на 7-ое октября было произведено нападение на указанный поселок. Жертв нет. В ночь на 12 октября на разъезде Каштаново близ ст. Итат разобрано неизвестными лицами три звена рельс... Кем разобран путь, не выяснено. По добытым аг[ентурным] сведениям в пределах Мало-Песчанской волости братья Горелкины занимаются грабежом, воровством, изнасилованием женщин, разбоем и т.п., к выяснению приняты меры»⁶⁶.

Справиться с бандами органы милиции оказались не в состоянии. Милиционеры попросту не хватало, у большинства из них отсутствовал опыт оперативно-следственно-розыскной работы, поскольку основу советской милиции составляли бывшие партизаны, слабо знавшие и нередко игнорировавшие законы. Нельзя не учитывать и то, что службу в милиции продолжали и старые кадры, для некоторых из них новая власть так и не стала близкой. Служили в милиции даже военнопленные – венгры, поляки, немцы и т.д.⁶⁷ Многие руководители милиции также не имели практических знаний, умений и опыта. Вот как, например, характеризовались отдельные из них: «О Брокаре – начальнике милиции Кемеровского рудника: малограмотен, политически не развит, революционер, настойчивый, увлекается начальствующим положением, администратор, слабый нескладный оратор-энтузиаст (так в тексте. – В.У.). О М.И. Малаховском – начальнике Прокопьевской милиции: вспыльчив, но дисциплинирован, малоинициативен, не изжита мелкобуржуазная идеология. Целесообразно использовать по номенклатуре ответработников в области районного масштаба – отрасль карательная. О В.С. Кожевникове – помощнике начальника Кузнецкой уездной милиции: службу знает, но малоинициативен, хорош как боевик. О И.П. Зыбченко – начальнике Щегловской, а затем Мариинской уездной милиции: с работой не справляется, так как не опытен, плохо развит и не имеет специальной подготовки. Лучше использовать на административно-хозяйственной работе»⁶⁸.

⁶⁵ См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 4, 9, 12, 24, 45 и др.

⁶⁶ Там же. Л. 206.

⁶⁷ Материалы переписки Томской городской РКСМ позволили установить, что весной 1920 г. в ней служили 30 мадьяр, 6 немцев, 5 латышей, 3 поляка, по 2 эстонца и серба, по одному литовцу, французу и венгерцу (так в тексте). Изучался вопрос о привлечении на службу китайцев, находившихся в Томске. См.: ГАТО. Ф. Р-279. Оп. 2. Д. 118. Л. 243, 358; Оп. 3. Д. 11. Л. 548; Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 57. Л. 2. В Бийске по решению уездного ревкома в милицию были приняты сразу 50 венгров. См.: Николаев П.Ф. Советская милиция Сибири (1917–1922). Омск, 1967. С. 169 и т.д.

⁶⁸ ГУВД Кемеровской области. 1917–2002. Страницы истории. Кемерово, 2002. С. 24.

А вот так охарактеризовал в июле 1924 г. начальника Барнаульского уголовного розыска Табанакова прокурор губернии Сухов: «Член РКП(б), образование низшее, крестьянин, стаж с 1921 г., в должности с сентября 1923 г... является в розыскной работе сведущим лицом, но благодаря слабости к спиртным напиткам недостаточно внимателен к деятельности сотрудников, что отражается на работе, всякие предупреждения никаких реальных результатов не дали, и губком уже постановил снять его с работы Уголрозыска...»⁶⁹.

Необходимо также отметить, что зарплата инспектора уголовного розыска в Сибири в 1925 г. составляла 22,5 руб. в месяц при средней зарплате служащего в промышленности в 78,2 руб.⁷⁰ Возможно, это стало причиной того, что в 1925 г. сотрудниками милиции и уголовного розыска Сибири было совершено 164 преступления, в том числе по присвоению и растрате – 33, взяточничеству и подлогу – по 8, т.е. практически каждое четвертое (23,5%) преступление имело характер корыстного⁷¹.

В 1920-е гг. вооружение милиции было устаревшим, главным образом винтовки «Бердан» и «Гра», а всего на вооружении числилось 20 разных систем оружия. Сотрудники милиции при выездах на операции очень часто от этих винтовок отказывались, а каждая захваченная у бандитов боевая винтовка ценилась на вес золота. Одной из причин плохой вооруженности милиционеров было то, что боевое оружие у них было изъято и направлено в части Красной армии, не хватало боеприпасов. У милиции не было обмундирования, продовольственных пайков и т.п.⁷²

В приведенной выше сводке Мариинского политбюро отмечалось: «По ликвидации банд в уезде принимаются меры милицией совместно с членами комячеек... Но здесь нужно отметить положение милиции, что милиционеры в большинстве своем совершенно разуты и раздеты и семьи их голодают. С наступлением холодов милиционеры не могут иметь возможности выйти на службу или встать на пост, благодаря чему пополнение штата милиции идет слабо»⁷³.

Чрезвычайно высокой была текучесть кадров. В отдельных подразделениях она достигала 100%. Так, в Омской губернии за 11 месяцев 1923 г. только из уголовного розыска было уволено 200, а принято 207 чел. В целом по уголовным розыскам Сибири текучка в 1924 г. составила 64,7%, в 1925 – 60%, в 1926 – 44,4%. В Томской уездной милиции с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. уволилось 136 из 159 милиционеров (85,5%), а принято на службу 127 (74,9%)⁷⁴. Подобная картина складывалась

⁶⁹ Из отчета прокурора Алтайской губернии Сухова за 1-е полугодие 1924 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 19. Л. 14.

⁷⁰ Угроватов А.П. Уголовный розыск в Сибири. 1920–1926 гг. См.: ГУВД Кемеровской области... С. 93.

⁷¹ Подсчитано автором по материалам хранящегося в ГАНО Д. 19 (Ф. Р-20. Оп. 2).

⁷² Доклад начальника милиции Сибири Веселовского начальнику Главного управления советской рабоче-крестьянской милиции о деятельности сибирской милиции за период с 1 по 20 сентября 1920 г. См.: ГАНО. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 188. Л. 76–76 об., 10; Николаев П.Ф. Указ соч. С. 175.

⁷³ См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 206.

⁷⁴ Угроватов А.П. Указ. соч. С. 94; Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. Двести лет на страже порядка (Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв.). Томск, 2002. С. 261.

повсеместно. Даже к концу 1929 г. «текучка» среди начальников райотделений милиции в стране составляла 58%. Более 90% из них имели начальное образование и были выходцами из крестьян⁷⁵.

Некомплект штатов приводил к тому, что, например, в Новониколаевской губернии один милиционер обслуживал территорию площадью в среднем 800 кв. км, а в Енисейской – 6 250 кв. км. В Алтайской губернии на одного милиционера приходилось 16 тыс. чел. обслуживаемого населения⁷⁶. Участковых милиционеров было 67% от нормы – 993 чел.

Два события – попытка отряда П. Лубкова в ходе восстания осенью 1920 г. перерезать движение по Транссибирской магистрали и успешный захват её в 1921 г. в ходе Западно-Сибирского восстания – вынудили сибирские власти задуматься о принятии срочных мер по защите практически единственной транспортной артерии. На заседании Сиббюро ЦК РКП(б) 28 февраля 1921 г. был рассмотрен вопрос «О мерах обороны Сибири от кулацких восстаний и охране железных дорог» и решено разработать план обороны городов и опорных пунктов по Сибирской железной дороге.

Выполняя директивы Сиббюро ЦК РКП(б), партийные организации на местах организовали дежурства и несение караульной службы в населенных пунктах и на железной дороге. Усилия партийно-советских органов направлялись на привлечение всех возможных сил, включая беспартийный актив, для борьбы с «контрреволюцией» и бандами. Из губерний в уезды в необходимых случаях направлялось подкрепление в виде воинских подразделений, частей особого назначения и вооруженных отрядов из партийного и комсомольского актива⁷⁷.

Руководители Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома определяли суть и содержание карательной политики по отношению к бандам и их участникам. Еще 12 февраля 1921 г. Сибревком своим приказом возложил ответственность за сохранность железнодорожного пути на население, проживавшее на прилегающей территории, из среды этого населения брались заложники – кулаки. В случае повторных налетов на железную дорогу заложники подлежали расстрелу без суда, а их имущество – конфискации⁷⁸. Но еще 9 февраля подобный приказ был отдан Ишимским уездным исполкомом

⁷⁵ Соломон П. Указ. соч. С. 106. В Сибири процент сотрудников милиции, имевших низшее образование, достигал 90,96.

⁷⁶ См.: ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 271–272.

⁷⁷ Трифонов И.Я. Указ. соч. С. 185.

⁷⁸ Богданов М.А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961. С. 58–59. Об этом же гласил и приказ № 10 командующего советскими вооруженными силами района Омск – Тюмень комбрига Рахманова и военкома Корнякова. По причине того, что повстанцы регулярно портили железнодорожные пути и рвали телеграфные провода, железнодорожные линии Омск – Тюмень и Омск – Челябинск были разделены на определенные участки, ответственность за целостность которых лежала на местном населении в прилегающей 10-верстной полосе по обе стороны от железной дороги. См.: За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921 : сб. документов. Новосибирск, 2000. С. 206; Трифонов И.Я. Указ. соч. С. 194. Институт заложничества получил развитие в советской России в 1918 г., когда стали арестовывать наиболее крупных представителей буржуазии и генералитета, видных деятелей царского режима и активных участников антисоветских организаций в ответ на

советов, который содержал те же «указания» по охране железной дороги. Отличием его от Сибревкомовского стали практическая конкретизация волостей, граждане которых отвечали конкретно за сохранность дороги, и конкретная угроза: «за непредоставление заложников к указанному сроку деревни, прилегающие к линии желдороги, **будут обстреляны орудийным огнем** (выделено мною. – В.У.)»⁷⁹. За убийство одного коммуниста или соработника предполагался расстрел десяти крестьян.

Институт заложников просуществовал еще не один год и активно эксплуатировался большевистской властью. Так, начальник штаба ЧОН Томской губернии направил в сентябре 1923 г. в адрес губкома РКП(б) почтотелеграмму, содержащую разведсводку о нахождении банды Пермикина. Сводка содержала информацию о численном составе банды, её вооружении, возможных планах и намерениях. На оборотной стороне телеграммы карандашом была наложена следующая резолюция: «Вызвать Филат[ова] (начальник губотдела ГПУ. – В.У.), Цепл[яева] (командующий ЧОН губернии. – В.У.). Взять в заложники **детей бандитов** (выделено мною. – В.У.), объявить, что они будут расстреляны, если только банда сделает хотя бы еще нападение. Предложить сдаться под гарантию жизни. В.К[алашников] (секретарь Томского губкома РКП(б). – В.У.)»⁸⁰.

Брать детей в заложники – неоправданная жестокость, но, видимо, Пермикин своими действиями сильно беспокоил власть. Называя себя командиром партизанского отряда, он регулярно посылал либо оставлял в местах своего пребывания письма, в которых клятвенно заявлял о готовности выйти из леса: «Мы сознаем, что советская власть даст жизнь как для нас, так и для всех... мы... должны жить и помогать... советской власти, а вы должны простить эту нашу ошибку». Письмо такого содержания, в частности, было оставлено в феврале 1924 г. на одной из заимок, но еще в августе и октябре можно было встретить в сводках информацию о деятельности Пермикина и его отряда. Завершилась бандитская «эпопея» Пермикина только в конце года. За его поимку Тисульский райком РКП(б) на заседании 10 декабря 1924 г. объявил благодарность председателю райисполкома Яблонскому и начальнику милиции Тимофееву⁸¹.

Разгром ряда крупных антисоветских восстаний в начале 1921 г. дал большевикам лишь небольшую передышку, так как на территориях восстаний остались десятки мелких разрозненных отрядов и групп. Они уже были не способны представлять серьезную угрозу для власти как организованная сила. В создавшихся условиях все эти отряды и группы все больше и больше скатывались к обычной уголовщине. Но и в таком положении они были опасны, поскольку всегда находились лица, готовые прийти им на помощь, а то и влиться в их ряды, о чем, в частности, сообщал секретарь Енисейского губкома РКП(б) в телеграмме от 3 июля 1921 г., направленной в Сиббюро ЦК РКП(б): «Бандитское движение принимает значительные размеры [в]

развязывание «белого» террора. Эта мера считалась временной, но получила распространение. Например, расстрелы заложников практиковались в начале 1920-х гг. в период борьбы с «антоновщиной» на Кубани и в некоторых других регионах. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 1. С. 41.

⁷⁹ За советы без коммунистов... С. 156–158.

⁸⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 114.

⁸¹ Там же. Д. 136. Л. 19, 20, 39, 126; ГУВД Кемеровской области... С. 257.

Ачинском [и] Минусинском даже Красноярском уезде тчк Банды пополняются ино-родцами тчк... Стоим перед вопросом замен состава милиции [в] Минусинском [и] Ачинском уезде...»⁸².

Развитию бандитизма способствовали и действия отрядов ОГПУ и ЧОН, которые направлялись для ликвидации банд. Незаконными конфискациями имущества и расстрелами они обостряли отношения с местным населением и настраивали его против новой власти. Это приводило к постоянному притоку в банды новых участников и к озлоблению против коммунистов и новой власти. Так, например, в Хакасии главными виновниками создавшегося положения были отряды под командованием Лыткина, Дзерве, Ковригина и др.⁸³ Подобная ситуация сложилась и в Кузнецком уезде. Обследовавшие уезд член президиума Томского губисполкома Бабинцев и член президиума губчека Беляев сообщали в губком РКП(б): «...Необходимо обновить весь **бандитский штат милиции** (выделено мною. – В.У.) тчк Сделать это необходимо для скорейшего восстановления престижа Соввласти в Кузнецком уезде»⁸⁴.

Рост численности банд заставил Сибревком 22 сентября 1921 г. принять постановление о мерах по ликвидации этого явления. В частности, ушедшие в банды объявлялись преступниками, их имущество конфисковывалось, а семьи подлежали заключению в лагерь принудработ⁸⁵.

Активное участие в реализации карательной политики большевистской власти принимали части особого назначения, формирование которых было организовано во всех сибирских губерниях. Их участие в подавлении бандитизма в Сибири было значительным, что не могло не сказаться на уменьшении проявлений бандитизма. Так, если в октябре, по данным правоохранительных органов, на территории Сибири насчитывалось 29 банд общей численностью 945 чел., то к январю 1923 г. их уже было только 10 и объединяли они всего 150 чел.⁸⁶

В связи с этим чекисты и милиция изменили формы и методы борьбы с бандитами – перешли к методам агентурного проникновения, организации акций по физическому устранению руководителей бандформирований и т.п.

Повышению эффективности работы милиции способствовали следующие мероприятия: чистка кадров, проверка командного состава на предмет профессиональной пригодности, «омоложение» кадрового аппарата, в частности, через привлечение на службу мобилизованных красноармейцев, а также положительно себя зарекомендовавших представителей рабочей и крестьянской молодежи и т.п. Повсеместно была организована учеба милиционеров с уклоном на правовую подготовку. В работе появилась плановость. Начальник уголовного розыска Новониколаевской губернии

⁸² Телеграмма Енисейского губкома РКП(б) в Сиббюро ЦК РКП(б) от 3 июля 1921 г. См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 166. Л. 4.

⁸³ См.: Становление органов безопасности в Сибири : сб. статей. Новосибирск, 2007. С. 108.

⁸⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 95.

⁸⁵ Сибирский революционный комитет (Сибревком). Авг. 1919 – дек. 1925 г. : сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 65–66.

⁸⁶ Николаев П.Ф. Указ. соч. С. 251.

Кравчик на 2-м губернском съезде работников юстиции в декабре 1923 г. докладывал: «...В губернии оперировали 13 шаек бандитов. В декабре и январе шайки были ликвидированы... В феврале очистились от грабителей. В марте перебросили работу на борьбу с конокрадством. Этим краж совершалось в месяц от 500 до 600. Послали в уезд три группы агентов; выяснили шайку Мавлитова, арестовали до 100 человек. После ликвидации шайки число конокрадов сократилось на 50%»⁸⁷. В цифрах итоги розыска характеризовались следующим образом: раскрыты 7 из 8 действовавших шаек, 21 из 20 вооруженных грабежей (один еще 1922 г.), 14 из 20 грабежей простых. Число задержанных угрозиском составило 1 602 чел., в том числе 244 бандита (15,2%), из них мужчин – 209 (из 1 204 задержанных мужчин 17,4%), женщин – 22 (из 269 – 8,2%), подростков – 13 (из 129 – 10%).

В 1923 г., возможно впервые, были предприняты шаги по координации действий уголовных розысков сибирских губерний, хотя решение этого вопроса потребовало вмешательства прокурора Сибири Алимова и выхода циркуляра для губернских прокуроров. Еще в октябре Томское губернское совещание по борьбе с преступностью приняло постановление о необходимости установления связи с уголовными розысками соседних губерний в целях обмена информацией о преступности, новых методах, применяемых преступниками, их передвижении и т.п., проинформировав об этом соответствующие структуры соседних регионов Сибири. Неполучение ответов на разосланные письма подтолкнуло томского губпрокурора Гуровича к активизации действий по выходу циркуляра⁸⁸. Эта инициатива была полезной и полностью себя оправдала, так как банды постоянно кочевали из уезда в уезд и без объединения усилий и постоянного обмена информацией бороться с ними было сложно.

Анализ отчетной документации чекистов и милиции позволяет сделать вывод, что в период с конца 1922 до 1924 г. бандитские проявления носили подчас характер одиночных случаев, при этом отдельные банды действовали на протяжении 3–4 лет. В 1924 г. наметилась тенденция активизации банд, наиболее явно – в Иркутской губернии. Основной причиной стало проведение разгрузки мест заключения в соответствии с циркуляром ЦИК. Только в Томске в мае – июне было освобождено 465 чел.⁸⁹ Прокурор Иркутской губернии в отчете о результатах работы за 1-е полугодие 1924 г. охарактеризовал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Утрата [у] бандитизма популярности в крестьянских массах, отказ даже кулацкого элемента, занятого в

⁸⁷ См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 12. Л. 102–103. Конокрадство и скотокрадство в начале 1920-х гг. получили большое распространение, особенно в приграничных районах. Борьба с этими преступлениями отнимала много сил и требовала постоянного внимания. Крестьяне при поимке коно- и скотокрадов обычно устраивали самосуды, убивая их, так как доверия к власти не было, а лошадь для крестьян всегда была кормилицей.

⁸⁸ Обращение Томского губпрокурора Гуровича к прокурору Сибири от 1 декабря 1923 г. и циркуляр прокурора Сибири от 27 декабря 1923 г. губпрокурорам края о необходимости поддержки инициативы Томского губсовещания по борьбе с преступностью от 19 октября 1923 г. о взаимном обмене информацией. См.: Там же. Д. 10. Л. 22, 27.

⁸⁹ См.: Уйманов В.Н. Пенитенциарная система... С. 92–93.

настоящее время почти исключительно борьбой на экономической почве, от материальной поддержки скитающихся кое-где еще по губернии мелких группок и, наконец, как следствие, все ухудшающееся положение последних, ставших перед необходимостью добывать себе средства к дальнейшему существованию принудительным отбором – грабежом, определили их деятельность, выкристаллизовавшуюся по тактике и методам в рядовую деревенскую уголовщину. Конокрадство и сбыт уведенных лошадей на городских и других рынках получило право гражданства в бандитской среде и послужило побудительным стимулом (личная нажива) к исключительно увеличению их численности присоединением к ним уголовных элементов деревни»⁹⁰.

Отчет за 2-е полугодие 1924 г. в части борьбы с бандитизмом уже больше похож на сводку с театра военных действий. В отчете дан анализ деятельности банд и названы меры, предпринимаемые по их ликвидации. Активность банд привела к необходимости создания чрезвычайного органа – «губтройки» по борьбе с бандитизмом, деятельность которой была направлена на координацию действий отдела ОГПУ, уголовного розыска, милиции и других органов по борьбе с бандитизмом. В Иркутске при губотделе ОГПУ была создана коллегия по борьбе с бандитизмом под председательством начальника отдела ГПУ, её членами были председатель губисполкома и начальник секретно-оперативной части губотдела ОГПУ. Работа коллегии контролировалась прокуратурой. По её результатам были вынесены постановления: к смертной казни – 1 чел., в концлагерь – 11 чел., в административную высылку – 2 чел. Обращает на себя внимание заключение прокуратуры о работе коллегии: «Приходится сказать, что создание коллегии не дало того результата, который бы мог получиться от рассмотрения таких дел в порядке ускоренных показательных процессов с применением той же меры наказания»⁹¹.

Создание названных органов действительно было делом необходимым, так как во втором полугодии бандиты совершили 9 налетов и ограблений хозяйственно-административных органов (в первом полугодии всего 2), 17 убийств, в том числе четырех коммунистов, расстреляли 12 крестьян (шестерых на почве мести за доносы), ранили 9 чел. Потери со стороны бандитов – 16 убитых; захвачено 13 лошадей, 12 винтовок, другое имущество и вооружение⁹².

В 1925 г. бандитизм, преимущественно уголовный, более всего распространился в пределах Зиминского, Иркутского и Верхоленского уездов Иркутской губернии, где действовали 6 банд, занимавшихся преимущественно грабежами. Так, только на счету банды Сеньки Черного около 400 чел. потерпевших. Эта же банда пустила под откос товарный поезд (разбито 9 вагонов, были человеческие жертвы). Позднее выяснилось, что бандиты планировали крушение пассажирского поезда, но тот опаздывал, поэтому и попал в крушение пущенный вместо него товарный состав. Был ли в этом случае политический подтекст, например проведение террористического акта, уста-

⁹⁰ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 21. Л. 4.

⁹¹ Там же. Л. 54 об.

⁹² Там же. Л. 54.

новить не представилось возможным, следователем вопрос в этом контексте не рассматривался. Для ликвидации банды в Иркутский уезд пришлось откомандировать и задействовать 24 секретных агента. На счету банды Неймана 14 вооруженных грабежей, 3 убийства и т.п., число пострадавших достигло 350 чел. Ликвидация бандитов потребовала более месяца интенсивных действий.

Ситуация в Сибири обострилась к октябрю 1925 г., что, возможно, было вызвано разгрузкой мест заключения. Распределительными комиссиями Сибкрая на 180 заседаниях только во втором полугодии 1925 г. было рассмотрено 4 332 вопроса о досрочном освобождении осужденных⁹³. В те годы комиссии чаще всего выносили положительные решения. Прокурор Сибкрая Алимов направил обращение в прокуратуру страны с просьбой не возражать против применения расстрела к активной части уголовных банд, сообщая при этом, что он уже дал согласие на направление дел для внесудебной расправы – расстрела⁹⁴. Одновременно с его обращением в ОГПУ ушла шифротелеграмма за подписью заместителя полномочного представителя ОГПУ по Сибкраю Б.А. Бака⁹⁵, секретаря крайкома Лепы и заместителя председателя Сибревкома Эйхе⁹⁶: «...[за] последнее время чрезвычайно усилился уголовный бандитизм особенно [в] сельских местностях тчк Возникло 6 новых банд численностью около 50 человек зпт имеется тенденция роста их [в] дальнейшем тчк Банды пополняются преимущественно уголовниками-рецидивистами[,] бежавшими [из] тюрем тчк 30 сентября уголовной шайкой устроено крушение товарного поезда около Иркутска зпт бандиты предполагали ограбить скорый поезд [,] которым ехала Японская Комиссия [,] но ошиблись во времени тчк [в] Улале ограблена почта зпт... произведена попытка ограбления Щегловского Отделения Госбанка тчк [за] последние два месяца зарегистрировано 19 случаев ограблений Потребобществ [,] РИКов [,] больниц [,] 6 случаев устройства крушений поездов зпт 2 случая нападений на села зпт... Просим поставить [перед] ЦК вопрос [о] разрешении направления дел [на] активный уголовный

⁹³ Отчет прокурора Сибкрая об итогах работы во 2 полугодии 1925 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 301.

⁹⁴ Там же. Д. 4. Л. 16.

⁹⁵ Бак Борис Аркадьевич, 1897 г.р., еврей, ур. Иркутской губ., из семьи ссыльного счетовода, образование среднетехническое. Большевик с 1917 г. В органах ВЧК с декабря 1919 г. – заместитель председателя Томской, а затем Иркутской губЧК. Работал в Омске и Новониколаевске, с декабря 1927 г. – в Москве. Возглавлял ОГПУ по Средне-Волжскому краю, заместитель начальника УНКВД по Московской области, с конца 1936 г. – начальник УНКВД по Северному краю. Комиссар госбезопасности 3-го ранга. Награжден орденом Красного Знамени и двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ», знаком «Почетный работник РКМ». Избирался членом ВЦИК, делегатом XV–XVII съездов ВКП(б). Арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1957 г. в связи с прекращением дела за отсутствием состава преступления.

⁹⁶ Эйхе Роберт Индрикович, 1890 г.р., участник революционного движения в Латвии. В партии большевиков с 1905 г. После революции на ответственной работе в Наркомпроде, с 1924 г. – заместитель председателя Сибревкома, в 1925 г. – председатель Сибкрайисполкома, в 1929–1937 гг. – 1-й секретарь Сибкрайкома, Запсибкрайкома ВКП(б). Избирался членом ЦИК СССР. С 1935 г. – кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). В октябре 1937 г. назначен наркомом земледелия СССР. Арестован в апреле 1938 г. Расстрелян 4 февраля 1940 г. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

элемент [в] ОГПУ для вынесения внесудебных приговоров [о] высшей мере наказания...»⁹⁷.

Сибревком направил всем председателям окружных комиссий по районированию, председателю Иркутского губисполкома и краевому прокурору циркуляр № 267/с, в котором требовал обратить особое внимание на борьбу с бандитизмом, оказывать помощь «силовикам», прекратить досрочное освобождение рецидивистов и т.д.⁹⁸

На губернском совещании по борьбе с преступностью в ноябре 1925 г. обсуждался всего один вопрос: состояние бандитизма и меры борьбы с ним. Был сделан анализ борьбы с бандитами, рассмотрены «узкие места», намечены мероприятия, выполнение которых предполагало окончательную ликвидацию вооруженного бандитизма. По итогам совещания были приняты решения о необходимости выделения дополнительных денежных средств на секретно-оперативные нужды уголовному розыску и почтово-телеграфные расходы следственным органам. В качестве еще одной меры активизации борьбы с бандитизмом стало решение об обращении в губисполком с просьбой об увеличении зарплаты работникам низовых органов милиции и «снабжении их необходимыми перевозочными средствами»⁹⁹.

Однако проблема бандитизма стояла не только перед сибирскими властями, так как еще 9 мая 1924 г. Президиум ЦИК Союза ССР принял секретное постановление «О расширении прав ОГПУ в целях борьбы с бандитизмом». На ОГПУ возлагалось руководство этой борьбой во всесоюзном масштабе, предоставлялись особые полномочия через оперативное подчинение местных органов милиции и уголовного розыска; направление в любые районы страны специально уполномоченных для предварительной разработки и подготовки кампаний по борьбе с бандитизмом, а также специальных ударных вооруженных отрядов; предоставление этим уполномоченным права внесудебной расправы – от высылки из данной местности до заключения в концлагерь и расстрела.

ЦИКам союзных республик предлагалось распорядиться о делегировании органам ОГПУ (в том числе и местным) прав на использование всех материалов милиции и угрозыска по борьбе с бандитизмом, изъятие этих материалов, а также на руководство всей секретной агентурой уголовного розыска. Начальники милиции обязывались отчитываться перед уполномоченными органами ОГПУ, а остальные органы должны были оказывать всемерное содействие в деятельности агентов и уполномоченных ОГПУ.

Кроме того, постановлением предусматривалась возможность объявления ЦИКом местностей, «неблагополучных по бандитизму», таковыми сроком на 2 месяца с возможностью пролонгации данного срока еще на один месяц. Предполагалось назначение в данную местность особого уполномоченного с правами, указанными выше¹⁰⁰.

⁹⁷ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 24.

⁹⁸ Там же. Д. 10. Л. 1.

⁹⁹ Протокол № 6 (гриф «секретно») Иркутского губсовещания по борьбе с преступностью от 21 ноября 1925 г. // Там же. Д. 17. Л. 52–54.

¹⁰⁰ Там же. Д. 3. Л. 94–96.

Говоря об этом постановлении, необходимо вспомнить еще об одном событии, имевшем к принятию документа непосредственное отношение. 8 мая 1924 г., буквально накануне принятия постановления, заместитель председателя ОГПУ СССР Г. Ягода направил в Президиум ЦИК СССР проект, приложив записку, адресованную секретарю Президиума ЦИК, в которой просил **«провести этот проект без заседания Президиума, так как он уже согласован с прокуратурой и НКВД и рассмотрен на заседании Политбюро»** (выделено мною. – В.У.). На следующий день проект постановления был утвержден без каких-либо дополнений и изменений¹⁰¹.

ОГПУ со ссылкой на данное постановление разработало и разослало в органы ОГПУ на местах инструкцию о порядке «оперативного подчинения» милиции и уголовного розыска. На основании этих документов в ряде губерний были предприняты шаги по введению милиции и уголовного розыска в состав органов ОГПУ. НКВД страны потребовался почти год, чтобы добиться отмены таких решений.

Настойчивые обращения сибирского руководства привели к тому, что 16 октября 1925 г. Президиум ЦИК СССР своим постановлением объявил Сибирь «неблагополучной по бандитизму» сроком на 2 месяца. Особым уполномоченным по борьбе с бандитизмом был назначен полномочный представитель ОГПУ по Сибири И. Павлуновский¹⁰², его заместителем – заместителем полпреда ОГПУ по Сибири Б. Бак¹⁰³.

Работа закипела. Об этом свидетельствуют материалы дела фонда Управления краевой прокуратуры Сибири¹⁰⁴, в котором собрано много различного рода постановлений, заключений по материалам уголовных дел и обвинительных заключений по делам на банды и по отдельным бандитам. Например, по банде Калмыкова, в составе которой насчитывалось 28 участников, за грабежи и разбойные нападения в Иркутском уезде; по разбойному нападению Фёдорова и Уткина на двух женщин около Ново-Омска (пытались убить, перерезав горло); по обвинению Чернышева (колчаковский каратель) за грабежи и убийства в Томском округе; по действовавшей на территории Барнаульского округа банде Плотникова (8 чел.), обвинявшейся в убийстве 10 красноармейцев, секретаря сельского совета и т.д.¹⁰⁵

¹⁰¹ Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. НКВД – МВД Российской Федерации. М., 2000. С. 15.

¹⁰² Павлуновский Иван Петрович, 1888 г.р., ур. Курской губернии, русский. Член партии большевиков с 1905 г., активный участник революционного движения. В органах ВЧК с августа 1918 г. – начальник Особого отдела 5-й Армии на Восточном фронте, возглавлял ЧК в Казани и Уфе, с 1919 г. – заместитель Ф. Дзержинского по Особому отделу ВЧК. В январе 1920 г. назначен полномочным представителем ВЧК по Сибири. В 1926 г. возглавил ОГПУ Закавказья, с 1928 г. начальник военно-морской инспекции и зам. наркома по делам оборонной промышленности. С 1931 г. – кандидат в члены Президиума ЦИК, с 1934 г. – кандидат в члены ЦК ВКП(б). Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды, тремя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1937 г. Расстрелян.

¹⁰³ Шифротелеграмма в адрес прокурора края от 29 октября 1925 г. из ПП ОГПУ Сибири // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 17.

¹⁰⁴ Там же. Д. 15.

¹⁰⁵ Заключение краевой прокуратуры по делам банд // Там же. Л. 129–130, 214–215, 404, 427, 586 и др.

В деле имеется несколько постановлений о расстреле членов «бандитских шаек», в частности из Красноярска (16 чел.) и Ойротии (13 чел.)¹⁰⁶. Постановление по красноярцам позволяет сделать предположение, что все они были арестованы еще до объявления Сибири «неблагополучной», а под «раздачу» попали уже в ходе организованной кампании. Дело в том, что семнадцатый (самый молодой) участник банды, 19-летний А.С. Пашков, был осужден на 3 года концлагерей, а отсчет его срока заключения начался 22 сентября.

Что касается вынесения постановлений о высылке лиц из мест проживания, то этот процесс был поставлен на «поток», так как тексты их идентичны (поскольку в деле хранятся только копии, можно лишь предполагать, что это были формализованные бланки), менялись лишь установочные данные на лиц, указанных в постановлениях, а вместо номеров дела и статей Уголовного кодекса у всех стояли многоточия. Видимо, указание на то, что такой-то является «уголовником-рецидивистом», уже было достаточным обоснованием¹⁰⁷. Названное определение могло относиться к лицам, дважды и более раз судимым, сведения о которых передавались в окружные отделы ОГПУ сотрудниками уголовного розыска и милиции. Иные высылаемые проходили как пособники бандитов. Так, только из Зиминского уезда Иркутской губернии в Нарымский край было выслано в сентябре 1925 г. (опять до начала кампании. – В.У.) 82 пособника¹⁰⁸.

К объявленной в октябре кампании по борьбе с бандитизмом подход был самым серьезным, о чем опять-таки свидетельствуют документы. Ежедневно составлялись оперативные разведсводки ПП ОГПУ по Сибири с информацией о дислокации банд на территории Сибири. Но эти сводки не были документами внутреннего пользования органов ОГПУ. Почтотелеграммами они направлялись в Москву, в ПП ОГПУ по Дальневосточному округу (г. Хабаровск), по Уралу (г. Свердловск), по Казахской ССР (г. Оренбург), в Новониколаевск заместителям председателя Сибревкома Эйхе и Позднышеву, секретарю Сибкрайкома РКП(б) Лепе, помощнику командующего войсками Сибирского военного округа Гайлиту, а также во все округа края, в Иркутский губернский и в Ойротский областной отделы ОГПУ и в обязательном порядке прокурору Сибкрая Алимову¹⁰⁹. Вне всяких сомнений, рассылка информации преследовала цель координации деятельности, так как для бандитов границ не существовало, они могли временно скрываться в соседних округах и губерниях.

В последующие годы подготовка и рассылка оперативных разведывательных сводок вошли в практику повседневной деятельности чекистских органов.

Однако если обратиться к докладной записке начальника информационного отдела ОГПУ Г.Е. Прокофьева «О движении бандитизма в СССР за период с 1 января

¹⁰⁶ Постановления о вынесении приговоров бандитам // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 15. Л. 116, 232.

¹⁰⁷ Постановления о высылке... // Там же. Л. 9–10.

¹⁰⁸ Доклад Иркутского губпрокурора Шмидта прокурору Сибири № 1072 от 17 ноября 1925 г. и сводка о борьбе с бандитизмом в Иркутской губернии // Там же. Л. 51, 53.

¹⁰⁹ Там же. Д. 47. Л. 1–3.

по 1 октября 1925 г.», то ситуация в Сибири заметным образом отличалась от таковой в других регионах страны и не являлась проблемной. Так, на 1 октября активно действующими в Сибири считались только 6 банд (94 чел.): «...значительное снижение бандитизма мы имели по Сибири, где, по сравнению с январем, когда насчитывалось 24 банды в 689 чел., на 1 октября состояло на учете всего лишь 6 банд». Лучше ситуация была только в Ленинградском военном округе, где значилась активно действующей всего одна банда из 9 чел., во всех других субъектах численность банд была в два и более раз выше, чем в Сибири¹¹⁰. За указанный в справке период были учтены убитые, раненые, расстрелянные, захваченные и арестованные, а также добровольно сдавшиеся 10 352 бандита, из них на Сибирь приходилось всего 161 чел. (для сравнения: на Украину и Крым – 5 435, Центр – 1 671 чел.)¹¹¹.

Сложно заподозрить сотрудников ОГПУ в сокрытии реальной ситуации в Сибири. Скорее всего, имела место инициатива партийно-советско-чекистских органов региона в организации борьбы с бандитизмом, возможно, чтобы продемонстрировать «сложность» ситуации, в которой приходилось этим структурам решать вопросы управления и хозяйствования. Под этим углом зрения следует, видимо, рассматривать и запрашивание санкции на применение расстрела к активным участникам банд.

Еще одним важным документом той кампании явился циркуляр (с грифом «Совершенно секретно») Сибирского краевого административного отдела № 16/ЦС от 22 декабря 1925 г. «О порядке ведения агентурных дел о бандитизме и отчетности по ним», направленный начальникам областных, губернских и окружных отделов уголовного розыска. Есть все основания полагать, что разработка циркуляра явилась инициативой административного отдела края, так как копия его (а не информация об исполнении) была направлена в Центральное административное управление НКВД.

В преамбуле документа была определена цель его издания: «Для более успешного проведения работы по ликвидации оперирующих на территории Сибкрая организованных банд, как уголовных, так и уголовно-политических, соответственного руководства этой работой Сибирский краевой административный отдел в развитии циркуляров ЦАУ № 50/к, 466/69/с – 24 г. и 7/102/с, 364/609/с – 25 г. предлагает принять к точному и неуклонному руководству по ведению агентурных дел...»¹¹², а далее следовал перечень мероприятий. Например, планировалось на каждую оперирующую банду численностью не менее трех человек заводить агентурное дело, группировать все официальные и агентурные материалы, а также издаваемые распоряжения. Документы рекомендовалось накапливать строго в хронологическом порядке. В деле должны были обязательно присутствовать материалы по истории возникновения банды с момента её организации; постановление о заведении агентурного дела; план разработки дела; задания; точный (по заданию) список лиц, проходивших по делу, с указанием ФИО и клички, причастность к банде (активный, рядовой участник, укрыва-

¹¹⁰ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 338–339.

¹¹¹ Там же. С. 339.

¹¹² ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 10. Л. 12–13.

тель, наводчик и т.п.); место жительства (адрес); примечания, куда заносились соответствующие изменения в составе банды (убийство отдельных бандитов, их арест и т.п.). В деле, кроме официальных документов, накапливались материалы о проведенных бандой налетах, грабежах и убийствах.

На каждое дело ежемесячно составлялся меморандум, по которому начальник уголовного розыска обязан был давать заключение с последующим представлением в уголовный розыск Сибирского краевого административного отдела. Меморандум в копии мог предоставляться заинтересованному округу, что предполагало повышение уровня взаимного информирования и большую плановость в работе по ликвидации банд. В случае оперирования банды на территории нескольких округов в каждом из них заводились дела-дублиеры. Меморандумы должны были представляться в Сибкрайадмотдел к 10 числу каждого месяца.

Когда разработка приближалась к завершающей стадии (ликвидация банды), составлялся ликвидационный план, утверждение которого и позволяло приступить к непосредственному уничтожению банды. Причем в плане должны были отражаться все моменты, с которыми могли столкнуться те, кому поручалась ликвидация. В случае успешного завершения операции дело закрывалось и сдавалось в архив.

С профессиональной точки зрения этот циркуляр являлся серьезным нормативным документом, так как предусматривал четко определенный перечень вопросов, решение которых позволяло организовать работу на плановой основе. Документ требовал постоянного аналитического сопровождения по делу, учета особенностей и факторов, могущих повлиять на проведение операций по ликвидации банд, защите её участников от разного рода случайностей. Кроме того, сохранение материалов в архиве также могло быть использовано сотрудниками, в частности уголовного розыска, при решении многих оперативных ситуаций.

Попытка контроля деятельности бандформирований была уже не первой. Еще 17 июля 1921 г. приказом ВЧК № 216 были созданы отделения по борьбе с бандитизмом, которые, в частности, были обязаны заниматься организацией борьбы с повстанческими формированиями и вооруженными бандами, внедрением в них сотрудников ВЧК и агентуры, ликвидацией главарей и активных членов и т.п. Названные отделения должны были также представлять следующие сведения:

- о причинах возникновения банд;
- районе действия каждой банды с точным указанием расстояния и направления от ближайшего уездного города или крупной узловой станции железной дороги;
- главарях (партийность и политическая окраска, профессия, образование, бывшее сословие, имущественное положение и т.д.);
- количественном составе участников с учетом их классового состава;
- количестве оружия и источниках его получения;
- политической окраске участников сопротивления, их лозунгах и целях;
- схеме организации повстанческого формирования, дисциплине в его рядах и методах деятельности;
- проявлениях конкретной деятельности банд;

- организации в ней разведки, связи и т.д.;
- возможности связи с другими бандами и организациями;
- отношении повстанцев к населению; проводилась ли реквизиция предметов снабжения у крестьянства, или, наоборот, осуществлялась ли раздача захваченного;
- отношении населения к бандам (добровольное пополнение повстанческих отрядов, снабжение их продовольствием или оказание сопротивления мобилизации и реквизициям со стороны повстанцев)¹¹³.

Анализ документа однозначно свидетельствует о том, что в тот период власть не делала какого-либо различия в проявлениях бандитизма, не отделяла чисто уголовные действия от организованных антибольшевистских выступлений.

Ясно, что без глубокой проработки, без оперативного проникновения в среду бандитов либо поддерживавшего их населения собрать данную информацию было практически невозможно. Решение этой задачи требовало серьезного аналитического сопровождения по каждой банде.

Кампания по борьбе с бандитизмом завершилась в январе 1926 г., так как была продлена еще на один месяц. Итоги её были рассмотрены на заседании бюро Сибкрайкома РКП(б), на котором с докладом «О результатах борьбы с бандитизмом» выступил заместитель полномочного представителя ОГПУ по Сибири Б. Бак. В постановлении бюро было отмечено, что кампания проведена своевременно и это позволило добиться положительных результатов (разгромлен ряд крупных бандитских шаек, города Сибири очищены от уголовного элемента и т.п.); борьба с бандитизмом в деревне оказала оздоравливающее влияние, подняла авторитет власти, предупредила начавшиеся самосуды.

ПП ОГПУ и краевому прокурору было поручено продолжить работу в данном направлении и разработать мероприятия по борьбе с хулиганством (еще одна большая беда тех лет). Судебно-следственным органам рекомендовалось и в дальнейшем проводить жесткую карательную политику в отношении уголовного бандитизма¹¹⁴.

К заседанию бюро Сибкрайкома РКП(б) за подписью начальника контрразведывательного отдела ПП ОГПУ по Сибкраю Г. Вaleyко¹¹⁵ был подготовлен краткий обзор, в который вошла информация о 22 ликвидированных бандах (в Иркутской губернии и Бийском округе – по 4, в Красноярском округе – 3, в Кузнецком и Хакасском – по 2, в Барнаульском, Ачинском, Канском, Рубцовском, Томском, Минусинском и Новониколаевском – по 1). Отдельные банды, как уже отмечалось выше, активно действовали на протяжении 3–4 лет и насчитывали в своих рядах до 30 участников, а в банде Афанасьева, действовавшей на территории Бийского округа, числи-

¹¹³ Становление органов безопасности в Сибири... С. 109.

¹¹⁴ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 47. Л. 9.

¹¹⁵ Вaleyко Георгий Осипович, 1897 г.р., украинец, из дворян. Член РКП(б) с 1918 г. В органах ГПУ с июля 1921 г. – начальник отделения Особого отдела Западно-Сибирского военного округа, с ноября 1922 г. – начальник отделения, а затем начальник контрразведывательного отдела ПП ОГПУ по Сибири. С сентября 1925 г. одновременно был начальником погранохраны края, с октября 1927 г. – заместитель ПП ОГПУ по Сибкраю.

лось 80 чел. На счету этих банд десятки убийств советских ответственных работников и рядовых граждан, сотни грабежей и налетов на волостные и сельские исполкомы, потребительские общества, лавки, магазины, поезда и т.д. Только бандой Неймана, действовавшей на территории Иркутской губернии, и только за 2-е полугодие 1925 г. было совершено 325 вооруженных ограблений¹¹⁶.

К обзору прилагалась также сводка по округам Сибири с информацией о наказаниях, понесенных бандитами (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Приговоры, вынесенные в ходе кампании по борьбе с бандитизмом
в Сибири (окт. 1925 г. – янв. 1926 г.)**

Наименование округов	Приговор			
	Расстрел	Концлагерь	Ссылка	Освобождение
1	2	3	4	5
Новониколаевский	49	26	41	22
Омский	29	5	50	–
Томский	21	10	61	8
Барнаульский	62	11	34	1
Красноярский	59	19	64	9
Иркутский	157	18	167	16
Минусинский	42	6	9	1
Ойротский	29	2	8	5
Бийский	68	8	47	5
Рубцовский	33	9	8	3
Барабинский	7	3	18	–
Хакасия	62	1	29	7
Канский	27	6	38	10
Ачинский	52	32	19	4
Кузнецкий	19	3	9	4
Славгородский	5	–	–	1
Каменский	20	2	21	5
Итого	741	161	629	101

Источник: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 47. Л. 28.

Анализ таблицы подтверждает наличие наибольшей активности бандитов на территории бывших Енисейской и Иркутской губерний. Так, в ходе кампании по борьбе с бандитизмом на территории Красноярского, Минусинского, Канского, Ачинского округов и Хакасии были осуждены 465 чел. (30,37%), в Иркутском – 342 чел., или 22,3% от общего числа (1 531 чел.) осужденных бандитов по Сибири. На Алтае наиболее «бандитскими» стали Бийский и Барнаульский округа, где осуждены

¹¹⁶ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 47. Л. 10–14. По другим данным, были ликвидированы 23 банды общей численностью 529 чел.; были арестованы 1003 уголовника, совершившие убийства, грабежи и другие тяжкие преступления. См.: Служение Отечеству: воспоминания, статьи, документы. 1917–2005 гг. Кн. 1: 1917–1945. Кемерово, 2007. С. 237.

230 чел. (123 и 107 соответственно). В Новониколаевском округе осудили 115 чел. Обращает на себя внимание малое число осужденных в Славгородском (5), Барабинском (28), Ойротском (39), Каменском (43) и Рубцовском (50 чел.) округах. Пояснений к таблице дано не было.

Что касается вынесения смертных приговоров, то и здесь названные округа были в числе «лидеров». Например, на территории бывшей Енисейской губернии приговоры к ВМН были вынесены 242 осужденным (32,66%), а в Иркутской – 157 (21,2%). В обоих случаях доли осужденных и приговоренных к расстрелу практически совпадают. Осуждение к ссылке в этих округах также примерно одинаково – 159 (25,27%) и 167 (26,55%) чел. соответственно. Видимо, ситуация в этих губерниях действительно была напряженной и требовала принятия решительных действий.

К докладу прилагалась сводка о числе уголовников, дела на которых были рассмотрены особым уполномоченным ОГПУ, и обзор примеров отношения населения к проведенной кампании. Последний документ интересен хотя бы тем, что в нем приведены мнения не только рабочих и крестьян, но и уголовников. Если первые в целом положительно оценили проведенную кампанию, то уголовники проявили явную враждебность, особенно к расстрелам, высказывая мысли о мести по отношению к власти и мирным жителям (обычно к своим землякам), которых считали виновными в обрушившихся на них репрессиях. В отдельных случаях уголовные элементы от угроз переходили к конкретным действиям, имели место случаи избиения или даже убийства отдельных граждан¹¹⁷.

Несколько приведенных в исполнение приговоров особого уполномоченного ОГПУ в г. Канске вызвали у населения одобрение, сочувствия расстрелянным бандитам не было. Информация о расстрелах распространялась самим населением; среди крестьян бытовало мнение, что грабеж был властью разрешен, тем более что всех преступников следственные органы всегда освобождали. Кроме того, в обзоре приведены примеры самосудов, основной причиной которых была «слабость позиции» милиции, часто отпускавшей преступников после задержания. Так, в с. Решоты Канского округа в ноябре 1925 г. на общем собрании был учинен самосуд над уголовником Федором Хмаренко. Сельское общество объясняло это тем, что милиция его несколько раз арестовывала, но «всегда через несколько времени выпускала, а он продолжал грабить и угрожать тем, кто осмелился ему что-либо говорить, поэтому крестьяне рассуждают: «Раз власть не хотела судить, то мы судили сами»». Хмаренко убивали 8 чел., которым «дали приговор» бить всем обществом. На общем собрании Белоярского сельсовета Хакасского округа избили 8 чел., подозреваемых в краже. В с. Н-Тимофеевка Омского округа за кражу двух пар пимов и некоторых других вещей у одного из бедняков всей дерев-

¹¹⁷ Например, в отчете иркутского губпрокурора о результатах деятельности прокуратуры за 2-е полугодие 1924 г. прямо указывалось, что из 12 убитых бандитами крестьян шестеро были убиты «на почве мести за доносы». См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 21. Л. 54.

ней водили воров по деревне, повесив пимы им на шею, приговаривая: «Пока суть да дело, пока суд разберется, мы вас по своему окрестим». Нанесли побои¹¹⁸.

Ситуация после проведения кампании несколько улучшилась. Краевой прокурор в своем отчете за 2-е полугодие 1925 г. отмечал, что «происходившая ударная работа по борьбе с бандитизмом в Сибири произвела весьма хорошее впечатление на крестьянство. Крестьянин почувствовал себя и свое хозяйство под защитой власти от грабителя и бандита. Были случаи, когда после разгрома какой-либо шайки сразу на месяц и больше прекращались всякие грабежи и кражи»¹¹⁹.

Однако к осени 1926 г. ситуация вновь начала ухудшаться. Одним из факторов этого была существовавшая в те годы практика давать отпуска заключенным, в частности для участия в полевых работах. Анализ состава преступлений, за совершение которых были осуждены лица, получившие отпуск, свидетельствует, что распределительные комиссии исключений не делали. Наибольший процент отпускаемых составляли лица, осужденные за имущественные преступления (разбой и грабеж, кража скота и др.), преступления против личности, порядка управления, убийства. Так, например, процент освобожденных для участия в полевых работах по этим преступлениям в 1925–1926 гг. составил 74,8 (убийства – 20,4%, преступления против личности – 27,1%, разбой и грабеж – 9,3%, кража скота – 4,1%, прочие имущественные преступления – 13,9%)¹²⁰. Сложно заподозрить, что эти лица, добиваясь отпусков, действительно планировали участие в полевых работах. Отдельные из них скрывались, примыкали к бандам. Так, в 1925 г. из отпуска не вернулись 617 чел., что составило 4,24% от общего числа «отпускников». Число невозвращенцев в Сибири было самым высоким по стране¹²¹.

Кроме того, в ноябре 1926 г. Циркуляром ВЦИК СССР № 1011/с, направленным в адрес органов исполнительной власти всех уровней, а также Верховного Суда, НКЮ и НКВД СССР и Центральной распределительной комиссии, предписывалось распределительным комиссиям на местах «рассмотреть дела всех содержащихся в местах лишения свободы по приговорам народных, губернских и соответствующим им судов, а равно военных трибуналов и **применить условно-досрочное освобождение... или замену лишения свободы принудительными работами без содержания под стражей** (выделено мною. – В.У.) в отношении... заключенных, **хотя бы и не отбывших половины срока**, назначенного судом, которые в данный момент не являются социально опасными...»¹²². Работу подлежало завершить в месячный срок. Результаты этой кампании нашли отражение в протоколе краевого совещания по борьбе с преступностью от 1 сентября 1927 г. (с грифом «Совершенно секретно»). В нем кон-

¹¹⁸ См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 47. Л. 25–26.

¹¹⁹ Там же. Д. 19. Л. 98.

¹²⁰ См.: Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. Домодедово : РИПК работников МВД, 1992. С. 116.

¹²¹ Там же. С. 118–119.

¹²² См.: Уйманов В.Н. Пенитенциарная система... С. 93–94.

статировалось, что недостаточно умелое проведение разгрузки мест заключения в ноябре 1926 г. привело к тому, что часть «условно-досрочников» влилась в состав банд и приняла участие в налетах и грабежах.

Информационные сводки уголовного розыска и оперативные разведывательные сводки контрразведывательного отдела ПП ОГПУ были полны сообщений об убийствах, грабежах и появлении новых банд и шаяк. Все это привело к тому, что по ходатайству сибирских властей постановлением ЦИК СССР от 9 декабря 1926 г. Сибирь с 1 декабря 1926 г. по 1 февраля 1927 г. была объявлена «неблагополучной по бандитизму в связи с хулиганством». 31 января 1927 г. срок кампании постановлением Президиума ВЦИК был продлен еще на один месяц.

Задачами на период проведения кампании были определены очищение Сибири от уголовных банд, вооруженных и невооруженных шаяк и групп хулиганов, уличенных в убийствах и избиениях советских работников, в терроризировании населения, разгромах культурно-просветительных учреждений, разгонах собраний и митингов и прочих преступлениях, направленных против советской общественности, совершенных из хулиганских побуждений.

В связи с началом кампании 18 декабря 1926 г. исполняющий обязанности прокурора края Пачколин при Управлении краевого прокурора провел закрытое заседание Краевого совещания по борьбе с преступностью. На совещание были приглашены заместитель и старший помощник прокурора Сибири Куприянов и Петровский, полномочный представитель ОГПУ по Сибкраю Заковский, начальник контрразведывательного отдела ПП ОГПУ Вaleyко, заместитель председателя Сибкрайсуда Бранецкий, заместитель начальника Сибадмотдела Мирошник и представитель Сибирской РКИ Розенберг. Был рассмотрен всего один вопрос: о борьбе с бандитизмом и хулиганством в соответствии с постановлением СНК СССР от 29 октября 1926 г.

Заковский считал нецелесообразным объединить вопросы борьбы с бандитизмом и хулиганством по причине того, что до окончания кампании осталось всего полтора месяца, а работы по каждому из этих направлений очень много, распыление усилий не позволит полностью выполнить поставленную задачу. Он также сообщил, что в Сибири действуют 16 банд и отдельные бандиты-одиночки, 80 бандитов уже пойманы и содержатся под стражей. Если же еще добавить дела по хулиганству, то работы «хватит в достаточном количестве» на все полтора месяца. Кроме того, кампания по борьбе с хулиганством, особенно в деревне, может повлиять на кампанию по перевыборам советов, так как аресты и задержания хулиганов в деревне могут наделать много шума. Его позицию поддержали Пачколин и Бранецкий. С учетом того, что в заседании приняли участие все «силовики», были определены первоочередные задачи и мероприятия¹²³.

¹²³ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 70. Л. 2–3. В обзоре информационного отдела ОГПУ о политическом состоянии в СССР за сентябрь 1926 г. отмечалось, что в Сибири действовали только 7 банд (50 чел.). См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 453.

В соответствии с рекомендациями краевой прокуратуры во всех округах были проведены окружные совещания по борьбе с преступностью, проработаны и приняты конкретные планы и мероприятия кампании.

Следует заметить, что это было далеко не первое краевое совещание по борьбе с преступностью, на котором рассматривался вопрос о борьбе с хулиганством. Еще 12 февраля 1926 г. газета «Советская Сибирь» рассказала читателям о краевом совещании, где был рассмотрен всего один вопрос – «О борьбе с хулиганством и пьянством». Совещание констатировало, что деревня практически парализована хулиганством, кулачество активно использует хулиганствующий элемент в своих целях. Ответная реакция населения выражалась в организации самосудов, что также не способствовало стабилизации обстановки в сельской местности. Решение совещания сводилось к практическим рекомендациям: проводить дознания по делам о хулиганстве в 3–7 дней, дела разбирать в недельный срок, а рассмотрение дел организовать в Новосибирске, Омске, Томске, Барнауле и других крупных населенных пунктах в дежурных камерах. Кроме того, предполагалось проанализировать причины хулиганских проявлений, выявить возрастные группы и слои населения, подверженные этому антиобщественному явлению. В качестве первоочередной меры было решено немедленно применить новую редакцию ст. 176 УК (усиление репрессий за хулиганство)¹²⁴.

Газеты были полны сообщениями о фактах хулиганства. Только за одну неделю февраля 1926 г. в газете «Советская Сибирь» было опубликовано 8 материалов по этой теме: «Шесть хулиганов на скамье подсудимых», «Мы деревнюшкой идем, окна хлещем, девок бьем», «Хулиганство в деревне растет», «Хулиганство пошло на убыль», «Борьба с хулиганством», «Против хулиганства» и др.¹²⁵

Постановление Новосибирского окрисполкома от 18 февраля 1926 г. № 12 «О борьбе с пьянством, хулиганством и бесчинством на почве пьянства» предусматривало запрещение распития спиртных напитков, а также появление в нетрезвом состоянии в общественных местах. К виновным предполагалось применение штрафных санкций (до 300 рублей) либо направление на принудительные работы на срок до 3 месяцев и т.п.¹²⁶ Практика принятия подобных решений имела место и в других губерниях Сибири.

5 февраля 1927 г. прокурором края Алимовым в адрес прокурора республики под грифом «Совершенно секретно» был направлен отчет о ходе кампании. В качестве причин объявления Сибири «неблагополучной по бандитизму» он выделил следующие: огромные территории и отдаленность населенных пунктов друг от друга, в силу чего население не может быть своевременно и полно обеспечено милицейской помощью; слабая транспортная инфраструктура и недостаточность транспортных средств; загруженность народных судов уголовными делами; переполнение мест содержания заключенных

¹²⁴ Советская Сибирь. 1926. 12 февр.

¹²⁵ Там же. 16, 17, 19, 21, 23 февр.

¹²⁶ Там же. 21 февр.

(на 9 081 штатное место в ноябре 1926 г. приходилось 16 187 (цифра вписана от руки. – В.У.) чел.) и т.д., что в совокупности не позволяло быстро и своевременно осуществлять разбор дел в судебном порядке и полностью изолировать преступный элемент.

Наиболее пораженными преступностью назывались Минусинский (по 6 делам проходило 36 арестованных), Рубцовский (9 дел – 40 арестованных), Ачинский (19 дел – 60 арестованных) и Кузнецкий (5 дел – 37 арестованных) округа.

В краевую прокуратуру за период с 15 декабря 1926 г. по 1 февраля 1927 г. из ПП ОГПУ поступило 157 дел, 112 из которых (517 обвиняемых) были рассмотрены на 7 заседаниях особого уполномоченного ОГПУ по Сибкраю при участии краевого прокурора или его заместителя (вот они будущие «двойки». – В.У.). Из указанного количества обвиняемых были приговорены к расстрелу 321, к заключению в концлагерь – 73, к высылке в Нарымский и Туруханский края – 59; на пятерых материалы были переданы для судебного рассмотрения, освобождено с прекращением дел 56 чел.

Рассмотрев достаточно подробно и конкретно суть примерно 20 наиболее серьезных бандитских проявлений, Алимов оценил кампанию с точки зрения её целесообразности и предоставления права внесудебной расправы как своевременную: «Эта мера дает возможность твердо и верно ударить по деревенскому бандитизму в деревне и задержать рост наиболее опасных видов его (погромы, издевательства над личностью и убийства, разбойные нападения, срыв общественных работ и т.п.) и в соответствии с этим предупредить... рост вооруженных налетов и ограблений»¹²⁷.

11 марта 1927 г. Алимов направил в адрес прокурора Республики уже итоговые сведения о проведенной кампании за период с 15 декабря 1926 г. по 28 февраля 1927 г. За названный период в краевую прокуратуру поступило 291 дело, 214 из которых были согласованы и направлены на рассмотрение особого уполномоченного, 77 дел возвращены на доследование или для направления в суд. Из числа согласованных дел 191 имело непосредственное отношение к бандитизму, а 23 – к хулиганству. Наибольшее количество дел поступило из Ачинского (40), Иркутского (33), Кузнецкого (22), Бийского (24) и Хакасского (20) округов. Общее число обвиняемых составило 1 078 чел. (в ходе первой кампании их было 1 632. – В.У.), из них 466 были расстреляны, 405 осуждены к заключению в концлагерь, 98 – к ссылке, освобождено (по заключению прокуратуры) 102, на пятерых дела были переданы в суд и двое находились в бегах¹²⁸. К высшей мере наказания – расстрелу – были приговорены 43% обвиняемых. При вынесении приговора о направлении в концлагерь «тройка», как указано в отчете, учитывала не только степень опасности совершенного деяния и социальное положение обвиняемого, но и невозможность быстрой доставки осужденного к месту ссылки в зимнее время, а также целесообразность использования трудоспособного контингента на лесных разработках в концлагере.

¹²⁷ Информация прокурора Сибири Алимова прокурору Республики о ходе кампании по борьбе с бандитизмом от 5 февраля 1927 г. См.: ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 152. Л. 54, 56.

¹²⁸ Там же. Л. 129, 133.

Статистика применения к осужденным высшей меры наказания в период проведения кампании по борьбе с бандитизмом в 1926–1927 гг. приведена в табл. 3. По сравнению с кампанией 1925–1926 гг. число расстрелянных уменьшилось на 42,1%. Число расстрельных приговоров выросло в Новониколаевском, Рубцовском, Томском, Каменском и Кузнецком округах, во всех остальных оно сократилось.

Т а б л и ц а 3

Статистика применения высшей меры наказания к осужденным в период кампании по борьбе с бандитизмом в Сибирском крае в период с 15.12.1926 г. по 28.02.1927 г.

Округ	Количество приговоров		% к общему числу расстрелянных	% расстрелянных в отношении к кампании 1925/1926 г.
	Бандитизм	Хулиганств. бандитизм		
Новониколаевский	65		15,15	+ 32,7
Рубцовский	41		9,56	+ 24,2
Минусинский	33	5	8,86	– 9,5
Иркутский	30		7,0	– 80,9
Барнаульский	28	2	7,0	– 51,6
Томский	27		6,29	+ 28,6
Каменский	24	13	8,62	+ 85,0
Ачинский	24	2	6,06	– 50,0
Хакасский	21		4,9	– 66,1
Бийский	18	10	6,53	– 58,8
Красноярский	17		3,96	– 71,2
Кузнецкий	16	13	6,76	+ 52,6
Канский	11	1	2,8	– 55,6
Омский	10	6	3,73	– 44,8
Тулунский	3	3	1,4	
Тарский	2		0,46	
Барабинский	1		0,23	– 85,7
Славгородский		3	0,7	
Итого	371	58		

Источник: Материалы отчета Алимова (Л. 133 об). Но в этом же деле (Л. 163) имеется список лиц, приговоренных к ВМН по делам, прошедшим по Томскому округу (35 чел.). Десять последних фамилий внесены в список от руки. Кроме того, по списку арестованных, расстрелянных по постановлению «тройки» при особом уполномоченном по борьбе с бандитизмом при ПП ОГПУ по Сибири, значатся 465 фамилий, из них девять внесены от руки (Л. 147–150). См. : ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 152.

Выводы о целесообразности проведения кампании изменений не претерпели. В качестве нового Алимов добавил следующее: «Крайпрокуратура прекрасно понимает все отрицательные стороны внесудебного порядка рассмотрения дел вообще и прежде всего в смысле неизбежности, может быть, персональных ошибок при определении виновности того или иного лица, но поскольку возможно в такой спешке мною принимались все меры к проверке доказательности обвинения и направлению более или менее верных с уликковой стороны дел, чем и объясняется значительный процент несогласования.

В процессе проведения кампании наметились некоторые общие выводы о недостаточной еще подготовленности нашего следственно-дознанческого аппарата, без-

условной волоките и медленности судебного процесса и слабости охраны в местах заключения особо опасных преступников.

В связи с этим с моей стороны будут приняты практические меры к устранению указанных ненормальностей»¹²⁹.

Редкий случай, когда прокурор признал слабые места в работе прокуратуры. Обычно критика доставалась милиции и уголовному розыску, реже – органам ОГПУ на местах.

В ходе этой кампании, возможно, впервые возникла проблема информирования родственников о судьбах расстрелянных. 4 марта 1927 г. на имя прокурора Сибири поступила срочная секретная телеграмма от прокурора Ачинского округа Митбрейта, который сообщал, что на его имя «поступают заявления от родственников расстрелянных бандитов во время проведения кампании по борьбе с бандитизмом, которые указывают на то, что в Ачинском исправтруддome их заключенных родственников нет, и просят о выдаче справок о месте нахождения последних».

Беспокойство Митбрейта было обоснованным, так как директивой по линии ОГПУ проведение расстрелов в период кампании по борьбе с бандитизмом объявлению не подлежало вообще. В связи с этим ачинский прокурор и просил совета.

Решение этого вопроса оказалось делом не простым. Только 25 марта исполнявший должность прокурора Сибири Пачколин направил под грифом «Совершенно секретно. Лично» прокурорам всех округов телеграмму с разъяснениями, в которой говорилось, что в случае запроса справок о судьбах арестованных родственников **«можно объявлять только лично и устно, никаких же письменных справок выдавать не полагается»** (выделено мною. – В.У.). Справки должен был выдавать подотдел ЗАГСa, в который через местные административные отделы были переданы соответствующие разъяснения Центра¹³⁰.

По прошествии еще 3 месяцев (30 июня 1927 г.) помощник краевого прокурора Петровский направил в ПП ОГПУ по Сибкраю секретное письмо с просьбой дать распоряжение окружным отделам ОГПУ о необходимости своевременной передачи в отделы ЗАГСов информации о расстрелянных на случай обращения родственников последних, «дабы избежать лишних обращений просителей в краевые органы, создающих излишнюю и ненужную переписку»¹³¹. Данный порядок участия органов ОГПУ в решении проблемы был определен прокуратурой при ОГПУ.

Мне не довелось видеть записи ЗАГСов по описанному случаю, но нет сомнений, что информации о расстрелах в этих справках не было. До 90-х гг. XX в. все ЗАГСы обязаны были выдавать справки о смерти лиц, пострадавших в период репрессий в годы советской власти, с вымышленными причинами смерти. Необходимые приказы по линии НКВД–КГБ СССР имелись.

¹²⁹ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 152. Л. 134.

¹³⁰ Там же. Л. 145, 151.

¹³¹ Там же. Л. 207.

Вернемся к событиям 1927 г. Кампания по борьбе с бандитизмом завершилась 28 февраля только официально. На самом же деле практически весь 1927 г. был посвящен борьбе с бандитизмом. Однако власть, даже с использованием жесточайших репрессий, не смогла решить эту проблему. Полномочный представитель ОГПУ по Сибкраю Л. Заковский в информации в президиум Сибкрайисполкома отмечал, что по окончании кампании оставались не ликвидированными 4 банды численностью 15 чел. А в июле их число уже возросло до 24 с численностью 158 участников. Ликвидировано же за этот период времени было только 3 банды, убиты 7 и пойманы 14 бандитов¹³².

Наряду с ростом численности банд шло и повышение их активности – участились случаи крупных грабежей и налетов, были зафиксированы попытки организации крушения пассажирских поездов. Бандиты были вооружены винтовками, револьверами и гранатами. В целом ряде документов тех лет, где речь шла о вооружении банд, употреблялся термин «великолепно вооружены». Примеры наиболее дерзких налетов и ограблений привели заместитель полномочного представителя ОГПУ по Сибкраю Б. Бак в докладной записке на имя председателя ОГПУ В. Менжинского и начальник Сибирского краевого административного отдела Мирошник в докладе на состоявшемся 1 сентября 1927 г. совещании по борьбе с бандитизмом. Следует отметить, что доклад Мирошника представлял собой качественно подготовленный документ аналитического характера на 29 листах с таблицами и приложениями¹³³. Так, бандой Глазунова в Тулунском округе был ограблен целый поселок с 45 жителями, при этом было изнасиловано 18 женщин. В другом случае банда ограбила обоз с товарами Тулуносоюза, сопровождаемый 20 возчиками, а близ Ачинска был обстрелян поезд и т.д.¹³⁴

Согласно статистическим данным, в первом полугодии 1927 г. по сравнению с первым полугодием 1926 г. проявлений бандитизма стало больше на 14,6%, а грабежей – на 21,8%.

Постоянное увеличение численности бандитов происходило за счет заключенных, бежавших из мест заключения либо досрочно освобожденных. В 1926 г. из мест заключения бежали 947 чел., а в первом полугодии 1927 г. – 364 чел. Кроме того, из числа досрочно освобожденных были осуждены: за убийства – 1 179 чел., хулиганство – 2 247, разбои и грабежи – 85, конокрадство и квалифицированные кражи – 578, прочие преступления – 3 039, т.е. всего 6 499 чел. Из них две и более судимостей имели 446 чел. Процент бежавших из мест заключения к числу активных участников банд составил 43,47¹³⁵.

Анализ переписки партийно-советских и правоохранительных органов осенью 1927 г. однозначно свидетельствует, что предпринимались все возможные меры по объявлению Сибири в очередной раз «неблагополучной по бандитизму»; в частности,

¹³² Информация ПП ОГПУ Сибкрая Заковского в Сибкрайисполком. См.: Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 152. Л. 221.

¹³³ Протокол (гриф «Совершенно секретно») краевого совещания по борьбе с бандитизмом от 1 сентября 1927 г. См.: ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 131. Л. 14–29.

¹³⁴ Там же. Д. 152. Л. 18 об.; Д. 143. Л. 96.

¹³⁵ Там же. Д. 131. Л. 14 об., 17 об.

руководящими сибирскими органами вопрос об этом был поставлен перед правительством страны¹³⁶. К этому времени на территории Сибири действовала 31 банда. Среди участников этих банд насчитывалось 90 рецидивистов, 14 участников бывших политических бандитских формирований и еще 42 «прочих лица». Действия их носили преимущественно уголовный характер, но фиксировались и случаи политического бандитизма¹³⁷. Эти обстоятельства, наряду с ростом террористических проявлений со стороны кулачества, о фактах которых сибирское руководство регулярно информировало Москву, дали СНК РСФСР право в ноябре 1927 г. в очередной раз объявить Сибирь «неблагополучной по бандитизму» сроком на 3 месяца. Следует заметить, что после амнистии по случаю 10-летней годовщины революции на свободу вышли около 60 тыс. чел.¹³⁸ Безусловно, подобная практика ликвидации бандитизма должных результатов не давала и не могла дать – проведение отдельных кампаний могло только «приглушить болезнь». Большинство причин уже названо, но основная, на мой взгляд, крылась в плоскости социально-экономических проблем развития советского государства (табл. 4)¹³⁹.

Т а б л и ц а 4

Количество зарегистрированных бандитских формирований в Сибири в 1923–1929 гг. и число совершенных ими преступлений

Год	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	Всего
Количество банд	17	4	20	25	31	18	58 (с учетом грабительских шаек)	173
Число совершенных преступлений (бандитизм)	Сведений нет	377	366	175	206	67	456	1 647

Источник: Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.). Новосибирск, 1999. С. 187–188.

¹³⁶ Информация крайпрокурора всем прокурорам Сибкрая и Ойротской автономной области от 20 сентября 1927 г. и доклад заместителя ПП ОГПУ по Сибкраю Б. Бака председателю ОГПУ В. Менжинскому [сентябрь 1927 г.]. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 128. Л. 12; Д. 143. Л. 96–99.

¹³⁷ Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973. С. 183.

¹³⁸ Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. НКВД – МВД Российской Федерации. М., 2000. С. 24.

¹³⁹ По другим данным, в 1925–1930 гг. в Сибири была ликвидирована 1 231 банда (1925 г. – 20, 1926 г. – 25, 1927 г. – 31, 1928 г. – 67, 1929 г. – 456, 1930 г. – 632). См.: ГУВД Кемеровской области... С. 157. Н.Я. Гушин, со ссылкой на материалы Госархива Новосибирской области, приводит данные, что в 1928 г. возникло 67 банд, а в 1929 г. – 456. См.: Гушин Н.Я. Указ. соч. С. 200. Увеличение количества банд в 1929 и 1930 гг. связано, на мой взгляд, не с ростом уголовной преступности, а с сопротивлением населения политике государства в сельском хозяйстве. Государству было легче и удобнее объяснять проводимые против крестьянства репрессии борьбой с бандитизмом. Замечу, что данные Угроватова о числе совершенных преступлений в 1928–1929 гг. совпадают с данными вышеприведенных источников о **количестве банд** в эти же годы.

Некоторое уменьшение количества банд и совершенных ими преступлений в 1928 г. компенсировалось увеличением числа контрреволюционных преступлений – с 71 и 146 в 1926 и 1927 гг. до 364 в 1928 г. (рост в 5 и 2,5 раза соответственно). Вполне возможно, многим уголовным преступлениям придавали политическую окраску, чтобы показать результаты работы и сложность оперативной обстановки, когда «враг» активно сопротивлялся, вставая на путь «прямой контрреволюции».

1 ноября 1929 г. Сибирь вновь была объявлена «неблагополучной по бандитизму». Основная причина принятия такого решения – активизация «кулацких» банд. Во второй половине 1929 г. в Сибирском крае было ликвидировано 15 кулацких организаций (145 членов) и 140 контрреволюционных группировок (1 089 чел.). За 9 месяцев 1930 г. зафиксировано 880 случаев организации банд, а за период с 1 февраля по 10 марта 1930 г. «органы советской власти разоблачили и ликвидировали в Сибири 19 повстанческих контрреволюционных организаций и 465 кулацких антисоветских группировок, в которых состояло свыше 4 тыс. кулаков»¹⁴⁰. Насколько они действительно были контрреволюционными, можно только предполагать. Сложно выделить и уголовную составляющую, выгоднее было ликвидировать политические «банды», тем более что в стране сместились акценты в связи с «обострением классовой борьбы».

Следует отметить, что ПП ОГПУ по Сибири в ходе выполнения директивы ОГПУ № 72 от 10 апреля 1929 г. «Об изъятии оружия в деревне» только за март 1929 г. по краю было изъято 546 винтовок, 57 обрезов, 478 револьверов разных систем, 27 гранат и 2 пулемета¹⁴¹.

Анализ многочисленных архивных материалов, в том числе и документов ФСБ и МВД, показывает, что в Сибири преобладал бандитизм преимущественно уголовного характера. Политический бандитизм, направленный на борьбу с советской властью, развития не получил и был представлен небольшим числом вооруженных отрядов, возглавляемых бывшими офицерами – Олиферовым, Зиновьевым и др. Хотя, по данным полномочного представителя ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского, из 20 захваченных и убитых в 1921 г. главарей крупных банд все оказались бывшими офицерами в чинах от младших офицеров до полковников¹⁴².

Действия этих формирований в силу их малочисленности и отсутствия организующего начала (разрозненности) чаще всего не преследовали чисто политических целей и во многом носили уголовный характер. В большей степени политический бандитизм проявлялся в форме преступлений, совершаемых бывшими партизанами, членами РКП (б), сотрудниками милиции и чекистского аппарата по отношению к так называемым контрреволюционерам. Подобное проявление получило название «красный бандитизм».

¹⁴⁰ Гущин Н.Я. Указ. соч. С. 200, 417.

¹⁴¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 2. С. 924, 1083.

¹⁴² Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения (ЧОН) Западной Сибири (1920–1924 гг.). Томск, 1973. С. 199.

В первые годы после освобождения Сибири от колчаковщины к числу политических бандитов большевистским руководством Сибири была отнесена часть бывших партизанских командиров, которые, не будучи согласными с проводимой большевиками политикой, пытались бороться с советской властью путем вооруженных выступлений (в советской истории их называли мятежами). К мятежникам власть причислила партизанских командиров Рогова, Новосёлова, Леонова, Лубкова и др. Их действия были обречены на провал, так как часто выступления носили «местечковый» характер, были разрозненными, немногочисленными, без четких целей и задач. Однако борьба с ними велась с применением воинских частей и вооруженных коммунистических формирований. Партийно-советскому руководству было выгодно представлять этих борцов с режимом простыми бандитами, чтобы дискредитировать в глазах населения. С другой стороны, такая позиция позволяла власти без соблюдения правовых норм беспощадно расправляться с ними.

По мере уменьшения числа протестных проявлений менялись формы и методы борьбы с ними. Чаще использовались методы оперативного внедрения в отряды «мятежников» сотрудников чекистских органов, которые должны были выявлять связи и контакты «бандитов», решать вопросы физического устранения руководителей. Так, в Мариинском уезде внедрение в банду Лубкова сотрудников-чекистов позволило физически устранить главаря и полностью ликвидировать это формирование. Все эти методы признавались законными, и губернские прокуроры включали информацию о подобной деятельности в свои отчеты. Например, прокурор Иркутской губернии в отчете о деятельности прокуратуры за второе полугодие 1924 г. писал: «Банда Бакланов[а] – Ершова и группа Сенотрусова ликвидирована оперативно секретным порядком. Таким же порядком убит главный помощник [бандита] Развозжаева банд[ит] Ушаков и ряд участников»¹⁴³. Эти же методы были использованы чекистами Енисейской губернии при уничтожении банды Виноградова, отличавшегося особой жестокостью, и Соловьёва, действовавшего в Ачинско-Минусинском районе¹⁴⁴.

К середине 1920-х гг. власть все чаще характеризовала деятельность «политических» бандитов уже как «уголовно-политическую». Об этом, в частности, велась речь в циркуляре (с грифом «Совершенно секретно») Сибкрайадмтдела № 16/ЦС от 22 декабря 1925 г. «О порядке ведения агентурных дел о бандитизме и отчетности по ним», направленном во все областные, губернские и окружные отделы уголовного розыска¹⁴⁵. Однако с конца 1926 г. партийно-советское руководство начинает выделять в бандитских проявлениях политическую составляющую, например при организации кампании по борьбе с бандитизмом и хулиганством в декабре 1926 г. Борьба с бандитами предполагала защиту совработников и советского аппарата, недопущение хулиганских проявлений в учреждениях культуры, на собраниях и митингах, а также совершения «прочих преступлений, направленных против советской общественно-

¹⁴³ См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 21. Л. 54.

¹⁴⁴ Становление органов безопасности в Сибири... С. 197.

¹⁴⁵ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 10. Л. 12–13.

сти»¹⁴⁶, совершаемых из хулиганских побуждений. А с 1928 г. политическая окраска придавалась многим уголовным преступлениям.

Для решения проблемы ликвидации бандитизма требовались существенные изменения социально-экономической ситуации в стране, повышение благосостояния и культуры населения, чего большевистское руководство страны обеспечить не могло. Что касается деятельности правоохранительных органов, то здесь проблем было не меньше. Необходимо было повышать образовательный уровень и профессиональную подготовку сотрудников «органов», включая руководителей, ликвидировать текучесть кадров вследствие низкого уровня материального обеспечения, организовать подбор новых сотрудников, развивать материально-техническую базу и многое другое.

Государство не имело возможности быстро решить эти вопросы, впереди были другие грандиозные преобразования. У власти появились новые противники. А в официальных документах изменилась даже терминология: «бандитские проявления» сначала стали «кулацко-бандитскими», а затем просто «кулацкими» либо «антисоветскими». Уголовный элемент отошел на второй план, он даже стал социально ближе, чем многомиллионные массы трудового крестьянства («кулачества») и рабочих-«вредителей».

На протяжении целого десятилетия бандитизм оказывал серьезное влияние на оперативную обстановку в Западной Сибири. Даже по прошествии времени сложно выделять чисто уголовную его составляющую, ведь в числе «бандитов» было немало людей, которые не могли и не хотели мириться с установившимся в стране режимом. Будучи в силу различных объективных и субъективных факторов разобщенными, они невольно в борьбе с этим режимом скатывались к простой уголовщине. С началом социалистических преобразований на селе любое антисоветское выступление официально объявлялось «бандитским» или «кулацко-бандитским».

1.3. «Красный бандитизм»

В конце 1920 – начале 1921 г. в информационных сводках чекистских органов все чаще и чаще стала появляться информация, что враждебность населения к советской власти вызвана, в частности, партизанским террором: «...террор возник на почве Октябрьской амнистии, согласно которой были освобождены контрреволюционеры и приверженцы таковых, это подтверждают разговоры всех комячеек»¹⁴⁷. Дело в том, что постановлением ВЦИК РСФСР была объявлена амнистия по случаю 3-й годовщины Октябрьской революции, согласно которой освобождению подлежали лица, совершившие преступления против советской власти до 7 ноября 1920 г. Предполагалось:

¹⁴⁶ См.: Уйманов В.Н. Пенитенциарная система...

¹⁴⁷ См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 45.

а) полное освобождение от всех наказаний, не сопряженных с лишением свободы, наложенных судебными и административными органами;

б) досрочное освобождение из мест заключения с переводом на принудительные работы;

в) сокращение срока наказания.

Революционные трибуналы должны были пересмотреть списки осужденных: к пожизненному заключению (с заменой на срочное) либо до окончания Гражданской войны (с освобождением или установлением конкретных сроков). Приговоры к высшей мере наказания, не приведенные в исполнение до 7 ноября 1920 г., следовало пересмотреть с целью выяснения возможности смягчения наказания. Органы ВЧК должны были пересмотреть списки заложников и военнопленных Гражданской войны и освободить тех, содержание которых не вызывалось крайней необходимостью¹⁴⁸.

Гуманные действия советской власти вызвали недоумение населения. Ведь еще совсем недавно с этой «контрой» приходилось сражаться «не на жизнь, а на смерть». Бывшие партизаны считали, что коммунисты и советская власть их предали, если милуют «контрреволюцию». Нельзя забывать, что наиболее проверенные из партизан (примерно 40–45 тыс. чел.), пройдя фильтрацию, в конце 1919 – первой половине 1920 г. были призваны в Красную армию. Другая часть влилась в формируемые войска внутренней охраны (ВОХР). На середину мая 1920 г. в Западно-Сибирском секторе было сформировано 17 батальонов ВОХР с числом в 7 450 красноармейцев, в Восточно-Сибирском – 2 551 красноармейца¹⁴⁹.

Значительная часть бывших партизан осела в милиции (55% от всего личного состава) и ЧК на местах. Многие были заражены духом «вольности и анархизма», имели собственное мнение о происходивших событиях. И. Курышев считает, что «среди сибирских партизан выделялся мощный слой маргиналов со всеми характерными для него личностно-психологическими чертами (внутренним напряжением, эгоцентричностью, честолюбием и агрессивностью)»¹⁵⁰. Нельзя забывать и ту часть бывших партизан, кто вернулся домой и занялся мирным трудом. Эта группа наиболее остро воспринимала различного рода притеснения со стороны советской власти на местах. Многие из командиров двух последних групп, привыкнув вершить судьбы, казнить или миловать, по окончании Гражданской войны оказались не у дел, а по этой причине достаточно легко вскакивали в седло и хватались за оружие при каждом удобном случае в отместку за «обиды», нанесенные советской властью. Часто именно они вставали во главе крестьянских антибольшевистских выступлений либо присваи-

¹⁴⁸ См.: ГАТО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

¹⁴⁹ Ларьков Н.С. Руководство коммунистической партии процессом объединения сибирских партизан с Красной Армией // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность. Томск, 1991. С. 57–58.

¹⁵⁰ Курышев И.В. Повстанческо-партизанское движение в Западной Сибири в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.): к вопросу о нравственно-психологическом облике участников // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.): сб. науч. статей. Ишим, 2006. С. 143.

вали себе права органов следствия и суда, тогда начинали возобладать бандитские понятия и представления о справедливости. Не случайно к таким «борцам за справедливость» часто примыкали участники уголовных банд (для решения своих проблем), бывало и наоборот.

В силу сложившихся социальных условий в Сибири во многих руководящих органах советской власти и РКП(б) на местах численно преобладали выходцы из крестьянской среды, так как промышленные предприятия в основном были сконцентрированы вдоль Транссибирской магистрали (накануне революции на промышленных предприятиях Сибири было занято 163 тыс. рабочих; крупнейшим центром являлся г. Омск – 2 000 металлистов, 4 000 железнодорожников, 2 000 речников, 600 ткачей, 1 100 грузчиков; в Кузбассе насчитывалось около 10 000 шахтеров; относительно крупными городами были Томск, Новониколаевск, Барнаул, Тюмень, где было по несколько тысяч рабочих. Остальные города, по оценке В. Шуклецова, напоминали крупные села с наличием сельского хозяйства, кустарных промыслов, торговли, извоза и т.п.)¹⁵¹. Эти руководители активной борьбой с колчаковцами доказали готовность служить победившим Советам, но, к сожалению, опыта и знаний (как общих, так и правовых) у большинства из них было недостаточно, а многие вообще были неграмотными. Необходимо учитывать и то, что законодательная база в стране находилась в стадии формирования, и лишь немногие, преимущественно правоведы, могли разбираться в ней, грамотно применять на практике. Все это и привело к тому, что пользоваться «кнутом» было гораздо легче, чем «пряником».

Однако взяв в руки «кнут», эти руководители уже не останавливались в желании утолить чувство вседозволенности и мести, не надеясь на власть. Самосуды над «контрреволюционерами» стали нормой жизни, уж слишком много накопилось обид за прошлое. Именно с такой формы расправы «красный бандитизм» и начался как массовое явление в Сибири, особенно в сельской местности. По своей сути «красный бандитизм» – форма протеста против действий (бездействия) власти. Таковым он и являлся на начальном этапе, позднее в число жертв стали попадать и представители власти, не соответствовавшие своему положению по своему прошлому, в том числе и политическому, образу жизни, поведения и т.п.

Необходимо заметить, что активными распространителями «красного бандитизма» стали вооруженные формирования, в том числе и кадровые части Красной армии, которые активно привлекались для подавления всплеск крестьянского сопротивления и борьбы с уголовно-партизанскими бандами. Об этом, в частности, пишут В.П. Булдаков и А.А. Зданович¹⁵². В Сибири, например, при подавлении сопротивления банд в Горном Алтае фиксировались многочисленные случаи самосудов над «ку-

¹⁵¹ Шуклецов В.Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов... С. 15.

¹⁵² Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010; Зданович А.А. Органы госбезопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934 гг.). М. : Икс-Хистори, Кучково поле, 2009.

лаками» и «бандитами», мародерства, незаконной конфискации фуража, продуктов питания, имущества крестьян и т.д., чему в немалой степени способствовала низкая дисциплина в воинских частях и отрядах ЧОН. Зафиксированы случаи убийства алтайцев во время допросов за незнание русского языка. Весной 1922 г. Семипалатинский 1-й коммунистический полк «истребил 4 000 пудов сена, захватил последних лошадей, таратайки, упряжь, седла, колол дойных и стельных коров, телят, отнимал деньги у жителей, захватил соль... изнасиловал 4 женщин... зарубил трех малолетних детей 6, 11 и 14 лет... старика 73 лет и восемь взрослых мирных калмыков»¹⁵³. Ситуации, подобные описанной, были в начале 1920-х гг. явлением повсеместным, в частности, в период подавления Западно-Сибирского восстания 1921 г. на Алтае и в других районах Сибири.

В январе 1921 г. газета «Красноярский рабочий» опубликовала статью В. Итина «Дело 128 коммунистов»¹⁵⁴. 24–26 декабря 1920 г. в г. Канске состоялось заседание выездной сессии Енисейского губернского ревтрибунала, на которой было рассмотрено дело по обвинению 128 членов РКП(б). Впервые судили не врагов советской власти, а тех, кто олицетворял её. Решение о проведении показательного процесса принял Енисейский губком РКП(б). Дело в том, что уездным политбюро была «выявлена контрреволюционная организация, готовая поднять восстание против советской власти»¹⁵⁵, возглавляемая бывшим подполковником-колчаковцем Поповым. Но каких-

¹⁵³ Иванова Н.Ю. Силовые структуры раннесоветского режима и народно-повстанческое движение в Горном Алтае 1920–1922 гг.: особенности противостояния // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.): сб. науч. статей. Ишим, 2006. С. 231–232.

¹⁵⁴ Красноярский рабочий. 1921. 7 янв. Пафос статьи – партизаны после победы никого из противников не тронули, осудив их условно. Когда же последние нарушили «это молчаливое соглашение, суровый приговор вступил в законную силу».

¹⁵⁵ Кавычки поставлены не случайно. В. Итин в статье ведет речь о банде в 150 чел., имевшей на вооружении 75 винтовок, бомбы и другое оружие (эти данные приведены в приговоре ревтрибунала. См.: ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 188. Л. 11). Но В. Шишкин приводит аргументы, которые заставляют задуматься о реальности существования контрреволюционной организации: неполнота и односторонность материалов следствия, отсутствие документов, подтверждавших наличие организации и конкретные действия по подготовке вооруженного выступления со стороны «контрреволюционеров», и т.п. См.: Шишкин В.И. Красный бандитизм в Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.

Автору, лично принимавшему участие в работе по реабилитации, пришлось просмотреть в архивах сотни уголовных дел тех лет. И практически во всех присутствовали моменты, отмеченные В. Шишкиным, – такова была методика следствия тех лет: «революционное правосознание», а не законы определяли судьбы людей, доказательства не требовались.

Следует заметить, что для первых лет советской власти **показательные** процессы являлись постоянной практикой, и этот был очередным в их ряду, кстати, не самым многочисленным по числу обвиняемых. Например, в сентябре – октябре 1919 г. в г. Балашове состоялся политический процесс над одним из известных военачальников Красной армии Ф.К. Мироновым. За невыполнение приказа вместе с ним суду были преданы 430 чел., в том числе 28 членов РКП(б), обвиняемых в организации «контрреволюционного мятежа». Чрезвычайным трибуналом 11 «главных» виновников были приговорены к расстрелу, а остальные – к разным срокам лишения свободы. Вынося приговор о расстреле, трибунал одновременно обращался во ВЦИК с ходатайством о помиловании приговоренных, о чем должен был сообщить осужденным в процессе чтения приговора, но сделано этого не было; выполнялась в данном случае воля

либо превентивных мер со стороны чекистов предпринято не было. Поэтому когда на юге уезда началось вооруженное выступление против советской власти и основная часть местных вооруженных формирований была перебросена туда, оставшиеся коммунисты с целью предупреждения восстаний в селах Рождественском и Шеломках в ночь на 8 ноября произвели аресты 42 участников «контрреволюционной организации».

Однако в эту же ночь на Шеломки напала банда численностью до 40 сабель, и в ходе завязавшегося боя арестованные попытались бежать, но были убиты охранявшими их конвоирами. Одновременно с этим было принято решение (по общему согласию коммунистов) о расстреле арестованных и в с. Рождественском в связи с невозможностью их доставить в Канск. Кроме того, расстрелы были проведены еще в трех населенных пунктах, где также было убито около 20 чел.

Через два дня после произведенных расстрелов члены Рождественской и Шеломковской комячеек прибыли в Канск и сообщили о случившемся в уездный партийный комитет, который на заседании 9 ноября принял решение о проведении расследования, о чем и проинформировал губком РКП(б). В конечном итоге все это и привело к вышеупомянутому решению Енисейского губкома РКП(б).

Состоявшийся процесс В. Шишкин описал следующим образом: «В течение трех дней в Канске шел политический спектакль на тему революционной законности по сценарию, написанному в кабинетах уездного и губернского большевистских парткомов. В течение трех дней несколько сотен доверчивых провинциальных зрителей – рабочих и крестьян, не искушенных в хитросплетениях политики, искренне ненавидящих контрреволюцию и сочувствующих коммунистам, внимали каждому слову, звучавшему со сцены. Зал негодующе рокотал, когда государственные обвинители клеймили заговорщиков-контрреволюционеров; зал затихал, когда государственные обвинители обрушили свой гнев на подсудимых; зал замирал от страха, когда от имени подсудимых один из них заявил, что коммунисты признают себя виновными в расстрелах и нарушении закона; сочувственными вздохами он откликнулся на речи государственных защитников»¹⁵⁶.

Кульминационный момент наступил при оглашении приговора. Принимая во внимание, что подсудимые раньше всегда были законопослушными гражданами и не нарушали революционную законность, исходя из того, что расстрел заговорщиков «являлся актом самозащиты, а не самосуда», ревтрибунал постановил считать 128 коммунистов оправданными. В ответ зал взорвался громом аплодисментов. Завершилось же все это исполнением «Интернационала».

Л. Троцкого. Еще до начала процесса им был определен «воспитательный» характер процесса, пусть и через жестокость. См.: Знаменский А.Д. Красные дни. Роман-хроника // Роман-газета. 1989. № 2. С. 10–12. Единственным отличием от «дела 128» было то, что мироновцы помилованы через сутки после вынесения приговора, а 128 оправданы в ходе судебного заседания.

¹⁵⁶ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 188. Л. 10–11; Оп. 1. Д. 125. Л. 97; Шишкин В.И. Указ. соч. С. 5–8; Красноярский рабочий. 1921. 7 янв.

Одного не знали зрители (на процессе присутствовало около 1000 чел. – В.У.): губком РКП(б) заблаговременно рекомендовал губревтрибуналу ни в коем случае не выносить обвинительный приговор, что последний и сделал.

Массовое привлечение коммунистов к ответственности не было единичным. Так, в июле 1921 г. секретарь Бийского уездного комитета РКП(б) Фрейлих послал в адрес Сиббюро ЦК РКП(б) телеграмму следующего содержания: «Кражи православных священников (еще одна из форм проявления «красного бандитизма». – В.У.) [в] нашем уезде имели место тчк За самовольные расправы арестовано двадцать восемь коммунистов зпт принимаются энергичные меры по прекращению этого»¹⁵⁷.

Однако вернемся к описанному выше процессу. Возможно, эти события (расстрелы и процесс, скорее всего, его результаты) способствовали дальнейшему распространению заразной болезни – «красного бандитизма». Следует, на мой взгляд, обратить внимание еще на один результат «дела 128» – разработку и умелую реализацию показательного спектакля, когда зрители, традиционно доверявшие власти, невольно подыгрывали этой власти через свое отношение к происходящему. Вне всякого сомнения, «режиссеры» оценили это и взяли на вооружение, предвосхитив будущие уголовные дела и громкие процессы.

Еще одним «красным бандитом» стал М.Х. Перевалов – активный участник установления советской власти в Итатской волости в 1918 г., участник боев с белочехами, командир партизанского отряда. С восстановлением советской власти, будучи беспартийным, он создавал комячейки на юге Ачинского уезда, а с осени 1920 г. стал командиром коммунистического отряда особого назначения, созданного для борьбы с контрреволюцией и сыгравшего значительную роль в разгроме банд Олиферова и Соловьёва. Человеком он был жестоким, беспощадным. Бывший начальник Ачинской уездной милиции И.Г. Фридман на заседании президиума Енисейского губкома РКП(б) в декабре 1920 г. так охарактеризовал его: «Перевалов – человек, безусловно, преданный советской власти, но способный, не моргнув глазом, вырезать 600 контрреволюционеров»¹⁵⁸. В отряде Перевалова процветали вольница и беззаконие, бойцы занимались мародерством, терроризировали мирное население, нередко чинили самосуд.

Помощник уполномоченного уголовного розыска и наружной разведки ОРТЧК Боготольского района Томской железной дороги Дрягин 20 марта 1921 г. в рапорте на имя начальника секретно-оперативной части ОРТЧК доносил, что на ст. Итат красными партизанами и членами комячейки с заранее обдуманной целью на политической основе были убиты начальник ст. Итат Василий Федорович Михайлович, милиционер Нестеров, гражданин ст. Итат Иван Иванов и еще несколько сельских жителей. Дрягин выяснил, что Перевалов организовал через комячейки изъятие «назначенных неблагонадежных элементов», всякий раз инсценируя нападение «белых бандитов». Так, по агентурным данным, из с. Скрипачи Ачинского уезда Енисейской губернии начальником сельской милиции 6-го района Ачинского уезда Ф. Прокудиным

¹⁵⁷ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 166. Л. 6.

¹⁵⁸ Шарыповское дело // Сибирские огни. 1993. № 5–6. С. 118; Шишкин В.И. Указ. соч. С. 12.

и милиционерами Пахомовым и Соломиным были взяты два гражданина – Озернин Михаил и Сербулов Борис – и увезены в неизвестном направлении. Позднее у с. Шарыпово в чаще деревьев было обнаружено около 70 трупов, которые были не расстреляны, а задушены. Таким образом, деятельность бандитов имела место на территории от Тяжинской волости Мариинского уезда до с. Ужур Ачинского уезда, т.е. на территории двух губерний – Томской и Енисейской, «а возможно, еще обширнее».

Поводом для подобной деятельности, по мнению членов комячеек, стала Октябрьская амнистия. «ЧК и Политбюро по борьбе с контрреволюцией мер не принимают, а взятых контрреволюционеров и их приверженцев ЧК и Политбюро всех выпустило, и которые в настоящий момент способствуют оперированию белых банд, и, по мнению комячейки, в ЧК и Политбюро позазлезли негодные элементы и комячейки открыто говорят, что всех чекистов и Политбюро надо расстрелять»¹⁵⁹.

Согласно резолюции от 30 марта 1921 г. информация была направлена в политбюро Мариинского уезда и т. Столяру к сводке.

Дорожно-транспортная ЧК Томской ж.д. в регулярно составляемой двухнедельной сводке за период с 15 по 31 марта 1921 г. вышеназванные события осветила следующим образом: «За данный период в районе Боготола – Ачинска участились случаи таинственного исчезновения людей и убийства».

При обследовании этого явления и выявления через осведомительный аппарат выяснилось, что местные красные партизаны совместно с комячейками после освобождения бывших контрреволюционеров 18–19 г. Октябрьской амнистией начали освобожденных тайно похищать и убивать. Эти «террористы» вполне убеждены, что они идут по правильному пути и что они должны это делать ради пользы дела, указывая на то, что все контрреволюционеры, освобожденные по амнистии, так или иначе должны опять ловиться и сажаться по тюрьмам и, чтобы снова их не освобождать и не заводить лишнюю канитель (не делать этого бесполезного дела), они в силу сложившихся обстоятельств начали применять по отношению их «террор». Метод увоза контрреволюционеров обставлялся довольно остроумно. Въезжали на лошадях несколько вооруженных человек, арестовывали нужных к уничтожению и увозили. После этого местная комячейка в целях защиты организовывала отряд и ехала вдогонку, происходила дутая перестрелка, после чего комячейка безрезультатно возвращалась. **Здесь надо отметить, что в большинстве случаев гибли люди из-за личных счетов и совершенно не принадлежавшие к приспешникам контрреволюции** (выделено мною. – В.У.).

За данный период зафиксировано в лесу около 70 трупов, такой же способ был применен по отношению начальника станции Михайловского (в рапорте Дрягина – Михайловича. – В.У.) и нескольких железнодорожных служащих.

¹⁵⁹ Из рапорта помощника уполномоченного уголовного розыска и наружной разведки ОРТЧК Боготольского района Томской ж.д. Дрягина от 20 марта 1921 г. начальнику СОЧ ОРТЧК Боготол Томской ж.д. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 30.

Крестьяне первое время к таким исчезновениям относились с недоумением, не зная чем это объяснить, но теперь они ясно понимают эти проделки и страшно возмущены на власть, так как участниками являются красные партизаны и комячейки»¹⁶⁰.

Однако эти документы оказались не единственными. 25 апреля 1921 г. из с. Шарыпово Ачинского уезда Енисейской губернии на имя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета было направлено письмо от имени крестьянок Т.И. Веселковой и М.З. Лобановой, чьи мужья были в феврале 1921 г. арестованы, а потом найдены в числе убитых в пяти верстах от села со следами веревки на шее. Секретарь Президиума ВЦИК А.С. Енукидзе 16 мая 1921 г. письмо направил в наркомат юстиции с пометой: «Секретно. НКЮ на заключение». В этот же день письмо на имя Председателя Совета народных комиссаров В. Ленина написал начальник 8-го милицейского района М.Н. Петренко, который привел те же факты и предположения о самосуде, которые содержались в письме Веселковой и Лобановой. Дополнительно он указал целый ряд лиц как организаторов самосудов и привел список 23 арестованных и убитых граждан из 7 сел и деревень, который был им случайно обнаружен в папке помощника начальника 3-го района милиции Г.Ф. Малахова. Кроме того, Петренко достаточно подробно охарактеризовал влияние шарыповских событий на настроение и поведение окрестного населения – одни бросили хозяйство и убежали, другие ушли в банды, в том числе и некоторые члены комячеек.

В июле 1921 г. по указанию Ленина была создана следственная комиссия «из авторитетных членов партии и опытных следователей»¹⁶¹. К сожалению, результаты её работы выявить не удалось.

Почти одновременно с этими событиями были установлены факты самовольных расстрелов – самосудов – в Мариинском уезде Томской губернии, производимых милицией с согласия политбюро, а в сельской местности – милицией и членами комячеек. Оформлялось все в виде побегов из-под ареста при переводе арестованных из одного помещения в другое. Расстреливали даже тогда, когда это было запрещено, ссылались на незнание приказов об отмене расстрелов. В отдельных случаях инсценировали «вскрытие антисоветских организаций». Уголовщину также прятали «под политику»¹⁶².

Начальник Мариинского уездного политбюро К.А. Зыбко в своем заявлении на имя председателя ЦИК М. Калинина писал: «Со времени лубковского восстания (от фамилии его руководителя, жителя с. Святославка Мариинского уезда. – В.У.) в Мариинском уезде все время находились войска ЧК. Последние, стоя в уезде, производили массу расстрелов гражданского населения; эти расстрелы, [которые] производили на глазах комячеек и милиции, конечно, не могли не отразиться на психологии последних. Видя то, что войска ЧК расстреливают, последние так же взялись за дело...»¹⁶³.

¹⁶⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 6 об. – 7.

¹⁶¹ ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 202. Л. 1–6.

¹⁶² ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 259–263.

¹⁶³ Там же. Д. 142. Л. 200–201.

В другом случае сообщалось о том, что милицией 7-го района (Тисульской) был совершен ряд убийств и других незаконных действий с целью грабежа. В ходе расследования были арестованы начальник милиции Жабров, несколько рядовых милиционеров и членов комячеек как активные участники этих беззаконий. Уголовным розыском были арестованы 11 членов двух комячеек за издевательства и самочинные расстрелы труддезертиров¹⁶⁴.

Весной 1921 г. «эпидемия красного бандитизма» охватила большинство уездов Томской губернии. Многочисленные группы из бывших партизан, сотрудников милиции, политбюро и советских органов в деревнях преследовали кулаков, а в рабочих поселках и городах – специалистов. Так, сотрудниками Щегловской уездной милиции и политбюро было сфабриковано дело так называемой «первомайской Щегловской контрреволюционной организации» из числа специалистов, 36 членов которой были арестованы и переданы в Томскую губчека. В июне 1921 г. аналогичную операцию по специалистам подготовила и начала осуществлять милиция Анжеро-Судженских копей, но местное партийное руководство сорвало эту акцию¹⁶⁵.

В 1922 г. в информационном письме за июнь – июль 1922 г. Сиббюро ЦК РКП(б) описано убийство в Кемерове врача Мицкевича, «убийство организованное, [также] предполагалось убийство целой группы технического персонала Кемеровского рудника»¹⁶⁶. Участниками его были члены РКИ. В ходе следствия установлено, что арестованные по этому делу представляли собой остатки прошлогодней группы, спустившей в шахты трех специалистов¹⁶⁷. В последующие годы еще немало специалистов стали жертвами проявлений «красного бандитизма».

Следствием подобных проявлений стало падение авторитета советской власти у населения, знавшего о беззаконии, а отсюда – бойкотирование мероприятий власти либо открытые выступления против неё (разного рода восстания и мятежи).

Ситуация все больше выходила из-под контроля, и Сибирское бюро ЦК РКП(б) вынуждено было принять меры, тем более, что только в 1921 г. пришлось дважды докладывать о «красном бандитизме» в ЦК РКП(б). Так, в докладе пленуму ЦК РКП(б), подписанном Смирновым, Ярославским и Яковлевой, было дано определение «красному бандитизму» как «самочинному образу действий отдельных групп населения, берущих на себя в том или ином отношении функции власти. Наиболее частой формой его выражения являются самочинные расправы одной революционно настроенной группы населения против другой, которую она считает контрреволюционной и общественно вредной... В красный бандитизм вовлекаются по преимуществу элементы, во времена Колчака активно боровшиеся в рядах партизан... отчасти рабочие... копей, рудников и прочий поселковый рабочий элемент и ...крестьяне из бедноты или выбитые из хозяйственной жизни колчаковским режимом и партизанщиной; иногда

¹⁶⁴ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 191.

¹⁶⁵ Шишкин В.И. Указ. соч. С. 24; Угроватов А.П. Уголовный розыск в Сибири... С. 83.

¹⁶⁶ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 106 об.

¹⁶⁷ Там же. С. 126.

это элементы (большой частью партизанские вожди разного калибра), которых партизанщина пробудила и сделала политически активными, а политическое невежество мешает им проявлять эту активность иначе, как в форме прямых действий»¹⁶⁸. Далее отмечалось, что территориально «красный бандитизм» разлит по всей Сибири, но наиболее ярко и массово проявлялся в Ачинском и Минусинском уездах Енисейской губернии, в районе Черемховских копей Иркутской губернии, Алтайской губернии и отдельных частях Кузнецкого, Щегловского и Томского уездов Томской губернии, т.е. в местах, где было наиболее развито партизанское движение. Практически всегда районы «красного бандитизма» совпадали с районами «белого бандитизма», а в иногородских районах «белый бандитизм» являлся следствием «красного бандитизма».

Большевистское руководство видело корни «красного бандитизма» в недовольстве политикой государства по отношению к своим врагам, в её мягкости. По мере строительства нового государства это недовольство стало проявляться в более резкой форме. Были установлены факты подготовки террористических актов против советских работников под лозунгами борьбы с «примазавшимися». Так, в Ачинской уездной милиции выявлена группа лиц, ставившая своей целью физическое уничтожение ответственных работников, принимавших меры по наведению служебного порядка и должностной дисциплины¹⁶⁹.

В докладе Сиббюро упоминались также случаи сращивания «белого» и «красного» бандитизма, назывались наиболее активные участники последнего. Такими, в первую очередь, являлись члены РКП: «...вовлекаются почти сплошь милиция и низшие органы чека – политбюро. Более того, эти аппараты советской власти являются теми органами, через которые красно-бандитские элементы держат между собою связь. Причиной этого является... большой процент (от 20 и более) партизанских элементов среди милиции и низкий политический уровень работников политбюро, слишком элементарно понимающих борьбу с контрреволюцией...»¹⁷⁰.

Как средство борьбы с «красным бандитизмом» предлагались меры по созданию специального фонда снабжения и хозяйственного устройства обнищавших крестьян и облегчения им государственных повинностей, по усилению политико-просветительской работы среди рабочих и крестьянских масс, ликвидации политической безграмотности среди членов партии, а также по упрочению низших органов советской власти – волостных исполкомов и сельских советов. В качестве мероприятий второго порядка предлагалось провести чистку органов милиции и ЧК, организовать несколько показательных процессов, пересмотреть составы комячеек и некоторые другие. Эти мероприятия оказались наиболее легко выполнимыми, они и были реализованы. Например, решением Енисейского губкома РКП(б) в целях оздоровления обстановки в Ачинском уезде все 8 сотрудников политбюро уезда были уволены, возможность их пребывания в РКП(б) должна была определить комиссия по чистке в ин-

¹⁶⁸ Доклад пленуму ЦК РКП о красном бандитизме [октябрь 1921 г.] // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 277–278.

¹⁶⁹ Шарыповское дело... С. 127.

¹⁷⁰ Из истории земли томской. 1917–1921... С. 304.

дивидуальном порядке. А президиум Ачинского уездного комитета РКП(б) принял решение о роспуске комячейки Шарыповской волости по причине невозможности установить личное участие членов ячейки в февральских событиях 1921 г. «из-за круговой поруки»¹⁷¹.

Результатом выполнения намеченных мер стали, в частности, чистка рядов милиции, а также пересмотр состава партийных ячеек в 1921 и 1922 гг.

Были организованы и показательные судебные процессы. Первый описан выше. В конце сентября в г. Каинске выездная сессия объединенного Новониколаевского губернского ревтрибунала рассмотрела дело об убийстве 6 членами и кандидатами в члены РКП(б), бывшими партизанами, народного судьи Д.А. Осипова. Причиной для расправы стало добросовестное исполнение последним служебных обязанностей: «...стоя на почве строгой законности, основанной на декретах и распоряжениях советской власти... одинаково сурово относился ко всем нарушителям правопорядка, не считаясь ни с личностью, ни со служебным положением обвиняемого, благодаря чему возбудил к себе неудовольствие местной администрации в лице милиции и особенно местных партизан...». Осипов, в частности, завел несколько дел на работников милиции и на находившегося в отпуске по болезни командира 674-го строевого полка В. Макарова за истязания гражданина Никифорова и «отбирание лошадей» у М. Сафонова.

Вовлеченные В. Макаровым в преступную группу начальник милиции Каинска М. Якушев, инструкторы Каинского уездного комитета РКП(б) И. Макаров и В. Лаптев и др. неоднократно пытались воздействовать на Д. Осипова, вплоть до организации арестов сотрудниками политбюро (дважды в течение весны 1921 г.), но он продолжал честно исполнять свои обязанности. Принципиальность Осипова и заставила преступников организовать его похищение и убийство; 16 июля 1921 г. тело Осипова с огнестрельной раной головы было обнаружено в озере вблизи с. Спасское.

Процесс над группой Макарова продолжался шесть дней. Главным обвиняемым был признан В. Макаров, сознательно организовавший убийство Д. Осипова. В приговоре было отмечено: «В. Макаров имеет высшее образование и не может быть причислен к числу несознательных, что, занимая доминирующее положение в Ключевской комячейке и вообще по всему Усть-Тартасскому (правильно Усть-Таркский. – В.У.) району и даже за пределами его, он тем более обязан был учитывать переживаемый Советской республикой момент... [но] в ослеплении личной вражды забыл долг перед Советской Республикой и занялся личной мстью, для чего использовал бывших партизан, обманывая их будто Осипов контрреволюционер... В. Макаров занимался агитацией против работников, поставленных советской властью, чем дискредитировал советские органы на местах...»¹⁷².

¹⁷¹ Шарыповское дело... С. 126–127.

¹⁷² См.: Шишкин В.И. Указ. соч. С. 55; Советская Сибирь. 1921. 4 окт. В. Шишкин, описывая этот случай, привел данные об осуждении 7 чел. (заведующий районным отделом социального обеспечения А. Чикилёв был беспартийным). Если в газете сообщалось об осуждении к лишению свободы Н. Сибирцева и М. Якушева, то В. Шишкин, со ссылкой на архивные материалы, указывает на осуждение к лишению свободы Сибирцева и Чикилёва и об объявлении строгого выговора Якушеву.

Губернский ревтрибунал приговорил четырех человек к высшей мере наказания – расстрелу и двоих к 5 годам лишения свободы в доме принудработ.

После установления подозреваемых и доказательства их вины Сиббюро ЦК РКП(б) 26 августа выносит решение, по которому губревтрибуналу была дана установка осудить организаторов убийства к высшей мере наказания, а к остальным подсудимым принять меры воспитательного характера, что и было сделано. В результате обращения рабочих г. Барабинска, ходатайства заместителя командующего войсками Уральского военного округа и просьбы секретаря Президиума ВЦИК А. Енукидзе приведение приговора было отсрочено. А через 8 месяцев дело было пересмотрено по причинам **давности преступления** (выделено мною. – В.У.) и сокращения краснобандитского движения. Все осужденные участники убийства были освобождены решением Сиббюро ЦК РКП(б)¹⁷³. «Справедливость» восторжествовала.

В этой же газете была напечатана статья ответственного сотрудника Сиббюро ЦК РКП(б) Д. Тумаркина «Красный бандитизм», в которой автор давал анализ этого явления, показывал мотивы, двигавшие участниками. По его мнению, «то обстоятельство, что эти элементы хранили преемственность с партизанским движением, позволяет им прикрывать революционной декламацией свою ненависть к пролетарской диктатуре и проявляющиеся на этой почве возмутительные правонарушения и незаконности... Расправляясь с неугодными им элементами, устраняя с пути тех, кто именем советских законов пытался бороться с такими действиями, они на фоне неграмотной и малокультурной сибирской деревни превращались в действительных хозяев положения, перед которыми дрожало местное безоружное население и прихоти которых исполнялись гораздо быстрее и охотнее, чем государственные повинности»¹⁷⁴.

Автор статьи определил сущность «красного бандитизма» как протест партизанской «вольницы» против порядка и законности в государстве, а действия этих бандитов – как контрреволюционные. На мой взгляд, о контрреволюционности говорить не приходится. Можно, видимо, вести речь о «случайных попутчиках» революции, которые в основном решали свои задачи и удовлетворяли свои амбиции. Таких примеров достаточно.

Появление этих двух материалов случайностью не было, так как они дополняли друг друга, теория и практика объединились, скорее всего, в воспитательных целях. Такой вывод не случаен: Тумаркин высказывал рекомендации, как бороться с «красным бандитизмом», используя возможности партийных организаций и «наших карающих органов». Его статью следовало рассматривать как «пробу пера» – попытку официальной оценки этого явления и поиск рецепта избавления от него.

Еще одним нашумевшим процессом стало дело М.Х. Перевалова (шарыповские события). Он начался 10 декабря 1921 г. в Красноярском доме просвещения. К суду были привлечены 56 чел., но на скамье подсудимых оказались 53, так как двое находились в бегах, а один был убит. В числе подсудимых были начальник Ачинской уездной ми-

¹⁷³ Шишкин В.И. Указ. соч. С. 52–58, 70.

¹⁷⁴ Советская Сибирь. 1921. 4 окт.

лиции и политбюро П.Е. Пруцкий, два начальника районной милиции, 14 милиционеров, три командира коммунистических отрядов, шесть членов волисполкома и 24 члена комячеек.

В ходе предварительного расследования и судебного следствия было установлено: чтобы «обезопасить свой тыл от белобандитов», по указке (в том числе и по мотивам личной мести) председателя волисполкома В.Т. Гайденко, членов местной комячейки М.Ф. Баландина, А. Васинского, Ф.Т. Прокудина и некоторых других милиционеры и коммунисты из отряда Перевалова арестовали 60 чел., якобы враждебно настроенных к советской власти и намеревавшихся уйти в банду. Не проводя следственных действий, в ночь на 15 февраля решили расправиться с арестованными. С этой целью их заводили в одну из комнат волисполкома, предлагали присесть на табурет и задавали несколько малозначащих вопросов. Затем по команде Перевалова стоявший за спиной арестованного милиционер С. Юшков набрасывал на жертву удавку и тащил в соседнюю комнату, где несколько милиционеров добивали её колотушками. Так были убиты 34 чел.

Одежду убитых милиционеры распределили между собой, трупы вывезли за село в болото и произвели по ним стрельбу, чтобы скрыть следы удушения. Для придания законности самосуду по сговору составили постановление, объяснявшее расстрел 34 арестованных острой боевой обстановкой. Кроме того, было инсценировано нападение банды на с. Шарыпово.

Родственникам же сообщили, что арестованные направлены в Ачинский дом лишения свободы либо сбежали в банду. Обман раскрылся через 25 дней, когда вблизи с. Шарыпово были обнаружены трупы со следами удушения¹⁷⁵.

Призывы губернских властей явиться в Красноярск Перевалов проигнорировал, а когда последовало указание об аресте, он выступил против власти – распространил среди жителей Ачинского уезда листовку с воззванием к партизанам, милиционерам и членам комячеек подняться на борьбу с «гадами», пробравшимися к власти под маской коммунистов. В течение двух дней ему удалось собрать около 200 вооруженных людей, поддерживавших его и разделявших его взгляды.

Выступление Перевалова и возможность его блокирования с «бандой» И. Соловьёва, что было вполне возможно, представляло серьезную угрозу для советской власти в губернии. 2 сентября губисполком направил Перевалову ультиматум с требованием прекратить сопротивление и явиться в Красноярск, гарантируя неприкосновенность. В противном случае – применение вооруженной силы и предание суду. Только после этого Перевалов распустил своих сторонников и явился в распоряжение губернских властей¹⁷⁶.

¹⁷⁵ Шарыповское дело... С. 127–128; Шишкин В.И. Указ. соч. С. 36, 60–61.

¹⁷⁶ Шишкин В.И. Указ. соч. С. 47–48. В госинформсводке ВЧК в сентябре 1921 г. отмечалось, что в своем воззвании Перевалов обратился «к партизанам, милиции и комячейкам с призывом стать под ружье для борьбы со слепцами совучреждений и белогвардейцами, примазавшимися к коммунистам, и с евреями». Несколькими днями позже он организовал собрание членов политбюро, милиции и комячеек партизан, на котором было вынесено постановление **об убийстве коммунистов**, притесняющих милицию, дере-

Подготовкой процесса над Переваловым и его сторонниками занимался непосредственно Енисейский губком РКП(б), определивший время и место проведения суда, состав сессии губревтрибунала, рекомендовал государственного обвинителя и защитников, он же и вынес решение о мере наказания участникам дела. В ходе судебного заседания обвиняемые признавали за собой вину лишь частично либо вообще объявляли себя невиновными, оставляя за собой право убийства любого «контрреволюционера».

14 декабря 1921 г. губернский ревтрибунал вынес приговор: 15 чел. были осуждены к ВМН – расстрелу, 11 – к 5 годам лишения свободы, 12 – на меньшие сроки, остальные были оправданы. Однако, как свидетельствуют документы, еще 28 ноября 1921 г. Енисейский губком РКП(б) вынес принципиальное решение: высшей меры наказания к обвиняемым не применять, поэтому приговор был пересмотрен: «Принимая во внимание заслуги подсудимых перед советской властью, обстановку ожесточенной борьбы, в которой было совершено преступление, и амнистию по случаю очередной годовщины Октябрьской революции», ревтрибунал изменил меру наказания, заменив расстрел заключением на 5 лет в доме лишения свободы, остальным снизил срок наказания на одну треть или наполовину. А 24 ноября 1922 г. в связи с 5-летием революции по амнистии срок был сокращен еще наполовину. В связи с поданным ходатайством 12 января 1923 г. осужденные были помилованы Президиумом ВЦИК и последние 13 чел. освобождены от наказания¹⁷⁷.

Таким же «строгим» был и приговор по «Мариинскому делу», где были осуждены бывший заведующий уездным политбюро К.А. Зыбко, помощник начальника уездной милиции А.П. Замятин, начальник районной милиции С.А. Калинин-Гричановский, его помощник М.К. Набойченко и еще 18 чел., в основном сотрудники милиции и политбюро Мариинского уезда. Им было предъявлено обвинение в том, что «в первой половине 1921 г. в пределах Мариинского уезда, состоя в указанных должностях и будучи большинство членами и кандидатами РКП(б), во время мирного строительства РСФСР на фоне грядущих решений экономических задач, когда лозунг «Революционная законность» с непоколебимой настойчивостью проводился центром в жизнь, они, обвиняемые, не считались с распоряжениями Центра, проводили политику «Власть на местах»[,] из-за недоверия к Центральной власти и недовольства её политикой производили без суда убийства лиц, замеченных или подозреваемых в контрреволюционных деяниях, каковыми действиями возбуждали против власти честные[,] только пробудившиеся сознанием массы[,] и тем самым разрушали установленный Центром политический порядок и потрясали экономические взаимоотношения групп населения Республики, причем каждый совершал... конкретные преступные деяния»¹⁷⁸.

венские комячейки и партизан. Согласно сводке численность его сторонников достигала 300. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 1. С. 494.

¹⁷⁷ Шарыповское дело... С. 129.

¹⁷⁸ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 142. Л. 278.

Все началось с писем населения о безобразиях, творимых в уезде представителями власти. Губернские власти направили в уезд комиссию. Достаточно быстро комиссия получила подтверждение фактов беззакония, и 17 августа члены комиссии Беляев и Титов направили в губком РКП(б) шифрованную телеграмму, в которой сообщали об аресте лиц, занимавшихся «террором». «Допрос[ы] бывших руководителей учмилиции[,] Политбюро[,] ответработников не обнаружили инициаторов... Опрос физических виновников – личная инициатива[,] классовая месть. Пока не установлена причастность [к] инициативе руководителей Политбюро, милиции [в] общей массе подобных дел. 14 [августа] высланы [в] Том[ский дом] прин[удительных] раб[от] Зыбко, Карпенко, арестован[ы] [в] Суслове нач. раймилиции Колняк, его помощник, 4 милиционера, двое членов комячейки как виновники грабежа имущества убитого Константиновского попа... его жены.

...Была обнаружена дутая организация, выколочена увечьем[,] боем [из] крестьян. Установлено, что инсценирование этой организации была цель – терроризирование свидетелей хищения имущества убитого, чтобы скрыть следы убийства»¹⁷⁹.

В июле 1921 г. состоялось заседание президиума Томского губкома РКП(б) (протокол № 24)¹⁸⁰, на котором был заслушан доклад Беляева о событиях в Мариинском уезде по результатам работы Особой комиссии, установившей, «что в Мариинской милиции и политбюро творится масса безобразий – беспричинные расстрелы, обыски, аресты. Выясняя состав арестованных, обнаружилось, что большинство крестьяне, самый темный элемент. По детальной проработке показал (так в тексте. – В.У.), что нет никаких белогвардейских организаций, освобождено 82 чел. (из 100).

Контрреволюционные организации являются продуктом создания самого Политбюро, которое, получив сведения, что в какой-нибудь деревне ведется антисоветская агитация, посылает секретного сотрудника, который распускает ложные слухи, заручается доверием недовольных... и становится во главе этой организации. При арестах избивают, пытаются. Комиссия установила, что никакого бандитского движения нет. Оно создается милицией и комячейками... Крестьяне запуганы. Боялись выходить даже из тюрьмы... крестьянство вынуждено бежать в тайгу и попадают под влияние белогвардейцев...

...лица, стоящие во главе уездных мариинских учреждений, не пригодны. Большинство из них бывшие эсеры. У рядовых членов партии недовольство их нерешительной тактикой. Необходимо убрать... (далее – перечисление ряда должностей. – В.У.). Аресты среди милиции и коммунистов (красных бандитов) подняли авторитет соввласти и успокоили население»¹⁸¹.

¹⁷⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 122.

¹⁸⁰ Точную дату установить не представилось возможным, так как на протоколе она отсутствует, протокол № 23 датирован 23 июля, а протокол № 25 – 24 июля. См.: Там же. Д. 39. Л. 66–68.

¹⁸¹ Протокол № 24 заседания президиума Томского губкома РКП(б). ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 67. Текст данного протокола противоречит информации, изложенной в приведенной выше шифротелеграмме, т.е. из содержания последней следовало, что аресты сотрудников милиции и др. были проведены в августе. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 204.

Поместив арестованных под стражу, власти удалось несколько успокоить население, но что с этими арестованными делать, ясности не было. Участников дела не допрашивали неделями и месяцами¹⁸². Исходя из такой «активности» следствия, можно было предполагать любой исход дела, но в связи с развернувшейся кампанией по борьбе с бандитизмом арестованных все-таки осудили.

Характеристики, данные в докладе Сиббюро ЦК РКП(б) участникам «красно-бандитского движения», можно примерять и к участникам этого дела. Вождизм, пусть и уездного масштаба, был присущ, например, Зыбко. В уже упомянутом обращении на имя М. Калинина он значительное место отводил своей персоне и личным заслугам: «мною был пойман Лубков», «мною были ликвидированы Олиферовская и Лубковская банды» и т.п. Видимо, подобная жизненная позиция и привела к вседозволенности и беззаконию, проявленным им и его подчиненными. Вождизм Зыбко и ему подобных был спровоцирован противоправными действиями власти, как, например, в случае с Лубковым, когда партийным и чекистским руководством было принято решение о его физическом устранении.

Томский губревтрибунал 25 января 1922 г. приговорил 14 чел. к высшей мере наказания, но шестерым сразу заменил эту меру на 5 лет дома принудработ, двоих – к 2 годам дома принудработ с менее строгой изоляцией, троих – к 3 годам дома принудработ условно и еще троих освободил от наказания, так как «действовали без разумения совершаемого ими деяния»¹⁸³.

На страницах газеты «Красное знамя», посвятившей процессу четыре публикации¹⁸⁴, обвинительный уклон перемежался с аргументами защиты, при этом последние

¹⁸² ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 179–202. Так, К.А. Зыбко в 24-страничном письме на имя председателя ВЦИК М. Калинина указывал, что, будучи арестованным, **просидел без допроса с 15 августа** (по официальным документам арестован 20 августа, а по указанной выше телеграмме вообще 14 августа. – В.У.) **по 25 октября**. После того как он по просьбе следователя письменно осветил обстановку в уезде за период своей работы, его **вновь не допрашивали до 23 ноября**.

¹⁸³ Там же. Л. 364–367; Из истории земли томской. 1921–1924... С. 72–78. Информация о приговоре заметно разнится. Так, Ем. Ярославский о процессе (Красное знамя. 1922. 27 янв.) писал, что 8 участников были приговорены к ВМН, еще 6 – к ВМН условно, 5 – к разным срокам дома принудработ, а 3 были освобождены. Но уже 28 января в газете «Красное знамя» был опубликован приговор по делу, где 14 чел. были приговорены к ВМН, но шестерым наказание было заменено на лишение свободы сроком 5 лет в доме принудработ, 4 были приговорены к 3 годам дома принудработ условно, а освобождены были 4 чел.

В Государственном архиве Томской области мною обнаружен документ, исполненный в 1922 г., – «Список срочных заключенных Томского ИТД, коим о зачете и незычете предварительного заключения не указано при вынесении приговора», подписанный начальником исправтруддома и заведующим арестчастью. По этому списку проходят Зыбко, Замятин, Могилевчик (состав преступления – преступление по должности), Калинин, Комаровский и Пушилин (состав преступления – красный бандитизм). Срок наказания у всех указан 2 года 6 месяцев лишения свободы. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 142. Л. 258.

Такое наказание всем осужденным было определено по Октябрьской амнистии 1922 г. 16 марта 1923 г. Зыбко, занимавший к этому времени должность заведующего сельскохозяйственной трудовой колонией, был освобожден из заключения по решению ВЦИК как отбывший половину срока наказания. Его подельники по этой причине были освобождены в период с 24 апреля по 31 мая 1923 г. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 411–412, 423, 451–452, 463–464.

¹⁸⁴ Красное знамя. 1922. 17, 26–28 янв.

преобладали. В качестве оправдания назывались политическая малограмотность, отсутствие со стороны партийных и советских органов какого-либо внимания к милиции, малый партийный стаж (в числе обвиняемых были вступившие в партию в 1920–1921 гг.), желание искоренять врагов революции ради счастья трудового народа и т.п.

28 января председатель Томского губревтрибунала И. Макаренко в статье «Суд над Зыбко и др.» написал, что помощники Зыбко – «это в большинстве уголовный элемент, и некоторые попросту явные контрреволюционеры. Напр., Замятин, бывший военный чиновник, Калиняк – какой-то потомок княжеского рода с довольно темным уголовным прошлым, Буторовский – колчаковский служащий и беженец. Могилевчик тоже сначала колчаковский служащий, затем попадает в плен к советским войскам... Работа по разложению милиции есть работа наших врагов, контрреволюционеров, которые, рассосавшись всюду и везде и особенно в милиции, подметив слабую струнку милиционеров-партизан – злобу и ненависть к своим бывшим врагам, играли на этой струнке и сознательно разжигали ненависть с целью **вызвать среди населения восстание**» (выделено мною. – В. У.)¹⁸⁵.

Хотя и писал Ем. Ярославский о недопустимости замечания следов преступления, последующие события свидетельствовали как раз об обратном. Уже в марте 1923 г. Зыбко был освобожден из-под стражи¹⁸⁶.

Это были два наиболее «громких» процесса 1921 г. Определенные положительные результаты были достигнуты. Только в Ачинском уезде еще до середины 1921 г. покинули банду Соловьёва и вернулись к мирному труду 125 крестьян, ранее ушедших в тайгу из-за боязни бесчинств и притеснений со стороны сотрудников милиции и отрядов Перевалова¹⁸⁷. Мариинское политбюро в очередной информационной сводке в октябре 1921 г. сообщало, что «в связи с прекращением самочинных арестов и обысков, производимых на местах милицией и комячейками, настроение населения уезда изменилось в лучшую сторону»¹⁸⁸. Это отмечал и Ем. Ярославский. Стали возвращаться домой «бандиты» из числа тех, кто просто вынужден был скрываться от Зыбко и его поделщиков¹⁸⁹.

Попытки властей в течение 1921 г. как-либо повлиять на проявления «красного бандитизма» более радикальных результатов не дали, наоборот, вызвали на местах негативную реакцию. Так, члены Пачинской волостной комячейки Томского уезда С.А. Климович, А.Ф. Лукьянов и П.И. Подонин, стремясь расправиться с семью жителями деревни Колмогоровой, 12 июля 1921 г. сфабриковали записку и подкинули одному из убитых бандитов. Затем, используя её, арестовали 9 человек, семерых из которых расстреляли на месте как пособников бандитов.

¹⁸⁵ Красное знамя. 1922. 26–28 янв.

¹⁸⁶ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 368–412. После образования Кузнецкого округа К.А. Зыбко работал в административном отделе, а 16 июля 1930 г. был назначен начальником этого отдела. См.: ГУВД Кемеровской области... С. 30, 262.

¹⁸⁷ Шарыповское дело... С. 126.

¹⁸⁸ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 204.

¹⁸⁹ Красное знамя. 1922. 27 авг.

После получения информации о случившемся президиум Томского губкома РКП(б) направил в Пачинскую волость комиссию для расследования. Результатом её работы стал арест участников расстрела и предание их суду революционного трибунала¹⁹⁰. В ответ на это коммунисты ячейки и советские активисты на волостной конференции в октябре 1921 г., в частности, потребовали освобождения С. Климовича до суда на поруки, приводя в качестве аргумента защиты факт участия Климовича в борьбе с колчаковцами. Более того, в случае отказа они грозились распустить ячейку и снять с себя ответственность перед властью¹⁹¹.

В связи с этим ультиматумом Томский губком РКП(б) 9 октября 1921 г. на заседании принял решение о необходимости разъяснить пачинским коммунистам недопустимость выдвижения каких-либо требований и ультиматумов подобного характера, объявив им выговор. Губчека было предложено ускорить рассмотрение дела С. Климовича и др.¹⁹² Заседание выездной сессии губернского трибунала состоялось 2 декабря 1921 г. в форме открытого судебного заседания. Все обвиняемые были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу.

По схожим сценариям происходили события в ряде уездов Енисейской и Иркутской губерний, где местные коммунисты проводили собрания и съезды, защищая «прощтрафившихся». Как и в первом случае, активно использовались ультиматумы и угрозы. Например, в Красноярском уезде о выходе из партии в знак протеста против арестов и предания суду милиционеров за самовольный расстрел бандитов при конвоировании в г. Красноярск заявили сразу 3 комячейки¹⁹³.

Однако были ультиматумы и несколько иного рода. Сахалинская комячейка Рождественской волости Томского уезда на своем заседании 22 января 1922 г. рассмотрела вопрос о контрреволюционных действиях в дер. Сергеево этой же волости А.С. Пангина и А.О. Шулицкого. Постановление гласило: «Просить Томскую губчека ПРЕДАТЬ ВЫШЕУПОМЯНУТЫХ (здесь и далее выделено в тексте. – В.У.) граждан как производящих своеручно порки, расстрелы и поджоги в 1919 г., а также участвующих в банде Олиферова, высшей мере наказания – РАССТРЕЛУ, а в случае [если они] будут освобождены, то настоящий протокол будет приведен в жизнь Сахалинской комячейкой РКП»¹⁹⁴. Этот документ хранится в архиве как копия с копии, и на

¹⁹⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 300–304. Автору не удалось выяснить судьбу названных лиц. Каких-либо материалов ни в ГАТО, ни в ЦДНИ ТО, ни в архиве Управления ФСБ РФ по Томской области, где хранятся дела или материалы на лиц, осужденных губернным ревтрибуналом, выявить не удалось.

¹⁹¹ Там же Д. 33. Л. 4; Шишкин В.И. Указ. соч. С. 48. На объединенной конференции Пачинской организации РКП(б) с представителями сельских советов присутствовали 4 члена РКП(б), 19 представителей от сельсоветов, 4 – от волысполкома. Райком партии представлял некто Черединов, который, по всей очевидности, занял позицию стороннего наблюдателя. Выписка из протокола была заверена 5 октября 1921 г. секретарем райкома РКП(б).

¹⁹² Там же. Л. 1.

¹⁹³ Там же. Д. 80. Л. 12; Шишкин В.И. Указ. соч. С. 48–50.

¹⁹⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 10. Каких-либо данных о судьбе А.О. Шулицкого выявить не удалось, а на Пангина Алексея Семеновича, 1874 г.р., ур. дер. Сергеево, в архиве УФСБ РФ по Томской области обнаружены целых два дела. Первый раз он был арестован в 1922 г. (возможно, это и была реакция на

нем имеются только заверительные подписи. Никаких резолюций нет, неизвестна и реакция на этот ультиматум.

Показательные процессы и выездные заседания революционных трибуналов кардинально изменить положение не могли. На местах оставалось еще много «пламенных» борцов с «контрой», чаще всего безоружной. Так, К. Цибульский¹⁹⁵ в докладной записке в Томскую губЧК о ходе борьбы с бандитизмом и деятельности коммючечек в Мариинском и Щегловском уездах в ноябре 1921 г. писал, что «большинство [бандитов] загнано [в леса] из-за личных счетов на местах. Власть имущие этим пользуются. И вижу: истинно белых в тайге почти не имеется. Я убедился, что большинство скрывающейся публики желают выйти из тайги и жить своим прежним мирным трудом, но трагедия их в том, что многие выходили к властям с повинной, а их убивали и убивают. Поэтому оставшиеся в тайге теперь не верят, что с ними не поступят так же, как с их товарищами (примеры имею).

...Теперь появились храбрецы над мирными жителями и чинят безобразия по отношению крестьянства, чем дискредитируют наше советское правительство, коммунистическую партию. Примеры: кто мог уполномочивать ячейки устраивать «варфоломеевские ночи», когда за одну ночь из нескольких деревень и сел уводились граждане – обыкновенные крестьяне – как бы на допрос или куда-либо, а потом их находили плывущими по реке или брошенными на окраине деревни или села. За примерами далеко ходить не буду, ибо мне об этом говорили лица ответственных постов, устраивавшие эти вещи. Ужас только в том, что в эти ночи расправ уничтожались люди только по личным счетам, и убивали за то, что он интеллигентный человек, умывался три раза в день, носит очки и имеет старое рваное кресло.

...Во многих местах пролезли в ячейки отбросы масс, люди-лентяи с худым прошлым...»¹⁹⁶.

Документов подобного содержания или с информацией о конкретных случаях в архивах Сибири отложилось немало. Брошенные в годы революции и Гражданской войны семена зла дали благодатные всходы, часто беззаконие и произвол декларировались руководителями Советского государства как единственное радикальное средство борьбы с контрреволюцией. Кроме того, к власти, особенно на местах, пришло очень много случайных и сомнительных личностей, готовых самоутверждаться любыми способами, в том числе и за пределами закона, морали и совести. В то же время руководящие органы, в частности Сибири, столкнувшись с фактами и примерами «красного бандитизма», длительное время пребывали в растерянности и не смогли (или не захотели) организовать борьбу с этим явлением гласно, открыто и широко. Чаще всего пред-

решение Сахалинской коммючечки). Осужден к ВМН – расстрелу – с последующей заменой по амнистии ВЦИК на 4 года заключения в исправтруддом со строгой изоляцией и поражением в правах на 5 лет, с конфискацией имущества. Вторично был арестован в 1932 г. Осужден на 5 лет концлагерей. См.: Большая людская... Т. 2. С. 357; Т. 5. С. 261–262.

¹⁹⁵ Один из руководителей партизанского движения в Томской губернии в период колчаковщины, впоследствии председатель Томского горисполкома.

¹⁹⁶ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 290.

принимались попытки не допускать утечки информации (даже о судах над бандитами) в соседние регионы, а судили бандитов по принципу «революционного правосознания» и «политической целесообразности». Как же судить товарищей по партии (оружию), если они сами таковы и в любой момент могли оказаться на их месте?!

Здесь уместно привести еще один документ, суть которого отражала отношение большевистского руководства к этому явлению. Сибирская областная комиссия по проверке личного состава партии 2 сентября 1921 г. направила во все губернские и уездные комиссии по проверке личного состава и очистке партии в Сибири секретный циркуляр, в котором, в частности, констатировала: «...все чаще и чаще в Сибири стали повторяться случаи самочинных расправ со специалистами, контрреволюционерами и даже ответственными работниками РКП, в которых нередко принимают участие и члены РКП, в особенности деревенских ячеек.

Были случаи, что такие выступления поощрялись и даже руководились ответственными работниками. Нередко выступлениям помогали милиционеры и чекисты»¹⁹⁷.

Особое место в циркуляре было отведено деревенским комячейкам, которые в отдельных случаях препятствовали вывозу продуктов, вмешивались в распределение и даже организовывали разграбления ссыпных пунктов. Были случаи, когда такие акции завершались открытым выступлением против советской власти.

Комиссия, оценивая подобные события Сиббюро ЦК РКП(б) как «красный бандитизм», робко упоминала в циркуляре лишь о наличии «зачатков этой заразы» и ставила задачу, не преувеличивая её значения, изолировать «зараженных». Особое внимание следовало обратить на предрасположенных к «красному бандитизму» членов партии, так как большинство участников этого явления – всего лишь жертвы провокации в силу ограниченности собственного кругозора.

Комиссия допускала санкцию «изгнание из партии» только для ответработников и хорошо развитых членов партии, отчетливо отдававших себе отчет в совершаемых действиях и причастных к бандитизму. Другой категорией подлежащих изгнанию были провокаторы, вожаки и кулаки, «воодушевляющие неосознательных членов на бандитизм». После прочтения последнего тезиса возникает несколько вопросов: как и по каким признакам отличить вторую группу от «отдававших отчет в своих действиях»; в чем суть провокаторства и о каких кулаках речь, если партия объединяла в своих рядах наиболее передовую (чаще всего бедняцкую. – В. У.) и сознательную часть населения; кто принял этих «кулаков» в партию? А судьи кто? Речь шла о привлечении «опытных партийных товарищей», но могли ли они дать действительно четкую оценку произошедшему, с чем они могли сравнивать и какой нормативно-правовой базой воспользоваться?

¹⁹⁷ Секретный циркуляр Сибирской областной комиссии по проверке личного состава партии всем губернским и уездным комиссиям по проверке личного состава и очистке партии // ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 166. Л. 17; Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919–1927 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 87. Возможно результатом деятельности комиссии явился отмеченный в Госинфсводке ВЧК в январе 1922 г. факт роспуска в Щегловске сельской комячейки «за краснобандитские тенденции». См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 1. С. 565.

Комячейки, члены коих «поголовно заражены бандитизмом», подлежали выпуску и последующей проверке. Интересно, что члены таких ячеек могли вновь возбуждать ходатайства о приеме в партию, но с одной оговоркой: в установленном для приема новых членов партии порядке. Предполагалось каждое ходатайство всесторонне и тщательно проверять.

В отношении остальных «виноватых» целесообразными считались: направление в партийные школы; изоляция – перевод для работы в районы, «не зараженные бандитизмом» (какая же это изоляция, да и были ли в Сибири места, не пораженные этой бациллой вседозволенности? Л.И. Боженко указывал, что в 1921 г. не оказалось ни одной губернии в Сибири, где не были бы отмечены факты террористическо-бандитских актов); перемена рода работы (например, для чекистов и милиционеров из рабочих или крестьян-бедняков на другую советскую или партийную работу); направление в ячейки, зараженные бандитизмом, старых партработников для производства отбора и т.д. (не указано, какого отбора и куда).

Появление подобного документа не способствовало борьбе с «красным бандитизмом». Его авторы, вне всякого сомнения, согласовали текст с «инстанциями». О каких кардинальных мерах борьбы можно было вести речь, если даже за открытые выступления против советской власти эта самая власть лишь «грозила пальчиком». Видимо, по-другому и быть не могло, ведь наказывать надо было своих товарищей, а к каким последствиям это наказание могло привести, оставалось лишь предполагать.

Предложенные Сиббюро ЦК РКП(б) мероприятия по борьбе с «красным бандитизмом» так и остались на бумаге. Можно сделать вывод, что в основном меры по локализации проявлений «красного бандитизма» носили характер половинчатости и были непоследовательными. Принимаемые решения не доводились до логического завершения, отстаивание «чести мундира» присутствовало практически при любом рассмотрении дел по фактам самоуправства партийных и советских работников и активистов. Не зная, как искоренить это явление в корне, «верхи» вынуждены были предпринимать какие-либо отдельные конкретные действия, но в итоге создавалось впечатление не конкретной работы, а видимости её. Возможно, отдельных руководителей такая форма «борьбы с контрреволюцией» устраивала, так как не требовалось ни соблюдения законов и иных правовых норм, ни проведения следственных действий и судебных заседаний.

На 5-й Алтайской губернской конференции, состоявшейся в феврале 1922 г., один из её участников, некто Репалов, в своем выступлении по поводу убийства Мамонтова заявил: «Мы должны наказать 1 000 кулаков, иначе он [Репалов] сам станет красным бандитом»¹⁹⁸. Эта его позиция получила одобрение участников конференции, никто, по крайней мере по протоколу, в том числе и из руководителей партийной организации, не отреагировал на это заявление, не осудил и не разъяснил преступность и пагубность такой позиции, такого подхода. Позицию Репалова можно рассматривать как естественную, т.е. в порядке вещей.

¹⁹⁸ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 435. Л. 12 об.

Другим свидетельством и подтверждением отмеченного выше могут служить многочисленные факты, когда при всей суровости приговоров (опять-таки исходя из указаний «верхов») все завершалось смягчением этих приговоров, а через некоторое время, исчислявшееся несколькими месяцами, полным освобождением от наказания. Лишь единицы были расстреляны.

Явления «красного бандитизма» отмечались в Сибири еще несколько лет, опустившись на более низкий уровень исполнителей, особенно в сельской местности. Так, по данным ПП ОГПУ по Сибири, только в Новониколаевском уезде «красный бандитизм» и его проявления летом 1922 г. были отмечены в 15 волостях. Одним из центров «красного бандитизма» в 1921–1923 гг. стал Кузнецкий уезд, где нарушения закона переходили в произвол, участие в котором принимали и ответственные работники, и рядовые коммунисты. На почве пьянства среди руководящих работников уезда процветало сведение личных счетов, практиковались смещения с должностей и аресты по самым незначительным поводам. Сельские коммунисты устраивали «японские землетрясения», в ходе которых производили массовые аресты и облавы, разрушали крестьянские дома, совершали грабежи и разбои¹⁹⁹.

Летом 1923 г. газета «Советская Сибирь» рассказала о фактах бандитизма со стороны членов коммуны Усть-Каменогорского уезда и бывшего командующего ЧОН Новониколаевской губернии Внукова и его адъютанта. В первом случае некий Гордиенко сформировал отряд из 10 коммунаров, но вместо поиска бандитов в Таинтинской волости разогнал съезд сельсоветов, начал обыски, отобрал ружья у охотников, а у лесной стражи – револьверы и винтовки. Когда начальник районной милиции попытался урезонить Гордиенко, то был избит. Все эти беззакония творились в связи с якобы обнаружением отрядом Гордиенко банды²⁰⁰.

В другом случае, как установило следствие, произошло следующее. В июле 1922 г. в Горном Алтае Внуковым и членами его отряда было реквизировано имущество у населения, из которого он продал 30 лошадей, 12 коров и 6 баранов. Были проданы и 900 пудов овса, принадлежавшего отряду. Вырученные деньги Внуков тратил на личные нужды. Когда ему стало известно, что за ним следят, он подделал документы и сбежал, но был задержан в Саратове. Неправомерность своих действий он понимал, так как имел незаконченное юридическое образование. Отягощалась его вина служебным положением, которое он занимал, и членством в РКП(б), пусть и бывшим²⁰¹. Возможно, последнее его и спасло. Если Гордиенко и его помощник Любоаев были приговорены к ВМН, то Внукову приговор к ВМН по амнистии был заменен на 10 лет лишения свободы.

О событиях этого периода, получивших огласку позднее, сообщала газета «Советская Сибирь». Так, временно исполнявший должность председателя сельского совета пос. Липовского Каргатского уезда Тихон Астапов, зная об истинных убийцах

¹⁹⁹ Угроватов А.П. Указ. соч. С. 104–106.

²⁰⁰ Советская Сибирь. 1923. 28 июля.

²⁰¹ Там же. 17 авг.

своего брата, ложно заявил **окружающим ячейкам** (выделено мною. – В.У.), что убийство совершили заговорщики – контрреволюционеры. Под этим предлогом он создал группу из 12 чел. (2 милиционера, несколько бывших председателей сельских советов, волисполкомов и земельных органов), к моменту выхода публикации уже исключенных из членов РКП(б), и начал производить незаконные обыски, изъятие имущества и избиения крестьян, не имевших отношения к убийству.

Для демонстрации того, что коммунисты находятся в опасности, 9 января 1923 г. убили «мучительным способом» коммуниста Лукьянчикова, его жену и троих малолетних детей. Приговор по делу был суров, но дело даже не в том, что преступники были избалованы и наказаны, а в том, что преступления совершили люди, облеченные (или облеченные ею раньше) властью, осознанно и обдуманно²⁰².

К периоду 1922–1923 гг. относились события, связанные с действиями бывшего секретаря партиячейки и председателя Худяшовского сельского совета П.В. Худякова, терроризировавшего население, проводившего со своими друзьями-помощниками (такими же, как он, активистами) самочинные аресты, имитацию расстрелов с непосредственной стрельбой в направлении «приговоренных к казни». Все это сопровождалось регулярными пьянками, понуждением к сожительству, использованием служебного положения в личных целях, т.е. своими действиями Худяков дискредитировал советскую власть. Решением контрольной комиссии он был исключен из партии, материалы по делу были переданы в следственные органы²⁰³. Чем завершилась эта история, автору установить не удалось.

В начале 1924 г. в трех волостях Кузнецкого уезда была проведена чистка партийных организаций. Из 296 членов и кандидатов в члены РКП(б) получили взыскания 202 (68,2%), 173 из них (85,6%, или 58,4% от общего числа коммунистов) были исключены из партии. В числе исключенных оказались секретарь Кузнецкого уездного партийного комитета Травников, начальник уездной милиции Рогов, заместитель председателя уисполкома Осипов. В отдельных уездах распускались целые партийные организации, а члены их исключались из партии и отдавались под суд; например, были распущены Решетовская и Черновская волостные организации в Каргатском уезде Новониколаевской губернии²⁰⁴.

В 1924–1927 гг. по решению краевой контрольной комиссии из рядов коммунистической партии были исключены 6 670 чел., в том числе 965 – за уголовные преступления, 513 – за должностные и 685 – за растраты. Среди привлеченных к уголовной ответственности были и лица, привлекаемые за «красный бандитизм» в 1921–

²⁰² Выездной сессией Новосибирского губсуда в с. Каргат из 18 членов группы двое были приговорены к ВМН – расстрелу, 13 – к различным срокам лишения свободы, двое оправданы, а один – убийца Лукьянчикова и брат главного обвиняемого, Иван Астапов, скрылся, судьба его неизвестна. См.: Советская Сибирь. 1924. 6 июня.

²⁰³ «Дело Худякова (письмо из Щегловска)» // Там же. 1926. 16 февр. В 1924–1926 гг. в Сибири прошла очередная волна судебных процессов над ответработниками и коммунистами, совершившими краснобандитские преступления в 1921–1923 гг. «Советская Сибирь» регулярно сообщала об этих делах.

²⁰⁴ Угроватов А.П. Указ. соч. С. 115.

1922 г. В апреле – сентябре 1924 г. Новониколаевская губернская контрольная комиссия рассмотрела подобные дела на 20 коммунистов, все были исключены из партии. Но говоря о борьбе за чистоту рядов, нельзя не учитывать, что партийно-советское руководство защищало своих провинившихся коллег, тормозило следственные и иные действия, направленные на установление истинной виновности. Так, в 1924 г. в Новониколаевской губернии самый короткий срок рассмотрения таких дел (93 дела) составил 3 месяца, для 133 дел – вдвое больше, для 205 дел – 12–14 месяцев, рассмотрение 64 дел – от 2 до 3 лет.

Вот один из характерных примеров. Уполномоченный Каменского окрисполкома Сполохов избивал в каталажной камере крестьян, задержанных в связи с возбуждением дела по ст. 107 УК РСФСР. За нарушение социалистической законности Сполохов был арестован, что привело к конфликту в руководстве округа. За «жертву» вступился временно исполняющий должность секретаря Каменского окружкома партии, член бюро окружкома, начальник окружного отдела ОГПУ Узликов, который с угрозами потребовал от окружного прокурора освобождения Сполохова. Мотив: прокурор не имеет права арестовывать окружных работников. И это заявил человек, для которого защита законности была одной из основных служебных задач. Для разрешения возникшей конфликтной ситуации потребовалось вмешательство краевого прокурора; Сполохов все-таки был осужден на 2 года лишения свободы. А сколько «сполоховых» ушло от наказания, можно лишь предполагать²⁰⁵.

После 1925 г. «красный бандитизм» перестал носить массовый характер. Причины во многом продолжали оставаться прежними – недовольство отдельных граждан гуманным отношением власти к преступившим закон. И если в первые годы негативное отношение вызывала «недобитая контра», то теперь преобладающими стали «хозяйственно-бытовые» мотивы, т.е. связанные с преступлениями обычного уголовного характера (конокрадство, воровство, а также сведение личных счетов и т.п.). Весной 1925 г. в с. Солоновка Сычевского района по сговору секретаря сельской партийчейки, секретаря райкома партии и начальника уездной милиции был убит крестьянин Попов, объявленный бандитом и хулиганом. В ходе следствия было установлено, что председатель Солоновского кооператива Лукин брал на учет всех, кто в какой-либо мере выступал против него (таковых оказалось 9 чел.), затем расправлялся с ними, в том числе убивая неудобных. До убийства Попова все предыдущие убийства раскрыты не были²⁰⁶.

В феврале 1926 г. в лесу около с. Шарыпово трое руководителей местных органов власти Берёзовского района (начальник милиции Масловский, председатель исполкома Калинин и члена исполкома Овсянников) расстреляли крестьянина Файзуллина за то, что он разоблачал их неблагоприятные дела²⁰⁷.

²⁰⁵ Угроватов А.П. Указ. соч. С. 139, 143, 152.

²⁰⁶ ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 4. Д. 2. Л. 95, 98.

²⁰⁷ Советская Сибирь. 1926. 9 июня.

Наряду с произволом со стороны представителей власти было немало фактов самосудов со стороны населения, потерявшего надежду найти защиту у власти от «лихого» люда; даже задержанных на месте преступления власть наказывала, по мнению населения, несоизмеримо мягко с тяжестью совершенного, а иногда и вообще освобождала от наказания по разным причинам. Так, 21 ноября 1925 г. на имя временно исполняющего должность прокурора Сибири Пачколина поступила шифрованная телеграмма за подписью заместителя полномочного представителя ОГПУ по Сибири Б. Бака и начальника контрразведывательного отдела ПП ОГПУ Г. Вaleyко, содержавшая копию шифротелеграммы из Бийского окружного отдела ОГПУ: «[В] ночь [с] 12 на 13 [ноября у] села Марушка пойман крестьянами совместно [с] ячейкой конокрад-рецидивист Буздалкин. 13 [ноября] кандидатом [в члены] партии[,] временно исполняющим [обязанности] секретаря ячейки Гапоненко [он] расстрелян. Дело расследовано специальной комиссией. Подробности почтой. Вольфрам»²⁰⁸.

В информационных материалах Сибкрайкома РКП(б) к предстоящему докладу Сибирской краевой прокуратуры на бюро крайкома в разделе «Самосуды и красный бандитизм» отмечалось, что секретарь кандидатской ячейки Гапоненко (так в тексте. – В.У.) во время публичного допроса Буздалкина подстрекал толпу крестьян к самосуду. Буздалкина вытащили на улицу, и начался самосуд, но задержанного отстоял милиционер. На следующий день Гапоненко и еще один член сельского совета увели Буздалкина на кладбище, где Гапоненко последнего и застрелил. Комиссия Бийского окружного комитета партии установила, что Гапоненко после убийства Буздалкина пытался скрыть следы преступления. Сельская ячейка отнеслась к происшедшему безразлично, никак не отреагировала. Причина крылась в том, что население потеряло надежду избавиться от Буздалкина, который продолжал заниматься кражами и бесчинствовать, угрожая оружием. На вопрос комиссии сельскому собранию, правильно ли поступил Гапоненко, забывая, что есть суд и специальные органы, ведавшие этими делами, «собрание молчало, за исключением одного гражданина, который вместо ответа крикнул: “Воров бей”»²⁰⁹.

Еще более страшный по своей жестокости случай произошел в Аларском аймаке Бурмонгольской области, где под предводительством милиционера и нескольких вооруженных комсомольцев (все буряты) производились обыски у русской части населения и аресты, а трое пойманных, подозреваемых в воровстве, были убиты.

При допросах применялись избиения прикладами ружей, револьверами, кулаками, палками, высказывались угрозы расстрела. Из ближайших улусов стали стекаться любопытные, принявшие участие в избиении (до 100–150 чел.). Комиссия констатировала, что «во время избиения применялись самые зверские выходки, как, например, арестованные из числа убитых обливались кипятком, а в задний проход забивали палки и прочее, арестованных... гоняли по улусу, гоняясь за ними верхами,

²⁰⁸ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 28.

²⁰⁹ Информационные материалы Сибкрайкома ВКП(б) к предстоящему докладу Сибирской краевой прокуратуры на бюро крайкома ВКП(б) «О революционной законности». См.: Там же. Д. 19. Л. 64–65.

заставляя арестованных бежать до изнеможения, и когда они бежать не могли, их начинали бить, на арестованных клали жерди и на них качались...». В избииении принимали участие все «кому не лень вплоть до маленьких ребятишек»²¹⁰.

Ни советские, ни партийные органы выводов не сделали, мер не предприняли, на президиуме аймачного комитета в качестве информации было доложено: Ничего серьезного не было, убили только 3 уголовных преступников. Все арестованные по убийству к моменту приезда комиссии были освобождены и успели предпринять шаги по сокрытию следов преступления. И в этом случае комиссия сделала вывод, что причина подобных действий населения кроется в неверии власти и безнаказанности преступников.

В дер. Н-Шипуново Рубцовского округа проявлением «красного бандитизма» стало убийство двумя членами сельской партийной ячейки гражданина Зайцева. 18 октября 1925 г. после распития самогона возникла ссора, а затем драка между И. Зайцевым, коммунистами М. Казанцевым и братьями И. и Д. Новиковыми. Отец И. Зайцева в 1919 г. исполнял обязанности волостного старшины и подозревался партизанами в предательстве, за что и был казнен. Убийство И. Зайцева произошло на почве имевшейся у партийцев боязни мести с его стороны за убитого во время партизанщины отца. И вновь никаких мер по отношению к убийцам-коммунистам²¹¹.

Если в первой половине 1920-х гг. государство пыталось бороться с проявлениями «красного бандитизма», пусть и достаточно бессистемно, то во второй половине 1920-х гг. оно даже исключило этот термин из оборота. Утрата политического аспекта, первоначально содержавшегося в проявлениях «красного бандитизма», привела к частым случаям злоупотребления либо превышения служебных полномочий, нарушению революционной законности и некоторым иным противоправным действиям.

Данное явление изжить до конца так и не удалось, благодатная почва беззакония первых лет советской власти взрастила хороший урожай. Легче всего было жить по законам военного времени, многие активисты так и не смогли забыть ту легкость, которая позволяла им вершить судьбы, не задумываясь о последствиях. Они гордились своим «заслуженным» прошлым.

Начавшийся в 1928 г. хлебозаготовительный кризис заставил государство забыть о какой-либо законности. Перед властью на местах были поставлены задачи выполнить план хлебозаготовок любыми способами, каждому органу власти определены участок и направление работы. И вновь начались беззаконие и произвол: незаконные обыски, реквизиции, давление на крестьянство через административные рычаги (заккрытие магазинов и кооперативных лавок, запрет приема молока на переработку и т.п.). Заметно возросло число должностных преступлений, каждый ответработник хотел выжить в этой «драке», но выжить за счет кого-либо другого, тем более, что вышестоящая власть сама показывала и учила закрывать глаза на Закон – цель оправдывала средства.

²¹⁰ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 66–67.

²¹¹ Там же. Л. 69; Угроватов А.П. Указ. соч. С. 126.

А.П. Угроватов в исследовании, посвященном «красному бандитизму» в Сибири, выделил 4 этапа его развития, охватывавших период с 1921 по 1929 г. Первый этап ограничивался 1920–1921 гг. – до проведения в Сибири политики нэпа. Второй этап – 1921–1924 гг. – начало реализации нэпа. Власть начала предпринимать попытки борьбы с «красным бандитизмом», но не столь активные, чтобы победить его. К концу 1924 г. наблюдается снижение краснобандитских проявлений. Третий этап – 1924–1927 гг. – период активного проведения нэпа. Четвертый этап – 1928–1929 гг. – завершение нэпа и целый ряд кризисов в стране, вновь вызвавших это явление к действительности²¹². За эти годы «красный бандитизм» заметно изменился.

Приведенную периодизацию можно считать достаточно условной. На мой взгляд, при оценке явления «красного бандитизма» доминирующими следует признать социально-политические условия. Следовательно, речь необходимо вести о степени проявления этого явления по его «активности» и направленности. Таким образом, «красный бандитизм» как социальное явление можно делить на следующие периоды: 1920–1922 гг. – заключительный период Гражданской войны, период ярко выраженного «политического» характера – сведение счетов с бывшими сторонниками прежнего режима и противниками периода Гражданской войны. Главенствующую роль в этот период играли преимущественно представители партийно-советского актива, сотрудники ВЧК–ГПУ и милиции. Второй период – 1923–1926 гг. – период «борьбы» преимущественно с уголовной преступностью, который характеризуется ростом активности местного населения, увеличением числа незаконных расправ и самосудов при активном участии в них представителей органов власти. Проявление стихийности и «инициативы» отдельных должностных лиц и местного населения можно объяснить необходимостью самостоятельно защищать себя от уголовных элементов.

Вплоть до начала массовой коллективизации считаю уместным вести речь уже о наличии «государственного» следа в нарушении законности. Все чаще эти нарушения становятся следствием указаний, поступавших «сверху». Государство через партийно-советский аппарат при поддержке правоохранительных органов, в первую очередь прокуратуры, стало ужесточать требования к выполнению поставленных задач, что развязывало руки исполнителям на местах. Вновь стали проявляться политическое расслоение и противостояние в обществе. В этих условиях необходимо говорить уже не о проявлениях «красного бандитизма», а о фактах государственного террора. Вновь стали создаваться чрезвычайные органы – всевозможные «тройки», «пятерки», выездные группы и бригады из работников суда и прокуратуры, аппараты особо уполномоченных из числа партактива и сотрудников ОГПУ.

Один из ведущих исследователей этого исторического феномена доктор исторических наук В.И. Шишкин в работе «Красный бандитизм в советской Сибири»²¹³ показал причины его возникновения и масштабы проявления, отношение к нему

²¹² Угроватов А.П. Указ. соч. С. 206.

²¹³ См.: Советская история: проблемы и уроки : сб. статей. Новосибирск, 1992. С. 3–79.

властных органов, рассмотрел социальный состав его участников и подчеркнул пагубность этого явления для населения Сибири. Ем. Ярославский, характеризуя «красный бандитизм» в своих работах, определил его как социально-политическое явление: «Красным бандитизмом мы называли такие преступления, как грабежи, тайные убийства, расправы и другие факты, совершаемые не белыми, а “красными” или бывшими “красными” партизанами, или членами РКП(б), причем [совершающие] эти преступления люди пытаются их представить не просто как зверское убийство или уголовный грабеж, а изображают их как благородное и необходимое дело, как борьбу будто бы с контрреволюцией... На самом же деле красный бандитизм – самое вредное явление, он иногда вреднее даже белого бандитизма, он часто – родной ему брат»²¹⁴. Еще более жестко «красный бандитизм» охарактеризовал Л.И. Боженко, оценив его как «глубоко контрреволюционный»²¹⁵.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что явления, характеризуемые как «красный бандитизм», носили неслучайный характер и не были единичными. Эти «проявления» представляли собой сложившуюся систему отношений. К объективным причинам проявлений «красного бандитизма», вне всякого сомнения, можно отнести последствия противостояния и борьбы в годы Гражданской войны, сложную экономическую и политическую обстановку в Сибири накануне и в первые годы нэпа, тяжелое экономическое положение большей части сельского населения, низкий уровень общего и культурного развития и др. Субъективными причинами являются наличие классово-этнической злобы и ненависти малоимущих и обездоленных к «угнетателям», то, что «красный бандитизм» носил характер целенаправленной, идеологически обоснованной и регулярно «подкармливаемой» постулатами о классово-этнической борьбе и её развитии политики, пусть и не всегда организуемой и поддерживаемой «верхами», наличием большого числа людей, для которых «работа с оружием в руках» стала делом всей жизни, тем более, что достаточно часто действия этих «активистов» на местах получали молчаливое одобрение руководителей партийных и советских органов. Даже по прошествии многих лет сложно оценить ущерб и моральный вред, нанесенный этой уродливой формой борьбы за «светлое будущее». Нет возможности собрать всю информацию и все факты краснобандитского беззакония. Вне всякого сомнения, «красный бандитизм» способствовал воспитанию у рядовых граждан чувства страха и боязни, а у непосредственных участников беспредела – чувства вседозволенности и безнаказанности. Многие из них, не будучи серьезно наказанными за свои преступления в 1920-е гг., проявили себя, сумев впоследствии подняться выше по партийной и советской служебной лестнице, получив больше прав и возможностей командовать большим числом людей, а главное, распоряжаться их судьбами.

²¹⁴ Ярославский Ем. О красном бандитизме: (Мариинское дело). Томск, 1922; См. также: Боженко Л.И. Об одной из форм классово-этнической борьбы в Сибири накануне и в первые годы новой экономической политики // Тр. Том. гос. ун-та. Сер. истор. 1969. Т. 214, вып. 4. С. 226–236.

²¹⁵ Шишкин В.И. Указ. соч. С. 4.

1.4. Крестьянское сопротивление

На селе большевикам пришлось столкнуться с сопротивлением зажиточной части крестьянства. Выход был найден и в этой ситуации – наиболее активных противников относили к кулакам, спекулянтам и т.п. и ограничивали в правах, например, лишали права голоса. По Конституции РСФСР не могли быть избранными:

- а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- б) лица, живущие на нетрудовой доход;
- в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;
- г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;
- д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охран-ных отделений;
- ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором²¹⁶.

Пункты «а» и «б» прекрасно подходили к зажиточному крестьянству, да и крепкому середняку.

Факторы административного давления и ограничения в правах сыграли немало-важную роль в создании основы антибольшевистских выступлений крестьянства. Напряжению обстановки в Сибири способствовала и мобилизация мужского населения в армию, когда десятки тысяч человек вновь были вынуждены надеть шинели и защищать советскую власть, для многих еще не ставшую «родной и близкой», на Южном и Западном фронтах. Как и в годы колчаковщины, часть мужского населения дезертировала и уходила в леса, что привело к организационному началу процесса формирования уголовных, а в отдельных случаях и уголовно-политических банд.

С освобождением Сибири от колчаковщины на её территорию была распро-странена политика «военного коммунизма», основанная на системе ограничений и принуждений всех членов общества к трудовой повинности и принудительному уравниванию их материального положения. Поддерживаемая беднотой, эта политика у зажиточного крестьянства вызывала резкое недовольство, так как ограничивала возможности торговли по свободным ценам и, главное, позволяла государству обирать его. Введенная в Сибири разверстка имела более 30 видов: на зерно, овощи, мясо, яй-цо, кожи и т.д. и предполагала в конечном итоге сломать богатое крестьянство.

Предлогом для изъятия продуктов служил голод в центральных районах Рос-сии. Для сбора продовольствия при Сибревкоме был создан Сибирский продоволь-ственный комитет (Сибпродком) во главе с П.К. Кагановичем, а на местах – губерн-ские и уездные продкомитеты. К изъятию продуктов были подключены партийно-советский аппарат, армия и чрезвычайные комиссии, которым были даны права при-менения любых мер принуждения к тем из крестьян, кто не выполнял разверстку. В декрете СНК РСФСР № 171 от 20 июля 1920 г. «Об изъятии хлебных излишков из

²¹⁶ Конституция (Основной Закон) РСФСР от 10 июля 1919 г. Раздел IV, глава 13, ст. 65 // Декреты Со-ветской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 562.

Сибири» предлагалось уклоняющихся «...карать конфискацией имущества и заключением в концентрационные лагеря...»²¹⁷.

На помощь сибирским большевикам из европейской части России были направлены 6 000 продотрядовцев, 9 000 продармейцев, 20 000 рабочих. В распоряжение Наркомпрода выделялись вооруженные подразделения в количестве 9 000 штыков и 300 сабель. К маю 1920 г. в Сибири реквизировали 16 миллионов пудов хлеба, 5 из которых к 28 мая уже вывезли²¹⁸.

Появление такого числа «помощников» явилось следствием обращения Сибревкома к советскому правительству с просьбой о формировании в центральных губерниях России «обмолоточно-заготовительных отрядов» численностью в 20 тыс. чел. и направлении их на помощь сибирским крестьянам. Требовалась ли эта помощь в действительности, никого не интересовало. В декрете СНК от 20 июля 1920 г. «Об изъятии хлебных излишков в Сибири» просьбы Сибревкома были учтены. Декрет обязывал крестьян Сибири незамедлительно приступить к обмолоту и сдаче всех свободных излишков хлеба прошлых лет с доставкой до железнодорожных станций и паромных пристаней. Предполагалось привлечь к обмолоту практически все население. Уклонявшихся предполагалось карать как изменников делу революции.

В целях облегчения обмолота хлеба маломощным хозяйствам и семьям красноармейцев военно-продовольственное бюро ВЦСПС при содействии Главкомтруда обязывалось привлечь и направить для продработы в Сибирь продотряды численностью до 6 000 человек. Наркомтруд, в свою очередь, обязывался мобилизовать и направить в распоряжение сибирских властей до 20 000 крестьян и рабочих, организованных в уборочные дружины.

Уже в сентябре 1920 г. в Сибирь прибыли 12 446 чел. на «помощь» сибирскому крестьянству, 5 222 чел. остались в Омской губернии. На период «командировки» за членами продотрядов сохранялись их рабочие места и средний заработок, выдавались суточные. Оставшиеся члены семей пользовались правами рабочих данных предприятий или учреждений, в том числе и всеми видами довольствия. Члены обмолоточных дружин за выполнение разверстки в установленные сроки получали по окончании работ премию в размере 10 пудов муки или зерна по твердой заготовительной цене. Кроме того, они имели право еще и на одну посылку продуктов домой – один пуд муки или зерна. Это удобная возможность для власти «подкормить» хотя бы часть голодных рабочих и членов их семей, при этом оставаясь в стороне от происходившего. Подобное стимулирование, несомненно, играло роль в активизации работы продотрядов. Необходимо учитывать, что «продотрядовцы» сами кормились из фондов собранного. И все это ложилось на плечи сибирского крестьянина.

Т. Галкина, ссылаясь на материалы Госархива Омской области, привела ряд примеров плохой организации продработы: проведение заготовительной работы несколькими отрядами в одних и тех же районах, хищения собранных продуктов члена-

²¹⁷ Сибирский революционный комитет... С. 289; Гришаев В.Ф. За чистую советскую власть... С. 28.

²¹⁸ Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 264.

ми заготовительных аппаратов. Такие примеры имели место в Тюкалинском уездном продкоме, где между членами продотрядов были поделены 150 пудов окороков и 170 пудов сыра, а в дер. Евгашино по инициативе агента хлебофуражного отдела и по постановлению местного исполкома были таким же образом «распределены» 70 пудов масла.

Часть дружин могла быть вооружена Сибпродкомом. В каждый заготовительный район направлялись одна дружина численностью 120 чел. и вооруженный рабочий продотряд военизированной охраны (ВОХР) в 25–50 чел. Эти отряды должны были в случае необходимости не позднее 48 часов прийти на помощь уборочным дружинам, а в случае отсутствия необходимости сами занимались продработой на местах²¹⁹.

Наличие такой армии «помощников» не могло не сказываться на выполнении продразверстки на местах. Члены продотрядов и дружин практически выколачивали продукты из населения, так как на добровольную сдачу хлеба рассчитывать почти не приходилось. Такая политика отрядов, конечно же, вызывала протест населения, отдельные проявления которого носили экстремистский характер (избиения и даже убийства «продотрядников»). Недовольство проявляла большая часть крестьянского населения, но виновником безоговорочно объявлялось «кулачество».

«Выколачивание» разверстки из крестьян стало одним из основных моментов, приведших к началу Западно-Сибирского восстания. Хлебные запасы изымались до последнего фунта, конфисковывались лошади, коровы и другой скот без учета семейного положения крестьян. К «несознательным» применялись порки и угрозы оружием. Следователь реввоен трибунала Сибири Е.И. Михалаш в заключительном постановлении по делу о вооруженном восстании в Ишимском уезде в феврале 1921 г. вынужден был конкретно сформулировать обвинения в адрес отдельных продработников, совершавших явно незаконные действия и подлежавших суду, – М.А. Лауриса, В.Г. Соколова, А.С. Крестьянникова, И.М. Гуськова, М.Г. Заплетина и С.А. Полякевич. Все они отличались грубостью и жестокостью, были зафиксированы многочисленные случаи избиения крестьян, угрозы физической расправы и уничтожения имущества, а некоторые из них были уличены в хищении имущества и продуктов питания²²⁰.

²¹⁹ Галкина Т.И. Продовольственные отряды Омской губернии в борьбе за хлеб (1920–1921 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1965. Вып. 4. С. 137–139, 145.

²²⁰ За советы без коммунистов... С. 58, 69–70, 80–82, 112–113, 244–249 и др. В ходе ликвидации восстания подобными действиями уже «отличались» коммунистические отряды и воинские части. Об этом, в частности, докладывали уполномоченный Сибревкома и штаба Помглавкома по Сибири А.П. Кучкин председателю Сибревкома И.Н. Смирнову 16 мая 1921 г., а также член «тройки» Тюменской губЧК А.Ф. Семенович в губком РКП(б) в начале августа 1921 г. В информационной сводке Тюменской губЧК за 1 июня – 1 августа 1921 г. отмечалось: «Разнузданность и полное отсутствие дисциплины и политработы среди красноармейцев дают себя чувствовать, особенно среди крестьянских масс. Действующие части по ликвидации бандитизма... производят массу мародерства и грабежа, обирая крестьянское население. ...Производили самочинные захваты упряжи, повозок, фуража и проч., съестные продукты со взломом замков, угрожая оружием... Сломал два замка, забрали масло, яйца, сметану, хлеб... унесли все

В целом в Сибири планировалось к 1 марта 1921 г. заготовить 110 млн пудов хлеба (24% разверстки страны), по 7 млн пудов мяса и масла, 830 тыс. штук овчин, 220 тыс. пудов шерсти, 1,2 млн штук кожи, 7 млн штук пушнины и т.д. Уровень разверстки по сбору хлеба в Сибири был очень высоким – 45%, тогда как по стране – 21%²²¹. Изъятие происходило не из наличия излишков, а из потребностей. Достаточно часто изымались продовольственный и семенной фонды.

Введение продразверстки вызвало рост протеста как против самой разверстки, так и против участников её реализации. Начальник Томской уездной милиции в апреле 1921 г. обобщил сведения об оперативной обстановке по уезду за период с 1917 г. В разделе об отношении крестьян к «переживаемому моменту» он писал, что после освобождения от колчаковщины крестьянское население встретило освободителей с большим торжеством и готово было оказывать частям Красной армии различную помощь, в том числе и продовольствием, были даже случаи добровольных пожертвований продуктов. Но введение разверстки как общегосударственной повинности крестьянству «очень не понравилось», так как за отданные продукты крестьяне взамен практически ничего не получали. Запрещение торговли продуктами привело к тому, что часть деревенского населения была поставлена в безвыходное положение – остались без хлеба. Обмен вещей на продукты способствовал росту спекуляции. «Хлеб отбирался и сдавался на ссыпные пункты. Неимущие и вообще крестьяне до крайности обозлились против такого явления и действий. Слышались ропоты и недовольства по адресу власти вообще, а главное – на представителей на местах. В июне... 1920 года, когда был объявлен обмолот старых кладей, крестьяне совершенно взволновались...

...в июле... [в] связи с продполитикой возникали уже вспышки [,] выразившиеся в открытом вооруженном кулацком восстании против власти. После ликвидации упомянутого восстания как-то в заобских районах, а равно и там [,] где побывали банды Лубкова, крестьяне стали занимать выжидательную позицию...»²²².

Другой причиной недовольства продразверсткой стало поведение членов продотрядов, допускавших «ненормальные действия».

съестные продукты и зарезали двух овец. Под силой оружия... **вынудили готовить ужин, по окончании которого остатками сметаны и проч. вымазали стоящую кузницу** (выделено мною. – В.У.)». См.: За советы без коммунистов... С. 450–451, 509–510, 513–514 и др.

²²¹ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995. С. 221. Разверстка только по Алтаю выглядела следующим образом: хлеба – 31 млн пудов, 140 586 голов крупного рогатого скота, 250 361 голов мелкого скота, 93 570 свиней, 590 277 пудов масла, 111 609 818 штук яиц, 2 100 000 пудов картофеля, 115 000 пудов льна, 45 700 пудов шерсти грубой, 4 275 пудов шерсти поярковой, 37 000 штук конских кож одного года, 36 800 штук скотских кож от года и выше, 154 700 штук телячьих кож от одного года, 71 700 штук овчин и козлятин, 48 100 штук мерлушек, 4 576 000 пудов сена, 2 750 000 пудов соломы. Отдельные из названных показателей составляли треть от общесибирской разверстки. Многие крестьяне просто не понимали, почему они должны даром отдавать результаты своего труда. См.: Гришаев В.Ф. За чистую советскую власть... С. 27–37.

²²² Сведения о наблюдении по Томскому уезду за весь период существования Советской власти по 25 апреля сего 1921 года. См.: ГАТО. Ф. Р-278. Оп. 2. Д. 11. Л. 2–3.

По мнению начальника милиции, бедняки стали сочувственно относиться к советской власти и охотнее сдавать разверстку, кулаки же «обозлились до крайности».

События 1921 г. ситуацию обострили еще больше. Разверстка выполнялась только за счет отрядов, в отдельных случаях привлекалась милиция на местах. Характеристика этого периода формулировалась фразой: ...массы на разверстку и продполитику смотрели и смотрят со злостью – враждебно.

По истечении месяца ситуация еще более усугубилась. Настроение масс в уезде по отношению к советской власти враждебное. Население находилось в тяжелых экономических условиях. Кроме экономических проблем, фиксировались многочисленные случаи недовольства неумелым ведением дел на местах, на представителей власти смотрели с большим недоверием по причине проявления «комиссарства» отдельными руководителями. «Волокита наблюдается везде и всюду. Крестьяне говорят, что ответственные посты занимают явные саботажники[,] бывшие белогвардейцы, а если и рабочие, то закомиссарились и обюрократились... появились также обдиралы и буржуи, хотя и рабочие... ненормальностей действительно довольно и крестьяне до некоторой степени вполне правы...»²²³.

В кампанию 1920/1921 г. только за период с 1 сентября по 31 декабря 1920 г. было арестовано 6 985 граждан, конфисковано: лошадей – 4 387, крупного рогатого скота – 3 416 голов, мелкого рогатого скота – 5 268, свиней – 988. В кампанию 1921/1922 г. продовольственные сессии осудили 23,1 тыс. граждан, в том числе 677 с полной и 4 733 с частичной конфискацией имущества. Решениями судов 539 чел. были выселены за пределы мест проживания. По судебным приговорам у сельских налогоплательщиков изъято 15,3 тыс. пудов хлеба, 1 005 лошадей, 12,1 тыс. свиней и овец. Общее число административных взысканий на злостных неплательщиков достигло 50,5 тыс.²²⁴

Замена продразверстки продналогом на первых порах также была встречена «в штыки». О положении в Сибири Ф. Дзержинский писал в ЦК РКП(б): «С начала декабря [1921 г.] до настоящего времени [февраль 1922 г.] выполнение продналога протекало исключительно под сильнейшим неослабным нажимом, переходившим всякие пределы... – приговорами ревтрибуналов, широкой конфискацией имущества движимого и недвижимого, высылка [с] места жительства [для] работы на шахтах, вынесение смертных приговоров (таковые приходилось отменять). Стремление работников выполнить во что бы то ни стало 100% при невероятном сопротивлении налогоплательщиков местами проявлялось [в] крайне жестких мерах, как-то: сажание [в] холодные амбары, вымораживание на снегу, симуляция расстрелов, прочие сверх всякого закона репрессии»²²⁵.

²²³ Секретный рапорт начальника Томской уездной РКСМ начальнику Томской губмилиции № 521 от 27 мая 1921 г. См.: ГАТО. Ф. Р-278. Оп. 2. Д. 11. Л. 91.

²²⁴ Угроватов А.П. Указ. соч. С. 72.

²²⁵ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 98. Л. 5; Угроватов А.П. Указ. соч. С. 72–73. Немало примеров беззакония и беспредела, творимого продработниками, приведено в документальном сборнике «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД...». Например, в дер. Улыбинской Новониколаевской губернии уполномоченные продтройки водили крестьян топить (С. 554), в Омской губернии избивали женщин «до потери

А вот как описывал произвол продотрядовцев в октябре 1922 г. бывший сотрудник Барнаульского оперпункта ГПУ Кузнецов: «Проезжая с продотрядом по Локтевской волости, я увидел человек 30 крестьян арестованных, которых гнали по всей волости, начиная с самого Локтя... и опять в Локоть. Там... арестованных посадили в амбар. Оттуда ночью выводили по одному и начинали бить кулаками и стегать плетьюми. В селе Локоть [уполномоченным упродкома] Кулагиным был арестован весь сельсовет... которых били кулаками, прикладами винтовок. Стегали плетьюми и топтали ногами. В числе избитых были и коммунисты... Одного крестьянина (в селе Веселоярском. – В.У.) били-били плетьюми, прикладом винтовки, а потом подняли его за плечи и ноги кверху и стукнули об пол так, что у него пошла кровь из носа и рта, из ушей. Из комнаты его вытащили полумертвого... Много незаконных требований. Так, в селе Локоть в час ночи Кулагин потребовал от председателя сельсовета... меду, масла, яиц... Иногда требуют самогонки... В Локте Кулагин в кооперативе набрал мануфактуры... за счет налогоплательщиков и отправил её домой. Всеми такими подлостями крестьяне возмущены и открыто говорят, что теперь вы с нас шкуру дерете, а потом мы с вас будем драться...»²²⁶.

Неприятие политики государства вылилось в цепь многочисленных крестьянских восстаний или, как было принято называть их ранее, мятежей. Недовольство крестьян умело использовали представители оппозирующих большевикам партий.

Так, в марте 1920 г. вспыхнуло восстание в Тюкалинском уезде Омской губернии. В начале мая крупное выступление крестьян Причулымья «подожгло» Барнаульский уезд. Основную массу мятежников составили бывшие партизаны соединения Г.Ф. Рогова и его сподвижника по партизанской борьбе И.П. Новосёлова, который, используя авторитет Рогова, с помощью других партизанских командиров – Леонова, Соколова, Некрасова, Габова, Мурзина, Возилкина, Сизикова – поднял на восстание около 2 тыс. чел., еще большим было число сочувствующих.

Восстание охватило более 30 волостей Барнаульского, Бийского, Кузнецкого и Новониколаевского уездов, проходило в основном под анархистскими лозунгами: «Долой всякую власть», «Да здравствует анархия – мать порядка». Социальный состав восставших был разнородным²²⁷. Мятежники совершали налеты на населенные пункты, разгоняли ревкомы, громили учреждения, убивали коммунистов, грабили население. Только привлечение особого батальона ВЧК и отдельных подразделений 26-й дивизии Красной армии позволило к концу июня подавить восстание. Рогов был убит, а Новосёлов с небольшой группой повстанцев ушел в Кузнецкий уезд.

сознания, закапывали голыми в снег, производили насилие» (С. 573), в Омском уезде «райуполномоченный... в с. Самойловском арестовал без ведома волревкома почти все население. Крестьян **гнал с красным знаменем за 20 верст до штаба**, отстающих подгоняли прикладами, угрожая расстрелом» (С. 575), в Каменском уезде один из председателей сельсовета был посажен голым на лед, отчего и умер (С. 578) и т.д. Но, например, по мнению Омского губкома РКП(б), злоупотребления продработников не имели состава преступления, по этой причине расследование было прекращено (С. 573).

²²⁶ Гришаев В.Ф. Указ. соч. С. 86–87.

²²⁷ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 1: 1919–1930. Барнаул, 1996. С. 20.

Естественным было то, что возглавляли восстания бывшие партизанские командиры. Эти люди обладали необходимыми для лидеров качествами и большим авторитетом, заработанным в ходе боев с колчаковцами. После освобождения Сибири не для всех из них у новой власти нашлось место, многие оказались невостребованными. По этой причине в июне 1920 г. на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) был рассмотрен вопрос «О партизанах». Член Сибревкома В.М. Косарев отметил, что «благодаря нетактичному отношению некоторых губкомов РКП(б) к бывшим руководителям партизанских отрядов, на местах партизан начинают просто травить и тем самым толкают их вновь к созданию партизанских отрядов, но уже против соввласти»²²⁸. В качестве конкретной меры он, в частности, предлагал подготовить циркуляр-письмо, в котором предложить губкомам создать для партизан условия, чтобы они могли спокойно работать.

Кроме того, от «новой власти они увидели только притеснения крестьянства, выходцами из которого они в своем большинстве и являлись, у которого изымались результаты его труда практически без какой-либо компенсации. Отношение крестьян к нам недоброжелательное и даже враждебное. Вызвано это главным образом тем, что мы у крестьян берем все, а им ничего не даем. Некоторые губпродкомиссары своими приказами способствуют возникновению восстаний. Необходимо поставить их на место...». Таким образом, проблема недовольства крестьян была понятна. При решении её председатель Сибревкома И.Н. Смирнов поставил на первое место выработку плана борьбы с партизанщиной, а лишь затем – план снабжения крестьян предметами первой необходимости. Еще более кардинально «лечить партизанскую болезнь» предложил полномочный представитель ВЧК по Сибири И. Павлуновский: по отношению к восставшим применить высшую меру наказания; **заявить всем начальникам действующих против партизан частей, что они будут наказаны, если не выполнят приказ о применении высшей меры наказания к партизанам.** Результат коллективного обсуждения вылился в решение о создании оперативно-политической тройки для руководства подавлением партизанского движения.

²²⁸ Выписка из протокола № 48 заседания Сиббюро ЦК РКП(б) 11 июня 1920 г. См.: Шишкин В.И. Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997. С. 29. Лояльное отношение большевистского руководства к красным партизанам сохранялось практически до окончания нэпа. Но уже с начала кампании хлебозаготовок в 1928 г. все чаще и чаще партизаны начинали роптать на проводимую политику, на их съездах и собраниях стала звучать критика раскулачивания, появились призывы к борьбе с режимом. Многие из них были «вычищены» в ходе партийной чистки 1929 г., в частности, за отношение к политике коллективизации и раскулачивания. См. подробнее: Климук Я.А. Раскулачивание и красные партизаны Алтая в 1928–1933 гг. // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. Барнаул, 2010. С. 142–151. В течение 1930-х гг. власть через органы ОГПУ–НКВД уже не выпускала красных партизан из поля своего зрения, понимая, что многотысячная армия недовольных властью может создать серьезную угрозу для режима. По данным В. Разгона, в 1928–1933 гг. партизаны составили 3% от числа всех осужденных в эти годы, т.е. несколько сот человек. См.: Разгон В.Н. Коллективизация и раскулачивание на Алтае: репрессивная социальная политика и жизненные стратегии крестьян (1928–1933 гг.): постановка проблемы // Там же. С. 39–40.

Местное население постоянно обращалось к партизанским вожакам за советами и защитой от притеснений со стороны советской власти, точнее, её представителей.

Сибирское коммунистическое руководство, реально оценивая возможности и опыт партизан, предпринимало все усилия, чтобы не допустить объединения их, как, например, не допустило проведения съезда руководителей антиколчаковского партизанского движения. Эта идея была первоначально поддержана Алтайским и Енисейским губбюро РКП(б), но председатель Сибревкома И.Н. Смирнов добился на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) 2 июля 1920 г. принятия решения о нецелесообразности организации и проведении этого съезда: «...таковой съезд даст возможность партизанам сорганизоваться, и поэтому он абсолютно недопустим... созыв съезда может дать только отрицательные результаты»²²⁹.

Следует заметить, что до осени 1920 г. практически во всех официальных документах массовые организованные выступления назывались партизанским движением, а отряды восставших – партизанами. О «бандитах» или «бандитизме» речь не велась.

Одним из наиболее крупных антисоветских выступлений 1920 г. явилось так называемое Колыванское (Вьюнско-Колыванское) восстание, начавшееся 6 июля 1920 г. в Новониколаевском и Томском уездах. Возглавили восстание колчаковские офицеры, которые в сговоре с кулаками и торговцами смогли поднять недовольных разверсткой крестьян. Для руководства восстанием был создан Повстанческий окружной временный исполком, который объявил воинскую мобилизацию мужского населения в возрасте от 18 до 45 лет. Численность восставших только за счет мобилизации в г. Колывани достигла 6 тыс. чел., а с восставшим населением прилегающих волостей превышала 10 тыс. чел.²³⁰ Отказывавшихся от мобилизации расстреливали, иногда с семьями. Военными действиями руководил Комитет борьбы с коммунистами²³¹, состоявший из бывших офицеров-колчаковцев. Были захвачены г. Колывань и несколько соседних волостей, что создавало угрозу захвата Транссибирской магистрали и водного пути по р. Оби (в руках мятежников оказались 5 пароходов – «Бога-тырь», «Барнаул», «Ермак», «Мельник» и «Киргиз»). Восстанием были охвачены 11 волостей Новониколаевского уезда с населением около 18 тыс. чел. На территории Томского уезда в зоне восстания оказалось 103 населенных пункта семи волостей, эти волости находились на значительном расстоянии от Томска и Новониколаевска, что, конечно, отразилось на ходе восстания.

²²⁹ Выписка из протоколов № 56 и 57 заседания Сиббюро ЦК РКП(б) от 2 и 9 июля 1920 г. См.: Шишкин В.И. Сибирская Вандея... С. 38, 35–36.

²³⁰ Л.И. Боженко называет цифру в 15–20 тыс. участников, так как были мобилизованы все мужчины в возрасте от 18 до 60 лет, но при этом, со ссылкой на газету «Знамя революции» от 15 июля 1920 г., отмечает, что действительной активной силой были всего 1,5 тыс. добровольцев. См.: Боженко Л.И. Указ. соч. С. 71.

²³¹ В.И. Шишкин в «Сибирской Вандее...» (С. 364) пишет об искусственно созданной новониколаевскими чекистами Организации комитета борьбы с коммунистами в целях собственной реабилитации («за грандиозную попойку с ночной стрельбой»), которые затем «под предлогом ликвидации... расстреляли более трех десятков неповинных граждан, взятых ранее в качестве заложников». Среди расстрелянных лишь один имел отношение к Комитету борьбы с коммунистами.

Местное советское руководство имело сигналы о подготовке восстания, но не предприняло серьезных шагов по его предотвращению. Еще 22 июня 1920 г. разведчик 327-го отдельного стрелкового батальона войск ВОХР г. Томска И. Васильев докладывал руководству, что в деревне Подоба Томского уезда выявил «несколько вредных элементов для советской власти», у которых находилось «некоторое оружие: 5 винтовок, 70 бомб и 7 револьверов, и они готовятся к выступлению, и их скрывает местная власть»²³². Командир батальона предложил начальнику милиции провести обыски и арестовать тех, у кого оружие будет найдено. Но каких-либо действий предпринято не было.

На сообщение по «прямому проводу» 5 июля 1920 г., т.е. накануне восстания, Новониколаевского уездного военкома томскому губвоенкому Атрашкевичу о «брожении кулаков на почве разверстки» в с. Коченёво и планируемом на 10 июля выступлении кулаков-бандитов последний отреагировал следующим образом: «Не придавайте большого значения происходящему вокруг той банды, которая, может быть, имеет целью что-нибудь повредить и помешать работе. **Серьезного ничего нет, откуда бы ни было стремление восстать, оно будет подавлено, на этот счет сил у нас достаточно** (выделено мною. – В.У.). Безусловно, меры охраны... и общее бдительное наблюдение установите, этого требует вообще обстановка...»²³³. В ответе сквозят нескрываемые самоуверенность и пренебрежение. Позднее все это привело к многочисленным человеческим жертвам.

В захваченных селах восставшие разгоняли местные Советы (вместо них создавали свои «комитеты»), учиняли расправы над коммунистами, работниками советских учреждений и активистами. Только в Кольвани и Вьюнах было убито 100 чел. Разгромлены коммуны «Краснореченская», «Интернационал», «Энергия». При этом в организации РКП(б) Краснореченской коммуны было убито 20 её членов²³⁴. Всего было замучено около 300 чел., включая женщин и детей. Бывший председатель Томской губЧК А.В. Шишков²³⁵, находившийся на захваченном пароходе «Богатырь», не желая сдаваться, застрелился.

Новониколаевск в связи с угрозой наступления повстанцев 9 июля был объявлен на осадном положении.

Партийное руководство Сибири было вынуждено мобилизовать все имевшиеся силы. В район восстания были стянуты части Красной Армии, войск внутренней охраны (более 800 чел.) и вооруженные отряды из партийного актива. Для руководства всеми силами и действиями по подавлению восстания был создан военно-революционный комитет, в состав которого вошли председатели ЧК и исполкома, а также начальник Ново-

²³² Из истории земли томской. 1917–1921... С. 227.

²³³ Там же. С. 228–229.

²³⁴ Шуклецов В.Т. Указ. соч. С. 261.

²³⁵ Шишков Александр Васильевич, 1888 г.р., член партии большевиков с 1904 г., профессиональный революционер. В 1917 г. устанавливал Советскую власть в Томске и губернии. После разгрома Колчака – председатель Томской губЧК. Погиб, когда ехал к месту нового назначения на должность председателя Иркутского губисполкома.

николаевского гарнизона. Изучая материалы по Колыванскому восстанию, невольно приходишь к выводу, что, по крайней мере, испуг у сибирских руководителей был нешуточным. Полномочный представитель ВЧК при Сибревкоме Павлуновский отправил телеграммы губвоенкому Атрашкевичу с приказом о немедленном взятии Колывани: «...Если 10 июля до 12 часов дня Колывань не будет взята, начальник отряда, руководящий операцией против Колывани, будет расстрелян за медленное ведение операции и невыполнение моего и тов. Смирнова приказа о решительных действиях по подавлению восстания, виновные же в нерешительных действиях по подавлению восстания будут преданы полемому суду».

В достаточно короткий промежуток времени восстание было подавлено; 10 июля была взята Колывань, а 18 июля уничтожены последние очаги сопротивления в прилегающих волостях. Слабо вооруженные и недостаточно организованные крестьянские отряды были бессильны перед регулярными воинскими частями²³⁶. Как следствие – сотни убитых и раненых из числа восставших. По сообщению Новониколаевской уездной ЧК, были арестованы все руководители восстания – около 1 000 чел. В Томской губчека самостоятельного дела по Колыванскому восстанию не велось, и число арестованных составляло 15 чел. – мобилизованных крестьян, «вооруженных пиками собственного изделия... Все они были мобилизованы и по приказам восставших охраняли захваченных в плен коммунистов»²³⁷. Однако позднее участники июльского «кулацко-офицерского восстания» в Томском уезде были также причислены к участникам Колыванского восстания, так как поддерживали с последними организационную связь, что, впрочем, соответствовало действительности.

Последствия участия в восстании для многих «аукались» еще долгие годы. В анкетах арестованных в графе о фактах арестов после революции часто можно было встретить записи: «1920 год, за участие в Колыванском восстании» или просто «участник Колыванского восстания». Так, например, в марте 1928 г. «пятеркой» Сибкрайкома ВКП(б) по назначению к слушанию дел по ст. 58-10 УК РСФСР, связанных с хлебозаготовками, в Коллегию ОГПУ были направлены документы на двух жителей дер. Вахрушево Коченевского района Новосибирского округа – Ф.Г. Ломова и И.А. Аржанова, обвинявшихся во враждебном отношении к советской власти, систематической агитации, направленной на подрыв мощи Советского Союза, и угрозе террористических проявлений. В качестве дополнительного фактора отмечалось их

²³⁶ В оперативной разведывательной сводке штаба сводной группы советских войск от 10 июля 1920 г. Атрашкевич о вооружении повстанцев докладывал следующее: «...повстанцы вооружены 1/3 винтовками, 2/3 берданами, дробовиками, самодельными копьями, вилами, топорами, косами и даже ухватами и дубинами; мобилизованные вооружены предметами хозяйственного быта. Из двух тысяч колыванских повстанцев около пятисот имеет винтовки и дробовики, прочая же тысяча пятьсот человек – примитивным оружием, конных до пятисот человек из общего числа. Из всего вышесказанного явствует вывод: бандиты не дисциплинированы, отсутствует единство и связность действий, плохое вооружение...». См.: Из истории земли томской. 1917–1921... С. 232–233; Шишкин В.И. Сибирская Вандея... С. 347.

²³⁷ Информационное сообщение Новониколаевской уездной губЧК [до 26 августа 1920 г.] и выдержка из двухнедельной информсводки Томской губЧК за 1–15 июля 1920 г. См.: Шишкин В.И. Сибирская Вандея... С. 395, 378.

участие в 1920 г. в Кольванском восстании, в ходе которого они «активно принимали участие в свержении Советов и вылавливании сочувствующих соввласти... Ломов был командиром роты повстанцев (белогвардейцев), на своих лошадях подвозил снаряды... для борьбы с коммунистами и сочувствующим им. Аржанов... вел агитацию против власти Советов и призывал крестьян к свержению таковой, говоря: “Нужно бить коммунистов, это восстание нужно поддерживать всеми силами, чтобы не допустить опять соввласти”»²³⁸.

Обвинение серьезное, однако в приведенной характеристике политического и социального лица обвиняемых отмечалось, что Аржанов вообще не судился, а Ломов, будучи председателем правления маслоартели деревни и одновременно уполномоченным Госторга по сбору сырья в районе, действительно арестовывался в 1920 г. за участие в Кольванском восстании, но был оправдан. «Пятерка» внимание на этом не акцентировала, учла только моменты обвинительного характера.

Более 200 повстанцев были расстреляны, еще около 600 заключены в концлагерь²³⁹. Только Кольванским отделением Новониколаевской ЧК в ходе двух заседаний (23 и 29 июля) было рассмотрено 263 дела. К высшей мере наказания были приговорены 49 чел., в отношении 77 чел. дела были направлены на доследование, 137 чел. освобождены от наказания²⁴⁰.

В Томске «белогвардейский заговор» был раскрыт в ночь на 11 июля. Организация имела четкую структуру, конкретный план выступления против советской власти, действовала конспиративно. Были проведены аресты, в частности, в момент движения групп на сборный пункт в районе дер. Белобородово. Однако это не смогло остановить начавшееся в южной части Томского уезда (территория нынешних Шегарского и Кожевниковского районов Томской области) восстания, во главе которого стояли бывшие офицеры и представители зажиточного крестьянства. Основными причинами начала восстания, как и во многих других случаях, послужило нежелание крестьян выполнять продразверстку. Губернские власти смогли в кратчайшие сроки мобилизовать на подавление этого выступления партийный актив, надежные воинские части, милицию²⁴¹. Восставшие потерпели поражение.

В газете «Знамя революции» в августе 1920 г. было напечатано объявление Томской губчека, что «в связи с ликвидацией кулацко-офицерского восстания в Томском уезде... чрезвычайной комиссией... приговорены к высшей мере наказания – расстрелу – [28 чел.], в громадном большинстве деревенские богатеи, кулаки и спеку-

²³⁸ Протокол № 2 заседания «пятерки» крайкома ВКП (б) [не позднее 10] марта 1920 г. См.: ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 39. Л. 20–21.

²³⁹ Бударин М.Е. Чекисты. Омск, 1987. С. 104–141; Призвание – Родине служить! Новосибирск, 1997. С. 25–26; Томская область: Исторический очерк... С. 291–292.

²⁴⁰ Шишкин В.И. Сибирская Вандея... С. 382.

²⁴¹ В ликвидации восстания принимал участие сводный отряд томской милиции в составе 200 чел. Подсчитано автором по материалам дела. См.: ГАТО. Ф. Р-279. Оп. 2. Д. 118. Л. 161, 163–165, 167, 169–170, 172.

лянты»²⁴². Еще 89 чел. приговорены к заключению в дом принудработ на сроки от 6 месяцев до 5 лет. В целом же число репрессированных участников этого восстания значительно больше. В ЦДНИ ТО в фонде Томского губкома РКП(б) в одном из дел хранятся списки лиц, расстрелянных в ночь на 13–14 августа 1920 г. за участие в белогвардейской организации. По этим спискам проходят не менее 145 чел. (подсчитано автором, цифра неточна по причине отсутствия одного листа с фамилиями расстрелянных). По этим же спискам проходят 92 чел., осужденных на различные сроки лишения свободы за то, что участвовали в вооруженном восстании, «но не активно, при том будучи одурачены ложными и провокационными слухами, распущенными белогвардейцами». Еще 14 чел. «белогвардейцев из конной сотни караульного полка ввиду их классового положения и малосознательности...»²⁴³ были осуждены на сроки от 1 до 2 лет лишения свободы. Часть фамилий установить не представилось возможным по причине ветхости листов со списками. Но и этими списками репрессии не завершились, так как имелась помета, что дела по остальным на следствии.

Такая жестокость объяснялась населению тем, что ведется борьба с польской и японской буржуазией. Томский губревком издал в июле 1920 г. приказ о решительном подавлении антисоветских выступлений и наказании сел, участвовавших в восстаниях. Приказ гласил, что в дни тяжелых испытаний «нашлись люди, призывающие крестьян не давать хлеб для Красной армии и голодающим рабочим городов. Они сеют смуту, подымают восстания, разгоняют сельские Советы, арестовывают и убивают советских работников... Они ждут палача Семенова и японцев». Этими «людьми» объявлялись колчаковские офицеры, бежавшие из мест заключения и сеявшие смуту среди крестьян то открыто, то под видом разного рода социалистов, а также деревенские кулаки, распускающие слухи о близком конце большевиков. В этих условиях «томский революционный комитет... твердо решил железной рукой стереть с лица земли изменников и предателей рабоче-крестьянской России... Все захваченные бывшие колчаковские офицеры и другие предатели расстреливаются на месте. Все, не сдавшие Красной армии огнестрельное оружие, расстреливаются без суда. Крестьяне сел, примкнувших к изменникам, **обязаны немедленно, безотлагательно, безоговорочно** (выделено мною. – В.У.) выполнить предполагавшуюся по закону разверстку. Кулаки, подбивавшие на восстание, немедленно выполняют разверстку... в двойном размере. Вся работа по обмолоту, ссыпке и подвозу хлеба возлагается на восставшие села. С не исполняющими этот приказ будет поступлено без всякой пощады... Восставшие села, сознавшие свое предательское поведение, принесшие повинную, освобождаются от кары, за исключением руководителей, которые будут преданы суду революционного трибунала»²⁴⁴.

²⁴² Знамя революции. 1920. 20 авг.; Объявление Томской губЧК [до 20 августа 1920 г.]. См.: Шишкин В.И. Сибирская Вандея... С. 393–395.

²⁴³ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 22–31.

²⁴⁴ См.: Из истории земли томской. 1917–1921... С. 243–244.

В это же время на юге Западной Сибири активно действовали «банды» Плотникова, Шишкина, Сухорукова, на Бухтарме – атаманов Козлова, Бычкова и др.

Так, в июле начался мятеж в Славгородском уезде, где восставшие захватили Михайловскую, Каипскую, Покровскую, Ключевскую, Родинскую и Вознесенскую волости. Главным лозунгом был «Да здравствует Учредительное собрание и свободная торговля». Возглавил мятеж правый эсер Плотников, поддержку ему оказали бывшие командиры партизанских отрядов Смолин и Кожин. Идеиное руководство осуществлял один из организаторов Сибирского крестьянского союза эсер В. Игнатьев. Отряд Плотникова насчитывал до 600 человек. После ряда ударов частей Красной армии плотниковцы были разбиты, остатки отряда вместе с руководителем ушли от преследования и примкнули к так называемой Повстанческой народной армии, одним из руководителей которой был есаул Шишкин. Использование партизанской тактики налетов и вылазок позволяло мятежникам контролировать значительную территорию. Численность отрядов достигала 10 000 чел., вооруженных не только ружьями и винтовками, но и пулеметами. Это выступление стало самым крупным в Западной Сибири летом 1920 г.

Учитывая размах мятежа, к боевым операциям по его подавлению были привлечены силы 26-й стр. и 13-й кавалерийской дивизий, отряд курсантов Высшей военной школы Сибири, а также части 47-й и 87-й бригад ВОХР. Бои были жестокими, так как мятежники были организованы по принципу воинских частей. Пополнение своих рядов они вели за счет насильственной мобилизации крестьянства и казачества из прииртышских станиц. В районе селений Волчиха, Большая и Малая Владимировки восставшие были разбиты и потеряли убитыми до 1 500 чел. Есаул Шишкин с небольшой группой численностью до 100 чел. бежал в Монголию²⁴⁵. Другой руководитель – эсер Плотников – скрылся на территории Барнаульского уезда, где позднее и был убит²⁴⁶.

В сентябре 1920 г. восстал ряд волостей Мариинского уезда Томской губернии. Очередное выступление возглавил бывший партизанский командир П.К. Лубков. Распространенное им воззвание гласило: «Товарищи, крестьяне, рабочие и все партийные, настало время нам соединиться всем вместе и защищать народные интересы, партия же коммунистов одна захватила власть в свои руки и неумелым своим правлением заставила нас голодать и ходить раздетыми. Дальше жить так нельзя, поэтому все крестьянство восстало и вступает в народную армию под командой т. Лубкова и

²⁴⁵ Николаев П.Ф. Советская милиция в Сибири... С. 232–233; Абраменко И.А. Указ. соч. С. 215–220. Что касается численности бежавших с Шишкиным в Монголию, то Абраменко назвал цифру «более 10 000 человек». Л.И. Боженко писал, что «Шишкин с отрядом в 1 200 чел. ушел в Горный Алтай, оттуда в Монголию». См.: Боженко Л.И. Соотношение классовых групп... С. 69.

²⁴⁶ У убитого Плотникова в найденном полуразмокшем блокноте обнаружили запись следующего содержания: «Ничего не выходит. Никто не восстает. Придется, видно, пропадать, как собаке. А тут еще лошадь ушла – совсем хоть пропадай...». См.: Кобелев А.И., Чернов А.С. Забвению не подлежат! Главное управление внутренних дел Алтайского края. Барнаул, 2002. С. 20.

просит всех присоединиться к ней. Всем будет дарована жизнь и свобода, и совместно мы (сможем) свергнуть власть коммунистов и жидов»²⁴⁷.

Этот призыв был услышан, так как затрагивал самые болевые точки крестьян, а авторитет Лубкова был достаточно высок. Все это позволило ему собрать в рядах своей Народно-крестьянской армии до 2 000 крестьян (два батальона, 17 рот с полным комплектом (в это сложно поверить. – В.У.) командного состава из числа бывших офицеров).

В районе ст. Ижморская восставшие предприняли попытку перерезать Транссибирскую магистраль и в течение нескольких часов ст. Ижморскую удерживали в своих руках, приблизились к Анжеро-Судженским копям. И только привлечение регулярных частей Красной армии, войск внутренней охраны и оперативных подразделений Томской губЧК позволило окружить и разгромить восставших. В решающем бою 25 сентября 1920 г. у дер. Михайловка Зырянской волости было убито до 500 крестьян. Раненый Лубков вырвался из окружения и скрылся в тайге; его небольшая группа из 6–7 чел. просуществовала до июня 1921 г., когда была выслежена чекистами. 21 июня 1921 г. (по другим данным – в ночь на 23 июня) близ дер. Святославка Мариинского уезда П. Лубков был убит внедрившимся в его группу чекистом С. Первышевым. У него обнаружили список активных помощников, согласно которому и начались аресты. Чтобы убедить местное население в смерти Лубкова, было принято решение возить его труп по селам²⁴⁸. Заметка об этом была опубликована 10 июля 1921 г. в газете «Коммунар».

²⁴⁷ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 761; Из истории земли Томской. 1917–1921... С. 252.

²⁴⁸ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 66, 361; Томская область: Исторический очерк... С. 292–293; Ларьков Н.С. Сибирский Махно // Народная трибуна. 1991. 18 июня; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 2: 1918–1925. Омск, 1996. С. 125; Боженко Л.И. Указ. соч. С. 76–77. Убийство Лубкова было скорее всего преднамеренным, так как практика показала, что физическое устранение руководителей, а не задержание и аресты, способствовало быстрейшему разгрому повстанческих формирований и прекращению сопротивления с их стороны. С учетом авторитета Лубкова этот вариант для властей оказался самым удобным и приемлемым.

Кроме того, вызывает сомнение и наличие списка «активных помощников». На мой взгляд, данные о подобной категории лиц нет смысла переносить на бумагу, их знают и так, а в условиях преследования его чекистами держать такие списки при себе было небезопасно и нецелесообразно. Память о себе Лубков оставил крепкую. В 1931 г. Томским оперативным сектором ПП ОГПУ по Запсибкраю на территории Зырянского района была ликвидирована очередная «контрреволюционная организация». Оперативная разработка носила название «Лубковцы».

Сопоставление материалов и работ, посвященных этому восстанию, позволяет выявить наличие расхождений при оценке событий. Например, в информационной сводке секретного отдела ВЧК за 20–25 октября 1920 г. указывалось, что 22 сентября «банда Лубкова напала на ст-ю Ижморку, где ею был задержан поезд, шедший на запад. В поезде были вооруженные, которые после перестрелки отогнали банду». Эта информация позволяет поставить под сомнение наличие цели и реальной попытки лубковцами перерезать Транссибирскую магистраль. Что касается командного состава восставших, то о полном его комплекте из числа бывших офицеров в этой сводке речь также не велась: **«в построении военной силы Лубкова усматривается рука белогвардейского офицерства»**. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 337. Однако необходимо заметить, что составители этого документального издания,

Во второй половине октября 1920 г. волна антикоммунистических выступлений прокатилась по Иркутской губернии. Наибольшее распространение восстания получили в пяти волостях Балаганского уезда. Одним из организаторов восстания был правый эсер Охотин, сумевший привлечь на свою сторону целую группу бывших офицеров. Восставшие обезоруживали милицию, продотряды, арестовывали, а в отдельных случаях убивали коммунистов. Несколько уездов были охвачены восстанием и в Черемховском уезде. В с. Голуметь был создан руководящий орган восставших – «Военный штаб крестьянской армии Голуметского района», осуществлявший всю полноту военного и гражданского управления населением. Основные командные должности были заняты бывшими офицерами. В связи с тем, что подготовка отрядов была достаточно высокой, а действия советских войск неудачными, разгрома восставших достичь не удалось, так как без особых потерь повстанцы ушли в тайгу.

Следствие в отношении задержанных участников восстания было скорым и уже в декабре по Голуметскому восстанию перед губревтрибуналом предстал 261 чел., в январе 1921 г. по делу о вооруженном восстании в Ново-Удинской волости были осуждены 27 чел., 14–23 января в Черемхове слушалось дело о 138 крестьянах, принимавших участие в вооруженном восстании в селах Евсеевском и Табарсуке²⁴⁹, и т.п.

В ноябре выступили крестьяне с. Серж Ачинского округа Енисейской губернии, недовольные продрозверсткой и мобилизацией молодежи в армию. Большинство жителей поддержало выступление, активно участвуя в подготовке к боям, в организации снабжения, рытье окопов, несении караульной службы.

В захваченном селе, как отмечалось в приговоре выездной сессии военно-революционного трибунала Восточно-Сибирского сектора войск ВНУС, заседавшего в г. Ачинске в декабре 1920 г., была учинена жестокая расправа над сельскими коммунистами и активистами: прикладами расплющивали головы, ломали руки и ноги, обрезали носы, уши, распластывали животы. Убитых невозможно было узнать. И таких жертв было несколько десятков. Некоторых, уже замученных, кололи вилами, резали, пороли штыками... Перебив коммунистов, бандиты выдвинули лозунги: «Бей жидов и коммунистов, да здравствует советская власть!», «Да здравствует Учредительное собрание!», «Да здравствует царь-батюшка!».

Для подавления восстания были задействованы подразделения войск ВНУС, Ачинской школы младшего комсостава, отряды коммунистов (всего 848 штыков, одно орудие, 10 пулеметов, 18 авторужей и 25 конных). Потребовалось три дня, чтобы выбить восставших из укрепленного села, при этом наступавшие потеряли 32 чел. убитыми и 52 ранеными. Потери повстанцев – 150 убитых и 104 чел. взято в плен. Через неделю в районе ст. Чернореченской мятежники были разгромлены, многие арестованы.

опираясь на конкретные документы и материалы, ввели в научный оборот ничем не подтвержденные данные. Так, в комментариях по данному восстанию они позволили заявить, что «П.К. Лубковым была проведена мобилизация мужского населения в Народную армию от 17 до 60 лет. **Силы повстанцев достигали 10–20 тыс. человек**», что, конечно же, не соответствовало действительности // Там же. С. 761.

²⁴⁹ См.: Шишкин В.И. Сибирская Вандея... С. 687–695, 663, 622, 565–569.

По приговору трибунала 75 чел. (пятеро заочно, так как находились в бегах) были приговорены к расстрелу, 45 – к 20 годам принудительных общественных работ под конвоем с конфискацией имущества, 54 – к 10 годам принудработ под конвоем, в том числе 5 – с конфискацией имущества, 9 – к 5 годам принудработ при местных исполкомах, 7 чел. получили публичный выговор²⁵⁰, всего 190 чел. Позднее тем, кто был осужден к высшей мере наказания, расстрел заменили лишением свободы на разные сроки²⁵¹.

Вслед за Сerezжским восстанием поднялись крестьяне Канского уезда – «голопуловский мятеж», в котором приняло участие до 500 чел. Будучи плохо подготовленным, он был ликвидирован в кратчайшие сроки. В назидание другим по решению губернских властей летом 1921 г. в г. Канске состоялся показательный политический процесс над участниками мятежа, на котором 10 подсудимых приговорили к высшей мере наказания и расстреляли, около 70 чел. получили различные сроки наказания, связанные с лишением свободы, 143 были освобождены.

Сerezжское восстание было названо типичным эсеро-кулацким восстанием на экономической основе. На участие представителей партии социалистов-революционеров указывали приговор и другие документы процесса, но в действительности среди участников восстания был только один представитель партии эсеров – А.Т. Милицин²⁵².

Основной причиной массовых выступлений крестьян против коммунистов и представителей советского аппарата стали многочисленные факты злоупотреблений и нарушений революционной законности в повседневной работе партийно-советских органов на местах. Приведенные примеры были характерны и для других сибирских губерний. Отсутствие подготовленных кадров стало причиной того, что власти добивались нужных результатов чаще всего через репрессии, через кнут; со временем для руководителей всех уровней это стало нормой жизни и поведения, они с легкостью и непринужденностью распоряжались судьбами простых смертных.

Антибольшевистское движение повсеместно охватило Сибирь, крестьяне отказывались выполнять продразверстку, уничтожали продотряды. Для подавления восстаний были привлечены более 25 тыс. красноармейцев, не считая сотрудников ЧК, милиции, мобилизованного партактива.

В течение 1920 г. в Западной Сибири произошло пять, а в Восточной – шесть крупных крестьянских выступлений (табл. 5).

В исторической литературе наиболее часто упоминается организованное эсерами восстание в Тамбовской губернии, охватившее территорию пяти уездов. Число восставших определялось почти в 50 тыс. чел. В ходе восстания были разорены

²⁵⁰ Доклад командира 31-й отдельной стрелковой бригады войск обороны железных дорог П. Ананьева начальнику войск обороны железных дорог 5-й армии от 20 ноября 1920 г.; Приговор выездной сессии военно-революционного трибунала Восточно-Сибирского сектора войск ВНУС от 8 декабря 1920 г. См.: Сибирская Вандея... С. 534–543, 547–550. В.И. Шишкин писал о 312 подсудимых, из которых 133 были освобождены практически сразу за отсутствием улик.

²⁵¹ Чекисты Красноярья : сб. статей. Красноярск, 1991. С. 71.

²⁵² Шишкин В.И. Сибирская Вандея... С. 534, 547, 587.

60 совхозов и десятки кооперативов, уничтожены железнодорожные и промышленные объекты²⁵³.

Таблица 5

Повстанческое движение в 1920 г. на территории Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского военных округов (по данным разведывательных органов Красной Армии)

Дата (к)	Количество повстанцев в округах (чел.)	
	Западно-Сибирский	Восточно-Сибирский
15 июля	19 090	2 183
1 августа	21 090	2 183
15 августа	14 120	2 349
1 сентября	10 110	3 415
15 сентября	11 410	3 415
1 октября	8 250	3 750
15 октября	4 280	2 840
1 ноября	4 510	4 320

Примечание. Таблица составлена автором по материалам разведводки. См.: Сибирская Вандея... С. 61.

В 1921 г. ситуация в Сибири практически не изменилась, повсеместно продолжались антибольшевистские выступления. В 1921 г. в Западной Сибири произошло 5 крупных выступлений, в Восточной – 1. Так, в январе 1921 г. началось вооруженное выступление отряда подполковника Олиферова в 50–60 верстах к северо-западу от г. Мариинска. Первое проявление деятельности отряда относилось к концу 1920 г.: в северо-восточной части губернии в с. Максимовское были захвачены лошади и около 800 пудов хлеба. Уклонившись от боя с отрядом частей особого назначения, олиферовцы ушли на территорию Енисейской губернии. В короткое время численность отряда, в основном за счет зажиточной части крестьянства, выросла до 600 чел. Отряд состоял из двух рот и был хорошо вооружен. Появление его в Щегловском и Минусинском уездах в 1921 г. сопровождалось жестокими расправами над коммунистами и советским активом. Только в Мариинском уезде пострадало 254 семьи, зверски убиты более 60 членов сельских ячеек РКП(б), 17 членов продотрядов и милиции, 21 советский служащий²⁵⁴.

²⁵³ Во время Тамбовского восстания убито около 2 000 коммунистов. В Запорожской и Полтавской губерниях только за два месяца 1920 г. махновцами были убиты до 250 продработников (за 9 месяцев число убитых продработников увеличилось почти до тысячи), 177 милиционеров, свыше 190 незаможников. В первом полугодии 1921 г. в 10 губерниях Украины были разграблены и сожжены 60 советских учреждений. В числе убитых 636 красноармейцев и 9 командиров Красной армии, 199 совслужащих, 56 продработников, 108 милиционеров, 78 членов исполкомов советов и комитетов незаможных селян, 26 рабочих и 468 простых граждан, т.е. почти полторы тысячи человек. В Подольской губернии во второй половине 1921 г. было совершено 107 налетов на села, советские учреждения и предприятия, в ходе которых были убиты 176 красноармейцев, партийных и советских работников, несколько десятков мирных жителей. Численность погибшего мирного населения была гораздо большей. См.: История советских органов государственной безопасности... С. 83.

²⁵⁴ Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 85. С. 116; Абраменко И.А. Боевые действия коммунистических отрядов – ЧОН в Западной Сибири (1920–1923 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1965. Вып. 4. С. 83.

Мариинское политбюро в информационной сводке за период с 15 по 30 января 1921 г. сообщало в Томскую губЧК и представителю ВЧК по Сибири Павлуновскому: «Банда... Олиферова, численность около 700 чел. (цифра вписана от руки. – В.У.), хорошо вооружены, в погонах, с лозунгом «С нами бог и Михаил второй», состав бандитов из офицеров, дезертиров и разных контрреволюционеров, и среди них было 7 попов, заняли Медодатскую волость, двинулись на Зырянскую, Мало-Песчанскую, Берикуль и Козеюльскую волость. При прохождении... деревень они на своем пути расстреливали, с применением самых невероятных способов истязали коммунистов и других соработников, разграбив их имущество, что не могли увезти, то разбивали вдребезги. С бандитами были несколько священников, которые с крестом в одной руке, а в другой с винтовкой издевались над арестованными коммунистами и применяли над ними, совместно с бандитами, варварские приемы, резали их, кололи штыками и т.п... Отношение кулачества к банде: в более кулацких местностях... их приняли с радостью и оказали им самое активное содействие, снабжая хлебом и др. вещами, указывая на коммунистов, некоторые даже активно помогали им разыскивать соработников. Средняки заняли неопределенную позицию, бедняки же всецело стояли на стороне Соввласти... Жертвы и убытки, причиненные бандой, велики и не вполне установлены...»²⁵⁵.

Олиферовцы были разбиты в Кузбассе в районе рудника «Центральный», а окончательно уничтожены объединенными силами войск ВЧК и частей особого назначения около дер. Яковлевка в 110 км юго-восточнее г. Минусинска. «Банда» Олиферова потеряла убитыми свыше 450 чел., только у дер. Яковлевка на поле боя осталось 98 трупов; захвачено 5 пулеметов, 289 винтовок, большое количество боеприпасов и другого имущества²⁵⁶.

Значительную роль в подготовке и организации крестьянских выступлений играл Сибирский крестьянский союз, организация, созданная в соответствии с решениями ЦК партии эсеров. Целью Союза была подготовка к вооруженному восстанию и свержение советской власти. Филиалы организации были почти во всех сибирских губерниях. На Алтае одним из организаторов и вдохновителей Союза В. Игнатьевым готовилось восстание в Каменском и Бийском уездах.

В настоящее время отдельные историки, в частности В.И. Шишкин в «Сибирской Вандее», ставят под сомнение реальность организационной деятельности СКС. Он и те, кому он оппонирует, приводят свои аргументы и доказательства. Вне всякого сомнения, организация СКС существовала и достаточно активно действовала на территории Сибири. После тщательного изучения многотомного архивно-следственного дела Сибирского крестьянского союза, хранящегося в отделе спецдокументации Управления архивного дела администрации Алтайского края (Ф. Р-2. Оп. 6. Д. 186), с которым В.И. Шишкин также ознакомился, а также нескольких сот архивно-

²⁵⁵ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 12 об. Отрядом Олиферова было уничтожено 68 членов РКП и 40 продармейцев. См.: Томская область: Исторический очерк... С. 293.

²⁵⁶ Абраменко И.А. Указ. соч. С. 238.

следственных дел, в том числе и по достаточно крупным «контрреволюционным» организациям, хранящимся в архивах ряда управлений ФСБ Сибири, считаю, что с большой долей уверенности можно говорить о том, что чекисты Сибири еще не могли, просто не умели «создавать» организации всероссийского уровня. Да и никто этого от них не требовал. С другой стороны, судя по материалам дела, чекистами было допущено преувеличение значимости СКС и его влияния на оперативную обстановку в Сибири. Причины этого, на мой взгляд, кроются в следующем. Раскрытие подпольной контрреволюционной организации – уже результат, а если организация возглавлялась прямыми политическими оппонентами большевиков, то значимость раскрытия заметно возрастала. Завышение количественных показателей, характерное для документов тех лет (широко применялось самыми разными властными структурами), и преувеличение размаха деятельности СКС – это показатель «сложной» оперативной обстановки и «активной деятельности» чекистов и сибирских партийных органов.

В декабре 1920 г. многие из участников организации, в том числе и Игнатъев, были арестованы. Но подготовленное выступление предотвратить не удалось. Центром восстания стало с. Сорокино, где был создан штаб Народной армии под руководством бывшего офицера Астафьева. Активное участие в этом выступлении принял бывший партизанский командир И.П. Новосёлов, возглавлявший в тот период движение Федерации алтайских анархистов и готовый на всевозможные компромиссы и союзы с любыми силами антикоммунистической направленности, даже с бывшими колчаковцами. Действия последних в ходе восстания, их жестокость и беспощадность, в частности по отношению к пленным, в конечном итоге отпугнули часть партизан и крестьянской бедноты. Восстание было организовано под лозунгами «Советы без коммунистов» и «Чистая советская власть без коммунистов».

В ночь с 17 на 18 января 1921 г. крестьяне в с. Сорокино разоружили части 26-го полка 26-й стр. дивизии. Началось восстание, в котором, по разным источникам, приняли участие от 5 до 10 тыс. чел. и которое охватило десятки сел в нескольких волостях. Подавлено оно было в конце января – начале февраля 1921 г. после ожесточенных боев с регулярными частями Красной армии и коммунистическими отрядами, насчитывавшими в своих рядах в общей сложности более 2 000 чел. – два пехотных полка и кавалерийский эскадрон. В ходе боев повстанцы потеряли только убитыми несколько сот человек. В плен было взято почти 3 000 чел., захвачено 1 000 лошадей, 4 пулемета, 500 винтовок и другое имущество²⁵⁷. О степени ожесточения населения свидетельствовало признание начальника Алтайской губЧК Х.П. Щербака, сделанное им в докладе на пленуме губкома РКП(б) в январе 1921 г. Он доложил, что в Сорокинском районе «началось восстание, крестьяне идут без оружия стеной на продотряды»²⁵⁸.

Число погибших участников подавления восстания достигло 300 чел., еще больше было ранено.

²⁵⁷ Абраменко И.А. Указ. соч. С. 240; Штырбул А.А. Указ. соч. С. 91–93.

²⁵⁸ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... С. 20–21.

В начале 1921 г. очередное – «Западно-Сибирское» – восстание вспыхнуло на территории нынешних Тюменской и Омской областей и севера Казахстана.

Причинами стали непродуманная деятельность партийно-советских органов по выполнению планов продразверстки, жестокое обращение с населением в ходе сбора, точнее, выколачивания разверстки, попрание правовых норм и моральных принципов, угрозы оружием и имитации расстрела, реквизиции и конфискации предметов одежды, мебели и т.п. Часто допускались случаи умышленной порчи и уничтожения крестьянского имущества. Примеры исчислялись десятками и сотнями, облеченные в форму конкретных документов распорядительно-исполнительного характера²⁵⁹. Большинство из них имели место в декабре 1920 г., т.е. в случае своевременного реагирования властей можно было решительными, энергичными действиями снять напряженность и разрядить обстановку, а возможно, и не допустить самого восстания. На мой взгляд, партийно-советское руководство не только не захотело увидеть серьезную проблему, оно её не считало проблемой.

Первые организованные выступления крестьян произошли 31 января в двух волостях Ишимского уезда, тогда же появились первые убитые и раненые. Почти одновременно началось выступление на границе Тобольского и Тарского уездов. К 6 февраля «попыхал» весь север Ишимского уезда. В последующие дни выступление распространилось на другие районы. К середине февраля оно охватывало обширную территорию Тобольского, Тарского, Ишимского, Ялуторовского, Тюменского, Петропавловского, Кокчетавского и других уездов. Восставшие захватили Петропавловск, Тобольск, Кокчетав, под угрозой захвата оказались города Ишим, Курган, Ялуторовск, были перерезаны линии железной дороги Омск – Тюмень и Омск – Челябинск. Связь с центральными районами России была прервана более чем на две недели, что создало острый продовольственный и топливный кризис в Москве, Петрограде и других городах центра России.

Выступление достигло таких масштабов в силу слабости партийных и советских органов. Организации РКП(б) в основе своей состояли из сельских партийных ячеек, а крестьяне представляли большую часть членов партии. Партийный стаж абсолютного большинства исчислялся несколькими месяцами, одним-двумя годами. Партийно-политическая работа была поставлена слабо, руководящие органы не могли адекватно оценивать обстановку, допуская серьезные просчеты, в частности, при проведении продразверстки, несвоевременно реагируя на перегибы и произвол со стороны уполномоченных продорганов либо вообще оставляя их без внимания. Нельзя не учитывать и то, что «пуловина», связывавшая большинство этих коммунистов со средой их обитания, порвана еще не была.

²⁵⁹ Сибирская Вандея... Т. 2. С. 38, 74, 642; документы 92, 104, 113 и др.; За советы без коммунистов... С. 56–59, 68–70, 79–83, 112–113 и др.; Шишкин В.И. «Разбейся в доску – сдай разверстку». Советская продовольственная политика в Ишимском уезде Тюменской губернии (сент. 1920 – янв. 1921 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1999. № 2. С. 63–64, 67.

Неподготовленная, без соответствующей разъяснительной работы, с попытками решения проблемы «нахрапом» кампания не могла не вызвать недовольства крестьянства. В характеристике Сибирского крестьянского союза отмечалось, что изъятие хлеба больно ударило по карману зажиточной части крестьянства, привыкшей «глядеть на полные закрома хлеба и трястись над ними»²⁶⁰.

Ситуация усугублялась тем, что не соблюдались условия хранения собранного по разверсткам. Так, на совещании продработников Петуховского района Ишимского уезда 23 декабря 1920 г. отмечалось, что из-за плохой подачи вагонов хлеб мог остаться на ссыпных пунктах, «...хлеб урожая 20 года весьма низкого качества и ссыпается со снегом и льдом, потому что не вовремя производится обмолот, при дальнейшем отсутствии тары при первой оттепели... грозит ужасная катастрофа. Хлеб может загореться, и таким путем не исключается возможность, что весь **хлеб в количестве до 1,5 миллионов пудов** (выделено мною. – В.У.) будет испорчен... Мы даже сейчас не можем сказать с уверенностью, что хлеб уже не горит, так как проверить его при помощи шупа нет возможности, ибо шуп невозможно загнать даже на 3 арш[ина] в глубину, потому что хлеб смерзся...»²⁶¹. В таком же положении находились мясо, конопля и пушнина. Подобная ситуация не могла оставить крестьян равнодушными.

Первые успехи восставших особой тревоги и озабоченности у коммунистических руководителей Сибири не вызвали. Свидетельством этому явились телеграммы, направляемые в Центр – в Президиум ВЧК, в Совнарком, лично В. Ленину. Так, ПП ВЧК по Сибири И. Павлуновский 6 февраля 1921 г. сообщал в Президиум ВЧК, что в Тюменской и Омской губерниях «вспыхнуло восстание крестьян. Прерваны провода. Повстанцы вооружены достаточным количеством пулеметов и винтовок... **Вообще пока ничего страшного нет**» (здесь и далее выделено мною. – В.У.).

Председатель Сибревкома И.Н. Смирнов 9 февраля 1921 г. направил из Омска Председателю Совнаркома В. Ленину телеграмму следующего содержания: «Восстание [в] Тюменской губернии носит **стихийный характер**, вызвано тяжестью продразверстки и гужевой повинности. Прервано ж/д сообщение, надеюсь, восстановим [в] ближайшие два дня. **Движение [в] этой губернии считаю неопасным...**»²⁶². В двух последующих телеграммах Ленину (12 и 16 февраля) Смирнов вновь подчеркивал стихийный и неорганизованный характер крестьянского движения и обещал подавить его в ближайшее время. Налицо излишняя самоуверенность и самоуспокоенность, отсутствие реальной оценки ситуации.

Хотя созданные отряды не имели особого желания далеко и надолго отрываться от родных мест, от родного хозяйства, к середине февраля было сформировано несколько крупных, но автономных вооруженных группировок, именовавших себя армиями и дивизиями (народная армия, народно-крестьянская зеленая армия, курган-

²⁶⁰ УАД ААК. Ф. Р-2. Оп. 6. Д. 186. Т. 16. Л. 159.

²⁶¹ См.: За советы без коммунистов... С. 68–69.

²⁶² Сибирская Вандея... Т. 2. С. 120, 128, 177, 198.

ская освободительная дивизия и т.п.). Съезд представителей казачества и крестьянства ряда уездов, проходивший в с. Юдино 22 февраля 1921 г., принял постановление о необходимости подчинения высшему командованию и сосредоточении общего руководства в руках Главного штаба, возглавляемого бывшим начальником Петропавловского «боевого района» эсером Родиным. Все отряды и формирования повстанцев были организованы по принципу воинских подразделений – в роты, батальоны, полки и т.п.

Что касается численности восставших, то исследователь восстания Н.Г. Третьяков (1994) называет цифру ~ 40 тыс. чел. По другим источникам, в восстании приняли участие от 60 до 100 тыс. человек. Подавляющая часть населения наблюдала за происходящим со стороны. Доля восставших составляла от 2 до 5% всего населения района восстания²⁶³. Число добровольных участников было еще меньшим.

Пополнение рядов восставших велось несколькими путями. Первый – мирный – через провозглашение восстановления частной собственности и возврат бывшим владельцам национализированных советской властью предприятий, отобранных у зажиточного крестьянства земель и угодий. Для привлечения середняка активно использовались лозунги «Долой продразверстку», «Да здравствует свободная торговля». Другим форматом привлечения населения стали воззвания, распространяемые в районах, сопредельных с районом восстания: «К гражданам и гражданкам сел и деревень Великой Сибири», «К красноармейцам», «К рабочим», «К коммунистам» и к населению Сибири в целом. Основная суть всех воззваний заключалась в разоблачении «грехов» коммунистов, восхвалении своих успехов и призыве переходить на сторону восставших.

Иным способом убеждения был террор. С одной стороны, против коммунистов и советского актива, которых при поимке или захвате чаще всего не расстреливали, а забивали кольями, замораживали живьем, кололи пиками, вспарывали животы, отрезали уши, нос и т.п. Так, в Петропавловске было убито 150 коммунистов, а в Тобольске – после пыток и издевательств до 200 советских и партийных работников. На телах некоторых погибших насчитывали от 30 до 150 штыковых ран²⁶⁴. Были уничтожены все коммунисты в Архангельской и Красногорской волостях. В районе Красногорской волости расстреляно около 50 чел., вырезана Красновская коммуна в с. Спасском Шатровской волости. Из 33 чел., увезенных из Красногорской волости, возвратился один, у которого оказалось до 50 ран²⁶⁵.

В.И. Шишкин обнаружил значительное число документов, свидетельствовавших о жестоких расправах с семьями коммунистов, когда жен и детей избивали, вы-

²⁶³ См.: Щетинов Ю.А. Крушение мелкобуржуазной революции в Советской России. М., 1984. С. 80–84, 87; Третьяков Н.Г. Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1994. № 2. С. 22–23. Более точной информации о количестве участников восстания получить не представляется возможным по причинам разрозненности движения, отсутствия учетных данных о «подразделениях» и их личном составе, постоянной текучки участников, не желавших отрываться от родных мест и своего хозяйства, и др.

²⁶⁴ Корушин Т.Д. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917–1926 гг.). Ишим, 1926. С. 52; Богданов М.А. Указ. соч. С. 36.

²⁶⁵ См.: Шишкин В.И. Сибирская Вандея... Т. 2. С. 709.

гоняли из домов, помещали в каталажные камеры, расстреливали или зверски убивали целыми семьями²⁶⁶.

С другой стороны, террор как «форма убеждения» использовался и по отношению к мирному населению. Добровольцев было немного, приходилось прибегать к насильственным мобилизациям мужского населения в возрасте от 18 до 45 лет. На медицинскую комиссию должны были являться все мужчины, в том числе и инвалиды. Мужчины в возрасте от 45 до 60 лет мобилизовывались для несения местных караулов и постов, женщин назначали возчиками. Уклонявшихся от мобилизации и исполнения наложенных повинностей направляли в военно-следственную комиссию, которая и решала их судьбу и судьбу их близких.

Однако отдельные коммунисты занимали руководящие должности в повстанческих органах. В данном случае определяющую роль играли личные, деловые качества и участие в непопулярных среди населения акциях. Например, начальником повстанческих отрядов на северо-востоке Ишимского уезда был помощник военкома Готопутовской волости бывший комбат красных войск коммунист Иноземцев²⁶⁷.

Н.Г. Третьяков, анализируя состав руководящих органов восстания, приводит целый ряд примеров, когда в гражданских и военных органах власти повстанцев руководящие должности занимали местные советские работники. Среди командиров повстанческих отрядов насчитывались десятки членов сельсоветов и волисполкомов, а командиром одной из «дивизий» ишимской Народной армии был работавший до начала восстания председателем Казанского волисполкома некто Бардаков²⁶⁸.

Вооружение восставших состояло преимущественно из ружей и винтовок, на первом этапе преобладало самодельное, в виде колюще-режущего. Позднее появились пулеметы и орудия. Часть оружия была захвачена в ходе боевых действия, другая – в результате разоружения небольших воинских подразделений и органов власти в районе восстания²⁶⁹. Но в целом его было недостаточно для ведения активных боевых действий.

²⁶⁶ Шишкин В.Н. Указ. соч. С. 421, 643, 686 и др.

²⁶⁷ Общий обзор повстанческого движения в Тюменской губернии ... С. 706.

²⁶⁸ Третьяков Н.Г. Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1994. № 2. С. 22–23.

²⁶⁹ В сводке Дубровинского повстанческого штаба Ишимского уезда (до 15 февраля 1921 г.) указывалось, что «в Петропавловске нами **взято... два орудия**». Командующий Петропавловской группой советских войск Н.И. Корицкий в разговоре по прямому проводу с помощником главкома по Сибири В.И. Шориным 16 февраля 1921 г. докладывал, что «у батареи до моего приезда было **взято два орудия**, одно – испорченное...». **Два орудия** упоминались и в разведсводке штаба группы обороны ж.д. Омск – Челябинск 20 февраля 1921 г. См.: Сибирская Вандея... Т. 2. С. 180, 199, 242. М.А. Богданов (Указ. соч. С. 27) и Т.Д. Корушин (Указ. соч. С. 50) вели речь о захвате артиллерийской батареи.

Разночтения могли возникнуть по причине путаницы терминологии и использования непроверенных данных. Так, в докладе В.И. Шорина в апреле 1921 г. отмечалось, что объектом «для действий повстанцев явились **два наших артиллерийских дивизиона**, стоящих в Петропавловске и Исиль-Куле». Председатель Тюменской губчека И.П. Студитов в общем обзоре повстанческого движения в Тюменской губернии указал, что повстанцы взяли в Петропавловске **8 пушек трехдюймовых**. В сводке донесений командиров и штабов отрядов Народной повстанческой армии Ишимского и Петропавловского уездов

Для ликвидации восстания при Сибревкоме была создана полномочная тройка в составе председателей Сибревкома и СибЧК и помглавкома по Сибири, которой были подчинены все воинские силы и местный советский аппарат в районе восстания. Действовали и другие чрезвычайные органы – военно-революционные комитеты, революционные пятерки и тройки, военно-революционные штабы. В их состав входили представители партийных органов, исполкомов Советов и военного командования. К задачам, которые они решали, относилось поддержание порядка, оказание помощи Красной армии в борьбе с бандитами, охрана средств связи и сообщения, проведение агитационно-пропагандистской работы среди населения и целый ряд других.

Охваченная восстанием территория была объявлена на военном положении. Повсеместно была начата мобилизация коммунистов и комсомольцев для участия в подавлении восстания и несения караульной службы на ряде важных объектов. Из воинских частей были задействованы несколько полков и батальонов, бронепоезд. Во второй половине февраля были дополнительно привлечены 21-я стр. дивизия, несколько стрелковых и кавалерийских полков и ряд других подразделений. Общее число красноармейцев достигло 23 тыс. чел. Для восстановления железнодорожного сообщения были задействованы 4 бронепоезда, восстановительные поезда и телеграфно-строительные роты²⁷⁰.

После перегруппировки сил было начато наступление, и уже 16 февраля освобожден Петропавловск, а к началу марта восстановлено железнодорожное сообщение по линии Омск – Челябинск. 5 марта был освобожден Кокчетав, 8 апреля – Тобольск, а во второй половине мая – Сургут и Обдорск.

Основные силы восставших были разгромлены уже к концу февраля, но в ряде районов продолжали действовать мелкие отряды и группы, осуществлявшие налеты на населенные пункты, убивавшие представителей партийно-советского актива и мирных жителей. Все это не позволяло перейти к мирной жизни, так как оставалась угроза социального и политического напряжения. К июлю наиболее крупной из группировок стал отряд Шевченко, сумевший сплотить вокруг себя несколько других мелких групп.

В результате «принятых мер» отряд Шевченко был разгромлен. Несколько позднее были уничтожены «бандитские» отряды Евсеева, Сикаченко, Булатова, Шевчука и др. Эти отряды смогли продержаться до конца 1921 г. только по причине недостаточного внимания к этой проблеме со стороны власти и неразберихи во взаимоотношениях и подчиненности чекистских и военных органов²⁷¹.

(не ранее 24 февраля 1921 г.) сообщалось, что «в Петропавловске [взято] две батареи и в ст. Ново-Павловке – три батареи...». А в информационной сводке повстанческого штаба Вознесенской волости Ишимского уезда речь шла вообще о **захвате в Петропавловске трех «в полной готовности к уничтожению» батарей**. В этих случаях, на мой взгляд, допущено преувеличение собственных успехов, так как в Ново-Павловке было захвачено две, а не три батареи. По этой причине возможно и преувеличение информации по Петропавловску. См.: Сибирская Вандея... Т. 2. С. 179, 284, 657, 707.

²⁷⁰ Щетинов Ю.А. Указ. соч. С. 138; Богданов М.А. Указ. соч. С. 42, 46, 56; Николаев П.Ф. Указ. соч. С. 239.

²⁷¹ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 4–5; Щетинов Ю.А. Указ. соч. С. 138–139.

В протоколе № 49 Ишимского уездного комитета РКП(б) от 3 сентября 1921 г. по докладу комбрига Буриченко о разгроме отряда Шевченко было записано следующее: «...Указал, что Шевченко зарублен и [вместе с ним зарублено] 111 человек бандитов... Бандитов живых не брал, за исключением двух женщин; рубилось все, что попадало под руку... И всего мной изрублено 130 человек за это время. Находили бандитов дома по имеющимся у нас спискам, которые были отобраны от бандитов. Может быть будут на меня жалобы, но я сам скажу: обращение было самое жестокое, вызванное необходимостью, для скорейшей ликвидации бандитов...»²⁷².

Факты, изложенные в докладе, – яркий пример реализации на практике «революционного правосознания». Буриченко лично решал судьбы «бандитов» без суда и следствия, без определения вины. Уверенный в своей правоте, он олицетворял следственные и судебные процессы. Чрезмерная жестокость не воспринималась как нечто из ряда вон выходящее. Убийство десятков и сотен человек многих не пугало, так как воспринималось как обыденное явление. И.С. Кузнецов, характеризуя людей, подобных Буриченко, привел слова М.И. Калинина, сказанные в середине 1920-х гг. в связи с кампанией по укреплению революционной законности: Гражданская война «...создала громадный кадр людей, у которых единственным законом является целесообразное распоряжение властью. Управлять для них – значит распоряжаться вполне самостоятельно, не подчиняясь регламентирующим статьям закона»²⁷³.

Следует отметить, что наступавшие части Красной армии и коммунистические отряды во многих местах жестоко расправлялись с повстанцами. Председатель Тюменской губЧК Студитов и заведующий секретно-оперативным отделом Бойко вынуждены были, в частности, обратиться к командиру 61-й стр. бригады войск ВНУС А.В. Полисонову, командующему советскими вооруженными силами Тюменской губернии, с запиской, в которой содержалась просьба: «...пока не дана полная и безошибочная оценка движения [не] с тюменской колокольни и пока не установлена политическая физиономия всего движения», приказать начальникам отрядов не расстреливать задержанных главарей и активных повстанцев, а направлять в губчека. «Также **прекратить массовые расстрелы и бесшабашные расправы над крестьянами в местностях, уже очищенных от повстанцев**» (выделено мною. – В.У.)²⁷⁴.

Соответствующие телеграммы Полисонов уже на следующий день направил во все вверенные ему подразделения, но информации об их исполнении не имеется. Видимо, исполнены они если и были, то лишь отдельными подразделениями.

Еще одним темным пятном на действия частей Красной армии, подразделений ВНУС и коммунистических отрядов легли многочисленные случаи грабежей, мародерства и насилия над мирным населением, в том числе уже после ликвидации восстания в период борьбы с отдельными мелкими отрядами и группами мятежников.

²⁷² Сибирская Вандея... Т. 2. С. 575–576.

²⁷³ Кузнецов И.С. «Проклятьем клейменены?». Социально-психологические предпосылки российского тоталитаризма. Новосибирск, 1994. С. 50.

²⁷⁴ Сибирская Вандея... Т. 2. С. 242, 293, 316.

Партийное руководство и военное командование Сибири видели эту проблему, пытались с нею бороться, приказами и распоряжениями, грозными телеграммами и циркулярами обязывая командиров и комиссаров частей в корне пресечь подобные действия, виновных и командный состав, укрывавший виновников, направлять в трибуналы, злостных – расстреливать на месте. Однако беспредел продолжался.

Судьбы повстанцев решали трибуналы сразу после начала восстания. Первые приговоры предполагали одну меру наказания – расстрел. К такому наказанию решением чрезвычайного полевого ревтрибунала 17 февраля 1921 г. за активное участие в восстании были приговорены 23 чел., приговор приведен в исполнение в тот же день. Реввоен трибунал Сибири в двадцатых числах февраля приговорил к расстрелу 51 чел. Выездная сессия военно-революционного трибунала Приуральского военного округа 28 февраля приговорила к расстрелу шестерых жителей Мендерской волости Курганского уезда. Были и другие трибуналы, выносившие подобные приговоры. Позднее приговоры стали смягчаться. Высшую меру наказания заменили лишением свободы в концлагерях и домах принудработ. Так, по постановлению Коллегии ПП ВЧК по Сибири и ревтрибунала Сибири по разбору дел повстанцев Ишимского уезда 9 апреля 1921 г. к одному году принудительных работ с лишением свободы, с последующей заменой на условную меру наказания, были осуждены по **списку № 7** (выделено мною. – В.У.) 18 «неактивных» участников восстания²⁷⁵.

Замечу, что в последующие годы органы ВЧК–НКВД постоянно отслеживали судьбы участников восстания через составление и обновление различного рода списков лиц – участников восстания или подозреваемых в контрреволюционной деятельности и участии в восстании. Для их выявления активно использовались Государственные архивы и архивы органов госбезопасности и милиции²⁷⁶. Данные учеты «контрреволюционеров» были хорошей и «уже проверенной» базой потенциальных врагов Советского государства.

Западно-Сибирское восстание стало одним из самых острых по противостоянию и большому количеству жертв. В Тюменском округе погибло почти 20 тыс. кре-

²⁷⁵ Сибирская Вандея... Т. 2. С. 231, 262, 266, 304–310, 461, 472–475. В ГАНО (Ф. П-1. Оп. 9. Д. 15а) имеется еще несколько подобных постановлений. Что касается списков, то их было несколько десятков с общим числом в несколько сот человек.

²⁷⁶ В работе «Сибирская Вандея» (т. 2) В. Шишкин назвал целый ряд этих списков, составленных уже в 1930-е гг.: «Список-справочник на лиц, состоящих в Северном повстанческом отряде Ф.Я. Слинкина, выявленных по материалам Тобольского филиала Государственного архива (74 чел.)», «Список-справочник (для местного розыска) участников мятежа 1921 г., выявленных по материалам Тобольского филиала Госархива УМВД по Тюменской области (164 чел.)», «Список участников эсеровско-кулацкого восстания в Тюменской губернии (Ишимское восстание) в 1921 г. (составлен по архивным материалам УНКВД по Омской области (5949 чел.)» и др. См.: документы № 734, 866, 867, 869–871). В последующем эти учеты были использованы для розыска и арестов «врагов народа». В опубликованном в 1991 г. в газете «Труд» интервью с начальником Омского управления госбезопасности приведены данные, что из 17 тыс. репрессированных в Омской области у трети в обвинении указано участие в восстании 1921 г. (Труд. 1991. 7 февр.).

стьян, в Ишимском уезде убито и покалечено 6–7 тыс. чел.²⁷⁷ В Тюменской губернии погибло более 15 тыс. партийных и советских работников, коммунаров и бойцов продотрядов. На XI съезде РКП(б) в апреле 1922 г. отмечалось, что из 7 000 коммунистов Тюменской организации, стоявших на учете на 1 января 1921 г., к июлю в живых осталось 3 500²⁷⁸. В Ишимском уезде восставшие убили почти 500 коммунистов и около 400 комсомольцев. Столько же коммунистов погибло и в Курганской партийной организации, значительные кадровые потери понесли и другие партийные организации. Потери в частях Красной армии, по данным оперативного управления штаба помглавома по Сибири, к концу марта 1921 г. составили до 2 тыс. чел.²⁷⁹

Экономический ущерб был еще более значительным. У крестьян в ходе восстания были реквизированы тысячи лошадей (только в Ишимском уезде 5 тысяч), зарезаны тысячи коров, свиней, овец и иной живности, изъяты тысячи пудов других продуктов питания «защитников крестьянства» (следует учитывать и «помощь» со стороны советских частей). К февралю 1922 г. только в Ишимском уезде число голодающих достигло 100 тыс. чел., включая 7 000 детей²⁸⁰.

В советской исторической науке это восстание было однозначно квалифицировано как «белогвардейское, кулацко-эсеровское», руководящую роль в его организации отводили представителям антибольшевистских партий, бывшим белым офицерам, кулакам и иным эксплуататорам трудового народа. И эти оценки в соответствии с идеологическими штампами тех лет воспринимались как аксиома. Исследование, проведенное Н.Г. Третьяковым, заставляет посмотреть на данные оценки с иных позиций. Действительно, высшие командные должности достаточно часто занимали бывшие офицеры или представители небольшевистских политических партий, поскольку имели боевой и управленческий опыт и были грамотными. Однако высокие должности занимали и выходцы из местного крестьянства: «...не менее половины командиров повстанческих отрядов, начальников штабов, комендатур и военных советов (особенно местных) являлись крестьянами»²⁸¹, что уже не позволяет говорить о преобладающей роли бывших офицеров.

Что касается небольшевистских партий, то, вне всякого сомнения, их политические программы и установки наложили отпечаток на деятельность восставших. В отдельных случаях представители этих партий даже играли ведущие роли в организации движения, например в Тобольске, где в числе руководителей Народной власти, пусть и не на начальной стадии восстания, было 14 представителей этих партий.

²⁷⁷ Трифонов И.Я. Указ. соч. С. 125; Корушин Т.Д. Указ. соч. С. 70.

²⁷⁸ Бударин М.Е. Указ. соч. С. 7.

²⁷⁹ Корушин Т.Д. Указ. соч. С. 36, 40; Богданов М.А. Указ. соч. С. 106.

²⁸⁰ Корушин Т.Д. Указ. соч. С. 70. К сожалению, невнимательность И.Я. Трифонова привела к тому, что не обратив внимания на опечатку в работе Корушина, а она была отмечена в списке замеченных опечаток, он ввел в научный оборот цифру *1 млн чел. голодавших*, которая позднее была использована другими исследователями.

²⁸¹ Третьяков Н.Г. Указ. соч. С. 21–25.

Таким образом, восстание все-таки носило преимущественно крестьянский характер и не являлось результатом целенаправленной подготовительной работы со стороны какой-либо антисоветской силы. Скорее всего, оно было следствием недально-видной и непродуманной политики сибирского партийно-советского руководства, вызывавшей резкое недовольство крестьян. Хотя согласно официальной версии восстание было подготовлено. Так, командир 85-й стрелковой бригады Н.Н. Рахманов в докладе помощнику главкома по Сибири В.И. Шорину о подавлении повстанческого движения в Тюменской губернии в разделе «Организаторы восстания» писал, что не подлежит сомнению существование свободного подпольного центра, подготовившего восстание. В качестве аргумента он приводил пример однотипного повстанческого аппарата на охваченной восстанием территории и делал еще один вывод: о наличии «на периферии агентов заговорщического центра, при первой вести о начавшемся восстании немедленно выполнивших ранее полученные директивы своего центра»²⁸².

Такая позиция была выгодна всем, по чьей вине вспыхнуло восстание, так как легче было оправдываться, ведь «враг был силен», а затем и похвалиться своими успехами, ведь «враг» был все-таки уничтожен. Вывод Рахманова, скорее всего, был его личным мнением и подтверждения фактического не получил, в том числе и в чекистских документах.

Горный Алтай был устойчивым очагом сопротивления большевикам на протяжении почти двух лет (1920–1922 гг.), здесь действовал отряд А.П. Кайгородова. По данным полномочного представителя ВЧК по Сибири И. Павлуновского, в Алтайской губернии к началу 1922 г. насчитывалось до 12 банд общей численностью до 3 000 чел. Для подавления политического бандитизма в 1921 г. были задействованы 4 полка Красной армии, сводный отряд ВЧК и несколько других воинских формирований; под ружье поставлены около 90% местных коммунистов, введено военное положение. В ходе операции удалось разгромить отряд Кайгородова, а его самого убить. Он был обезглавлен, его голову, обложенную льдом, сначала доставили в с. Алтайское для демонстрации начальству, а затем отправили в Барнаул для этой же цели, а также проведения процедуры опознания женой погибшего, находившейся в это время в тюрьме в качестве заложницы²⁸³.

На территории Томской губернии в это же время действовал целый ряд антибольшевистских групп и формирований, в рядах которых основную массу составляли крестьяне.

Так, в северо-восточной части Кузнецкого уезда действовал отряд колчаковского полковника Зиновьева численностью до 250 чел., на территории Мариинского, Кузнецкого и Щегловского уездов – отряд урядника И.Н. Соловьёва, имевший четкое деление на взводы и наличие 7 пулеметов. Оба эти отряда планировали объединиться с отрядом анархиста Новосёлова для консолидации сил и совместных действий, но

²⁸² Сибирская Вандея... Т. 2. С. 644, 711, 707.

²⁸³ Кобелев А.И., Чернов А.С. Забвению не подлежат!.. С. 14–15. Операцией по разгрому отряда А. Кайгородова руководил И.И. Долгих, будущий начальник отдела трудовых поселений ПП ОГПУ по ЗСК.

разгром последнего не позволил этим планам сбыться. Отряд Соловьёва окончательно был разгромлен только в 1924 г., сам Соловьёв убит в перестрелке.

Кроме того, на территории Томской губернии действовали отряды Табашникова, Аргудеева, Ларионова, Сафронова, Булавина, Родионова и некоторые другие. Части особого назначения и войска ВЧК в 1921–1923 гг. приняли участие в ликвидации 70 активных выступлений различного рода антибольшевистских формирований только на территории Томской губернии²⁸⁴.

Справедливости ради необходимо заметить, что многие из этих формирований были обычными уголовными бандами, присоединявшимися к более крупным отрядам на определенных этапах для извлечения личной выгоды и т.п. Еще одним фактором затянувшейся борьбы с «кулацкими» проявлениями стало то, что небольшие отряды мятежников были очень маневренными, поскольку состояли из местных жителей. Когда регулярные части Красной армии начинали их «поджимать», они легко уходили от преследования: расходились по домам до очередного выступления либо скрывались по заимкам в тайге. Часто в таких бандах присутствовал «семейный след», т.е. наличие значительного числа родственников, явно не заинтересованных в выдаче своих близких.

В отдельных уездах очаги сопротивления просуществовали 2–3 года, и даже отмена продразверстки не могла остановить антибольшевистских выступлений. Подавив одно сопротивление, большевики вынуждены были почти сразу переключаться на другое. За 1921–1922 гг. в Сибири повстанцами было убито 3 744, а ранено 11 459 красноармейцев²⁸⁵. Потери из числа коммунистов, советских работников и активистов были еще большими.

Подобная ситуация была вполне естественной, так как власть с первых шагов по реализации разверстки не допускала возможности установления контактов с крестьянством, поиска приемлемых вариантов решения возникавших проблем. По-иному быть и не могло, взамен государство крестьянину ничего предложить не могло. По этой причине уже в августе 1920 г. руководство Сибпродкома обратилось с докладной запиской к председателю Сибревкома И.Н. Смирнову и помглавному по Сибири В.И. Шорину, в которой высказывало озабоченность возможностью организованных восстаний крестьян в Омской, Томской, Алтайской и Семипалатинской губерниях по причине политического настроения и неурожая: «В целях пресечения в корне осложнений в этих 4 губерниях необходима крупная, хорошо организованная вооруженная сила, которая могла бы в любой момент такие осложнения ликвидировать. Между тем в распоряжении продорганов имеются лишь незначительные части войск ВОХР и отчасти других воинских частей, которые при сильном некомплекте людей и недостаточном вооружении не в состоянии даже справиться со своей прямой работой»²⁸⁶. К этому времени в этих

²⁸⁴ Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 85. С. 116.

²⁸⁵ Новиков П.А. Указ. соч. С. 278. Только в 1921 г. в боях с разного рода бандами погибли 365 милиционеров Сибири. См.: Николаев П.Ф. Указ. соч. С. 253.

²⁸⁶ Шишкин В.И. Сибирская Вандея... С. 49–50.

губерниях имелись 10 батальонов ВОХР и 3 этапных батальона. По мнению Сибпродкома, необходимы были еще 3 хорошо вооруженные дивизии.

Эта просьба, видимо, была услышана, так как, по данным оперативного управления штаба войск ВНУС Сибири, 1 октября 1920 г. на охрану продотрядов было выделено 16 батальонов, 4 кавалерийских эскадрона общей численностью 9 892 чел. Из войск Красной армии с июля 1920 г. на продработах были полностью задействованы 3 этапных батальона, обслуживавших железные дороги Кокчетав – Петропавловск – Омск, Семипалатинск – Омск, Новониколаевск – Красноярск, 13-я кавалерийская дивизия (4 338 сабель) и 26-я стр. дивизия (19 645 штыков и сабель). На каждый уезд приходилось не менее одной роты «поддерживающих» проведение разверстки. Так, в Томской губернии насчитывалось 35 продотрядов (1 010 чел.), а в Алтайской – 28 (1 085 чел.), 35% членов отрядов были вооружены. В Омской губернии отрядов было 62 (1 762 чел.), 38% из них имели оружие.

В 1921 г. в Сибири для обеспечения потребностей губпродкомов работали 101 ревтрибунал и 15 выездных нарсудов. Непосредственно в распоряжении губпродкомов находились воинские формирования численностью в 9 350 штыков, в том числе 3 450 – в Омской, 1 150 – в Томской, 2 000 – в Алтайской, 1 150 – в Семипалатинской и 1 200 – в Енисейской губерниях. В их задачи входило сопровождение продотрядов при проведении изъятия продуктов питания у населения, охраны ссыльных пунктов и т.п.²⁸⁷

Привлечение властью крупных сил было оправданным, так как практически повсеместно изъятие продуктов сопровождалось прямым насилием, что не могло не вызывать недовольства крестьян, которые, не забыв навыков борьбы с колчаковцами, очень быстро поднимались по команде «в ружье» на борьбу с новым врагом, олицетворением которого являлись продармейцы.

Замена продразверстки на продналог сыграла значительную роль. Но крестьянство оставалось недовольным политикой государства из-за высоких ставок продналога и принудительного обмена сельхозпродуктов на промышленные товары.

Ситуацию, сложившуюся в Сибири к февралю 1922 г., достаточно подробно изложили в телеграмме наркомпроду Брюханову Сиббюро ЦК РКП (б) совместно с членом ЦК РКП(б) Ф.Э. Держинским. Они констатировали, что на первом этапе (в октябре – ноябре) выполнение продналога шло большей частью безболезненно. Меры репрессии носили исключительно закономерный характер, но уже с декабря **«выполнение продналога протекало исключительно под сильнейшим неослабным нажимом, переходящим всякие пределы** (здесь и далее выделено мною. – В.У.), [а] именно приговорами Ревтрибуналов, широкой конфискацией всего имущества движимого [и] недвижимого, высылка [с] места жительства [на] работы [в] шахты, вынесение смертных приговоров (таковые приходилось отменять). Стремление работников выполнить во что бы то ни стало сто процентов при невероятном сопротивлении налогоплательщиков местами проявлялось [в] крайне жестких мерах, как его [нало-

²⁸⁷ Николаев П.Ф. Указ. соч. С. 209–211.

гоплательщика] сажание в холодный амбар, вымораживание на снегу, симуляция расстрелов, прочие сверх всякого закона репрессии»²⁸⁸.

Основной причиной невероятного сопротивления налогоплательщиков большей части районов Сибири явилось крайнее недовольство определением «разрядов урожая», установленных Совнаркомом, когда недород в целом ряде сел и волостей Ново-николаевской, Томской, Енисейской и Омской губерний вообще не учитывался. Тяжесть налога, как всегда, ложилась на крупные хозяйства, которые были обречены влачить жалкое существование в том числе по причине недосева и отсутствия скота, обмененного на хлеб для сдачи налога.

Недовольство крестьянства тяжестью налога проявлялось в недоверии ко всем мероприятиям местной власти, было зарегистрировано свыше ста случаев убийств проработников, партработников и совработников.

Негативным результатом кампании стала деморализация частей Красной армии, бойцы которой, будучи в абсолютном большинстве выходцами из крестьянской среды, были свидетелями репрессий. В телеграмме не приведены конкретные примеры, но можно предполагать, что речь шла о недовольстве политикой, фактах неподчинения, отказа выполнять приказы.

О сложности обстановки того периода свидетельствует письмо М. Багаева, направленное весной 1922 г. Председателю Совнаркома В. Ленину (лично знакомы с 1905 г.). В письме говорится о том, что урожай в Николаевской губернии, несмотря на недород хлеба, был отнесен к 7-му разряду, без конкретных оценок по каждой волости. Хлеба не хватало на прокорм. По меньшей мере три четверти крестьян не возвратили даже семян. Продотряды «выбивали» налог (применяли оружие, сажали налогоплательщиков в холодные бани при 25-градусном морозе, оставляли по колена в снегу на всю ночь, избивали). Ревтрибуналы выносили приговоры о конфискации имущества, принудительных работах и ссылке без всякого разбора. Среди осужденных оказывались и бедняки, у которых конфисковывали единственную корову или лошадь.

Чтобы отдать налог, крестьяне вынуждены были покупать хлеб в других местах, продавая скотину, сельскохозяйственные машины и инвентарь; многие питались травой²⁸⁹.

Из секретариата Совнаркома письмо было отправлено для рассмотрения в Сибревком, откуда 6 июня 1922 г. в приемную Совнаркома был направлен ответ, подписанный председателем Сибревкома М.М. Лашевичем: «Сибревком сообщает, что указываемые в письме Багаева факты могли иметь место, так как в исполнении приказов Сибревкома об энергичном взимании продналога действительно агенты продкомов могли выходить и выходили за пределы, установленные декретами. **Привлечь виновных к суду – значит прежде всего судить Сибревком, который дал на места [приказ] проводить твердую политику взимания продналога** (выделено мною. – В. У.).

²⁸⁸ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 106. Л. 199.

²⁸⁹ Малышева М.П., Познанский В.С. Бывший соратник открывает глаза Предсовнаркому // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1994. № 2. С. 55–57.

Преступные действия отдельных продовольственных агентов, конечно, обращали внимание местной власти, и ряд продагентов был в свое время предан суду. В настоящее время возбуждение новых дел Сибревком не считает целесообразным»²⁹⁰.

Власть, судя по письму, ничему не научилась. Во взаимоотношениях с крестьянством упор продолжали делать на приказы, угрозы и репрессии, не считаясь с обстановкой на местах, нормами права и морали. Крестьянин продолжал оставаться, с одной стороны, мелкой сошкой, с которой можно было делать что угодно, с другой – «дойной» коровой, обязанной давать «молоко».

Переход к новой экономической политике не сразу, но снизил накал антикоммунистических, антисоветских проявлений, положил начало процессам разложения повстанческого движения. Многие его участники стали возвращаться к мирной жизни, заметно сократилась помощь со стороны местного населения. Так, если в феврале 1921 г. численность участников антисоветского повстанческого движения достигала в РСФСР 130 тыс. чел., то в марте их было уже 123 тыс., в апреле – 35 тыс., в сентябре – 12 тыс., а в декабре – 8 тыс. чел.²⁹¹ Что касается Сибири, то в конце апреля 1921 г. здесь насчитывалось 16 тыс. повстанцев, а в июле – только 2,5 тыс.²⁹² Можно предположить, что в числе последних оставались либо самые непримиримые противники большевизма, либо те, у кого руки были «по локоть в крови» и кому на прощение или снисхождение рассчитывать не приходилось, многие из них были уголовниками.

Социально-политическую обстановку того периода хорошо иллюстрируют информационные сводки местных политбюро в вышестоящие органы ВЧК. В соответствии с директивой ВЧК их составляли два раза в месяц, подробно освещая положение дел на обслуживаемой территории (отношение различных социальных групп населения к советской власти, наличие антисоветских проявлений, состояние преступности и т.д.). В качестве примера приведу выдержку из сводки Мариинского политбюро за период с 15 по 30 декабря 1920 г.: «...настроение рабочих... по большей части сочувственное к соввласти. Среди рабочих... ропота из-за недостатка предметов первой необходимости не замечается за исключением отдельных случаев. Благодаря агитационно-просветительской работе по разъяснению массам цели и основных принципов строительства соввласти... даже менее сознательные рабочие начинают понимать всю важность текущего момента...»

Служащие же советских учреждений к соввласти относятся недоброжелательно, так как они в большинстве своем обывательщина и советский строй со своей строгой дисциплиной им нежелателен, это наблюдается из того, что большинство служащих на исполнение порученного им дела... смотрят халатно, как на пустое времяпровождение – отслуживание установленных часов... не проявляют ни малейшей инициативы к работе... Поздно приходят на занятие, во время занятий занимаются частными разговорами... уходят со службы по частным делам. Некоторые ответственные

²⁹⁰ Малышева М.П., Познанский В.С. Указ. соч. С. 59; ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 750. Л. 33.

²⁹¹ Щетинов Ю.А. Указ. соч. С. 97.

²⁹² Новиков П.А. Указ. соч. С. 278.

служащие и спецы пропитаны бюрократизмом, к посетителям относятся невнимательно, а иногда и грубо...

Обывательщина... к соввласти настроена враждебно, постоянно в ожидании чего-то. Некоторые обыватели с целью скомпрометировать соввласть, а некоторые по своей темноте, распространяют провокационные слухи...

Настроение крестьян к соввласти разное: местами безразличное, местами даже враждебное. Недовольство крестьян, главным образом, вызывает разверстка и то, что их не снабжают необходимыми для крестьянства предметами. Почти повсюду крестьяне жалуются на то, что власть не оставляет им семена для посева... на продагентов смотрят враждебно, а хлеб свой стараются поспрятать.

Особенно широкую агитацию (контрреволюционную. – В.У.) ведут среди населения беженцы гражданской войны, в большинстве своем бывшие буржуи и спекулянты...

Отношение населения к коммунистической партии по большей части враждебное...

Отношение духовенства к соввласти и коммунистической партии враждебное...

Восстаний и заговоров за текущий период не раскрыто»²⁹³.

Особо в сводках выделялось отношение населения к коммунистической партии и коммунистам. Антикоммунистические лозунги стали одним из вернейших способов привлечения недовольного крестьянства в ряды участников антисоветского движения. В концентрированном виде отношение к коммунистам выразила информационная сводка Мариинского уездного комитета партии в начале 1922 г.: «Враждебно разнохарактерное. **Ненависть к коммунистам вселилась просто хронически в самой злостной, прямо-таки припадочной форме** (выделено мною. – В.У.), тогда когда либо чем задевает ее интересы, в выполнении государственной повинности и т.п. В этот момент вся злость выливается в наружную форму, тут же против настраивают подпольно гады, кулачье и попы. За последнее время наблюдается страшное восстание массы защитников в кавычках.

А при развитии самогонного употребления в это время, от буйства, расходившегося в пьяных людях, выливается открыто и вся злоба, накопившаяся за время трезвости. В таком виде готовы бросаться, как разъяренные звери. Но еще не разошлись, их удерживает страх»²⁹⁴.

Обстановка действительно была чрезвычайно сложной, быстро переломить ситуацию в свою пользу власть не могла.

Для координации действий в борьбе с «кулацкими» вооруженными выступлениями в январе 1921 г. была создана Центральная междуведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом под председательством Ф.Э. Дзержинского. О важности этой комиссии свидетельствует факт, что её работой руководил триумвират (ЦК РКП(б), Совнарком и ВЦИК).

²⁹³ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 8–9.

²⁹⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 35.

Комиссия имела право оценивать ситуацию и принимать решения, по согласованию с «верхами» отдавать конкретные указания и распоряжения. О результатах повседневной деятельности один раз в три недели триумвирату представляли отчет с мест. Комиссия сыграла значительную роль в разгроме и подавлении антисоветских выступлений. К лету 1922 г., когда ситуация в стране стала стабилизироваться, Комиссия прекратила свое существование²⁹⁵.

Если эта чрезвычайная комиссия играла координирующую роль в масштабах страны, то крестьянское сопротивление 1920–1921 гг., в частности в Западной Сибири, вызвало к жизни целую систему чрезвычайных властных органов. Всю работу организовывали Сибревком и его уполномоченные на местах. Председатель Сибревкома входил в состав полномочной «тройки». К концу 1921 г. потребность в них отпала, но в последующие годы чрезвычайные «тройки», «пятерки», различные комиссии создавались при появлении у власти проблем, пусть и не очень сложных. Почти в каждом случае возрождения этих «чрезвычайек» следом вводились чрезвычайные меры и особые полномочия исполнителей, ограничивались права и свободы граждан – становилось возможным проведение репрессий.

Изменение обстановки в стране по мере укрепления власти вело и к изменению отношения к ней. Информационные сводки все реже содержали информацию о негативном отношении к власти, о вооруженных группах (в абсолютном большинстве случаев речь велась об уголовных бандах). Фраза «восстаний и заговоров не выявлено» стала в сводках привычной, а затем исчезла совсем.

Новый подъем крестьянского сопротивления начался в конце 1920-х гг. в связи с кампаниями хлебозаготовок и коллективизацией. Кампании коллективизации и раскулачивания еще более поляризовали крестьянство. Практически повсеместно фиксировались стихийные проявления недовольства. Сопротивление крестьян приобрело размеры не меньшие, чем в начале 1920-х гг., выступления исчислялись сотнями. Они были не такими массовыми, более локальными, но менее ожесточенными не стали, вновь приводя к многочисленным жертвам с обеих сторон. По данным контрразведывательного отдела ПП ОГПУ по Сибкраю, в период с октября 1929 г. по апрель 1930 г. в крае были ликвидированы 46 контрреволюционных организаций чисто повстанческого характера и 24 политических банды. К уголовной ответственности привлечены более двух тысяч участников, 782 из которых расстреляны²⁹⁶ (см. 1.1).

²⁹⁵ Трифионов И.Я. Указ. соч. С. 210.

²⁹⁶ Красильников С.А. Серп и Молох... С. 41. Следует учитывать, что эти «результаты» были достигнуты преимущественно в период проведения в Сибири очередной кампании по борьбе с бандитизмом. По этой причине, видимо, число действительно «политических» несколько меньше заявленных. Кроме того, Н. Гушин привел данные, что только в период с 1 февраля по 10 марта 1930 г. органы советской власти разоблачили и ликвидировали в Сибири 19 повстанческих контрреволюционных организаций и 465 кулацких антисоветских группировок численностью свыше 4 тыс. чел. См.: Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму... С. 417. Только за последнюю декаду марта 1930 г. в четырех округах западносибирского региона были арестованы 492 участника «контрреволюционных» организаций. А за первую декаду апреля 1930 г. только в пяти субъектах были осуждены к ВМН – расстрелу 99 участников

Отдельно хотелось бы остановиться на вооруженных выступлениях крестьянства в ряде районов Западной Сибири против политики государства. В целом по Сибири с конца 1929 до середины 1931 г. таковых произошло более полутора десятков²⁹⁷.

Самым массовым по численности участников (до 1 500 чел.) и масштабам развития (было охвачено 28 населенных пунктов) стало Муромцевское восстание (ныне Омская область) в марте 1930 г. Причины его крылись в многочисленных нарушениях, допущенных в ходе кампании по раскулачиванию, когда, например, число высланных по «1-й категории» втрое превысило число высланных по «2-й категории», отсутствовали какие-либо учеты по экспроприруемому имуществу и т.д. Не могли не повлиять на рост напряженности и проведенные накануне аресты 24 «участников контрреволюционных кулацких группировок» в с. Кондратьевское, Бакмакское (возможно, речь идет о с. Бергамак. – В.У.) и Ляпуновка. Поводом для выступления послужило выселение кулаков на Север. С. Красильников в своем исследовании «Серп и Молох» отмечает: партийно-советские органы Барабинского округа вынуждены были признать, что восстание порождено крайне низким авторитетом партийных и советских организаций в деревне, проявлением с их стороны элементов формализма в работе и грубейшими извращениями политики партии. В действиях мятежников прослеживалась тенденция самозащиты от произвола и мародерства представителей власти. Свидетельством этому были лозунги, выдвинутые восставшими: «Долой коммунистов из советов!»; «Долой деревенский актив!»; «За возвращение кулаков из ссылки!» и др.

Власти удалось подавить восстание в течение пяти дней. Точное число погибших крестьян установить не представилось возможным. Что касается официальных данных, то в ходе боестолкновений восставшие потеряли 31 чел. убитыми и 4 тяжелоранеными. Потери «победителей» составили 6 чел. убитыми²⁹⁸.

Расправа с участниками восстания была жестокой. Аресту подверглись 1 010 чел., из которых после проведенной фильтрации были освобождены 568 чел. (128 бедняков, 395 середняков, 3 батрака и 43 чел. прочих – члены кулацких семей и несовершеннолетние). Осуждению «тройкой» ПП ОГПУ по Сибкраю подверглись 441 чел. из 442 привлеченных к ответственности. Согласно приговору к ВМН – расстрелу был осужден 61 чел., еще 43 расстрел был заменен заключением в концлагерь сроком на 10 лет, около 100 чел. осуждены условно, а остальные – к иным срокам

12 «контрреволюционных» организаций и группировок. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3, кн. 1. С. 273–275, 297–299.

²⁹⁷ Гушин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири. 1928–1933 гг.: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1996. № 2. С. 36.

²⁹⁸ В оперсводке № 7 СОУ ОГПУ о ходе «ликвидации контрреволюционных кулацко-белогвардейских и бандитских элементов» за вторую пятидневку марта 1930 г. указывалось, что в боях было убито 75 «бандитов» и взято в плен 442. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3, кн. 1. С. 249.

лишения свободы. Кулаков в числе осужденных было 90, остальные – бедняки и середняки²⁹⁹.

Однако не соглашусь с некоторыми выводами С. Красильникова. Констатируя факты жестокого подавления восстаний, он пишет, что при этом физически уничтожался каждый десятый участник мятежа, и в качестве подтверждения приводит данные о Муромцевском восстании. Однако приведенные цифры не вполне корректны, так как названный им показатель невозможно получить даже при суммировании числа погибших и расстрелянных. В другом случае он отмечает, что восставшие, действуя стихийно, не сумели развернуть наступательных действий, хотя и были вооружены. Возникает вопрос, о каких наступательных действиях речь? Ведь описание целей и событий восстания, примеры лозунгов прямо свидетельствовали о его локальном характере (в рамках одного района); восставшие и не планировали наступательных операций. Кроме того, если говорить о вооруженности восставших, то сам автор приводит данные о наличии у них только охотничьего оружия: дробовиков, берданок и малокалиберных винтовок в количестве до 350 стволов, т.е. в лучшем случае один ствол на четверых. Целей довооружения мятежники не ставили. Воевать, а тем более наступать при таком вооружении было смерти подобно. Это также является свидетельством локального характера выступления³⁰⁰.

В это же время произошло восстание в Уч-Пристанском районе. Организовал и возглавил его сотрудник Бийского окружного отдела ОГПУ по Уч-Пристанскому району Ф.Г. Добытин. Он начал подготовку к свержению советской власти с объединения раскулаченных. По версии, изложенной в обвинительном заключении, он установил связь с уже действовавшими в районе контрреволюционными организациями и создал свою антисоветскую группу. Добытин заверил единомышленников, что их выступление будет поддержано в других округах, т.е. вызовет «цепную реакцию», хотя конкретных действий для этого не предпринимал.

Восстание началось в ночь на 10 марта 1930 г., крестьяне смогли захватить 80 винтовок и патроны к ним, арестовали более 100 коммунистов, комсомольцев и руководителей различного уровня, расстреляли 9 из них. Но поднять планировавшиеся Добытиным 2 500 «сторонников» не удалось, на призыв откликнулись не более десятой части. Понимая, что восстание обречено на поражение, он скрылся в неизвестном направлении. Мятежники еще пытались организовать недовольных властью в окрестных селах и деревнях, но более четырехсот человек собрать не удалось.

Уже 11 марта отрядами милиции и вооруженных коммунистов восставшие были оттеснены от Уч-Пристани, а через несколько дней окончательно разбиты у

²⁹⁹ См.: Красильников С.А. Серп и Молох... С. 41–47.

³⁰⁰ Там же. С. 41, 46. Не верен, на мой взгляд, и вывод С. Красильникова по событиям в Индерском районе Новосибирского округа, что жестокость к участникам «волынки» обусловлена, в первую очередь, личной мстью представителей местной власти, в панике бежавшей от недовольного населения. Эта власть к вынесению приговора никакого отношения не имела – они не члены «тройки». Просто было необходимо запугать население района с целью недопущения повторения описанных событий, о чем далее и пишет С. Красильников и с чем уверенно соглашусь.

дер. Антоньевка. В ходе подавления восстания убито 90 чел., 168 арестованы, 163 из них преданы суду «тройки» ПП ОГПУ по Сибкраю. К ВМН – расстрелу были приговорены 75 наиболее активных участников восстания, к заключению в концлагерь сроком на 10 лет – 24 чел., на 5 лет – 44, на 3 года – 3, к 5 годам условно – 8 и к 3 годам условно – 6 чел., 3 чел. были осуждены к высылке в Туруханский край. Материалы в отношении двух граждан направлены на доследование. В тюрьме Новосибирска три месяца провели отец, два старших брата, жена Добытина и некто Ф. Почуев; позднее они были из-под стражи освобождены за отсутствием состава преступления. Судьба Ф. Добытина осталась неизвестной³⁰¹.

Массовым выступлением спецпереселенцев стало восстание на территории Чаинского района Нарымского края летом 1931 г. Причины выступления были отражены в спецсводке СО ОГПУ: «На участках Парбигской комендатуры (самой крупной по численности на лето 1931 г. – 33 тыс. чел.) продовольственных запасов нет. Последние выдавались посуточно. Были перебои. Последние 10 дней (накануне восстания. – В.У.) на ряде участков не было соли. Паек до последних дней выдавался в размере только 300 г муки на каждого едока. Хозяйственно переселенцы не устроены. Живут исключительно в шалашах, жилых построек не имеется»³⁰².

В материалах дела³⁰³ оперуполномоченным оперативного отдела Томского оперативного сектора ОГПУ Ушаковым было указано, что в нем приняло участие около 1 000 человек.

Для ликвидации восстания власти направили кавалерийский взвод Томской милиции и партотряды Колпашевского, Кривошеинского и Чаинского районов. Руководство осуществлял начальник Томского оперсектора ОГПУ Плахов³⁰⁴. За время восстания со стороны восставших было убито более 100 чел., со стороны партийных отрядов убито 4 чел. и ранено трое³⁰⁵.

Неточное отражение фактов в материалах дела не позволяет определить число жертв со стороны восставших. Считаю, что названная цифра приблизительна, но соответствует реальному положению дел. Ведь ликвидация крупного антисоветского выступления – это достижение, а значит, награды, повышения по службе и т.п. Резона

³⁰¹ Жданова Г.Д. Применение статьи 58 УК в ходе коллективизации и раскулачивания на Алтае (1928–1933 гг.) // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. Барнаул, 2010. С. 96–98; Гришаев В.Ф. За чистую советскую власть... С. 200–212; Кобелев А.И., Чернов А.С. Указ. соч. С. 40–46.

³⁰² Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3, кн. 1. С. 835.

³⁰³ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П–14075. Т. 2. Л. 744–763.

³⁰⁴ Плахов Михаил Афанасьевич, 1898 г.р., ур. Орловской губ., русский, образование низшее, в РКП(б) с 1919 г. В органах ВЧК с декабря 1920 г., служил на Украине, Урале, с 1929 г. – начальник Барабинского окружного отдела ОГПУ. С 1 октября 1930 г. – начальник Томского оперативного сектора ОГПУ, в апреле 1932 г. вновь переведен на Урал. В 1937 г. исключен из рядов ВКП(б), уволен из органов НКВД и арестован. Через 23 месяца следствия в мае 1939 г. дело было прекращено, из-под стражи освобожден. Дальнейшая судьба неизвестна.

³⁰⁵ Томский историк В. Бойко считает, что общее число потерь поселенцев и местных жителей не менее 200–250 чел. См.: Бойко В. Чаинское восстание крестьян // Народная трибуна. 1991. 13 авг.

занижать цифры вроде бы и нет, но это все-таки предположение. Ведь, с другой стороны, могли наказать за то, что просмотрели подготовку крупного восстания и допустили его проведение.

У восставших было изъято **около** (здесь и далее выделено мною. – В.У.) 10 трехлинейных винтовок и **более** 100 единиц «разного охоторужия». При стычках под Высоким Яром и Крыловкой был отбит обоз, **около** 300 подвод. Хотя один из участников восстания на допросе показал, что «оружие в банде было небольшое – 15 винтовок и 200 охотничьих ружей и 1 воз боеприпасов (порох и дробь)»³⁰⁶.

Следствие по делу началось практически сразу после разгрома восстания. Первые допросы датированы 1 августа. Было задержано несколько сотен человек (в деле имеются два списка, в каждом из них более ста фамилий).

Официальное обвинение по ст. 58-2 УК РСФСР («активное участие с оружием в руках в кулацко-бандитском вооруженном восстании против советской власти») было предъявлено 149 участникам. Позднее 14 чел. были освобождены из-под стражи в связи с недоказанностью участия в совершении преступления, четверо умерли от болезней в период следствия в тюремной больнице. Остальные (131 чел.) были 21 октября 1931 г. осуждены «тройкой» ПП ОГПУ по ЗСК. Виновными себя не признали 43 чел., но на вынесение приговора это не повлияло. К 10 годам концлагерей приговорены 9 чел., еще 45 – к срокам 3 и 5 лет концлагерей, остальные – на 5 лет концлагерей условно со ссылкой на Север. Уже после вынесения приговора в тюремной больнице скончались от болезней еще 10 чел.³⁰⁷

Отношение населения к этому событию было неоднозначным – от поддержки до непосредственного участия в подавлении выступления (преимущественно местные

³⁰⁶ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-14075. Т. 1. Л. 14–15.

³⁰⁷ Подсчитано автором по материалам архивно-следственного дела. См.: Уйманов В.Н. Без права на жизнь // Земля чаинская : сборник научно-популярных очерков к 100-летию с. Подгорное. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 205–227. Исследователь И. Кузнецов без ссылки на источники (с названным делом незнакомился) указал, что руководители восстания были расстреляны, а остальные его участники получили от 5 до 10 лет исправительно-трудовых лагерей. См.: Кузнецов И. Знать и помнить (историческое исследование массовых репрессий и реабилитации жертв террора 30-х годов). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 12. Составители сборника документов «Спецпереселенцы в Западной Сибири» в томе за 1933–1938 гг. назвали цифру участников восстания от 1,5 до 2 тыс. (С. 297), а в томе за 1939–1945 гг. со ссылкой на журнал «Исторический архив» (1994. № 3) привели информацию, что в восстании участвовало «до полутора тысяч человек... Организаторы были осуждены, часть активных участников (несколько сотен человек с семьями) отправлены на поселение в отдаленную штрафную Александрово-Ваховскую комендатуру» (С. 299).

Все вышеприведенные цифры завышены, возможно, для «усиления» информации. Хотя в документальном сборнике «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... (Т. 3, кн. 1) в обзоре ПП ОГПУ по ЗСК «О политическом положении края по состоянию на 15 августа [1931 г.]» число участников восстания ни разу не превысило 200 (С. 753). Сомнительно, что сотрудники ПП ОГПУ умышленно занизили число участников восстания. Кроме того, названная комендатура, по крайней мере по материалам дела, не значилась штрафной, и автором, непосредственно работавшим с архивно-следственным делом и материалами реабилитации, хранящимися ныне в ЦДНИ ТО, информации о высылке осужденных в названную комендатуру обнаружено не было. См. подробнее: Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири... С. 207–219.

активисты). Так, последние активно привлекались для задержания бежавших в тайгу спецпереселенцев. В отдельных случаях их действия носили уголовный характер. Например, группа активистов дер. Тунгусово (ныне Молчановский район Томской области) в период с 1 августа по 15 сентября творила самосуды и мародерствовала в «охоте» за спецпереселенцами и ехавшими к ним родственниками. В ходе расследования было установлено, что данной группой было убито 15 чел., а добытые в результате грабежа лучшие по качеству вещи распределялись между членами группы, худшие – сдавались в сельпо для последующего распределения между колхозниками. Заместитель райуполномоченного ПП ОГПУ Станкевич в докладной записке секретарю райкома партии признал факт превращения «боевой группы для самоохраны деревни и колхоза» в группу «красных бандитов», обвиненных по ст. 59-3 УК РСФСР³⁰⁸.

Практически одновременно с Чаинским восстание произошло в бывшем Чумышском районе ЗСК. Летом 1931 г. на севере бывшего Чумаковского района стали группироваться спецпереселенцы, бежавшие с мест поселения. К ним примкнули «банды» Горчакова, Девилярова, Зубкова и др., действовавшие на территории северного района края. В отряды активно вовлекали местных крестьян, в том числе середняков и бедноту. В сжатые сроки число повстанцев достигло 300 чел., а затем и 600. Вооружение главным образом состояло из гладкоствольных охотничьих ружей, примерно 30 винтовок и обрезов. Занимая села и поселки, расправлялись с коммунистами и сельхозактивом, захватывали оружие. Но уже через несколько дней в район восстания были стянуты партотряды из сел Чумаково, Каргат, городов Барабинска и Каинска (ныне г. Куйбышев Новосибирской области). Из Новониколаевска прибыл конный взвод ОГПУ в составе 35 чел.

В течение пяти дней восстание было ликвидировано. Во время боестолкновений восставшие потеряли убитыми 83 чел. Потери со стороны партийных отрядов и формирований ОГПУ составили 12 убитых и 2 раненых. Было захвачено в плен более 200 участников восстания, взяты трофеи – 15 винтовок, 5 револьверов и около 300 охотничьих ружей, большое количество боеприпасов. В ходе следствия было арестовано около 400 чел., 349 из которых помещены под стражу. К различным срокам наказания Коллегией ОГПУ по ст. 59-3 УК РСФСР осуждены 190 мятежников, т.е. в отличие от «чаинцев» участники этого восстания были признаны обычными бандитами, а это другая статья по отчетам, руководство ПП ОГПУ по ЗСК понимало это очень хорошо³⁰⁹.

³⁰⁸ Красильников С.А. Серп и Молох... С. 194; Из истории земли томской. 1930–1933... С. 351–352. Не известно, чем закончилось следствие по данной группе, но отдельные из ее участников арестовывались в более поздние сроки. Так, Захожий К.Т. вновь был арестован в июне 1938 г., освобожден из-под стражи в мае 1939 г. – оправдан по суду (Там же. Т. 5. С. 99); Изотёнок И.А. арестован в 1938 г., расстрелян (Там же. Т. 1. С. 390; Т. 5. С. 258); Лысых Х.Л. арестован в 1944 г., осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах (Там же. Т. 4. С. 192). Обложко Е.С. арестовывался ранее – в ноябре 1929 г., но был освобожден в апреле 1930 г. в связи с прекращением дела (Там же. Т. 1. С. 330).

³⁰⁹ Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 13672; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 40–41. В отчете ПП ОГПУ по ЗСК о политическом положении в крае отмечалось, что во время бо-

Подобные восстания были единичными, так как спецпереселенцам было сложнее объединиться и выступить, чем населению, постоянно проживающему на конкретной территории. Причин, на мой взгляд, этому несколько. Во-первых, последствия мощного психологического стресса вследствие разрушения уклада жизни, разграбления хозяйства, моральных унижений и физических страданий. Во-вторых, срабатывал извечный инстинкт самосохранения – выжить любой ценой. В-третьих, давление со стороны представителей власти через систему постоянного контроля и неусыпного надзора, когда местное население воспринимало спецпереселенцев в качестве «незваных гостей», если уж не в качестве врагов, каковыми их объявила власть. В-четвертых, разрозненность, так как далеко не всегда ссыльные из одних мест селились в одних поселках. Преодоление этого фактора усложнялось наличием первых трех. В-пятых, плохое знание мест расселения и окрестностей и отсутствие возможности реально вооружиться, если уж действительно выступать против власти. Местное население мало в чем могло помочь, так как не было готово оказывать подобную помощь «врагам». В силу названных причин спецпереселенцы не имели практически никаких шансов на победу. Будучи недостаточно организованными и слабовооруженными, они заранее были обречены на поражение и не могли противостоять вооруженным отрядам партийно-советского актива и регулярным воинским формированиям. Отсюда и столь неравноценные потери противоборствующих сторон.

Другой формой сопротивления режиму было бегство спецпереселенцев из мест расселения. Так, в справке начальника ОТСП УНКВД по Новосибирской области капитана госбезопасности Бурлака от 1 июня 1943 г. было отмечено, что в период с 1930 по 1942 г. число бежавших из трудссылки «кулаков» составило 113 800 чел., из них 77 041 чел. возвращены не были³¹⁰.

В стране, по данным начальника ОТП ГУЛАГа НКВД Тишкова, «за время существования трудовой ссылки [до 1939 г.] из трудпоселков бежало 637 893 человек[а], задержано и водворено обратно 215 445 человек (33,8%). Продолжая розыск и

естолкновений «банда потеряла свыше 60 убитыми, 12 ранеными, захвачено в плен до 115 чел., выловлено скрывшимися после разгрома до 130 чел. связчиков, пособников и бандитов, в том числе кулаков – 75, середняков – 115, бедняков – 37, служащих – 10, кустарей – 2 и невыявленных – 6, а также взято 91 един. оружия, 16 лошадей и прочего имущества» (С. 754). И в первом, и во втором случаях источниками информации по Чумаковскому восстанию были документы органов ОГПУ, однако понять причину разночтения данных не представилось возможным.

³¹⁰ Совершенно секретная справка УНКВД по Новосибирской области об изменениях в составе трудссылки за период 1930–1943 гг. по состоянию на 1 июня 1943 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945... С. 206. Однако в справке СПО ОГПУ о бежавших и задержанных в 1930–1933 гг. спецпереселенцах указывалось, что в данный период число бежавших в Запсибкрае составило **133 700** чел. (в 1933 г. – 48 200), а было задержано **33 400** из них (в 1933 г. – 12 600), т.е. только каждый четвертый. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3, кн. 2. С. 563.

задержание беглецов, обнаруживаем факты, когда трудпоселенцы бежали целыми семьями и к настоящему времени благоустроены на новом месте...»³¹¹.

Немногим ранее, в феврале 1939 г., руководство этого же отдела в докладной записке в ЦК ВКП(б) констатировало: «Пользуясь ослаблением режима, многие трудпоселенцы разъехались из трудпоселков, проникли на заводы оборонного значения, электростанции и другие предприятия в краевых, областных центрах и различных городах. Снятие их оттуда и водворение в трудпоселки встречает затруднения в связи с тем, что они работают на этих предприятиях ряд лет, приобрели квалификацию, многие сумели получить паспорта, вступили в брак с другими рабочими и служащими и обзавелись в ряде случаев своими домами и хозяйством»³¹².

Выдержка интересна хотя бы постановкой проблемы – слабый режим (видимо, «рук не хватало», не успевали за всем смотреть), «враги проникли» на режимные предприятия и т.п., а так ли это? На практике же никто не мог «разъехаться» без документов, так как без ведома комендантов шагу ступить не могли. Более того, агентура занималась, в частности, отслеживанием этих процессов. Конечно же, подобными формулировками маскировали побег трудпоселенцев, часть из которых находила свое место на свободе.

Отдельные из выживших переселенцев так характеризовали режим проживания в ссылке. Уроженка Алтая В.Г. Королёнок (Рябова) рассказывала, что до Томска везли в товарных вагонах, там «перегрузили на пароход “Усиевич” и везли до Парабели». Далее, в дремучую тайгу их доставили на моторной барже. Среди непроходимой тайги были образованы несколько поселков – Смелый, Болотный, Щука, Сочига и др. Управляли поселенцами коменданты – «строгий режим хуже заключения». Свобода передвижения была ограничена, регулярно надо было отмечаться в комендатуре, не всегда расположенной на территории поселения, – «пешком ходили в Парабель по 30 км отмечаться или взять пропуск, [чтобы] менять вещи по деревням Парабели»³¹³.

По данным В. Земскова, основанным на материалах ГАРФ, число бежавших в 1932–1940 гг. составило 629 042 чел., из них было возвращено к местам поселения 235 120, т.е. 37,38%. Число «невозвращенцев» составило 393 932 чел., т.е. 62,62% (табл. 6). Число беглецов в Западной Сибири все годы было очень большим. Так, в 1934–1935 гг. число бежавших в регионе составило 47 992 чел., т.е. более 1/3 общего числа бежавших из ссылки – 36,72% (от 130 687 чел.). В 1936–1938 гг. бежали 16 026 «сибиряков», что составило 25,15% (от 63 714 чел.). А в целом за 1934–1938 гг. каждый третий беглец был из Западной Сибири (32,93%)³¹⁴.

³¹¹ Сопроводительная записка начальника ОТП ГУЛАГа НКВД в НКВД СССР о необходимости принятия нового Положения о трудпоселенцах от 4 марта 1939 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945... С. 34.

³¹² Земсков В.Н. Указ. соч. С. 128.

³¹³ Ермакова Л.И. Значение воспоминаний родственников репрессированных для изучения истории политических репрессий // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул, 2005. С. 361.

³¹⁴ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 66. В справке ОГПУ от 7 февраля 1931 г. о количестве бежавших с местсылки кулаков 2-й категории указывалось, что (по данным на 20 декабря 1930 г.) из

Данные табл. 6 отражают тенденцию резкого падения количества побегов уже с 1934 г. – почти в 2,5 раза по сравнению с 1933 г. (в Западной Сибири число беглецов сократилось, как видно из вышеприведенных данных, втрое). Тем не менее Полпредство ОГПУ по ЗСК в июне 1934 г. издало приказ об усилении борьбы с побегами в связи со значительным их увеличением. Так, в марте – апреле из Прокопьевской комендатуры бежало 308 спецпереселенцев, из коих задержано всего 50. В Кузнецкой комендатуре число сбежавших за этот же срок составило 629 чел., а задержано 259. В Колпашевской комендатуре в связи с «систематическим невыполнением установленной отчетности» вообще отсутствовала информация о побегах. Коменданты данных комендатур были привлечены к дисциплинарной ответственности.

Т а б л и ц а 6

Динамика бегства спецпереселенцев в СССР в 1932–1940 гг.

Год	Всего спецпереселенцев, чел.	Число бежавших, чел. / %	Число возвращенных, чел. / %	Разница между бежавшими и возвращенными, чел.
1932	1 317 022	207 010 / 15,7	37 978 / 18,35	– 169 032
1933	1 142 084	215 856 / 18,9	54 211 / 25,11	– 161 645
1934	107 2546	8 7617 / 8,17	45 443 / 51,86	– 42 184
1935	973 693	43 070 / 4,42	33 238 / 77,17	– 9 832
1936	1 017 133	26 193 / 2,58	23 075 / 88,09	– 3 118
1937	916 787	27 809 / 3,03	17 384 / 62,51	– 10 425
1938	877 651	9 712 / 1,10	10 939 / 112,63	+ 1 227
1939	938 552	7 345 / 0,78	8 290 / 112,86	+ 945
1940	997 513	4 430 / 0,44	4 562 / 102,97	+ 132
Всего		629 042	235 120 / 37,38	– 393 932

Примечание. Таблица составлена автором по материалам: Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 124–125.

В связи со сложившейся ситуацией приказ требовал «работу по борьбе с бегством спецпереселенцев переключить на боевые рельсы», пересмотреть расстановку постов и мобилизовать внимание всех работников комендатур, «не допуская расхлябанности и бездеятельности в борьбе с бегством спецпереселенцев»; через местные органы власти привлечь к этой работе местное население, а из молодежного актива из спецпереселенцев организовать группы содействия борьбе с бегством³¹⁵.

35 783 чел., вселенных в Запсибкрай, бежавшими числились 21 тыс. чел. (58,5%), число же пойманных составило 6 860 чел., или 33%. Больше число беглецов – 39 743 чел. (17,3% от числа вселенных) – зарегистрировано только в Севкрае, 24 285 чел. (61%) из них были пойманы. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3, кн. 1. С. 612.

³¹⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 197–198. Названный приказ не содержал ничего нового в организации борьбы с бегством с мест поселения. ОГПУ еще в июле 1930 г. за № 223/106 был издан приказ, требовавший от местных органов вести «решительную работу по выявлению незаконно возвратившихся... принятию мер по их задержанию, усилению мер репрессии в отношении их». Для заинтересованности местного населения в поимке бежавших кулаков предусматривалось «соответствующее премирование». В сводке ГУЛАГа ОГПУ о побегах спецпереселенцев в 1931 г. в целях противо-

Однако побеги продолжались. К решению проблемы подключались партийные организации комендантских подразделений. Так, С.А. Красильников описал, как рассматривался вопрос борьбы с побегами на заседании партячейки Ново-Кусковской комендатуры 25 марта 1935 г. Участковый комендант Собин доложил, что в январе число побегов стало увеличиваться. Причина, по его мнению, заключалась в «экономической плоскости» – создание лучших материальных условий трудпоселенцам должно сократить число побегов. При этом он отмечал: «Милиция бездействует в борьбе с побегами. Группы содействия засорены[,] и достаточной работы с ними не проводится. Необходимо стимулировать членов группы содействия, премируя обувью, одеждой, хлебом. Беглецы задерживаются в старожильческих поселках, население их укрывает, необходимо произвести облаву в некоторых поселках Зырянского и Асиновского районов. Установить засады на дорогах, жел[езно]дор[ожных] станциях и на реках весной...»³¹⁶.

Некоторый рост числа побегов в 1937 г. (27 809 чел.), по сравнению с предыдущим годом (26 193 чел.), можно, на мой взгляд, объяснить начавшейся кампанией массовых арестов в соответствии с приказом НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». То же самое можно сказать и об уменьшении побегов в 1938 г. (9 712 чел.), т.е. почти в три раза. Если до 1937 г. за побег судили по ст. 82 УК и обычным наказанием были сроки до 3 лет лишения свободы или условное наказание, то в соответствии с директивой НКВД от 17 декабря 1937 г. дела на беглецов стали рассматриваться «тройками» с вынесением приговоров о ВМН – расстреле. В отдельных случаях ст. 82 УК могли заменить на ст. 58-14 УК – «контрреволюционный саботаж», но приговор был таким же: ВМН – расстрел.

Одновременно наблюдалась тенденция обратного порядка – рост числа «возвращенных» беглецов, а в 1938–1940 гг. их число даже превышало число бежавших. А всего за период 1939-х гг. почти 400 тыс. беглецов выявлены не были³¹⁷.

Сокращение числа побегов в 1934 г. случайностью не было. Поиск бежавших требовал огромных материальных затрат и отвлечения тысяч сотрудников милиции, пенитенциарной системы, ОГПУ и др., поэтому потребовалось принятие мер, которые могли бы сократить число побегов. Так, в частности, 9 февраля 1933 г. был издан с грифом «Совершенно секретно» приказ ОГПУ № 0056 «О соединении заключенных

действия побегам были названы мероприятия: введение системы премирования населения за поимку беглецов, создание осведомительской сети, расстановка на путях возможного бегства скрытых застав и опергрупп и др. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 3, кн. 1. С. 15, 773.

³¹⁶ Красильников С.А. Серп и Молох... С. 232.

³¹⁷ См.: Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки»... С. 124–125. В ноябре 1943 г. за подписью заместителя начальника ГУЛАГа НКВД СССР полковника госбезопасности Завгороднева была подготовлена докладная записка в НКВД СССР с грифом «Совершенно секретно» о состоянии работы по борьбе с побегами из трудпоселков, в которой, в частности, указывалось, что за период с 1930 г. по 1 июля 1943 г. из трудпоселков бежало 632 971 чел., а далее даны расчеты по годам, начиная с 1932 г. по указанную выше дату. Число бежавших в эти годы на 89 чел. больше первоначальной цифры, а ведь еще не были указаны данные по 1930–1931 гг. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. С. 150–151.

исправ[ительно]-трудов[ых] лагерей ОГПУ с их семьями, выселенными в порядке спецпереселения в спецпоселки»: «...в целях уменьшения побегов из спецпоселков и закрепления хозяйственного устройства семей спецпереселенцев, главы или трудоспособные члены которых осуждены и находятся в исправительно-трудовых лагерях ОГПУ... заключенных, находящихся в исправительно-трудовых лагерях, соединять с их семьями, высланными в порядке спецпереселения в спецпоселки, **независимо от срока, статьи и осуждения и времени отбытия срока** (выделено мною. – В.У.) в лагерях ОГПУ». Ограничением для воссоединения могли служить: отрицательные характеристики в период отбытия наказания, совершение в это время новых преступлений, а также участие в контрреволюционной деятельности.

Принятие этого документа несомненно сыграло определенную роль в улучшении ситуации, так как в семьи возвращались главы семей или иные трудоспособные члены, кормильцы, добытчики, чьи рабочие руки, конечно же, могли облегчить участь остальных.

С другой стороны, снижение численности побегов было вызвано тем, что постепенно сосланный народ начинал обживать, обустраиваться, «прирастать к земле», чего, кстати, власть и хотела. Второй момент: стоило ли (и для чего) бежать на родную землю, где все порушено и разграблено, ведь там снова начнут ловить и опять-таки вернут на «новую родину», а может быть, отправят в еще более страшные места. В-третьих, как бежать? Из тайги и болот, не имея карт, компаса, по бездорожью бежать решится не каждый, вероятна смерть, а не свобода. Кроме того, хватало «охотников за головами» даже за небольшое вознаграждение. Всегда находились желающие отличиться – ведь ловили не людей, бедолаг и страдальцев, а «врагов народа». Не все из возможных беглецов решались на побег по причине нежелания бросать родных и близких, испытывавших нужду, в эти трудные годы. Не надо забывать и про комендантов, их помощников, всевозможную охрану, партийно-комсомольский актив и т.п., которые и получали «хлеб» за порядок и недопущение побегов.

Если сравнивать информацию о побеге из справки начальника ОТП ГУЛАГа Тишкова и архивных данных, приведенных В. Земсковым, то особой разницы, казалось бы, не видно – у Тишкова на 8 тыс. побегов и 20 тыс. возвращенных больше, но в абсолютных цифрах это не играет особой роли. Однако у него нет четких хронологических рамок, а у В. Земскова отсутствуют данные за 1930–1931 гг. Поэтому с учетом того, что В. Земсков использовал данные 1939–1940 гг. (бежавших за это время 11 775 чел., возвращенных – 12 852), вызывает сомнение результат: в 1930–1931 гг. бежало всего около 20 тыс. человек, рост показателя в 10 раз в 1932 г. объяснить нечем, так как условия были практически одинаковыми.

В подтверждение этого можно привести ряд фактов. Так, в первые месяцы 1930 г. в Кулайской комендатуре из 8 891 поступившего спецпереселенца к августу осталось 1 607 чел. – бежавшими значились 6 222 чел.³¹⁸ В докладной записке Новосибирского административного отдела от 27 июля 1930 г. «О состоянии кулацких по-

³¹⁸ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 28; Макшеев В.Н. Спецы. Исследование. Томск, 2007. С. 21.

селков по реке Шегарке» отмечалось, что с марта по июнь 1930 г. из 6 754 поселенцев сбежали 301 мужчина, 246 женщин и 685 чел. молодежи – всего 1 232 чел. (18,3%). Число побегов сократилось лишь после того, как стало известно, что при возвращении на прежние места жительства беглецов арестовывают. В отдельных случаях число беглецов достигало 500 чел. Еще более мрачная картина описана в докладе комендантского отдела Западно-Сибирского краевого административного управления в НКВД СССР в октябре этого же года: «Отсутствие стационарного местожительства, хозяйственная неустроенность, разрыв с семьями, бесперспективность вместе с классовой непримиримостью породили огромную текучесть (около 22 000 чел.). Силами ОГПУ и адморганов поймано и водворено около 11 000 человек»³¹⁹.

В обоих случаях перед нами официальные документы. Но с учетом опыта, в частности, описанного выше (некоторая свобода в датах, цифрах документов ОГПУ – НКВД), считаю данные В. Земскова более объективными.

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении 1920-х и начала 1930-х гг. власть постоянно сталкивалась с активным сопротивлением со стороны крестьянства. По этой причине постоянно фиксировались случаи неповиновения, «волынок», «бабьих бунтов», террористических актов, уничтожения или повреждения имущества и жилья сельских активистов, а впоследствии и колхозного. Резко увеличилось число «бандитских» проявлений, что привело к неоднократному объявлению Сибири «неблагополучной по бандитизму» и введению чрезвычайных мер. Коллективизация и раскулачивание дали примеры массовых вооруженных выступлений со стороны крестьянства. Ссылка сотен тысяч человек в малообжитые и труднодоступные районы вызвала волну бегства к местам прежнего проживания. При этом тысячи беглецов погибли в тайге и болотах Нарымского края. Но точного числа этих жертв политики Советского государства, направленной на «колонизацию» новых земель и территорий, установить не представляется возможным.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что социально-политическая и оперативная обстановка в Западной Сибири, как, впрочем, и в целом по стране, в 1920–1930-е гг. была сложной и напряженной. Советскому государству приходилось предпринимать колоссальные усилия, чтобы защитить себя от внешних и внутренних врагов. На протяжении первых лет существования страна пережила Гражданскую войну, многочисленные восстания, организованные различными антибольшевистскими силами, тогда еще верившими, что все можно изменить и вернуть «прошлое». Эти же силы активно вовлекали в борьбу с большевизмом население России, преимущественно крестьянское, «разжечь» которое, при наличии крестьянской стихийности, особого труда не составляло; этому способствовало и проведение коммунистическим руководством страны непопулярных мероприятий и кампаний, прямо влиявших на ухудшение положения народа. В Сибири, несмотря на освобождение её территории от колчаковцев, начало 1920-х гг. можно характеризовать как продолжение Гражданской

³¹⁹ Красильников С.А. Серп и Молох... С. 181, 247; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г... С. 211.

войны в особых формах и проявлениях. Десятки крестьянских восстаний, в отдельных из которых число участников превышало десятки тысяч человек, заставили большевистское руководство, в первую очередь сибирское, применить жесточайшие репрессии и террор, чтобы остановить вспышки крестьянского гнева и недовольства. Применялись всевозможные законные (но чаще по праву целесообразности) и незаконные меры, часто очень жестокие.

В этих условиях стал складываться особый тип людей, чаще всего руководителей («вожди-лидеры» разного уровня), которые продолжали воспринимать реалии мирной жизни через призму отношений, характерных для условий Гражданской войны, брали на себя ответственность и присваивали право решать судьбы других людей. Явление, известное как «красный бандитизм», серьезно и глубоко поразило сибирские партийно-советские органы, борьба с ним потребовала значительных усилий и многих лет. Однако ростки вседозволенности и беззакония так и не были уничтожены. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. они дали активные всходы и были востребованы сформировавшейся командно-административной системой.

Сибирские руководители как представители одной «команды», по современной терминологии, в этих условиях слепо копировали (но четко выполняли, несмотря ни на что) действия и шаги высшего руководства страны, а иногда выступали инициаторами отдельных акций на пути строительства государства новой формации. Часто эти шаги и действия были непродуманными, ошибочными по сути, содержанию и форме реализации, но исполнялись, ломая при этом миллионы человеческих судеб и навсегда меняя облик Сибири.

Именно в Западной Сибири «Большой террор» побил все «рекорды» (в сравнении с другими регионами) по развертыванию массовых необоснованных репрессий и уничтожению преимущественно наиболее передовой части её населения. Реализация этой политической кампании партийно-советского руководства страны активно влияла на социально-политическую и оперативную обстановку.

История – сокровищница наших деяний,
свидетельница прошлого, пример и поучение
для настоящего, предостережение для будущего
Мигель де Сервантес Сааведра

2. «СОЦИАЛЬНО ЧУЖДЫЕ»

В первые годы после Октябрьской революции Сибирь стала убежищем для сотен тысяч россиян; это были осколки классов, некогда управлявших великим государством, бежавших из центральных районов страны от наступающих большевиков. Кроме того, по данным Сибэвака, в Сибири находилось более 200 тыс. иностранных подданных, в том числе 63 тыс. польских граждан. Не учитывать этот фактор на фоне сложных и напряженных отношений между Россией и Польшей было нельзя¹. Только бывших военнопленных на 1 марта 1920 г. в Сибири насчитывалось 160 тыс. чел.² Газета «Знамя революции» писала: «В Сибири после разгрома колчаковщины оставались не менее 40 000 карателей, контрразведчиков и офицеров белой армии, в том числе до 6 000 этого сброда рассредоточилось в различного рода учреждениях Томской губернии»³. Цифры, по мнению многих историков, очень сильно завышены. Тем не менее мужчин, носивших в недалеком прошлом офицерские погоны, в Сибири оказалось тогда действительно немало, если учесть, что в годы Первой мировой войны были произведены в офицеры десятки тысяч студентов, инженеров, служащих, мелких чиновников⁴. И вся эта человеческая масса по сути дела была отторгнута новой властью, люди в одночасье превратились в «социально чуждых».

С первых дней советской власти была организована работа по сбору информации о всякого рода «бывших», кого власть рассматривала в качестве настоящих или потенциальных противников. К их числу были отнесены сотрудники жандармского и полицейского корпусов, офицеры царской и белых армий, чиновники царского и белых правительств, дворяне, помещики, служители культа, представители промышленной и банковской элиты, специалисты, интеллигенция и пр., кто, по мнению большевиков, жил за счет эксплуатации (прямой или косвенной) труда простого народа. На протяжении 1920-х гг. шло накопление оперативных данных и системати-

¹ Накануне Февральской революции на территории Сибири и Дальнего Востока находилось 240 950 военнопленных периода Первой мировой войны: в Омске – 14 000, Новониколаевске – 12 000, Красноярске – 13 000, Иркутске – 8 800, Канске – 6 000, Томске – 5 200, в Кургане, Тюмени, Тобольске и Семипалатинске – по 5 000, Барнауле – 2 500, Бийске – 3 000, Ачинске – 2 750 и т.д.¹ Кроме того, в Сибири были размещены и гражданские пленные из числа жителей Пруссии, в частности в Нарымском и Туруханском краях. См.: Сибирская советская энциклопедия. 1929. Т. 1. С. 517–520; Призвание – Родине служить! Новосибирск : Writer, 1997. С. 21.

² Николаев П.Ф. Советская милиция в Сибири (1917–1922 гг.). Омск, 1967. С. 168.

³ Знамя революции. 1921. 19 янв.

⁴ В небольшой Армении, например, только в 1920 г. было арестовано 1,5 тыс. офицеров. См.: Карта // Российский независимый исторический журнал. 1994. № 4. С. 11.

зация учетов в системе ГПУ–ОГПУ. К началу 1930-х гг. в условиях обострения «классовой борьбы» была проведена своеобразная ревизия данных, накопленных на «врагов» советской власти. В 1931 г. в ОГПУ СССР была разработана и введена в действие инструкция по учету так называемых антисоветских и контрреволюционных элементов в стране. Так началась очередная кампания по выявлению всех «социально чуждых» и «социально опасных» для большевистского руководства страны элементов. «Наведение порядка» в учетах давало возможность в случае необходимости быстро и легко организовать изъятие неугодных режиму контингентов. К таковым, в соответствии с партийными установками, были отнесены:

- члены русских и национальных антисоветских партий;
- антипартийные контрреволюционные элементы – троцкисты, сапроновцы, мясниковцы, шляпниковцы;
- участники террористических организаций и террористы-одиночки из представителей различных политических партий и антипартийных группировок;
- антисоветский и контрреволюционный элемент на промышленных предприятиях и на сезонных работах среди рабочих, служащих и административно-технического персонала;
- участники кулацких террористических и повстанческих организаций и группировок, а также террористы-одиночки, антисоветский и контрреволюционный элемент в индивидуальном и социалистическом секторе деревни, кулачество, как сосланное и переселенное, так и нераскулаченное;
- лица, подозреваемые в организации, руководстве и активном участии в городских и массовых выступлениях;
- церковные служители всех конфессий (белое и черное духовенство), проповедники и руководящий состав церковных и сектантских организаций, а также весь антисоветский и контрреволюционный элемент среди церковников и сектантов;
- бывшие провокаторы, охранники, жандармы, полицейские, тюремщики и каратели царского и белого правительств, бывшие члены черносотенно-погромных организаций, защищавших царя;
- фашистские, монархические и кадетские элементы;
- антисоветский и контрреволюционный элемент среди городского и неорганизованного населения, т.е. бывшие чиновники, бывшие фабриканты, бывшие торговцы, кустари, ремесленники, пенсионеры, лица без определенных занятий;
- антисоветский и контрреволюционный элемент в масштабе села, района, области, республики, в профсоюзном и кооперативном аппаратах и добровольных обществах;
- антисоветский и контрреволюционный элемент среди городской и сельской интеллигенции, студенчества, учащихся различного рода образовательных школ⁵.

Обширность перечня позволяла любого гражданина в случае необходимости «подвести» или «привязать» к одной из этих категорий. Надо полагать, что поставленная партийно-советским руководством задача по налаживанию учета оперативно-

⁵ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. С. 62–63.

го контингента требовала колоссальнейших усилий и материальных затрат, но, видимо, цель оправдывала средства. Поставленная задача, конечно же, была выполнена, что позволило уничтожить миллионы наших сограждан за их прошлое, за несоответствие требованиям, предъявляемым к ним большевистским руководством страны, и т.п.

События середины 1930-х гг. показали, что доля «социально чуждых» среди арестованных в 1934–1936 гг. устойчиво составляла от 26 до 30%, т.е. заметно превышала многие другие категории репрессируемых⁶.

2.1. Первые жертвы новой власти после освобождения Сибири от колчаковщины

Придя к власти, большевики начали делать то, что уже неоднократно происходило в истории после революционных катаклизмов: принялись уничтожать противников, в первую очередь представителей свергнутых классов. Гражданская война подтвердила «правильность» такой политики, так как сопротивление «бывших» достигало огромных масштабов и представляло действительную угрозу для победителей. Поэтому и в Сибири для органов ВЧК в ряду задач по обеспечению восстановления разрушенного хозяйства и иных первоочередной стала борьба с исторической контрреволюцией: участниками свержения советской власти в Сибири в 1918 г., лицами, служившими во властных структурах верховного правителя Сибири А. Колчака и интервентов, а также с многочисленными подпольными организациями из «бывших» – царских и колчаковских офицеров, полицейских, чиновников, служителей культа и т.п.

Одним из первых дел по разоблачению белогвардейской организации, видимо, можно считать дело об омских артиллерийских складах, следствие по которому было начато 16 декабря 1919 г. – практически через месяц после освобождения города от колчаковцев. В организацию входили бывшие: штабс-капитан Твердохлебов, коллежский регистратор Аристов, надворный советник Шитиков, оружейный техник коллежский регистратор Зыков, начальник отдела ручного оружия надворный советник Сучков и др. Все они являлись активными членами подпольной организации под названием «Военно-спортивный кружок», участвовавшей в свержении советской власти в Омске в 1918 г. (поставляли отрядам Красной гвардии испорченное оружие и артиллерийские снаряды иного калибра, чем требовалось, а исправное оружие и боеприпасы передавали белоказакам). 29 декабря 1919 г. Коллегия СибЧК признала предъявленное участникам организации обвинение доказанным, и материалы были переданы суду революционного трибунала⁷.

В Томске первые семь врагов советской власти были расстреляны 19 февраля 1920 г.⁸, т.е. через два месяца после освобождения города от колчаковцев. Они пред-

⁶ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 66–67.

⁷ Бударин М.Е. Чекисты... С. 66–72.

⁸ В Сибири, как на территориях, прилегающих к фронту, смертная казнь отменена не была. Кроме того, из доклада М. Левитина о порядке применения высшей меры наказания следовало, что в томской тюрьме

ставляли разные слои и сословия: Шпилярский Леонид Иванович – мировой судья, Барахович Михаил Борисович – студент Томского университета, Вольхин Филипп Ефимович – владелец лавки, подполковник Дементьев Николай Александрович – интендант, генерал-майор Римский-Корсаков Евгений Матвеевич – штаб-офицер для поручений при начальнике артиллерийского управления армии Колчака (кстати, ранее возглавлял омские артиллерийские склады. – В.У.), генерал-майор Трегубов Евгений Эмануилович (без указания должности), Сороко (он же Миронов) Северин Иванович – помощник начальника дистанции на строительстве Кольчугинской железной дороги.

Генералов расстреляли за «прежние заслуги», за преданность царю-батюшке и службу у белых. Е.М. Римскому-Корсакову следственной комиссией при Особом отделе ВЧК при 5-й Армии было предъявлено обвинение по 2 пунктам: участие в подавлении революционного движения в г. Казани в 1905 г., когда во время службы в военном училище он по приказу начальника выкатил на площадь перед зданием городской Думы орудие (без снарядов), чем деморализовал группу рабочих, занявших здание Думы и вступивших в перестрелку с юнкерами, и в организации взрыва артиллерийского имущества в г. Омске при отступлении белой армии. Вывод был «единственно верным»: убежденный контрреволюционер, даже при задержании отказался признать советскую власть⁹. А у генерала Е.Э. Трегубова в протоколе № 2 заседания Томской уездной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности 16 февраля 1920 г. в качестве обвинения было указано: «Трегубов Евгений Емануилович, генерал-лейтенант, доброволец белой армии, председатель офицерского собрания при Колчаке, командир 6-го корпуса русско-германской войны. Председатель военно-полевого суда над генералом Эповым. Обвиняется в службе у белых и контрреволюционной деятельности. Арестовывал коммунистов на Украине во время Октябрьской революции»¹⁰. Однозначно напрашивался вывод: враг. Что же касается суда над генералом Эповым, то из материалов дела видно, что судили его без Трегубова, так как тот был отозван из состава суда¹¹, но это уже детали.

В июле 1920 г. в Омске был расстрелян генерал М.Г. Грузевич-Нечай¹². В январе 1920 г. он был арестован в Иркутске, но вскоре освобожден «под надзор вверенного коменданту города управления». В конце января уволен с военной службы, но уже в феврале был прикомандирован к инженерному управлению. В марте ему было поручено формирование саперного батальона, чем он успешно и занимался. Однако

на 19 февраля 1920 г. находилось 780 заключенных, из них 320 контрреволюционеров, 35 бандитов, 160 преступников по занимаемой должности и такое же количество [из] бывших карательных отрядов. (См.: Из истории земли томской. 1917–1921 гг. С. 65).

⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13052. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Грузевич-Нечай М.Г., 1865 г.р., ур. Киевской губ., после окончания военного училища в 1885 г. начал службу в армии, участник войны с Японией, был награжден четырьмя орденами, за участие в боевых действиях на фронтах Первой мировой награжден еще двумя орденами и произведен в генерал-майоры. После ряда злоключений – служба у Колчака – принимал участие в борьбе против народной власти.

5 апреля его вновь арестовали по обвинению в участии «в авантюре Скоропадского» (некоторое время он занимал должность корпусного инженера Киевского округа в войсках гетмана), но в связи с тем, что обвинение «вполне не установлено», Грузевича этапировали в Омск к представителю ВЧК Павлуновскому. Омская губЧК также пришла к выводу, что его участие в авантюре Скоропадского не вполне доказано, однако постановила оставить его в тюрьме и передать Особому отделу. Далее события приняли неожиданный оборот. Его обращение о готовности служить новой власти было оставлено без ответа, а уже 22 июля помощник уполномоченного Особого отдела составил заключение по делу, кратко описав службу Грузевича у Скоропадского, в частности, инкриминировал ему формирование саперного батальона (получалось, что, формируя это войсковое подразделение, он приносил вред советской власти). Никто из членов коллегии губЧК на нелепость обвинения внимания не обратил или не захотел обратить, было вынесено постановление о его расстреле как «активного контрреволюционера», которое и было И. Павлуновским утверждено¹³.

Интенданта Н.А. Дементьева судили «за службу в осведомительном отделе» и за то, что в 1899–1906 г. был приставом в г. Астрахани, с должности этой уволился по болезни¹⁴. Студента М.Б. Бараховича, монархиста по убеждениям, – за активную поддержку Колчака и активное сотрудничество при Временном правительстве и Колчаке в газетах «Сегодня» и «Понедельник», он осуждал советскую власть за репрессивную политику в отношении офицерского корпуса и усиленную пропаганду классовой борьбы. В обвинении по делу указывалось: «талантливый вдохновитель белогвардейских газет...»¹⁵.

При вынесении приговора всем семерым подсудным «судьи» руководствовались, видимо, только «революционным правосознанием», ведь следователи, за исключением следственной комиссии Особого отдела ВЧК при 5-й Армии, не предлагали применять к обвиняемым высшей меры наказания. Сегодня все указанные лица реабилитированы, но объективности ради следует заметить, что двое из них не должны были, видимо, подлежать реабилитации, так как, судя по материалам дел, «на их руках была кровь». Так, С.И. Сороко (он же Миронов), прибыв с карательным отрядом в Кольчугино, принимал участие в допросах задержанных рабочих и одного из них на допросе, будучи пьяным, убил из револьвера. Кроме того, по его собственному признанию, принимал участие в поисках рабочих – участников апрельского восстания¹⁶. Сегодня можно оспаривать как действия самого С.И. Сороко, так и действия и решения сотрудников ЧК и ревтрибунала. В 1993 г. при рассмотрении этого дела в прокуратуре Томской области во внимание было принято, что не были допрошены свидетели и не были установлены все обстоятельства, при которых был убит рабочий, т.е. «следствие было проведено поверхностно». С.И. Сороко реабилитирован¹⁷.

¹³ Забвению не подлежит: Книга Памяти репрессированных жителей Омской области. Т. 2. С. 359–363.

¹⁴ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13021. С. 22.

¹⁵ Там же. Д. П-11947. С. 18.

¹⁶ Там же. Д. П-11698. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 11.

На совести же Ф.Е. Вольхина – «участие» в убийстве комиссара Д.И. Кривоносенко весной 1918 г. во время инцидента во дворе женского монастыря. Свидетели однозначно подтвердили, что Вольхин бросал в Кривоносенко камни и попал последнему кирпичом в затылок, отчего тот упал. После этого кто-то выстрелом из револьвера убил Кривоносенко. В этой части и проявляются расхождения. Один свидетель заявил, что стрелял именно Вольхин, другие описали какого-то студента. Сам же Вольхин от всего отказался, заявляя, что вообще из своей лавки не выходил. Очные ставки ясности также не внесли. Выяснилось, что у некоторых свидетелей сложились с ним неприязненные отношения, что могло привести к оговору. Несмотря на то, что материалов было собрано много, следователь в заключении отметил: «Вопрос о том, был ли Вольхин среди первых покушавшихся на жизнь Кривоносенко или же он участвовал лишь по случаю в озверевшей толпе, причем по своей мещанской натуре выразил злобу мелкого буржуа в кидании камней в комиссара Кривоносенко, выяснить невозможно через 2 года после переворота. Применение к ...Вольхину высшей меры наказания, по уже приведенным мотивам, считаю слишком суровым»¹⁸. Но и этом случае «революционное правосознание» оказалось выше доводов следователя.

Через 78 лет после случившегося в заключении по делу сделан вывод: «Вина Вольхина Ф.Е. в убийстве Кривоносенко не доказана»¹⁹. Просматривая эти документы, убеждаешься в их предвзятости.

Дело мирового судьи Л.И. Шпилярского можно рассматривать в качестве яркого примера сведения личных счетов. Будучи арестованным председателем Молчановского волостного ревкома, Шпилярский на допросе показал: «За что арестован, я не знаю. Арестовал меня **18 декабря 1919 года** (выделено мною. – В.У.) именованный

¹⁸ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13030. С. 48. В декабре 1924 г. Сибирь отмечала очередную годовщину освобождения от колчаковщины, чему было посвящено большое количество газетных публикаций, в основе своей представлявших воспоминания очевидцев. Так, 14 декабря в газете «Советская Сибирь» был опубликован материал «Первые жертвы белогвардейского террора в Сибири», в котором первым был назван Д.И. Кривоносенко. Газета писала, что 24 мая 1918 г. белогвардейцы, «главным образом эсеры», начали будоражить население Томска, чтобы вызвать восстание в связи с реквизицией части продуктов в женском монастыре для голодающих инвалидов империалистической войны. Когда последние подъехали к монастырю, белогвардейцы ударили в набат, собралась толпа, которую эсеры стали подстрекать к выступлению, распространяя слухи, что большевики хотят забрать золото из монастыря и уничтожить иконы. Томский Совет направил к монастырю отряд милиции, но первыми туда прибыли Д. Кривоносенко и его товарищ В. Нонява и решили успокоить толпу. Эсеры, узнав Кривоносенко, начали кричать: «Бей его, это большевик!» Полетели камни, посыпались палочные удары, раздались выстрелы. Раненые Кривоносенко и Нонява начали отступать, отстреливаясь, и даже кого-то убили. «В Кривоносенко попали несколько пуль, и он упал на мостовую. Из толпы отделился один эсер, впоследствии уличенный и казненный (подчеркнуто мною. – В.У.) и выстрелом в упор покончил с Кривоносенко...». Сибирское партийное руководство этой публикацией закрепило за Д.И. Кривоносенко на долгие годы образ мученика, погибшего за народ во имя светлого будущего. Но при этом его имя было использовано в интересах партии через обвинение в его убийстве эсеров, «смыкавшихся в годы реакции с белогвардейцами», через показ предательской сущности этой партии. Расхождения с материалами уголовного дела Вольхина явные, поскольку в нем не содержится ни единого упоминания ни о белогвардейцах, ни об эсерах, ни о какой-либо перестрелке, ни о принадлежности Вольхина вообще к какой-либо партии.

¹⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13030. С. 52.

себя в то время председателем волостного исполкома, бывший до того дня секретарем волостной управы, Федосеев, не раз получавший от меня служебные замечания, быть может, и в резкой даже форме. В этом аресте я допускаю возможность сведения личных счетов»²⁰.

Следователь предложил заключить Л.И. Шпилярского в концлагерь до окончания Гражданской войны, но рукой чекиста М. Левитина этот текст зачеркнут и красными чернилами написано: «Расстрелять». Уездная ЧК с этим согласилась, хотя в деле практически отсутствовали доказательства контрреволюционной деятельности Шпилярского, а обвинение ему не предъявлялось вообще.

Следующие расстрелы в Томске были произведены уже в марте 1920 г.

Победившие большевики практически с первого дня освобождения Томска начали аресты классовых противников. Если не брать в расчет названного выше Шпилярского, арестованного в с. Молчаново, то первым арестованным (по материалам архива Томского Управления ФСБ) следует считать бывшего начальника Боготольской милиции А.М. Упеника, арестованного 20 декабря 1919 г. и обвинявшегося в преследовании большевиков. С позиций современных процессуальных норм сложно судить о качестве следствия по его делу; возможно, следователь использовал все имевшиеся тогда у него возможности, в частности, направив запросы в Боготол и Тяжин. Полученные ответы позволили ему в заключении по делу указать, что Упеник «при царе был агентом сысского отд[еления], стоял за монарх[ический] строй, брал взятки за винокурение и поощрял последнее, применял телесное наказание к крестьянам, что касается политическ[их] лиц, то принимал меры к их изолированию, но однажды освободил целую партию якобы большевиков, т.к. признал все сведением личных счетов.

...Упеник был противником сов[етской] вл[асти] и однажды арестовал одного красноармейца, который впоследствии был расстрелян.

Принимая во внимание незначительность обвинительного материала, в особенности относящегося к человеку, занимав[шему] довольно видный пост и довольно продолжительное время заключ[енного] в тюрьме, нахожу возможным Упеника из тюрьмы освободить со взятием на учет, дело следствием прекратить»²¹.

«За систематическую травлю рабочих и крестьян» Упеник 17 марта 1920 г. был приговорен к заключению в концлагерь до окончания Гражданской войны. В декабре 1920 г. Томская губернская ЧК изменила это решение и вынесла постановление о заключении Упеника в дом принудительных работ на 5 лет с зачетом предварительного заключения»²².

²⁰ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11738. С. 8. В ГАТО (Ф. Р-118. Оп. 1) имеются дела (31, 135, 174, 197, 267 и др.) на жителей Томской губ., осужденных в 1920–1921 гг. за контрреволюционную агитацию и контрреволюционную деятельность, ныне реабилитированных. Но никто из них не подвергался арестам, нет данных и об их освобождении. Причины возбуждения названных дел – заявления отдельных граждан, проживавших с обвиняемыми либо знакомых с ними, большинство этих заявлений основаны на личной неприязни.

²¹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11190. С. 21.

²² Там же. С. 28–29.

Всего за неполные две недели 1919 г. в Томске было арестовано 10 чел. В следующем году число арестованных увеличилось до 1 034, 226 из которых были расстреляны (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Число арестованных и расстрелянных «контрреволюционеров» в Томске в 1920 г.

Месяц	Арестовано	Расстреляно	Месяц	Арестовано	Расстреляно
Январь	99	-	Июль	252	9
Февраль	105	7	Август	133	85
Март	80	24	Сентябрь	20	16
Апрель	71	10	Октябрь	23	1
Май	148	11	Ноябрь	14	1
Июнь	75	59	Декабрь	14	3

Примечание. Автор использовал материалы электронной базы данных «Репрессированные жители Томской области».

Увеличение числа арестованных в мае – августе вызвано арестами членов офицерских организаций Гавриловича и Кузьмина (Караваева).

В целом Томской губернской ЧК только за период с 14 января по 1 октября 1920 г. было арестовано 6 138 чел., из них 4 084 – за контрреволюционную деятельность, за бандитизм и другие тяжкие уголовные преступления – 1 376. Такие цифры привел в статье «Борьба с контрреволюцией», посвященной годовщине Великого Октября, Б. Бак²³: «Из всех арестованных расстреляны как неисправимые и злейшие враги рабоче-крестьянской власти 330 человек»²⁴.

Несовпадение цифр можно объяснить следующим образом. Во-первых, возможен вариант усиления информации, как в случае «40 000 офицеров». Во-вторых, не обязательно, что 330 расстрелянных – это «контрреволюционеры», бандитизм доставлял хлопот властям не меньше. В-третьих, на основе собственного опыта могу утверждать, что за все годы работы по реабилитации и подготовки Книги Памяти «Большая людская» не было случая, чтобы кто-либо из репрессированных не был установлен, требовалось лишь время на поиски информации по обращениям граждан. Для сравнения: в эти же сроки Красноярской губернской ЧК было заведено 2 574 дела, из которых 2 022 были закончены производством²⁵. Десятки этих дел были групповыми (на членов подпольных офицерских групп и организаций), так как еще свежа была память о проявленных армией в годы колчаковщины зверствах, вина за которые полностью возлагалась на представителей офицерского корпуса.

Но кроме дел на организации, в архивах органов госбезопасности находятся тысячи дел на отдельных россиян из «бывших». Ведь только в Томске в 1920 г. было арестовано 1 028 чел. А в Красноярске губчека за 1920–1921 гг., проведя 124 заседания,

²³ Бак Борис Аркадьевич, зам. председателя губЧК.

²⁴ Знамя революции. 1920. 7 нояб.

²⁵ Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск : БУКВА, 2000. С. 46.

рассмотрела 4 640 дел (в 1922–1923 гг. рассмотрено только 242 дела), по которым было осуждено более 5,5 тыс. чел.²⁶ В их числе оказалось много тех, кто принимал участие в карательных акциях в период колчаковщины в составе отрядов Короткова, Мальчевского, Красильникова, Гусева, Соколова-Свиридова и др.

Возможно, одной из колоритнейших личностей, павших жертвой «революционного правосознания» в г. Томске, стал С.А. Романов, бывший до 1911 г. начальником Томского жандармского управления, а в период колчаковщины исполнявший обязанности начальника Управления Госохраны. Результатом необъективного и поверхностного расследования явилось заключение по его делу:

«Романов Сергей Александрович, 63 лет, дворянин, генерал монархического времени, в период власти Колчака занимал видный пост начальника Томского отдела Государственной охраны.

Факт нахождения Романова во главе учреждения, выполнявшего функции правительственного органа, преследующего сторонников советской власти, заставляет нас смотреть на обвиняемого как на активного противника рабоче-крестьянского правительства; принадлежность же Романова к николаевскому корпусу жандармов и служба в полицейских охранных управлениях в период самой темной реакции 1908 и последующего годов еще более выпукло очерчивает политическую физиономию Романова как врага не только коммунистической партии, но и других социалистических групп.

Считая, таким образом, бывшего генерала Романова не только непримиримым противником советской власти, но и участником массового истребления и избиения рабочих и крестьян, нахожу необходимым применение к нему высшей меры наказания – расстрела»²⁷.

Обвинение же на заседании уездной ЧК было сформулировано так: «Романов Сергей Александрович. Начальник Томского Отд[ела] государств[енной] охраны, генерал, старый жандарм»²⁸. В деле нет ни анкеты Романова, ни одного свидетельского показания, только изъятые личные документы и протоколы допроса самого Романова. Не было учтено и то, что он добровольно явился в следственную комиссию уже 5 января 1920 г., просидев потом более трех с половиной недель без допроса. 6 марта 1920 г. С.А. Романов был расстрелян.

Одновременно с ним был расстрелян за службу в контрразведке и Госохране П.А. Ведерников²⁹, арестованный 3 января 1920 г. В ходе следствия не было получено конкретных доказательств совершения им какого-либо преступления, а служба в Госохране, по заключению военного прокурора Сибирского военного округа, пересматривавшего дело Ведерникова, «состава преступления не образует»³⁰.

²⁶ Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск : БУКВА, 2000. С. 77.

²⁷ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11729. С. 11.

²⁸ Там же. С. 13.

²⁹ Там же. Д. П-12049. Ведерников Павел Андреевич, 1895 г.р., ур. дер. Жарковщина Уржумского уезда Вятской губ., проживал в г. Томске, младший агент Госохраны. См.: Боль людская... Т. 5. С. 52.

³⁰ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-12049. С. 16.

Еще более трагична судьба В.П. Зубковой³¹, которая в августе 1921 г. была приговорена к расстрелу за участие в 1918 г. (ей не было и 18 лет. – *В.У.*) в белогвардейской организации и службу в контрразведке при Колчаке. От наказания она была освобождена, дав согласие работать секретным сотрудником губчека.

Выполняя задания сотрудников губчека, указала на установление связей с антисоветскими организациями в гг. Омске и Кузнецке, что, как выяснилось позднее, абсолютно не соответствовало действительности. За прежние преступления и «ложные сведения во время службы в ЧК» В.П. Зубкова была расстреляна.

В первые годы советской власти органы ВЧК – ГПУ очень часто использовали в оперативной работе агентов, завербованных из числа «бывших», так как у последних не было выбора – смерть, лагеря либо жизнь в качестве агента, которому много легче внедряться в ряды собратьев по классу или сословию, чем выходцам из пролетарской среды.

Еще одной группой, отнесенной к «исторической контрреволюции», с которой активно боролись органы ВЧК–ОГПУ, были сотрудники жандармских, охранных управлений и контрразведывательных органов белых армий, а также лица, активно сотрудничавшие с этими структурами.

Как уже отмечалось, проблем с «контингентами для работы» у органов не было. В ходе поиска врагов, в частности «исторических», активно разрабатывались архивы жандармских управлений периода царизма в целях установления лиц, сотрудничавших с ними либо там служивших. Кроме того, использовали архивы контрразведывательных органов белых армий. Так, молодому омскому чекисту П. Зутису удалось захватить в штабном вагоне поезда с отступающими колчаковцами несгораемый сейф с картотекой колчаковской контрразведки³².

Архивы были переданы в Сибирскую ЧК. В процессе их разбора было выявлено и объявлено в розыск 5 750 белогвардейцев, карателей и контрразведчиков. Среди захваченных документов оказались списки подпольных белогвардейских организаций Сибири, выступивших против Советов в 1918 г., фрагменты картотеки агентуры. Результаты обработки указанных архивов были изданы Полномочным представительством ВЧК по Сибири в виде «Сводки материалов белогвардейских архивов по Сибири (1918–1920 гг.)», в завершающей части которой был помещен алфавитный список лиц, упоминаемых на её страницах. Это одно из доказательств того, что результаты исследования колчаковских архивов носили прикладной характер, их целью была организация розыска врагов советской власти.

Поиск всякого рода «бывших» начался с первых дней освобождения Сибири от колчаковщины. Информация рассылалась в соседние регионы по линии органов ВЧК и милиции. Так, например, из г. Камень Алтайской губернии была разослана секретная ориентировка следующего содержания: «Препровождая при сем список лиц, при-

³¹ Зубкова-Тышкевич Вера Павловна, 1900 г.р., ур. г. Переяславль Полтавской губ., проживала в г. Томске, служащая. Арестована в 1921 г. См.: Боль людская... Т. 4. С. 137.

³² Бударин М.Е. Указ. соч. С. 62.

нимавших активное участие в жестоком подавлении повстанческого движения в районе Каменского уезда Алтайской губ., убедительно прошу Вас сделать тщательные розыски таковых и в положительном случае препровождайте их в Мое распоряжение... на предмет предания суду Революционного Трибунала. Поименованных в... списке лиц перед занятием гор. Камень партизанами и частями Гарнизона отпустили в сторону гор. Н-Николаевска, откуда под давлением войск Центрального Российского фронта они вынуждены были на лошадях уехать до гор. Красноярска, правда, многие, не достигнув цели, по дороге скрывались»³³. В списке значились 72 фамилии, часть из которых была вписана уже, видимо, после составления основного списка. У отдельных фигурантов была указана только фамилия, у некоторых – инициалы либо имена и отчества полностью, часто вписанные от руки; кто-то был вписан, а затем вычеркнут. Иногда давались приметы: «косой на глаза», «совершенно лысый, усы большие красные».

Начальник Томской уездной милиции Чубарро уже 3 марта 1920 г. разослал копии списков начальникам районов ст. Тайги и Нарымского края с указанием немедленно произвести розыски упомянутых в списке лиц и непосредственно сообщить начальнику Каменской уездной милиции. Позднее, согласно достигнутой договоренности, был налажен постоянный обмен информацией о лицах, подлежащих розыску, между органами милиции Сибири.

По линии ВЧК в органы милиции приходили ориентировки о розыске шпионов, контрреволюционеров, уголовников, расхитителей народных денег либо на участников враждебных советской власти организаций, как, например, на 23 члена Тюменского отдела Союза возрождения России³⁴.

Во второй половине 1920-х гг. данное направление работы информационно-справочных подразделений органов ОГПУ вновь было актуализировано. Так, в 1927 г. органами ОГПУ был издан «Список бывших членов отдельного корпуса жандармов», включавший в себя сведения о 1 448 чел., в 1929 г. – «Список бывш[их] унтер-офицеров, филеров жанд[армских] управл[ений] и охран[ных] отделений, чинов бывшего Департамента полиции», включавший только в первой своей части данные о 3 504 чел., а также «Список секретных сотрудников б[ывших] охранных отделений и жандармских управлений». В нем содержались сведения о лицах, сотрудничавших с этими структурами и выполнявших задания в революционной среде. Удалось обна-

³³ «Список лиц, гр[аждан] г. Камня[,] проживавших, участвовавших в активных действиях с белыми и подавлявших восстание Советской Власти», составленный 16 февраля 1920 г. См.: ГАТО. Ф. Р-278. Оп. 3. Д. 4. Л. 24–26.

³⁴ ГАТО. Ф. Р-278. Оп. 3. Д. 60. Л. 17–19. В деле 22 фонда Управления Томской уездной РКСМ Отдела управления Томского губисполкома (1920–1923 гг.) автором было выявлено 17 списков по линии ВЧК (на 4 857 чел.), один – по линии милиции (отдел Центро розыска) – на 109 чел. Списки касались многих городов и губерний России, отдельные из них содержали более пятисот и даже тысячи фамилий. Здесь же было подшито розыскное дело на отдельных лиц (например, Карасевича-Незнамова), но с разными составами преступления, были также многочисленные расписки от председателей сельсоветов и иных должностных лиц с мест об отсутствии на их территории разыскиваемых лиц. См.: Там же. Оп. 2.

ружить только вторую часть издания, но и этого достаточно для определения уровня и размаха проведенной сотрудниками ОГПУ работы. Только эта часть содержала информацию о 5 472 лицах. В 1930 г. увидел свет еще один справочник – «Список контрразведчиков, милиции, официальных чинов Министерства внутренних дел белых правительств» с установочными данными о 3 491 чел. И перечень этих справочников далеко не полон. Серьезность подхода к этой работе подтверждалась и фактами: все эти справочные издания выпускались типографским способом на достаточно высоком профессиональном уровне, тиражи их были значительными.

Обмен информацией о «бывших» осуществлялся и на местах. В Госархиве Томской области хранится документ, подписанный заместителем начальника окружного отдела ОГПУ Н.М. Будой³⁵ и направленный в общеадминистративный отдел Томского окрисполкома на ранее поступивший запрос. В документе содержались сведения о 27 лицах, лишенных прав, в частности, бывших служащих полиции, жандармерии, охранного отделения. Многие из них были безработными, но бывший агент Томского сыскного отделения И.Н. Андреев занимал должность заведующего регистрационным бюро Томского губернского розыска. Более того, в сопроводительном письме указывалось, что часть сведений (о священнослужителях и иностранцах, прибегавших к наемному труду с целью извлечения прибылей) не могла быть передана, так как регистрация таковых ранее проводилась губернским административным отделом, а последний их в окротдел не передал³⁶. Содержание письма позволяет сделать вывод о том, что учет «бывших» велся не только правоохранительными органами, но и органами исполнительной власти.

8 января 1921 г. Ф.Э. Дзержинский подписал приказ «О карательной политике органов ЧК», в котором шла речь о смещении акцентов в борьбе с врагами революции. Открытые выступления должны были подавляться беспощадно, а бандитские шайки подлежали уничтожению, но в борьбе с подпольными организациями требовались новые приемы работы, внутреннее осведомление и т.п. «Старыми методами, массовыми арестами и репрессиями, вполне понятными в боевой обстановке, при из-

³⁵ Буда Николай Мартемьянович, 1886 г.р., ур. Канского уезда Енисейской губ., из семьи служащего солеваренного завода, образование начальное, член партии большевиков с октября 1917 г. В период колчаковщины – один из организаторов партизанского движения, был награжден орденом Красного Знамени. С июня 1924 г. – начальник губмилиции и одновременно начальник административного отдела Енисейского губисполкома. После образования Сибкрая переведен на должность начальника административного отдела в Томске, откуда был отозван в конце 1926 г. Все последующие годы трудился на руководящих постах в советских и хозяйственных органах. Арестован и расстрелян в 1937 г. в г. Красноярске. Реабилитирован посмертно.

³⁶ «Сведения о служащих в царской и белой полиции, жандармерии, охранном отделении и членах царствовавшего дома, не снятых с учета ОГПУ по состоянию на 1-е июля 1925 года». См.: ГАТО. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 19. Л. 26–28. Целый ряд таких списков в отношении бывших офицеров, служащих культа, лишенных прав и т.п., хранится в деле 6 «а» фонда Административного отдела губисполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губадмотдел) г. Томска (1923–1925 гг.). Что касается сведений о священнослужителях, то таковые были переданы в окротдел ОГПУ из окружного административного отдела только в марте 1926 г., в списке значился 61 чел. См.: Там же. Д. 41. Л. 81–82.

менившемся положении Чека будет только лить воду на контрреволюционную мельницу, увеличивая массу недовольных. **Всех подозрительных, которые могут принять участие в активной борьбе**, беспартийных офицеров или лиц правэсеровского или тому подобного толка **нужно держать на учете, выяснять, проверить. Это гигантская информационная работа, которая должна выступить на первый план...** (выделено мною. – В.У.). Надо знать, что делает такой-то, имярек, бывший офицер или помещик, чтобы его арест имел смысл; иначе шпионы, террористы и подпольные разжигатели восстаний будут гулять на свободе, а тюрьмы будут полны людьми, занимающимися безобидной воркотней против советской власти»³⁷.

Этот приказ потребовал от органов ВЧК на местах перестройки всей деятельности. На первый план вышла оперативная работа, требовавшая серьезного информационно-аналитического сопровождения и наличия хорошо поставленных учетов; речь велась не о выявлении «бывших» врагов, а о сосредоточении усилий на обнаружении новых потенциальных противников. Практически все население страны проводилось через различные формы регистрации путем заполнения всевозможных анкет (прием на работу, постановка на воинский учет, вступление в общественные организации и т.п.). Руководители организаций и учреждений в строго установленные сроки обязывались подавать сводные данные на всякого рода «бывших» в органы ВЧК–ОГПУ.

В последующие годы учетно-справочные массивы правоохранительных органов постоянно расширялись и пополнялись новыми контингентами подлинных и мнимых «врагов» советской власти.

Списки были систематизированы (для их подготовки были задействованы практически все архивные подразделения страны и специалисты, работавшие в них), содержали краткую информацию о каждом упоминаемом лице с указанием компрометирующей информации, имели грифы «Совершенно секретно» и пометку «Хранить наравне с шифром».

Последним таким справочником стал «Справочник-список офицерского и рядового состава жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры дворцового коменданта и чинов Департамента полиции Министерства внутренних дел царской России», выпущенный Главным архивным управлением НКВД СССР в 1940 г. Причинами его выпуска послужили крупные изменения в административно-территориальном делении страны, выявление центральными государственными и областными архивами новых сведений о лицах, имевших отношение к вышеназванным структурам, а также утрата ранее выпущенными справочниками 1927 и 1929 гг. оперативной ценности. Кроме того, вновь созданные чекистские органы в новых союзных республиках вообще не имели справочных материалов и вынуждены были вести обширную переписку по интересующим их контингентам. Главной целью данного справочника было «облегчение справочной работы по выявлению и разработке данных о службе в жандармских управлениях подучетных контингентов органов НКВД».

³⁷ Исторический архив. 1958. № 1. С. 14.

В справочник включены данные на четырнадцать с лишним тысяч человек. Но составители оговорились, что в него не были включены лица, родившиеся ранее 1860 г. и «имеющие недостаточные исковые данные». Количество информации о каждом лице разнилось: в одних случаях – достаточно подробное описание установочных данных и служебного пути, в других – только должность и приблизительный возраст. Наряду с кадровыми сотрудниками указанных структур упоминались сотрудники вспомогательных подразделений и технический персонал – сторожа, письmonoсцы, письмоводители, курьеры, переводчики и т.п.

Анализ списков позволил установить, что к моменту выпуска справочника в нем содержались сведения о 427 жителях Иркутской, Томской, Енисейской и Омской губерний, а также служивших в жандармских структурах на Сибирской железной дороге (соответственно 122, 98, 51, 33 и 123 чел.). Но за время работы над составлением справочника, например, четверых томичей органы НКВД «достали» еще в 1937 г., все были расстреляны по решению «тройки». Более глубокая проработка списков позволила выявить, что иногда свою жизнь с этими ведомствами связывали целые семьи. Так, филерами Томского охранного отделения были по три брата Гридошко и Куклины и два брата Агафоновы, в Нижнем Новгороде – три брата Клементьевы, в Иркутске – две сестры Куцых, в Красноярске – отец и сын Журавлевы. Но не все занимали низшие должности, например, двое братьев Маматказиных смогли дослужиться до должностей начальников отделений жандармско-полицейских управлений на железной дороге. И это далеко не полный перечень семей и династий.

Указанные в названных списках лица в случае их установления подлежали немедленному аресту и преданию суду. Что касается рядового состава полицейско-карательных органов России, то репрессии коснулись их в незначительной степени, в первые годы советской власти многие из них продолжали служить в милиции, в системе мест заключения, в различных советских учреждениях. В 1937 г. в г. Томске был арестован, а затем по решению «тройки» расстрелян И.В. Таныгин, работавший на момент ареста сторожем на железной дороге, ранее служивший надзирателем – и при царизме, и при Колчаке, и при советской власти³⁸. Объективности ради, замечу, что были примеры и иного плана. Так, Н.И. Трудолюбов, прошедший путь от простого рассыльного до заведующего складом Сибпочтателя в Новосибирске, в 1928 г. был лишен избирательных прав по причине того, что в 1911 г., выполняя служебное поручение, передал три письма в Особый отдел³⁹. Такой же случай имел место в Томске. Эти люди не служили в карательных органах, но власть наказала их по причине определения в «осведомители». В 1929 г. в Сибири проживало

³⁸ Пример Таныгина и некоторых других описан автором в монографии «Пенитенциарная система Западной Сибири...» С. 56–58.

³⁹ Маргиналы как социум. Новосибирск, 2004. С. 81.

5,4 тыс. чел., лишенных избирательных прав как бывшие агенты полиции, жандармерии, белые офицеры и т.п.⁴⁰

Пощадив эту категорию людей в 1920-е гг., власть вспомнила о них в 1930-е гг., когда сотрудникам НКВД необходимо было выполнять контрольные цифры по арестам. Наличие в биографии упоминаний о службе в полицейско-карательных органах было беспроблемным предлогом для ареста.

На местах органами ВЧК также велся поиск сотрудников контрразведывательных органов белых армий или данных об этих лицах. Так, начальник отделения районной транспортной ЧК (РТЧК) станции Боготол Томской железной дороги 21 марта 1921 г. переслал в РТЧК (г. Томск) списки чинов различных управлений при штабе Верховного Главнокомандующего г. Омска 1919 г., «полученные для курения гр-ном г. Боготола Масленниковым Артемьем во время пребывания последнего в г. Томске от фотографа Губвида Бейцмана Бориса Абрамовича, служившего у уполномоченного Губчека т. Домненко»⁴¹. 24 марта списки были переданы в Томскую губчека «для раз-работки». К сопроводительному письму прилагался подлинный полный список чинов Главного штаба, включая контрразведчиков, составленный для получения сахара, чая и спичек за июль 1919 г.

Первое уголовное дело по ст. 58 УК РСФСР в г. Томске было возбуждено против агента охраны А. (кличка Тонконогий)⁴², осужденного в 1927 г. на 3 года концлагерей.

Можно констатировать, что с первых дней освобождения Сибири от колчаковщины советская власть через карательные органы вела активную борьбу с исторической контрреволюцией, встав на путь «сведения счетов» со своими противниками. Жертвами становились представители всех слоев и социальных групп населения, число арестованных исчислялось тысячами, трибуналы не успевали рассматривать дела, многие из которых делами и назвать-то было нельзя. Чаще всего это были несколько листов бумаги – газетной, оберточной, бланков прежних «властей» и т.п., на которых содержались установочные данные на арестованного, ордер на обыск и арест, один-два протокола допроса арестованного, крайне редко допросы свидетелей и заключительные акты об окончании следствия. «Венчался» такой набор выпиской из решения трибунала. Но этого было достаточно для того, чтобы кардинальным образом изменить судьбу человека. Если арестованный не был осужден к высшей мере социальной защиты – расстрелу, то попадал на учет чекистских органов и подвергался притеснениям и репрессиям в будущем.

Другой группой «врагов» для власти стали сотрудники различных полицейских органов царской власти и белых правительств. Эту категорию граждан разыскивали на протяжении всего рассматриваемого периода весьма активно. Для их выявления

⁴⁰ Гушин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в советской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С. 190.

⁴¹ Колосов И.В. История контрразведки России от Ивана III до Колчака. Северск : Изд-во СГТИ, 2003. С. 180–181.

⁴² Список секретных сотрудников бывших охранных отделений и жандармских управлений. Ч. 2. М., ОГПУ, 1929. С. 3 (Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 16. Д. 60).

были задействованы все архивные подразделения СССР; в случае обнаружения следовали немедленный арест и осуждение. Однако следует заметить, что одновременно с уничтожением этих противников власть создавала многочисленную армию им подобных из числа советских граждан. К сожалению, сегодня сложно определить число репрессированных представителей исторической контрреволюции. Опыт исследования репрессий показывает, что очень часто вопросы социальной принадлежности репрессируемых определяли следователи. Решение этой проблемы становится возможным по мере создания электронных баз данных репрессированных. Такая работа уже ведется в целом ряде субъектов страны.

2.2. Бывшие офицеры и полицейский корпус

Представители офицерского, жандармского и полицейского корпусов были в числе объектов первоочередного внимания чекистских органов. Они имели подготовку и обладали навыками обращения с оружием, принятия решений при управлении массами людей, владели специальными знаниями и опытом организации и подготовки различного рода акций и операций, которые могли быть использованы против советской власти. Для выявления и изоляции данной группы лиц активно использовались архивные документы, списки разных представительных органов, материалы периодической печати, информация очевидцев и свидетелей карательных акций и экзекуций, а также собранные во время колчаковщины подпольщиками-большевиками сведения о «социально чуждых» и «неблагонадежных». Кроме того, в начале 1920 г. города Сибири были переполнены беженцами, в основном «бывшими», не успевшими уйти с отступавшими на восток с колчаковцами, среди них встречалось немало бывших офицеров, полицейских, жандармов и их агентов. Массы людей мигрировали с места на место в поисках лучшей доли. Так, в феврале 1920 г. в Томске значилось проживавшими 122 тыс. чел., к осени – 91 тыс., а по городской переписи 1923 г. – менее 76 тыс. чел.⁴³ Любой человек в военной шинели со споротыми погонями или одетый «по-буржуйски» мог привлечь внимание со стороны чекистов или иных ярых борцов с контрреволюцией.

Недовольство значительной части населения политикой «военного коммунизма», а затем распространением обязательной продразверстки, проявлявшееся в форме активного сопротивления властям, использовалось, в частности, бывшими офицерами и политическими противниками большевиков для создания подпольных вооруженных организаций, подготовки и организации вооруженных выступлений. В этих условиях органам ЧК на местах работы было предостаточно.

В апреле 1920 г. в г. Красноярске была ликвидирована контрреволюционная белогвардейская организация во главе с бывшим штабс-капитаном контрразведки Колчака Эглит-Симбортом и подпрапорщиком карателем Лисенковым-Кочуриным. Члены орга-

⁴³ Томская область: Исторический очерк... С. 306.

низации планировали уничтожить штаб 5-й Армии, захватить оружие и свергнуть советскую власть. К уголовной ответственности было привлечено 22 чел. Судя по тому, что связи этой организации в других сибирских регионах и имя Эглит-Симборта упоминались в десятках уголовных дел тех лет, с которыми лично ознакомился автор, эту организацию считали «главной» в Сибири, а может быть, «сделали» главной.

В мае 1920 г. была выявлена другая подпольная организация, ставившая своей целью свержение советской власти. Газета «Красноярский рабочий» в августе 1920 г. писала: «Во главе организации стоял знаменитый своими зверствами бывший полковник, один из казачьих атаманов. Организация имела вполне сорганизованный отряд, хорошо вооруженный винтовками, гранатами и пулеметами и состоящий почти исключительно из офицерства, отличившегося в прошлом своими подвигами против трудового народа»⁴⁴. Названный отряд насчитывал в своих рядах 80 чел. и укрывался в тайге в 30 км от города. В результате боевой операции отряд был разгромлен, многие его участники арестованы. Чекисты потеряли одного сотрудника, еще несколько были ранены. 29 июля Красноярская губчека на своем заседании рассмотрела дело организации, считая факт преступления доказанным и признав всех обвиняемых врагами РСФСР, и постановила расстрелять наиболее активных участников организации.

В результате оперативной комбинации, проведенной сотрудниками Томской губчека в мае 1920 г., была вскрыта подпольная организация, возглавляемая меньшевиком А.И. Гавриловичем⁴⁵, который, прикрываясь мандатом агента райлескома по заготовке дров, организовал в Калтайском бору трудовую «артель» из нескольких десятков бывших офицеров и солдат, ставшую основой нелегальной белогвардейской организации. Главную роль в ходе выявления организации и последующего следствия по делу Гавриловича и др. сыграли секретные сотрудники Томской ЧК, внедренные в организацию. Выход на организацию Гавриловича стал возможным после разгрома красноярской офицерской организации. Полученные в ходе следствия материалы о наличии сообщников в других городах Сибири не позволили сразу выйти на подпольную организацию. Лишь после выявления связника между организациями Томска и Красноярска, которым оказалась машинистка штаба 5-й Армии Т.О. Горвиц⁴⁶, бывшая баронесса Вреден, жена начальника контрразведки штурмовой колчаковской бригады поручика Чинаева, арестованного в Красноярске, чекисты смогли выйти на томскую организацию. В дальнейшем удалось получить

⁴⁴ Грани... С. 46–48. В 1920 г. в г. Красноярске чекистами были раскрыты 3 крупные подпольные контрреволюционные организации, ставившие целью свержение советской власти. Большинство участников этих организаций были арестованы, осуждены или расстреляны. См.: Красноярский рабочий. 1921. 1 янв.

⁴⁵ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11240. Гаврилович Альберт Игнатьевич, 1880 г.р., ур. г. Киева, проживал в г. Томске по ул. Б. Подгорной, 39, по приговору ЧК расстрелян 25 июня 1920 г. См.: Боль людская... Т. 4. С. 81.

⁴⁶ Горвиц Тамара Оскаровна в июне 1920 г. была приговорена к высшей мере наказания за участие в контрреволюционной организации. В декабре 1920 г. по представлению СибЧК «за услуги, оказанные по раскрытию заговора» была полностью амнистирована (Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11726. С. 36, 39).

план захвата Томска, выявить время выступления заговорщиков, их силы и средства. В ночь на 14 мая 1920 г. были проведены аресты участников организации. Число арестованных превысило 100 чел., в том числе: бывших военных – 100, из них офицеров – 29, колчаковских контрразведчиков – 8, монархистов – 8, эсеров – 2, меньшевиков – 1. Были изъяты оружие и боеприпасы.

Проведенное сотрудницей Томской губЧК В.П. Брауде⁴⁷ следствие позволило установить, что организация имела группы в губвоенкомате, на пехотных курсах, в комендатуре, в бронеполку, в других организациях и учреждениях. Даже в губчека была выявлена участница организации – А.И. Колмакова⁴⁸. В поле зрения чекистов она попала еще в марте 1920 г., когда была задержана в процессе облавы в составе группы из восьми лиц во главе с бывшим капитаном Оргиним, сотрудником Тобольской контрразведки⁴⁹. В ходе следствия заявила: «...виновной себя в принадлежности к белогвардейской организации не признаю, о существовании такой не знала. Признаю себя виновной в том, что не заявила в Чека, что мой муж и Бобров (участник организации. – В.У.) служили в контрразведке»⁵⁰. Колмакова была расстреляна 25 июня 1920 г.

Одновременно с организацией Гавриловича была ликвидирована организация в дер. Яшкино Томского уезда (ныне Кемеровская область), где брат одного из членов штаба организации Гавриловича создал группу из беженцев-крестьян Пермской губернии, местных кулаков и скрывавшихся офицеров. Группа готовилась к вооруженному восстанию, для чего было взято на учет все оружие, захваченное крестьянами при отступлении белых, зарытое в землю и припрятанное в других местах. При ликвидации группы её участниками было оказано вооруженное сопротивление. В ходе обысков изъято 70 винтовок, несколько ящиков с патронами, револьверами и снаряжением и около 10 гранат. Были арестованы 100 чел., из которых священник В.В. Мошталов приговорен к заключению в концлагерь на 10 лет, 10 чел. – к заключению на 5 лет, 5 человек – к 1 году, а остальные были освобождены «за недоказанностью и малосознательностью»⁵¹.

18 августа 1920 г. в Томск на имя председателя Томской губЧК М. Бермана⁵² поступила телеграмма следующего содержания: «Банда которой шла речь предыду-

⁴⁷ Дело о контрреволюционной организации на Омских артиллерийских складах расследовала также она. Брауде (Булич) Вера Петровна, родилась в 1890 г. в г. Чистополе, из дворян. С 1905 г. в революционном движении, неоднократно арестовывалась и осуждалась к ссылкам. С марта 1918 г. на работе в ЧК (Казань, Омск, Томск и т.д.). Майор госбезопасности. Умерла в Москве в 1961 г.

⁴⁸ Колмакова Анна Ивановна, 1898 г.р., ур. Могилевской губернии, проживала в г. Томске по ул. Гоголя, 53-8, регистратор канцелярии Томской уездной ЧК. См.: Боль людская... Т. 4. С. 163.

⁴⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11235. С. 9.

⁵⁰ Там же. С. 39.

⁵¹ Из истории земли томской. 1917–1921. С. 222–223.

⁵² Берман Матвей Давыдович, 1898 г.р., ур. Читинского уезда Забайкальской обл., еврей, из семьи владельца кирпичного завода. В партии большевиков с июня 1917 г., в органах ВЧК с августа 1918 г. За период службы прошел путь от помощника начальника секретно-оперативной части Екатеринбургской губЧК до заместителя наркома НКВД СССР. В 1932–1937 гг. возглавлял ГУЛАГ ОГПУ–НКВД. Комис-

щих телеграммах ликвидирована Пойман Сибирский живым пять убито двое пойманы живы и по сообщению не хватает лишь одного розыски пока безрезультатны меры приняты лично представлю сегодняшним парходом и будет задержан Сотрудник Крестьянинов»⁵³.

Телеграмма свидетельствовала об успешном завершении операции по ликвидации очередной офицерской организации, ставившей своей целью поднять восстание в Томской уезде. Построенная на принципах строгой конспирации (например, была разработана система переkreщивавшихся паролей), финансово поддерживаемая представителями слоя зажиточного крестьянства организация представляла серьезную силу. Возглавлял её бывший подпоручик М.Ф. Кузьминых-Караваев («корнет Караваев») ⁵⁴. Члены организации поддерживали контакты с организацией Гавриловича и другими. А упоминаемый в телеграмме Сибирский – это поручик А.С. Аркашев («есаул Сибирский») ⁵⁵, назначенный Кузьминых начальником всех вооруженных сил в Томском уезде ⁵⁶.

Для организации руководства отрядами восставших на местах из Томска в уезд были направлены 16 офицеров ⁵⁷. Начавшееся выступление в районе Кольвани заставило организацию ускорить подготовку выступления, назначив его в ночь с 10 на 11 июля. Но именно в эту ночь все участники заговора были арестованы, причем руководители задержаны по дороге на сборный пункт, находившийся в с. Белобородово (в 15 км севернее Томска). Число арестованных достигло нескольких сот человек.

Но Аркашеву удалось собрать и организовать выступление в уезде, захватив часть волостей Заобского района (восстанием в разной степени были охвачены 103 села). Отряд численностью до 500 чел., в основном из крестьян Богородской и соседних с ней волостей, поднял восстание в Богородской волости (ныне территория Шегарского района Томской области), но 20 июля 1920 г. близ с. Богородское (ныне с. Мельниково), где планировалось захватить почтовое отделение, телеграф и проходящие по р. Оби пароходы, а затем двинуться на Томск, плохо вооруженные крестья-

сар госбезопасности 3-го ранга. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и Трудового Красного Знамени УзбССР, двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ОГПУ». На момент ареста в декабре 1938 г. нарком связи СССР. Расстрелян. Реабилитирован в 1957 г. в связи с отменой приговора и прекращением дела за отсутствием состава преступления.

⁵³ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13011. С. 2.

⁵⁴ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-14001. Кузьминых-Караваев Михаил Федорович, 1894 г.р., ур. Уфимской губ., русский, проживал в г. Томске по ул. Воскресенской, 11-2, без определенных занятий. Арестован в 1920 г. Осужден к ВМН – расстрелу. Судьба неизвестна, так как в деле нет отметки о приведении приговора в исполнение. Реабилитирован в декабре 1998 г. См.: Боль людская... Т. 5. С. 126.

⁵⁵ Аркашев Александр Семенович. 1889 г.р., ур. г. Омска, сын чиновника Сибирского казачьего войска, в 1912 г. окончил Оренбургское юнкерское училище, участник Первой мировой войны. Награжден двумя орденами. В 1918–1919 гг. воевал в Семиречье, во время отступления колчаковцев оказался на территории, освобожденной частями Красной армии. В Томске вступил в подпольную офицерскую организацию, возглавил антибольшевистское восстание. После разгрома повстанцев бежал в тайгу, по одной из версий через некоторое время был убит.

⁵⁶ Знамя революции. 1920. 21 авг.

⁵⁷ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-14001. С. 52.

яне потерпели поражение от сводного отряда Томского гарнизона, ЧК и коммунистов Богородской волости и разбежались. Часть мятежников погибла в бою, многие утонули в болотах при отступлении, более 200 были пленены вместе с Сибирским и его штабом. 23 июля операция по подавлению восстания была завершена⁵⁸.

По результатам следствия 39 из 68 арестованных участников организации были расстреляны, в том числе 11 чел. из числа организаторов и руководителей были расстреляны в Щегловске (ныне г. Кемерово)⁵⁹.

К настоящему времени Гаврилович, Кузьминых-Караваев и Аркашев реабилитированы, т.е. признаны невиновными, так как их «контрреволюционные» преступления доказаны не были. Но, видимо, следует признать, что только некомпетентное (по современным меркам) оформление следственных материалов в те далекие годы позволило органам прокуратуры в наши дни принять такое решение без должной оценки совершенного ими. А ведь это действительно были антигосударственные нелегальные организации⁶⁰, пытавшиеся реализовать преступные замыслы против (пусть и нелеги-

⁵⁸ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13011. С. 50; Абраменко И.А. Боевые действия коммунистических отрядов – частей особого назначения в Западной Сибири (1920–1923 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Вып. 4. С. 80.

⁵⁹ Томская область: Исторический очерк... С. 291; Из Истории земли Томской. 1917–1921... С. 288–291. Приведенные данные о числе расстрелянных неточны. В Центре документации новейшей истории Томской области в фонде Томского губкома РКП(б) мною обнаружены списки лиц, расстрелянных по приговорам Томской губчека. Согласно этим спискам в ночное время 13 и 14 августа были произведены расстрелы членов раскрытой 11 июля 1920 г. в Томске белогвардейской офицерской организации, готовившей открытое вооруженное выступление против советской власти. Подсчеты показали, что было расстреляно не менее 145 чел. (отсутствует одна страница, так как следующая за ней имеет нумерацию на две единицы больше). Кроме того, к различным срокам лишения свободы – от 6 месяцев до 5 лет – были приговорены 106 чел. Еще несколько человек (на оборванной странице осталось только две фамилии) были осуждены к заключению в концлагерь до окончания Гражданской войны. Все осужденные к лишению свободы были признаны принимавшими участие в вооруженном восстании, «но не активно... будучи одурачены ложными и провокационными слухами, распущенными белогвардейцами». Также была сделана помета, что дела по остальным членам организации находились на следствии. В конце списков указывались еще три фамилии ранее расстрелянных за принадлежность к организации Гавриловича. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 22–31.

⁶⁰ А. Тепляков в своей работе («Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М. : АИРО-XXI, 2007. С. 15) обвиняет целый ряд исследователей, в том числе и меня, в некой предвзятости – вере в наличие всевозможных заговоров против советской власти: «...в ряде сочинений последнего времени признаются достоверными фальсифицированные сведения о заговорах». Но тогда позволю одно замечание в сторону А. Теплякова: в России были тысячи патриотов, в частности офицеров, преданных присяге людей, готовых бороться с новой большевистской властью «не щадя живота своего». Приведу один пример. В сборнике документов ЦХАФ АК о деятельности Алтайской губЧК «Руководствуясь революционной совестью» на с. 132 приведено заключение президиума ВЧК от 1 октября 1920 г. по делу Барнаульской белогвардейской организации. Часть членов организации была приговорена к расстрелу, часть – к длительным срокам лишения свободы. **Прокуратурой Алтайского края в 1992, 1993 и 1996 гг. была реабилитирована только часть членов названной организации**, остальным в реабилитации было отказано. Замечу, что неоднократное рассмотрение материалов в отношении членов организации является прямым свидетельством того, что действия участников организации действительно носили противоправный характер, ими совершались преступные действия, не позволяющие вести речь о реабилитации даже по прошествии многих десятилетий. Возможно, их действия носили уголовный характер, но эти действия

тимно установленной большевиками) власти в стране всеми способами, в том числе и чисто уголовного характера. Но нельзя и забывать, что шла Гражданская война и каждая из противоборствующих сторон отстаивала свою позицию, исходя из убеждений и собственного понимания правоты предпринимаемых действий. Очень глубоко и полно, на мой взгляд, обстановку тех дней характеризует резолюция на прошении Аркашева. Приведу этот документ полностью.

«Председателю Томской Губчека.

Желая искупить вину и заслужить полное прощение за совершенные грехи перед советской властью, от лица своего и заключенных за причастность к противосоветской организации, прошу войти с ходатайством о разрешении отправки нас на Западный фронт на борьбу с поляками. Условия, гарантирующие нашу верность перед советской властью, следующие: 1. Круговая порука. 2. Ответственность ближайших родственников за измену каждого. 3. А в случае нарушения данного слова одним или несколькими лицами – приведение приговора в исполнение.

Кроме того, согласны будем со всеми предъявленными нам условиями (кроме провокаторских – вставка после текста. – В.У.). От себя могу написать воззвание в газете ко всем лицам, причастным к организации, скрывающимся, для привлечения их в ряды защитников на Западный фронт. Сообщаю список лиц, изъявивших желание на фронт:

1. Иванов Николай⁶¹.
2. Завадовский Николай⁶².
3. Соскин Петр⁶³.
4. Ланский Гавриил⁶⁴.
5. Реут Константин⁶⁵.
6. Кузьминых Михаил.
7. Березовский Виталий⁶⁶.
8. Виллисов Владимир⁶⁷.
9. Лебедев Ал-др⁶⁸.
10. Аркашев Ал-др.

/Подпись/»

В ответ на это рукой Б. Бака написано: «В Советской республике фронт не наказание, а почетный долг и обязанность.

допускались ими в борьбе с новой властью, а в годы гражданского противостояния меры в борьбе не выбирались.

⁶¹ Иванов Николай Петрович, 1900 г.р., расстрелян 13 сентября 1920 г.

⁶² Завадовский Николай Андреевич, 1899 г.р., осужден к ВМН – расстрелу с последующей заменой наказания по амнистии ВЦИК на 3 года дома принудработ.

⁶³ Соскин Петр Васильевич, 1901 г.р., расстрелян 13 сентября 1920 г.

⁶⁴ Ланский Гавриил Гавриилович, 1899 г.р., расстрелян в сентябре 1920 г.

⁶⁵ Реут Константин Григорьевич, 1903 г.р., в августе 1920 г. осужден на 5 лет концлагерей. В 1921 г. по амнистии ВЦИК срок наказания сокращен до 3 лет 4 месяцев.

⁶⁶ Березовский Виталий Васильевич, 1895 г.р., расстрелян 13 сентября 1920 г.

⁶⁷ Вилесов (Виллисов) Владимир Петрович, 1900 г.р., расстрелян в сентябре 1920 г.

⁶⁸ Лебедев Александр Константинович, 1896 г.р., расстрелян 13 сентября 1920 г.

Белое офицерство, которое порвало все старые цепи, – оно с нами на передовых линиях. Вы же, поднявшие в тылу позорное восстание, достойны только лишь смерти. Предгубчека Б. Бак. 28 /VIII.»⁶⁹.

Вот так в те далекие годы очень часто заканчивались «идеологические споры». Хотя известны случаи, когда руководители Советского государства проявляли в подобных случаях решительность и соглашались с просьбами арестованных об отправке на фронт. Но такие случаи были нечастыми, а решения принимали первые лица, но не «винтики» огромного механизма.

Летом 1920 г. в г. Омске сотрудниками губЧК была вскрыта подпольная организация, в основном из числа бывших офицеров, общей численностью 580 чел. Возглавляли её бывшие белые офицеры Драчук (псевдоним Орлеанов) и Шелюттэ. Организация ставила своей целью свержение советской власти и отделение Сибири от России. Была установлена связь с атаманом Семёновым, эмигрантскими кругами, Москвой. Члены организации имелись во всех воинских учреждениях, в большинстве дислоцированных в Омске воинских частей, в том числе среди командного состава. Организация на территории Омского уезда располагала несколькими отрядами из числа бывших офицеров, дезертиров и казаков.

Для координации действий в Омск прибыли представители эмигрантских кругов и атамана Семёнова, а также 14 японских офицеров, проживавших нелегально под видом китайцев, занимавшихся торговлей табаком.

⁶⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13011. С. 51. Подобные обращения с просьбой об отправке на фронт не были единичными. Так, например, 16 июня 1920 г. письмо подобного содержания было направлено в Алтайскую губчека арестованным С.А. Чухланцевым. В своем заявлении он писал: «Я, бывший офицер русской армии, томясь здесь в заключении, узнаю о том возмутительном факте, что панская Польша осмеливается наложить свою дерзкую лапу на свободу Советской России и, принимая во внимание, что на фронте наступает решительный момент, когда каждый боец дорог, я, имеющий служебный и боевой опыт, прошу коллегия Алтгубчека о скорейшем разборе моего дела и войти с ходатайством перед надлежащей инстанцией об отправке меня на красный фронт. Смею надеяться, что Рабоче-крестьянское правительство не сочтет меня врагом пролетариата и позволит мне грудью защищать Советскую Россию... и умереть за истинную свободу трудового народа.

Подтверждаю настоящее заявление своим честным словом, я уверен, что Алтгубчека не оставит мое заявление без последствий, тем более, что... образовавшееся в Москве Государственное совещание под предводительством [генерала] Брусилова призывает всех бывших офицеров честно послужить Советской Республике, и Совнарком опубликовал воззвание к русскому офицерству... перейти на сторону рабочих при условии, что им простится вина, которую они имеют за собой по отношению к Советской власти.

Я горю желанием защищать РСФСР. Я с нетерпением жду того момента, когда мне разрешат встать под Красное знамя, тем более, что **я не принадлежу к буржуазному классу**, ибо у меня нет никакого состояния, поэтому интересы трудового народа являются в то же время и моими, что подтверждается еще тем, что **при Колчаке я не служил на военной службе и до сих пор не принимал никакого участия в гражданской войне...**». См.: «Руководствуясь революционной совестью...». Барнаул, 2006. С. 251–252.

Анализируя написанное, полагаю его заявление искренним желанием патриота быть полезным Родине; сложно предположить, что оно написано замаскировавшимся врагом. К сожалению, авторы сборника не указали причину ареста Чухланцева, его биографические данные, дав лишь сноску, что 17 июля 1920 г. он был осужден, а уже 18 июля расстрелян. Реабилитирован прокуратурой Алтайского края 31 декабря 1996 г.

Омская губЧК располагала информацией об организации, её целях, численности, руководителях, не было только известно о точной дате намеченного восстания. Однако за два дня до запланированного организацией выступления в Калачинском уезде во время ликвидации группы дезертиров были арестованы эмиссары подпольщиков, прибывшие в уезд для объединения групп дезертиров, от которых и стало известно о планах заговорщиков.

В ночь на 19 августа были проведены аресты членов организации, её руководители – Драчук, Шелюттэ и полковник Мерецкий, оказавшие вооруженное сопротивление, были убиты во время задержания. В ходе операции была арестована настоятельница Ачаирского женского монастыря, которая на территории монастыря хранила оружие и знамя заговорщиков. Аресты продолжались до ноября 1920 г., всего было арестовано около 400 чел.⁷⁰

В августе 1920 г. сотрудниками ЧК был раскрыт и ликвидирован белогвардейский заговор в Щегловском уезде. В организацию входило свыше 300 бывших колчаковских офицеров (данные, несомненно, завышены. – В.У.), возглавлял её эсер Н.Н. Щеглов, служивший при Колчаке начальником милиции 5-го района. Члены организации вели активную агитацию против хлебной разверстки и, используя служебное положение, облагали крестьянство большими повинностями, провоцируя его недовольство советской властью. Восстание намечалось на 3 августа, но организация была разгромлена⁷¹.

Бывшие офицеры в своей решительности к борьбе с советской властью готовы были к объединению с любой иной силой, встававшей на путь борьбы с большевиками. Так, созданный эсерами Союз трудового крестьянства (СКС) насчитывал до 400 ячеек в Сибири и готовил к весне 1921 г. вооруженное восстание в семи губерниях Западной Сибири. Во многих ячейках активное участие принимали бывшие офицеры, а в состав омского отдела СКС в сентябре 1920 г. вошла в полном составе офицерская организация, возглавляемая бывшим колчаковским офицером – капитаном Н. Густомесовым (по другим данным – поручиком), поддерживавшим связь с Драчуком и Шелюттэ. В Красноярской губернии в ядро военной организации СКС вошли 89 бывших офицеров⁷².

Активное участие приняли офицеры и в Западно-Сибирском кулацко-эсеровском мятеже 1921 г. Отряды восставших формировались по армейскому принципу – в роты, батальоны, полки и т.д., что, несомненно, играло значительную роль при организации и ведении боевых действий. Полномочный представитель ВЧК по Сибири И.П. Павлуновский отмечал высокую организацию работы повстанческих штабов: «Обращает на себя внимание быстрая и отлично налаженная

⁷⁰ Становление органов безопасности в Сибири.. С. 15–17; Бударин М.Е. Были о чекистах. Омск, 1976. С. 160–163. По его данным, к августу 1920 г. антисоветская организация насчитывала уже до пятнадцати тысяч человек – офицеров, кулаков, атаманской верхушки казачества. Заговорщики имели не только винтовки и револьверы, но и несколько пулеметов. Организация была действительно массовой, но приведенную Бударинным цифру в пятнадцать тысяч участников считаю завышенной.

⁷¹ Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения... С. 228.

⁷² Щетинов Ю.А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции... С. 51–52.

связь. Сводки, донесения, переписка носят исключительно деловой характер. Сводки написаны полно и понятно. Обмен ими производится регулярно... Обращает на себя внимание масса мелких донесений... Насколько ценны в боевой обстановке эти кажущиеся мелкие донесения, доказывать не приходится»⁷³. Высокий уровень оперативной работы повстанческих штабов стал возможным благодаря участию в них бывших офицеров. Так, например, в средней по размерам Сибирской казачьей дивизии их было 50, в том числе два полковника царской армии. Такая оценка, с учетом размаха восстания и участия в нем по разным данным от 60 до 100 тыс. чел., несомненно очень высока.

20–21 марта 1921 г. была ликвидирована белогвардейская организация «Всероссийский комитет по борьбе с советской властью», филиал которой в Красноярске (Боевая группа) насчитывал в своих рядах 108 чел. и действовал, кроме Красноярска, в Енисейской губернии, Монголии и Урянхайском крае. Вдохновителем организации был Политик – бывший начальник штаба раскрытого в 1920 г. в г. Омске белогвардейского заговора. Красноярскую группу возглавляли Ф.А. Емелин – казак, монархист, секретарь профсоюза извозчиков, А.И. Колыванов-Ратмиров – бывший сотник, монархист, служащий губпродкома, Копылов – «крупный спекулянт», С.П. Богда-

⁷³ Щетинов Ю.А. Указ. соч. С. 82–83; Третьяков Н.Г., например, отмечал, что достаточно часто на сторону восставших переходили бывшие офицеры, уже служившие в рядах Красной армии. Так, на сторону повстанцев перешли около 20 офицеров из 33-го батальона полевого строительства Красной армии, размещавшегося в Ишимском и Ялуторовском уездах. Целый ряд руководящих должностей занимали офицеры из числа казаков и т.п. Бывшие офицеры своей грамотностью и профессионализмом смогли внести элементы стройности и порядка в деятельность органов управления повстанческих подразделений, что подтверждается словами И. Павлуновского. Однако не менее половины командиров отрядов повстанцев, начальников штабов, комендатур и военных советов являлись местными крестьянами. Более того, офицеры могли оказываться в подчинении у младших по званию либо вообще штатских лиц, а в отдельных случаях просто отстраняться от должностей, а иногда и устранялись физически своими же бывшими подчиненными. См.: Третьяков Н.Г. Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1994. № 2. С. 21–25. Однако В.И. Шишкин считает, что роль офицерства в сопротивлении режиму сильно преувеличена в силу проведения целенаправленной идеологизации и усиления данной информации большевиками. Он приводит данные, что в целом ряде значительных антикоммунистических выступлений офицеры вообще не принимали участие – их не оказалось в Причерном крае у Рогова (800 мятежников), среди повстанцев Сергеевской волости Ачинского уезда (около 400 чел.), среди участников Сорочкинского мятежа (Причерный край – около 5 тыс. чел.). Лишь по одному офицеру было в числе 18 тыс. повстанцев Народной армии Степного края и 2 тыс. «лубковцев». Всего пять офицеров он насчитал среди участников Колыванского восстания и не более 20 – в Западно-Сибирском восстании. См.: Шишкин В.И. «Белый» след в красной Сибири // История белой Сибири : тезисы III науч. конф. Кемерово, 1999. С. 149–150. С подобной оценкой участия бывших офицеров в сопротивлении режиму в начале 1920-х гг. согласиться можно отчасти. Что касается Западно-Сибирского мятежа, цифра в 20 офицеров явно занижена, отсутствие в других восстаниях, возможно, связано с особенностями их участников – преимущественно крестьянское население и не в самых развитых районах, где, с одной стороны, офицеров могло просто не быть, а с другой – население после колчаковщины само не было готово к «сотрудничеству» с бывшими «врагами» и «палачами». Кроме того, эти выступления явно не были готовы к свержению советской власти в масштабах страны, они преимущественно носили локальный характер, не выходя за рамки одного или нескольких уездов.

нов – бывший капитан, начальник поезда Колчака и П.М. Сапожников-Рачков – бывший поручик, служащий губпродкома.

Своими методами организация избрала создание вооруженных групп, антисоветскую агитацию и разложение аппарата советских учреждений, саботаж и умышленную порчу продуктов питания. В феврале 1921 г. началось объединение мелких групп в более крупные, составлялись списки коммунистов и руководителей советских учреждений. До открытого выступления дело не дошло, так как губернской ЧК удалось внедрить в организацию своих сотрудников, что позволило быть в курсе планов организации и своевременно провести её ликвидацию.

Газета «Красноярский рабочий» 5 мая 1921 г. опубликовала большую статью «От Красноярской Чрезвычайной Комиссии», в которой сообщалось, что в феврале и марте были вскрыты тайные контрреволюционные организации, руководителями и вдохновителями которых являлись бывшие каратели, скрывавшееся офицерство и эсеры, служившие в различных советских учреждениях. Организации поддерживали связь с бандами, скрывавшимися в тайге, и планировали свержение советской власти в губернии и «истребление ответственных работников». В процессе ликвидации организации было арестовано более 300 участников. По приговору ревтрибунала большая часть из них была осуждена к лишению свободы на разные сроки, а 34 наиболее активных участника были расстреляны, в их числе – 19 бывших офицеров, 2 колчаковских милиционера и другие «бывшие»⁷⁴.

И.А. Абраменко привел данные, со ссылкой на И.П. Павлуновского, что из 20 главарей крупных банд, захваченных и убитых в 1921 г. на территории Сибири, все оказались бывшими белогвардейскими офицерами, среди которых были полковники, штабс-капитаны, поручики и прочие (так в тексте. – В.У.)⁷⁵.

Приведенные выше примеры в большей степени относятся к достаточно «чистым» подпольным офицерским организациям. Но анализ иных вооруженных выступлений, направленных против советской власти, имевших место в 1921–1924 гг. на территории Сибири, позволяет выделить в абсолютном большинстве из них в качестве организационного и руководящего начала представителей бывшего офицерского корпуса. Их знания и военный опыт охотно использовались всеми антисоветскими силами.

Участие бывших офицеров в борьбе с советской властью было осознанным и целенаправленным. Они не могли забыть унижений, которые им пришлось пережить в первый послереволюционный год. Защитники России на фронтах Первой мировой, многие из которых были отмечены боевыми наградами за ратный труд и ранены в боях, оказались выброшенными в неизвестность, стали изгоями в родной стране. А таковых было, ни много ни мало, 250 тыс. чел. Подписание же большевиками Брестского мира для многих патриотично настроенных офицеров стало поще-

⁷⁴ Красноярский рабочий. 1921. 5 мая; Грани... С. 53.

⁷⁵ Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения... С. 199.

чиной, унижающей их человеческое достоинство, и воспринималось как предательство интересов России.

В ходе антиофицерской кампании были отменены воинские звания, запрещалось ношение наград и знаков отличия, офицеры были приравнены к рядовому составу и подлежали разоружению. Затем были отменены выдача жалованья и пайков, что незамедлительно отразилось на семьях офицеров. Изгоняемые из армии офицеры, возвращаясь к прежним местам жительства, оказывались безработными и вынуждены были объединяться в различного рода союзы и артели (наподобие артели Гавриловича в Томске), чтобы каким-либо образом поправить материальное положение. Но это, в свою очередь, способствовало и консолидации сил на антисоветской основе, а все эти объединения являлись хорошим легальным прикрытием антибольшевистской деятельности.

Перечисленные факторы стали движущей силой и опорой для бывших офицеров в их борьбе с большевизмом, они охотно бросались в объятия тех, кто звал на борьбу или планировал какие-либо действия по организации этой борьбы. Многие из них искренне верили, что большевики могут быть уничтожены и появится возможность возвращения условий, когда офицеры вновь будут востребованы и уважаемы, вернется прежнее благополучие.

Томский историк – исследователь периода Гражданской войны в Сибири Н.С. Ларьков в своей монографии показал качественный и количественный состав офицерского корпуса, оказавшегося в Сибири после Октябрьской революции, а на основе глубокого анализа выявленных материалов – условия, в которых оказались офицеры, и предпринимаемые ими шаги по противодействию новой власти⁷⁶. С его выводом, что «основная масса сибирского офицерства едва ли не автоматически оказалась отброшенной в антисоветский лагерь»⁷⁷, нельзя не согласиться.

Необходимо также отметить и то, что на 1 января 1921 г. в Красной армии офицеры царской и белых армий составляли 34% руководящих кадров всех уровней; многие «военспецы» занимали высшие командные, штабные и административно-хозяйственные должности. В первые годы после окончания Гражданской войны началось резкое сокращение армии, в том числе и офицеров. Если на 1 января 1921 г. их в армии насчитывалось около 12 тыс., то к концу 1922 г. – менее 2 тыс. Увольнение происходило на основании специальной инструкции Штаба Революционного Военного Совета Республики от 21 мая 1921 г., предварительно согласованной с Особым отделом ВЧК. В этих условиях бывшие белые офицеры, по мнению большевистского руководства, требовали к себе особого внимания.

⁷⁶ См.: Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995.

⁷⁷ Ларьков Н.С. Указ. соч. С. 55. Однако следует учитывать, что уже в первые месяцы 1918 г. на службу в Красную армию перешли около восьми тысяч генералов и офицеров, что было достаточно для комплектования двадцати дивизий численностью в десять тысяч штыков каждая. См.: Петров С.П. Упущенные возможности. Гражданская война в восточно-европейской части России и в Сибири, 1918–1920 гг. М. : АИРО – XX, 2006. С. 51.

По утверждению бывшего генерала царской армии А. Снесарева, само положение «военспецов» лишало их надежды на будущее, на обеспеченную жизнь после выхода на пенсию. Введение нэпа вселило некую надежду на перерождение и падение советской власти. Говоря о бывших генштабистах, он отмечал, что, «будучи людьми строгого отбора... отшлифованными для всех одинаково продуманной системой воспитания, испытанными в чистоте монархических убеждений... офицеры Генштаба вошли в новую для них обстановку советской власти... организованной и сплоченной группой»⁷⁸.

Именно группирование бывших офицеров и представляли наибольшую угрозу для победителей. В инструкции к приказу № 200 от 1 сентября 1922 г. по наблюдению за комсоставом РККА конкретно указывалось на необходимость контроля за «элементами группирования» в среде бывших офицеров, которые в необходимых случаях через возможности командования следовало «раскассировать» при соблюдении контроля за наиболее активными членами группирования. Задача подобного характера ставилась и в 1925 г. заместителем начальника Особого отдела ОГПУ Р. Пилляром на Втором Всесоюзном съезде особых отделов ОГПУ. Таким образом, любое группирование со стороны бывших офицеров расценивалось в качестве одного из признаков подготовки к оформлению антисоветской группы.

Начиная со второй половины 1921 г. информация об офицерских организациях исчезает из информационных сводок органов ВЧК и переписки партийных и советских структур. Причин этому, на мой взгляд, несколько.

1. Наиболее крупные организации были ликвидированы, а прошедшие по ним процессы, в совокупности с информацией в печати, заставили бывших офицеров либо действовать более осторожно, либо временно отказаться от активных действий по причине боязни репрессий против них или членов их семей.

2. Фронты Гражданской войны все дальше откатывались к границам России, так как белые армии, несмотря на активную помощь и поддержку Антанты, терпели поражение за поражением.

3. Многочисленные выступления с оружием в руках на территориях, контролируемых Советами, носили разрозненный, стихийный характер, так как амбиции многих «атаманов» не распространялись далее границ уезда или губернии.

4. Репрессивный аппарат рос количественно и качественно, что позволяло более результативно «бить врага».

5. Весь государственный аппарат был настроен на организацию строжайшего контроля за «бывшими», в том числе и через осуждение и направление в лагеря для отбытия наказания, где они были «под присмотром». Кроме того, в стране была задействована четкая система регистрации всех «бывших», в частности военнотрудовых. Так, в 1920 г. на основании приказа РВСР № 1728/326 и приказа Народного комиссариата труда № 660 во всех гражданских учреждениях устанавливался особый

⁷⁸ Зданович А.А. Органы госбезопасности и Красная армия... С. 100–103.

учет бывших белых офицеров и военных чиновников в органах ВЧК–ОГПУ, Управлении командного состава РККА, в мобилизационных отделах военкоматов⁷⁹.

Под личную ответственность руководителей организаций и учреждений заполнялись по разработанной форме именные списки и анкеты, два экземпляра которых передавались в военкоматы. Форма анкеты по приказу № 1728/326 предполагала получение информации по 38 позициям. Из них десять носили общий характер, четырнадцать касались военной службы, три – отношения и участия в революциях, начиная с 1905 г., пять – наличия родственников, их служебной деятельности, в том числе в полиции, у белых и т.д. Например, при ответах на вопросы о военной службе необходимо было указать, когда офицер поступил на военную службу, получал ли военное образование, пошел на войну в 1914 г. добровольцем, по мобилизации или был кадровым офицером. Надо было сообщить о чинах и званиях как до Февральской революции, так и до пленения, если попал в плен, то персонально или при массовой сдаче, какие должности занимал с 1 марта по 25 октября 1917 г., очень подробно описывалась служба в белой армии.

При ответах на вопросы об участии в революциях полагалось сообщать не только об участии в них, начиная с революции 1905 г., но и о своем отношении к ним. Требовалось также указать свое «политическое настроение» на момент заполнения анкеты. Завершалась анкета примечанием о необходимости её заполнения в трех экземплярах. Лица, давшие неверные сведения в анкете или уклонившиеся от прямых ответов, подлежали строжайшей ответственности⁸⁰.

К 20-му числу каждого месяца необходимо было передавать в установленном порядке информацию со всеми изменениями по данной категории лиц (прибытие, убытие, перемещения по службе и т.п.)⁸¹.

На местах органами ВЧК была организована система картотечного учета, суть которой заключалась в том, что на каждого человека заполнялись карточки, содержащие следующие реквизиты: 1) ФИО; 2) возраст; 3) партийность; 4) профессия; 5) постоянное место жительства; 6) когда и откуда приехал; 7) где служил с июля 1918 г. по ноябрь 1919 г., точно указывалось место службы и занимаемая должность; 8) где служил с декабря 1919 г. с указанием мест службы и должностей; 9) адрес и т.д. Эта

⁷⁹ Бельми офицерами и военными чиновниками считались те, кто хотя бы короткое время служил в частях, штабах, управлениях, учреждениях и заведениях армий Временного Сибирского правительства, Колчака, Деникина, Врангеля, Юденича и др. Система учетов постоянно совершенствовалась. Так, только в период с сентября 1920 г. по май 1921 г. РВСР издал пять специализированных приказов на этот счет. Более того, в 1921 г. военным ведомством была проведена Всероссийская перепись, в ходе которой были учтены более 400 тыс. чел., материалы на которых переданы в особые отделы. Анкета содержала всего 15 позиций, но обработка их затянулась, и к середине 1922 г. удалось обработать для постановки на учет анкеты только на 115 680 чел. Наибольший интерес вызывали данные о службе в царской армии. См.: Зданович А.А. Указ. соч. С. 336–337.

⁸⁰ Анкета для бывших офицеров белых армий при постановке на особый учет. См.: ГАТО. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 78«а». Л. 1–2.

⁸¹ Инструкция ведения особого учета бывших белых офицеров и военных чиновников. См.: ГАТО. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 78«а». Л. 9; Из истории земли томской. 1917–1921... С. 130–131.

информация выделялась из анкетных листов, которые в обязательном порядке заполнялись на всех работников организаций и учреждений страны⁸².

Для состоявших на особом учете в отделах ГПУ бывших белых офицеров обязательной была периодическая явка в органы ГПУ. Поскольку многие проживали в сельской местности и не могли своевременно являться на регистрацию, начальники милиции всех районов должны были брать этих офицеров под надзор, делать ежемесячные отметки об их явке и докладывать о них к первому числу каждого месяца в отдел ГПУ⁸³. В каждый район начальнику милиции направлялся список бывших белых офицеров, проживавших на обслуживаемой территории. В списках указывались место жительства офицера, место службы и последний чин. На практике в списки включали не только офицеров. Так, например, в Томском уезде проживали 112 чел.: подполковников – 2, чиновников военного времени – 14, штабс-капитанов – 7, штабс-ротмистров – 1, поручиков – 14, подпоручиков – 27, прапорщиков – 32, юнкеров – 9, помощников регистратора – 1, коллежский регистратор – 1 (хотя Инструкция не предполагала ведение особого учета чиновников военного времени и портупей-юнкеров. – *В.У.*). На ст. Тайга таковых подучетников проживало 8 чел., в Нарыме – 4⁸⁴.

В последующие годы преемники ВЧК – ОГПУ и НКВД только совершенствовали эту систему учета. Налаживалась она целенаправленно. С одной стороны, легко искать среди «бывших» тех, с кем необходимо было расправиться за прошлые «заслуги», с другой – постоянный контроль, если вдруг контрреволюция попытается использовать их знания и опыт во враждебных советской власти целях. Кроме того, система ложилась тяжелым гнетом на плечи бывших офицеров, так как жить под тотальным контролем сложно.

Начало 1921 г. для бывших офицеров в Сибири ознаменовалось новыми притеснениями. В органы Губмилиции и Учрабсилы в апреле 1921 г. поступила секретная телеграмма от Наркомата труда и начальника Центрорабсилы страны, подписанная заместителем председателя Сибтруда Звездовым и начальником Сибучрабсилы Ситниковым об организации особого учета бывших белых офицеров и военчиновников. Телеграмма передавала для исполнения секретную телеграмму Наркомтруда, согласованную со штабом РККА и Особым отделом ВЧК, согласно которой в дополнение секретной телеграммы № 660 от 11 февраля 1921 г. предлагалось объявить всем ответственным руководителям учреждений, что бывшие белые офицеры не могут перемещаться в пределах губернии (даже губернии. – *В.У.*), помимо Губрабсилы и Губчека. Перемещение в другие губернии было возможно Губрабсилой только с разрешения Наркомтруда при обязательном информировании органов ВЧК по старому и новому месту службы. Согласно телеграмме не допускались даже временные команди-

⁸² Инструкция «Проекты, схемы и работа по секретно-информативной части», подписанная заведующим Мариинским политбюро [1921 г.]. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 179.

⁸³ Указание заместителя начальника Томского отдела ГПУ начальнику Томской горюездной милиции (литер «а») № 7162 от 17 октября 1923 г. См.: ГАТО. Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

⁸⁴ Там же. Л. 3–5, 8–9.

ровки бывших белых офицеров, отпуска по болезни разрешались, но без права выезда куда-либо. Какие-либо ходатайства с мест службы о разрешении на выезд запрещались. Был определен механизм учета и информирования губернских военных комиссариатов и органов ЧК⁸⁵.

Серьезность подхода к этой работе подтверждается другим документом. Томский уездный военком 16 декабря 1921 г. обратился к председателю Томской губЧК почтотелеграммой, в которой сообщил, что «затребованные в боевом порядке от гражданских учреждений списки на бывших офицеров и чиновников не представлены до сего времени следующими учреждениями: Губпродкомом, Умилицией, Сибуглем, Губземотделом, Губкомом РКП, Губсоюзом, Гормилицией. Означенное непредставление списков не дает... возможности установить особый учет... каковой имеет государственно-политическое значение. Донося о вышеизложенном, прошу содействия в деле понуждения и скорейшем предоставлении требуемых списков...»⁸⁶.

В связи с амнистией ВЦИК от 3 ноября 1921 г. ВЧК издала три приказа о порядке применения амнистии по отношению к бывшим белым офицерам. Например, в декабрьском приказе предлагалось освободить всех «бывших», не занимавших должности командиров частей и не принимавших активного участия в борьбе с советской властью. Остальных офицеров и военных чиновников приказывалось заключить в концлагеря на срок до двух лет. В приказе от 10 февраля 1922 г. предписывалось исключить амнистирование лиц, служивших в контрразведывательных и иных карательных учреждениях. Что касается остальных, то осужденным и находившимся в тюрьмах или концлагерях необходимо было сократить сроки наказания, осужденные на срок до одного года подлежали освобождению. Но пункт пятый приказа гласил, что амнистированные с особого учета не снимаются, а передаются местным отделам труда для использования и на них распространяются все ранее изданные приказы и распоряжения.

Находившиеся на особом учете бывшие белые офицеры не имели права самостоятельно менять место жительства, даже если для этого имелись веские причины. Они также становились первыми кандидатами на сокращение или увольнение со

⁸⁵ ГАТО. Ф. Р-278. Оп. 3. Д. 5. Л. 167. Четкая система учетов бывших белых офицеров часто давала веские аргументы в решении тех или иных вопросов оперативно-служебной деятельности подразделений чекистских органов. Так, в октябре 1928 г. начальник Кузнецкого окротдела ОГПУ Новак и начальник информационного отделения Капотов использовали эти учеты для обоснования необходимости расширения аппарата окружного отдела. В письме секретарю окружкома ВКП(б) Прокофьеву отмечалась озабоченность присутствием большого количества антисоветских элементов, к которым причислялись «бывшие каратели белых армий, бывшие офицеры старой и белой армий, бывшие дружинники колчаковской армии, бандиты белой армии». См.: Служение Отечеству.... Кн. 1. С. 258.

В отношении бывших офицеров действовали и другие ограничения. Например, при их назначении на гражданскую службу следовало учитывать, чтобы их общая численность в каждом учреждении не превышала 15% личного состава; не рекомендовалось назначение на работу по местам рождения или постоянного проживания и т.д. См.: Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999. С. 17.

⁸⁶ ГАТО. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 78«а». Л. 4.

службы в ходе «чисток», в частности советского аппарата. Каждая «чистка» вызывала много проблем, в первую очередь, для власти. Например, при «чистке» 1922 г. в категорию безработных могли попасть многие специалисты из числа бывших белых офицеров: они состояли на особом учете в органах ВЧК, поэтому не могли свободно менять места жительства и работы. Абсолютное большинство из них не могло рассчитывать и на пособие по безработице. По этим причинам в январе 1922 г. Наркоматом труда и ВЧК на места была направлена телеграмма с грифом «Совершенно секретно», призывавшая властные органы относиться с большой осторожностью к увольнению бывших офицеров – только в исключительных случаях, а при ходатайстве учреждений – возвращать уволенных на работу⁸⁷.

Несмотря на то, что официально была продекларирована оценка личных и деловых качеств, на практике возобладала оценка социального происхождения и прошлой деятельности. На местах это противоречие носило ярко выраженный характер, поэтому упоминание о военном прошлом чаще всего вызывало негативную реакцию. «Чистка» 1924 г. наглядно продемонстрировала это. Так, например, в Сибири проверке подверглись более 42 тыс. чел., 4,7 тыс. из которых были уволены (11,2% от числа проверенных). При этом из аппарата учреждений разного уровня было уволено 630 бывших белых офицеров, что составило 13,4% от общего числа уволенных. В целом по политическим мотивам («социально чуждые») было «вычищено» 37,8% служащих. Это не может не свидетельствовать о проведении целенаправленной кампании⁸⁸.

В ходе генеральной «чистки» советского аппарата в 1929–1931 гг. не остались в стороне и бывшие офицеры. Из госаппарата края на 1 сентября 1930 г. были «вычищены» 212 офицеров белых армий (15% от общего числа). «Опередили» их только торговцы и домовладельцы – 25,5% и кулаки – 15,8%⁸⁹.

⁸⁷ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2а. Д. 29. Л. 6. Однако, например, Томский губком РКП(б) на закрытом заседании 12 декабря 1922 г. рассмотрел вопрос об увольнении из высших учебных заведений всех белых офицеров, состоявших на особом учете. Протокол № 22 сохранил краткое и лаконичное решение: «Признавая **принципиально необходимым** выполнение данного приказа, предложить провести в жизнь комячейке ВУЗ». См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 84. В начале 1923 г. во все губернии поступило для немедленного проведения в жизнь циркулярное распоряжение Управления милиции Республики оставить на службе в милиции только снятых с особого учета бывших офицеров и военчиновников либо имевших особые заслуги перед советской властью. Но это было возможно только после согласования «в каждом отдельном случае» с особыми отделами ГПУ и немедленного возбуждения ходатайства через Главное управление милиции и ОО ГПУ с «указанием, когда и какие именно заслуги были проявлены». Все остальные «бывшие», несмотря на наличие разрешений особых отделов ГПУ и возможно возбужденных ходатайствах об оставлении на службе, подлежали немедленному увольнению.

⁸⁸ Маргиналы в социуме... С. 182.

⁸⁹ Там же. С. 191. По данным Ю.И. Голикова, со ссылкой на те же материалы Новосибирского Госархива (только на Л. 87, а не 88 Д. 311 «б»), как у авторов материала «Маргиналов...»), число «вычищенных» бывших белых офицеров составляло 1,5% от общего числа не прошедших «чистку». См.: Голиков Ю.И. Генеральная «чистка» советского аппарата Сибири в конце 20 – начале 30-х гг. // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. С. 196. Скорее всего, им допущена техническая ошибка. В числе «вычищенных» оказались 22,9% слу-

Но одновременно действовали причины и иного свойства. Разрушенное хозяйство нуждалось в квалифицированных кадрах, коих среди бывших офицеров было значительное число, так как основную массу офицерского корпуса составляли не кадровые военные, а офицеры военного времени, рекрутируемые из числа инженеров, техников, служащих, студентов вузов и т.п. После краткосрочных курсов они получали первое офицерское звание и направлялись на фронт для замены выбывавших в ходе боев кадровых офицеров. В годы Гражданской войны многие вновь были отмобилизованы в войска белых армий, одни из них попали в плен и стали служить новой власти, другие перешли на сторону красных добровольно либо дезертировав от белых. По окончании Гражданской войны значительное их число смогло устроиться на работу в учреждениях советского аппарата (репрессиям начала 1920-х гг. в первую очередь подвергались офицеры, не служившие в Красной армии), тем более что нехватка специалистов заставила большевиков взглянуть на офицеров и военных чиновников по-иному. Например, отдельные из них после прохождения необходимых фильтрационных мероприятий направлялись в распоряжение местных органов власти для последующего трудоустройства. Так, в связи с острой нехваткой квалифицированных кадров Сибревком 29 апреля 1920 г. направил в штаб Западно-Сибирского военного округа докладную записку с просьбой об откомандировании из лагерей военнопленных в распоряжение Сибирского земельного отдела специалистов сельского хозяйства. Штаб 5-й Армии передал в земорганы из числа бывших офицеров агрономов, инструкторов по сельскому хозяйству, лесоводов, землеустроителей, работников других специальностей⁹⁰.

В июне 1921 г. Сибтруд рекомендовал губернским организациям края отбирать из числа стоявших на учете белых офицеров тех, кто по служебному и образовательному цензу мог быть привлечен к работе в органах областного уровня. В частности, предполагался учет лиц с образованием не ниже среднего, занимавших ранее ответственные посты, а также профессионалов со стажем не менее двух лет⁹¹.

живших в царской армии, 26,1% – в белых, 11,7% – в РККА, в том числе офицеров – соответственно 32,0; 29,6 и 11,7%. Там же.

⁹⁰ См.: Осташко Т.Н. Государственное регулирование профессиональной деятельности интеллигенции в период «военного коммунизма» // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири... С. 17. Л.И. Пыстина сообщает о направлении из Красноярска в Омск в марте 1920 г. в распоряжение Сибревкома эшелона военнопленных, прошедших фильтрацию. В нем было 110 чел., распределенных преимущественно в распоряжение земельных органов и отделов Сибсовнархоза. См.: Пыстина Л.И. Указ. соч. С. 17. Авторами использованы разные архивные источники, но, возможно, речь идет об одном и том же откомандировании бывших военнопленных.

⁹¹ Маргиналы в социуме... С. 176. Что касается службы в армии, то колчаковских офицеров по рекомендациям ВЧК не назначали на командные должности до проведения специальной проверки. Их надлежало заключить в концлагеря, а после проверки назначать главным образом на административно-технические должности, назначение на командные должности было возможным только для тех, кто смог доказать свою преданность и лояльность советской власти. См.: Ильинский М. Нарком Ягода. М., 2005. С. 340. В мае 1921 г. во все воинские части Сибири по распоряжению члена РВСР Сибири Давыдова была направлена телеграмма Военкома Штаб-республики Данилова о необходимости самого серьезного отношения к проведению мероприятий, связанных с увольнением из военного ведомства бывших белых, со-

Новые проблемы для бывших офицеров породил 1926 г., так как по Инструкции ВЦИК от 4 ноября 1926 г. они были включены в перечень лиц, подлежащих лишению прав. Эта инструкция потребовала от властей на местах лишать избирательных прав офицеров, уже многие годы работавших на благо страны в советском аппарате. Не облегчило их положения и объявление в 1927 г. по случаю 10-летней годовщины Октябрьской революции амнистии бывшим белым офицерам. Они были сняты с особого учета, но поставлены на учеты в военкоматах согласно возрасту, имевшемуся опыту и т.п. При этом **впервые** четко было определено, что при снятии с учета бывшего офицера, вне зависимости от причин, военкоматы либо работники райисполкомов обязаны незамедлительно сообщать об этом в соответствующий орган ОГПУ на местах в установленной форме⁹². Указания об информировании были даны военкоматами в местные органы исполнительной власти.

Кому и с какой целью нужна была такая амнистия? Невольно напрашивается вывод о планомерно проведенной государством перерегистрации участников «мероприятия» в интересах силовиков.

На местах проведение амнистии было расценено как автоматическое выведение бывших офицеров из круга «лишенцев», но ВЦИК разъяснил, что это не так и отклонил просьбу Сибкрайисполкома о предоставлении прав бывшим офицерам, не служившим в Красной армии, но являвшимся ценными специалистами. Руководство Сибкрайисполкома продолжало настаивать на своей просьбе, подключив к решению вопроса Сибкрайком ВКП(б). В ЦК партии на имя С.В. Косиора секретарь Сибкрайкома С.И. Сырцов направил телеграмму, в которой просил сделать исключение для 1 608 бывших белых офицеров и военных чиновников белых армий, не служивших в Красной армии, но работавших учителями, агрономами, врачами и другими специалистами в советском аппарате. Он также подчеркивал, что огульное лишение избирательных прав нарушает нормальную работу и жизнь края. Следствием проявления решительной позиции сибирских руководителей стало указание ЦК ВКП(б) и ВЦИК страны разрешить в отдельных случаях предоставлять избирательные права данной категории лиц при условии их лояльного отношения к советской власти, наличии пятилетнего трудового стажа и членства в профсоюзах⁹³.

гласно приказу РВСР НР 1128/202ск. Предлагалось «**комиссарам** (в основу взята политическая, а не военная специальная составляющая. – В.У.) всех частей и учреждений... возбуждать ходатайства и давать благоприятные отзывы... об оставлении [на службе] лишь [в] самых исключительных случаях при установлении полной независимости и лояльности». В случае увольнения «бывших» при наличии у них заслуг перед «рабоче-крестьянской властью порядок и техника увольнения должны быть по возможности просты и не причинять увольняемому затруднений и ущерба». См.: ГАНУ. Ф. П-302. Оп. 1. Д. 78. Л. 16.

В 1923 г., со ссылкой на этот приказ РВСР, в Томский губком партии обратился губвоенком с ходатайством о выдаче двум бывшим офицерам «ввиду их полной лояльности по отношению к советской власти, их добросовестной, энергичной работы...» удостоверений, гарантирующих возможное поступление на службу в гражданские учреждения страны (ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 18–19). Решение по обращению неизвестно, имеется отметка, что губком партии обратился с запросом в губотдел ГПУ.

⁹² Из истории земли томской. 1925–1929... С. 253–254.

⁹³ Маргиналы в социуме... С. 31–32.

Нет ничего удивительного в позиции сибирского партийного и советского руководства. Дефицит квалифицированных кадров заставлял проявлять настойчивость и требовательность, так как на местах реально представляли последствия, которые могли вызвать увольнения тысяч специалистов. Замены им просто не было.

М.С. Саламатова обработала более двух тысяч дел и создала банк данных «лишенцев» г. Новосибирска и ряда районов области, обратившихся с жалобами и ходатайствами в избиркомы по вопросу восстановления в правах. Анализ собранных ею данных позволил сделать вывод, что по образовательному уровню бывшие белые офицеры составляли самую образованную группу среди «лишенцев». Высшее и неполное высшее образование имели 31% из них, среднее и среднеспециальное – 56% и только 13% имели начальное образование; 98% бывших офицеров состояли в профсоюзах, 89% активно участвовали в общественной жизни, антирелигиозных кампаниях и кампаниях по ликвидации неграмотности, выступали с лекциями перед населением, организовывали кружки, секции, библиотеки и т.п. Наличие такого потенциала власть не могла игнорировать, поэтому абсолютному большинству из них избирательные права возвращались.

При этом следует отметить, что во второй половине 1920-х гг. в Омске, Красноярске, Томске и Новосибирске доля бывших белых офицеров, лишенных избирательных прав, была выше, чем в других городах страны. В среднем по стране их удельный вес среди «лишенцев» не превышал 5%, тогда как в Новосибирске в 1927 г. – 24%, а в 1929 г. – 7%. Одной из причин, и с этим необходимо согласиться, М. Саламатова называет наличие большого числа осевших на жительство после Гражданской войны бывших офицеров, что и явилось местной особенностью⁹⁴.

Не могу согласиться с ней только в том, что невозможно установить судьбы бывших офицеров в период массовых репрессий 1930-х гг. Считаю, что сделать это возможно, пусть и не сразу, с большой долей точности. Созданная автором этих строк база данных репрессированных по политическим мотивам жителей Томской области (более 21 тыс. чел.) позволяет отследить судьбы всех репрессированных, так как их социальное положение до революции является одним из реквизитов созданной базы. Проблема здесь в другом: названный банк данных продолжает оставаться в числе немногих официально созданных на основе полной обработки архивов управлений ФСБ. В Западной Сибири работа подобного характера ведется только в УФСБ по Кемеровской области и Республике Алтай, а также в Управлении архивного дела администрации Алтайского края⁹⁵.

⁹⁴ Маргиналы в социуме... С. 63–64.

⁹⁵ В 2002 г. в г. Нижнем Тагиле состоялась международная конференция по вопросу создания электронного банка данных всех репрессированных граждан Советского Союза. Присутствовавшие участники из Казахстана, Украины и ряда других бывших республик СССР вносили свои предложения по категориям граждан, которые должны быть включены в этот банк, но опять-таки с учетом «специфики» своих стран, чаще всего имел место политический оттенок. Тем не менее при обсуждении структуры банка данных было принято однозначное решение о необходимости включения позиций о социальном происхождении и социальном положении жертв репрессий до революции. Предполагалось это делать в целях последую-

После некоторого «затишья» в середине 1920-х гг. органы ОГПУ вновь «вспомнили» об офицерах и других военнослужащих бывших белых армий, тем более что проведенная в ходе чисток «ревизия» позволяла это легко сделать.

Гнет и контроль со стороны советского государства по отношению к русскому офицерству не ослабевали на протяжении 1920-х гг. Произошло убийство в Польше Полномочного представителя СССР П.Л. Войкова, и последовала незамедлительная реакция партийно-советского руководства. Сталин шифрованной телеграммой в адрес В. Молотова дал указание об ужесточении карательной политики: «...всех видных монархистов, сидящих у нас в тюрьме или концлагере, надо немедленно объявить заложниками. Надо теперь же расстрелять пять или десять монархистов... Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами.

Убийство Войкова дает основание для полного разгрома монархистских и белогвардейских ячеек во всех частях СССР всеми революционными мерами. Этого требует от нас задача укрепления своего собственного тыла»⁹⁶.

Последнее предложение объясняет многое, если не все. Партийно-советское руководство испытывало серьезные опасения, что в стране есть силы – тысячи граждан, обиженных и униженных этим руководством, способных к организации и сопротивлению режиму. Разгром названных врагов предполагалось осуществить не на законных основаниях, не в рамках правовых отношений, а «всеми революционными мерами», т.е. по принципу «наличия» чрезвычайных обстоятельств и особых условий судопроизводства.

Уже на следующий день состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором было принято постановление по вопросу «О мероприятиях в связи с белогвардейскими выступлениями». Документ предполагал в числе прочих мероприятий проведение органами ОГПУ массовых обысков и арестов белогвардейцев, публикацию сообщения ОГПУ о расстреле двадцати (Сталин писал о пяти или десяти. – В.У.) видных белогвардейцев, «виновных в преступлениях против советской власти», и предоставлял ОГПУ право вынесения внесудебных приговоров вплоть до расстрела виновных в преступлениях белогвардейцев и т.д.⁹⁷

Попытка промышленного рывка, предпринятая в СССР во второй половине 1920-х гг., изначально была сопряжена с преодолением многочисленных проблем. Строительство тысяч промышленных предприятий, в том числе очень крупных, требовало не только огромных материальных затрат на приобретение оборудования и

щего анализа и облегчения поиска родственниками пострадавших сведений для получения компенсаций за изъятое или конфискованное имущество и т.п. К моменту проведения конференции работа по созданию подобных банков данных уже активно велась в ряде регионов страны, в том числе и при участии архивных учреждений, архивов органов госбезопасности и милиции.

⁹⁶ Шифротелеграмма И.В. Сталина В.М. Молотову от 8 июня 1927 г. См.: Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003. С. 133.

⁹⁷ Там же. С. 133–134.

развитие технического парка, но и наличия высококвалифицированных специалистов, которых как раз катастрофически и не хватало. Все это, с учетом воли и желания «вождей» всех уровней как можно быстрее запустить эти объекты в действие и добиться выполнения (и перевыполнения) намеченных планов, вело к многочисленным авариям, неполадкам, нарушениям технологической дисциплины и т.п. Главная же причина всех этих проблем крылась в так называемом «человеческом факторе»: не могли недавние безграмотные крестьяне, не имевшие опыта, навыков и знаний, успешно трудиться на станках, у доменных печей и прокатных станов, на линиях сборки и другом оборудовании, давая нужный результат. Для приобретения опыта подчас требовались годы труда, в данной ситуации совмещаемого с учебой, а не дни и месяцы.

Но и руководители предприятий, прекрасно понимая сложившуюся ситуацию, не могли, а чаще не хотели заявлять об этом громко во весь голос, ибо подобные заявления могли «бумерангом» вернуться к ним, но уже с обвинениями в плохой организации производственного процесса, неумении «организовать и поднять» людей, научить их работать и т.д. Следует учесть, что многие из этих «командиров производства» сами не имели достаточных знаний и ранее никогда не занимали больших должностей, в частности на производстве. В такой ситуации удобнее всего было списывать все возникавшие трудности и промахи на вредительство и вылазки замаскировавшихся врагов. Несколько крупных политических процессов, организованных в стране над специалистами и инженерно-техническим персоналом, только «подтверждали» это.

Объективные трудности в своем развитии в те годы переживала и оборонная промышленность, но, как «показала жизнь», все проблемы крылись опять-таки во «вредительстве», что и было «доказано» органами ОГПУ в ходе следствия по делу о контрреволюционной вредительской организации, действовавшей в военной промышленности. По названному делу был арестован 91 чел., в том числе целый ряд руководящих работников во главе с бывшим генералом царской армии В.С. Михайловым. Политбюро ЦК ВКП(б) 21 октября 1929 г. согласилось с предложением ОГПУ о расстреле Михайлова и других участников организации и необходимостью опубликования информации о разоблачении контрреволюционной организации в печати, которое и было опубликовано на следующий день. В нем сообщалось, что органами ОГПУ раскрыта и ликвидирована контрреволюционная вредительская и шпионская организация в военной промышленности СССР. В информации акцентировалось внимание на том, что организация в подавляющем большинстве состояла из бывших высших чинов царской армии. Пятеро «руководителей» были приговорены к ВМН – расстрелу, остальные участники организации осуждены к различным срокам заключения в концлагерь⁹⁸.

Опубликованное сообщение, как и подобные ему по другим делам и процессам, демонстрировало рядовому гражданину, что все в стране в порядке, но вот «бывшие» не могут смириться со своим поражением и всячески вредят советскому народу, стро-

⁹⁸ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 800–801; Мозохин О. ВЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М. : Яуза, Эксмо, 2004. С. 323–324.

ящему «светлое будущее». Конечно же, проблемы решены не были, но население страны было «убеждено», что органы не дремлют – «враги» разоблачены и понесли заслуженное наказание.

Вне всякого сомнения, зная сегодня о формах и методах следствия в те годы, можно предполагать, что список «врагов» не ограничился названным числом арестованных. В ходе следствия назывались фамилии родственников, знакомых, бывших сослуживцев, коллег, которые оставались сотрудниками ОГПУ «про запас» для будущих дел. Хотя арестованные называли их с одной целью – собственного оправдания и подтверждения своей невиновности.

Начавшаяся в стране коллективизация, проводимая с применением насильственных методов, вела к многочисленным нарушениям законности. Все это на фоне инициированных самим же руководством страны разговоров о возможной интервенции против СССР, проведении ряда процессов по вредительству в народном хозяйстве обостряло социально-политическую ситуацию. В этих условиях осенью 1930 г. органами ОГПУ была начата реализация оперативной разработки «Весна», в ходе которой были арестованы около 3 500 командиров Красной Армии, преимущественно из числа бывших офицеров и генералов. Также учитывалась их бывшая социальная и партийная принадлежность⁹⁹.

Согласно материалам следствия ядро контрреволюционной организации находилось в Украине (Киев, Харьков), но аресты затронули и ряд регионов центральной части России. По мере увеличения числа арестов росло и число «соучастников», об этом, например, сообщал Сталину В.А. Балицкий¹⁰⁰ в телеграмме о «заговоре военных»: в ходе ликвидации Харьковского «филиала» были арестованы ряд лиц из числа командного состава инженерных войск, которые сознались в совершении преступлений контрреволюционного характера и «указывают на ряд военных и гражданских лиц»¹⁰¹. Связи от харьковчан тянулись и в Москву.

⁹⁹ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 805; Наумов Л.А. Борьба в руководстве НКВД в 1936–1938 гг. («Опричный двор Иосифа Грозного»). М., 2006. С. 73; Ильинский М. Нарком Ягода. С. 420.

¹⁰⁰ Балицкий Всеволод Аполлонович, 1892 г.р., ур. г. Верхнеднепровска Екатеринославской губ., украинец (в анкете в 1922 г. указал «русский»). Член РСДРП(м) в 1913–1915 гг., в партии большевиков с 1915 г. Образование незаконченное высшее. В органах ВЧК с 1919 г., службу проходил в Украине, дослужившись до должности наркома внутренних дел УССР, в мае 1937 г. назначен начальником УНКВД по Дальневосточному краю. Комиссар госбезопасности 1-го ранга. Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени УССР, Красной Звезды, двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ», знаком «Почетный работник РКМ». Арестован в июле 1937 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

¹⁰¹ Телеграмма Полпреда ОГПУ СССР по УССР Балицкого Сталину от 15 февраля 1931 г. о «заговоре военных». См.: Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД... С. 262.

В ходе следствия по делу «Весна» от военспецов Н. Какурина и И. Троицкого были получены компрометирующие материалы на будущего маршала СССР М. Тухачевского. Сталин организовал очную ставку Тухачевского с ними, провел ряд встреч и бесед с представителями высшего командования Красной армии, по результатам которых оправдал Тухачевского. Но в 1937 г. он вспомнил об этом случае и «признал» правоту «доносчиков», что сыграло важную роль в судьбе опального маршала. См.: Ильинский М. Указ. соч. С. 456; Зданович А.А. Указ. соч.

Операция «Весна» не вышла за пределы вышеназванных территорий, т.е. не была распространена по стране. Возможно по причине того, что инициатором дела можно считать ПП ОГПУ СССР по УССР. Несмотря на проведенные многотысячные аресты «участников» организации, эта операция не была «озвучена» должным образом наряду с другими процессами тех лет. Она была рядовой даже для сотрудников органов госбезопасности – органы ОГПУ «вскрыли на Украине националистическую организацию «Украинский националистический центр», «Украинскую военную организацию» и ряд других»¹⁰². Так описана эта операция в учебном пособии для сотрудников органов госбезопасности СССР.

Операция «Весна», введенная в научный оборот украинским историком Я. Тинченко¹⁰³, исследователями оценивается по-разному. Одни считают её прямой фальсификацией со стороны органов ОГПУ, другие занимают половинчатую позицию («что-то все-таки было»), выражая сомнения по целому ряду вопросов. Более объективной полагаю возможным считать позицию А. Здановича¹⁰⁴, который в гл. 3 своей монографии бывшим офицерам как объекту оперативного воздействия органов ОГПУ посвятил отдельный параграф. Он отмечал, что анализ архивных документов, хранящихся в ФСБ России, показывает, что у чекистов были все основания для разработки отдельных бывших офицеров и контроля их поведения и деятельности, так как существовала реальная угроза, что они могли захватить командные высоты в армии и на флоте, организовать проведение мероприятий по развалу военного аппарата и подрыву боеготовности вооруженных сил страны.

У сотрудников ВЧК–ГПУ из опыта Гражданской войны была твердая уверенность, что «бывшие» в какой-то момент все-таки перейдут к активным действиям против советской власти. По этой причине бывшие офицеры рассматривались как потенциальные противники. Приказ ГПУ № 7 от 10 марта 1922 г. «О текущем моменте и задачах органов ГПУ по борьбе с контрреволюцией» отмечал выявление намерений эмигрантских кругов по сплочению и завоеванию военспецов в Красной армии для подрывной деятельности. В приказе отмечалось, что много опасений внушают штабы и флот, где главным образом сосредоточено кадровое офицерство. Но уже в сентябре 1922 г. издается еще один приказ по наблюдению за комсоставом. Пункт 26 Инструкции, утвержденной этим приказом, определял задачу Особых отделов не только в выяв-

¹⁰² История советских органов государственной безопасности. Макет учебного пособия. Научно-издательский отдел ВШ КГБ при СМ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. М., 1967. С. 238. И.Я. Трифонов отмечал, что в начале 1930 г. был организован процесс над контрреволюционной организацией «Союз освобождения Украины» во главе с академиком Ефремовым, профессором Гермайзе и др. В актив организации входили 46 офицеров царской армии, 22 денкинских офицера, 17 жандармов, 214 петлюровцев. См.: Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М., 1960. С. 162–163. Академик А.Н. Яковлев произвольно, без ссылок на какие-либо документальные источники, расширил границы проведения операции до Новосибирска, назвав при этом число «уничтоженных» по делу офицеров – «свыше десяти тысяч». См.: Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2005. С. 204. Полагаю это прямой фальсификацией в угоду каких-то политических целей.

¹⁰³ См.: Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства. 1930–1931 годы. М., 2000.

¹⁰⁴ См.: Зданович А.А. Органы госбезопасности и Красная армия...

лении персональных преступников, но и в общем наблюдении за возникающими группировками лиц комсостава, могущими при случае причинить вред Красной армии.

В этих условиях контрразведывательным отделом ОГПУ в 1924 г. и было заведено дело «Военные круги», позднее переименованное в «Генштабисты». Дело было агентурно-наблюдательным и не предполагало каких-либо активных оперативных мероприятий. Главная задача была определена по сбору информации о «бывших», их отношении к происходящим в стране событиям, контролю за возможным формированием группировок из их числа и т.п. О проведении какой-либо специальной операции против бывших офицеров речь не велась¹⁰⁵.

Следует отметить, что с 1922 г. Особые отделы были обязаны в воинских частях и подразделениях в соответствии с приказом ВЧК № 85 от 23 февраля 1922 г. (Инструкция по госинформированию) уделять особое внимание освещению настроений всех групп населения и факторов, влияющих на изменения этих настроений, в частности по мероприятиям советской власти. А согласно Инструкции ОГПУ от марта 1924 г. при определении политико-морального состояния подразделений требовалось конкретное освещение вопросов наличия членов антисоветских партий, бывших белых и т.п., их деятельности и влияния на массы. Что касается группирований бывшего и белого офицерства, то необходимо было освещать формы их и сущность деятельности, национальные шовинистические устремления, развитие национальной самостоятельности и некоторые другие аспекты. В 1925 г. органы военной контрразведки получили конкретные указания о разработке отдельных категорий командного состава, к каковым были отнесены:

а) классово чуждый элемент, т.е. бывшие дворяне, помещики, фабриканты, купцы, люди свободных профессий, служители культа и т.п.;

б) бывшие кадровые офицеры царской армии;

в) бывшие белые офицеры и военные чиновники, служившие в белой армии или проживавшие на территории, занятой белыми;

г) военнослужащие иностранного происхождения, в частности из Румынии, Польши, Эстонии, Латвии и других государств;

д) бывшие члены антисоветских партий и группировок (эсеры, меньшевики, укаписты, сионисты, анархисты и т.п.);

е) лица, имевшие судимость;

ж) скомпрометировавшие себя в контрреволюционном шпионаже, должностных преступлениях, участии в группировках, систематическом пьянстве и т.п. поведении, разлагающем армию¹⁰⁶.

Особенность работы Особых отделов в данном направлении заключалась в том, что перед ними была поставлена задача не **выявления** лиц по данному перечню, а именно **разработка**, что предполагало целый комплекс оперативных мероприятий, в том числе с привлечением оперативных источников. Разработка же одной из первых

¹⁰⁵ Зданович А. А. Органы госбезопасности... С. 376–380.

¹⁰⁶ Там же. С. 273–275; Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 805.

задач требовала установления круга лиц, с которыми объект интереса общался. При этом автоматически расширялся список лиц – связей объекта, в данном случае из числа командиров и сослуживцев. А это, в свою очередь, грозило уже им неприятностями в обозримом будущем по причине поддержания связи или контактов с лицом (лицами), скомпрометировавшим себя, т.е. они попадали в круг потенциальных врагов.

В 1926 г. от оперативных источников стала поступать информация, что многие бывшие офицеры в условиях обострения международной обстановки достаточно четко определяют свою позицию по отношению к советской власти. Они полагали, что в случае развязывания войны крах советской власти неизбежен, иным вариантом, по их мнению, было начало новой гражданской войны. Следует отметить, что на 109 фигурантов дела «Генштабисты» приходилось более 30 секретных сотрудников ОГПУ, преимущественно из числа «бывших».

Возможно, именно по этой причине руководство страны в 1929–1930 гг. организовало «чистку» командного состава Красной армии. Её задачи и процедуры были определены в середине 1928 г. в директиве РВС СССР № 065652/СС. Изъятию из армии подлежали социально чуждые и классово враждебные элементы. Уже в январе 1929 г. из армии были уволены 4 029 чел. В ходе основного этапа чистки в 1930 г. только за первые шесть месяцев были уволены 5 703 чел. Общее число уволенных, преимущественно из числа «бывших», составило 16 695 военнослужащих. Органами ОГПУ вскрыты и ликвидированы 594 контрреволюционные организации и группировки, подвергнуты аресту 2 603 чел. Об истинном характере и деятельности упомянутых выше организаций и группировок остается лишь высказывать предположения, так как только конкретный разбор дел по каждой из них может внести окончательную ясность. К концу 1933 г. число «изъятых» из армии составило 36 938 чел.¹⁰⁷

К началу 1930 г. органы ОГПУ располагали обширной информацией о возможности развязывания польско-советской войны, к чему Польшу активно подталкивала Англия, выделяя значительные средства. Кроме того, была получена информация о возможной подготовке восстания на Украине. Так, участникам созданной чекистами мнимой антисоветской организации польская сторона передала полтора пуда пироксилина и партию револьверов. В это же время со складов одного из стрелковых полков было похищено 327 винтовок и 3 пулемета; это не могло не настораживать власть и органы ОГПУ. В этих условиях и была начата активная агентурная разработка «Весна».

Активизации работы способствовал и приказ ОГПУ № 251/119 от 9 августа 1930 г., в котором указывалось, что «за последнее время контрреволюционный элемент всех направлений и оттенков уделяет все больше внимания вопросам контрреволюционной работы в Красной армии. Особо необходимо отметить работу ряда кулацких белогвардейских и бандитско-повстанческих... организаций».

¹⁰⁷ Зданович А.А. Указ. соч. С. 313; Воронцов С.А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность. Ростов н/Д, 1999. С. 184.

Председатель ОГПУ В. Менжинский проинформировал по существу полученных материалов Сталина: посчитал «необходимым представить Вам сообщение о ...организации, открытой Украинским ГПУ, представляющей **выдающийся интерес** (выделено мною. – В.У.)». После такого доклада путей отступления у руководства ОГПУ уже не было, и 6 ноября 1930 г. было дано указание о ликвидации всех разрабатываемых по делу путем арестов. Все полпредства ОГПУ получили указание о разворачивании самой активной и углубленной агентурной и следственной проработки связей фигурантов дела.

Все это привело к тому, что уже с февраля 1931 г. «Весна» представлялась как «Всесоюзная военно-офицерская контрреволюционная организация»¹⁰⁸. Следствие по делу продолжалось до 1934 г. Не все сотрудники ОГПУ верили в его объективность, признавая аресты необоснованными. Более того, в ходе инспекционной проверки на Украине сотрудниками ОГПУ было установлено, что отдельные объекты дела действительно настроены негативно по отношению к советской власти, высказывали различного рода критические замечания об отдельных решениях партии и правительства, но организационно связаны не были. В ходе развернувшейся борьбы группировок в органах ОГПУ многие сотрудники (по инициативе Сталина) были смещены со своих постов. Так, например, начальник Особого отдела ОГПУ Я.К. Ольский как лицо, усомнившееся в необходимости проведения жесткой репрессивной политики, в первую очередь в отношении «бывших» офицеров, в июле 1931 г. был освобожден от занимаемой должности и назначен председателем объединения Нарпита г. Москвы. В мае 1937 г. был арестован, вины своей не признал, и в ноябре 1937 г. расстрелян¹⁰⁹. Были также отстранены от должностей начальник СОУ Е. Евдокимов, заместитель председателя ОГПУ С. Мессинг, полпред ОГПУ по Московской области Л. Вельский, на периферию направлены почти все начальники отделений Особого отдела.

Решение о смещении с занимаемых должностей было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 25 июля 1931 г. по инициативе Сталина. Уже 10 августа на места – секретарям ЦК, крайкомов и областных комитетов ВКП(б) – было направлено циркулярное письмо Политбюро, в котором отмечалось, что эти сотрудники проводили групповую борьбу против руководства ОГПУ, распространяли не соответствующие действительности слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым».

Этим решением Сталин и его окружение сделали выбор в пользу Г. Ягоды и его сторонников как наиболее управляемых и послушных «воле партии». Фальсификации уголовных дел и будущим репрессиям был дан «зеленый свет». В ходе перестановок начальником Особого отдела ОГПУ вместо Я. Ольского был назначен главный вдохновитель операции «Весна» И. Леплевский¹¹⁰, а глава ОГПУ Украины В. Балицкий был утвержден заместителем начальника ОГПУ.

¹⁰⁸ Зданович А.А. Указ. соч. С. 137, 390.

¹⁰⁹ Ильинский М. Указ. соч. С. 805–806.

¹¹⁰ Леплевский Израиль Моисеевич, 1896 г.р., ур. г. Брест-Литовска, из семьи резчика на табачной фабрике, еврей, член БУНДА в 1910–1914 гг., в партии большевиков с 1917 г., образование: самообразова-

Многие из арестованных по делу «Весна» были осуждены Коллегией ОГПУ и «тройкой» ГПУ УССР к исправительно-трудовым работам на срок от 3 до 10 лет либо к ссылке. Но уже в конце 1931 г. и в течение нескольких последующих лет большинство из них были освобождены из заключения и даже возвращены на службу в РККА. Однако часть офицеров и генералов были расстреляны (например, 31 чел. из числа бывших военнослужащих белых и националистических армий, арестованных в Москве в 1930–1931 гг.¹¹¹).

При такой позиции государства офицеры, где бы они ни проживали, постоянно подвергались угрозе ареста. Так, например, 31 марта 1930 г. помощником уполномоченного контрразведывательного отдела Воронковым было подготовлено обвинительное заключение на группу бывших белых офицеров (всего 18 чел.) – участников контрреволюционной офицерской организации в Томске¹¹². С обвинительным заключением согласились начальник КРО Грушецкий и ВРИД окружного прокурора Стариков, а утвердил его начальник окружного отдела ОГПУ Мальцев¹¹³.

Из этого документа следовало, что еще с 1925 г. в Томске стали организационно оформляться в контрреволюционную организацию бывшие офицеры белых армий, работавшие в различных учреждениях города. Участники организации регулярно встречались на квартирах друг у друга, вели антисоветские разговоры и вынашивали планы свержения советской власти. Позднее в организацию были вовлечены несколько бывших офицеров из числа жителей г. Мариинска. Все члены организации вели активную антисоветскую агитацию среди населения, особенно в крестьянской среде. В ходе следствия виновным себя признал только один, но лишь в том, что зная о действиях своего родственника, никуда не сообщал. Наличие организации следствием доказано не было, хотя в заключительной части обвинения речь об этом шла как о факте установленном. Таким образом, участники организации обвинялись по ст. 58-10-11 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда» и «организационная деятельность»).

ние. В органах ВЧК–НКВД с 1918 г., службу проходил в Екатеринославской и Подольской губЧК(отделе), в Одесском окротделе, в ГПУ–ОГПУ Украины, заместитель, начальник Особого отдела ОГПУ, полпред ОГПУ, начальник УНКВД по Саратовскому краю, нарком НКВД Белоруссии, вновь начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР, нарком НКВД Украины, служба в центральном аппарате НКВД СССР. Комиссар госбезопасности 2-го ранга. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени (дважды), Красной Звезды, медалью «XX лет РККА», двумя знаками «Почетный работник ВЧК – ГПУ». Арестован в 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

¹¹¹ Зданович А. Указ. соч. С. 213–214, 397.

¹¹² Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3843. С. 78–85.

¹¹³ Мальцев Иван Александрович, 1898 г.р., ур. завода Билимбай Екатеринбургской губ. Член РСДРП(б) с октября 1917 г. С 1920 г. – в органах ВЧК, комиссар отдельного батальона, охранявшего границу с Монголией и ДВР. С осени 1921 г. работал в ЧК–ОГПУ городов Шадринска и Нижнего Тагила. С 1925 г. – начальник Челябинского, а с 1928 – Пермского окружных отделов ОГПУ. С 19 января 1929 г. – начальник Томского окружного отдела ОГПУ, с 1930 г. вновь на Урале. В 1934 г. – помощник полпреда ОГПУ Куйбышевского края. С апреля 1935 г. – заместитель начальника УНКВД Киргизии. В 1936 г. – начальник УНКВД Адыгейской АО. В 1937 г. – помощник, заместитель начальника УНКВД Западно-Сибирского края, с мая 1938 – начальник УНКВД по Новосибирской области. В январе 1939 г. арестован за нарушение социалистической законности и в мае 1940 г. осужден на 8 лет лагерей. В сентябре 1940 г. умер в тюрьме.

В соответствии с приказом ОГПУ № 172 – 1924 г. дело предлагалось направить в Особую тройку при ПП ОГПУ по Сибкраю для внимательного рассмотрения и вынесения приговора, согласовав предварительно с томским окрпрокурором. Как мы уже отметили выше, согласование прокурора было получено.

Однако в КРО ПП ОГПУ по Сибкраю согласились с этими выводами только частично: постановлением от 7 мая 1930 г. были привлечены к уголовной ответственности лишь семеро «участников» организации – П.И. и А.С. Баховы, Ф.В. Долгоруков, П.Н. Долингер, С.М. Сапожников, А.П. Абрамов-Шабалин и Ф.В. Макаров-Тонский (все получили сроки наказания 5–10 лет концлагерей). Еще по 11 членам организации было предложено Томскому окружному отделу ОГПУ провести следствие¹¹⁴. Видимо, никакого следствия проведено не было, так как все они были освобождены, но в 1933 г. семеро из них были вновь арестованы по делу «Белогвардейский заговор»¹¹⁵.

Анализ материалов однозначно может свидетельствовать, что названная организация – плод воображения сотрудников Томского окружного отдела ОГПУ, имевших среди бывших офицеров собственную агентуру, на материалах которой дело и было сфабриковано¹¹⁶. Действительно, офицеры собирались, вспоминали, обсуждали, о чем-то мечтали, но практических шагов по созданию контрреволюционной организации не предпринимали. Подобные сборы были делом естественным – ведь они были людьми одного воинского братства, представителями одной профессии, одной социальной группы. А вспоминали и обсуждали они то, что им было близким и дорогим, что у них было отнято революцией и большевиками, что кардинальным образом изменило всю их жизнь. Так, Ф.В. Долгоруков неоднократно говорил при встречах, что «раньше они жили лучше», а братья Зильбербарта жаловались: «Нас разорили, ничего у нас нет, раньше жилось лучше и скоро ли настанет конец всем этим мучениям»¹¹⁷.

¹¹⁴ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3843. С. 85–87.

¹¹⁵ В январе 1933 г. ПП ОГПУ по Запсибкраю была «раскрыта» контрреволюционная белогвардейская организация, готовившая вооруженное восстание с целью свержения советской власти. Следствием было «установлено» наличие 238 ячеек этой организации с числом участников 2 114 чел. в 194 населенных пунктах 44 районов края. Социальную базу «Белогвардейского заговора» составляли почти 10 000 бывших белых офицеров, проживавших в Сибири. Репрессиям были подвергнуты 1 759 чел. В ходе пересмотра материалов дела установлено, что большинство участников организации осуждены необоснованно, материалы были фальсифицированы. См.: Боль людская... Т. 1. С. 61.

¹¹⁶ В марте – апреле 1930 г. сотрудниками Томского оперсектора ОГПУ были привлечены к уголовной ответственности по ст. 58-10-11 УК РСФСР 203 участника контрреволюционной повстанческой организации, якобы существовавшей на территории бывших Зачулымского, Ново-Кусковского и Зырянского районов (территория нынешней Томской области). К высшей мере наказания приговорены 186 участников так называемого «Зачулымского дела» (агентурное дело «Русь»), расстреляны в июне 1930 г. Материалы дела были сфальсифицированы сотрудниками Томского оперсектора ОГПУ. За фальсификацию материалов был приговорен к высшей мере наказания начальник КРО Томского окружного отдела Б.Д. Грушецкий, подписавший обвинительное заключение и по офицерской организации. Возможно, что по этой причине и не было организовано следствия по материалам дела «контрреволюционной организации бывших белых офицеров» (См.: Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 38, 59).

¹¹⁷ Из обвинительного заключения по делу томской офицерской организации. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3843. Л. 79.

Определенное подтверждение фальсификации материалов дела можно обнаружить в показаниях ряда членов томского филиала «Белогвардейского заговора». Так, например, Ф.В. Долгоруков на одном из допросов показал: «В 1930 г. часть контрреволюционной организации [в Томске] в числе 7 человек была разгромлена и осуждена на различные сроки наказания концлагерей... Несмотря на заключение в концлагерь на различные сроки (перечисление 7 фамилий. – В.У.), мы считали, что в основном к-р организация не раскрыта, людской её состав в большинстве остался на свободе...»¹¹⁸.

Другой участник «заговора» – Ф.В. Макаров-Тонский¹¹⁹ – в своем обращении к Прокурору СССР писал, что впервые был арестован по делу группы бывших белых офицеров в 1930 г., назвав несколько раз провокатором М.Н. Пепеляева¹²⁰ (подробное содержание письма приведу ниже). Так, в обвинительном заключении по делу Томского филиала «заговора» приведена выдержка из показаний М. Пепеляева: «После произведенных частично арестов **приблизительно в декабре 1929 г.** (выделено мною. – В.У.) [далее идет перечисление 10 фамилий «и др.»] я вместе с другими высказывал опасение о раскрытии нашей к-р организации... По ходу следствия оказалось, что... организация не раскрыта, следственные органы располагают лишь данными о к-р агитации отдельных членов организации, ставших известными в результате неосторожного поведения некоторых лиц из состава нашей организации.

Таким образом, повода даже после вынесения приговора ОГПУ по делу арестованных членов нашей организации к прекращению контрреволюционной деятельности я не видел...»¹²¹.

На мой взгляд, в этих показаниях много странного. Во-первых, было арестовано 18 чел., а Долгоруков ведет речь о семи членах организации («в числе 7 человек была разгромлена»), но это было осуждено 7 чел., причем уже позднее. Во-вторых, забыть арест сложно, это сильное морально-психологическое потрясение, а Пепеляев «забыл». В-третьих, сколько же человек было арестовано, ведь многие из участников организации вообще не были привлечены к ответственности. В-четвертых, подпольная организация из профессионалов, часть членов которой уже арестовывалась ранее (например, П.Н. Долингер), – и вдруг «неосторожное поведение». В-пятых, все члены организации такие смелые, что даже арест целой группы «соучастников» никого не испугал и они продолжили свою подрывную деятельность.

Сложно во все это поверить. Можно найти еще несколько аргументов, но необходимости в этом нет. Судя по показаниям М. Пепеляева, можно предположить, что он действительно мог быть секретным сотрудником ОГПУ (в деле «Белогвардейский

¹¹⁸ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3441. Л. 5.

¹¹⁹ Макаров-Тонский Федор Васильевич, 1901 г.р., ур. г. Барнаула, проживал в г. Томске, инструктор физкультуры в трудколонию. Арестован в 1933 г. Осужден на 5 лет концлагерей. Реабилитирован в июле 1959 г. См.: Боль людская... Т. 2. С. 215.

¹²⁰ Пепеляев Михаил Николаевич, 1892 г.р., ур. и житель г. Томска, русский, из дворян, бывший штабс-ротмистр колчаковской армии, художник Дома Красной армии. Арестован в 1930 г. Осужден к ВМН – расстрелу с последующей заменой на 10 лет концлагерей. См.: Боль людская... Т. 2. С. 368.

¹²¹ См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3441. Л. 5–6.

заговор» их окажется много больше. – В.У.) и это с его «подачи» либо при его участии создали, а затем ликвидировали офицерскую организацию.

С другой стороны, в 1933 г. в Западной Сибири была вскрыта контрреволюционная организация, получившая название «Белогвардейский заговор», насчитывавшая в своих рядах несколько сот бывших белых офицеров. И в этой организации одним из главных «героев» вновь оказался М.Н. Пепеляев.

Невольно возникает вопрос: если следствие по делу «Весна» длилось до 1934 г., то не является ли дело «Белогвардейский заговор» одним из звеньев цепи, умышленным или неумышленным продолжением названной операции? Впервые об этом деле я рассказал в 1991 г. в одной из документальных вставок при составлении именного списка репрессированных жителей Томской области «Боль людская». Более подробно это дело было описано в монографии «Репрессии. Как это было...» (Томск, 1995). И вот очередное обращение к этому делу. В процессе работы с материалами дела возникла мысль, что «родилось» оно без каких-либо указаний из Москвы, по личной инициативе местного чекистского руководства, которому, возможно, хотелось отчитаться «серьезными» достижениями и успехами в борьбе с контрреволюцией. С учетом того, что во многих регионах страны вскрывались и ликвидировались многочисленные контрреволюционные и вредительские организации, Западная Сибирь, где проживало большое число потенциальных врагов, ничем не могла выделиться. По этой причине и были предприняты практические шаги по организации «крупных» дел (например, о вредительстве в сельхозорганах края). Другим массовым делом стало дело против всякого рода «бывших», в первую очередь офицеров, тысячи которых осели на жительство в регионе после освобождения Сибири от колчаковщины. Учитывая наличие отлаженной системы оперативных учетов, когда любое передвижение бывших офицеров (переход на новое место работы, переезд в другой населенный пункт, просто изменение места жительства и т.п.) строго фиксировалось для последующего информирования органов ВЧК–ОГПУ–НКВД, найти их было нетрудно. Следует учитывать, что бывшие офицеры часто поддерживали отношения между собой. Любые неформальные контакты постоянно отслеживались чекистскими органами, к чему их обязывали многочисленные инструкции и приказы. Деятельность этих «кружков по интересам» контролировалась многочисленной агентурой, завербованной из их же рядов.

Вне всякого сомнения, изменение социального статуса бывших офицеров, утрата привилегированного положения в обществе, перенесенные унижения в первые годы советской власти, подконтрольность в обществе, ограничения и сложное материальное положение были поводом для разговоров и дискуссий о ситуации в стране, сетований на незавидную участь, обвинений в адрес большевиков и советской власти. Все это с учетом наличия возможных прожектов – «а вот если бы» – могло однозначно рассматриваться компетентными органами как антисоветская агитация и организационная деятельность, направленная на свержение советской власти и реставрацию старых порядков. Несколько умело и тенденциозно подобранных оперативных сводок, «аналитических» справок, протоколов допросов (значения не имело, по каким

делам, ведь учитывалось все) позволяли легко «создать» организацию с контрреволюционными целями и планами.

Такой организацией и стал «Белогвардейский заговор», который стараниями сотрудников ПП ОГПУ по ЗСК разросся в «спрута» с многочисленными филиалами, боевыми и отраслевыми ячейками, разбросанными по всей территории Западной Сибири, с выходами на Урал, Дальний Восток и в Восточно-Сибирский край. С раскрытием такого контрреволюционного «монстра» можно было рассчитывать на доброе отношение центрального руководства, награды и повышения по службе.

Зарождение организации, как показали материалы следствия, относилось к 1926 г. В своем развитии организация, по мнению основных фигурантов дела, прошла три этапа. Первый этап относился к 1926–1928 гг., когда еще были надежды на пере рождение советской системы (сказывался нэп), шла консолидация сил. Второй этап – 1928–1929 гг. – характеризовался окончательным сплочением и организационным оформлением организации, конкретной вредительской деятельностью в разных областях народного хозяйства. С 1931 г. – начало третьего этапа – ведется конкретная работа по подготовке вооруженного восстания с целью свержения советской власти. Восстание планировалось приурочить к началу интервенции Японии против СССР¹²². С конца 1920-х гг. в стране активно муссировалась информация о возможной войне Советского Союза с какими-либо внешними врагами, о чем, в частности, писали все советские газеты, в том числе местные, которые были обязаны перепечатывать на своих страницах официальные материалы из центральных изданий.

Следуя логике следственных материалов, деятельность организации возглавлялась краевым руководящим центром из Новосибирска. Политическим руководителем и идейным вдохновителем был объявлен бывший верховный главнокомандующий войсками Уфимской директории генерал-лейтенант В.Г. Болдырев¹²³. В состав центра вошли про-

¹²² Из показаний Краснова, Шаврова, Болдырева, лично допрошенного полпредом ОГПУ по ЗСК Алексеевым Митропольского и др. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 193–199.

¹²³ Болдырев Василий Георгиевич, 1875 г.р., ур. г. Сызрани Симбирской губ., из крестьян. В 1903 г. окончил Академию Генерального штаба, участник русско-японской войны. В 1911–1914 гг. преподавал в академии, профессор. С началом Первой мировой войны – начальник штаба дивизии, командующий 5-й армией на Западном фронте. В 1917 г. арестован и предан суду Ревтрибунала за несогласие с действиями большевистского командования по установлению перемирия и подготовке Брестского мира. Приговор – три года тюрьмы, но по медицинскому освидетельствованию освобожден в марте 1918 г. После освобождения уехал в Западную Сибирь, примкнул к группировкам, образовавшим Уфимскую директорию, исполняя полтора месяца обязанности командующего ее войсками. После свержения директории Колчаком был выслан в Японию, где находился до января 1920 г. По возвращении в Россию участвовал в работе действовавших во Владивостоке правительств.

В ноябре 1922 г. В.Г. Болдырев был арестован Приморским отделом ГПУ и направлен в Новониколаевск для завершения следствия и суда. Но «грехов» Болдырева для его осуждения оказалось недостаточно, и в июне 1923 г. дело было прекращено. Несмотря на то, что он не был осужден, было принято решение об его освобождении и амнистировании, что и было сделано; в августе 1923 г. освобожден, а в 1926 г. полностью амнистирован. До ареста в 1933 г. Болдырев проживал в Новосибирске, работал научным консультантом в краевых органах, занимался научными исследованиями, сотрудничал с редакцией «Сибирской советской энциклопедии», писал статьи и книги. Расстрелян. Реабилитирован посмертно. См.: Папков С.А. «Белогвардей-

живавшие в Новосибирске Х.Е. Бутенко – бывший полковник, на момент ареста коммерческий директор «Лесоснабсбыта», Н.П. Шавров – бывший бригадный врач, профессор и заведующий кафедрой Института потребительской кооперации и одновременно директор Химико-фармацевтического института, Г.А. Краснов – бывший товарищ министра финансов правительства Колчака и управляющий ведомством Госконтроля при этом правительстве, заведующий сектором крайплана, Г.И. Черемных – бывший видный земский работник, преподаватель и сотрудник редакции «Сибирской советской энциклопедии», И.А. Лаксберг – бывший капитан колчаковской армии, ученый-лесовод организации «Сиблесхим»¹²⁴.

Основными руководителями повстанческой и диверсионной деятельности являлись 14 бывших, преимущественно старших, офицеров и бывший министр туземных дел Сибирского областного правительства М.Б. Шатилов¹²⁵, на момент ареста работавший директором краеведческого музея в Томске¹²⁶.

Организация объединяла десять других «контрреволюционных» групп Алтая, Новосибирска, Томска, Омска и других городов и населенных пунктов Западной и части Восточной Сибири. Влияние организации было распространено на 194 населенных пункта в 44 районах края. Следствие установило 238 боевых ячеек и 2 114 участников (по материалам дела прошли 2 096 чел.) (см. схему)¹²⁷. Обвинительное заключение по делу насчитывало 228 страниц текста и было предъявлено 225 лицам, преимущественно руководящему составу организации разного уровня. Учитывая размах «вражеской» подрывной работы, следствие по делу вели десятки следователей, но подписали его только заместитель начальника Особого отдела ПП ОГПУ по ЗСК Роллер и начальник Секретно-политического отдела ПП ОГПУ Ильин.

ский заговор» в Западно-Сибирском крае в начале 1930-х годов («Дело генерала Болдырева») // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. С. 379–383.

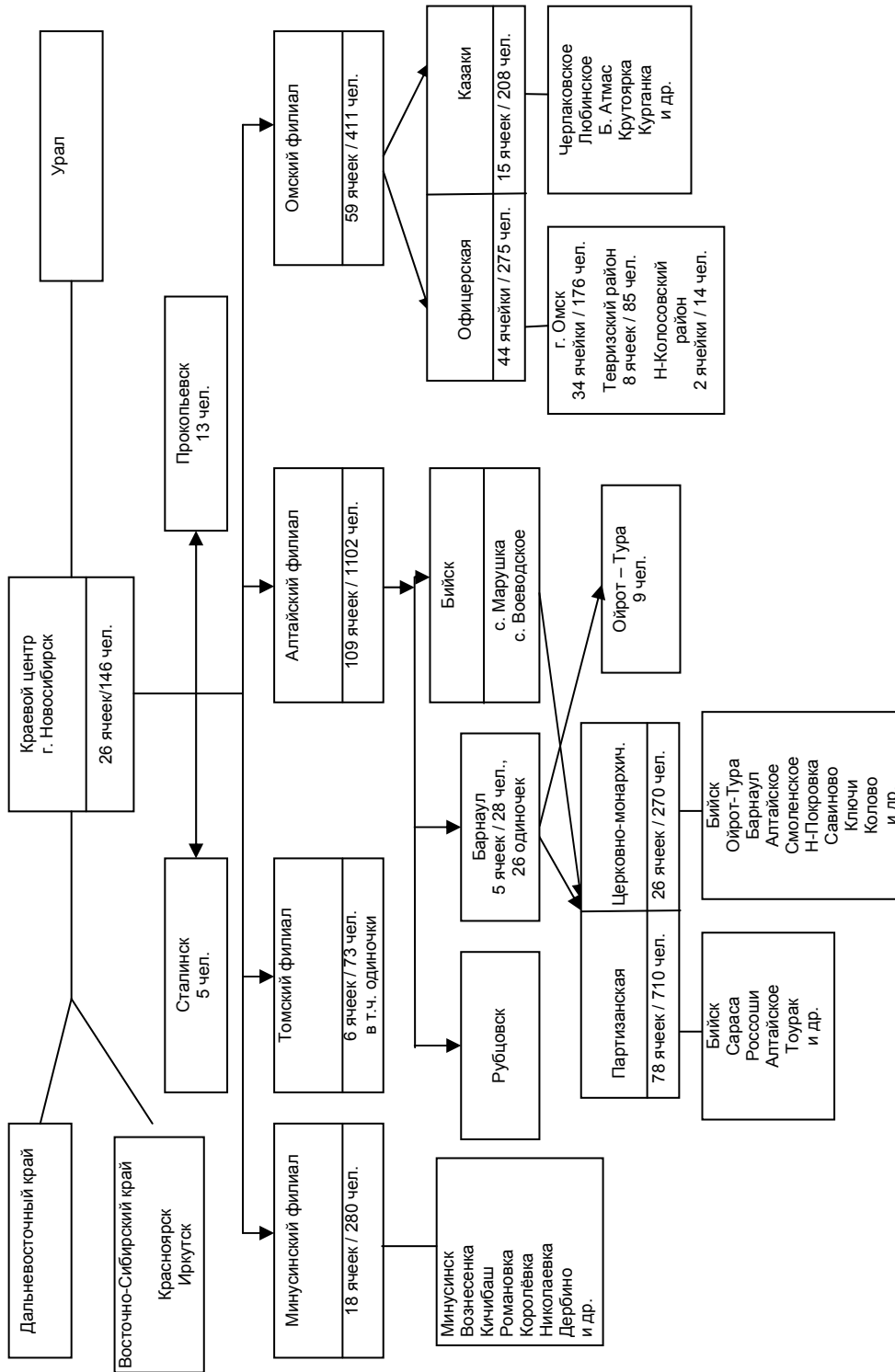
¹²⁴ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 190–191; Папков С.А. Указ. соч. С. 383.

¹²⁵ Шатилов Михаил Бонифатьевич (Банифатьевич), 1882 г.р., ур. с. Смоленское Бийского округа Алтайской губ., проживал в г. Томске по пер. Нечевскому, 22-2, директор Томского краеведческого музея. При царизме неоднократно подвергался арестам. После Февральской революции вступил в партию эсеров, начал заниматься политической деятельностью. В архиве Дальнего Востока имеется запись, что в августе 1917 г. он был председателем Томского губисполкома. После падения советской власти в Сибири в июне 1918 г. вошел в состав Временного Сибирского правительства в качестве министра туземных дел. Был арестован и подал в отставку. После восстановления советской власти от политической деятельности отошел и начал работать в Томском университете. Неоднократно арестовывался органами ВЧК–ОГПУ (1920, 1921, 1931 гг.). Последний раз был арестован в 1933 г. Осужден на 10 лет ИТЛ. Отбывал наказание в Соловецкой тюрьме. 25 ноября «тройкой» УНКВД по Ленинградской области осужден к ВМН. Расстрелян 8 декабря 1937 г. См.: Ленинградский мартиролог. 1937–1938 гг. Т. 4: 1937. СПб., 1999. С. 528–529. Реабилитирован в июле 1955 г. Если судить по обвинительному заключению, то он был одним из основных организаторов «Белогвардейского заговора», но его фамилия в этом заключении упоминалась всего дважды – как руководителя краевой организации и члена Томской группы. См.: Славнин В. Томск сокровенный. Томск, 1991. С. 61–69.

¹²⁶ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 191–192; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 174.

¹²⁷ Составлена автором по результатам изучения материалов архивно-следственных дел П-3441, П-3541. По этой причине некоторое несовпадение данных с заявленными по тексту, например в обвинительном заключении, следует отнести на счет следователей.

Структура «контрреволюционной» организации «Беловардейский заговор»

Ниже их подписи даны две справки, заверенные начальником 4-го отделения СПО Ягодкиным и тем же Ильиным: «По данному делу арестовано 1 759 человек. Представляется на рассмотрение Коллегии 225 активных участников краевой к-р белогвардейской повстанческой организации.

Осуждено уже Коллегией ОГПУ и тройкой ПП ОГПУ по ЗСК¹²⁸ 1 057 чел., из них: к ВМН – 219, к 10 годам лагеря – 92 (правильно 295. – В.У.), к 5 годам – 250, к 3 годам – 72, минус двенадцать – 92, условно – 64, ссылка – 14, прочие (освобожденные) – 51.

Дела на остальных арестованных в числе 477 чел. по данному делу рассматриваются тройкой ПП ОГПУ по ЗСК».

И вторая: «Материалы в отношении лиц, упоминаемых в обвинительном заключении и не привлеченных по данному делу, выделены в особое производство»¹²⁹.

Авторы обвинительного заключения утверждали, что существовала единая организация, в рамках которой действовали несколько линий: белогвардейская, антисоветски настроенная интеллигенция (бывшие офицеры, чиновники и участники антибольшевистского движения), партизанская (бывшие красные партизаны, недовольные политикой коллективизации и раскулачивания) и церковно-монархическая (священнослужители). Такое построение было характерным только для Алтайского «филиала» организации, но о каком-либо контакте и взаимодействии между этими линиями говорить не приходится, его не было. Более того, офицерское крыло боялось прямых контактов с бывшими партизанами и действовало через посредников. Все остальные «филиалы» имели свои особенности. Так, Новосибирская группа делала упор на бывших офицеров, преимущественно проживавших непосредственно в городе. Омский филиал объединял 59 контрреволюционных ячеек в 26 населенных пунктах ряда районов округа и Омска, число участников 411¹³⁰. Непосредственно в г. Омске было 30 ячеек численностью около (по другим данным – более) 100 чел. преимущественно из числа бывших офицеров. Остальные ячейки находились в Черлакском, Любинском (более 150 участников), Тевризском и Ново-Колосовском (до 100 чел.) районах бывшего Омского округа¹³¹.

Если судить по изложенным в материалах дела «фактам и аргументам», то именно Алтайский филиал должен был сыграть важнейшую роль в «заговоре». Во-первых, это самая массовая и организованная часть заговорщиков; во-вторых, три

¹²⁸ «Тройка» ПП ОГПУ по ЗСК была образована в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 апреля 1933 г. «О предоставлении права рассмотрения дел по повстанчеству в Западной Сибири «тройке» ПП ОГПУ по ЗСК. См.: Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. С. 426.

¹²⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 413.

¹³⁰ Там же. Л. 349.

¹³¹ Там же. Л. 362. Далее (см. Л. 364, 367) говорилось уже о 31 ячейке в Омске, 10 ячейках и 99 участниках в Тевризском и Н-Колосовском районах и о 15 и 208 соответственно в Черлакском и Любинском. Кроме того, упоминались еще три ячейки в Омске, по которым были арестованы еще 15 бывших офицеров. Если суммировать эти цифры, то получим 59 ячеек, но 483 участника и 371 арестованного. Исследовавший дело Омского филиала П. Брычков определил структуру организации из 52 ячеек и 408 участников (к уголовной ответственности без учета руководителей ячеек привлекли 352 чел.). См.: Забвению не подлежит... Т. 3. С. 32.

«ветви заговора» – это прямое подтверждение наличия недовольства широких слоев населения и действительно мощной социальной базы для возможного выступления против советской власти; в-третьих, партизанская «ветвь» имела наибольшую ценность для организаторов восстания, так как это были непосредственные представители народа, имевшие большой авторитет и прекрасно владевшие навыками боевых действий, что с учетом хорошего знания местных условий возможного театра военных действий, несомненно, имело важное значение в-четвертых, судя по структуре организации, именно на Алтае существовали отработанные связи между крупными населенными пунктами и соседними субъектами, например с Ойротией.

Однако более глубокий анализ ситуации в Алтайском филиале вызывает большие сомнения в объективности изложенного. Объединение бывших офицеров с красными партизанами можно отнести только к «оперативному мастерству» сотрудников ПП ОГПУ. Показания членов организации однозначно говорили о желательности, но почти невозможности такого союза. В соответствии с установками краевого центра алтайским офицерам было «рекомендовано осторожно нащупать связи среди бывших красных партизан и повести среди них специальную работу, но не самими б[ывшими] офицерами непосредственно, а через демократические элементы, причем главной задачей... являлась обработка б[ывших] партизан, разжигание их недовольства советской властью и наталкивание на путь активной борьбы через создание к-р организации...»¹³².

Далее следователи констатировали, что Алтайский филиал начал свою деятельность в этом направлении еще до получения установок из Новосибирска. Такая задача перед бывшим капитаном Папенфусом была поставлена руководителями Алтайского филиала еще в феврале 1931 г. Он, в частности, показал, что на него, согласно команде сверху, была «возложена обязанность по развертыванию работы в деревне и среди бывших красных партизан. Я против этого предложения не возражал...»¹³³. Руководящий центр, учитывая непопулярность среди бывших партизан белоофицерства, привлек для работы местных социалистов-революционеров. «Партизаны представляли для нас исключительный интерес как реальная боевая сила, имеющая опыт повстанческой борьбы, авторитет и широкие связи среди крестьянства. Однако... непосредственное развертывание работы в деревне и особенно среди партизан силами самих бывших белых офицеров было бы обречено на неудачу, т.к. партизаны органически не переносят белых еще по прошлой борьбе и не пошли бы за бывшим офицерством.

В связи с этим нами ставился вопрос о необходимости привлечения в организацию таких элементов, которые бы знали деревню и сумели подойти к крестьянству и бывшим партизанам. Такими элементами мы считали эсеров, и при вербовке в организацию вербовщикам давалась установка на привлечение эсеров и наиболее проверенных лиц из интеллигенции»¹³⁴. Так осветил роль эсеров в работе с партизанами член центра Л.И. Исаков.

¹³² См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 337–338.

¹³³ Там же. Л. 154.

¹³⁴ Там же. Л. 154–155.

Практическая деятельность эсеров среди партизан выразилась в создании двух повстанческих ячеек в селах Марушка и Воеводское Бийского района численностью 11 чел. Полагаю подобные аргументы провалом следователей, так как возникает вопрос: если партизан были сотни, то что собой представляли эти 11 и как эсеры справились с ролью посредников между «белыми» и «красными», пусть и бывшими?

Что касается церковно-монархической организации, то союз между офицерами и священнослужителями был вполне возможен. Только установлению этих контактов между офицерской и церковно-монархической организациями в обвинительном заключении отведено всего пять страниц показаний и комментариев, а самой организации – только 11 строк: «Центр церковно-монархической организации Алтай состоял из 7-ми человек: епископов: Прибыткова Никиты, Коккель Германа, Ливанова Ивана, благочинного Потанина Петра, протоиерея Шалаева Анисима, священника Воронина Федора и протодьякона Кикина Александра.

Членами центра в городе и по периферии вербовались священники, которым давались установки о формировании боевых повстанческих ячеек (полагаю, что роль священнослужителей должна была заключаться в другом, например в «идеологической» работе. – В.У.). В результате деятельности руководящего центра по вербовке в организацию было вовлечено почти полностью духовенство г. Бийска и часть сельского духовенства – в Бийском районе – 13, Алтайском – 5, Смоленском – 4, Троицком – 4 «попа», а также отдельные священнослужители в Солонешенском, Б-Истокском, Старо-Бардинском и Тогульском районах (6 человек). Контрреволюционная ячейка из 4 священников была создана в г. Барнауле. В Ойротской области членом центра священником Потаниным были завербованы 8 попов в г. Ойрот-Туре, Успенском, Майминском, Удалинском и Онгудайском аймаках¹³⁵.

Всего по церковно-монархической линии было создано 26 повстанческих ячеек с количеством участников в 270 человек (арестовано 218 человек)¹³⁶.

Интересно, что офицерские ячейки в целях конспирации формировались преимущественно по принципу «троек», а священнослужители – люди, менее искушенные в таких вопросах и находившиеся на виду у местного населения и представителей органов власти, – целыми «десятками».

«Партизанская» часть в обвинительном заключении была представлена на одной страничке двумя выдержками из показаний-признаний её руководителей о подготовке восстания, вербовке новых участников и разжигании у населения недовольства против советской власти. При этом отмечалось, что бывшие партизаны в количестве 710 человек были объединены в 78 ячеек, но о практической контрреволюционной деятельности, как, впрочем, и у церковников, не было ни одного упоминания.

Опять-таки, если верить материалам следствия, три ветви Алтайского филиала (белогвардейская, партизанская и церковно-монархическая) насчитывали 109 ячеек (5, 78 и 26 соответственно) и **1 102** участника (122, 710 и 270 соответственно). Была

¹³⁵ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 148–149.

¹³⁶ Там же. Л. 348.

еще и группа в Барнауле (57 чел.), однако в материалах обвинительного заключения упоминались 5 ячеек (28 чел.) и 26 одиночек, т.е. 54 чел. А уже в следующем абзаце было указано: «из 57 арестованных: б[ывших] б[елых] офицеров – 33, эсеров – 2, торговцев – 1, прочих – 22», т.е. 58 чел.¹³⁷ Кроме того, группа из Барнаула была связана с группой в Ойрот-Туре из 9 чел. («8 бывших офицеров и 1 бывший поп»)¹³⁸.

Небезынтересен и тот факт, что центр Алтайского филиала находился в Бийске, что для небольшого городка достаточно необычно.

Из числа других «аргументов» интерес могли представлять следующие:

1. В штаб Алтайской организации не вошли представители партизан (от 710 чел.) и церковников (от 270 чел.), что заставляет задуматься об их роли в «заговоре», так как ни те, ни другие, не похожи на «массу» людей, которой можно было легко манипулировать. Более того, у партизан были действительно авторитетные руководители (К.Г. Бабарыкин, К.В. Зиновьев, М.П. Чухломин, Е.Т. Буньков и др.), которые могли поднять народ и повести за собой, что нельзя было не учитывать при формировании штаба.

2. В обвинительном заключении подробно рассматриваются организации в Бийске и Барнауле, но только через 30 страниц простой констатацией факта определено руководство всем Алтайским филиалом членами Бийской организации.

3. Если штаб «церковно-монархической» организации состоял из служителей церкви, что было естественным, то «партизанская» организация возглавлялась тремя партизанами, одним бандитом и одним кулаком¹³⁹, пусть оба последних и были выходцами из партизан. Если рассматривать этот аспект со стороны следствия, то все легко укладывается в схему, если «по жизни» – то возникают вопросы и непонимание.

Приведем социальный состав арестованных Алтайского филиала: кулаков – 108 чел., зажиточных – 139, середняков – 238, бедняков – 32, кустарей – 18, рабочих – 9, колхозников – 77, служащих – 168, прочих – 69, неустановленных – 79 (937 чел. – В.У.). Из них бывших партизан – 280, бывших бандитов (участники антисоветских вооруженных восстаний) – 39, бывших офицеров – 76, попов – 46, церковников – 51, бывших карателей – 7, родственников кулаков – 59, бывших членов ВКП(б) – 30 (588 чел. – В.У.)¹⁴⁰. Простой подсчет позволяет констатировать, что из 937 чел., привлеченных к ответственности (без учета Барнаульской и Ойрот-Турской организаций), были осуждены 852¹⁴¹. Возникает резонный вопрос: если мы говорим о действительных врагах советской власти, вынашивавших планы её свержения, то где остальные несколько сот участников организации? По какой причине они не были привлечены к уголовной ответственности за про-

¹³⁷ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 326.

¹³⁸ Там же. Л. 327.

¹³⁹ Там же. Л. 163.

¹⁴⁰ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 2: 1931–1936. Барнаул, 1999. С. 10. Из бийских «церковников» к расстрелу были приговорены 11 чел., к лишению свободы: на 10 лет – 9 чел., на 5 лет – 4 и на 3 года – 2 чел. См.: Гришаев В. Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). Барнаул, 1999. С. 29–30.

¹⁴¹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 164.

ведение антигосударственной подрывной деятельности, как, в частности, и 52 члена «церковно-монархической» организации¹⁴²?

Томский филиал состоял из 6 ячеек и нескольких одиночек. Число участников в обвинительном заключении не указано. Арестовано 27 чел., в том числе 21 бывший офицер, 3 бывших белых добровольца, 1 перебежчик и двое прочих¹⁴³.

По материалам дела Томского филиала было арестовано 28 чел.: офицеров – 20, добровольцев – 2, перебежчик – 1, прочих – 5. В целом число участников филиала определялось почти в 100 чел., «ранее служивших в армиях Колчака и Пепеляева», но никто из них по делу допрошен не был¹⁴⁴, а 20 из 28 арестованных предъявленное обвинение отрицали.

Минусинский филиал охватывал территорию 8 районов с 33 населенными пунктами бывшего Минусинского округа и Хакасской области. Были арестованы 205 участников организации, в составе которой («по политической окраске») было 8 офицеров, карателей и урядников, 4 священника и 193 чел., отнесенных к прочим («кулаки, зажиточные, торговцы, середняки, бедняки, служащие и прочие»)¹⁴⁵. Хотя на Л. 203 обвинительного заключения есть упоминание о 280 участниках, объединенных в 18 ячеек.

Отличались и программные установки филиалов. «Белогвардейская» её часть планировала свержение советской власти и установление буржуазно-демократической республики, но на переходном этапе предполагалась военная диктатура. Руководитель организации генерал Болдырев в своих показаниях отмечал: «Наиболее приемлемой формой государственного управления мы считали буржуазно-демократическую республику и к ней стремились, но на первое время после свержения соввласти и до закрепления победы над большевиками считали необходимым установить военную диктатуру, опирающуюся на демократические элементы, и таким образом исправить историческую ошибку Колчака»¹⁴⁶. Подобные показания дали и другие руководители штаба. Однако следует заметить, что заговорщики считали возможным сохранение самих советов и даже предусматривали возможность привлечения к преобразованиям в стране отдельных коммунистов.

Генерал Болдырев показывал: «Учитывая пятнадцатилетнее существование Советов как органов власти в России и высокую политическую активность населения, обычный западно-европейский тип буржуазно-демократической республики... не удовлетворял бы страну. Мы считали возможным оставить Советы как форму власти, но решительным образом расширить круг избирателей в Советы. Восстановить в правах те слои населения, которые при большевиках были лишены избирательных прав. Коммунистическую партию ликвидировать и закрыть доступ коммунистам в Советы. Это... не означало поголовного истребления коммунистов. Мы были уверены, что

¹⁴² Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 163.

¹⁴³ Там же. Л. 375.

¹⁴⁴ Там же. Д. П-3441. Л. 539.

¹⁴⁵ Там же. Д. П-3521. Т. 17. Л. 379–380.

¹⁴⁶ Там же. Л. 227.

некоторые здравомыслящие коммунисты, убедившись в утопичности идеи коммунистической партии, могли быть нами использованы и даже легализованы».

Другой участник организации – Г.А. Краснов – необходимость сохранения советов аргументировал следующим образом: «В случае свержения советской власти и закрепления этого положения Центр считал необходимым установление буржуазно-демократической республики, причем **формой власти должны являться советы, которые за 15 лет существования соввласти прочно вошли в сознание населения и достаточно крепко привились как наиболее удачная форма государственного управления**» (выделено мною. – В.У.)¹⁴⁷.

Такая позиция была вызвана пониманием того, что в случае резкого изменения государственного устройства их ждут большие и серьезные проблемы. В таких условиях легче приспособляться и переориентировать под свои цели и задачи уже действующие институты власти и отдельных их представителей. Организация планировала национализировать землю и сдавать её сельским обществам и частным лицам в аренду. Крупная государственная промышленность должна была остаться в руках государства, средняя и мелкая – денационализироваться. Железнодорожный и водный транспорт оставались в руках государства, но допускалось наличие частного водного транспорта. Монополия на внешнюю торговлю заменялась обычной таможенной политикой. Частная торговля в стране могла развиваться без каких-либо ограничений. Существовавшие колхозы ликвидировались, но могли создаваться новые коллективные хозяйства, равные по отношению к другим формам ведения хозяйства. Из совхозов сохранялись наиболее рентабельные.

Политические установки нашли выражение в выдвигаемых политических лозунгах: «За чистую советскую власть без колхозов, коммун и коммунистов»; «За вольную жизнь»; «Долой компартию, да здравствуют советы без коммунистов»; «За отмену всех налогов с крестьян, за вольную жизнь»; «За нормальные денежные налоги»; «За единоличное хозяйство» и др.

На период войны в целях быстрее развертывания восстания центром были выработаны лозунги, с помощью которых предполагалось мобилизовать массы на борьбу с советской властью. Основными из них были: «Долой коммунистов, долой колхозы, долой заготовки»; «Да здравствует советская власть без коммунистов»; «Долой войну, долой коммунистов – главных врагов народа»; «Главный враг не Япония – главный враг коммунисты, бей коммунистов»; «Да здравствует крестьянская воля» и др.

Согласно обвинительному заключению все «ветви» Алтайского филиала планировали вооруженное восстание и вооруженную борьбу с советской властью. Сомнительно, что такие разноплановые «ветви» были единомышленными в своих планах, но если допустить, что их объединяла действительно одна цель – свержение советской власти, то вряд ли их пути после достижения этой цели были едиными. Сомнения возникают хотя бы по той причине, что существовала взаимная неприязнь между

¹⁴⁷ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 43.

офицерами и бывшими красными партизанами, о чем выше уже говорилось. О каком единстве могла идти речь?

Минусинский филиал, судя по показаниям арестованных, разделял взгляды и идеи краевого руководящего центра. Однако изучение личного состава филиала заставляет усомниться в этом, так как крестьянство, представлявшее основу организации, думается, в меньшей степени «мечтало» о буржуазно-демократической республике.

Организация Прииртышского казачества и Омский филиал стояли за восстановление монархии и атаманщины, за сохранение привилегий, которыми пользовалось казачество. Например, руководитель Прииртышской организации М.Д. Назаров¹⁴⁸ показал, что «казачество подчиняется краевому руководящему центру только потому, что считает необходимым совместные действия в целях свержения власти, ибо другого выхода нет, но по вопросу о характере будущей власти казаки будут стоять за атаманство, царя и казачью лихую волю.

Наиболее подробно была изложена программа Томского филиала. М.Б. Шатилов на допросе 26 апреля 1933 г. изложил её по пунктам, системно, затронув все основные сферы государственного устройства, показал роль и место крестьянства и рабочего класса в новых условиях. Отдельно он выделил позицию по отношению к политическим ссыльным, политзаключенным и кулачеству, которые должны были быть немедленно освобождены и возвращены к прежним местам поселения «при известной помощи государства». Особенности деятельности томской организации и её программные установки, по словам Шатилова, были обусловлены тем, что большая часть её членов по своим политическим взглядам были народниками, стоящими на платформе областничества.

Практическая контрреволюционная деятельность организации в материалах следствия представлена следующими видами: шпионаж, диверсионная, вредительская и антисоветская деятельность, террор и т.п. По каждому из них в обвинительном заключении представлено много «свидетельств» и «фактов», но таковыми их признать трудно.

Так, сотрудники ПП ОГПУ по ЗСК «доказали» наличие связей с японским и германским консульствами, с японцами, например, контакты участниками «заговора» были «установлены» еще в самом начале 1920-х гг. В показаниях обвиняемых много свидетельств о встречах с сотрудниками этих консульств и получении от них шпионских заданий. Тем не менее не зафиксировано ни одного факта передачи собранных сведений. «Шпионами» оказывались участники всех филиалов, но правдоподобие можно обнаружить только в Томском, где собирали данные «по линии артшколы, ДКА (полагаю, Дома Красной армии. – В.У.) и др. частей»¹⁴⁹. Например, подробную

¹⁴⁸ Назаров Михаил Денисович, 1891 г.р., ур. Кокпетинской станицы 3-го отдельного Сибирского казачьего войска, русский, образование среднее, проживал в г. Омске, работал преподавателем математики ФЗУ суконного комбината. Арестован в 1933 г. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

¹⁴⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 223, 22–25; Уйманов В.Н. Репрессии... С. 178–180.

информацию об этом дал М.Н. Пепеляев: «В момент интервенции и в период начала восстания в тылу для нашей к-р организации важно было знать как о степени вооружения частей, технической и боевой подготовке, численном составе частей гарнизона, так и политико-моральном состоянии красноармейцев и командного состава. Поэтому руководящий состав филиала к-р организации в Томске ставил своей задачей всеми возможными мерами заполучить и собрать наиболее полные данные о расположенных в Томске военных частях, вооружении и расположении складов.

Для выполнения этой задачи мною непосредственно проводилась шпионская деятельность и поручались задания как завербованным в организацию кадровому составу, так и членам к-р организации из числа переменного состава из б[ывшего] б[елого] офицерства...»¹⁵⁰. Далее он сообщал известные ему сведения о воинских частях города, но они носили преимущественно неконкретный характер.

Данные сведения не могли представлять какой-либо ценности для иностранных государств, тем более что речи о передаче их заговорщики даже не вели. Другое дело, что для целей организации эта информация могла иметь значение, если бы они действительно планировали восстание.

Диверсионная деятельность по материалам дела просматривалась на уровне планов на будущее, что подтверждали многие участники. Практическая же сторона ограничивалась изысканием средств (взрывчатки) для взрыва небольших мостов, но никакой взрывчатки при арестах изъято не было. Факт хищения взрывчатых веществ членами контрреволюционной организации «подтвержден» актом о выявлении недостачи 50 кг взрывчатых веществ и нескольких десятков килограммов [огнепроводного] шнура на складе взрывматериалов рудника «Лена-Банк» в г. Прокопьевске, который возглавлял член организации П.С. Корзун¹⁵¹.

На этот источник получения взрывчатки организацию вывел Г.П. Молгачев, руководитель действовавшей на территории Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока контрреволюционной организации, который даже дал 10 тыс. руб. для приобретения 10 пудов динамита. Но анализ этой информации порождает несколько вопросов, ответы на которые найти трудно. Во-первых, Молгачев выводил «заговорщиков» на члена своей организации, с которым надлежало связаться, установить контакт и т.п., что заметно осложняло ситуацию. Во-вторых, то, что Корзун работал на складе, еще не гарантировало получения взрывчатых веществ. В-третьих, сотрудниками ПП ОГПУ в деле не была «развита» связь между двумя контрреволюционными организациями, чтобы использовать её в следствии, а фамилия Молгачева больше нигде не упоминалась. В-четвертых, если взрывчатка вообще не была выявлена в ходе арестов и обысков, то была ли она? Или для следствия оказалось достаточным наличия одного акта? В-пятых, одна из диверсионных групп для проведения диверсий должна была выехать по Транссибирской магистра-

¹⁵⁰ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3441. Л. 414.

¹⁵¹ Корзун Павел Семенович, 1873 г.р., ур. дер. Баграцы Лепельского уезда Витебской губ., проживал в г. Прокопьевске, заведующий динамитным складом рудника. Арестован в 1933 г. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ли в восточном направлении от Новосибирска, а «средства для производства диверсионных актов должна была найти на месте у партизан». Речь шла о выезде в Восточную Сибирь группы В.С. Иванцова, но ведь в Минусинской организации «партизан» не было¹⁵².

Наиболее «успешной» была вредительская деятельность членов организации, но и здесь, например, во многих случаях «факты» вредительства преподносились без пояснений, через простое упоминание актов многочисленных проверок и ревизий, которые подтверждали какие-либо убытки и потери, но ни в коей мере не свидетельствовали об умышленной подрывной деятельности. С другой стороны, вся враждебная вредительская работа почему-то оказалась сосредоточенной в пределах действия Омского филиала. Так, например, только на территории Черлакского района было расхищено, вредительски забито и пало 2 247 голов колхозного скота, в том числе лошадей – 492 головы, коров – 200, телят – 717, овец – 821, свиней – 107. Остались необранными урожаи разных культур на 322 га колхозных полей, расхищено 343 центнера пшеницы и картофеля и 218 центнеров сена. Общий убыток, принесенный вредительской деятельностью контрреволюционной организацией колхозам Черлакского р-на, выражался в сумме 145 021 руб. в твердых государственных ценах, по Тевризскому району – 171 732 руб.¹⁵³

На Алтае только в Алтайском и Солонешенском районах было расхищено 465 лошадей, 139 коров, 755 голов мелкого рогатого скота, хлеба почти 34 т и т.п. Убытки составили почти 200 тыс. руб.¹⁵⁴

В реальности, пользуясь представившейся возможностью, местные органы власти списали все, что было потеряно и утрачено в силу объективных и субъективных причин. Это позволило оправдать все огрехи и просчеты, уйти от реальной ответственности за случившееся многим руководителям на местах и в краевых органах.

«Вредили» всюду, где были для этого «условия» и «возможности». Так, по линии редакции «Сибирской советской энциклопедии» – через продвижение идеологически вредных материалов. Вредили в каменноугольной и коксобензолной промышленности, в области энергетики, капитального строительства, в машиностроении, в Радиострое и даже в области музеев, но почти всюду через простое упоминание или перечисление «фактов»¹⁵⁵. А в Крайсоюзпечати и горбюро Союзпечати г. Новосибирска «вредили» воровством казенных денег, но и это шло в «актив» деятельности организации.

В г. Томске вредительская работа осуществлялась в системе геолого-разведочного треста, горкомхоза, Шахтстроя, в обществе «Друг детей» и в других учреждениях и организациях¹⁵⁶, хотя в обвинительном заключении приведены примеры только по обществу «Друг детей» и горкомхозу. Обвиняемый П.Ф. Ерохин¹⁵⁷ о сво-

¹⁵² Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 94–100, 105–106.

¹⁵³ Там же. Л. 304–305; Забвению не подлежит... Т. 3. С. 33.

¹⁵⁴ Там же. Т. 17. Л. 304.

¹⁵⁵ Там же. Л. 107–113.

¹⁵⁶ Там же. Д. П-3441. Л. 410; Уйманов В.Н. Репрессии... С. 181.

¹⁵⁷ Ерохин Петр Федорович, 1890 г.р., ур. и житель г. Томска, топограф съемочного инвентаризационного отдела горкомхоза. Арестован в 1933 г. Расстрелян. Реабилитирован в 1959 г. См.: Боль людская... Т. 1. С. 325.

ей «подрывной деятельности» сообщил: «Мною при разбивке по Томску полигонометрической и полигонной сети самые важные линии проведены по склонам гор, через рвы и буераки, что привело к задержке съемочных работ, нецелесообразной трате средств, приблизительно до пяти тысяч рублей, учитывая стоимость и торможение последующих процессов ГКХ (горкомхоза. – В.У.).

В конце 1930 г. и начале 1931 г. при выполнении задания по измерению полигонных ходов я провел измерение их с недопустимыми неточностями, выражающимися в определении длины на метр более или менее действительной...»¹⁵⁸.

Подобная «вредительская» деятельность вряд ли могла дестабилизировать советскую власть, подорвать её основу. Однако следователям и этого оказалось достаточно.

«Заговор» оказался находкой как для ПП ОГПУ по ЗСК, так и для партийно-советских органов края, ведь на его «подрывную контрреволюционную деятельность» были списаны многочисленные провалы хозяйственной деятельности в крае и на местах. Кроме того, в обвинительном заключении имеется несколько справок-отсылок, согласно которым вскрыты в ходе расследования многочисленные факты «контрреволюционной» работы в лесной промышленности (**30 контрреволюционных организаций в 12 леспромхозах** (выделено мною. – В.У.), так как речь велась не о каких-то отделениях (филиалах, ячейках) одной-двух организаций, а **тридцати**, т.е. в одном леспромхозе было 2-3 контрреволюционных организации одновременно), в системе банковского дела, в энергетике, каменноугольной промышленности и т.д. Эти факты были выделены в отдельные производства ЭКО ПП ОГПУ по ЗСК. А по делу контрреволюционной организации в сельхозорганах края ЭКО были арестованы **2 087** чел.¹⁵⁹

Для большинства подрывных антисоветских организаций террор являлся одной из первоочередных задач, так как преследовал цель не просто физического уничтожения отдельных руководителей, а дестабилизацию всей системы управления путем нарушения установившихся связей. В данном деле вся террористическая деятельность

¹⁵⁸ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3441. С. 411; Уйманов В.Н. Репрессии... С. 181.

¹⁵⁹ По данным ПП ОГПУ по ЗСК, организация начала свою деятельность в середине 1931 г. Основная задача была определена как «вооруженное свержение советской власти и реставрация буржуазно-демократических форм управления страной». Организация строилась по принципу формирования сети низовых повстанческих ячеек, которых было установлено следствием 284: в колхозах – 149, в МТС – 29, в совхозах – 53, в населенных пунктах – 53. По социальному признаку участники делились на: 637 кулаков, 330 твердозаданцев и зажиточных, 45 бывших белых офицеров и карателей, 14 торговцев и спекулянтов, 16 членов антисоветских партий, 557 середняков, 396 служащих и 54 прочих (**2 049**. – В.У.). Было изъято у арестованных 36 боевых винтовок, 32 берданы, 36 револьверов, 18 гранат и 341 единица прочего оружия, какого – не уточнялось. По делу организации были осуждены **2 092** чел., в том числе «тройкой» – 1 954, Коллегией ОГПУ – 138. Из них: к ВМН – 953, к 10 годам лишения свободы – 686, к 5 годам – 248, к прочим срокам – 67 (**1 954** чел., т.е. без учета осужденных по решению Коллегии). В другом томе дела (из 356) указано, что к ВМН были осуждены 976 чел., к лишению свободы – 1 114 чел. (**2 090** чел. – В.У.). См.: Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 2. С. 8–9. Анализ данных по этому делу позволяет провести прямую аналогию с делом «Белогвардейский заговор» – от целей и задач, до организационного построения и нестыковки данных по арестованным и осужденным. Брали, видимо, количеством и объемами, в которых терялись детали и качество.

свелась к единственному упоминанию о необходимости физического устранения Эйхе и Грядинского¹⁶⁰. Что-то маловато.

Согласно приговору без учета 225 «руководителей» всех звеньев краевой организации Коллегией ОГПУ и «тройкой» ПП ОГПУ по ЗСК были осуждены 1 057 чел., в том числе к ВМН – 219, к 10 годам лагерей – 92, к 5 годам – 250, к 3 годам – 72, минус двенадцать – 92, условно – 64, к ссылке – 14, к прочим мерам (освобождение) – 51. Простое сложение этих цифр дает «недостачу» в 203 чел.¹⁶¹

Если же подсчет вести по вынесенным приговорам, то ситуация становится еще более запутанной. Без учета новосибирских ячеек (146 чел.) и ячеек Сталинска (5 чел.), Прокопьевска (13 чел.) и Ойрот-Туры (9 чел.) число осужденных составило 1 616 чел., а с учетом этих организаций – 1 789 чел., т.е. на тридцать больше, чем общее число арестованных (табл. 8).

Таким образом, 2/3 осужденных – 1 103 чел. (68,2%) – были осуждены к лишению свободы в концлагерях, где часть из них позднее получила новые сроки (в уголовном деле имеются отметки об осуждении в ИТЛ в 1937 г. части осужденных. – В.У.); были освобождены 51 чел., что с учетом осужденных к условным срокам наказания составило 128 чел. (7,92%).

Что касается изъятого оружия, то следует отметить «необстоятельность» и «безответственность» следователей. Несмотря на важность дела, ведь речь шла об организации, преимущественно состоявшей из бывших офицеров и красных партизан, людей обученных и подготовленных к ведению боевых действий, следователями не были до конца выяснены вопросы вооружения заговорщиков. Так, сведения об изъятом оружии указаны только по Омскому и Минусинскому филиалам организации: изъято соответственно 20 и 7 винтовок, 2 и 7 револьверов различных систем, 55 и 103 гладкоствольных ружья. В Томске у арестованных изъяли 8 единиц оружия. Таким образом, на Новосибирск как головную организацию и на Алтай (самый многочисленный филиал) пришлось 345 единиц оружия. Метод простых арифметических действий позволяет определить, что на два этих филиала пришлось около 150 винтовок, примерно полтора десятка револьверов и около 185 ружей. Такая «точность» вызвана тем, что нет точных данных по восьми единицам оружия, изъятым в Томске.

Сложно поверить, что для свержения советской власти участникам организации хватило бы 547 единиц оружия, из которых 2/3 – простые охотничьи ружья. С учетом «планов по довооружению» они должны были захватывать склады, разоружать воинские подразделения и т.п., но, полагаю, эти планы были рождены в головах следователей.

Пересмотр архивно-следственных дел участников «Белогвардейского заговора» был начат в 1956–1957 гг. Дело по «Минусинскому филиалу» организации Краснояр-

¹⁶⁰ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 124.

¹⁶¹ Число осужденных (по справке) определено на основе данных по Алтаю и Минусинску без учета других филиалов. Это и позволяет «найти» 203 чел., так как ошибка произошла при подсчете осужденных на 10 лет концлагерей. При сложении данных по Алтаю и Минусинску должно получиться 295, а не 92 чел.

ский краевой суд прекратил еще в сентябре 1956 г., дела участников организаций из Новосибирской и Омской областей были прекращены Военной коллегией Верховного суда СССР 29 июля 1958 г.

Т а б л и ц а 8

Приговоры, вынесенные по делу «Белогвардейский заговор»

Мера наказания	Филиалы				Данные справки из обвинит. заключ.	Дело 225 руковод. заговора	Всего чел. / %
	Алтай	Омск	Томск	Минусинск			
ВМН	177	–	–	42	219	28	247/15,3
10 лет к/л	219	124	11	76	92	130*	560/34,6
5 лет к/л	196	146	14	54	250	38	448/27,7
3 года к/л	71	–	–	1	72	23	95/5,9
Минус 12	81	8	–	11	92	–	100/6,2
Условно	61	11	2	3	64	–	77/4,8
Ссылка	10	7	1	4	14	3	25/1,5
Прочие меры	37	–	–	24	51	3	54/3,3
Всего	852**	296***	28	215	1 057	225	1 616

* С учетом 53 чел., которым расстрел был заменен на 10 лет ИТЛ.

** Согласно подсчетам по картотеке отдела спецдокументации Управления архивного дела Алтайского края, из 1 102 чел., привлеченных к уголовной ответственности, были осуждены 748, в том числе к ВМН 130 чел., к 10 годам лишения свободы – 199, к 5 – 216, к 3 – 114, к высылке – 19, к лишению свободы на срок предварительного заключения 23, к лишению права проживания в некоторых местностях СССР – 47. См.: Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 2. С. 10.

*** В деле № П-3521 (Л. 468) названа цифра 256 чел. П. Брычков назвал 288 чел., но при этом привел «расшифровку» этого числа на 296 чел. (См.: Забвению не подлежит... Т. 3. С. 43). Полагаю цифру 296 достоверной.

Примечание. Подсчитано автором по материалам уголовных дел и публикациям в Книгах Памяти жертв политических репрессий Алтайского края, Новосибирской и Омской областей.

В постановлении президиума Алтайского краевого суда от 17 декабря 1957 г. отмечалось, что в «фальсификации следствия по делу «Белогвардейского заговора» принимали участие специально подобранные следователи, известные как квалифицированные фальсификаторы. По обстоятельствам дела установлено, что В.Е. Большаков, Я.А. Пасынков, Скворцов, Москвитин, Пархоменко, М.Л. Шорр, Носов, Дюженко, Самородов, Н.Г. Нефёдов, Тешков, Длужинский и Лебединов свои действия направляли на необоснованные аресты и фальсификацию дел»¹⁶².

В определении военного трибунала Сибирского военного округа № 602 от 23 июня 1959 г. отмечалось, что «дело по обвинению Болдырева и др. – всего 93 человек проверено и прекращено...»

Определениями Алтайского, Красноярского краевых и Омского областного судов реабилитировано свыше 1500 чел., незаконно арестованных органами ОГПУ в

¹⁶² Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 453.

1933 году по делу Болдырева. Большая группа лиц, проходящих по делу... реабилитирована Военным трибуналом СибВО.

Из показаний бывших ответственных сотрудников ОГПУ Западно-Сибирского края Жабрева¹⁶³ и Попова¹⁶⁴ видно, что такой организации в пределах Западной Сибири не существовало, а она была выдумана работниками ОГПУ, а дела на незаконно арестованных советских граждан фальсифицировались»¹⁶⁵.

Создание «заговора» явилось выполнением очередной установки «вождя народов» И. Сталина, который на январском (1933 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) заявил, что «бывшие люди» по-прежнему представляют опасность. Потерпев поражение, бывшие частные промышленники и торговцы, дворяне и попы, кулаки и подкулачники, белые офицеры и урядники, полицейские и жандармы, буржуазные интеллигенты готовят скрытые атаки против советской власти путем саботажа, вредительства и хищений¹⁶⁶. Этим своим заявлением он практически дал очередной сиг-

¹⁶³ Жабрев Иван Андреевич, 1898 г.р., ур. Вологодской губ., русский, из семьи рабочего-металлиста, образование начальное. В партии большевиков с 1918 г. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1920 г., с 1921 г. – уполномоченный секретного отдела Новониколаевской губернской ЧК. С 1925 по 1933 г. проходил службу в Омском, Бийском и Барнаульском оперсекторах ПП ОГПУ по ЗСК, с октября 1933 г. – начальник секретно-политического отдела ПП ОГПУ по ЗСК, в августе – ноябре 1936 г. – заместитель начальника УНКВД по Курской области, с ноября 1937 г. – заместитель наркома внутренних дел Белорусской ССР, затем начальник УНКВД Каменец-Подольской обл. Майор госбезопасности. Награжден орденом Красной Звезды, знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

¹⁶⁴ Попов Серафим Павлович, 1904 г.р., ур. Воронежской губ., русский, из семьи приказчика мануфактурного магазина, образование незаконченное среднее. Член ВКП(б) с 1928 г. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД в 1918–1919 гг. и с 1930 г. Служил в секретно-политическом отделе ПП ОГПУ по ЗСК, пройдя путь от оперуполномоченного до начальника отдела. С октября 1937 г. по декабрь 1938 г. – начальник УНКВД по Алтайскому краю. Капитан госбезопасности. Депутат Верховного Совета 1-го созыва. Награжден орденом Ленина, знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в декабре 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

¹⁶⁵ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3441. Л. 565. Тепляков А.Г. привел данные, что между СПО и ЭКО ПП ОГПУ ЗСК в 1933 г. велось негласное соревнование по вскрытию заговоров (белогвардейского и в сельском хозяйстве). Согласно показаниям С. Попова, это «соревнование и фальсификация следствия координировались полпредом ОГПУ Алексеевым». См.: Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. С. 481.

¹⁶⁶ Сталин И.В. Соч. М., 1951. Т. 13. С. 206–212. Что касается «капиталистов», то новая власть относилась к ним, как и ко всем «бывшим», – репрессии не обошли их стороной. Другое дело, что их было много меньше, чем других «бывших», многие из них успели выехать за границу или уйти с отступающими колчаковцами. Однако в газетах тех лет можно встретить информацию об их арестах и помещении в концлагерь до окончания Гражданской войны. Так, в феврале – марте 1920 г. газета «Знамя революции» сообщала об арестах крупнейших владельцев промышленных предприятий г. Томска А.В. Горохова, А.Е. Кухтерина, Г.И. Фуксмана, Е.Г. Громова и др. (См.: Знамя революции. 1920. 21 февр., 9 марта). Интересна судьба Григория Ильича Фуксмана впервые арестованного чекистами еще в 1920 г., когда он пробыл под следствием 10 месяцев. В октябре 1929 г. в меморандуме секретного отделения Томского окружного отдела ОГПУ была отмечена деятельность Фуксмана как организатора антисоветской группы, в связи с чем он был арестован по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 58 п. 10 УК РСФСР. Следствие было проведено в кратчайшие сроки, и уже 27 ноября 1929 г. решением особой «тройки» ПП ОГПУ по Сибкраю Г. Фуксман в числе других членов группы был осужден к высылке в

нал к поиску «белогвардейских элементов». В условиях Западной Сибири самым простым оказалось фальсифицирование дела на бывших белых офицеров, тем более что учеты в органах ОГПУ были отлажены, а кандидатов на роль «лидеров» и «вождей» контрреволюционной организации было предостаточно.

Нескольким участникам «заговора» первоначально было оставлено обвинение по ст. 58-10 («Антисоветская агитация и пропаганда»), но в более поздние годы и оно было отменено, все они полностью реабилитированы.

В процессе пересмотра дел установлено, что материалов о реальной антисоветской организационной деятельности не имелось. Имевшиеся в ПП ОГПУ оперативные материалы также не позволяли определить наличие этого. Обвинение построено на признательных показаниях осужденных, не подтвержденных уликовыми материалами, достаточно часто противоречивыми. Многие из «участников заговора» вообще не были привлечены к ответственности ни по этому делу, ни позднее. Например, вышеупомянутый М.Б. Шатилов в собственноручно написанных показаниях признался, что именно он являлся руководителем Томского филиала организации. Но ни один из названных им членов группы не проходил по делу этого филиала, а в деле «Белогвардейский заговор» ни Шатилов, ни названные им лица даже не упоминались. Руководителем же филиала все однозначно называли М.Н. Пепеляева.

Почти все заключения по архивно-следственным делам однотипны – во всех констатировались факты нарушения законности, фальсификации материалов следствия, применения незаконных методов следствия и т.п. Немало подобных примеров отражено в заключении от 26 апреля 1957 г. по Омскому филиалу: по делу «Белогвардейского заговора» на территории Омской области было арестовано и привлечено к уголовной ответственности 367 чел., в том числе 79 – по «делу 225»; осуждены 335 чел. Следователь следственного отдела УКГБ при СМ СССР по Омской области лейтенант Быстров констатировал многочисленные несовпадения дат и «фактов» в показаниях обвиняемых, исправления в протоколах допросов без каких-либо пояснений, в том числе и по отдельным фигурантам (вписывали, вычеркивали). В связи с этим один из «руководителей Омского филиала» бывший полковник белой армии Гольшев был сотрудниками «разжалован» из руководителей, из списков исключен и к ответственности вообще не привлекался.

Туруханский край сроком на 10 лет. Но следует отметить, что «тройка» ПП ОГПУ, вынося свое решение, изменила обвинение Фуксману и другим членам группы со ст. 58-10 на ст. 58-3,11 УК РСФСР. Если ст. 58-11 УК – «организационная деятельность» – могла соответствовать деянию, так как обвинялись члены группы, то обвинение по ст. 58-3 вызывает сомнение, ведь оно предусматривало «сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады». С кем «сносились» обвиняемые, кому и как «способствовали», остается только догадываться, так как материалы дела это не подтверждали.

В 1936 г. срок наказания Фуксману был снижен до 7 лет, но в 1937 г. уже в местах лишения свободы последовал новый арест, и он был расстрелян¹⁶⁶.

Из числа арестованных по названному делу в Омской области были установлены и передопрошены 36 чел. Все они от своих прежних показаний отказались и привели примеры многочисленных нарушений законности во время следствия со стороны следователей ОГПУ.

Во время следствия сотрудники ПП ОГПУ активно использовали секретных сотрудников ОГПУ, Так, один из них – Н.С. Лукиных¹⁶⁷ – 10 октября 1956 г. показал: «...арестовали утром 9 мая 1933 г. На допрос вызвали примерно через две недели... Следствию я тогда показания не дал. Вызвавший меня и Гаринова (еще один фигурант по делу. – В.У.) следователь Панасенко задал нам один вопрос: «Советские ли мы люди?» и, получив утвердительный ответ, сказал: «В этом случае пишите мне то, что я вам буду диктовать». И под его диктовку и был составлен протокол допроса.

...Протокол допроса мною подписан в силу следующих причин: во-первых, следователь Панасенко... говорил, что если я советский человек, то должен писать показания, которые он диктует, во-вторых, **я до момента ареста был секретным сотрудником ОГПУ** (здесь и далее выделено мною. – В.У.), поэтому был уверен, что меня, если и арестовали, то никогда не осудят, тем более, что я сам выполнял задания органов ОГПУ по выявлению контрреволюционно настроенных лиц. В силу этого я подписал протокол и рекомендовал подписать его и Гаринову...».

И.В. Антипин¹⁶⁸ в декабре 1956 г. показал, что в 1933 г. подписал протокол после того, как сотрудник ОГПУ К.К. Пастаногов пообещал, что сумеет его реабилитировать и освободить. «Когда я отказался писать, Пастаногов «показал мне протокол допроса **Ольшаневского, который, как и я, был секретным сотрудником и выполнял секретные поручения Пастаногова**, в котором значилось, что Ольшаневский дал показания, что состоит членом к-р организации». Позднее в камеру к Антипину и Ольшаневскому посадили **Рыбьякова и Шалаева, еще двух секретных сотрудников**, и «пропустили» через их камеру около 70 арестованных из Тевризского района. Они обрабатывали арестованных, чтобы те подписались и признали себя участниками контрреволюционной организации¹⁶⁹.

Влияние агентуры на арестованных в Омске позволило добиться нужного результата. Так, если по «делу 225» в Томске только двое из девяти не признали своей вины, а в Новосибирске и на Алтае таковых оказалось 38 из 137, то в Омской области – лишь **один из 79 чел.**¹⁷⁰

¹⁶⁷ Лукиных Николай Сысоевич, 1892 г.р., ур. дер. Липовка Пермского уезда и губ., проживал в г. Омске, бухгалтер артели «Женский труд». Арестован в 1933 г. Осужден на 5 лет ИТЛ. Наказание отбывал в Бамлаге. Реабилитирован в 1957 г. См.: Забвению не подлежит...

¹⁶⁸ Антипин Иван Васильевич, 1888 г.р., ур. и житель дер. Изюк Тевризского р-на Омского округа, заведующий ларьком Коопторга. Арестован в 1932 г. Осужден на 5 лет лишения свободы с отбыванием наказания в трудпоселке. Реабилитирован в мае 1957 г. См.: Забвению не подлежит...

¹⁶⁹ Забвению не подлежит... Т. 3. С. 36–37, 42–43; Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 488–490. Перед окончанием следствия по делу Шалаев, Ольшаневский и Рыбьяков были освобождены из-под стражи. Освобождение было оформлено постановлениями, приобщенными к делу.

¹⁷⁰ Подсчитано автором по материалам архивно-следственного дела П-3521.

Следователем Быстровым было также отмечено, что показания арестованных о проведении ими вредительских действий не проверялись, свидетели не допрашивались. Справки о якобы вредительской деятельности писали председатели сельских советов обычно под диктовку сотрудников ОГПУ.

В заключении также приведены факты случаев избиения арестованных следователями во время допросов, но, к сожалению, фамилии этих следователей не названы.

И еще одно. С заключением лейтенанта Быстрова согласился начальник следственного отдела УКГБ при Совете Министров СССР по Омской области полковник Ильин, но и обвинительное заключение по делу «заговора» было подписано начальником СПО ПП ОГПУ по ЗСК Ильиным. Может быть, это одно лицо?

Таким образом, в процессе пересмотра дела в конце 1950-х гг. была дана правовая оценка **только следственного процесса** «Белогвардейского заговора». Но даже это позволило вести речь о фальсификации материалов дела. Надо учесть, что следователи, пересматривавшие дело, не владели в полной мере информацией, связанной с массовыми репрессиями в СССР, с господствовавшими политическими установками на уничтожение «врагов», да и не ставили перед собой цели выявления нарушений прав и свобод советских граждан. Анализ материалов уголовного дела на основе сопоставления фактов и явлений с учетом знания и понимания механизма репрессий позволяет утверждать, что **«Белогвардейский заговор» был полностью сфальсифицирован** сотрудниками ПП ОГПУ по Запсибкраю, став в Сибири одним из крупнейших дел первой половины 1930-х гг., очередным звеном в цепи уголовных дел, направленных на оправдание ошибок, допущенных в руководстве народным хозяйством и страной. Дело было направлено против «бывших» – офицеров, разного рода чиновников, «спецов». В очередной раз им было показано их место в социальной системе советского государства.

Характеристикой и свидетельством происшедшего с участниками «Белогвардейского заговора» явилось письмо Прокурору СССР заключенного Ф.В. Макарова-Тонского (привожу с некоторыми сокращениями. – В.У.):

«Заявление.

Прокурор! Я отбываю второй срок по одному и тому же делу. Я утверждаю, что являюсь жертвой провокации.

Из 29 лет своей жизни я одиннадцать лет прослужил в рядах Красной Армии. Считался одним из лучших командиров, неоднократно награждался, имел свои печатные труды, окончил Высшую школу.

Первый раз я был арестован Томским оперсектором ОГПУ в марте 1930 года (из армии). Мне было предъявлено обвинение в связи с группировкой белых офицеров. Несмотря на мои протесты, голодовку... ПП Запсибкрая дало мне 5 лет по ст. 58-10-11. (В тюрьме я узнал, что это дело сфальсифицировано белым офицером Пепеляевым.)

После неоднократных заявлений о пересмотре дела, учитывая мою ударную работу... ПП Запсибкрая дело мое пересмотрело, и из лагерей я был освобожден.

И вот через полгода (13 апреля 1933 г.) я был арестован вновь. После ряда допросов весьма грубой формы, на которых, ничего не слушая, мне предлагают «при-

знаться» в какой-то «организации». Мне показали «признание» опять того же провокатора Пепеляева и его друзей – пьяницы, совершенно разложившегося морально Долгокурова, и Абрамова – «слагающих оружие» в аккуратно переписанном заявлении одного (у всех!) стиля и слога с также переписанным «списком организации», где показали мою фамилию... (далее текст на сгибе страницы истрепан, не читается. – В. У.).

...Все следствие, проводимое следователями ПП ЗСК Чигриным и Меламедом, считаю преступным. Утверждаю, что эти люди ясно отдавали себе отчет, что все это «дело» – провокация.

Как гражданин, достаточно показавший свою преданность Советской Стране, я требую пересмотра дела, переследствия и наказания виновников провокации.

Терпеть далее позор обвинения в контрреволюции, чувствовать это даже в лагере, я не могу...»¹⁷¹.

Однако этот документ так и не был направлен адресату, а был подшит к материалам дела Томского филиала.

Нанесенный по проживавшим в Сибири «бывшим» удар, по мнению партийно-советского руководства СССР, должен был отбить у них не только «охоту», но и малейшую возможность проявления инакомыслия, заставить жить в тревоге и страхе. С другой стороны, у сотрудников органов ОГПУ была сформирована готовность неукоснительно подчиняться воле Сталина, включая фальсификацию массовых уголовных дел¹⁷².

Рассмотрим наличие возможной связи между делом «Белогвардейский заговор» и реализованной органами ОГПУ СССР в начале 1930-х гг. оперативной разработкой «Весна», в ходе которой репрессиям подверглись более 3 тыс. бывших офицеров царской и белых армий. Академик А.Н. Яковлев, возглавлявший Комиссию по реабилитации жертв массовых репрессий в СССР, произвольно, без ссылки на какие-либо источники, расширил границы проведения операции «Весна» до г. Новосибирска, назвав число участников «свыше десяти тысяч», что не соответствует действительности¹⁷³. Анализ архивных материалов позволяет сделать однозначный вывод об отсутствии названного им «расширения границ операции» и вести речь о заговоре как региональной «контрреволюционной» организации, не имевшей ничего общего с операцией «Весна».

Небольшое замечание: государственная машина террора получила в эти годы заказ на политических оппонентов правящей партии, поэтому и сменила вектор дея-

¹⁷¹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3441. Л. 505.

¹⁷² Л.А. Наумов отмечает, что среди руководящего состава органов НКВД «поразительно высок» был процент лиц с «некоммунистическим» прошлым – выходцев из «чуждых» или «враждебных» классов – 52%, а также принадлежавших в прошлом к различным небольшевистским партиям и движениям, что в середине 1930-х гг. рассматривалось как компрометирующий фактор. Доля руководителей, участвовавших в молодости в деятельности различных партий или служивших белому делу, в 1934 г. составила более 31%, т.е. почти треть, в 1936 г. – почти 22%. (См.: Наумов Л.А. Борьба в руководстве НКВД... С. 8). Не это ли было одним из побудительных мотивов доказывать свою преданность «вождю народов»?

¹⁷³ Яковлев А.Н. Сумерки. С. 204.

тельности, хотя всегда, попутно, будет вновь и вновь «подбирать» «бывших людей в погонах». «Заговор» остался единственным крупным подобным делом в Западной Сибири. В последующие годы органами НКВД было организовано еще одно «специализированное», хотя с большой долей условности, дело офицерских организаций – дело «Российского общевоинского союза». Но обычно офицеры проходили по другим делам, где их прошлое, конечно же, учитывалось и играло усиливающую роль в ходе следствия¹⁷⁴.

В 1937 г. органами НКВД в Западно-Сибирском крае в результате оперативной разработки «Аристократы» (на находившихся в ссылке, преимущественно на территории нынешней Томской области, лиц дворянского происхождения) была «вскрыта» очередная «контрреволюционная» организация «Союз спасения России». Организация была «создана» проживавшим в г. Томске бывшим князем А.В. Волконским. Органами НКВД были также «выявлены» контакты «аристократов» с отдельными руководителями РОВС за рубежом, по указанию которых и был создан вышеназванный Союз. Начальник УНКВД С.Н. Миронов регулярно информировал о результатах разработки руководство НКВД СССР, где были заинтересованы в раскрытии очередного крупного «заговора». Так, заместитель наркома НКВД М.П. Фриновский писал Миронову: «Нарком придает этому делу большое значение. Надо заняться выходами на РОВС». Подобная оценка только способствовала активной фальсификации материалов дела.

О результатах работы по данному «заговору» Н. Ежов информировал И. Сталина. В спецсообщении от 14 июня 1937 г. он докладывал, что бывший генерал-майор Н.А. Эскин, счетчик новосибирского «Горпроекта», по указаниям зарубежного руководства РОВС с 1935 г. принял на себя командование всеми организациями. В состав антисоветских формирований входило и Сиббюро ПСР под руководством бывшего председателя Иркутской земельной управы, преподавателя курсов комсостава Западно-Сибирского пароходства И.Х. Петелина. В его обязанность входило поддержание контактов с японским консулом в Новосибирске. Эскин же «руководил» боевыми отрядами из числа спецпереселенцев Нарыма и Кузбасса, возглавляемых бывшими белыми офицерами. По первоначальным данным Миронова, были сформированы 10 боевых отрядов и две террористические группы¹⁷⁵.

17 июня 1937 г. справка была направлена С.Н. Мироновым¹⁷⁶ в крайком ВКП(б). В подтверждение наличия социальной базы для выступления против совет-

¹⁷⁴ Такой фигурой, например, оказался бывший генерал Н.А. Эскин, четырежды арестованный органами ВЧК–НКВД за свое прошлое. Последний арест – в 1937 г., обвинен в том, что по поручению Российского общевоинского союза на территории Запсибкрая проводил работу по созданию монархической организации, по предложению Сибирского бюро партии эсеров организовал военную работу нелегальной эсеровской организации и т.д. Расстрелян.

¹⁷⁵ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии... С. 262–263.

¹⁷⁶ Миронов Сергей Наумович (Коган Мирон Иосифович), 1894 г.р., ур. г. Киева, еврей. Родился в семье ремесленника, в РКП(б) с 1925 г. В органах ВЧК–НКВД с 1920 г., прошел путь от помощника уполномоченного Особого отдела 12-й армии до начальника УНКВД Днепропетровской области и УНКВД по

ской власти в справке указывалось, что на территории Нарымского округа и Кузбасса проживает 203 400 чел. высланного кулачества и находятся в административной ссылке 5 350 бывших белых офицеров, активных бандитов и карателей. Повстанческие подразделения формировались из их числа по принципу войсковых подразделений (дивизии, полки, батальоны), были выявлены 26 таких формирований. На момент написания данной справки были арестованы 382 чел. из числа членов Союза спасения России и Сиббюро ПСР. Агентурно-следственным путем были выявлены еще 1 317 членов организации¹⁷⁷.

Формированием повстанческих отрядов и групп, согласно материалам разработки, занимался А. Волконский. Кроме него, в штаб входили князь – бывший штабс-капитан белой армии Н.А. Ширинский-Шахматов, бывший ротмистр – начальник жандармского управления Г.Л. Левицкий-Щербина, бывший штабс-капитан белой армии Баландин и бывший кадет Н.А. Слободский. Среди активных членов организации был поэт Н.А. Клюев, «непосредственно осуществлявший и направлявший контрреволюционную деятельность церковников и духовенства, входивший в состав кадетско-монархической организации, писавший клеветнические контрреволюционные сочинения, которые, помимо распространения среди участников организации, нелегально переправлял за границу»¹⁷⁸.

В ходе следствия также установлено, что после объединения вышеназванных организаций был сформирован повстанческий боевой штаб во главе с бывшими генералами Н. Эскиным и В. Михайловым. О масштабах деятельности штаба можно судить по тому, что филиалы организации действовали на территории современных Новосибирской, Кемеровской и Томской областей, Алтайского и Красноярского краев, в 17 лагерных пунктах Сиблага. В меньших масштабах подобные организации были «выявлены» еще в ряде регионов страны, но основным «местом действия» стала Западная Сибирь¹⁷⁹.

«Раскрытие» мощной контрреволюционной организации привело к специальному решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 июня 1937 г. о создании внесудебной «тройки» для преследования и расправы над лицами, арестованными по этому делу. Инициаторами её создания были начальник УНКВД С. Миронов и секретарь крайкома ВКП(б) Р. Эйхе. Уже с 9 июля «тройка» приступила к работе. Будучи созданной

Западно-Сибирскому краю. В 1937–1938 гг. – полпред СССР в Монголии, затем работа в Наркомате иностранных дел. Комиссар госбезопасности 3-го ранга. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени (дважды), медалью «XX лет РККА» и знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1939 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

¹⁷⁷ Справка начальника УНКВД ЗСК С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири» от 17 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни... Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937. М., 2004. С. 256–257; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 3, ч. 1. С. 566.

¹⁷⁸ Боль людская... Т. 1. С. 272.

¹⁷⁹ Аблажей Н.Н. «Кулацкая» и «ровсовская» операции по приказу № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 344.

для «решения» конкретной задачи, она в последующем рассматривала все представленные УНКВД дела.

К 5 октября по «ровсовской линии» были арестованы 9 689 чел., из них осуждены 8 047 (83,05%). Доля арестов по этой линии составила 37–38%, а по количеству осужденных – 41% от общего числа репрессированных. На первом этапе наиболее высокую «активность» проявили подразделения УНКВД северных и центральных районов края (табл. 9).

Т а б л и ц а 9

Удельный вес арестованных и осужденных по делу РОВС в оперсекторах УНКВД по ЗСК на 5 октября 1937 г.

Оперативный сектор УНКВД	% арестованных от общего числа	% осужденных от общего числа	Оперативный сектор УНКВД	% арестованных от общего числа	% осужденных от общего числа
Сталинский	17,2	19,5	Томский	13,5	13
Нарымский	12,4	15	Новосибирский	9,4	8,6
Барнаульский	8	6,5	Кемеровский	7,8	9,3
Бийский	7,9	7,7	Ленинский	6,9	3,5
Ойрот-Туринский	5,4	3,6	Куйбышевский	5	5
Мариинский	4	4,7	Рубцовский	1	1,2
Славгородский	1,6	2			

Примечание. Составлено автором по данным Н.Н. Аблажей (2009).

Что касается социального «портрета» осужденных, то он был представлен следующим образом: графов и князей – 4, дворян и помещиков – 70, офицеров – 646, карателей и белобандитов – 316, жандармов – 84, провокаторов и предателей – 14, купцов и крупных собственников – 236, священнослужителей – 450, кулаков и спецпереселенцев – 1 345. Кроме того, среди осужденных значились 149 членов партии эсеров и 1 733 чел., отнесенных к прочему контрреволюционному элементу¹⁸⁰. Анализ групп осужденных позволяет сделать вывод, что, несмотря на целевой характер операции по РОВСу, аресту подвергались представители многих социальных слоев и групп, по тем или иным причинам признанные «врагами» советского государства. Более того, возникают вопросы: почему ранее не были осуждены провокаторы, предатели и жандармы, кто они, не слишком ли много в организации представителей духовенства, что за «прочий контрреволюционный элемент» и в чем его контрреволюционность и т.п.

В Алтайском крае на 25 ноября 1937 г. были арестованы 3 337 чел., осуждены 2 930, в том числе по первой категории – 2 152 чел. (73,4%). В Новосибирской области на 20 декабря число арестованных составило 18 920, было осуждено 15 476 чел., в

¹⁸⁰ Данные сводки об осужденных «тройкой» при Управлении НКВД ЗСК по эсеров-ровсовскому заговору на 4 октября 1937 г. См.: Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 3, ч. 1. С. 570.

том числе к ВМН – расстрелу – 12 954 (84%), о чем начальник УНКВД Г.Ф. Горбач¹⁸¹ доложил спецсообщением Сталину. Реакция Сталина была однозначной, как и по предыдущим сообщениям. Знакомясь с составом арестованных и ходом операции по делу РОВС 16 декабря, он наложил резолюцию «Расстрелять всех». (По делу проходили два князя, один контр-адмирал, восемь генералов, 42 полковника, 43 капитана и штабс-капитана, 102 поручика, подпоручика и прапорщика, царских чинов – 61, чинов полиции и жандармерии – 69, дворян – 27, фабрикантов и помещиков – 35, попов – 9.) А на сообщении о ходе операции он написал: «Ежову. Всех бывших офицеров и генералов по записке Горбача нужно расстрелять»¹⁸².

На начало января число репрессированных по данному делу составило 22 108¹⁸³, в том числе 18 530 (83,8%) – по первой категории. Н. Аблажей считает, что приведенные данные неверны, если учесть, что УНКВД по Новосибирской области настаивало на цифре 20 731. На долю Алтая «пришлось» только 1 377 чел., но ведь уже в ноябре число арестованных по делу РОВС превысило 3 тыс. чел. На 1 марта 1938 г. число репрессированных по этому делу в УНКВД по Новосибирской области и Алтайскому краю достигло 25 916 чел. Следует отметить, что 1937-м годом «ровсовская операция» не завершилась, а была продлена для 22 регионов, получивших дополнительные лимиты. Кроме того, докладывая о завершении операции, Г. Горбач запросил у Центра продолжения работы «тройки» для ликвидации контрреволюционного подполья в Кузбассе, ходатайствуя о новом лимите в тысячу человек. Добро было получено. Именно по этой причине новосибирская «тройка» работала до августа 1938 г.¹⁸⁴

По данным Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского, в Новосибирской области и Алтайском крае «тройками» по РОВС были осуждены 29 258 чел., из них к расстрелу – 24 853 (84,2%), и к заключению в лагерь – 4 675 чел. (15,8%), в то время как по «кулацкой операции» доля осужденных к ВМН составляла около 49%. Причина такой разницы крылась в том, что расстрелы по «ровсовской операции» не были лимитированными в отличие от наличия лимитов по «кулацкой операции»¹⁸⁵.

¹⁸¹ Горбач Григорий Федорович, 1898 г.р., ур. Прилуцкого уезда Полтавской губ., украинец, родился в семье крестьянина-бедняка. В партии большевиков с 1916 г., образование начальное. В органах ВЧК–НКВД с 1920 г. – помощник начальника активной части Особого отдела 5-й армии. До августа 1936 г. проходил службу на Северном Кавказе. С апреля 1936 г. – зам. начальника УНКВД по Западно-Сибирскому краю, начальник УНКВД по Омской области, начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю, а затем по Новосибирской области. С октября 1937 г. – начальник УНКВД Дальневосточного края, начальник Особого отдела ГУГБ НКВД ОКДВА. Старший майор госбезопасности, награжден орденом Ленина, медалью «XX лет РККА», двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ОГПУ». Арестован в ноябре 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

¹⁸² Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 275.

¹⁸³ Сводка № 29 ГУГБ НКВД СССР об арестованных и осужденных на основании оперприказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. (не ранее 1 января 1938 г.) // Трагедия советской деревни. Т. 5, кн. 1: 1937. С. 387; Аблажей Н.Н. «Кулацкая» и «ровсовская» операции по приказу № 00447... С. 349–350.

¹⁸⁴ Аблажей Н.Н. Указ. соч. С. 351–353.

¹⁸⁵ Трагедия советской деревни. Т. 5, кн. 1. С. 597; Аблажей Н.Н. Указ. соч. С. 353.

На территории современной Томской области по делам Союза спасения России, РОВС и кадетско-монархической организации в 1937–1938 гг. были арестованы 4 927 чел., 4 447 (90,26%) из которых осуждены к ВМН¹⁸⁶. В Кузбассе Сталинским горотделом НКВД по делу РОВС в июне 1937 г. арестованы 65 чел. из числа бывших офицеров и чиновников колчаковской администрации. Все они обвинялись в принадлежности к «монархической повстанческой организации», созданной работавшим в 1935–1936 гг. в отделе главного электрика Кузнецкого металлургического комбината бывшим князем и белым офицером А.А. Гагариным. Арестованные признались в проведении контрреволюционной деятельности, в частности, в создании в Сталинске и пос. Осиновке повстанческих групп. 19 июля 1937 г. по приговору «тройки» они были расстреляны. В это же время аресты были проведены и сотрудниками Кемеровского горотдела НКВД. Здесь удача была еще большей, так как был арестован С.П. Кутепов – младший брат генерала А.П. Кутепова, возглавлявшего в 1928–1930 гг. РОВС в Париже. Вместе с младшим Кутеповым были арестованы бывшие офицеры М.С. Скворцов, Н.М. Брудинский, Н.М. Зеликман, бывший чиновник МВД России В.И. Бафталский и др. Все поплатились за «контрреволюционную» деятельность своей жизнью¹⁸⁷.

В процессе реабилитации жертв политических репрессий еще во второй половине 1950-х гг. дела в отношении лиц, осужденных за участие в организациях (Союз спасения России, РОВС и Сиббюро ПСР), были прекращены за отсутствием состава преступления. Установлено, что названные организации в действительности не существовали, а были сфальсифицированы сотрудниками органов НКВД.

Анализ социального состава репрессированных по делу РОВС позволяет сделать вывод о том, что репрессиям подвергались не только представители «бывших» и в первую очередь из военных, но и других слоев населения. Н. Аблажей анализирует социальный состав целевой группы (бывшие военнослужащие царской и белой армии), подробно разбирает категории репрессированных, но делает вывод, что бывшие военные составили не более 10% от числа репрессированных по «ровсовскому» делу; основную же массу пострадавших составили «кулаки». Приводятся данные, что в ходе одновременно проводимой органами НКВД «кулацкой операции» в числе арестованных процент бывших военных также значителен¹⁸⁸. Какого-либо це-

¹⁸⁶ Подсчитано автором по базе данных репрессированных жителей Томской области. Что касается «создателя» Союза спасения России бывшего князя А.В. Волконского, то замечу, что в ходе проверки материалов на незаконно осужденных жителей области было установлено, что Волконский Андрей Владимирович к уголовной ответственности за организационную и антисоветскую деятельность не привлекался. Проживал в г. Томске с 1931 г., 7 февраля 1935 г. умер, о чем в книге записей актов гражданского состояния г. Томска имеется соответствующая запись от 8 февраля 1935 г. за № 249. В хранящихся в архиве УФСБ РФ по Томской области материалах на Волконского А.В. данных о причастности его к контрреволюционным организациям и о связях с Михайловым, Петелиным, Эскиным не имеется. См.: Боль людская... Т. 1. С. 272–273.

¹⁸⁷ Генина Е.С. К истории дела «РОВС» в Западной Сибири // История белой Сибири : материалы 5-й Междунар. науч. конф. Кемерово, 2003. С. 249–250.

¹⁸⁸ Аблажей Н.Н. Указ. соч. С. 354–358. Бывший сотрудник УНКВД по Алтайскому краю Г.С. Каменских в мае 1954 г. показал, что в период проведения «ровсовской» операции в Бийском районе были составле-

ленаправленного, логически оправданного разделения жертв по операциям сотрудники органов НКВД не делали, так как важны были итоговые показатели. По этой причине результаты и принадлежность к тем или иным «операциям» определялись «главными» фигурантами обвинения – вокруг них нарастало «мясо» в виде их связей. Полагаю, что крен в ту или другую сторону по «операциям» мог определяться указаниями и установками московского или местного руководства органов НКВД. Необходимо также учитывать и то, что операция «РОВС» не носила строго обязательного характера для большинства регионов страны. Наоборот, она давала возможность проявлять «инициативу» на местах, а уж «привязать» фигурантов к какому-либо конкретному делу или «операции» было делом техники. Наличие военного прошлого только придавало вес расследуемым делам и всегда играло роль отягочавших вину обстоятельств.

Необходимо, говоря об антисоветских эмигрантских организациях, заметить, что уже к середине 1930-х гг. большинство из них утратили «боевую» направленность по причине укрепления международного положения СССР, а также заметного ухудшения материального положения и ограничения помощи со стороны стран антикоммунистического блока. Многие из этих стран уже установили межгосударственные связи с СССР; осложнение отношений им было невыгодно. В подобной ситуации оказался и РОВС. Сказывались и внутренние конфликты, раздиравшие РОВС в силу объединения различных воинских формирований белого движения. В соответствии с официальной доктриной все эти организации продолжали играть роль сил, представлявших реальную угрозу для Советского государства.

Уместно также вспомнить и о том, что еще одной формой своеобразной расправы с «бывшими», в том числе с военными, было их увольнение из армии. Под предлогом повышения боеготовности вооруженных сил страны только в 1933 г. из армии были изгнаны 22 308 чел. Важнейшим основанием для этого являлась **социальная принадлежность** военнослужащих, по этой причине (бывшие кулаки и их родственники, духовенство, бывшие офицеры) было уволено более 50%, по **признаку** политической неблагонадежности – 8 828 чел. (т.е. без достаточных и реальных оснований). Это, кстати, для определенной категории военнослужащих было возможностью служебного роста. В 1934–1936 гг. из армии было уволено еще около 22 тыс. чел., при-

ны списки членов местной организации – 1 100 чел.: «...когда исчерпаны были все агентурные разработки, были посланы по производством и сельсоветам люди, выявлявшие кулаков, и их арестовывали и присоединяли к «ровсовской» организации». См.: Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции... С. 88. Жданова Г.Д., анализируя реализацию приказа № 00447 в Алтайском крае, пришла к выводу, что если до 5 октября 1937 г. «тройка» УНКВД рассматривала дела на членов РОВС отдельно, то в последующий период «ровсовская» и «кулацкая» операции слились и какого-либо деления не было, по крайней мере, в протоколах заседания «тройки», что подтверждает слова Г. Каменских. См.: Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции... С. 722–723.

мерно 5 тыс. из них были признаны оппозиционерами. Арестам за совершение различных преступлений были подвергнуты еще около 10 тыс. чел.¹⁸⁹

Все «грехи» бывших военных четко фиксировались соответствующими структурами через системы оперативного учета. И даже в 1940-е гг. государство еще не единожды вспоминало о них, пересчитывая, сколько же их осталось и какую «угрозу» для государства они могли представлять¹⁹⁰.

Таким образом, репрессивная политика Советского государства имела четкую направленность на ликвидацию той части общества, которая была способна оказать серьезное сопротивление, в том числе и вооруженным путем. Таковыми представителями, по мнению большевистского руководства страны, могли стать бывшие военно-служащие царской и белых армий, которые в результате Октябрьского переворота 1917 г. утратили свои привилегии как представители элитарной части российского общества, материальные блага, а главное, были многократно унижены люмпенизированной частью населения страны. При наличии у основной их массы привитых понятий чести, достоинства, преданности и верности присяге, хорошей военной подготовки они действительно могли представлять угрозу большевикам, что ярко проявилось в первые годы советской власти. Многие кадровые офицеры создавали подпольные организации или бросались во всевозможные авантюры, если те преследовали своей целью борьбу с советской властью.

Власть это помнила всегда, организовав в последующие годы четкую систему контроля за ними практически во всех сферах жизни. Время от времени органы ОГПУ – НКВД «вскрывали контрреволюционные организации», вновь и вновь репрессивными мерами устрашая этот контингент, заставляя «покориться» и превратиться в управляемую массу. Подобная политика дала свои результаты, в стране к началу Великой Отечественной войны была практически полностью ликвидирована как активная антикоммунистическая сила эта социальная прослойка.

¹⁸⁹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 106. К.М. Александров в статье «Народ, режим и армия. «Великий перелом» 1930–1933 годов» (электронная версия) привел данные, что в 1932 г. по «инициативе» органов ОГПУ армию покинули 3 889 представителей «социально чуждого элемента», а в 1933 г. – 22 308 чел., в том числе 2 486 представителей комначполитсостава. Если в 4-м квартале 1932 г. особыми отделами зафиксировано 69 689 случаев «отрицательных настроений» в армейской среде, то в первом квартале 1933 г. уже 89 774, а во втором – 103 301. Из 246 711 случаев «отрицательных высказываний» в 1933 г. 4 148 были с угрозами повстанческой деятельности. В проведении антисоветских разговоров были замечены 230 080 красноармейцев и краснофлотцев, 48 706 младших командиров и 55 777 командиров и начальников среднего звена.

¹⁹⁰ В 1949 г. в органах МГБ СССР была организована работа по обновлению списков бывших военно-служащих. Так, в Управлении МГБ СССР по Томской области составлена обновленная «Справка о местах концентрации лиц, служивших в колчаковской и других белых армиях, а также чиновников белогвардейских правительств по состоянию на 1 июня 1949 г.». См.: Колосов И.В. История контрразведки России... С. 181.

2.3. Старые специалисты

Особое отношение у большевистского руководства было к старым специалистам. Многие из них осознанно перешли на сторону новой власти и добросовестным трудом доказывали желание служить своей стране, своему народу. Но большевики специалистов воспринимали как «буржуазную интеллигенцию» и относили к враждебной группе населения. По этой причине практически все первое пятилетие после Октября 1917 г. сопровождалось их активным преследованием, что заставило многих специалистов, так необходимых новому государству, покинуть Россию добровольно либо вынужденно.

Л.И. Пыстина привела данные, что к августу 1919 г. в бюро по учету и распределению технических сил в различных наркоматах было зарегистрировано 29 122 специалиста науки и техники. В 1920 г. на учете состояли уже 50 275 специалистов, в числе которых работников транспорта и строительства – 9 287, электротехнической промышленности – 8 234, химической – 5 123, горно-металлургической – 3 253, специалистов сельского хозяйства – 19 626. В Сибири к ноябрю 1920 г. на учете значились 6 381 специалист (техники и специалисты сельского хозяйства), в том числе около 1,5 тыс. чел. с высшим образованием: горняки, геологи, механики, электротехники, строители, химики, лесоводы и др.¹⁹¹

Б.А. Викторов отмечал, что «под классовым врагом в городе имелось в виду около 700 тыс. чел., отнесенных по принадлежности к городской буржуазии, хотя большинство из них служило чиновниками в советском аппарате, – все равно они были “бывшими”, следовательно, “чуждые”... В промышленности насчитывалось 30 тыс. старой интеллигенции, некоторые из них не порывали связей со своими “прежними хозяевами”... В них видели потенциальных агентов международной буржуазии и их разведок»¹⁹².

Подобная оценка была характерной для многих представителей победивших большевиков и сотрудников ВЧК. Так, председатель ЧК по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте, член коллегии ВЧК М.Я. Лацис в одной из своих статей в журнале «Красный террор» высказал мысль о том, что не следует искать обвинительных улик против отдельных представителей буржуазии и буржуазной интеллигенции, достаточно выяснить происхождение, образование и профессию арестованного. За свое высказывание он был подвергнут Лениным критике, которая, конечно же, не стала широко известной¹⁹³.

Преследование «спецов» можно объяснить несколькими причинами. Будучи возвращенными в другой среде и в другой системе ценностных ориентаций, они не мог-

¹⁹¹ Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты»... С. 11, 14.

¹⁹² Викторов Б.А. Без грифа «Секретно»: Записки военного прокурора. М., 1990. С. 145.

¹⁹³ Велидов А.С. К истории ВЧК–ОГПУ... С. 227–228; Ленин В.И. Маленькая картинка для выяснения больших вопросов // Полн. собр. соч. М. : Политиздат, 1975. Т. 17. С. 410. Работа была написана в 1918 – начале 1919 г., но впервые опубликована в 1926 г.

ли смириться с результатами организованного и успешно реализованного большевиками на практике «социального катаклизма», резко изменившего социальную систему и все её составляющие. Некомпетентность принимаемых большевиками решений, особенно в социально-экономической сфере, еще больше увеличивала разрыв между новой властью и старыми специалистами. Пугала последних и агрессивность внутренней политики, в частности по отношению к крестьянству. Здесь уместно вспомнить, что «спецы» в абсолютном большинстве были людьми аполитичными и беспартийными.

Именно последний фактор, на мой взгляд, рассматривался большевиками в качестве наиболее опасного момента. Высокообразованная «каста», утратившая все блага и привилегии, не принявшая изменений, навязываемых большевиками, продолжала оставаться носителем прежней идеологии, что, по мнению большевистского руководства, могло быть использовано прямыми врагами режима для привлечения этого контингента в свои ряды. Не учитывать этого было нельзя.

В принятой на XII Всероссийской конференции РКП(б) в августе 1922 г. специальной резолюции «Об антисоветских партиях и течениях» говорилось: «Вместе с тем нельзя и отказаться от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо беспартийной буржуазно-демократической интеллигенции, которые в своих контрреволюционных целях злоупотребляют коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т.д. являются пустым словом, политическим прикрытием... Репрессии... диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоеванные у пролетариата позиции...»¹⁹⁴.

Таким образом, можно предполагать, что участь «спецов» была предрешена: они подлежали активному подавлению и угнетению вплоть до физического устранения наиболее активных и последовательных оппонентов режиму, оппонентов идейных, т.е. самых опасных для власти.

Только необходимость в решении важнейших задач по восстановлению разрушенной войнами экономики заставила власть «сменить гнев на милость», пусть и временно, и активно использовать «бывших» как интеллектуальный ресурс. В стране был задействован принцип принудительного привлечения специалистов к выполнению необходимых работ, в том числе и не по их прямой специальности. Все они подлежали обязательной постановке на учет. В Сибири вопросами учета и распределения технических специалистов ведало специальное бюро при Совнархозе (СибБУРТС), подчинявшееся Главному бюро учета в Москве. В подчинении СибБУРТСа находились отделы в Иркутске, Красноярске, Томске, Барнауле, Семипалатинске, Омске и Новониколаевске. Учету подлежали лица, окончившие в России или за границей специальные технические учебные заведения, практики без наличия специального образования, но занимавшие не менее двух лет руководящие должности на промышлен-

¹⁹⁴ Цит. по: Викторов Б.А. Указ. соч. С. 44–45.

ных, транспортных и сельскохозяйственных предприятиях, студенты технических вузов, получившие специальное образование художники, граверы, декораторы, скульпторы, архитекторы и др. Зарегистрироваться должны были профессора и ассистенты вузов, руководящий персонал предприятий и учреждений и другие руководители. К июлю 1920 г., по неполным данным, в Томской, Омской, Алтайской, Иркутской и Енисейской губерниях было учтено 4 572 специалиста (горняки, геологи, механики, электротехники, строители, химики, специалисты сельского хозяйства и лесоводы, военные специалисты и др.), примерно 58% из них находились в Томской, 24% – в Иркутской и 13% – в Омской губерниях¹⁹⁵. Не были забыты и специалисты в области сельского хозяйства, медицины, образования и др.

Проведение мероприятий по мобилизации способствовало увеличению численности специалистов, состоявших на государственной службе, но одновременно показало и неэффективность этих мер, так как специалисты не были заинтересованы в результатах своего труда. По этой причине середина 1920-х гг. ознаменовалась смягчением политики по отношению к специалистам, т.е. сработал ленинский принцип заключения компромиссов. Так, например, на III Сибирской краевой партконференции в марте 1927 г. первый секретарь крайкома С.И. Сырцов, выступая с резкой критикой «антиспецовских» настроений, заявил: спецы нам нужны; мы их ценим, поскольку у нас имеется недостаток своих спецов; необходимо их поставить в такие рамки, чтобы они чувствовали, что мы дорожим ими, – таков был набор его аргументаций в пользу специалистов, дополненный угрозой и предупреждением: дорожить, но не заигрывать со спецами до тех пор, пока мы не можем заменить их более подходящими¹⁹⁶. Прямой прагматизм; оставалось только дожидаться, когда появятся «более подходящие» – уже советские – специалисты.

Однако пока формировалось новое поколение специалистов, пусть и не имевших практического опыта, эксперименты над экономикой (догнать и перегнать и т.п.) привели к тому, что потребовались «козлы отпущения», каковыми и стали «старые» специалисты. На них сваливали все просчеты, неполадки, факты нарушения производственной и трудовой дисциплины, техническую неграмотность рабочих, пришедших к станку от сохи и не имевших профессиональных знаний и навыков, чью-то лень и безответственность, а также имевшие место акты вредительства, диверсий и поджогов, от которых сложно было отделить аварии и происшествия по причинам технических неполадок, сбоев производственных процессов и т.д., т.е. происшествий, вызванных объективными причинами. А «вредительская» деятельность позволяла оправдывать все провалы и упущения, допускаемые руководством всех уровней и но-выми «командирами производства».

¹⁹⁵ Осташко Т.Н. Государственное регулирование профессиональной деятельности интеллигенции в период «военного коммунизма» // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири... С. 11–12.

¹⁹⁶ Цит. по: Соскин В.Л. Ученые Сибири в фокусе дискриминации (20-е гг.) // Дискриминация интеллигенции... С. 88.

Необходимо было учитывать и фактор негативного отношения к специалистам как со стороны новых руководящих кадров, так и со стороны рядового персонала. Требования «спецов» строго соблюдать производственную дисциплину, нормы и правила работы на оборудовании часто воспринимались как надуманные придирки. При каждом удобном случае им напоминали, что они «бывшие». Любое происшествие списывалось на их неприятие социалистических преобразований, тем более что печать активно тиражировала тезисы партийно-советского руководства страны о враждебном отношении специалистов из числа «бывших» к новому строю.

Взаимоотношения между «старыми» и «новыми» специалистами четко определены в постановлении закрытого заседания президиума Сибкрайсовнархоза от 24 мая 1928 г.: «...наличие значительного количества специалистов, **чуждых советскому строительству и не приспособленных к нему... замкнутость и нежелание специалистов, особенно старых практиков, поделиться с молодняком полученным ими опытом**». И далее отмечалась позиция молодых специалистов: «**Наличие в среде молодых специалистов явлений самомнения и отсутствия с их стороны подходов к использованию опыта старых специалистов**»¹⁹⁷. Постановляющая часть одним из первых пунктов провозглашала необходимость пересмотра имевшихся кадров на предмет замены «буржуазных и неприспособленных к советскому строительству элементов». Этот документ интересен хотя бы тем, что открыто демонстрировал отношение к старым «спецам» как курсу государственной политики. С другой стороны, как-то несерьезно звучит определение молодых специалистов – «молодняк», неоднократно употребляемое в документе, т.е. сквозит некое прене-

¹⁹⁷ Постановление закрытого заседания президиума Сибкрайсовнархоза «О кадрах специалистов сибирской промышленности» от 24 мая 1928 г. См.: Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932 : сб. документов. Новосибирск, 1999. С. 145–147. Здесь уместно привести предсмертную записку покончившего жизнь самоубийством в октябре 1928 г. технического директора Новосибирского мыловаренного завода Петра Михайловича Жаркова, 1896 г.р., ур. Забайкалья, получившего образование в Швейцарии, Италии, Германии, доктора наук. В записке, адресованной правлению Сибкрайсоюза, давая оценку мерам в отношении старых специалистов, он писал: «При создавшемся положении, когда вместо того, чтобы максимально использовать небольшие ресурсы умственных сил нашей страны, мы занялись истреблением интеллигенции, полагая потворством люмпен-пролетарским и шкурническим элементам упрочить существующий порядок, не остается никаких надежд на социалистический строй. Невежественные РКИ и прокуратура и лишённые чувства ответственности профсоюзные вельможи, не смеющие потребовать от рабочих того напряжения, которое диктуется положением народного хозяйства, не могут, конечно, вести честную борьбу с бузотерами, которые вот-вот овладеют всей жизнью.

Я сделал посильный вклад на общее благо и теперь, не видя возможности продолжать работу, я предпочитаю уйти совсем, положение крепостного раба я не в состоянии далее выносить. Я, будучи нищим, не оставляя семье даже крова, прошу Правление об одном: дать средства на воспитание моего сына. Я сломился на работе Сибкрайсоюза и полагаю, что в этой просьбе не встречу отказа.

Для успешного развития промышленного предприятия необходима единоличная власть в руках знающего дело человека, необходимо отбросить здесь всякое лицемерие. Система двух директоров – нелепость. Тайна прочного существования планового хозяйства [–] соединение знания с властью, у нас они нарочито разъединены[,] и мы гибнем». Там же. С. 316.

брежение к новым «командирам производства», если в это определение не вкладывался какой-либо иной смысл.

С учетом особенного статуса специалистов как потенциальных противников режима, в частности на протяжении 1920-х гг., в стране была организована и четко действовала система их учета, разработанная и реализуемая через решения ЦИК и СНК. Эта система позволяла контролировать любые действия специалистов, связанные со сменой мест работы или жительства, так как целым рядом нормативно-правовых актов (в том числе и местного уровня) предусматривалось обязательное согласование перехода на новое место работы с руководителями организаций и учреждений (где ранее работал и куда собирался поступить на работу или учебу). С начала 1920-х гг. интеллигенция постоянно находилась в поле зрения ВЧК–ГПУ. Особое внимание к ней было вызвано тем, что в силу обстоятельств среду специалистов и служащих пополнили выходцы из дворянства, буржуазии и других ранее привилегированных сословий и групп. Кроме того, лидерами всех политических движений небольшевистской направленности также были представители интеллигенции. По этой причине Ф. Дзержинский в сентябре 1922 г. писал И. Уншлихту: «Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) Беллетристы; 2) Публицисты и политики; 3) Экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т.д.); 4) Техники (здесь также подгруппы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты; 5) профессора и преподаватели и т.д. и т.д.). Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа должна быть освещена всесторонне... Сведения должны проверяться с разных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно, чего до сих пор не было... Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т.е. внесение в их ряды разложения и выдвигания тех, кто готов без оговорок поддерживать советскую власть...»¹⁹⁸.

В обязательном порядке до начала 1927 г. все организации и учреждения представляли в органы ОГПУ анкеты и автобиографии поступавших на службу специалистов и служащих. С 1927 г. в органы стали направлять списки (помесячные и годовые) всех служащих с обязательным указанием сведений, освещавших их жизненный путь – от установочных данных до партийной принадлежности в прошлом и настоящем, отношении к воинской обязанности (с указанием мест и времени прохождения службы, наличия воинской специальности), результатов прохождения «чисток» и многого другого. В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР (май 1928 г.) «О персональном учете инженеров, техников, агрономов и иных специалистов народного хозяйства» была введена их регистрация в органах Наркомата труда. С работающих специалистов либо поступающих на службу требовалось предъявление доку-

¹⁹⁸ Цит. по: Красильников С.А. Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики 20-х – начала 30-х гг. // Дискриминация интеллигенции... С. 26–27.

ментов, свидетельствовавших об их постановке на учет. Все это давало государству возможность по мере необходимости привлекать нужных специалистов для решения народнохозяйственных задач – развития новых отраслей промышленного производства, организации строительства новых городов и предприятий, освоения необжитых мест и т.п., а чекистским органам – осуществлять за ними оперативный контроль, как и за прочими «бывшими».

В этих условиях особое место отводилось органам ВЧК–ОГПУ, на которых возлагались обязанности организации оперативного (секретного) изучения «спецов», направленного на выявление их политических взглядов, отношения к советской власти, а также сбора компрометирующих материалов. На решение этих задач были ориентированы и бюро содействия чекистским органам, созданные в организациях и учреждениях. Согласно первоначальным планам их предполагалось использовать для работы с конкретными политическими оппонентами большевиков, однако среди специалистов таких было немало. Нарбатываемая информация систематизировалась и накапливалась, чтобы в удобный момент быть извлеченной на свет для использования по назначению, чаще всего в ущерб тому, кого она касалась.

С.А. Красильников привел пример одного такого «целевого обзора» политических настроений интеллигенции¹⁹⁹. Подготовленная руководством ОГПУ докладная записка в ЦК ВКП(б) давала «срез» реакции представителей разных слоев интеллигенции на государственную политику. Даже простое ознакомление с перечнем разделов документа позволяет сделать вывод о достаточно глубокой проработке вопроса. Авторы записки сообщают об изменении политических взглядов значительной части интеллигенции и об её отказе от явных антисоветских проявлений. На первый план у интеллигенции выдвинулись проблемы неудовлетворенности проводимой в стране политикой и поиск возможных легальных методов борьбы с советской властью.

Характеризуя отдельные слои интеллигенции, авторы записки, например, подчеркивали, что старая профессура представляет собой сплоченную группу, которая зачастую, используя свой научный авторитет, выступает по отдельным вопросам экономической жизни единым фронтом в противовес общественным и партийным организациям вузов. Наряду с вузами центральной части России и Урала упоминался и Томск. В качестве вывода отмечалось, что профессура «советизируется» чрезвычайно слабо: «Тесно спаянная правая её часть... представляет собой явно враждебную соввласти непримиримую группу... Эта враждебность только в отдельных случаях проявляется открыто. Как общее правило – враждебная соввласти политика реакционной профессуры хорошо замаскирована академизмом и аполитичностью»²⁰⁰.

В этой оценке профессуры просматривается явная тенденциозность и предвзятость, начиная хотя бы с навешивания ярлыка «реакционная». Содержание записки однозначно свидетельствовало о нежелании представителей новой власти в тех же

¹⁹⁹ См.: Красильников С.А. Политические настроения послереволюционной интеллигенции в обзоре ОГПУ (лето 1926 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1996. № 2. С. 72–80.

²⁰⁰ Там же. С. 75–76.

вузах посмотреть на происходившие в учебном процессе явления, например на систему набора студентов, с позиций «старой» профессуры. Представители её в данной записке рассматривались не как живые люди и специалисты, опыт и знания которых необходимо впитывать и изучать, а как некий неодушевленный придаток одного из «механизмов» советской системы – статисты.

В ЦК ВКП(б) документ не мог остаться без внимания. В самой партии в эти годы не утихали политические баталии, а посему важно было владеть ситуацией в стране, в том числе в высших учебных заведениях. Ведь подготовку будущих советских руководителей и специалистов вели потенциальные противники, идеологически не разоружившиеся в большинстве своем, пусть и грамотнейшие специалисты и ученые. Более того, осторожность оценок настроения интеллигенции и скрытое, но читаемое предупреждение органов ОГПУ об её враждебности к советской власти также не могло не беспокоить партийно-советское руководство страны. Можно согласиться с С. Красильниковым в том, что данная докладная записка могла сыграть важную роль в предыстории преследований «спецов».

Упоминаемую в докладной записке спаянность «бывших» легко объяснить. Это были люди одного круга, одного сословия, объединенные интересами, взглядами, образом жизни, одинаково ущемленные большевиками и все потерявшие при новой власти. Только в общении с себе равными они могли отвлечься от реалий действительности, вспоминать о прошлом, мечтать о будущем.

7 октября 1927 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ были осуждены по ст. 58-5 УК РСФСР к высылке через ПП ОГПУ в Сибирь (без указания конкретного места) сроком на три года проживавшие в г. Новосибирске Н.А. Щукина, Н.Б. Колюбакин, Д.О. Тизенгаузен и П.В. Бражников. Из материалов дела бывшего барона Д.О. Тизенгаузена, хранящихся в архиве УФСБ РФ по Новосибирской области²⁰¹, стало известно, что в Новосибирске в середине 1920-х гг. сложилось объединение на неформальной основе из числа «бывших». В него вошли вышеназванные лица: Щукина Н.А. – бывшая дворянка, врач; Тизенгаузен Д.О. – бывший дворянин, при царской службе – губернатор в чине статского советника, на момент ареста – консультант по финансово-экономическим вопросам крайплана; Колюбакин Н.Б. – бывший дворянин, Бражников П.В. – бывший офицер, а также Новомбергский Н.Я. – бывший дворянин, профессор Томского университета, в 1918–1919 гг. занимал пост товарища министра внутренних дел в Колчаковском правительстве; Болдырев В.Г. – бывший член Уфим-

²⁰¹ Папков С.А. «Социально опасные субботники» барона Тизенгаузена и его друзей. См.: Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. С. 358–375. Статья 58-5 УК РСФСР предполагала «склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т.п.». Полагаю, что совершение чего-либо из перечисленного в условиях Сибири в названный период времени было практически невозможно, однако следствию было видней.

ской директории и командующий одной из белых армий (о нем уже было рассказано выше), и другие из числа «бывших». Их объединяла социальная принадлежность, общность политического мышления и «одинаковость антисоветского отношения к существующему порядку и проводимым мероприятиям советской власти и партии».

В июне 1926 г. были арестованы участники организации. Проведенное уполномоченным КРО ПП ОГПУ Шульделем следствие позволило предъявить четверым «главным» фигурантам обвинение в совершении преступления по ст. 58-5 УК РСФСР, применявшееся на практике крайне редко. Всем было инкриминировано создание группировки антисоветского характера, стремившейся к объединению враждебного существующему порядку элемента с целью всемерного возможного содействия всякой деятельности, клонящейся к подрыву власти и государственного строя.

Заместитель Новосибирского окружного прокурора Иванов с предъявленным обвинением не согласился, отметив: «...добытым материалом НЕ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ наличие образования контрреволюционной организации с определенными целями АКТИВНОГО выступления против власти или ОКАЗАНИЯ СОДЕЙСТВИЯ и помощи международной буржуазии, что «субботники» (вечера встреч. – В.У.) устраивались лишь узко определенным кругом лиц антисоветского направления, что деятельность обвиняемых... не выходила из пределов антисоветских рассуждений и брюзжаний... Однако устанавливается, что все четверо обвиняемых безусловно являются АНТИСОВЕТСКИМ элементом, что проявленные ими действия составляют, бесспорно, СОЦИАЛЬНУЮ ОПАСНОСТЬ...». По этой причине он соглашался с предложением Новосибирского окротдела о передаче дела для внесудебного рассмотрения в Особое совещание Коллегии ОГПУ. Кроме того, Иванов отметил и тот факт, что на собраниях группы присутствовали только «свои» люди, т.е. представители одного сословного круга, «иной раз человек до 30»²⁰².

А могло ли быть иначе? Сложно представить общую кампанию из дворян, князей, чиновников, офицеров и членов большевистской партии, рабочих, крестьян и других представителей новой власти и нового строя. Во-первых, вряд ли нашлось бы что-либо их объединявшее, а во-вторых, классовое размежевание в те годы носило ярко выраженный и обостренный характер.

Судьба членов этого неформального объединения трагична. Еще ранее многие из них арестовывались органами ВЧК–ОГПУ, не избежали они репрессий и в будущем. Так, например, в 1937 г. были расстреляны В.Г. Болдырев и Д.О. Тизенгаузен, оставивший после себя целую серию рассказов и зарисовок, характеризовавших советскую действительность тех лет, что ему и инкриминировалось по настоящему делу.

В конце 1920-х гг. на органы ОГПУ возложили и задачи по борьбе с вредительством, основными «проводниками» которого были объявлены, как уже отмечалось выше, старые кадры специалистов. Уже в 1927 г. партийно-советское руководство страны обязало органы ОГПУ усилить репрессии за халатность, непринятие мер охраны и пожарной безопасности на производстве. Халатность должностных лиц, по-

²⁰² Папков С.А. Указ. соч. С. 362–363.

влекшая за собой взрывы, разрушения, пожары, порчу оборудования, имущества и т.п., была приравнена к государственному преступлению²⁰³. Казалось бы, что власть понять можно, так как начавшаяся в СССР промышленная революция очень дорого обходилась государству по причине огромных затрат на возведение промышленных гигантов, закупку дорогостоящего импортного оборудования и его монтаж, оплату труда иностранных специалистов, помогавших возводить эти объекты, и многое другое. В этих условиях на счету был каждый рубль. Но государство, ужесточая политику, как бы «забывало» о самом важном – о кадрах, которым приходилось реализовывать планы экономического прорыва в будущее. Ведь самые опытные и грамотные специалисты из «бывших» не могли справиться с многотысячными технически неграмотными и необученными коллективами. Власть не могла ждать, полагая, что репрессиями сможет придать экономическим преобразованиям нужное ускорение и темпы. По этой причине органам ОГПУ были значительно расширены права при расследовании дел о вредительстве, дано право вынесения смертных приговоров. Практически все дела рассматривались во внесудебном порядке.

К этому же периоду относится введение в практику упрощений трактовки контрреволюционных преступлений. Так, например, XVIII пленум Верховного суда СССР 2 января 1928 г. принял постановление «О прямом и косвенном умысле при контрреволюционных преступлениях», которое ориентировало органы суда и прокуратуры на понимание того, что лицо, совершившее указанные действия, не ставя при этом перед собой контрреволюционной цели, подпадало под эти действия. Все это дало судебным органам возможность привлечения к уголовной ответственности лиц при недоказанности факта контрреволюционного умысла²⁰⁴.

Результат такого подхода сказался уже летом 1928 г., когда в СССР был организован и проведен политический процесс по так называемому «Шахтинскому делу». К ответственности были привлечены десятки инженеров и техников из числа «бывших» за проведение «вредительской» деятельности. Многим из них, кстати, сроки лишения свободы были заменены на «ссылку» в Кузбасс, где они продолжили работать в угольной промышленности²⁰⁵. Реализация этого проекта партийно-советского

²⁰³ В начале второй половины 1920-х гг. в стране были зафиксированы многочисленные случаи пожаров и взрывов на промышленных объектах. Только в январе – феврале 1927 г. на предприятиях государственной важности произошло 157 пожаров, взрывов и попыток данных деяний, в апреле в стране произошли 75 пожаров, 7 взрывов, 51 техническая авария, в июне – 210 происшествий, в ноябре – 14 пожаров, 1 взрыв, 18 технических аварий. См.: История советских органов государственной безопасности. Макет учебного пособия. М., 1967. С. 164, 184. Несомненно, основная их часть не имела отношения к умышленным действиям со стороны «врагов» и «вредителей».

²⁰⁴ Осташко Т.Н. Власть и интеллигенция: динамика взаимоотношений на рубеже 1920–1930-х годов // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1998. № 2. С. 20–21; Соломон П. Советская юстиция при Сталине... С. 130; Викторов Б.А. Без грифа «Секретно»... С. 147–148.

²⁰⁵ См.: Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 84–86. Но и в Кузбассе названные специалисты «прижились» не все, многие были репрессированы в последующие годы. В «Информационном бюллетене» № 33 ЭКО ПП ОГПУ по Сибкраю о финансово-производственном состоянии и специалистах Кузбассстреста от 28 апреля 1928 г. (гриф «Совершенно секретно») отмечалось,

руководства страны позволила И. Сталину в апреле 1929 г. на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) заявить, что «вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма»²⁰⁶.

Последующие процессы начала 1930-х гг. («Промпартия», «Трудовая крестьянская партия» («ТКП») и «Союзное бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)») явились продолжением политики дальнейшего разгрома кадров научной и производственно-технической интеллигенции²⁰⁷. В повседневной прокурорско-судебной практике стало возобладать течение перекалфикации во вредительство простых обвинений в халатности и злоупотребления служебным положением (властью). Даже незначительное выведение из строя оборудования по причине отсутствия квалификации рассматривалось как «мелкое вредительство». Однако определяющим в этом сочетании становилось слово «вредительство».

Еще одним свидетельством особого отношения к специалистам явилось дело «вредителей снабжения», когда по причине ухудшения обстановки с продовольствием в стране была «раскрыта» контрреволюционная организация, ставившая своей целью организацию в стране голода и недовольства широких рабочих масс, чтобы содействовать свержению диктатуры пролетариата. Согласно официальной позиции организацию возглавляли профессора А.В. Рязанцев и Е.С. Каратыгин – специалисты Наркомата торговли СССР. К высшей мере наказания – расстрелу – были приговорены 48 чел., о чем 25 сентября 1930 г. сообщила центральная пресса. Западная Сибирь также не осталась в стороне от борьбы с вредителями в области снабжения, свиде-

что «в связи с раскрытием заговора специалистов в Шахтинском районе производственная деятельность треста, а также участие в ней специалистов была подвергнута анализу в духе шахтинского вредительства. Предпосылки такого анализа... имеются». А в докладной записке ПП ОГПУ «О политсостоянии горняцких органов Сибкрая» от 7 сентября 1928 г. уже конкретно отмечалось, что до событий в Донбассе «ненормальности» на производстве в большинстве случаев объяснялись «объективными причинами», неумением руководителей «наладить горное дело, бесхозяйственностью отдельных администраторов» и т.п. Шахтинское же дело заставило посмотреть на деятельность специалистов со стороны их возможного вредительства. В записке утверждалось, что «полтора-двухлетняя деятельность специалистов, выписанных из Донбасса, привела к целому ряду просчетов, злоупотреблений, преступной халатности», к непроизводительным затратам на предприятиях треста «Кузбассуголь». Отмечались многочисленные случаи вредительства со стороны технического персонала и специалистов. См.: Власть и интеллигенция в сибирской провинции... С. 139, 313.

²⁰⁶ Сталин И. Собр. соч. М., 1953. Т. 12. С. 14. Осташко Т.Н. в работе «О правом уклоне в ВКП(б)» заменила слово «буржуазной» на «старой», что не изменяет смысла цитаты «вождя народов», но, на мой взгляд, нарушает принцип объективности.

²⁰⁷ Академик Н.И. Вавилов в своем письме друзьям за границу 7 октября 1931 г. писал: «**Эта (прошлая ныне) весна была не очень легка для специалистов в СССР. Волна недоверия** в связи с процессами Рамзина, Суханова, Осадчего и др. пошла дальше и **выразилась недоверием вообще к интеллигенции**. Началась суровая и, как правило, несправедливая критика под углом якобы диалектического материализма. Устранено от заведования много специалистов. Часть была даже под арестом в связи с обвинениями в контрреволюции. Это не подтвердилось во многих случаях, но немало людей пострадало зря». См.: Савина Г.А. Чистые линии (В.И. Вернадский и Н.И. Вавилов) // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М. : Наука, 1995. С. 19.

тельством тому явилось «мясное дело», которое расследовали сотрудники ОГПУ в 1930–1931 гг.

14 мая 1930 г. за подписью заместителя полномочного представителя ОГПУ по Ивановской промышленной области Бермана и начальника ЭКО ПП Рысина в Экономическое управление ОГПУ было направлено с просьбой о принятии мер письмо следующего содержания: «Поступившее за последние месяцы из заготовительных пунктов в Ивпромобласть большими партиями мясо по своему качеству к употреблению в пищу почти совершенно непригодно, так как имеет гнилостный запах и следы явного разложения. Мясо засолено преступно небрежно и упаковку имеет скверную. Так, например: мясо хорошее по качеству упаковано в бочках вместе с испорченным; присланная солонина транспортировалась в полуразвалившихся корзинах, худых бочках, завернута солонина в брюшины и кишки, не очищенные от навоза... в поступающих партиях было смешано мясо рогатого скота с кониной, верблюжатиной, бараниной, зайчатчиной и дичью. Кроме того, даже попадались в партиях куски вареного мяса, кости и головы коровьих туш. За последние три месяца было заслано... недоброкачественного мяса 56 тонн и 470 килограмм.

Особо недоброкачественно было мясо, поступившее из Новосибирска...

Мясо весенних отправок, прибывающее из Башкирской Республики и Сибири, крайне недоброкачественно и в пищу мало пригодно... В середину бочек, с явно вредительской целью, в хорошее мясо вложены куски совершенно разложившегося.

Распределение по потребителям недоброкачественного мяса вызывает нарекание среди рабочих Ивановской промышленной области. От употребления недоброкачественного мяса имеются случаи заболеваний...»²⁰⁸.

Копии этого письма были направлены в партийные органы и ПП ОГПУ по Сибкраю и Башкирский областной отдел ОГПУ, т.е. в регионы, откуда были организованы поставки недоброкачественного мяса.

Уже 25 мая, в соответствии с резолюцией (подпись неразборчива. – В.У.) «проинформировать строгое расследование и арестовать виновных», ПП ОГПУ по Сибкраю было начато расследование, а вскоре была «раскрыта» контрреволюционная вредительская организация в сибирской системе мясозаготовительных организаций и возбуждено уголовное дело.

После знакомства с многотомным уголовным делом можно с полным основанием предположить, что действительно имели место случаи вредительства. Сложно разглядеть «злой умысел» в действиях Бермана и Рысина, составивших данное письмо, так как в материалах дела представлены многочисленные акты обследования некачественных мясопродуктов²⁰⁹. Однако, на мой взгляд, расследование дела вылилось в поиски «врагов», а не действительных виновников случившегося.

²⁰⁸ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 11516. Т. 6. Л. 531.

²⁰⁹ Там же. С. 306–323.

Папков С.А. в своем рассказе о «мясном деле» ведет речь о том, что крестьянство, «спасая [скот] от коллективизации», стало в массовом порядке забивать и распродавать его, а заготовительные пункты

Так, следствие установило, что организация возникла и оформилась в 1929 г. и состояла из бывших владельцев и служащих частных мясоторгующих фирм, бывших белых офицеров, дворян и прочего чуждого элемента, а возникновению организации способствовала деятельность контрреволюционной вредительской группировки в Сибмясопродукте в 1925 г. К 1929 г. сфера влияния «контрреволюционеров» распространилась на Сибкрайторготдел, Сибживотноводсоюз, Сибкрайсоюз, Сибзу, а также «на наиболее важные по заготовкам районы – Омское, Славгородское отделения Сибконторы «Союзмясо» и Алтайский животноводсоюз.

Как удалось «выяснить» сибирским чекистам, «вредительская организация... была тесно связана с раскрытой ОГПУ вредительской организацией в продовольствии, возглавляемой проф. Рязанцевым и Каратыгиным (по всей стране в это время шли судебные процессы данной направленности. – В.У.), а также раскрытой ПП ОГПУ к-р организации в с/х-ве Сибирского края, и конечной целью ставила свержение советской власти путем подрыва экономической мощи, создания кризиса в снабжении продуктами питания, вызываемых на этой почве политических осложнений и установление буржуазно-демократического строя...»²¹⁰. Конкретная деятельность сибирских «вредителей» сводилась к дезорганизации мясных заготовок и снабжения населения мясными продуктами, а также систематической порче мясных продуктов при переработке.

Состав организации, вне всякого сомнения, был «контрреволюционным». Так, К.К. Быковский, заместитель уполномоченного Сибконторы «Союзмясо», окончил три курса Ленинградского технологического института, из дворян, бывший офицер, дважды судим при советской власти; Г.Г. Соколов – инспектор по нагулу и откорму скота той же организации, имел незаконченное высшее образование, в прошлом – анархист, бывший офицер царской и колчаковской армий, также уже был судим; А.Н. Жданов некогда примыкал к правым эсерам. Остальные члены организации были под стать названным. Все стояли на антисоветских позициях. Например, М.Я. Заруховичу инкриминировалась антисоветская позиция в том, что в 1917 г. он по своим политическим убеждениям сочувствовал народной партии (трудовиков), хотя в ней не состоял. В своих показаниях он отмечал: «Постепенно с 1920 года, с момента моей работы в советском аппарате, политические взгляды несколько изменились (в сторону советской власти. – В.У.)... но я не согласен с проводимой политикой по организации крупных животноводческих и свиноводческих совхозов. Не со-

стали скупать резко подешевевшее мясо и скот без всяких нормативов. Отсутствовало какое-либо регулирование этих процессов, «быстро образовавшиеся неимоверные запасы сырья перерабатывать не успевали, и продукция начала гибнуть. Порча была огромной. Выбываясь из сил, государственные заготовители на скорую руку производили переработку и засолку мясного товара, чтобы немедленно отправить его в промышленные районы страны». См.: Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. С. 87.

Полагаю возможным согласиться только отчасти с этим посылом, так как последней фразой автор практически подтверждает факт вредительства при переработке мяса – «на скорую руку». Можно и на этот момент «закрывать глаза», признав мой довод натяжкой, но как быть со смешиванием видов и сортов мяса, вплоть до зайчатины с дичью, кусков вареного мяса, костей и голов коровьих туш и т.п. Наличие подобных примеров никак не стыкуется с оценкой ситуации, изложенной С. Папковым.

²¹⁰ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 11516. Т. 8. Л. 1–2.

гласен я также и с организацией животноводческих колхозов, ибо считаю, что в этих колхозах нет достаточного количества специалистов, которые могли бы поставить на должную высоту разведение животноводства. Не согласен я и с тем, что **почти ко всем специалистам** (выделено мною. – В.У.) относятся с недоверием»²¹¹.

Применительно к обстановке тех лет эти рассуждения были антисоветскими. Когда вся страна в «едином порыве» строила социализм, скептикам и оппонентам места не было, даже если их аргументы были объективно верными. Кроме того, в материалах дела имеется аналитическая записка М.Я. Заруховича «Мясной вопрос в Сибири», написанная 21 августа 1930 г. скорее всего по просьбе следователей. Он отмечал, что ситуация на мясном рынке в Сибири день за днем ухудшается, показывая объективные и субъективные причины этого явления. Например, к объективным он относил новые формы крестьянского хозяйства, коллективизацию, перегибы в этой области, новые формы заготовки скота, контрактацию, когда крестьяне, не понимая новых методов, забивали в большинстве случаев всю скотину. Органы же Наркомторга «шли по ветру», позволив вдвое превысить план по покупкам и заготовкам мяса. Свои аргументы автор записки подкреплял расчетами и выкладками.

Одной из основных причин создавшегося положения он считал ошибочность действий руководства «Союзмяса», которое за полтора года «...разогнало почти всех специалистов, смеющих иметь собственное мнение, заменив всех более молодыми, не способными отстоять хозяйственную сторону... В настоящее время аппарат Союзмясо разрушен, особенно в округах, людей очень много, но один не знает, что делает другой, и вообще ералаш»²¹². Еще одним моментом, повлиявшим на «мясную» проблему, было привлечение к решению этих вопросов теоретиков, засевавших в руководящих органах, а не практиков. На местах выполняли часто не совсем продуманные и обоснованные решения, так как понимали, чем может грозить невыполнение «планов партии и народа». В частности, это проявлялось при контрактации, когда были задействованы политически безграмотные люди, для которых главное – выполнить директивы, а каким образом – неважно.

По итогам анализа ситуации М.Я. Зарухович высказал почти полтора десятка практических советов и рекомендаций. Так, он предлагал доверить организацию работы специалистам, доброжелательно относящимся к государственному строительству, которые за десять лет советской власти доказали свою преданность ей, поручив контроль за их работой членам партии. Его мысль о привлечении специалистов носила явно «антисоветский» характер: пересмотреть аппарат всех организаций при участии специалистов, выбросить всех лже-специалистов, которые случайно попали на свои места и вместо знаний берут апломбом и нахальством. Признать это – значит признать некомпетентность многих советских чиновников и руководителей – «моло-

²¹¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 11516. Т. 8. Л. 23.

²¹² В результате чистки госслужащих в 1929 г. аппарат треста «Союзмясо» был совершенно парализован. Из треста были изгнаны все специалисты, остались только «политически благонадежные», но не способные к практической работе. См.: Папков С.А. Указ. соч. С. 87.

дых командиров производства», на которых советская власть и делала упор в своей кадровой политике. Большой крамолы представить было невозможно.

В завершении этого документа М.Я. Зарухович отметил: «Может быть, я написал несколько резко, возможно, внес субъективную оценку в известной степени, но я это дело люблю и совершенно хладнокровно в настоящий момент не смогу подойти к нему. Кроме того, надо сказать, что в течение такого краткого времени и на бумаге все и не изложишь»²¹³.

Шесть страниц машинописного текста можно рассматривать в качестве серьезного программного документа патриота, но никак не врага советской власти. Последние слова только усиливают это впечатление, ощущается серьезная озабоченность сложившейся ситуацией. Однако следователи смогли получить документ, подтверждающий враждебность намерений «контрреволюционеров».

Результатом работы следователей явились два заседания Коллегии ОГПУ (20 и 25 апреля 1931 г.) и следующие решения: к высшей мере наказания – расстрелу – были приговорены 6 чел.²¹⁴, двоим из них расстрел был заменен заключением в концлагерь сроком 10 лет, такое же наказание получили еще 14 чел. К 5 годам концлагерей были приговорены 18 чел., к 5 годам с высылкой в Восточную Сибирь – 1, к 3 годам концлагерей с высылкой в Среднюю Азию – 1, еще 11 чел. получили этот же срок с высылкой в Восточную Сибирь. Двое были осуждены к заключению в концлагерь на три года, а еще троим было запрещено проживание в 12 пп (пунктах проживания). Всего были осуждены 56 чел. Только в 1936 г. Президиум ЦИК СССР изменил сроки наказания нескольким осужденным²¹⁵.

Данное дело – яркий пример деятельности органов ОГПУ тех лет, когда контрреволюционные организации «разоблачались» регулярно, подтверждая идею обострения классово-партийной борьбы. Выше уже отмечалось, что главными действующими лицами этого уголовного дела стали «бывшие» и политические оппоненты большевиков, многие были ведущими специалистами народного хозяйства, радели всей душой за свою работу. Вне всякого сомнения, не они портили мясо, обрабатывая его и упаковывая, как описано в письме Бермана и Рысина, не они спускали плановые цифры, не они требовали их выполнения всеми возможными и невозможными способами, не они и должны были нести ответственность за происшедшее. Но на их примере было удобно и выгодно преподнести урок другим, чтобы не забывали, кто они и каково их место и положение в обществе, строящем социализм, провозгласившем равенство всех и вся, гарантировавшем соблюдение прав и свобод.

Дело Трудовой крестьянской партии стояло в ряду дел «вредителей» особняком, так как «положило» конец спорам о путях развития сельского хозяйства в стране – по-

²¹³ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 11516. Т. 6. Л. 528–530.

²¹⁴ С.А. Папков вел речь о **пяти** приговоренных к расстрелу. См.: Папков С.А. Указ. соч. С. 87–88.

²¹⁵ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 11516. Т. 8. Л. 78–79. Э. Радзинский привел выдержку из послания Сталина Молотову от 13 сентября 1930 г.: «Надо бы все показания вредителей по рыбе, мясу, консервам и овощам опубликовать немедленно. И через неделю дать сообщение, что все эти мерзавцы расстреляны. Надо всех их расстрелять». См.: Радзинский Э.С. Сталин. М., 1997. С. 269.

беда осталась за «планами партии». Результаты этой победы – в разгроме «правого уклона» ВКП(б) и сокрушительном ударе по ученым-аграрникам. В течение второй половины 1930-х гг. в стране прошли аресты в научных организациях и структурах, имевших отношение к сельскому хозяйству. Так, Т. Осташко, со ссылкой на исследование Ю. Борисова, отмечает, что только в Москве действовали девять подпольных групп ТКП: в системе сельхозкооперации, сельхозкредита, в Наркомате земледелия РСФСР, в НИИ сельскохозяйственной экономики, Тимирязевской сельскохозяйственной академии и т.д. Значительное число подпольных групп, по информации ОГПУ, действовало на местах, преимущественно в земельных органах. В регионах по делу ТКП в 1930–1932 гг. было арестовано более 1 000 чел., позднее число арестованных еще увеличилось. А. Тепляков привел свидетельство одного из осужденных по этому делу – Сереженикова: «Мы уцелели, хотя побуждение покончить с собой было у многих и многих... Постоянное предложение о сознании со ссылкой на реплику Горького «не сдающегося врага – уничтожить», тяжелое положение семьи и безвыходность положения, с другой стороны – посулы сразу облегчить режим, дать свидание и возбудить ходатайство о выпуске, перспектива спасти семью... привели к тому, что я попросил бумаги и написал признание»²¹⁶. Так он писал журналисту газеты «Известия» Л.С. Сосновскому.

В Сибкрае аресты членов Сибирского филиала ТКП начались в августе 1930 г. К числу «врагов» были отнесены ведущие специалисты земельных органов, научно-опытных учреждений Сибири и преподаватели ряда высших учебных заведений (краевое земельное управление и краевая станция защиты растений, Сибполеводсоюз и управление сельхозкредита, сельхозинститут и краевая опытная станция и т.д.). Руководителями «краевого центра» были объявлены краевой агроном профессор И.И. Осипов и директор краевой опытной сельскохозяйственной станции профессор С.С. Марковский, которые через своих сторонников и «соучастников», в частности большую группу ученых, смогли организовать систематическую контрреволюционную вредительскую деятельность по срыву социалистической реконструкции сельского хозяйства. В отношении С.С. Марковского к моменту ареста был накоплен обширный «компромат». Так, уже в мае 1929 г. в документе СибКК – РКК «Предложения о чистке по Западно-Сибирской областной опытной сельскохозяйственной станции» утверждалось, что С. Марковский – «...бывший помещик в Омской губернии..., бывший активный деятель партии меньшевиков. В период колчаковщины служил в его армии добровольцем. В 1925 г. по чистке соваппарата уволен с сельскохозяйственной станции. Позднее сумел себя зарекомендовать лояльным советским работником и вновь устроиться на станцию, фактически же **представляет из себя отъявленного контрреволюционера, непримиримого врага существующего политического строя** (выделено мною. – В.У.)»²¹⁷. Далее в документе приводились многочисленные примеры его «контрреволюционности».

²¹⁶ Тепляков А.Г. Машина террора... С. 260.

²¹⁷ Цит. по: Кузнецов И.С. Сибирские «кондратьевцы» в годы «великого перелома» // Дискриминация интеллигенции... С. 174–175.

В августе – октябре 1930 г. по необоснованным обвинениям во вредительской деятельности в области сельского хозяйства и в принадлежности к ТКП были арестованы и постановлением коллегии ПП ОГПУ от 20 апреля 1931 г. осуждены по ст. 58-4-7-11 УК РСФСР: Сабашников В.В. (директор Енисейской опытной сельхозстанции, профессор) – к высшей мере наказания – расстрелу, Осипов И.И., Генделев А.Е., Скорняков И.Н., Жуйков И.М. (заведующий сельхозотделом краевого земельного управления) – на 10 лет, Шилдаев И.С. – на 5 лет концлагерей²¹⁸. Всего по делу Сибирского филиала привлекались к ответственности 69 чел., 35 из которых постановлением Коллегии ПП ОГПУ от 20 апреля 1931 г. были признаны виновными и осуждены по ст. 58-4-7-11 УК РСФСР²¹⁹. Решения по «мясному делу» и делу Сибирского филиала ТКП Коллегия ОГПУ приняла в один день, тем самым, на мой взгляд, подтвердив их связь между собой как по составу участников – большинство обвиняемых были специалистами из «бывших», так и по характеру предъявленных обвинений.

Дело ТКП было «возрождено» сотрудниками НКВД в 1937 г. Вновь были «выявлены» многочисленные «филиалы и вредительские группы» в научных, плановых и земельных организациях Сибири. Число арестованных составило 3 617 чел.²²⁰, среди них оказались специалисты-аграрники, уже отсидевшие несколько лет в лагерях по делу Краевого филиала ЦК ТКП.

В архиве УФСБ РФ по Томской области хранится дело контрреволюционной организации в Бактериологическом институте, «планировавшей» проведение террора с применением бактериологических средств. Дело было возбуждено 2 апреля 1931 г., а уже 31 июля оперуполномоченный 2-го отделения ОО ПП ОГПУ по ЗСК Скрипко вынес постановление, в котором констатировал: «Материалами следствия установлено, что в Томском Санбактериологическом институте под влиянием его директора – проф[ессора] Бутягина²²¹, проникнутого идеями буржуазно-демократического строя,

²¹⁸ Кузнецов И.С. Указ. соч. С. 163. Постановлением Новосибирского облсуда от 16 марта 1963 г. все реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления.

²¹⁹ Осташко Т.Н. Власть и интеллигенция... С. 21–23; Она же. Дело «Краевого филиала ЦК Трудовой крестьянской партии»: Политический заказ и его воплощение // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1999. № 2. С. 92–94. По социальному положению члены организации – бывшие помещики, фабриканты, дворяне, офицеры и пр., связанные между собой и капиталистическим строем общностью прошлой работы, идеологии и объединившиеся на общем для всех невосприятии советского строя, резко враждебном отношении к советской власти и осуществляемым мероприятиям по социалистическому переустройству хозяйства. В соответствии с приговором двое были осуждены к ВМН – расстрелу, 18 чел. – к 10, 11 – к 5, 3 – к 3 годам концлагерей и один – к высылке в Восточную Сибирь. В последующие годы (1931–1936) 8 чел. были освобождены из-под стражи, а одному мера наказания сокращена до трех лет. В марте 1963 г. все осужденные по делу Краевого филиала ЦК ТКП постановлением Президиума Новосибирского облсуда были реабилитированы. См.: Власть и интеллигенция в сибирской провинции... С. 290, 342–343.

²²⁰ Отчет УНКВД по Новосибирской области об итогах оперативной работы за 1937 год; Папков С.А. Указ. соч. С. 212. Только в Томске в 1937–1938 гг. были арестованы 37 чел. по делу ТКП (подсчитано автором по материалам банка данных репрессированных жителей области).

²²¹ Бутягин Павел Васильевич, 1867 г.р., ур. с. Замытое Белецкого уезда Тверской губ., из семьи псаломщика, проживал в г. Томске с 1894 г., профессор университета до и после революции. См.: Боль людская... Т. 1. С. 142.

на основе одинаковомыслия, заключающегося в невосприятии существования соввласти как формы государственного правления, сложилась и существовала контрреволюционная вредительская группировка специалистов в составе: директора Бутягина, заведующего вакцино-оспенным отделением Силаенкова²²² и исполняющего обязанности заведующего санитарно-гигиеническим отделением Емельянова²²³, всячески саботировавших, дезорганизующих вредительскими своими действиями советские мероприятия в области здравоохранения, внося тем самым ослабление обороноспособности страны в обстановке назревающей интервенции со стороны капиталистических государств...»²²⁴. Всем было предъявлено обвинение по ст. 58-7-11 УК РСФСР.

Интересны механизм и причины возбуждения уголовного дела. В обвинительном заключении было указано: «В связи с раскрытием ОО ОГПУ и местными органами ОГПУ в Москве, Ленинграде, на Украине (согласно материалам следствия томичи с 1925 г. имели контакты с сотрудниками Днепропетровского санбактериологического института – членами контрреволюционной организации Союз освобождения России. – В.У.) и Н[ижне]-Волжском крае, ЦЧО и СКК в декабре 1930 г. к-р вредительской организации, объединявшей реакционную часть профессуры и научных работников в области медицинской и ветеринарной бактериологии, ОО ПП ОГПУ ЗСК **была подвергнута особому обследованию и изучению** (здесь и далее выделено мною. – В.У.) деятельность сан.-бакт. учреждений в Запсибкрае.

Путем таких мероприятий к апрелю с/г было **выявлено ряд ненормальностей** в работе краевого сан.-бактериологического института в г. Томске, аналогичных с преступными действиями упоминаемой выше к-р организации бактериологов... Начато расследование, которым установлено: в составе специалистов Томского... института... за небольшим исключением, оказались преимущественно люди, не разделяющие советских мероприятий в силу своего социального прошлого и идеологической враждебности в данное время, проникнутые идеями буржуазно-демократического строя и сторонники последнего»²²⁵.

Изложенное выше заставляет задать ряд вопросов, хотя ответы вряд ли будут найдены. Во-первых, о каком особом обследовании и изучении речь, если дело каса-

²²² Силаенков Семен Герасимович, 1893 г.р., ур. Дорогобужского уезда Смоленской губ., проживал в Томске. См.: Боль людская... Т. 3. С. 116. М.В. Кликушин, со ссылкой на архивные данные, привел пример, что когда после его ареста жена Силаенкова обратилась в горбюро секции научных работников с просьбой об оставлении детей в детском саду секции, ей было отказано. Причина отказа была оформлена в виде заявления о том, что «за отсутствием мест в детском саду охвачены дети не всех членов секции, а **враг Силоенков** (так в тексте, выделено мною. – В.У.), бывший на учете в СНР, снят с учета как находившийся более 4 месяцев под арестом ОГПУ». См.: Кликушин М.В. Летопись арестов: научная интеллигенция Сибири в годы сталинских репрессий // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.): сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. С. 99.

²²³ Емельянов Николай Федорович, 1892 г.р., ур. с. Шулка Яранского уезда Вятской губ., проживал в г. Томске. См.: Боль людская... Т. 4. С. 117.

²²⁴ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2527. С. 317; Из истории земли томской. 1930–1933. С. 337–339.

²²⁵ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2527. С. 321.

лось очень узкой специализации в области медицины кто должен был это обследование проводить? Во-вторых, путем каких мероприятий был выявлен «ряд ненормальностей» и в чем их преступность? В-третьих, в чем их аналогичность с преступными действиями другой контрреволюционной организации бактериологов? Объяснение могу найти только по последнему вопросу: скорее всего ПП ОГПУ была получена какая-либо ориентировка из другого органа ОГПУ; информация из этой ориентировки и была использована в качестве базовой при поисках **аналогичной** информации в Томском институте.

А ключ к пониманию сути раскрытия «контрреволюционной» организации заключался во фразе, характеризующей враждебность работавших в институте специалистов по отношению к новой власти. Прямым подтверждением этого является первый довод следствия, приведенный в обосновании обвинения из показаний заведующего эпидемиологическим отделом института Ломакина: «Рассматривая... штат Томского краевого сан. бактина в целом, под углом зрения его идеологического отношения к советской власти, можно определенно сказать, что Бактин являлся по существу учреждением не советским. Большинство квалифицированных работников являются в большей или меньшей степени противниками соввласти»²²⁶.

После преамбулы автор обвинительного заключения (неизвестен, так как стоит помета «За» и подпись неразборчива) начал излагать суть изобличавших участников организации материалов преступной деятельности. Причем более десяти листов машинописного текста из шестнадцати содержат показания вышеупомянутого Ломакина, еще есть несколько «вкраплений» из показаний обвиняемых и менее половины страницы – показания заведующего сывороточным отделением Князева²²⁷.

Именно показания Ломакина, знавшего директора института профессора П.В. Бутягина еще по совместной работе в дореволюционный период, позволили сотрудникам ОО ПП ОГПУ по ЗСК «слепить» дело и осудить «преступников». Так, заведующий вакцино-оспенным отделением С.Г. Силаенков был осужден на 3 года концлагерей, директор института Бутягин – на 3 года концлагерей с заменой на высылку в Казахстан на тот же срок, а исполняющему обязанности заведующего санитарно-гигиеническим отделением Н.Ф. Емельянову (виновным себя не признал) было запрещено проживание в 12 пп. Западной Сибири и пограничных районах с прикреплением к постоянному месту жительства на 3 года²²⁸. В отношении проходивших по делу О.И. Шевяковой и И.Р. Ломакина²²⁹ – участников группы «первого состава» об-

²²⁶ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2527.

²²⁷ Там же. С. 321–336.

²²⁸ Там же. С. 345. Известно, что в 1942 г. Емельянов работал профессором в Башкирском мединституте, а профессор Бутягин в годы Великой Отечественной войны по результатам научной деятельности был награжден орденом Красной Звезды и знаком «Отличник здравоохранения».

²²⁹ Ломакин Иван Родионович, 1889 г.р., ур. Польши, проживал в г. Томске, профессор бактериологического и медицинского институтов, повторно арестован в 1937 г. и как «член японо-эсеровской шпионско-диверсионной террористической группы» из 9 чел. расстрелян в Томске в декабре 1937 г. См.: Архив

виняемых – 1 августа дело было прекращено по причине их активного сотрудничества со следствием.

Учитывая серьезность предъявленного обвинения и специфику объекта, на котором была выявлена «контрреволюционная» организация, видимо, чистосердечных показаний» Ломакина оказалось недостаточно для вынесения более сурового приговора. Возможно, руководством ОГПУ было учтено, что в названный период работы подобных институтов имели важнейшее значение для укрепления обороноспособности страны и борьбы с эпидемиями на территории страны при недостаточном количестве высококвалифицированных специалистов, а потому и такое наказание посчитали достаточным. Цель – в очередной раз преподать урок «бывшим» или разделявшим их позиции и взгляды – была достигнута.

1931 год ознаменовался в Сибири еще одним разоблачением «врагов от науки». Разгрому подверглось «Общество изучения Сибири и её производительных сил» (ОИС), возникшее в Новосибирске еще в 1925 г. Организация задумывалась как орган планирования и координации научно-исследовательской работы в Сибири. Филиалы ОИС действовали практически во всех крупных центрах Сибири, наиболее активную часть членов Общества составляли известные специалисты и ученые с многолетним практическим опытом из числа «бывших». Во взаимодействии с государственными структурами края, в частности с крайпланом, ОИС был организован учет и информационное сопровождение практически всех научных экспедиций на территории Сибири в 1927–1929 гг. Общество добилось значительных успехов в работе по изучению производительных сил края, были определены потребности и приоритеты научных исследований, решен целый ряд других задач, имевших важное народнохозяйственное значение, и т.д.

ОГПУ ЗСК в соответствии с установками Центра выявило восемь «отраслевых к.-р. вредительских групп» в рамках ОИС – на Алтае, в Томске, Новосибирске и Омске. Дело ОИС стало частью операции по разгрому Западно-Сибирского отделения Русского географического общества, так как почти все члены ОИС автоматически входили в него²³⁰. Обе организации были признаны вредительскими, а многие члены ОИС ранее уже привлекались к ответственности органами ОГПУ. Так, профессор Омского сельхозинститута ботаник В.Ф. Семёнов, бывший директор Сибирского краевого НИИ экономики и организации социалистического сельского хозяйства профессор (краевой агроном) И.И. Осипов, экономист-аграрник И.Н. Скорняков – по делу ТКП («сибирская кондратьевщина»), математик А.Л. Иозефер, садовод П.И. Кортусов, метеоритолог П.Л. Драверт и бывший член городской управы Т.П. Белоногов – по делу группировки эсеров в Омске и т.д.

УФСБ РФ по Томской области. Д. П-765; Боль людская... Т. 2. С. 387. Так сложилась его судьба, в то время как все осужденные по делу организации в бактериологическом институте остались живыми.

²³⁰ Поварцов С. Как это было. Петр Драверт и дело ОИС (по материалам Омского архива ФСБ) // Забвению не подлежит... Т. 3. С. 172.

В постановлении от 21 марта 1931 г. о принятии дела к производству отмечалось, что преступная деятельность арестованных выражалась в образовании контрреволюционной группы для противодействия советскому строительству, т.е. подпадала под действие ст. 58 УК РСФСР. Материалы в отношении Драверта и Иозефера были выделены «в особое производство». Несмотря на привлечение в ходе следствия почти полутора десятков свидетелей, направленное в Особое совещание Коллегии ОГПУ дело (по ст. 58-4-7 УК) было возвращено в ПП ОГПУ по ЗСК без обвинительного решения. В новом постановлении следователя ПП ОГПУ было отмечено, что «в процессе следствия сговора и нелегальных организационных связей, а следовательно, организационно оформленной к.-р. вредительской организации не установлено. Выявлено лишь антисоветское настроение обвиняемых, ряд факторов антисоветской агитации с их стороны...». Дело было сдано в архив, арестованные освобождены²³¹.

Причина такого решения, вынесенного Особым совещанием, не ясна, но следует признать, что обвиняемым сильно повезло, ибо такое решение явилось редчайшим исключением.

В последующие годы ни одно крупное уголовное дело, возбужденное органами ОГПУ в Западной Сибири, не проходило без «участия» в них специалистов из числа «бывших». Так было и по делу «Белогвардейского заговора», по делам в сельском хозяйстве, лесной промышленности и др. Например, по первому из них был арестован М.Б. Шатилов – директор Томского краеведческого музея (более подробно о нем уже говорилось). Казалось бы, при чем здесь директор музея, ведь «заговор» – это дело преимущественно по военным. Но следователи «доказали» и наличие связей с бывшими военными, и проведение вредительства, в частности в музейном деле. Скорее всего, арест Шатилова явился прямым следствием «академического дела». Более того, аресты краеведов и музейных работников органами ОГПУ начались еще с 1927 г. – периферийные краеведческие общества рассматривались ими в качестве филиалов «контрреволюционной» организации «Всенародный союз борьбы»²³². Эту категорию специалистов «впутать в политику» для сотрудников органов было делом рядовым: интерес этих «спецов» к истории, хранение ими различного рода документов служебного и личного характера и т.п. позволял любого из них легко подвести под «контрреволюцию». Кроме того, в деле Томского филиала имелось много документов в отношении изобретателей: какие-то «мутные» люди – что-то творят и выдумывают.

Сибирь занимала особое место в экономике страны. Промышленность в годы Гражданской войны пришла в упадок. В 1921 г. валовой объем промышленного

²³¹ Поварцов С. Указ. соч. С. 173–179.

²³² См.: Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М.: Прогресс; Феникс; Atheneum, 1991. Вып. 1. С. 220–221. В 1929 г. в Томске, например, был арестован и осужден на 6 месяцев лишения свободы заведующий главной библиотекой и библиограф университета А.И. Милютин по обвинению в хранении в библиотеке «вредной» литературы. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2606; «Боль людская»... Т. 2. С. 257. Его арест был проведен по аналогии с делом академика Платонова, обвиненного, в частности, в хранении в библиотеке Академии наук книг «контрреволюционного» характера.

производства составил всего около 20% от довоенного уровня, а из 1 640 крупных промышленных предприятий работала лишь незначительная часть, да и то не на полную мощность. Наполовину сократилась добыча угля, выплавка чугуна и стали составляла только около 4% от уровня 1913 г., прекратилась разработка медных, свинцовых и цинковых рудников²³³. Единственным живым «организмом» в этих условиях, несмотря на серьезный кризис (речь об этом ниже), продолжала оставаться Транссибирская магистраль. Руководство страны прекрасно понимало её место и роль в экономической, военной и политической составляющих жизни государства. Здесь в начале 1920-х гг. была сосредоточена основная масса специалистов, от позиции и отношения к службе которых зависело многое. Именно эта группа специалистов-железнодорожников одной из первых попала под жесткий контроль чекистских органов.

За годы Первой мировой и Гражданской войн железнодорожный транспорт пришел в упадок. Уровень работы железных дорог к началу 1920-х гг. был значительно ниже дореволюционного. Во время военных действий было разрушено около 80% железнодорожной сети, свыше 4 тыс. железнодорожных мостов, 59% паровозов и 23% вагонов нуждались в ремонте. Транспорт пострадал в годы войны на сумму, более чем в два раза превышавшую убытки, понесенные всей промышленностью. Резко уменьшилось число перевозок. В 1920 г. грузооборот составлял лишь 27,8% в сравнении с 1913 г., а число аварий в 1921 г. возросло в 6 раз. Железные дороги испытывали острый недостаток топлива. По этой причине в начале 1921 г. остановилось движение на 31 железнодорожной линии. Чрезвычайно сократился объем продукции паровозо- и вагоностроительных заводов. В 1920 г. отечественные предприятия выпустили лишь 61 паровоз и 129 вагонов (соответственно в 15 и 283 раза меньше, чем в 1915 г.)²³⁴.

В Сибири колчаковцами было разрушено 167 железнодорожных мостов, в том числе через реки Обь, Тобол, Ишим и Иртыш, взорвано 2 000 км железнодорожных путей, выведено из строя 66 железнодорожных водокачек, 70% паровозов и тысячи вагонов, разрушено несколько вокзалов. Оставшийся подвижной состав нуждался в серьезном ремонте (табл. 10).

К началу 1921 г. ситуация практически не изменилась. Так, например, на Омской железной дороге продолжали оставаться неисправными 45,3% паровозов, четверть товарных и около половины пассажирских вагонов. В целом в январе 1921 г. на Транссибирской магистрали исправными были только 716 из 1 403 паровозов²³⁵.

²³³ История Сибири. Т. 4. Л. : Наука, 1968. С. 151, 190–191.

²³⁴ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. М. : Политиздат, 1983. С. 296.

²³⁵ Богданов М.А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961. С. 6.

Количество паровозов на железных дорогах Сибири (на 25 июня 1920 г.)

Название железной дороги	Данные о количестве паровозов, в том числе:				
	Всего	Исправных	В ремонте	Ожидавших ремонта	% «больных»*
Омская	497	243	151	103	51
Томская	748	394	174	180	47
Забайкальская	483	222	95	166	54
Всего	1 728	859	420	449	50

Примечание. Таблица составлена автором по данным отчета начальника Сибирского округа путей сообщения в Сибревком о состоянии железнодорожного транспорта (июль 1920 г.). См.: Сибирский революционный комитет... С. 126–127.

* «Больными» считались паровозы, нуждавшиеся и находившиеся в ремонте.

Что касается вагонов, то на 18 июня 1920 г. на железных дорогах числились 50 999 товарных (из которых «больных» – 9 449 (15,4%), в том числе 1 314 горелых и разбитых), и 1 884 классных вагона, из них «больных» – 661 (34%)²³⁶.

Чрезвычайно остро ощущался недостаток угля. Зимой 1921 г. топливный голод в Сибири вызвал паралич всей магистрали. Во второй половине 1921 г. запасы угля на Сибирской магистрали сократились с 1 477 тыс. пудов в июне до 409 тыс. пудов в ноябре, что привело к полному прекращению людских перевозок и остановке движения на большинстве участков дороги. Не было возможности даже отправить паровозы со снегоочистителями²³⁷. На Омской железной дороге маршруты стояли без движения неделями. В январе 1921 г. таких маршрутов было до 38, а в феврале – до 45²³⁸.

В 1920–1921 гг. грузооборот Сибирской железнодорожной магистрали – главной транспортной артерии России – составлял лишь 10% от уровня 1914 г.²³⁹

В этих условиях найти «контрреволюцию» было несложно. Например, осенью 1921 г. на Алтае «была нащупана... антисоветская группировка, охватывающая как город [Барнаул], так и железнодорожный район...»²⁴⁰. Группировка идентифицировалась как не выявленные ранее участники эсеровского Сибирского крестьянского союза. Были арестованы около 200 чел., в том числе около 50 чел. железнодорожных служащих, преимущественно из числа инженеров, техников, членов комитета профсоюза.

Много арестов проводилось среди сотрудников Томской железной дороги. Дорожно-транспортная чрезвычайная комиссия (ДТЧК) регулярно информировала Томскую губчека о неблагоприятной обстановке среди рабочих и служащих управления дороги²⁴¹. В мае 1924 г. в ходе ревизии Томской губернской прокуратуры представители Народного комиссариата юстиции отмечали, что только сотрудниками дорожно-

²³⁶ См.: Отчет начальника Сибирского округа путей сообщения в Сибревком о состоянии железнодорожного транспорта (июль 1920 г.). См.: Сибирский революционный комитет... С. 128.

²³⁷ Халецкая А.А. Экспедиция Ф.Э. Дзержинского в Сибирь (1922 г.). Омск, 1963. С. 7.

²³⁸ Сибирский революционный комитет... С. 243–244.

²³⁹ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография... С. 214.

²⁴⁰ Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»... С. 146–147.

²⁴¹ Из истории земли томской. 1921–1924... Документы № 8, 9, 19.

транспортного отдела ОГПУ и только в 1923 г. было возбуждено 14 дел по обвинению в контрреволюционной деятельности и 584 дела по обвинению в преступлениях по должности; арестованы 213 чел. (9 и 204 соответственно). В 1924 г. количество дел увеличилось, за первые четыре месяца было возбуждено уже 235 уголовных дел. При этом следует обратить внимание, что в связи с непростой ситуацией на транспорте предлагалось органам следствия и дознания все аресты производить через соответствующие органы транспортных отделов ОГПУ. Такой циркуляр был направлен прокурором Омской губернии Калмыковым всем уездным помощникам прокурора, так как «ввиду особых условий работы на железнодорожном... транспорте... снятие с работы сотрудников транспорта влечет за собой перебои в движении»²⁴².

Виновными обычно становились специалисты-управленцы. Так, в частности, по делу о контрреволюционной организации на Томской железной дороге в числе других специалистов дважды (в 1921 и 1922 гг.) арестовывался А.Н. Тихомиров. С учетом происхождения – дворянин, награжденный шестью орденами и двумя медалями от царского правительства, – сделать это было легко и просто. В обоих случаях дела в отношении Тихомирова прекращались, но после очередного ареста в 1930 г. он был осужден к 10 годам концлагерей с заменой на высылку через ПП ОГПУ в Западную Сибирь на тот же срок²⁴³. Вне всяких сомнений, осужден он был не за совершение какого-либо конкретного преступления, а за прошлое – «бывший».

Томская газета «Красное знамя» 2 марта 1922 г. опубликовала статью «Суд над управленцами», в которой было рассказано о состоявшемся в Томском реввоенжелдорводтрибунале рассмотрении дела по обвинению служащих Управления Томской железной дороги в подготовке к всеобщей забастовке, агитации против коммунистов и будировании масс на открытое выступление. Безымянный автор статьи подчеркивал, что враги советской власти (обвиняемые. – В.У.) воспользовались ухудшением материального положения и снабжения продовольствием рабочих и служащих, вызванного неурожаем 1921 г., и предприняли конкретные действия по организации своего выступления.

Сотрудниками ДТЧК были произведены аресты 25 организаторов выступления (исключительно интеллигенты и полуинтеллигенты, среди них – специалисты с высшим образованием, есть и мелкая сошка, «попавшая по глупости»). Главным фигурантом по делу был архитектор чертежного управления бывший кадет Я.Я. Родюков. Большая часть арестованных виновными себя в устройстве заговора не признала, так как «действовала бессознательно, по глупости, от безысходности», а дело носило чисто экономический характер.

Однако приговор был достаточно суров. Я.Я. Родюков, А.А. Семёнов и В.В. Скрылёв (младший) были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу (не знаю, по какой причине, но автор статьи почему-то указал, что приговор в отношении

²⁴² Доклад прокурору Республики о результатах ревизии Томской губпрокуратуры, проведенной в период с 15 по 22 мая 1924 г. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 30. Л. 21 об., 31.

²⁴³ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-9846.

названных лиц был принят в 22.00 28 февраля и вступал в силу через 48 часов²⁴⁴. Возможно, были сомнения или разногласия у членов трибунала. Л.П. Скрылёва-Капишникова, Б.С. Скрипов, А.П. Беляева, М.М. Пухарев, Е.И. Колосов и И.А. Ипполитов были осуждены на 5 лет дома принудработ; Г.И. Длугач, Д.М. Нестеров²⁴⁵, Н.Н. Самойлов и П.В. Шитиков – на 3 года принудработ с содержанием под стражей, еще 5 человек – на 1 год принудработ условно, 7 оправданы. Но это дело в отношении «железнодорожников» было далеко не последним.

Преследования специалистов-железнодорожников в Сибири в начале 1920-х гг. за «политику» были явлением обычным, так как число «бывших» среди них достигало почти 80% (2 371 чел. из 2 599 специалистов, от дорожного мастера до начальника округа). Так, Л.И. Пыстина приводит данные, что в докладах политсекретариата Сибирского округа путей сообщения в 1923 г. постоянно отмечались случаи «враждебных» проявлений со стороны «буржуазных спецов», констатировалось переполнение дорог СибОПС «не только пассивно враждебным, но и прочно контрреволюционным элементом из числа высшего комсостава», бежавшего в Сибирь с Урала и Поволжья. О неблагополучии на железнодорожном транспорте в апреле 1923 г. в циркулярном письме упоминал и нарком путей сообщения Ф. Держинский, так как имели место многочисленные случаи увольнения железнодорожников по мотивам политической неблагонадежности. В ходе проведенных в сентябре – октябре «чисток» аппарата железных дорог в Сибири только на Омской дороге были уволены 350 чел.²⁴⁶ Вне всякого сомнения, отдельные из них были подвергнуты аресту.

Летом 1928 г. были осуждены к лишению права проживания в 6 населенных пунктах с прикреплением к постоянному месту проживания сроком на 3 года «антисоветчики» Н.С. Андреев, Д.А. Бердинский, А.И. Ильин, П.Д. Бессонов и И.Л. Панов – все работники отдела сборов Томской железной дороги. Идеино связанная между собой группа «вела систематическую антисоветскую агитацию, высмеивала все мероприятия советской власти, называла лиц, находящихся у власти, кучкой грабителей, распускала слухи о засилье евреев в госаппарате, утверждала, что освещение в печати успехов развития народного хозяйства является ложью»²⁴⁷. Набор обвинений очень серьезный, но определенный «либерализм» при вынесении приговоров еще присутствовал.

²⁴⁴ Председатель Реввоенжелдорводтрибунала Чернаков сообщил о вынесении смертного приговора телеграммой с пометами «Вне всякой очереди», «смертная» в Транспортную коллегию Верховного трибунала Республики. Приговоренные были обвинены в «подготовлении восстания против Соввласти под видом достижения удовлетворения экономических требований, срыве [и] прекращения движения на дороге... как главные инициаторы и организаторы для этой цели ряда незаконных собраний». В отличие от газетной информации, было указано «20.20 московского времени». См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 79.

²⁴⁵ Нестеров Дмитрий Михайлович, 1877 г.р., ур. Князепетровского завода Красноуфимского уезда Пермской губ., проживал в г. Томске, старший счетовод материальной службы Управления Томской ж. д. В октябре 1920 г. привлекался к ответственности за принадлежность к партии эсеров. Дело было прекращено в декабре 1920 г. См.: Боль людская... Т. 5. С. 154.

²⁴⁶ См.: Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты»... С. 42–43.

²⁴⁷ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11412.

Конечно, специалисты-управленцы не были главными «вредителями и контрреволюционерами», тем более что документы подтверждают это. В конце 1920-х гг. дорожно-транспортные отделы ОГПУ железных дорог страны были обязаны изучать ситуацию на транспорте и докладывать в партийные органы для возможного принятия мер обо всех случаях и ситуациях, негативно влиявших на работу железнодорожного транспорта. Подготовленные сотрудниками дорожно-транспортного отдела ОГПУ аналитические документы очень ярко показывали истинные причины и проблемы, поразившие железные дороги страны, главными из которых являлись техническая отсталость, низкая профессиональная подготовка персонала и слабая трудовая дисциплина. Так, в бюллетене ДТО ОГПУ Томской железной дороги от 31 января 1928 г. отмечалось, что «большая нарушенность трудовой дисциплины объясняется отчасти развитым... пьянством. Имеется ряд случаев появления на службе агентов дороги в пьяном виде; уход с работы до окончания работ; невыход на работу паровозных бригад при вызовах; самовольное оставление машинистами паровозов на кочегарах и проч. Следствием такого отношения... к служебным обязанностям на дороге имеется масса случаев происшествий с движением поездов, происходящих по вине рабочих и служащих: столкновение паровозов и вагонов при маневрах, прием поездов на занятые пути, въезды на станции при закрытых семафорах, пожары на паровозах и проч.»²⁴⁸. Как результат подобного положения дел – случаи происшествий с причинением большого ущерба, каковых только в октябре – декабре 1927 г. на дороге было зафиксировано 397.

Подобная ситуация сложилась и на Омской железной дороге²⁴⁹.

Эти примеры говорят о многом. Но когда заходила речь о поисках виновных, то начинали действовать принципы классового подхода и деления на «социально чуждых» и «социально близких».

Органы ОГПУ начиная с весны 1928 г. информировали партийное руководство страны о вредительстве на железнодорожном транспорте, представив данные на несколько «вредительских» организаций из числа железнодорожников. По решению апрельского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б) была организована проверка органами ОГПУ на железных дорогах. Из 7 011 проверенных подлежали увольнению за политическую неблагонадежность 537 чел. (7,6%), перемещению на менее ответственную работу – 654 чел. (9,3%) и т.п., всего около 20% проверенного состава подлежали

²⁴⁸ Выписка из бюллетеня № 1 дорожно-транспортного отдела ОГПУ Томской железной дороги [январь 1928 г.]. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 180. Л. 29. В декабре 1928 г. газета «Красное знамя» констатировала увеличение происшествий на Томской железной дороге. В докладе председателя производственного сектора Управления дороги Витгефта отмечалось, что в 1926–1927 гг. на дороге произошло 1 208 происшествий, а в 1927–1928 гг. – 998, но уже с ноября 1928 г. стал фиксироваться рост происшествий. В 1928 г. произошло 20 столкновений с поездами на дороге, 21 – при маневрах, 55 сходов поездов, 5 пожаров в поездах, 61 нарушение правил движения, 513 разрывов поездов и т.д. (Красное знамя. 1928. 8 дек.). Насколько эти результаты явились следствием вредительской работы, судить сложно. Скорее всего, это следствие сложившейся на дороге обстановки, начиная от вышеназванных причин до простого ухудшения технического состояния и старения парка подвижного состава.

²⁴⁹ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 180. Л. 32–33.

увольнению или перемещению на более низкие должности. К маю уже было готово обвинительное заключение о контрреволюционной вредительской организации в НКПС²⁵⁰. Проведенная «зачистка» резко обострила проблему нехватки кадров, и уже в августе – сентябре 1931 г. ОГПУ и НКПС инициируют вопрос об освобождении от наказания ряда ранее осужденных специалистов.

С согласия наркома транспорта Я. Рудзутака весной 1928 г. ОГПУ провело проверку резервного парка. Проверка коснулась в первую очередь техники, включенной в мобилизационный резерв, так как имела угроза возникновения вооруженных конфликтов или развязывания войны. Было установлено, что если в 1925 г. было 6 924 единицы техники, то на 1 мая 1928 г. осталось только 2 200, из которых 1 000 подлежала сдаче на слом. На Балтийской дороге из 65 паровозов годными к эксплуатации оказались всего два, не лучше была ситуация и на других дорогах²⁵¹.

Боролись с контрреволюцией и иными способами, в частности, путем проведения чисток организаций от нежелательных элементов. В качестве примера можно рассмотреть эту «борьбу» на Томской железной дороге. В июле 1928 г. комиссия из 5 чел., в которую входили два сотрудника ДТО ОГПУ и два «защитника» от профсоюзов, рассмотрела материалы и составила протокол более чем на 100 чел. из числа командного состава правления и линии Томской железной дороги. На каждого человека в протоколе отводилось всего несколько строк, чаще всего негативного, реже нейтрального характера. Часто в этих строках встречались фразы «настроен антисоветски», «к совласти относится враждебно», «бывший эсер», «бывший меньшевик» и т.д., затем следовал вывод – «уволить», «подлежит замене», «заменить членом ВКП(б)», «временно оставить» и т.п.²⁵² Поскольку в комиссии работали сотрудники ДТО ОГПУ, многие из названных в протоколе работников были позднее арестованы по обвинению в контрреволюционной деятельности либо за участие в антисоветских организациях.

В Государственном архиве Томской области хранится документ без указания адресата – «Список служащих управления Томской железной дороги, имевших в прошлом судимость или административные взыскания, а также бывших членов не-

²⁵⁰ Мозохин О. ВЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата... С. 319.

²⁵¹ Зданович. А. Указ. соч. С. 412.

²⁵² Из истории земли томской. 1925–1929... С. 265–271. Омским окружным земельным управлением в мае 1929 г. в Сибкрайзу был представлен список с политической характеристикой специалистов. В списке 26 фамилий, все «бывшие» или из кулацких семей. Среди характеристик – «настроен скрыто враждебно», «безразличен, аполитичен», «политическая физиономия не выявлена, скрытый, классовой линии не проводит, идеология кулацкая», «полит-физиономия выявляется, но идеологически нам чужда», «точно не выявлен, но идеологически не наш» и т.п. См.: Власть и интеллигенция в сибирской провинции... С. 248–253. Чтение таких характеристик наводит на мысль об «охоте на ведьм». Подписавшие этот документ заведующие окружного земельного управления и секретной части окрзу вряд ли были профессионалами, давая характеристики врачам и директору Сибветбактина (профессору), агроному и другим специалистам. Они «нашли» только политических «противников» (пока еще не вредителей), а не специалистов своего дела, да их и не интересовали личные и деловые качества характеризуемых – «классовая линия» и её проведение были более важными.

большевистских партий, бывших офицеров и т.п.». Документ датирован июлем 1930 г. и содержит краткие установочные данные (ФИО) на конкретных лиц (должности, «компромат» и т.д.). И вновь встречаем: «бывший...», «в прошлом активный враг советской власти», «антисоветский тип», «сын пристава», «в 1924 году обвинялся в халатном отношении к службе, литовец» и т.п.²⁵³ Вне всяких сомнений, документ был подготовлен к очередной чистке. Но важно даже не это. Ну, с бывшими все понятно, а в чем заключалась «активная вражда с советской властью»? А при чем здесь «сын пристава и т.п.», все в стране знали, что дети ответственности за родителей не несут – это ведь из области официальной государственной политики. А национальный вопрос? Не отсюда ли пошли ростки, приведшие в 1937 г. к появлению в недрах НКВД (с прямого указания и благословения коммунистического руководства страны) приказов о проведении репрессивных кампаний по отдельным национальностям?

Кроме субъективных причин сложной обстановки на железных дорогах, были и объективные. На рубеже 1920–1930-х гг. вырос объем грузооборота в связи с интенсивным развитием страны. Это привело к резкому увеличению числа аварий и происшествий, в отдельные месяцы от 400 до 1 000; причина – суперинтенсивная эксплуатация старого подвижного состава и высокая степень износа железнодорожного полотна, которое давно нуждалось в ремонте и реконструкции. Сибири по планам индустриализации отводилась ведущая роль и как сырьевой базе, и как будущему промышленному центру. По этой причине работе железной дороги, в частности Томской, уделялось особое внимание. Например, по инициативе крайкома ВКП(б) вопрос о положении дел рассматривался на краевом производственном совещании, а также на бюро Томского окружкома ВКП(б), в постановлении которого было отмечено: «Предложить органам прокуратуры, суда и правлению дороги принять самые суровые меры борьбы с проявлениями безответственности и вредительства на дороге. Окружком требует от административных, профсоюзных, партийных работников и рабочих дороги усиления своей классовой бдительности и настороженности в целях предотвращения каких бы то ни было попыток вредительства и срыва работы дороги со стороны врагов рабочего класса»²⁵⁴.

Подобные рекомендации и решения по сложившейся практике привели к поиску врагов. По прошествии всего нескольких дней газета сообщила читателям о состоявшемся на станции Тайга суде над группой вредителей в железнодорожных мастерских, трое из которых были осуждены по ст. 58-9, а шестеро – по ст. 111 УК РСФСР²⁵⁵.

Отреагировала на создавшееся положение и Москва: приказом Наркомата путей сообщения 23 марта был снят с работы председатель правления Томской железной дороги Чельшев, уволены член правления Тихомиров и начальник отдела тяги Соколов, а заместителю председателя правления Горячкову и начальнику эксплуатации

²⁵³ Из истории земли томской. 1930–1933... С. 315–318.

²⁵⁴ Красное знамя. 1930. 21 марта.

²⁵⁵ Там же. 23 марта.

Смячину объявлены строгие выговоры²⁵⁶. Но еще 18 марта был арестован Тихомиров, а Соколова²⁵⁷ арестовали 2 апреля.

Через некоторое время газета сообщила о разоблачении в правлении Томской железной дороги контрреволюционной вредительской организации. Возбужденное уполномоченным ДТО ОГПУ Томской железной дороги Новиковым уголовное дело стало в Томске одним из первых дел против старых специалистов. Оно было перспективным хотя бы по причине того, что на дороге каждый день происходило что-нибудь «вредительское» (регулярные происшествия). Дорога играла важнейшую роль в жизни страны, а посему всегда находилась в поле зрения сотрудников силовых структур. Еще в 1927 г. ПП ОГПУ по ЗСК Заковский, выступая на пленуме Сибкрайисполкома, в ответ на запрос 20 членов исполкома, заметил: «У нас нет уверенности, что главная магистраль, соединяющая нас с Дальним Востоком, железная дорога, не будет подвергаться... попыткам разрушения. Мы должны быть всегда готовы против всяких выступлений, которые готовит на нас капиталистический мир»²⁵⁸.

«Особенность» возбужденного дела заключалась в том, что оно хорошо укладывалось в развернутую в стране кампанию против всякого рода «бывших». К ответственности была привлечена группа из 9 чел., её цель путем развала транспортного хозяйства привести Томскую железную дорогу в катастрофическое состояние, чем способствовать ослаблению экономической мощи существующего строя, имея в конечном результате надежду на свержение советской власти. Были выявлены истоки организации, они лежали в контрреволюционной группировке НКПС – Центр, ликвидированной в 1928 г.

«Вредительская работа... контрреволюционной вредительской организации была начата в 1926–1927 гг. и выразилась в прямом разрушении и дезорганизации работы Томской ж.д.: а) подрыве её хозяйственной мощи путем физического разрушения паровозного парка; б) срыве рационализаторских мероприятий; в) в удорожании производимых работ; г) срыве плановых позиций по новому строительству; д) недоразвитии пропускной способности дороги – срывая тем самым кампанию по особо важным хозяйственным перевозкам; е) затоваривании дороги неходовыми материалами на миллионные суммы; ж) и, наконец, систематическом составлении нереальных перспективных планов о работе дороги с явным преуменьшением предполагаемого грузооборота и технических эксплуатационных измерителей, что, с одной стороны, ориентировало вышестоящие органы на необходимость крупных капиталовложений в новое паровозагоностроительство, а с другой – создавало успокоенность в отношении развития сибирского транспорта, в итоге являющегося на сегодняшний день «узким местом» в развитии социалистической экономики»²⁵⁹.

Обвинение смотрелось серьезно, однако в последнем пункте его присутствовало противоречие. С одной стороны, речь велась о дополнительных капиталовложени-

²⁵⁶ Красное знамя. 1930. 25 марта.

²⁵⁷ Соколов Николай Федорович, 1883 г.р., ур. г. Москвы, был осужден на 10 лет концлагерей.

²⁵⁸ Советская Сибирь. 1927. 12 июня.

²⁵⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-9846. Т. 11. С. 2–3; Уйманов В.Н. Репрессии... С. 166–167.

ях из-за «слабости» дороги, а с другой – чувствовалась «успокоенность в отношении ненужности развития сибирского транспорта». Но никто на это не обратил внимания. Проблемы с развитием транспорта признавал и сам Сталин. В своем выступлении на XVI съезде ВКП (б) он говорил, что «несмотря на громадное значение транспорта, хозяйство транспорта, реконструкция этого хозяйства все еще отстает от общего темпа развития. Надо ли еще доказывать, что при таком положении мы рискуем превратить транспорт в «узкое место» народного хозяйства, могущее затормозить наше продвижение вперед?»²⁶⁰. Следует признать наличие «единомыслия» у следователя и «вождя народов».

Обвинительное заключение по делу насчитывало более ста листов и состояло из восьми разделов. В этом документе приведены многочисленные выдержки из показаний обвиняемых, статистические выкладки и таблицы. Однако информационная насыщенность доказательной базы не соответствовала выводам. Практически все разделы начинались с определения «вредительство», а выводы демонстрировали достижения по большинству позиций в работе правления железной дороги. Так, по плану рационализаторских мероприятий, составленному «вредителями» Бортгаузен²⁶¹ и Магницким²⁶², среднесуточный пробег вагона и паровоза планировалось увеличить к 1932/33 г. до 130 и 181 км соответственно. По плану, составленному после их разоблачения, эти цифры выросли до 195 и 262 км соответственно²⁶³. По стране же эти характеристики в 1932 г. соответствовали 97,3 и 164,7 км и даже в 1939 г., когда значительно обновился паровозный и вагонный парк, среднесуточный пробег вагона составлял 145,2 км, а паровоза – 251,2 км²⁶⁴.

Что касается Томской дороги, то следователь сам в заключении отмечал: «Среднесуточный пробег товарного вагона по плану на первый год пятилетки 1926/27 г. был

²⁶⁰ Красное знамя. 1930. 1 июля.

²⁶¹ Бортгаузен Михаил Николаевич, 1886 г.р., ур. г. Ленинграда, арестован в 1931 г. и осужден на 5 лет концлагерей.

²⁶² Магницкий Алексей Андреевич, 1886 г.р., ур. г. Томска, арестован в 1930 г. и осужден на 3 года концлагерей.

²⁶³ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-9846. Т. 11. С. 88; Уйманов В.Н. Указ. соч. С. 167.

²⁶⁴ Большая советская энциклопедия. М., 1955. Т. 15. С. 629. К. Шлэгель отмечал, что рост числа аварий на железных дорогах страны был вызван не только физическим и моральным износом техники, но и все возрастающей интенсивностью эксплуатации подвижного состава. Так, в 1936 г. ежедневно в движении находились 87 000 вагонов, что на 32,4% больше, чем в предыдущем году. В целом в 1933–1938 гг. объем ежедневных грузоперевозок увеличился с 51 200 до 88 000 вагонов. Время рабочего цикла вагонов снизилось более чем на два дня, а скорость движения поездов возросла на 9,6 км/ч. С 1933 г. было проложено 5 тыс. км новых одноколейных и 8 тыс. км двухколейных дорог, обновлены 5 тыс. км старых дорог. В эксплуатацию вошли 6 тыс. локомотивов, 186 тыс. товарных и более 5 тыс. пассажирских вагонов. Но обновление подвижного парка не могло решить проблемы снижения аварийности на железных дорогах. Нехватка средств для планового ремонта путевого хозяйства, высокая интенсивность эксплуатации подвижного парка при недостаточном количестве его, несоблюдение графиков движения вызывало авральщину и штурмовщину, в ходе которых росло число допускаемых железнодорожниками нарушений, приводящих к тяжелым последствиям, многочисленным авариям, 40,5% из которых были вызваны разрушением путей. См.: Шлэгель К. Террор и мечта. Москва 1937. М.: РОССПЭН, 2011. С. 170–173.

принят 100 кил. и на последний год – 1930/31 – 105 кил. Фактическое выполнение в 1926/27 г. было 102,15 и, прогрессивно увеличиваясь, в 1928/29 г. уже было фактическое выполнение 126,03, далеко превысив с первого года плановые предложения.

Среднесуточный пробег паровоза по плану на первый год пятилетки 1926/27 г. – 130 кил. и на последний... – 140 кил. Фактически в 1926/27 г. ...уже было достигнуто 131,22 и, увеличиваясь в последующие годы, достигло 174,06 кил.»²⁶⁵.

Приведенные показатели доказывали высокий профессионализм «вредителей», но вывод следователя констатировал наличие вредительства, как и по другим планам работы на дороге. На практике просто выполнялись (и успешно) установки партийно-советского руководства страны по реализации планов индустриализации. Возможно ли все-таки вести речь о вредительстве? Ведь подвижной состав был сильно изношен, а первые советские паровозы, кстати, пассажирские, а не грузовые, появились лишь в 1925 г. Полагаю, что наверху знали о реальном положении дел, но признавать это не хотели.

Между тем членов группы обвинили в срыве планов нового строительства. В деле приведены десятки планов, схем, графиков и отчетов на сотнях страниц. Так, в докладе начальника планово-экономического отдела о железнодорожном строительстве в Сибири был дан глубокий и всесторонний анализ положения дел на дороге, показаны перспективы развития сети дорог, подкрепленные экономическими расчетами, в том числе и Госплана страны. Например, были высказаны предположения о нецелесообразности строительства линии Кузбасс – Тельбес в узкоколейном варианте; о целесообразности развития линии Кузнецк – Юрга в связи с планируемым пуском в 1932/33 г. Кузнецкого металлургического комбината и, наоборот, об оставлении открытым вопрос о линии Кузбасс – Новосибирск в связи с предполагаемым сокращением добычи угля на 278 млн пудов. В целях организации ритмичной и плановой работы дороги на основании двух последних факторов подчеркивалась необходимость развития Новосибирского узла. Планом предусматривалось решение комплекса вопросов, связанных с ликвидацией лесного «голода» юга Сибири и среднеазиатских республик (только сибирский рынок испытывал недостаток в лесе на 67%), переселением в Сибирь более 2 млн чел. в соответствии с планами правительства и др.²⁶⁶

Жизнь подтвердила правоту многих из этих положений. Видимо, уверенность в их правильности и не позволила В.В. Магницкому признать себя виновным.

Характеризуя состав группы, следователь указал, что костяк её составили старые инженеры-транспортники, преимущественно бывшие дворяне, личные почетные граждане из духовного звания и другие элементы социально чуждого происхождения. Практически все они приняли сторону советской власти и честно трудились во благо своего народа, но оказались «социально чуждыми» для руководства страны. Несмотря на то, что многие свидетельствовали в пользу обвиняемых, следователь методично раскручивал обвинительный уклон дела. Ему потребовалось почти 16 месяцев, чтобы «доказать вину» участников группы, да и то трое вину признали частично, а еще трое

²⁶⁵ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-9846. Т. 11. С. 83

²⁶⁶ Там же. Т. 10. С. 463–464, 459–460.

вины за собой не признали. Тем не менее прокурор Садковский нашел, что следствие по данному делу произведено с достаточной полнотой, факт преступления доказан.

Коллегия ОГПУ 23 августа 1931 г. вынесла решение об осуждении семидесятилетнего «идейного руководителя» группы А.Н. Тихомирова (дворянин, шесть орденов и две медали от царского правительства за безупречную службу, два ареста – в 1921 и 1922 гг. – за «контрреволюцию») на 10 лет концлагерей с заменой на высылку через ШИ ОГПУ в Западную Сибирь на тот же срок, а остальных – к заключению в концлагерь на сроки от трех до десяти лет²⁶⁷.

Уголовные дела в отношении лиц, работавших на разных отделениях железных дорог Западной Сибири, имели место постоянно и в 1930-е гг., так как положение с подвижным составом, организацией работы, профессиональной подготовкой рабочих и служащих оставляло желать лучшего. К этому вопросу мы еще вернемся, только замечу, что единственным отличием от судов 1920-х гг. стало резкое уменьшение среди обвиняемых и подсудимых из числа старых специалистов; от них, видимо, просто избавились всеми возможными способами на рубеже 1920–1930-х гг. Косвенным подтверждением этого могут служить воспоминания И.Н. Филатова, работавшего в 1930-е гг. на Омской железной дороге в числе её руководителей. Он писал, в частности: «Штаб управления был уже не тот. В каждой службе и во всех отделах были специалисты с дипломами. Техническое руководство полностью перешло в руки людей, закончивших советские институты и техникумы...»²⁶⁸.

Следует отметить, что ситуация на транспорте оставалась тяжелой. В связи с этим в 1931 г. были организованы специальные линейные суды на железнодорожном и водном транспорте. Прокуратура все чаще к расследованию дел, связанных с происшествиями на транспорте, стала привлекать следователей ОГПУ, но дела множились, а аварии и происшествия продолжались, так как первопричины – устаревший технический парк и его бездумная эксплуатация – оставались прежними. П. Соломон писал, что Л. Каганович в 1935 г. жаловался, что «прокуроры обвиняют, суды судят, а число нарушений растёт»²⁶⁹.

В ходе регулярных чисток проходил «просев» сотрудников всех железных дорог. Одновременно со следствием по делу названной «контрреволюционной» группы на дороге была организована чистка кадрового аппарата, длившаяся несколько месяцев. Из 763 служащих были уволены более 200, а из дирекции дороги «вычищены» 24 чел.²⁷⁰ Позднее, в период с 1 июня 1934 г. по 15 мая 1935 г., по материалам ДТО

²⁶⁷ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-9846. Т. 10. С. 503, 493.

²⁶⁸ Из прошлых лет (Из рукописи воспоминаний И.Н. Филатова). См.: Забвению не подлежит... Т. 10. С. 116.

²⁶⁹ Соломон П. Советская юстиция при Сталине... С. 133.

²⁷⁰ Красное знамя. 1930. 26 мая, 23 авг. Л.И. Пыстина, со ссылкой на архивные материалы, привела данные, что в ходе работы проверочной комиссии в июне – июле 1930 г. в управлении Томской железной дороги были выявлены 192 чел. (из 667) со стажем работы до 1917 г., 17 бывших чиновников и 15 бывших офицеров (из них 13 бывших белых офицеров). См.: Пыстина Л.И. Указ. соч. С. 110. В этом же году была подвергнута «чистке» и Омская железная дорога. Выводы обеих комиссий констатировали наличие

ОГПУ–ГУГБ НКВД Томской железной дороги было уволено 1 424 дорожных рабочих и служащих, в том числе 51 чел. – из аппарата управления дороги²⁷¹. А в сентябре 1935 г. сотрудники Анжеро-Судженского горотдела НКВД информировали секретаря горкома ВКП(б) Тулина об «антисоветских элементах» в транспортном отделе рудоуправления. По их информации, начальник транспортного отдела Н.А. Кожин, «белогвардеец, разоблаченный в порядке проверки партийных документов», подбирал на работу себе подобных. Бывшими белыми оказались начальник эксплуатационного отдела рудоуправления А.Ф. Конинин, дежурный по станции Судженка Г.С. Калашников, сменный диспетчер Журавлёв, имевший семь взысканий за время работы с 1932 г. Бывшими карателями оказались машинист Стефанский и стрелочник Луканин, колчаковцем – руководитель коммерческой группы отдела Гронский, ранее уволенный за развал работы с Томской железной дороги. Политическим оппонентом большевиков оказался бывший эсер Николенко, работавший машинистом-наставником. «Подрывная» деятельность названных «врагов» подтверждалась многочисленными примерами²⁷².

Чистки регулярно проводились во всех учреждениях и организациях. Тысячи работников в стране, в основном из числа служащих, были уволены и навсегда попали в списки неблагонадежных. Это стало удобной формой для расправы с неугодными руками представителей народа, в первую очередь, рабочих, которых на подобные мероприятия обязывали приходить, в том числе и в принудительном порядке. Партийным руководителям необходимо было только создать комиссию из «компетентных» лиц, обеспечить присутствие «массовки» от народа через обязательные разнарядки по предприятиям, организациям, учреждениям и добиться прибытия на «суд» необходимых контингентов.

Чистки задумывались как мероприятия для улучшения работы трудовых коллективов, в частности, путем очистки от «балласта» – удаления профессионально непригодных, морально разложившихся, бездельников и т.п. Однако практически всегда эти мероприятия приобретали политическую окраску и превращались в судилища над «бывшими». Во многих случаях «судьи» не знали «подсудимых», но для принятия

в аппарате дорог «чуждых элементов, разложившихся, извращающих советские законы “старых” чиновников, насаждающих “бюрократизм и волокиту”». Там же.

²⁷¹ Тепляков А.Г. Органы ОГПУ–НКВД–НКГБ в Сибири... С. 37. Только в 1934 г. на разных станциях дороги за контрреволюционные преступления были осуждены 149 чел. См.: Уйманов В.Н. Репрессии... С. 171.

²⁷² Из справки начальника Анжеро-Судженского горотдела НКВД Политова и оперуполномоченного СПО Балыгина секретарю Анжеро-Судженского горкома ВКП(б) Тулину от 2 сентября 1935 г. (с грифом «Совершенно секретно»). См.: Неизвестный Кузбасс. Вып. 2: Тоталитарная система: Палачи и жертвы : сб. арх. док. Кемерово, 1995. С. 15–18. Интересно, что еще 22 июля Запсибкрайком ВКП(б) информировал Москву об аресте Кожина, который «благополучно прошел партийные чистки, хотя являлся сыном крупного торговца и служил в особом отряде у белых на Дальнем Востоке... возглавил «группу белогвардейцев, занимавшуюся вредительством». См.: Генина Е.С. Преследование «бывших белых» в ходе проверки партийных документов в 1935 г. [по материалам Кемеровского горкома ВКП(б)] // История белой Сибири : материалы 6-й Междунар. науч. конф. Кемерово, 2005. С. 267.

решения им было достаточно наличия каких-либо «пятен» в биографии. Одной из главных бед подобных мероприятий было то, что профессионализм, честное исполнение служебных обязанностей, активное деятельное, а не мнимое, участие в жизни коллектива в учет не брались. Прошлое или его отголоски решали все. Чаще всего официальными мотивировками признания виновными были наличие отрицательных личных качеств, непрофессионализм, неблагоприятное поведение и т.п. При рассмотрении персональных дел особое внимание уделялось вопросам социального происхождения, утаивания отдельных фактов биографии (наличие родственных связей с людьми из числа «социально чуждых», служба в царской или белых армиях, ранее имевшее место членство в иных политических партиях и т.п.). И именно эти факторы имели преимущественное значение при решении судеб тех, кто проходил «чистилище».

Примеров подобных мероприятий в исторической литературе описано множество, по этой причине ограничусь одним. Л. Пыстина на основе анализа доклада СибРКИ в Наркомат РКИ РСФСР рассмотрела процесс «чистки» специалистов в Сибкрайсовнархозе в 1930 г.

Подготовка к чистке длилась более двух месяцев, сопровождалась целым рядом собраний сотрудников Сибкрайсовнархоза, совещаний, в том числе и с редакторами стенгазет трестов. «Комиссия призывала дать ей материалы, характеризующие прострелы и недостатки в руководстве промышленностью, аппаратом и отдельными работниками... С первого момента начала работы Комиссии по чистке... встретились с круговой порукой большинства старых специалистов. Остальная часть аппарата... (партийцы, комсомольцы, молодые специалисты-общественники) отнеслась к вскрытию недостатков безответственно в результате неуяснения всей политической важности чистки. Это обстоятельство не могло не отразиться на качестве работы по чистке, ибо круговой поруки среди... части специалистов (инж[енеры], экономисты, бухгалтера, быв[шие] белые офицеры, выходцы из чуждого нам класса) нам не удалось сломать...»²⁷³.

Уже этой выдержки из архивного документа достаточно для подтверждения ранее сказанного. Чистке подлежали «старые специалисты», в том числе с заранее определенной детализацией отдельных моментов их биографий и подчеркиванием их «чуждости». Характеристика же отношения большинства состава аппарата Сибкрайсовнархоза явилась прямым свидетельством того, что заинтересованность в чистке была проявлена только партийно-советским аппаратом.

Комиссия провела 19 заседаний, на которых были подвергнуты проверке 170 чел. Одиннадцать заседаний прошли вне стен организации, где работали проверяемые. В чистке аппарата Сибкрайсовнархоза приняли участие 655 рабочих,

²⁷³ Пыстина Л.И. «Чистка» специалистов Сибкрайсовнархоза в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2001. № 2. С. 65–69. В постановлении № 34 Коллегии СибкрайРКИ от 16 мая 1930 г. по докладу о результатах чистки аппарата Сибкрайсовнархоза (гриф «Секретно») в п. 14 отмечалось, что «значительная часть специалистов СКСНХ принадлежит к консервативной части, замыкается в своей касте и открыто противопоставляет свои взгляды мероприятиям и системе взглядов советской части специалистов...». См.: Власть и интеллигенция в сибирской провинции... С. 190.

220 студентов техникума и 70 служащих Сибугля, не считая участников бригад по обследованию (5 бригад – 70 чел.). А вот и «глас народа»: «Активность рабочих была... но характер выступлений сводился к жесткой критике... по причинам социально чуждого нам прошлого проверяемого... Мало рабочие касались (около 40% выступлений) настоящей работы проверяемого... [так как] не знают работы и работников [Сибкрайсовнархоза]». Требуется ли здесь комментарии? Полагаю, что нет.

Результатом чистки явилось «вычищение» 13 чел. (7,4%) из состава проверенных, в частности: бывших офицеров – 3, бывших священников – 1, бывших царских судебных работников – 2, из почетных граждан – 2, из кулаков – 1, неизвестных (это как?) – 1, из мещан – 2, из кустарей – 1. В числе «вычищенных» оказался экономист А.Ф. Баженов – бывший священнослужитель, не опубликовавший в печати официального объявления о снятии сана священника, скрывший факт принадлежности к духовенству и певший в церковном хоре, – работа в соваппарате и участие в церковном хоре несовместимы. Еще один экономист – И.И. Самодаров – был «вычищен» за службу в карательном отряде колчаковской армии, так как комиссия сочла неубедительным его заявление, что он находился там по заданию подпольного большевистского комитета. Материалы на него были направлены в ОГПУ, но по результатам дальнейшей проверки Самодаров был оставлен на работе в Сибкрайсовнархозе. Что касается офицеров, то рабочие в ходе своих выступлений выражали сомнения в добровольности их перехода на сторону красных, их лояльности к советской власти и т.п.

Следует заметить, что по результатам чистки были оставлены на службе десять бывших офицеров и четверо представителей духовенства. Чем была вызвана такая избирательность, понять сложно; еще пять человек получили взыскания за различные проступки и 10 были переведены на другие должности, преимущественно ввиду несоответствия²⁷⁴.

Проведение чистки в стране планировалось с 1 июня 1929 г. по 1 сентября 1931 г., хотя в Сибири она началась уже во второй половине 1928 г. Из намеченных к чистке 2 млн госслужащих к середине 1931 г. проверку прошли 1,6 млн, т.е. 80%. Было «вычищено» 160 тыс. чел. (10%). По Сибири к сентябрю 1930 г. проверено 93,5 тыс. служащих, из этого числа «вычищены» с выборных должностей 15,1 тыс. чел. (16,3%), т.е. даже несколько больше, чем по стране, хотя данные не были полными по причине несвоевременности подачи информации комиссиями по чистке²⁷⁵. Основную массу «вычищенных» составили «социально чуждые».

²⁷⁴ Власть и интеллигенция в сибирской провинции... С. 322–323. В октябре 1931 г. делопроизводителем секретной части ЗСКСНХ Сидеговой в ПП ОГПУ были переданы «Сведения на бывших торгашей, фабрикантов, купцов и т.д., работающих в Запсибкрайсовнархозе», включавшие в себя данные на 24 чел., из них 20 ранее служили в царской или колчаковской армиях, в том числе и на рядовых должностях. Были указаны установочные данные, образование и основная профессия, место службы, занимаемая должность и с какого времени, прошлое социальное происхождение, служба в царской и белой армии, домашний адрес. Там же. С. 206–210.

²⁷⁵ Голиков Ю.И. Служащие в условиях «чистки» госаппарата Сибири в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1994. С. 100.

Однако результаты чистки не удовлетворяли власть. Так, например, Томский окружной исполком на заседании президиума уже 17 октября 1929 г. отметил: «...персональное изучение сотрудников проведено слабо, **следствием чего явился значительный процент восстановленных** (выделено мною. – В.У.) на работе...»²⁷⁶. Складывается впечатление, что было организовано соревнование, кто больше вычистит. Что это? Глупость, желание выслужиться, удобный способ свести личные счеты? Возможно, и то, и другое, и третье. Те, кто задумывал и организовывал эти мероприятия, изучали результаты и делали выводы: «советская общественность недостаточно был[а] втянут[а] в работу по чистке соваппарата», «профсоюзы не обеспечили массовости проверки» и т.п.²⁷⁷ Пройдет совсем немного времени, и эти «ошибки» будут исправлены, ведь впереди еще «Большой террор», где роль общественности будет основополагающей, от имени и по воле народа будут уничтожаться преимущественно лучшие представители этого же народа. А народ (общественность) будет громогласно на митингах и собраниях клеймить «врагов» и требовать жесточайшей расправы над ними.

Избиения специалистов пошли на спад ближе к середине 1930-х гг. по простой причине: старые кадры нещадно преследовались и «выбивались» из активной производственной деятельности, а «молодые командиры производства» в массе своей не были готовы заменить прежних и организовать работу должным образом. Понимание этой ситуации стало повсеместным на всех уровнях власти. Уже Наркомюст вынужден был издать циркуляр о необходимости осторожного подхода работников прокуратуры и суда к рассмотрению материалов по привлечению к ответственности специалистов. Сталин, видя провалы «экономического скачка», вынужден был поддержать изменение политики в отношении специалистов, заявив, что они стали лояльными по отношению к советской власти и достойны уважения²⁷⁸. На практике же преследования продолжались, только крен был сделан в сторону специалистов среднего звена.

²⁷⁶ Пыстина Л.И. Указ. соч. С. 65–68.

²⁷⁷ Из истории земли томской. 1925–1929... С. 114.

²⁷⁸ Соломон П. Советская юстиция при Сталине... С. 131. И. Ефимов, со ссылкой на американские исследования, привел данные, что за десятилетие, предшествовавшее «Большому террору», выросло значительное число людей, получивших более или менее сносную подготовку по управлению различными отраслями народного хозяйства. Так, число научных работников к 1937 г. возросло на 570%, инженеров и техников – на 470%, агрономов – на 390%, работников культуры – на 500%. Общая численность специалистов увеличилась в пять раз, достигнув цифры 9,5 млн чел. Но при этом господствовал классовый отбор – выходцам из среды «бывших» места практически не находилось. См.: Ефимов И. «Большой террор» в России // Звезда. 1999. № 5. С. 229. Цифры, несомненно, значительные, но необходимо было учитывать и то, что их профессионализм не был высоким, так как не было основы первичных «начальных» знаний, не было практического опыта, что конечно же сказывалось в процессе производственной деятельности новой «элиты», особенно при занятии ими руководящих должностей. Что касается политических кадров, то на начало 1937 г. 70% секретарей областных комитетов партии и 80% секретарей горкомов имели лишь начальное образование. См.: Хлевнюк О.В. 1937 – Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 78.

С другой стороны, без старых специалистов и прочих «бывших» власть обойтись не могла. Так, в Наркомате тяжелой промышленности на 1 декабря 1936 г., согласно данным, приведенным К. Шлегелем, из 743 членов и кандидатов в члены ВКП(б) были 122 чел. с партийными взысканиями за участие в трое-

К концу первой пятилетки термин «специалисты» с подтекстом «старые» стал постепенно вытесняться из обихода. Термин стал применяться для обозначения категории служащих, имевших соответствующее образование и обладавших специальными знаниями, умениями и навыками. Только за годы пятилетки значительно выросло число молодых специалистов. Так, если на 1 января 1929 г. во всей Сибири насчитывалось 6,7 тыс. инженерно-технических специалистов, то к началу 1932 г. только в Западной Сибири их было уже 25 тыс.²⁷⁹ Однако вооруженные знаниями, они не имели практического опыта, что не могло не сказываться на результатах работы.

В декабре 1933 г. начал действовать Закон о личной ответственности директоров и других руководителей предприятий за производство некачественной и некомплектной продукции, предполагавший привлечение к ответственности на срок до пяти лет лишения свободы. Реализация данного документа на практике была организована прокуратурой страны. Так, заместитель Генерального прокурора СССР А. Вышинский разработал директиву, согласно которой на расследование подобных дел отводилось всего 10 дней. И уже за первые два месяца было вынесено 90 приговоров обвинительного характера. Был организован «ликбез» через систему радиопередач, участие в которых приняли Вышинский и Прокурор СССР Акулов, Председатель Верховного суда Винокуров и нарком юстиции Крыленко со своим заместителем Нюриной. Во всех республиках, краях и областях прокуроры проводили совещания, посвященные этому вопросу. Результатом явилось открытие сотен уголовных дел, но многие из них были вскоре пересмотрены. Так, из 747 дел приговорами завершились только 163. К концу 1934 г. кампания пошла на убыль, а в 1935 г. практически прекратилась; по РСФСР было зарегистрировано всего 92 уголовных дела²⁸⁰.

Примеров, подобных этим и имевшим повсеместное распространение, можно приводить десятки, а ведь были еще и представители научной и творческой интеллигенции, студенты из «бывших» и т.п.

По прошествии лет, уже в бытность свою пенсионером, В. Молотов так объяснил необходимость преследования специалистов: «В значительной части наша русская интеллигенция была тесно связана с зажиточным крестьянством, у которого прокулацкие настроения – страна-то крестьянская. Тот же Туполев (авиаконструктор А.Н. Туполев. – В.У.) мог бы стать и опасным врагом. У него были большие связи с враждебной нам интеллигенцией. И если помогает врагу и еще, благодаря своему авторитету, втягивает других, которые не хотят разбираться, хотя и думают, что это полезно русскому народу...

кистской оппозиции, членство в других партиях (бывшие меньшевики, эсеры и пр.), 160 чел. были исключены ранее из партии, 169 беспартийных ранее входили в другие партии, в аппарате трудились 71 бывший белый офицер, 94 сотрудника, ранее судимые за «контрреволюционную» деятельность, и т.д. Трудно даже предположить какой-либо злой умысел со стороны С. Орджоникидзе в таком комплектовании кадров. Просто это были специалисты-профессионалы, без которых, видимо, было не обойтись. Шлёгел К. Террор и мечта... С. 218.

²⁷⁹ Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты»... С. 115.

²⁸⁰ Соломон П. Указ. соч. С. 134.

Туполев из той категории интеллигенции, которая очень нужна Советскому государству, но в душе они – против, и по линии личных связей они опасную и разлагающую работу вели, **а даже если и не вели, то дышали этим** (выделено в тексте. – В.У.). Да они и не могли иначе! Не пропагандой, а своим личным влиянием они опасны. И не считаться с тем, что в трудный момент они могут стать особенно опасны, тоже нельзя. Без этого в политике не обойдешься...»²⁸¹.

Таким образом, старые специалисты также были отнесены партийно-советским руководством страны к потенциальным противникам. Будучи определенной кастой в силу наличия образовательного и интеллектуального отличий от общей массы населения, они достаточно плохо поддавались «перевоспитанию». Они, как и бывшие офицеры, были поставлены в особые условия через практически тот же тотальный контроль за их жизнью и даже образом мыслей. Государство признавало, что без «старых» специалистов обойтись невозможно, но, используя их опыт и знания, постоянно применяло «метод кнута», пытаясь перевоспитывать их. После очередных «чисток», преследований и проявлений «спецедействия» власть вынуждена была использовать «политику пряника», вновь обращаясь к знаниям и опыту специалистов. Именно специалисты стали первыми жертвами политических процессов, срежиссированных коммунистическим руководством, именно на их примерах всему советскому обществу было продемонстрировано отношение государства к «бывшим». Хотя большинство этих специалистов чаще всего было заинтересовано в реализации собственных планов, научных разработок и замыслов, имело обычную потребность трудиться, приносить пользу во имя прогресса и развития своего государства, а не участвовать в политической борьбе и в заговорах. Целенаправленная политика государства привела к тому, что большая часть старых специалистов была уничтожена физически или морально либо отведена на вторые роли, уступив место представителям новой советской научной и технической «элиты» и буквально «растворившись» (уже с середины 1930-х гг.) в массе советских специалистов.

2.4. Духовенство и сектанты

Следует вспомнить еще об одной группе «бывших», о тех, кто «нес в народ слово божье», – о священнослужителях.

²⁸¹ Цит. по: Башанов В.В. «Летающие гробы» Сталина. «Все ниже, и ниже, и ниже...». М. : Яуза-пресс, 2011. С. 99–100. В ноябре 1932 г., выступая на V Всесоюзном съезде ИТС, он говорил, что «в теперешних [технических] кадрах решительное большинство стоит на платформе Октября. Нельзя также забывать о том политическом переломе в нашу сторону, который произошел за последние несколько лет среди старых, наиболее квалифицированных кадров инженеров и техников». Основная задача партии в отношении инженерно-технической интеллигенции – «обеспечить скорейший и окончательный переход всей инженерно-технической массы на сторону диктатуры пролетариата для самого активного участия в деле социалистического перевоспитания масс под руководством большевистской партии». Цит. по: Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты»... С. 133–134.

В планах построения большевиками государства нового типа церкви места не нашлось, поэтому служителям культа пришлось пойти по тернистому пути страданий и гонений. Они были причислены к «врагам» – «темным силам реакции». В связи с принятием 23 января 1918 г. Декрета СНК «О свободе совести» церковь была отделена от государства. Согласно этому документу у церкви отбиралось все имущество, включая храмы, запрещалось открытие учебных заведений, кроме предназначавшихся для подготовки священнослужителей, преподавание в школах Закона Божьего и т.п. Борьба с религией стала одной из первоочередных задач большевиков. Духовенство было объявлено одним из столпов контрреволюции, а посему подлежало прямым репрессиям. Объявление церковного имущества народным достоянием позволило закрывать церкви и монастыри, отдавая их под хозяйственные нужды, а в отдельных случаях – просто разрушать, изымать ценности либо грабить.

Духовенство было привилегированным и весьма состоятельным сословием. В России проживали десятки тысяч служителей различных религиозных верований; к 1915 г. действовали 78 тыс. храмов и часовен, 1 253 монастыря и скита. В составе православного приходского духовенства численность священников, диаконов и псаломщиков составляла около 120 тыс., кроме того, в монастырях насчитывалось 95 тыс. монашествующих и послушников. Духовных пастырей готовили 57 семинарий и 4 духовные академии²⁸². В Сибири накануне Гражданской войны, кроме многотысячного православного духовенства, насчитывались многочисленные служители религий – старообрядческой, католической, протестантской, иудейской, мусульманской, буддо-ламаистской²⁸³.

Наступление на церковь было подобно лихой атаке. И. Трифонов писал, что в 1917–1920 гг. активно проводились мероприятия по конфискации у церкви земель и другого имущества. По данным НКЮ РСФСР к концу 1920 г. было ликвидировано 673 монастыря, у которых было отобрано 828 тыс. десятин земли. Органами советской власти было изъято у церквей различного имущества и ценностей на 7 млрд 150 млн руб., а у монастырей – 4,3 млрд руб. деньгами, 84 завода, 1 112 доходных домов, 704 гостиницы и подворья, 277 больниц и приютов²⁸⁴. Следует оговориться, что все эти мероприятия в большей степени проявились в европейской части страны, где революционные «преобразования» проходили много активнее и агрессивнее, чем в Сибири. Одновременно шло и физическое уничтожение служителей духовенства; их распинали на воротах церквей, душили, топили, закапывали живьем в землю, подвергали жестоким пыткам и истязаниям. Только в 1918 г. было «казнено и растерзано» около трех тысяч священнослужителей²⁸⁵. Преследованиям подвергались представи-

²⁸² См.: Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия... С. 719.

²⁸³ Бударин М. Были о чекистах... С. 46.

²⁸⁴ Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 89.

²⁸⁵ Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. Кн. 2. М., 1998. С. 17. В 1918 г., в частности, погибли 18 архиепископов и епископов, 102 приходских священника, 154 дьякона и 94 монашествующих; 211 священников и архиереев находились в заключении. См.: Булдаков В.П. Указ. соч. С. 431. Справедливости ради следует заметить, что не только власть преследовала

тели практически всех конфессий без какого-либо целенаправленного отбора, достаточно было просто быть лицом, имевшим религиозный сан. Однако следует заметить, что в этот период основной антицерковной силой явилось не государство, а утверждавшийся на местах партийно-советский аппарат.

Подобное ущемление прав церкви и террор против духовенства вызывали протест и яростное сопротивление со стороны многих священнослужителей, которые вставали на сторону противников новой власти, поощряя и поддерживая походы и наступления на «антихристов», и принимали непосредственное участие в боевых действиях белых армий. Так, в белогвардейских армиях активно действовали кадры военного духовенства. Если в армии Деникина было около 1 000 священников, Врангеля – 500, то у Колчака – несколько тысяч военных священников. Ни одно вооруженное выступление против советской власти в стране не обходилось без участия духовенства. Церковники Сибири колокольным звоном во всех городах приветствовали выступление белочехов, восторженно поддерживали переворот А. Колчака, режим которого возвратил церкви все их прежние земли, восстановил преподавание в школах Закона Божьего. Духовенству почти втрое были увеличены оклады. В 1919 г. в Сибири были открыты пять новых духовных семинарий и пять училищ.

Церковный Собор Сибири в апреле 1919 г. предал анафеме советскую власть и благословил режим Колчака. Только в 1919 г. в Сибирь переехало более 3 000 священников и 500 мулл, в том числе многие ведущие церковные деятели России.

После освобождения Сибири от колчаковцев продолжали действовать около 2 000 церквей, были национализированы 40 из 52 монастырей²⁸⁶. Большевики не могли смириться с этим. Практически все служители культа были поставлены на оперативные учеты ВЧК–ОГПУ, информация о деятельности духовенства регулярно освещалась в сводках политбюро ВЧК. Так, например, в двухнедельной информационной сводке Мариинского политбюро за первую половину января 1921 г. отмечалось, что «духовенство, хотя открыто не агитирует против соввласти, но почти повсюду в деревнях они среди малосознательного населения имеют авторитет, везде и всегда стараются отпугивать крестьянство от коммунизма, от вступления в комячейку и т.д. Случаев открытой агитации со стороны духовенства не замечено. В городе духовенство не имеет такое влияние на население, как это [имеет место] в деревне. Во время праздников (Рождества) они в своих проповедях ничего политического не затрагивали, но осторожно, чтобы не скомпрометировать, стараются доказать, что соввласть непрочна, кошмарна и т.д. ...»²⁸⁷.

В сводке за 2-ю половину июня 1921 г. сообщалось, что «духовенство продолжает вести агитацию среди своих прихожан. Есть случаи[,] в селе Николаевке

духовенство. Во многих случаях крестьянским населением это делалось инициативно, в одних случаях доходило до убийства священников, в других – до захвата церковных и монастырских земель. Там же. С. 190–191, 432, 774–775 и др.

²⁸⁶ Бударин М. Были о чекистах... С.46–49.

²⁸⁷ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 4.

В-Чебулинской волости проживает монах, который в настоящее время арестован, у церковного старосты, которые имеют связь с бандитами. Поп этого села также самое причастен к этому, но пока еще его причастие не установлено. По этому поводу политбюро ведет разработку...»²⁸⁸.

Как уже отмечалось, практически ни одно антисоветское выступление не обходилось без участия служителей культа. И это было естественным, так как авторитет священников был всегда достаточно высоким и население, особенно сельское, очень часто обращалось к ним за советами и помощью, через исповедь доверяя зачастую самое сокровенное. Несмотря на наличие многовековых традиций религиозности населения, большевики считали развитие веры у сибирского крестьянства слабым, что, в частности, констатировалось в информационном письме № 4 (январь – апрель 1922 г.) Сиббюро ЦК РКП(б) всем губкомам РКП Сибири²⁸⁹. Полагаю, что авторы письма, большинство из которых не являлись сибиряками, просто не владели ситуацией либо пытались выдать желаемое за действительное.

С другой стороны, служители культа, утратив имевшиеся у них блага, не приветствовали советскую власть, а открыто вставали на сторону её противников. Так, решением Алтайской губчека от 15 сентября 1920 г. был приговорен к ВМН и расстрелян священник К.А. Кончиц, который в период колчаковщины «вел самые усиленные меры к уничтожению советских работников и даже сочувствующих советской власти» – составлял и передавал списки названных лиц карателю Бессмертнову, четверо из которых были расстреляны в «поповской ограде», заявляя: «Брошу крест, возьму меч и пойду бить красных бандитов». Другой алтайский священник – С.Е. Солнцев – сотрудничал с карательными отрядами. По его инициативе был расстрелян один из жителей с. Филиппово как советский работник. Самое активное участие Солнцев принимал в поджогах имущества, оставшегося от большевиков, и т.д.²⁹⁰ А священник отец Андрей из Славгорода, вступив в дивизию Анненкова, лично расстреливал мужиков, насиловал их жен, ездил с карательным отрядом для подавления крестьянских выступлений. После пленения красными повесился в тюрьме²⁹¹. В 1921 г. по делу генерала Бакича был осужден омский священник Ф.П. Георгиевский, принимавший уже после освобождения Сибири от колчаковцев активное участие в расправах над мирным населением и попавшими в плен красноармейцами²⁹². В 1923 г. по делу Базарово-Незнамовской контрреволюционной организации в Ново-николаевске в числе других подсудимых были 6 священников и 4 дьякона²⁹³.

Но не всегда судьбы задержанных служителей культа решались в правовом поле. Так, 4 февраля 1921 г. президиум Томского уездного исполнительного комитета

²⁸⁸ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 100. Л. 93.

²⁸⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 76.

²⁹⁰ «Руководствуясь революционной совестью...». С. 137, 188–190. К.А. Кончиц реабилитирован в 1996 г., данных о реабилитации С.Е. Солнцева авторы сборника не привели.

²⁹¹ Бобринев В.А., Рязанцев В.Б. Палачи и жертвы. М., 1993. С. 49.

²⁹² Бударин М. Были о чекистах... С. 50.

²⁹³ Советская Сибирь. 1923. 24 апр.

рассмотрел дело по факту расстрела священника Беляевского и ксендза Грабовского по постановлению Молчановского ревбюро от 28 января 1921 г. Было отмечено, что «принимая во внимание создавшиеся условия в связи с появлением и проходом банд в Молчановском районе, по Чулыму, и[,] принимая во внимание необходимость в подобных случаях решительных мер на местах во избежание распространения влияния агитации против рабоче-крестьянской власти среди темных масс, постановил: признать действия Молчановского вр[еменного] ревбюро правильными, дело и материал об этом передать в губчека...»²⁹⁴.

Видимо, авторитет среди сельчан у этих служителей культа был слишком высоким, что не дожидаясь наступления каких-либо последствий (возможно, бандиты бы не пришли, изменив маршрут своего движения и т.п.), члены революционного бюро (кто они?) **просто убили** двух мирных жителей-односельчан без суда и следствия, руководствуясь «революционным правосознанием». Совершили преступление, но были оправданы сотоварищи, так как принятое уездным исполкомом решение другого толкования не дает. Подобные действия только укрепляли чувство вседозволенности у отдельных партийных и советских активистов; развивалось явление, получившее название «красный бандитизм».

В числе жертв оказывались и священнослужители. Так, например, в первой половине 1921 г. сотрудниками Мариинского политбюро, милиционерами и двумя членами комячейки в уезде были без суда убиты несколько лиц, «замеченных или подозреваемых в контрреволюционных деяниях», в том числе священник и его жена, было разграблено их имущество²⁹⁵. Секретарь Бийского уездного комитета РКП(б) Алтайской губернии Фрейлих в телеграмме в Сиббюро ЦК РКП(б) сообщал, что «кражи православных священников [в] нашем уезде имели место тчк за самовольные расправы арестовано двадцать восемь коммунистов...»²⁹⁶. Репрессии подобного характера отмечались и в других регионах Западной Сибири.

В отдельных случаях священнослужители становились жертвами простого сведения счетов, как, например, произошло в с. Бекишевском Тюкалинского уезда с дьяконом Косьмы-Доминиановской сельской церкви П.Н. Добровольским. По навету двух местных пьяниц он был обвинен в контрреволюционной агитации и выдаче колчаковцам двух местных жителей. Главным свидетелем по делу выступил «сочувствующий РКП(б)» некий М., в свою бытность разоблаченный дьяконом за махинации. За П. Добровольского поручились имуществом все жители села, но он был осужден на 10 лет лишения свободы – для «суда» оказалось достаточным наличие одного заявления и одного свидетеля²⁹⁷.

²⁹⁴ Из истории земли томской. 1917–1921... С. 138.

²⁹⁵ Шифротелеграмма ВРИД начальника секретно-политического отдела Томской губЧК Беляева и председателя исполкома Титова в губком РКП от 17 августа 1921 г. о результатах расследования «Мариинского дела». См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 122; Голоскоков И.В., Уйманов В.Н. На страже безопасности... С. 79.

²⁹⁶ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 166. Л. 6.

²⁹⁷ Минеева Г. «...Попов расстрелять, церкви – под клуб». См.: Забвению не подлежит... Т. 3. С. 185–187.

А вот еще один рассказ о судьбах священнослужителей, привожу его без какой-либо корректировки. Этот документ в конце 1990-х гг. передал в Томское УФСБ новосибирский священник отец Виталий (Бочкарёв Виталий Игоревич), которому, в свою очередь, его передал житель г. Новосибирска Н.А. Тимочкин:

«Ваше Преосвященство.

Я обязан выполнить просьбу и рассказать Вам страшную трагедию. Мне её рассказал очевидец, житель г. Колпашево, и просил передать в соответствующие органы. Признаться я уже забыл про это. Если бы не случай, который мне напомнил о нем. Это я прочитал в какой-то местной газете статью «Мариинская майна», где расстрелянных жителей бросали в это топкое болото, и только один мальчик спасся чудом и выжил. Он описал эту трагедию. И тут передо мной встал образ того человека, уже в преклонных годах со слезами на глазах рассказывающий мне тоже очень страшную трагедию на берегу Оби. А может, это звено одной и той же цепи, творившийся произвол послереволюционной России. Он юношей работал на буксире матросом. Они тогда буксировали плоты в Новониколаевск и баржи обратно в Колпашево. Это было в 1922 г. или в 1928 г. (точно не помню). Осенью из Новониколаевска буксир притащил баржу, пришвартовал её к старой пристани и быстро ушел обратно. Её охраняли китайцы. Она простояла два дня. В барже были арестанты. Это быстро разнеслось по поселку. Много было любопытных, многие принесли еду, но к барже никого не допускали. Но жители как-то узнали, что это были монахи и священнослужители Новониколаевских церквей. Вечером, продолжал он, я собрался домой. Капитан подозвал меня к себе и сказал – сходи домой и приходи, пойдем вниз с баржой. Я быстро сбежал домой, взял необходимое и вернулся на буксир. Какое-то странное у всех было поведение, никто ни на кого не смотрел. Тогда я подошел к старому капитану и спросил, что случилось? Он затащил меня в рубку и со слезами на глазах сказал, потащим баржу вниз. И вышел из рубки. Потом на буксир поднялись четыре вооруженных человека. Двое из них были с наганами, а двое с карабинами. Которые с наганами, были в кожаных куртках, один из них был с усами и в гетрах. Он, похоже, был старший, потому что его все слушали, говорил только он. Это я хорошо запомнил. Который с усами что-то сказал капитану, и все пошли к рубке. Команда была в сборе. Капитан громко сказал нам, что все были на местах, и пошел в рубку. Начало темнеть, и мы вышли на реку и пошли, где стояла баржа. Подошли и встали ниже баржи. Те двое, которые с карабинами, возились с канатами на корме. Один из них с канатом сошел на берег и поднялся на баржу. Китайцев уже не было. Который был на барже, вернулся на буксир. Мы медленно отошли с баржей от пристани и пошли вниз. Мы шли всю ночь. У меня было предчувствие беды. Сон прошел. Я вышел из машинного отделения. Начало светать, буксир работал на малых оборотах и стоял не вниз, а вверх по течению. Я услышал громкий разговор и ругань на корме и тихо пошел к корме. На корме был тот с усами и в гетрах и громко с матерками разговаривал с теми двумя, которые были с карабинами, они спускались в лодку, которая была привязана к буксиру. Левой рукой он бросил канат, а в правой руке он держал наган. Я быстро отошел назад и нырнул в моторное отделение. Об увиденном я рассказал поммашинисту,

мы с ним были в хороших отношениях. Он выругался и сплюнул на пол. Через некоторое время мы услышали шаги и громкий разговор идущих мимо людей. Немного подождав, я вместе с поммашинистом быстро вышли на палубу и пошли к корме. Хотя был легкий туман, но баржу было видно, но странно она была очень низко от поверхности воды. Изнутри баржи слышалось красивое церковное пение. Тут мы догадались в чем дело. Эти двое, которые были в лодке, открыли кингстоны и баржа вместе с людьми медленно уходила под воду. Мы с ужасом смотрели на уходящую баржу под воду, слушая чудесное церковное пение. Тут буксир дал обороты двигателя и колеса громко захлопали по воде, заглушая пение. Как мы очутились в машинном отделении, мы не помнили. Мы стояли, обнявшись с открытыми глазами, полными ужаса. Старший машинист подошел к нам, посмотрел на нас с удивлением и спросил, что с вами, ребята? Мы ничего ему не сказали. В Колпашево мы пришли вечером. Эти четверо первыми вышли на берег и пошли к пристани. Утром их возница отвез из Колпашево. Потом через несколько дней, утром рано видели возницу около своего дома. Он погрузил свой скарб на телегу и, взяв жену и сына, уехал в неизвестном направлении. Куда – никто не знал. Уже глубокой осенью из Новосибирска приезжали из ГПУ, спрашивали про возницу, но никто ничего не знал. Вызывали всех нас по одиночке, но мы тоже ничего не знали. После отъезда людей из ГПУ до нас дошел слух. Не доезжая несколько километров до Дубровино, ночью на них напали вооруженные люди, обезоружили их, а возницу отпустили, а этих четверых куда-то увезли. Свершилось справедливое возмездие! Души невинных монахов и церковных священнослужителей нашли постоянное местожительство в барже на дне Оби. Вечная им память. Мы будем за Вас молиться.

Эту страшную трагедию я услышал в 1969 году, осенью в Колпашево на берегу Оби в катере. Мои напарники ушли в город, а я остался на катере. Тут я и встретил этого человека, который поверил мне и поведал эту страшную трагедию».

К сожалению, каких-либо иных подробностей или деталей выяснить не удалось. История страшная. Произошедшее, скорее всего, относится к началу 1920-х гг., когда в Сибири действительно находилось несколько тысяч китайцев-интернационалистов, состоявших на службе у большевиков, и которые активно привлекались последними для борьбы (и расправы) с классовыми и политическими оппонентами. С другой стороны, сюжет истории несколько неправдоподобен – «совершение преступления – наказание преступников – возмездие свершилось», это не может не вызывать определенных сомнений в правдивости данной истории. Если бы подобное преступление было совершено, то остались бы какие-то документы, да и стоило ли везти этих священников за сотни километров по реке, чтобы просто утопить? Могли бы найти и более простые способы расправы.

«Чуждыми» для советской власти стала и группа молодых людей – участников подпольной противосоветской организации «Союз русских карбонариев», имеющей целью вооруженную борьбу против советской власти. Организация была выявлена сотрудниками Томского губотдела ГПУ и 24 мая 1922 г. «окончательно ликвидирована». Организаторами её стали представители христианской секты «адвентистов» А.Я. Юриксон,

1902 г.р., работавший заведующим дорожным отделением губпродкома, и И.Г. Бурнашев, 1903 г.р., учащийся.

Начало деятельности организации определено следствием как осень 1920 г., когда Юриксон (по показаниям Бурнашева, связанный с белогвардейской организацией, которой руководили военные специалисты) предложил организовать свержение советской власти. «В период с сентября 1921 года Совет Союза собрал вокруг себя группу в 9 человек из числа единомышленников и врагов советской власти, но уже с разными христианскими воззрениями. Для руководства созданной организацией Совет Союза выпустил особый наказ к членам организации, согласно которому каждый член организации входил в определенную тройку, подчиняясь распоряжениям начальника тройки, начальники троек входили в десятку. За измену, предательство своих членов виновный подвергался, согласно наказу, убийству; вошедший в организацию не мог обратно выйти из таковой, выход сопряжен со смертью. Главной целью своей организация намечает сбор вооружения для членов организации и свержение советской власти, не нравившейся населению...

Для большей конспирации в работе союза каждый член... значился... под псевдонимом»²⁹⁸.

Попытка создания подобной организации на ст. Ижморской успеха не имела вследствие недоверчивого отношения к ней населения.

К ноябрю 1921 г. у членов организации было 8 единиц огнестрельного оружия и план террора против советских работников, но кроме одной «попытки», шагов в этом направлении предпринято не было; действия организации свелись к обычной уголовщине – получению по подложным документам муки.

Однако приговор Томского губернского революционного трибунала был достаточно суровым: один из членов организации был приговорен к 8 годам лишения свободы, один – к 6, по двое – к 5, 4 и 2 годам лишения свободы соответственно. На основании ст. 42 УК РСФСР все считались опороченными по суду на 3 года. Проходившая по делу телеграфистка А.К. Цаликова, 1899 г.р., была приговорена к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком на 3 года²⁹⁹, а дело на несовершеннолетнего С.С. Зыкова было выделено в отдельное производство.

Сложно судить, насколько эта организация была «противосоветской». Возможно, в те годы следователям важен был факт принадлежности её членов к религиозным общинам, что и было использовано в ходе организованной в стране кампании по преследованию Церкви. В настоящее время в процессе пересмотра дела в реабилитации участникам организации отказано, так как не установлена политическая составляющая их преступной деятельности.

²⁹⁸ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 311. Л. 207. Кроме названных членов организации, по делу были арестованы: Цаликов Г.А., 1897 г.р., приказчик; Новосёлов А.С., 1901 г.р., служащий; Корелин А.К., 1900 г.р., служащий; Новодерёжкин В.А., 1900 г.р., счетовод гублескома; Павлов П.Н., 1902 г.р., конторщик на железной дороге; Яковлев Л.Г., 1901 г.р., инструктор спорта. Последний был арестован вторично в 1937 г. и по решению «тройки» УНКВД расстрелян. См.: Боль людская... Т. 3. С. 456.

²⁹⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 311. С. 268–269.

В 1922 г. в стране развернулась кампания, организованная антирелигиозной комиссией ЦК РКП(б). Была создана специальная подкомиссия в составе П.А. Красикова, В.Р. Менжинского и Н.Н. Попова, занимавшаяся рассмотрением дел священнослужителей и прихожан, поддерживавших Патриарха Тихона, многие из которых были подвергнуты административной ссылке. Так, например, названная комиссия 28 ноября 1922 г. приняла решение об административной ссылке 60 «епископов, попов и мирян, уличенных в активной тихоновщине»³⁰⁰.

Если гонения на церковь в годы Гражданской войны носили преимущественно стихийный характер, то после её окончания эта политика становится планомерной и целенаправленной, что, в частности, наглядно проявилось в ходе кампании по изъятию церковных ценностей: в стране была создана строгая вертикаль органов (различных структур) до уезда включительно с привлечением тысяч официальных исполнителей и еще большим числом «добровольцев». Специального отбора кадров для выполнения миссии не производилось, часто привлекались случайные люди, готовые бездумно выполнить любое указание. Все это наряду с официальной доктриной государства о реакционности духовенства, служившего самодержавию, привело к утрате, расхищению и уничтожению многих памятников и предметов культа, имевших культурное и историческое значение, являвшихся национальным богатством России.

Предпринятое советской властью под предлогом организации помощи голодающему населению Европейской России изъятие церковных ценностей привело к еще большему обострению отношений между большевиками и духовенством. Сегодня можно однозначно констатировать, что изъятие церковных ценностей было спланированной акцией, в которой помощь голодающим была задачей второго плана. В известном секретном письме В. Ленина В. Молотову, написанном в марте 1922 г., отмечалось: «...Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед давлением какого угодно сопротивления. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что **мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...** (выделено мною. — В.У.). Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели думать»³⁰¹.

³⁰⁰ Маргиналы в социуме... С. 247.

³⁰¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191–194.

Практически в это же время, 25 апреля 1922 г., Верховный трибунал ВЦИК направил на места циркуляр, в котором губревтрибуналам предписывалось в случае выявления фактов агитации против изъятия церковных ценностей контрреволюционными элементами и оказания сопротивления по изъятию этих ценностей привлекать к уголовной ответственности местное церковное руководство, даже если оно и не было замечено в этой деятельности³⁰².

Сопротивление духовенства подавлялось беспощадно. Только в июне 1922 г. и только в одном Петрограде Ревтрибуналом были осуждены 87 церковников, в числе которых были митрополит Кронштадтский, епископы, настоятели Казанского и Исаакиевского соборов, группа «реакционных» профессоров. За активное сопротивление кампании по изъятию церковных ценностей 10 из них были приговорены к расстрелу³⁰³. Волна столкновений, арестов и «судов» прокатилась по всей стране. К середине 1922 г. в связи с изъятием церковных ценностей состоялся 231 процесс, на скамье подсудимых оказались 732 чел., многие были приговорены к расстрелу³⁰⁴.

Активная роль в кампании по изъятию церковных ценностей отводилась периодической печати – основному рупору советской власти. В газетах повсеместно была организована травля священнослужителей. Например, в газете «Красное знамя» (Томск) только в период с 4 по 13 марта 1922 г. были опубликованы статьи и материалы «Церковь и умирающие», «Церковь и голод», «Что думает томское духовенство?», «К изъятию церковных ценностей» и др., а 13 марта почти вся первая страница газеты была посвящена «небывалому митингу во Дворце Труда», когда тысячи верующих «требовали передачи церковных ценностей голодающим». Здесь же была опубликована резолюция митинга об организации изъятия ценностей³⁰⁵. Председателем губернской комиссии по изъятию ценностей 28 марта 1922 г. на закрытом заседании губкома РКП(б) был назначен председатель губисполкома Н.П. Теплов. С апреля газета «Красное знамя» начала печатать бюллетени по изъятию ценностей.

Общество раскололось на два враждебных лагеря – верующих и безбожников-атеистов, многие из которых еще совсем недавно были верующими. Последних было много меньше, но за их спиной стояло государство, чью волю они и выражали, а у государства были сила и аппарат подавления, в том числе из десятков тысяч иновер-

³⁰² ГАНО. Ф.Р-1146. Оп. 1. Д. 55. Л. 84.

³⁰³ Трифионов И.Я. Очерки истории классовой борьбы... С. 34.

³⁰⁴ Бутовский полигон. 1937–1938 гг... Кн. 2. С. 18.

³⁰⁵ Красное знамя. 1922. 4, 6, 11, 13 марта. Копия резолюции была приложена к материалам суда, состоявшегося в июле 1922 г. в Томске. В ней, в частности, отмечалось, что «...томичи, заслушав на митинге доклады на тему «Церковь и голод», учитывая, что спасение голодных волжан есть священный обязательный долг всего народа Советской Республики и каждого гражданина в отдельности, постановили...» категорически немедленно изъять все драгоценные предметы из золота, серебра и камней. Изъятие должны были производить местные Советы при участии комиссии Помгол и групп верующих, священнослужители должны были призвать всех верующих к оказанию помощи голодающим и изъятию ценностей; **«противников этого считать врагами народа, клеймить их позором и заносить на черную доску»**. Газета должна была давать отчеты о расходовании имущества. «Председательствующий Макаренко, секретарь Войтовецкий». См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 91. Л. 107.

цев-наемников, которым была абсолютно безразлична судьба миллионов верующих и духовенства, рушили и уничтожали не их веру. В этой борьбе многие из верующих заняли выжидательную позицию, и только часть из них была готова принять страдания за то, во что свято верила. Произошедший в церкви раскол также внес сомнения и сумятицу в умы многих верующих; это было использовано государством в целях достижения нужного результата.

Священнослужители ответили яростным сопротивлением, пытаясь скрыть от экспроприаторов все, что могли спрятать и сохранить. И как следствие – аресты и судебные процессы над священниками. Газеты того времени подробно освещали эти события. Так, «Красное знамя» в июле 1922 г. сообщало: «...на скамье подсудимых сидят князья церкви, открыто выступившие против изъятия ценностей. Каждый труженик еще раз увидит лицо контрреволюции под церковным флагом, а трибунал воздаст им по заслугам»³⁰⁶. Что и произошло. 15–20 июля 1922 г. состоялся суд над 33 священниками и некоторыми из прихожан Томска и Томской губернии по обвинению в том, что «...исполняя исходящее от патриарха Тихона послание, в качестве директив центра контрреволюционной организации духовенства, так называемой православной церкви, – они, по предварительному между собой соглашению, с контрреволюционной целью срыва помощи голодающим Поволжья умышленно злостно оказывали противодействие органам власти при изъятии церковных ценностей в апреле, мае 1922 года по городу Томску и Томской губернии, скрывая разными способами ценности храмов, и агитацией, и непосредственным участием возбуждали население к массовым волнениям и к невыдаче ценностей в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции»³⁰⁷.

Приговор был суров – 9 чел. приговорены к расстрелу. Поданная осужденными апелляция представляла собой аналитически выверенный документ, раскрывающий предвзятость суда при рассмотрении дела при полном отсутствии доказательств вины осужденных. В ходе судебного следствия были допущены нарушения целого ряда процессуальных норм (например, непредставление слова защите в ходе судебного

³⁰⁶ Красное знамя. 1922. 15 июля.

³⁰⁷ Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2004. С. 39. В обвинительном заключении по делу приводились примеры, что в губернии имели место «случаи контрреволюционных попыток духовенства сорвать дело изъятия ценностей на помощь голодающим». В Мариинске 7 мая жители не дали вести работу комиссии в соборе, только 8 мая «после окружения собора войсками ГПУ и ЧОН изъятие было осуществлено». В с. Тутальском 31 мая жители не пустили уполномоченного, и изъятие удалось провести только 6 июня под охраной вооруженного отряда. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 96. Л. 7.

Процесс проходил под контролем губотдела ГПУ, сотрудники которого в информационном бюллетене так описывали события, связанные с началом суда: «14 июля начался процесс... На скамье подсудимых 12 священников, просто верующих 14 (цифры вписаны от руки. – В.У.). По делу проходят свидетелей 36. Настроение рабочих, красноармейцев, служащих и просто граждан спокойное. Несмотря на платность входа – 3 миллиона в пользу голодающих – зал заседания полон. На улицах – не попавшие из-за отсутствия средств группы верующих женщин, ожидающих вестей из зала...». См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 499.

заседания). Адвокатами была, на мой взгляд, доказана предвзятость председателя трибунала Макаренко, выразившаяся в прямом вмешательстве в дела Епархиального управления, в использовании печати для подготовки общественного мнения в отношении обвиняемых еще до начала суда. Так, 6 июня в газете «Красное знамя» была опубликована статья «Отделение Православной церкви от контрреволюции», в которой епископ Виктор характеризовался как монархист, контрреволюционер и т.п. А 13 июля в статье «К суду над церковниками», т.е. за два дня до начала судебных слушаний, Макаренко объявил обвиняемых контрреволюционерами и приписал им целый ряд преступных деяний контрреволюционного характера, в которых они и были трибуналом под его непосредственным руководством признаны виновными. Даже эти действия Макаренко заставляют засомневаться в объективности его действий.

Не были судом трибунала доказаны ни организационная, ни практическая стороны контрреволюционной деятельности, показания свидетелей в абсолютном большинстве носили оправдательный для обвиняемых характер. Отдельные конкретные «контрреволюционные» действия опровергались официальными документами органов власти. Но все это не имело значения, так как с самого начала процесс пошел с обвинительным уклоном³⁰⁸.

В соответствии с кассационной жалобой³⁰⁹ 31 октября – 3 ноября 1922 г. состоялись заседания выездной сессии судебной коллегии Сибирского отдела Верховного трибунала. По новому приговору ВМН была оставлена в силе троим – епископу Томскому Виктору (Всеволоду Богоявленскому)³¹⁰, настоятелю Богоявленского храма Константину Лебедеву³¹¹ и священнику из Юрги Борису Стацевичу, но Президиум ВЦИК приостановил приведение приговора в исполнение, а решением от 2 марта 1923 г. заменил ВМН на 10 лет лишения свободы, позднее неоднократно еще снижая сроки наказания³¹². Сроки наказания были изменены и другим осужденным по этому процессу.

³⁰⁸ Кассационная жалоба осужденных в Сибирское отделение Верховного трибунала. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 96. Л. 78–81. В кассационной жалобе от 14 осужденных говорилось о 8 осужденных к ВМН – расстрелу.

³⁰⁹ Обращение было рассмотрено следователем Сиботдела Верховного трибунала ВЦИК Дубинским, который согласился с большинством претензий, заявленных в кассационной жалобе, и вынес решение об отмене приговора от 16 июля 1922 г. и направлении дела на новое рассмотрение. Там же. Л. 93.

³¹⁰ Богоявленский Всеволод Семенович, 1854 г.р., в 1924 г. постановлением ВЦИК от 20 февраля 1924 г. срок наказания был снижен до 5 лет лишения свободы. В этом же году был освобожден и начал управлять Нижнеудинской епархией. Умер в 1928 г. и похоронен в г. Омске. Реабилитирован в 2001 г.

³¹¹ Лебедев Константин Владимирович, 1877 г.р., арестовывался вновь в мае 1930 г., был освобожден в августе 1930 г. в связи с прекращением дела. В 1936 г. был осужден на 10 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах. Реабилитирован в 2001 г.

³¹² Дмитриенко Н.М. Дело томских церковников 1922 г. // Социально-политическое развитие Сибири (XIX–XX вв.). Томск, 1993. С. 78–79. В мае 1923 г. губсуд, со ссылкой на приговор от ноября 1922 г., обязал начальников Томской городской и Мариинской уездной милиции наложить арест на имущество осужденных. К указанию прилагались выписки из приговора и ст. 38 Уголовного кодекса о конфискации имущества. См.: ГАТО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 1054. Л. 92.

Смягчение приговоров вполне объяснимо. Урок духовенству был преподан хороший через суровость приговора, а с другой стороны, властью «проявлена гуманность» через сохранение осужденным жизни³¹³. «Гуманность», скорее всего, была вынужденной – большевики не хотели (или боялись) создать новых мучеников за веру. И еще одно: решения в те далекие годы принимались все-таки коллегиально, так как пока не «вырос» тот, кто будет принимать даже самые страшные решения единолично, уже только прикрываясь коллегиальностью.

В целом по Сибири на 1 сентября 1922 г. было возбуждено 12 уголовных дел, по которым проходили 55 чел. – 14 духовных и 41 гражданское лицо. Пять дел к этому числу уже были рассмотрены и 10 чел. приговорены к расстрелу, 27 – к различным видам наказания, трое оправданы (табл. 11).

Таблица 11

Сведения по делам об изъятии церковных ценностей (на 1 сентября 1922 г.)

Трибунал	Кол-во возбужденных дел	Кол-во рассмотренных дел	Привлечено лиц духовных/гражданских	Осуждено к ВМН лиц духовных/гражданских	Осуждено к лишению свободы, чел.		Осуждено к др. мерам наказания лиц духовных/гражданских	Оправдано лиц духовных/гражданских
					До 3 лет духовных/гражданских	Свыше 3 лет духовных/гражданских		
Новониколаевский	1	–	1/–	–	–	–	–	–
Омский	2	–	–/2	–	–	–	–	–
Томский	4	2	10/25	8/–	3/1	–	2/16	–/3
Алтайский	–	–	–	–	–	–	–	–
Иркутский	3	3	2/5	1/1	1/3	–/1	–	–
Енисейский	2	–	1/9	–	–	–	–	–
Итого	12	5	14/41	9/1	4/4	–/1	2/16	–/3

Источник: ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 74. Л. 14. В таблице была графа «Фактически расстреляно», но данных не приведено ни по одному трибуналу.

³¹³ В июле 1923 г. в Президиум ВЦИК с просьбой о помиловании обратились К.В. Лебедев (осужден на 10 лет) и Н.С. Климов (осужден на 8 лет): «С чувством глубокого удовлетворения узнали мы из газет о раскаянии патриарха Тихона в его контрреволюционных деяниях и еще с большим удовлетворением прочитали о акте великодушия Советского Правительства, принявшего это раскаяние и освободившего из-под стражи патриарха... Теперь становится очевидным для нас, что... выполняя все его распоряжения как церковного иерарха, мы... вовлекались в политическую авантюру и становились врагами Правительства Русского Пролетариата...

Присоединяясь к патриарху... мы со своей стороны приносим искренне раскаяние во всем, что в прошлых наших поступках носило характер контрреволюции, вражды и непризнания Соввласти РСФСР. Отныне все наши деяния будут направлены к тому, чтобы работать на платформе соввласти, проводить в жизнь высокая начала братской любви, торжества трудящихся масс, справедливости и честности во взаимоотношениях граждан Пролетарской Республики и этим способствовать скорейшему наступлению мира и благополучия в жизни русского трудового народа...». См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 368. Этот документ – пример того, что политика государства, направленная на подавление и угнетение церкви и её слуг, давала свои результаты, последние вынуждены были сдавать свои позиции.

Наибольшую активность в преследовании лиц по делам об изъятии церковных ценностей проявили Томский и Иркутский ревтрибуналы, никакой работы не отразил Алтайский. Обращает на себя внимание и тот факт, что число привлеченных Томским трибуналом к ответственности гражданских лиц составило 61% от общего числа лиц данной категории и 45,5 % от общего числа репрессированных. Возможно, сказались амбиции местных руководителей, так как Сиббюро ЦК РКП(б) в своем письме губкомам, анализируя ситуацию с изъятием ценностей в губерниях Сибири, приводило примеры более активного, чем в Томске, сопротивления изъятию ценностей.

Так, саботаж по сдаче ценностей проявил архиепископ Дмитрий в Омской губернии, ранее предлагавший подготовить воззвание к населению о сдаче ценностей, но затем отказавшийся его подписать. Более того, по наущению омичей новониколаевское духовенство в целях противодействия сдаче ценностей стало создавать ячейки из числа зажиточных и глубоко верующих лиц. В Барабинске со словами «Бей коммунистов, не отдадим золото» из церкви выгнали коммуниста, призывавшего к изъятию ценностей. В Красноярске и Иркутске отношение к кампании характеризовалось как враждебное, среди населения распространялись провокационные и подстрекательские записки, призывы «Бей жидов», «Красные грабят храмы» и др. В Красноярске народ организовал охрану храмов³¹⁴. В Барнаульском уезде противодействие изъятию ценностей оказали вновь избранные волостные советы. В Рубцовском уезде крестьяне не дали арестовать священника, агитировавшего против изъятия ценностей³¹⁵.

В Омске, согласно постановлению ВЦИК от 16 февраля и Инструкции ЦК Помгол и НКЮ от 7 марта 1922 г., была организована губернская комиссия, приступившая к работе сразу после пасхальной недели. В большинстве случаев изъятие ценностей происходило без эксцессов, за исключением Тары, где начало работы уездной комиссии сопровождалось набатным звоном. Позднее было объявлено, что виновницей случившегося оказалась психически больная фанатичка, но это не помешало её арестовать и предать суду ревтрибунала. По свидетельствам очевидцев, при разорении церкви в Таре предметы церковного обихода и иконы выбрасывались прямо в снег, с них срывали все, что было похоже на драгметаллы и драгоценности. Подобная картина наблюдалась и в других храмах.

«Активная» деятельность комиссий не была подкреплена мало-мальской дисциплиной, часто не были налажены отбор, учет и контроль изымаемых ценностей. Не обходилось без злоупотреблений и банального воровства, так как всякого рода «помощников» по изъятию всегда было предостаточно. Подтверждением этому может служить отчет председателя губпомгола Крымова в Омгубисполком в августе 1922 г.: «Изъято церковных ценностей на 20 июля: золотых изделий – 36 зол. 48 ф. (786 кг 395 г. – В.У.), золотой монеты – 165 рублей, серебряных изделий – 71 пуд 20 ф.

³¹⁴ Информационное письмо Сиббюро ЦК РКП(б) № 4 в адрес губкомов РКП Сибири за январь – апрель 1922 г. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 73.

³¹⁵ Из госинформсводки ОГПУ № 41 от 27 мая 1922 г. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... Т. 1. С. 635.

89 зол. 91 д. (1 164 кг 182 г. – *В.У.*), серебряной монеты – 6 922 руб. 75 коп. Точных сведений дать не можем, так как канцелярия находится в разбросанном виде, и за правильность настоящих сведений губпомгол не отвечает, так как составлены они приблизительно. Сведения мною не проверены, и от взятия на себя ответственности за таковые до ревизии РКИ воздерживаюсь»³¹⁶. А ведь речь велась о больших ценностях – только драгметаллов было почти две тонны.

В Томске, казалось бы, учет был налажен, но таковым его можно считать условно. Напомню, что в соответствии с резолюцией митинга от 10 марта 1922 г. газета «Красное знамя» должна была печатать бюллетени об итогах изъятия ценностей. Решение митинга было выполнено, и с начала апреля газета постоянно сообщала о результатах этой работы. Тексты бюллетеней подписывал председатель комиссии и одновременно губисполкома Н. Теплов. Однако чаще всего это было простое перечисление изъятых, даже без указания, за редким исключением, веса и материалов изготовления. Например, 5 апреля газета проинформировала население, что удалось изъять 12 пудов 22 фунта 16 золотников и 6 ден. (примерно 201 кг. – *В.У.*), но чего и из какого металла указано не было. За последующие две недели за счет снятия серебряных риз с икон изъяли еще 22 пуда 17 фунтов 80 золотников серебра (359 кг) – ризы были сняты со 184 икон в десяти церквях города. К 13 мая объемы изъятых достигли 40 пудов, о чем сообщил на пленуме губисполкома Теплов. Кампания проводилась под пристальным вниманием губкома РКП(б), который, в частности, на закрытом заседании 21 мая своим постановлением потребовал принятия всех мер для завершения кампании к 1 июня³¹⁷.

Сдача ценностей проводилась под постоянным давлением партийно-советских органов на местах. **Правильность их сдачи в губфинотдел предполагалось проверить после завершения мероприятия** (выделено мною. – *В.У.*). Подобная практика была повсеместной, что не могло не сказываться на «качестве» работы; имелись реальные возможности для злоупотреблений при изъятии ценностей и их хищения.

Всего в 1922 г. в стране у церкви было изъято 22 пуда золота, около 24 тыс. пудов серебра, 14 пудов жемчуга, десятки тысяч алмазов, бриллиантов и других драгоценных камней³¹⁸.

Но не всегда все завершалось благополучно. По данным Г.Е. Соколова, только в 1922–1923 гг. в России были уничтожены (полагаю, физически. – *В.У.*) 2 691 священник, 1 962 монаха и 3 447 монахинь³¹⁹, большинство из них пострадали в период проведения кампании по изъятию церковных ценностей, когда пытались противиться произволу.

³¹⁶ Краевская И., Черказьянова И. От «тьмы» к «свету» предлагала двигаться советская власть, начав бороться с церковью. См.: Забвению не подлежит... Т. 8. С. 37–39.

³¹⁷ См.: Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская голгофа... С. 30–35.

³¹⁸ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 51.

³¹⁹ См.: Соколов Г.Е. Кампания 1922 г. по изъятию церковных ценностей (на примере Москвы) // Государство, религия. Церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень № 3 (27). М.: Изд-во РАГС, 2001. С. 106.

Еще одним пострадавшим в ходе названной кампании стал житель г. Томска, член РКП(б) Батури́н, погибший в результате беспорядочной стрельбы сотрудников милиции, которые пытались разогнать людей (30–40 чел.), собравшихся после митинга 10 марта во Дворце труда. В этой толпе находились губвоенком Репин, член редколлегии газеты «Красное знамя» Азарх и председатель ревтрибунала Макаренко. Незаконные действия сотрудников милиции были пресечены только благодаря вмешательству названных лиц. Команду на «разгон толпы» отдал начальник горюездной милиции Б.Я. Бертуш, который даже не пытался разобраться в сложившейся ситуации, а просто проезжая мимо, увидел скопление народа.

Данное происшествие получило широкую огласку и вызвало негативную реакцию со стороны населения. В кратчайшие сроки провели следствие, и уже 26 марта трибунал вынес приговор, согласно которому Бертуш отрешался от должности и лишался права занимать ответственные посты в течение одного года с вынесением ему общественного порицания. Помощник начальника конного отряда милиции Е.А. Коркин также отрешался от должности и был направлен в распоряжение начальника губернской милиции для прохождения курсов командного состава. Пятеро милиционеров конного отряда были осуждены к лишению свободы на 6 месяцев, но принимая во внимание **«их политическую и общую неразвитость, наказание считать условным, оставить в составе Томгорюездмилиции, обязав начальника последней командировать их на курсы для взрослых для ликвидации безграмотности...»**³²⁰.

По мере победного шествия социализма по стране борьба с «опиумом для народа» не ослабевала, хотя та часть духовенства, что признала советскую власть («Живая Церковь», или обновленцы), всячески показывала свою преданность новому строю. Об этом было заявлено на Всероссийском съезде группы «Живая Церковь» в Москве в августе 1922 г. 2 октября открылся Всесибирский съезд группы «Живая Церковь», решения которого шли вразрез с канонами православия. Так, председатель Сибирского церковного управления протоиерей П. Блинов был возведен в сан епископа Томского и Сибирского, став первым епископом, возведенным в этот сан из женатых священников. За ним в епископы «последовали» и другие женатые священники.

³²⁰ Материалы обвинительного заключения и приговора по делу Б.Я. Бертуша и др. См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 91. Л. 1, 2, 87–88. Наказанием это назвать трудно, тем более что в ходе предварительного следствия был установлен факт изготовления фальсифицированных документов по названному делу сотрудниками милиции. Пытаясь оправдаться, сотрудники милиции сфальсифицировали материалы об участии в этом событии «антисоветчика» профессора Анучина, якобы проводившего активную противосоветскую агитацию. Но в ходе судебного заседания «свидетели» этого со стороны милиции заявили, что Анучина не знают и на митинге не видели, только слышали от других, что он якобы был. Однако сам Анучин на митинге не был и по причине болезни из дома не выходил. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 118. В рапорте председателя ревтрибунала Макаренко в Сиботделение Верхтриба ВЦИК также было отмечено, что «милиция или, вернее, трусливые, тупые и глупые лица последней старались создать ложную картину истинных событий 10-го марта, объясняя, что на улице была громадная толпа, страшно возбужденная, угрожавшая чуть ли не переворотом...», что абсолютно не соответствовало действительности. За защитой «чести мундира» как-то затерялся погибший Батури́н.

С подобными действиями не могла согласиться основная часть духовенства Сибири, и в октябре 1922 г. в Новониколаевске на губернском съезде было принято решение о прекращении отношений с Сибирским церковным управлением и создании Сибирской митрополии для сибирских епархий. Новое объединение существовало недолго, так как советская власть не собиралась поддерживать «реакционную часть духовенства»; начались аресты священнослужителей. Одним из первых в декабре 1922 г. был арестован за «мошеничество и помощь контрреволюционерам» Новониколаевский епископ Софроний, в начале февраля 1923 г. – епископ бийский Иннокентий, обвиненный в призывах к свержению советской власти. М.В. и Н.П. Фаст привели интересный документ в отношении епископа Иннокентия. Алтайский губотдел ГПУ в начале февраля 1923 г. направил в Бийское подразделение телеграмму: «Ввиду того, что Бийская епархия намерена отколоться от СибЦУ, возглавляется **реакционным епископом** Иннокентием, ведущим травлю против «Живой Церкви»: Алтгуботдел настоящим предлагает **изолировать епископа бийского Иннокентия, для каковой цели подберите юридическое основание**, что послужит целью воспрепятствования откола последней от СибЦУ. Арестованного Иннокентия направить Алтгуботдел ГПУ. Основание: почто-телеграмма ПП ГПУ Сибири № 490/с»³²¹. Основание было найдено...

В марте 1923 г. состоялся епархиальный съезд Томской губернии; делегаты в своем письме губисполкому выражали благодарность за предоставленную возможность собраться для решения церковных вопросов, осуждали «неискреннюю политику черного епископата, возглавляемого патриархом Тихоном и руководившего тайными вожделениями на возвращение в России старого государственного строя...» и выражали готовность решительно вступить «на путь искреннего признания советской власти и закономерного проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви и всех вытекающих из этого декрета положений»³²².

Вне всяких сомнений, подобные «съезды» проходили и в других регионах страны, в том числе в Сибири, и подобные письма направлялись в адреса советских органов власти и управления. Все это стало возможным по причине проведения в 1923 г. (по инициативе большевистского руководства страны) Собора, названного Обновленческим, когда произошло официальное разделение православной церкви на обновленческое и тихоновское направления. В постановлении Собора было записано, что «церковным людям не следует видеть в советской власти власть антихристову. Наоборот, собор обращает внимание, что **советская власть** государственными методами **одна во всем мире имеет цель осуществить идеалы Царствия Божия**»³²³. Большевики и советская власть должны были, таким образом, привести паству в «Царство Божие». Обновленцы, пойдя на компромисс с властями, стали получать от нее определенные преференции. Более того, обновленцы во многом стали прямо по-

³²¹ См.: Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская голгофа... С. 53.

³²² Из истории земли томской. 1921–1924... С. 139.

³²³ Минеева Г. Судьба Владыки Алексия. См.: Забвению не подлежит... Т. 6. С. 190.

могать большевикам в дальнейшем развале и разгроме православной церкви. Тысячи верующих не сразу могли понять суть происходящего и оказались втянутыми в борьбу двух церковных течений, достаточно часто ориентируясь в происходящем только на основе своих личных симпатий к тем или иным священнослужителям. Принадлежность к тихоновскому направлению стала на долгие годы первопричиной многих страданий тысяч православных священников и мирян.

Раскол православной церкви был использован отдельными служителями культа для удовлетворения личных амбиций и своего карьерного роста – ничто мирское им не было чуждо.

В борьбе с духовенством власть большевиков использовала все средства. Одним из них было лишение представителей духовенства избирательных прав. Так, например, 6 июня 1923 г. за подписью заведующего губернским Отделом управления Семерикова (одновременно и председателя избиркома по перевыборам в Томский горсовет) и секретаря избиркома Дятлова в редакцию газеты «Красное знамя» был направлен «Список лиц религиозных культов, лишенных права избирать и быть избранными в томский горсовет, для опубликования в ____ номере Вашей газеты». В списке значились фамилии 45 церковнослужителей градо-Томских церквей, 19 монахинь во главе с игуменьей, 5 руководителей Еврейской религиозной общины и 3 старост синагог, 2 имамов и 2 муэдзинов 1-й и 2-й городских мечетей, а также руководитель римско-католического костела – всего 77 чел.³²⁴ Представители этой категории граждан лишались прав повсеместно в числе первых.

На словах никто не покушался на права граждан, в том числе и по вероисповеданию. Сибирская краевая прокуратура в 1925 г. даже подготовила и направила всем окружным прокурорам многостраничный доклад для выступлений на крестьянских собраниях. По делам взаимоотношений с церковью в нем отмечалось, что всякое лицо вправе исповедовать какую угодно религию или не использовать никакой. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделена от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми. Государство предоставляет в бесплатное пользование верующих предметы культа и молитвенные дома (представлять можно было, так как основное уже было отнято, закрыто, уничтожено либо приспособлено для использования в других целях. – *В.У.*). Государство запрещает чинить препятствия верующим исполнять религиозные обряды, в открытии молитвенных домов и храмов и закрытии существующих. Однако **бывают случаи** (выделено мною. – *В.У.*), когда органы власти или должностные лица допускают нарушения существующих на этот предмет распоряжений советского правительства. Жалобы на действия должностных лиц и государственных органов при разрешении такого рода дел могут быть поданы ближайшему прокурору.

Все просто: имели место «случаи» или «отдельные нарушения», хотя в действительности действовала система. Не только правоохранные, но все партийные и

³²⁴ ГАТО. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 6 «а». Л. 14–16.

советские органы должны были следить за служителями культа и верующими и информировать инстанции обо всем, что происходило в их среде.

На деле бывало так, как отмечалось в докладе краевого прокурора в Сибкрайком РКП(б): «В работе ГПУ среди церковников наблюдаются излишние незаконные аресты попов старого толка и особенно явное покровительство “живоцерковникам”».

Так, например, в Мариинске совершенно без всяких законных оснований местный уполномоченный ГПУ **периодически** (выделено мною. – В.У.) сажал 2 попов старого толка и сделал из них мучеников за веру в глазах местного населения.

Предложения освободить в случае перехода в обновленчество или поступления сексотом – обращение к одному из них – вряд ли осталось тайной для единоверцев этого толка»³²⁵.

Кроме того, в докладе приводились примеры арестов по инициативе и под давлением ГПУ староцерковников в Новониколаевске и Каргате.

Если первое уголовное дело по ст. 58 нового Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. на территории нынешней Томской области было возбуждено против бывшего агента охраны, то первыми осужденными по этой статье стали К.В. Калугина³²⁶, Ф.А. Просандеев³²⁷ и Н.Ф. Жалилов³²⁸. Все в той или иной степени имели отношение к религии. Так, К. Калугина, будучи дочерью священника, неоднократно организовывала сбор средств для ссыльного духовенства и «систематически вела контрреволюционную пропаганду»³²⁹, которая, по мнению сотрудников окротдела ОГПУ, вызывала панику в среде населения.

Ф. Просандеев, бывший пристав ст. Тайга, также занимался сбором средств для духовенства, но был большим «реакционером» по отношению к советской власти, так как «начиная с 1921 года вел систематически антисоветскую агитацию, используя для своих целей церковную организацию. ... Распространяя провокационные слухи, вроде: «Обдирали, обдирали нас коммунисты, чтобы устроить беспорядки в Китае, где, вид-

³²⁵ Доклад краевого прокурора в Сибкрайком ВКП(б) «О состоянии революционной законности в Сибири» [июль 1925 г.] (гриф «Совершенно секретно»). См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 43. Перекосы в политике по отношению к различным направлениям в православии отмечались, в частности, в постановлении Центрального административного управления НКВД в апреле 1925 г., в котором подчеркивалось, что при проведении мероприятий по отделению церкви от государства на местах был выявлен целый ряд моментов, вызвавших осложнения и конфликты с населением. Так, например, заявлялись жалобы и протесты со стороны «тихоновцев» в связи с непредоставлением им в пользование богослужебных зданий и имущества, что стало возможным «на почве применения в практике несогласованных директив, даваемых... по линии ОГПУ, которые предлагали оказывать содействие так называемым обновленцам – живоцерковникам». См.: ГАНО. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 12. Л. 142 (Секретное постановление Всероссийского съезда начальников губернских и областных административных отделов и начальников губернских и областных п/отделов уголовного розыска «По проведению отделения церкви от государства в части, касающейся административных распоряжений»).

³²⁶ Калугина Клавдия Владимировна, 1901 г.р., арестована в 1927 г., осуждена на 2 года концлагерей.

³²⁷ Просандеев Федор Артемьевич, 1873 г.р., арестован в 1927 г., осужден на 2 года концлагерей.

³²⁸ Жалилов Накшала Фаткуллович, 1892 г.р., арестован в 1927 г., осужден к ссылке в Калужскую губ. сроком на 3 года.

³²⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2110.

но не помогла их дешевая агитация», Просандеев в разговорах с прихожанами говорил о скором падении советской власти, о гибели ВКП(б) и т.д., в частности: «Ну, недолго нам осталось ждать, скоро начнем вешать коммунистов и жидов на красных арках», а в разговоре у священника Нестеровского он заявлял: «Скоро одену опять погоны и покажу нашим подлодочникам большевикам, где их место. Веревки и мыло достану. В первый раз в жизни пожертвую коммунистам от чистого сердца»³³⁰.

«Антисоветская» деятельность Н. Жалилова, муллы деревни Юрт-Калтай Коларовского района Томского округа заставила татарскую секцию Томского окружного комитета ВКП (б) обратиться в окружной отдел ОГПУ с просьбой «принять меры». В процессе «принятия мер» старший помощник прокурора Сибирского края Петровский вменил в вину Н. Жалилову распространение агитации, вызвавшей общественную панику (говорил верующим о скорой войне, во время которой коммунистами будут уничтожаться все верующие. – В.У.) и направленной в помощь международной буржуазии; использование религиозных предрассудков с целью возбуждения недовольства против пионерской организации; преподавание несовершеннолетним религиозных вероучений в школе и мечети и совершении религиозных обрядов без разрешения властей. Он предложил не направлять дело по обвинению Жалилова в Особое совещание ОГПУ, уголовное преследование прекратить и освободить из-под стражи. Заместитель краевого прокурора Пачколин с этими предложениями согласился, но Н. Жалилов, тем не менее, был сослан в Калужскую губернию³³¹.

На мой взгляд, эти процессы – звенья одной цепи, все они были не случайны. К этому времени «историческая контрреволюция» была обстоятельно придушена, в том числе и физически, поэтому она не представляла опасности для советской власти. Духовенство же в соответствии с вековыми традициями Российского государства продолжало играть значительную роль в жизни общества, с чем большевики не могли согласиться. Поэтому духовенство и попало в разряд врагов, с которыми боролись всеми доступными способами. Служитель культа любого вероисповедания, действующий или из «бывших», постоянно находился в поле зрения государства. Партийные и советские органы на местах были обязаны постоянно отслеживать все действия и передвижения служителей культа, информируя об этом вышестоящие инстанции. Информации подобного характера: «...в одном из сел Тальменского района поп по переписи верующих ходил по домам и агитировал против Советской власти, а особенно запугивал женщин, у которых не крещенные дети, со словами: “Вот подождите, начнется война, и соввласть не устоит” или “Война – это дело хорошее, кого-то почищают, а может и окончательно вычистят, и нам нужно иметь соответствующую подготовку к этому”, либо “Страстным ревнителем религии на селе является местный священник Иванов, только его надо считать головкой всех прочих к.-революц. настроенных крестьян. Вокруг священника Иванова сплочена вся кулацко-зажиточная часть деревни, и только он является их идейным вдохновителем. Священник Иванов на се-

³³⁰ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2110. Л. 25.

³³¹ Там же. Д. П-2107.

ле, можно сказать, сросся с населением, он вмешивается во всякую мелочь в хозяйстве»³³².

Эти сведения незамедлительно передавались в местные органы ОГПУ, которые и «принимали» окончательное решение по каждому случаю. Обычно все сводилось к короткому следствию и приговору. Прокуратура, являясь надзорным органом, чаще всего констатировала это как факт и, будучи зависимой и послушной воле Партии, ничего не предпринимала в большинстве случаев, даже явно незаконных. Органы ОГПУ обязаны были следить и за теми представителями духовенства, которые были сосланы в Сибирь по постановлениям ОГПУ. В Нарымском крае в 1927 г. таковых находилось 55 чел.; они «если и не ведут какой-либо вредной работы среди окружающих масс, то во всяком случае пользуются со стороны местного населения сочувствием как “страдальцы за Христа”, а отсюда вывод, что все эти “духовники” живут за счет того, что им дает из жалости само религиозное население. В прошлом отмечались даже факты влияния ссыльного духовенства на местные религиозные общины, в результате чего в Каргаске обновленчество заменено тихоновщиной»³³³.

В этом же году по постановлению ОГПУ в Томск был сослан на 3 года епископ Герман (Кокель), где он, по решению Патриаршей Церкви, возглавил Томскую епархию. Органы, конечно же, не могли оставить церковного руководителя такого ранга без внимания. (Следует отметить, что Томская епархия староцерковников охватывала территории современных Томской и Кемеровской областей. На этой территории было организовано 22 благочиния со 161 храмом, священников было 146, диаконов – 15, псаломщиков – 51.)³³⁴

1930-е гг. не изменили политику государства по отношению к представителям духовенства, так как коммунистическое руководство страны прекрасно сознавало, что несмотря на работу всего идеологического аппарата численностью в сотни тысяч работников, заставить изменить взгляды, убеждения, привычки, всю систему мировоззрения многомиллионного населения страны было сложно. На Руси священник всегда выступал в роли своеобразного врача-психолога, к которому можно было обратиться в любую минуту, поделиться возникшими проблемами и сомнениями, получить совет, сопереживание и утешение. С другой стороны, вся политика Советского государства в предшествовавшее десятилетие сопровождалась насилием и притеснениями,

³³² Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 1. С. 167–168.

³³³ Докладная записка на имя заместителя прокурора края Малинина. См.: ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 127–128. В отчете краевого прокурора Сибири «О работе по наблюдению за органами ОГПУ по Сибири за первое полугодие 1927 г.» отмечалось, что к началу 1927 г. в Сибирском крае находились 28 административно-ссыльных церковников, к середине года их численность увеличилась до 41 чел. (Там же. Д. 135. Л. 14).

³³⁴ Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская Голгофа... С. 63. В конце 1920-х гг. в Сибири насчитывалось около 2 800 религиозных общин (из них более 1 000 сектантских), свыше тысячи служителей культа, 15–20 тыс. активистов церковных советов, около 2,5 млн верующих. См.: Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму... С. 435.

которые страшили население, порождали чувство неуверенности в будущем. Начавшаяся коллективизация только обострила эту ситуацию.

Необходимо было учитывать и то, что «партия церкви» была, в отличие от политических партий и объединений, стройной системой, сформированной многовековой практикой, со строгой дисциплиной и иерархией во взаимоотношениях. И что особенно важно – с четко отработанной мировоззренческой платформой, глубоко проникшей в сознание практически всего населения. В этих условиях переломить образ мыслей и веру у паствы можно было только насильственным путем, сломать и покорить «поводырей» было сложнее. Насильственные методы их «перевоспитания» в 1920-е гг. желаемого результата не дали, хотя и сильно подорвали церковную систему, особенно материально, но «враг» побежден не был. Поэтому в новом десятилетии наступление было продолжено.

Старт новой кампании по «изживанию религиозности» был дан еще в 1929 г., когда секретарем ЦК ВКП(б) Л. Кагановичем было разослано в партийно-советские органы на места директивное письмо «О мерах по усилению антирелигиозной работы», согласно которому духовенство объявлялось политическим противником коммунистической партии. В связи с изменением законодательства – вступлением в силу постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» – началось прямое вмешательство в дела церкви. В частности, запрещалось оказание материальной помощи прихожанам, церкви запрещалось иметь свои архивы и библиотеки, деятельность религиозных общин была ограничена стенами молитвенных домов; началась новая волна преследований и притеснений духовенства и верующих. Была активизирована деятельность по изъятию у религиозных общин молитвенных зданий.

В этих условиях многие представители духовенства сняли с себя сан священников по причине активного давления на них со стороны партийно-советского аппарата и общественности, пытались приспособливаться к новым реалиям жизни, устраивались на различные должности в организациях и учреждениях, пытались скрыть свое «прошлое», либо уезжали в другие регионы.

Как это было уже отработано в СССР, в кампанию включились все партийные, советские и даже профсоюзные органы. Так, в Томске в апреле 1929 г. окружным профсоюзным бюро был принят циркуляр о проведении антипасхальной кампании, исполнение которого было обязательным для всех профсоюзных органов округа. Кампания преследовала несколько целей: укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда, борьбу с пережитками старого быта за культурный новый быт, но главное – «разъяснение классового содержания современных религиозных верований и их участие в **антисоветском движении**» (выделено мною. – В.У.). Предполагался целый комплекс мероприятий – от чтения лекций и проведения бесед в клубах, красных уголках (крупных и мелких), общежитиях, ЖАКТах (все эти мероприятия планировались как на дни Великого поста, так и на неделю до и после Пасхи) и организации антипасхальных вечеров с докладами до выставок книг антирелигиозной направленности, на которых вывешивались списки рекомендованной литературы данной направленности, организации художественных постановок в драматических

кружках и т.п. В пасхальные дни планировались бесплатные киносеансы, детские утренники, вечера науки и специальные карнавалы³³⁵.

В связи с проведением выборов в новый состав городского совета был организован сбор наказов от населения, в числе которых достаточно многие имели отношение к делам церкви. В числе предложений, например, были следующие: «оборудовать на месте часовни на базарной площади кино к 1-му Мая», «закрыть Никольскую и Сретенскую церкви, а также и Иверскую часовню», «закрыть молитвенный дом, снести часовню и передать под культучреждения и студ[енческую] столовую», «усилить антирелигиозную работу, проводя снятие колоколов и добиваясь закрытия всех церквей», «снести синагогу на пр. Фрунзе», «закрыть Томский костел на Воскресенской горе, а также использовать имеющийся сад и здание для нужд ФТИ» (физиотерапевтического института. – В.У.) и др.³³⁶ Нет сомнения, что большинство этих предложений было проработано заранее партийно-советским руководством города, а в перечень наказов включены лишь для обоснования и организации последующих действий при проведении антирелигиозной кампании. Доказательством этому, на мой взгляд, могут служить опять-таки конкретные документы. Например, Западно-Сибирский крайисполком 20 августа 1930 г. издал циркуляр о регулировании церковного звона и снятии колоколов с церковных зданий. «В целях достижения однообразной практики и наибольшей четкости в проведении мероприятий, связанных с регулированием колокольного звона»³³⁷ горсоветам и райисполкомам давалось право ограничивать и воспрещать колокольный звон, а колокола молитвенных пунктов в местностях, где воспрещался колокольный звон, подлежали реализации через райфо в металлолом (ранее снятые также должны были быть отправлены в металлолом).

Особое внимание было уделено вопросу закрытия церквей. С первых дней ликвидации колчаковщины в Западной Сибири, как и повсеместно в стране, была организована перепись храмов, опись церковного имущества, ставился вопрос о закрытии церквей. В Томске, например, в соответствии с приказом Томского уездного ревкома № 120 от 20 апреля 1920 г. началось закрытие всех существовавших в правительственных и общественных учреждениях домовых церквей, к концу 1920 г. были закрыты более двадцати таковых³³⁸. В Омске в 1923 г. были закрыты, а позднее разрушены Ильинская церковь и Воскресенский собор, в 1924 г. опечатан и закрыт Казачий Никольский собор, Покровскую церковь, находившуюся на территории воинской части, отгородили от верующих забором и в декабре 1927 г. закрыли. С конца 1920-х гг. эта кампания еще более активизировалась: были закрыты три церкви в Томске (снесены в 1930 г.), а в Таре в 1932 г. власти дали добро на разбор шести храмов, была закрыта синагога, запрещены все мусульманские общины. Подобные акции прошли во

³³⁵ Циркуляр Томского окружного профбюро от 9 апреля 1929 г. всем профсоюзным органам округа о проведении антипасхальной недели в 1929 г. // Из истории земли томской. 1925–1929... С. 98–101.

³³⁶ Из наказов избирателей г. Томска новому составу горсовета в отчетно-выборную кампанию 1930 г. // Из истории земли томской. 1930–1933... С. 89–91.

³³⁷ Там же. С. 162–164.

³³⁸ Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская Голгофа... С. 22–23.

всех губернских и уездных городах, во многих селах Западной Сибири. Чаще всего решения о закрытии храмов проводились через постановления местных советов по результатам рассмотрения «многочисленных обращений граждан», в частности озабоченных проблемами жилищного кризиса, нехватки помещений под объекты социально-культурного назначения и т.п.³³⁹

Так, президиум Томского окружного исполкома в сентябре 1929 г. утвердил ходатайство Томского горсовета о ликвидации молитвенного здания Богоявленской церкви как религиозного пункта и о передаче указанного здания под клуб водного транспорта. А в октябре этого же года уже президиум Томского горисполкома принял решение обратиться через окружком в Сибкрайисполком с просьбой о закрытии синагоги 1-й общины г. Томска в связи с отсутствием в рабочем районе помещений для «культурно-просветительских учреждений»³⁴⁰. Просьба была удовлетворена, и здание синагоги передано под кинотеатр. Но этим дело не ограничилось, так как на заседании президиума горсовета 29 января 1930 г. было принято решение о ликвидации молитвенного здания Троицкого кафедрального собора: «В Томский городской совет поступают массовые требования трудящихся города Томска, **изложенные в протоколах собраний и подписях** (а кто их организовывал? – В.У.), о закрытии Троицкого кафедрального собора, находящегося на пл. Революции, в непосредственной близости от вузов и важнейших государственных учреждений.

Эти настойчивые требования трудящихся вполне обоснованы и по существу давно должны быть удовлетворены в связи с наблюдающимся сейчас в гор. Томске **острым жилищным кризисом, который к тому же прогрессивно растет** (выделено мною. – В.У.).

В результате создавшегося положения вновь открываемые учебные заведения, на которые ложится сейчас особенно ответственная задача по подготовке кадров специалистов, нередко оказываются совершенно не обеспеченными потребной площадью, что, безусловно, вносит резкие перебои в работу ВУЗов»³⁴¹.

³³⁹ Например, в Томске, по данным на декабрь 1925 г., из 21 закрытого церковного здания не были заняты всего два в связи с их ветхостью, шесть зданий были отданы под клубы, четыре использовались для собственных нужд организациями, где эти церкви ранее находились, по два были заняты военным ведомством и губернским отделом народного образования и т.д. См.: ГАТО. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 41. Л. 93 (Список помещений закрытых церквей). Следует отметить, что вопрос использования закрытых религиозных объектов был на постоянном контроле у государственных органов. Так, в соответствии с циркуляром ВЦИК от 25 августа 1924 г. Сибкрайадмотдел секретным циркуляром обязал все губернские, областные и окружные административные отделы подготовить информацию по вопросам: сколько всего церквей на территории округа с указанием данных о числе переданных религиозным обществам и группам и числе не занятых; сколько церквей и молитвенных зданий закрыто, по каким причинам и в каких целях они используются; сколько монастырей было и где находится их имущество и т.п. Информация должна была содержать вывод: считают ли окрадомотделы работу по учету церквей и их имущества оконченной, а если нет, то по каким причинам. Там же. Д. 34. Л. 10.

³⁴⁰ Из истории земли томской. 1925–1929... С. 113–114, 116–117.

³⁴¹ Из истории земли томской. 1930–1933... С. 27–28. Летом 1930 г. краевой совет воинствующих безбожников констатировал, что, по данным на 20 июня, только за зиму 1929/30 г. было закрыто 310 церквей, «из них обновленческих 94, ВВЦС и автокефальных 21, сергиевских 194». Также отмеча-

В качестве вывода было предложено окружному исполкому обратиться в Сибкрайисполком с ходатайством о принятии решения о закрытии собора и передаче его здания горсовету «под музей, а помещение, занимаемое ныне музеем, передать в учебные заведения». Окрисполком это ходатайство своим решением от 9 февраля 1930 г. поддержал. Решение жилищного вопроса для студентов дело конечно необходимое и важное, да вот закрытие собора, несмотря на инициативу Томского горсовета, решить его не помогло. После закрытия Собор еще три года стоял бесхозным, пока летом 1934 г. не началось его разрушение. И даже после разрушения еще долгие месяцы кучи камней и обломков лежали не убранными в центре города. В 1930-е гг. в Томске были закрыты и частично уничтожены еще девять церквей. В Омске и Таре в 1935–1939 гг. также были закрыты несколько церквей и соборов. К началу Великой Отечественной войны на территории Омской области не осталось ни одной действующей церкви, хотя до революции их насчитывалось почти четыреста³⁴². На Алтае, согласно сохранившимся в Центре хранения архивных фондов Алтайского края спискам, в период с 1931 по 1941 г. включительно были закрыты 369 церквей, причем в 1938–1939 гг. их было закрыто 157 (42,5%)³⁴³.

В 1929–1931 гг. были закрыты почти все сельские церкви. Часто причинами закрытия оказывались «культурные» действия (надругательства над церковными реликвиями, их физическое уничтожение и т.п.) со стороны сельских комсомольцев и молодежи. В других действиях к закрытию церквей приводили аресты священников –

лось, что до сплошной коллективизации было закрыто 25 церквей, а остальные – в последующий период. Многие церкви и молитвенные дома закрывались административно, без постановлений общих собраний верующих и без утверждения окрисполкомами. Допускались случаи поломки и разворовывания церковного имущества, расстреливания икон, угрозы оружием, судом. См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. Новосибирск : Посох, 2004. С. 286.

³⁴² Минеева Г. Судьба Владыки Алексия // Забвению не подлежит... Т. 6. С. 192. В отчетном докладе Омского областного Союза воинствующих безбожников в январе 1940 г. было указано, что до революции в пределах территории теперешней Омской области было 522 разных церкви. На 1 января 1937 г. их было 166, в Омске – 15 культовых зданий и 46 служителей культа. На 1 января 1939 г. в Омске остались одна синагога и «полудействующая христианская церковь православного толка». См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 361–363.

³⁴³ Савин А.И., Колесников А.А. Дело священника. Репрессии в отношении православной церкви СССР // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 287–288. По данным Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР, на 1 января 1936 г. в СССР оставались открытыми 30 543 молитвенных здания, из них функционировало 20 665, не функционировало – 9 878 закрыты административно). В ноябре 1937 г. уже осталось только 6 990 культовых зданий (без указания их принадлежности конфессиям), еще 7 123 церкви бездействовали, не будучи формально закрытыми. По данным В. Хаустова и Л. Самуэльсона, около 10 000 церквей были закрыты постановлениями местных советов, но никак не использовались. Там же. С. 291.

Согласно справке секретаря комиссии по культурам М. Воробьева о количестве молитвенных зданий в ЗСК на 1 января 1936 г. отмечалось, что если их до революции было 1 518, то на момент написания справки оставались незакрытыми 803, из них действующими считались 374 (с учетом тех, решение по закрытию которых еще не было официально оформлено). В 1934 г. было закрыто 125 церквей, в 1935 – 88, в 1936 (до 2 декабря включительно) – 160. См.: Советское государство и евангельские церкви... С. 312–313.

некому становилось служить. А вот как рекомендовал «решать» вопрос закрытия Новосибирский окрисполком: «Для закрытия церковей или молитвенных домов (часто бездействующих, священников уже остается все меньше и меньше) необходимо вывести на двери церкви объявление, извещающее желающих взять в аренду данное церковное здание, и если в течение 7 дней не найдется желающих верующих взять церковное здание в аренду, объявление снимается. После этого проводится общее собрание граждан, колхозников и принимается решение о передаче этого церковного здания под культурные нужды»³⁴⁴. Обычно желающих найти не удавалось, да и как их можно было найти, если расценки аренды были сильно завышенными.

«Инициативы», подобные описанным выше, были характерны для всей страны тех лет – повсеместно находились свои «горсоветы» и «исполкомы», которые от имени и по поручению народа «боролись» с культом и вряд ли могли предложить что-либо взамен, равное по смыслу, содержанию и сути. Попытки большевиков, уничтожая материальное, сломать многовековые традиции и устои, духовное, что так или иначе объединяло российский народ, к окончательному успеху не привели.

Развернутая в стране антирелигиозная кампания велась не только через навязывание населению атеизма и разрушение культовых зданий. Анализ документов позволяет сделать вывод, что с этого периода можно вести речь о начале очередной кампании массовых репрессий против священнослужителей.

Уже 29 октября 1929 г. в Томске были арестованы протоиерей Иоанн Беневоленский и другие члены контрреволюционной организации «бывших церковников», всего 9 чел. 12 ноября всем им было предъявлено обвинение в проведении контрреволюционной деятельности (ст. 58-10-11 УК РСФСР), выразившейся в распространении антисоветской информации и клеветнических измышлений, в изготовлении и распространении листовок и воззваний антисоветского характера (расклеивание листовок подтверждено актом дактилоскопической экспертизы, сделано это было чуть ли не впервые. – В.У.)³⁴⁵. Несмотря на наличие таких улик, прокурор Томского округа Шаповалов посчитал нецелесообразным рассматривать это дело в суде, так как «большинство доказательств являются косвенными уликами, проверка которых в обычном судебном порядке крайне затруднительна, и потому что судебное рассмотрение связано с расконспирацией и приданием широкой огласке некоторых секретных документов...»³⁴⁶.

Дело было передано в Особое совещание при Коллегии ОГПУ; в апреле 1930 г. два члена организации (Н.С. Васильев и П.В. Пудовиков) были приговорены к 5 и 3 годам заключения в концлагерь соответственно, шестеро (И.А. Беневоленский, Е.В. Ландышев, Д.И. Васильев, Л.В. Ильина, К.В. Ильина, В.В. Ильина) – к лишению права проживания в Московской и Ленинградской областях, в Харьковском, Киевском и Одесском округах, Северо-Кавказском крае, Дагестане, Томском округе и по-

³⁴⁴ Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская Голгофа... С. 66–69; Забвению не подлежит... Т. 2. С. 40; Т. 8. С. 39–40.

³⁴⁵ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-898. Л. 97–102.

³⁴⁶ Там же. Л. 104.

границных округах сроком на 3 года. Все были освобождены из-под стражи в апреле 1930 г. «Легкость» наказания скорее всего вызвана их преклонным возрастом (почти всем за 60 лет) и болезненным состоянием, что подтверждалось медицинскими заключениями. В отношении И.П. Парховникова дело было прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения.

Практически в это же время в с. Тарбеево были арестованы священник отец Гавриил (Гавриил Гавриилович Ярославов) и псаломщик В.Ф. Мельников. Ярославов по приговору за контрреволюционную деятельность был расстрелян, а Мельников осужден к 10 годам концлагерей³⁴⁷.

В феврале 1930 г. Томским окружным отделом ОГПУ были продолжены аресты священнослужителей и активистов из числа верующих. С перерывом в две недели в Томске были арестованы две группы «врагов» из 69 чел., в числе которых оказались 6 священников (А.И. Артоболевский, В.М. Бердников, А.И. Васнецов, Н.С. Климов, Л.Л. Радиончик, Н.А. Чистосердов), 5 диаконов и иподиаконов, псаломщики, регент, а остальные – из числа «бывших», в частности бывших членов Союза русского народа. Около половины верующих представляли церковный актив – церковные старосты, председатели и члены церковных советов. Всем участникам названных групп было предъявлено обвинение по ст. 58-10-11 УК РСФСР, все были объявлены непримиримыми врагами советской власти, «махровой черносотенной публикой, сгруппировавшейся вокруг церкви»³⁴⁸. Кроме активной антисоветской агитации, в основном среди крестьянства, им была инкриминирована работа по сбору средств и продуктов для последующей пересылки в Нарым ссыльным священнослужителям. Сотрудникам окротодела ОГПУ хватило менее полутора месяцев для окончания следствия и 19 и 30 марта 1930 г. состоялись суды, по приговорам которых 50 чел. были приговорены к ВМН и 30 марта расстреляны, шестеро получили по 10 лет, а один – 5 лет концлагерей. Трое женщин, проходивших по этим делам, были осуждены к ссылке³⁴⁹.

Но репрессиями занимались не только органы ВЧК–ОГПУ. Например, 20 января 1930 г. народным судом 4-го участка Томского округа был осужден на 6 месяцев принудительных работ и к штрафу на 100 рублей пастор лютеранской церкви Локкенберг Иван Адольфович³⁵⁰ за несдачу церковных книг в окружной административный отдел, оказание помощи отдельным членам общины путем сбора денег с членов общины и отправку метрических выписок за границу. На судебном следствии Лок-

³⁴⁷ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-10975. Мельников В.Ф. вторично был арестован в 1937 г. Расстрелян.

³⁴⁸ Там же. Д. П-8805. Л. 2–3.

³⁴⁹ Там же. Д. П-7884 и П-8805. М. Фаст и Н. Фаст, рассказывая об этом деле, назвали шестерых «осведомителей» органов ОГПУ, в том числе священнослужителей. Вывод об этом был сделан на основе того, что никто из них не был осужден, а обвинение было построено на их показаниях. См.: Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская Голгофа... С. 74–75.

³⁵⁰ По материалам уголовного дела, хранящегося в Управлении ФСБ РФ по Томской области, проходит Локкенберг Иоганн Адольфович, 1870 г.р., ур. дер. Беркдорф Херсонской губ., проживал в г. Томске по ул. Торговой, 14, значился безработным. Арестован в 1930 г. Умер во время следствия. См.: Боль людская. Т. 2... С. 188.

кенберг признал себя виновным в сокрытии книг и пересылке метрик за границу, «а в остальном я считаю, что поступал правильно. По нашему церковному закону я считаю себя в остальном невиновным»³⁵¹.

Приговор вступил в силу, но И.А. Локкенберг не отбывал наказание, так как умер.

В марте 1931 г. волна арестов служителей культа прокатилась в г. Омске. Были арестованы почти два с половиной десятка человек, преимущественно члены общин Ильинской и Братской церквей и их приходов, принадлежащих к тихоновскому направлению. Арестованным было предъявлено обвинение в создании контрреволюционной монархической организации, ставившей своей целью, конечно же, свержение советской власти. Поводом для арестов послужила передача старостой Ильинской церкви А. Проскуряковым³⁵² петиции в итальянское посольство, а также письма от сосланного в Омск священника М. Концевича³⁵³ митрополиту Нижегородскому Сергию.

Обращение к Папе Римскому было вызвано сложной ситуацией у прихожан вышеназванных церквей по уплате налогов и нависшей угрозе закрытия церквей. Обращение с просьбой в Омский окружной исполком о нерасторжении договоров с общинами удовлетворено не было. По этой причине члены церковных советов этих церквей и Знаменского собора устроили в сторожке Ильинской церкви тайное собрание (вот она, контрреволюция), на котором вели речь о сохранении церквей и приходов. Было принято решение подать прошения во ВЦИК, в прокуратуру страны и Священный Синод; доставить письма адресатам было поручено А. Проскурякову. На следствии он показал, что, передав письма в два первых адреса, явился с последним письмом в канцелярию Синода, где некий священник объяснил ему, что таких обращений поступает очень много со всех концов страны, но они не решаются, после чего и посоветовал обратиться в итальянское посольство для передачи прошения главе римско-католической церкви. Этот же священник и проводил А. Проскурякова в посольство. Через несколько дней омский курьер был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму.

Следствием ареста Проскурякова было возбуждение уголовного дела против омских священников по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Были арестованы девять наиболее выдающихся священнослужителей Омской епархии (К.В. Платонов, А.Д. Мирошниченко, В.А. Таланов, И.Д. Козлов, В.Н. Пляскин³⁵⁴ и др.), а также административно сосланный священник М. Концевич.

³⁵¹ См.: Из истории земли томской. 1925–1929... С. 335–336.

³⁵² Проскуряков Александр Васильевич, 1888 г.р., ур. и житель г. Омска, арестован в 1931 г. и осужден на 3 года концлагерей. Вторично арестован в 1938 г. Расстрелян. См.: Забвению не подлежит... Т. 6.

³⁵³ Концевич Михаил Александрович, 1887 г.р., ур. Золотоношского уезда Полтавской губ., проживал в г. Омске. Арестован в июне 1931 г. и осужден на 3 года ссылки в Западную Сибирь.

³⁵⁴ Платонов Константин Вячеславович, 1874 г.р., ур. Казахстана, проживал в Омске, настоятель братской церкви Сергиевской ориентации. Арестован в 1931 г. и осужден на 3 года концлагерей. См.: Забвению не подлежит... Т. 6; Мирошниченко Александр Дмитриевич, 1869 г.р., ур. Киевской губ., проживал

В процессе следствия поездки верующих в священный Синод и монастыри были интерпретированы как подготовка к заговору, переданное в итальянское посольство прошение – как обращение за помощью к интервенции, совместное обсуждение газет – подготовка к саботажу на железной дороге, в организациях и учреждениях. А приобретенные священником И. Козловым на Соловках навыки по оказанию первой медицинской помощи были преподнесены как знахарство и попытки умерщвления людей.

Немногим позднее были проведены аресты среди монахинь, оказывавших помощь сосланным священнослужителям, но все были освобождены «за недоказанностью вины» за исключением одной, умершей в тюремной больнице от туберкулеза.

Следствие по делу тянулось до декабря 1931 г., но наказание, вынесенное Коллегией ОГПУ СССР, оказалось достаточно «мягким». К трем годам концлагерей были приговорены шестеро осужденных, еще шестеро – к ссылке на такой же срок³⁵⁵. Подобную мягкость приговора полагаю возможным объяснить двумя причинами. Во-первых, начавшаяся кампания по раскулачиванию несколько сместила акценты в репрессивной политике, а во-вторых, видимо, не все «концы» сходились в деле, надуманность обвинений была достаточно явной.

В апреле 1931 г. Томским оперсектором ОГПУ был арестован ксендз-администратор Сибирского викариата Ю.М. Гронский³⁵⁶ за проведение шпионской и активной контрреволюционной деятельности. Первая часть обвинения «подтверждалась» его связью с Ватиканом, куда он передавал информацию о настроениях «как городского, так и сельского населения, одновременно он... сообщал о мнимом преследовании религий, с задачей усиления таким путем антисоветской кампании за рубежом». Вся подрывная деятельность велась «за крупное денежное вознаграждение». Кроме того, имея район обслуживания на территориях бывших Томского, Новосибирского и части Ачинского округов, Гронский разъезжал по «национальным католическим колониям» и вел активную контрреволюционную деятельность, направленную на срыв и дискредитацию организованных партийно-советским руководством страны мероприятий. Вокруг костелов им создавались контрреволюционные группировки.

Эти «факты» подрывной деятельности послужили причиной его ареста и ареста еще 18 чел. – «шпионов». Следствием вина Гронского была «доказана», и он был

в Омске, протоиерей. Арестован в 1931 г. и осужден на 3 года ссылки в Западную Сибирь. Вторично арестован в 1937 г. Расстрелян. Там же. Т. 5; Таланов Владимир Алексеевич. 1875 г.р., ур. г. Нижнего Новгорода, проживал в с. Бакино Седельниковского р-на ЗСК, священник. Арестован в 1931 г. и осужден на 3 года концлагерей. Там же. Т. 8; Пляскин Василий Николаевич, 1874 г.р., ур. с. Витим Киренского уезда Иркутской губ., проживал в г. Омске, настоятель Знаменской церкви. Арестован в 1931 г. и осужден на 3 года ссылки в Запсибкрай. Там же. Т. 6.

³⁵⁵ Краевская И., Черказьянова И. От «тьмы» к «свету» предлагала двигаться советская власть, начав бороться с церковью. См.: Забвению не подлежит... Т. 8. С. 40–42.

³⁵⁶ Гронский Юлиан Михайлович, 1877 г.р., ур. Ковенской губ., проживал в г. Томске, арестован в апреле 1931 г. В марте 1932 г. решением Судебной коллегии ОГПУ по ст. 58-6-11 УК РСФСР осужден на 10 лет концлагерей. В 1934 г. во изменение прежнего Постановления Коллегии ОГПУ выслан из СССР. См.: Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 201; Боль людская... Т. 1. С. 260.

осужден на 10 лет концлагерей³⁵⁷. Его подельники были осуждены на разные сроки лишения свободы, к ссылке, нескольким в наказание был зачтен срок предварительного заключения. Но фигура Гронского, видимо, действительно была значительной в рядах католических священников, так как весной 1932 г. он был этапирован из лагеря в Бутырскую тюрьму, где решилась его судьба.

Одновременно с Ю. Гронским в апреле 1931 г. был арестован и староста костельного совета С. Пронский, которого обвинили в пособничестве ксендзу и проведении антиколхозной пропаганды. В марте 1932 г. он был освобожден из-под стражи, в наказание был зачтен срок предварительного заключения³⁵⁸.

Особенно успешным для сотрудников ПП ОГПУ по ЗСК в борьбе с духовенством оказался 1933 г., когда были реализованы путем возбуждения уголовных дел оперативные разработки «Белогвардейский заговор» и «Сибирское братство». По первому делу, в частности, разрабатывалась в качестве одной из основных так называемая «церковно-монархическая линия», структурно состоявшая из 26 ячеек (270 участников), основную группу «контрреволюционеров» составляли священнослужители. Руководителями организации были «определены» епископ Н. Прибытков, протоиерей А. Шалаев, протодиакон А. Кикин, священник Ф. Воронин, благочинный П. Потанин. В результате проведенной ПП ОГПУ края операции на Алтае были арестованы «46 попов и 51 церковник». Аресту подверглось почти все духовенство г. Бийска, а также Бийского (13 чел.), Алтайского (5 чел.), Смоленского, Троицкого (по 4 чел.) и других районов, а кроме того, священнослужители г. Барнаула и Ойрот-Туры³⁵⁹.

³⁵⁷ Обвинительное заключение по делу Гронского Ю.М. и др. // Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-8556. Т. 2. Л. 111–113. В своих показаниях на допросе 22 мая 1931 г. он объяснил, в чем заключалась «контрреволюционная» деятельность: «Я, как ксендз, выезжал в районы, имея целью поддержать религию в противовес антирелигиозной пропаганде, которая давала о себе знать... призывал верующих сплотиться вокруг религии и не поддаваться антирелигиозным учениям. Призывал, чтобы не верили разным слухам, направленным против веры... В общем, борьба за существование религии была, и я её осуществлял путем чтения проповедей, в которых призывал объединиться вокруг костела и противопоставлять себя коммунистической антирелигиозной пропаганде...». Там же. Л. 46; Из истории земли томской. Сибирский Белосток : сборник документов и материалов. Томск, 1998. С. 82–83.

Позднее фамилии Гронского и еще одного ксендза – Иеронима Церпенто, 1878 г.р., ур. Виленской губ., исполнявшего обязанности ксендза-администратора от Ватикана по Сибири, арестованного в 1935 г. в г. Красноярске и осужденного по ст. 58-6-11 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ по обвинению в шпионаже в пользу Польши, активно использовались сотрудниками НКВД по делам на лиц польской национальности. Так, например, по делу Партии народных героев – «контрреволюционной» организации, действовавшей на территории Томска и Томского района, указывалось, что организация была создана «при прямой обработке и контрреволюционном влиянии со стороны ксендзов Гронского и Церпенто...». См.: Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 187.

³⁵⁸ Пронский Сигизмунд Иванович, 1881 (1891) г.р., ур. Гродненской губ., проживал в дер. Белосток Кривошеинского р-на, единоличник. Вторично арестован в 1937 г. Расстрелян. См.: Боль людская... Т. 2. С. 426; Т. 5. С. 262; Ханевич В.А. Белостокская трагедия (Из истории геноцида поляков в Сибири). Томск, 1993. С. 141.

³⁵⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-3521. Т. 17. Л. 316, 333–334.

В это же время ПП ОГПУ по ЗСК на территории края была ликвидирована старообрядческая контрреволюционная организация, объединявшая старообрядческих священнослужителей, монахов, кулачество и прочий антисоветский элемент, получившая название «Сибирское братство». В число врагов попали поселенцы старообрядческих скитов, расположенных в отдаленных и малопригодных для жилья районах, в глухой тайге по берегам рек. Поиск таких скитов был активно начат в 1932 ст. Тайга буквально прочесывалась силами сотрудников органов ОГПУ при непосредственном участии партийно-советского и комсомольского актива.

В обвинительном заключении по делу было указано, что практическая контрреволюционная деятельность организации выражалась:

1) в подготовке вооруженного восстания с целью свержения советской власти в момент интервенции путем организации вокруг старообрядцев активного контрреволюционного элемента (бежавшие кулаки, спецпереселенцы и пр.) для использования последних в качестве реальной силы;

2) антиколхозной и антисоветской агитации среди крестьянства с целью развала колхозов и срыва хозяйственно-политических кампаний;

3) выпуске нелегально печатных контрреволюционных брошюр и в распространении их среди населения...».

Последнее обвинение вызывает удивление: откуда в таежной глуши типографское оборудование, запасы бумаги и типографских красок и т.п., как и каким образом планировалось распространение «брошюр» и среди какого населения. Не случайно в деле среди небольшого количества вещественных доказательств нет ни одной брошюры, а «труды» членов организации исполнены от руки, чаще всего на оборотной стороне ранее использованной бумаги.

Дальнейшее изучение документа позволяет выяснить, что к концу 1929 г. в городах Новосибирске, Минусинске, Томске, Барнауле и Омске были созданы нелегальные ячейки, одной из задач которых была парализация атеистического учения, противопоставление «братства» компартии и комсомолу; главная установка – только путем сплочения организованной силы, могущей побороть коммунизм, можно бороться с атеизмом и носителями этой идеи – компартией и соввластью».

Руководящее ядро «Сибирского братства» организационно оформилось к началу 1930 г. с центром в г. Томске. Период 1930–1932 гг. характеризовался переходом организации к более активным формам контрреволюционной работы. Повстанческие ячейки, следуя логике следователей, насаждались под видом скитов и монастырей в глубокой Нарымской и Минусинско-Абаканской тайге ЗСК.

Аресты членов организации начались в 1932 г., всего к уголовной ответственности по ст. 58-10-11 УК РСФСР были привлечены почти 300 чел., 283 из которых приговорены к различным мерам наказания, в том числе к ВМН – почти две трети. Социальный состав привлеченных к ответственности: епископов – 3, попов и начет-

чиков – 32, монахов – 74, кулаков – 77, бывших бандитов – 16, бывших карателей – 12, бывших стражников – 1 и прочих – 68³⁶⁰.

В Омской области центром дислокации «Сибирского братства» сотрудниками УНКВД был «определен» г. Тара. По версии следствия участниками организации стало все духовенство, что давало повод проводить аресты среди священников и церковного актива. Были арестованы, осуждены и расстреляны священники Александров, Бурдин, Каешко, Игнатъев, Ревякин и др.³⁶¹

После реализации крупных дел наметился некоторый спад репрессий не только против служителей культа, но и в целом по Западной Сибири. Многие служители культа были осуждены, сосланы в отдаленные северные районы, уехали в другие регионы, сменив род деятельности. По данным М. Фаст и Н. Фаст, в 1934 г. в Нарымском крае отбывали ссылку около 130 священников³⁶².

Часто судьбы священнослужителей и целых приходов зависели от представителей партийно-советских органов на местах. В отдельных случаях священники подвергались унижениям и издевательствам, как это случилось со священником Никольской церкви Н.М. Демидовым в Тюкалинском районе Омской области. Материалы дела, в том числе и собственноручно написанные Демидовым показания, свидетельствуют том, что с ним свел счеты председатель Никольского сельсовета З. Священнику предъявляли незаконное требование о выполнении мясопоставок при отсутствии у него скота, выписывали необоснованные штрафы, публично оскорбляли. Затем Демидова направили на тяжелые физические работы (дорожное строительство), которые ему были противопоказаны по причине инвалидности 2-й группы, в октябре выселили из квартиры, запрещали вести службы и т.п. Обращения Демидова с жалобами на З. в лучшем случае приводили лишь к некоторой передышке в издевательствах и унижениях. В 1936 г. он был арестован по надуманному обвинению. Следствие по делу длилось четыре месяца – с 8 апреля по 11 августа 1936 г. и завершилось освобождением из-под стражи. Демидов переехал к своей семье в с. Черлак, но и это не спасло его от новых преследований со стороны государства. 24 мая 1937 г. он был арестован вновь по ст. 58-10 УК РСФСР (активная контрреволюционная работа против советской власти). Решением «тройки» УНКВД по Омской области 30 июля Н.М. Демидов был приговорен к расстрелу и 27 августа расстрелян³⁶³.

Накануне и в годы «Большого террора» за священнослужителей взялись с «новыми силами». Так, в сентябре 1936 г. была ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация, возглавляемая Барнаульским епископом Москаевым Иаковом и благочинным священником Носковым Даниилом Матвеевичем. Организация, согласно материалам следствия, охватывала Смоленский, Алтайский и Грязнухинский районы, города Барнаул и Бийск, в неё входило 6 повстанческих ячеек числен-

³⁶⁰ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-5690; Боль людская... Т. 1. С. 345.

³⁶¹ Минеева Г. Приняли крестные муки. См.: Забвению не подлежит... Т. 7. С. 156.

³⁶² Фаст М.В. и Фаст Н.П. Нарымская Голгофа... С. 78.

³⁶³ Минеева Г. «...Попов – расстрелять, церкви – под клуб». См.: Забвению не подлежит... Т. 3. С. 187–192.

ностью 28 чел. Цель организации, как и абсолютного большинства других «контрреволюционных» организаций, – свержение советской власти путем вооруженного восстания. Были арестованы 26 участников организации, из них служителей культа – 8, без определенных занятий – 4, единоличников – 5, рабочих совхозов – 1, колхозников активных церковников – 7, кустарей – 1. Из них судившихся по ст. 58-2 УК – 1 чел., 58-10-11 – 10 чел., по другим уголовным статьям – 5 чел.». В июле 1937 г. решением «тройки» УНКВД по ЗСК 21 чел. были приговорены к ВМН – расстрелу с конфискацией имущества, остальные – на 10 и 5 лет лишения свободы³⁶⁴.

27 марта 1937 г. на места был направлен циркуляр № 23 об усилении работы по церковникам и сектантам. Предлагалось в связи с предстоящими выборами не допустить избрания в низовой советский выборный аппарат ставленников церкви и расширения её деятельности по предоставлению прав наравне с другими политическими и общественными организациями. Необходимо было ограничить её влияние на население³⁶⁵.

В ночь с 4 на 5 мая 1937 г. в г. Новосибирске были арестованы члены Сибирского церковно-монархического совета, якобы готовившие вооруженное восстание и формировавшие повстанческие группы. Всем было предъявлено обвинение по ст. 58-2-6-10-11 УК РСФСР. В числе арестованных были архиепископ Новосибирский Сергей³⁶⁶ и архимандрит Сергей³⁶⁷. Архиепископ Сергей был обвинен в том, что «будучи правящим архиепископом в ЗСК, окружал себя духовенством, прибывшим из исправительно-трудовых лагерей и ссылки по отбытии срока наказания, которых устраивал на приходы в ЗСК, давая прямые указания на выявление антисоветски настроенных лиц из числа церковников, обработку их в контрреволюционном духе и вербовку в повстанческие и вредительские группы. Сам... окружал себя бродягами монахами и монашками, через которых распространял провокационные слухи и листовки религиозного содержания с к.р. выражениями. Выступал с проповедями, призывая население оказывать организованное сопротивление развертываемому безбожью, проводимому советской властью»³⁶⁸. В ходе следствия архимандрит Сергей свою вину не признал, но это не имело значения, 29 июля оба священнослужителя были расстреляны. В эти же дни в г. Новосибирске были арестованы еще несколько священников. Всего по делу названной организации, согласно годовому отчету УНКВД по Новосибирской области, были арестованы 1 562 чел.

³⁶⁴ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 2. С. 13.

³⁶⁵ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 68.

³⁶⁶ Васильков Николай Нилович, 1861 г.р., ур. Псковской губ., ранее дважды арестовывался: в 1927 г. был выслан из Челябинска в Ирбит на 3 года за активную борьбу с обновленцами, а в 1930 г. вновь арестовывался, но осужден не был. С октября 1933 г. – епископ, а с мая 1934 г. – архиепископ Томский. В мае 1935 г. был назначен на Новосибирскую кафедру.

³⁶⁷ Скрипальщиков Стефан Захарович, 1896 г.р., ур. Енисейской губ., с 1920 г. служил в Новониколаевске. В 1932 г. был арестован и осужден по ст. 58-10 УК РСФСР на 3 года концлагерей. По возвращении из лагеря служил настоятелем в одном из храмов Новосибирского района.

³⁶⁸ Шабунин Е.А. Духовенство Новосибирской епархии в период сталинских репрессий 1937 г. // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. С. 611–619.

Активность в борьбе со служителями культа еще до начала «массовой операции» также успел развернуть начальник УНКВД по Омской области Э. Салынь³⁶⁹. На второй областной партийной конференции в начале июня 1937 г., где одним из важнейших вопросов повестки был вопрос «добывания остатков поповско-сектантского мракобесия» и «вскрытие врагов народа, прикрывающихся личиной верующих», он доложил делегатам об аресте в течение прошедшего года 106 церковников и руководителей церковных сект (81 и 25 чел. соответственно). Он рассказал и о вскрытии двух баптистских «повстанческих» организаций в Омске и Ленинском районе и аресте членов молоканской секты³⁷⁰. А в ночь с 23 на 24 июля 1937 г. в Ишиме были арестованы все священники, в том числе и бывшие, – всего 75 чел. во главе с епископом Серафимом Звездинским (расстрелян 26 августа 1937 г.)³⁷¹.

В июле 1937 г. в г. Барнауле были арестованы священники Вознесенской, Знаменской, Покровской и Троицкой церквей А.В. Семёнов, Д.П. Пономарёв, А.А. Мерцалов и Г.В. Лупенко, а также священники Сретенской церкви г. Бийска М.А. Босых, церкви г. Рубцовска К.И. Фокин, с. Змеиногорского – П.В. Демидов, с. Белоаярска – Н.А. Петров и с. Бельмесово – И.А. Аморантов. Кроме них, были арестованы сторожа церквей, мастера по изготовлению свечей и др., всего 30 чел. Все были объявлены членами кадетско-монархической и эсеровско-повстанческой организации, связанной с РОВС. Одним из руководителей «являлся» епископ Барнаульский и Бийский М.В. Дагаев. К ВМН – расстрелу приговорены 27 арестованных, остальные получили по 10 и 8 лет лагерей.

В это же время в Шипуновском районе были осуждены к ВМН – расстрелу трое священников и трое церковных старост. В сентябре осуждены и расстреляны шесть жительниц Мамонтовского района – дочь священника и монахини, якобы занимавшиеся контрреволюционной деятельностью по заданию эсеровско-монархической организации. В последующие месяцы аресты священнослужителей в крае были продолжены³⁷².

К 1938 г. за два с половиной года органами НКВД Омской области была вскрыта целая сеть «контрреволюционных» организаций, в которых духовенство играло важнейшую роль. Весной 1935 г. был арестован 73-летний омский архиепископ Алексий (Орлов), его арест позволил «создать» группу «церковников-вредителей», в которую входили бывший священник В.М. Сапожников, омский священник

³⁶⁹ Салынь Эдуард Петрович, 1894 г.р., ур. Лифляндской губ., латыш, образование начальное, в партии большевиков с 1919 г. В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1919 г., службу начинал в Особом отделе ВЧК помощником начальника отдела бюро пропусков, с декабря 1934 г. – начальник УНКВД по Омской области. Старший майор госбезопасности. Награжден орденом Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ», знаком «Почетный работник РКМ». Арестован в 1937 г. Расстрелян в августе 1938 г. Реабилитирован посмертно.

³⁷⁰ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграции и репрессии: Документы и материалы. Новосибирск : Посох, 2009. С. 39; Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 324–325.

³⁷¹ Наумов Л.А. Борьба в руководстве НКВД... С. 93.

³⁷² Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 3, Ч. 1. С. 21.

П.А. Кузнецов, священник из с. Лосево Исилькульского района С.А. Шалыгин, священник Ильинской церкви Д.А. Топорнин, дьякон этой же церкви П.П. Зайцев и др. Следствием была «доказана» их контрреволюционная деятельность, все осуждены. Архиепископ Алексей сослан на 5 лет в Казахстан, где через два года был арестован вновь и расстрелян³⁷³. В 1937 г. другой омский архипастырь – Антоний Миловидов – по воле сотрудников УНКВД стал «организатором» мифического движения «Борьба за церковь и религию». Миловидов был осужден на 10 лет ИТЛ, наказание отбывал в Челябинске, где вновь был арестован и обвинен в создании Партии угнетенных христиан, осужден и расстрелян. В Омске после осуждения Миловидова были продолжены аресты среди священников, но теперь они обвинялись уже в принадлежности к Омскому епархиальному братству³⁷⁴.

Позиция руководства НКВД была инициирована и поддерживалась партийным руководством области. А. Савин, со ссылкой на работу В. Самосудова (1988), привел выдержку из выступления в марте 1937 г. на пленуме Омского обкома ВКП(б) секретаря обкома Д.А. Булатова, который, в частности, заявлял: «Особую активность классовый враг проявляет через служителей религиозных культов, через сектантов, в отдельных случаях успешно спекулируя на убеждениях слабо охваченных нами политической жизнью малограмотных и религиозных людей... Духовенство, сектанты – это тоже контрреволюционные элементы. По нашему подсчету, у нас в области имеется... сектантских общин 26, вокруг них организовано свыше 1 000 сектантов»³⁷⁵. Данное выступление, вне всякого сомнения, прозвучало как прямое указание на ликвидацию этих «сектантов», а цифры были целенаправленно подготовлены сотрудниками УНКВД. Выступление Булатова не что иное, как реакция на решения февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б), где вопрос борьбы с «церковниками и сектантами» также обсуждался.

В ходе следствия арестованные вели себя по-разному, одни сознавались «во всех грехах» с первой минуты допроса, другие категорично опровергали обвинения, особенно надуманные. В годы, о которых идет речь, к таким неподдающимся применяли пытки морального и физического характера, но и это не всегда позволяло добиваться нужного для следователя результата. К категории стойких можно отнести многих лиц духовного звания – переносить тяготы, лишения и страдания их учила жизнь, их служение Богу. Но и они не всегда могли устоять перед хитростью и находчивостью следователей. Так, например, случилось с епископом старообрядческой церкви А.С. Журавлёвым (отец Анфилофий). Омский следователь Пешков не смог сломить его даже в ходе суточного допроса и пошел на хитрость. В кабинете, где он вел допросы, был освобожден от архивных дел один из ящиков и туда помещен сотрудник маленького роста. Арестованного следовало оставить в кабинете одного, а сотрудник в этот момент должен был подать голос: «Отец Анфилофий, я вижу твои страдания,

³⁷³ Минеева Г. Судьба Владыки Алексия. См.: Забвению не подлежит... Т. 6. С. 188–192.

³⁷⁴ Минеева Г. Приняли крестные муки. См.: Забвению не подлежит... Т. 7. С. 156.

³⁷⁵ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 39.

подпиши, и я тебе все прошу» и показать из ящика икону. Задуманное было осуществлено. Когда Пешков вернулся в кабинет для продолжения допроса, то Журавлёв молча взял протокол и все подписал³⁷⁶. Вера оказалась сильнее и выше реалий жизни.

Другим примером стойкости верующих может служить пример по делу «контрреволюционной» организации в г. Тара Омской области. В феврале 1938 г. там были арестованы 16 «контрреволюционеров», девять из которых были женщины, в частности три монахини и жена одного ранее арестованного священника. Средний возраст участников организации – 58 лет, одним из «лидеров» была 81-летняя Т. Алексеева. Подрывная деятельность заключалась в том, что после ареста всех священников и закрытия церковей члены организации стали обращаться в государственные структуры с просьбами о возвращении храмов, собирали заявления верующих. После ареста в ходе следствия ни одна из монахинь не признала своего участия в контрреволюционной деятельности. Так, 61-летняя монахиня Т. Трегубова на все вопросы следователя об её контрреволюционной работе отвечала: «...не признаю, ...не состояла, ...не распространяла». Жена ранее арестованного священника О. Каешко в протоколе допроса подписывала каждый свой ответ, делая приписку «...не занималась, не признаю, ...отрицаю, ...я ничего не знаю».

Однако в ходе следствия все члены организации были «достаточно изобличены свидетельскими показаниями» и по решению «тройки» УНКВД от 4 марта 1938 г. приговорены к расстрелу, приговор был приведен в исполнение³⁷⁷.

Мужество и достоинство, с которыми держались в ходе следствия практически все арестованные, вызывают чувство глубочайшего уважения и сострадания...

Чаще же представители духовенства привлекались к ответственности поодиночке либо их включали в состав контрреволюционных организаций, состоявших преимущественно из «бывших» или лиц, отнесенных государством к врагам по иным причинам. В декабре 1934 г. УГБ УНКВД по ЗСК отчиталось перед секретарем крайкома ВКП (б) Р. Эйхе о результатах оперативной работы в немецких колониях края. Согласно отчету было ликвидировано 5 контрреволюционных фашистских организаций, 84 группировки и 33 одиночки, к ответственности привлечены 577 чел.³⁷⁸ Только с 15 ноября было ликвидировано 39 группировок и 2 контрреволюционные фашистские организации в 15 районах края с числом участников 258 чел. К числу самых крупных относилась контрреволюционная фашистская организация в Исилькульском районе, насчитывавшая в своих рядах 41 чел., охватившая своим влиянием целый ряд

³⁷⁶ Забвению не подлежит... Т. 9. С. 61.

³⁷⁷ Там же. С. 155–158. Омским облсудом 11 марта 1939 г. все участники названного дела реабилитированы. Один из следователей по данному делу Шиманов в 1939 г. был приговорен к 6 годам ИТЛ за применение незаконных методов следствия. В отношении другого следователя – Шиповалова – ставился вопрос об ответственности «за фальсификацию дел и применение извращенных методов допроса».

³⁷⁸ В целом по СССР в 1934 г. было арестовано около 4 тыс. немцев – советских граждан. См.: Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 77.

населенных пунктов, где были созданы ячейки. Следствием были вскрыты 10 ячеек с 72 участниками. Возглавлял организацию лютеранский кистер И.Ф. Курц³⁷⁹.

Представители мусульманского духовенства оказались участниками другой «контрреволюционной» организации. Сотрудники 3-го отдела УНКВД по Новосибирской области «доказали», что военно-мусульманская контрреволюционно-повстанческая организация «Гаскери Уешма» была создана еще в 1917 г. и объединяла все татарские организации в Сибири. В обвинительном заключении было указано, что организация «сблокировалась» с военно-повстанческой организацией, офицерско-казачьей организацией «РОВС» и с блоком алтайских националистов; готовилось вооруженное восстание и свержение Советской власти в Сибири; последующей задачей было создание конституционно-монархического государства под протекторатом Японии.

Следствием установлено, что одним из членов руководящего контрреволюционного центра, бывшим членом Государственной думы муллой Хурамшиным в г. Томске и в Чановском районе Новосибирской области были созданы филиалы указанной организации.

Позднее Хурамшина сменил другой мулла из Томска – Ш.Я. Янаров. Контрреволюционные группы состояли из бывших торговцев и лиц, враждебно настроенных к советской власти. Анализ социального положения участников организации показал, что это не соответствовало данным, заявленным сотрудниками 3-го отдела³⁸⁰.

Преследования верующих продолжались и после «Большого террора». Так, например, накануне пасхи (1940 г.) сотрудниками Томского горотдела НКВД были проведены аресты 20 активных верующих с целью «терроризирования церковников», активно занимавшихся нелегальным изготовлением свечей, крестильных крестиков, венчиков и иной православной атрибутики. Арестованные от 5 до 13 дней содержались в здании горотдела НКВД, где подвергались допросам с целью получения от них необходимых сведений для последующего привлечения к уголовной ответственности. Только вмешательство горкома ВКП(б) в июле месяце остановило незаконные действия сотрудников НКВД³⁸¹.

³⁷⁹ Курц Иван Федорович. 1898 г.р., ур. Бессарабской губ., проживал в с. Ново-Алексеевка Исилькульского р-на Омской области. Арестован в 1935 г. и осужден на 10 лет ИТЛ. См.: Этноконфессия в советском государстве... С. 419–420; Лиценбергер О. Репрессии против лютеранских и католических священнослужителей в СССР // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ... С. 206.

³⁸⁰ Только в Томске по обвинению в принадлежности к организации «Гаскери Уешма» были осуждены 67 чел., 59 из которых расстреляны. Всем было предъявлено обвинение по ст. 58-2-6-8-10-11 УК РСФСР. См.: Боль людская... Т. 3. С. 420–421.

Созданная по материалам уголовных дел, хранящимся в архиве УФСБ РФ по Томской области, электронная база данных позволила установить, что последним арестованным за принадлежность к данной организации стал Г.Н. Сафиуллин, 1920 г.р., ур. с. Ордынское Новосибирской области, проживавший в дер. Юрт-Акбалык Колыванского района той же области, тракторист Кандаурской МТС, член ВКП(б). Он был арестован 10 августа, а осужден 19 октября 1939 г. на 3 года ИТЛ и 3 года поражения в правах. Правда, ему не были инкриминированы шпионская деятельность и террор, т.е. пп. 6 и 8 ст. 58 УК РСФСР.

³⁸¹ См.: Тепляков А.Г. Машина террора... С. 271.

В целом же в Западной Сибири в 1920–1941-е гг. были репрессированы несколько тысяч представителей духовенства и церковных активистов из числа мирян. Так, в Алтайском крае за период с 1920 по 1937 г. были подвергнуты репрессиям 504 священно- и церковнослужителя и миряне, имевшие непосредственное отношение к церкви. Только в 1937 г. были репрессированы 172 из них, 165 расстреляны³⁸². В Томской области за период с 1920 и до начала 1950-х гг. репрессиям подверглись 340 представителей духовенства и активистов из числа верующих³⁸³. В Новосибирске установлены имена 560 чел.³⁸⁴ В Омской области пострадали более 300 священнослужителей и сотни верующих³⁸⁵.

Вне всякого сомнения, эти данные не являются окончательными. Только более глубокая и полная разработка архивов позволит установить точное число репрессированных священнослужителей и активистов из числа верующих. Многие из них, будучи арестованными, могли указывать и указывали иные профессии.

В 1937 г. председатель «Союза воинствующих безбожников» Ем. Ярославский заявил: в стране с монастырями покончено. К 1939 г. их действительно не осталось, хотя до 1917 г. насчитывалось более тысячи. Были расстреляны 90 тыс. (по другим данным 100 тыс.) священников³⁸⁶. В целом же, по мнению некоторых исследователей, репрессии 1937–1938 гг. в 20 раз превышали репрессии 1922 г. и в 5 раз – 1930 г.³⁸⁷

³⁸² А.И. Савин и А.А. Колесников приводят данные, что только в период с 5 августа 1937 г. по 15 марта 1938 г. «тройками» УНКВД по ЗСК и Алтайскому краю были осуждены 328 церковников, еще 8 – «тройкой» УНКВД по Новосибирской области. Среди осужденных были 52 женщины (15,9%) – монашки, попадьи, «активные церковницы», церковные старосты и т.п. Из 328 арестованных к высшей мере наказания – расстрелу – были приговорены 302 чел. (92,1%), остальные получили лагерные сроки от 8 до 10 лет. См.: Савин А.И., Колесников А.А. Дело священника... С. 282, 287.

³⁸³ В Томской области только в 1937 г. были арестованы 282 священнослужителя и мирянина православной церкви, 276 из них были расстреляны, а общее число репрессированных священнослужителей и мирян только православной церкви превысило 600 чел. См.: Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская Голгофа... С. 79–90.

Проведенные мною расчеты по опубликованным М. и Н. Фаст данным этой категории подвергшихся репрессиям (отбывавшие наказание в лагерях и ссылках, члены церковных советов и т.п.) позволили установить, что в 1920–1930-е гг. были репрессированы 458 православных священнослужителей и мирян (60 и 398 соответственно), в том числе 46 женщин. На территории Томской области в рассматриваемый период отбывали ссылку или сроки заключения три митрополита, четыре архиепископа, девять епископов. Девять из них были расстреляны. В 1930-е гг. подверглись репрессиям 144 представителя старообрядческой церкви (мужчин – 94, женщин – 50). ВМН была применена к 114 чел., в том числе к 26 женщинам.

³⁸⁴ Шабунин Е.А. Указ. соч. С. 619.

³⁸⁵ Сбитнева М. Из бездны небытия. См.: Забвению не подлежит... Т. 10. С. 26.

³⁸⁶ Дж. Кип и А. Литвин, со ссылкой на работу председателя Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ А.Н. Яковлева «Сумерки» приводят данные, что в 1937 г. были арестованы 136 900 православных священников, 85 300 из которых были расстреляны. См.: Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 291. Эти цифры существенно завышены и не соответствуют действительности.

В работе «Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.)» (Уйманов, 2011) автор дает анализ ряда работ зарубежных авторов по истории России, в том числе и названных, призывая достаточно критически (на основе примеров) относиться к использованию этих источников. Так, например,

Преследование духовенства было в числе приоритетных направлений репрессивной политики. Сталин лично акцентировал на этом свое внимание, например, когда в ноябре 1937 г. давал указание Ежову о необходимости «поприжать господ церковников» после ознакомления с письмом бывшего редактора газеты «Звезда» о влиянии церкви в Белоруссии. Уже 15 ноября на места была направлена шифротелеграмма о необходимости дать информацию по арестам церковников в период с августа по ноябрь. В конце ноября обобщенная информация с грифом «Совершенно секретно» была подготовлена для Сталина и доложена ему. За указанный период времени было арестовано 31 359 церковников и сектантов, 13 671 (43,6%) из которых были осуждены к ВМН. В числе арестованных были 166 митрополитов и епископов – расстреляны 81 (48,8%), 9 116 попов – расстреляны 4 629 (50,8%), 2 173 монаха – расстреляны 934 (43%), 19 904 представителей «церковно-сектантского кулацкого актива» – расстреляны 7 004 (35,2%).

В справке отмечалось, что почти полностью ликвидирован епископат православной церкви, вдвое сократилось количество попов и проповедников, что в значительной степени ослабило и дезорганизовало церковь. Арестованный контингент представлял «крупные антисоветские организации и группы, вскрытые и ликвидированные» органами НКВД в большинстве республик, краев и областей. Западно-Сибирская область (так в тексте. – В.У.) в справке упоминалась дважды. В первом случае речь шла о ликвидации антисоветской фашистской организации толстовцев, субботников и других сектантов, цель которой – создание единого антисоветского фронта из верующих всех религиозных объединений. В другом случае – о ликвидации фашистской шпионско-диверсионной организации – блоке сектантов, евангелистов и баптистов под руководством Кухмана. По делу организации были арестованы 337 «активных участников»³⁸⁸.

В статистическом отчете о результатах оперативно-служебной деятельности органов НКВД СССР за 1937–1938 гг. приведены данные о 50 769 репрессированных «церковниках и сектантах» (соответственно 37 331 и 13 438 чел.). А. Савин, комментируя эти цифры, высказал предположение, что в это число вошли только члены «специализированных» сектантских и церковных группировок и организаций, а также

названные авторы на с. 306 привели пример, что отдельные из чекистов «из любимого оружия тогдашних палачей» – нагана – в 1930-е гг. убили до 10 тыс. чел. Глубоко уверен, что расшифровки подобный пассаж не требует.

³⁸⁷ Наумов Л.А. Указ. соч. С. 5. В СССР за первые 20 лет советской власти из 150 лютеранских пасторов были репрессированы 130 чел., из них более 80 отбыли длительные сроки заключения в ИТЛ, 22 умерли в заключении, 15 расстреляны, четверо пропали без вести, более 100 эмигрировали из страны. Своей смертью умерли 30 чел., преимущественно в первые годы советской власти. Добровольно оставили должности 20 пасторов. Судьба 80 неизвестна.

Если в 1936 г. в СССР оставалось 11 лютеранских пасторов и 50 католических патеров, то в 1937 г. не было уже ни одного пастора, проповедовали лишь десять католических патеров, которые были арестованы и осуждены уже в следующем году. См.: Лиценбергер О. Указ. соч. С. 210–211.

³⁸⁸ Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 272, 407–414; Савин А.И., Колесников А.А. Дело священника... С. 279.

«одинокими». Что касается осуждения данной категории по делам иных «контрреволюционных» организаций и по операциям линейной направленности, то священнослужители и актив верующих, прошедших по этим делам, в статистику включены не были³⁸⁹.

Считаю, что автор этого предположения не совсем прав. Многочисленные факты и документы однозначно свидетельствуют о высокой степени организации учетов спецконтингентов, представлявших оперативный интерес для органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Цифра 50 769 репрессированных представителей различных конфессий достаточно верна, так как в ходе «массовой операции» отчет о проделанной работе велся скрупулезно – указывались не только ликвидированные контрреволюционные организации, но и в обязательном порядке демонстрировалась социальная база участников этих организаций. Более того, «враги» (по своему социальному положению) учитывались и в общей статистике по категориям репрессированных. А. Савин сам приводит данные, что к концу «массовой операции» органы НКВД репрессировали **всех** (11 570) «церковников и сектантов» (9 570 «попов» и 2 000 «сектантских проповедников»), которые, по словам Н. Ежова, находились на оперативном учете органов НКВД на конец ноября 1937 г., дополнительно «довыявив» почти 8 000 «религиозников», прошедших в качестве связей объектов интереса органов НКВД³⁹⁰.

Другое дело, что названная цифра может быть некорректной по иной причине. Даже частичное изучение репрессированных лиц этой категории в Западной Сибири позволяет определить, что часть из них (и значительная) в прошлом была, например, на военной службе (в том числе бывшие офицеры). И в подобных ситуациях учетные показатели зависели от позиции следователя и его субъективного мнения либо от «целевой направленности» дела, по которому проходили эти лица.

Еще одной группой репрессированных верующих стали представители религиозных общин, многие из которых прекратили свою легальную деятельность в середине 1930-х гг., разделив в годы «Большого террора» с представителями других конфессий весь ужас массовых необоснованных репрессий. Преследование этих «сектантских» организаций, имевшее место и до Октябрьской революции 1917 г., продолжилось и в советский период. Свидетельством этому могут служить подготовленный сотрудником Института истории СО РАН кандидатом исторических наук А.И. Савиным аннотированный перечень архивных документов и материалов по истории меннонитов³⁹¹ в Сибири в 1920–1980-е гг. и сборник документов, касающийся

³⁸⁹ Савин А.И. Репрессии в отношении евангельских верующих в Сибири в 1939–1941 гг. // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. С. 597.

³⁹⁰ Этноконфессия в советском государстве. Менноиты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 37; Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 408.

³⁹¹ Меннониты – последователи одной из старейших протестантских церквей. В России в качестве переселенцев проживают с конца XVIII в. К началу XX столетия их численность в России достигала 100 тыс. чел., объединенных в братские и церковные общины. В Сибири проживали двумя компактными группами на Алтае и на территории нынешней Омской области. К середине 1920-х гг. численность меннонитов, проживавших в Славгородском округе, составляла около 14 тыс. чел., в Омском – около 6,5 тыс. чел. из

периода жизни меннонитов в 1920–1930-е гг.³⁹² Приведенные им многочисленные документальные источники позволяют достаточно полно и глубоко понять весь механизм, используемый партийно-советским руководством, в данном случае Западной Сибири, с привлечением специальных служб для преследования и подавления «сектантских» организаций.

Преследование членов этих религиозных общин ничем не отличалось от преследования представителей официально разрешенных религиозных конфессий. Активно использовались административный ресурс, средства массовой информации, общественные организации. Органы ОГПУ–НКВД вели оперативные разработки этих общин или отдельных их представителей – руководителей, активистов. Периодически оперативные разработки завершались разоблачением «контрреволюционных» организаций и групп и осуждением их участников. Одна из важнейших причин их преследования, наряду с причинами идеологического, мировоззренческого характера, заключалась в том, что немцы, представлявшие большинство последователей этого учения, в советском государстве рассматривались как основная сила, которую может использовать германская разведка для шпионской и диверсионной работы в нашей стране.

Так, в Славгородском уезде административное давление на меннонитов стало активно проявляться с осени 1920 г., когда проводилась перерегистрация общин, хотя отдельные случаи притеснений имели место и раньше. Например, в июле 1920 г. уездный исполком принял решение занимать молитвенные дома всех религиозных культов для временного размещения войск, и одна из прибывших в уезд для подавления крестьянских выступлений воинских частей сразу же заняла молитвенный дом общин баптистов и меннонитов.

Начало 1921 г. ознаменовалось новым актом произвола со стороны власти. Приказом Славгородского уисполкома, Славгородского политбюро и Омской губЧК от 4 апреля 1921 г. все «религиозные секты» уезда были поставлены в известность, что все религиозные собрания, съезды и конференции могли проводиться только с ведома исполкома. Организаторы подобных мероприятий должны были предварительно сообщать о времени, месте собрания и предполагаемых вопросах. Неисполнение приказа влекло привлечение к ответственности «по всей строгости военнореволюционного времени».

Деятельность «сектантов» находилась под постоянным контролем сотрудников Славгородского политбюро, о чем дважды в месяц в информационных сводках они сообщали в ОмгубЧК. В частности, в июне – ноябре 1921 г. через агентуру была получена информация об установлении наблюдения за меннонитами и евангелистами, «которые... усиленно ведут противосоветскую агитацию, объединяя вокруг себя ма-

общего числа проживавших на начало 1926 г. в РСФСР 44 тыс. меннонитов. (См.: Этноконфессия в советском государстве. Менноиты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 3).

³⁹² См.: Этноконфессия в советском государстве. Менноиты Сибири в 1920–1980-е годы... Новосибирск; Санкт-Петербург, 2006; Этноконфессия в советском государстве. Менноиты Сибири в 1920–1930-е годы... Новосибирск, 2009.

лосознательную молодежь города и деревни»³⁹³. Оперативное обслуживание названных «сектантов» осуществлялось через 370 агентов, работавших в городе (30 чел.) и уезде (340 чел.).

Секретарь Сиббюро ЦК РКСМ Н. Черкасов в отчете за декабрь 1922 – январь 1923 г. отмечал, что наибольшее влияние в Сибири имели баптисты, в среде которых насчитывалось 311 общин и 53 кружка молодежи. Так, например, в Омской губернии действовала 141 община (6 166 чел.) и 28 кружков (897 чел.); в Новониколаевской – 16 общин (214 чел.) и 3 кружка (21 чел.); в Томской – 9 общин (268 чел.), 2 кружка (24 чел.); в Алтайской – 14 общин (116 чел.), 1 кружок (20 чел.), т.е. всего 180 общин (6 764 чел.) и 34 кружка (963 чел.). В Иркутской и Красноярской губерниях действовали 13 общин (266 чел.) и 2 кружка (23 чел.). Таким образом, Омская губерния стала центром развития баптистского движения среди молодежи. В этом была особенность «политики» баптистов; евангельские христиане, например, имели 200 общин (2 500 чел.) преимущественно в Новониколаевске, Томске, на Алтае и частично в Красноярске, но работа среди молодежи выявлена не была. Среди адвентистов седьмого дня в Томской, Иркутской, Новониколаевской и Омской губерниях действовали 72 общины, насчитывавшие до 5 000 членов, но только в Томской губернии работали 3 кружка молодежи (35 чел.)³⁹⁴.

Беспокойство власти по поводу деятельности «сект» объяснялось, в частности, тем, что в силу продекларированной льготы (освобождение от военной службы) наблюдался рост их популярности и численности. По этой причине в конце 1922 – начале 1923 г. органами ГПУ ряда губерний страны была проведена широкомасштаб-

³⁹³ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы... С. 48–49.

³⁹⁴ Выдержка из отчета Сиббюро ЦК РКСМ за декабрь 1922 – январь 1923 г. [не ранее января 1923 г.]. См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. ... С. 112–113. По докладу ПП ОГПУ на 1 марта 1923 г. в Сибири действовали 305 общин баптистов с числом членов 8 636, 53 кружка молодежи объединяли 1 153 чел. Число евангельских христиан и их общин совпадало с вышеприведенными данными. Что касается адвентистов седьмого дня, то по непроверенным данным они были объединены в 75 общин с 5 000 членов. Еще одно сектантское течение – «Адвентисты Бога Живого» – на территории Сибири распространение не получили, часть общин распалась, но его руководители вели речь о наличии 3 000 последователей. Среди прочих течений упоминались меннониты, пластуны, молокане, дырники, иеговисты, хлысты, скопцы, Новый Израиль и др. – по ним велась разработка в «целях выяснения истинной физиономии таковых». Всего на территории Западной Сибири действовали 208 общин и 30 кружков молодежи у баптистов с общим числом членов примерно в 8 000 чел., 145 общин евангельских христиан (более 2300 чел.), примерно 30 общин адвентистов (немногим более 1 000 чел.) и 13 общин «адвентистов Бога Живого» (около 600 чел.). Отдельно отмечались случаи перехода в сектантские организации (преимущественно к баптистам) православных в связи с расколом Церкви – недовольство обновленчеством. Так, например, в Омской губернии, по данным губотдела ГПУ, на учете значились 39 общин (1 056 чел.) и 13 кружков молодежи (217 чел.) (См.: Там же. С. 129–135). Простые арифметические подсчеты по обоим источникам не позволили, в частности, подтвердить заявленные цифры – у баптистов не подтверждалось количество общин (завышение примерно на 100) и число участников, причины этого не ясны. В последующий период времени (на 15.09.1923 г.) число баптистских организаций в Западной Сибири сократилось до 197, при увеличении в Новониколаевской и Томской губерниях, но при значительном сокращении в Омской – со 141 до 105 по общинам и с 28 до 13 по кружкам молодежи. См.: Там же. С. 150.

ная акция, направленная на ликвидацию евангельских церквей. Для достижения поставленной цели была использована кампания во исполнение Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 3 августа 1922 г. и Инструкции ВЦИК от 10 августа 1922 г. по проведению регистрации обществ, союзов и объединений, не преследующих целей извлечения прибыли. Создание административных барьеров не позволило многим общинам пройти эту процедуру. В Сибири, например, была фактически прекращена легальная деятельность всех евангельских конфессий.

Операция продолжалась до апреля 1923 г., и, по заявлению заместителя председателя ПП ГПУ по Сибири Б.А. Бака и начальника секретного отдела Б.Н. Великосельцева, директивы «о закрытии под благовидными предлогами всех верхушечных органов сектантских организаций, их молитвенных домов, роспуск самих общин были проведены в жизнь по всей Сибири»³⁹⁵. Только у баптистов в Западной Сибири были опечатаны девять молитвенных домов и распущены общины³⁹⁶.

Следствием активного притеснения «сектантов» стал их переход на нелегальное положение. Возможно, по этой причине антирелигиозная кампания была свернута и организована перерегистрация общин³⁹⁷, стали открываться ранее закрытые молитвенные дома и т.п., хотя в отдельных случаях местные органы власти продолжали занимать воинственную позицию по отношению к религиозным общинам.

³⁹⁵ Этноконфессия в советском государстве. Менноиты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 50–51.

³⁹⁶ См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 119–122. Материалы однозначно свидетельствовали об искусственности предъявляемых к баптистам и их организациям претензий со стороны органов власти на местах, о целенаправленном создании бюрократических барьеров при перерегистрации.

³⁹⁷ В ходе подобной кампании было установлено наличие 324 религиозных объединений (двадцаток групп верующих, обществ), действовавших на территории Томска и 25 районов округа. Например, в Верх-Чебулинском районе их было 43, в Коларовском – 37, в Болотнинском – 29, в Томском – 21, в Мариинском – 17, в Тайгинском – 16, в Анжеро-Судженском и Юргинском – по 14 и т.д. Непосредственно в Томске были учтены 25 групп и обществ и 4 органа исполнительных съездов (Епархиальный совет, Томский Мухтасибат, райсовет баптистов и Епархиальный совет Томско-Алтайской старообрядческой епархии). По конфессиональному признаку они подразделялись следующим образом: православные – 260, в том числе 235 «тихоновского» толка и 25 «обновленческого», мусульманские – 32, старообрядческие – 21, евангельских христиан – 12, римско-католические – 10, баптисты – 7, иудеи – 4, лютеранские и адвентисты седьмого дня – по 2 и единоверцы и молокане – по 1. См.: ГАТО. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 41. Л. 144–170.

В докладе информационного отдела Сибкрайкома ВКП(б) «О состоянии и деятельности религиозных культов на территории края» отмечалось, что сектантство проявлялось в следующих видах: баптисты были объединены в 168 общин (12 379 чел.), евангельские христиане – в 76 (4 440 чел.), адвентисты 7-го дня – в 13 (849 чел.), меннониты – в 28 (5 299 чел.), молокане – в 11 (2 127 чел.), трезвенники – в 2 (320 чел.), адвентисты 7-го дня Бога Живого – 48 чел., Новый Израиль – в 2 общины (244 чел.), иеговисты – 50 чел., иудействующие – в 4 общины (188 чел.), трясуны (пятидесятники) – около 30 чел., мормоны – 150 чел. Таким образом, на территории края действовали более 300 «сектантских» общин, объединявших 26 134 чел. См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 209. К середине 1936 г. в ЗСК насчитывалось до 340 сектантских общин разных толков, а с мелкими группами и одиночками – до 930 активно действовавших точек сектантских религиозных организаций. См.: Там же. С. 303.

Смягчение антирелигиозной политики привело к тому, что в 1925 г. в Сибири действовали 28 зарегистрированных меннонитских общин: в Славгородском уезде – 22 (5 016 чел.), в Омском – 4 (1 244 чел.) и в Татарском – 2 (373 чел.). Общинами руководили 95 проповедников. По численности меннониты уступали только баптистам и существенно превосходили все остальные евангельские конфессии. Численность всех «сектантов» только в Омской области на начало 1925 г. составляла 15 549 чел.³⁹⁸

Проводя политику смягчения репрессивных мер, власть меняла формы и методы работы с конфессиями. Более «тонкими» методами была продолжена работа по дальнейшему расколу и дискредитации евангельских церквей. Для проведения агитационно-пропагандистских акций противосектантской направленности в Омском губкоме РКП (б) была создана специальная «тройка», в нее вошли заведующий агитационно-пропагандистским отделом губкома партии, начальник губернского отдела ГПУ и заведующий отделом управления губисполкома.

На органы ГПУ были возложены задачи сбора информации обо всех сферах жизни и деятельности «сектантов», их отношении к политике советской власти и т.п. В необходимых случаях органы ГПУ должны были инициировать отдельные судебные и выборочные административные репрессии. Работа по сбору информации велась не только через агентуру органов ГПУ, но и через привлекаемый для этого партийно-советский актив. Органы ГПУ, начиная с октября 1923 г., готовили для партийных органов ежемесячные сводки с обзором деятельности каждой конфессии.

Политика репрессий позволила добиться определенных результатов. Так, руководство евангельских христиан и баптистов, в отличие от меннонитов, пошло в конце 1923 г. на уступки в вопросе признания военной службы обязательной для верующих. В сентябре 1925 г. воинскую службу обязательной для своих последователей признали и адвентисты седьмого дня. В декабре 1926 г. аналогичное решение было принято на съезде и баптистами³⁹⁹.

Непоколебимая позиция отдельных «сектантских» конфессий в вопросе об обязательной воинской повинности вынудила власть найти «альтернативу» военной службе. Таковой стала мобилизация на общепользные работы. «Отказников», в частности, отправляли на лесные промыслы государственного треста «Лесохим»⁴⁰⁰. Условия работы были тяжелыми, привлеченных не обеспечивали в необходимой мере рабочей одеждой, обувью, питание было весьма скудным, а нормы выработки достаточно высокими (20 кубометров древесины в день на бригаду из пяти человек). Праздно-

³⁹⁸ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 52.

³⁹⁹ Там же. С. 53–58.

⁴⁰⁰ Приказ НКВД СССР № 108 от 31 мая 1929 г. «Об использовании труда граждан, освобожденных от военной службы по религиозным убеждениям» предполагал призыв таковых граждан после медицинского освидетельствования для работы на лесных промыслах государственного треста «Лесохим» с 10 июня по 15 октября 1929 г. Все привлеченные на работы должны были остоять на продуктивном и денежном довольствии на общих основаниях с красноармейцами рядового состава, отбывавшими действительную службу в армии. На период работы полагалась спецодежда. См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 247–249.

вание меннонитами 25–26 декабря 1929 г. Рождества было расценено как контрреволюционная вылазка, за которую были осуждены 6 чел.⁴⁰¹

В конце 1920-х гг. усилились эмиграционные настроения лиц немецкой национальности, тысячи семей срывались с насиженных мест, распродавали имущество и пытались выехать из СССР. Данное движение активно пресекалось властями, эмигрантов возвращали к местам прежнего расселения⁴⁰², где все было порушено, а отношение к ним чаще всего носило враждебный характер со стороны представителей местных администраций.

Часто попытки вырваться из страны инициировались «сектантскими» проповедниками и руководством общин. По данным ПП ОГПУ, целый ряд меннонитских проповедников привлечены к уголовной ответственности и осуждены на сроки от 5 до 10 лет лишения свободы: Я.Г. Клиппенштейн, Г.Г. Фот, А.Г. Беккер, Я.И. Финк, Г.М. Креймер – на Алтае⁴⁰³, в Омске был арестован и осужден на 10 лет концлагерей пастор Мерц⁴⁰⁴. Аресты продолжались и в последующие годы. Так, только в 1930 г. прошла серия арестов и осуждений лидеров эмиграционного движения, в том числе из числа проповедников, в Славгородском округе. В феврале 1933 г. Омским оперсектором ОГПУ были арестованы несколько руководителей-проповедников меннонитской общины с. Красный Дол Немецкого района – Я.А. Ремпель, Г.Г. Гамм, Г.Я. Варкентин и др. По «мнению» сотрудников оперсектора, Ремпель сгруппировал вокруг себя антисоветский актив общины, проводил с ними антисоветскую агитацию против мероприятий в деревне, «распространяя провокационные слухи и суждения о скором падении соввласти и т.д.

Сам Я. Ремпель показывал, что он говорил немцам о притеснениях религии со стороны советской власти, арестах и осуждении проповедников, отсутствии возможности верить в Бога: «Аресты проповедников и других религиозных лиц я рассматривал как борьбу соввласти с религией, поэтому были случаи, когда на молитвенных собраниях общины мы молились Богу за высланное кулачество и проповедников как пострадавших за слово Божие»⁴⁰⁵. Все это и подвигло его к эмиграционным действиям.

⁴⁰¹ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы... С. 58–59. Судя по материалам дела, привлечение на лесные разработки было продолжено и в более поздние сроки, чем предполагалось по приказу НКВД № 108.

⁴⁰² А. Савин, со ссылкой на совместную работу с немецким исследователем Д. Брандесом, привел данные, что к концу 1929 г. из СССР выехали в Германию 5 761 чел. (в том числе 3 885 меннонитов), из них 4 410 выехали из поселений российских немцев в Западной Сибири: из Немецкого района – 2 277, Славгородского – 1 428, Андреевского – 170, Купинского – 290, Ново-Омского и Исилькульского – 245. Одновременно только в Славгородский округ в декабре 1929 г. были насильственно возвращены из Москвы 2 340 чел. См.: Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 15.

⁴⁰³ Сводка ПП ОГПУ по Сибири об эмиграционном движении в немецких колониях Сибкрая по состоянию на 14 декабря 1929 г. // Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы... С. 329–332.

⁴⁰⁴ Лиценбергер О. Указ. соч. С. 206.

⁴⁰⁵ Обвинительное заключение Омского оперсектора ОГПУ по делу № 3187 от 10 февраля 1933 г. // Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы... С. 395–405. Ремпель (Зудерман) Яков Аронович, 1883 г.р., профессор теологии, видный деятель меннонитского движения в СССР, после осуждения бежал из концлагеря и проживал на нелегальном положении. В апреле 1937 г.

Решением «тройки» ПП ОГПУ по ЗСК от 27 марта 1933 г. все арестованные были осуждены по ст. 58-10-11 УК РСФСР к лишению свободы на сроки от 5 до 10 лет.

На Алтае в с. Мезенцево Тюменцевского района, в пос. Тула и Медведка в начале 1930-х гг. действовали секты, члены которых советскую власть не признавали, считая её порождением антихриста. Саботировали выполнение её решений, отказываясь вступать в колхозы, платить налоги, продавать государству продукты и т.п. В октябре 1933 г. 23 сектанта были осуждены «тройкой» ПП ОГПУ по ст. 58-10-11 УК РСФСР на сроки лишения свободы до 10 лет⁴⁰⁶.

Осенью 1934 г. в Западной Сибири хлебозаготовительная кампания была на грани срыва. В связи с этим партийно-советское руководство страны официально разрешило применять в регионе высшую меру наказания к саботажникам. Инициатором этого предложения был председатель Совнаркома СССР В. Молотов, посетивший в сентябре 1934 г. ряд районов Сибири, а непосредственное участие в его реализации принял Л. Каганович, прибывший в Западную Сибирь в октябре 1934 г. Западно-Сибирским краевым судом только осенью 1934 г. было возбуждено 158 дел по ст. 58-14 УК РСФСР («Контрреволюционный саботаж») и осуждено 779 чел. И только в период с 5 октября по 5 ноября крайсуд провел 108 показательных процессов в сельской местности и 72 – в райцентрах и городах. Результатом стало вынесение 194 смертных приговоров⁴⁰⁷.

В числе организаторов «контрреволюционного саботажа» были и служители культа. Так, например, 31 октября 1934 г. выездная сессия спецколлегии краевого суда осудила в г. Омске проповедника общины меннонитов с. Глядень № 2 Я.С. Болдта, проповедника братской общины с. Глядень № 3 Д.А. Коопа и казначея общины Г.Я. Дика. Двое первых были расстреляны, а Г. Дик получил 10 лет лагерей⁴⁰⁸. Процесс открыто продемонстрировал стремление властей переложить на «бывших», в данном случае руководителей религиозных общин, вину за срыв хлебозаготовок. В ноябре 1934 г. в числе приговоренных к расстрелу оказался бывший проповедник меннонитской общины, член колхоза «Большевик» в с. Петровка Немецкого района Ф.Ф. Берх. По делу фашистской организации из 36 чел. в Любинском и Седельниковском районах Омской области руководителем организации «прошел» пастор лютеранской церкви В. Лорер. По делу фашистской организации в Родинском районе были осуждены 18 чел., из них четверо – как проповедники меннонитских и баптистских общин, один – как сын проповедника, один – как председатель баптистской общины,

Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа по ст. 58-4-6-10-11 УК РСФСР приговорен к ВМН с последующей заменой на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. На 1941 г. – заключенный Орловской тюрьмы. Военной коллегией Верховного суда СССР 8 сентября 1941 г. приговорен заочно к ВМН. Расстрелян 11 сентября 1941 г. См.: Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 686; Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 291–292.

⁴⁰⁶ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 2. С. 13.

⁴⁰⁷ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 23–24.

⁴⁰⁸ Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 297–298.

а трое – как «активные сектанты». По справке Гляденского сельского совета еще один осужденный проходил в качестве проповедника «секты субботников». Десяти осужденным среди причин осуждения инкриминировались религиозная деятельность и убеждения. Приговоры – от ВМН до длительных сроков лишения свободы⁴⁰⁹. Несмотря на «убедительность» доказательной базы, не могу поверить, что представители разных верований смогли объединиться на идеологической основе фашизма.

Начало 1937 г. продемонстрировало руководству страны провал антирелигиозной кампании. Доктор исторических наук В. Жиромская привела данные, что по материалам Всесоюзной переписи населения в январе 1937 г. 56,7% населения страны старше 16 лет (55,3 млн чел.) заявили о своей принадлежности к тому или иному вероисповеданию. В действительности верующих было больше, просто многие боялись давать правдивые ответы. Религиозность была заметнее у людей старшего возраста, менее подверженных атеистической пропаганде. Верующие назвали девять крупных вероисповеданий. Самым распространенным было христианство разнообразных направлений: православие, католичество, лютеранство и армяно-григорианство. Христианами назвали себя 80% верующих. Практически во всех религиях число верующих женщин было выше, чем число верующих мужчин, достигая в названных направлениях христианства ~ 61%⁴¹⁰.

Из общего числа верующих 392 393 чел. заявили о своей принадлежности к христианским сектам. Заместитель заведующего отделом культуры и образования ЦК ВКП(б) С.М. Тамаркин в январе 1937 г. сообщил секретарям ЦК Л. Кагановичу, А. Андрееву и Н. Ежову об усилении активности «церковников» всех исповеданий и слабости антирелигиозной пропаганды в стране. Он, в частности, сообщал, что в СССР действовали 20 тыс. церквей и мечетей, 24 тыс. служителей культа и 600 тыс. церковных активистов, которые вели подрывную деятельность; антирелигиозная работа почти повсеместно была свернута.

Это обстоятельство И. Сталин и его окружение не могли не учитывать, и на февральско-мартовском пленуме (1937 г.) ЦК ВКП(б) «проблема» была обозначена. Руководитель Союза воинствующих безбожников Ем. Ярославский вынужден был признать, что религиозные организации могут представлять серьезную силу в противоборстве с властью. По его информации, в стране было 39 тыс. религиозных общин и групп, объединивших более миллиона человек только «актива», а также несколько сот тысяч незарегистрированных «сектантских» организаций, преимущественно нелегальных⁴¹¹.

⁴⁰⁹ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 25–27.

⁴¹⁰ Жиромская В.Б. Религиозность народа в 1937 г. (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. 2000. Ноябрь. № 5.

⁴¹¹ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 33–34; Вопросы истории. 1993. № 5. С. 14. А.И. Савин и А.А. Колесников привели данные Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР (не позднее 14 февраля 1937 г.): на 1 января 1936 г. «зарегистрированного духовенства насчитывается 24 146 чел. (без учета данных по ЗСК, Оренбургской, Омской и Челябинской областям, Казахской и Бурят-Монгольской АССР) и актива, состоящего из религиозных об-

Наличие хорошо поставленных учетов и «заготовок» в виде оперативных разработок позволяло выполнить подобные указания в кратчайшие сроки. Уже весной 1937 г. начались аресты священнослужителей и «сектантов» (выше об этом речь уже велась). В это же время сотрудниками УНКВД по ЗСК была вскрыта «шпионско-диверсионная организация» сектантов Сибкрая, возглавляемая краевым уполномоченным евангельских христиан О.И. Кухманом⁴¹², который был арестован 14 апреля. По делу организации арестованы и осуждены, согласно отчету УНКВД, 793 чел. практически из всех районов Западной Сибири. О. Кухман был обвинен в создании из членов религиозных общин шпионской сети, действовавшей в интересах Германии и Японии. В это же время была реализована арестом участников оперативная разработка «Последователи», направленная на членов общины евангельских христиан рабочего поселка Болотное (руководитель В.С. Попиначенко). В Новосибирске были арестованы 26 баптистов, евангельских христиан и адвентистов седьмого дня, 18 из которых в сентябре 1937 г. расстреляны.

По «делу Кухмана» также прошли члены «фашистской шпионской повстанческой организации» из числа граждан немецкой национальности Купинского и Чистоозерного районов, крупнейшей общины Кузбасса – евангельских христиан г. Прокопьевска, один из руководителей которой – председатель совета общины Ф.Я. Зимонин – якобы, возглавлял «контрреволюционную монархическую диверсионную повстанческую организацию»⁴¹³ в Прокопьевском и Киселевском районах и т.д. Прокопьевским горотделом НКВД были арестованы 20 чел., 18 из которых расстреляны.

На допросе 3–4 мая 1937 г. О. Кухман показал, что в ЗСК имелось 20 религиозных групп и общин: в Белово, Бийске, Барнауле, Болотном, Гурьевская, а также Кемеровская, Калининская, Ленинск-Кузнецкая, Новосибирская, Прокопьевская, Сталинская, Тайгинская, Томская, Кожевниковская (две), Черепановская, Купинская, Анжерская и Черно-Курьинская. Новосибирская община насчитывала 340 членов. На допросе 29 июня Кухман уже назвал их террористическими, шпионско-диверсионными и повстанческими⁴¹⁴.

ществ, т[ак] наз[ываемых] двадцаток и пятидесяток (УССР, БССР – 50-тки, а в остальных местах – 20-тки) – 610 860, а всего – 635 000 (цифра округлена)». См.: Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг... С. 280.

⁴¹² Кухман Отто Иванович, 1889 г.р., ур. г. Ковно, немец, из рабочих, образование неполное среднее, по профессии бухгалтер. В 1914 г. за религиозные убеждения высылался в Вятку. В 1920 г. арестовывался Пермской губЧК за участие в окружном съезде евангельских христиан. С ноября 1931 г. – уполномоченный Всесоюзного совета евангельских христиан по Западной Сибири. С 1932 г. проживал в г. Новосибирске. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

⁴¹³ Савин А.И. Трагедия евангельских христиан. «Дело» пресвитера О.И. Кухмана (1937 г.) // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. С. 394–396. Принцип вынесения наказания понять сложно. Если в данном случае почти все арестованные были расстреляны, то, например, в случае с арестом осенью 1937 г. в с. Чесноковка Барнаульского района шести баптистов, входивших в состав «контрреволюционной» барнаульской организации баптистов, все разрешилось их осуждением на 5 лет лишения свободы с последующим поражением в правах на тот же срок. См.: Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 336–337, 376.

⁴¹⁴ Савин А.И. Указ. соч. С. 398, 400; Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 315–323.

В такой метаморфозе нет ничего особенного. Между этими протоколами – многочасовые допросы, издевательства, угрозы расправиться с семьей, внутрикамерная обработка и многое другое для достижения одной цели – сломать человека. Выстоять в таких условиях было почти невозможно.

Сотрудниками УНКВД только с августа до начала октября 1937 г. в ходе «кулацкой операции» были вскрыты 10 групп численностью 154 чел. (4,4% от числа всех арестованных участников контрреволюционных групп), отнесенных к «церковно-сектантским». За этот же период «тройкой» УНКВД по ЗСК осуждены 222 «попа», 24 монаха и монашки и 167 «сектантов-пресвитеров и проповедников сект», т.е. 3,38% от общего числа осужденных (12 201 чел.)⁴¹⁵.

В декабре 1937 г. 3-м отделом УГБ УНКВД по Алтайскому краю в рамках «немецкой» операции была вскрыта «контрреволюционная» организация, якобы созданная «майором гестапо» Нейманом и действовавшая на территории Немецкого, Славгородского, Андреевского, Ново-Киевского, Знаменского и Хабарского районов Алтайского края. Были арестованы 298 чел., 290 из которых – немцы-меннониты, лютеране и католики. Среди меннонитов значительное число арестованных проходили как проповедники или сыновья проповедников⁴¹⁶. В это же время в г. Барнауле и ряде районов края была «вскрыта и ликвидирована контрреволюционная церковно-монархическая повстанческая организация». Аресты начались 14 и закончились 29 декабря 1937 г. На обвинительном заключении по делу организации не было даже даты, но «тройка» 28 декабря вынесла приговор всем 33 арестованным, в том числе и четверым, арестованным **28 и 29** декабря, т.е. все документы по делу были подготовлены заранее, еще до ареста отдельных членов организации. Обвинение всем членам организации предъявлено по ст. 58-2-11 УК РСФСР, по решению «тройки» УНКВД все были расстреляны 7 января 1938 г., в том числе и семь женщин. Одна из них, сектантка-странница Л.И. Тихонова, расстреляна за распространение слухов и диверсионную работу – якобы сожгла пасеку в колхозе. Другая, няня в родильном доме, М.С. Гончаренко, – за «контрреволюционную работу среди женщин-рожениц»⁴¹⁷.

В 1939 г. деятельность евангельских общин активизировалась: в ходе проведения Всесоюзной переписи 1939 г. верующие отказывались сообщать о себе сведения, а в ходе выборных кампаний в советы депутатов – отказывались голосовать, активно призывали не голосовать и т.п. Такие факты были отмечены в городах и ряде районов Алтайского края, Новосибирской и Омской областей. Подобные действия верующих не могли не вызвать ответной реакции со стороны органов НКВД, которым удалось вскрыть и ликвидировать несколько «сектантских» контрреволюционных организа-

⁴¹⁵ Справка оперсекретариата УНКВД по ЗСК о ходе операции по приказу № 00447 от 4 октября 1937 г. // Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 656–657.

⁴¹⁶ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы... С. 473–474.

⁴¹⁷ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 3, ч. 1. С. 8; Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 351–355, 376.

ций в Новосибирске, Сталинске, Томске и других населенных пунктах⁴¹⁸; были арестованы несколько десятков верующих. Судебные процессы прошли уже во второй половине 1941 г., но разработка организаций и их членов, аресты и следствие были начаты еще до войны с Германией. Таковым, например, стало дело о нелегальной баптистской общине в г. Новосибирске, по которому к уголовной ответственности привлечены девять человек, еще по 32 следственные материалы были выделены в особое производство. Четверо обвиняемых приговорены к ВМН – расстрелу, один – к 7 и остальные к 10 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на 3 года⁴¹⁹.

Актуальность оперативной работы органов НКВД по «контрреволюционной» деятельности сектантов и церковников была подтверждена подготовкой и выпуском в УНКВД по Омской области двух сборников (октябрь 1939 и август 1940 г.), содержащих аналитические справки-обзоры деятельности протестантских конфессий на территории области. Сборники были предназначены для сотрудников городских и районных подразделений НКВД как методические рекомендации по организации работы с членами этих религиозных общин. Начальник УНКВД по Омской области капитан госбезопасности М. Захаров⁴²⁰ перед выходом «Сборника № 2» утвердил инструкцию «Об агентурно-оперативной работе с контрреволюционной деятельностью церковников и религиозных национальных (немецких) сект», в которой, в частности, отмечалось: «Можно надеяться, что этот сборник, в некоторой части, поможет оперативному работнику лучше распознать методы подрывной деятельности контрреволюционного духовенства и усилить нашу работу и борьбу с этими враждебными проявлениями...

Собранный материал... будет способствовать оперативному работнику обогатиться этим опытом и поможет более активно развешивать агентурно-оперативную работу в наших органах...»⁴²¹.

Следует отметить, что сборники содержали информацию о мировоззренческих основах названных религиозных движений, «контрреволюционной» сущности их деятельности; подчеркивалось обязательное наличие связей с иностранными разведками и различного рода иными подрывными организациями. «Теоретические» послылы сборников подкреплялись фактическим материалом с мест. Ценностью «Сборника № 1» были советы-рекомендации по организации и ведению агентурной работы среди «сектантов», в частности баптистов⁴²².

⁴¹⁸ Савин А.И. Репрессии в отношении евангельских верующих в Сибири в 1939–1941 гг. // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. С. 595–605.

⁴¹⁹ Советское государство и евангельские церкви Сибири... С. 364–371, 376.

⁴²⁰ Захаров Михаил Егорович, 1908 г.р., ур. Рязанской губ., русский, из семьи крестьянина-середняка. В ВКП(б) с 1928 г., в органах НКВД–МГБ с 1939 г. – начальник УНКВД по Омской области. Последняя должность – начальник УМГБ Курской области. Полковник госбезопасности. Награжден четырьмя орденами, тремя медалями и знаком «Заслуженный работник НКВД». Умер в 1952 г.

⁴²¹ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы... С. 678–679.

⁴²² Там же. С. 675–686; Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. С. 606–607.

Сегодня, к сожалению, нет возможности установить точное число «сектантов», ставших жертвами репрессий в годы «Большого террора» хотя бы по причине далеко не полного выявления и обработки источников, содержащих сведения об этих репрессиях. А. Савин на основе уже ставших доступными источников вывел число репрессированных – около 1 100 чел.⁴²³, но даже эта цифра является прямым свидетельством преследований и гонений верующих. Преследование баптистов, евангельских христиан, меннонитов, адвентистов седьмого дня, пятидесятников велось системно, с использованием всех официальных и оперативных возможностей органов власти и НКВД. Результатом репрессивной политики по отношению к этой группе верующих в Западной Сибири явилось отсутствие к концу 1940 г. зарегистрированных баптистских общин, а распущенная в феврале 1941 г. община евангельских христиан в Новосибирске, возможно, была последней легальной общиной этой церкви в Сибири. Деятельность религиозных общин стала носить нелегальный характер.

Подтверждением этому может служить оценка их деятельности начальником УНКВД по Алтайскому краю К.С. Волошенко в справке от 4 декабря 1942 г. об антисоветской деятельности церковников в Алтайском крае: «...после репрессий, особенно в период 1937–1938 гг... оставшиеся враждебно настроенные церковники приняли методы нелегальной антисоветской деятельности, то есть ушли в глубокое подполье и под видом отправления религиозных обрядов продолжают проводить контрреволюционную работу, обрабатывая в этом духе лиц из числа социально близкой им среды»⁴²⁴.

Таким образом, пришедшие к власти большевики провозгласили свободу совести и отделили Церковь от государства. Но продекларировав это, на практике же повели политику лишения её всех прав и разгрома, причислили духовенство к классовым врагам. Были развернуты кампании по закрытию храмов, изъятию ценностей, дискредитации представителей всех конфессий, в том числе и не относящихся к официально признанным. Если в 1920-е гг. государство пыталось через все имевшиеся каналы разлагать конфессии изнутри с целью использования внутренних противоречий для дальнейшей борьбы с ними, то в 1930-е гг. были предприняты попытки физического уничтожения духовенства и разгрома церковных организаций. Первая попытка была предпринята в ходе ликвидации кулачества, когда, согласно приказу ОГПУ СССР № 44/21 от 2 февраля 1930 г., массовому выселению должны были быть подвергнуты, в частности, представители «кулацкого антисоветского актива церковников и сектантов». Только за три с половиной месяца арестованы 5 028 священнослужителей, а всего за 1930 г. осуждены 13 354 священнослужителя всех конфессий⁴²⁵.

В 1937 г. они были включены в приказ НКВД № 00447, давший «старт» массовым репрессиям периода «Большого террора». Еще одна группа оппонентов, в данном случае идеологических, активно устранялась партийно-советским руководством стра-

⁴²³ Савин А.И. Репрессии в отношении евангельских верующих... С. 597.

⁴²⁴ Там же. С. 598.

⁴²⁵ См.: Юнге и Биннер. Как террор стал «Большим»... С. 28.

ны с «поля боя» за массы, за их умы и мировоззрение. В стране должна быть одна идеология – коммунистическая.

Все приведенное выше позволяет сделать вывод, что победившие большевики с первых дней установления новой власти приступили к плановому уничтожению своих противников, в первую очередь из числа «бывших». Полагаю возможным выделить две явные цели, которые при этом преследовались. Во-первых, уничтожение или подрыв социальной базы, могущей оказать сопротивление в борьбе за власть, за Россию. Во-вторых, реализовывалась возможность сведения счетов бывших «порабощенных» со своими «поработителями» (крестьян – с помещиками, рабочих – с фабрикантами, солдат – с офицерами и т.д.). Кроме того, «бывшие» были самыми многочисленными «оппонентами», но доступными для расправы. В борьбе с ними были все средства хороши. Так, председатель Томского губисполкома А.И. Беленец публично заявлял, что «революция – борьба классов. Кто побеждает – тот прав, тот устанавливает свои законы. Нет общей справедливости, есть справедливость класса». А председатель исполкома Красноярского совета Я.Ф. Дубровинский на обвинения в политических репрессиях заявил: «Пока история рассудит нас, рассудим вас мы!» Его соратник М.И. Фрумкин при этом добавил: «Поскольку идет политическая борьба, справедливы все средства. На войне, как на войне»⁴²⁶.

Всего три мнения, но ведь это мнения представителей власти, которая должна стоять на защите законности. В этом и проявлялась суть государственной политики по отношению ко всякого рода «бывшим».

Имеющиеся материалы однозначно свидетельствуют о том, что в 1920–1930-е гг. в стране физически и морально уничтожена большая часть тех, кого можно было отнести к «бывшим», тех, кто мог действительно бороться за восстановление прежнего строя. В первую очередь к таковым были отнесены бывшие военнослужащие из числа офицеров царской и белых армий как наиболее организованная, подготовленная и сплоченная группа населения, потерявшая в связи с изменением строя практически все и оставшаяся не у дел. Власть не могла мириться с наличием в стране десятков тысяч «штыков», могущих одновременно решить судьбу молодого Советского государства путем переворота.

Другой группой, представлявшей опасность для большевиков, были старые специалисты, хотя бы по причине их принадлежности к «буржуазной интеллигенции». Необходимо учитывать и фактор их воспитания в другой системе ценностных ориентаций – они не могли принять изменение социальной системы строя, так как это очень сильно затронуло их, лишив возможности быть востребованными, лишив материальных благ, которыми они могли располагать в обмен на труд. Не могли они и соглашаться с некомпетентным руководством представителей новой власти, когда принимаемые решения и проводимые мероприятия шли вразрез с общепринятыми законами, нормами и правилами, что не способствовало их сближению с властью. Настораживала большевиков и аполитичность абсолютного большинства старых специали-

⁴²⁶ Цит. по: Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири... С. 37.

стов. Будучи «кастой», утратившей блага и привилегии и не принявшей изменения, навязываемые большевиками, «спецы» продолжали оставаться носителями прежней идеологии, что, по мнению партийно-советского руководства страны, могло быть использовано прямыми врагами режима для привлечения их в свои ряды.

Еще одной группой потенциальных противников нового режима были объявлены представители официальных религий и иных религиозных верований. Власть предприняла все возможные меры по уничтожению «оппонента», влияние которого на жизнь общества было очень сильным, устоявшимся за многие века. Очень часто человек прислушивался не к указаниям власти и её представителей, а к советам духовных лиц. «Идеологическое» влияние церкви необходимо было устранить, чтобы «дать дорогу» коммунистической идеологии. В стране была разработана и реализована на практике серьезнейшая антирелигиозная программа, позволившая уничтожить внешние атрибуты религии, но все-таки не победить веру людей во Всевышнего.

Определив эти три крупнейшие социальные группы населения в качестве основных противников из среды «социально чуждых», государство мобилизовало на борьбу с ними весь партийный и советский аппарат, все общественные организации и силовые структуры. Последние были обязаны отслеживать все стороны жизни представителей этих групп, контролировать их действия, владеть информацией о планах и замыслах. Был задействован весь аппарат оперативных источников, создана четко работавшая система информационных учетов, позволявшая в любой момент найти любого из «бывших». В профилактических целях органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД могли проводить превентивные меры по изоляции и физическому устранению отдельных представителей этих социальных групп, для чего были отработаны механизмы показательных политических процессов. В повседневной практике силовых структур активно использовались методы провокации и фальсификации следственных материалов.

Жесткая и даже жестокая репрессивная политика государства дала свои результаты. В стране к началу Великой Отечественной войны практически отсутствовали какие-либо «очаги сопротивления» со стороны «бывших». Уцелевшие в условиях жесточайшего террора, как физического, так и морального, «бывшие» вынуждены были прятаться, любыми способами скрывая свое прошлое и свои прежние заслуги перед Россией. Десятки тысяч представителей военной элиты, интеллигенции, специалистов-профессионалов высочайшего уровня были уничтожены физически, изгнаны из страны, вырваны из созидательного процесса. Целенаправленная «бездушность» политики большевиков привела к разрушению устоявшихся хозяйственных и экономических связей в стране. Несмотря на то, что «бывшие» были «разбиты и подавлены», государство и через десятилетия продолжало держать их в поле зрения, контролируя через репрессивные органы как возможных противников, вновь и вновь жестоко наказывая за их «прошлое».

ГЛАВА 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОППОНЕНТЫ

Особую озабоченность для коммунистического руководства страны представляли политические оппоненты из числа существовавших в стране политических партий. Многие из этих партий уже с первых дней советской власти прекратили свое существование, в рядах других не было единства. Но большевики, пытаясь обезопасить себя, создали мощный аппарат подавления, деятельность которого и позволила «решить» эту проблему. Представители запрещенных демократических партий были отнесены в СССР к категории «политически опасных» и на протяжении многих лет подвергались преследованиям. Оперативная разработка бывших членов ПСР, РСДРП(м) и других партий являлась одной из основных задач секретно-политического отдела ГПУ–ОГПУ–НКВД.

Советская власть в 1920-е гг. всех своих противников четко делила на «бывших» и «политиков», относя к последним только представителей оппозирующих партий; «социально близкие» из числа повстанцев, забастовщиков и т.п. к таковым не относились. И именно «политики» в первые годы советской власти будучи «подавляемыми и угнетаемыми» даже в местах лишения свободы продолжали оставаться сплоченными и организованными, постоянно беспокоили режим многочисленными требованиями и претензиями. Многие из «политиков» отбывали сроки наказания без каких-либо приговоров, только за политическую принадлежность к партиям и движениям. Их сплоченность и организованность были «головной болью» большевиков.

Партии эсеров, меньшевиков, трудовиков и другие часто активно поддерживали «белые» режимы, участвуя в различного рода антисоветских правительствах. И по этой причине они были причислены большевиками к врагам и преследовались административными органами, что в конечном результате привело к организационному прекращению их деятельности. Следует заметить, что многие представители партий меньшевиков и эсеров погибли в период колчаковщины.

Уместно напомнить, что в декабре 1920 г. вышел приказ ВЧК № 150, констатирующий, что «контрреволюционные круги Антанты, изверившись в возможности свержения советской власти в ближайшее время при помощи российских монархистов и кадетов, приняли решение использовать для этой цели партию социалистов-революционеров. Эсеры приступают к активной работе в контрреволюционном подполье Советской России, начиная с замаскированной агитации и кончая актами индивидуального террора, в организации которого эсерам, возможно, будут помогать и анархисты в связи с расформированием махновских отрядов и запрещением легального существования анархических групп, не считая универсалистов...»¹.

¹ Приказ ВЧК № 150 (декабрь 1920 г.) (из личного архива автора).

Названный приказ обязал все чекистские органы выявлять и иметь на постоянном учете всех лиц, состоящих в партии эсеров – правых, левых и центра, меньшевиков, народных социалистов, объединенной еврейской социалистической партии («Бунд»), «Поалейцион» – и в других мелкобуржуазных партиях, всех настоящих и бывших членов евангелически-христианских и толстовских обществ, а также анархистов всех направлений. Предполагалась организация неослабного наблюдения за ними и их связями, а также внедрение в названные партии и организации достаточного количества опытных и вполне компетентных осведомителей в целях контроля деятельности названных организаций, освещения положения в их среде, выявления планов, намерений, организационных структур, связей с другими партиями и т.п. Все это должно было способствовать оказанию практической помощи партийным и чекистским органам на местах в борьбе с политическими оппонентами, а чекистам – отойти от практики массовых облав на «врагов», действовать организованно и планомерно – «бить точно по целям».

3.1. Эсеры

Для большевиков на освобожденных от колчаковцев территориях, как, впрочем, и в других районах страны, особую опасность представляли попытки идейно-политических оппонентов, в частности эсеров и меньшевиков, привлечь на свою сторону крестьянское население для открытой борьбы с большевиками. Влияние эсеров в отдельных районах Сибири было значительным по причине их участия в партизанско-повстанческом движении в условиях колчаковщины, например в Степном и Горном Алтае. В тот период они были активными участниками консолидированного движения против режима Колчака большинства политических сил и движений Сибири, а также местного, в том числе и неполитизированного, населения.

Борьба с колчаковским режимом для эсеров была лишь очередным этапом в деятельности партии. Их не устраивало ни самодержавие, ни «белые» режимы, ни власть большевиков. По этой причине они боролись с этими режимами чаще всего нелегальными методами и преследовались этими режимами.

В силу значительного влияния ПСР на жизнь в Сибири в её ряды еще в дореволюционный период активно вступала революционно настроенная часть интеллигенции и студенчества. После Октября 1917 г. от организации отошла часть левых эсеров, примкнув к большевикам, а правые, образовав Сибирский краевой комитет, выступили против Советов и создали Сибирскую областную думу. В годы колчаковщины эта группа вела борьбу как с колчаковцами, так и с большевиками, но после освобождения Сибири от Колчака основным объектом нападок стали только большевики. Все это привело к тому, что к середине 1920 г. наиболее активные члены Сибирского краевого комитета (Дистлер, Коногоров, Вольфович² и некоторые другие) были аре-

² Дистлер Константин Абрамович, 1899 г.р., и Коногоров (Кураев) Павел Филиппович, 1884 г.р., расстреляны в июне 1920 г. Вольфович Файтель Абрамович, 1872 г.р., в июне 1920 г. осужден к содержанию под стражей до особого распоряжения.

стованы и осуждены. Оставшиеся в партийном отношении были малоавторитетными и не играли значительной роли в политической борьбе.

В Западной Сибири только в Томске левые эсеры, выйдя из подполья в декабре 1919 г., сумели оформиться организационно. Они прочно стояли на советской платформе и уже в конце января 1920 г. обратились в томскую организацию РКП(б) с просьбой узаконить их легальное существование. Сначала решение вопроса затянулось, а в мае 1920 г. решением Сибирского областного бюро ЦК РКП(б) их просьба была отклонена. Однако к этому времени организация прекратила свое существование, так как 7 февраля 1920 г. группа из 14 наиболее активных членов партии левых эсеров опубликовала в газете «Знамя революции» заявление, в котором объявляла о разрыве с левоэсеровской партией и вступлении в РКП(б). Коммунисты пошли навстречу бывшим левым эсерам, приняв большинство из них в свои ряды. В Новониколаевске, Омске и других городах Сибири левоэсеровские организации так и не оформились организационно, самораспустились, отдельные их члены вступили в ряды РКП(б)³.

Летом и осенью 1920 г. в Сибири были проведены выборы в советы. Для их проведения потребовалась многомесячная подготовка, в ходе которой большевики смогли отстранить от выборов все или почти все другие политические партии. К этому времени прекратился выход печатных изданий всех оппозиционных партий в связи с их запрещением.

Большевизация Сибири оказалась делом далеко не простым. Несколько легче это происходило в районах, где были расположены части Красной армии, которые в силу слабости сибирского пролетариата и разнородности крестьянства явились носителями и распространителями коммунистических идей. Но чем дальше от Транссибирской магистрали, тем сложнее было большевикам завоевывать и укреплять свои позиции. Коренное население не спешило «бросаться в объятия» новой власти, предпочитая традиционную осторожность и осмотрительность. Лишь крестьяне-переселенцы в отдельных уездах Алтайской и Енисейской губерний практически сразу выступили в поддержку большевиков, возможно, надеясь на укрепление своих позиций в борьбе за землю и её передел.

В этих условиях «политические оппоненты» развернули подпольную деятельность, стараясь найти союзников среди сибирских крестьян, недовольных политикой «военного коммунизма». Так, в апреле 1920 г. в Томске в ходе случайного обыска была задержана группа эсеров, у одного из которых обнаружена записка, – тезисы проведенной накануне конференции членов ПСР: «1. Военно-партийная диктатура нынешней советской власти по-прежнему является неприемлемой и... не может быть долговременной и прочной, так как не способствует интересам и правосознанию масс.

2. От саботажа и вооруженной борьбы с советской властью в Сибири приходится отказаться, не предпринимая дальнейшего поведения.

³ Бондаренко А.А. Разгром колчаковщины и самоликвидация левоэсеровских организаций в Сибири // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока... С. 71–72.

3. Необходимо работать в советских органах, стараясь корректировать вредные для населения мероприятия, всячески сохраняя связь с населением.

4. Группа должна оставаться **немногочисленной и конспиративной** (выделено мною. – В.У.) до получения определенных указаний из центра»⁴.

И эти указания последовали. Уже летом 1920 г. в Омске начал свою деятельность созданный в соответствии с решениями ЦК партии эсеров Сибирский крестьянский союз (СКС), ставивший основной задачей повсеместную подготовку к вооруженному восстанию. Выполняя указания ЦК партии, эсеровские организации приступили к созданию во всех сибирских губерниях организаций подпольного СКС. Организаторами «Союза» были достаточно известные деятели ПСР Юдин, Тягунов, Тяпкин, а также народные социалисты Игнатъев, Савченко и Меринов. Организация имела четкую вертикально выстроенную структуру, свою деятельность строила на конспиративной основе и главной целью ставила свержение советской власти. Наиболее активно работа по созданию низовых ячеек СКС велась в Алтайской губернии, где вдохновителем этой работы являлся инструктор «Сибкредитсоюза» В.И. Игнатъев, бывший губкомиссар, в ведении которого находились военные и гражданская милиция, при так называемом Северном правительстве, сформированном в 1918 г. в Архангельске и состоявшем в основном из меньшевиков и эсеров⁵. К маю 1920 г. на Алтае насчитывалось до 400 низовых подпольных ячеек СКС⁶.

Активная работа велась в частях Красной армии, в частности, в Новониколаевске законспирированные ячейки были выявлены в 46-м полку и прикомандированном к нему лыжном батальоне. Сибирским крестьянским союзом были установлены тесные связи с белогвардейскими организациями на территории Сибири – с омской организацией во главе со штабс-капитаном Густомесовым, с Красноярским белогвардейским подпольем, объединение с которым местного филиала Союза привело к образованию Комитета красноярской организации объединенных. В военный отдел созданного Комитета вошли 89 бывших офицеров. Аналогичная организация возникла и в Новониколаевске. Названные организации создавали тайные склады с оружием, формировали боевые отряды и подпольные группы⁷.

За полтора месяца до намеченного всеобщего выступления в СКС произошли провалы в ряде низовых ячеек. В середине декабря 1920 г. Барнаульским отделением РТЧК был арестован Игнатъев, раскрыты некоторые ячейки Союза в Ишимском и Славгородском уездах. В ходе следствия удалось вскрыть организационную структуру и руководящие звенья Сибирского крестьянского союза, выявить его руководи-

⁴ Из истории земли томской. 1917–1921 гг. ... С. 78–79.

⁵ Игнатъев В.И. – член ЦК партии народных социалистов, председатель Петроградского комитета. В бытность губернского комиссара в Архангельске, был председателем Северного областного отдела Союза возрождения (См.: Воспоминания В.И. Игнатъева // Красная книга ВЧК. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1989. Т. 2. С. 94–131).

⁶ Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения... С. 47–48; Призвание – Родине служить!.. С. 24–25.

⁷ Призвание – Родине служить!.. С. 26.

лей и активных участников. Накануне намеченного на 8 февраля 1921 г. выступления чекистами были проведены аресты участников СКС в Омске, Новониколаевске, Томске, Барнауле и других городах и населенных пунктах Сибири. Так, на Алтае было арестовано более 700 чел., которые с учетом социально-классового состава были разделены на подгруппы: первая подгруппа – офицеры, вторая – интеллигенция, третья – кулаки грамотные, сознательные, четвертая – кулаки неграмотные, пятая – рабочие и крестьяне (середняки и бедняки) грамотные и шестая – рабочие и крестьяне (середняки и бедняки) неграмотные. По приговору отнесенные к 4–6-й группам были освобождены (180 чел.) либо осуждены к 1 году лишения свободы условно (310 чел.). Семьдесят организаторов и наиболее активных участников осуждены к ВМН – расстрелу, двенадцать – к 5, девятнадцать – к 3, шестьдесят три – к 2 годам лишения свободы, еще шестьдесят семь – к 1 году лишения свободы⁸.

Аресты практически обезглавили организацию, но полностью не могли предотвратить «кулацкие» мятежи и восстания, проходившие под лозунгами «Советы без коммунистов» и «Власть советам, а не партиям».

В конце 1920-го – первой половине 1921-го года, по неполным данным Ю. Щетинова, в губернских городах России действовало 17 организаций РСДРП, 23 – ПСР, 8 – ПЛСР и 21 группа анархистов; в уездных городах и иных населенных пунктах – соответственно 11, 19, 16 и 22 организации и группы⁹.

Начало 1921 г. ознаменовалось очередным ударом по организациям эсеров и меньшевиков, чему способствовало очередное решение Политбюро РКП(б). В соответствии с этим решением руководство ВЧК издало приказ № 52 от 28 февраля 1921 г. с грифом «Совершенно секретно», гласивший, что эсеры и меньшевики, используя недовольство рабочих тяжелыми условиями жизни, пытаются организовать массовое забастовочное движение в масштабах страны. По этой причине всем губернским ЧК предлагалось обеспечить разгром организации эсеров и меньшевиков, для чего изъять всех анархистов, эсеров и меньшевиков из интеллигенции, в частности из служащих в земельных отделах, продовольственных органах и распределительных учреждениях, а также изъять эсеров и меньшевиков, работавших на заводах и активно призывавших к забастовкам,

⁸ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 1. С. 21. Новосибирский исследователь А. Тепляков полагает, что практически все «заговоры» в Сибири были спровоцированы сотрудниками ЧК и не имели под собой основы. Так, он пишет о деле СКС: «Коллегия губчека, рассматривая дела большинства «заговорщиков», из-за крайней слабости улик была вынуждена штамповать по преимуществу легкие приговоры. **Около 500 арестованных, среди которых был заметный процент сексотов,** оказались к июню 1921 г. на свободе». См.: Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»... С. 142. Подобное заявление голословно. Если уж автор дает анализ многотомного дела СКС, то следовало проработать этот вопрос глубже и конкретизировать заявленные им данные. Сомнительно, что секретными сотрудниками у чекистов были малограмотные и неграмотные крестьяне и рабочие, не имевшие, как это принято говорить у профессионалов, «оперативных возможностей». Более того, тема СКС рассматривалась многими сибирскими историками, но к единому обоснованному выводу о возможной фальсификации материалов дела они не пришли. Мною также разделяется позиция тех, кто считает, что хотя чекисты и преувеличили масштаб дела, организация все-таки действительно существовала и вела противосоветскую деятельность.

⁹ Щетинов Ю.А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции... С. 40.

выступлениям и демонстрациям. Рекомендовалось аресты рабочих проводить с осторожностью и только при наличии конкретных данных об их контрреволюционной деятельности, согласовывая эти аресты с партийными комитетами. Приказ также предусматривал ряд совместных мероприятий с партийными и советскими органами, направленных на предупреждение возможных массовых форм протеста.

Кронштадтский мятеж в марте 1921 г. позволил ВЧК реализовать этот приказ на практике, организовав массовые изъятия и ликвидации эсеровских и меньшевистских организаций в стране. 23 июня 1921 г. ВЦИК издал декрет, в соответствии с которым органы ВЧК получили право лишать социалистов свободы сроком до 2 лет без направления дела в суд только по признаку принадлежности к какой-либо социалистической партии. Число одних только меньшевиков, сосланных по этому декрету, составило более 550 чел.¹⁰

Многочисленные антибольшевистские и антикоммунистические выступления в стране в начале 1921 г. показали «победителям», что значительная часть населения страны не поддерживает их и не готова жить обещаниями, перспективы исполнения которых очень проблематичны и сомнительны. Гражданская война к тому же показала, что новая власть может быть не только жесткой, но и жестокой, а проводимые ею мероприятия непопулярны. Обыватель ко всему этому оказался не готов.

Большевистское руководство понимало, что в этих условиях отдельные партии могут претендовать на определенный реванш. Наиболее серьезной силой большевики считали эсеров. В начале 1921 г. руководители ВЧК направили на места циркуляр, в котором, в частности, отмечалось, что «среди всех контрреволюционных партий, вступивших в борьбу с диктатурой рабочего класса, партия социалистов-революционеров является самой опасной как потому, что она имеет среди них наибольшую надежду вернуться к власти, так и в особенности потому, что она стремится опереться на самый многочисленный класс русского населения, крестьянство...»¹¹.

В августе 1921 г. X Совет партии эсеров, отмежевавшись от меньшевиков, надеявшихся на реформирование власти большевиков и сотрудничество с этой властью, в резолюции по текущему моменту, разбирая новую экономическую политику советской власти, отмечал, что большевики с целью удержания власти прибегли к союзу с хищнической буржуазией против интересов трудящихся масс: «В порядке дня ставится вопрос о революционном свержении диктатуры коммунистической партии. Настоящая политика партии с-р должна сводиться к накоплению сил и организации масс в многочисленные отряды. Восстания терпят неудачу вследствие неорганизованности и политической незрелости масс – на эту сторону с-р должны обратить внимание, используя для этого все возможности легальной работы»¹². Такой посыл

¹⁰ Викторов Б.А. Без грифа «Секретно»... М., 1990. С. 43.

¹¹ См.: Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1923–1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 151.

¹² Информационное письмо № 2 Сиббюро ЦК РКП (б) – март 1922 г. См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 155. Л. 4 об; Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 – 1927 г.). Томск, 1969. С. 93–94.

иначе как призывом к подготовке вооруженного выступления против советской власти рассматривать нельзя.

Руководящим органом ПСР стало Центральное бюро партии, а на местах – региональные бюро. В Сибири таким руководящим органом было Сиббюро крайкома ПСР. Преобладающей формой деятельности партии стала нелегальная. После перехода к нэпу эсеры в Сибири жили активной политической жизнью – имели выстроенную вертикаль управления, регулярно проводили рабочие встречи, совещания, советы и иные заседания, поддерживая прочные связи с эсеровскими организациями в других регионах страны.

В конце 1921 г. Сибирское бюро краевого комитета ПСР обратилось ко всем своим партийным организациям с директивным письмом, в котором ставились задачи деятельности на перспективу. Сиббюро подтвердило установки X Совета партии, назвав среди первоочередных задач проведение большой предварительной идейной и организационной работы по охвату масс; на следующем этапе – собрание вооруженных сил во всероссийском масштабе; запрещение собрания сил в данный момент; в случае невозможности предотвращения выступлений крестьян не допускать захвата руководства этими выступлениями чуждым элементом, т.е. брать руководство в свои руки¹³. Этот далеко не полный перечень поставленных перед организациями партии на местах задач однозначно говорит о намерении активной борьбы за власть с большевиками. Однако удар по партии был нанесен серьезный, и в условиях продолжавшегося давления и преследования со стороны органов ВЧК решение этих задач было крайне затруднительным, практически нереальным.

Уполномоченный по политическим партиям Иркутской губчека в докладе «О состоянии политических партий в губернии» в сентябре 1921 г. писал, что «наиболее многочисленной и опасной по местным условиям партией является партия эс-эров. По данным ведущегося в Губчека учета по Иркутской губ., эс-эров насчитывается свыше 500 человек, причем эта цифра далеко не полная, т.к. учет проведен только в некоторых пунктах губернии и главным образом в самом Иркутске, на каковой и падает главная количественная тяжесть скоплений эс-эров... Правая часть эс-эров... безусловно точно и неуклонно придерживается указаний своего ЦК, с которым имеет довольно прочную связь. Постановления последнего о вооруженной борьбе против Советвласти у местных эс-эров находят весьма горячий отклик, и только ряд многочисленных объективных условий не дает им возможности достигнуть более или менее значительного успеха в своих стремлениях»¹⁴.

Во второй половине 1921 г. органами ВЧК практически повсеместно начали проводиться аресты эсеров. Это стало возможным, как указал Д. Волкогонов со ссылкой на российские архивы, в связи с реализацией указания В. Ленина. И. Уншлихт в

¹³ Информационно-политическое письмо № 3 Сиббюро ЦК РКП(б) от 5 января 1922 г. См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 157. Л. 30; Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов (1921–1923 гг.). Новосибирск, 1993. С. 9–10; Он же. Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к нэпу. Новосибирск, 1995. С. 30.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 142. Л. 61–61 об.

июле 1921 г. докладывал на политбюро РКП: «...в первую очередь ВЧК предлагает продолжать свою систематическую работу по разрушению организационного аппарата партий эсеров и меньшевиков, вылавливать как отдельных подпольных работников, так и руководителей организаций. Необходимо провести массовые операции по указанным партиям в государственном масштабе...»¹⁵.

В Сибири аресты начались уже в конце лета. Так, в августе – сентябре 1921 г. были проведены аресты активной части эсеров и главных руководителей (до 15 чел.) в Иркутске, что заставило руководителей партийных организаций заметно снизить активность¹⁶. В сентябре – октябре – арест группы эсеров в Томске, в ночь на 7 ноября – аресты активных эсеров в Кольчугино, Барнауле, Новониколаевске и Тайге. В декабре по поручению Енисейского губкома РКП(б) аресту были подвергнуты 27 чел.¹⁷ В Новониколаевске на конец года содержались под стражей не менее восьми видных деятелей партии эсеров, в том числе члены ЦК П.Я. Герштейн и Ф.Ф. Федорович¹⁸.

Весной 1922 г. аресты членов ПСР были продолжены во всероссийском масштабе. В Сибири разгрому подверглась омская организация, где число арестованных превысило 60 чел. Омское губернское бюро и горком ПСР прекратили свою деятельность. Обыски и аресты активных членов партии в апреле 1922 г. были проведены во всех городах Сибири¹⁹.

В информационном письме Сиббюро ЦК РКП(б) в марте 1922 г. отмечалось, что все активные эсеры Сибири изъяты и содержатся в тюрьмах²⁰.

В конце 1921 г. в Сиббюро ЦК РКП(б) и Представительство ВЧК по Сибири обратились с заявлением руководителя Крестьянского союза в Сибири: Юдин, Игнатьев, Меринов, Дьяконов и др., находившиеся уже длительное время под арестом:

¹⁵ Волкогонов Д.А. Семь вождей : в 2 кн. М., 1996. Кн. 1. С. 129–130.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 142. Л. 61 об.

¹⁷ Согласно приказу ВЧК № 216 губернские органы ЧК должны были информировать о подобных арестах партийные органы на местах. В ЦДНИ ТО хранятся меморандумы Томской губЧК, в частности № 7, 9, 10 от 31 октября 1921 г., в которых содержится информация об аресте 13 эсеров, 8 меньшевиков и 21 кадета, в том числе видных меньшевиков: Б.В. Тихомирова – бывшего члена городской управы и президиума губкома, А.П. Новицкого – бывшего кандидата в депутаты Государственной думы, В.Е. Воложанина – бывшего редактора газеты «Утро Сибири» и др. По всем этим группам велась следственная разработка, внутреннее наблюдение для установления всех связей. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 321–322 об.; Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири: от распада к самоликвидации. Новосибирск, 1997. С. 22–23. Автор указал, что в сентябре в Томске была арестована группа, в которую входили студенты медицинского института и ответственные сотрудники Губсоюза кооперации. Что касается первого ареста, то он частично подтверждается материалами архива УФСБ РФ по Томской области – арестом Р.А. Блох (Боль людская... Т. 4. С. 52). Арест Тихомирова и других, названных Добровольским, произошел не в 1921, а в 1922 г. См.: Боль людская. Т. 4. С. 286, 218. Скорее всего, в 1921 г. проводилось задержание превентивного характера, а не арест.

¹⁸ Папков С.А. «Ликвидация» организации эсеров в Новониколаевске в 1933 г. // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. С. 351.

¹⁹ Было арестовано 34 чел., следствие по ним было закончено, вина доказана и материалы находились на санкции ГПУ в Москве. См.: Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов... С. 23.

²⁰ Информационное письмо № 2 Сиббюро ЦК РКП(б) – март 1922 г. // ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 155. Л. 5; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 1. С. 21.

«После новых декретов власти – отмена разверстки, признание права крестьянина на свой труд, допущение свободного товарообмена, опора на места не на бесхозные элементы деревни, а на крестьянина-средняка, восстановление сельскохозяйственной кооперации, изменение промышленной политики – мы считали и считаем, что и в наших основных положениях в отношении к экономической политике, в частности крестьянства, у нас с советской властью существенных разногласий нет и что трудовое крестьянство в результате этих новых мероприятий власти получает возможность осуществлять свои классовые интересы. Отсюда мы делаем один возможный вывод – для отстаивания его классовых интересов создаются легальные формы и, следовательно, должны исчезнуть у крестьянства стимулы к вооруженной борьбе с властью во имя этих интересов, должно прекратиться перманентное взаимоотношение крестьянства и власти как двух борющихся сторон, должно прекратиться состояние перманентной гражданской войны, т.к. в дальнейшем взятый властью новый курс, последовательно ею проводимый по отношению к крестьянству, ведет к дальнейшему укреплению его участия и увеличения его значения в жизни страны»²¹.

Высказанная авторами письма просьба об освобождении из-под стражи понимания у сибирского руководства не нашла. Констатируя несомненное разложение, внесенное в среду лидеров Крестьянского союза, Сиббюро ЦК РКП(б) 21 ноября 1921 г. на закрытом заседании «...признало преждевременным освобождение их из тюрьмы – в условиях новой экономической политики от них мы можем ожидать всего, чего угодно, но только не помощи и не пользы»²².

Ранее, в соответствии с указаниями партийных и чекистских органов, все члены официально запрещенных партий и движений были взяты на учет в органах ВЧК. Так, например, в Томске на 1 сентября 1921 г. были учтены 175 эсеров, 31 меньшевик, 58 кадетов и 5 анархистов²³, по Иркутской губернии – свыше 500 эсеров и 300 меньшевиков, на Алтае – 127 эсеров, в том числе 58 правых и 69 левых²⁴. Учеты эти постоянно корректировались и обновлялись, так как ни один из потенциальных противников не должен был выпасть из поля зрения органов защиты завоеваний революции.

В 1921 г. была проведена чистка РКП(б), одна из её задач – очищение партии от бывших идейно-политических противников. В газете «Правда» 20 сентября 1921 г. была опубликована статья Ленина «О чистке партии», в которой, в частности, говорилось, что из меньшевиков, вступивших в партию позже начала 1918 г., надо бы оставить в партии не более одной сотой доли, да и то проверив каждого оставляемого трижды и четырежды.

²¹ Информационное письмо № 2 Сиббюро ЦК РКП(б) – март 1922 г. // ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 155. Л. 5.

²² Там же.

²³ Томская область: Исторический очерк... С. 291. По данным запроса ТомгубЧК в губком РКП(б) от 14 октября 1921 г., в Томской губернии на учете состояло 280 эсеров, 40 меньшевиков, 65 кадетов и 6 анархистов. Одновременно с этим был организован учет бывших членов ПСР, «как правых, так и левых, состоявших членами РКП, с указанием места их службы или адреса». ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 65; Д. 59. Л. 128.

²⁴ Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к нэпу... С. 28.

В Сибири партийные организации «очистились» от 230 выходцев из других партий, в том числе от 72 меньшевиков, 64 левых и 50 правых эсеров, 12 анархистов и т.д. В их числе – редактор меньшевистской газеты при Колчаке Жабров, участник левозеро-вского мятежа в 1918 г. в Москве, эсер с 18-летним стажем Паскевич и др.²⁵ В стране число «вычищенных» по этому признаку превысило 6 тыс. чел.

Сложившуюся в стране к весне 1922 г. ситуацию К. Морозов охарактеризовал следующим образом: «Рост эсеровской партии... несмотря на волны непрекращающихся в течение нескольких лет арестов, пугал власти, являясь весьма тревожным для неё признаком. Они (власти. – В.У.) пытались переломить ситуацию беспрецедентными полицейскими мерами (включавшими в себя не только слежку, волны арестов и т.п., но и усиление агентурно-осведомительной деятельности в эсеровской среде). О росте партии и о реакции на это властей сообщалось в перехваченном чекистами письме члена ЦК ПСР «Люсьмарина» (Г.К. Петровского) в Заграничную делегацию: “Сейчас наша работа протекает в условиях самой ужасной обстановки, которую вы не можете себе представить, живя вне пределов Совдепии. В связи с процессом наших товарищей и ростом нашей партии, ростом, которого не могут не замечать чекисты, последние бросили всех своих ищеек, всех больших и малых шпиков и провокаторов на изловление ЦБ, наперекор всем стихиям существующего где-то неподалеку. За всеми товарищами – бывшими, настоящими, не ошибусь, если скажу, пожалуй, и будущими, идет отчаянная слежка, отвратительная по своей неуклюжести и нахальству. Никто из нас легальных, и полулегальных, и нелегальных, вставая утром, идя по улице, находясь на службе, или ночью, ложась спать, не уверен, что он не очутится в Чека, хотя с последней снята красная помпезная вывеска...”²⁶.

Подтверждением слов об усилении чекистами оперативной работы среди членов ПСР может служить и уже упоминавшееся директивное письмо Сиббюро краевого комитета ПСР, в котором, в частности, признавалась нецелесообразность создания [на конец 1921 г.] организаций Крестьянского союза по причине «проникновения туда чекистов»²⁷.

Приведенные оценки сложившейся ситуации свидетельствовали о том, что коммунистическое руководство действительно начало активные действия по подавлению идейных противников. У большевиков появилась возможность уничтожить последние очаги сопротивления своих политических оппонентов, чему способствовала достаточно продуманная тактика борьбы со стороны РКП(б). К этому времени с явными сторонниками царизма и буржуазии было покончено и нельзя было допустить смычки народа, недовольного экономической и политической ситуацией в стране, с остатками политической оппозиции, которую, в первую очередь, представляли эсеры – более активные, популярные и непримиримые, чем остальные. Позиции больше-

²⁵ Демидов В.В. Укрепление сибирской партийной организации в ходе чистки РКП(б) в 1921 г. // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока... С. 96.

²⁶ Указ. соч. С. 154.

²⁷ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 157. Л. 30.

виков становились все прочнее, и потребность в союзниках, в качестве каковых чаще всего выступали левые эсеры, отпала. Непопулярность полицейских мер подавления какого-либо сопротивления, вне зависимости от их объема и характера, потребовала от большевистского руководства поиска новых путей борьбы с идейными оппонентами, главной целью которых должна была стать дискредитация ПСР в глазах разных слоев и социальных групп населения. Такой формой дискредитации, а по сути – расправы, был избран судебный процесс, на который в качестве обвиняемых были выведены 34 видных представителя ПСР, им инкриминировалась террористическая и иная подрывная антисоветская деятельность. Главной целью процесса являлось донесение до общественности, в том числе и мировой, «контрреволюционной» сути одной из наиболее популярных в недалеком прошлом партий в России.

Нужное большевикам общественное мнение начало формироваться еще до начала процесса. Так, в конце февраля – начале марта 1922 г. во всех крупных центральных и региональных газетах было опубликовано сообщение ГПУ о контрреволюционной и террористической деятельности эсеров: «...в распоряжение ГПУ в последнее время поступил ряд важных и ценных материалов, подтверждающих имевшиеся давно сведения о террористической и боевой деятельности партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] в годы Гражданской войны. За границей на днях опубликована брошюра Г. Семёнова (Васильева), бывшего начальника центрального летучего боевого отряда п[артии] с.-р. и руководителя террористической группы, организовавшей покушение на советских вождей, в частности на тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева, Володарского, Урицкого, и ряд экспроприаций. В этой брошюре, вышедшей под названием «Военная и боевая работа п. с.-р. в 1917–1918 гг.», сделаны обширные разоблачения о деятельности роли п. с.-р. в Гражданской войне и её методах борьбы с соввластью. Показания одного из бывших крупных деятелей п. с.-р. Лидии Коноплёвой подтверждают данные брошюры Семёнова.

Ввиду того, что имеющиеся в распоряжении Государственного Политического Управления материалы с несомненностью устанавливают преступления п. с.-р. пред пролетарской революцией, центральный комитет этой партии и ряд её активных деятелей предаются суду Верховного Революционного Трибунала.

Гос. Полит. Управление призывает гражданина Семёнова (Васильева) и всех с.-р., причастных к деяниям этой партии, не понявших её преступные контрреволюционные методы борьбы, явиться на суд над партией социалистов-революционеров»²⁸.

Появление этого сообщения можно, видимо, рассматривать как определенную точку отсчета начала массовой агитационно-пропагандистской кампании против партии эсеров. А. Добровольский привел значительное число примеров и фактов, доказывающих целенаправленность кампании по доведению её до максимального напряжения ко времени начала процесса. Отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б) в апреле – мае 1922 г. были выпущены: 10 тыс. экз. тезисов А.В. Луначарского «К процессу правых эсеров», 20 тыс. экз. брошюры И. Вардина «Эсеровские убийцы и соци-

²⁸ Красный Алтай. 1922. 18 марта.

ал-демократические адвокаты», 25 тыс. экз. брошюры Ю. Стеклова «Партия социалистов-революционеров», более 40 тыс. листовок о жертвах эсеровского террора – В. Володарском и М. Урицком.

Массовыми тиражами издавались листовки и обращения в Сибири. Так, в Омской губернии была распространена тиражом более 10 тыс. экз. листовка губкома РКП(б) «Почему судят эсеров?», в которой рассказывалось о прошлом партии, её руководителей и выдвинутых обвинениях. Такого же характера (по информационному наполнению) были листовки Томского и Енисейского губкомов РКП(б). Повсеместно распространялись воззвания Исполкома Коминтерна «О процессе так называемых социалистов-революционеров» и «К суду над эсерами».

Особое место отводилось периодической печати. Тон кампании задавали центральные газеты. Только в газете «Правда» за март – май 1922 г. было опубликовано 64 материала об эсерах (11, 4 и 49 в месяц соответственно), 9 из которых были посвящены деятельности эсеров в Сибири. Практически все из них раскрывали роль ПСР в организации антибольшевистских восстаний в Сибири. В газете «Известия» до начала московского процесса появилось 67 различных материалов о ПСР. Только за последнюю декаду мая «Правда» и «Известия» посвятили эсерам 44 и 41 материал соответственно.

Для региональных изданий в Агитпропе ЦК РКП(б) готовились материалы специально. С марта по июнь 1922 г. «Советская Сибирь» опубликовала 12 таких статей, «Красный Алтай» – 9, «Красное знамя» – 10, «Власть труда» – 17, «Красноярский рабочий» – 9. Кроме этих публикаций, все газеты перепечатывали многие материалы из центральных газет²⁹.

Кроме того, ЦК РКП(б) рекомендовал всем губернским комитетам организовать на местах широкомасштабную пропагандистскую кампанию по разоблачению эсеров как врагов советской власти и пособников международного капитала. Выполняя это решение, губернские комитеты РКП(б) организовали массовые митинги и демонстрации антиэсеровской направленности. В коллективах предприятий и учреждений читались лекции, организовывались выставки, проводились открытые собрания партячек и т.п.

В Красноярске в мае 1922 г. в соответствии с указаниями Енисейского губкома РКП(б) собрания с докладами о партии эсеров прошли во всех партийных ячейках. В июне на предприятиях и в учреждениях города прошли 36 собраний, о десяти из них отчеты были помещены на страницах «Красноярского рабочего».

В Барнауле были проведены общегородское и гарнизонное собрания членов и кандидатов в члены РКП(б). Подобные мероприятия прошли и в других городах и крупных населенных пунктах Сибири³⁰.

Число участников антиэсеровских митингов исчислялось десятками и сотнями тысяч: в Москве – до 300 тыс. чел., в Петрограде – 200 тыс., в Харькове – 120 тыс., в

²⁹ Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов... С. 24–25.

³⁰ Там же. С. 27.

Донбассе – 55 тыс., в Новониколаевске – более 10 тыс. чел. Томская газета «Красное знамя» 2 июня 1922 г. объединила материалы под рубрикой «Предателям и убийцам не должно быть пощады» с рассказом о митингах в Мариинске, Боготоле, Анжерке, Кольчугино, в которых участвовали несколько тысяч человек. Практически повсеместно принимались резолюции о применении сурового наказания к представителям партии эсеров. Так, 9 июня на общегородском митинге в Томске была принята резолюция о применении к эсерам высшей меры наказания³¹.

В Омской губернии митинги были организованы с еще большим размахом. По данным губкома РКП(б), на 15 июня было проведено 64 митинга, в которых участвовали более 30 тыс. чел., при этом еще о 29 проведенных мероприятиях информации не было. На страницах «Советской Сибири» опубликованы резолюции всех 9 митингов, прошедших в сельской местности губернии и осудивших деятельность ПСР в прошлом и настоящем.

Наименее активной эта кампания была в Иркутской губернии, где основные мероприятия прошли до начала процесса. Губернская газета разместила на своих страницах всего 5 материалов, посвященных этой теме. Слабая агитационно-пропагандистская работа послужила поводом для критики иркутских губернских руководителей на совещании секретарей губкомов РКП(б) Сибири 11–20 июня 1922 г.³²

Особое место отводилось органам ГПУ. На них был возложен контроль за недопущением каких-либо эксцессов в связи с процессом над членами ПСР. Чекисты дежурили на всех массовых мероприятиях, имевших отношение к судебному процессу. «Дежурные» должны были выявлять всех «противников» мероприятий, в том числе и суда. В помощь чекистам делегировали отдельных проверенных представителей партийных организаций. По итогам «дежурств» составлялись мотивированные рапорты с указанием всего «интересного» для органов. Сводная информация передавалась в партийные органы для дальнейшего использования в работе. Апробация прошла успешно, и в последующие годы эта форма работы стала постоянной и обязательной; в бывших партийных архивах КПСС хранятся многие тысячи докладов и справок чекистов о тех или иных общественно-политических мероприятиях.

Планируемые результаты кампании были достигнуты. Судебный процесс над 34 видными деятелями партии социалистов-революционеров и приговор были восприняты населением страны как закономерный итог «враждебной» деятельности эсеров, суровость приговора никого не удивила, иного и не ждали³³. Срежиссированный

³¹ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 424. Л. 1; Яковлев Я.А. Дмитрий Дмитриевич Донской. Томск, 2000. С. 354.

³² Добровольский А.В. Указ соч. С. 28–29.

³³ В соответствии с намерениями высшего партийного руководства страны первоначально планировалось привлечение к ответственности 43 членов ЦК ПСР и 140 активных членов партии за участие в организации вооруженного сопротивления советской власти, терроре и экспроприациях. Но первоначальный список претерпел изменения. Всего в ходе предварительного следствия обвинение было предъявлено 177 чел., 97 из которых к суду привлекать не собирались. Из планируемых на процесс 183 чел. обвинение было предъявлено 105 (25 и 80 соответственно). Кем была решена судьба других, не известно, но на скамье под-

политический спектакль завершился в Москве, но в поступившей на места директиве ГПУ от 11 августа 1922 г. (практически сразу после вынесения приговора) предписывалось всем губернским отделам ГПУ при наличии «достаточных обвинений» передавать дела на активных эсеров в ревтрибуналы, «а остальных подготовить к ссылке...»³⁴. На местах начались аресты. В августе и сентябре 1922 г. были арестованы 17 представителей партии социалистов-революционеров в Алтайской губернии.

В Новониколаевске аресты членов Новониколаевского губкома ПСР и активистов организации были проведены в ночь на 24 августа 1922 г. Никто из членов группы в ходе следствия виновным себя не признал. Следствие по делу завершилось осуждением Н.С. Дерковской, С.К. Тарабукина, И.В. Севастьянова и С.Г. Пузырёва, которые по решению Комиссии НКВД по административным высылкам от 13 июля 1923 г. были заключены в Соловецкий концлагерь сроком на три года. По завершении срока трое последних в 1926 г. были высланы на 3 года в Северо-Двинскую (двое) и Коми область соответственно. Дерковская Н.С. выслана в Киркрай на тот же срок еще в 1925 г., поскольку имела грудного ребенка³⁵.

Об инструктаже уездных уполномоченных начальником Алтайского губотдела ОГПУ исследователь темы Д. Павлов писал: «Органам ГПУ в настоящее время поставлена боевая задача разгромить партию социалистов-революционеров и тем самым вывести из строя одного из самых сильных врагов из рядов сплоченной контрреволюции... Во исполнение этой задачи губотделом и Вами... проведены массовые обыски и аресты эсеров с целью изъять и изолировать в губернском масштабе активных эсеров». Подобные операции по указанию Секретного отдела ГПУ проводились раз в 2–3 недели до конца 1922 г.³⁶

Следует отметить, что коммунисты-руководители на местах еще не успели «очерстветь душой» к бывшим соратникам по борьбе с самодержавием. Так, например, на закрытом заседании президиума Томского губкома РКП 14 октября 1922 г. был рассмотрен вопрос «Об арестах меньшевиков, эсеров и сионистов». В постановлении за подписью секретаря губкома Строганова было записано: «1. Предложить [председателю губЧК] тов. Беляеву сделать доклад об арестованных, наметив лиц, коих возможно будет освободить к Октябрьскому празднику. 2. Признать необходимым улучшить положение упомянутых арестованных»³⁷.

судимых оказались 34 чел. В московских тюрьмах на 1 апреля 1923 г. содержались 118 членов ПСР, еще 40 эсеров находились в ссылке под гласным надзором губернских органов ГПУ.

В отношении 12 чел. дело было прекращено за смертью обвиняемых, 42 дела были выделены в отношении лиц, находившихся за границей. 51 дело выделялось в связи с нерозыском обвиняемых, т.е. 83 чел. оказались недоступны власти.

³⁴ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 1. С. 21.

³⁵ Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. 2005. Вып. 1. С. 353–357.

³⁶ Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – сер. 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999. С. 82–83.

³⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 23.

Документ вызывает недоумение. Вне всякого сомнения, аресты членов названных партий проводились чекистами на местах по прямым указаниям вышестоящих чекистских органов с обязательным согласованием кандидатур с партийными органами, что наверняка было сделано. Но был ли смысл в арестах, если практически одновременно с их проведением ставился вопрос о возможности освобождения арестованных по амнистии?

С другой стороны, о каком улучшении положения «врагов» (и за счет чего) могла идти речь, если партийно-советские органы прекрасно знали о сложнейшей обстановке в местах заключения? Чрезмерное их переполнение, отсутствие средств на содержание, катастрофическая нехватка продуктов питания, медикаментов, постельных и столовых принадлежностей, предметов одежды, когда на содержащихся под стражей использовали вещи ранее умерших, и т.п. – все это характерные явления для большинства мест заключения после передачи их в августе 1922 г. в ведение местных бюджетов³⁸. Тем не менее вопрос рассматривался, и решение было принято.

Борьба с политическими оппонентами проходила под лозунгом выявления и разоблачения скрытых врагов советской власти, проникших в советские, хозяйственные и научные организации и учреждения для «продолжения подрывной работы изнутри» и противодействия становлению и укреплению советской власти.

Одним из таких «подрывников изнутри» в Томске стал В.И. Анучин, бывший член партии эсеров, видный областник. В 1920 г. Анучин в числе других членов ПСР, среди которых были участники подпольной офицерской организации Гавриловича, был арестован и приговорен к расстрелу, но по указанию ВЧК освобожден.

В марте 1922 г. полномочный представитель ГПУ по Сибири И. Павлуновский направил в Томский губотдел ГПУ телеграмму о недопустимости «...действия губотдела ГПУ в связи с докладом Анучина и публичными диспутами. На каком основании губотдел ГПУ ведет собственную линию доморощенного либерализма, допуская публичные противосоветские выступления Анучина и диспуты по ним...»³⁹. В телеграмме полномочного представителя ГПУ шла речь о трехчасовом выступлении Анучина в начале марта с публичным докладом на тему «Международное положение Сибири в связи с Вашингтонской конференцией», которое он завершил призывом к свержению «цепляющихся за власть коммунистов»⁴⁰ и провозглашению автономной Республики Сибирь. Подобный окрик высокого начальства не остался без внимания, и Анучин был взят в оперативную разработку. В сентябре 1922 г. последовал арест, официальной причиной которого послужили пропагандируемые Анучиным идеи Сибирской автономии и критика советской власти. Авторитет Анучина был столь «высоким», что барон Унгерн в своем письме, хранящемся в архивно-следственном деле в Управле-

³⁸ Подробнее см.: Уйманов В.Н. Пенитенциарная система...

³⁹ Из истории земли томской. 1921–1924... С. 267.

⁴⁰ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13031. С. 58. Каких-либо иных материалов, свидетельствующих о переписке Анучина с бароном Унгерном, в архивно-следственном деле не обнаружено. Вопрос о подлинности письма не рассматривался, так как следователю наличие такого документа было только «на руку» – налицо связь с ярым врагом советской власти.

нии ФСБ РФ по Томской области, писал ему: «...все наши руководители порешили единогласно:

1. Просить Вас, Василий Иванович, во имя нашей многократно проявленной любви к Родине, во имя тех страданий, которые Вы претерпели ради этой любви, просить Вас принять на себя тягостное бремя управления Сибирью на первое время. Форма правления, состав правительства и персональное приглашение представляются на полное Ваше усмотрение.

2. Просим Вас учесть страстное желание видеть Вас и Президентом Республики Сибирь, или Председателем Совета Министров, в зависимости от Конституции»⁴¹.

Руководитель Федеральной архивной службы России член-корреспондент РАН В.П. Козлов, со ссылкой на РГАСПИ, привел ответ Анучина Унгерну: «Оставаясь при мысли, что применением насилия можно породить только новое насилие, что штыком и пулеметом можно только разрушать, но не создавать, я, естественно, не могу разделять надежд на вооруженное восстание, хотя бы и успешное.

По существу переданного Вами предложения я считаю долгом дать категорический ответ и сообщить, что абсолютно не пригоден на предлагаемую роль и отказываюсь от неё – по той причине, что я совершенно отошел от политической деятельности с намерением никогда к ней не возвращаться»⁴².

Копии названных писем были по распоряжению Ф. Держинского направлены всем членам ЦК ВКП(б) и В. Ленину, на знакомство с которым Анучин ссылался.

Будучи арестованным в сентябре 1922 г. и находясь под следствием, Анучин 13 января 1923 г. обратился с заявлением в адрес губернского прокурора, в котором писал: «Узнавши о том, что мое «дело» опять передано в ГПУ, категорически заявляю:

1. Я не желаю иметь никакого дела с таким несерьезным учреждением, как Томское ГПУ.

2. Я отказываюсь идти в ГПУ.

3. Если меня отправят в ГПУ насильственно, то я не буду отвечать на вопросы и давать показания. Версия о «новых фактах» – это отвратительная попытка обхода закона с целью держать меня в тюрьме: никаких «фактов» у ГПУ нет и быть не мо-

⁴¹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13031. С. 183.

⁴² Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М.: РОССПЭН, 2001. С. 70–71. Автор указывает, что осталось много вопросов, связанных с данной ситуацией, основной из которых – а было ли письмо от Унгерна? Подлинник письма так и не был обнаружен. Но тогда возникает другой вопрос: а какое письмо хранится в деле Анучина? Письмо написано от руки, на нем не имеется отметки о том, что оно является копией, более того, на письме есть автограф «автора» письма. Проведение графологической экспертизы позволило бы внести полную ясность в установление его возможной подлинности. Скорее всего, названное письмо является фальсификацией со стороны самого Анучина для повышения своего авторитета и значимости у соратников по партии, о чем, в частности, замечает и В. Козлов, приводя многочисленные аргументы в доказательство этого. Более того, Анучин уже разоблачен как фальсификатор «писем», якобы направленных в его адрес В. Лениным и М. Горьким. См.: Там же. С. 62–77. Разделяю позицию тех исследователей, кто считает В. Анучина не только фальсификатором, но и умелым и грамотным интриганом.

жет, и через три месяца (подчеркнуто в тексте. – В.У.) опять «обнаружится», что нет состава преступления.

Мне прискучила эта инквизиторская игра ГПУ в правосудие – и я хочу теперь ликвидировать её самым решительным образом и в кратчайший срок.

Прежде чем выполнить свое решение, я хочу и прошу, чтоб меня посетил во вторник 16-го янв. с. г. представитель прокуратуры, которому я имею сделать сообщение.

Предупреждаю, что после вторника 16 янв. в этом посещении не будет надобности.

Профессор В. Анучин

13 января 1923 г. Домзак № 2»⁴³.

Это заявление – исторический документ, многие исследователи использовали и будут использовать его в своих работах. Но возникает несколько вопросов по его содержанию. Что значит «дело опять передано в ГПУ»? «Я отказываюсь идти в ГПУ» и «Если меня отправят насильственно...». Если он арестован, то только ГПУ им и могло заниматься, идти куда не надо было.

Я. Яковлев и Ю. Рассамахин в «Рассказах о томской прокуратуре» привели воспоминания Анучина о методах воздействия на заключенных: «Условия были чрезвычайно тяжелые. Меня несколько раз били. Мне рукоятью нагана выбили шесть зубов. В декабре при сорокаградусном морозе выкинули на всю ночь рамы из окна камеры, утром полумертвого отнесли в больницу (я затем 2,5 года ходил на костылях)»⁴⁴. Эти строки, скорее всего, плод свойственной Анучину необузданной фантазии. К этому времени уже не было потребности в таких методах обращения с арестованными, так как изменилась политическая ситуация в стране и изменился (пусть и не кардинально) состав сотрудников ГПУ. Трудно поверить в выставленные рамы и мороз. Переполненность мест заключения превышала в несколько раз их реальные возможности, были проблемы с отоплением и т.п. Между тем, по словам Анучина, ему была отведена отдельная камера. И если Анучин искал защиты у прокуратуры, то почему он не сообщил о факте «замораживания» в своем письме от 13 января – не это ли главный аргумент в его пользу?

К моменту завершения следствия в мае 1923 г. ситуация в стране претерпела серьезные изменения, уже не было необходимости применять к Анучину суровые законы военного времени. Комиссия НКВД по административным высылкам своим решением от 23 мая 1923 г. постановила: «Выслать Анучина В.И. в Казань сроком на 3 года, разрешив занятия в университете. Дело сдать в архив 14 отд. СО ГПУ». Последовавшая за решением Комиссии НКВД переписка о возможности предоставления Анучину права проживания в Омске ни к чему не привела⁴⁵.

⁴³ Яковлев Я.А., Рассамахин Ю.К. Рассказы о томской прокуратуре : в 2 т. Томск. 2004. Т. 1. С. 391; ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

⁴⁴ Яковлев Я.А., Рассамахин Ю.К. Указ. соч. С. 392; Козлов В.П. Указ. соч. С. 72.

⁴⁵ Анучин В.И. был выслан в г. Казань. Умер в 1942 г. в Самарканде. Реабилитирован в сентябре 1998 г. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-13031. Вообще Анучин был удобной фигурой для чекистов во всех отношениях. Ему приписывали действия, к которым он вообще не имел отношения, как это

Примерно в это же время, 30 сентября 1922 г., согласно телеграмме секретного отдела ГПУ в Красноярске были арестованы «более активные эсеры». Дела с агентурными и следственными материалами на Боголепова, Ревич, Щеглова, Дискава, Ефимова и Кузнецова были представлены полномочному представителю ГПУ по Сибири для решения вопроса о «высылке перечисленных лиц из пределов Енисейской губернии». В соответствии с принятым решением все они были высланы 2 декабря 1922 г. в распоряжение Томского губотдела ГПУ⁴⁶.

Принесла свои плоды и оперативная разработка томских чекистов, позволившая выявить в Томском университете антисоветски настроенную группу из 20 чел., члены которой поддерживали связь с единомышленниками в технологическом институте. Возглавляли группу представители партии эсеров Кронид Белкин (в 1917 г. был секретарем Томского горкома ПСР, участник краевого и губернского съездов ПСР) и Владимир Малиновский⁴⁷. Организация именовалась Центральным комитетом студенческого демократического объединения и попала в поле зрения (первые 7 участников. – В.У.) томских чекистов еще в 1921 г. В меморандуме Томской губчека № 4 от 14 октября 1921 г. было отмечено: «Ведется разработка путем внутреннего наблюдения за взятыми на учет эсерами для установления эсеровской организации»⁴⁸.

По результатам оперативной разработки в декабре 1922 г. было принято решение о проведении арестов членов организации. В заключении губотдела ГПУ по делу указывалось, что «организация ставила себе задачу демократизации вузов, противопоставление фракции коммунистов фракции беспартийных, противодействие коммунистическому влиянию на студенчество и т.д. В ночь на 6 октября 1922 г. этой организацией была выпущена контрреволюционная прокламация, которая была разбросана в университете, и была попытка замены красного флага белым на библиотеке университета, неудавшаяся вследствие падения с высоты и т.д.»⁴⁹. В обвинении также отмечались участие членов организации в нелегальных «сборищах», выступления с антисоветскими речами на студенческих собраниях.

было в случае с убийством в марте 1922 г. жителя Томска после одного из городских митингов. «Свидетели» показали, что он был одним из активных участников событий, связанных с этим убийством. См.: ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 118.

⁴⁶ Грани... С. 55–56.

⁴⁷ Белкин Кронид Константинович, 1894 г.р., и Малиновский Владимир Сергеевич, 1898 г.р., в июне 1923 г. осуждены к заключению в концлагерь сроком на 2 года каждый. В июне 1925 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ дело пересмотрело и вынесло решение о высылке Белкина и Малиновского после отбытия срока наказания через ПП ОГПУ на Урал сроком на 3 года. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11943.

⁴⁸ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 254.

⁴⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11943. С. 362. В отчете Сиббюро ЦК РКСМ за декабрь 1922 – янв. 1923 г. в разделе «Землячество» об этом сказано следующее: «В Томске был такой случай – подпольная организация задалась целью сорвать красный университетский флаг, но не удалось. Посланный для этой цели член организации сорвался с крыши и переломал себе ребра». См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 306. Л. 6.

Судьба участников организации была predetermined задолго до официального принятия решения. Еще в марте Сиббюро ЦК РКП (б) приняло решение об административной высылке участников⁵⁰. В июне 1923 г. решением Комиссии НКВД по административной высылке 12 чел. из числа участников организации были приговорены к различным срокам ссылки в Туркестан, Киргизский край, Марийскую область, в гг. Вятку и Северодвинск. Белкин и Малиновский были осуждены к отбытию наказания в концлагере⁵¹.

Арест группы студентов в Томске был далеко не случаен, так как партия эсеров особое внимание уделяла вопросам привлечения молодежи к партийной деятельности. Причин этому, на мой взгляд, было несколько. Во-первых, неоднородность студенческой массы, где наряду с пролетарской прослойкой значительное место занимала молодежь, демократически настроенная, мечтающая о свободах (личности, печати, слова), полагающая возможным существование нескольких партий и т.п. Во-вторых, многие студенты обладали определенными знаниями о партиях эсеров, меньшевиков и др., их активной деятельности в дореволюционный период в борьбе с царизмом (кто-то лично общался с представителями этих партий, знал о них через родных, близких, знакомых). В-третьих, молодежь традиционно тянулась к чему-то необычному, нестандартному, инстинктивно отторгая и противодействуя заорганизованному, формализованному, что было присуще политике, проводимой РКП(б) и советскими органами.

О серьезном влиянии эсеров на молодежь Сибири говорилось в отчете Сиббюро ЦК РКСМ за декабрь 1922 г. – январь 1923 г. В частности, отмечалось: «В настоящее время эс-эры как организованная партия разбиты. Кружки молодежи, существовавшие в Иркутске, также ликвидированы... Но эсеровские настроения в деревне, частично в рабочих районах и значительно в интеллигентских учащихся кругах, очень живучи. В тех или иных формах противосоветские эсеровские группировки созревают и в первую очередь – в высших школах Сибири.

В университетах Томском, Иркутском и Красноярском педагогическом институте нелегально существуют организации студенчества, именуемые землячеством и руководимые эс-эрами. Землячества ведут энергичную борьбу с коммунистами и комсомольскими ячейками за овладение советами, кооперативными объединениями...»⁵².

На Алтае существовал союз учащихся школ 2-й ступени под названием «Свободный труд». Союз объединял до 300 учащихся, возглавлял его работ эсер, бывший член учредительного собрания. Попытки организации союзов имели место и в других губерниях. Это объяснялось тем, что РКСМ не проводил активной работы в школах 2-й ступени.

Для выявления лиц, разделявших взгляды эсеров, «Бюро содействия» (см. с. 342–344) было рекомендовано организовать изучение студенческой среды. Более

⁵⁰ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11943. С. 3.

⁵¹ Там же. С. 505.

⁵² ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 306. Л. 6–7.

того, в ходе начавшегося процесса над членами ПСР органами ГПУ планировалось не только наблюдение за студенчеством, но и получение списков «подозрительных студентов с подробными о них сведениями на случай ликвидации». Протокол совещания, на котором было принято это решение, был направлен Дзержинскому, Уншлихту и Менжинскому. Каких-либо возражений с их стороны не последовало⁵³.

Решение поставленной задачи предполагало организацию агентурно-оперативного сопровождения студентов через выделение в вузах надежных коммунистов (по два на курс) для выполнения текущих заданий ГПУ, в первую очередь направленных на выявление неблагонадежных студентов. Эти же «двойки» должны были информировать в случае необходимости органы и о профессорско-преподавательском составе вузов, их политических взглядах и т.п.

Л.И. Боженко в актив сибирских эсеров относил и создание Базаро-Незнамовской организации. Он писал: «Эсеры, озлобленные неудачей выступления кулацко-эсеровского Сибирского крестьянского союза в начале 1921 г., продолжали плести нити заговоров, создавая подпольные группы в городах и селах сибирских губерний. Именно эсерам и принадлежала инициатива в создании группы Базарова, в которой они занимают руководящее положение. Сам Базаров по партийной принадлежности тоже был эсером. (Однако в сноске Л. Боженко сделал оговорку, что «в других документах и материалах Базарова называли «народным социалистом», но если бы это было и так, то оно не меняет сути дела, ибо, как метко говорил в своей обвинительной речи т. Березовский, «‘и эсеры, и народные социалисты – от одной родной матери дети’»)»⁵⁴.

Монография Л. Боженко была написана в лучших традициях советской исторической науки, её методология основана на классовом подходе к историческим событиям и явлениям. По этой причине при рассмотрении Незнамовского филиала он показал смычку эсеров с «реакционным офицерством», когда в июне 1921 г. руководящая пятерка эсеров приняла в свою организацию одного из руководителей западно-сибирского мятежа – бывшего казачьего офицера-колчаковца, яркого монархиста Незнамова (Карасевича). Ему как «заслуженному спецу», опытному офицеру-карателю, «пятеркой» поручено руководство военной работой, подготовка и организация антисоветского мятежа. А далее, по Л. Боженко, Незнамов расставил на ключевые позиции своих людей («матерых закоренелых белогвардейцев, влиятельных попов и деревенских кулаков»), и организация приняла «типично белогвардейский характер». По этой причине именно вышеназванные категории членов организации начали играть «главенствующую роль» в её деятельности.

⁵³ Морозов К.Н. Указ. соч. С. 338.

⁵⁴ Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 – 1927 г.). Томск, 1969. С. 113. По делу названной «контрреволюционной» организации к уголовной ответственности были привлечены 95 чел. Несмотря на отсутствие доказательств их виновности, 33 чел. в ходе судебного процесса были приговорены к высшей мере наказания, но приговор был утвержден только 22 из них, 30 чел. приговорены к лишению свободы на срок от 1 года до 10 лет, 12 освобождены по амнистии и 20 оправданы.

В таком случае возникает вопрос, а была ли эта руководящая пятерка эсеров и как они отдали знамя борьбы с советской властью в руки малоизвестного «спецакарателя»? Считаю, что роль эсеров в деятельности организации несколько завышена. Участие в ней отдельных членов партии, их работа среди крестьянства, использование отдельных лозунгов ПСР наряду с монархическими и иными и «партийная» принадлежность одного из непосредственных лидеров организации – все это не позволяет сделать вывод об активной роли эсеров в Базаро-Незнамовской авантюре.

В ноябре 1922 г. в среде эсеров получило развитие ликвидаторское течение. Одними из первых в Сибири в этот процесс включились 8 членов ПСР из г. Мариинска, опубликовавшие коллективное письмо о полном отречении от партии и созыве съезда для выяснения дальнейшей судьбы партии. «К вынесению этого решения содействовало ГПУ и Мариинский уком согласно данным им директив от Томского ГО ГПУ и губкома РКП». Призыв мариинских социалистов-революционеров был поддержан губотделом ГПУ и было организовано опубликование письма по губернии в губернской и местной печати, а также воздействие на местных эсеров через аппарат ГПУ в направлении присоединения к решению мариинцев⁵⁵.

Поддержали мариинцев и красноярцы, опубликовавшие в газете «Красное знамя» от 17 декабря 1922 г. открытое письмо следующего содержания: «Вследствие несогласия с программными и тактическими вопросами партии социалистов-революционеров, в которой мы состояли, выразившимися в её активности и идеологической борьбе с советской властью... считаем эту борьбу вредной и нецелесообразной, находим, что все революционные силы должны быть направлены для борьбы с врагами советской власти, против капиталистов. Высказав краткое мнение о партии, к которой мы принадлежали, мы заявляем, что с момента подачи настоящего заявления считаем себя выбывшими из таковой. Подписи: состоял в ПСР с 1917 г. Боголепов Анатолий Васильевич; с 1917 г. Дисков Григорий; с 1917 г. Ефимов; с 1917 г. Щеглов Юрий; с 1917 г. Ревич Григорий Яковлевич». В этом же номере газеты выступил со своим заявлением и Кузнецов: «С 1917 года работая на профессиональной работе среди т[оварищей] служащих, я внедрил себе идею народничества. И опираясь на партию социалистов-революционеров, оказывал содействие таковой.

В настоящее время пришел к убеждению, из пройденного жизненного опыта, что партия социалистов-революционеров обанкротилась в своем поведении перед революционным пролетариатом, которую я в настоящий момент осуждаю за борьбу её с советской властью и партией РКП. Считаю своим долгом заявить перед лицом революционного пролетариата и его единственной только способной довести до полного освобождения пролетариата от мирового капитала партией РКП, ибо остаюсь предан советской власти и на попытки антисоветских действий на борьбу с таковым общим, как с народничеством, как и с партией социалистов-революционеров, иметь не буду, что и констатирую в настоящем письме».

⁵⁵ Из истории земли томской. 1921–1924... С. 350.

Сложно предположить, какие действия или убеждения были применены к ним с целью получения этих заявлений, но, несомненно, что-то предпринято было, так как все были арестованы 30 сентября 1922 г. Письма были оценены по достоинству, и поэтому по распоряжению заместителя ПП ГПУ Ошмарина все арестованные возвращены к месту прежнего жительства – в Енисейскую губернию⁵⁶.

В августе 1922 г. в соответствии с директивами ГПУ, основанными на решениях XII Всероссийской конференции РКП(б), принявшей специальное решение о применении репрессий против эсеров и меньшевиков, на местах начались операции по ликвидации организаций и групп этих партий. Начатые в 1922 г. аресты членов ПСР были продолжены в целом ряде губерний страны и в 1923 г.

В отдельных случаях организовывались показательные процессы над представителями партии эсеров. Два из них прошли в 1923 г. в г. Новониколаевске. В феврале состоялся процесс по делу видного представителя ПСР П.Я. Дербера и меньшевиков Гинзбурга и Вадзинского, обвинявшихся по ст. 60 и 62 УК⁵⁷, а в июле – по делу эсеров Е.В. Барабанщикова, М.Ф. Лисицы, К.Е. Фуги, И.М. Бланкова и монархиста В.Ф. Королёва, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности в Каменском уезде Новониколаевской губернии. В отчете о суде отмечалось, что «ПСР всегда боролась с советской властью по одну сторону фронта с черносотенными генералами и пр., мечтавшими насадить в России монархию»⁵⁸. Упоминание о монархии не было случайным, ведь в группу входил монархист. В соответствии с серьезностью обвинения – попытка организации вооруженного восстания против советской власти – суровым был и приговор – от 3 до 6 лет лишения свободы со строгой изоляцией. Ж. Рожнёва, со ссылкой на материалы отдела спецдокументации Управления архивного дела администрации Алтайского края, привела факты, подтверждающие фабрикации материалов этого дела и использование следствием агента ГПУ⁵⁹.

Для продолжения кампании по дискредитации ПСР политическое руководство Советского государства приняло решение о привлечении к этому бывших членов партии. При непосредственном участии ГПУ была организована работа по подготовке и проведению целого ряда конференций и съездов ПСР. Повсеместно составлялись списки бывших и действующих членов партии. Под контролем партийных и чекистских органов активизируются действия по выходу из партии, инициируются вопросы роспуска партии. Следствием организованной РКП(б) кампании стал Всероссийский съезд бывших (рядовых) социалистов-революционеров, состоявшийся в Москве 18–23 марта 1923 г. Хотя на съезд прибыло всего 55 делегатов, представлявших менее 900 бывших членов партии, было принято решение о роспуске партии. Решения съезда в соответствии с указаниями ЦК РКП(б) были напечатаны во всех центральных и

⁵⁶ Красное знамя. 1922. 17 дек.

⁵⁷ Советская Сибирь. 1923. 16, 20–21 февр.

⁵⁸ Там же. 13 июля.

⁵⁹ Рожнёва Ж.А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е годы : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003. С. 82–83.

местных газетах. 13 апреля 1923 г. губкомы РКП(б) получили телеграмму, в которой ЦК РКП(б) предлагал всем местным партийным организациям:

1. Отпечатать полностью в газетах резолюции этого съезда.
2. Поместить в газетах материалы, касавшиеся съезда, напечатанные в «Правде» и «Известиях», равно и статьи, комментировавшие постановления и резолюции.
3. Следить за центральной прессой и перепечатывать из неё материалы в местных газетах.
4. Не только не чинить препятствий, но и содействовать работе новых товарищей, работавших по фактической ликвидации партии эсеров.
5. Докладывать в ЦК как о ходе работы, так и обо всех случаях конфликтов между коммунистами и бывшими эсерами, работавшими по ликвидации эсеровской партии⁶⁰.

В течение апреля в сибирской прессе были опубликованы основные материалы съезда бывших членов партии эсеров.

В ЦДНИ ТО хранится документ без названия с грифом «Совершенно секретно», но без подписи, адресованный уездному комитету РКП, а в копиях – губкому РКП и уполномоченному ГПУ по Мариинскому уезду. Содержание позволяет сделать вывод о том, что он был подготовлен одним из партийных работников укома РКП.

Документ являлся своеобразным отчетом о реализации вышеупомянутого п. 4 и содержал информацию о действиях на местах бывших членов ПСР в период после проведения Всероссийского съезда бывших членов ПСР. Автор писал, что «числа 8–9 июля 1923 г. в уком РКП явился делегат Всероссийского съезда бывших рядовых членов Партии Соц[иалистов] Революционеров тов. Иглин» с протоколом совещания Новониколаевской группы о необходимости выяснения бывших членов партии эсеров к состоявшемуся съезду, высказав просьбу оказать помощь в работе по Мариинску и уезду. Следствием его обращения стала рассылка извещения о предстоящем собрании «всем известным до сих пор бывшим членам ПСР, которых было 9». Одновременно с извещением был послан второй номер бюллетеня Центрального исполнительного бюро съезда «Единый фронт», где были почти полностью помещены отчеты съезда и его резолюции.

На собрание прибыло семь человек (один был в отъезде, а один не прибыл по неизвестной причине), от уездного комитета РКП – Воронин, от ГПУ, по предварительной договоренности с укомом, не было никого. На повестке был отчет Иглина о съезде и вопрос о действиях Мариинской группы в соответствии с решениями съезда. Выступление Иглина у большинства присутствующих вызвало подавленное состояние. В ходе развернувшихся прений председатель собрания Степанов заявил, что в целом разделяет точку зрения съезда, а выступивший после него Хлебников, дав оценку съезду как принудительно организованному ГПУ, все-таки поддержал принятые постановления как «вполне отвечающие духу времени». При этом он предложил провести губернский съезд, «который бы был собран действительно на добровольном участии». Но это предложение поддержки не получило.

⁶⁰ См.: Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов... С. 40.

Из практических мероприятий собрания информатор выделил предложение Воронина о необходимости выступления по теме крушения ПСР на учительских курсах (по какой причине и почему, указано не было), которое позднее и было реализовано Замятиним и Иглиным.

Резюме данного документа по формулировке не совсем понятно: «Было бы, кажется, не лишним снять с них расписки о невыезде, усилив вместе с этим надзор над ними. Это не давало бы им возможности спекулировать этими подписками и, быть может, больше развязало»⁶¹. Что предполагало «развязывание», определить сложно.

С.А. Папков, рассказывая о ликвидации организации эсеров в Новониколаевске в 1922 г., в форме приложения представил несколько документов. В выписке из политпартсводки № 8 за период с 5 апреля по 20 июня 1922 г. описано посещение находившихся в исправтруддome города эсеров членами комиссии для выяснения их отношения к съезду бывших рядовых членов ПСР и к постановлениям съезда. Из 26 находившихся в камере эсеров участие в беседе приняли всего восемь человек, так как остальные демонстративно покинули её в знак протеста против участия в комиссии сотрудника губернского отдела ГПУ. Участники беседы заявили, что «разделяют точку зрения съезда, но окончательно свое решение... выскажут после своего освобождения»⁶².

Под контролем партийных и чекистских органов была развернута работа по организации и проведению в губерниях конференций, посвященных проблеме роспуска ПСР. Первые конференции состоялись в Нижнем Новгороде, Туле, Пензе, Саратове и других городах преимущественно европейской части страны. В Сибири первая конференция бывших членов ПСР состоялась 29 июля в г. Омске, а 17–18 августа прошла Омская губернская конференция бывших социалистов-революционеров. В её работе приняли участие 30 делегатов, не были представлены только организации Тары и Тюкалинска.

В Новониколаевске городская конференция бывших членов партии эсеров прошла 12 сентября 1923 г., на ней были заслушаны доклады о роли партии в русской революции, о прошедшем Всероссийском съезде бывших членов ПСР, о едином

⁶¹ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 171.

⁶² Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. 2005. Вып. 1. С. 354. Указанная в документе дата неверна, скорее всего, исходя из содержания сводки, речь идет о 1923 г.

17 августа 1924 г. участником той беседы И.В. Севастьяновым, заключенным Соловецкого концлагеря № 2, в ОГПУ было направлено обращение, в котором он указал, что 6 октября 1922 г. группа социалистов-революционеров из восьми человек, находившихся в заключении в Новониколаевском ГПУ, обратилась с письмом в ГПУ, заявив о выходе из партии, отказе о вооруженной борьбе с советской властью и готовности по восстановлению хозяйственно-экономического положения в стране работать совместно с советской властью и РКП. 9 мая (так в тексте. – В.У.) того же октября и Севастьянов подал в ГПУ заявление с просьбой о присоединении его подписи к данному заявлению. Теперь же, «находя подачу этого заявления ошибочным и в моральном, и в политическом отношении... заявляю, что я по своим убеждениям по-прежнему остаюсь в рядах социалистов-революционеров, а потому поданное мною в Новониколаевское ГПУ заявление считаю аннулированным» (Там же. С. 356–357). Отречение Севастьянова от ПСР в 1922 г. не помогло ему – в июле 1923 г. он был осужден на 3 года концлагерей, а по отбытии наказания в июле 1926 г. выслан на тот же срок в Северо-Двинскую губернию.

фронте и созыве Новониколаевской губернской конференции бывших членов партии социалистов-революционеров. Конференция по итогам своей работы подтвердила выводы Всероссийского съезда о том, что ПСР изжила себя, надо идти дальше с РКП и III Интернационалом. Другой вывод был еще более конкретным: «кто не с нами, тот против пролетариата»⁶³.

В сентябре вопрос о возможности и целесообразности проведения губернских конференций обсуждался на заседании Сиббюро, которое приняло положительное решение, но при обязательном условии жесточайшего контроля со стороны партийных и чекистских органов. Несколько позднее (в октябре) было проведено обследование групп лояльных эсеров в Сибири. Платформу Всероссийского съезда бывших членов ПСР разделяли и поддерживали 269 чел.: в Новониколаевской губернии – 67, в Алтайской – 37, в Омской – 58, в Томской – 48, в Енисейской – 39 и Иркутской – 20 чел.⁶⁴

В ноябре–декабре 1923 г. были проведены губернские конференции на Алтае (20–21 ноября), в Енисейской губернии (6–7 декабря), в Томске (12 декабря). Членами ПСР в Томске на губернской конференции было принято решение о присоединении к резолюции Всероссийского съезда бывших (рядовых) социалистов-революционеров о роспуске партии. Эсеровская организация в Томской губернии прекратила свое существование. Выход из партии официально оформили 95 её членов, в том числе 12 рабочих, 32 служащих и 51 крестьянин⁶⁵. Но и после этого бывшие члены ПСР не выпадали из поля зрения органов ОГПУ. Так, в отчете Томского губотдела ОГПУ за 1924 г. отмечалось, что «группировок среди членов с-р, носящих организованный характер, замечено не было, а также не было выявлено и активных действий, направленных в ущерб советской власти»⁶⁶. На оперативном учете в губотделе ОГПУ в это время состояло 180 эсеров (правых – 63, выходцев – 17, легалистов – 92, ссыльных – 8).

Томской губернской конференции предшествовали городское собрание бывших эсеров (27 октября) и городская конференция (2 декабря).

Не состоялись конференции в Новониколаевской и Иркутской губерниях, как не состоялась и Всесибирская конференция: Сиббюро ПСР посчитало её проведение нецелесообразным.

В других губернских городах Сибири эсеровские организации также не были многочисленными. В Омске к началу 1922 г. существовали, по данным особого оперативного отдела ВЧК, меньшевистская, эсеровская и анархическая организации. Эсеровская организация насчитывала в своих рядах 125 чел., блокировалась с меньшевиками в борьбе с советской властью⁶⁷.

Политика большевиков в отношении партии эсеров оказалась результативной. Используя все возможные средства – от запугивания до уголовного преследования и

⁶³ Советская Сибирь. 1923. 27 сент.

⁶⁴ Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири... С. 79.

⁶⁵ Из истории земли томской. 1921–1924... С. 351.

⁶⁶ Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 34. С. 226. Подсчитано автором.

⁶⁷ Бударин М.Е. Чекисты... С. 170–171.

прямых репрессий – им практически удалось добиться самоликвидации ПСР. Однако следует оговориться, что после окончания процесса над эсерами оставшиеся на свободе члены партии смогли развернуть работу по восстановлению организации, было даже создано центральное бюро. Практическая деятельность сводилась к созданию новых подпольных организаций и подготовке к выступлению против советской власти. Но уже в конце 1923 г. организаторы бюро были арестованы. К концу 1924 г. не было ни одной организационно оформленной группы эсеров на всей территории Сибири. Возможно, последней из них была группа на Алтае, ликвидированная сотрудниками ОГПУ в ноябре – декабре 1924 г. Аресту предшествовало достаточно длительная разработка членов организации, так как толчком к этому послужили обнаруженные записки члена организации В.Н. Подольского-Взорова, случайно утерянные им в октябре 1923 г. Аресту подверглись 17 чел.

24 июля 1925 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ, рассмотрев материалы дела, приговорила трех человек к заключению «в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, на три года каждого», двоих – к ссылке в Чувашию, шестерым было запрещено проживание в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону и одноименных губерниях с прикреплением к постоянному месту жительства сроком на три года. Еще шесть человек к суду привлечены не были. Всем членам ликвидированной группы было рекомендовано опубликовать в газете «Известия ВЦИК» заявления об отречении от партии эсеров с обязательством «отдать все силы и знания советскому строительству под идейным руководством ВКП(б)», что и было сделано.

В материалах дела также имелось постановление от 27 декабря 1924 г. о привлечении в качестве обвиняемых В.В. Беянина-Бианки⁶⁸ и П.А. Гайлевича как членов подпольной группы эсеров, принимавших активное участие в работе, направленной против советской власти, но первый в это время уже жил в Ленинграде, а второй – в Иркутске⁶⁹.

И в последующие годы органы ОГПУ не оставляли представителей этой партии без внимания. Так, в 1927 г. в Томске был арестован Грехнев Гавриил Николаевич, заведующий заготовками Сибторга. Временно исполняющий должность окружного прокурора Томского округа Кот 16 сентября 1927 г. в заключении по уголовному делу Томского окружного отдела ОГПУ по обвинению Грехнева в совершении преступлений по ст. 58-8-11 УК РСФСР («террористическая и организационная деятельность») указал, что еще в 1918 г. Грехнев как активный член ПСР был одним из организато-

⁶⁸ Беянин-Бианки Виталий Валентинович, 1894 г.р., ур. г. Петербурга, **известный детский писатель**. В партии эсеров с 1917 г. Был мобилизован в колчаковскую армию, после изгнания Колчака из Сибири жил в г. Бийске, в частности работал в музее. В 1921 г. в Бийске дважды арестовывался органами ЧК, в последующие годы еще трижды арестовывался за политическое прошлое; в 1932 г. – ссылка на 3 года в Уральск, в 1935 г. – арест с последующим освобождением «за отсутствием улик». В 1935 г. арестовывался «как сын личного дворянина, бывший эсер, активный участник вооруженного восстания против советской власти». Особым совещанием при НКВД СССР был осужден на пять лет ссылки, но по ходатайству жены М. Горького от ссылки был освобожден. Умер в 1959 г.

⁶⁹ Гришаев В.Ф. Дважды убитые... С. 5–16.

ров восстания в Нарыме: «После чехо-слов. переворота был назначен чрезвычайным комиссаром Нарымского края, где производил незаконные аресты, побои заключенных большевиков и вел активную борьбу против сочувствующих большевизму лиц. Находясь на территории Нарымского края в качестве заведующего отделением Госторга (уже в советское время. – В.У.) и пользуясь своим служебным положением, гр. Грехнев подбирал работников – членов эс-эровской партии, а также оказывал услуги политически-ссылным эс-эрам в их партийной работе. В мае 1926 года гр. Грехнев имел поручения от ссыльных эс-эров и СД по организации в Томске конспиративной квартиры и распространению нелегальной эс-эровской литературы.

В этом же году гр. Грехневым была доставлена нелегальная литература эс-эру Евсееву, находящемуся на фактории Васьюган.

...Принимая во внимание, что следствие произведено с достаточной полнотой и обвинение предъявлено и доказано отчасти показаниями самого Грехнева и другими материалами дела и что Грехнев является социально опасным как активный член эс-эровской партии... полагал бы дело... направить в Особое совещание Коллегии ОГПУ на рассмотрение»⁷⁰.

Результатом рассмотрения дела стало осуждение Грехнева 11 июня 1927 г. по ст. 58-13 УК РСФСР («активная борьба против рабочего класса и революционного движения в годы Гражданской войны») на 3 года исправительно-трудовых лагерей. В мае 1929 г. срок наказания был снижен на 6 месяцев. После отбытия наказания Грехнев подлежал высылке в Сибирь сроком на 3 года⁷¹.

Согласно документам Центрального архива ФСБ России, в конце 1920-х гг. наибольшую активность эсеры проявляли в центральных районах страны. Только за первое полугодие 1928 г. на Украине за антисоветскую деятельность были арестованы 34 активных члена партии эсеров, еще со 134 рядовыми членами партии были проведены профилактические мероприятия. В 1927–1930 гг. органами ОГПУ была «вскрыта» крупная организация в г. Иваново-Вознесенске, актив которой составляли эсеры, возвратившиеся из мест заключения. Они поддерживали связь с высланными членами ЦК партии, «развернули» активную антисоветскую деятельность в Архангельске, Костроме, Шуе и других городах. В апреле 1930 г. была ликвидирована антисоветская группа в Новгороде, где аресту подверглись 15 эсеров и 30 беспартийных. В 1929–1930 гг. эсеры принимали активные меры по воссозданию своего партийного аппарата в разных регионах страны, о чем, в частности, велась речь в циркуляре ОГПУ № 36 от 20 марта 1930 г. В июне этого же года в Москве была реализована разработка группы правых эсеров – «независимых», готовивших созыв российской конференции партии правых эсеров и возобновление организованной нелегальной деятельности. В сентябре была ликвидирована нелегальная эсеровская группа, состоявшая из бывших ссыльных, в Ташкенте. В 1931 г. выявлена крупная эсеровская организация на Украине, поддерживавшая связь с центром в Праге, аресту подверглись 150 её участ-

⁷⁰ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-14085. Л. 36.

⁷¹ Там же. Л. 45.

ников⁷². Можно предположить, что сотрудники органов ОГПУ зачастую выдавали желаемое за действительное.

Вторая половина 1930-х гг. принесла членам ПСР новые испытания. Постоянный контроль за политссылкой и проведение «подготовительной работы» в частности после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) позволили собрать материал, чтобы «доказать»: несмотря на почти двадцатилетнее преследование и репрессии, «политические оппоненты» вели «активную подготовку» и «предпринимали конкретные шаги» в борьбе с советской властью. По этой причине уже с самого начала «массовой операции», например, эсеровские «подпольные контрреволюционные» организации стали вскрываться органами НКВД одна за другой. Только в Омской области уже в августе 1937 г. по материалам протоколов «тройки» прошли участники нескольких эсеровских организаций. Одна, кстати, была создана «не порвавшим связи с партией» до момента ареста А.А. Иваницким-Василенко в тюрьме в период следствия. В обвинении было отмечено, что члены созданной им группы занимались активной контрреволюционной агитацией среди заключенных.

«Чисто эсеровских» организаций сотрудники НКВД не выявляли, уже достаточным мотивом для ареста была принадлежность к ПСР в прошлом, пусть и в самом отдаленном. Из этих «бывших» уже и создавали руководящее ядро «контрреволюционной» организации, постепенно «наращивая на костяк мясо» из числа связей и просто знакомых главных фигурантов. В состав организации включались лица, не имевшие отношения к ПСР, часто даже не знакомые между собой. Так, например, к одной из конспиративных групп эсеров были «попутно» присоединены 15 чел., обвиненных в связи с организацией ссыльных. К группе «активного» члена ПСР А.Ф. Горохова присоединили нескольких священников, одни из которых установили связь с «контрреволюционной» группой Горохова, а другие активно участвовали в её подрывной деятельности. В 1937 г. было вскрыто несколько десятков эсеровских организаций. В одной Таре таковых выявили целый ряд, но интересно, что все они «действовали» самостоятельно, даже не пытаясь объединиться, что является прямым свидетельством отсутствия какой-либо реальной организующей силы со стороны ПСР и реального умысла в борьбе с советской властью.

Несмотря на усилия сотрудников Омского УНКВД, до конца 1937 г. так и не удалось «выкорчевать» всех эсеров и их организации. По этой причине уже в первые месяцы 1938 г. были вскрыты еще несколько «контрреволюционных» организаций с участием эсеров, в частности, все в том же Тарском районе. Следует отметить, что многим «врагам» на момент ареста было по семьдесят и более лет, например, Е.А. Емельянов родился в 1859 г.⁷³

⁷² История советских органов государственной безопасности... С. 191, 236–237.

⁷³ Самосудов В. Как это было... Т. 5. С. 31–35. Однако если верить телеграмме УНКВД по Омской области в адрес Н. Ежова, подписанной начальником Управления Валухиным, то на 25 сентября 1937 г. была вскрыта всего одна эсеровская организация из 14 человек. См.: Трагедия советской деревни... Т. 5, кн. 1: 1937. С. 367–368.

Активизация деятельности органов НКВД в 1938 г. была инициирована И. Сталиным, который потребовал усилить борьбу с представителями ликвидированной партии эсеров и даже указал, в каких регионах страны это надо сделать в первую очередь. Уже 18 января заместитель наркома НКВД Фриновский отправил в названные регионы шифротелеграмму № 17089, затем переадресованную всем НКВД–УНКВД, в которой констатировалось, что эсеры продолжают активную повстанческую, диверсионную и террористическую деятельность. Местные аппараты НКВД ориентировались на обновление оперативных учетов и ликвидацию эсеровского подполья. Именно эти указания Сталина и НКВД активизировали деятельность УНКВД по поиску и «выявлению» эсеров. Успешное исполнение указаний руководства не замедлило сказаться. Уже в феврале – марте 1938 г. число донесений о вскрытых и ликвидированных подпольных эсеровских организациях из управлений НКВД резко возросло. Сообщения «подтверждали» наличие разветвленной сети подпольных организаций в стране и изобиловали выразительными примерами и фактами. В тех же случаях, когда ничего не было выявлено «выдающегося», обходились малым. Так, например, начальник УНКВД по Алтайскому краю С. Попов информировал Сталина о диверсионной работе эсеров, которые якобы по ночам разбирали железнодорожное полотно для организации крушений поездов⁷⁴.

Для «борьбы с советской властью» эсеры создавали самые разнообразные организации – «кулацко-эсеровские», «эсеро-кадетские», «эсеровско-белогвардейские» и т.п.

На Алтае в Управлении НКВД на основе указаний 4-го отдела ГУГБ НКВД был разработан «План оперативных мероприятий по разгрому контрреволюционного эсеровского подполья в Алтайском крае». Вне всякого сомнения, подобные планы разрабатывались повсеместно. Никаких признаков эсеровского подполья не имелось, но ставившиеся Москвой задачи подлежали неукоснительному исполнению. Как результат – десятки «вскрытых» эсеровских организаций. Одним из основных мест сосредоточения эсеров, как Тара в Омской области, на Алтае стал г. Бийск, где, как установил исследователь-краевед В. Гришаев, были выявлены целых семь эсеровских групп и организаций, ликвидированных сотрудниками НКВД. В отличие от Тары, деятельность всех этих организаций координировалась еще со времен Бийского уездного комитета ПСР, подчиненного Сиббюро партии. В состав руководящего ядра комитета входили бывший председатель Алтайского горного союза кооперативов, работник заготконторы «Маслопрома», преподаватели бийских школ, пенсионер (бывший бух-

⁷⁴ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг... С. 282–284. Уже 9 февраля 1938 г. Ежов представил Сталину материалы о «разгроме эсеровского подполья», заявив, что только в 1937 г. в стране были арестованы за принадлежность к ПСР 25 212 чел., но цифра эта завышена, так как в статотчетности НКВД значились арестованными в 1937 г. 11 367 эсеров, а в 1938 г. – 16 370, т.е. всего 27 737 чел. Он также отметил, что на оперативном учете состояли еще 5 388 эсеров, более тысячи из которых были членами ВКП(б) и 244 военнослужащими. К 9 февраля более двух тысяч из них уже были арестованы. «Возглавлял» деятельность эсеров Всесоюзный объединенный эсеровский центр, во главе которого стояли бывшие члены ЦК ПСР, большинство которых, по странному стечению обстоятельств, находились в заключении, но смогли создать обширную сеть подпольных организаций по всей стране.

галтер) и бывший подпоручик. Отличным от событий в Омской области было и то, что первую организацию сотрудники НКВД выявили еще в ноябре 1936 г., а последующие – в 1938 г., что не стыкуется с «официальной позицией» о наличии комитета ПСР как организующего органа.

Арестованные члены «организаций» признавались во всех «смертных грехах» – вредили, уничтожали, организовывали антисоветские выступления, в том числе в Усть-Пристанском районе в марте 1930 г. («Добытинское восстание»), создавали «бандитские», «фашистские» и «террористические» группы в учебных заведениях, воспитывая учащихся в «духе ненависти к советской власти», и т.п. Правда, много нужных показаний следователи добивались лишь после многомесячных допросов и пыток. Так, В.А. Гремицкий, арестованный 11 августа 1937 г., «признался» только 31 января 1938 г., т.е. по прошествии более пяти с половиной месяцев. Не задумываясь, следователи могли изменить и биографию арестованного, сделав его «бывшим» или иным неудобным режиму лицом. Одного из арестованных – П.Я. Бирюкова – следователь не только «превратил» из сына крестьянина в сына фабриканта, но и приписал ему начало антисоветской деятельности в девятилетнем возрасте. На замечание Бирюкова об этом следователь отреагировал следующим образом: «Ничего, пройдет». И прошло.

В ходе следствия и фальсификации материалов применялись пытки, издевательства, угрозы, многочасовые «выстойки» и «конвейеры», переоформление протоколов с подтасовкой данных под отработанные схемы. Арестовывали, конечно же, не только бывших эсеров, в число жертв попали бывшие военнослужащие и партизаны, кулаки и иные из бывших, представители духовенства и интеллигенции, мужчины и женщины, старики и молодежь.

Всего было арестовано 163 бийских «эсера», 108 из которых были расстреляны, остальные осуждены к заключению в ИТЛ на длительные сроки лишения свободы⁷⁵.

В иных случаях сотрудники органов НКВД поднимали из архивов прежние дела (абсолютное большинство дел на осужденных оставались в архивах управлений регионов, где их привлекали к ответственности), внимательно изучали и начинали «перетряхивать» связи обвиняемых, которые по каким-либо причинам не были арестованы и осуждены. Подобная кропотливая работа позволила «вскрыть» целый ряд новых «контрреволюционных» организаций и «выявить» отдельных неразоружившихся членов ПСР. Таким действительно неразоружившимся представителем данной партии, в частности, оказался находившийся в ссылке в г. Новосибирске И.И. Жуковский-Жук⁷⁶. На протяжении своей политической деятельности он не менял убеждений и

⁷⁵ Гришаев В.Ф. Дважды убитые... С. 148–173.

⁷⁶ Жуковский-Жук Иосиф Иванович, 1890 г.р., ур. Гродненской губ. В революционном движении с 1905 г., примыкал к партии эсеров-максималистов. Дважды арестовывался, отбывал наказание на Нерчинской каторге. В годы революции и Гражданской войны возглавлял Читинскую организацию эсеров-максималистов, участник антиколчаковского подполья. В последующие годы много времени уделял историческим исследованиям народничества, работал в Обществе политкаторжан и ссыльных в Москве, откуда как «нераскаявшийся» и репрессированный советской властью был исключен в 1925 г. и в этом же году «за контрреволюционную работу» был выслан на 3 года в Великий Устюг. В декабре 1928 г.

взглядов. Жуковский-Жук был арестован в Москве в 1925 г. по делу объединенной организации левых эсеров и эсеров-максималистов; подал заявление об отходе от политической деятельности, но в 1927 г., находясь в ссылке в Великом Устюге, официально аннулировал его. На вопрос следователя: «Не отказались от борьбы с советской властью?», ответил утвердительно: «Не отказался. Я вел активную работу как эсер-максималист. С февраля 1933 г. в связи с моим арестом, осуждением и заключением в изолятор был вынужден прекратить эту работу». Таким образом, только изоляция вынудила его прекратить активную деятельность.

Арест 1937 г. имел «плановый» для органов НКВД характер. Еще в конце 1936 г., согласно обвинительному заключению, «на территории Запсибкрая была вскрыта и ликвидирована японо-эсеровская диверсионно-шпионская террористическая организация.

Следствием установлено, что указанная контрреволюционная организация создана в СССР в 1932 г. эсером Петелиным И.Х. по прямым указаниям существовавшего в СССР нелегального эсеровского контрреволюционного центра, так называемого Объединенного центрального бюро ПСР.

Эсеровскую организацию на территории ЗСК возглавлял Сибирский центр – Сиббюро ПСР – в составе И.Х. Петелина, В.С. Осипова-Занозина, И.М. Евстигнеева и И.Л. Гороха. Сиббюро ПСР в 1932–1936 гг. на территории Иркутской и Омской областей были «созданы» крупные эсеровские формирования, которые возглавляли областные бюро ПСР, на территории ЗСК – сеть эсеровских ячеек и 26 повстанческих отрядов из спецпереселенцев в Нарыме и Кузбассе.

Фрагмент обвинительного заключения о «вскрытой организации» стал «кочевать» из дела в дело по «эсеровским контрреволюционным организациям» и по делам на отдельных бывших членов ПСР.

«Действуя по указаниям Всесоюзного объединенного центра ПСР, Сиббюро ПСР приступило к... осуществлению указаний объединенного бюро ПСР», которые заключались:

- в расстановке кадров эсеровской организации на важнейших народнохозяйственных и оборонных участках в целях подготовки диверсий в момент войны с Японией;

- организации массового вредительства и развале хозяйственной деятельности колхозов и других хозяйственных предприятий в целях ослабления тыла и озлобления населения на органы советской власти;

отправлен в административную ссылку в Симферополь. В 1933 г. «за создание нелегальной эсеровской организации» заключен на 3 года в политизолятор, по истечении срока выслан в Новосибирск. Арестован в феврале и расстрелян в августе 1937 г. Реабилитирован в 1959 г. Из материалов архивно-следственного дела, хранящегося в УФСБ РФ по Новосибирской области, известно, что после ареста в 1922 г. находился в Новониколаевском домзаке в одной камере с членом ЦК ПСР М.А. Лихачем, будущим участником процесса 1922 г, приговоренным к ВМН – расстрелу. Причину того ареста и характер обвинения установить не представилось возможным.

– широком информировании японских разведывательных кругов о состоянии тыла и его обороноспособности;

– организации террористических групп для подготовки террористических актов, направленных против руководителей партии и советского правительства⁷⁷.

Следствием также было установлено, что одним из активнейших членов организации был назван И.И. Жуковский-Жук – бывший член объединенного центрального бюро левых эсеров и союза эсеров-максималистов, которому «припомнили» его ссылку в Великий Устюг, «минус» в Симферополе, связи с членом ЦК ПЛСР М. Спиридоновой и целым рядом других видных членов эсеровского движения в стране. Более того, именно Жуковский-Жук был объявлен инициатором привлечения к «активной работе» Петелина. Следствие отвело ему одну из «заглавных» ролей по делу названной организации, но Жуковский-Жук виновным себя не признал и предъявленное обвинение отверг. Следует отметить его заявление на следствии: **«Ни я лично, ни связанные со мною лица вопроса о вооруженном восстании как реальной форме в деле борьбы с советской властью никогда не ставили. Выход я видел в установлении в стране трудовластиа, которое могли провести левонароднические элементы, отражающие в своих программах чаяния основной массы крестьянства»** (выделено мною. – В.У.)⁷⁸.

А на обвинительном заключении он сделал собственноручную запись: «Показания Петелина и Сигорского я категорически отвергаю. Такой деятельностью я не занимался. Сигорского не знаю. Петелину никогда не доверял. Я никогда не являлся таким врагом советской власти, который бы пошел на такие мерзкие методы борьбы»⁷⁹.

Отсутствие в его позиции каких-либо элементов экстремизма либо радикализма следователей не смущало. Не это было главным – судьба какого-то И.И. Жуковского-Жука для большевиков интереса не представляла.

Что касается И.Х. Петелина, то его роль в деле уничтожения бывших членов ПСР в Западной Сибири была действительно ведущей. Именно его показания по названному делу и делам данной направленности в соседних городах региона стали основными в разоблачении «врагов» советской власти из числа эсеров. Показания Петелина в буквальном смысле слова тиражировались и рассылались по горрайорганам НКВД. Многостраничные машинописные показания (иногда даже нескольких допросов) Петелина неоднократно встречались автору в архивных следственных делах в качестве основных «изобличавших» материалов. Следователям оставалось только «подогнать» показания обвиняемых и добиться подписания протокола(ов) допроса.

Петелин выразил готовность сотрудничать со следствием еще 13 ноября 1936 г., признав существование с конца 1933 г. в Новосибирске Сибирского бюро ПСР. Он

⁷⁷ Боль людская... Т. 1. С. 148; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 81–82.

⁷⁸ Мамонтова Е.А. «На благо трудового народа». Судьба эсера-максималиста И.И. Жуковского-Жука // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области... Вып. 2. С. 576–581.

⁷⁹ Леонтьев Я. Репрессии против членов ОПК // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1925 : матер. междунар. науч. конф. (28–29.10.2001). М., 2003. С. 248–250, 258.

стал давать показания о своих «соучастниках», называя имена многих известных и не очень членов ПСР, с которыми он, якобы, и занимался контрреволюционной деятельностью, объявив отдельных из них японскими шпионами. В этих показаниях он не пощадил даже своих братьев – Михаила и Николая, назвав их в числе участников организации.

Под влиянием его показаний многие из арестованных прекращали сопротивление следствию и признавались в «грехах», начинали сами давать показания, полные вымыслов. Так, например, по показаниям В.С. Осипова-Занозина, эсеровские группы существовали в краевом земельном управлении, в «Сибторге», Сибкрайсоюзе, краевой конторе «Сибпушнины», в системе образования и целом ряде других организаций и учреждений. Упоминание любого из них предполагало и упоминание новых фамилий, что было на руку следствию. Это, во-первых, подтверждало «наличие» действительно широко разветвленной эсеровской организации на территории Западной Сибири, а во-вторых, приводило к срабатыванию принципа цепной реакции по выявлению новых связей. А уж как добываться нужных показаний, следователи НКВД были обучены⁸⁰.

Согласно отчету УНКВД по Новосибирской области за 1937 г., ликвидированная эсеровская террористическая шпионско-диверсионная организация насчитывала 617 активных членов. Руководство УНКВД посчитало необходимым по каким-то причинам выделить эту организацию; кроме того, только на территории Томской области (в рамках современных административно-территориальных границ) сотрудниками горотдела НКВД также были «вскрыты» несколько эсеровских (либо с участием эсеров) организаций. Так, по делам кадетско-монархической и эсеровской организаций были репрессированы 1 288 чел., 1 122 из которых расстреляны в 1937–1938 гг., по делу японо-эсеровской контрреволюционной организации осуждены 16 чел., в том числе 15 – к ВМН, еще двое томичей прошли по делу ПСР и также были расстреляны. Таким образом, из 1 306 арестованных были расстреляны 1 139 (87,2%)⁸¹.

Еще одной формой активного воздействия на бывших соратников в борьбе с самодержавием была их политическая обработка и принуждение к отказу от своих взглядов и убеждений, в частности, через публичное отречение от членства в рядах своих партий. В 1920-е гг. газеты регулярно публиковали заметки, сообщения и письма в редакции от отдельных представителей оппонировавших большевикам партий, чаще всего партии эсеров. Иногда эти обращения выносились на центральные полосы, в других случаях размещались где-то «на задворках», в зависимости от политической обстановки и потребности в таких покаяниях. Так, в августе 1923 г. в газете «Советская Сибирь» была опубликована заметка под названием «Образумились», в которой рассказывалось, что группа бывших членов партии эсеров из Барнаула опубликовала в местной печати письмо о разрыве всех связей с эсеровскими верхами, «дока-

⁸⁰ Леонтьев Я. Репрессии против членов ОПК... С. 259.

⁸¹ Подсчитано автором по результатам обработки базы данных репрессированных жителей Томской области.

тившимися до формального соглашения с заматерелыми врагами рабочего движения... Партии С[оциалистов]-Р[еволюционеров], как активной силы в процессе русской и международной революции нет, и возрождение её невозможно»⁸². Авторы письма, члены партии с 1902 г., одобряли постановление Всероссийского съезда бывших рядовых членов партии с.-р. и заявляли о готовности встать под знамена 3-го Интернационала. А в декабре 1924 г. газета поместила в самом уголке, у сгиба 11-й полосы, обращение бывшего члена партии эсеров М. Шадрин: «Гражданин Редактор! Не откажите напечатать в редактируемой Вами газете нижеследующее: В партию С.Р. я вступил в 1904 г., вследствие тактического расхождения в 1906 г. отошел к фракции максималистов-интернационалистов.

С первых дней февральской революции (1917 г.) мелкобуржуазная тенденция партии в целом, а равно и её левых группировок, и компромиссная политика, направленная во вред революции и трудящихся, убедили меня в невозможности оставаться в её рядах.

В сентябре 1917 г. я, по вышеуказанным причинам, из партии С.Р. вышел и ни идейного, ни организационного участия в работах этой организации с указанного выше времени не принимал и не принимаю.

Подтверждаю **вторично** о своем выходе из партии С.Р., считаю необходимым заявить свою солидарность с РКП(б), которая самоотверженной борьбой привела пролетариат России к совласти и верно и неуклонно ведет к созданию коммунистического общества на земле»⁸³.

Практика подобных заявлений-самоотречений имела место и во второй половине 1920-х гг. Время от времени кто-нибудь из «политических оппонентов» заявлял на страницах газет: «Я осуждаю преступное деяние партии с[оциал]-р[еволюционеров], променявшей интересы рабочего класса на Колчака, Юденича, Деникина, Врангеля и других прихвостней буржуазии. Осознавая, что я слепо верил в партию с[оциал]-р[еволюционеров], которая своими лозунгами ослепляла глаза рабочим, вела нас по ложному пути, я желаю смыть это позорное пятно, которое лежит на мне до настоящего времени. Я пред лицом всего пролетариата отрекаюсь от партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], как от предательницы рабочего класса. Мохно С.Л.»⁸⁴. Либо: «Считаю, что тактика партии с[оциал]-р[еволюционеров] гибельна для дела революции и тормозит работу компартии, направленную в интересах международного пролетариата. И.А. Айзенберг»⁸⁵.

Иногда это были целые подборки, как, например, «Письма о выходе из антисоветских партий»: «Летом 1918 г. в г. Камне (ныне г. Камень-на-Оби Алтайского

⁸² Советская Сибирь. 1923. 28 авг.

⁸³ Там же. 1924. 4 дек.

⁸⁴ Выписка из газеты «Коммуна» (г. Анжеро-Судженск), № 194 от 2 сентября 1924 г. См.: Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 35. Л. 24.

⁸⁵ Из обращения 22 апреля 1927 г. в газету «Красное знамя» с просьбой опубликовать. См.: Там же. Л. 47. Айзенберг Илья Александрович, 1900 г.р., арестован в 1923 г. и осужден к 2 годам ссылки в Марийскую область.

края. – В.У.) я вступил в партию эсеров, но в этом же году порвал всякую связь с нею и с тех пор эсером себя не считаю. Иван Ковригин.

В апреле 1917 г. я вступил в ишимскую группу партии эсеров. В июле того же года я вышел из неё по причине контрреволюционности её позиции. Единственно революционной партией считаю РКП. М. Катков»⁸⁶.

Что двигало этими людьми, можно только предполагать, скорее всего, желание выжить. А иначе зачем по прошествии ряда лет вспоминать о прошлом и говорить о «контрреволюционности», когда её еще и в помине не было либо как таковая она еще определена не была. Несомненно, подобные публикации сыграли значительную роль в развале партийных рядов названных выше партий, внося сумятицу и сомнения в умы колеблющихся, разочарование – в сознание разочаровавшихся в недавних соратниках и товарищах по борьбе за счастье народа.

Таким образом, партия эсеров явилась «главной» из политических партий, оппозировавших большевикам в годы советской власти, принявшей на себя основной удар репрессий. Большевики прекрасно понимали, что ПСР была партией, за которой могла пойти крестьянская масса, партией, чьи призывы и лозунги разделялись миллионами сограждан. По этим и целому ряду других причин советское руководство даже по прошествии двух десятков лет после победы в Октябре 1917 г. продолжало политику их преследования и окончательного разгрома, в том числе и через физическое уничтожение.

3.2. Меньшевики

Менее активно проявляли себя представители партии меньшевиков. Хотя с первых дней освобождения от колчаковцев меньшевики основные усилия направили на восстановление профсоюзных организаций, в частности, на основе узкопрофессиональных принципов. Уже через месяц в Томске было зарегистрировано 30 союзов. В Новониколаевске меньшевики заняли в профсоюзах руководящие позиции. Кроме того, они активно использовали и кампанию по выборам в Советы в 1920 г. Используя легальные возможности партии, меньшевики успешно вели агитационно-пропагандистскую работу, что позволило им найти поддержку в союзе печатников Красноярска, среди железнодорожников, металлистов и печатников Иркутска. Именно в этих городах меньшевики смогли получить мандаты в Советы, а в Иркутске они даже сохранили свою фракцию, хотя число мест в Совете сократилось с 25 до 9 чел.⁸⁷

Прокатившиеся по Сибири в 1920–1921 гг. «мятежи» и «восстания» заставили большевистское руководство принимать меры по нейтрализации деятельности полит-

⁸⁶ Советская Сибирь. 1926. 5 февр. В этой же подборке размещена информация о выходе из партии меньшевиков еще в 1920 г.: «В конце 1920 г. я вышел из одесской организации РСДРП (меньшевиков) и до 1924 г. оставался внепартийным социал-демократом. Факты позорной деятельности меньшевиков заставили меня окончательно разорвать всякую связь с ними. И.Я. Серчук».

⁸⁷ Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики Сибири... С. 8–17.

партий через систему репрессий. В частности, еще весной 1920 г. были запрещены (за исключением Иркутска) все эсеровские и меньшевистские газеты, а летом 1921 г. – последние меньшевистские организации; проведены аресты в ряде городов. Эсеры и меньшевики вынуждены были уйти в подполье и восстанавливать свои организации. Подпольные губкомы и горкомы существовали в Омске, Томске, Новониколаевске и Красноярске⁸⁸. Органы ВЧК в этот период начали активно использовать агентурно-оперативные мероприятия по проникновению в эсеро-меньшевистские организации, вербовке агентуры из числа представителей этих партий. Если в 1920–1921 гг. они могли говорить о количестве организаций и числе их участников весьма приблизительно, то в 1922 г. уже были созданы оперативные позиции, позволявшие отслеживать почти все шаги и действия этих организаций.

Активизация деятельности чекистских органов была следствием прямых указаний ЦК РКП(б). Еще в мае 1921 г. на X Всероссийской конференции РКП(б) был заслушан специальный доклад ЦК «О роли эсеров и меньшевиков в переживаемый период», где было высказано предположение о возможных действиях эсеров и меньшевиков по укреплению своих позиций в советском аппарате, в профсоюзах и кооперации. В июне 1921 г. ЦК РКП(б) обсудил вопрос «О работе меньшевиков». Были отмечены активизация деятельности эсеровских и меньшевистских организаций, укрепление связи между ними. Эта активизация выражалась в организации меньшевиками и эсерами забастовочного движения в стране, в частности, в связи с ухудшением продовольственного снабжения рабочих и служащих, задержками выплаты заработной платы. Например, в Иркутске, пользуясь легальным положением, меньшевики вели антикоммунистическую пропаганду и находили поддержку и понимание у части населения, преимущественно служащих (в Сибири они имели достаточно крепкие позиции среди связистов, печатников, учителей, врачей и coworkers).

Органам ВЧК поручалось усилить борьбу с этими партиями на местах, в частности, по пресечению их антисоветской деятельности. Соответствующие директивные документы ВЧК дублировали упомянутое выше партийное указание.

К этому времени «пути-дороги» меньшевиков и эсеров начали расходиться. Меньшевики не поддержали эсеров в организации крестьянских выступлений в Сибири в начале 1920-х гг. Более того, ЦК РСДРП(м) в письме сибирским партийным организациям о крестьянских волнениях в Западной Сибири уже в апреле 1921 г. предлагал всем меньшевистским организациям в Сибири «...по отношению к этим восстаниям и впредь продолжать держаться занятой ими резко отрицательной позиции. Наши партийные организации Сибири должны использовать всю сумму своего политического влияния на сибирскую деревню для предотвращения крестьянских восстаний»⁸⁹. В изложенной далее программе действий предлагалось развернуть «широкую политическую кампанию» против восстаний и «расширить и углубить работу»

⁸⁸ Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики в общественно-политической жизни Сибири (1919–1924 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. С. 14.

⁸⁹ Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 // Меньшевики в 1921–1922 гг. М., 2002. С. 220–223.

среди крестьянства и рабочих по популяризации политической и экономической программ партии и т.п. При этом делалось предупреждение, что уклонение от указанной работы являлось бы политической ошибкой и прямым нарушением целого ряда партийных решений.

В работе состоявшейся в Новониколаевске во время съезда инструкторов-кооператоров губсоюза 5–8 августа 1921 г. Всесибирской конференции РСДРП приняли участие представители организаций Москвы, Красноярска, Томска, Барнаула, Омска, Бийска и Семипалатинска, а также 2 члена ЦК партии, 3 члена Сиббюро РСДРП и 7 представителей губернских городов Сибири. Член ЦК партии Дембский проинформировал участников конференции, что ряды членов партии в стране объединяли более 4 тыс. чел., а Новониколаевская организация насчитывала более 140 чел. Конференция постановила, что поскольку эсеры грубо нарушили соглашение о взаимoinформировании и координации действий, особенно во время февральских событий в Петропавловске и Тобольске («Западно-Сибирское восстание». – В.У.) и т.п., далее с ними ни в какие блоки не вступать. Что касается вопросов тактики, то конференция рекомендовала членам партии активнее входить в органы власти, в профсоюзы и месткомы. Решением конференции также был признан целесообразным перевод Сиббюро РСДРП из Омска в Новониколаевск, что соответствовало положению дел в Сибири, там были лучшие условия для деятельности местных организаций партии⁹⁰.

«Малозаметная» деятельность меньшевиков, возможно, была связана с уходом наиболее активной части партии в глубокое подполье, в котором руководящие кадры ничем себя не проявляли. Так, в сводке за март 1921 г. за подписью председателя Томской губчека отмечалось, что «организация с-д меньшевиков, вероятно, как в Томске, так и во всей Сибири, совершенно безличная. Во главе её хотя и стоят люди с многолетним партийным стажем, но их ряды делаются все реже и реже. Членов местной организации можно сосчитать по пальцам»⁹¹. К сводке прилагался список Томской организации социал-демократов меньшевиков из 24 чел.

Между тем уже к началу следующего года меньшевики и эсеры развернули достаточно активную работу в связи с выборами в Советы. Так, 8 января 1922 г. из Красноярска информировали Сиббюро ЦК РКП(б), что в связи с переброской большинства партийных работников на подработки меньшевики под видом «беспартийных» выставили свои списки для выборов в городской Совет, и при отсутствии надлежащих партийных сил в городе есть опасения, что таковые пройдут.

⁹⁰ Меньшевики в большевистской России. 1918–1924... С. 571–574; Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к нэпу... С. 32–33. Инициаторами проведения конференции было бюро Омского комитета партии, которое направило во все партийные организации письмо, содержащее оценку положения в организациях, информацию о попытках легализации партийных организаций и необходимости «напрячь все силы к собранию на местах разрозненных с-д сил и к недопущению партийного раздора». Предлагалось установить связь с Омским бюро меньшевистской организации и оказать материальную поддержку для оплаты расходов по тиражированию литературы, которой снабжались все города Сибири. См.: Меньшевики в большевистской России. 1918–1924... С. 316–318.

⁹¹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 34. С. 17–18.

В профсоюзе совслужащих за список «беспартийных кандидатов», выдвинутых меньшевиками и эсерами, проголосовало 120 чел. Выступившие на этом собрании меньшевики Кузнецов и Мельниченко не скрывали своей оппозиционности РКП(б) и критиковали политику советской власти. Подобная ситуация, но более острая, складывалась и в Иркутске. Там в ряде организаций списки коммунистов были провалены, что привело к рассмотрению «иркутского вопроса» 21 февраля 1922 г. на закрытом заседании Сиббюро ЦК РКП(б).

Не менее активно меньшевики вели себя и при выборах профсоюзных органов. На собрании служащих Енисейского губпродкома при выборах нового месткома все кандидатуры и предложения членов РКП(б) были отвергнуты. В сводке-донесении отмечалось, что «под влиянием меньшевистских лидеров речи коммунистов встречали с шумом, криком и чуть ли не свистом»⁹². Примеры подобного были не единичны.

Достаточно сильными и серьезными были позиции меньшевиков и эсеров в потребительской кооперации. В ряде губерний (Енисейская, Иркутская) правления потребкооперации возглавляли представители этих партий. И в «Сибцентросоюзе» они возглавляли целый ряд ведущих отделов, что позволяло проводить «свою политику» во взаимоотношениях с кооператорами, отличную от политики органов советской власти. Наличие крепкого ядра в Центросоюзе, в том числе занимавшего руководящие посты, позволяло использовать этот орган для проведения партийных совещаний и заседаний, поддерживать связь с другими регионами, Москвой через систему командировок курьеров.

В Иркутской потребкооперации из 5 членов правления четверо являлись меньшевиками, в том числе председатель правления. Уполномоченный ОГПУ Иркутской губернии по кооперации в одном из докладов писал, что в числе ответработников губсоюза «членов РКП(б) 7 человек, эсеров – 10, меньшевиков – 9. Ядро антисоветского элемента без определенной партийности – 7 человек»⁹³. Подобным образом ситуация обстояла и в других губерниях.

Сильные позиции в кооперации у эсеров и меньшевиков сложились в силу грамотности специалистов (из числа представителей этих партий) и крепких корпоративных связей. Представителей РКП старались по возможности не допускать в свои ряды, а при удобных случаях компрометировать, в том числе и через их непрофессионализм.

Потребовалось принятие кардинальных мер со стороны РКП(б), в том числе репрессивного характера, чтобы ситуацию в профсоюзах и кооперации переломить. Представители партий эсеров и меньшевиков стали утрачивать свои позиции. Несколько ранее изменилась в пользу РКП(б) ситуация и в Советах.

К осени 1922 г. позиции меньшевиков сохранились только в профсоюзных организациях Наркомата связи в Омске, кожевенников и коммунхоза в Иркутске⁹⁴.

⁹² Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики... С. 42–45.

⁹³ Там же. С. 63.

⁹⁴ Там же. С. 54.

Деятельность меньшевистских организаций была менее активной, чем организаций эсеров. Можно привести пример по делу, которое велось Томским губотделом ГПУ в 1922 г., 7 жителей Томска – представителей партии меньшевиков. В ноябре 1922 г. сотрудник Секретного отдела ГПУ Иванов вынес по этому делу следующее заключение: «Принимая во внимание, что данных для привлечения в судебном порядке... не добыто и что, по заключению Томского ГО ГПУ, эти лица активно себя не проявляют и на рабочую среду влияния не имеют, следовательно, являются для гор. Томска социально не опасными, дело о всех 7 прекратить и сдать в архив»⁹⁵. Коллегия ГПУ на судебном заседании 27 ноября 1922 г. с этим заключением согласилась.

Но одновременно с этим в октябре 1922 г. в Томске были арестованы меньшевики Б.В. Тихомиров, А.П. Новицкий, В.Е. Воложанин, М.И. Елевич, А.А. Наумов, И.М. Рыбальский и некоторые другие, в основном бывшие члены губернского и городского комитетов РСДРП. Часть из них была осуждена⁹⁶.

Кампания арестов меньшевиков началась летом 1922 г. 27 июля региональные органы ГПУ получили циркуляр с указанием развернуть мероприятия против партии меньшевиков. В сентябре 1922 г. Секретный отдел ГПУ потребовал от губернских отделов проведения операций по изъятию членов РСДРП; предписывалось обыски провести у всех активных и неактивных, а также и у сочувствующих. Арестованным предъявлять обвинение в принадлежности к партии меньшевиков и те контрреволюционные деяния, кои устанавливаются материалами, обнаруженными при обыске.

Осенью 1922 г., в соответствии с указаниями Центра, губотделы ГПУ начали работу по составлению списков членов антисоветских партий, проявивших себя враждебно по отношению к советской власти. Списки собирались в полномочных представительствах, где обрабатывались, обобщались, а затем направлялись на места для организации работы по принятию конкретных мер. Преобладали в списках представители партий эсеров и меньшевиков. Такая работа была проведена и в Западной Сибири.

Чтобы появилось полное представление о том, что собой представляли оперативные учеты, приведу конкретный пример, как накапливались сведения на одного из фигурантов.

«Ф.И.О. Ермолаев Петр Михайлович.

Возраст – 39.

Социальное положение – служащий.

Образование – высшее, юрист.

Какое положение занимал в партии, должность и каким пользовался влиянием – со школьной скамьи усвоил С.Д. идеологию. При царизме подвергался преследованиям. В 15–17 гг. издавал газету в Красноярске меньшевистского направления. Принадлежал к партии активистов, указывая, что примыкал к фракции большевиков. Замечен в агитации за рабочее правительство в Англии (Макдональда), каковое считает более применимым, чем соввласть. Требуется освещение.

⁹⁵ Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 1011. С. 144.

⁹⁶ См. сноску 17 в гл. 3.

К какому течению примыкал – правому.

Вступление в партию – 1904.

Активность – пассивен, после последних перевыборов в Англии.

Судимость – не судился.

Примечание – рост высокий, телосложение слабое, волосы черные, глаза черные, лицо смуглое, продолговатое. Тип инородца»⁹⁷.

Такого рода списки оформлялись в виде таблицы.

По результатам этой работы были проведены аресты, и к концу 1922 г. РСДРП фактически перестала существовать как общероссийская организация. Число участников меньшевистских организаций, по данным местных органов ГПУ, исчислялось единицами, в лучшем случае – десятками. Репрессии против партии заставили её перейти на нелегальное положение уже осенью 1922 г. К концу 1923 г. организации РСДРП действовали лишь в 8 городах страны.

По решению Политбюро ЦК РКП (б) в декабре 1922 г. была начата акция по удалению меньшевиков из всех государственных и кооперативных организаций и учреждений. В первую очередь чистке подверглись структуры, где была возможность у меньшевиков контактировать с рабочим классом. Органы ГПУ получили право заменять административную ссылку заключением в лагеря тех «активных» меньшевиков, в отношении которых не было получено данных, позволявших предавать их суду⁹⁸.

Наибольшая активность в вопросах борьбы с меньшевиками была проявлена в марте 1923 г. Инициатором её выступил Ф. Дзержинский, который 22 марта направил записку в адрес ряда руководителей ГПУ, в которой предлагал использовать возможности партийно-советских органов и органов ГПУ в работе с меньшевиками. Первые должны были организовать соответствующую кампанию в печати, мобилизовав партийно-комсомольский актив предприятий, фабрик, вузов. На органы ГПУ возлагалось проведение оперативных комбинаций по внедрению агентуры в ряды меньшевиков с целью разложения организаций изнутри. Предусматривались меры репрессивного характера, удаления меньшевиков из госаппарата и вузов, лишения их связи с границей и средств для проведения партийной работы, а также целый ряд других мероприятий.

Предусматривалось получение санкции ЦК РКП(б) на право производства в государственном масштабе массовых операций против меньшевиков, Бунда и Поалей-Цион. Предполагалось изъятие меньшевиков из НКПочтеля, НКПС, Наркомвнешторга, НКИД, ВЦСПС и Профинтерна в целях пресечения связей с границей. Были определены места ссылки для меньшевиков с учетом возраста и физического состояния. В вузах предполагалось изъятие активных меньшевиков-студентов и создание фильтровочных комиссий с представительством ГПУ в период набора студентов. Члены партии должны были помогать органам ГПУ, предоставляя информацию о меньшевиках; они

⁹⁷ Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 41. Л. 1.

⁹⁸ Павлов Д.Б. Большевистская диктатура... С. 80–82.

могли быть привлечены к строгой партийной ответственности за контакты и помощь представителям партии меньшевиков. 24 марта состоялось очередное совещание руководителей ГПУ по данному вопросу с новой детализацией предстоящей кампании.

И уже 29 марта Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление «О меньшевиках», одобрив предложения Ф. Дзержинского. Была создана комиссия по окончательной разработке мер борьбы с меньшевизмом. Но в мае 1923 г. Ф. Дзержинский писал Уншлихту, направив копию Менжинскому: «Массовые высылки возбуждают у меня большие опасения...», так как они сплачивают и организуют высылаемых, чего допускать никак нельзя. Кроме того, надо было организовать отбор высылаемых – в ссылку наиболее активных, а с остальными разбираться более тщательно и внимательно. «Лучше в 1000 раз ошибиться в сторону либеральную, чем послать неактивного в ссылку, откуда он сам вернется, наверное, активным, а его осуждение сразу будет мобилизовано против нас. Ошибку всегда успеем исправить. Высылку потому только, что он когда-то был меньшевиком, считаю делом вредным»⁹⁹.

Завершая свое послание, он просил дать ход его записке. Однако следует констатировать, что по прошествии всего двух месяцев Ф. Дзержинский вынужден был задуматься о целесообразности проявленной им инициативы. Чем это было вызвано, судить сложно. Возможно, это связано с осознанием того, что выбранный путь борьбы с меньшевиками не верен и не позволит добиться желаемого результата. Озвученная им позиция «услышана» не была. На места по партийной и чекистской линиям уже были направлены директивы и указания по развертыванию борьбы с меньшевиками, предполагавшие строжайшую ответственность и учет.

Исполнение не заставило себя ждать. Так, например, в отчете Томского губотдела ГПУ о деятельности эсеров, меньшевиков и анархистов в марте 1923 г. было подчеркнуто, что меньшевики свою работу вели в основном в рабочих районах, но были дезорганизованы. Действуя «...как в хозяйственных органах, так и среди рабочих, стараясь привлечь беспартийные массы на свою сторону, меньшевики, так же как и СР, опираются на ошибки РКП и линию проводят, аналогичную проводимой линии СР... Агитация меньшевиков в рабочих районах губернии замечается: в Ленинском, Прокопьевском, Анжерском и г. Томске среди промышленных предприятий. Агитация в общем направлена на дискредитацию соввласти и членов РКП и дезорганизацию в проведении тех или других коммунистических основ.

В Анжерском районе на почве несвоевременной доставки продуктов велась агитация к забастовке. Такие же явления замечены в Ленинском районе.

В Томске замечено проведение меньшевистской линии среди печатников»¹⁰⁰.

Весной 1923 г. по «примеру ПСР» была предпринята попытка организации съезда бывших меньшевиков с целью ликвидации партии. Все началось с конференции в Тифлисе и организации групп по подготовке подобных форумов в ряде европейских городов России. Этой работой руководила специальная комиссия ЦК

⁹⁹ Меньшевики в большевистской России. 1918–1924... С. 654–658.

¹⁰⁰ Из истории земли томской. 1921–1924... С. 327.

РКП(б), которая и предложила руководству страны не проводить общероссийский съезд. Это предложение было принято на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 22 октября 1923 г. («О созыве съезда меньшевиков во Всесоюзном масштабе»). Однако Политбюро ЦК 10 ноября приняло постановление, в котором отмечалась необходимость дальнейшей работы по созыву съездов и конференций бывших меньшевиков в губернских масштабах, но решение вопроса о созыве съезда было отложено. Например, в ЦДНИ ТО хранится докладная записка начальника Томского губотдела ОГПУ М.Ф. Филатова¹⁰¹ со списками меньшевиков в связи с организацией ликвидационного съезда¹⁰². Ограничились проведением ряда региональных конференций, численность делегатов которых часто совпадала с численностью организаций, представляемых ими. В апреле 1924 г. решением Политбюро «операция по меньшевикам» была свернута, но в регионах конференции продолжались еще до сентября.

Все предпринимаемые властью шаги по «самороспуску» партий и проведению съездов «бывших» ни в коей мере не смогли затронуть социалистическое подполье, хотя именно оно и являлось главной целью в борьбе с «политическими оппонентами». Летом 1923 г. Бюро ЦК РСДРП при участии представителей правого крыла партии и Бунда провели в Подмоскovie конференцию, на которой приняли решение о недопустимости сокращения партийной работы. По этой причине власть в отношении «не-разоружившихся» социалистов вернулась к прежней тактике.

В июне 1923 г. на места был разослан циркуляр ЦК РКП(б) с грифом «Совершенно секретно» «О мерах борьбы с меньшевиками», в котором отмечалось, что «при полном разгроме и дезорганизации буржуазно-либеральных партий, а также эсеров, находящихся в данное время в состоянии политического маразма, партия меньшевиков является сейчас единственной организацией, пытающейся развернуть работу на всей территории союза республик... Это обстоятельство делает партию меньшевиков в настоящее время самой значительной силой на нашей политической арене, работающей в направлении буржуазной контрреволюции. Вот почему одна из ближайших самых насущных задач нашей партии заключается в том, чтобы вырвать с корнем меньшевистские связи в рабочем классе, окончательно дезорганизовать и разбить

¹⁰¹ Филатов Михаил Алексеевич, 1891 г.р., ур. с. Слизнево Арзамасского уезда Нижегородской губ., русский, из крестьян, образование начальное. Служил в царской армии, учительствовал, снова служил в армии. В РКП(б) с марта 1919 г., в органах ВЧК – с мая 1919 г., служил в Омской губЧК, затем – зам. начальника Сибирской окружной транспортной ЧК, начальник Новониколаевской губЧК, начальник Томского губотдела ОГПУ. В сентябре 1925 г. откомандирован в распоряжение ЦК РКП(б). В мае 1928 г. вновь отозван в ОГПУ – зам. начальника ХОЗО ОГПУ. В июне 1930 г. – секретарь Президиума ВСНХ СССР, с 1931 г. – директор завода № 5 в г. Смоленске.

¹⁰² В списках названы, в частности, М.П. Кожевников и его жена Н.Г. Целикова, родители известного советского писателя, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, секретаря правления Союза писателей СССР В.М. Кожевникова. См.: Кан Г.И. Вадим Кожевников: история семьи писателя в документах томских архивов // Документ как социокультурный феномен : сб. матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Томск, 29–30 октября 2009 г.). Томск, 2010. С. 436–441.

партию меньшевиков, совершенно дискредитировать её перед рабочим классом и уничтожить всякую возможность меньшевистского влияния на него в будущем»¹⁰³.

Партийным органам на местах рекомендовалось: «приступить в порядке партийного руководства профессиональными, кооперативными, советскими и хозяйственными органами к систематическому изъятию меньшевиков из профсоюзов, потребительской кооперации, трестов, страховых компаний и вузов. До сведения партийных комитетов было доведено, что по линии ГПУ даны специальные инструкции на предмет борьбы с меньшевиками»¹⁰⁴. Партийные комитеты при этом обязывались «оказывать всяческое содействие органам ГПУ.

Циркуляр был рассмотрен на закрытых заседаниях губкомов РКП(б); приняты конкретные решения и постановления.

В августе 1923 г. Сиббюро ЦК РКП(б) направило секретарям губкомов РКП(б) личные письма, в которых указывало на наличие в ряде районов организаций меньшевиков, а также неорганизованных групп, стремившихся распространить свое влияние среди рабочих, в профсоюзных, культурно-просветительских, кооперативных, советских организациях и учреждениях. Сиббюро потребовало провести учет меньшевиков во всех профорганах и незамедлительно снять их с занимаемых должностей. Рекомендовалось также провести проверку и чистку рабочих клубов, страховых органов и т.п. Кроме того, письма содержали рекомендации в отношении руководителей организаций и предприятий, их предупреждали о недопустимости оказания какой-либо помощи увольняемым меньшевикам¹⁰⁵.

В соответствии с этим циркуляром все партийные организации оказались загруженными работой не на один месяц: одни определяли тех, кто имел или мог иметь отношение к меньшевикам, другие, вышестоящие, решали судьбы отобранных. 5 ноября 1923 г. на закрытом заседании президиума Томского губкома РКП(б) был рассмотрен вопрос «О меньшевиках, работающих в данное время в учреждениях гор. Томска». По итогам рассмотрения вопроса президиум постановил: «I. Считать необходимым снятие с работы следующих:

1. Герцева [А.И.] из страхкасы.
2. Хотнянского [П.В.] из губсоюза.
3. Серебрянникова - « -.
4. Николинского из транспортного цеха, о чем сообщить последнему.
5. Каменева [Д.Н.] из ГСПС.

II. Седова [П.В.] оставить при условии дачи ему рекомендации губсоюза...»¹⁰⁶.

Видимо, этим все и закончилось, так как в процессе обработки материалов архива Управления ФСБ РФ по Томской области ни один из названных выше не был

¹⁰³ Цит. по: Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 88–90.

¹⁰⁴ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае... Т. 1. С. 21.

¹⁰⁵ Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики Сибири... С. 85–86.

¹⁰⁶ Из истории земли томской. 1921–1924... С. 343. По картотеке ЦДНИ ТО проходит Серебрянникова Р.А.

выявлен в числе репрессированных, если только они не уехали из Томска и не попали в жернова репрессий в других регионах.

Достаточно заметную роль в борьбе с политическими оппонентами, особенно на первом этапе, сыграли созданные весной – летом 1922 г. при губернских и областных комитетах партии Бюро содействия органам ГПУ. Решение об этом было принято ЦК РКП(б) 22 марта 1922 г. Бюро обязывались взять на учет всех эсеров и меньшевиков в учреждениях Наркомтруда, кооперативах и хозяйственных органах; выдавать необходимые справки и всячески содействовать органам ГПУ; представлять органам ГПУ нужную информацию.

В разработанной Секретно-оперативным управлением (СОУ) ГПУ «Инструкции об организации бюро содействия органам ГПУ на местах» указывалось, что Бюро прежде всего организуются в губернских центрах, во всех государственных, общественных, кооперативных и частных учреждениях и на предприятиях, а также в высших учебных заведениях. При этом комплектоваться они должны были только из коммунистов.

В состав Бюро содействия ответственные руководители предприятий или учреждений (обязательно коммунисты), по согласованию с губотделом ГПУ, выделяли по три коммуниста с партийным стажем не менее трех лет, а в промышленных районах – не менее двух лет из числа ответственных работников учреждения или предприятия. Коммунисты за работу в составе Бюро содействия вознаграждений не получали.

Обязанности членов этих формирований включали в себя систематический сбор сведений о различного рода антисоветских проявлениях по месту своей работы; выявление контрреволюционных элементов в учреждении (или на предприятии), а также и вне его; изучение политической благонадежности личного состава учреждения; учет выявленных членов антисоветских партий и других контрреволюционных элементов; на каждого заполнялась секретная анкета, разработанная СОУ ГПУ.

Бюро содействия помогали негласным сотрудникам органов ГПУ при поступлении на службу с целью разработки конкретных лиц и в контакте с губотделом ГПУ вырабатывали планы политического оздоровления учреждения или предприятия путем увольнения и «переброски» тех или иных «нежелательных элементов».

Создавались Бюро с таким расчетом, чтобы через отдельных своих членов охватить все учреждения в целом или их важнейшие отделы. Члены бюро вместе или по очереди обязаны были присутствовать на общих собраниях сотрудников учреждения, чтобы знать настроение личного состава. К выполнению отдельных заданий Бюро содействия могло привлекать надежных и проверенных членов партии.

Не реже двух раз в месяц члены Бюро содействия должны были собираться для обсуждения политического состояния личного состава учреждения или предприятия. Результаты обсуждения в форме двухнедельной сводки передавались губотделу ГПУ через постоянного представителя Бюро, который, в свою очередь, получал очередные задания от органов государственной безопасности. Члены Бюро работали в условиях строжайшей конспирации. Всей деятельностью руководили секретные отделения губернских отделов ГПУ.

Из Сиббюро ЦК РКП(б) 15 апреля 1922 г. во все местные губернские партийные комитеты были направлены циркулярные телеграммы о необходимости незамедлительного создания Бюро на местах¹⁰⁷. И уже через месяц партийные органы информировали Сиббюро о том, что Бюро созданы на большинстве предприятий и учреждений, в том числе по Омской губернии – в 22, а Енисейской – в 25¹⁰⁸. Создание подобного органа оказалось делом далеко не простым, так как не во всех учреждениях имелись партячейки, а многие руководители пытались уклониться от этого занятия, ссылаясь на загруженность. Многие просто отказывались выполнять данное поручение, не понимали сущности конспирации и допускали умышленно или неумышленно расконспирацию мероприятий и секретных сотрудников ГПУ. Однако поставленную вышестоящими органами задачу необходимо было решать, и 15 июля 1922 г. секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) Ем. Ярославский подписал мандат № 4468 о поручении органам ГПУ создать при всех областных, советских, профессиональных, хозяйственных и других организациях Бюро содействия. Мандатом предписывалось: «Товарищи коммунисты, состоящие во главе этих учреждений и организаций, обязуются [в] порядке партийной дисциплины оказывать губотделу ГПУ всемерное содействие и выполнение аккуратно всех возложенных на них задач»¹⁰⁹.

Бюро содействия сработали как невод с мелкой ячеей (тотальный контроль за жизнью граждан и своевременная реакция на любые отступления от «норм и правил», принятых коммунистическим руководством страны).

На первом этапе роль Бюро содействия была достаточно значительной и позволила добиться определенных результатов в борьбе с эсерами и меньшевиками, в частности, по их установлению, учету и организации контроля за ними, выявлению связей. Постепенно задачи расширялись, становились все более общими и расплывчатыми, сводились к общему наблюдению и информированию подразделений ГПУ. Эффективность работы Бюро стала снижаться, на мой взгляд, вследствие нескольких причин. Во-первых, со временем на местах уже не ощущалась «острота» борьбы с политическими оппонентами в силу их малочисленности; во-вторых, бюро не могли объективно, в силу своей политической принадлежности, реально внедряться в организации «оппонентов», выведывать их планы и намерения, а тем более проводить работу по их разложению и подрыву (отсюда и переход к более общим задачам); в-третьих, накопились «обиды» со стороны партийных органов (особенно губернского и областного уровня) на отделы ГПУ, которые не всегда спешили делиться информацией по причине специфики своей деятельности. Передаваемая органами ГПУ в Центр информация обобщалась, докладывалась высшему партийному руководству страны и уже оттуда могла поступать в партийные органы на места с соответствующими указаниями. Часто получалось, что эти указания демонстрировали партийным органам на периферии, что те не владеют информацией.

¹⁰⁷ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 161. Л. 107.

¹⁰⁸ Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов... С. 22–23.

¹⁰⁹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 161. Л. 105.

Однако органы ГПУ–ОГПУ не собирались отказываться от такого удобного «инструмента» контроля за жизнью советского общества (многие десятилетия эта задача оставалась в ряду первоочередных). Партийное руководство страны также было удовлетворено получаемой от органов информацией. По этой причине Сиббюро ЦК РКП(б) 15 февраля 1924 г. вынуждено было направить циркулярное письмо всем секретарям губернских и областных комитетов РКП(б) об активизации бюро содействия губотделам ОГПУ: «...как видно из сведений, поступающих с мест, коммунисты – члены «Бюро содействия» – за последнее время под разными предлогами и причинами заметно уклоняются от выполнения заданий «Б.с.», не посещают явки, назначаемые уполномоченными губотделов ОГПУ, вследствие чего последним для сбора необходимых сведений приходится посещать места службы членов «Б.с.» и этим расконспирировать последних.

Некоторые губкомы, считая работу «Б.с.» как бы отошедшей и не нужной в данное время, по отношению указанных партийцев никаких решительных мер не принимают, ограничиваясь лишь только мягким внушением, что на некоторых коммунистов никакого воздействия не производит.

Принимая во внимание, что Бюро содействия как подсобный орган губотделов ГПУ на местах имеет колоссальное значение и при правильной постановке дела хорошо подобранными старыми, ответственными и вполне сознательными коммунистами – членами «Б.с.» – значительно может облегчить работу органов ОГПУ, Сиббюро ЦК РКП предлагает всем губкомам принять все меры к восстановлению ослабевающей работоспособности членов «Б.с.» и следить за точным и своевременным исполнением коммунистами – членами «Б.с.» – циркуляра ЦК РКП от 22 марта 1922 г. за № 11543/1812»¹¹⁰.

Подобное указание позволило несколько активизировать деятельность губернских и областных комитетов партии, но к качественному улучшению работы не привело. Вина за это лежала не только на партийных органах, но и непосредственно на губернских отделах ОГПУ. Так, заместитель начальника Томского губотдела ОГПУ Степняк в сообщении на запрос губкома РКП(б) о работе Бюро содействия в мае 1924 г. сообщал, что «за период ноябрь – декабрь 1923 г. и январь – апрель 1924 года работа бюро протекала слабо благодаря пассивному и казенному отношению членов его... за последнее время в связи с перемещением членов Б[юро]/с[одействия] в другие учреждения связь с многими порвалась и **лишь сейчас возобновляем** (выделено мною. – В.У.)»¹¹¹.

Этот вывод говорит о многом: руководитель органа ОГПУ практически признал, что данной работой органы ОГПУ (как, впрочем, и партийные) всерьез не занимались, пустили её на самотек. Подобная ситуация была характерной и для других регионов Сибири. В конечном итоге Бюро содействия органам ОГПУ как форма оперативной деятельности и взаимодействия партийных органов и органов ОГПУ в

¹¹⁰ ЦДНИ ТО. Ф-1. Оп. 1. Д. 96. Л. 412.

¹¹¹ Там же. Л. 413.

борьбе с политическими оппонентами свое существование прекратили. Возможно, по причине постановки партией большевиков перед органами ОГПУ новых задач.

По данным органов ОГПУ, в период с 1923 по 1928 г. только в Москве были ликвидированы 6 составов нелегальных бюро ЦК меньшевиков, 3 состава малого бюро ЦК, бюро Московского комитета меньшевиков, 4 склада литературы, архив бюро ЦК и т.п. Деятельность партии меньшевиков «активный характер» носила преимущественно в крупных городах европейской части страны и республиках Закавказья¹¹². В 1928 г. в Баку была арестована эмиссар заграничного ЦК меньшевиков Е.Л. Бройдо, нелегально прибывшая в СССР, согласно оперативным данным, для организации антисоветской работы. В 1929 г. был арестован еще один нелегал от меньшевиков – М.А. Броунштейн-Валерианов¹¹³. Сотрудники ОГПУ уготовили им роль активных участников в готовящемся процессе по делу Союзного бюро меньшевиков.

Несмотря на определенную помощь из-за границы, работу на территории СССР организовывать стало сложнее, так как постоянный прессинг со стороны органов ОГПУ не мог не давать результатов. Восстановить и организовать работу Бюро ЦК уже не представлялось возможным. В силу этих обстоятельств упоминания о меньшевиках встречались все реже, в основном когда речь шла о ссылке политических оппонентов в отдаленные районы Сибири и об их положении в ссылке.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в конце 1920-х гг. в СССР не существовало меньшевистской организации, планировавшей государственный переворот. Однако на протяжении десятилетий советская историческая наука рассматривала процесс Союзного бюро ЦК РСДРП, состоявшийся 1–9 марта 1931 г. в Москве, как результат разоблачения действовавшей на территории страны контрреволюционной организации¹¹⁴. Члены организации обвинялись в поддержании контактов с антисо-

¹¹² История советских органов государственной безопасности... С. 189; Меньшевики в большевистской России... С. 671–673. В документальном сборнике «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД...» приведены несколько шифрограмм о восстании в Грузии, активными организаторами которого были меньшевики (Т. 2. С. 237–240). Восстание было подавлено, а несколько сот его участников расстреляны «по решениям Закчека» (С. 239).

¹¹³ Броунштейн-Валерианов Михаил Адамович, 1886 г.р., ур. г. Елисаветграда, еврей, образование высшее, меньшевик с 1903 г., в 1922 г. за активную партийную деятельность выслан на Урал, откуда позднее выслан за границу. В 1929 г. нелегально с паспортом на имя Я.Н. Левина прибыл в СССР. В июне 1929 г. был арестован и в октябре осужден на 5 лет лишения свободы, в августе 1931 г. приговор был пересмотрен и срок увеличен до 10 лет заключения в политизолятор. Наказание отбывал в Суздальском политизоляторе. В 1934 г. направлен в ссылку в пос. Колпашево Нарымского округа, где работал экономистом-планировщиком окружного земельного управления. Вновь арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1993 г.

¹¹⁴ В соответствии с документами ОГПУ в 1929–1932 гг. в результате активных агентурно-оперативных мероприятий были «вскрыты и ликвидированы» меньшевистские организации на территории СССР. Например, в Ленинграде были вскрыты нелегальные группы, которыми руководили возвратившиеся в 1929 г. из ссылки меньшевики Фукс, Гольдберг, Зарх и др. Группы поддерживали связь с аналогичными организациями в других городах страны и с зарубежными организациями, откуда получали антисоветскую литературу. В качестве общего вывода: **Всея нелегальной деятельностью меньшевиков в СССР руководило так называемое Союзное бюро, вскрытое ОГПУ в 1931 г.**

ветскими силами за рубежом, вредительстве на предприятиях народного хозяйства и, главное, в подготовке свержения советской власти.

Наличие целого ряда рассекреченных архивных документов однозначно свидетельствует об искусственном характере процесса над представителями партии меньшевиков, организованного по личному указанию Сталина. Процесс стал третьим в череде процессов над «вскрытыми» органами ОГПУ «контрреволюционными» организациями – Промпартии, Трудовой крестьянской партии и Союзного бюро меньшевиков. Были «выявлены» тесные связи между названными организациями по преследуемым целям и задачам.

На организованный процесс были выведены 14 чел. из числа бывших членов партии меньшевиков. Но следует учесть, что трое никогда не состояли в этой партии, а остальные вышли из её рядов еще в начале 1920-х гг. Все осуждены на 5 и 10 лет лишения свободы с поражением в правах. Были привлечены к ответственности 122 чел., многие из которых были арестованы и осуждены ранее. Осуждение остальных прошло через Коллегию ОГПУ и «тройки»¹¹⁵. Аресты основной массы участников прошли в период с августа 1930 г. по апрель 1931 г., т.е. когда процесс был уже завершён. Одной из жертв процесса стал секретарь Омского отделения политкаторжан Ф.Г. Виноградов (Ягодин-Виноградов), осужденный в 1931 г. за «протаскивание на лекциях (в педтехникуме и зерновом институте. – В.У.) меньшевистских установок и сочувственное отношение к меньшевикам, осужденным по процессу социал-демократов (меньшевиков)»¹¹⁶. Арест послужил причиной его исключения из Общества политкаторжан.

Следствие вели сотрудники экономического управления ОГПУ. О методах следствия свидетельствуют участники процесса: И.И. Рубин¹¹⁷, Н.Н. Суханов¹¹⁸ и

¹¹⁵ Меньшевистский процесс 1931 года : сб. документов : в 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 6. О 100 арестованных неоднократно упоминалось сотрудниками ЭКУ ОГПУ, о чем в своем дневнике писал арестованный по данному делу М.А. Броунштейн-Валерианов (см. ниже).

¹¹⁶ Виноградов (Ягодин-Виноградов) Филипп Гаврилович, 1882 г.р., ур. с. Ильинского Уральской обл., в революционном движении с 1903 г., меньшевик. Занимался партийной работой в Красноярске, Томске, Кургане, Омске, Петропавловске, четырежды арестовывался, дважды был судим (1904 и 1909 гг.). В советское время арестовывался в 1923 г. за принадлежность к партии меньшевиков. См.: Папков С. Эволюция политического контроля и преследования членов ОПК в Западной Сибири в 1925–1935 гг. // Всесоюзное общество политкаторжан... С. 174.

¹¹⁷ Рубин Исаак Ильич, 1886 г.р., меньшевик и член Бунда с 1904 г., в 1917–1920 гг. – член ЦК Бунда, в 1921–1923 гг. – меньшевик. В 1926–1930 гг. – заведующий кабинетом политэкономики Института К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1931 г. осужден по процессу «Союзного бюро» на 5 лет лишения свободы, наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе, с 1933 г. – в ссылке в Тургае, а затем в Актюбинске. Повторно арестован в 1937 г. и расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1991 г.

¹¹⁸ Суханов (настоящая фамилия – Гиммер) Николай Николаевич, 1882 г.р., ур. г. Москвы, из семьи мелкого железнодорожного чиновника, в 1903–1906 гг. – эсер, арестовывался в 1904 г., в 1910 г. выслан на три года в Архангельскую губ., в 1915–1920 гг. – меньшевик. Член ВЦИК. Накануне ареста занимался научной и литературной деятельностью. Арестован в 1930 г. и осужден на 10 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе, откуда в 1935 г. был направлен на поселение в

М.П. Якубович¹¹⁹. Последний, в частности, в 1967 г. по вопросу своей реабилитации обращался к Генеральному прокурору СССР и рассказал, что «следователи ОГПУ и не стремились... вскрыть действительные политические связи и действительную политическую позицию... кого-либо... из обвиняемых. У них была готовая схема «вредительской» организации, которая могла быть сконструирована только при участии крупных и влиятельных работников государственного аппарата, а настоящие подпольные меньшевики такого положения не занимали и поэтому для такой схемы не годились. По-видимому, эта схема была подсказана работникам ОГПУ руководителями двух уже ранее намеченных процессов – Промпартии и ТКП – Рамзиным и Кондратьевым, которые впоследствии выступали свидетелями обвинения на процессе Союзного бюро... Необходимо было для стройности политической композиции дополнить нарисованную ими схему наличием третьей политико-вредительской организации – социал-демократической»¹²⁰.

Именно Н.Д. Кондратьев оказал «посильную помощь» в разоблачении руководителей Союзного бюро. Своими показаниями он подтвердил наличие устоявшихся связей между «контрреволюционными» организациями и их лидерами, единство в целях и задачах политической деятельности по свержению советской власти и реставрации капиталистических отношений в стране.

9 марта 1931 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР все 14 обвиняемых, выведенных на процесс, были осуждены к различным срокам лишения свободы – от 2 до 10 лет.

В числе арестованных членов партии меньшевиков, не выведенных на процесс, оказался и М.А. Броунштейн-Валерианов. Казалось бы, его место должно быть в первых рядах участников процесса хотя бы по причине того, что он являлся сотрудником «Социалистического вестника» – печатного органа меньшевиков, а во-вторых, именно он нелегально прибыл в СССР из-за границы, пусть и по частным делам. Все это могло весьма удачно вписаться в ход процесса, но не случилось, хотя Броунштейн уже был арестован. Ни он, ни упоминавшаяся ранее Е. Бройдо, «помощи» сотрудникам ОГПУ не оказали и на процесс выведены не были¹²¹. Причину произошедшего с Броунштейном удалось выяснить много позднее – по прошествии шестидесяти лет.

В процессе пересмотра архивно-следственных дел в архиве Управления ФСБ РФ по Томской области было выявлено дело, связанное с арестом в 1937 г. экономи-

Тобольск, где работал учителем немецкого языка и экономистом. В 1937 г. арестован повторно. Обвинен в шпионаже в пользу немецкой разведки. Расстрелян в г. Омске. Реабилитирован посмертно в 1991 г.

¹¹⁹ Якубович Михаил Петрович, 1891 г.р., в 1908–1921 гг. меньшевик. Заместитель начальника сектора снабжения Наркомторга СССР. Арестован в 1930 г. и осужден на 10 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе и Унжлаге (Горьковская обл.). Особым совещанием НКВД за антисоветскую деятельность вновь был осужден на 10 лет ИТЛ. В марте 1952 г. освобожден и направлен в Карагандинский дом инвалидов под надзор органов госбезопасности.

¹²⁰ Подробнее см.: Викторов Б.А. Без грифа «Секретно»... С. 161–164.

¹²¹ Член исполкома Заграничного бюро ЦК РСДРП Р.А. Абрамович еще в 1936 г. писал, что Броунштейн не помог «чекистскому процессу против меньшевиков», и тогда был выбран вымышленный курьер ЦК партии в СССР – Р. Абрамович. См.: Меншевицкий процесс 1931 года... Кн. 1. С. 31.

ста-плановика Нарымского окрЗУ М.А. Броунштейн-Валерианова. О важности «преступника» свидетельствовал тот факт, что справку на его арест составил лично начальник 3-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД по ЗСК лейтенант госбезопасности Жук, с ним согласился начальник 4-го отдела, будущий начальник УНКВД по Алтайскому краю С. Попов, утвердил – заместитель начальника УНКВД майор госбезопасности, будущий нарком внутренних дел УССР А. Успенский, а санкционировал арест прокурор края И. Барков (после ареста в 1938 г. выбросился из окна четвертого этажа здания УНКВД в Новосибирске). Сотрудникам Нарымского окротдела УНКВД арест такой «фигуры» доверен не был.

В деле Броунштейн-Валерианова в качестве неоформленного приложения (см.: Архив УФСБ по ТО. Д. П-11575) хранилась машинописная копия его дневника, на обложке которого была помета: «Т. Агранову¹²². Рукопись, написанная Броунштейном (Валерьяновым); найдена закопанной во дворе прогулки Суздальского п/из (политизолятора. – В.У.). Андреева¹²³. 23/VII.33г.». Каким образом копия оказалась в материалах дела, где хранилась и почему не была использована ранее, какова её роль в названном деле, установить не удалось. Эта ценная находка стала четвертым источником информации по делу Союзного бюро меньшевиков.

В дневнике Броунштейн-Валерианов писал, что в конце декабря 1930 г. его перевели из Верхнеуральского политизолятора в Москву для «подготовки» к процессу. Уже в ходе второго допроса следователь Дмитриев¹²⁴ начал «прощупывать» подследственного на предмет сотрудничества: «Мы настолько сильны, что можем вас освободить». В ходе последовавшего разговора Броунштейн-Валерианов категорически отказался стать «чьим-нибудь политическим орудием». После этого допросы прекратились и были возобновлены только через три недели, но следствие вели уже два других следователя – сотрудники экономического управления ОГПУ. Методы допроса также претерпели изменения, «ибо это были [допросы] второй степени – полуконвейер с перерывами на завтрак, обед и ужин. Спать почти не удавалось: отпускали утром между 6 и 7 часами. Ложился, засыпал, через короткое время (приблизительно через

¹²² Агранов Яков (Янкель) Саулович (Шмаевич, Шевелевич), 1893 г.р., ур. Могилевской губ., еврей, образование начальное. В 1912–1915 гг. эсер, с 1915 г. в партии большевиков. В органах ВЧК с 1920 г., на момент процесса – начальник СО ОГПУ СССР, занимал руководящие должности в системе НКВД, последняя должность – начальник УНКВД Саратовской области. Комиссар госбезопасности 1-го ранга. Награжден двумя орденами Красного Знамени и двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1937 г. Расстрелян в 1938 г. Не реабилитирован.

¹²³ Возможно, это Андреева-Горбунова Александра Азарьевна (1887–1951), из семьи священника, образование среднее, в партии большевиков с 1905 г. В органах ГПУ с 1921 г. – помощник, заместитель начальника Секретного отдела ОГПУ. В 1939 г. осуждена на 15 лет ИТЛ. Реабилитирована в 1957 г.

¹²⁴ Дмитриев (Плоткин) Дмитрий Матвеевич, 1901 г.р., ур. г. Екатеринослава, еврей, большевик с 1922 г. (по другим данным – с февраля 1928 г.). В ВЧК с 1922 г., с 1924 г. – уполномоченный, помощник начальника и начальник отделения экономического управления ОГПУ, с ноября 1931 г. – помощник начальника экономического управления. С июля 1936 г. – начальник УНКВД по Свердловской области. Комиссар госбезопасности 3-го ранга. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован.

час) давали щетку, ложился спать – звали в уборную, потом едва сомкнешь глаза – хлеб. Потом последовательно с известными промежутками – сахар, папиросы, кипяток. После завтрака – опять допрос».

Целью этих допросов было получение сведений о деятельности меньшевистской организации, связях с границей, целях и задачах подрывной контрреволюционной деятельности и т.п. Был использован метод «убеждения», когда подследственному зачитывались «чистосердечные» показания других «подельников», дабы склонить к раскачанию и признанию вины. «Развернулась уже знакомая вам картина падения всех этих несчастных. Это было жалкое, но в то же время потрясающее зрелище. Теперь мы уже с этим свыклись. Но тогда я был потрясен. Я знал этих людей, и для меня не подлежало сомнению, что люди дали показания эти под пытками или при виде пыток. Пошли невероятные, гнусные и лживые показания, унижительные показания Суханова, Громана¹²⁵, Шера¹²⁶, Берлацкого¹²⁷, Лежнёва¹²⁸, Якубовича и прочих. Некоторые из них были моими друзьями, иные просто близкими людьми. Я хорошо знал их как порядочных людей, знал по десять, по двадцать лет. Не могло быть совершенно сомнений, что эти люди пережили нечто страшное раньше, чем дошли до такого безмерного падения. Это было самостоятельное мое переживание в те дни. Чекисты хотели этими показаниями именно и убедить меня, чего я должен ждать. Подкреплялось это прямыми угрозами: когда я говорил, что давать показаний не буду, они не раз заявляли – “мы вас заставим говорить”».

Высказываемые в его адрес угрозы вызвали протестное сопротивление, завершившееся объявлением «смертельной голодовки». По возвращении в камеру, «отдал надзору всю пищу, бывшую в камере (папиросы оставил), и написал заявление председателю ОГПУ, в котором писал приблизит[ельно] следующее. Мне, соц[иал]-д[емократу], борящ[емуся] за прекращение братоуб[ийственной] борьбы в раб[очем] кл[ассе], предъявляют гнуснейшие обвинения в интервенционизме и вредительстве. Я неоднократно опровергал эти мерзости. Однако ваши следователи продолжают приставать ко мне с этими гнусн[ыми] обвинениями. Меня хотят превратить в полит[ическую] проститутку. Не вижу другого выхода, как умереть. Объявляю с сегодняшнего вечера смертельную голодовку.

¹²⁵ Громан Владимир Густавович, 1874 г.р., в 1903–1921 гг. член партии меньшевиков. Член президиума Госплана СССР, член коллегии ЦСУ СССР. Арестован в июле 1930 г. и осужден на 10 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе, а затем в Суздальском ИТЛ, где и умер 11 марта 1940 г. Реабилитирован посмертно в 1991 г.

¹²⁶ Шер Василий Владимирович, 1884 г.р., в 1903–1920 гг. меньшевик. Член правления Госбанка СССР, заместитель заведующего архивом Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Арестован в 1930 г. и осужден на 10 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе. Умер в заключении в 1940 г. Реабилитирован посмертно в 1991 г.

¹²⁷ Берлацкий Борис Маркович, 1889 г.р., в 1904–1922 гг. меньшевик. Член правления Госбанка СССР. Арестован в 1930 г. и осужден на 8 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе, а затем в Балашовской тюрьме (Ленинградская область), где и умер в декабре 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1991 г.

¹²⁸ Лежнёв А.И. – брат бывшей жены М.А. Броунштейна-Валерианова.

На другой день ко мне приходил врач, фельдшер, начальник, потом врач ходил часто... Отняли папиросы. Врач дал мне английскую соль – «в ваших же интересах, иначе будете страдать от скверного запаха». Я это знал и без врача, но поставил условие, чтобы не было какой-нибудь питательной примеси... Врач резонно ответил, что в слабительном пит[ье] давать примеси все равно бесполезно. Мне дали еще (фельдш[ер]) мятные капли для полоскания рта».

В первые шесть дней допросы еще продолжались, но затем Броунштейн-Валерианов был переведен в Бутырскую больницу, где ему пытались давать искусственное питание: «Я оказал основат[ельное] сопротивление. Мне сели на ноги и на живот, держали руки и голову, раскровянили щипцами рот, чтобы разжать зубы. Удалось влить лишь незначительную часть молока, но и эта часть вызвала понос. На 9-й или 10-й... день сделали еще одно вливание через рот. На этот раз удачно. Ибо я так ослабел, что сопротивл[ение] было быстро сломлено. Но и на этот раз спасительный понос сделал питание безрезультатным.

Голодовка, вероятно из-за плохого сердца, оказала на меня сильное влияние. Со мной много носились, было у меня чуть не 5 врачей. Один специалист по сердцу. Видно за сердце очень боялись, а моя смерть в их расчет не входила... Решающее значение имело мое плохое состояние. Видимо, положение мое было опасно. Тут дело было в сердце. Кроме того, я стал как бы заживо разлагаться. Не у всех голодающих бывает, чтобы шел такой смрад, что вроде трупного запаха...».

На исходе двенадцатых суток голодания акция протеста была прекращена, в Коллегию ОГПУ было отправлено заявление следующего содержания: «Выслушав уверения п[омощника] н[ачальника] ЭКУ Гая¹²⁹, что: 1) ОГПУ не намерено превратить меня в свое полит[ическое] орудие, 2) что угрозы, посулы и пр[очие] действия следователей, имеющ[их] целью выудить у меня нужные показания, больше применяться не будут, 3) что моя бывшая жена не будет арестована с целью оказать на меня давление, 4) что следствие по делу будет закончено в течение 2 недель, и во всяком случае не позже чем в мес[ячный] срок, – я снимаю голодовку.

При этом я выражаю надежду, что ОГПУ не поставит меня вновь в положение, вынуждающее меня прибегнуть к столь острому средству».

Однако в ходе дальнейшего следствия он конкретных показаний так и не дал. По этой причине, а также в силу его активного сопротивления следствию и очень плохого состояния здоровья Броунштейн-Валерианов на процесс «выведен» не был. Не признал он и достижений социалистического строительства в стране, отказался от вступления в ВКП(б). После нескольких месяцев пребывания в тюрьме, уже после окончания процесса, он был переведен в Ярославль, где на основании данных след-

¹²⁹ Гай (Штоклянд) Марк Исаевич (Исаакович), 1898 г.р., ур. г. Винницы, еврей, большевик с 1919 г., в ВЧК с 1922 г. В 1930–1931 гг. – помощник начальника экономического управления ОГПУ СССР, с 1936 г. – начальник УНКВД Восточно-Сибирского края. Комиссар госбезопасности 2-го ранга. Награжден орденом Красного Знамени и двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1937 г. Расстрелян. В реабилитации отказано по причине нарушения законности и фальсификации следственных дел.

ствия и протокола процесса меньшевиков ему предъявили обвинение в нелегальном переходе границы для организации партийной работы, участия в заседаниях Союзного бюро и составлении инструкций о вредительстве и интервенции. В октябре был вынесен приговор – 10 лет лишения свободы.

В дневнике М.А. Броунштейн-Валерианов очень подробно описал ситуацию, связанную с подготовкой процесса, условия и режим содержания под стражей, механизм следственных действий и методы работы следователей ЭКУ ОГПУ.

Подробный рассказ о Броунштейне-Валерианове в связи с процессом Союзного бюро меньшевиков, во-первых, позволяет еще раз оценить происходившие в стране события по уничтожению политических оппонентов большевиков и конкретизировать механизм фабрикации показательных политических процессов, роль и место в нем органов ОГПУ. Во-вторых, процесс связал данного «оппонента» с Сибирью до последних дней его жизни.

Однако вернемся к его аресту в 1937 г. В справке на арест указано, что Броунштейн-Валерианов с 1922 по 1929 г., проживая за границей, работал в Заграничной делегации РСДРП(м). В апреле 1929 г. под именем Левина Якова Нароновича направлен в СССР для нелегальной работы с целью создания руководящего меньшевистского центра и активизации меньшевистской работы, но был арестован и осужден на 10 лет заключения в политизолятор. В сентябре 1934 г. направлен для отбывания ссылки в пос. Колпашево Нарымского округа, где возобновил активную контрреволюционную работу по воссозданию меньшевистского подполья. С этой целью он восстановил связь с отбывавшим в г. Камне ссылку членом ЦК меньшевиков Цедербаум-Ежовым¹³⁰, а также с томскими меньшевиками. Отмечались и факты проведения нелегальных собраний в 1935–1936 гг. с привлечением активных троцкистов и зиновьевцев. С учетом изложенного было принято решение о его аресте и привлечении к ответственности по ст. 58-2-11-10 УК РСФСР.

20 марта 1937 г. Броунштейн был допрошен начальником 3-го отд. Ойротского областного УНКВД (!) лейтенантом Пасынковым. Протокол допроса содержал сведения о биографических данных, констатировал второй брак и четверых детей от первого. В п. 14 анкеты указано, что до революции он арестовывался четырежды: по два раза в Елисаветграде (1904 и 1908 гг.) и Петербурге (1906 и 1910 гг.), трижды дела прекращались за недоказанностью (отсутствием улик), в последнем случае был осужден к 3 годам ссылки в Архангельскую губернию, которую отбывал в с. Кулугеры Пинежского уезда. После революции арестовывался трижды – в 1921 г. пробыл под стражей 10 месяцев, в 1922 г. осужден к ссылке на 1 год, но по его личному ходатайству ссылка была заменена на выезд за границу. «В 1929 г. вернулся в СССР нелегально, был арестован и заключен на 5 лет в политизолятор (расхождение

¹³⁰ Ежов (Цедербаум) Сергей Осипович, 1873 г.р., в революционном движении с 1898 г. С 1906 г. член ЦК партии меньшевиков. Неоднократно арестовывался в годы советской власти. В марте 1935 г. Особым совещанием за «контрреволюционную деятельность» на 5 лет был выслан в г. Камень (ныне Алтайский край). Вновь арестован в марте 1937 г. Расстрелян в 1939 г. Реабилитирован посмертно в 1990 г.

со справкой на арест. – В.У.), по отбытии срока... выслан в Нарым, где и проживал до ареста, последовавшего 10 марта 1937 г. ... В белых и царской армиях не служил, кроме партии социал-демократов (м), ни в каких бандах и организациях не состоял... За время пребывания в ссылке С-Д (м) политической деятельностью не занимался»¹³¹.

Участие Броунштейна в контрреволюционной организации подтверждалось «изобличавшими» его показаниями участников эсеровской контрреволюционной организации В.С. Осипова-Занозина и С.М. Музыкантова¹³². Так, Осипов-Занозин 25 апреля 1937 г. сообщил, что Броунштейн является одним из руководителей подпольной работы меньшевиков в Сибири¹³³, а на допросе 15 июля он уже показал, что Броунштейн совместно с эсером Д.Д. Донским¹³⁴ вел работу по организации повстанческих кадров. С.М. Музыкантов на допросе 5 июля 1937 г. подтвердил факты контрреволюционной деятельности Броунштейна¹³⁵.

Следствие шло, видимо, «ни шатко, ни валко», и 24 мая Броунштейн объявил «смертельную голодовку», о чем сообщил в своем заявлении на имя начальника УНКВД. Он писал: «После ареста 15 июня 1929 г. я в течение целых 8 лет подвергался тяжелой репрессии. 5 ½ лет я просидел в тюрьмах, 2 ½ года в полутюрьме в Нарымской ссылке. Оставаясь по убеждениям социал-демократом, я в ссылке никакой политической деятельностью, как это хорошо известно НКВД, не занимался. Тем не менее я был 10 марта без всяких оснований арестован. 2 ½ месяца меня держали в тюрьме без единого допроса, если не считать вызова для заполнения анкетных данных, и в нарочито тяжелых тюремных условиях (на полуголодном общем пайке, без книг, без тюфяка, два месяца валялся под койкой и т.д.).

Беспричинный арест после 8 лет тяжелых репрессий убеждает меня в том, что НКВД хочет меня физически извести. Я иду навстречу НКВД и объявляю смертельную голодовку (подчеркнуто в тексте. – В.У.) с требованиями:

1. Немедленно направить меня обратно в Колпашево для отбывания срока ссылки.
2. Если моя жена Ольга Васильевна Селикова увезена из Колпашево, то вернуть её обратно в Колпашево, чтобы соединить со мной.
3. Предоставить в ссылке работу по специальности...

¹³¹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11575. Л. 1–2, 12.

¹³² Осипов-Занозин Василий Степанович, 1878 г.р., ур. Саратовской губ., проживал в г. Новосибирске, служавший Сибкрайсоюзу. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Музыкантов Семен Михайлович, 1888 г.р., ур. дер. Мышково Велижского р-на Западной обл., проживал в дер. Новосельцево Парабельского р-на, единоличник (так в деле. – В.У.). Арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

¹³³ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11575. Л. 47.

¹³⁴ Донской Дмитрий Дмитриевич. 1881 г.р., ур. г. Москвы, русский, образование высшее, член ЦК партии эсеров. Был осужден по процессу эсеров в 1922 г., сослан в Нарымский край на 3 года. Но срок ссылки неоднократно продлевался. Работал заведующим Парабельской районной больницей. Покончил жизнь самоубийством в сентябре 1936 г.

¹³⁵ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11575. Л. 29, 52.

В то время как в странах Западной Европы компартии по указанию Коминтерна создают единый фронт с моими товарищами по Рабочему Социалистическому Интернационалу и требуют объединения с социалистами в единые партии, НКВД не дает физически существовать социал-демократу даже среди тайги и болот Нарыма и доводит его до смертельной голодовки.

Моя смерть от голодовки является протестом против варварского преследования русских социалистов...»¹³⁶.

В следующем (по хронологии) документе – рапорте на имя начальника 4-го отдела УГБ Попова от 7 июня 1937 г. – младший лейтенант госбезопасности Сыч докладывал о беседе с арестованным Броунштейном, состоявшейся 5 июня, в которой последний заявил, что «факт своей голодовки он расценивает как серьезный шаг, направленный против органов НКВД..., он уверен в том, что его голодовка поднимет шум в заграничной социал-демократической и другой печати, т.к. он фигура международного масштаба и находится под защитой II Интернационала, который знает каждый его шаг, т.к. следит за ним как за одним из крупнейших политических деятелей.

Этим своим шагом он... надеется привести к прекращению преследования с-д в России, т.к. считает, что Советскому Союзу в настоящей обостренной международной обстановке невыгодно портить отношения с международной с-д, тем более сейчас, когда особенно остро стоит вопрос о едином фронте в борьбе с фашизмом... Он заявил... «хочу показать международному пролетариату, что Советский Союз мало чем отличается от фашистской Германии, где также преследуют и сажают в концлагеря и тюрьмы политических деятелей, а в частности с-д»»¹³⁷.

Вне всякого сомнения, никого он своей голодовкой не напугал (изменились времена, а с ними и правила игры), как и заявлениями о своей значимости.

Следствие по делу Броунштейна-Валерианова было закончено 15 октября 1937 г., о чем свидетельствовали подписи на обвинительном заключении «следователей» и начальника УНКВД Горбача. Броунштейн был обвинен в числе других ссыльных меньшевиков как организатор «контрреволюционной повстанческой шпионско-диверсионной террористической организации», вся подрывная деятельность которой проводилась совместно с контрреволюционной организацией эсеров, возглавляемой Сибирским бюро ПСР.

Броунштейн-Валерианов виновным себя не признал, но «изобличался показаниями Осипова-Занозина и Музыкантова»¹³⁸.

После этого началось нечто странное. В конце 1937 – начале 1938 г. в Западной Сибири состоялись массовые расстрелы, в отдельные месяцы до нескольких тысяч человек, но Броунштейна не трогали. Только по прошествии 8 месяцев, 11 июня 1938 г., прокурор при Главной военной прокуратуре военюрист 2-го ранга Липов

¹³⁶ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11575. Л. 10.

¹³⁷ Там же. Л. 8–9.

¹³⁸ Там же. Л. 56.

утвердил обвинительное заключение по ст. 58-2-8-11 УК. Был еще пункт 58-1 «а» (измена Родине), но чьей-то рукой он вычеркнут. Уже на следующий день был готов протокол подготовительного заседания Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. Члены суда соглашались с выдвинутым обвинением и принимали дело к производству и слушанию в закрытом судебном заседании в порядке постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г.

Заседание сессии началось 13 июня в 13 ч 10 мин. После соблюдения всех процессуальных норм было зачитано обвинительное заключение. На вопрос председательствующего, признает ли Броунштейн-Валерианов себя виновным, последний ответил, что виновным себя не признает и показания, данные им на предварительном следствии, не подтверждает. Были озвучены показания шести свидетелей, которых подсудимый также не признал. В СССР он приехал из-за границы нелегально в 1929 г. для ведения «демократической» работы. Ничего больше он добавлять не стал и в последнем слове заявил о своей невиновности. После этого суд удалился на совещание и по возвращении объявил приговор. В 13 ч 20 мин заседание было закрыто.

Согласно приговору Броунштейн был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «а»-2-8-11 УК РСФСР (п. 1 «а» был вписан от руки в преамбулу приговора) и приговорен к ВМН – расстрелу с конфискацией принадлежавшего ему имущества. Приговор объявлялся окончательным и подлежал немедленному исполнению.

Вся судебная процедура заняла 10 мин. Фразу из протокола судебного заседания об оглашении свидетельских показаний, видимо, следует рассматривать как формальный акт. Скорее всего, речь шла об оглашении выдержек из этих показаний, так как многие протоколы (все в печатном виде) насчитывали до 10–20 страниц, либо о простом перечислении фамилий «свидетелей».

В этот же день приговор был приведен в исполнение, о чем к делу подшита справка 1-го спецотдела УНКВД по Новосибирской области № 814.

Прокуратурой Томской области М.А. Броунштейн-Валерианов был реабилитирован 19 августа 1993 г. «в связи с фальсификацией материалов дела и отсутствием доказательств виновности»¹³⁹.

Арест Броунштейна-Валерианова 9 марта 1937 г. явился прямым следствием февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б): на пленуме из уст первого секретаря ЦК КП (б) Грузии Л. Берии прозвучали обвинения представителей бывших социалистических партий и движений в контрреволюционной деятельности, направленной против советской власти. Его посыл в той или иной степени был поддержан другими представителями партийно-советского руководства страны. Результат этого – циркуляр НКВД о чистке ссыльных представителей этих партий и движений, их аресты. Учеты в органах НКВД были поставлены на должный уровень – выявить и изолировать необходимые контингенты труда не представляло. Позднее задачи по названным контингентам были конкретизированы в приказе НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г.

¹³⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11575. Л. 60–62, 64–65.

В Сибири оборвалась жизнь еще одного участника вышеназванного процесса – Н.Н. Суханова, отбывавшего ссылку в Тобольске. В 1937 г. он был арестован и обвинен в связях с немецкой разведкой. После ареста его перевезли в Омск, где под воздействием следователя Саенко он и подписал требуемое признание. В письме к А.И. Микояну 10 сентября 1938 г. Н. Суханов изложил обстоятельства своего признания: «Мне было предложено самому изложить мои «преступления» против советской власти, то есть выдумать их. Это свое требование следователи подкрепляли всем арсеналом мер физического воздействия, постепенно пускаемого в ход в восходящем порядке... Главную роль в моем поведении сыграли угрозы поставить в аналогичное с моим положение мою жену, старую и больную женщину. На основании прецедента я знал, что это отнюдь не пустые угрозы. Избавить жену от подобной участи было для меня необходимой ценой. Я уступил требованиям омских властей...»¹⁴⁰. Суханов полагал, что его протокол, полный несоответствий и нелепостей, при внимательном изучении на более высоком и профессиональном уровне позволит выявить предвзятость следствия и его невиновность. Но это никому не было нужно.

Долгое время Н. Суханов находился в омской тюрьме. Будучи приговоренным к высшей мере наказания еще 7 сентября 1939 г., он был расстрелян только 29 июня 1940 г., да и то после вмешательства Омского обкома ВКП(б), направившего в Управление кадров ЦК ВКП(б) письмо, в котором высказывалось беспокойство, что Военная коллегия Верховного суда СССР и Особое совещание НКВД СССР не рассматривают дела по году. В качестве примера подобных «ненормальностей» было приведено дело Н. Суханова¹⁴¹. По какой причине обком партии направил данное письмо, выяснить вряд ли станет возможным, но явно одно – оно не преследовало цели облегчения участи или освобождения Н. Суханова.

Еще ранее, в августе – декабре 1936 г., в Томске были арестованы 10 членов меньшевистской организации, в том числе заведующий тарифно-нормировочным отделом типографии «Красное знамя» Н.С. Колмаков¹⁴², кассир типографии Я.И. Ярошек¹⁴³ и др. Значение этой организации придавалось самое серьезное, так как в 1937 г. в НКВД СССР вышел специальный обзор, посвященный работе органов по меньшевикам, в котором, в частности, характеризуя обстановку в Западно-Сибирском крае, был приведен пример по г. Томску, где, якобы, действовала подпольная организация меньшевиков под руководством Н.С. Колмакова и др. Сфальсифицированное сотрудниками УНКВД по Новосибирской области дело вошло во все отчетные документы Управления.

Большинство участников организации были сотрудниками типографий «Красное знамя» и «Транспечать». Роль лидеров была отведена бывшим активным членам

¹⁴⁰ Цит. по: Самосудов В. Как это было. Расправа над политическими ссыльными // Забвению не подлежит... Т. 5. С. 36–37.

¹⁴¹ Там же. С. 37.

¹⁴² Колмаков Николай Семенович, 1877 г.р., ур. и житель г. Томска, расстрелян в 1937 г. Реабилитирован посмертно в марте 1959 г. См.: Боль людская... Т. 2. С. 70.

¹⁴³ Ярошек Яков Иосифович, 1885 г.р., ур. и житель г. Томска, расстрелян в 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1959 г. См.: Боль людская... Т. 3. С. 462.

томской организации РСДРП(м) – Н.С. Колмакову, М.И. Пильникову¹⁴⁴ и Е.А. Муравьеву¹⁴⁵. Организация была «создана» по инициативе Колмакова для борьбы с ВКП(б) и советской властью в 1929 г. По его же инициативе был создан и «комитет» по руководству практической деятельностью организации, в его состав вошли вышеназванные лица.

Колмакову было предъявлено обвинение, что будучи враждебно настроен в отношении ВКП(б) и советской власти, он организовал при типографии «Красное знамя» подпольную контрреволюционную меньшевистскую группировку, систематически вел контрреволюционную агитацию, направленную против политики ВКП(б) и советской власти, дискредитировал и распространял контрреволюционную клевету на руководителей ВКП(б), проводил вербовку новых членов подпольной контрреволюционной меньшевистской группировки, т.е. в совершении преступления по ст. 58-10-11 УК РСФСР.

Анализ материалов дела показывает, что начатое при начальнике горотдела НКВД М. Подольском¹⁴⁶, велось оно достаточно пассивно. По словам преемника Подольского на посту начальника горотдела И. Овчинникова¹⁴⁷, практически не развивалось и шло к развалу: «Принимая ГО НКВД, я не принял ни одной аг[ентурной] разработки на правых, на эсеров, на троцкистов... С моим приходом в Томск развернулось дело по вскрытому «Томскому комитету меньшевиков», возглавляемому старым

¹⁴⁴ Пильников Марк Исаевич, 1884 г.р., ур. г. Томска, технический руководитель типографии «Трансжелдориздата». Арестован в 1936 г., расстрелян в 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1959 г. См.: Боль людская... Т. 2. С. 387.

¹⁴⁵ Муравьев Евгений Алексеевич, 1879 г.р., ур. г. Орла, проживал в г. Томске, кассир сберкассы. Арестован в 1936 г., расстрелян в 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1959 г. См.: Боль людская... Т. 2. С. 284.

¹⁴⁶ Подольский Матвей Миронович, 1894 г.р., ур. г. Бердянска Таврической губ., из семьи ремесленника, еврей, образование низшее. В РКП(б) с 1919 г., в органах ВЧК–НКВД – с июня 1920 г., службу проходил в Закавказье. В Сибири с сентября 1929 г., возглавлял контрразведывательный отдел ПП ОГПУ по Сибкраю. С октября 1932 г. по сентябрь 1936 г. – помощник, а затем начальник оперативного сектора. Затем последовал перевод в Новосибирск на должность помощника начальника УНКВД, по совместительству возглавлял Особый отдел СибВО. Последняя должность – помощник начальника 2-го отдела (охрана дипломатического корпуса) ГУГБ НКВД СССР. Майор госбезопасности. Арестован в мае и расстрелян в августе 1938 г. В 1989 г. его дело пересматривалось в порядке надзора Главной военной прокуратурой СССР – надзорное производство было прекращено «из-за отсутствия оснований для постановки вопроса о применении протеста».

¹⁴⁷ Овчинников Иван Васильевич, 1898 г.р., ур. дер. Леонтьево Варнавинского уезда Костромской губ., из крестьян, русский, образование начальное. В органах ОГПУ–НКВД с 1923 г. на административных, оперативных и руководящих должностях в Алтайском губотделе, в Рубцовском и Кузнецком окротделах ОГПУ, в ПП ОГПУ по Сибкраю. В 1933–1936 гг. – начальник Прокопьевского горотдела, с 1936 по 1938 г. – начальник Томского горотдела, начальник Томского оперсектора НКВД. Последняя должность – начальник Управления дорожного строительства Главного управления строительства Дальнего Севера НКВД. Капитан госбезопасности. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1939 г. Расстрелян в 1941 г. Не реабилитирован.

м[еньшеви]ком Колмаковым...»¹⁴⁸. Действительно, роль Овчинникова в названном деле была значительной – дела на отдельных участников он вел лично, по другим – участвовал в допросах.

Информация от фигурантов дела «пошла», в Новосибирск сообщили, что 18 января у члена организации С.А. Беляева¹⁴⁹ была обнаружена и изъята типография. В ходе обыска «...обнаружен шрифт типографский обыкновенный... в количестве 5 кг. Шрифт обнаружен в поленице дров, сложенной в три ряда к заплоту. Дрова старые, сложенные на землю». В этот же день при повторном обыске у Колмакова было «изъято для представления в Том[ский] ГО НКВД **три корзины** архива»¹⁵⁰. Следует заметить, что измерение в объемах не было характерным для органов НКВД.

В это же время оперуполномоченный 4-го отдела младший лейтенант госбезопасности Б. Меринов¹⁵¹ вынес постановление о том, что «изъятые при аресте участников к-р меньшевистской организации – Колмакова и Беляева отдельные предметы типографского имущества (линейки, россыпной шрифт, выколотка и др.) и архив меньшевистской организации уликовой ценности не представляют: документы архива отражают деятельность меньшевиков, относящуюся к дореволюционному периоду, и жизнь печатников Томска»¹⁵².

Материалы были сданы в архив, а типографское оборудование – в комендатуру горотдела. Названные документы подшили в дело, но ясности, была ли типография на самом деле, не наступило. В те времена в этом не было потребности. Активность деятельности горотдела НКВД по разоблачению «врагов» подтверждалась количеством возбуждавшихся дел. Дело меньшевиков явилось прямым подтверждением подобной политики. Проходившее по всем учетам как групповое, оно было разбито на отдельные следственные дела, поэтому очень часто на протоколах допросов можно было встретить пометки о необходимости их тиражирования в 6 и даже 11 экз. Эти цифры представляют интерес: по делу арестованы всего десять человек (последние четверо – 31 декабря 1936 г.), увеличение числа копий зависело от «прироста» арестованных членов организации. Для чего же был нужен одиннадцатый экземпляр? Возможно, из уже отработанной практики готовился задел на будущее, так как начало 1937 г. озна-

¹⁴⁸ Голоскоков И.В., Уйманов В.Н. На страже: очерки истории томских органов госбезопасности... С. 110. Упоминание о воссоздании Томского меньшевистского комитета находившимися в ссылке бывшими членами Союзного бюро содержалось и в выступлении начальника УНУВД по ЗСК С.Н. Миронова на пленуме Запсибкрайкома ВКП(б) 17 марта 1937 г. См.: «Мы исторически созданы для борьбы с классовым врагом...». Кампания террора 1937 г. в Западной Сибири // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области... Вып. 1. С. 422.

¹⁴⁹ Беляев Степан Андреевич, 1883 г.р., ур. и житель г. Томска, завхоз клиники мединститута. Арестован в 1936 г. Осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Реабилитирован в 1959 г. См.: Боль людская... Т. 1. С. 93.

¹⁵⁰ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2969. Т. 1. Л. 12–13.

¹⁵¹ Меринов Борис Ефимович, 1914 г.р., ур. с. Мереть Кировской обл., в 1937–1943 гг. сотрудник Нарымского окротдела УНКВД. В 1947 г. уволен с должности заместителя начальника отделения МГБ Молдавской ССР с формулировкой «по служебному несоответствию».

¹⁵² Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2969. Т. 1. Л. 16а.

меновалось арестом еще нескольких бывших меньшевиков. И формировались дела в соответствии с «потребностями» оперработников. Так, в деле Муравьева отсутствовали протокол допроса от 1 января 1937 г. и его заявление, на которые на допросе 7 января ссылался оперуполномоченный горотдела Усов. Видимо, причина крылась в том, что дело было на контроле в Москве, о чем свидетельствовали неоднократные постановления о продлении сроков следствия в центральном аппарате, а поэтому и дела компоновались в «выгодном» для следствия свете. В Москве вряд ли внимательно вчитывались в каждую строку присылаемых материалов.

Показания практически «выбивались» из обвиняемых. Например, В.А. Ловцевич¹⁵³ на допросе 25 ноября 1936 г. категорически отрицал свое участие в контрреволюционной организации, а затем вдруг признал свою вину. Вот выдержка из стенограммы допроса:

«Вопрос: Вам предъявляется обвинение в том, что вы являетесь активным участником контрреволюционной подпольной организации меньшевиков.

Вы признаете это?

Ответ: Нет, не признаю. Никогда не состоял в контрреволюционной организации меньшевиков и считаю, что предъявленное мне обвинение есть недоразумение.

Вопрос: Следствие располагает точными данными о том, что вы являетесь участником подпольной контрреволюционной меньшевистской организации, существующей в г. Томске.

Предлагаем вам не запереться и рассказать правду.

Ответ: Я вторично заявляю, что представленное мне обвинение ни в коей мере не соответствует действительности, поэтому я не могу его признать...

Вопрос: Следствие предлагает вам... дать правдивые показания о контрреволюционной меньшевистской организации, членом которой вы являетесь.

Ответ: Согласен... Признаю. Я до момента ареста являлся членом Томской контрреволюционной организации меньшевиков и вел работу по борьбе с советской властью и коммунистической партией.

Вопрос: Когда и кем вы были завербованы в эту контрреволюционную организацию?

Ответ: Разрешите мне последовательно изложить историю своего вступления в партию меньшевиков...»¹⁵⁴.

Сложно поверить, что человек не признававший вины в совершении особо опасного преступления (и невиновный), вдруг взял и сознался, начал каяться в своих грехах. Сегодня уже не секрет, что способов и методов для этого было предостаточно.

¹⁵³ Ловцевич Владимир Антонович, 1884 г.р., ур. и житель г. Томска, верстальщик-наборщик типографии «Красное знамя». Арестован в 1936 г., расстрелян в 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1959 г. См.: Боль людская... Т. 2. С. 186.

¹⁵⁴ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2969. Т. 1. Л. 283–284; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 160–161.

Пытался отказываться и Колмаков. Но ему было «предложено» изменить отношение к следствию и дать правдивые показания¹⁵⁵, что он вынужден был сделать.

По мере развития следствия менялись показания подследственных. Если сначала протоколы допросов занимали одну-две страницы, то по прошествии некоторого времени – уже несколько десятков. «Правдивые» показания становились все объемнее и полнее. Следователям оставалось одно – не потерять главную линию следствия. К весне 1937 г. практически все обвиняемые уже достаточно четко формулировали цели и задачи организации – сказывались нарабатанный следователями опыт, умение «убеждать» обвиняемых. Так, на очной ставке Колмакова с Пильниковым последний показал: «В своей борьбе с ВКП(б) и советской властью наша организация меньшевиков исходила из того, чтобы свергнуть советскую власть и установить в стране буржуазно-демократическую республику. В этих целях мы считали необходимым интервенцию против СССР со стороны империалистических государств и поддержку этой интервенции внутри страны путем организации вооруженного восстания... Отсюда мы считали необходимым вести работу в Красной армии по разложению её рядов... пораженческую агитацию среди населения и армии... подрывную работу в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве... чтобы ослабить экономическую мощь СССР в военной схватке с империалистами. В борьбе с ВКП(б) мы считали необходимым пойти на блок со всеми активно действующими против ВКП(б) политическими партиями и группировками: с эсерами, троцкистами, правыми...»¹⁵⁶. Средствами борьбы были избраны террор и вредительство.

Однако в ходе следствия удалось доказать всю практическую деятельность организации только в одном аспекте – плохом качестве печати газеты «Красное знамя». Подтверждением этому явилось постановление о результатах выборочного просмотра подшивок газет «Красное знамя» за 1933–1937 гг. помощником начальника Томского горотдела НКВД лейтенантом госбезопасности Веледерским. Им было установлено 11 «контрреволюционных выпадов», выразившихся в искажениях смысла текста путем опечаток, тенденциозного изложения материалов и т.п.¹⁵⁷ «Эксперту» Веледерскому выполнить эту задачу было легко, так как практически все «выпады» были подсказаны самими обвиняемыми. В 1958 г. в процессе пересмотра дел было установлено, что к большинству из «выпадов» обвиняемые не имели и не могли иметь (по роду служебной деятельности) никакого отношения. А отдельные из изложенных фактов вообще не нашли подтверждения.

Следствие завершилось только в октябре 1937 г. Длительность его была связана с тем, что в действительности враждебной деятельностью участники «организации» не занимались. На суде, за исключением В.И. Пильникова, никто виновным себя не признал. Все «отказники» заявили, что в контрреволюционной организации не состояли и контрреволюционной деятельностью не занимались, причастность к меньшевикам признавали преимущественно в дореволюционном прошлом. Никто из них ни к

¹⁵⁵ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2969. Т. 1. Л. 59.

¹⁵⁶ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2969. Т. 1. Л. 129; Уйманов В.Н. Указ. соч. С. 162.

¹⁵⁷ Там же. Д. П-2971. Л. 99–100, 115, 304–307.

меньшевикам, ни к другим оппозиционным и антипартийным группировкам не примыкал. Более того, было установлено, что Н.С. Колмаков до 1915 г. занимался подпольной работой в большевистской организации; А.Д. Рыков¹⁵⁸ в справке на арест значился эсером, а с января 1937 г. проходил уже меньшевиком; С.А. Беляев был зачислен в черносотенцы и якобы в 1905 г. был одним из активнейших погромщиков¹⁵⁹. Необходимо учитывать и то, что с июля 1937 г. активно проводились акции «массовой операции», в ходе которых репрессированию подлежал значительный круг иных «врагов» и «контрреволюционеров».

Томская организация меньшевиков, по замыслу сотрудников горотдела НКВД, должна была стать более массовой (что очень поощрялось в те годы в системе НКВД), но по неизвестным причинам таковой не стала. Многие из названных обвиняемыми «соучастников» – Малых, Зимин, Пересторонин, Павпертов и др. – вообще не были привлечены к уголовной ответственности (каких-либо материалов в архиве Управления ФСБ РФ по Томской области не выявлено), хотя в делах имеются вынесенные постановления о выделении дел в отношении них в особое производство.

Особенностью дела меньшевиков является и то, что в материалах следствия достаточно много «свидетельских показаний» – Халдеевой, Толочко, Кузьминского и др., т.е. налицо все признаки попытки проведения объективного следствия. Однако о применении незаконных методов следствия мы уже говорили, а один из «свидетелей» показал, что «следователь Упоров записал [показания] необъективно, и я ему не мог возразить, так как при допросе он был в нетрезвом состоянии и вертел в руках пистолет...»¹⁶⁰.

В 1959 г. дело в отношении томской группы меньшевиков было производством прекращено за отсутствием состава преступления.

В феврале 1938 г. НКВД СССР направил на места директиву № 17231 «Об оперативных мероприятиях по меньшевикам и анархистам», предписывавшую собрать наиболее полные данные обо всех проживавших в регионе меньшевиках и анархистах и передать эти данные (до 28 февраля) в 4-й отдел ГУГБ НКВД. В связи с чем родилась эта «инициатива» можно только предполагать, ведь в предыдущий период органы НКВД уже достаточно полно «просеяли» их ряды. Аресты чаще всего носили «штучный» характер. Так, в Томске после выхода директивы были арестованы всего два человека – Е.М. Берёзов и И.П. Макогон, причем в один день – 9 апреля 1938 г., первый был освобожден из-под стражи в июле, а второй – оправдан в декабре 1938 г. Но, видимо, Макогон был ярким «противником» советской власти – органы госбезопасности постоянно держали его в поле своего зрения, о чем свидетельствовали его аресты. В первый раз он был арестован и осужден на 1 год дома принудработ еще в 1920 г., второй арест последовал в 1938 г., а в 1941 г. – очередной арест и осуждение к

¹⁵⁸ Рыков Александр Дороевич, 1893 г.р., ур. г. Кирова, проживал в г. Томске, завхоз типографии «Красное знамя», арестован в 1936 г. и осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. См.: Боль людская... Т. 3. С. 59.

¹⁵⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2969. Т. 1. Л. 158.

¹⁶⁰ Там же. Т. 2. Л. 99.

ВМН – расстрелу, но приговор не был приведен в исполнение, так как он умер в тюремной больнице 8 января 1942 г.¹⁶¹

Партия меньшевиков, учитывая её влияние на рабочие массы, не оставалась вне поля зрения органов политического сыска на протяжении рассматриваемого периода истории СССР. Представители партии прекрасно «вписались» в организованную по инициативе Сталина кампанию по репрессиям против старых специалистов и ученых, чьи взгляды не совпадали с политикой коммунистического руководства страной. Большинство членов её отбывали наказания в лагерях, колониях и ссылке, но, видимо, рассматривались как потенциальные противники советской власти и подлежали окончательному уничтожению. Только в Запсибкрае в 1937 г. были арестованы и осуждены 617 эсеров и меньшевиков. Хотя и в конце 1940-х гг. о них вновь вспомнили, направляя, по постановлению Совета Министров СССР № 416-159сс от 21 февраля 1948 г., в ссылку в отдаленные районы. А, например, старший инженер Томского управления лесного хозяйства, «видный меньшевик» В.Д. Николау был арестован в Томске уже в 1950 г. и осужден на 10 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах с последующей ссылкой на 3 года в отдаленные районы СССР¹⁶². К концу 1953 г. в лагерях содержалось еще около двух тысяч представителей партий эсеров и меньшевиков.

3.3. Анархисты

Из числа других политических оппонентов большевистской партии наиболее значимой «силой» были анархисты. Анархистская вольница поселилась на сибирской земле вместе с революцией. Особый расцвет она получила в партизанских отрядах периода Гражданской войны. Наиболее известным был отряд Н.А. Каландаришвили, действовавший на территории Иркутской губернии. На юге Западной Сибири был известен партизанский командир И.П. Новосёлов, возглавивший весной – летом 1920 г. антибольшевистский отряд. После ареста и освобождения (или бегства) из Новониколаевской ЧК он прибыл в Причерный край, где стал проводить в деревнях собрания, направленные против коммунистов, здесь же нашел большую группу сторонников-анархистов из числа бывших партизан. Новосёлов заявлял, что революция не кончена, и анархисты на полпути не остановятся. Следствием этой работы явилось то, что на территории Мариинской волости не было ни одной комячейки, а значительная часть населения сочувствовала антисоветским и антикоммунистическим настроениям. Активную работу анархисты вели и в воинских частях, расквартированных на Алтае (за партизанскую «вольницу» и т.п.)¹⁶³.

¹⁶¹ Боль людская... Т. 4. С. 363.

¹⁶² См.: Боль людская... Т. 2. С. 317.

¹⁶³ Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. Ч. 2: 1918–1925. Омск : Изд-во Ом. пед. ун-та, 1996. С. 77.

К апрелю 1920 г. анархисты установили связь с Г.Ф. Роговым, одним из партизанских командиров, и его бойцами. После митинга 1 мая в дер. Жуланиха был организован митинг, в ходе которого появилось черное знамя с надписью «Анархия – мать порядка», а уже 3 мая были начаты боевые действия, в ходе которых анархисты заняли села Кытманово, Тогул, Уксунай и др. В захваченных населенных пунктах разгонялись Советы, ревкомы, громились милицейские участки. Общая численность восставших достигла 1 000 чел.¹⁶⁴

Для придания движению организационно-политической формы и идейной направленности анархистами была предпринята попытка создания региональной организации – Федерации алтайских анархистов. Идея нашла поддержку, и к организации присоединилась целая группа партизанских командиров, ранее не разделявших взгляды анархистов. Следует отметить, что четкой программы действий не было. Резкой критике подвергались советская власть и коммунистическая партия, главным же был призыв к организации самоуправления и отказу от повиновения властям.

К лету 1920 г. влияние Федерации распространилось на Барнаульский, Бийский, Каменский, Горно-Алтайский уезды Алтайской губернии, а также на Кузнецкий, Щегловский, Мариинский и Новониколаевский уезды Томской губернии. В целом под знамена анархистов встали около двух тысяч человек. Справедливости ради следует отметить, что жертвами анархистов были не только структуры и лица, олицетворявшие советскую власть, но и бывшие колчаковцы-каратели, представители зажиточных слоев крестьянства, священнослужители и т.п. – «вольница» оправдывала свою суть¹⁶⁵.

Власть смогла подавить это выступление, часть отрядов была разбита, часть рассеялась по уездам. Отряд Новосёлова отступил сначала в Бийский, а затем в Кузнецкий уезды, продолжая по дороге убивать и грабить. Вновь анархисты (И. Новосёлов и бывший партизанский вождь П. Леонов) проявились в ходе восстания на Алтае под влиянием Сибирского крестьянского союза, но советская власть уже была достаточно окрепшей и в очередной раз подавила это выступление.

После освобождения Сибири от колчаковцев наиболее сознательные партизаны были мобилизованы в Красную армию либо пошли в нее добровольно. Другие были привлечены к службе в войсках внутренней охраны, устроились в милицию и чрезвычайные комиссии на местах. Практически никто из них не был даже поверхностно знаком с теоретическими постулатами основателей анархизма, но в их поведении и образе жизни присутствовали такие черты, приобретенные и закрепленные в годы военного лихолетья, как вседозволенность, нетерпимость и непоколебимая уверенность в правоте своих решений и действий. Многие из них были молоды, малогра-

¹⁶⁴ По данным Сиббюро ЦК РКП(б), Рогову удалось собрать отряд численностью 2 000 чел., хотя вооружить его в должной мере не удалось. См.: Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения... С. 214.

¹⁶⁵ Абраменко И.А. Указ. соч. С. 79–80; Шуклецов В.Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов... С. 253–254.

мотны, бесшабашны, эмоции, а не разум подчас управляли их действиями. Все это при достаточно неограниченных правах (по должностям) в ЧК и милиции вело к нарушениям правовых норм.

В качестве одного из наиболее известных – пример Топкинской анархической организации, суд над членами которой состоялся весной 1922 г. В заключительном акте губернского отдела ГПУ было отмечено: «перед правосудием... обвиняемые – исключительно пролетарии, коммунисты и, в большинстве сотрудники ж. д. ЧК – оперпункта ст. Топки. Не понимая политической обстановки Советского государства и в связи с этим нового курса экономической политики, они, полные духом партизанщины, не понимают терпимого отношения к торговле и узаконению её, удивляются той заботе, которой окружают спеца, ослабшему нажиму пролетарской кары на голову контрреволюционеров и т.д. Политически неграмотные, они не понимают, почему вместо классового уничтожения врагов и террора в отношении к нему вводятся революционная законность, правовые нормы и, главное, это узаконяют «верхи»...

Непонимание текущей обстановки закрывало им глаза и не позволяло узреть правду.

...Некоторые участники – коммунисты – говорят о своей левизне, которая в конце концов, притягивает их к анархизму как к более левому течению, причем никто из них, кроме Коптяева, не прочел ни одной книжонки об этом учении.

Было желание вести борьбу за безвластные Советы, за мать-анархию, за трудовую крестьянскую коммуну и т.д.»¹⁶⁶.

Вышеназванные личные качества не соответствовали требованиям к сотрудникам ЧК, они защищали завоевания революции и мирное население от происков врагов, используя в арсенале «защитных действий» убийства невинных людей, провокации и т.п., привнося в свою деятельность ранее приобретенный опыт, хотя условия уже изменились. Все они были выходцами из среды «социально близких», поэтому председатель Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК на заключительном акте наложил резолюцию следующего содержания: «...дело... заслушать в обычном порядке... не применяя высшей меры наказания ввиду малосознательности обвиняемых и абсолютного непонимания ими новой экономической политики советской власти»¹⁶⁷.

Еще осенью 1921 г. на станции Топки Томской губернии была выявлена так называемая «анархо-синдикалистская организация», в состав которой входили четыре сотрудника линейно-транспортной ЧК и еще 20 местных коммунистов. Организация считала своим долгом борьбу с представителями «бывших» (офицерами, докторами, инженерами и прочей интеллигенцией), со всеми «примазавшимися к советской власти» и «закомиссарившимися и забюрократившимися» членами РКП(б). К «примазавшимся», в частности, относили всех выходцев из других партий, а также членов коммунистической партии, которые, по мнению членов организации, не отстаивали интересы

¹⁶⁶ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 288. Л. 99.

¹⁶⁷ Там же. Л. 100.

рабочего класса и трудового крестьянства. Членами организации был составлен обширный список из числа тех, с кем надлежало расправиться физически. В ноябре – декабре 1921 г. были совершены убийства трех специалистов из числа работников железной дороги и одного военнослужащего, а также два покушения на убийства.

В июле 1922 г. Томский трибунал, изучив деятельность участников топкинской организации, вынес приговор: четверо – к высшей мере наказания, остальные 20 участников организации были оправданы¹⁶⁸.

Одновременно с топкинскими «анархистами» в Щегловском уезде была ликвидирована еще одна организация анархистов – «Лига Красного цветка», созданная в феврале 1920 г. «Инициатором» формирования организации был объявлен И.П. Новосёлов, вернувшийся на Алтай после освобождения из-под ареста.

Уже с первых дней существования члены организации приискивали возможности для приобретения оружия, в связи с чем, в частности, планировали налет на склады в Кольчугино. Свои ячейки организация имела в Кузнецке, Кольчугино, Пестереве, Горскино и ряде других населенных пунктов с общим числом участников 700 чел. Число участников, вне всякого сомнения, завышено. Скорее всего, данная цифра была использована чекистами для придания большей значимости работе по выявлению «врагов». Штаб организации был в Кольчугино.

Практически с первых дней существования организации в её ряды был внедрен секретный сотрудник ЧК Рубинсон. Через члена организации Девятова он был в курсе большинства событий и планов, сам непосредственно участвовал в ряде собраний организации. Так, например, на собрании 20 февраля 1921 г. в дер. Трекино присутствовали 18 чел., обсуждали вопрос о Протопоповской комячейке. По решению собрания предполагалось часть членов ячейки принять в организацию, а остальных физически уничтожить. Обсуждался вопрос о созыве съезда организации. В целях более глубокой оперативной разработки Барачатской ячейки в неё был внедрен еще один секретный сотрудник – Краснов.

Вооруженное выступление было назначено на 1 мая. Накануне, в ночь на 30 апреля, были проведены превентивные мероприятия по ликвидации организации. Арестованы 20 чел.¹⁶⁹

5 июля 1921 г. помощник уполномоченного по политпартиям Томской губЧК Фрицлей, рассмотрев материалы на обвиняемых в принадлежности к организации анархистов, констатировал, что большинство из них – бывшие партизаны из числа красногвардейцев, совработников и примкнувших к ним отдельных уголовных элементов. Менее сознательная часть партизан наблюдала, как поступают их бывшие командиры, которые пользовались громадным авторитетом не как представители определенных партизанских группировок, а как люди, обладающие качествами, перед

¹⁶⁸ Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири... С. 88, 97.

¹⁶⁹ Обзорная справка по делу организации «Лига Красного цветка». См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 239.

которыми рядовые партизаны преклонялись, т.е. геройством, смелостью, энергией и умением руководить в боевой обстановке.

Одним из таких командиров и был И. Новосёлов. Скрываясь в тайге, он собирал силы для выступления против советской власти, вел активную агитационную работу среди местного населения, используя в качестве аргументов наличие всевозможных повинностей, возложенных на крестьянство властью, несправедливые действия ответственных советских работников. «Члены комячеек, вынесшие на своих спинах расправу белогвардейцев во время реакции Колчака, полагали, что всякая власть такими же способами должна расправляться со своими противниками, и для них совершенно непонятно гуманное отношение советской власти к таковым. Расправа, которую творил Новосёлов над кулаками и белогвардейцами, считалась справедливой. Отсюда вытекает недовольство органами власти и ответственными работниками, которых стали подозревать в предательстве. Все это прекрасно учитывалось Новосёловым и его агентами и использовалось ими сознательно для агитации»¹⁷⁰.

7 декабря 1921 г. Томский губревтрибунал в составе Стефановского (председатель) и членов Сухорукова и Карташова приговорил Ф.И. Николаева, К.В. Пономарева и А.И. Уфимцева к ВМН – расстрелу как коммунистов-руководителей. К 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией был приговорен И.И. Зройчиков (по Октябрьской амнистии срок наказания снижен до 2 лет и 6 месяцев), к 3 годам с менее строгой изоляцией – И.М. Полозов (по этой же амнистии срок снижен до 1 года 6 месяцев), к 2 годам лишения свободы условно – П.Д. Протопопов, А.И. Девятков и Ф.Г. Чечулин, к 1 году условно – В.М. Максимов; был оправдан П.К. Томилин. Восемь осужденных были членами РКП(б). Причину освобождения от суда еще девяти человек установить не представилось возможным¹⁷¹.

Анализ дел топкинских анархистов и Лиги Красного цветка позволяет сделать однозначный вывод: деятельность членов этих организаций может квалифицироваться как «красный бандитизм» (во втором случае – наличие намерений в этом). Никто из участников «анархистских» организаций не имел отношения к этому политическому течению, не был даже знаком хотя бы с отдельными теоретическими постулатами, не знал истинных лидеров анархизма. Вся анархическая сущность ими проявлялась лишь в свободе своих действий и поступков и неповиновении, в частности, партийной и служебной дисциплине. В связи с этим относить их к политическим оппонентам большевиков можно, но только с оговорками и большой натяжкой.

¹⁷⁰ Из заключительного акта по делу организации «Лига Красного цветка». См.: ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 526–527 об.

¹⁷¹ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 215. Л. 58. В марте 2003 г. прокуратурой Томской области все вышеназванные лица были реабилитированы, так как в ходе изучения материалов дела было установлено, что подпольная организация действительно существовала, но конкретной деятельности (кроме проведения собраний), причинившей вред советской власти, выявлено не было. Кроме того, материалы свидетельствовали о том, что целью организации было не свержение советской власти, а борьба с «буржуями», засевшими в советских органах власти.

Что касается деятельности истинно анархистских организаций, то в 1920 г. таковых насчитывалось две – в Омске и Иркутске. Действовали они легально, в Иркутске в январе 1920 г. смогли провести в Совет 5 депутатов, а в Омске на деятельность организации было получено разрешение Сибревкома. На Алтае действовала уже упомянутая Федерация алтайских анархистов. Небольшие группы вели работу в Кузнецке, Щегловске, Топках и еще нескольких населенных пунктах Томской губернии. На учете ЧК состояли группы (от 2 до 10 чел.) в Томске, Красноярске, Новониколаевске, Петропавловске, Ишимском уезде Тюменской губернии и ряде населенных пунктов Восточной Сибири. Точное число участников этих организаций установить сложно, так как истинных анархистов было несколько десятков, а сочувствующих им или разделяющих их взгляды – несколько сот, состав и численность последних постоянно менялись.

Основные усилия анархисты направляли на работу в среде рабочих и военно-служащих, были даже воинские подразделения, командирами в которых были анархисты, например уже названный Н. Каландаришвили, имевшие очень серьезное влияние на подчиненных. Сильным было влияние анархистов на рабочих-железнодорожников в Томске и Красноярске, пищевиков в Омске и сапожников в Иркутске. В среде крестьянства влияние было заметно меньшим, в основном в южных районах Западной Сибири (Алтайская, Томская и Семипалатинская губернии). Влияние на служащих и интеллигенцию было еще меньшим, практически отсутствовало, число сторонников исчислялось единицами¹⁷².

На 1921 г. и первую половину 1922 г. пришелся очередной и последний всплеск активности анархистских групп в Сибири. Характеризуя деятельность оппозирующих большевикам политических партий, М. Бударин в отношении омских анархистов указывал: «Анархическая организация многочисленна. Устраивают собрания, имеют библиотеку. Имеют связь с Иркутском, Новониколаевском и Москвой»¹⁷³. Так, омские анархисты, используя затруднения продовольственного и хозяйственного характера в стране, а также ухудшение материального положения рабочих Омска в осенне-весенний период 1921–1922 гг., активизировали агитационную работу.

Активизация деятельности анархистов вызвала серьезную озабоченность губкома РКП(б). Во все уездные и районные комитеты партии была разослана телеграмма, в которой звучало требование организации контрагитационных действий в ответ на работу анархистских агитаторов. Деятельность омских анархистов была взята под контроль сотрудниками ЧК. Совместные действия партийных и чекистских органов при некотором улучшении хозяйственной жизни региона и материального положения позволили изменить ситуацию. По сведениям сотрудников Омского ГПУ, движение анархистов утратило авторитет, а практическая деятельность свелась к распространению литературы анархистского содержания.

¹⁷² Штырбул А.А. Указ. соч. С. 98–102.

¹⁷³ Бударин М.Е. Чекисты... С. 71.

К концу 1922 – началу 1923 г. активная деятельность анархистских групп в Сибири практически прекратилась – распались группы в Иркутске и Омске и остатки Федерации алтайских анархистов, действовавшей на юге Кузбасса и на Алтае. Отдельные политически активные анархисты, продолжавшие стоять на идейных основах анархизма, серьезной роли играть не могли, практически все находились под контролем местных органов ГПУ¹⁷⁴.

В монографии «Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века» А. Штырбул применительно к указанному периоду рассматривает, в частности, деятельность «бандитско-партизанских» групп и отрядов, в которых имелось влияние анархистов либо возглавляемых анархистами. Это отряды уже упомянутых П. Лубкова, братьев П. и С. Мурзиных, Д. Барышникова и некоторые другие. На мой взгляд, относить их к анархистам можно только условно. Да, отдельные из руководителей и членов этих отрядов в годы Гражданской войны использовали лозунги и знамена анархизма. Но идейность этого анархизма заключалась в нежелании подчиняться кому-либо и жить по кем-то написанным правилам. Сказывалась «наследственность» предков, завоевывавших и осваивающих сибирские просторы в поисках лучшей доли, личной свободы от какого-либо притеснения. У сибирского анархизма не было идейных вдохновителей и лидеров, способных организовать и повести за собой. Следует также учитывать и пестроту рядов названных групп, лишь отдельные из их участников разделяли взгляды своих командиров, абсолютное же большинство решало свои личные задачи в своей личной борьбе с советской властью, будучи обиженными ею. А черные знамена и анархистские лозунги были удобной формой оправдания чаще всего преступных действий. Были и те, кто в этой ситуации стремился по больше нагрabить в целях организации своего «светлого будущего».

Если следовать логике А. Штырбула, то анархизм и «красный бандитизм» по сути своей достаточно близкие явления, дополнявшие друг друга, а в отдельных случаях представлявшие единое целое. Да, красnobандиты сами считали себя властью и действовали по своему разумению и не допускали мысли о противоправности своих действий. Партийным и советским органам было удобно преступления своих коллег объяснять исключениями из правил, так как это позволяло переложить хотя бы часть вины за непопулярную в народе государственную политику на отдельных «отщепенцев». Это же во многом касается и тех «подпольных групп», которые время от времени вскрывались чекистами в ряде советских и хозяйственных органов власти. Члены этих групп не признавали политику советской власти в силу разных причин и пытались бороться с нею своими способами и методами. Вне всякого сомнения, их деятельность чаще всего была самостоятельной и обособленной, так как в стране уже не было организованного сопротивления, но это, на мой взгляд, ничего общего с анархизмом не имеет.

¹⁷⁴ Штырбул А.А. Указ. соч. С. 146–149. По его подсчетам, в 1920 г. в Сибири было 9 организаций анархистов, в 1921 г. – 11, в 1922 и 1923 гг. – уже 4 и 2 соответственно.

Движение анархистов не было однородным. Часть из них встала на сторону советской власти и даже вступила в ряды РКП(б), занимая важные посты в советских органах (в армии, ЧК и ряде наркоматов и ведомств), другие, например члены Федерации алтайских анархистов, выступали против, получая поддержку населения, в основном крестьянского, недовольного, как и анархисты, попытками военно-диктаторскими методами управления со стороны советской власти. При этом в движении анархистов еще одной привлекательной стороной была и его антиколчаковская направленность в недалеком прошлом – крестьяне еще очень ярко помнили насильственные мобилизации в армию, реквизиции скота и фуража колчаковцами, порки, издевательства и казни. Но в отдельных случаях, как И. Новосёлов, анархисты блокировались и с антикоммунистическими силами.

Несмотря на то, что многие анархисты были настроены просоветски и занимали руководящие посты в органах власти, начиная с 1921 г. стала прослеживаться тенденция со стороны коммунистического руководства по отмежеванию от политических противников и вытеснению их из органов власти. В этих условиях многие анархисты отказывались от своих убеждений и вступали в коммунистическую партию. Так, в 1921 г. в сибирских организациях РКП(б), без Дальнего Востока и Забайкалья, насчитывалось около 70 бывших анархистов, но в ходе «чистки» осенью 1921 г. 12 из них были исключены из партии. По данным Всероссийской партийной переписи 1922 г., в сибирских парторганизациях (с учетом Бурят-Монгольской и Забайкальской губернских организаций РКП(б)) было 65 бывших анархистов, что составляло 18% всех бывших анархистов в рядах РКП(б). В процентном отношении к общему числу коммунистов Сибири бывшие анархисты составляли 0,14%¹⁷⁵.

Следует также учитывать, что летом 1923 г. была предпринята попытка покончить с анархизмом по варианту, отработанному на партии эсеров. Группа бывших анархистов выступила с инициативой созыва всероссийской конференции, на которой должна была быть принята специально подготовленная декларация о вступлении в РКП, но «мероприятие» сорвалось, все завершилось публичным отречением от анархизма в сентябре того же года.

Что касается деятельности анархистов в последующие годы, то мне не удалось обнаружить каких-либо материалов, свидетельствующих об этой деятельности, в том числе и в архивах, в частности Томского и Новосибирского управлений ФСБ. Вполне возможно, что анархисты не вели какой-либо деятельности, в отличие от представителей других оппозиционных большевикам партий, хотя бы по причине отсутствия лидеров или организующего ядра, что в соответствии с организационными принципами анархистов не предполагалось вообще. Вновь упоминания об анархистах появляются уже во второй половине 1920-х гг., но они связаны с материалами жизни и деятельности политссылки. Наиболее полно деятельность анархистов освещена в докладной записке уполномоченного Томского окружного отдела ОГПУ по Нарымскому краю Перминова заместителю прокурора Сибирского края Малинину (по данным

¹⁷⁵ Штырбул А.А. Указ. соч. С. 151.

на 10 февраля 1927 г.): «...самым наиактивнейшим и в то же время буйным элементом политической ссылки являются анархисты (34 чел.).

Из агентурных материалов видно, что анархисты в условиях ссылки не только активизировались сами, но и старались активизировать в анархическом духе и окружавшие их крестьянские массы, даже деревенские ячейки комсомола. Отдельным членам комсомола Чигаринская группа анархистов дает читать анархическую литературу и даже часто собирает у себя на квартирах деревенскую молодежь, напичкивая таковую идеями анархизма...

Лидеры анархистов, как-то: Володарский, Немерицкий... заняты организационной работой и стягают себе лавры в «четырех стенах», организуя своеобразные кружки по подготовке будущих «работников анархического строя», идя в разрез с желанием своих рядовых членов, что привело к расколу и образованию в Нарымской ссылке 3 анархических группировок...»¹⁷⁶.

Наиболее активной и авторитетной из этих групп была Чигаринская, возглавляемая «инвалидом Мясниковым», «благодаря своим резким выпадам против существующего строя. Это объясняется тем, что нарымский крестьянин также своеобразно настроен анархически, чему способствует ЕСХН (единый сельскохозяйственный налог. – В.У.), билеты на право охоты, рыбной ловли и проч. Так как в свое время этого нарымский крестьянин не знал, т.к. Нарымский край от налогов освобождался, и плюс – чрезмерная отсталость нарымского населения в политическом отношении»¹⁷⁷.

Возможно, по причине того, что анархисты не были в первых рядах политических оппонентов большевиков, не имели заслуженного исторического прошлого, ярких лидеров, репрессии начала 1920-х гг. коснулись их в меньшей степени. Но события в стране – партизанщина, бандитизм, переустройство жизненного уклада практически всего населения – создали благоприятные условия для развития анархизма, пусть и не классического, либо анархистских проявлений и потребовали приложения серьезных усилий со стороны государства для решительного подавления этого общественно-политического течения.

24 сентября 1929 г. начальник СОУ ПП ОГПУ Сибирского края Гарин подписал циркулярное письмо всем начальникам окружных и областных отделов ОГПУ Сибкрая, в котором констатировал, что еще в 1925 г. секретный отдел ОГПУ своей директивой № 5454 ставил перед органами ОГПУ задачи по выявлению анархистов и их группировок в красноармейских частях, пресечению деятельности анархистов по разложению допризывников и учащейся молодежи. Планировалось проведение оперативных мероприятий в отношении анархистов, но директива и названные планы выполнены не были, как не было выполнено и указание ПП ОГПУ по Сибкраю № 51848 от 10 октября 1928 г., которое предполагало оперативную разработку и учет с целью вербовки осведомителей.

¹⁷⁶ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 124.

¹⁷⁷ Там же. Л. 125.

В письме делался вывод, что окружные отделы ОГПУ недооценивали «политической вредности» работы анархистов. Такое «примиренческое отношение к анархистам неизбежно породило отсутствие четкости в работе по анархам, недовыявление... их организационной деятельности, идеологического влияния на окружающую среду, связей и т.п., что в данный момент терпимо быть не может, т.к. в условиях развертывающегося социалистического наступления в городе и деревне (социалистическое соревнование по улучшению производства и подъема производительности труда; чистка совapparата и партии; угроза военной опасности и т.п.), возможно, будет порождать рост анархо-синдикалистских настроений, хвостистских и рваческих настроений среди отсталой части рабочих и особенно среди «новых» рабочих, еще не переработавшихся в социалистическом производстве, и рост антисоветских настроений среди прочих слоев населения». При этом высказывалось опасение усиления анархического движения.

Последствия письма не известны, так как не удалось найти других документов, могущих пролить свет на это, но резолюции на нем были серьезные. Начальник Томского окружного отдела ОГПУ Мальцев приказал начальнику Секретного отдела: «Надо просмотреть, перепроверить всех анархистов и анархистующих по старым материалам», на что последний отреагировал своей визой подчиненному: «Немедленно приступай к составлению плана по опер. проработке и его реализ[ации]»¹⁷⁸.

Следует отметить, что для анархистского движения в Сибири на протяжении всего периода его существования были характерны организационная слабость, относительная малочисленность и идейная пестрота. Преобладали организации низшего и среднего уровней – кружки и группы. Организационные принципы не предусматривали структур, способных, подобно партии, увязывать воедино деятельность оргобразований. В Сибири так и не возникло более или менее единого монолитного движения анархистов, отсутствовали связи между организациями, процветали раздробленность и разобщенность.

На протяжении первой четверти XX в. анархисты Сибири в своем большинстве оставались левой силой, союзной, но одновременно и альтернативной, сибирским большевикам. История показала, что союзниками для большевиков они оказались слабыми и непоследовательными.

В базе данных жителей Томской области, репрессированных по политическим мотивам, содержится информация о 17 «членах контрреволюционной террористической анархической организации», осужденных после принятия УК РСФСР 1926 г. Большинство арестов относилось к первой половине 1930-х гг., когда были арестованы 10 чел., в 1937–1938 гг. аресту были подвергнуты всего 7 чел., в том числе две жительницы с. Каргасок – учительница Н.С. Болотова и временно не работавшая О.Х. Прокопенко (обе были из числа сосланных в Нарымский край), все осуждены на 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах. Кстати, из 16 репрессированных в с. Каргасок проживали семеро, все из числа ссыльных, остальные – в Томске. Об активной

¹⁷⁸ Из личного архива автора.

деятельности арестованных речь и не велась, все были арестованы за свое «прошлое». Но если в первой половине 1930-х гг. многие из них вновь «получили» ссылку или малые сроки наказания, а двоим в наказание был зачтен срок предварительного заключения, то из числа арестованных в 1937–1938 гг. были расстреляны четверо, женщины осуждены к заключению в ИТЛ.

Арест А.А. Солоновича¹⁷⁹ как руководителя «контрреволюционной» организации анархистов в с. Каргасок был произведен в январе 1937 г. Согласно справке на арест, выходец из дворян осужден особым СовеЩанием в 1933 г. с продлением ссылки на два года, отбывая которую в Каргаске, не прекратил активную «контрреволюционную» деятельность. С целью пропаганды своих идей и организации борьбы с советской властью он создал в 1933 г. анархо-мистический кружок из числа ссыльных анархистов, провел несколько собраний, на которых обсуждались вопросы установления связей с заграницей и создания разветвленной организации для борьбы с существующим строем, изучалась также анархо-мистическая теория. В 1934–1935 гг. он продолжил работу по созданию новых кружков, предлагал политссыльным вступать во Всесоюзный альянс анархистов, который он, якобы, возглавлял. К 1936 г. Солонович вовлек в ряды организации еще несколько местных жителей и отбывавших ссылку анархистов¹⁸⁰.

После ареста Солонович отрицал предъявленные обвинения, отказался давать какие-либо показания о своей политической деятельности и политических взглядах. Такую же позицию на первых допросах занимали Д. Бем и Н. Болотова. Возможно по причине неспособности справиться с арестованными, последние были переданы из Нарымского окротдела в УНКВД по Запсибкраю. Болотова, продолжая отказываться от дачи каких-либо показаний, о чем писала в своих заявлениях следователям, 21 февраля даже объявила сухую голодовку.

«Руководитель» организации А. Солонович умер во время следствия 4 марта 1937 г. Смерть наступила по причине нахождения в голодовке, заболевания гриппом и миокардитом «при явлениях нарастающей слабости сердечной деятельности»¹⁸¹. Материалы следствия позволяют сделать предположение о том, что А. Солонович страдал заболеванием, связанным с нарушением психики. Об этом может свидетельствовать его почти маниакальная потребность в сочинительстве анархо-мистических сюжетов¹⁸², «создание» организации союзного масштаба, а еще в большей степени –

¹⁷⁹ Солонович Алексей Александрович, 1887 г.р., ур. Польши, математик, философ. В 1920 г. был одним из организаторов и руководителей Ордена тамплиеров в Москве, бывший секретарь федерации анархистов.

¹⁸⁰ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2517. Л. 1.

¹⁸¹ Там же. Л. 25.

¹⁸² При обыске были обнаружены, изъяты и приобщены к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств две тетради под заглавием «Учение Канта о чистом разуме», блокнот под заглавием «История русской литературы», 3 тетради под заглавием «Мифология», тетрадь с заглавием «Аристотель – метафизика», а также еще несколько тетрадей и блокнотов с записями. По мнению сотрудников Каргасокского РО НКВД, во всех рукописях содержались контрреволюционные клеветнические нападки на советскую власть и учение Маркса // Там же. Л. 7.

дебош в доме предварительного заключения при УНКВД по ЗСК. 13 февраля в камере он бил окна, колотил в двери. На допросе в кабинете начальника 4-го отдела УГБ УНКВД Попова он оскорблял сотрудников, выкрикивал ругательства в адрес ВКП(б) и органов советской власти. «Солонович дошел в своей зверской ненависти до того, что схватил со стола массивную стеклянную пепельницу и бросил её в тов. Попова, и лишь благодаря тому, что тов. Попов успел увернуться в сторону, пепельница пролетела мимо... упала на пол и вдребезги разбилась»¹⁸³.

Интересна реакция на его выходку сотрудников УНКВД: он был отправлен в камеру с предупреждением, что за свои действия будет посажен в карцер. От более сурового наказания и обращения его «спасло» только то, что февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) еще не расставил приоритеты в борьбе с «врагами» и не «развязал» следователям руки при ведении допросов.

Сотрудниками 4-го отдела УГБ УНКВД по ЗСК была «установлена» связь организации Солоновича с членами анархической группы из Москвы. После окончания следствия все материалы по делу были переданы из Новосибирска в Москву для общения к общему делу анархической организации. И уже в феврале 1938 г. сотрудники 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР вынесли решение о направлении дела анархической организации в Военную Коллегию Верховного суда СССР и применении к подсудимым закона от 1 декабря 1934 г., с чем согласился прокурор Главной военной прокуратуры военюрист 2-го ранга Липов.

По делу этой же организации 18 февраля 1937 г. в Ленинграде был осужден доцент физико-математического факультета Томского университета А.А. Синягин, проживавший до ареста в августе 1937 г. в Томске. В ноябре 1937 г. он был этапирован в Ленинград. Признав вину и будучи «изобличенным» показаниями ранее осужденных участников названной организации, он был приговорен к ВМН – расстрелу по закону от 1 декабря 1934 г.¹⁸⁴

В 1940 г. его мать – З.А. Синягина – обращалась к заместителю председателя СНК СССР А. Вышинскому, Главному военному прокурору страны и президенту Академии наук СССР, депутату Верховного Совета СССР В.Л. Комарову с просьбой разобраться с материалами дела и обоснованностью осуждения её сына. Ей сообщили, что её сын осужден на 10 лет лагерей. В своем обращении мать указывала на его научные достижения – около двадцати опубликованных, в том числе и за границей, научных работ, медаль Географического общества и т.п., приводила отзывы известных ученых и специалистов научных и учебных заведений страны. Письмо было подшито к делу расстрелянного сына и хранилось там многие годы¹⁸⁵.

Упомянутая выше директива НКВД СССР № 17231 от февраля 1938 г. «Об оперативных мероприятиях против меньшевиков и анархистов» коснулась только

¹⁸³ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-2517. Л. 233–234; 1937–1938 гг.; Операции НКВД: Из хроники «Большого террора» на томской земле. Томск ; Москва, 2006. С. 36.

¹⁸⁴ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-7503.

¹⁸⁵ Там же. Л. 57–60.

плановика Каргасокского райисполкома Д.А. Бема. «Следствие» тянулось с января 1937 г. У сотрудников Нарымского окротдела УНКВД на него не было оперативных материалов, кроме «прошлого», по этой причине следствие и велось не особенно активно. На основании предъявленного обвинения планировалось «вскрытие» еще одной контрреволюционной организации, но сделать этого не удалось. После выхода директивы его не судили еще четыре месяца, до 4 июня 1938 г. Приговоры в отношении Синягина и Бема были приведены в исполнение в день осуждения.

Анархисты в Западной Сибири к периоду «Большого террора» преимущественно отбывали сроки наказания и ссылку. По данной причине на территории Западной Сибири, как, впрочем, и в других регионах страны, органы НКВД не смогли «раскрыть» каких-либо массовых организаций из числа представителей этого политического движения. Не будучи массовой политической организацией, без истинных идейных руководителей, без организующей силы анархисты практически самоликвидировались на рубеже 1920–1930-х гг. и не являлись значимой политической силой. Жертвами репрессий они становились только благодаря хорошо отлаженной системе оперативных учетов органов ОГПУ–НКВД, куда были включены еще в первые годы советской власти. Принцип «учета и контроля», соблюдавшийся в органах неукоснительно, не дал сбой и в годы разгула террора.

* * *

В марте 1931 г. для борьбы с враждебной деятельностью участников антисоветских партий и групп, с националистической контрреволюцией, антисоветской деятельностью церковников, сектантов, монархистов и др., а также с террором секретный и информационный отделы ОГПУ были объединены в единый – секретно-политический отдел (СПО). В этом же году приказом ОГПУ № 298/175 была составлена «Инструкция по учету и агентурной разработке антисоветских и контрреволюционных элементов по линии секретно-политического отдела». В соответствии с этим документом все подлежащие учету лица и антисоветские элементы разбивались на две категории: по литеру «А» – твердый (основной) учет и литеру «Б» – предварительно-вспомогательный учет.

В первом случае на учет брали бывших членов русских и национальных антисоветских партий и групп (эсеры, меньшевики, монархисты, националисты, троцкисты и т.п.), участников террористических и кулацко-повстанческих организаций, террористов-одиночек и других действующих антисоветских элементов. Все лица этой категории разрабатывались по делам-формулярам или агентурным делам. Последние, кстати, согласно циркуляру Секретно-оперативного управления от 2 марта 1931 г., заводились на каждого бывшего члена ЦК правых эсеров, сосланного в отдаленные районы страны за антисоветскую деятельность.

Во втором случае на учет ставились антисоветские элементы, работавшие на предприятиях и стройках, в государственных, профсоюзных, кооперативных организациях и добровольных обществах, в индивидуальном и социалистическом секторах

деревни, а также руководящий состав церковных и сектантских организаций, бывшие чиновники царского и белых правительств и некоторые другие категории граждан. Однако на учет брались лишь лица, впервые попавшие в поле зрения органов ОГПУ, материалы в отношении которых требовали проверки. В случае подтверждения материалов фигуранты переводились на твердый учет. Что касается категории «социально близких», то рабочие, бедняки, середняки и колхозники при неподтверждении в течение года полученных на них компрометирующих материалов с учета снимались¹⁸⁶.

После политических процессов начала 1930-х гг. «политические оппоненты» на некоторое время выпали из процесса активного преследования, так как изменились контингенты репрессий, курс и цели борьбы с врагами: на первый план вышли «бывшие» и кулачество. Подтверждение этому находим, в частности, в письме бывшего начальника Томского горотдела НКВД И.В. Овчинникова в следственную часть НКВД СССР: «Как можно обвинять меня за ту политическую линию в работе, которая вытекала из решений XVII съезда партии и диктовалась НКВД-центра и УНКВД. Разве не известно... что тогда после инструкции ЦК и СНК от 8/V-33 г. настала целая полоса работы НКВД с курсом на вскрытие локальных, мелких контрреволюционных образований из числа бывших людей, кулаков и т.д.

...Что же касается ориентировки на разработку контрреволюционной низовки, то это правильно... Ведь после 1933 г. была провозглашена та знаменитая теория в УНКВД, согласно которой выходило, что сейчас... после ликвидации последнего капиталистического класса – кулачества – в СССР нет сил, способных поколебать его мощь. Все антисоветские политпартии, включая сюда и троцкистов... разбиты и дискредитированы в глазах широких трудящихся масс, от них остались лишь жалкие осколки, за которыми никто не пойдет... Поэтому могут быть только поколения мелких контрреволюционных образований, и их надо искать и громить»¹⁸⁷.

Изменилась и система деятельности органов НКВД. Овчинников свидетельствовал, что с приездом в УНКВД по Запсибкраю С.Н. Миронова ситуация резко изменилась. Сторонники «вскрытия мелких, не связанных между собой в масштабе края и СССР контрреволюционных групп, установки на уважение к партруководству, к активу, к запрещению трогать членов партии без ведома и решений горкомов и райкомов, установки противодиверсионной профилактики и помощи хозяйственному руководству в деле выполнения планов», с его приходом, были объявлены оппортунистами и чуть ли не предателями: «Миронов заявил, что нет и не может быть локальных контрреволюционных образований, все враждебные силы внутри страны – от эсеров, меньшевиков, кадетов, монархистов, бывших людей, кулаков, кончая агентурой иноразведок и троцкистов, – все это слилось и представляет единый фронт, и поэтому в работе разговор может быть только о контрреволюционных организациях в масштабе СССР или, в крайнем случае, в масштабах края»¹⁸⁸. Учитывая принципы

¹⁸⁶ История советских органов госбезопасности... С. 216–217.

¹⁸⁷ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 7. Л. 27–28.

¹⁸⁸ Там же. Л. 36.

деятельности органов НКВД, строжайшую служебную дисциплину и ответственность, характерные для всех властных структур тех лет, сложно предположить, что только один начальник УНКВД проявил инициативу и рвение. Он просто донес до личного состава установки, полученные им в Москве.

3.4. Политическая ссылка

Важное значение в борьбе с политическими противниками большевиков имела политическая ссылка. Коммунистическое руководство страной ничего нового не придумало, на вооружение был взят опыт царизма – ссылка в Сибирь. Как постоянная мера наказания ссылка в сибирские губернии установилась с 1745 г. Только в 1804 г. – в год образования губернии – в неё прибыло более семи тысяч ссыльных. В Томске была создана «экспедиция о ссыльных», и город стал одним из главных пересыльных пунктов. В семидесятых годах XIX в. в губернию ежегодно доставляла около двух тысяч человек, которых селили преимущественно в Каинском и Мариинском округах, где сосланные составляли до 1/3 населения¹⁸⁹. Следует учитывать, что и многие из «победителей» испытали в свое время все сложности и проблемы пребывания в этих местах. В 1920-х гг. для отбытия ссылки прибыло несколько сот человек, преимущественно руководителей и активных членов партий эсеров, меньшевиков, анархистов, сионистов и некоторых других. В стране только в 1921 г. ВЧК приговорила к ссылке и высылке 1 817 чел., что составило 5,1% от числа осужденных.

В числе первых сосланных в Сибирь были 27 эсеров-максималистов, направленных зимой 1921 г. в Канский уезд Енисейской губернии. По прибытии на место они развернули активную деятельность, установили связь с Иркутском, Новониколаевском и Томском. По данным органов ВЧК, они открыто выступали на собраниях и конференциях, проводили тайные совещания и распространяли листовки и воззвания, эсеровскую литературу. Губком РКП(б), обеспокоенный влиянием этой группы на местное население (с подачи органов губЧК), распорядился в декабре произвести аресты членов этой группировки, что и было сделано в январе 1922 г. В последующем все были высланы за пределы Енисейской губернии¹⁹⁰.

В начале 1920-х гг. первые ссыльные «политики», прибыв в Сибирь, стремились сохранять сплоченность, создавая фракции и группировки единомышленников. К концу 1923 г., по данным прокуратуры края, в большинстве районов Сибири сформировались группы политссыльных, особо сплоченные в Красноярске, Нарымском крае и Ойротской области. Исключение составляли Алтайская, Иркутская и Омская губернии. Объединение чаще всего происходило на почве преодоления возникавших материальных трудностей. В целом ссылка оставалась разобщенной по партийному, национальному и конфессиональному признакам на протяжении 1920-х гг. Характерным примером может быть разделение ссыльных в Нарымском крае, где органами

¹⁸⁹ Юшковский В.Д. Эскиз сюжета: 40 этюдов о 400-летнем Томске. Томск : Изд-во НТЛ, 2003. С. 338–340.

¹⁹⁰ Маргиналы как социум... С. 238, 269, 276.

ОГПУ к 1927 г. были выделены три группы анархистов (чигаринская, большевнистская и парабельская), 5 – социал-демократов (колпашевская, инкинская, парабельская, нарымская и каргасокская). Наиболее сплоченной была колпашевская группа эсеров. Если у эсеров и меньшевиков были признанные лидеры (Д.Д. Донской и С.С. Цейтлин), то у анархистов их было пять, что, видимо, подтверждало сущность этого движения¹⁹¹.

Вот как охарактеризовал положение политссыльных один из агентов ОГПУ в декабре 1923 г.: «Колпашевская колония п/с (политссыльных. – В.У.) живут каждая сама по себе, никакой спайки нет и объединения п/с между собой. С приездом в Колпашево С/Р Бельского имеются возможности, что последним будут приняты меры к урегулированию этого вопроса по Колпаш[евской] колонии.

В Инкинской колонии положение иное, там существует столовая, кот[орая] до некот[орой] степени сближает п/с между собой и дает известную спайку и сближение.

Центр[альной] фигурой Инкинской колонии п/с является анархист Рубинчик. Чигаринскую колонию возглавляет С/Д Кононенко.

В Парабельской колонии положение неопределенное, т.к. существовавшая “колониальная организация” распалась в связи с арестом С/Р Чернова Бориса, у которого были все нити объединения не только Параб[ельского] района, но и по всему Наркраю.

Моральным центром явл [яется] Д[онской], который своим положением в полит[ической] работе дает спайку между всеми. В нужный момент его совет носит характер решения...»¹⁹².

Следует отметить, что для меньшевиков и эсеров было характерно наличие такого института, как старостаты. Выборные старосты распоряжались денежными средствами из касс взаимопомощи, организовывали различного рода общественные мероприятия, собрания, товарищеские суды, выступали в роли посредников при возникновении спорных ситуаций, решали и другие вопросы, возникавшие в повседневной жизни. В отдельных случаях старосты эсеров и меньшевиков встречались для консультаций по отдельным проблемам.

В первой половине 1920-х гг. политссыльные Нарыма предпринимали многочисленные попытки установления контактов с единомышленниками в других частях страны и за рубежом. В основном использовалась открытая переписка, иногда корреспонденция доставлялась через знакомых и родственников, но в отдельных случаях применяли язык условностей и «шифры», а также наколы букв в журналах, на папиросной бумаге. Все эти способы применялись и в общении между колониями. В отдельных случаях корреспонденции и инструкции доставляли курьеры. Одним из таких курьеров была О.Л. Иоффе, которая возила пакеты, зашивая их в маленькую головную подушку¹⁹³.

¹⁹¹ Маргиналы как социум... С. 266–267; Яковлев Я.А. Указ. соч. С. 322–323.

¹⁹² Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 2574. Т. 1. Л. 336.

¹⁹³ Там же. С. 125.

В работе по политссылке основное внимание органами ОГПУ уделялось эсерам и меньшевикам, прежде всего их лидерам. Осенью 1924 г. в ссылку в Нарымский край прибыл один из членов ЦК партии эсеров, осужденных по процессу 1922 г., Д.Д. Донской¹⁹⁴. Поселен он был в 500 км от Томска в с. Парабель. В предписании уполномоченному Томского губотдела ОГПУ признавалась необходимость принять всевозможные меры по недопущению бегства Донского из ссылки. Для реализации этой установки предлагалось «...выделить гласного сотрудника с постоянной резиденцией в Парабели»¹⁹⁵. Данное указание было выполнено почти незамедлительно, так как власть боялась Донского, его авторитета и влияния на политссылку. Другой причиной являлась информация о том, что Донской якобы санкционировал покушение Ф. Каплан на Ленина (эта тема до настоящего времени дискутируется специалистами. – В.У.). Одно это делало из Донского ярого врага советской власти. Первоначально Д. Донской действительно сплотил политссылку, независимо от партийной принадлежности. Его квартира превратилась в штаб, где регулярно проводились собрания политических ссыльных. По данным оперативных источников ОГПУ на этих собраниях обсуждались ситуация в стране и планы деятельности ссылки, вопросы установления связи с единомышленниками, в том числе и в других регионах страны, и т.п.

Один из оперативных источников в марте 1925 г. сообщал: «Донской говорит, что партия не бездействует, работает, но находится в таком периоде, как было в 1890–1900 гг. Партия за последние годы настолько разбита, потеряла свои лучшие силы, должна медленно оправиться, приобретая стойких борцов. Это можно достигнуть только медленной ровной работой, самой осторожной и конспиративной, т.к. 3 отделение ОГПУ, зная все недостатки 3 отделения царской охраны, теперь настолько хорошо поставлено, что малейший неосторожный шаг стоит многих жертв (очень). Что касается прекращения террора, то он не связан с тем, что сов. власть имеет С/Р заложников, а объясняется тем, что С/Р признают теперь, что они слабы, а террор забрал бы очень много С/Р жертв, которые нужны для более важной работы... Когда партия окрепнет, а коммунисты к тому времени не дадут возможности моральной агит[ационной] работы, тогда вероятно придется применить террор. Трудно в связи с этим сдерживать молодежь. В партию привлекают рабочих, учащихся, так и крестьян, где наиболее благоприятная почва, которая уменьшается в связи с привлечением коммунистами к себе середняков... Работа бесперспективна... Из-за местной работы

¹⁹⁴ Донской Дмитрий Дмитриевич был единственным из осужденных, кому было предъявлено обвинение по 8 статьям Уголовного кодекса: 57 – контрреволюционные действия, направленные на свержение советской власти; 58 – организация и участие в вооруженных действиях с контрреволюционными целями; 59 – сношение с иностранными государствами или их представителями с целью склонения их к вооруженной борьбе против Советской Республики...; 60 – участие в организации, действующей в целях совершения преступлений по ст. 57–59; 64 – организация в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов; 65 – саботаж; 76 ч. 1 – организация и участие в экспроприациях...; 76 ч. 2 – соучастие в экспроприациях... По четырем из названных статей УК предусматривалась смертная казнь.

¹⁹⁵ Яковлев Я.А. Указ. соч. С. 296–297.

не стоит получать несколько лет Соловков, т.к. слежка так поставлена, что только подумаешь что-либо сделать, как это уже известно ГПУ»¹⁹⁶.

Со временем ситуация стала меняться, многие из ссыльных постепенно смирились с происходившими в стране переменами и невозможностью реальной борьбы с советской властью. Многие видели в большевиках не врага, а политического оппонента, более того, полагали, что большевики еще позовут их для совместной деятельности. На одной из вечеринок в августе 1925 г. меньшевик Зайчик в споре с Донским заявил: «Советская власть настолько окрепла, что на многие годы она будет существовать, несмотря на то, что европейские державы принимают все меры к её уничтожению. Лозунги коммунистов настолько привлекательны для рабочих, что никакие другие лозунги не в состоянии с ними конкурировать. Положение в Советской России улучшается с каждым годом, а с этим ухудшается возможность социал-демократов что-либо сделать и на многие годы отдалается возможность смены правления в России». Донской многое из сказанного признал, но отметил, что если у меньшевиков работы нет, так как пролетариат не пошел за ними, то «у нас очень благодарная почва для работы среди крестьян, которые в своем большинстве недовольны советской властью»¹⁹⁷. В конечном итоге все остались при своих взглядах и позициях, но позднее ссоры на почве партийных разногласий стали учащаться.

Отношение крестьянства к политическим ссыльным было достаточно сложным. С одной стороны, власть делала все, чтобы не допустить распространения влияния ссыльных на местное население, всеми способами компрометируя ссыльных, а с другой стороны, само крестьянство неоднозначно относилось к сосланным: молодежь к ним тянулась, так как многое для нее было новым, интересным (в сибирской глуши много ли интересов и развлечений); те, кто постарше, чаще всего вели себя настороженно или негативно (анархист Святоло получил, например, такой ответ от одного из крестьян: «Плохо будет, если эти ссыльные каким-нибудь образом очутятся у власти, т.к. они поведут политику, ничем не отличающуюся от царского строя»¹⁹⁸). Меньшевик Танутров заявил в одной из бесед не менее емко: «Сейчас политикой заниматься нельзя. Все население на стороне существующего строя. Раньше было другое отношение крестьян к политссыльным, а сейчас они не доверяют, и сколько к ним ни приспособляйся, они все равно знают волка в овечьей шкуре»¹⁹⁹.

Часто отношение к ссыльным было «прохладным» на основе бытового антисемитизма – многие из сосланных были евреями, хоть и являлись членами разных партий. Так, отмечалось наличие взаимного отчуждения между меньшевиками и местным населением. Крестьяне воспринимали социал-демократов как чуждых им интеллигентов, что с учетом наличия бытового антисемитизма не могло не играть своей

¹⁹⁶ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 2574. Т. 1. Л. 58.

¹⁹⁷ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 2574. Т. 1. Л. 148–149.

¹⁹⁸ Там же. Л. 374.

¹⁹⁹ Там же. Л. 515.

роли в положении сосланных²⁰⁰. К отдельным из сосланных в силу их профессиональной принадлежности отношение было уважительным (врачи, агрономы, учителя). Еще одной категорией, пользующейся уважением и поддержкой местного населения, было сосланное духовенство, сказывалось традиционное влияние церкви.

Со временем и сам Донской признал, что сопротивление ни к чему не приведет. Один из оперативных источников ОГПУ сообщал, что в беседе с ним о возможности подпольной партработы Донской заявил: «Вести работу в подполье при современной обстановке почти невозможно, и, если бы он, Донской, оказался на свободе, то очутился бы в отношении партработы в затруднительном положении, т.к. не знал бы, что ему делать. С одной стороны, никого из старших товарищей по партработе на воле нет, а если и есть кто-либо, то местонахождения их ему не известны; с другой – молодые с[оциал]-р[еволюционеры] идут неправильным путем. Донской сожалеет о том, что придется окончить жизнь, не увидев с[оциал]-р[еволюционной] свободы, т.к., по его мнению, соввласть укрепилась настолько, что скорого её падения ожидать невозможно»²⁰¹. Заявление Донского явилось невольным подтверждением разгрома всех антисоветских (политических оппонентов) сил в стране.

К концу 1920-х гг. Д. Донской уже полностью отказался от какой-либо борьбы с советской властью. Начальник секретного отдела Томского ОГПУ Шестаков в мае 1929 г. так характеризовал его: «Если в первые годы пребывания в ссылке Донской очень осторожно проявлял эсеровскую деятельность, то за последние два года таковой никакой политической работы как внутри ссылки, так, и судя по перлюстрации документов, за её пределами не ведет»²⁰².

Конфликт поколений был не только у эсеров, но и у меньшевиков. В уже упоминаемой докладной записке заместителю прокурора Малинину отмечалось, что «сплоченной работы среди с[оциал]-д[емократов] нет, что объясняется делением группы на два лагеря – «старых и молодых», расхождение которых в основном возникает на почве совместной работы всех полит[ических] группировок Нарымского края.

С[оциал]-д[емократическая] молодежь стремится к общей работе совместно с с[оциал]-р[еволюционерами], анархистами, другими фракциями, организовали в Колпашевской колонии общую библиотеку, а «старики» с[оциал]-д[емократы] тянут назад и категорически протестуют против данного положения»²⁰³.

К середине 1920-х гг. политическая ссылка в Сибири заметно выросла. Если в 1923 г. в Нарымский край, одно из основных мест ссылки в Сибири, ссыльные прибывали поодиночке – «в феврале месяце 2 человека, в апреле месяце 3 человека, в мае месяце – 7 человек, в июне – 8 человек и в июле месяце – 21 человек», из которых... 24 – разных политических оттенков»²⁰⁴. В январе 1924 г. их уже было 93, в том числе

²⁰⁰ Маргиналы как социум... С. 277.

²⁰¹ Яковлев Я.А. Указ. соч. С. 316–317.

²⁰² Маргиналы как социум... С. 270.

²⁰³ ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 126.

²⁰⁴ Из истории земли томской. 1921–1924... С. 337. В 1939 г. на следствии бывший начальник Томского горотдела НКВД И. Овчинников охарактеризовал нарымскую ссылку следующим образом: «Томск – это

непосредственно политических – 33 (меньшевиков – 27, эсеров – 4, анархистов – 2)²⁰⁵. В мае 1925 г. одних меньшевиков числилось уже 51 чел.²⁰⁶; к февралю 1927 г. – 148 (анархистов – 34, меньшевиков – 70, эсеров – 8, сионистов – 36)²⁰⁷.

На 11 декабря 1923 г. в Енисейской губернии, по сведениям губпрокурора, находилось до 25 политических ссыльных. Иркутская прокуратура сообщала в конце 1924 г. о 19 сосланных в губернию «контрреволюционерах», в том числе о пяти «политиках». Всего в 1924 г. в «распоряжение» сибирских органов ОГПУ было направлено 265 ссыльных и высланных за «контрреволюцию»: в Нарымский край – 119 чел., в Туруханский – 97, в Илимский – 19, остальные были распределены за другими районами. К представителям «антисоветских» партий относились 104 из них.

Самой массовой группой из представителей политических оппонентов большевиков в Сибири были меньшевики, которых к середине 1927 г. насчитывалось 111. К началу 1928 г. более всего их было в Нарымском крае – 70, в Енисейске – 19 (ждали отправки в Туруханский край), в Туруханском крае – 5, в Каменском округе – 8, в Барнаульском и Иркутском – по 2.

Численность представителей ПСР исчислялась единицами. На конец 1924 г., по информации заместителя председателя ОГПУ Г. Ягоды, в распоряжение ПП ОГПУ по Сибири были отправлены 16 правых и 14 левых эсеров. Небольшая их численность объяснялась активным нежеланием сибирского руководства принимать этих «социально опасных лиц». К началу 1927 г. в Нарымском крае их было всего 8 чел., а в мае 1928 г. в Красноярске находился один левый эсер, в Туруханске – еще два. Социальная опасность крылась в их политических взглядах и ориентации на крестьянство, что в условиях Западной Сибири имело под собой реальную основу.

Что касается анархистов и сионистов, то основная масса их была сконцентрирована в Нарымском крае. На начало 1927 г. их число достигало 34 и 36 чел. соответственно, ни ранее, ни позднее их численность большей не была. По данным эмигрантских кругов, в конце первого полугодия 1928 г. семеро анархистов находились в Енисейске и еще двое – в с. Парабель Нарымского края. В Енисейске якобы существовала колония сионистов численностью 19 чел.²⁰⁸

Сионисты-социалисты прибыли в ссылку в Сибирь зимой 1925 г. По прибытии в Нарымский край примерно через месяц они предприняли попытку установить контакты с представителями других партий, но эти попытки оказались безуспешны –

ворота в Нарым, через которые проходила вся ссылка в Нарым и ее обратное движение, оставляя на связи явочные квартиры и проч. Томск – это город административной и политической ссылки эсеров, меньшевиков, бывших людей, троцкистов и т.п. с первых лет Советской власти и до 1937 г. включительно. Здесь... были в ссылке два члена ЦК эсеров, другие крупные эсеры и м[еньшеви]ки... Здесь сидела целая колония дашнаков с членами ЦК во главе, груз[инские] м[еньшеви]ки и т.д.» (Из письма И. Овчинникова в следственную часть НКВД СССР // Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 7. Л. 36–37).

²⁰⁵ Из истории земли томской. 1921–1924... С. 347.

²⁰⁶ Подсчитано автором. Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 41.

²⁰⁷ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 124–128.

²⁰⁸ Маргиналы как социум... С. 241–245.

возможно, уже сказывались «усталость» предыдущих лет ссылки и разобщенность, достигнутая не без активного участия органов ОГПУ. Весной 1925 г. для ведения партийной работы ими было образовано Нарымское бюро из трех человек во главе с М.В. Бочковским²⁰⁹. Бюро установило связь с Москвой, предпринимало попытки связаться с единомышленниками за границей и предполагаемой томской организацией сионистов. В переписке с Центром использовали шифрованную связь и тайнопись, разработанные И. Мнухиным²¹⁰ и Я. Браиловским²¹¹, что было подтверждено результатами перлюстрации их корреспонденции. В ходе взаимопосещений, часто нелегальных, обсуждались вопросы о положении в стране, планируемые мероприятия и т.д. Ссылные занимались разработкой шифра и средств тайнописи для ведения секретной переписки.

Активная деятельность сионистов не могла остаться вне внимания органов ОГПУ, и в ночь с 15 на 16 декабря 1925 г. были арестованы 9 членов группы. Всем предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По представлению старшего помощника прокурора Сибири в связи с тем, что «вследствие быстрой ликвидации указанной группы органами ОГПУ деятельность их не имела преследуемого результата, что в качестве доказательного по делу материала фигурируют данные и документы, добытые агентурным путем, оглашение коих на суде представляется нежелательным...», дело было направлено в Особое совещание при Коллегии ОГПУ²¹². 2 апреля 1926 г. Особым совещанием все были осуждены к различным срокам наказания. Ранее, в 1924 г., они были осуждены «за активную работу в духе своей партии» к ссылке в Нарымский край сроком на 3 года. Вместе с ними были осуждены жены двоих из них, прибывшие в Нарым вслед за мужьями²¹³.

Нет сомнения, что дело данной группы явилось одним из звеньев кампании, начатой органами ОГПУ против сионистов. И если раньше информация о членах этой партии, находящихся в ссылке, по крайней мере, в Нарымском крае, практически не

²⁰⁹ Бочковский Михаил Вульфович, 1899 г.р., ур. г. Овруч Волынской губ., проживал в дер. Б. Нестерово Парабельского р-на, ссылный. Арестован в 1925 г. Осужден на 3 года концлагерей. В октябре 1928 г. сослан на 3 года в Среднюю Азию. См.: Боль людская... Т. 4. С. 57.

²¹⁰ Мнухин Илья Хаймович, 1895 г.р., ур. Гомельской губ., проживал в дер. Б. Нестерово, ссылный. Арестован в 1925 г. Осужден на 3 года ссылки в Сибирь. В 1927 г. ссылка заменена выездом в Палестину. См.: Боль людская... Т. 4. С. 207.

²¹¹ Браиловский Яков Исаакович, 1902 г.р., ур. г. Кременчуга Полтавской губ., ссылный. Арестован в 1925 г. Осужден на 3 года концлагерей. В 1928 г. лишен права проживания в 12 пп. с прикреплением к постоянному месту жительства сроком на 3 года. См.: Боль людская... Т. 4. С. 57.

²¹² Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-11461.

²¹³ Были осуждены: Бочковский Михаил Вульфович, 1899 г.р., Мнухин Илья Хаймович, 1895 г.р., Киржнер Моисей Григорьевич, 1888 г.р., Финкельберг Файвуша Фроймович, 1898 г.р., Розенберг Борис Иосифович, 1903 г.р., Хаймович Юдифь Соломоновна, 1904 г.р., Михайловский Ехиль (Ехиель) Львович (Лейбович), 1900 г.р., Браиловский Яков Исаакович, 1902 г.р., Тернавский Натан Мордухович, 1905 г.р., Михайловская Фаня Савельевна, 1901 г.р., Беленькая-Финкельберг Хая Хацкелевна, 1903 г.р. Все, за исключением Мнухина, осуждены на 3 года концлагерей. В 1927–1928 гг. были сосланы на 3 года в Среднюю Азию и на Урал. Мнухин был осужден на 3 года ссылки. В 1927 г. ему было предложено выехать в Палестину. Все реабилитированы в 1993 г.

встречалась, то теперь в информационных сводках ОГПУ они получили «свое место». Так, на начало 1927 г. в Нарымском крае их было 36 «всех оттенков». Проживали они «на территории Каргасок – Ильино – Нарым, Вялово, Парабель и Колпашево. Группа тесно замкнута внутри своей фракции, авторитетом, как среди местного населения, так и в прочих политических партиях, совершенно не пользуется и живет обособленно. В своем большинстве сионисты имеют замену ссылки Палестиной»²¹⁴.

В отчете за первое полугодие 1927 г. краевой прокурор Сибири, характеризуя состав ссылки, указывал, что «по контрреволюционным преступлениям больше всего участников контрреволюционных организаций – 273 ч[еловека] и шпионские – 213, из политпартий выделяются ме[ньшеви]ки – 111 чел., духовенство выросло с 28 до 41 чел.»²¹⁵. Наряду с учетами действительных членов политических партий-оппонентов органами велись учеты и списки заподозренных в связях с этими партиями. Такие списки были обнаружены в архиве Управления ФСБ РФ по Томской области. По спискам партии эсеров таковых значилось 34 чел., по спискам меньшевиков – 42²¹⁶.

Увеличение численности политических ссыльных было естественным явлением. Выше отмечалось, что, по отчетам ОГПУ, только в 1923–1928 гг. и только в Москве были ликвидированы 6 составов нелегальных бюро ЦК меньшевиков, 3 состава малого бюро ЦК, бюро Московского комитета меньшевиков, 4 склада литературы, архив бюро ЦК и т.д.

В марте–апреле 1926 г. органы ОГПУ арестовали 28 членов нелегальных ЦК сионистских партий, 15 технических секретарей, около 300 местных руководящих работников, изъяли антисоветские брошюры, листовки, журналы, ликвидировали 4 типографии²¹⁷.

Характеризуя положение политической ссылки (по делу Д. Донского), сотрудник ОГПУ Новичков, со ссылкой на меньшевика Танутрова, отметил в мае 1927 г.: «Сейчас политикой – самообразованием – занимаются сионисты, которые по 18 часов сидят над книгами... а другие политколонии ничего не делают, шляются по домам и сплетничают...»²¹⁸.

Всего по данным на 1928 г. в Сибири на специальном учете органов ОГПУ состояло 2058 чел. – членов антибольшевистских партий: эсеров – 860, меньшевиков – 624, членов партии «Дашнакцутюн» – 132, анархистов – 131, сионистов – 30, народных социалистов – 28, оппозиционеров и троцкистов – 253²¹⁹.

Одной из серьезнейших проблем по отношению к политссыльным, с которой пришлось столкнуться властям на местах, была проблема их трудоустройства. Основная масса ссылаемых направлялась в малонаселенные и неразвитые районы, где найти работу по специальности было очень сложно, особенно представителям интеллектуаль-

²¹⁴ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 4. Л. 127.

²¹⁵ Там же. Д. 135. Л. 14.

²¹⁶ Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 35.

²¹⁷ История органов государственной безопасности... С. 189–190.

²¹⁸ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 2574. Т. 1. Л. 515.

²¹⁹ Угроватов А.П. Указ. соч. С. 187.

ных профессий. Существовавшие ограничения на передвижения вынуждали ссыльных браться за любую работу, чтобы получить возможность хоть что-то заработать, так как помощь извне была недостаточной и доходила не до всех. Кстати, этим положением ссыльных часто пользовались местные жители, привлекая их как дешевую рабочую силу. Усугублялось положение еще и тем, что в первые годы после освобождения Сибири от колчаковцев затрудняла поиски работы массовая безработица.

Большинство ссыльных стремились получить работу в различных учреждениях и организациях, немногие занимались физическим трудом. Так, в конце 1923 г. основная часть ссыльных в Омской губернии занималась преподавательской деятельностью в школах, в Енисейской губернии – состояли на службе в советских учреждениях, а в Иркутской губернии на начало 1924 г., по информации прокурора Сибири, большинство ссыльных вообще не были трудоустроены, так как губотдел ОГПУ не допускал, чтобы они занимали должности «в силу неясности политической физиономии». Сосланные в 1923 г. в Барнаул меньшевики занимали преимущественно технические должности в советских учреждениях, но уже в октябре были уволены в процессе «чистки» учреждений от «неблагонадежных элементов». К середине 1923 г. в Нарымском крае на технические должности были приняты только 8 из 41 ссыльного. К началу 1924 г., по информации Нарымского райкома, из 27 сосланных по «религиозному вопросу» трое служили счетоводами. Из четырех эсеров на работу был принят только один. Меньшевики устроились в системе торговли, но вскоре все были уволены²²⁰.

Отсутствие собственных квалифицированных специалистов заставляло местные власти все-таки привлекать специалистов из числа ссыльных. Например, к началу 1925 г. в Колпашеве весь персонал больницы состоял из ссыльных. В с. Парабель заведующим участковой больницей с сентября 1924 г. работал упомянутый выше Д. Донской. Используя свои связи с наркомом здравоохранения Н.А. Семашко, Донской добился выделения ассигнований и медикаментов для Нарымского края, принял самое деятельное участие в строительстве и обустройстве новой больницы в с. Парабель, организовал там медицинские курсы, сделал еще много полезного в деле становления здравоохранения в Нарымском крае.

Научным сотрудником Васюганской агрометеорологической станции работал известный геолог и почвовед Р.С. Ильин²²¹. В декабре 1927 г. ему было разрешено отбывать срок в Томске, где он сразу был оформлен на должность почвовода Томской переселенческой партии. ПП ОГПУ ему было разрешено выезжать в командировки. Например, в мае 1929 г. он выезжал в пятимесячную командировку в Ачинский, Томский и Красноярский округа на обследование трассы, неоднократно бывал в Новосибирске. Р.С. Ильин опубликовал целый ряд научных статей и фундаментальное исследование «Природа Нарымского края».

²²⁰ Маргиналы как социум... С. 259.

²²¹ Ильин Ростислав Сергеевич, 1891 г.р., ур. г. Москвы, проживал в г. Томске по ул. Кирова, 38-4, старший геолог Западно-Сибирского геологического треста. Арестован в 1937 г. Расстрелян. См.: Боль людская... Т. 2. С. 392.

Известный горный инженер Н.Я. Брянцев, сосланный весной 1924 г. в Нарымский край, был уже в октябре переведен в Новониколаевск на работу в Сибкрайплан по просьбе руководства этой организации. Вся последующая его деятельность в край-плане получила высокую оценку руководства края.

Отбывавший срок в Канском округе Ю.М. Зингер был переведен в Минусинск по причине острой нужды в фармацевтах. На таком же основании ссылка М.Л. Абрамовича в Илимский край была заменена на ссылку в Тару. Таких случаев было достаточно много, хотя примеров противоположного отношения властей к ссылным гораздо больше. С другой стороны, власть использовала специалистов, чтобы в случае чего сваливать на них свои грехи. Самый яркий пример опять-таки связан с Д. Донским. Когда ему удалось добиться получения из Москвы 250 рублей и 2 кг хины для борьбы с малярией, то члены Нарымского уездного комитета РКП(б) обвинили его в дискредитации местных органов советской власти в глазах населения. В годы ссылки его постоянно в чем-то обвиняли и уличали.

Приведенные выше характеристики состояния политической ссылки говорят о многом. Органы ОГПУ, выполняя установки коммунистического руководства страны, смогли разложить политическую ссылку, не допустили её сплочения, умело используя программные разногласия и неоднородность контингента по социальному положению, возрасту и т.п. Оперативное сопровождение ссылных (агентурное наблюдение, перлюстрация корреспонденции и т.п.) практически лишало их возможности заниматься политической деятельностью и бороться с советской властью. Следует заметить, что часто ссылные сами за собой и следили. Например, в отчете уполномоченного Анжеро-Судженского горотделения ОГПУ (август 1927 г.) указывалось, что из 33 состоявших на учете бывших членов антисоветских партий «состоит у нас в информационной сети и спецсети 19 человек... Бывшие члены антисоветских партий после вербовки, если и часто работает плохо вообще, то обезврежены и за ними ведется перекрестное наблюдение»²²².

Таким образом, можно констатировать, что политическая ссылка в 1930-х гг. потеряла свою активную направленность в политической работе. Отсутствие связей с однопартийцами в других регионах страны, подчас разобщенность в своей среде при достаточно целенаправленной работе чекистских органов по «разложению» ссылки, в том числе и через вербовку значительного числа ссылных в агентурно-осведомительную сеть, привели некогда сильных оппонентов большевиков к поражению. Более того, они утратили социальную базу, на которую могли бы опереться в политической борьбе. Местное население не поддерживало их, в том числе и по причине бытового антисемитизма, а молодежь не была готова воспринимать их идеи, ориентируясь на изменения, происходившие в обществе, на новые «горизонты», которые открывала перед ней новая власть.

В годы «Большого террора» власть вспомнила вновь о своих политических оппонентах, преимущественно находившихся в ссылке. Например, секретарь Омского обкома ВКП(б) Булатов в 1937 г. озвучил цифру численности «врагов советской власти» в

²²² Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Д. 35. Л. 1–2.

Омской области «около 600 политссыльных из числа бывших меньшевиков, эсеров и представителей других партий»²²³. Вне всякого сомнения, подобная установка из уст партийного руководителя такого уровня воспринималась как команда и прямое указание партии для всех сотрудников НКВД по их устранению и ликвидации.

Таким образом, победа большевиков в октябре 1917 г. и в Гражданской войне позволила им организовать подавление всякого инакомыслия. Бывшие соратники по борьбе с царским самодержавием оказались по «разные стороны баррикады». Большевики использовали представившиеся им возможности для уничтожения политических оппонентов, отказавшись от достижения каких-либо компромиссов. Для этого оказались хороши все средства – осуждение на крупных политических процессах либо по отдельным делам, ссылка и высылка, шельмование с помощью средств массовой информации, разложение партий изнутри через публичное отречение от партийных идеалов и политических целей и задач. Загнанные в глубокое подполье партии политических оппонентов к середине 1920-х гг. практически повсеместно (за редким исключением) прекратили свою деятельность. Арест в 1925 г. Центрального Бюро ПСР подвел итог противоборства эсеров с большевиками. Между тем в 1917 г. эта партия насчитывала в своих рядах почти миллион членов. 1925 год можно считать годом окончания активной деятельности РСДРП, хотя некоторые отголоски её сопротивления правящему режиму еще прозвучали в конце 1920-х гг.

Члены этих партий, однажды попав в «руки» органов ВЧК–ОГПУ, практически не могли больше рассчитывать на спокойную жизнь. Созданная большевиками система «учета и контроля» позволяла в любой момент отыскать «нужного» человека. Осужденные к ссылке почти не имели шансов вернуться, по окончании срока отбытия ссылки назначался новый, а затем еще один и т.д. Созданные для ссыльных условия не позволяли им плодотворно трудиться и полноценно жить; «выживание» – так оценивалось положение ссыльных. Часто не помогало и отречение от партии и идеалов, не спасало вступление в ряды коммунистической партии. В стране была организована кампания по принятию в РКП(б) лиц, вышедших из состава оппонирующих партий. Еще в конце 1940-х гг. принимались постановления и решения, издавались приказы и указания, на основании которых политические оппоненты большевиков получали новые сроки наказания и ограничения прав и свобод.

В рассматриваемый период в отношении политических оппонентов был организован и реализован целый ряд общественно-показательных судебных процессов, заведены тысячи уголовных дел, но процессы эти и дела были полностью сфальсифицированы органами ОГПУ–НКВД. Их проведение должно было сыграть «воспитательную» роль для бывших политических оппонентов, чтобы они не забывали, кем они были в недалеком прошлом и где их место в настоящем. Все это позволило органам НКВД к началу 1940-х гг. практически решить все задачи, поставленные коммунистическим руководством страны, по разгрому и уничтожению идейно-политических противников.

²²³ Самосудов В. Как это было. См.: Забвению не подлежит... Т. 5. С. 31.

Мертвые живы, пока есть живые,
чтобы о них вспоминать

Эмиль Анрио

ГЛАВА 4. РЕАБИЛИТАЦИЯ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

4.1. «Бериевская оттепель»

Вторая половина 1938 г. ознаменовалась изменением курса репрессивной политики, резко пошедшей на убыль. Причин было несколько. Так, Советский Союз был заинтересован в дальнейшем развитии внешнеэкономических связей и добился значительных успехов в этом, но в целом международное положение страны заметно ухудшилось. Будучи не допущенным к решению вопросов европейской политики со стороны Франции и Англии, СССР пошел на сближение с фашистской Германией, что потребовало прекращения репрессий по немецкой линии и ряду других инонациональностей. Во-вторых, число репрессированных втрое превысило планируемые показатели и по этой причине лимиты в 1938 г. были заметно ограничены и «давались» только отдельным регионам, таких оказалось 22. В-третьих, инакомыслящие и колеблющиеся, в том числе и в партийных рядах, в большинстве своем были уже уничтожены. В-четвертых, в стране произошла смена элит, в частности в промышленности и других сферах народного хозяйства, однако новая элита оказалась не готовой в полной мере решать задачи по подъему экономики страны в условиях надвигавшейся войны. В-пятых, попытки вывести экономику на необходимый уровень через борьбу с «вредителями» из числа тех же руководителей и специалистов также не способствовали повышению эффективности функционирования народного хозяйства. В-шестых, из активного процесса функционирования народного хозяйства репрессиями «выбивалась» наиболее трудоспособная и деятельная часть мужского населения, что вело не только к подрыву экономики, но и ослабляло обороноспособность страны. В-седьмых, система ГУЛАГа оказалась не способной «переварить» миллионы арестованных – постоянно возникали проблемы с передислокацией сотен тысяч заключенных, их размещением, питанием, медицинским обслуживанием и т.д. Результаты труда заключенных были значительными, но экономически не выгодными. Можно назвать еще ряд причин, но главным оказалось некое, на мой взгляд, «прозрение» правящей верхушки страны от результатов сотворенного ими и раскрывшимся обострением целого ряда проблем, решить которые не удалось.

В этих условиях, по инициативе И. Сталина, в начале октября 1938 г. под председательством Н. Ежова была создана комиссия в составе Л. Берии, А. Вышинского, А. Рычкова и Г. Маленкова, которой необходимо было в десятидневный срок разработать проект постановления высших органов власти по вопросу арестов, прокурорского надзора и ведения следствия. Это решение оказалось одним из первых шагов в

«наступлении» на всесильный наркомат НКВД. Началось же оно еще в сентябре 1938 г., когда был изменен порядок утверждения в должностях ответственных работников целого ряда наркоматов страны и непосредственно НКВД, в котором утверждению в ЦК ВКП(б) подлежали даже руководители всех городских и районных подразделений. А 14 ноября во все партийные органы была направлена директива о проверке руководящих сотрудников НКВД. Назначения на должности стали проходить через партийные бюро соответствующих структур. Главная цель всех этих мероприятий заключалась в организации кампании «чистки» органов НКВД от проникших в них «врагов и шпионов». Началась массовая «зачистка» органов НКВД по всей вертикали управления. Сталин сместил акценты, и «опричники» стали уже не нужны, теперь Партия «искореняла зло», восстанавливая справедливость.

Был снят с должности наркома Н.И. Ежов, проведена замена почти всего руководящего состава органов от наркомата до руководителей НКВД–УНКВД республик, краев и областей. Партийные руководители на местах «прозрели» в один миг и стали сигнализировать о нарушениях законности со стороны сотрудников органов, добиваться их ареста. Сталину оставалось лишь направлять на места комиссии для разбора сообщений. Прямым исполнителем его воли стал Л. Берия. Только с сентября по декабрь 1938 г. было арестовано 140 чел. из центрального аппарата и 192 – с периферии, в том числе 18 наркомов внутренних дел союзных и автономных республик. В 1939 г. аресты продолжились, было арестовано 1 960 чел. из оперативного состава НКВД, пограничников, сотрудников третьих отделов ГУЛАГа. В процессе «ликвидации» заговора в НКВД было арестовано более трех тысяч человек¹.

Однако, уничтожая или ниспровергая бывших «опричников», Сталин не инициировал открытые судебные процессы над ними. Можно вести речь о суде над бывшими сотрудниками Ленинск-Кузнецкого горотдела УНКВД по Новосибирской области как единичном случае. 2 января 1939 г. Вышинский направил записку Сталину о нарушениях законности сотрудниками названного горотдела НКВД и прокуратурой города. Сотрудники горотдела арестовали 17 учителей и учащихся средней школы, в которой процветали воровство и хулиганство. Было создано дело о контрреволюционной организации, в состав которой входили несовершеннолетние школьники. 27 декабря бюро Новосибирского обкома ВКП(б) приняло решение о привлечении к уголовной ответственности двух сотрудников горотдела НКВД по причине нарушения ими Постановления правительства от 7 апреля 1935 г. о недопущении привлечения к ответственности за контрреволюционные преступления несовершеннолетних. В ответ на записку Сталин дал указание о проведении открытого суда над виновниками. Решение Сталина было поддержано Политбюро ЦК ВКП(б) – была удовлетворена просьба Новосибирского обкома об обсуждении постановления обкома о допущенных нарушениях законности в партийных организациях всех уровней областного НКВД и областной прокуратуры².

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии.... С. 254–259.

² Там же. С. 257.

Что же произошло на самом деле? Начальник Ленинского ГО НКВД Луньков спецзапиской проинформировал руководство УНКВД по Новосибирской области о наличии группы детей, «занимающихся политическим хулиганством в школах». Начальник УНКВД Горбач откомандировал на место сотрудника областного управления, дав «указание Лунькову о немедленной ликвидации оперативной разработки на несовершеннолетних детей, закончить следствие в течение 5 дней и придать делу при ведении следствия политическую окраску. В результате... указания были арестованы 17 человек школьников (без учителей. – В.У.) – Старцев, Паршин и др. как участники контрреволюционной фашистской организации и привлечены к ответственности за контрреволюционную деятельность. Впоследствии большинство из них были освобождены за отсутствием состава преступления, просидев под стражей около 6 месяцев...»³.

Однако после этого открытого судебного процесса, инициированного Сталиным, было сфабриковано немало уголовных дел, по которым проходили учащиеся.

В этих условиях борьбы с «нарушениями законности» со стороны проникших в органы «врагов и шпионов» началась кампания реабилитации жертв репрессий. На протяжении всего последующего периода реабилитация использовалась в качестве политической карты, зачастую разыгрываемой руководством СССР от случая к случаю, по мере «необходимости».

Точкой отсчета явилось принятие Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», адресованного органам НКВД, прокуратуры и ВКП(б) всех уровней до горкомов и райкомов включительно.

Документ этот интересен во многих отношениях. В нем отмечались «несомненные заслуги» органов НКВД перед Советским государством и советским народом по разоблачению и уничтожению многочисленной армии врагов – шпионов, диверсантов, террористов и вредителей, мешавших успешному построению социализма и движению к «светлому будущему» – коммунизму. Но здесь же делалась оговорка, что врагов осталось еще много и следует впредь вести с ними беспощадную борьбу. Таким образом, ранее поставленные перед «силовиками» задачи продолжали оставаться в числе первоочередных и важнейших. Предлагалось лишь вести эту работу новыми методами, так как «работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования. Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопрос о предоставлении им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов...

³ Архив УФСБ РФ по Новосибирской области. Д. 198. Л. 85 «а»; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 147–148. В монографии названы еще несколько подобных «контрреволюционных» организаций, состоявших из школьников: Союз январевичей на Алтае (1939 г.), Голубая гвардия в с. Зырянка Кемеровской области (1944 г.), а также молодежная организация в с. Сузун Новосибирской области (см. С. 145–150).

Органы прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконивают эти нарушения...».

«Новизна» заключалась в том, что были упразднены созданные по инициативе Л. Кагановича в 1935 г. «тройки», ограничены права Особого совещания при НКВД. Воссоздавалась видимость действия в стране правовых механизмов – запрещалось проведение массовых операций по арестам и выселению, аресты предлагалось проводить только с санкции прокурора или по постановлению суда, при этом органы НКВД должны были представлять доказательства вины подозреваемого. Следствие полагалось вести с соблюдением всех требований Уголовно-процессуального кодекса, а работники прокуратуры должны были проверять выполнение этих требований.

Претворение названного в жизнь предполагало недопущение впредь тех «недостатков и извращений», которые стали возможными благодаря подрывной деятельности, как уже отмечалось выше, пробравшихся в органы НКВД врагов. Согласно принятому документу именно они запутывали уголовные дела, проводили необоснованные аресты, организовали систему упрощенного ведения следствия и суда, бездоказательно осуждая тысячи невинных к расстрелу либо длительным срокам наказания в лагерях и тюрьмах.

В заключение постановления работники НКВД и прокуратуры предупреждались о возможном привлечении к ответственности, вплоть до судебной, в случае «нарушений советских законов и директив партии и правительства». Возникает резонный вопрос о наличии этой двойственности. Законы выработало и приняло к исполнению государство, оформив их в виде нормативно-правовых актов. Но исходя из формулировки постановления, получалось, что директивы партии и правительства приравнивались к законам. Обстановка в стране в те годы действительно позволяла поставить знак равенства между законами и волей вождя. Таким образом, воля Сталина не просто приравнивалась к закону, но была много выше и значительней. Компетентные органы подгоняли законы под волю и желания Сталина.

Постановление от 17 ноября 1938 г. по своему содержанию и посылам напоминало «Инструкцию всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры», подписанную 8 мая 1933 г. И. Сталиным и В. Молотовым. Инструкция эта констатировала необходимость сокращения репрессий, связанных с кампанией коллективизации, так как потребность в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников, отпала. Приведенные в документе примеры требований с мест о выселении сотен тысяч семей и применении к ним репрессий, о фактах беспорядочных арестов партийно-советским руководством были осуждены. Складывалась картина, что Сталин и его окружение предпринимали шаги к прекращению или, по крайней мере, резкому ограничению масштабов террора и дальнейшему укреплению революционной законности в работе всех властных, в том числе и правоохранительных структур.

В обоих документах внимание сосредоточивалось на конкретных исполнителях, допускаявших «перегибы» и извративших политику партийного и советского руководства, направленную на благо всего советского народа. Все они заслуживали сурового

наказания, но страна не должна была останавливаться на своем пути к «светлому будущему», а двигаться дальше. На практике же за шагом послабления репрессий предполагалось дальнейшее проведение уже намеченного Сталиным курса движения государства вперед на основе политики репрессий.

Следствием выхода данного постановления явилось издание 26 ноября 1938 г. приказа НКВД № 00762 (с грифом «Совершенно секретно»), в котором положения постановления были уже детализированы применительно к деятельности подразделений НКВД как в Центре, так и на местах, давались указания по его выполнению. В последующие месяцы НКВД и Прокуратура СССР издали еще несколько приказов и директив, трактовавших положения и установки постановления, разъяснявших механизм его реализации. В их числе приказ НКВД № 00786 «О порядке согласования арестов», приказ НКВД и Прокурора СССР № 001214 от 26 декабря 1938 г. «Об отмене решений бывших троек НКВД», приказ НКВД № 00116 от 4 февраля 1939 г. «О порядке рассмотрения жалоб осужденных бывшими тройками НКВД (УНКВД)», приказ НКВД и Прокурора СССР № 001156 от 20 февраля 1939 г. «О мероприятиях по обеспечению выполнения Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» и др. Все названные документы имели гриф «Совершенно секретно»⁴.

Верховный суд СССР своими постановлениями также внес изменения в процесс расследования политических преступлений, в частности по доказательной базе наличия умысла и политической мотивации преступления. Однако при этом продолжал действовать тезис А. Вышинского о признании обвиняемого как доказательстве вины. Еще в 1937 г. в процессе по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» он заявлял: «Нельзя требовать, чтобы в деле о заговоре, о государственном перевороте мы подходили с точки зрения того – дайте нам протоколы, постановления, дайте нам членские книжки, дайте нам номера ваших членских билетов; нельзя требовать, чтобы заговорщики совершали заговор по удостоверению их преступной деятельности в нотариальном порядке. Ни один здравомыслящий человек не может так ставить вопрос в делах о государственном заговоре. Да, у нас на этот счет имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявлять обвинение на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей, и если хотите, косвенных улик»⁵. На допросах к арестованным по-прежнему применялись пытки, которые были «узаконены» указанием Сталина в январе 1939 г. в отношении «явных и неразоружившихся врагов народа». Деление на «явных» и «неявных» отдавалось на откуп следователей.

Особенность Постановления от 17 ноября 1938 г. заключалась и в том, что во всех бедах и прегрешениях обвинялось самое могущественное ведомство страны – НКВД. Принятием постановления (пусть и совершенно секретного) преследовалась цель показать советскому народу мудрость и справедливость «вождя народов», проявление им внимания и заботы к своему народу. С другой стороны, с учетом того, что

⁴ Из перечня рассекреченных документов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–КГБ, хранящихся в личном архиве автора.

⁵ Цит. по: Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Т. 1: Август – сентябрь 1937 г. СПб., 1995. С. 11–12.

поставленные цели кампании массового террора были достигнуты – уничтожены все настоящие и мнимые враги и оппоненты Сталина, на фоне ухудшения международной обстановки и возможной войны, маховик репрессий стоило притормозить, одновременно избавившись от наиболее одиозных и рьяных организаторов и исполнителей репрессий. Что и было сделано. Все это позволяло Сталину снять всю ответственность как с себя, так и со своего ближайшего окружения.

Аналогию с Инструкцией 1933 г. мы уже отметили, но ситуация с постановлением во многом напоминала и ситуацию со статьей Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной в марте 1930 г. в газете «Правда», в которой «вскрывались» «искривления генеральной линии партии» в вопросах коллективизации, опять-таки отдельными руководителями и должностными лицами. Единственное отличие заключалось в том, что в постановлении виновными были названы не отдельные лица, а уже целое ведомство.

Так или иначе издание приказа привело к началу пересмотра дел осужденных. А. Топтыгин в книге «Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности», со ссылкой на датированный мартом 1940 г. отчет, подписанный заместителем начальника ГУЛАГа старшим майором госбезопасности А.П. Лепиковым, приводит данные, что «за один 1939 год было освобождено, как за истечением сроков изоляции, так и по другим основаниям: из лагерей – 223 600 человек, из колоний – 103 800 человек, а за первых два месяца 1940 года – 51 500 человек (в т.ч. из лагерей 33 000, из колоний 18 500 чел.)». Общая цифра в 378 900 чел. внушительна, но реальной обстановки по реабилитации или пересмотру дел не показывает. Надо учитывать, что основная масса вышеупомянутых освобожденных – это лица, осужденные за общеуголовные преступления, и были освобождены они не по причинам прекращения или пересмотра дел. Подтверждением этому могут служить данные, приведенные тем же автором. Он пишет, что за первый квартал 1940 г. из ИТЛ были освобождены 53 778 чел., в том числе по прекращению и пересмотру дел 16 448 чел. (9 856 и 6 592 соответственно), что составило 30,58% от общего числа освобожденных. Данные цифры могут быть вполне объективными, но только для какого-то небольшого периода времени (к сожалению, источник информации неизвестен), хотя с общим выводом А. Топтыгина, что «даже если в полгода таким образом освобождалось 20–25 тыс. человек, число освобожденных к началу войны могло составить от 100 тыс. до 120–130 тыс. человек», согласиться сложно. Автор указывает, что его «предположение основано на одном только факте анализа состава освобожденных за один квартал», поэтому приведенные им общие цифры следует рассматривать не более как предположение⁶.

Однако отдельные исследователи выводят еще большие цифры по числу реабилитированных. Так, журналистка из Петербурга Е. Прудникова, уже полемизируя с А. Топтыгиным, приводит данные – 170–180 тыс. чел. – «до начала войны было освобождено около тридцати процентов заключенных в годы ежовских репрессий». Эти цифры и вывод являются, на мой взгляд, неверными. Прудникова проанализировала

⁶ Топтыгин А. Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. М. : Яуза, Эксмо, 2005. С. 79–80.

многочисленные материалы и оперирует цифрами, не подтвержденными официальными источниками и документами, допускает их вольную трактовку: «около половины “репрессированных” получили малые сроки... в системе исправительно-трудовых колоний...», либо, говоря об освобождении: «...мы не учитываем тех, кому, например, снизили сроки заключения» и т.п.⁷

Подобными аргументами и выводами исторической правды не восстановить. Приведу несколько контраргументов.

1. *Об освобождении из-под стражи.* В результате компьютерной обработки архивно-следственных дел на репрессированных жителей нынешних Алтайского края, Томской и Кемеровской областей установлено, что в 1939–1940 гг. из-под стражи были освобождены всего 841 чел. (536, 171 и 134 соответственно) в связи с прекращением дел за отсутствием состава преступления, за неподтверждением предъявленного обвинения и другими причинами (табл. 12).

Таблица 12

Численность освобожденных из-под стражи в связи с прекращением или пересмотром дел в 1939–1940 гг. в Алтайском крае, Томской и Кемеровской областях (в рамках современных границ)

Субъект	Количество арестованных в 1937–1938 гг.	Число освобожденных из-под стражи в 1939–1940 гг.	% от числа арестовывавшихся в 1937–1938 гг.
Алтайский край	15 465	536*	3,47
Томская область	12 710	171	1,35
Кемеровская область	25 621	134	0,52
Всего	53 796	841	1,56

* В Алтайском крае статданные сформированы по принципу учета прекращенных дел (в том числе прекращенных в связи со смертью).

Источник: Подсчитано автором по результатам обработки данных автоматизированных баз данных репрессированных жителей Алтайского края, Томской и Кемеровской областей.

В последующие годы, например в Томской области, число освобождаемых из-под стражи в год не превышало нескольких десятков человек, сократившись к 1948 г. до единиц⁸.

Приведенные цифры не позволяют вести речь о трети освобожденных от общего числа осужденных «контрреволюционеров». Учитывая существовавшие в системе НКВД принципы соревнования по направлениям оперативно-служебной деятельности, выполнению «контрольных» цифр и т.п., трудно допустить, что чекисты Алтая и Томска входили в число худших.

2. *О малых сроках заключения.* Необходимо четко представлять, что абсолютное большинство всех руководящих и директивных документов как партийно-советских,

⁷ Прудникова Е. Последний рыцарь Сталина. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 125–128.

⁸ Подсчитано автором по результатам выборки из автоматизированной базы данных на репрессированных жителей Томской области.

так и правоохранительных структур, по крайней мере конца 1920–1930-х гг., обычно предполагали и рекомендовали применять «суровые меры» ответственности за содеянное преступниками, т.е. «врагами народа». В октябре 1937 г. постановлением ВЦИК СССР максимальная мера лишения свободы за контрреволюционные преступления была увеличена с 10 до 25 лет. Необходимо также учитывать, что с апреля 1935 г. по постановлению ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» можно было расстреливать даже двенадцатилетних подростков.

В 1937–1938 гг. лишение свободы на срок менее 5 лет практически не применялось. Из 12 710 репрессированных жителей Томской области срок менее 10 лет в эти годы получили 820 чел. (6,45%). На Алтае такие сроки получили 3 766 чел. (24,35%), в Кемеровской области – 254 чел. (0,99%)⁹. Однако следует учитывать, что очень часто осуждали на 8 и 7 лет, что, конечно же, к малым срокам отнести нельзя.

3. *О сокращении сроков наказания.* Сокращение срока наказания не является реабилитирующим основанием и в рассматриваемый период на политических не распространялось.

На мой взгляд, число освобожденных было намного меньше от приведенных А. Топтыгиным и Е. Прудниковой цифр и исчислялось лишь несколькими десятками тысяч человек. Поддержу позицию П. Соломона, который привел пример, что Верховный суд СССР начал пересмотр и отмену приговоров, вынесенных по политическим делам, в конце декабря 1938 г., о чем достаточно широко освещалось в советской печати. При этом данные Р. Медведева о нескольких «десятках тысяч» отмененных приговоров (цифры, несомненно, завышены. – В.У.) он берет в кавычки. Пересмотр же дел на осужденных «тройками» НКВД требовал непосредственного участия в процедуре пересмотра начальников УНКВД, что было нереально, и «в результате общее количество заключенных, осужденных тройками, которые обрели свободу в 1939 и 1940 гг., было незначительным. Предположительно, оно не превышало нескольких тысяч человек...»¹⁰.

Причин этому несколько. Во-первых, приказ НКВД от 26 ноября 1938 г. начал поступать на места только в декабре. Механизм его исполнения был во многом не ясен. Во-вторых, надлежало провести отбор «кандидатов на освобождение» из почти миллионной армии заключенных по политическим мотивам. Эта проблема была наиболее сложной, так как в лагерях сделать отбор было практически невозможно: на заключенного имелся совсем незначительный набор документов – учетная карточка заключенного, содержащая краткие биографические данные, сведения об осуждении (каким органом, когда и по какой статье) и некоторые другие. В деле чаще всего сохранились «набор» тех же данных, а также служебная переписка в отношении заключенного – выписка из решения «тройки», справка о состоянии здоровья, меморандум с характеристикой заключенного и оценкой его социальной опасности, информация о

⁹ Подсчитано автором по результатам выборки из автоматизированных баз данных на репрессированных жителей Томской, Кемеровской областей и Алтайского края.

¹⁰ Соломон П. Указ соч. С. 247.

передвижении по местам лишения свободы, если таковое имело место. Но на основании этих документов выяснить правомерность или неправомерность осуждения практически невозможно, так как материалы следствия хранились в органах НКВД, ведших следствие.

Именно в органах НКВД выполнение приказа оказалось серьезной проблемой в силу нескольких факторов.

1. Постановление от 17 ноября 1938 г. констатировало необходимость продолжения борьбы с «врагами народа», и эта борьба была продолжена. Число только осужденных за контрреволюционные преступления в 1939–1940 гг. составило 135 695 чел. (63 889 и 71 806 соответственно). Число арестованных и находившихся под следствием было еще большим.

2. Кадровая проблема: городские и районные аппараты НКВД по своей численности редко превышали 30–40 чел. всего личного состава, а оперативный состав насчитывал менее половины этой численности. Начало кампании по «исправлению ошибок» совпало с чисткой органов НКВД, организованной Берией, в ходе которой часть сотрудников была арестована и предана суду, часть уволена из органов или переведена в другие подразделения НКВД либо направлена в другие органы. Вновь принятые на службу сотрудники не имели ни опыта, ни знаний форм и методов оперативной работы, не владели чаще всего и в малой степени спецификой следственного процесса. Более того, никто из сотрудников не понимал сути реабилитации и механизма пересмотра дел. Ведь еще накануне приходили приказы и указания со ссылками на решения партии и правительства об искоренении многочисленных «врагов». Невольно возникали вопросы: как (и кого) в этих условиях искать и устранять свои собственные «ошибки, недостатки и извращения», как выглядеть в глазах «молодых» сотрудников и др. А за что тогда давали ордена и звания, повышали по службе?

Психологическое состояние сотрудников органов НКВД, на мой взгляд, достаточно полно характеризовал бывший начальник Томского городского отдела НКВД И. Овчинников. Будучи арестованным, он написал в следственную часть НКВД письмо (на заготовках для свертывания папирос или самокруток размером примерно 6 × 6 см, что после «расшифровки» вылилось в 24 листа (размером более листа формата А 4) машинописного текста через пол-интервала и практически без полей), в котором, в частности, писал, что его «посадили в тюрьму за поступки и действия, в правильности которых он не сомневается... и не имел права сомневаться, которые в те времена при той обстановке не считались даже ошибкой, но которые сейчас (в 1940 г. – *В.У.*)... возведены в ранг тяжелого преступления. ...Впечатления о следственной обстановке в Москве... страшные по существу рассказы арестованных о методах следствия; анализ своих собственных поступков, действий и работы; мысли об этой принявшей при Ежове такие грандиозные, умопомрачающие размеры операции, арестов по всему СССР; ненависть и злоба по отношению к себе, к судьбе за то, что в силу сложившейся обстановки и **внушения сверху** (здесь и далее выделено мной. – *В.У.*) принимал участие в этой операции, не оставляло меня ни на минуту, толкало от одной глупости к другой и довело до состояния, близкого к помешательству.

...Безумная обстановка 1937 года, безумное проклятое время, тот психоз, которым были охвачены все мы, лишили разума и обрекли с неизбежностью рока на действия, которые возведены сейчас в преступление.

...Я совершил в прошлом действия и поступки, которые при совершении их в той обстановке не считал преступными, ибо никакой другой цели, как польза дела и **точное выполнение директив УНКВД, я не имел.** Да во всех этих поступках, которые возведены в ранг преступления, виновен не столько я, сколько та объективная обстановка работы и поведение других работников, **указания и директивы УНКВД, которые я не мог не выполнять.** Тогда была другая политическая обстановка, другой политический разум и вытекающая из него оперативная сознательность. Сейчас же «другие времена, другие песни»».

...Я был поражен установками на размеры операции, на упрощенный порядок следствия, на методы вскрытия правотроцкистских организаций и т.д. Я пережил тогда жуткие минуты страшной внутренней борьбы, примерял свою совесть и рассудок, не согласные с этой операцией, с необходимостью выполнения долга службы, диктуемого сверху со ссылкой на Москву, но бороться с этой линией НКВД не смел, т.к. думал, что раз Москва требует – значит, так надо; значит, я оперативно и политически отстал, не вижу того, что видно с Московской колокольни, на которой сидел Ежов. А ведь **Ежов – это не только Нарком НКВД, это для меня был, прежде всего, секретарь ЦК и председатель комиссии партийного контроля. Это, как говорится, не фунт изюму. Все ссылки на него в УНКВД я понимал, прежде всего, как ссылки на указания ЦК ВКП(б). Да и как можно было сомневаться, если тебе говорят о директивах ЦК и правительства,** если прокуратура дает такие же директивы, если дела по правым и троцкистам рассматривались в суде явно упрощенным порядком...»¹¹.

Ему вторил бывший начальник отделения третьего отдела Сиблага И.И. Колесников, показавший на допросе в 1957 г.: «Необходимо заметить, что оперативные работники... видели, что допускается беззаконие, однако не только противостоять этому беззаконию, но даже и обсуждать его мы не имели права потому, что руководство управления и отдела заявляло, что такова директива центра, и мы обязаны выполнять её, в противном случае сами можем понести тяжелое наказание... В результате такой тяжелой обстановки в управлении, где на моих глазах избивали и истязали известных мне честных сотрудников органов, таких, например, как Сурнов, Мортон (правильно Суров, Мартон. – В.У.) и других, я вынужден был выполнять все, что мне приказывало непосредственное начальство»¹².

3. Количество дел, подлежащих пересмотру, по стране составляло сотни тысяч, от дел на отдельных лиц до дел с десятками и сотнями фигурантов. В качестве примера приведу выдержку из письма начальника Особого отдела УГБ НКВД 78-й стр. дивизии П.А. Егорова Сталину, написанного в декабре 1938 г.: «...примерно до конца

¹¹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 8. С. 25–26, 43.

¹² Политические репрессии в Алтайском крае... С. 163.

сентября или начала октября месяца 1937 года операция... не касалась широких слоев населения. С октября 1937 года в массовом количестве стали поступать категорические требования усиления операции. Телеграммами указывалось подвергнуть массовым арестам всех перебежчиков, поляков, латышей, иранцев, лиц, прибывших с КВЖД («харбинцев»), и др.

УНКВД НСО (Новосибирской области. – В.У.) стало спускать периферии «контрольные цифры» на арест, называвшиеся «минимум», так как давать результаты ниже их запрещалось. Например, Томск получил такие контрольные цифры на 1 500, 2 000, 3 000 человек.

...В начале декабря месяца 1937 года получили указание, что судебная «тройка» заканчивает свою работу 10.12, после чего она ликвидируется. Неожиданно числа 10.12 в Томск приехал Мальцев и на созванном совещании оперсостава выступил буквально с такими «указаниями»:

«Партия и правительство продлили срок работы «троек» до 1 января 1938 г. За два-три дня, что остались до выборов в Верховный Совет, вы должны провести подготовку к операции, а 13 декабря – после выборов в Верховный Совет, начать «заготовку» (аресты. – В.У.). Даю вам три дня на «заготовку», а затем вы должны «нажать» и быстро закончить дела... Возрастным составом я вас не ограничиваю – давайте стариков. Нам нужно «нажать», т.к. наши уральские соседи нас сильно «поджимают» (идут по операции впереди Новосибирского УНКВД. – В.У.). По РОВСу («Российский общевоинский союз». – В.У.) вы должны дать до 01.01.38 г. не менее 1100 человек, по полякам, латышам и др. не менее 600 человек в день, но в общей сложности, я уверен, что за эти дни вы «догоните» до 2 000 человек. **Каждый ведущий следствие должен заканчивать не менее 7–10 дел в день – это немного, т.к. у нас шофера в Сталинске и Новосибирске «дают» по 12–15 дел в день... Учтите, что ряд горотделов – Кемеровский, Прокопьевский и Сталинский – вас могут опередить. Они взяли на себя самообязательства выше, чем я вам сейчас предложил»¹³.**

Мною приведен один пример по одному гораппарату НКВД, а ведь таких подразделений в системе НКВД были сотни, и контрольные цифры доводились до всех, а правила соревнования требовали их выполнения, так как победителей награждали и возвышали, а последних наказывали – таков принцип социалистического соревнования, общий для всех, независимо от направления и профиля деятельности.

Таким образом, несмотря на рост численности кадрового состава НКВД, можно с большой вероятностью утверждать, что плановой кампании реабилитации организовано не было, а в органах НКВД на местах обошлись минимумом приложения усилий. Так, при проработке фондов приказов по делопроизводству и личному составу УНКВД по Новосибирской области не было выявлено каких-либо распорядительных документов об организации работы по пересмотру уголовных дел, создании каких-либо рабочих органов для этой деятельности.

¹³ Архив УФСБ РФ по Томской области Д. П-5046. Т. 2. С. 165, 170–171; Уйманов В.Н. Указ. соч. С. 98–99.

4. Работа с архивно-следственными делами позволяет сделать предположение, что пересмотру подверглись, в первую очередь, дела групповые и те, которые велись «врагами народа и шпионами», проникшими в органы НКВД. Таковыми в **УНКВД по ЗСК (НСО)** оказались Г.Ф. Горбач, И.А. Мальцев, Н.С. Великанов, И.В. Овчинников, А.И. Успенский, Д.К. Салтымаков, Ф.Н. Иванов, А.П. Невский, Б.Е. Меринов, В.И. Евсеев, Н.И. Таныгин, Ф.В. Воистинов, Б.М. Резниченко, М.И. Длужинский, М.О. Голубчик, А.А. Белобородов, А.М. Степанов, Д.Т. Кононов, А.Г. Луньков, А.И. Белоусов и др. **На Алтае** – С.П. Попов, П.Р. Перминов, И.К. Лазарев, И.Я. Юркин, Т.К. Салтымаков, В.И. Смольников, Г.С. Каменских, Г.Л. Биринбаум, И.Я. Шутилин, А.Т. Степанов, А.А. Жилков, Т.У. Баранов. **В Омской области** – К.Н. Валухин, К.К. Пастаногов, Г.Я. Витковский, Г.Н. Саенко, сотрудники Тарского окротдела НКВД Шиманов и Шиповалов, «следователи» З.А. Пешков, О.О. Вазбис, М.Л. Залкин, В.Г. Каган, Г.Л. Ракита и др.

Другим источником для пересмотра дел могли быть обращения осужденных к лишению свободы в адрес ЦК ВКП(б), И. Сталина, членов Политбюро и секретарей ЦК ВКП(б), Прокурору СССР, наркомам, которые в абсолютном большинстве адресатам не направлялись, а подшивались в дела документами служебной переписки. Факты использования этих обращений подтверждаются материалами, хранящимися в пересмотренных делах.

Порядок рассмотрения жалоб был следующим. Если прокурор по спецделам усматривал нарушения в проведении следственных мероприятий в отношении осужденного, то он выносил протест на предмет пересмотра дела. После вынесения протеста органы НКВД начинали дополнительное расследование, связанное с перепроверкой ранее полученных показаний, выявлением новых свидетелей и передопросом старых, направлением запросов и т.п. Но очень часто это следствие превращалось в формальный акт. И. Гридунова, рассматривая роль прокуратуры в реабилитационных мероприятиях 1939–1941 гг.¹⁴, отмечала конкретные случаи, когда следствие прокуратуры, доказывавшее невиновность осужденного, не становилось причиной для более качественного доследования сотрудниками НКВД и не влияло на пересмотр дела.

Рассмотрение жалоб шло очень медленно. Так, за период с января по сентябрь 1940 г. в краевую прокуратуру поступили 27 253 жалобы, из них 12 845 (47,1%) – по спецотделу на приговоры, вынесенные внесудебными органами – «двойками», «тройками» и Особым совещанием. В отдельных случаях эти жалобы рассматривались по нескольку месяцев. Так, прокурор Змеиногорского района держал дело на «проверке» 3 мес, Смоленского – 4, а Павловского – 6. Со временем «скорость» рассмотрения дел несколько выросла: если в 1939 г. проверялись 7-8 жалоб в день, то в 1940 г. – уже 15-16. Ускорение в работе было вызвано развернувшимся соревнованием между сотрудниками спецотдела краевой прокуратуры – яркий пример социалистических реалий – не служебный долг и обязанность, а соревнование и показатели. Качество отходило

¹⁴ Гридунова И.А. Роль прокуратуры в реабилитационных мероприятиях 1939–1941 гг. на материалах Алтайского края и Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции... С. 647–662.

на второй план, ведь главное – пересмотреть как можно больше, даже если все решения будут отрицательными. Тем не менее если на начало 1940 г. приходилось 4 194 нерассмотренных жалобы, то к 1 октября их осталось 1 367, в том числе 348 с 1939 г. Медленное рассмотрение жалоб было связано с двумя причинами: органы НКВД часто не высылали вовремя запрашиваемые прокуратурой дела, а районные прокуроры медлили с их проверкой¹⁵.

Необходимо учитывать еще одну особенность проверки законности осуждения «тройками». В случае осуждения к ВМН – расстрелу законность осуждения проверке не подлежала, даже если в результате доследования устанавливалась необоснованность осуждения. По существовавшей практике следователь НКВД еще до доследования указывал на нецелесообразность проведения проверки в отношении таких приговоров. Важную роль при пересмотре играло социальное происхождение осужденного. Например, факт контрреволюционной агитации со стороны жительницы с. Загайново Тальменского района П.И. Игонькиной в ходе доследования не подтвердился, но в постановлении прокурора спецотдела было отмечено: «...принимая во внимание, что осужденная... является классово чуждой», жалобу «оставить без удовлетворения»¹⁶, т.е. приговор «тройки» не отменять. Социальное происхождение решало судьбу человека и определяло его виновность или невиновность. Этот пример опровергает утверждение А. Теплякова, что «реабилитации в 1939–1941 гг. подлежали уцелевшие лица. Если речь шла об отмененном приговоре *тройки* (так в тексте. – В.У.), то **оставшиеся в живых фигуранты объявлялись невиновными** (выделено мною. – В.У.), а все остальные (нередко сотни человек), расстрелянные по делу, продолжали оставаться врагами»¹⁷. Как видите, на практике все было по-другому.

Все вышеперечисленные факторы не позволили развернуть работу по пересмотру дел в кратчайшие сроки и на плановой основе. А с 1940 г. число арестов в стране вновь стало расти (табл. 13)¹⁸. Но если рост числа заключенных составил чуть менее 1/3, то политических – почти вдвое, что может свидетельствовать о продолжении преследований по политическим мотивам.

¹⁵ Гридунова И.А. Указ. соч. С. 653–655.

¹⁶ Там же. С. 656–657.

¹⁷ Тепляков А.Г. Машина террора... С. 252.

¹⁸ Таблица составлена М. Детковым по материалам исследований В. Земскова и Д. Волкогонова. См.: Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые – пятидесятые годы. Домодедово : РИПК работников МВД СССР, 1992. С. 66, 74. По данным А. Дугина, приведенным М. Детковым, в 1940 г. число заключенных было равно 1 659 992 чел. А. Зубков количество лиц, находившихся под стражей (под арестом – заключением под стражу) и отбывающих наказание в ИТУ, определяет по 1939 г. в 1 669,6 тыс. чел., а по 1941 г. – в 2 204,4 тыс. чел., т.е. оно достигло наивысшего уровня в расчете на 100 тыс. населения – 1 119 чел. См.: Зубков А.И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М. : PRI, 2000. С. 18.

**Численность заключенных в местах лишения свободы в СССР
в 1938–1941 гг. (на 1 января)**

Год	Численность заключенных всего, чел.	Осужденных за контрреволюционную деятельность, %
1938	996 367	18,6
1939	1 317 195	34,5
1940	1 334 408	33,1
1941	1 500 524	28,7

5. Была ли заинтересованность у сотрудников НКВД в пересмотре дел на осужденных по политическим статьям? Однозначно нет. Выше причины этого уже были названы. В дополнение можно заметить, что в отдельных делах изредка встречаются документы, содержавшие информацию о пересмотре дела и необходимости освобождения осужденного из заключения. Однако зачастую не предпринималось ни малейших усилий по поиску осужденного в местах отбытия наказания, что делать было необходимо, и человек продолжал отбывать срок наказания, иногда не доживая до освобождения.

Возможно, это связано с тем, что, как пишет П. Соломон, в «период с 26 декабря 1939 г. по 22 апреля 1940 г. руководители областных управлений НКВД имели право отменять решения бывших троек и обращаться в центральный аппарат НКВД с ходатайством о разрешении на освобождение заключенных из лагерей. Начиная с 23 апреля 1940 г. руководители НКВД областного масштаба могли лишь просить Особое совещание НКВД в Москве о принятии подобных решений. Подобная процедура была установлена уже в октябре 1939 г. для ходатайств о простом сокращении наказания по делам, рассмотренным тройками»¹⁹. Подобная практика вряд ли способствовала проявлению «интереса» к работе по пересмотру дел при прочих более важных задачах оперативно-служебной деятельности органов НКВД.

Выводы И. Гридуновой о незначительности результатов работы по реабилитации в 1939–1941 гг. подтверждаются фактическими данными. Так, согласно материалам отдела спецдокументации Управления архивного дела Алтайского края органы НКВД края по протестам прокурора в 1939–1940 гг. вынесли постановления о прекращении дел в отношении 42 лиц, что составило лишь 0,35% от общего количества осужденных «тройкой» УНКВД края²⁰. В Новосибирской области, по данным А.Г. Теплякова, за первые пять месяцев 1940 г. прокуратурой области было опротестовано 402 дела, а еще 850 дел направлены на проверку в УНКВД. Однако количество дел, которые якобы сотрудники УНКВД «не смогли отыскать», в архиве уже к маю 1940 г. достигло 815. На 225 запросов, направленных в УНКВД в начале года, к маю 1940 г. прокуратура получила всего несколько ответов. В горотделах Томска и Кемерова не были доследованы даже те дела, «где были специальные предложения

¹⁹ Соломон П. Указ. соч. С. 258–259.

²⁰ Гридунова И.А. Указ. соч. С. 658–659.

прокурора СССР по заданиям ЦК ВКП(б)». За 1939–1940 гг. только из числа арестованных КРО УНКВД по Новосибирской области были реабилитированы всего 107 чел.²¹

Таким образом, период первой волны реабилитации²², названный отдельными исследователями «бериевской оттепелью», таковым на практике не стал. Партийно-советское руководство продемонстрировало «готовность» к восстановлению справедливости по отношению к незаконно репрессированным гражданам, наказанию виновников произвола – «врагов», пробравшихся в органы НКВД, и т.п. Но одновременно с этим население страны было вновь ориентировано на необходимость повышения бдительности и поиск притаившихся врагов, так как страна находилась в окружении враждебных государств. В реальности же не было предпринято и малой толики от необходимого по остановке произвола против собственного народа, преследования и аресты за «враждебную деятельность» продолжались повсеместно.

4.2. Кампания массовой реабилитации в середине 1950-х – 1980-е гг.

Начало очередного «витка» восстановления справедливости в отношении жертв политических репрессий пришлось на первую половину 1950-х гг., когда после смерти Сталина произошло ослабление сложившегося в стране режима власти и начались преобразования, которые можно охарактеризовать как первые шаги по восстановлению справедливости по отношению к жертвам репрессий. Высшими органами власти страны были приняты решения, позволившие тысячам невинно осужденных за «контрреволюционные преступления» выйти на свободу. Так, 1 сентября 1953 г. «в целях дальнейшего укрепления социалистической законности и повышения роли советского правосудия» был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении Особого совещания при Министерстве внутренних дел СССР», в соответствии с которым Верховный суд СССР наделялся правами пересмотра по протесту Генерального прокурора страны решений бывших коллегий ОГПУ, «троек» НКВД–УНКВД, Особого совещания при НКВД–МГБ–МВД²³. Но принятие указа не означало, что «силовики» бросились немедленно его исполнять. Только 17 октября вышел совместный секретный приказ МВД СССР и Генеральной прокуратуры СССР об исполнении названного указа. Предполагалось, в частности, следственные дела, расследо-

²¹ См.: Тепляков А.Г. Машина террора... С. 252.

²² Отдельные исследователи вообще не рассматривают описанные события 1938–1939 гг. в качестве какой-либо кампании по реабилитации. Так, например, А.Г. Петров в своей докторской диссертации выделяет только три этапа процесса реабилитации жертв политических репрессий, начиная отсчет первого с конца марта 1953 г. См.: Петров А.Г. Реабилитация жертв политических репрессий (историко-правовой анализ). Нижний Новгород, 2007. С. 12.

²³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. : Республика, 1993. С. 71.

ванные органами МВД, направлять на рассмотрение в соответствующие суды по подсудности, а на рассмотрение жалоб и обращений отводилось всего 20 дней, после чего заключения по делам вместе с жалобами и следственным делом полагалось направлять в МВД СССР и Прокуратуру СССР для рассмотрения в установленном порядке²⁴.

Активизация процесса реабилитации на местах началась после создания в 1954 г. комиссий (в Сибири – областных и краевых) по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. Эти комиссии создавались на основе Постановления Президиума ЦК КПСС (февраль 1954 г.) в соответствии с совершенно секретным приказом Генерального прокурора СССР, министра юстиции СССР, министра МВД СССР и Председателя КГБ при Совете Министров СССР № 96сс/0016/00397/00252 от 19 мая 1954 г. «Во исполнение решений директивных органов» приказ обязывал пересмотреть **все уголовные дела на осужденных за контрреволюционные преступления**, отбывавших наказание в лагерях, колониях и тюрьмах МВД, а также в отношении лиц, находившихся в ссылке на поселении. Для пересмотра дел на местах создавались комиссии, в состав которых в обязательном порядке входили руководители вышеназванных ведомств соответствующих административно-территориальных образований, возглавлял её прокурор. К работе Комиссии привлекались следователи Особой инспекции отдела кадров УМВД, следователи УКГБ, народные следователи районных и областных (краевых) прокуратур, члены областных (краевых) судов.

Комиссии имели право отменять решения по делу и полной реабилитации осужденного, о переквалификации состава преступления, о сокращении срока наказания, применении Указа ПВС СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии»²⁵, об отмене ссылки на поселение и об отказе в пересмотре решения по делу. Выносимые Комиссией постановления являлись окончательными и пересмотру не подлежали.

Приказ также определял порядок и механизм рассмотрения дел и их документального оформления, извещения осужденного о принятом решении и т.д. Предполагалось в случае отмены решения по делу и полной реабилитации снимать с оперативного учета лиц с уничтожением учетных карточек. Но последнее выполнено не было, возможно, по причине того, что следственные дела уничтожению не подлежали.

Рассмотрению не подлежали дела на лиц, осужденных за побег, членовредительство, отказ от работы в лагерях, квалифицированные по ст. 58-14 УК РСФСР

²⁴ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 74–75.

²⁵ Одним из факторов, повлиявших на принятие данного документа, видимо, следует считать направление Л. Берией 26 марта в Президиум ЦК КПСС записки о необходимости проведения амнистии и освобождения около миллиона человек, сокращения сроков наказания и т.д. В записке отмечалось, что «из общего числа заключенных (2 526 402 чел.) количество особо опасных государственных преступников (шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, эсеров, националистов и пр.), содержащихся в особых лагерях МВД, составляет всего 221 435 человек. Содержание большого количества заключенных в лагерях, тюрьмах и колониях, среди которых имеется значительная часть осужденных... не представляющих серьезной опасности для общества, не вызывается государственной необходимостью...». Цит. по: Петров А.Г. Указ. соч. С. 67. К началу августа 1953 г. из мест заключения по амнистии были освобождены 1 032 000 чел., хотя число осужденных по политическим мотивам среди них было незначительным. Там же. С. 69.

(«контрреволюционный саботаж») и соответствующим статьям УК союзных республик. Несмотря на то, что в УК РСФСР была соответствующая статья за побеги (ст. 82), достаточно часто при осуждении применяли ст. 58-14, так как побег рассматривался в качестве одной из форм сопротивления режиму, и мера наказания по этой статье позволяла применять расстрел. Использование этой статьи было удобным во всех отношениях, так как способствовало предупреждению и запугиванию возможных беглецов, а во-вторых, улучшало показатели работы по выявлению «врагов народа». Также не подлежали рассмотрению дела на лиц, отбывших наказание за контрреволюционные преступления, но вновь осужденных в местах заключения за уголовные преступления. Жалобы от них рассматривались в общем порядке²⁶.

Систему и механизм работы этих комиссий можно рассмотреть на примере работы комиссии Томской области в 1954 г. Первое её заседание состоялось 7–8 июля 1954 г. под руководством председателя комиссии – прокурора области старшего советника юстиции Я.Ф. Выпряхкина при участии её членов – начальников управлений Минюста и КГБ по Томской области В.Ф. Скрыбина и Н.С. Великанова. Секретарем комиссии значился подполковник КГБ Д.К. Салтымаков. Вот они причуды советской действительности – реабилитировать должны были те, кого мы, в частности, уже назвали в числе творивших беззаконие и произвол²⁷.

²⁶ Сборник законодательных и нормативных актов. С. 78–80.

²⁷ Великанов Н.С. проработал в органах ОГПУ–НКВД–КГБ СССР более 30 лет, из них 11 лет (с перерывом) в Томске на должностях оперуполномоченного оперсектора ОГПУ и начальника отделения горотдела НКВД, а с 1949 г. – начальника Управления. С 1938 по 1941 г. (до момента ликвидации) проходил службу в АССР немцев Поволжья, пройдя путь от начальника отдела до наркома НКВД республики. В 1965 г. по результатам проверки, инициированной сотрудниками Томского УКГБ, Указом ПВС СССР № 5009-VI от 23 мая 1966 г. Великанов за необоснованные аресты советских граждан, фальсификацию материалов и незаконные методы следствия, выразившиеся в составлении соответствующих документов на арест и санкционирование ареста 520 чел. (впоследствии расстрелянных), подготовке обвинительных заключений по 415 уголовным делам (частично им же и утвержденным) и т.п., был лишен 8 орденов СССР, двух знаков почетного сотрудника органов госбезопасности (награждался в 1938 и 1940 гг.), пенсии военнослужащего и т.д., исключен из членов КПСС (повторно, так как в 1960 г. уже исключался бюро ЦК КП Латвии за допущенные нарушения законности, но по решению КПК при ЦК КПСС наказание было заменено на строгий выговор).

Все последующие годы, до гибели в автокатастрофе в 1981 г., Великанов добивался восстановления «справедливости» по отношению к себе, но решения всех инстанций, вплоть до ЦК КПСС, только подтверждали принятое ранее.

Судьба Салтымакова Д.К. сложилась следующим образом. В конце 1956 г. в Томское управление КГБ поступило анонимное письмо в его адрес (к этому времени он уже вышел на пенсию), копии были направлены начальнику управления и секретарю обкома КПСС В.А. Москвину (орфография и стилистика сохранены):

«Совершенно случайно, проездом, узнал, что ты жив, здоров и подвигаешься в органах Госбезопасности. Если ты потерял совесть перед Советским народом, то ты хоть перед инстинктом самосохранения заяви в партийную организацию о своих ЧЕРНЫХ делах, которые ты творил, начиная с 1937 года. Может ты творил эти черные дела и раньше – мне неизвестно.

Ведь ты приехал в Кожевниковский район замухрышкой, с двумя или тремя «кубиками», а уехал, кажется в БЕЛОВСКИЙ район с одной или двумя «шпалами», которые «заработал» на Кожевниковских коммунистах и другом честном народе, а сейчас говорят подвигаешься в Органах Госбезопасности в чине полковника или подполковника.

Как горько, что ты ходишь по советской земле, которая полита потом и кровью честных советских людей, а ты, омыв этой кровью свои грязные руки, пользуешься благами этой земли.

Если ты забыл свою подлость, которую ты творил, я тебе напомню, сколько ты арестовал, осквернил честных людей на всю жизнь, сколько оставил сирот, которые сейчас незаслуженно носят кличку «дети врага народа»:

1. Панченко*, быв. Зав. РАЙЗО, отсидевший в тюрьме более двух лет, который подписал показание, которое ты требовал под пытками.

2. Николаев, директор Чилинской МТС. (Погиб на фронте).

3. Почебут*, директор колхозной школы.

4. Юзефович*, преподаватель-бухгалтер колхозной школы.

5. Макушин*, председатель пром. артели «Смычка».

6. Лепницкая, зав. Акортом или Сибторгом.

7. Лепницкий**, муж Лепницкой, работник конторы связи.

8. Литвинов**, председатель колхоза «Красный колос», один из способных и честных председателей колхозов того времени. Он же бедняк и ты знаешь его избушку, а окрестил его КУЛАКОМ.

9. Запорожец, зам. предрайисполкома. Один из активнейших партизан и старейший коммунист Сибири.

10. Архипов*, молодой ветврач, комсомолец, который вернулся из тюрьмы парализован.

11. Завьялов, секретарь Райисполкома.

12. Горб, секретарь Райисполкома.

13. Марин**, председатель Райплана, молодой специалист, коммунист.

14. Гавриченко, председатель колхоза «Работник» (умер в тюрьме, не выдержав твоей пытки).

15. Зав. райветлечебницей, фамилию забыл.

16. Галицкий**, зав. Вороновским вет. участком.

17. Гулько**, инструктор-бухгалтер Райзо.

18. Грабовский**, инструктор Госстраха.

19. Федотов*, председатель Райисполкома (отсидевший около двух лет в тюрьме), который при аресте хотел покончить с тобой, а потом и с собой, но это как тебе известно не удалось, жаль.

Чертков, директор Заготзерно, почти со всем аппаратом арестован, правда к твоему несчастью, освобожден за невиновностью. Вспомни, как ты заставлял заведующего семенной лабораторией искать клещей в складах Заготзерно.

20. Бартниковский**, старейший учитель деревни Еловка.

21. Слепенков, коммунист с 1919 года, местный житель с. Базой.

22. Редькин, предрайисполкома, на которого ты сфабриковал документы, что он кулак. Сейчас проживает кажется в Томске. Да разве всех перечтешь. Подумай и продолжи этот список (**лица, помеченные ****, **были расстреляны, а помеченные * – освобождены из-под стражи за недоказанность предъявленного обвинения в 1939 г., отсидев от полутора до двух с лишним лет под следствием. – В. У.**)

Большинство из этих людей длительное время сидели в тюрьме, а потом почти все освобождены из коммунистов и полностью реабилитированы, в этом заслуга не твоя. В этом заслуга Новосибирского обкома КПСС, за что, очевидно и заплатились секретари обкома тов. Алексеев и Лобов, которые начали восстанавливать законность после январского Пленума ЦК КПСС. Сколько ты отправил на каторгу людей за свое ЧЕРНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

Вспомни, как ты на одном партийном собрании выступил и запретил записывать свое выступление. Там ты заявлял, что Панченко, Почебут, Николаев на следствии признались, что они враги народа, что они посланы со специальным заданием начальника Запсибкрайзу Фомина для контрреволюционной работы в Кожевниковском районе. Вспомни, какими ты методами вел «следствие» над Панченко, Николаевым, Почебутом, Архиповым и другими.

Вспомни, как ты в качестве провокатора садил в камеры к кожевниковским коммунистам своего помощника, фамилия его кажется Головин – небольшой ростиком, у него и ухватка похожа на провокатора.

На первом заседании комиссия рассмотрела всего 18 архивно-следственных дел, из которых только по 2 (на 6 чел.) были вынесены решения о реабилитации в связи с отменой решения «тройки» УНКВД за недоказанностью состава преступления. Четверо из проходивших по этим делам были расстреляны в 1937 г., в отношении Д.Д. Сухих и А.Ф. Хоменко (подавали ходатайства о пересмотре дел и освобождении из ссылки на имя Генерального прокурора СССР и Председателя ПВС СССР соответственно) было принято решение о вхождении с представлением в Центральную комиссию по пересмотру следственных дел об отмене решения Особого совещания МГБ СССР 1950 г. об их ссылке на поселение после отбытия срока наказания.

В отношении А.Н. Ежакова, с учетом его участия в Великой Отечественной войне, трижды раненного и являющегося инвалидом 2-й группы, был принесен протест на предмет снижения срока наказания с 10 до 5 лет ИТЛ. В соответствии с Указом ПВС СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» он был из-под стражи освобожден со снятием судимости. К моменту принятия этого решения Ежаков уже отсидел 8 лет из назначенного ему срока наказания.

Еще в одном случае решение «тройки» ПП ОГПУ по ЗСК было отменено за недоказанностью, и судимость с В.П. Парфёнова была снята; по отбытии срока наказания он обращался в Верховный Совет СССР с ходатайством о пересмотре дела. В отношении 10 других его «подельников» решение «тройки» было признано правильным и оставлено без изменений.

По всем остальным делам квалификация составов преступления была признана правильной и решения также оставлены в силе. С учетом дела В.П. Парфёнова в пересмотре дел и реабилитации было отказано 30 гражданам.

Принцип отбора дел понять сложно. Так, в частности, в 12 случаях это были дела на лиц, отбывавших наказание в ОИТК УМВД Томской области, осужденных в 1946–1953 гг. преимущественно по ст. 58-10 либо по ст. 58-10-11. Сведений об их об-

Вспомни, как ты по телефону в Базой звонил своему пом. оперуполномоченного Смыкову и задавал вопросы – «Сколько нашел по КР».

Пойди в парторганизацию и расскажи о себе все, обязательно, только по правде, ведь я не мог все рассказать, прошло много времени, все не вспомнишь, да и подлость я всю твою не знаю, а я буду возможно в ваших краях и поинтересуюсь.

«Друзья» встречаются вновь.

XI–1937 – XI – 1956 гг.

(ПРАВДИН)»

ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2538. С. 11–12.

В результате проведенного расследования было установлено, что Салтымаков имел прямое отношение к судьбе 16 из 23 названных лиц – все они были репрессированы. Позднее было установлено, что число жертв по сфальсифицированным им делам увеличилось до 55 чел. (39 расстреляно). Он же в объяснении, направленном в обком КПСС, признал свое участие в решении судеб 150–160 чел. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2538. С. 20–33.

По представлению военной прокуратуры Томский обком КПСС 1 апреля 1960 г. рассмотрел персональное дело Д.К. Салтымакова и исключил его из членов КПСС «за грубые нарушения социалистической законности, массовые необоснованные аресты советских граждан и незаконные методы следствия в 1937–1938 годах, в результате чего пострадало большое количество невинных людей».

Р.С. Расстрелянный на Алтае Т.К. Салтымаков и Д.К. Салтымаков оказались родными братьями.

ращениях и ходатайствах в какие-либо властные структуры о пересмотре дел в протоколе заседания Комиссии нет.

К периоду 1934, 1937 и 1938 гг. относились только три дела из числа вынесенных на рассмотрение.

Сложно определить наличие какой-либо системы и в подборе докладчиков по делам, их оказалось шестеро – от рядового следователя районной прокуратуры до члена областного суда и трех руководителей подразделений УКГБ²⁸.

Протокол содержит минимальную информацию по каждому делу – установочные данные на фигуранта(ов), какой инстанцией осуждены, когда и на какие сроки, если было известно, то указывалось место отбытия наказания, кто был докладчиком по данному делу. В резолютивной части – решение, занимавшее от 7 до 20 строк колонкой размером менее половины ширины листа.

Заключения по материалам слушаний подшивались в уголовные дела. Изучение этих материалов позволяет более полно понять принцип организованной в стране работы. Так, если гражданин обращался с ходатайством в какую-либо инстанцию, то его обращение для проверки направлялось в тот орган, где он был осужден. После этого дело поднималось из архива, изучалось, затем проводился передопрос заявителя и иных лиц, проходивших по этому делу в качестве обвиняемых либо свидетелей. В случае необходимости допрашивались и другие лица, которые могли дать информацию по существу дела. Например, в случае с А.Ф. Хоменко изучение уголовного дела позволило выявить факты подтасовки, несоответствий и т.п. Основным и единственным доказательством виновности были признательные показания самих обвиняемых. Установлено, что протоколы допросов подписывались обвиняемыми и свидетелями из боязни, что к ним могут применить меры физического воздействия. «Компрометирующими» материалами явились однотипные справки на обвиняемых (по делу проходили еще 4 чел. – все расстреляны 14 октября 1938 г.), констатировавшие их «враждебность», составленные сотрудниками Томского горотдела НКВД. Данных, подтверждавших причастность обвиняемых к шпионско-диверсионной группе, в деле не имелось, как и не была подтверждена причастность отдельных из них к японской разведке. Каких-либо иных материалов, подтверждавших «преступные действия» обвиняемых, в деле не было. «Факты» не перепроверялись, свидетели не допрашивались, очные ставки не проводились.

Более того, если А. Хоменко показала на следствии, что «сведения шпионского характера она получала от своего мужа, Шлыкова Алексея Николаевича, старшего лейтенанта Красной армии», то по делу Шлыкова, арестованного в феврале 1938 г. (за четыре месяца до её ареста) и расстрелянного за контрреволюционную деятельность, она вообще не проходила²⁹. Материалами дела и в результате проведенной в 1954 г. проверки, в том числе и негласными методами, связь А. Хоменко с другими фигурантами доказана не была.

²⁸ Архив УФСБ РФ по Томской области. Ф. 10. Оп. 7. Д. 29. С. 1–13.

²⁹ Там же. Д. П-860. Л. 248–250.

С шестистраничным заключением старшего следователя Особой инспекции отдела кадров УМВД Томской области ст. лейтенанта Стекольников по делу Хоменко и др. **об отмене решения «тройки» УНКВД по Новосибирской области и реабилитации всех осужденных** (выделено мной. – В.У.) согласился заместитель прокурора области по спецделам советник юстиции Кравцов.

Далее в деле подшиты выписка из протокола № 1 заседания областной комиссии по пересмотру дел и сопроводительное письмо на имя Генерального прокурора СССР действительного государственного советника юстиции Р.А. Руденко о направлении дела с заключением и выпиской из протокола Комиссии. В письме содержалось обращение **только о рассмотрении дела** Центральной комиссией «для решения вопроса об отмене решения Особого совещания МГБ СССР от 13 февраля 1950 г. в отношении А.Ф. Хоменко и освобождении её из ссылки». Несмотря на то, что заключение содержало исчерпывающую информацию, подтверждающую невиновность Хоменко и других фигурантов по делу, что было отмечено в протоколе областной комиссии, вопрос о реабилитации перед Центральной комиссией не ставился. Письмо было направлено 19 июля 1954 г., а уже 9 августа Центральная комиссия своим протоколом № 12 утвердила решение областной комиссии. Все документы, за исключением заключения, носили гриф «Совершенно секретно».

Реабилитация проходивших по делу лиц произошла позднее. Механизм её был запущен справкой оперуполномоченного 5-го отдела УКГБ по Южно-Казахстанской области лейтенанта Алёхина по названному делу от 23 мая 1955 г., в которой он обращал внимание на то, что решение областной комиссии в части отмены решения «тройки» УНКВД и реабилитации Центральной комиссией не утверждалось, как не было и соответствующего ходатайства областного прокурора по этому вопросу³⁰.

В другом случае член Томского областного суда Чернышев, рассмотрев материалы следственного дела по обвинению 6 чел. в совершении преступления по ч. 2 ст. 58-10, 58-11 и 58-14 УК РСФСР, не нашел «доказательств» необходимости отмены решения судебной коллегии по уголовным делам Нарымского окружного суда от 5 июля 1944 г. Е.А. Маковой, 1896 г.р., учитывая её преклонный возраст и неграмотность, было предложено от поселения освободить (она обращалась с просьбой об этом к Генеральному прокурору СССР). С его аргументами согласился заместитель прокурора области Кравцов, но Комиссия по пересмотру дел оставила приговор в силе, а в ходатайстве Маковой отказала³¹. К сожалению, ни в деле, ни в протоколе Комиссии о причинах такого решения информации нет. Вновь к этому делу вернулись в апреле 1955 г., когда прокурор РСФСР подал протест в порядке надзора в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда РСФСР. Согласно протесту приговор Нарымского окружного суда признавался неправильным и подлежал изменению, в частности, по причине отсутствия материалов о наличии какой-либо контрреволюционной организации либо об организационной контрреволюционной деятельности.

³⁰ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-860. Л. 254–262.

³¹ Там же. Д. П-6806. Л. 332–337.

В связи с этим обвинение по ст. 58-11 и 58-14 УК РСФСР из приговора подлежало исключению и дело в этой части производством прекращалось за отсутствием состава преступления. Обвинение же по ст. 58-10 ч. 2 считалось доказанным, и мера наказания была определена в соответствии со степенью содеянного каждого из осужденных. 15 апреля 1955 г. Судебная коллегия с внесенным протестом согласилась³².

В очередной раз это дело было пересмотрено в октябре 1964 г., когда Президиум Верховного суда РСФСР на своем заседании рассмотрел его по протесту заместителя председателя Верховного суда РСФСР А.К. Орлова и постановил: «Приговор Нарымского окружного суда от 5 июня 1944 г. и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 15 апреля 1955 г. ...отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления»³³. Справедливость восторжествовала через 20 лет после осуждения и через 10 лет после первого пересмотра дела. Это дело – показательный пример отражения того, как политические «ветры» в нашей стране влияли на судьбы людей.

Реабилитация еще одного «фигуранта» первого заседания Комиссии затянулась на долгие 38 лет, так как А.И. Бошко был реабилитирован в соответствии со ст. 3 и 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» только 24 июня 1992 г. К сожалению, в разделе заключения о реабилитации «Данные о реабилитированном и его родственниках» значится: «сведений не имеется»³⁴.

Цели, поставленные и продекларированные в приказе № 96сс/0016сс/00397/00252 от 19 мая 1954 г., не были выполнены по целому ряду причин. Во-первых, его авторы не представляли всего объема предстоявшей работы (предполагалось завершить работу по пересмотру дел за восемь месяцев). Во-вторых, механизм пересмотра дел был достаточно сложным, требовал значительных материальных и временных затрат. В-третьих, составы комиссий были неработоспособными по причине их малочисленности и состояли только из руководителей ведомств, для которых эта задача не была первоочередной. За этими причинами скрывается главная – государство не было готово к резким кардинальным переменам в части решения судеб «врагов народа». Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что, снимая обвинения по ряду пунктов ст. 58 УК, пункт ст. 58-10 («антисоветская агитация и пропаганда») оставлялся почти всегда. Необходимо учитывать и то, что решения по делам принимали люди, которые еще совсем недавно, практически накануне, сами в массовом порядке отправляли этих «врагов» в лагерь. Перестраивать свое мировоззрение и свои взгляды им было сложно. Даже несмотря на указания и директивы ЦК партии, а также руководителей соответствующих структур.

О неготовности государства к организуемой кампании реабилитации можно, видимо, судить и по тому, что работа комиссий была засекреченной. Выше уже отмечалось, что вся переписка, связанная с работой комиссий, имела даже гриф не «Секрет-

³² Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-860. Л. 338–340, 343–344.

³³ Там же. Л. 349–352.

³⁴ Там же. Д. П-10774. Л. 171.

но», а «Совершенно секретно». Кроме того, уже 18 июня 1954 г. за № 186сс/108сс/37сс были даны разъяснения (вновь «Совершенно секретные»), подписанные заместителями министра МВД, Генерального прокурора и Председателя КГБ, что заключенные не знакомятся с выписками решений комиссий по пересмотру, они даже не зачитываются заключенным, а просто объявляются от имени Прокуратуры, МВД и КГБ СССР – «знакомить заключенных и ссыльных с выписками из протоколов Центральной и местных комиссий по их делам запрещается. Запрещается также устно сообщать о том, что дело рассматривалось Центральной или местной комиссией».

В выдаваемых администрацией мест заключения и поселений справках необходимо было указывать, что заключенный или ссыльный освобождены на основе постановления Прокуратуры, МВД и КГБ СССР³⁵.

По какой причине проводилось засекречивание работы комиссий, четких объяснений нет ни в одном приказе или ином нормативном документе. Можно только предположить, что власть боялась широкой огласки и возможной широкой волны массовых обращений граждан, создания «нездоровой» обстановки, способной привести к негативным для государства, правящей партии и их руководителей последствиям...

Влияние на процесс реабилитации оказывали многие факторы, о некоторых из них выше уже говорилось. Но главное препятствие крылось в политике государства и КПСС – в нежелании признаться всему миру в беззаконии и произволе. Н. Хрущев в своих мемуарах писал: «Уже после XX съезда партии мы реабилитировали почти всех невинных (огромное заблуждение либо умышленное (по непонятным причинам) сокрытие истинных масштабов репрессий. – В.У.), но тех, кто проходил по открытым процессам (Рыков, Бухарин, Зиновьев, Каменев и др. – В.У.), мы не реабилитировали, но не потому, что существовали доказательства вины. Тут имелись соображения иного характера. Мы спрашивали тогда прокурора: «Были ли реальные доказательства их вины для суда?» Никаких доказательств нет! А судя по тем материалам, которые фигурировали в деле ...они не заслуживали не только обвинения, но даже ареста. Прокурор Руденко так и докладывал членам Президиума ЦК партии в 1950-е годы.

Почему же их тогда не реабилитировали? Лишь потому, что после XX съезда партии, когда мы реабилитировали многих несправедливо арестованных, на это бурно реагировали люди внутри страны и за границей. Руководители братских коммунистических партий были обеспокоены, потому что это событие потрясло их партии...».

По словам Н. Хрущева, наиболее бурно реагировали лидеры итальянской и французской коммунистических партий П. Тольятти и М. Торез, обратившиеся с за-

³⁵ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 81–82. А.Г. Петров в диссертации привел информацию о результатах работы названных комиссий. По данным председателя Комиссии Политбюро ЦК КПСС М. Соломенцева, были реабилитированы «сотни тысяч невинных», Б.А. Викторов подчеркивал, что комиссии вообще не решали вопросов о реабилитации, а занимались разгрузкой мест заключения. Далее, со ссылкой на работу «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» (СПб., 1998. С. 20), Петров указывает, что этими комиссиями было освобождено более 60 тыс. «особо опасных государственных преступников». Замечу, что в издании этой книги 1999 г. речь о работе комиссий и освобождении вообще не ведется.

явлением о том, что реабилитация обвиняемых на этих процессах создаст невероятные условия для братских компартий, особенно для тех, чьи представители присутствовали на процессах: «Мы не хотели фактом признания несостоятельности этих процессов вооружить своих врагов против братских компартий...»³⁶.

Именно это затормозило процесс реабилитации на десятилетия. Именно по этой причине и вся работа по реабилитации была засекреченной. Слова Хрущева подтверждают и мое предположение о боязни реакции со стороны народа на всего лишь приоткрытие завесы с информации о «мудром и справедливом» руководстве И. Сталина.

Датой начала массовой реабилитации следует, видимо, считать сентябрь 1955 г. – после выхода Указа ПВС СССР от 19 августа 1955 г. «О внесении изменений в ст. 3 Указа ПВС СССР от 1 сентября 1953 г. «Об упразднении Особого совещания при министре внутренних дел СССР». Указ позволил пересматривать дела военным трибуналам, верховным судам союзных республик, президиумам верховных судов АССР, краевых и областных судов³⁷.

XX съезд КПСС, осудивший культ личности Сталина, официально признал наличие в СССР политических репрессий и их незаконность. Решения съезда подняли работу по реабилитации на качественно новый уровень. Так, уже в марте 1956 г. были приняты два указа ПВС СССР, оказавших серьезное влияние на организацию работы по реабилитации. Указ ПВС от 10 марта отменил Указ ПВС от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». Все сосланные по этому Указу автоматически подлежали освобождению³⁸. 19 марта 1956 г. вышел приказ Генерального прокурора, министра МВД и Председателя КГБ СССР № 35с/0066сс/00124, разъясняющий механизм действия этого указа. А 24 марта 1956 г. был принят секретный Указ ПВС СССР «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления». И уже 14 апреля КГБ при СМ СССР был издан секретный приказ № 042 о реализации этого указа в практической деятельности органов КГБ СССР на местах. В соответствии с указом создавались комиссии (всего было создано 97 комиссий ПВС СССР. – В.У.), в частности, для проверки в местах лишения свободы обоснованности осуждения лиц, обвиненных в совершении преступлений политического характера. Комиссии имели право принимать на месте окончательные решения об освобождении из мест лишения свободы лиц, неправильно осужденных, а также тех, чье содержание под стражей не вызывалось необходимостью. Комиссиям было разрешено принимать решения о сокращении сроков наказания; это разрешение очень активно использовалось. С освобождаемых от наказания граждан комиссии снимали судимость и ограничения в правах.

³⁶ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 55–56.

³⁷ Там же. С. 72.

³⁸ Там же. С. 47; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 119. Указ 1948 г. и директива МГБ и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 г. обязывали органы МГБ вновь арестовывать государственных преступников, уже отбывших наказание, предъявлять обвинение в том же преступлении, за которое они отбыли наказание, и вновь проводить следствие.

Несмотря на непродолжительную работу этих комиссий (в соответствии с указом они работали до 1 октября 1956 г.), из мест лишения свободы были освобождены десятки тысяч человек. А.Г. Петров, со ссылкой на сообщение председателя Центральной комиссии А.Б. Аристова, направленное 17 октября 1956 г. в ЦК КПСС, привел данные, что на 1 октября 1956 г. были рассмотрены дела на 176 325 чел., из которых 100 139 были освобождены, а 42 016 снижены сроки наказания. Из числа освобожденных 50 944 чел. (50,9%) были осуждены за политические преступления³⁹.

В середине 1950-х гг. Верховным Советом и Советом Министров СССР был принят целый ряд документов, имевших важнейшее значение для реабилитации жертв режима. Среди них и амнистии, касавшиеся некоторых категорий осужденных, в том числе и за политические преступления, и постановления «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» (№ 898-490с от 29 июня 1956 г.), «О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных» (сентябрь 1955 г.), «О снятии с учета некоторых категорий спецпереселенцев» (1955 г.), «О порядке расчетов по возмещению реабилитированным гражданам стоимости изъятого у них имущества» (ноябрь 1956 г.) и др. По большинству этих документов издавались ведомственные приказы и указания. Так, например, по постановлению в отношении судеб военнопленных 30 июля 1956 г. был издан приказ КГБ при СМ СССР № 0112, а в Министерстве обороны страны – директива № 52690 от 23 июля 1956 г. Если приказ КГБ предусматривал механизм и порядок отбора контингентов и оформления соответствующих документов, то директива предполагала организацию работы по восстановлению бывших военнопленных в воинских званиях, их увольнению со службы в запас или в отставку, засчитывание времени пребывания в плену в срок службы и даже награждение отдельных из них⁴⁰.

По указам ПВС СССР снимались ограничения в правах в отношении находившихся на спецпоселении немцев (декабрь 1955 г.), калмыков (март 1956 г.), греков, болгар, армян (март 1956 г.), крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов (апрель 1956 г.) и представителей других национальностей.

Несмотря на то, что продолжали действовать ограничения по их возвращению к местам прежнего проживания, возврату конфискованного имущества и некоторые другие, эти документы можно отнести к первым шагам со стороны государства по реабилитации этих народов.

В Западной Сибири в 1954–1960 гг. процесс реабилитации шел активно. Если в СССР в 1954–1960 гг. были реабилитированы 737 182 чел., то сотрудниками органов

³⁹ Петров А.Г. Указ. соч. С. 80.

⁴⁰ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева... С. 142–143; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 139–143, 168–176. За период с 1953 по 1961 г. только в партийном отношении были реабилитированы несколько тысяч руководящих военных работников. Кроме того, в период 1956–1961 гг. в КПСС были восстановлены 16 233 чел. из числа бывших военнопленных и лиц, находившихся на оккупированной территории. См.: Петров А.Г. Указ. соч. С. 102, 104.

госбезопасности Алтай, Новосибирской, Кемеровской и Томской областей и Республики Алтай в эти годы – 80 тыс. чел., в основном осужденных «тройками», Особым совещанием и другими несудебными органами, что составило 10,85% от общего числа реабилитированных в стране.

До начала 1960-х гг. процесс реабилитации был на постоянном контроле КГБ и Прокуратуры СССР. Вопросы, связанные с этой работой, постоянно рассматривались на заседаниях коллегий, советах при начальниках территориальных органов, на служебных совещаниях, партийных собраниях и собраниях коллективов правоохранительных органов. Сотрудники, занимавшиеся пересмотром архивно-следственных дел, чаще всего были сотрудниками следственных подразделений, за положительные результаты в этой работе отмечались и поощрялись. Так, например, приказом начальника УКГБ при СМ СССР по Томской области № 014 (вновь секретным. – В.У.) от 5 октября 1956 г. была объявлена благодарность и выдана денежная премия за достигнутые положительные результаты в работе, в частности, за пересмотр 67 архивно-следственных дел и вынесение по ним заключений в отношении 567 чел. сотрудникам следственного отдела К.П. Челнокову, А.Н. Гузьяеву и др. Такие примеры не были единичными.

С началом 1960-х гг. работа по пересмотру архивно-следственных дел пошла на убыль, о чем свидетельствуют приводимые ниже табл. 14–16. Эти таблицы наглядно отражают цикличность процессов реабилитации. Если в период с 1954 по 1970 г. в пяти субъектах Западной Сибири было реабилитировано 93 994 чел., то в период 1970-х и до 1989 г. – всего 1 128 чел. Оживление работы по реабилитации началось после выхода в свет Указа ПВС СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». До 2001 г. справедливость была восстановлена еще в отношении 50 тыс. жителей этих регионов. К началу нового тысячелетия работа по пересмотру архивно-следственных дел и реабилитации жертв политических репрессий в основном была завершена – в названных субъектах были реабилитированы 149 137 чел.⁴¹ К сожалению, руководством Управления ФСБ РФ по Омской области мне было отказано в предоставлении официальных данных о результатах работы по реабилитации жертв политических репрессий. Что касается данных на лиц, включенных в Книгу Памяти Омской области «Забвению не подлежит», то их число составило 31 150 чел. Таким образом, число реабилитированных жертв массовых репрессий периода 1920 – начала 1953 г. на территории Западной Сибири определяется в 180 тыс. чел.⁴²

⁴¹ Таблицы составлены автором на основе обработки баз данных управлений ФСБ РФ по Кемеровской и Томской областям, Управления по Республике Алтай, Управления архивного дела администрации Алтайского края и оперативных учетов Управления ФСБ РФ по Новосибирской области.

⁴² Число жертв политических репрессий всегда вызывало оживленные споры и дискуссии. Что касается Западной Сибири, то в начале 1990-х гг. отдельные сибирские исследователи и представители общественности достаточно вольно оперировали цифрами, приводя непроверенные данные. Так, И.Н. Кузнецов в своих работах «Репрессии 30–40-х годов в Томском крае» (1991 г.) и «Знать и помнить» (1993 г.) приводил данные об осуждении по политическим мотивам только в Томской области в 1930–1953

Т а б л и ц а 14

**Динамика реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири
по десятилетиям (1954–2009 гг.)**

Годы	Кол-во реабилитированных, чел.					Всего, чел.
	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Томская область	Республика Алтай	
1954–1960	17 507	26 384	27 102	8 959	142	80 094
1961–1970	3 000	2 522	5 609	2 678	91	13 900
1971–1980	172	208	272	55	–	707
1981–1990	9 284	4 869	5 508	3 658	805	24 124
1991–2000	6 843	6 501	4 728	3 104	5 334	26 510
После 2000	571	1 572	1 020	362	279	3 804
Всего	37 377	42 056	44 239	18 816	6 651	149 139

Т а б л и ц а 15

**Динамика реабилитации жертв политических репрессий
в Западной Сибири до и после выхода Указа ПВС СССР от 16 января 1989 г.
«О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении
жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов»**

Годы	Кол-во реабилитированных, чел.					Всего, чел.
	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Томская область	Республика Алтай	
1954–1988	20 857	29 261	33 057	11 714	233	95 122
После 1988	16 520	12 795	11 182	7 102	6 418	54 017
Всего	37 377	42 056	44 239	18 816	6 651	149 139

(1956) гг. 40, а затем «свыше 50 тыс. чел.», отмечая, со ссылкой на данные общества «Мемориал», что «только в Томске в период 1937–1938 гг. было арестовано и репрессировано... свыше 30 тыс. чел.». При этом число репрессированных по политическим мотивам в Западной Сибири он определял в 250 тыс. чел. Представленные ему органами госбезопасности данные, что в Новосибирской области было репрессировано 45, в Кемеровской – 40, Томской – около 20 тыс. чел. (что, кстати, очень близко с данными, опубликованными в приведенной выше табл. 5), он считал заниженными, так как, например, многие документы органов госбезопасности, по его мнению, были уничтожены, что не учитывались «повторно репрессированные жители Запсибкрая в лагерях, колониях, тюрьмах, высланные в другие области, а также осужденные на территории других областей и республик страны». Эти аргументы не выдерживают никакой критики, так как занижение или сокрытие реальных цифр не могут быть вызваны уничтожением каких-то справок и т.п. – **дела на осужденных по политическим мотивам не уничтожались, имея гриф «Хранить вечно»**. А повторное осуждение не ведет к механическому удвоению.

Должен признать, что в полемике с И.Н. Кузнецовым сам называл примерную цифру в 150 тыс. репрессированных (Уйманов В.Н. История – наука точная. См.: Труды Томского областного краеведческого музея, 2000), но в те годы еще не были созданы базы данных, да и никто из сотрудников органов госбезопасности, занятых работой по реабилитации, не считал нужным проводить подсчеты на уровне научных исследований – это не входило в круг их обязанностей при пересмотре архивных следственных дел. Создание Книг Памяти и баз данных на репрессированных позволит окончательно прекратить эти споры, тем более, что за многие годы работы над пятитомной Книгой Памяти «Боль людская» не поступило ни одного обращения от граждан о судьбе того или иного человека, сведения о которых не были бы найдены.

Динамика реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири (1954–2009 гг.)

Год	Кол-во реабилитированных, чел.				Год	Кол-во реабилитированных, чел.				Республика Алтай
	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Томская область		Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Томская область	
1954	90	50	355	15	1982	5	5	11	2	–
1955	396	738	3 525	271	1983	–	1	8	1	–
1956	3 401	5 448	3 139	1 001	1984	12	13	4	3	–
1957	2 900	9 762	6 424	1 988	1985	1	1	12	1	–
1958	3 136	5 578	4 522	1 974	1986	4	3	6	2	–
1959	6 146	3 528	6 869	2 316	1987	4	21	1	2	–
1960	1 438	1 280	2 268	1 394	1988	150	100	27	11	–
1961	720	462	1 816	731	1989	8 734	4 373	4 561	3 468	261
1962	476	461	894	391	1990	372	349	873	168	544
1963	322	317	1 029	342	1991	286	113	200	239	768
1964	213	339	576	350	1992	1 727	2 080	471	924	1 215
1965	410	309	444	493	1993	2 190	575	841	1 169	1 000
1966	206	241	303	215	1994	491	141	1 243	117	1 500
1967	244	125	151	65	1995	569	270	285	161	393
1968	187	116	152	35	1996	358	326	743	113	152
1969	101	72	158	40	1997	796	351	396	24	51
1970	121	80	86	16	1998	313	181	320	270	18
1971	40	44	88	12	1999	70	382	75	76	135
1972	22	33	26	9	2000	43	2 082	154	11	102
1973	19	44	24	4	2001	57	1 340	287	240	68
1974	22	28	36	6	2002	229	203	246	37	189
1975	14	9	36	8	2003	138	28	481	67	14
1976	10	19	21	1	2004	147	–	1	–	1
1977	10	20	12	5	2005	–	–	–	4	–
1978	21	6	25	2	2006	–	–	1	1	–
1979	11	1	2	1	2007	–	–	3	1	7
1980	3	4	2	7	2008	–	–	–	–	–
1981	2	3	5	–	2009	–	1	1	10	–
					Всего	37 377	42 056	44 239	18 814	6 651

Считаю уместным напомнить, что речь идет только о лицах, осужденных по политическим мотивам, без учета направленных в Западную Сибирь на спецпоселение (несколько сот тысяч человек), реабилитацией этой категорией граждан занимались органы внутренних дел страны. Осужденные же по ст. 61 УК РСФСР («За отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих государственное значение») или по Закону от 7 августа 1932 г. («Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности») и целому ряду других указов и законов Советского государства реабилитации не подлежали. Между тем осуждение по этим правовым актам, не будучи провозглашенным официально, практически всегда подразумевало политический характер их применения.

В целом число репрессированных в рассматриваемый период времени только в Алтайском крае, Кемеровской и Томской областях и Республике Алтай составило около 97 тыс. чел. Анализ таблиц однозначно свидетельствует, что основным контингентом жертв репрессий являлось русское население – более 65% от общего числа репрессированных. Далее «идут» украинцы (7,6%), немцы (5,65%), поляки (4,8%), белорусы (2,72%), латыши (1,75%) и др.

Эти данные опровергают утверждение отдельных иностранных исследователей о том, что «всеобщая программа массового уничтожения» определялась русским национальным шовинизмом и что к смертной казни приговаривалось преимущественно население нерусских национальностей⁴³. Хотя если рассматривать в процентном отношении число репрессированных к проживавшему на территории Западной Сибири населению, то может показаться, что они правы. Так, в Кузбассе были расстреляны все арестованные калмыки и чеченцы (соответственно 15 и 10 чел.). Среди расстрелянных оказались 82,29% корейцев, 84,7% карелов, 83,8% австрийцев, 83,3% туркмен, 80,16% китайцев, 81,8% латышей, по 80% бурят и ассирийцев, 76,9% поляков, 58,5% немцев, 57,8% литовцев и т.п. В Томске в числе наиболее пострадавших в процентном отношении оказались китайцы – 97,3%, корейцы – 88,9%, финны – 84,9%, поляки – почти 82% и татары – 63%. На Алтае таковыми оказались венгры –

⁴³ См.: Кип Джон, Литвин Алтер. Эпоха Сталина в России. Современная историография / пер. с англ. В.И. Мутузовой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РОССПЭН ; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. С. 142, 153–154. Их позицию, в частности, разделяет В.П. Булдаков. Он пишет, что «если в среднем «тройками» приговаривалось к высшей мере наказания почти 50% арестованных, то по «национальным» делам – 71,3%. При этом процент расстрелянных по «польской линии» (самой крупной) был много выше этой цифры... – в период с 25 августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г. было расстреляно 79,4% всех осужденных... По греческой, финской и эстонской линиям ставили к стенке с еще большей легкостью». См.: Булдаков В.П. Красная смута... С. 569. Бездоказательность его заявления позволяет ему, ведя речь об анализе национального состава руководящих работников НКВД, голословно заявить в отношении лиц еврейской национальности: «По всему видно, что репрессии против евреев стали побочной частью «национальных» – польской, немецкой и т.п. – операций «Большого террора». Там же. С. 878. Во-первых, никаких специальных операций по репрессированию лиц еврейской национальности в СССР не проводилось, во-вторых, представители целого ряда других национальностей пострадали от репрессий в гораздо большей степени, чем евреи, но и по ним органами НКВД никаких целенаправленных операций не проводилось.

73%, румыны – 69,23%, белорусы – 65,1%, латыши – 62,95%, поляки – 61,48%, эстонцы – 59,6%⁴⁴. В данном случае уместно всего одно замечание – представители указанных наций и народностей не являлись преобладающим населением в названных субъектах и численность их исчислялась обычно несколькими десятками или сотнями человек – см. табл. 17. Даже в Ойротии, где коренное население было преобладающим, число репрессированных лиц иных национальностей много выше числа репрессированных представителей этого коренного населения.

В качестве дополнительного примера можно привести данные, что русских в Томске было арестовано более 14 тыс. чел., что составило 68% от общего числа арестованных, расстрелу подверглись 47% из них, т.е. более 6,5 тыс. чел. В Кузбассе из 28 526 чел. арестованных русских были расстреляны 13 692, т.е. 44,33%. На Алтае эти цифры составили 29 144 и 9 168 чел. (31,5%). Даже в Республике Алтай и только в довоенный период число арестованных русских жителей в два раза превысило число арестованных коренных жителей – алтайцев – 4 176 и 2 038 чел. соответственно. Из них, по подсчету автора, расстрелу подверглись 1 059 чел. русских и 534 алтайца, что также соответствует пропорции, характерной для указанного числа арестованных.

Напомню, что в Западной Сибири проживали более ста наций и народностей, а репрессиям подверглись представители менее половины из них. При этом число репрессированных среди мордовского населения (третьего по численности проживавших в регионе) составило 0,77%, татар и казахов – четвертых и шестых по численности – соответственно 0,57 и 0,19%. Так, например, из 30 тыс. казахов, проживавших на Алтае и в Республике Алтай, репрессиям подверглись 270 чел. А у отдельных многотысячных по составу коренных национальностей число репрессированных исчислялось несколькими десятками человек. Более того, линейных приказов было издано только двенадцать. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что приказы издавались для реализации по всему СССР без учета реального проживания в регионах представителей тех или иных народностей. Даже с учетом насильственных депортаций периода Великой Отечественной войны общее число народов, подвергшихся репрессиям, исчисляется несколькими десятками. Во-вторых, наличие оперативных учетов в органах НКВД и регулярное обновление их через систему властных структур в стране позволяло отслеживать необходимые «оперативные» контингенты, незамедлительно проводя их аресты в случае «надобности». В-третьих, следует учитывать наличие регулярно поступающих от руководства НКВД указаний и команд о необходимости скорейшего «выкорчевывания» вражеских агентов, диверсантов и шпионов, что без очевидной фальсификации материалов сделать было невозможно и на что шли сотрудники органов НКВД на местах. В случае отсутствия необходимых национальных контингентов производились аресты любых других инонационалов, как в описанном выше примере по Алтаю, когда в числе 26 «шпионов и диверсантов» оказались представители 8 национальностей. При недостатке представителей «нужных» национальностей «необходимые» националы объявлялись руководителями «вскрытых» «контрреволюционных» организаций, но с нужной национальной окраской.

⁴⁴ Подсчитано автором по базам данных репрессированных жителей названных субъектов.

**Национальный состав репрессированных на территории современных Томской, Кемеровской областей
и Алтайского края в 1920–1941 гг.**

Национальная принадлежность	1919–1930 гг.				1931–1941 гг.				Всего
	Томская область	Алтайский край	Кемеровская область	Всего	Томская область	Алтайский край	Кемеровская область	Всего	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Русские	1 934	3 706	1 655	7 295	10 523	20 542	27 787	58 852	66 147
Поляки	59	11	24	94	1 381	834	2 100	4 315	4 409
Украинцы	53	334	108	495	895	2 545	3 390	6 830	7 325
Белорусы	39	21	30	90	544	759	1 147	2 450	2 540
Немцы	22	147	17	186	479	2 443	2 159	5 081	5 267
Латыши	14	5	12	31	440	263	868	1 571	1 602
Евреи	56	13	7	76	330	126	385	841	917
Эстонцы	19	3	14	36	229	229	615	1 073	1 109
Татары	22	4			167	46	300	513	
Литовцы	7	1	2	10	83	43	150	276	286
Финны	–	–	–	–	83	18	80	181	–
Карелы	–	–	–	–	81	1	143	225	–
Корейцы	1	–	–	–	79	57	157	293	–
Китайцы	1	3	–	–	72	163	229	464	–
Мордва	–	26	–	–	66	227	400	693	–
Чуваши	–	3	–	–	58	21	–	–	–
Армяне	1	–	–	–	52	15	–	–	–
Чехи	2	1	–	–	31	20	–	–	–
Австрийцы	1	–	–	–	29	52	–	–	–
Венгры	3	–	–	–	21	84	–	–	–
Грузины	1	–	–	–	23	44	–	–	–
Молдаване	–	–	–	–	24	18	–	–	–
Селькупы	12	–	–	–	10	–	–	–	–
Греки	1	–	–	–	18	11	–	–	–
Румыны	1	1	–	–	17	26	–	–	–
Болгары	–	–	–	–	17	16	–	–	–
Башкиры	–	–	–	–	16	–	–	–	–
Буряты	–	–	–	–	9	1	–	–	–

Продолжение табл. 17

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Сербы	2	-			6	3			
Марийцы	-	1			7	-			
Хакасы	-	-			6	-			
Удмурты	-	1			4	5			
Кабардинцы	-	-			4	-			
Цыгане	1	-			3	1			
Коми	-	1			3	5			
Черкесы	-	1			3	-			
Словаки	-	-			3	-			
Итальянцы	1	-			1	4			
Казахи	-	1			2	103	63	168	
Калмыки	-	1			2	-			
Хорваты	-	1			2	-			
Осетины	-	-			2	1			
Хорваты	-	-			2	-			
Шведы	-	-			2	-			
Якуты	-	-			2	-			
Японцы	-	-			2	-			
Узбеки	-	-			2	-			
Киргизы	-	4			1	6			
Алтайцы	-	3			1	18			
Англичане	-	-			1	-			
Дагчане	-	-			1	-			
Норвежцы	-	-			1	-			
Ногайцы	-	-			1	-			
Черногорцы	1	-			-	-			
Чеченцы	-	-			1	-			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Югославы	–	1			–	–			
Турки	–	–			–	4			
Французы	–	–			–	2			
Кумандинцы	–	–			–	7			
Лезгины	–	–			–	2			
Швейцарцы	–	–			–	2			
Уйгуры	–	–			–	1			
Шорцы	–	–			–	1	151	152	
Телеуты	–	–			–	1			
Не указано	–	106			–	961			
Всего	2 254	4 400			15 839*	29 731			~90 000

*Данные по Томской области на 1 июля 1941 г.

Примечание. Подсчитано автором по результатам обработки баз данных репрессированных жителей Томской области. Данные по Алтайскому краю – результат выборки из статистических данных, опубликованных в Книге Памяти «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае». Сведения по Кемеровской области представлены канд. ист. наук В. Онищенко, но не в полном объеме, поэтому позиции таблицы заполнены частично.

Национальный состав репрессированных на территории современных Томской и Кемеровской областей, Алтайского края и Республики Алтай (1931–1941 гг.)

Национальная принадлежность	Количество проживавших на территории Западной Сибири, чел.	В том числе в Новосибир. обл. и Алтай. крае, чел.	Количество репрессированных					% к числу проживавших	% к числу репрессированных
			Томская область	Кемеровская область	Алтайский край	Республика Алтай	Всего		
Русские	7 620 518	5 730 611 (1)*	10 523	27 787	20 542	2 534	61 386	1,07	63,3
Украинцы	483 105	324 605 (2)	895	3 390	2 445	15	6 845	2,11	7,06
Татары	161 909	70 033 (4)	167	300	46	2	515	0,74	0,53
Немцы	101 429	41 597 (9)	479	2 159	2 443	34	5 115	12,3	5,27
Казахи	99 479	47 588 (6)	2	63	103	308	476	1,0	0,49
Мордва	89 627	81 862 (3)	66	400	227	12	693	~0,85	0,71
Белорусы	63 923	48 667 (5)	544	1 147	759	12	2 462	5,06	2,54
Чуваши	55 918	45 095 (7)	58	—	21	—	—	—	—
Ойроты	44 988	44 093 (8)	—	—	—	1 102	—	~2,5	~1,14
Коми	24 074	9 140 (15)	3	—	5	—	—	—	—
Поляки	21 805	14 588 (11)	1 381	2 100	834	59	4 374	30,0	4,5
Евреи	20 814	14 092 (12)	330	385	126	14	855	6,06	0,88
Эстонцы	18 831	10 994 (13)	229	615	229	17	1 090	9,9	1,12
Ханты	18 377	Нет данных	—	—	—	—	—	—	—
Латыши и латгалыцы	18 172	10 757 (14)	440	868	263	37	1 608	14,95	1,66
Шорцы	14 811	14 801 (10)	—	151	1	3	155	1,05	0,16
Ненцы	14 508	12	—	—	—	—	—	—	—
Удмурты	9 091	8 609 (16)	4	—	5	—	—	—	—
Манси	5 871	7	—	—	—	—	—	—	—
Цыгане	4 578	3 340 (18)	3	—	1	—	—	—	—
Башкиры	3 965	3 468 (17)	16	—	—	—	—	—	—
Литовцы	3 451	2 894 (19)	83	150	43	12	288	7,19	0,3

* Цифра в скобках показывает рейтинговый показатель численности проживавших.

В табл. 18 представлены количественные показатели национального состава репрессированных на территории современных Томской и Кемеровской областей, Алтайского края и Республики Алтай в 1931–1941 гг. **наиболее крупных национальных диаспор.** В основу таблицы положены результаты Всесоюзной переписи населения 1939 г. и данные автоматизированных баз данных репрессированных жителей названных регионов.

На протяжении многих лет не утихали дискуссии о том, почему в 1960-х гг. процесс реабилитации замедлился, а потом практически прекратился. Одна часть исследователей считает, что уже в эти годы были предприняты первые попытки реабилитации Сталина, а по этой причине будировать тему репрессий было нецелесообразно. Другие, на мой взгляд, справедливо полагают, что в политический курс страны были внесены существенные коррективы – советские граждане приступили к реализации конечной цели развития советского общества – построению коммунизма. Перед населением страны были поставлены новые цели и задачи – началась новая кампания, что было явлением обычным для советского государства. А процесс реабилитации так и не был завершен – бюрократическая машина сначала затормозила, а к середине 1970-х гг. практически прекратила эту работу.

Тема массовых репрессий и реабилитации постепенно была «изъята» высшим партийным руководством из жизни страны, и поколение 1970–1980-х гг. уже мало что знало об этом. Официальная доктрина требовала умолчания. О культе личности Сталина или докладе Н. Хрущева на XX съезде КПСС в эти годы уже практически не говорили, даже на исторических и юридических факультетах вузов об этом обычно упоминали вскользь. Одна из причин – то, что многие из тогдашних руководителей страны лично принимали непосредственное участие в организации и проведении массовых репрессий против собственного народа. Инициировав процесс реабилитации, они, в первую очередь, преследовали личные цели, связанные с их собственным положением, с обеспечением личной безопасности партийного и государственного руководства.

4.3. Новый этап реабилитации жертв массовых репрессий (конец 1980-х – 2000-е гг.)

Начало демократических преобразований в стране способствовало актуализации темы массовых репрессий. Страницы газет и журналов буквально захлестнула волна публикаций, связанных с темой массовых репрессий, – появились десятки художественных произведений, публиковались мемуары очевидцев и участников тех страшных событий, на телевидении и в кинотеатрах стали выходить публицистические телепередачи и демонстрироваться художественные фильмы. Все это было новым, необычным, привлекало внимание и вызывало неподдельный интерес, но очень часто не давало объективной картины происшедшего в еще недалеком прошлом нашей страны – субъективизм авторов очень часто искажал истину.

В этих условиях начала работу созданная в сентябре 1987 г. Комиссия Политбюро ЦК КПСС по изучению фактов и документов, связанных с репрессиями 1930–1950-х гг. В июле 1988 г. вышло Постановление ЦК КПСС «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией лиц, необоснованно репрессированных в 30–40-е годы и начале 50-х годов», в соответствии с которым Прокуратуре и КГБ СССР поручалось продолжить работу по пересмотру дел, а судебным органам незамедлительно их рассмотреть. Работа должна была вестись независимо от наличия заявлений или жалоб граждан. Организация работы на местах предусматривалась Указанием Генерального прокурора СССР и Председателя КГБ СССР № 42с/13/40с от 30 июля 1988 г., детализировавшим положения партийного постановления и вводившим в действие порядок пересмотра уголовных дел.

Следует заметить, что работа комиссии не предполагала реабилитации в широком масштабе. Публикации в журнале «Известия ЦК КПСС» и некоторых других изданиях результатов пересмотра следственных дел по нескольким крупным политическим процессам 1930-х гг. не способствовали активизации работы по реабилитации. В 1988 г. состоялось семь заседаний Комиссии, на которых были рассмотрены материалы нескольких крупных политических процессов 1930–1940-х гг. Всего в Комиссию Политбюро ЦК КПСС в 1988 г. поступило 6 587 обращений граждан, в 1989 г. – 6 327⁴⁵.

Однако постановление ЦК КПСС не выполнило той роли, каковая предполагалась, тем более что не был отработан механизм пересмотра дел. В январе 1989 г. вышло очередное постановление ЦК КПСС по данному вопросу, но только принятие Верховным Советом СССР 16 января 1989 г. Указа «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий 30–40-х и начала 50-х годов» позволило четко определить круг вопросов и задать ускорение работе по реабилитации. Более конкретно было сформулировано вышедшее 4 февраля 1989 г. очередное Указание Генерального прокурора СССР и Председателя КГБ СССР № 4с/13/18с «О порядке исполнения Постановления ЦК КПСС от 5 января 1989 г. и Указа ПВС СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Указ осудил внесудебные массовые репрессии, признал антиконституционными действовавшие в указанный период «тройки» НКВД–УНКВД, коллегии ОГПУ и «Особые совещания» НКВД–МГБ–МВД СССР и отменил вынесенные ими решения, не отмененные к моменту издания настоящего Указа. Граждане, которые были репрессированы решениями этих органов, включая лиц, осужденных впоследствии за побег из мест незаконного спецпоселения, считались реабилитированными.

Это правило не распространялось «на изменников Родины и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступников, участников бандформирований и их пособников, работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а

⁴⁵ Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 330.

также лиц, совершивших умышленные убийства и другие уголовные преступления». В отношении данных лиц действовал установленный законом порядок обжалования приговоров и иных решений.

Указ также предусматривал участие Совета Министров СССР в решении вопросов пенсионного, жилищного и иного обеспечения реабилитированных. «Силовые» ведомства должны были определить порядок сообщения гражданам о реабилитации. На местные органы власти и общественность возлагались задачи по оказанию необходимой помощи реабилитированным, созданию памятников жертвам репрессий и содержанию в надлежащем порядке мест захоронений⁴⁶.

Следует заметить одно важное отличие: **в предыдущие годы пересмотр уголовных дел производился только сотрудниками прокуратуры** и только по заявлениям граждан. На органы КГБ возлагались задачи по розыску архивных дел, направлению их в суды, военные трибуналы и органы прокуратуры, а также по регистрации смерти расстрелянных через отделы ЗАГСов и рассмотрению заявлений о выплате компенсации за конфискованное имущество. **После выхода Указа задача пересмотра дел была возложена не только на органы прокуратуры, но и на сотрудников КГБ СССР.** Выдача справок о реабилитации также осуществлялась органами прокуратуры. Механизм пересмотра уголовных дел в отношении лиц, осужденных судами, трибуналами и внесудебными органами, оставался прежним.

Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» пересмотр уголовных дел вновь возложил непосредственно на органы прокуратуры, которые «с привлечением... органов госбезопасности и внутренних дел устанавливают и проверяют все дела с неотменными до введения в действие настоящего Закона решениями судов и несудебных органов на лиц, подлежащих реабилитации...»⁴⁷. За прокуратурой осталось право выдачи справок о реабилитации. В случае отсутствия конкретных заявителей сведения о реабилитации передавались для публикации в местной печати. Но замечу, что на практике этот механизм передачи информации в средства массовой информации так и не был отработан. В случае отсутствия оснований для реабилитации (при наличии заявлений от заинтересованных лиц или общественных организаций) заключения прокуратуры передавались в суд для судебного рассмотрения и вынесения решения.

При осуждении по суду решения принимали суды, которые выносили последние судебные решения. Территориальная подсудность дела определялась по месту вынесения последнего решения по делу, на осужденных внесудебными органами – Верховными судами автономных республик, областными, краевыми судами и судами автономных областей и округов. Решения в отношении военнослужащих принимали военные трибуналы округов и флотов, на территории которых действовали соответствующие внесудебные органы.

⁴⁶ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 186–187.

⁴⁷ Там же. С. 197.

Органы госбезопасности должны были знакомить реабилитированных или их родственников с материалами прекращенных уголовных дел, а также выдавать справки о реабилитации лицам, уголовные дела в отношении которых были прекращены органами госбезопасности в период следствия по реабилитирующим основаниям, а также выполнять отдельные поручения органов прокуратуры. По ходатайству заявителей (реабилитированных и их наследников) органы, осуществлявшие архивное хранение дел, связанных с репрессиями, обязывались передавать им сохранившиеся в делах личные документы, фотографии, рукописи. Кроме того, эти органы должны были сообщать причину и время смерти, а также место захоронения реабилитированного.

С осени 1988 г., еще до выхода январского Указа ПВС СССР, во всех республиканских, краевых и областных центрах начали действовать комиссии содействия реабилитации и увековечения памяти лиц, репрессированных в 1930–1940-е и начале 1950-х гг. В Томске такая комиссия была образована по инициативе областного исполнительного комитета и приступила к работе в октябре 1988 г. В состав комиссии вошел 21 чел. Её председателем был назначен секретарь Томского облисполкома Г.З. Парфёнов. Каких-либо четких указаний по структуре такого рода комиссий не было. В Томской комиссии были созданы три группы – содействия реабилитации, по решению социально-бытовых проблем реабилитированных и пресс-группа. Заседания комиссии проводились ежемесячно, прием граждан осуществлялся членами комиссии один раз в неделю в одном из кабинетов облисполкома. За первые пять месяцев работы в комиссию на прием обратились около ста человек⁴⁸.

Власть вновь оказалась не готова к работе по реабилитации. Об этом, в частности, свидетельствовало само название комиссии («содействия») и рабочих групп. Другим подтверждающим фактом может служить информация о количестве принятых заявителей – «около ста человек», т.е. работа комиссии не была гласной, не стала востребованной. Кроме того, в составе комиссии преимущественно преобладали чиновники, непосредственно не занятые решением практических вопросов по реабилитации.

Согласно Указанию № 4с/13/18с КГБ СССР от 4 февраля 1989 г. в территориальных органах были изданы соответствующие приказы об организации этой работы, в том числе и о создании рабочих групп из числа наиболее опытных оперативных работников и сотрудников следственных подразделений. В отдельных органах состав групп не был постоянным, но затем было принято решение о закреплении этих сотрудников на данных участках работы до её завершения с освобождением от других обязанностей. Это позволило организовать работу более интенсивно, так как не требовало времени на обучение привлеченных сотрудников. Учитывался и тот фактор, что каждый новый человек на первых порах тратил много времени на чтение и изучение (с учетом общественного резонанса и ажиотажа) материалов архивно-следственных дел – удовлетворял простое человеческое любопытство, ведь никто ранее, кроме сотрудников архивных подразделений, доступа к ним не имел.

⁴⁸ За отсутствием состава преступления // Красное знамя. 1989. 12 февр.

Механизм пересмотра архивных следственных дел практически во всех случаях был одинаков, независимо от наличия или отсутствия заявления, и заключался в следующем. После ознакомления с делом сотрудник осуществлял проверку по оперативным учетам органов госбезопасности и внутренних дел на предмет уточнения уже имевшихся или получения дополнительных сведений. В отдельных случаях это было вызвано отсутствием данных о судьбе осужденного. Например, в Томском управлении госбезопасности таких дел насчитывалось несколько десятков. Одновременно проводилось установление по адресному бюро родственников фигуранта(ов) или их самих, если приговор не предусматривал вынесение высшей меры наказания. К сожалению, проверка по учетам адресного бюро не всегда давала ожидаемый результат, особенно если устанавливались родственники по женской линии, так как, выйдя замуж, многие меняли фамилию и найти их было практически невозможно. Другим имевшим отрицательное значение фактором было изменение места жительства, связанное с переездом в другой регион. При наличии в деле каких-либо иных материалов, содержащих дополнительную информацию (хранящиеся в контрольно-наблюдательном деле материалы служебной переписки в отношении осужденного, письма, заявления, например, с просьбами о пересмотре дела, сообщения сведений о судьбе осужденного и т.п., материалы ранее проводимых проверок на предмет реабилитации и т.д.), поиски осужденного (если он оставался живым) либо его родственников для направления в их адрес справки о реабилитации продолжались. В случае отказа в реабилитации материалы проверки подшивались с мотивированным заключением, утвержденным прокуратурой области, в уже названное контрольно-наблюдательное дело, хранящееся вместе с уголовным делом. Если же контрольно-наблюдательное дело не было сформировано раньше, то оно оформлялось как новое и в последующем хранилось неразрывно с архивным уголовным делом. В случае смерти осужденного в органы ЗАГСа направлялось обращение с просьбой о внесении изменений в соответствующие записи причины его смерти.

В целях усовершенствования механизма документального оформления пересмотра дел сотрудниками территориальных органов госбезопасности в обязательном порядке по согласованию с органами прокуратуры отрабатывались формы унифицированных образцов документов – бланков и справок заключений, запросов, извещений и т.п. Эти документы всегда содержали исчерпывающий перечень необходимых сведений и данных, которые могли потребоваться реабилитируемому либо его родственникам в случае обращения в органы власти.

В первоочередном порядке пересматривались дела, по которым имелись заявления о реабилитации. Если уголовные дела носили персональный характер, то запросов не возникало. Однако если дела были групповыми, то ждать очередного заявления и вновь поднимать материалы было бы неправильным и неоправданным, так как все фигуранты признавались реабилитированными. В этих случаях заключения выносились по всем осужденным лицам.

Вот пример заключения, вынесенного по одному из следственных дел⁴⁹.

«УТВЕРЖДАЮ»

Прокурор Томской области
старший советник юстиции

И.Н. Крутов

28. 03. 1989 г.

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

в отношении МИРОНОВА АНДРЕЯ СЕРГЕЕВИЧА по материалам уголовного дела (арх. № 192)

Фамилия, имя, отчество Миронов Андрей Сергеевич

Дата и год рождения 1891

Место рождения с. Кармалы Чистопольского уезда Казанской губернии

Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) б/п

Место работы и должность до ареста Военторг, бухгалтер расчетной группы.

Данные о родственниках Жена – Миронова Анна Николаевна, 1907 г.р., дочь – Миронова Людмила Андреевна, 1924 г.р., сын – Байченко Арнольд Андреевич, 1927 г.р. Проживали по адресу: г. Томск, ул. Спасская, 14, кв. 2.

Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу Арестован 27 июля 1937 года. Обвинялся в том, что является активным участником контрреволюционной монархической организации. 7 сентября заседанием Тройки Управления НКВД Запсибкрая приговорен к ВМН. 20 сентября 1937 года приговор приведен в исполнение.

Миронов Андрей Сергеевич, подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Помощник прокурора (прокурор Управления, отдела)

Л.И. Колесова

Начальник подразделения КГБ УКГБ

Ю.А. Петрухин

Разработка унифицированных бланков позволила намного облегчить и ускорить документальное оформление результатов работы по пересмотру архивно-следственных дел. Только в 1989 г. органы госбезопасности Сибири пересмотрели более **25 тыс.** дел. Число реабилитированных в этом году на Алтае составило 8 734 чел., в Томской области – 3 468, в Новосибирской – 4 561, в Кемеровской – 4 373, в Республике Алтай – 261, всего – 21 397 чел.⁵⁰ В последующие годы наряду с «троечными» делами был продолжен пересмотр дел на лиц, репрессированных по решению воен-

⁴⁹ Уйманов В.Н. Указ. соч. С.230. Недостатком подобной практики, на мой взгляд, было то, что иные лица, проходившие по уголовным делам, например, освобожденные либо умершие в процессе следствия, «выпадали» из процесса пересмотра, и заключения по ним не выносились.

⁵⁰ А.Г. Петров приводит данные, что по Указу ПВС СССР от 16 января 1989 г. к 25 июля 1989 г. было реабилитировано 235 тыс. чел., а в течение 1989–1990 гг. – 917 тыс. чел. См.: Петров А.Г. Указ. соч. С. 144, 136. Но при этом он говорит о пересмотре органами прокуратуры в этот же период около 800 тыс. дел, по которым было реабилитировано 1 млн 5 тыс. 114 чел. Там же. С. 144.

ных трибуналов и судами различных инстанций. Сложность этой работы заключалась в том, что процесс пересмотра замедлялся по причине необходимости реабилитации человека соответствующим органом того субъекта, где он был осужден. Некоторые из направленных в военные трибуналы и Верховные суды (тогда еще союзных республик) дела не возвращались по году и более, несмотря на неоднократные напоминания. Причины были на поверхности – практически все органы госбезопасности занимались вопросами реабилитации, и дела «со стороны» не являлись первоочередными для рассмотрения. Главное же заключалось в том, что уже начался процесс развала СССР и в ряде республик начали просто игнорировать запросы из органов госбезопасности России – сначала это были «страны Балтии», а затем Украина, особенно её западные области. Игнорировались даже запросы в отношении коренных жителей этих новых стран.

После возвращения утвержденного заключения из прокуратуры в соответствующие органы ЗАГС направлялось извещение о необходимости внесения изменений в актовые записи об истинных причинах смерти того или иного человека и выдачи свидетельства о смерти репрессированного гражданина родственникам. Этот акт был одним из важнейших, так как ранее, в период с 1955 по 1963 г., родственникам выдавали свидетельства, в которых были указаны вымышленные причины и даты смерти. Такой порядок ответов на обращения граждан, приговоренных к ВМН – расстрелу несудебными органами, был установлен в соответствии с совершенно секретным указанием КГБ СССР № 108сс от 24 августа 1955 г. Указание предусматривало следующий механизм информирования заявителей:

«...1. На запросы граждан **о судьбе осужденных за контр-революционную деятельность к ВМН** (здесь и далее выделено мною. – В.У.) бывш[ей] Коллегией ОГПУ, тройками ПП ОГПУ и НКВД–УНКВД и Особыми совещаниями при НКВД СССР органы КГБ **сообщают устно, что осужденные были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах заключения.**

Такие **ответы, как правило, даются только членам семьи осужденного:** родителям, жене-мужу, детям, братьям-сестрам. Гражданам, проживающим вне областных, краевых и республиканских центров, устные ответы даются через районные аппараты КГБ, а там, где таковых нет, – через районные аппараты милиции, согласно письменному уведомлению органа КГБ в каждом отдельном случае.

2. **В необходимых случаях** при разрешении родственниками осужденных имущественных и правовых вопросов (оформление наследства, раздел имущества, оформление пенсии, регистрация брака) и в других случаях по требованиям родственников **производится регистрация смерти осужденного к ВМН в ЗАГСах по месту их жительства до ареста**, после чего родственникам осужденного выдается установленного образца свидетельство о смерти осужденного.

В таком же порядке регистрируется смерть осужденных к ВМН, если они впоследствии были реабилитированы.

3. Разрешение о регистрации смерти осужденных по делам, расследование по которым производилось по линии органов государственной безопасности, принима-

ются председателями комитетов госбезопасности при Советах Министров союзных и автономных республик, начальниками краевых и областных управлений КГБ (в том числе управлений областей республиканского и краевого подчинения).

4. Указания ЗАГСам о регистрации смерти осужденных даются органами КГБ через управления милиции. В них сообщаются: фамилия, имя, отчество, год рождения и **дата смерти осужденного (определяется в пределах десяти лет со дня его ареста), причина смерти (приблизительно)** и место жительства осужденного до ареста.

5. Регистрация в ЗАГСах смерти осужденных Военной Коллегией Верховного суда СССР производится по указаниям Военной коллегии Верховного суда СССР.

6. **О данных заявителю ответах о смерти осужденных** учетно-архивные отделы КГБ–УКГБ направляют письменные уведомления в первые спецотделы МВД–УМВД по месту ведения следствия для производства отметок в оперативно-справочных картотеках **с обязательным указанием сообщенной заявителю даты и причины смерти**. Если смерть зарегистрирована в ЗАГСе, в учетных карточках оперативно-справочных картотек МВД–УМВД делается запись: «Смерть зарегистрирована в ЗАГСе». Одновременно учетно-архивные отделы КГБ–УКГБ направляют соответствующие уведомления в Первый спецотдел МВД СССР для производства таких же отметок в Центральной оперативно-справочной картотеке.

Если осужденные в результате пересмотра дела реабилитированы и сняты с оперативного учета, отметки о данных заявителям ответах производятся в учетных карточках на прекращенные дела.

7. Переписка по заявлениям граждан о судьбе осужденных к ВМН приобщается к архивно-следственным делам на осужденных»⁵¹.

Представленный в указании **механизм предусматривал** двойную, если не тройную, **систему подстраховки недопущения возможной утечки информации о расстрелах осужденных в годы массовых репрессий**. Вне всякого сомнения, выход этого указания не мог быть инициативой КГБ СССР, его положения и отдельные формулировки многократно выверялись и согласовывались в самых высоких партийных кабинетах и инстанциях. Заложенная в указании ложь не позволяла даже ближайшим родственникам узнать правду о трагической судьбе репрессированных родных и близких. Те, кто десятилетиями пытался узнать правду, направляя запросы, письма и заявления в разные инстанции, всегда получали ответы с одной и той же информацией – четко налаженная система учетов сбоев не допускала.

В период с 1963 по 1989 г. смерти расстрелянных регистрировались в отделах ЗАГСов с указанием точной даты смерти, но без указания причины. В случае обращения родственников с заявлениями о выдаче свидетельств о смерти, смерть которых была зарегистрирована в 1955–1963 гг. от «болезни» в местах заключения, им выдавалось свидетельство, аналогичное выданному ранее. Сведения о дате расстрела и причинах смерти не сообщались. Порядок изменился только после выхода Указа 1989 г., когда стали выдавать свидетельства с указанием точной даты и причины смерти.

⁵¹ Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 231–232.

Заключения, выносимые сотрудниками подразделений УМВД, несколько отличались от заключений сотрудников органов госбезопасности, но содержали все необходимые для принятия решения о реабилитации или отказе в таковой сведения. Существование материалов излагалось в произвольной форме с обязательным указанием сроков нахождения на поселении. Также заключение содержало запись о принятом по обращению решении и направлении справки о реабилитации с указанием точного адреса. Составленное заключение проверял начальник отдела, согласовывал начальник информационного центра и утверждал заместитель начальника УМВД субъекта, курирующий это направление деятельности.

Потребовались десятилетия, чтобы близкие смогли получить документ с правдивой информацией о судьбе дорогих им людей и возможность отдать им посмертные почести и знаки памяти.

В августе 1990 г. вышел в свет Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов», признавший наличие в СССР на протяжении нескольких десятилетий массовых репрессий, что стало возможным в силу того, что Сталин и его ближайшее «окружение присвоили практически неограниченную власть, лишив советский народ свобод, которые в демократическом обществе считаются естественными и неотъемлемыми». Указ констатировал, что восстановление справедливости велось непоследовательно и, по существу, прекратилось уже во второй половине 1960-х гг. Приведенные выше таблицы однозначно подтверждают этот факт. Несмотря на проведенную специальной комиссией работу по реабилитации жертв репрессий, принятие целого ряда документов, отменивших многие незаконные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению из родных мест, по восстановлению в правах жертв произвола и т.п., в Указе отмечалось, что «...еще не подняты тысячи судебных дел. Пятно несправедливости до сих пор не снято с советских людей, невинно пострадавших во время насильственной коллективизации, подвергнутых заключению, выселенных с семьями в отдаленные районы без средств к существованию, без права голоса, даже без объявления срока лишения свободы». Реабилитации также подлежали репрессированные представители духовенства и граждане, преследовавшиеся по религиозным мотивам.

Репрессии против крестьянства в период коллективизации, а также в отношении других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам в 1920–1950-х гг. признавались незаконными, противоречащими гражданским и социально-экономическим правам человека; права всем вышеназванным категориям граждан восстанавливались⁵².

Однако следует признать, что этот документ так и не был полностью реализован, в частности, по причине распада СССР на отдельные государства. Процесс разрушения одного из крупнейших государств мира очень сильно повлиял на решение вопросов реабилитации граждан, так как практически мгновенно перестали признаваться государственно-социальными органами справки и иные документы о реабили-

⁵² Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 189–191.

тации, если они были выданы органами власти другого государства (другой бывшей союзной республики), что лишало людей соответствующих компенсаций и льгот. И сегодня, по прошествии лет, проблема до конца не решена.

Другим фактором, заметно повлиявшим на процесс реабилитации, стало смещение политических акцентов в странах Балтии и на Украине в определении жертв массовых репрессий. Лица, участвовавшие в бандформированиях либо воевавшие на стороне фашистской Германии и её союзников, в этих странах были приравнены (даже с большими правами) к жертвам политических репрессий.

Такой подход противоречил и вышеназванному Указу Президента СССР и Указу ПВС СССР от 16 января 1989 г., но названные государства уже ими не руководствовались, принимая и издавая собственные документы. Политические амбиции лидеров названных стран возобладали над разумом и даже над международными правовыми решениями по осуждению фашизма и его разновидностей, необходимости предания суду нацистских преступников и их пособников независимо от места и времени совершения преступлений. Перечисленные указы, дополняемые другими нормативно-правовыми актами, действовали только на территории России.

Реабилитация явилась своеобразной призмой, через которую многие проблемы нашего общества проявились четче и ярче. В 1990-х гг. реабилитация превратилась в козырную карту, которую нещадно разыгрывали: и в предвыборной борьбе за депутатские кресла, и при разработке новых законов, и при реализации льгот, причитавшихся реабилитированным, и во многих других случаях.

В подтверждение приведу следующие примеры. В соответствии с Законом «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. и Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 декабря 1991 г. «О комиссиях по реабилитации жертв политических репрессий» глава администрации Томской области 23 марта 1992 г. подписал постановление № 119 об утверждении комиссии по реабилитации жертв политических репрессий в составе 12 чел. под руководством заместителя главы администрации В. Бауэра. Этим документом предусматривалось также создание в УВД подразделения для работы по реабилитации, изготовление администрацией области временных удостоверений на право получения льгот (почему временных, а не установленного образца, единого для всей страны, – это еще один пример роли государства в решении этого вопроса), а также подготовка записки в Правительство РФ об ускорении исполнения названного Закона.

Но уже 20 мая 1992 г. малый Совет Томского областного совета народных депутатов принял решение № 97 «О положении о комиссии по реабилитации жертв политических репрессий», которое предполагало «с учетом специфики области подготовить дополнения к положению, утвержденному Президиумом Верховного Совета РФ, согласованные с исполнительными органами власти, финансовым управлением, органами социальной защиты населения, прокуратуры, внутренних дел и безопасности и внести их для рассмотрения на очередную сессию малого Совета».

На очередной сессии малого Совета предполагалось утвердить и состав областной комиссии по реабилитации. Согласно данному решению бывший председатель

областной комиссии утверждался уже в должности первого заместителя председателя комиссии. Кроме того, вводилась дополнительно должность заместителя от общественных организаций. Количественный состав комиссии прописан не был. В Положении о комиссии предполагалось формирование штата комиссии, где предусматривались должности референта, секретаря-машинистки, освобожденных работников и совместителей, работавших по контракту.

Комиссия обеспечивалась за счет средств администрации области «помещениями и средствами оргтехники: компьютером, принтером, средствами микрофильмирования, диктофоном и картотеками для информационно-аналитического обеспечения, телефоном, малой оргтехникой (канцтовары, бумага), оборудованием рабочих мест и помещений (мебель, сейф и пр.). Комиссия имела возможность использовать факс, копировальную и множительную технику. Председатель имел право вызова служебного автомобиля. Финансирование комиссии осуществлялось за счет областного бюджета на содержание местных органов власти и управления.

Немалый интерес представляли функции комиссии. Первые пять подпунктов начинались со слов: «осуществляет контроль», «координирует работу», «организует совместно с правоохранительными органами», «изучает и анализирует работу государственных органов», «вносит... предложения» и только в следующем подпункте предполагалось рассмотрение и разрешение жалоб и заявлений реабилитированных на действия и решения городских и районных комиссий по реабилитации и органов исполнительной власти, т.е. что-то конкретное по деятельности комиссии. Властность просматривалась и в разделах о полномочиях комиссии, и в регламенте её работы – комиссия облакала себя полномочиями органа исполнительной власти, а решения, принятые в рамках её компетенции, были «обязательны для исполнения должностными лицами на территории Томской области»⁵³.

Анализ документа позволяет осознать «значимость и важность» создаваемой структуры, но её функции мало напоминали функции действительно рабочего органа, призванного решать достаточно сложные и серьезные задачи по реабилитации жертв массовых репрессий. Здесь ярко просматриваются элемент самолюбования депутатов – авторов Положения и некоторая напыщенность в формулировках и содержании документа. Возможно, это следствие того, что к разработке Положения не была привлечена ни одна из структур, которым предстояло непосредственно решать задачи по реабилитации.

Начавшийся в 1989 г. новый виток реабилитации был во многом превращен в политическую кампанию, разыгранную определенными политическими силами. Принятие новых законов, внесение изменений в ранее принятые, значительное расширение круга лиц, подлежащих признанию жертвами репрессий, не имели под собой экономической основы, что негативно сказывалось на всей работе. Более того, не завершив работу по реабилитации лиц, непосредственно пострадавших от репрессий, правоохранительные органы получали новые задачи – оформление признания пострадавшими от репрессий уже потомков репрессированных. Делать это надо было, но на практике привело к новому валу заявлений и обращений граждан в органы прокура-

⁵³ Копии рассмотренных документов хранятся в личном архиве автора.

туры, ФСБ и МВД. Объемы работ увеличивались, но подразделения, занимавшиеся решением этих задач, не укреплялись ни кадрами, ни материально. Это, в частности, привело к тому, что ответы на отдельные заявления задерживались на год и более.

Так, по данным информационного центра УВД Томского облисполкома, такая ситуация сложилась к концу 1994 г. В справке, подготовленной в адрес областной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, отмечалось, что в ИЦ УВД за 10 месяцев 1994 г. поступило 11125 письменных обращений граждан по вопросам реабилитации, из которых были рассмотрены 4 796. Остаток заявлений на 1 ноября составил 12 142, 1 017 из которых относились к обращениям 1993 г. Но за тот же период 1994 г. сотрудниками ИЦ было выдано 13 490 справок о реабилитации и 19 227 – о признании пострадавшими от политических репрессий. Только по рассмотренным заявлениям были реабилитированы 43 610 чел., в том числе 36 581 член семьи кулака, 5 520 лиц немецкой национальности, 968 членов семей социально опасных элементов, 108 лиц прибалтийских национальностей и 129 членов семей иеговистов. Вся эта работа была выполнена всего 10 сотрудниками информационного центра⁵⁴. Следует учесть, что в областной прокуратуре вопросами реабилитации граждан занимались 6 чел., а в управлении госбезопасности всего двое. Некоторое увеличение численности занимавшихся реабилитацией в последующем произошло в силу появления новых контингентов, подлежащих реабилитации. В данном случае на первый план вышли лица, подвергшиеся ссылке. В Томской области их насчитывалось несколько сот тысяч человек – более 105 тыс. семей.

Задержка с рассмотрением заявлений вызывала недовольство у обратившихся с просьбами, необоснованные претензии, что, в свою очередь, не способствовало решению возникавших вопросов и проблем.

Для более полного отражения сложившейся в органах внутренних дел Западной Сибири ситуации по реабилитации обратимся к табл. 19–21⁵⁵. Так, органами МВД в 6 субъектах Западной Сибири только за 2000–2009 гг. было рассмотрено 183 516 обращений граждан из 192 593 поступивших, что составило 95,3%. Более низкий процент был только в УВД Алтайского края и Томской области (90,35 и 92,3% соответственно). Доля обращений в органы МВД Западной Сибири составила 9,1% от всех обращений граждан по России, процент же рассмотренных составил 13,35%.

⁵⁴ Из личного архива автора. Ситуация, описанная на примере Томской области, была характерной практически для всех правоохранительных органов Сибири, так как именно эти районы явились местами массовой ссылки. Так, если на 1 января 1932 г. число спецпереселенцев в Западной Сибири достигало 265 846 чел., больше было только на Урале – 484 380, то на 1 января 1933 г. эти цифры составляли 227 684 и 365 539 чел. соответственно. А к 1 июля 1938 г. только в Новосибирской области число поселенцев достигло почти 200 тыс. чел. Ссылка в Сибирь продолжалась и в конце 1930-х и все 1940-е гг. См.: Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 122, 126. В 1992–1994 гг. в информационные центры органов МВД субъектов России поступило свыше 2 млн 40 тыс. заявлений, связанных с решением вопросов о реабилитации. См.: Петров А.Г. Указ. соч. С. 283.

⁵⁵ Таблицы 19–21 составлены на основе обработки автором данных, содержащихся в обзорах деятельности подразделений реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации информационных центров МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации за 2000–2009 гг. М. : ГИЦ МВД России.

**Сведения о результатах работы по рассмотрению обращений граждан о реабилитации
территориальными подразделениями МВД РФ Западной Сибири в 2000–2009 гг.**

Субъект Федерации	Год		2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
	Кол-во заявлений	2											
1	Всего	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Алтайский край	Всего заявлений*		4 931	5 137	4 314	2 955	2 916	2 777	3 576	3 108	1 743	1 644	33 101
	Из них рассмотрено / %		4 078/82,7	3 667/71,4	3 998/92,7	2 879/97,4	2 690/92,2	2 584/93,1	3 570/99,8	3 089/99,4	1 729/99,2	1 623/98,7	2 990/790,4
Кемеровская область	Всего заявлений		12 173	11 841	9 574	7 511	6 062	6 652	5 081	6 828	8 452	7 471	81 645
	Из них рассмотрено / %		11 926/98,0	11 076/93,5	9 053/94,6	6 855/91,3	5 940/98,0	6 636/99,8	4 996/98,3	6 159/90,2	8 374/99,1	7 351/98,4	7 836/96,0
Новосибирская область	Всего заявлений		3 389	3 965	3 449	2 739	2 608	2 169	3 364	2 206	1 464	1 486	26 839
	Из них рассмотрено / %		3 189/94,1	3 769/95,1	3 289/95,4	2 697/98,5	2 586/99,2	2 131/98,2	3 332/99,0	2 192/99,4	1 448/98,9	1 433/96,4	26 066/97,1
Омская область	Всего заявлений		4 537	4 417	3 155	3 055	2 750	2 722	2 577	2 689	2 510	3 700	32 112
	Из них рассмотрено / %		4 424/97,5	4 318/97,8	3 098/98,2	3 003/98,3	2 734/99,4	2 677/98,3	2 577/100	2 689/100	2 510/100	3 700/100	31 730/98,8
Томская область	Всего заявлений		2 669	3 128	2 884	2 487	2 269	1 615	1 132	977	789	656	18 606
	Из них рассмотрено / %		1 830/68,6	2 882/92,1	2 804/97,2	2 409/96,9	2 188/96,4	1 566/97,0	1 104/97,5	953/97,5	782/99,1	650/99,1	17 168/92,3
Республика Алтай	Всего заявлений		38	40	67	39	18	20	24	17	20	7	290
	Из них рассмотрено / %		37/97,4	37/92,5	63/94,0	39/100	18/100	20/100	24/100	14/82,4	20/100	7/100	279/96,2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Всего в 6 субъектах Западной Сибири**	Всего заявлений / % от кол-ва заявлений в России	27 737/15,3	28 528/8,7	23 443/6,7	18 786/6,5	16 623/6,5	15 955/6,8	15 754/8,5	15 825/14,0	14 978/14,5	14 964/17,7	19 2593/9,1
	Из них рассмотрено / %	24 424/91,7	25 749/90,3	22 305/95,1	17 882/95,2	16 156/97,2	15 614/97,9	15 603/99,0	15 096/95,4	14 863/99,2	14 764/98,7	18 351/695,3
Россия	Всего заявлений	18 0911	32 6726	351 145	289 090	254 263	234 463	186 095	112 842	103 301	84 521	2 123 357
	Из них рассмотрено / %	167 826/92,8	162 964/49,9	171 799/48,9	153 950/53,3	129 094/50,8	141 107/60,2	161 589/86,8	97 127/86,1	96 237/93,2	82 783/97,9	1 364 476/43

* В том числе с нерассмотренными в предыдущем отчетном периоде.

** Западная Сибирь без учета Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа.

Таблица 20
Сведения о выдаче справок о реабилитации (и признании пострадавшими) территориальными органами МВД РФ Западной Сибири в 2000–2009 гг.

Субъект Федерации	Количество справок	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Алтайский край	Выдано / % от рассмотренных заявлений	2 539/62,3	2 086/56,9	2 747/68,7	1 522/52,9	1 622/60,3	1 469/56,8	2 391/67,0	1 878/60,8	945/54,7	917/56,5	18 116/60,6
	Отказано / % от рассмотренных заявлений	591/14,5	579/15,8	514/12,9	358/12,4	287/10,7	314/12,2	319/8,9	409/13,2	242/14,0	202/12,4	3 815/12,8

Продолжение табл. 20

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Кемеровская область	Выдано / % от рассмотренных заявлений	7 009/51,2	6 007/54,2	3 104/34,3	2 243/32,7	2 234/37,6	2 184/32,9	1 266/25,3	1 156/18,8	1 261/15,1	989/13,5	27 453/33,6
	Отказано / % от рассмотренных заявлений	490/4,1	415/3,7	636/7,0	946/13,8	942/15,9	351/5,3	289/5,8	421/6,8	435/5,2	344/4,7	5 269/6,5
Новосибирская область	Выдано / % от рассмотренных заявлений	1 701/53,3	1 809/48,0	925/28,1	840/31,1	1 056/40,8	826/38,8	1 575/47,3	1 131/51,6	683/47,2	577/40,3	11 123/41,4
	Отказано / % от рассмотренных заявлений	12/0,4	7/0,2	4/0,1	2/-	2/0,1	3/0,1	2/0,1	103/4,7	51/3,5	65/4,5	251/0,94
Омская область	Выдано / % от рассмотренных заявлений	1 120/25,3	875/20,3	817/26,4	811/27,0	849/31,1	846/31,6	732/28,4	867/32,2	923/36,8	1 477/39,9	9 317/29,0
	Отказано / % от рассмотренных заявлений	921/20,8	583/13,5	279/9,0	146/4,9	227/8,3	194/7,2	154/9,0	557/20,7	286/11,4	682/18,4	4 029/12,5
Томская область	Выдано / % от рассмотренных заявлений	1 296/70,8	1 198/41,6	1 211/43,2	958/39,8	841/38,4	600/38,3	432/39,1	415/43,5	394/50,4	396/60,9	7 741/41,6

Окончание табл. 20

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	Отказано / % от рас- смотренных заявлений	10/0,5	317/11,0	874/31,2	1 091/45,3	1 008/46,1	757/48,3	560/50,7	446/46,8	340/43,5	220/33,8	5 623/30,2
	Выдано / % от рассмот- ренных за- явлений	13/35,1	23/62,2	30/47,6	18/46,2	6/33,3	5/25,0	7/29,2	10/71,4	6/30,0	4/57,1	122/42,1
Республика Алтай	Отказано / % от рас- смотренных заявлений	11/29,7	3/8,1	3/4,8	4/10,3	2/11,1	-	1 / 4,2	1/7,1	4/20,0	1/14,3	30/10,3
	Выдано / % от кол-ва выданных в России	13 678/18,6	11 998/16,3	8 834/10,7	6 392/8,9	6 608/10,3	5 930/6,9	6 403/5,3	5 457/7,9	4 212/8,1	4 360/10,3	78 872/10,0
Всего в 6 субъ- ектах Западной Сибири	Отказано / % от рас- смотренных заявлений	2 035/6,0	1 904/5,6	2 310/6,6	2 547/8,3	2 468/10,0	1 619/6,3	1 325/5,8	1 937/10,0	1 358,8,5	1 514,11,4	19 017/7,4
	Выдано / % от рассмот- ренных за- явлений	73 499/43,8	73 621/45,2	82 407/48,0	71 853/46,7	64 132/48,1	85 600/60,7	121 179/75,0	69 363/71,4	51 946/54,0	42 525/51,4	736 125/34,7
Россия	Отказано / % от рас- смотренных заявлений	33 944/20,2	34 128/20,9	35 068/20,4	30 577/19,9	24 743/19,2	25 784/18,3	23 005/14,2	19 508/20,1	16 034/16,7	13 228/16,0	256 019/12,1

**Сведения о нагрузке сотрудников территориальных органов МВД РФ
Западной Сибири в 2000–2009 гг. при рассмотрении обращений граждан**

Субъект Федерации	Параметр	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
		2	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Кол-во сотрудников	10	10	10	8	8	8	8	8	7	8
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	407,8	366,7	399,8	359,9	336,3	323	446,3	386,1	247	202,9
Алтайский край	Кол-во сотрудников	8	7	10	11	7	7	7	7	7	7
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	1490,8	1582,3	905,3	623,2	848,6	948	713,7	975,4	1 196,3	1 050,1
Кемеровская область	Кол-во сотрудников	12	12	12	15	12	14	15	15	15	15
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	265,8	314,1	274,1	179,8	215,5	152,2	222,1	146,1	96,5	95,5
Новосибирская область	Кол-во сотрудников	12	15	14	11	6	10	11	10	20	20
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	368,7	287,9	221,3	273	455,6	267,7	234,3	268,9	125,5	185
Омская область	Кол-во сотрудников	12	15	14	11	6	10	11	10	20	20
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	368,7	287,9	221,3	273	455,6	267,7	234,3	268,9	125,5	185

Окончание табл. 21

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Томская область	Кол-во сотрудников	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	305	480,3	467,3	401,5	364,7	261	184	158,8	130,3	108,3
Республика Алтай	Кол-во сотрудников	1	1	1	1	1	2	1	2	2	2
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	37	37	63	39	18	10	24	7	10	3,5
В 6 субъектах Западной Сибири	Кол-во сотрудников	49	51	53	52	40	47	48	48	57	60
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	566	559,4	442,3	361,3	415,6	339,5	369,9	329,7	280,3	249,4
Россия	Кол-во сотрудников	439	449	467	486	501	555	572	577	590	631
	Кол-во рассмотренных обращений в расчете на 1 сотрудника	382,3	362,9	367,9	316,8	257,8	254,2	282,5	168,3	163,1	131,2

Наибольшее число обращений пришлось на УВД по Кемеровской области – 81 465, т.е. 42,4% от числа всех обращений по Западной Сибири, что, например, в 2,5 раза больше, чем в УВД Алтайского края и Омской области (33 101 и 32 112 соответственно). Рассмотрены были 78 366 из них – 96% от числа поступивших в УВД и 40,7 % от общего числа обращений по Западной Сибири. Выше процент рассмотренных обращений был только в Омской (98,8%) и Новосибирской (97,1%) областях. Начиная с 2001 г. число обращений в органы УВД Западной Сибири постоянно уменьшалось количественно, находясь в 2002–2005 гг. в диапазоне от 6,5 до 6,8% от общего числа обращений по стране, с последующим ростом до 17,7% в 2009 г. Этот показатель является косвенным подтверждением, что Западная Сибирь являлась местом наибольшего сосредоточения репрессированных. Увеличение числа обращений в некоторых УВД региона в период после 2005 г. вызвано тем, что в Закон о реабилитации были внесены дополнения от 4 ноября 2005 г. о реабилитации детей, находившихся на поселении с родителями, ранее этих детей признавали пострадавшими от репрессий.

Обращает на себя внимание тот факт, что организация работы по рассмотрению обращений граждан в органах УВД Западной Сибири была организована на очень высоком уровне исполнительской дисциплины. Во всех органах УВД с 2000 по 2009 г. только в трех случаях процент рассмотрения обращений граждан был ниже 90% – в Томской области – 68,6% в 2000 г. и на Алтае – 82,7 и 71,4% в 2000 и 2001 гг. соответственно. В отдельные отчетные периоды процент рассмотрения обращений достигал 100%. Если для Республики Алтай это было естественным в силу малочисленности обращений, то в Омской области такие показатели были достигнуты на протяжении последних четырех лет. Между тем как по России после 2001 г. процент рассмотрения обращений превысил 90% только в 2008 г., достигнув минимального показателя в 2002 г. – 48,9%, показатель в 60% был превышен только в 2005 г.

Если вести речь о выдаче документов по обращениям граждан, то анализ табл. 20 позволяет говорить о наличии разных подходов к рассмотрению обращений граждан. Наибольшее число справок о реабилитации или признании пострадавшими от репрессий было выдано УВД по Кемеровской области – 27 453, идущее на втором месте по этому показателю УВД по Алтайскому краю выдало 18 116 справок. Но если у кемеровчан число справок составляет 33,6% от общего числа рассмотренных обращений граждан, то на Алтае этот показатель был равен 60,6%, что на 19% больше, чем у томичей и новосибирцев (41,6 и 41,4% соответственно). В Республике Алтай этот показатель составил 42,1%, но там было выдано всего 122 справки. В Омской области были реабилитированы или признаны пострадавшими только 29% граждан, обратившихся с заявлениями в УВД. Более низкий процент при наибольшей выдаче документов по реабилитации в Кемеровской области объясняется только большим объемом поступивших обращений граждан – в несколько раз больше, чем в других органах.

В целом органами МВД Западной Сибири в рассматриваемый период было выдано 73 872 справки с положительными решениями, что составило 40,25% от всех рассмотренных обращений граждан по региону и 10% от числа выданных справок по России.

Интересные тенденции в этой работе просматриваются в результатах УВД Кемеровской и Омской областей. Если у первого начиная с 2001 г. (исключение – 2004 г.) наблюдается тенденция постоянного уменьшения (с 54,2 до 13,5%) выдачи положительных решений, то у второго в этот же период (исключение – 2006 г.) – тенденция роста с 20,3 до 39,9%. Найти какое-либо документально подтвержденное объяснение этому сложно. Можно, пожалуй, вести речь лишь о роли субъективного фактора при рассмотрении обращений граждан.

Еще более интересная картина просматривается с отказами в реабилитации или признании пострадавшими. Наибольшее число отказов зафиксировано в Томской области – 30,2% (по 5 623 обращениям), а наименьшее – в Новосибирской области – 0,94% (по 251 обращению), притом, что в Томской области было рассмотрено 17 168 обращений, а в Новосибирской области – 26 066 обращений граждан. В Кемеровской области число отказов составило 5 269 (6,5%), в Алтайском крае – 3 815 (12,8%), в Омской области – 4 029 (12,5%), в Республике Алтай – 30 (10,3%). В целом по Западной Сибири было отказано каждому десятому из обратившихся (10,36% – 19 017 обращений), что меньше показателей по России, где отказы получили 12,1% обратившихся. Но, например, в Томской области в 2003–2008 гг. этот показатель не опускался ниже 43,5%, в 2006 г. превысив отметку в 50% (50,7%). В Новосибирской же области процент «отказников» на протяжении 5 лет (с 2002 по 2006 г.) был на уровне 0,1% и ниже. Данные статистические показатели, на мой взгляд, являются прямым подтверждением отсутствия единого подхода к рассмотрению обращений граждан. Решение судеб людей во многом зависело от подходов к рассмотрению обращений и компетенции сотрудников, занимавшихся этой работой. Вести речь о какой-либо предвзятости было бы неверно. Однако наличие подобной ситуации привело к тому, что тысячам граждан выданы документы, подтверждавшие или, наоборот, не подтверждавшие их невиновность, за совершение одних и тех же действий и проступков. Были ли соблюдены при этом объективность и законность?

Дополняет картину о работе по реабилитации в территориальных органах МВД Западной Сибири табл. 21, в которой отражена нагрузка на одного сотрудника при рассмотрении обращений граждан. Наибольшая нагрузка приходилась на сотрудников УВД по Кемеровской области – от 623,2 до 1 582,3 рассмотренного обращения на одного сотрудника в год, т.е. почти от двух до четырех-пяти заявлений граждан в день. Зная механизм работы по реабилитации, поверить в это сложно, скорее всего, для работы привлекались сотрудники из других подразделений. Минимальные показатели приходятся на Республику Алтай, опять-таки в силу малочисленности обращений. В других органах милиции Западной Сибири никто не приблизился к показателям кемеровчан. В сравнении с показателями по России в Западной Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода эти показатели были выше, достигая в отдельные годы почти двукратного превышения. Но в целом приведенные данные могут свидетельствовать о высокой организации работы в управлениях внутренних дел Западной Сибири.

Что касается категорий репрессированных, то представление о них может дать табл. 22.

Т а б л и ц а 22
Сведения о количестве заявлений граждан, поступивших в органы МВД России в 2000–2009 гг. (по категориям репрессированных)

Категории репрессированных	Кол-во поступивших заявлений / % от общего количества поступивших заявлений (по годам)										Всего
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	
Кулаки и члены их семей	78 754/46,05	74 491/30,9	72 146/38,2	63 484/44,8	46 389/38,4	38 738/34,2	26 431/19,55	22 410/23,6	19 123/21,7	16 080/20,5	458 046/33,3
Лица, репрессированные по национальному признаку	73 838/43,2	148 888/61,8	98 803/52,4	62 873/44,4	57 947/47,9	59 106/52,2	95 461/70,6	60 574/63,9	57 762/65,4	50 290/64,2	765 542/55,7
Репатрированные российские граждане (военнопленные и гражданские лица), служившие в строевых и специальных формированиях немцев-фашистских войск, полиции	2 231/1,3	2 732/1,13	1 966/1,04	1 660/1,17	2 032/1,69	1 590/1,4	1 194/0,88	1 062/1,12	1 015/1,15	910/1,16	16 392/1,2
Лица, репрессированные по религиозному признаку	186/0,11	95/0,04	225/0,12	189/0,13	396/0,33	320/0,28	535/0,4	158/0,17	239/0,27	184/0,23	2527/0,18
Другие категории репрессированных	16 007/9,36	14 603/6,06	15 401/8,17	13 372/9,45	14 127/11,7	13 408/11,85	11 556/8,55	10 600/11,18	10 158/11,5	11 877/15,16	131 109/9,55
Всего поступило заявлений	171 016	240 809	188 541	141 578	120 891	113 162	135 177	94 804	88 297	78 341	137 3616
Из них рассмотрено	167 826	162 964	171 799	153 950	129 094	141 107	161 589	97 127	96 237	82 783	1 364 476

Источник: Подсчитано автором по материалам годовых отчетов подразделений ИЦ МВД Российской Федерации.

В рассматриваемый период в органы МВД России поступило 1 373 616 обращений граждан по вопросам реабилитации⁵⁶. Наибольшее число заявлений поступило от лиц, репрессированных по национальному признаку, – 765 542, что составило 55,7% от общего числа. Другую большую группу составили кулаки и члены их семей – 458 046 обращений (33,3%). На эти две группы репрессированных пришлось почти 90% обращений (89%). К сожалению, составители обзоров в ГИЦ МВД России не считали необходимым расшифровать, кто был отнесен к категории «других репрессированных».

Справки о реабилитации были получены 735 394 гражданами, о признании пострадавшими от репрессий – 2 826. Отказано в выдаче справок о реабилитации 250 653 лицам, в выдаче справок о признании пострадавшими – 5 371⁵⁷.

Начав новую кампанию, государство оказалось несостоятельным в возвращении долгов пострадавшим. Законы принимались, но некоторые из их положений сразу «замораживались» на неопределенный срок, и делалось это неоднократно. Причина простая – Закон включал значительный перечень льгот репрессированным (целый комплекс вопросов по улучшению жилищных условий, медицинскому обслуживанию, бесплатному либо льготному проезду в пассажирском транспорте и др.)⁵⁸, но экономическая ситуация в стране не позволяла реализовывать на практике положения Закона в полном объеме. Наибольшей проблемой оказались вопросы по возвращению конфискованного имущества. Абсолютное большинство жилых помещений за прошедшие годы исчезло физически в силу разных обстоятельств, а оставшееся было перестроено, реконструировано и уже не представляло того имущественного комплекса, который был когда-то конфискован. В иных случаях это имущество пришло в ветхое состояние и не представляло никакой ценности. Что касается предметов утвари, мебели, библиотек и т.п., то многое еще в тот период было передано для использования различным организациям и учреждениям, реализовано через продажу населения, утрачено, уничтожено и просто расхищено лицами, имевшими ко всему этому доступ. В этой ситуации и материальное возмещение ранее конфискованного имущества и т.п. не могло в должной мере компенсировать утраченное. Более того, требовались значительные усилия и затраты для достижения положительного результата. Такие примеры были единичными. Хотя один из жителей Томска, будучи наследником одного из владельцев Обь-Иртышского пароходства, смог выявить и доказать существование имущества, некогда принадлежащего этому владельцу, что позволило получить значительную материальную компенсацию. Но для достижения результата ему потребовалось потратить несколько лет на поиски необходимых документов по разным архивам и выдержать многомесячные судебные процедуры.

⁵⁶ В 1992–1999 гг. в органы МВД России поступило 4 121 261 обращение граждан, из которых были рассмотрены 3 211 305 (77,9%), наибольшее число запросов пришлось на период 1992–1995 гг. См.: Петров А.Г. Указ. соч. С. 314.

⁵⁷ Подсчитано автором по материалам годовых отчетов подразделений ИЦ МВД Российской Федерации за 2000–2009 гг.

⁵⁸ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 201–203.

Не сыграло положительной роли и распределение обязанностей и функций по пересмотру дел – кто и что должен пересматривать, какие решения выносить. В силу этого и приходилось иногда ждать по 7–8 лет, когда человек будет реабилитирован, будучи осужденным по ст. 58-10 УК РСФСР – за «контрреволюционную (или антисоветскую) агитацию», хотя закон признал всех осужденных по этой статье невиновными. Так долго не «доходили руки» чаще всего у работников военной прокуратуры. Например, в военной прокуратуре СибВО на 3–4 сотрудников одновременно приходилось 2–3 тыс. дел, присланных для их пересмотра со всех концов страны. Каждое дело требовало внимательного изучения и проведения комплекса проверочных мероприятий. Следователь военной прокуратуры СибВО подполковник юстиции В.В. Жданов показывал автору одно из присланных дел – оно насчитывало 68 томов и по нему проходили несколько сот человек. По его словам, только установление всех фигурантов и определение, какие по ним есть материалы, кто из них и в чем обвинялся, чем эти обвинения подтверждались, сопоставление всех показаний на предмет определения их полноты, достоверности и т.п. требовали не менее пяти-шести месяцев интенсивной работы, может быть, целой группы следователей. Но если заняться одним этим делом, то работа практически остановится и другие дела, более простые для рассмотрения, должны лежать без движения длительное время. Между тем необходимо было еще и отчитываться перед вышестоящими органами за проделанную работу, цифры здесь играли не последнюю роль.

В первой половине 1990-х гг. у органов военной прокуратуры возникала и другая проблема – из-за отсутствия финансирования уже пересмотренные дела месяцами лежали без движения, так как не было денег на их пересылку.

По прошествии более двадцати лет работа по-прежнему далеко не завершена. Если пересмотр дел на лиц, осужденных по политическим мотивам, дела которых хранятся в органах ФСБ, завершён примерно в 70 субъектах страны, то по другим категориям, преимущественно ссыльным, ещё продолжается. В 1990-е – начале 2000-х гг. большая нагрузка легла на органы прокуратуры, которые были буквально завалены заявлениями родственников репрессированных о признании их пострадавшими от репрессий. А по каждому такому заявлению приходилось проводить почти полный комплекс работ, как и по реабилитации, притом, что сроки рассмотрения заявлений никто не отменял. Позднее были поставлены задачи по реабилитации детей репрессированных и др.

Вопрос этот не так прост, как может показаться. Автору самому приходилось принимать заявителей, выслушивая нелюбезные вещи, и получать письма с обидами и упреками, например, по причине того, что «соседа реабилитировали, а меня почему-то нет», а ведь мы с ним пострадали за одно и то же. Конечно же, не было никакого «злого умысла» у тех, кто занимался пересмотром дел, просто, стремясь сделать одно, невольно упускали другое. Необходимо учитывать и то, что до настоящего времени отсутствует единый подход к рассмотрению дел и определению жертв репрессий. Практически по одинаковым ситуациям решения бывают диаметрально противоположными. Рассмотрим, к примеру, дела на выявленных агентов охранного отделения или сотрудников «белых» контрразведок. Одни из них были реабилитированы, в отноше-

нии других ранее принятые решения оставлены в силе. Отдаю себе отчет, что вина у всех различна, но при более глубоком анализе материалов проявляется субъективизм тех, кто эти дела пересматривал, либо чувствуется влияние неких политических ветров.

В 1936 г. Томским горотделом НКВД было сфальсифицировано дело, получившее название «Партия народных героев». Одним из главных фигурантов по делу проходил некто Пушкин, агент городского отдела НКВД. Именно с его помощью была создана «контрреволюционная» организация из лиц польской национальности в одном из сел Томского района. Для того чтобы войти в доверие к сельчанам, он даже женился на дочери одного из них. Позднее, при выводе его из «дела», сотрудниками НКВД была разработана комбинация по его мнимой смерти (фотографии Пушкина, лежащего в гробу, были посланы его жене). Но когда «члены организации» отказались признавать свое участие в организации, то Пушкин был вызван в Томск для «изобличения» врагов, чем он активно и занимался. Несмотря на осуждение по делу на 10 лет ИТЛ, он не был направлен в лагерь для отбывания наказания, а остался в городе для использования сотрудниками горотдела НКВД во внутрикамерной обработке несговорчивых «врагов народа», в чем сильно преуспел, издеваясь над таковыми. В камере он был «официальным представителем» следствия. При поступлении в камеру «свежих» людей они в первую очередь подвергались допросу Пушкиным. Он объявлял о принадлежности их к организации и объяснял, что они не должны сопротивляться следствию, так как это ни к чему не приведет. Все это сопровождалось агитацией, что арест мера временная и все скоро будут освобождены, что это вызвано сложной международной обстановкой и т.д. Тем, кто под воздействием Пушкина и других «сознавшихся» соглашались не сопротивляться следствию, Пушкин давал бумагу и требовал заявления, что арестованный обязуется «чистосердечно» все рассказать и не сопротивляться следствию. В отношении упорных он принимал репрессивные меры: загонял под нары, к параше, практиковал избиения и т.п. Ведущим себя «примерно» организовывал свидания, передачи, покупку продуктов и курева. По мнению сотрудников горотдела НКВД, «помощь» Пушкина была колоссальной...⁵⁹

В очередной раз разбирая газетные публикации в личном архиве, я практически случайно обнаружил в одной из статей упоминание о Пушкине. Житель Чаинского района В.А. Капишников в 17-летнем возрасте был арестован как участник контрреволюционной организации, в частности «готовившей покушение» на секретаря Запсибкрайкома ВКП(б) Эйхе, и после ареста содержался в подвале здания Томского горотдела НКВД. Он вспоминал, что «...там битком, на нарах и под ними, сотни полторы арестантов. Началась для меня новая жизнь. ...**Утром нас поднял «староста» Пушкин... и провел «профилактическую» беседу: «Беспрекословно требую подписывать любую бумагу, которую предъявит следователь... Иначе будете иметь дело со мной».** Насколько эта угроза была реальной, я убедился в тот же день...»⁶⁰.

⁵⁹ Уйманов В.Н. Указ. соч. С. 106–107.

⁶⁰ «Я остался живым...». Свидетельства человека, прошедшего ад сталинских лагерей // Красное знамя. 1989. 29 янв.

Видимо, «сила» Пушкина была действительно настолько реальной, что Капишников помнил о нем и по прошествии более пятидесяти лет.

В апреле 1956 г. Пушкин обратился с письмом на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ворошилова «по поводу снятия... грязного, незаслуженного пятна, которое... было напачкано в 1936 году»⁶¹. Но по заключению прокуратуры Томской области «снятие пятна» было признано нецелесообразным.

Отказали Пушкину в реабилитации и сотрудники УКГБ СССР по Томской области в 1989 г. как лицу, принимавшему участие в фальсификации уголовных дел. Однако Президиум Верховного суда РСФСР своим постановлением от 18 апреля 1990 г., отменив приговор спецколлегии Запсибкрайсуда от 15–18 сентября 1936 г. в отношении участников контрреволюционной организации «Партия народных героев» за отсутствием состава преступления, реабилитировал и Пушкина, так как, по мнению суда, **он не являлся должностным лицом (сотрудником НКВД), субъектом преступления, участвуя в фальсификации уголовных дел**⁶².

Таким образом, налицо двойственность подходов при реабилитации. Пушкина реабилитировали, а агента охраны Абражаева, на которого не было никаких конкретных данных о преступной деятельности, кроме сведений, что был агентом охраны, и не совершившего в своей жизни ничего подобного, прокуратура реабилитировать отказалась.

Отдельного внимания заслуживают дела на лиц, осужденных в 1920-е гг. – задолго до появления печально знаменитой 58-й статьи в редакции УК РСФСР 1926 г. В те годы судили по революционным законам, основами которых были «политическая целесообразность» и «революционное правосознание» судей. Человека могли осудить за прошлые «грехи» – службу в уже упоминавшейся охране, различных контрразведках «белой» армии, просто службу у «белых» и многое другое. Революция и Гражданская война разделили общество на два непримиримых лагеря: в одном были «социально близкие», в другом – «социально чуждые». Это позволяло победителям сводить счеты с проигравшими – представителями буржуазии, помещиками, военными, духовенством, интеллигенцией и другими, негодными новой власти лицами из «бывших». Затронуты были все слои, сословия и социальные группы населе-

⁶¹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П-10282. Т. 4. С. 2.

⁶² См. подробнее: Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 186–195. Позднее информацию об этой организации ввел в научный оборот (не будучи ознакомленным с делом) И.Н. Кузнецов (Кузнецов И.Н. Знать и помнить (историческое исследование массовых репрессий и реабилитации жертв террора 30-х годов). Томск, 1993). При его описании «Партии народных героев Польши» не совпадают сроки, название организации, фамилии сотрудников горотдела НКВД, ведущих следствие, и т.п., неверен и его вывод о репрессировании по этому делу более 3 тыс. чел. в крае, тогда как по делу **были арестованы 34 жителя только одного** населенного пункта.

Следует также заметить, что А. Тепляков ситуацию с реабилитацией Пушкина рассматривает в качестве уловки, специально придуманной прокурорами, «которые из опыта пересмотра громадного количества дел прекрасно понимают роль сексотов в их фабрикации». Уловка, по его мнению, не что иное, как результат «гласной либо негласной договоренности с чекистами» и действует до настоящего времени. См.: Тепляков А.Г. Машина террора... С. 299.

ния. Но парадокс в том, что как и в те далекие годы, так и сегодня судьба у всех этих людей различна. Одни из них признаны невиновными, другие продолжают оставаться в рядах врагов, несмотря на полное изменение государственного строя в нашей стране, на замену всех идеологических институтов.

В 1920-е гг. различного рода подпольные организации, часто из бывших офицеров, раскрывались органами ВЧК с завидным постоянством. Тех, кто явно или неявно не признавал советскую власть, было достаточно много. Миллионы человек в короткий промежуток времени потеряли все – имущество, благополучие, достаток и т.п., и не все из них могли спокойно с этим мириться. Сегодня большинство участников этих организаций реабилитированы, в частности по банальной причине – «следствие в отношении этих лиц проведено поверхностно, отсутствует доказательная база и т.п.». С этим спорить сложно – оценка законна. Но следователи тех лет в абсолютном большинстве были юридически неграмотны, не имели ни подготовки, ни опыта, да и новых законов еще не было, а все прежние большевики отвергли⁶³. Не могли они и предвидеть, что кто-то когда-то через три четверти века будет пересматривать дела, которые они вели. Однако читая заключения по делам тех лет, сталкиваешься с неоднозначным подходом к рассмотрению материалов дел. Например, в мае 1920 г. в Томске была ликвидирована подпольная организация из числа бывших белых офицеров, возглавляемая А.И. Гавриловичем⁶⁴. Организация готовилась к вооруженному восстанию против советской власти. В настоящее время все участники организации, за исключением одного, реабилитированы, в частности по названной выше причине слабости доказательной базы. А тот единственный виноват только в том, что хранил у себя дома оружие организации.

Вывод заключения интересен тем, что за «участие в подпольной белогвардейской организации» он подлежал реабилитации, а «за принадлежавшее ему и хранившееся у него на квартире по месту жительства без соответствующего разрешения оружие и боеприпасы» признавался «обоснованно осужденным по настоящему делу и не подлежащим реабилитации». Но ведь оружие было общим, принадлежало всем членам организации! А бороться они хотели с властью, от которой сегодня государство, в принципе, открестилось.

Особая категория реабилитируемых – это дезертиры, уклонявшиеся от службы в Красной армии в годы Великой Отечественной войны, либо лица, совершившие

⁶³ Прямым подтверждением сказанному может служить заявка Алтайской губЧК в Алтайский губсоюз профсоюзов, подписанная председателем губЧК И. Карклиным. В заявке, в частности, отмечалось, что «комиссия крайне перегружена работой. Нельзя ручаться за справедливость вынесенных постановлений, ибо из губернии поступает такая масса дел, следственные материалы по которым за слабостью работников на местах очень плохи. Комиссия в интересах справедливости, чего требует дело революции, просит срочно откомандировать в распоряжение таковой возможно большее количество работников более развитых, могущих работать...». См.: «Руководствуясь революционной совестью...». С. 37.

⁶⁴ Гаврилович Альберт Игнатьевич, 1880 г.р., ур. г. Киева, проживал в г. Томске по ул. Б. Подгорная, 39, агент райлескома. Арестован в 1920 г. Расстрелян.

уголовные преступления во время службы в армии. Обычно таковые лица осуждались по ст. 193 УК РСФСР – за воинские преступления, но так как «виделась» контрреволюционная подоплека случившегося, практически всем из них «добавлялась» ст. 58-10 УК («антисоветская агитация»). До середины 1990-х гг. многие дезертиры получали полную реабилитацию и пользовались всеми предоставленными государством льготами, позднее они реабилитировались только по 58-й статье, но по уголовным приговорам признавался обычно правомерным, т.е. они должны были считаться уголовными преступниками. Но и здесь возникал нюанс – обычно наказание по политической статье было более «весомым», и оно поглощало наказание по уголовной статье, а значит, за весь срок более «уголовного» он считался репрессированным по политическим мотивам. Именно законопослушание заставляло следователей при пересмотре дел высчитывать не годы, а часто месяцы и дни в их приговорах. И если упомянутый нюанс «всплывал», то человек получал реабилитацию и включался в списки Книги Памяти репрессированных жителей Томской области «Боль людская».

Если уж мы затронули тему Великой Отечественной войны, то необходимо хотя бы упомянуть, что особого глубокого исследования заслуживает тема советских военнопленных, значительному числу которых пришлось пройти и советские концлагеря. Кто-то из них практически сразу после освобождения из фашистской неволи, кто-то по иным обстоятельствам прошел и эти «круги ада». В практике работы по реабилитации пришлось столкнуться с удивительной ситуацией и судьбой одного из них. Считаю уместным рассказать об этом случае, так как он имеет прямое отношение к некоторым нюансам в работе по реабилитации. В один из обычных рабочих дней начала 1990-х годов, став невольным свидетелем бурно-эмоциональной сцены между каким-то гражданином и помощником коменданта Управления КГБ, вступил в разговор, в ходе которого удалось выяснить следующее. Некто З. в довольно жесткой форме высказывал обвинения в адрес представителей партийно-советских органов г. Томска и области, суть которых сводилась к тому, что его семью, в частности детей (отчислили из вузов и т.п.), преследуют за его прошлое, так как он был в немецком плену, а после войны по «доносу» одного из односельчан отбывал срок по ст. 58-10 УК РСФСР. На протяжении многих лет З. обращался в партийные и советские органы, но ничего изменить не мог, как не мог и подтвердить свое участие в Движении сопротивления в Бельгии и во Франции. Выяснив необходимые данные, оставил его на некоторое время и связался по оперативной связи с коллегами из новосибирского управления. Результат был ожидаем, материалы его фильтрационного дела хранились там, и он мог ознакомиться с ними. Дело в том, что в армию его призвали из Новосибирской области, а дела на такую категорию лиц направлялись на хранение в субъекты, откуда человек призывался в армию. Если бы он обратился в любое подразделение КГБ СССР, то его вопрос мог бы разрешиться ранее. Объяснив порядок его последующих действий, мы расстались.

Буквально через несколько дней мне сообщили, что ко мне пришел посетитель, и попросили принять его, хотя в тот период времени я непосредственно не занимался вопросами реабилитации. Выяснилось, что меня разыскивал З. Но внешне это был

уже другой человек, чувства буквально переполняли его. Прежде всего, он выложил на стол около ста старых фотографий, они хранились в фильтрационном деле, и ему вернули их. На нескольких фотографиях, в том числе и на той, где он был в инвалидной коляске, были надписи на английском языке. З. пояснил, что, бежав из плена, он примкнул к одному из интернациональных отрядов, действовавших на территории Бельгии, в ходе боев был несколько раз легко ранен, но после тяжелого ранения долго лечился, в том числе и в Англии. Когда вернулся на родину, преподавал в школе в одном из райцентров Новосибирской области, был арестован и отбывал наказание на Дальнем Востоке. После окончания срока решил не возвращаться в родное село и осел на жительство в Томске, где и женился, через некоторое время родились двое сыновей.

Эта поездка во многом изменила, по крайней мере, его жизнь. Он получил реабилитацию, его признали участником войны, что предполагало получение некоторых льгот, что для его семьи было событием немаловажным. Еще более неожиданным событием стало его приглашение в Москву, где в один из приездов Президента Франции была организована встреча с участниками французского Сопротивления, и он в числе других участников был награжден французской медалью с вручением специальной грамоты. Администрация города выделила ему двухкомнатную квартиру.

В последующие годы мы еще несколько раз встречались. Не все в жизни З. складывалось так, как ему хотелось бы, но, по его словам, жить как-то стало легче, ведь удалось восстановить, пусть хотя бы частично, справедливость, он даже начинал писать воспоминания.

Может показаться, что история придумана, но она подлинная. Эта история, кстати, с одной стороны, является свидетельством, что если искать, то можно добиться результата, а с другой – пример, что многие граждане не всегда знали, куда им следует обращаться по интересующим их вопросам, а государство не организовало ликвидацию подобных «пробелов».

Говоря о реабилитации, необходимо учитывать и то обстоятельство, что в гонке за показателями, особенно в период «Большого террора», никто не отменял развернувшегося в те годы соревнования между отдельными подразделениями и целыми управлениями НКВД по разоблачению «врагов народа» и «контрреволюционных организаций». Часто в этой ситуации политическими преступниками становились обычные уголовники или «бытовики», в частности, лица, совершившие, например, преступления общеуголовного характера в силу исполнения ими своих служебных обязанностей. Так, например, в июне 1937 г. прокуратурой ЗСК был привлечен к уголовной ответственности за хищение колхозного имущества, должностные злоупотребления и нанесение убытка колхозу председатель колхоза «Красный россиянец» Благовещенского района И.Н. Мошкин. Но начало «массовой операции» по приказу № 00447 привело к тому, что материалы на него из прокуратуры были переданы в Управление НКВД, где первично выдвинутое обвинение было изменено на «вредительство и подрыв колхозного животноводства» – ст. 58-7 УК РСФСР. Также были перекалвалифицированы дела счетовода колхоза им. 19-летия

Октября Тогульского района А.З. Воронина, дело о хищениях в Солтонском райпотребсоюзе и целый ряд других.

К вредительству относили и невыполнение планов сдачи сельскохозяйственной продукции, за что поплатились многие председатели колхозов. На Алтае в период с октября 1937 г. по март 1938 г. практически на всех крупных элеваторах были раскрыты «контрреволюционные вредительские группы» из числа руководящего состава, инженерно-технического персонала и рядовых работников хлебоприемных пунктов. Причиной их осуждения послужили многочисленные случаи ненадлежащего хранения и очистки зерна. Еще в августе 1937 г. на места поступила директива «О борьбе с клещом», подписанная Сталиным и Молотовым, согласно которой требовалось организовать борьбу с клещом, в противном случае виновников подлежало привлекать к уголовной ответственности как «вредителей и врагов народа». Прокуратура СССР продублировала эту сталинскую установку соответствующим циркуляром, обязавшим работников прокуратуры на местах проверять подобные сигналы в пятидневный срок, а виновных привлекать к ответственности по ст. 58-7 УК за «вредительство». Выполнить это указание оказалось довольно-таки несложно. С учетом отсутствия должного финансирования на большинстве элеваторов возникали проблемы с решением поставленной задачи, но эти объективные трудности сотрудниками органов НКВД и прокуратуры в расчет не брались. Поставленная перед ними задача была выполнена⁶⁵.

«Политиками» становились и обычные уголовники. Будучи включенными в перечень «врагов» по приказу № 00447, они активно преследовались сотрудниками НКВД. Многим из них автоматически «навешивали» 58-ю статью УК лишь по той причине, что их уголовная деятельность была несовместима со строительством «светлого будущего», а значит, носила антиобщественный, антисоветский характер. В процессе реабилитации часть из них была признана жертвами политических репрессий, что, на мой взгляд, было одним из недостатков в работе по пересмотру уголовных дел тех лет, так как срабатывал принцип формального подхода, исходивший из положений документов о реабилитации.

Еще одним доказательством того, что реабилитация была превращена в очередную кампанию, явилось то обстоятельство, что правоохранительные органы, честно и добросовестно выполняя возложенную на них благородную миссию, сами в какой-то мере стали жертвами кампанийщины. В процессе пересмотра дел практически не учитывалась часть 2 пункта 2 Указа ПВС СССР от 16 января 1989 г. о том, кто не подлежал реабилитации. А реальные преступники были, многие из которых совершили тяжчайшие преступления против своих соотечественников. И сегодня в госархивах Сибири, а не только в архивах управлений ФСБ и МВД, хранятся тысячи дел, фигурантам которых в реабилитации отказано, даже несмотря на неоднократные пересмотры этих дел сотрудниками органов прокуратуры. Государство и сегодня продолжает считать преступниками тех «политических», которые убивали, грабили, насиловали, из-

⁶⁵ Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 94–95.

меняли Родине и т.п., сделав для них единственное – сняв клеймо политических статей и переqualифицировав их деяния на другие статьи УК, чаще всего уголовные, «вычеркнуло» их из числа «врагов народа». Они обычные уголовные преступники. Но всегда ли это было сделано правильно, показывает вышеприведенный пример по организации Гавриловича.

Реабилитация предполагает не только пересмотр дел и выдачу соответствующих справок и иных документов. Процесс реабилитации должен иметь и общественный резонанс хотя бы потому, что репрессировали «громогласно», с собраниями, митингами и демонстрациями, с навешиванием ярлыков не только на репрессируемых, но и на членов их семей – сын, дочь «врага народа», «член семьи изменника Родины (ЧСИР)» и др., которые «приклеивались» на годы, если не на всю жизнь. Вот и восстановление социальной справедливости должно быть таким же достоянием общества.

Сегодня во многих городах и населенных пунктах страны установлены памятники жертвам репрессий, официальными кладбищами признаны многие места захоронений жертв репрессий, открываются музеи, мемориальные уголки, организуются выставки.

С началом очередной кампании по реабилитации в 1989 г. впервые были «приоткрыты двери» архивов органов госбезопасности для историков, правоведов, писателей, краеведов, журналистов и исследователей-общественников, была приподнята завеса тайны над страшными событиями еще такой недавней истории нашего государства. Ознакомление их с архивно-следственными делами привело к информационному всплеску в виде публикаций, выпусков сборников документов, подготовки теле- и радиопередач и т.п. Рядовые граждане стали узнавать о людях, представлявших собой гордость России, но вычеркнутых из жизни советской карательной системой, канувших в небытие в годы репрессий.

Контакты с этими исследователями не были кулуарными, об этих встречах и проводимой работе рассказывалось в средствах массовой информации. Практиковались их встречи с сотрудниками органов ФСБ и МВД, на которых активно обсуждались вопросы по организации работы по реабилитации жертв репрессий, увековечению их памяти, месте и роли общественности в этой важной и столь необходимой для всего нашего общества работе. Об одной такой встрече, например, рассказала газета «Красное знамя». В июле 1989 г. в Томском управлении КГБ было проведено открытое партийное собрание сотрудников, на которое были приглашены прокурор Томской области Х.У. Пономарёв, председатель совета областного общества «Мемориал» Л.Ф. Пичурин, представители обкома КПСС, преподаватели исторического факультета Томского университета, журналисты томских СМИ. Темой собрания было определение задач коллектива сотрудников Управления в работе по реабилитации. В обсуждении поставленного на рассмотрение вопроса приняли активное участие многие из сотрудников и практически все приглашенные. Собрание позволило вскрыть узкие места, которые ранее не учитывались в работе по реабилитации, позволило сверить правильность выбранного курса на открытость в этой деятельности, показало взаим-

ную заинтересованность в достижении поставленных задач⁶⁶. По окончании собрания представители общественности провели рабочую встречу, позволившую спланировать совместные действия в дальнейшей работе по восстановлению социальной справедливости в отношении жертв репрессий, были намечены мероприятия по привлечению историков, журналистов к подготовке публикаций по наиболее интересным (для общественности) архивно-следственным делам.

Особенно велика роль средств массовой информации в организации работы по восстановлению справедливости, увековечению памяти жертв репрессий. За прошедшие годы сняты сотни документальных и игровых фильмов, в печатных СМИ опубликованы тысячи статей, очерков, официальных документов, писем, воспоминаний и других материалов. Так, например, газетами «Алтайская правда», «Кузбасс», «Красное знамя» и «Советская Сибирь» только в 1989–1992 гг. было опубликовано 407 материалов по данной тематике. В эти годы журналисты охотно брались за работу над материалами, посвященными теме массовых репрессий.

Среди авторов, работавших по этой теме, хотелось бы назвать И. Гущина – прокурора группы реабилитации прокуратуры Алтайского края, В. Галкина – председателя комиссии по реабилитации Кемеровской области, А. Жучкова – заведующего партийным архивом Новосибирского обкома КПСС, С. Андреева – редактора газеты Томского р-на «Правда Ильича», Н. Маскину – журналистку газеты «Красное знамя», В. Гришаева – краеведа, члена Союза писателей России, В. Гузееву – пенсионерку, рассказавшую о судьбах руководителей Запсибкрая и Новосибирской области – Ф.П. Грядинского, Р.И. Эйхе, редактора газеты «Советская Сибирь» Г.Т. Тимофеева, о судьбах «членов семей изменников Родины» и т.д. А. Жучков поведал читателям языком документов правду о судьбах спецпереселенцев, высаженных ранней весной 1933 г. на необитаемом обском острове Назино, а в рубрике «Новосибирский обком ВКП(б): начало пути» – о судьбах репрессированных членов партии. Судьбам отдельных представителей научной и творческой интеллигенции были посвящены публикации Н. Маскиной, ею же в рубрике «Заложники у времени» были опубликованы статьи о репрессированных чекистах. Регулярно информировал читателей о ходе реабилитации И. Гущин.

Именно в газетах в те годы была организована публикация списков реабилитированных. В Томске списки реабилитированных публиковались в областной газете «Красное знамя», но делалось это нерегулярно. Эти публикации вызвали неподдельный интерес у читателей, большое количество отзывов, а еще больше вопросов – когда публикация списков будет продолжена, так как газеты по объективным причинам не могли выделять много места на своих страницах под эту информацию. Очень часто публиковавшиеся списки насчитывали всего несколько десятков фамилий. В сложившейся ситуации эта работа могла затянуться на долгие годы. Выборки из уже опубликованных списков перепечатывались в большинстве городских и районных газет, в заводских и вузовских многотиражках. Подобная форма увековечения

⁶⁶ Только правда! // Красное знамя. 1989. 13 июля.

памяти оказалась наиболее востребованной у репрессированных и у их родственников, ведь печатное слово традиционно вызывало большее доверие и часто почиталось более других официальных документов, в частности среди сельского населения. В архиве автора есть письма, в которых об этом говорилось прямо: «До публикации меня считали, а иногда и обзывали сыном «врага народа», после публикации информации о реабилитации отца отношение односельчан ко мне заметно изменилось» и т.п.

Именно невозможность решения вопроса о плановых и более объемных публикациях привела к тому, что в Томском управлении КГБ СССР родилась идея подготовки и выпуска Книги Памяти репрессированных жителей области. Автором идеи был начальник архивного подразделения Ю.А. Петрухин. После получения поддержки у руководства Управления, в частности, у заместителя начальника полковника А.В. Машкова, приступили к решению поставленной задачи. Но решение её оказалось делом непростым, так как не было опыта такой работы, не было никаких методик и рекомендаций. Не сразу определились с объемами информации, которую следовало отбирать для публикации, пробовали несколько вариантов, рассматривая каждый на предмет информативности и целесообразности упоминания каких-то сведений. В частности, по этой причине отказались от упоминания пунктов ст. 58 УК РСФСР, по которым человека репрессировали, – все репрессированные на момент начала работы были осуждены по этой статье. С другой стороны, среди дел на репрессированных по политическим мотивам стали попадаться дела на лиц, осужденных в 1920-е гг. Опять возник вопрос – как поступать в этих случаях. После «дебатов» приняли решение: на тот момент о них пока ничего не сообщать, позднее этот «недостаток» устранили.

Первый том был подготовлен в июне 1991 г. и должен был выйти из печати в конце августа – начале сентября. По решению руководства Управления в работе над ним приняли участие многие сотрудники – все подразделения должны были выделять людей для обработки материалов. В силу известных событий – «путча» – этого не случилось, возникло сомнение, выйдет ли книга вообще, так как КПСС прекратила свое существование, а Томский обком партии был одним из «спонсоров» по выделению части необходимой для печати бумаги. Был решен и этот вопрос, но в Москве началась реорганизация органов КГБ СССР, и что следовало ожидать от этого, никто не знал. И все-таки в октябре 1991 г. Книга вышла из печати. Названная «Боль людская», она, в нашем понимании, действительно отражала всю боль и трагедию происшедшего. Уместно отметить, что на выпуск этого тома, как и последующих, деньги вносили практически все сотрудники Управления – это было хорошей помощью для оплаты работ по набору, верстке, корректуре текста.

Выход Книги оказался событием. Видимо, неверие, что она увидит «свет», было сильным даже у сотрудников, работавших над подготовкой её к выпуску. Только после выхода книги некоторые из них признались о наличии в ней сведений о своих родственниках, ранее никто об этом не говорил. Но еще больший интерес книга вызвала у общественности. В декабре 1991 г. в газете «Красное знамя» была опубликована большая статья профессора Томского университета, доктора исторических наук М.Е. Плотниковой, посвященная выходу книги. Детально разобрав её содержание, дав

оценку представленных в ней материалов, она сделала вывод, достаточно четко отразивший роль, значение и важность выхода такой работы. Она писала: «Книга «Боль людская» очень нужна нам, сегодняшним, переживающим тоже не самые легкие дни в жизни нашего государства. Она необходима для восстановления исторической памяти, без чего невозможно создать истинно демократическое общество, в котором бы не оставалось и самых малых условий для повторения трагического прошлого. Она необходима родственникам всех безвинно погибших: ведь для многих из них судьба их близких оставалась неизвестной.

Книга эта необходима и историкам. И не только для восстановления полной правды о масштабах репрессий, осуществленных тоталитарным сталинским режимом, но и для более глубокого понимания наиболее болезненных... вопросов: как мы, великий народ, могли терпеть это, как объяснить психологическое состояние общества, мирившегося с безумной политикой тоталитарного уничтожения его членов, почему доносительство (а ведь многие подвергались арестам по доносу своих сограждан) приняло огромные масштабы, как все это вместе повлияло на нравственность КПСС и всего нашего народа и почему до сих пор находится немало людей, мечтающих о возврате сталинских порядков...»⁶⁷.

Почти сразу после появления информации о выходе книги в Управление буквально посыпались письма от оставшихся в живых репрессированных и родственников погибших в лагерях или умерших в последующие годы с просьбами о высылке книги. С подобными просьбами обращались и представители общественных организаций, в том числе и историко-просветительского общества «Мемориал». Все обращения удовлетворялись без какой-либо задержки. Уже в скором будущем обращения с просьбой о высылке книги стали поступать из ближнего, а затем и дальнего зарубежья.

Особенностью тома было включение документальных вставок между буквами алфавита из архивно-следственных дел, демонстрировавших механизм фальсификации этих дел. Вставки публиковались под названием «Фальсификация. Как это было». Эти выдержки касались наиболее крупных дел по «контрреволюционным» организациям либо были из документов, раскрывающих обстановку тех лет, формы и методы следствия. Позднее слово «фальсификация» было убрано из названия, так как мы стали публиковать в полном объеме выдержки или документы, регламентировавшие деятельность органов НКВД, решения по отдельным делам, образцы документов. Все это делалось впервые на основе архивных документов, ранее недоступных исследователям.

О выходе книги начальником Управления полковником В.А. Соболевым (впоследствии заместителем секретаря Совета безопасности страны) было проинформировано руководство КГБ РСФСР, и уже в конце октября 1991 г. книга была представлена сотрудникам центрального аппарата, где получила высокую оценку. Было принято решение распространить инициативу Томского управления на все территориальные органы. Приказ по Агентству федеральной безопасности (новое название органов госбезопасности на тот период времени) № 13 от 4 ноября 1991 г. закрепил это реше-

⁶⁷ Красное знамя. 1991. 10 дек.

ние, обязав все структуры на местах организовать работу по подготовке и изданию Книг Памяти жертв политических репрессий. Этим же приказом составители Книги Памяти были награждены ценными подарками – наручными часами.

В последующие годы были подготовлены и выпущены еще три тома: два – в 1992 и один – в 1994 г. Работа над заключительным, пятым, томом началась в 1995 г. и продолжалась долгие пять лет, так как необходимо было вернуть дела из других территориальных органов госбезопасности и органов военной прокуратуры страны, где они находились на пересмотре по году и более. Для ускорения этой работы с военной прокуратурой Сибирского военного округа в Управлении была вновь создана рабочая группа из числа сотрудников следственного подразделения, которые пересматривали дела, готовили заключения по ним, а потом представляли заключения с делами в военную прокуратуру для принятия окончательного решения. Это заметно облегчало работу военных следователей и позволило в сжатые сроки пересмотреть несколько сот дел.

Одновременно с работой над Книгой Памяти сотрудниками Томского управления была создана автоматизированная база данных (БД) на 21 тыс. репрессированных на территории Томской области. Сформированная электронная карточка на репрессированного представляла собой перечень данных по 32 позициям, основными из которых были: Ф.И.О., год и место рождения (в отдельных случаях вплоть до указания страны, если это было известно), пол, национальность, место жительства перед арестом (до указания конкретного адреса), место работы и занимаемая должность, социальное положение до революции и на момент ареста, образование, партийность, дата ареста, инкриминируемая статья УК РСФСР, характер обвинения, дата осуждения, приговор (указывался в цифровом или буквенном обозначении – «Р» – расстрел, «10-5» – осуждение на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах и т.д.), дата (заполнялась в случаях вынесения приговора к ВМН – расстрелу, смерти или освобождения (оправдания) осужденного), номер уголовного дела и дата реабилитации. В ходе заполнения базы данных по отдельным позициям были сформированы словари для облегчения занесения данных – по национальности, социальному положению, характеру обвинения и некоторым другим. Так, «характер обвинения» предполагал, в частности, указание названий «контрреволюционных» групп и организаций. Уже эти данные показали разнообразие «полетов фантазии» следователей, ведших эти уголовные дела, подчеркивали особенности выдвигавшихся обвинений. Наличие этих данных позволяет достаточно быстро и удобно заниматься поисковой работой, подготовкой информационных материалов, справок.

Первоначально шло наполнение одной базы данных, получившей название «Память». В нее включались лица, репрессированные по печально знаменитой 58-й статье УК РСФСР. Но после выхода в свет 13 августа 1990 г. Указа Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов» была сформирована еще одна база данных («Память 2»), куда вошли все репрессированные до 1926 г. К настоящему времени в неё включены данные на 1 502 чел. В целом же названные базы данных репрессированных жителей Томской области включают све-

дения на 21 048 чел. Основная работа по формированию базы данных была завершена к 2000 г., в последующий период в неё была внесена информация всего на 381 чел., дела на которых были выявлены в ходе дополнительной проверки и пересмотре сотрудниками областной прокуратуры в фондах Госархива Томской области и Информационного центра УВД Томской области.

В конце 1990-х годов БД была передана историко-просветительскому обществу «Мемориал» для информационной работы, туда также постоянно поступали обращения граждан по вопросам поиска следов своих родственников, получения каких-либо сведений и т.п. Позднее уже общество «Мемориал» передало БД, дополненную материалами ИЦ УВД Томской области, в Государственный архив Томской области, где доступ к ней получили все желающие. Использование БД «Память» позволило автору в работе над монографией «Репрессии. Как это было...» привести целый ряд данных, характеризовавших обстановку в Западной Сибири в период репрессий, выделить наличие закономерностей при их проведении, выявить национальный состав репрессированных, их возрастной и образовательный уровень, социальное положение и ряд других вопросов. Позднее сведения БД были использованы сотрудниками Госархива Томской области и членами общества «Мемориал» при выпуске сборников документов, например, в серии «Из истории земли томской» – «Год 1937...» и «Архивы Сибири. Под грифом «Секретно»» – «1936–1937 гг. Конвейер НКВД: Из хроники «Большого террора» на томской земле» и др. В Алтайском крае созданная Г.Д. Ждановой автоматизированная база данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)» оказалась активно востребованной в работе над 7-томной книгой «Жертвы политических репрессий на Алтае» и в ряде других исследований.

К сожалению, к настоящему времени такая БД создана только в Управлении архивного дела администрации Алтайского края, в управлениях ФСБ РФ по Республике Алтай и Кемеровской области. Материалы названных баз данных были активно использованы в работе над монографией «Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.)». В других субъектах Западной Сибири такая работа еще не организована.

В настоящее время главной проблемой при создании баз данных является отсутствие целевой установки на данную работу (по крайней мере, в системе правоохранительных органов) и единого подхода к организации этой работы. Так, например, на Смоленщине база данных содержит всего 16 поисковых полей⁶⁸, а в Томске – 32. Между тем увеличение полей заметно расширяет возможности проведения аналитических исследований. Однако, на мой взгляд, как показала практическая работа с БД «Память», достаточно примерно 20 или чуть более «основных» позиций, поскольку заполнение остальных оказывалось чаще всего невозможным в силу разных обстоятельств либо малоинформативным. Но в любом случае создание таких баз данных – насущная потребность, так как позволит установить действительное число репрессированных в годы советской власти и провести исследования по составу репресси-

⁶⁸ Козин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 8–9.

ванных (по национальному и половозрастному составу, образовательному уровню, социальному положению и т.д.), применению мер репрессий и т.п.

Еще в период начала работы над Книгой Памяти «Боль людская» отмечались случаи (по групповым делам) несовпадения числа осужденных с числом арестованных по делу. Чаще всего это было связано с тем, что отдельные из арестованных в ходе следствия по разным причинам освобождались из-под стражи или умирали. Но тогда получалось, что их арест был обоснованным, а ведь содержание под стражей иногда доходило до нескольких месяцев. Так почему освобожденных по решению «суда» мы включаем в число жертв репрессий, а об этих лицах должны забывать? По этой причине в Томске в Книгу Памяти такие «освобожденцы» включались. Так, в одном из документов тогда еще УКГБ при СМ СССР по Томской области содержалась информация на граждан, репрессированных по групповым делам. Проверка этих фигурантов по базе данных «Память» позволила установить гораздо большее число лиц от названных в документе. Например, в официальной справке речь шла о семи осужденных «кулаках» с. Беловодово Зырянского района, а по материалам дела в базу данных оказались включенными восемь человек; по другому делу об осуждении в ссылке промышленников вместо четверых оказалось пятеро; еще по одному делу упоминалось осуждение 38 «кулаков»-спецпереселенцев, а в базе данных содержится информация о 48 привлеченных к ответственности по этому делу⁶⁹. Наличие разницы данных объяснялось как раз включением в БД «Память» лиц, освобожденных из-под стражи во время следствия по названным делам.

В конечном счете, создание электронных баз данных имеет важное значение по ряду причин. Во-первых, непосредственно для ведомственных архивов ФСБ и МВД России они могут служить вспомогательным учетом, облегчающим работу с архивными материалами в случаях поступления запросов или заявлений от родственников репрессированных либо от органов власти или других учреждений и организаций. Во-вторых, создание БД является определенным рода гарантией сохранения информации, пусть и в усеченном виде, от различного рода техногенных катаклизмов, могущих привести к уничтожению или утрате названных архивных документов. В-третьих, использование сведений из названных БД открыто для всех интересующихся этой темой в условиях ограниченного доступа к персональным данным граждан. В-четвертых, проведение на основе БД аналитических исследований позволит снять многие вопросы о количестве репрессированных, их национальности, социальном положении и ряду других, что, в конечном итоге, даст возможность более объективно и всесторонне рассматривать репрессивную политику большевистского руководства СССР. В-пятых, уйти от вольного оперирования необоснованными цифрами о количестве жертв репрессий на основе механического суммирования цифр. Сегодня, например, целый ряд составителей Книг Памяти включает в свои мартирологи лиц из ранее опубликованных подобных книг других регионов по той причине, что эти лица имели какое-либо (преимущественно по рождению) отношение к их региону. Более

⁶⁹ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 42.

того, часть репрессированных арестовывалась и осуждалась неоднократно (в разных регионах проживания, в период отбытия наказания в исправительно-трудовых лагерях, при отбытии или направлении в ссылку после отбытия наказания, а также по Указу ПВС СССР от 21 февраля 1948 г. и т.д.). Если на практике это не ведет к увеличению числа репрессированных, то при «механических» подсчетах приводит к увеличению их числа. В случае проведения каких-либо статистических исследований все это также не позволяет получить объективную картину.

Кроме того, электронные базы данных позволяют уточнять информацию в источниках, в сомнении которых, казалось бы, сомневаться не приходится. Так, например, А. Тепляков в своей монографии «Машина террора» высказал в мой адрес, со ссылкой на конкретный архивный источник, претензию об искажении данных о расстрелянных по политическим мотивам в Томской области в 1933 г.⁷⁰ Обращение к «Расстрельным спискам» позволило установить, что 30 апреля 1933 г. в Томске действительно были расстреляны 104 чел. из числа участников «заговора в сельском хозяйстве», но все они были жителями населенных пунктов, относящихся в настоящее время к Красноярскому краю, где в Управлении ФСБ и хранятся материалы уголовного дела в отношении них. Таким образом, факт казни подтвержден, но никакого сокрытия информации не произошло, никто из репрессированных «потерян» не был. Просто в результате административно-территориальных преобразований материалы из архива Томского управления госбезопасности были переданы в Красноярское. Данный пример подтверждает необходимость создания региональных баз данных, поскольку в процессе этой работы появляется возможность проведения «ревизий» хранящихся в архивах материалов и их систематизации. Например, в середине 1990-х гг. в ходе работы над Книгой Памяти между архивными подразделениями УФСБ и УМВД по Томской области был произведен «обмен» несколькими десятками дел как хранившихся не по месту назначения.

Но в этой работе необходимо избежать возможных перекосов. Так, в 2002 г. автору пришлось принимать участие в международной конференции по созданию электронной Книги Памяти жертв политических репрессий. Конференция проходила в г. Нижнем Тагиле, в её работе принимали участие представители Украины, Казахстана и других стран, ряда зарубежных организаций и фондов. В процессе обсуждения проблемы высказывались разные предложения по организации этой работы, по определению круга сведений, необходимых для включения в БД, что было естественно, но когда перешли к обсуждению категорий лиц, подлежащих включению в БД, поступило неожиданное предложение наряду с включением в БД членов националистических организаций, сотрудничавших с немецкими фашистами, позднее осужденных советским судом либо несудебными органами, включить в БД информацию о немецких военнопленных (в том числе и совершивших преступления против человечества), отбывавших сроки наказания в советских лагерях, в частности умерших там. По мнению авторов этого предложения, они тоже были жертвами репрессий. И это абсурдное предложение обсуждалось вполне серьезно.

⁷⁰ Тепляков А.Г. Машина террора... С. 15.

Сегодня Книги Памяти жертв репрессий выпущены в большинстве субъектов нашей страны, где-то работа над ними еще продолжается. Однако поиск жертв репрессий следует продолжать, так как целые «пласты» документов на репрессированных хранятся не только в архивах ФСБ и МВД, но и в других. Так, Л. Огородникова, заведующая отделом использования и публикации документов Госархива Омской области прямо указывает, что в их архиве «хранятся десятки тысяч дел, содержащих сведения о политических репрессиях»⁷¹. В подтверждение своих слов она называет около десяти фондов, где хранятся подобные материалы, приводит немало конкретных примеров по омичам, осужденным по политическим мотивам. Все эти лица подлежат реабилитации, но никто эти вопросы, видимо, не поднимал, так как в Книгу Памяти были включены только лица, проходящие по учетам фондов Управления ФСБ РФ по Омской области. К пересмотру подобных дел должны подключиться, например, сотрудники прокуратуры, как это было сделано в Томске, где за 2000–2008 гг. были пересмотрены дела, хранившиеся в Госархиве Томской области, почти на 200 чел., еще примерно столько же человек были «найжены» в фондах информационного центра УВД Томской области. Проведенная работа позволила реабилитировать многих из них. В качестве примера приведу результаты этой работы.

Сотрудниками прокуратуры было вынесено решение о реабилитации 381 чел. (318 мужчин и 63 женщин), в отношении еще четверых лиц была получена дополнительная информация об арестах в другие годы. До 1927 г. – начала действия ст. 58 УК РСФСР – были арестованы 237 чел., в том числе 22 женщины, в последующий период были арестованы 103 мужчины и 41 женщина. 367 чел. из числа арестованных были беспартийными, 14 чел. состояли в РКП(б). Все были репрессированы в период 1920-х – середины 1950-х гг. Другая дополнительная информация в отношении этих лиц представлена в табл. 23–28.

Таблица 23

Национальный состав репрессированных

Русские	283	Остяки (селькупы)	4
Литовцы	23	Узбеки	3
Украинцы	16	Татары	2
Немцы	15	Белорусы	1
Эстонцы	10	Калмыки	1
Евреи	8	Поляки	1
Латыши	8	Румыны	1
Молдаване	5	Всего:	379

⁷¹ Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2001. Т. 2. С. 28.

Таблица 24
Социальное положение
(на момент ареста)

Крестьяне	169
Служащие	58
Рабочие	54
Заключенные	29
Военнослужащие	28
Священнослужители	22
Без определенных занятий	16

Таблица 25
Уровень образования

Высшее	8
Н/высшее	3
Среднее	41
Н/среднее	2
Начальное	274
Неграмотные	53

Таблица 26
Аресты по годам

Годы	Кол-во человек
1920	67
1921	130
1922	38
1923	2
1927–1930	9
1931–1936	25
1937–1938	31
1939–1940	5
1941–1950	62
1951–1952	12

Таблица 27

Характер предъявленного обвинения

Характер обвинения	Кол-во человек
Контрреволюционная деятельность	170
Контрреволюционная (антисоветская) агитация	70
Побег	94
Анархисты	34
Измена Родине	5
Социально опасные и социально вредные элементы	4
По Указу 1948 г.	3
Контрреволюционный саботаж	1

Таблица 28

Вынесенные приговоры*

Приговор	Кол-во человек
Освобождены	75
3 года ИТЛ	64
ВМН	33
5 лет ИТЛ	23
2 года ИТЛ	22
1 год л/с условно	20
1 год л/с	16
В наказание зачтен срок предварительного заключения	13
Оправданы	10
Умерли во время следствия	8
Неизвестен	15

* Выбраны наиболее часто встречающиеся приговоры, всего были применены к репрессированным 36 разных видов приговоров. Приговор «неизвестен» означало чаще всего, что в материалах служебной переписки по делу имелись какие-либо документы, свидетельствующие об осуждении, но сам приговор указан не был.

Полученные в результате подсчетов данные только подтверждают ранее выявленные тенденции по социальным группам репрессированных, национальному составу, уровню образования и т.п. Обращает на себя внимание информация о достаточно большом числе репрессированных священнослужителей, а также осуждение за побег с мест отбывания наказания, что было характерно, в частности, для периода 1940-х гг.

Таким образом, число осужденных по политическим мотивам на территории Томской области (в современных границах) за годы советской власти составило почти 22 тыс. чел., из которых 21 035 чел. в настоящее время реабилитированы.

До принятия в 1926 г. Уголовного кодекса РСФСР были репрессированы 1 502 чел. По 58-й ст. УК РСФСР осуждены 19 532, еще 12 чел. привлекались к уголовной ответственности по ст. 70 УК РСФСР. Каждые трое из четверых были обвинены в проведении «контрреволюционной (антисоветской) пропаганды и агитации» (более 75% осужденных). Обвинение в «организационной деятельности» было предъявлено 70% репрессированных, т.е. каждые двое из троих «готовились» к свержению советской власти.

В жернова репрессий попали представители почти 60 наций и народностей не только бывшего СССР, но и многих стран мира. В числе осужденных были австрийцы, американцы, англичане, болгары, венгры, греки, монголы, румыны, сербы, турки, финны, хорваты, черногорцы, чехи, шведы, японцы, итальянец, норвежец, француз и др. Более всего от репрессий пострадали представители национальностей, указанных в табл. 29.

В числе реабилитированных 1 196 женщин (5,68%), 264 из которых были расстреляны (22,1% от общего числа женщин и 1,25% от общего числа реабилитированных). Среди мужчин был расстрелян каждый второй – 10 478 чел. (49,8%).

В 1937–1938 гг. из 12 771 арестованных были расстреляны 10 095 (79,04%), т.е. каждые четверо из пяти осужденных. Это намного больше, чем где-либо в Советском Союзе. В отдельные месяцы число расстрелянных превышало более одной тысячи человек, а в декабре 1937 г. это число достигло почти 1 600 чел. Проявленную жестокость понять невозможно.

Т а б л и ц а 29

Данные о наиболее пострадавших от репрессий национальностях на территории современной Томской области

Национальная принадлежность	Количество репрессированных, чел.	% от общего числа репрессированных	Из них расстреляно, чел.	% расстрелянных данной национальности
Русские	14 259	67,78	6 607	46,3
Поляки	1 515	7,2	1 205	79,54
Украинцы	1 161	5,52	659	56,76
Немцы	752	3,57	422	56,1
Белорусы	637	3,02	392	61,54
Евреи	478	2,27	197	41,2

По социальному положению в числе реабилитированных 7 155 крестьян (34%), 5 414 служащих (25,73%), 5 007 рабочих (23,8%), 721 военнотружущий (3,42%) и т.д.

Высшее и незаконченное высшее образование имели 1 374 чел. (6,53%), среднее, среднее специальное и неполное среднее – 3 674 (17,46%), начальное – 14 341 (68,17%). Только у 1 646 чел. (7,82%) в анкетах было отмечено, что они неграмотные.

Самому молодому из репрессированных на момент ареста было 13 лет, а троем перевалило за 75 лет.

Таким образом, рассмотрение проблемы реабилитации жертв политических репрессий периода советской власти показывает, что государство возвращалось к этой работе неоднократно, не имея четкой программы действий. Будучи не готовой к кардинальному решению вопроса, власть сама задавала темп этому процессу. Организация работы либо её прекращение (замедление) практически всегда зависели от субъективного фактора, что особенно ярко проявилось в начале 1960-х гг. Как в конце 1930-х, так и в середине 1950-х гг. реабилитация жертв массовых репрессий была организована таким образом, чтобы снять вину с руководства КПСС и государства, возложив ответственность на Сталина и отдельных «врагов», пробравшихся в органы НКВД–МГБ–МВД и организовавших массовые необоснованные репрессии против советского народа, приведшие к многочисленным жертвам. И только открытие архивов позволило вскрыть эту ложь.

Говоря о репрессиях и их масштабах, власть всегда уходила от указания точных и даже приблизительных данных о числе репрессированных, об их категориях. Вне всякого сомнения, делалось это умышленно по причине боязни негативной реакции со стороны населения по отношению к КПСС и многочисленному отряду номенклатуры, скрывавших правду от народа и непосредственно участвовавших в репрессиях. Была боязнь потери сторонников и в международном коммунистическом движении, о чем писал в своих мемуарах Н. Хрущев.

О плановой и организованной работе по реабилитации можно говорить только начиная с 1989 г. Определение этой работы в качестве одной из первоочередных задач для правоохранительных органов позволило организовать этот процесс планомерно с постоянным контролем и отчетами перед вышестоящими органами. Это, в свою очередь, позволило в достаточно короткий отрезок времени определить объемы предстоящей работы, категории и количество лиц, подлежащих реабилитации, и выработать механизм пересмотра дел. Одновременно с работой по пересмотру и реабилитации в субъектах страны была развернута работа по увековечению памяти жертв репрессий путем создания музеев и мемориальных уголков, установки памятников и мемориальных досок, признания официальными кладбищами мест захоронений, издания Книг Памяти. Работа по увековечению памяти жертв массовых репрессий проводилась органами власти и правоохранительными органами совместно с представителями общественности, историко-просветительским обществом «Мемориал» и средствами массовой информации.

Наибольшие объемы в работе по реабилитации жертв репрессий в 1990–2000-х гг. пришлось на органы внутренних дел, где были сосредоточены материалы на сослан-

ных по национальному и религиозному признакам, на кулаков и членов их семей и др. Анализ работы органов МВД Западной Сибири показал, что они успешно решали и продолжают решать эту задачу, превышая все среднестатистические показатели аналогичной работы по России. Одновременно с пересмотром дел в органах УВД создаются автоматизированные банки данных на лиц, поставленных на учет, реабилитированных или признанных пострадавшими от репрессий, и т.п. Сотрудники информационных центров участвуют в разработке архивных фондов, поиске сведений и материалов для последующей передачи их в историко-просветительское общество «Мемориал» для возможного использования в работе с общественностью, для подготовки Книг Памяти жертв политических репрессий, подготовке тематических теле- и радиопередач, публикаций, научных исследований и т.п. Однако несмотря на высокую организацию работы по реабилитации лиц, находившихся на спецпоселении, наличие соглашений со странами ближнего зарубежья о взаимном признании официальных документов о реабилитации пострадавших или их детей, еще имеются нерешенные вопросы. Так, например, дети уроженцев Казахстана, родившиеся там в период нахождения на спецпоселении их родителей, но в настоящее время проживающие в России, не могут быть признаны пострадавшими от репрессий без решения суда. Проблема заключается в том, что в Казахстане (с недавних пор) им не дают справку, так как они не являются гражданами Казахстана, а у нас их не реабилитируют по причине их репрессирования не в России, а в Казахстане. По информации сотрудников УМВД, ранее такая практика отсутствовала и все получали необходимые справки, но кто-то в Казахстане почему-то изменил устоявшуюся практику, сделав акцент на гражданстве ходатайствующего лица. Вопрос казался бы простой, но пока никто не смог (или не захотел) вернуться к ранее действовавшей системе рассмотрения обращений граждан по вопросам реабилитации.

Следует заметить, что сегодня ведется реабилитация только тех лиц, кто проходит по учетам ФСБ–МВД. Однако опыт Омской и Томской областей показывает, что значительный объем материалов по персоналиям хранится, например, в государственных архивах субъектов Российской Федерации. Вне всякого сомнения, подобные материалы могут храниться и в центрах документации Новейшей истории. Более того, следует учесть и то обстоятельство, что не все лица, дела на которых хранятся в фондах пересмотренных дел в управлениях ФСБ, прошли процесс официальной реабилитации. Так, например, в пятом томе Книги Памяти репрессированных жителей Томской области «Боль людская», мною была приведена цифра о 20 656 реабилитированных, чьи данные были опубликованы в мартирологе⁷². Однако официально реабилитированными из них признаны 18 814 чел., у части лиц в делах нет каких-либо официальных документов о признании их жертвами политических репрессий. Считаю, что нахождение под следствием, условное осуждение, освобождение из-под стражи в связи с прекращением дел (следствия) по обстоятельствам недостаточности обвинительных материалов, неподтверждения предьяв-

⁷² Боль людская... Т. 5. С. 8.

ленного обвинения и т.п. в любом случае требует официального (документального) признания несправедливости, проявленной по отношению к ним со стороны государства.

Совет по правам человека при Президенте Российской Федерации в марте 2011 г. (Президенту страны были переданы 1 февраля в г. Екатеринбурге) опубликовал предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Одной из основных целей программы было заявлено не обвинение тех, кто «творил геноцид, разрушение веры и морали», а увековечение памяти жертв режима и окончания Гражданской войны, развязанной в 1917 г. Конкретные шаги, согласно программе, должны были быть направлены на увековечение памяти жертв репрессий через установку памятников и обелисков, определение мест захоронений; рассекречивание архивов и доступ к ним исследователей; оказание конкретной помощи оставшимся в живых жертвам репрессий; создание Книг Памяти и Единой базы данных жертв тоталитарного режима и некоторые другие.

Несомненно, что предлагаемая программа предполагает приложение значительных усилий для её реализации. Потребуется не только материальные и финансовые затраты на претворение в жизнь тех предложений, которые были Советом по правам человека при Президенте России заявлены, необходимо, в первую очередь, оказать самому обществу быть готовым воспринять предлагаемое, т.е. уместно вести речь о переоценке многих укоренившихся в сознании миллионов людей институтов и норм. В этих условиях главенствующими становятся задачи и проблемы морально-нравственного характера – готово ли наше общество сегодня к очередной переоценке своей истории XX столетия. Скорее всего, не готово, но двигаться по предлагаемому программой пути все-таки надо.

Позицию и озабоченность создателей программы в том, что для завершения работы по реабилитации предстоит еще многое сделать и, в частности, необходимо решить вопрос о создании в стране каких-либо специальных рабочих органов с привлечением сотрудников архивных подразделений (для отбора материалов) и правоохранительных органов, в частности, прокуратуры, для выявления и пересмотра материалов и дел, хранящихся в государственных и ведомственных архивах, поддерживаю и разделяю. Но организация этой работы должна проводиться при обязательной поддержке органами власти. Завершить эту работу – значит никого из тех, кто попал в жернова репрессий, не забыть и не потерять – пусть хотя бы в этом справедливость восторжествует.

Говоря о реабилитации жертв политических репрессий, считаю своим долгом назвать имена сотрудников правоохранительных органов, внесших немалый вклад в дело восстановления справедливости в отношении безвинных жертв массового террора в СССР. Это сотрудники Управлений органов госбезопасности: в Томске – А.В. Анопченко, Ю.А. Бычков, В.В. Волков, А.В. Машков, Г.Н. Паньков, Г.Н. Перемитин, Ю.А. Петрухин, В.А. Соболев, Л.В. Цыганкова, С.В. Черепанов, В.П. Шорохо-

вещкий; в Республике Алтай – О.Н. Борозовская, Т.А. Бурак; в Омске – Г.Н. Ичетовкин, В.М. Суптело.

Сотрудники органов МВД России: в Барнауле – Е.М. Басаргина, Н.Н. Кудряшов, А.А. Лаас, О.В. Пермякова, Е.Н. Харина, В.П. Чернов; в Новосибирске – Н.М. Артеменко, Н.П. Голубева, Т.Г. Игнатьева, А.А. Литвинов, Т.Г. Орехова, Е.А. Рузанова, Т.В. Солдатова, Н.А. Тупицына, В.А. Цегельникова, Г.П. Шляпина; в Кемерово – С.М. Дмитриев, Е.П. Здвижкова, Е.Н. Ручинская, О.А. Юдина; в Томске – Н.Р. Ахметшин, Е.В. Мерзлякова, В.К. Мерзлякова, В.А. Мурзин, И.И. Рупаков, М.Н. Фёдорова; в Омске – Л.Д. Базарова, А.В. Коновалова, О.Г. Крокос, И.А. Матвеев, Н.П. Покидов, Н.П. Прокопьева; в Республике Алтай – Г.В. Кудрявцева.

Сотрудники прокуратуры: в Томске – Е.А. Богачёва, В.Д. Бушманов, А.К. Волков, Г.Ф. Гуштенина, А.В. Ермолаев, Н.Г. Исаева, Х.У. Пономарёв, М.П. Рахлевский, Н.В. Самушева, С.Ф. Юрченко; в Республике Алтай – В.Н. Новиков, Г.Я. Тинина.

Сотрудники военной прокуратуры СибВО – полковник юстиции В.П. Слученко, подполковники юстиции А.В. Воевода и В.В. Жданов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вся история советского государства пронизана непримиримостью и искоренением всякого инакомыслия, отличного от официальной доктрины. Достигалось это всеми возможными способами. В первые годы советской власти – преимущественно путем физического устранения, в 1930–1950-е гг. – через «перевоспитание» и «перековку» в исправительно-трудовых лагерях и колониях, в 1960–1970-е гг. – путем применения ст. 70 и 190-1 УК РСФСР, позволявших преследовать недовольных советским строем за «антисоветчину» и «распространение клеветнических измышлений», порочивших самое передовое в мире государство. В 1980-е гг. борьба с инакомыслящими чаще всего проводилась через профилактические беседы в органах КГБ и Прокуратуры СССР с вынесением официальных предостережений о привлечении к уголовной ответственности по вышеназванным статьям УК в случае повторения «незаконных» действий.

Были и более «гуманные» способы борьбы с инакомыслием, выразившиеся в высылке неугодных за пределы советского государства – иногда целыми пароходами, а преимущественно поодиночке. Другим аналогичным способом было принудительное лечение в психиатрических лечебных заведениях.

Октябрь 1917 г. действительно стал «великим» по причине того, что его последствия привели к социальному катаклизму мирового масштаба, на долгие годы вызвав к жизни систему противостояния и противоборства двух систем – капиталистической и социалистической. Для России одним из его результатов стало развязывание гражданской братоубийственной войны. Еще одним – дальнейшее расслоение общества уже не только по социальному и имущественному признакам, но и по политической ориентации.

В условиях краха и разрухи экономической системы страны и открытого саботажа со стороны государственного аппарата прежнего режима большевики, опираясь на постулаты марксизма о необходимости защиты завоеваний революции вооруженным путем и необходимости подавления свергнутых противников, приступили к их претворению в жизнь. Необходимо отметить, что и проигравшая сторона не собиралась без боя сдавать свои позиции, надеясь на реванш.

Уже по истечении нескольких месяцев после Октябрьского переворота победители вынуждены были вернуть в качестве средства борьбы с «бывшими» смертную казнь. В первую очередь к числу потенциальных жертв были отнесены офицерские кадры – те, кто мог, обладая знаниями и опытом, организовать и повести за собой на борьбу с большевиками всех недовольных режимом.

Многочисленные акции и кампании со стороны большевиков в отношении бывших офицеров преследовали цель установления полного контроля за их жизнью и поведением. По этой причине регулярно «вскрывались» среди них разного рода «за-

говоры» и «контрреволюционные» организации, что автоматически вело к развертыванию очередного витка репрессий. Например, «Белогвардейский заговор» – «контрреволюционная» организация, не имевшая аналогов в других регионах страны, был полностью сфальсифицирован сотрудниками ОГПУ Запсибкрая. Для доказательства «преступной» деятельности членов организации активно использовались подтасовка фактов, незаконные методы ведения следствия, секретная агентура. В годы «Большого террора» тысячи офицеров, осевших на жительство в Западной Сибири, были репрессированы по вымышленному делу РОВСа. Таким образом, бывшие офицеры не выпадали из поля зрения сотрудников ОГПУ–НКВД на протяжении всего предвоенного периода, так как власть продолжала видеть в них потенциальную угрозу и опасность для себя.

Другой социальной группой, от которой, по мнению большевиков, могла исходить угроза большевистскому режиму, были «старые» специалисты. Саботаж чиновников в первые месяцы советской власти показал, что новый режим не способен управлять огромной страной в создавшихся условиях. Подавив сопротивление бывшего аппарата управленцев, большевики были вынуждены использовать их на своей службе, одновременно окружая целым сонмом разного рода уполномоченных и комиссаров. Любой акт неприятия специалистами решений новой власти мог повлечь однозначную оценку их действий как контрреволюционных. Однако наличие на службе этих специалистов давало местным советским аппаратчикам, да и самому государству, возможность списывать на них либо на принимавшиеся ими решения и действия все провалы и ошибки в хозяйственной жизни страны. В целях «подтверждения» их враждебного отношения к советской власти и контрреволюционности, на рубеже 1920–1930-х гг. в стране был срежиссирован и проведен целый ряд показательных процессов над «старыми» специалистами. Кроме того, государство постоянно использовало для контроля над «старыми специалистами» систему регулярно проводимых «чисток», в ходе которых «спецы» могли подвергаться прямым унижениям и преследованиям за свое прошлое и принадлежность к «бывшим».

Одновременно с этим власть изредка брала старых специалистов под свою «защиту», требуя внимательного и заботливого отношения к ним со стороны местного партийно-советского руководства и актива, представителей рабочего класса. Политика «двойных стандартов» нужна была большевикам, в частности для выигрыша времени, необходимого для восстановления разрушенной войнами экономики страны и для подготовки собственного аппарата управленцев и новых инженерно-технических кадров. Результатами проводимой в отношении «старых» специалистов политики стало практическое их удаление и вытеснение со всех ведущих постов и уровней управления к началу второй половины 1930-х гг. Тем не менее в 1937–1938 гг. многие из них вновь «попали в поле зрения» органов НКВД, пройдя через жернова репрессий в качестве всевозможных «вредителей» и «диверсантов».

Не были оставлены без внимания представители духовенства и сектанты. Большевики прекрасно понимали, что невозможно одномоментно оторвать человека от веры, от того, что на протяжении поколений являлось стержнем и сутью его миро-

воззрения и убеждений. Если в случаях с офицерским корпусом и буржуазной интеллигенцией большевики «покушались» на устои и принципы жизнедеятельности социальных групп, то в данном случае ими велась борьба с основами мировоззрения всего населения страны и теми, кто проводил их в жизнь. В условиях коренной ломки всех институтов общества развал этой системы ценностей находился в числе первоочередных. Без победы над названным «врагом» большевики не могли рассчитывать на успех и претворение в реалии многих своих планов, призывов и лозунгов, в привлечении масс на свою сторону. С учетом этого и строилась работа по уничтожению духовных основ общества – от раскола церкви на отдельные направления до физического устранения духовенства и разрушения храмов, мечетей, церквей и иных молитвенных объектов. Для реализации задуманного в масштабах страны была задействована и реализована целая программа по уничтожению основ веры у населения. Этот механизм уничтожения активно действовал и на территории краев и областей Западной Сибири на протяжении четверти века после Октября 1917 г.

Борьба большевиков распространялась не только на разрушение официальных религиозных верований и течений, но и на сектантство. Секты были во все времена и при любых режимах, так как всегда находились несогласные с официальными институтами веры. И во все времена сектанты активно преследовались органами власти. Большевики только продолжили репрессии против сектантов, начатые еще в прежние времена, тем более, что церковь всегда боролась с их проявлениями. В данном случае срабатывали два момента – естественное неприятие сектантства, отложенное в голове у любого человека на бессознательном уровне, пусть даже объявившего себя в одночасье атеистом, и целенаправленная кампания государства по их уничтожению. Следует учитывать, что если официальная церковь боролась с отступниками от веры, то большевики боролись с «соперниками», которые могли «украсть» у них часть паствы и увлечь ее за собой.

На протяжении всего рассматриваемого периода ежегодное число страдальцев за веру неукоснительно росло, достигнув апогея в 1937–1938 гг. Только в Алтайском крае, в Новосибирской, Омской и Томской областях в указанный период были репрессированы более 1 700 священнослужителей и представителей церковного актива, многих расстреляли. Однако даже проведение целенаправленной антирелигиозной политики не позволило большевикам коренным образом переломить ситуацию с религиозными верованиями в стране. Значительная часть населения, пусть и тайно, продолжала верить в Бога, выполнять религиозные обряды и отмечать церковные праздники.

В борьбе за сохранение своей власти большевики устраняли от активной деятельности и своих бывших соратников по борьбе с самодержавием, прежде всего эсеров, которые имели значительное влияние в крестьянской среде. Вдобавок политические оппоненты имели за своими плечами богатейшие традиции и опыт нелегальной борьбы, который пытались использовать в первые годы советской власти.

Практически все политические партии и движения были лишены возможности даже информировать население о своей конкретной деятельности, планах и намерениях, о своей позиции и несогласии с политикой большевиков через печать, так как были закрыты все их печатные издания. Были также организованы кампании по дискредита-

ции антибольшевистских партий и движений, в том числе и процесс по эсерам в 1922 г., что позволило начать постепенное их вытеснение из кооперации, профсоюзов и местных органов власти. Для достижения этой цели в организациях и учреждениях создавались специальные структуры – «Бюро содействия», целью которых был сбор информации в отношении меньшевиков и эсеров, организация учета и контроля за их деятельностью, выявление круга связей и т.п., а главное – недопущение объединения их усилий в борьбе с правящим режимом. Многие из представителей небольшевистских партий были направлены в ссылку, в том числе и в Нарымский край, где органы ОГПУ продолжили работу по дальнейшему разложению и дискредитации этих партий. Для достижения поставленных целей активно использовалась агентура из числа самих «оппонентов», что позволяло осуществлять перекрестную проверку получаемой органами информации и проводить конкретные упреждающие мероприятия по пресечению каких-либо «антисоветских» действий со стороны отбывавших ссылку контингентов. При этом власть старалась использовать опыт и знания отдельных ссыльных специалистов для реализации на практике народнохозяйственных задач через разрешение конкретных вопросов и проблем. Но честное и добросовестное исполнение ими своих обязанностей на благо общества и государства, без какой-либо политической подоплеки, не убергло их от попадания в «жернова» репрессий в годы «Большого террора».

Несмотря на то, что к середине 1920-х гг. деятельность этих политических оппонентов большевиков была полностью парализована, а практическая партийная деятельность прекращена, во второй половине 1930-х гг. в соответствии с инструкциями «сверху» «выяснилось», что политические оппоненты вновь стали «активно заниматься антисоветской подрывной деятельностью». По этой «причине» преследования их продолжались, о чем может свидетельствовать издание в 1937–1938 гг. приказов НКВД, направленных на организацию работы по их дальнейшему разоблачению как «врагов народа». Вновь пересматривались архивные материалы, отрабатывались бывшие связи и контакты, передопрашивались сами «оппоненты». И каждая новая фамилия, полученная в ходе этой рутинной работы, удлиняла цепочку «преступных» связей, приводя к вскрытию новых замаскированных «контрреволюционных» организаций. В названные годы их было «выявлено» несколько сотен, в том числе и достаточно крупных, хотя в некоторых из этих организаций бывшие политические оппоненты исчислялись единицами. Не было ни одного субъекта в Западной Сибири, где не было бы ликвидировано по несколько таких организаций и групп.

Командные чрезвычайные методы управления государством, избранные большевистским руководством страны в качестве основных, заставляли всю страну жить в рамках жесточайшей дисциплины и чрезмерной требовательности, когда какое-либо отступление от общеустановленных норм и правил приравнивалось к преступлению антигосударственной направленности. Постоянный перенос, в частности в период 1920-х гг., методов и форм управления, характерных для периода Гражданской войны, на мирную жизнь, привел к порождению многочисленных перегибов в управлении страной в целом и на местах в частности. Одним из таких порождений стало явление, получившее широкое распространение в Сибири под названием «красный бан-

дитизм», когда часть членов РКП(б), преимущественно из числа руководителей низшего звена управления, сотрудников уездных политбюро и милиции самостоятельно вершили судьбы граждан по «своему усмотрению», в том числе допуская физическое уничтожение их и членов их семей. Чаще всего их действия были вызваны несогласием с действиями государства по отношению к этим лицам, например амнистирование за прошлые «грехи» и т.п.

С другой стороны, власть активно нарушала нормы и правила в ходе проведения хлебозаготовительных и иных подобных кампаний. Для выкачки хлеба в Западную Сибирь были направлены тысячи продармейцев, которые выполняли поставленную перед ними задачу, несмотря ни на какие обстоятельства и условия, обычно чиня произвол и беззаконие. Неумелая организация этой работы со стороны представителей советских органов на фоне допускаемых правонарушений вызывала протест со стороны крестьянского населения, в том числе и в форме организованного сопротивления в виде вооруженных восстаний, как это, например, неоднократно было в начале 1920-х гг. на Алтае и в Томской губернии. В отдельных случаях в таких восстаниях принимали участие десятки тысяч крестьян. Самым массовым выступлением стало Западно-Сибирское восстание. Для подавления этих «мятежей» власть вынуждена была привлекать не только вооруженные отряды партийно-советского актива, милиции и ЧК, но и кадровые подразделения Красной армии с бронепоездами и артиллерией. Подавление восстаний обычно сопровождалось проявлениями жестокости и насилия по отношению к их участникам.

В 1930-е гг. проведение политики коллективизации и раскулачивания привело к очередному наступлению на крестьянство, отправив миллионы из них в ссылку в отдаленные малообжитые районы. Результатом этой политики явилось уничтожение наиболее сильных крестьянских хозяйств, дававших основную часть хлеба и продовольствия стране, что привело к серьезному подрыву и разрушению сельского хозяйства. В этой борьбе с «врагами» власть в лице своих представителей допускала многочисленные нарушения, перегибы и злоупотребления. Все эти действия также способствовали взрыву народного негодования и протеста в форме «вольноков», «бабьих бунтов», прямого неподчинения и активного сопротивления. Последнее проявлялось в форме актов вредительства, порчи техники и инвентаря, поджогов имущества, в убийствах представителей сельского и партийного актива и в открытых вооруженных выступлениях, как это было в Чаинском, Чумаковском и других районах Западной Сибири. Другим проявлением протеста против действия властей становились многочисленные случаи бегства спепереселенцев с мест их расселения. Число бежавших с мест поселения в Западной Сибири исчислялось десятками тысяч человек, тысячи из которых погибли в тайге и болотах, пытаясь вырваться на свободу. Так, только в 1934–1935 гг. в Западной Сибири числились в бегах 47 992 чел., т.е. каждый третий бежавший в стране.

В соответствии с перспективами экономического развития страны Западная Сибирь должна была превратиться в крупнейший промышленный центр на востоке страны, предполагавший развитие целого ряда отраслей промышленности: металлургической, химической, машиностроительной и др. Развитие транспортной инфраструктуры

через строительство системы железных и автомобильных дорог должно было обеспечить решение целого комплекса задач, поставленных руководством страны. В их числе значилось обеспечение сырьем не только строившихся фабрик и заводов в Западной Сибири, но и других регионов страны, в частности путем значительного увеличения объемов лесозаготовок и добычи угля, разработки рудных месторождений. Так, в Кузбассе строились десятки новых угольных шахт, добываемый на которых уголь должен был в первую очередь удовлетворить потребности промышленных объектов Урала. Планировалось строительство ряда гидро- и теплоэлектростанций.

Реализация этих планов требовала привлечения многих тысяч пар рабочих рук. Регион не располагал подобными ресурсами, в связи с чем требовалось перемещение в Западную Сибирь сотен тысяч человек из европейской части страны. Организация государством добровольного переезда для освоения труднодоступных и малообжитых мест не могла дать желаемого результата. По этой причине колонизация новых земель решалась путем насильственного перемещения части населения, в частности за счет раскулачивания зажиточного крестьянства, когда в Западно-Сибирский регион были высланы сотни тысяч крестьянских семей. На 1 июля 1941 г. в Алтайском крае, в Новосибирской и Омской областях только в трудпоселках продолжали проживать почти 210 тыс. спецпереселенцев или 57 тыс. семей. Именно руками этих крестьян «филиал» ГУЛАГа Сиблаг решал вопросы прокладки новых транспортных магистралей, строительства фабрик, заводов, рудников, шахт, заготовки и переработки леса, столь необходимого на строившихся объектах экономики, развития сельского хозяйства. Более того, перемещение контингентов новых поселенцев привело к кратному увеличению населения Западной Сибири.

Наряду с политической, Западная Сибирь стала и местом ссылки уголовной, что не могло не придавать региону особенного положения, заметно влияя на многие происходившие события. Незрелость пенитенциарной системы, возобладание заблуждений и тенденций по вопросам борьбы с преступностью и перевоспитанию преступных элементов на фоне тяжелейшей экономической и социальной ситуации в регионе привели к ухудшению криминогенной обстановки. В силу названных и ряда иных причин Сибирь во второй половине 1920-х гг. неоднократно объявлялась «неблагополучной по бандитизму».

Концентрация в регионе многотысячной армии «врагов» позволяла органам власти на местах списывать на них и их происки многие из собственных недочетов и провалов в планировании и практической деятельности.

Некое «прозрение» от результатов политики массового террора у большевиков пришло только во второй половине 1938 г., когда начали исправлять «ошибки», допущенные «врагами», пробравшимися в органы НКВД. В конце 1938 – 1940-х гг. была организована кампания по пересмотру дел на незаконно осужденных граждан и их освобождению из мест заключения. Скорее всего, эти действия носили умышленный характер, так как цели кампании по уничтожению истинных и мнимых врагов и оппонентов Сталина были достигнуты и можно было избавиться от очередных одиозных и рьяных исполнителей его воли. Аресту подверглись более трех тысяч сотруд-

ников НКВД. В Западной Сибири были арестованы и осуждены несколько десятков человек, преимущественно из числа руководящего состава, хотя масштабы репрессий в регионе, особенно в 1937 г., превосходили все допустимые пределы и были самыми массовыми в СССР. Своими решениями «вождь народов» снял с себя всю ответственность за совершенное, попутно обелив и свое ближайшее окружение.

Результатом этой кампании, получившей название «Бериевской оттепели», стало освобождение нескольких десятков тысяч осужденных, хотя аресты в это же самое время продолжались по всей стране, имея тенденцию постоянного их увеличения. В нашем регионе освобожденные исчислялись единицами.

Реальная реабилитация жертв необоснованных политических репрессий началась только в середине 1950-х гг. Пересмотру подверглись тысячи уголовных дел, и честное имя было возвращено сотням тысяч незаконно репрессированных. На территории только пяти субъектов Западной Сибири (Республики Алтай, Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской и Томской областей) в период с 1954 по 1960 г. были реабилитированы более 80 тыс. чел., что составило 53,7% от общего числа реабилитированных за весь период до настоящего времени. Однако по мере «продвижения к коммунизму» вопросы реабилитации стали постепенно отодвигаться на задний план и в семидесятые годы эта работа практически прекратилась. Идеологический аппарат КПСС сделал все для постепенного свертывания этой работы и замалчивания мрачных страниц нашей истории. Потребовались долгие годы ожидания и кардинальные изменения в общественно-политическом устройстве страны, смена приоритетов и ценностей, чтобы общество вновь вспомнило о судьбах миллионов безвинно пострадавших наших соотечественников. Только привлечение значительных усилий, в первую очередь общественности, реанимировало работу по пересмотру дел незаконно осужденных в годы массовых репрессий. Государственными органами в 1988–1989 гг. был принят ряд документов, определивших комплекс мероприятий и порядок организации этой работы.

Выход этих документов придал новый импульс пересмотру архивно-следственных дел и позволил в короткий промежуток времени пересмотреть десятки тысяч новых дел. В Западной Сибири только в пяти названных субъектах в одном только 1989 г. было реабилитировано более 21 тыс. чел., а к 2001 г. число реабилитированных выросло до 50 тыс. чел. Открытие архивов органов КГБ позволило установить судьбы многих россиян, представлявших гордость страны, обнаружить хранившиеся в архивах казалось бы навсегда утерянные исторические реликвии. Ознакомление с делами привело к информационному «взрыву» в виде выпуска тысяч книг, брошюр, отдельных рассказов и очерков, посвященных теме репрессий, вскрытию механизма их проявления, причин и последствий. Были обнародованы имена тех, кто должен был нести ответственность за содеянное, кто активно проводил кампанию террора против собственного народа в Центре и на местах. Благодаря совместным действиям сотрудников органов госбезопасности, членов ИПО «Мемориал» и иных общественных организаций были выявлены многие места захоронений жертв репрессий, что позволило установить сотни памятников, обелисков и мемориальных досок в качестве символов увековечения памяти жертв репрессий.

Другим символом увековечения памяти незаконно репрессированных стало издание Книг Памяти, инициаторами выпуска которых стали сотрудники Томского УКГБ СССР. Их почин был одобрен специальным приказом тогда уже Агентства федеральной безопасности РСФСР и был рекомендован к исполнению всеми территориальными органами госбезопасности. Книги содержат не только установочные данные на репрессированных, но и информационно-справочные материалы и конкретные документы, позволяющие любому человеку, кто возьмет их в свои руки, понять многое из того, что происходило в те далекие годы, ощутить атмосферу тех дней. Сегодня Книги Памяти выпущены в десятках субъектов Российской Федерации, во многих работа близка к завершению.

Организация работы по реабилитации жертв массовых репрессий на протяжении всего периода ее проведения носила циклический характер. Сегодня вновь начинается просматриваться тенденция постепенного падения «интереса» к ней. Погружение страны в череду очередных экономических и политических перемен привело к утрате актуальности темы репрессий. Хотя еще далеко не все жертвы советской репрессивной политики выявлены, так как, например, в государственных архивах страны имеются фонды, где хранятся дела на еще не реабилитированных наших соотечественников. Память о жертвах репрессий – это грозное предостережение нам, что можно легко скатиться к поиску виноватых и врагов, поступиться принципами морали, человеколюбия, забыть об ответственности за недопущение подобного впредь.

Таким образом, на основе многочисленных исторических документов мы можем вести речь о том, что на протяжении всего периода советской истории партийно-советским руководством страны велась борьба с «врагами народа», подавляющее большинство из которых таковыми на самом деле не являлись. С этой целью в стране была создана и постоянно совершенствовалась система карательных органов, с помощью которой и достигалось решение задачи борьбы с «врагами». Все сферы жизни общества были под неусыпным контролем и вниманием созданной системы. Постоянные призывы к усилению бдительности, поиску вредителей и врагов, мешавших советским людям строить «светлое будущее», в сочетании с социалистическими принципами учета и контроля, постоянной отчетности и т.п. привели к искаженному восприятию происходившего в действительности. В угоду исполнению воли вождя, с целью реализации директив и указаний партии, выросшая армия идеологически «зомбированных» членов общества была готова верить во все сказанное «чутким и заботливым руководством страны во главе с вождем народов И. Сталиным» и слепо исполнять все их приказы. Более того, сформированная на рубеже 1920–1930-х гг. командно-бюрократическая система позволяла реализовывать на практике все установки партийно-советского руководства страны на принципах наличия строгой партийной дисциплины. В этих условиях была развернута целенаправленная кампания по уничтожению всех истинных и мнимых противников государства и личных оппонентов Сталина. Реализация ее только в довоенные годы привела к миллионам необоснованных жертв.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМН – высшая мера наказания
ВНУС – внутренняя служба
ВОХР – военизированная охрана
врид – временно исполняющий должность
ВСНХ – Высший Совет народного хозяйства
ВТ – военный трибунал
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС – Всероссийский центральный совет профессиональных союзов
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
г – город, грамм
га – гектар
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ГАОО – Государственный архив Омской области
ГАТО – Государственный архив Томской области
губ. – губерния
ГУГБ – Главное управление государственной безопасности
ГУЛаг – Главное управление лагерями
ГУМЗ – Главное управление местами заключения
ГПУ – Государственное политическое управление
губЧК – губернская чрезвычайная комиссия
Д – дело
дер. – деревня
ж. д. – железная дорога
зав. – заведующий
зам. – заместитель
з/к – заключенный
ЗСК – Западно-Сибирский край
ЗСКАУ – Западно-Сибирское краевое административное управление
ИТД – исправительно-трудовой дом
ИТК – исправительно-трудовая колония
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
кг – килограмм
КГБ – Комитет государственной безопасности
КРО – контрразведывательный отдел
ЛПХ – леспромхоз
л/с – лишение свободы
МВД – Министерство внутренних дел

МГБ – Министерство государственной безопасности
млн – миллион
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
НКЮ – Народный комиссариат юстиции
о. – остров
обл. – область
ОГПУ – Объединенное Государственное политическое управление
ОО – особый отдел
Оп – опись
ОСД УАДАК – отдел спецдокументации Управления архивного дела Алтайского края
ОТП – отдел трудовых поселений
ПВС – Президиум Верховного Совета
пгт – поселок городского типа
пос. – поселок
ПП – полномочное представительство, полномочный представитель
пп. – пункт проживания
ПСР – партия социалистов-революционеров (эсеров)
р. – река
РВСР – Революционный военный совет Республики
РИК – районный исполнительный комитет
РКИ – рабоче-крестьянская инспекция
РККА – рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи
РОВС – Российский общевойсковой союз
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия (б) – большевиков,
(м) – меньшевиков
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ – Российская Федерация
р-он – район
с. – село
сб. – сборник
СибВО – Сибирский военный округ
СМ – Совет Министров
СОУ – секретно-оперативное управление
СОЧ – секретно-оперативная часть
СПО – секретно-политический отдел
ст. – статья, станция, станица
стр. – стрелковый
СВЭ – социально вредный элемент

СКИК – Сибирский краевой исполнительный комитет
СКК – Северо-Кавказский край
СОЭ – социально опасный элемент
ТКП – Трудовая крестьянская партия
УВД – Управление внутренних дел
УГБ – Управление государственной безопасности
УИТЛК – Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
УК – уголовный кодекс
УЛag – управление лагерями
УСЛОН – Управление северных лагерей особого назначения
УФСБ – Управление федеральной службы безопасности
Ф – фонд
ФСБ – Федеральная служба безопасности
ц – центнер
ЦДНИ ТО – Центр документации Новейшей истории Томской области
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЦКО – Центральный карательный отдел
ЦЧО – Центрально-Черноземная область
ЧК – чрезвычайная комиссия
ЧОН – части особого назначения
чел. – человек
шт. – штук
ЭКО – экономический отдел

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аблажей Н. 204, 205, 206, 207, 511
Абражаев 444
Абраменко И.А. 63, 105, 110, 111, 157,
160, 162, 302, 362, 511
Абрамович М.Л. 384
Абрамович Р.А. 347
Абрамов-Шабалин А.П. 180
Агафонов 151
Агранов Я.С. 348
Азарх 261
Айзенберг И.А. 332
Акулов 245
Александров К.М. 209, 512
Александров 277
Алексеев 403
Алексеева Т. 281
Алексий архиепископ 279, 280
Алёхин 406
Алимов 43, 45, 49, 57, 58, 59
Алюбаев 86
Аморантов И.А. 279
Андреев А. 292
Андреев И.Н. 149
Андреев Н.С. 233
Андреев С. 450
Андреева-Горбунова А.А. 348
Анненков 9, 249
Анопченко А.В. 462
Антипин И.В. 200
Анучин В.И. 313, 314, 315
Аргудеев 120
Аржанов И.А. 102
Аристов 140
Аристов А.Б. 410
Аркашев А.С. 156, 157, 158
Артеменко Н.М. 463
Артоболевский А.И. 272
Архипов 403
Астапов И. 86
Астапов Т. 86
Астафьев 110
Атрашкевич 100, 101
Афанасьев 52
Ахметшин Н.Р. 463
Бабарыкин К.Г. 189
Бабинцев 42
Багаев М. 122, 123
Баженов А.Ф. 243
Базаров 318
Базарова Л.Д. 463
Байченко А.А. 425
Бак Б.А. 45, 47, 51, 60, 61, 68, 145, 158,
159, 288
Бакич 249
Бакланов 63
Баландин 204
Баландин М.Ф. 76
Балицкий В.А. 174, 178
Балыгин 241
Барабанщикова Е.В. 320
Баранов Т.У. 397
Барахович М.Б. 141, 142
Бардаков 114
Барков И. 348
Бартновский 403
Барышников Д. 367
Басаргина Е.М. 463
Батурин 261
Бауэр В. 429
Бафталевский В.И. 207
Бахов А.С. 180
Бахов П.И. 180
Бейцман Б.А. 152
Беккер А.Г. 290
Беленец А.И. 297
Беленькая-Финкельберг Х.Х. 381
Белкин К.К. 316, 317
Белобородов А.А. 397
Белокобыльский 22
Белоногов Т.П. 228
Белоусов А.И. 397
Бельский 376
Беляев 78
Беляев В.Ф. 42, 250, 312

Беляев А.П. 233
 Беляев С.А. 357, 360
 Беляевский 250
 Белянин-Бианки В.В. 324
 Бем Д.А. 371, 372, 373
 Беневоленский И.А. 271, 532
 Бердинский Д.А. 233
 Бердников В.М. 272
 Берёзов Е.М. 360
 Березовский 318
 Березовский В.В. 158
 Берия Л.П. 387, 391, 509, 512, 523,
 525, 526
 Берлацкий Б.М. 349
 Берман М.Д. 155, 220, 223
 Бертуш Б.Я. 261
 Берх Ф.Ф. 291
 Бессонов П.Д. 233
 Биринбаум Г.Л. 397
 Бирюков П.Я. 328
 Бланков И.М. 320
 Блинов П. 261
 Блох Р.А. 306
 Бобров 155
 Богачёва Е.А. 463
 Богданов М.А. 41, 114, 115, 118, 230,
 512
 Богданов С.П. 161
 Боголепов А.В. 316, 319
 Богоявленский В.И. 257
 Боженко Л.И. 83, 84, 91, 100, 105, 106,
 304, 318, 512
 Бойко 116
 Бойко В. 129, 512
 Болдырев В.Г. 183, 184, 190, 197, 198,
 216, 217
 Болотова Н.С. 370, 371
 Больдт Я.С. 291
 Большаков В.Е. 197
 Борисов 16
 Борисов Ю. 224
 Борозовская О.Н. 463
 Бортгаузен М.Н. 238
 Босых М.А. 279
 Бочарников 25, 27
 Бочкарёв В.И. 251
 Бочковский М.В. 381
 Бошко А.И. 407
 Бражников П.В. 216
 Браиловский Я.И. 381
 Брандес Д. 290
 Бранецкий 55, 56
 Брауде В.П. 155
 Бройдо Е.Л. 345, 347
 Брокер 38
 Броунштейн-Валерианов М.А. 345, 346,
 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 527
 Брудинский Н.М. 207
 Брусиллов 159
 Брычков П. 186, 197
 Брюханов 122
 Брянцев Н.Я. 383
 Буда Н.М. 149
 Бударин М.Е. 102, 118, 140, 147, 160,
 247, 248, 249, 323, 366, 512
 Буздалкин 88, 89
 Булавин 120
 Булак-Булакович 34
 Булатов 116, 384
 Булатов Д.А. 280
 Булдаков В.П. 67, 247, 414, 512
 Буньков Е.Т. 189
 Бурак Т.А. 463
 Бурдин 277
 Буриченко 116
 Бурлак 131
 Бурнашев И.Г. 253
 Бутенко Х.Е. 184
 Буторовский 80
 Бутягин П.В. 225, 226, 227
 Бухарин Н.И. 408
 Бушманов В.Д. 463
 Быковский К.К. 221
 Быстров 199, 201
 Бычков 104
 Бычков Ю.А. 462
 Вавилов Н.И. 219, 524
 Вадзинский 320
 Вазбис О.О. 397
 Валейко Г.О. 52
 Валухин К.Н. 397
 Вардин И. 309

Варкентин Г.Я. 290, 509
Васильев Д.И. 271
Васильев И. 100
Васильев Н.С. 271
Васильков Н.И. 278
Васинский А. 76
Васнецов А.И. 272
Ведерников П.А. 146
Веледерский 359
Великанов Н.С. 397, 402
Великосельцев Б.Н. 288
Вельский Л. 178
Вернадский В.И. 219, 524
Веселкова Т.И. 71
Виктор епископ 257
Викторов Б.А. 210, 211, 218, 304, 347,
408, 513
Виллисов В.П. 158
Виноградов 64
Виноградов Ф.Г. 346
Винокуров 245
Витгефт 234
Витковский Г.Я. 397
Внуков 85, 86
Воевода А.В. 463
Возилкин 98
Воистинов Ф.В. 397
Войков П.Л. 172
Войтовецкий 255
Волков А.К. 463
Волков В.В. 462
Волкогионов Д. 305, 306, 513
Волконский А.В. 203, 204, 207
Володарский 309, 310, 369
Воложанин В.Е. 306, 337
Волошенко К.С. 296
Вольфович В.А. 300
Вольфрам 88
Вольхин Ф.Е. 141, 143
Воробьев М. 270
Воронин 321, 322
Воронин А.З. 448
Воронин Ф. 188
Воронков 179
Ворошилов К.Е. 444
Врангель 165, 248, 332
Вреден 154
Выпряжкин Я.Ф. 402
Вышинский А.Я. 245, 372, 386, 387, 390
Габов 98
Гаврилович А.И. 145, 154, 155, 156,
157, 163, 313, 445, 449
Гавриченко 403
Гагарин А.А. 207, 513
Гай (Штоклянд) М.И. 350
Гайдено В.Т. 76
Гайлевич П.А. 324
Гайлит 49
Галицкий 403
Галкин В. 450, 513
Галкина Т. 94, 513
Гамм Г.Г. 290
Гапоненко 88
Гарин 369
Гаринов 200
Генделев А.Е. 225
Георгиевский Ф.П. 249
Гермайзе 175
Герцев А.И. 341
Герштейн 306
Гиммер 347
Гинзбург 320
Глазунов 60
Глотов 14
Головин 403
Голубева Н.П. 206, 353, 388, 397
Голубчик М.О. 154
Гольшев 85, 86
Гольдберг 329
Гончаренко М.С. 294
Горб 403
Горбач Г.Ф. 206, 353, 388, 397
Горвиц Т.О. 154
Гордиенко 85, 86
Горох И.Л. 329
Горохов А.В. 198
Горохов А.Ф. 326
Горчаков 130
Горький М. 224, 314, 324
Горячков 236
Грабовский 250, 403
Гревз В. 9

Гремицкий В.А. 328
 Грехнев Г.Н. 324, 325, 536
 Григорьева К. 15
 Гридошко 151
 Гридунова И.А. 397, 398, 399, 514
 Гришаев В. 31, 91, 95, 97, 128, 189,
 324, 327, 328, 450, 514
 Громан В.Г. 349
 Громов Е.Г. 198
 Гронский 241
 Гронский Ю.М. 274, 275
 Грузевич-Нечай М.Г. 141, 142
 Грушецкий Б.Д. 18, 179, 180
 Грядинский Ф.П. 196, 450
 Гузеева В. 450, 514
 Гузняев А.Н. 411
 Гулько 403
 Гурович 43
 Гусев 146
 Густомесов Н. 160, 302
 Гуськов И.М. 95
 Гуштенина Г.Ф. 463
 Гущин И. 450
 Гущин Н. 17, 16, 19, 28, 61, 62, 126,
 152, 266, 514, 515
 Давыдов 169
 Дагаев М.В. 279
 Данилов 16, 169
 Девиляров 130
 Девятков 364
 Девятков А.И. 365, 537
 Дембский 335
 Дементьев Н.А. 141, 142
 Демидов В.В. 308, 515
 Демидов Н.М. 277
 Демидов П.В. 279
 Деникин А.И. 165, 248, 332
 Дербер П.Я. 320
 Дерковская Н.С. 312
 Детков М. 54, 398, 512, 515
 Дзерве 42
 Дзержинский Ф.Э. 47, 97, 122, 125,
 149, 175, 214, 230, 231, 233, 314, 318,
 338, 339, 517, 527
 Дик Г.Я. 291
 Дисков Г. 316, 319
 Дистлер К.А. 300
 Длугач Г.И. 233
 Длужинский М.И. 197, 397
 Дмитриев (Плоткин) Д.М. 348
 Дмитриев С.М. 463
 Дмитрий архиепископ 259
 Добровольский А. 305, 306, 307, 309,
 310, 311, 321, 323, 333, 334, 335, 336,
 341, 343, 515
 Добровольский П.Н. 250
 Добытин Ф.Г. 127, 128
 Долгих И.И. 24, 25, 27, 30, 31, 32, 120
 Долгоруков Ф.В. 180, 181, 202
 Долингер П.Н. 180, 181
 Домненко 152
 Донской Д.Д. 311, 352, 375, 377, 378,
 379, 383, 384, 529
 Драверт П.Л. 228, 229, 523
 Драчук 100, 159
 Дрягин 70, 71
 Дубинский 257
 Дубровинский Я.Ф. 297
 Дугин А. 398, 515
 Дьяконов 306
 Дюженко 196
 Дятлов 263
 Евдокимов Е. 178
 Евсеев 116, 325
 Евсеев В.И. 397
 Евстигнеев И.М. 329
 Егоров П.А. 395
 Ежаков А.Н. 404
 Ежов (Цедербаум) С.О. 351
 Ежов Н.И. 203, 206, 284, 285, 292, 326,
 327, 386, 387, 394, 395
 Елевич М.И. 337
 Емелин А.Ф. 161
 Емельянов Е.А. 326
 Емельянов Н.Ф. 226, 227
 Енукидзе А.С. 71, 75
 Ермолаев А.В. 463
 Ермолаев П.М. 337
 Ерохин П.Ф. 194
 Ершов 63
 Ефимов 316, 319
 Ефимов И. 244, 516

Ефремов 175
 Жабрев И.А. 198
 Жабров 72, 308
 Жалилов Н.Ф. 264, 265
 Жарков П.М. 213
 Жданов А.Н. 221
 Жданов В.В. 442, 463
 Жданова Г.Д. 128, 208, 454, 516
 Жилков А.А. 397
 Жиромская В. 292
 Жуйков И.М. 225
 Жук 347
 Жуковский-Жук И.И. 328, 329, 330, 520
 Журавлёв 241
 Журавлёв А.С. 280, 281
 Жучков А. 450, 516
 Завадовский Н.А. 158
 Завьялов 403
 Зайцев И. 89
 Зайцев П.П. 280
 Зайчик 378
 Заковский Л.М. 13, 27, 55, 56, 60, 237
 Залкин М.Л. 397
 Замятин 80, 322
 Замятин А.П. 77
 Заплетин М.Г. 95
 Запорожец 403
 Зарухович М.Я. 221, 222, 223
 Зарх 345
 Захаров М. 295
 Захожий К.Т. 130
 Звездинский С. 279
 Звездов 166
 Зданович А.А. 67, 164, 165, 174, 175,
 176, 177, 178, 179, 235, 516
 Здвижкова Е.П. 463
 Зеликман Н.М. 207
 Земсков В. 21, 29, 30, 132, 133, 135,
 136, 398, 431, 516
 Зильбербарт 180
 Зимин 360
 Зимонин Ф.Я. 293
 Зингер Ю.М. 384
 Зиновьев 63, 120, 309, 408
 Зиновьев К.В. 189
 Зорин 15
 Зройчиков И.И. 365, 539
 Зубков 130
 Зубков А. 398, 516
 Зубкова В.П. 147
 Зутис П. 147
 Зыбко К.А. 72, 77, 78, 79, 80, 81
 Зыбченко И.П. 39
 Зыков 140
 Зыков С.С. 253
 Иваницкий-Василенко А.А. 326
 Иванов 217, 265, 337
 Иванов И. 70
 Иванов Н.П. 158
 Иванов Ф.Н. 397
 Иванцов В.С. 194
 Иглин 321, 322
 Игнатъев 277, 302, 306
 Игнатъев В.И. 104, 110, 302
 Игнатъева Т.Г. 463
 Игонькина П.И. 398
 Изотёнок И.А. 130
 Ильин 184, 186, 201
 Ильин А.И. 16, 233, 516
 Ильин Р.С. 383
 Ильина В.В. 271
 Ильина К.В. 271
 Ильина Л.В. 271
 Иннокентий епископ 262
 Иноземцев 114
 Иозефер А.Л. 228, 229
 Иоффе О.Л. 376
 Ипполитов И.А. 233, 539
 Исаева Н.Г. 463
 Исаков Л.И. 187
 Итин В. 67
 Каган В.Г. 397
 Каганович Л.М. 240, 267, 291, 292, 389
 Каганович П.К. 93
 Каешко 277
 Каешко О. 281
 Казанцев М. 89
 Кайгородов А.П. 119, 120
 Какурин Н. 174
 Каландаришвили Н.А. 361, 366
 Калашников Г.С. 241
 Калинин 88

Калинин М.И. 72, 79, 116
 Калинин-Гричановский С.А. 77, 80
 Калмыков 48, 232
 Калугина К.В. 264
 Каменев 408
 Каменев Д.Н. 341
 Каменских Г.С. 207, 208, 397
 Кан Г.И. 340
 Капишников В.А. 443, 444
 Каплан Ф. 377
 Капотов 167
 Каппель 9
 Каратыгин Е.С. 219, 221
 Карклин И. 445
 Карпенко 78
 Карташев 365
 Катков М. 333
 Керенский А.Ф. 35
 Киржнер М.Г. 381
 Кикин А. 188, 275
 Кип Джон 283, 414
 Клементьев 151
 Кликушин М.В. 226
 Климов Н.С. 272, 258
 Климович С.А. 81
 Клиппенштейн Я.Г. 290
 Ключев Н.А. 204
 Князев 227
 Ковригин 42
 Ковригин И. 333
 Кожевина В.М. 340
 Кожевников В.С. 39
 Кожевников М.П. 340
 Кожин 104
 Кожин Н.А. 241
 Козлов 104
 Козлов В.П. 314, 315
 Козлов И.Д. 273, 274
 Коккель Г. 188
 Колесников А.А. 270, 283, 284, 292
 Колесников И.И. 395
 Колесова Л.И. 425
 Колмаков Н.С. 355, 356, 357, 358, 359
 Колмакова А.И. 155
 Колосов Е.И. 233
 Колчак А.В. 73, 101, 140, 141, 142, 146, 147, 151, 152, 153, 159, 160, 162, 185, 184, 190, 248, 300, 308, 324, 332, 365
 Колыванов-Ратмиров П.М. 161
 Колубакин Н.Б. 216
 Комаров В.Л. 372
 Кондратьев Н.Д. 347
 Кониин А.Ф. 241
 Коновалова А.В. 463
 Коногоров П.Ф. 300
 Кононенко 376
 Кононов Д.Т. 397
 Коноплева Л. 309
 Концевич М. 273
 Кончиц К.А. 249
 Кооп Д.А. 291
 Коптяев 363
 Копылов 161
 Корелин А.К. 253
 Корзун П.С. 193
 Корицкий Н.И. 115
 Коркин Е.А. 261
 Корняков 41
 Королёв В.Ф. 320
 Королёнок (Рябова) В.Г. 132
 Коротков 146
 Кортусов П.И. 228
 Корушин Т.Д. 114, 115, 118
 Косарев В.М. 98
 Косиор С.В. 170
 Кот 324
 Кравцов 406
 Кравчик 43
 Красиков П.А. 24, 254
 Красильников 146
 Красильников С.А. 19, 27, 28, 32, 126, 127, 130, 134, 136, 214, 215, 216
 Краснов 183, 364
 Краснов Г.А. 184, 191
 Креймер Г.М. 290
 Крестьянинов 156
 Крестьянников А.С. 95
 Кривоносенко Д.И. 143
 Крокос О.Г. 463
 Крутов И.Н. 425
 Крыленко 245

Крымов 259
Кудрявцева Г.В. 463
Кудряшов Н.Н. 463
Кузнецов 97, 319, 336
Кузнецов И.Н. 411, 412, 444
Кузнецов И.С. 116, 129, 224, 225
Кузнецов П.А. 280
Кузьминский 145
Кузьминых (Караваяв) М.Ф. 156, 157, 158
Куклин 151
Кулагин 97
Куприянов 55
Кураев 300
Курц И.Ф. 282
Курышев И. 66
Кутепов 35
Кутепов А.П. 207
Кутепов С.П. 207
Кухман О.И. 284, 293
Кухтерин А.Е. 198
Куцых 151
Кучкин А.П. 95
Лаас А.А. 463
Лазарев И.К. 397
Лаксберг И.А. 184
Ландышев Е.В. 271
Ланский Г.Г. 158
Лаптев В. 74
Ларионов 120
Ларьков Н.С. 9, 40, 65, 105, 163, 297
Лаурис М.А. 95
Лацис М.Я. 210
Лашевич М.М. 123
Лебедев А.К. 158
Лебедев К.В. 257, 258
Лебединов 197
Левин Я.Н. 345, 351
Левитин М. 140, 144
Левицкий-Щербина Г.Л. 204
Лежнёв А.И. 349
Ленин В.И. 13, 16, 31, 71, 112, 113,
122, 210, 254, 314
Леонов 63, 98
Леонов П. 362
Лепа 45, 49
Лепиков А.П. 391
Леплевский И.М. 178
Лепницкая 403
Лепницкий 403
Ливанов И. 188
Липов 353, 372
Лисенков-Кочурин 153
Лисица М.Ф. 320
Литвин А. 283, 414
Литвинов 403
Литвинов А.А. 403
Лихач М.А. 329
Лобанова М.З. 71
Лобов 403
Ловцевич В.А. 358
Локкенберг И.А. 272, 273
Ломакин И.Р. 227, 228
Ломов Ф.Г. 102
Лорер В. 291
Лубков П.К. 40, 63, 79, 96, 105, 106, 367
Луканин 241
Лукин 88
Лукиных Н.С. 200
Лукьянов А.Ф. 81
Лукьянчиков 86
Луначарский А.В. 309
Луньков А.Г. 388, 397
Лупенко Г.В. 279
Лысых Х.Л. 130
Лыткин 42
Мавлитов 43
Магницкий А.А. 238, 239
Макаренко И. 80, 255, 257, 261
Макаров В. 74, 75
Макаров И. 74
Макаров-Тонский Ф.В. 180, 181, 201
Маковой Е.А. 406
Макогон И.П. 360
Максимов В.М. 365
Макушин 403
Макшеев В.Н. 14, 15, 22, 24, 25, 26, 27,
136
Малахов Г.Ф. 71
Малаховский М.И. 39
Маленков Г. 386
Малинин 266, 368, 379
Малиновский В.С. 316, 317

Малых 360
 Мальцев И.А. 179, 370, 396, 397
 Мальчевский 146
 Маматказин 151
 Мамонтов 85
 Марин 403
 Марковский С.С. 224
 Мартон С.С. 395
 Маскина Н. 450
 Масленников А. 152
 Масловский 88
 Матвеев И.А. 463
 Машинистов 26
 Машков А.В. 451, 462
 Медведев Р. 393
 Меламед 202
 Мельников В.Ф. 272
 Мельниченко 336
 Менжинский В.Р. 178
 Мерецкий 160
 Мерзлякова Е.В. 463
 Мерзлякова В.К. 463
 Меринов 302, 306
 Меринов Б.Е. 357, 397
 Мерц 290
 Мерцалов А.А. 279
 Мессинг С. 178
 Микоян А.И. 355
 Милицин А.Т. 107
 Миллер 35
 Миловидов А. 280
 Милюков 35
 Милютин А.И. 229
 Миронов 142, 204
 Миронов А.С. 425
 Миронов С.Н. 203, 204, 356, 374
 Миронов Ф.К. 68
 Миронова А.Н. 425
 Миронова Л.А. 425
 Мирошник 55, 60
 Мирошниченко А.Д. 273
 Митбрейт 59
 Митропольский 183
 Михайлов 18
 Михайлов В.С. 173, 204
 Михайлович В.Ф. 70
 Михайловская Ф.С. 381
 Михайловский 71
 Михайловский Е.Л. 381
 Михалаш Е.И. 95
 Мицкевич 72
 Мнухин И.Х. 381
 Могилевчик 80
 Мозгалевский 15
 Молгачёв Г.П. 193
 Молотов В.М. 172, 223, 245, 254, 291,
 389, 448
 Морозов К. 304, 308, 318
 Москаев И. 277
 Москвин В.А. 402
 Москвитин 197
 Мохно С.Л. 332
 Мошкин И.Н. 447
 Моцалов В.В. 155
 Музыкантов С.М. 352, 353
 Муравьёв Е.А. 356, 357
 Мурзин 98
 Мурзин В.А. 463
 Мурзин П. 367
 Мурзин С. 367
 Мясников 369
 Набойченко М.К. 77
 Назаров М.Д. 192
 Наумов А.А. 337
 Наумов Л.А. 174, 202, 279, 284
 Невский А.П. 397
 Незнамов (Карасевич) 148, 318
 Нейман 45, 52, 294
 Некрасов 98
 Немерицкий 369
 Нестеров 70
 Нестеров Д.М. 233
 Нестеровский 265
 Нефёдов Н.Г. 197
 Никифоров 74
 Николаев 403
 Николаев Ф.И. 365
 Николау В.Д. 361
 Николенко 241
 Николинский 341
 Новак 167
 Новиков 237

Новиков В.Н. 463
 Новиков Д. 89
 Новиков И. 89
 Новицкий А.П. 306, 337
 Новичков 382
 Новодерёжкин В.А. 253
 Новомбергский Н.Я. 216
 Новосёлов А.С. 235
 Новосёлов И.П. 98, 110, 361, 362, 364,
 365, 368
 Нонява В. 143
 Носков Д.М. 277
 Носов 197
 Нусинов И. 26
 Нюрина 245
 Обложко Е.С. 130
 Овсянников 68
 Овчинников И.В. 356, 374, 380, 394, 397
 Огородникова Л. 457
 Озернин М. 70
 Олиферов 63, 69, 82, 109
 Ольский Я.К. 178
 Ольшаневский 200
 Онищенко В.В. 418
 Оргин 155
 Орджоникидзе С. 245
 Орехова Т.Г. 463
 Орлов А.К. 407
 Осадчий 219
 Осипов 87
 Осипов Д.А. 74, 75
 Осипов И.И. 224, 225, 228
 Осипов-Занозин В.С. 329, 331, 352, 353
 Осташко Т.Н. 169, 212, 218, 219, 224, 225
 Охотин Н.Г. 206
 Ошмарин 320
 Павлов Д. 312, 338, 340
 Павлов П.Н. 253
 Павлуновский И.П. 47, 99, 101, 112,
 160, 313
 Павпертов 360
 Панасенко 200
 Пангин А.С. 82
 Панов И.Л. 233
 Панченко 403
 Паньков Г.Н. 462
 Папенфус (з) П.А. 187
 Папков С.А. 22, 183, 184, 216, 217,
 218, 220, 221, 222, 223,
 225, 306, 320, 322, 346
 Парфёнов В.П. 404
 Парфёнов Г.З. 423
 Парховников И.П. 272
 Пархоменко 197
 Паршин 388
 Паскевич 308
 Пастаногов К.К. 200, 397
 Пасынков Я.А. 197, 351
 Пахомов 70
 Пачколин 55, 56, 59, 88, 265
 Пашков А.С. 48
 Пепеляев М.Н. 181, 182, 190, 193, 199,
 201, 209
 Первышев С. 105
 Перевалов М.Х. 69, 70, 76, 77, 80
 Перемитин Г.Н. 462
 Пересторонин 360
 Пермикин 41
 Перминов 368
 Перминов П.Р. 397
 Пермякова О.В. 463
 Петелин И.Х. 203, 329, 330
 Петелин М. 207
 Петлюра 34
 Петренко М.Н. 71
 Петров А.Г. 400, 401, 408, 410, 425,
 431, 441
 Петров Н.А. 279
 Петровский 55, 60, 265
 Петровский Г.К. 308
 Петрухин Ю.А. 425, 451, 463
 Пешков 280, 281
 Пешков З.А. 397
 Пилляр Р. 164
 Пильников М.И. 355, 359
 Пичурин Л.Ф. 449
 Платонов К.В. 229, 273
 Плахов М.А. 128
 Плотников 48, 104, 105
 Плотникова М.Е. 451
 Пляскин В.Н. 273, 274
 Подольский М.М. 356

Подольский-Взоров В.Н. 324
 Подонин П.И. 81
 Позднышев 49
 Покидов Н.П. 463
 Полисонов А.В. 117
 Политик 161
 Политов 241
 Полозов И.М. 365
 Полякевич С.А. 95
 Пономарёв Д.П. 279
 Пономарёв К.В. 365
 Пономарёв Х.У. 449, 463
 Попиначенко В.С. 293
 Попов 67, 88, 198, 353, 371, 372
 Попов Н.Н. 254
 Попов С.П. 198, 327, 347, 397
 Потанин П. 188, 275
 Почебут 403
 Почуев Ф. 128
 Прибытков Н. 188, 275
 Прокопенко О.Х. 370
 Прокопьева Н.П. 463
 Прокофьев 167
 Прокофьев Г.Е. 49
 Прокудин Ф.Т. 70, 76
 Пронский С. 275
 Просандеев Ф.А. 264, 265
 Проскурин П. 31
 Проскуряков А. 273, 484
 Протопопов П.Д. 365
 Прудникова Е. 391, 392
 Пруцкий П.Е. 76
 Пудовиков П.В. 271
 Пузырёв С.Г. 312
 Пухарев М.М. 233
 Пушилин 80
 Пушнин 443, 444
 Пыстина Л.И. 167, 169, 210, 233, 240,
 242, 244, 245, 246,
 Радзинский Э.С. 223
 Радиончик Л.Л. 272
 Развозжаев 63
 Разумилов 13
 Разумов 13
 Ракита Г.Л. 397
 Рамзин Л.К. 219, 347
 Рассамахин Ю.К. 315
 Рахлевский М.П. 463
 Рахманов Н.Н. 119
 Ревич Г.Я. 316, 319
 Ревякин 277
 Редькин 403
 Резниченко В.М. 397
 Ремпель Я.А. 290
 Репалов 85
 Репин 261
 Реут К.Г. 158
 Решиков И.И. 26
 Римский-Корсаков Е.М. 141
 Рогинский А.Б. 206
 Рогов 63, 87
 Рогов Г.Ф. 98, 161, 361, 362
 Родионов 120
 Родюков Я.Я. 232
 Рожнёва Ж. 320
 Розенберг Б.И. 56, 381
 Роллер 184
 Романов К. 35
 Романов С.А. 146
 Рубин И.И. 346
 Рубинсон 364
 Рубинчик 376
 Рудзутак Я. 235
 Руденко Р.А. 406, 408
 Рузанова Е.А. 463
 Рупаков И.И. 463
 Ручинская Е.Н. 463
 Рыбальский И.М. 337
 Рыбьяков 200
 Рыков А.Д. 359
 Рыков А.И. 408
 Рысин 220, 223
 Рычков А. 386
 Рязанцев А.В. 219, 221
 Сабашников В.В. 225
 Савин А.И. 270, 280, 283, 284, 285,
 290, 292, 293, 295, 296
 Савинков 34
 Савченко 302
 Садковский 240
 Саенко Г.Н. 354, 397
 Саламатова М.С. 171

Салтымаков Д.К. 397, 402, 404
 Салтымаков Т.К. 397, 404
 Салынь Э.П. 279
 Самодаров И.И. 243
 Самосудов В. 280
 Самойлов Н.Н. 233
 Самородов 197
 Самушева Н.В. 463
 Самуэльсон Л. 139, 140, 203, 206, 209,
 270, 278, 284, 285, 327, 387
 Сапожников В.М. 279
 Сапожников С.М. 180
 Сапожников-Рачков П.М. 162
 Сафиуллин Г.Н. 282
 Сафонов М. 74
 Сафронов 120
 Свято 378
 Севастьянов И.В. 312, 322
 Седов П.В. 341
 Селикова О.В. 352
 Семашко Н.А. 383
 Семенович А.Ф. 95
 Семериков 263
 Семёнов 9, 159
 Семёнов (Васильев) Г. 309
 Семёнов А.А. 232
 Семёнов А.В. 279
 Семёнов В.Ф. 228
 Сенотрусов 63
 Сербулов Б. 70
 Сергей архиепископ 278
 Сергей архимандрит 278
 Сергей митрополит 228
 Серебрянников 341
 Серебренникова Р.А. 341
 Сережников 224
 Серчук И.Я. 333
 Сибирцев Н. 75
 Сигорский 330
 Сидегова 243
 Сизиков 98
 Сикаченко 116
 Силаенков С.Г. 226, 227
 Синягин А.А. 372, 373
 Ситников 166
 Скворцов 197
 Скворцов М.С. 207
 Скорняков И.Н. 225, 228
 Скоропадский 142
 Скрипальщиков С.З. 278
 Скрипка 225
 Скрипов Б.С. 233
 Скрылёв В.В. 232
 Скрылёва-Капишникова Л.П. 233
 Скрыбин В.Ф. 402
 Слепенков 403
 Слинкин Ф.Я. 118
 Слободский Н.А. 204
 Слученко В.П. 463
 Смирнов И.Н. 73, 95, 99, 101, 113, 121
 Смолин 104
 Смольников В.И. 397
 Смыков 404
 Смячин 237
 Снесарев А. 164
 Собин 134
 Соболев В.А. 452, 463
 Соколов 98, 236, 237
 Соколов В.Г. 95
 Соколов Г.Г. 221
 Соколов Г.Е. 260
 Соколов-Свиридов 146
 Солдатова Т.В. 463
 Солнцев С.Е. 249
 Соловьёв И.Н. 64, 69, 77, 80, 120
 Соломенцев М.С. 408
 Соломин 70
 Соломон П. 36, 40, 218, 240, 244, 245,
 393, 399
 Солонович А.А. 371, 372
 Сороко С.И. 141, 142
 Соскин П.В. 158
 Сосновский Л.С. 224
 Софроний епископ 262
 Спиридонова М. 330
 Сполохов 87
 Сталин И.В. 10, 24, 25, 32, 35, 36, 139,
 172, 173, 176, 178, 186, 196, 198, 202,
 203, 206, 218, 219, 223, 238, 240, 244,
 246, 283, 284, 292, 327, 346, 361, 386,
 387, 388, 389, 390, 391, 392, 395, 397,
 400, 414, 409, 420, 428, 448, 460

Станкевич 130
 Стариков 179
 Старцев 388
 Стацевич Б. 257
 Стеклов Ю. 310
 Стекольников 406
 Степанов 321
 Степанов А.М. 397
 Степанов А.Т. 397
 Степняк 344
 Стефановский 365
 Стефанский 241
 Столяр 70
 Строганов 312
 Строгин 14
 Струмилин С.Г. 6
 Студитов И.П. 115, 116
 Суров 395
 Суханов Н.Н. 219, 346, 349, 354, 355
 Сухих Д.Д. 404
 Сухов 39
 Сухоруков 104, 365
 Сучков 140
 Сырцов С.И. 170, 212
 Сыч 353
 Табанаков 39
 Табашников 120
 Тайченачев Е. 16
 Таланов В.А. 273, 274
 Тамаркин С.М. 292
 Танутров 378, 382
 Таныгин И.В. 151
 Таныгин Н.И. 397
 Тарабукин С.К. 312
 Твердохлебов 140
 Теплов Н.П. 255, 260
 Тепляков А.Г. 157, 198, 231, 224, 241,
 282, 303, 398, 399, 400, 444, 456
 Тернавский 381
 Тешков 197
 Тизенгаузен Д.О. 216, 217
 Тимофеев 42
 Тимофеев Г.Т. 450
 Тимочкин 251
 Тинина Г.Я. 463
 Тинченко Я. 175
 Титов 78, 250
 Тихомиров А.Н. 232, 236, 237, 240
 Тихомиров Б.В. 306, 337
 Тихон Патриарх 254, 256, 258, 262
 Тихонова Л.И. 294
 Тишков 132, 136
 Толочко 360
 Тольятти П. 408
 Томилин П.К. 365
 Топорнин Д.А. 280
 Топтыгин А. 391, 393
 Торез М. 408
 Травников 87
 Трегубов Е.Э. 141
 Трегубова Т. 281
 Третьяков Н.Г. 113, 114, 119, 161
 Трифонов И.Я. 8, 40, 41, 118, 125, 175,
 247, 255
 Троицкий И. 174
 Троцкий Л.Д. 68, 309
 Трудюлюбов Н.И. 151
 Тулин 241
 Тумаркин Д. 75, 76
 Тупицына Н.А. 463
 Туполев А.Н. 245, 246
 Тухачевский М.Н. 174
 Тягунов 302
 Тяпкин 302
 Угроватов А.П. 39, 40, 62, 72, 85, 87,
 89, 90, 97, 364, 382
 Узликов 87
 Унгерн 9, 313, 314
 Уншлихт 214, 305, 318, 339
 Упеник А.М. 144
 Упоров 360
 Урицкий М. 309, 310
 Усов 357
 Успенский А.И. 348, 397
 Уткин 48
 Уфимцев А.И. 365
 Ушаков 63, 128
 Файзуллин 88
 Фаст М. 256, 260, 262, 266, 268, 271,
 272, 277, 283
 Фаст Н. 256, 260, 262, 266, 268, 271,
 272, 277, 283

Федосеев *144*
 Федорович Ф.Ф. *306*
 Федотов *403*
 Фёдоров *48*
 Фёдорова М.Н. *463*
 Филатов *41*
 Филатов И.Н. *240*
 Филатов М.В. *340*
 Финк Я.И. *290*
 Финкельберг Ф.Ф. *381*
 Фокин К.И. *279*
 Фомин *403*
 Фот Г.Г. *290*
 Фрейлих *69, 250*
 Фридман И.Г. *69*
 Фриновский М.П. *203, 327*
 Фрицлей *364*
 Фрумкин М.И. *297*
 Фуга К.Е. *320*
 Фукс *345*
 Фуксман Г.И. *198, 199*
 Хаймович Ю.С. *381*
 Халдеева *360*
 Харина Е.Н. *463*
 Хаустов В. *139, 140, 203, 206, 209, 270, 278, 281, 284, 285, 327, 387*
 Хлебников *321*
 Хмаренко Ф. *54*
 Хоменко А.Ф. *404, 405, 406*
 Хотнянский П.В. *341*
 Хрущев Н.С. *408, 409, 420, 460*
 Худяков П.В. *86, 87*
 Хурамшин *282*
 Цаликов Г.А. *253*
 Цаликова А.К. *253*
 Цегельникова В.А. *463*
 Цейтлин С.С. *376*
 Целикова Н.Г. *340*
 Цепляев *41*
 Церпенто И. *275*
 Цибульский К. *82*
 Цыганкова Л.В. *463*
 Челноков К.П. *411*
 Чельшев *263*
 Черединов *81*
 Черемных Г.И. *184*
 Черепанов С.В. *463*
 Черкасов Н. *287*
 Чернаков *233*
 Чернигин *15*
 Чернов Б. *376*
 Чернов В.П. *463*
 Чернышев *48, 406*
 Чертков *403*
 Чечулин Ф.Г. *365*
 Чигрин *202*
 Чикилёв А. *75*
 Чинаев *154*
 Чистосердов Н.А. *272*
 Чубарро *148*
 Чухланцев С.А. *159*
 Чухломин М.П. *189*
 Шавров Н.П. *183, 184*
 Шадрин М. *332*
 Шалаев *200*
 Шалаев А. *188, 275*
 Шальгин С.А. *280*
 Шаповалов *271*
 Шатилов М.Б. *184, 192, 199, 229*
 Шевченко *116*
 Шевчук *116*
 Шевякова О.И. *227*
 Шелюттэ *159, 160*
 Шер В.В. *349*
 Шестаков *379*
 Шилдаев И.С. *225*
 Шиманов *281, 397*
 Шиповалов *397*
 Ширинский-Шихматов Н.А. *204*
 Шитиков П.В. *140, 233*
 Шишкин *104, 105*
 Шишкин В.И. *67, 68, 69, 70, 72, 75, 76, 77, 81, 82, 91, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 106, 107, 110, 111, 114, 118, 121, 161*
 Шишков А.В. *101*
 Шлёгель К. *238, 245*
 Шлыков А.Н. *405*
 Шляпина Г.П. *463*
 Шорин В.И. *115, 119, 121*
 Шороховецкий В.П. *463*
 Шорр М.Л. *197*
 Шпилярский Л.И. *141, 143, 144*

Штырбул А.А. 105, 111, 361, 366, 367, 368
Шуклецов В.Т. 6, 66, 101, 362
Шулицкий А.О. 82
Шульдель 217
Шутилин И.Я. 397
Щеглов Н.И. 160
Щеглов Ю. 316, 319
Щербак Х.П. 111
Щетинов Ю.А. 113, 115, 116, 123, 160,
161, 303
Щукина Н.А. 216
Эглит-Симборт 153, 154
Эйхе Р.И. 25, 46, 49, 196, 204, 281,
443, 450
Эпов 141
Эскин Н.А. 203, 204, 207
Юденич 165, 332
Юдин 302, 306
Юдина О.А. 463
Юзефович 403
Юриксон А.Я. 252, 253
Юркин И.Я. 397
Юрченко С.Ф. 463
Юшков С. 76
Яблонский 42
Ягода Г.Г. 47, 169, 174
Ягодкин 186
Яковлев А.Н. 175, 202, 283
Яковлев Л.Г. 253
Яковлев Я.А. 311, 315, 376, 377, 379
Яковлева 73
Якубович М.П. 346, 349
Якушев М. 74, 75
Янаров Ш.Я. 282
Ярославов Г.Г. 272
Ярославский Ем. 79, 80, 81, 91, 283,
292, 343
Ярошек Я.И. 355

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Ажендарово, дер. Кузнецкого уезда
(ныне пос. в Крапивинском р-не
Кемеровской обл.) 530
- Акмолинская обл. (ныне Казахстан) 9
- Акмолинский уезд 548
- Актюбинск, г. 346
- Аларский аймак (ныне Аларский р-он
Иркутской обл.) 89
- Александрово, с. Сургутского уезда
(ныне село Александровское,
райцентр Томской обл.) 531, 542, 544
- Алтайская губ. 9, 33, 39, 40, 73, 119, 121,
147, 148, 212, 250, 287, 301, 302, 312,
323, 362, 366, 375, 560
- Алтайский край 14, 29, 98, 105, 110, 111,
132, 171, 197, 204, 205, 206, 270, 283,
294, 296, 303, 306, 312, 320, 327, 332,
341, 347, 351, 392, 393, 395, 397, 399,
411, 412, 413, 414, 416, 418, 419, 420,
431, 432, 433, 436, 438, 439, 448, 450,
454, 543, 553
- Алтайский р-он (р-он Алтайского края)
188, 275, 277
- Алтайское, с. (ныне районцентр
в Алтайском крае) 120
- Англия 34, 177, 337, 338, 386, 447
- Андреевский р-он (ныне Баганский р-он
Новосибирской обл.) 290, 294
- Анжерка, пос. (ныне г. Анжеро-Судженск
Кемеровской обл.) 22, 311
- Анжеро-Судженский р-он
(р-он Кемеровской обл.) 288
- Антоньевка, дер. (ныне
с. в Петропавловском р-не
Алтайского края) 128
- Арабхана, кишлак (Узбекистан) 530
- Аркашево, дер. Томского уезда (село
в Томском р-не) 531
- Арсеньево, дер. Щегловского уезда 542
- Архангельск, г. 302, 325
- Архангельская вол. (ныне часть
Исетского р-она Тюменской обл.) 114
- Архангельская губ. 346, 351
- Асиновский р-он (ныне Томская обл.) 134,
530, 531, 535, 536, 537, 539, 540, 543, 544,
552
- Астраханцево, дер. Кожевниковского р-на 555
- Астрахань, г. 142
- Ачаирский женский монастырь
(с. Ачаир Омского р-на и обл.) 160
- Ачинск, г. 61, 70, 107, 138, 554, 557
- Ачинский округ (ныне часть
Красноярского края) 52, 53, 57, 58, 59,
106, 274, 383, 530
- Ачинский уезд (ныне часть
Красноярского края) 9, 38, 42, 69, 70, 71,
73, 74, 76, 80, 161, 544
- Б. Атмас, с. (ныне село
в Черлакском р-не Омской обл.) 185
- Б. Владимировка Славгородского уезда
(ныне с. Владимировка
Славгородского р-на
Алтайского края) 104
- Бакмакское, с. 126
- Баксинский р-он (ныне Колыванский
р-он Новосибирской обл.) 26
- Баку, г. 345
- Бакчар, с. (ныне районцентр
в Томской обл.) 30, 543
- Бакчарский р-он (Томская обл.) 30, 531,
544, 551
- Балаганский уезд (ныне часть
Балаганского р-на Иркутской обл.) 106
- Бальцево, дер. Боксановского р-на
Ленинградской обл. 533
- Бальцерский р-он Саратовской обл. 541
- Барабинск, г. 75, 130, 259
- Барабинский округ (ныне часть
Новосибирской обл.) 53, 59, 126
- Барановское, с. Змеиногорского р-на 558

- Барачаты, с. Кузнецкого уезда (ныне в Крапивинском р-не Кемеровской обл.) 539
- Барнаул, г. 31, 56, 66, 120, 138, 181, 185, 188, 189, 211, 231, 275, 276, 277, 279, 293, 294, 303, 306, 310, 331, 335, 383, 463, 534, 540
- Барнаульский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 16, 33, 48, 52, 53, 58, 380
- Барнаульский уезд (ныне часть Алтайского края) 98, 105, 259, 362, 545, 551
- Батурино, дер. Вороновского р-на Томского округа 532, 538, 543, 545, 559
- Башкирская Республика (ныне Республика Башкирия) 220
- Бекишевское, с. Тюкалинского уезда (ныне с. Бекишево Тюкалинского р-на Омской обл.) 250
- Белая Гора, дер. Пермской губ. 561
- Белобородово, дер. (ныне часть г. Северска Томской обл.) 103, 156
- Белово, пос. (город в Кемеровской обл.) 293
- Беловодово, с. Зырянского р-на (ныне с. Беловодовка) 455
- Белоярск, с. (пос. в Алтайском крае) 279
- Бельгия 34
- Бельмесово, с. (ныне пос. в Центральном р-не г. Барнаула) 279
- Бельцы, г. (Молдавия) 536
- Бендеры, г. (Молдавия) 560
- Берёзов, г. Тюменской губ. 560
- Берёзовская, дер. Щегловского уезда (ныне г. Берёзовский Кемеровской обл.) 542
- Берёзовский р-он (ныне р-он в Красноярском крае) 88
- Берикульская вол. (ныне часть Ижморского р-на Кемеровской обл.) 109
- Бийск, г. 38, 138, 185, 188, 189, 275, 277, 279, 293, 324, 327, 335
- Бийский округ (ныне часть Алтайского края) 52, 53, 58, 184
- Бийский р-он (Алтайский край) 188, 207, 275
- Бийский уезд (ныне часть Алтайского края) 98, 110, 362, 555
- Биржайский уезд Литовской ССР 536, 539, 540, 543
- Бирилюсский р-он Красноярского края 531
- Благовещенский р-он (Алтайский край) 447
- Бобринка, дер. Чановского р-на (ныне Новосибирская обл.) 15
- Бобровка, пос. Тегульдетского р-на (не сохранился) 534, 540, 557
- Богородская вол. (ныне часть Шегарского р-на Томской обл.) 156, 157
- Богородское, с. (ныне с. Мельниково Шегарского р-на) 156
- Боготол, г. (Красноярский край) 70, 144, 152, 311, 559
- Боготольский р-он (Красноярский край) 70, 532, 533, 534
- Богучар, с. (ныне город и райцентр в Воронежской обл.) 540
- Болотнинский р-он (р-он Новосибирской обл.) 288
- Болотное, пос. (город и райцентр в Новосибирской обл.) 293
- Болотный, пос. (прекратил существование) 132
- Больше-Токмакский р-он Запорожской обл. (Украина) 538
- Большой Волок, пос. Молчановского р-на (не сохранился) 555
- Большой Косуль, с. (ныне ж.д. станция в Боготольском р-не) 533
- Братск, с. (ныне город в Иркутской обл.) 30
- Брест-Литовск, г. 178, 559
- Бурмонгольская обл. (в 1921–1923 гг. в составе Дальневосточной Республики, из части Забайкальской губ. вошла в состав Бурят-Монгольской АССР) 89
- Бутурлинский р-он Воронежской обл. 556
- Бутчино, с. Калужской губ. 562
- Вавиловка, дер. Бакчарского р-на 551
- Валга, г. Эстонской ССР 544
- Варенский р-он Литовской ССР 546
- Варусский уезд Эстонской ССР 556

- Варшава, г. (Польша) 552
 Васильевка, дер. Чановского р-на
 (ныне Новосибирская обл.) 15
 Васильевка, пос. Чаинского р-на
 (не сохранился) 552
 Вахрушево, дер. Коченёвского р-на
 (ныне в Колыванском р-не
 Новосибирской обл.) 102
 Великий Устюг, г. 329, 330
 Веровский уезд Лифляндской губ. 559
 Верхне-Хортицкий р-он Запорожской обл.
 (Украина) – ныне Хортицкий р-он 546
 Верхоленский уезд (ныне Качугский р-он
 в Иркутской обл.) 45
 Верхотомское, с. Томского уезда
 (ныне в Кемеровском р-не) 554
 Верхотурский уезд (ныне часть
 Верхотурского городского округа
 Свердловской обл.) 532, 557
 Верх-Чебулинский р-он (Чебулинский
 р-он Кемеровской обл.) 288
 Вершинки, с. Зырянского р-на
 (не сохранилось) 543
 Веселоярское, с. (ныне с. Веселоярск
 Рубцовского р-на Алтайского края) 97
 Воеводское, с. (село в Целинном р-не
 Алтайского края) 185, 188
 Вознесенка, дер. (ныне дер. в Саянском р-не
 Красноярского края) 185
 Вознесенская вол. (ныне часть
 Родинского р-на Алтайского края) 104, 115
 Волкодаевка, дер. Томского уезда 553
 Володарский р-он Вольнской обл.
 (Украина) 545
 Волчиха, с. (ныне село и райцентр
 в Алтайском крае) 104
 Вольмерский уезд Латвийской ССР 531
 Ворошиловский р-он Саратовской обл. 561
 Высокий Яр, дер. (с. в Бакcharском р-не
 Томской обл.) 129
 Высокополье, с. Коломакского р-на
 Харьковской обл. (Украина) 550
 Вьюны, с. (ныне Колыванский р-он
 Новосибирской обл.) 101
 Вялово, дер. (Парабельский р-он
 Томской обл.) 381
 Вятка, г. (ныне г. Киров) 293, 371
 Георгиевка, с. Томского уезда 535, 549
 Глухов, г. Черниговской губ. 547
 Глядень – 2, с. (ныне село в Благовещен-
 ском р-не Алтайского края) 291
 Глядень – 3, с. (ныне село в Благовещен-
 ском р-не Алтайского края) 291
 Голуметь, с. (село в Черемховском р-не
 Иркутской обл.) 106
 Горно-Алтайский уезд (ныне часть
 Республики Алтай) 362
 Горскино, с. 564
 Готопуповская вол. (часть Сорокинского
 р-на Тюменской обл.) 114
 Гремячинский р-он Воронежской обл. 535
 Грязнухинский р-он (ныне Советский
 р-он Алтайского края) 277
 Гусенбах, с. Франкского р-на
 Саратовской обл. 558
 Дагестан (ныне Республика Дагестан) 271
 Дербино, с. (Красноярский край) 185
 Добро, пос. Чаинского р-на
 (не сохранился) 543, 552, 557
 Донецкая обл. (Украина) 530, 548
 Дорогинский, х. Новониколаевского уезда
 545
 Драчино, с. Кузнецкого уезда 554
 Евгашино, дер. (ныне Большереченский
 р-он Омской обл.) 94
 Евсеевское, с. (село в Черемховском р-не
 Иркутской обл.) 106
 Егоровский с/с (ныне Омская обл.) 26
 Екатеринбург, г. 462
 Елань, дер. Саратовской обл. (ныне
 пгт и райцентр в Волгоградской обл.) 542
 Елисаветград, г. (ныне г. Кировоград,
 Украина) 345, 351, 551
 Енисейск, г. 380, 535
 Енисейская губ. 9, 40, 53, 54, 70, 71, 73, 81,
 106, 109, 121, 122, 149, 151, 161, 212, 278,
 301, 320, 323, 336, 343, 375, 380, 383, 533,
 535, 537, 541, 544, 545, 554, 557

- Енисейский р-он (Красноярский край) 30
 Енисейский уезд (ныне часть Красноярского края) 9
 Ермаковский с/с (ныне Омская обл.) 26
 Жуваны, с. Каменского уезда Алтайской губ. (не сохранилось) 560
 Жуланиха, дер. (ныне село в Заринском р-не Алтайского края) 361
 Загайново, с. Тальменского р-на (Алтайский край) 398
 Запорожская губ. 108, 538, 546
 Заречный выселок, пос. Пышкино-Троицкого р-на (не сохранился) 560, 561
 Зачулымский р-он (ныне Первомайский р-он Томской обл.) 18, 180
 Зельманский р-он Саратовской обл. (в 1942 г. переименован в Ровенский район) 537
 Зиминский уезд (часть Зиминского р-на Иркутской обл.) 45, 48
 Зимник, дер. Томского уезда 534
 Змеёвка, дер. Пермской губ. 556
 Змеинка, дер. Щегловского уезда 545
 Змеиногорский р-он (р-он в Алтайском крае) 397, 558
 Змеиногорское, с. (ныне г. Змеиногорск, райцентр Алтайского края) 279
 Знаменский р-он (Омская обл., упразднён в 1963 г.) 294
 ЗСК (Западно-Сибирский край, административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 28, 30, 120, 129, 130, 131, 133, 183, 184, 186, 192, 195, 196, 198, 201, 202, 204, 205, 225, 226, 227, 228, 229, 237, 243, 270, 274, 275, 276, 278, 281, 283, 288, 291, 292, 293, 294, 329, 347, 371, 356, 372, 397, 404, 447, 530, 531, 543, 547, 552, 556, 557, 558, 560
 Зубково, с. Родинского р-на (ныне Алтайский край) 16
 Зырянка, с. (ныне село и райцентр в Томской обл.) 388
 Зырянская вол. (ныне часть Зырянского р-на Томской обл.) 105, 109
 Зырянский р-он (ныне Томская обл.) 18, 106, 134, 180, 455, 533, 535, 541, 543, 547, 553, 555, 560, 561
 Ивановка, с. Родинского р-на (ныне Алтайский край) 16
 Иваново-Вознесенск, г. (ныне г. Иваново) 325
 Ивановская Промышленная обл. (в 1936 г. разделена на Ивановскую и Ярославскую обл.) 220, 550
 Ижморская, ст. (ныне в Кемеровской обл.) 105, 253
 Илимский край 384
 Ильино, дер. 381
 Ильинское, с. Кузнецкого уезда 536
 Имшегальский с/с (ныне Омская обл.) 26
 Иркутск, г. 44, 46, 138, 141, 151, 185, 211, 259, 305, 304, 317, 324, 333, 334, 336, 365, 366, 375, 380, 556
 Иркутская губ. 44, 45, 48, 52, 53, 63, 73, 81, 106, 151, 212, 274, 287, 305, 307, 311, 323, 336, 361, 375, 383
 Иркутский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 13, 52, 53, 58
 Иркутский уезд (часть Иркутского р-на в Иркутской обл.) 45, 48
 Исилькульский р-он (ныне Омская обл.) 14, 280, 281, 282, 290
 Итат, ст. (Кемеровская обл.) 38, 70, 249
 Итатская вол. (ныне Кемеровская обл.) 69
 Ишим, г. (город и райцентр Тюменской обл.) 112, 230, 279
 Ишимский уезд (ныне часть Ишимского р-на Тюменской обл.) 95, 111, 112, 116, 117, 118, 161, 302, 366
 Кагаловские юрты Сургутского уезда (не сохранились) 534
 Казанская губ. (ныне часть Республики Татарстан) 425, 546, 559
 Казань, г. 155, 315, 543, 548
 Казахстан 7, 60, 67, 111, 171, 227, 273, 280, 456, 461, 550
 Каинск, г. (ныне г. Куйбышев Новосибирской обл.) 74, 130, 537

- Каинский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 375, 539, 544, 553
- Каинский уезд (ныне часть Куйбышевского р-на Новосибирской обл.) 539, 541, 553
- Каипская вол. (ныне часть Ключевского р-на Алтайского края) 104
- Калачинский уезд (ныне часть Калачинского р-на Омской обл.) 160
- Калинино, пос. Пудинского р-на 559
- Калининская обл. 293, 531
- Каменский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 25, 53, 58, 380
- Каменский уезд (ныне часть Каменского р-на Алтайского края) 97, 110, 148, 320, 360, 362
- Камень, г. (г. Камень-на-Оби Алтайского края) 147, 148, 332, 351
- Кандино, дер. Каргапольского р-на Челябинской обл. 558
- Канск, г. 54, 67, 68, 107, 138, 533, 537, 541, 545
- Канский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 15, 52, 53, 54, 58, 384
- Канский уезд (ныне часть Канского р-на Красноярского края) 9, 107, 149, 375
- Каргалинское, с. Томского уезда (ныне село в Шегарском р-не Томской обл.) 543
- Каргасок, с. (ныне райцентр в Томской обл.) 24, 370, 371, 381, 536
- Каргат, с. (райцентр в Новосибирской обл.) 86, 130, 264
- Каргатский уезд (ныне часть Каргатского р-на Новосибирской обл.) 86, 87
- Карелино, пос. Верхнекетского р-на (не сохранился) 558
- Кармалы, с. Чистопольского уезда (ныне село в Нижнекамском р-не Республики Татарстан) 425
- Каурак, с. Новосибирского окр. (ныне в Тогучинском р-не Новосибирской обл.) 545
- Каширинский р-он Оренбургской обл. 562
- Кемерово, г. 72, 157, 399, 463
- Кемеровская обл. 23, 39, 42, 61, 80, 155, 171, 204, 266, 293, 388, 392, 393, 411, 412, 413, 414, 416, 418, 419, 420, 425, 432, 434, 435, 438, 439, 450, 454, 531
- Кенга, с. Парбигского р-на (ныне в Бакчарском р-не) 548
- Киев, г. 154, 174, 203, 324, 445
- Киевский округ (ныне часть Киевской обл., Украина) 142, 271
- Киргизский край, официальное название на 1923 г. – Киргизская Автономная Социалистическая Советская Республика, образована в августе 1920 г. из территорий Акмолинской, Уральской, Закаспийской и Астраханской губерний бывшей Российской империи, с октября 1924 г. – Кара-Киргизская автономная обл. в составе РСФСР, затем переименована в Киргизскую автономную обл. и Киргизскую АССР. С декабря 1936 г. союзная республика 317
- Кировская обл. 357, 532
- Киселёвка, дер. Ново-Кусковского р-на (не сохранилась) 552, 556, 561
- Кичибаш, дер. (не сохранилась, Красноярский край) 185
- Кишкаренский р-он Молдавской ССР 559
- Кладово, г. (Сербия) 533
- Клоденское, с. Курской губ. 533
- Ключеская вол. (ныне часть Ключевского р-на Алтайского края) 104
- Ключи, с. (ныне село и райцентр в Алтайском крае) 185
- Кожевниково, с 555
- Кожевниковский р-он (Томская обл.) 103, 402, 403, 538, 555
- Козеюльская вол. (ныне часть Мариинского р-на Кемеровской обл.) 109
- Кокчетав, г. (ныне г. Кокшетау, Казахстан) 112, 116, 121
- Кокчетавский уезд (ныне часть Кокчетавского р-на, Казахстан) 111

- Коларовский р-он (ныне часть Томского р-на) 265, 288, 557
- Колово, с. (ныне село в Советском р-не Алтайского края) 185
- Коломинские Гривы, пос. Чаинского р-на 532
- Коломна, г. 554
- Колонковский р-он Винницкой обл. (Украина) 548
- Колпашево, пос. (ныне город и райцентр в Томской обл.) 251, 252, 351, 352, 376, 381, 383, 345, 548
- Колпашевский р-он (ныне Томская обл.) 128, 538, 548, 558
- Колывань, с. (ныне пгт и райцентр в Новосибирской обл.) 100, 101, 156
- Кольцовка, с. Исилькульского р-на 14
- Кольчугино, пос. (ныне г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской обл.) 142, 306, 311, 364, 541, 558
- Коми обл. (ныне Республика Коми) 312
- Кондратьевское, с. (село в Муромцевском р-не Омской обл.) 126
- Коровино, дер. Пермской губ. 556
- Королёвка, дер. (село в Идринском р-не Красноярского края) 185
- Костен, г. (Польша) 535, 560
- Кострома, г. 325
- Котельниковский р-он Сталинградской обл. (ныне район Волгоградской обл.) 537
- Котельничский уезд Вятской губ. (ныне Котельничский р-он Кировской обл.) 536
- Коченёво, с. (ныне пгт и райцентр в Новосибирской обл.) 100
- Красник, г. Люблинской губ. (Польша) 535
- Красноармейский р-он Житомирской обл. (Украина) 548
- Красногорская вол. (ныне часть Исетского р-на Тюменской обл.) 114
- Краснодар, г. 530
- Красноярск, г. 48, 76, 77, 82, 121, 138, 145, 148, 149, 151, 153, 154, 161, 169, 171, 185, 211, 219, 275, 287, 316, 333, 334, 335, 337, 340, 346, 366, 375, 380, 552
- Красноярская губ. 160, 287
- Красноярский край 204, 456, 531, 532, 533, 534, 540, 560
- Красноярский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 52, 53, 58, 383
- Красноярский уезд (ныне часть Красноярского края) 9, 42, 81
- Красный Дол, с. Немецкого р-на (не сохранилось) 290
- Кременчугский р-он Полтавской обл. 543
- Криволуцкое, с. Сургутского уезда 550, 556
- Кривошеино, с. 556
- Кривошеинский р-он (ныне Томская обл.) 128, 275, 532, 536, 557
- Крутоярка, дер. (ныне в Тевризском р-не Омской обл.) 185
- Крыловка, дер. (Бакчарский р-он) 129
- Кубарево, с. Усть-Чебулинского р-на 16
- Кузбасс (Кузнецкий угольный бассейн) 21, 30, 66, 203, 204, 206, 207, 218, 239, 241, 293, 329, 366, 414, 415
- Кузедеево, с. Кузнецкого уезда (ныне пос. в Новокузнецком р-не) 559
- Кузнецк, пос. (г. Новокузнецк Кемеровской обл.) 147, 239, 364, 365
- Кузнецкий округ (ныне часть Кемеровской обл.) 52, 57, 58, 80
- Кузнецкий уезд (ныне Кемеровская обл.) 42, 73, 85, 87, 98, 120, 362, 530, 531, 534, 536, 539, 541, 542, 554, 559, 561
- Куйбышев, г. 130
- Кулугары, с. Пинежского уезда (ныне Вологодская обл.) 351
- Купинский р-он (р-он Новосибирской обл.) 290, 293
- Купреевка, дер. Ветковского р-на Гомельской обл. (Беларусь) 552
- Курган, г. 112, 138, 346, 541
- Курганка, с. (село в Муромцевском р-не Омской обл.) 185
- Кургусуюл, пос. Ачинского уезда (ныне Кемеровская обл.) 38
- Курлек, с. Томского р-на 545

- Кытманово, с. (село и райцентр Алтайского края) 361
- Лаврово, дер. Томского уезда 541, 554
- Лаишевский уезд Казанской губ. (ныне часть Лаишевского района в Республике Татарстан) 559
- Латвийская ССР 560, 562, 534, 538, 540, 551
- Леботёр, с. Томского уезда (ныне с. в Чаинском р-не Томской обл.) 542
- Левороссошанский р-он Воронежской обл., переименован в Нововоронежский 549
- Ленинград, г. 226, 238, 324, 345, 372, 550
- Ленинградская обл. 13, 21, 184, 271, 349, 533
- Ленинский р-он (ныне Ленинск-Кузнецкий р-он Кемеровской обл.) 279, 339
- Лесозавод, пос. Зырянского р-на (не сохранился) 553, 555
- Лестенский уезд Эстонской ССР 552
- Ливенский уезд Орловской губ. (ныне часть Ливенского р-на Орловской обл.) 532
- Лиманский р-он Донецкой обл. (Украина) – ныне Краснолиманский р-он 548
- Липовский, пос. Каргатского уезда 86
- Литвиновское, с. Томского уезда (ныне село в Яшкинском р-не Кемеровской обл.) 547
- Литовская ССР 530, 534, 535, 536, 537, 539, 540, 543, 544, 546, 552, 553, 554, 555
- Локосово, с. Сургутского уезда 540, 542, 552
- Локоть, с. (ныне село в Локтевском р-не Алтайского края) 97
- Локтевская вол. (ныне часть Локтевского р-на Алтайского края) 97
- Лосево, с. Исылкульского р-на (не сохранилось) 280
- Луговой, пос. Бакчарского р-на (не сохранился) 531, 544
- Любинский р-он (Омская обл.) 186, 291
- Любинское, с. (ныне рабочий посёлок Любинский, райцентр в Омской обл.) 185
- Люблин, г. (Польша) 561
- Люцинский уезд Витебской губ. 555
- Ляпуновка, с. (село в Муромцевском р-не Омской обл.) 126
- Мадонский уезд Латвийской ССР 540
- Мазалово, дер. Ишимского уезда Томского окр. (ныне село в Томском р-не) 550, 553, 559
- Майминский аймак (ныне часть Майминского р-на Республики Алтай) 188
- М. Владимировка Славгородского уезда (ныне с. Владимировка Славгородского р-на Алтайского края) 104
- Максимовское, с. (ныне дер. Максимово Крапивинского р-на Кемеровской обл.) 109
- Мало-Песчанская вол. (ныне часть Мариинского р-на Кемеровской обл.) 38, 109
- Малый Косуль, дер. Боготольского р-на 534
- Мамонтовский р-он (р-он в Алтайском крае) 279
- Мариинск, г. 109, 179, 256, 264, 311, 319, 321, 547, 550, 551, 555, 556, 559, 560
- Мариинская вол. (ныне часть Мариинского р-на Кемеровской обл.) 361
- Мариинский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 375
- Мариинский уезд (ныне часть Мариинского р-на Кемеровской обл.) 63, 70, 71, 72, 77, 78, 82, 105, 109, 120, 321, 362, 530, 531, 532, 533, 537, 539, 541, 543, 544, 549, 553, 556, 557, 559
- Мариинский р-он (р-он Кемеровской обл.) 288
- Марийская обл. (ныне Республика Марий Эл) 317, 332
- Марушка, с. (ныне Целинный р-он Алтайского края) 88, 188, 185
- Медведи, дер. Черниговской губ. 547
- Медвежий Чвор, пос. Каргасокского р-на 532, 533, 534, 540, 547
- Медодатская вол. (ныне часть Первомайского р-на Томской обл.) 109
- Межениновка, с. Томского р-на 538
- Мезенцево, с. (село в Тюменском р-не Алтайского края) 291

- Мендерская вол. Курганского уезда
(ныне часть Белозёрского р-на
Курганской обл.) 117
- Минусинск, г. (Красноярский край) 109,
185, 196, 197, 276, 384
- Минусинский округ (ныне часть
Красноярского края) 52, 53, 57, 58, 190
- Минусинский уезд (ныне часть Минусин-
ского р-на Красноярского края) 9, 42,
73, 109, 535
- Михайловка, дер. Зырянской вол.
(ныне с. Михайловка Зырянского р-на
Томской обл.) 105
- Михайловская вол. Славгородского уезда
(ныне часть Михайловского р-на
Алтайского края) 104
- Могильный Мыс,
пос. Колпашевского р-на 548
- Могочино, пос. Молчановского р-на 561
- Молотовский р-он Ошской обл. (Киргизия) 557
- Молчаново, с (ныне районцентр
в Томской обл.) 144
- Молчановский р-он (ныне Томская обл.)
130, 250, 555, 561
- Морозовка, пос. Чаинского р-на
(не сохранился) 539
- Моршанское, с. Новониколаевского
уезда 533
- Моряковка, пос. Томского р-на 551
- Москва, г. 31, 45, 49, 61, 112, 159, 174, 178,
179, 182, 211, 224, 226, 236, 261, 306,
308, 310, 320, 324, 325, 327, 329, 372,
374, 381, 382, 384, 394, 395, 399, 447,
451, 536, 550
- Московская обл. 21, 31, 45, 178, 271, 549
- Мурасы, дер. Александровского р-на
Томской обл. 541, 559
- Н. Петровский с/с Панкрушихинского
р-на (ныне Алтайский край) 14
- Назино, о. (остров на р. Оби на территории
Томской обл.) 450
- Нарым, с. (ныне село в Парабельском
р-не Томской обл.) 30, 31, 166, 203, 272,
379, 536
- Нарымский край, округ (ныне часть
Томской обл.) 19, 21, 24, 26, 30, 48, 57,
128, 136, 148, 204, 266, 277, 345, 352, 538
- Некрасовский, пос. Мариинского уезда
530, 559
- Немецкий р-он (р-он Алтайского края) 290,
291, 294
- Нерчинск, г. 550
- Нижневартовск, с. (ныне город) 554
- Нижне-Волжский край (в 1928–1934 гг.,
ныне Астраханская, Волгоградская, Са-
ратовская обл. и Республика Калмыкия) 226
- Нижний Новгород, г. 151, 322
- Нижний Склад, пос. Томского р-на 553,
554, 555
- Нижний Тагил, г. 171, 179, 274, 456, 557
- Николаевка, дер. (село в Краснотуранском
р-не Красноярского края) 185, 549
- Новоград-Волынская губ. (Украина) 531,
547
- Ново-Ильинка, с. Колпашевского р-на 558
- Ново-Кусковский р-он (ныне
Асиновский р-он Томской обл.) 18, 180,
552, 556, 561
- Ново-Романово, дер. Юргинского р-на
Томского окр. (ныне Кемеровская обл.)
544
- Новониколаевск, г. (ныне г. Новосибирск)
45, 49, 66, 100, 101, 121, 130, 138, 183,
211, 249, 251, 262, 264, 278, 287, 301,
302, 303, 306, 311, 312, 320, 322, 333,
334, 335, 366, 375, 383
- Новониколаевский округ (ныне часть
Новосибирской обл.) 52, 53, 58
- Новониколаевский уезд (ныне часть
Новосибирской обл.) 85, 98, 99, 100,
362, 530, 532, 533, 537, 541, 542, 545,
546, 549, 553, 557, 560, 561
- Новониколаевская губ. 40, 43, 85, 87
- Ново-Киевский р-он (ныне
Кулундинский р-он Алтайского края)
294
- Ново-Колосовский р-он (ныне
Колосовский р-он Омской обл.) 185, 186

- Ново-Николаевка, с. Верх-Чебулинской вол. (ныне Чебулинский р-он Кемеровской обл.) 248
- Ново-Омск ЗСК (ныне Омская обл.) 48
- Ново-Омский р-он (ныне Омский р-он) 290
- Ново-Покровка, дер. (ныне село в Быстроистокском р-не Алтайского края) 185
- Ново-Славянка, с. Ижморского р-на 547, 560
- Новосибирск, г. 56, 128, 171, 175, 183, 184, 187, 194, 196, 200, 202, 203, 216, 220, 228, 239, 251, 252, 276, 278, 283, 293, 295, 328, 329, 330, 348, 352, 356, 357, 372, 383, 396, 463
- Новосибирская обл. 14, 24, 25, 29, 61, 130, 131, 132, 179, 184, 197, 204, 205, 206, 216, 220, 221, 222, 223, 225, 278, 282, 283, 285, 293, 294, 295, 306, 312, 322, 329, 330, 331, 354, 355, 357, 387, 388, 396, 399, 400, 406, 411, 412, 413, 425, 434, 436, 438, 439, 446, 447, 450, 532, 548, 551
- Новосибирский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 25, 102, 127, 274, 545
- Ново-Удинская вол. (часть Усть-Удинского р-на Иркутской обл.) 106
- Н-Тимофеевка Омского округа (ныне Кокпектинский р-он Восточно-Казахстанской обл.) 54
- Н-Шипуново, дер. (ныне Кыштовский р-он Новосибирской обл.) 89
- Новые Бадражи, дер. Единецкого р-на (Молдавия) 547
- Обдорск, (ныне г. Салехард) 116
- Обоянский р-он Курской обл. 544
- Оброчино, с. Томского уезда 537
- Одесса, г. 324
- Одесская обл. 531
- Одесский округ (ныне часть Одесской обл., Украина) 271
- Ойротия (Ойротская автономная обл.) – административно-территориальная единица РСФСР в 1922–1948 гг. 32, 48, 187, 415
- Ойротский округ (ныне часть Республики Алтай) 52, 53
- Ойрот-Тура, г. (г. Горно-Алтайск) 185, 188, 189, 196, 275
- Омск, г. 28, 41, 45, 56, 66, 112, 113, 115, 116, 121, 122, 140, 141, 142, 147, 152, 159, 161, 171, 184, 186, 197, 200, 211, 228, 259, 268, 270, 273, 276, 279, 280, 290, 291, 301, 302, 303, 315, 322, 323, 334, 335, 336, 354, 365, 366, 463
- Омская губ. 19, 40, 94, 97, 98, 112, 121, 151, 212, 224, 232, 259, 287, 310, 311, 323, 343, 375, 383, 548
- Омская обл. 26, 29, 94, 111, 118, 126, 197, 199, 200, 201, 270, 277, 279, 281, 283, 289, 291, 294, 295, 326, 327, 328, 329, 384, 397, 411, 432, 434, 436, 438, 439, 457, 461, 541
- Омский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 14, 15, 22, 54, 58, 186
- Омский уезд (ныне часть Омской обл.) 97, 159, 289
- Онгудайский аймак (ныне часть Онгудайского р-на Республики Алтай) 188
- Ордынское, с. (ныне пгт Ордынское, райцентр Новосибирской обл.) 282
- Оренбург, г. 49
- Орловка, дер. Чановского р-на (ныне Новосибирская обл.) 15
- Орлово, дер. Каинского уезда 544, 553
- Осиновка, пос. (ныне г. Осинники Кемеровской обл.) 207
- Осьминский р-он Ленинградской обл. (упразднен в 1961 г.) 533
- Ояшинский, пос. Новониколаевского уезда (ныне село в Болотнинском р-не Новосибирской обл.) 530, 541, 557, 561
- Павловский р-он (р-он в Алтайском крае) 397
- Паневежский уезд Литовской ССР 535, 537, 553, 555
- Парабель, с. (райцентр в Томской обл.) 54, 132, 377, 380, 381, 383

- Парабельский р-он (р-он в Томской обл.) 376, 352, 381, 530
- Пачинская вол. Томского уезда (ныне Томская обл.) 81
- Пенза, г. 322
- Первая Покровка, с. Покровского р-на 16
- Пермская губ. 155, 233, 532, 550, 552, 556, 557, 561
- Пермь, г. 550
- Песочная, дер. Томского р-на 538
- Пестерево, с. 364
- Петроград, г. (ныне г. Санкт-Петербург) 112, 255, 310, 536, 537, 548
- Петропавловск, г. (ныне Казахстан) 111, 114, 115, 116, 121, 335, 346, 366
- Петропавловский уезд (ныне часть Кокчетавского р-на, Казахстан) 111, 115
- Петуховский р-он (ныне часть Петуховского р-на Курганской обл.) 111
- Печорский р-он Псковской обл. 536
- Плоское, дер. Саргатского р-на (ныне Омская обл.) 15
- Плотниковка, с. Исилькульского р-на 14
- Победа, пос. Шегарского р-на 534, 552
- Подберезово, дер. Новосильского р-на Орловской обл. 544
- Подгорное, с. (ныне районцентр Томской обл.) 26, 129
- Подоба, дер. Томского уезда (ныне село в Шегарском р-не Томской обл.) 100
- Подольская губ. 108, 547
- Подонино, дер. Щегловского уезда (ныне село в Топкинском р-не Кемеровской обл.) 530, 535
- Подъянда, дер. Ирбейского р-на (ныне Красноярский край) 15
- Позднеево, дер. Коларовского р-на (ныне в Томском р-не) 557
- Поздняково, дер. Кожевниковского р-на (ныне село в Шегарском р-не Томской обл.) 538
- Покровская вол. (ныне часть Родинского р-на Алтайского края) 104
- Покровский р-он (ныне Краснощёковский) 16
- Полтавская губ. 108, 147, 206, 273, 381
- Поперечная, дер. Щегловского уезда 559
- Прага, г. 326
- Причерный край 161, 361
- Прокопьевск, г. 185, 193, 196, 293
- Прокопьевский р-он (р-он Кемеровской обл.) 293, 339
- Прорыто, дер. Томского уезда 550
- Протопопово, дер. Щегловского уезда 552, 557, 560
- Пудино, с. (село городского округа Кедровый Томской обл.) 536
- Пудовка, с. Кривошеинского р-на 537
- Радомская губ. (Польша) 534
- Резекненский уезд Латвийской ССР 538, 562
- Ремовское, с. Кузнецкого уезда 561
- Республика Алтай 171, 411, 412, 413, 414, 415, 419, 420, 425, 432, 435, 437, 438, 439, 454, 463
- Решоты, с. Канского округа (ныне Красноярский край) 54
- Ржев, г. 550
- Рижский уезд Латвийской ССР (ныне часть Рижского р-на Латвии) 534, 560
- Родинская вол. (ныне часть Родинского р-на Алтайского края) 104
- Родинский р-он (р-он в Алтайском крае) 16, 291
- Рождественская вол. Томского уезда 82
- Рождественское, с. Канского уезда (ныне с. Дзержинское Красноярского края) 68
- Романовка, дер. (ныне пос. в Идринском р-не Красноярского края) 185
- Росоши, дер. (ныне село в Алтайском р-не и крае) 185
- Ростов-на-Дону, г. 324
- Ростоки, с. Вижницкого р-на Черновицкой обл. (Украина) 536, 547
- Рубцовск, г. (город и районцентр в Алтайском крае) 185, 279, 553
- Рубцовский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 89
- Рыбинский р-он ВСК 559

- Рязанская губ. 295, 552
- Савиново, с. (село в Зональном р-не Алтайского края) 185
- Садторский р-он Черновицкой обл. (Украина) 536
- Самара, г. 552
- Сарапульский уезд Вятской губ. (ныне часть Сарапульского р-на Республики Удмуртия) 542
- Сараса, дер. (ныне пос. в Алтайском р-не Алтайского края) 185
- Саратов, г. 86, 322
- Саратовская обл. 348, 532, 537, 541, 542, 558, 561
- Сарачевский, пос. Новониколаевского уезда (ныне пос. в Мошковском р-не Новосибирской обл.) 537, 542, 545, 546, 553
- Сартаковка, дер. Кузнецкого уезда 542
- Свердловск, г. (ныне г. Екатеринбург) 49
- Святославка, с. Мариинского уезда (ныне в Мариинском р-не Кемеровской обл.) 72, 105
- Севастополь, г. 545
- Северный р-он (р-он в Новосибирской обл.) 552
- Северодвинск, г. 317
- Северо-Двинская губ. 312, 322
- Северо-Кавказский край (1924–1937 гг., ныне Ростовская обл., Краснодарский и Ставропольский края, Респ. Адыгея, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания, Чеченская Респ.) 271, 291
- Севский уезд Орловской губ. (ныне часть Севского р-на Брянской обл.) 535
- Седельниковский р-он (р-он в Омской обл.) 274, 291
- Семипалатинск, г. 121, 138, 211, 335
- Семипалатинская обл. (ныне Казахстан) 9, 540
- Сергеево, с. Асиновского р-на 82, 530
- Сергунино, пос. Пермской губ. 552
- Серебрянское, с. Исилькульского р-на 14
- Сереж, с. (село в Назаровском р-не Красноярского края) 106
- Сережская вол. Ачинского уезда (ныне часть Назаровского р-на) 161
- Сиблаг (Сибирский ИТЛ, г. Новосибирск, г. Мариинск) 21, 23, 24, 25, 204, 395, 543, 552, 557
- Сидоренково, дер. Кузнецкого уезда 552
- Симоновка, пос. Зырянского р-на (не сохранился) 535, 541, 561
- Симферополь, г. 329, 330
- Скрипачи, с. Ачинского уезда (ныне Шарыповский р-он Красноярского края) 70
- Славгородский округ (ныне часть Алтайского края) 53, 59, 290
- Славгородский р-он (р-он Алтайского края) 294
- Славгородский уезд (ныне часть Славгородского р-на Алтайского края) 104, 286, 289, 502
- Смелый, пос. (прекратил существование) 132
- Смоленский р-он (р-он Алтайского края) 188, 275, 277, 397, 543
- Смоленское, с. (село и райцентр в Алтайском крае) 184, 185
- Солонешенский р-он (Алтайский край) 188, 194
- Солоновка, с. Сычёвского р-на (ныне Смоленский р-он Алтайского края) 88
- Сорокино, с. Ужурского р-на Красноярский край 540
- Сорокино, с. (ныне г. Заринск Алтайского края) 110, 111
- Сорокинский р-он (ныне Заринский р-он Алтайского края) 11
- Сорокский р-он Молдавской ССР 555
- Сосновка, пос. Асиновского р-на (не сохранился) 552
- Сочига, пос. (пос. в Парабельском р-не) 132
- Спасское, с. (ныне с. Венгерovo Новосибирской обл.) 74
- Спасское, с. Шатровской вол. (ныне село в Шатровском р-не Курганской обл.) 114
- Ставрополь, г. 543

- Сталинск, г. (г. Новокузнецк) 185, 196, 207, 295, 396
- Старо-Бардинский р-он (ныне Красногорский р-он Алтайского края) 188
- Стерлитамакский уезд Уфимской губ. (ныне Республика Башкирия) 550, 554
- Стрежная, дер. Кривошеинского р-на 532
- Сузун, с. (ныне посёлок и райцентр в Новосибирской обл.) 388
- Сургут, г. (город в Тюменской обл.) 116, 538, 540, 548, 556, 557, 560
- Сургутский уезд 531, 534, 540, 542, 544, 545, 550, 552, 554, 556, 558, 559
- Суслово, с. (ныне Мариинский р-он Кемеровской обл.) 78, 532, 541
- Сырбашинский с/с (ныне Омская обл.) 26
- Сыромятная, дер. Щегловского уезда 551, 553
- Табарсук, с. (село в Аларском р-не Иркутской обл.) 106
- Таинтинская вол. (ныне Зырянский р-он Восточно-Казахстанской обл.) 85
- Тайга, ст. (ныне станция и город в Кемеровской обл.) 148, 166, 236, 264, 276, 306, 530, 539, 540, 555
- Тайгинский р-он (р-он Кемеровской обл.) 288
- Тайшет, пос. (ныне город в Иркутской обл.) 30
- Таллин, г. (Эстония) 557
- Таловское, с. Томского уезда (ныне село в Яшкинском р-не Кемеровской обл.) 532
- Тальменский р-он (ныне Алтайский край) 16, 265, 398
- Тамбарская вол. (ныне часть Тисульского р-на Кемеровской обл.) 38
- Тара, г. (ныне город в Омской обл.) 277, 281, 327
- Тарбеево, с. (ныне дер. Тарбеево Первомайского р-на Томской обл.) 272
- Тарский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 59
- Тарский уезд (ныне часть Тарского р-на Омской обл.) 111
- Тарту, г. (Эстония) 550
- Тартуский уезд Эстонской ССР 548
- Татарский уезд (ныне часть Татарского р-на Новосибирской обл.) 289
- Таурагский уезд Литовской ССР 539
- Ташкент, г. 325
- Таштып, с. Красноярского края (ныне село и райцентр в Хакасии) 560
- Тевризский р-он (Омская обл.) 185, 186, 194, 200
- Тельбес, пос. (ныне часть пос. Мундыбаш Кемеровской обл.) 239
- Тимский р-он Курской обл. 538
- Тискино, с. Томского уезда (ныне в Колпашевском р-не) 554
- Тисульский р-он (Кемеровская обл.) 38, 42, 72
- Тифлис, г. 339
- Тобольск, г. (ныне город и райцентр в Тюменской обл.) 112, 114, 116, 119, 138, 335, 346, 354
- Тобольская губ. 547
- Тобольский уезд (ныне часть Тобольского р-на Тюменской обл.) 111
- Тогул, с. (ныне село и райцентр в Алтайском крае) 361
- Тогульский р-он (Алтайский край) 188, 448
- Тогур, пос. Колпашевского р-на 538
- Томск, г. 8, 18, 26, 28, 30, 38, 44, 56, 66, 100, 101, 103, 132, 140, 144, 145, 146, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 163, 171, 179, 181, 184, 193, 194, 195, 196, 197, 200, 203, 211, 215, 226, 228, 237, 255, 256, 259, 260, 261, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 276, 282, 287, 295, 301, 303, 306, 307, 311, 313, 317, 323, 324, 325, 333, 334, 335, 337, 339, 341, 355, 356, 357, 358, 360, 361, 366, 370, 372, 375, 377, 383, 392, 396, 399, 414, 415, 423, 425, 441, 443, 445, 446, 447, 450, 454, 455, 456, 457, 462, 463, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 539, 540, 541, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 558, 562

- Томская губ. 40, 41, 70, 71, 72, 73, 82, 105, 109, 120, 121, 122, 128, 129, 138, 151, 212, 256, 262, 287, 323, 362, 363, 365, 366, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561
- Томская обл. 9, 18, 24, 30, 80, 81, 82, 103, 130, 142, 145, 149, 156, 171, 182, 203, 204, 207, 225, 235, 264, 266, 283, 314, 331, 341, 347, 354, 360, 370, 382, 392, 393, 402, 404, 406, 411, 412, 413, 414, 416, 418, 419, 420, 425, 430, 431, 432, 434, 437, 438, 439, 444, 446, 449, 453, 454, 455, 456, 457, 459, 461, 530, 535, 536, 541, 547, 555
- Томский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 48, 52, 58, 59, 265, 271, 272, 274, 324, 383, 532, 538, 536, 543, 544, 545, 550, 553, 559
- Томский р-он (Томская обл.) 443, 450, 537, 538, 545, 551, 553, 562
- Томский уезд (ныне часть Томского р-на и обл.) 73, 81, 82, 96, 99, 100, 102, 103, 155, 156, 166, 531, 532, 533, 534, 535, 537, 538, 540, 541, 542, 543, 547, 549, 550, 552, 553, 554, 555, 558, 560, 562
- Топки, ст. (ныне ст. и город в Кемеровской обл.) 363
- Тоурак, дер. (ныне пос. в Алтайском р-не и крае) 185
- Трекино, дер. (ныне Ленинск-Кузнецкий р-он Кемеровской обл.) 364, 542
- Троицк, г. Оренбургской обл. 562
- Троицкий р-он (р-он в Алтайском крае) 188, 275
- Троицкий уезд Челябинской губ. (ныне часть Троицкого р-на Челябинской обл.) 546, 547
- Тропино, пос. 15
- Туганский р-он 535, 536, 540
- Тула, г. 322
- Тулунский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 60
- Тунгусово, дер. (Молчановский р-он Томской обл.) 130
- Тундрино, дер. Сургутского уезда 538, 544
- Тургай, с. (ныне село и райцентр Джангельдинского р-на Костанайской обл., Казахстан) 346
- Туркестан (территории в Средней и Центральной Азии) 317
- Туруханск, г. (ныне пос. и райцентр Красноярского края) 380
- Туруханский край (ныне северная часть Красноярского края) 57, 128, 138, 199, 380
- Тутальское, с. (ныне пос. в Яшкинском р-не Кемеровской обл.) 256, 533, 534, 538, 540, 543, 554, 555,
- Тырма, с. Эстонской ССР 551
- Тюкалинский уезд (ныне часть Тюкалинского р-на Омской обл.) 98, 250
- Тюкалинский р-он (р-он Омской обл.) 277
- Тюменская губ. 41, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 118, 119, 366, 534, 538, 539, 540, 542, 544, 545, 550, 552, 556, 560
- Тюменская обл. 111, 118, 433
- Тюменский округ (административно-территориальная единица РСФСР в 1925–1930 гг.) 118
- Тюменский уезд (ныне часть Тюменского р-на и обл.) 111
- Тюменцевский р-он (р-он в Алтайском крае) 291
- Тюмень, г. 41, 66, 112,
- Тяжин, с. (ныне пгт и райцентр в Кемеровской обл.) 144
- Тяжинская вол. Мариинского уезда (ныне часть Тяжинского р-на Кемеровской обл.) 70
- Удалинский аймак (ныне часть Табунского р-на Республики Алтай) 188
- Ужур, с. (ныне город в Красноярском крае) 70

- Узунгуль, дер. Чановского р-на
(ныне Новосибирская обл.) 15
- Узун-Ада, порт Закаспийской обл. 539
- Укмерский уезд Литовской ССР 536
- Украина 7, 17, 49, 108, 128, 141, 171, 174, 175,
177, 178, 226, 325, 426, 429, 456, 536, 545,
547
- Уксунай, с. (Тогульский р-он
Алтайского края) 361
- Улала (ныне г. Горно-Алтайск) 46
- Уманский уезд Киевской губ. (ныне часть
Уманского р-на в Черкасской обл.) 531, 542
- Умыган, с. (ныне село в Тулунском р-не
Иркутской губ.) 13
- Унарский с/с (ныне Омская обл.) 26
- Упоровский р-он Омской обл. (ныне
в Тюменской обл.) 541
- Уренский р-он Горьковской обл.
(ныне Нижегородской обл.) 539
- Уржумский уезд Вятской губ. 146, 559
- Урянхайский край (историческое название
Республики Тыва) 161
- Успенский аймак (ныне часть
Чойского р-на Республики Алтай) 188
- Усть-Каменогорский уезд
Семипалатинской обл. 85, 540
- Усть-Кут, с. (ныне город
в Иркутской обл.) 30
- Усть-Тарский р-он (ныне р-он
в Новосибирской обл.) 75
- Уч-Пристанский р-он (ныне Усть-
Пристанский р-он Алтайского края) 328
- Фёдоровский с/с (ныне Омская обл.) 26
- Филиппово, с. (ныне село в Ордынском
р-не Новосибирской обл.) 249
- Фомино, дер. Щегловского уезда 544
- Франция 34, 386, 446, 447
- Фриденштадт, г. Лифляндской губ. 557
- Хабаровск, г. 49
- Хабарский р-он (р-он Алтайского края) 294
- Хакасия (субъект РФ) 42, 53
- Хакасская обл. 190
- Хакасский округ (ныне Республика
Хакасия) 52, 54, 58
- Харьков, г. 174, 310, 324
- Харьковский округ (ныне часть
Харьковской обл., Украина) 271
- Хмелёвка, дер. Томского уезда 562
- Холм, г. Люблинской губ. (Польша) 541
- Холодовка, дер. Тульчинского р-на
Винницкой обл. (Украина) 551
- Хохлово, дер. Мариинского уезда 553
- Худяшовский с/с (ныне Ленинск-
Кузнецкий р-он Кемеровской обл.) 86
- Центрально-Чернозёмная обл.
(1928–1934 гг., ныне Белгородская,
Воронежская, Курская, Липецкая,
Орловская и Тамбовская обл.) 550
- Центральный, пос. Асиновского р-на
(не сохранился) 535, 537
- Центральный Лай, пос. Асиновского р-на
(не сохранился) 539, 540, 543, 544
- Цыганово, дер. Зырянского р-на 533
- Чаинский р-он (ныне р-он Томской обл.)
128, 130, 26, 443, 539, 546, 550, 552, 532
- Чановский р-н (ныне Новосибирская обл.)
15, 282
- Чаща, дер. Щегловского уезда 534
- Челябинск, г. 41, 112, 115, 116, 278, 280
- Челябинская губ. 539, 546
- Черемхово с (ныне г. Черемхово
Иркутской обл.) 106
- Черемховские копи Иркутской губ. (ныне
г. Черемхово Иркутской обл.) 73
- Черемховский уезд (ныне часть
Черемховского р-на Иркутской обл.)
106
- Черепок, с. Курской губ. 560
- Черлакский р-он (Омская обл.) 186, 194
- Черлаковское, с. (пгт и райцентр
в Омской обл.) 185
- Чернореченская, ст. (ныне в Козульском
р-не Красноярского края) 107
- Чистоозёрный р-он (р-он
в Новосибирской обл.) 293
- Чита, г. 558
- Чкаловская обл. 553
- Чувашия (Республика Чувашия) 324

- Чумаково, с. (село в Куйбышевском р-не Новосибирской обл.) 130
- Чумаковский р-он (часть Убинского и Северного р-нов Новосибирской обл.) 130
- Чумашкино, дер. Щегловского уезда (не сохранилась) 549
- Чумышский р-он (ныне Заринский р-он Алтайского края) 130
- Чусовитино-Барышево, дер. (ныне с. Чусовитино в Ленинск-Кузнецком р-не Кемеровской обл.) 539, 546
- Шарыпово, с. (райцентр Красноярского края) 70, 71, 76, 88
- Шауляй, г. 552
- Шауляйский уезд Литовской ССР (ныне часть Шауляйского р-на Литвы) 534
- Шевели, дер. Щегловского уезда (не сохранилась) 549
- Шегарский р-он (Томская обл.) 103, 156, 534, 552
- Шеломки, с. (ныне Дзержинский р-он Красноярского края) 68
- Шипуново, с. 89, 543
- Шипуновский р-он (р-он Алтайского края) 279
- Широково, с. Сургутского уезда 552
- Шуя, г. 325
- Щегловск, пос. (ныне г. Кемерово) 87, 157, 365, 531, 533, 534, 541, 542, 543, 544, 546, 555, 557, 561, 562
- Щегловский уезд (ныне часть Кемеровского р-на и обл.) 73, 82, 109, 120, 160, 164, 362, 530, 531, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 544, 545, 546, 547, 549, 550, 551, 552, 553, 555, 557, 560, 561
- Щука, пос. (прекратил существование) 132
- Юдино, с. Ишимского уезда (ныне Тюменская обл.) 113
- Южно-Казахстанская обл. (Казахстан) 406
- Юрга, пос. (город в Кемеровской обл.) 239, 257, 555
- Юргинский р-он (р-он Кемеровской обл.) 288, 544
- Юрт-Акбалык, дер. Кольванского р-на (село в Кольванском р-не Новосибирской обл.) 282
- Юрт-Калтай, дер. Коларовского р-на Томского округа (ныне Томский р-он Томской обл.) 265
- Юршаново, дер. Щегловского уезда 534
- Ягуново, дер. Кузнецкого уезда (ныне село в Кемеровском р-не) 531
- Ялуторовский уезд (ныне часть Тюменской обл.) 111, 161
- Ярославль, г. 350
- Ярыгино, с. Кузнецкого р-на Новосибирской обл. (не сохранилось) 548
- Ясский уезд (Молдавия) 543
- Яхрома, ст. Дмитриевского р-на Московской обл. (ныне город в Московской обл.) 549
- Яшкино, дер. (ныне пгт и райцентр в Кемеровской обл.) 155

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Опубликованные документы

- Боль людская. Книга Памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов : в 5 т. Томск : Управление ФСБ РФ по Томской области, 1991–1999.
- Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. М., 1998.
- Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932 : сб. док. Новосибирск, 1999.
- Жертвы политических репрессий в Алтайском крае : в 7 т. 1919–1930. Барнаул : Упр. арх. дел адм. АК, 1998.
- За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921 : сб. документов / сост. В.И. Шишкин. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000.
- Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области : в 11 т. Омск : Кн. изд-во, 2000–2003.
- Изгои коллективизации: алтайская деревня в 1928–1933 годах : сб. док. Барнаул : Управление архивного дела Алтайского края, 2007.
- Из бездны небытия. Книга Памяти репрессированных калужан. Калуга : Управление ФСК РФ по Калужской области, 1994.
- Из истории земли томской. 1917–1921. Народ и власть : сб. док. и мат. Томск, 1997.
- Из истории земли томской. Сибирский Белосток : сб. док. и мат. Томск, 1998.
- Из истории земли томской. Год 1937... : сб. док. и мат. Томск, 1998.
- Из истории земли томской. 1921–1924. Народ и власть : сб. док. и мат. Томск, 2000.
- Из истории земли томской. 1925–1929. Народ и власть : сб. док. и мат. Томск, 2000.
- Из истории земли томской. Народ и власть. 1930–1933 : сб. док. и мат. Томск, 2001.
- Из истории земли томской. Невольные сибиряки. 1940–1956 : сб. док. и мат. Томск, 2001.
- Из истории земли томской. 1933. Назинская трагедия : сб. док. и мат. Томск, 2002.
- Из истории ВЧК. 1917–1921 гг. : сб. док. М., 1958.
- Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск : Сова, 2005–2011. Т. 1–3.
- Книга Памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Новгород : Ассоциация жертв репрессий: Администрация области, 1993.
- Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.). Документы и материалы. Томск, 1972.
- Коллективизация сибирской деревни. Январь – май 1930 г. : сб. док. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. 488 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1979.
- Красная книга ВЧК : в 2 т. М. : Изд-во полит. лит., 1989.
- Ленинградский мартиролог. Книга памяти жертв политических репрессий. 1937–1938 : в 5 т. СПб. : Изд-во Российской национальной библиотеки, 1995–2202.
- Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, янв. 1922 – дек. 1936. М., 2003.

- Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М. : МФД, 2003.
- Лубянка – Старая площадь. Секретные документы ЦК КПСС и КГБ о репрессиях в 1937–1990 гг. в СССР / сост. В.Н. Бредихин. М. : Посев, 2005.
- Меньшевистский процесс 1931 года : сб. док. : в 2 кн. М., 1999.
- Неизвестный Кузбасс. Вып. 2: Тоталитарная система: Палачи и жертвы : сб. арх. док. Кемерово, 1995.
- Не предать забвению: Книга Памяти репрессированных в 30–40-е – начале 50-х годов, связанных судьбами с Ярославской областью / сост. В.П. Голиков, В.А. Виноградов. Ярославль : Верх-Волж. кн. изд-во, 1993.
- Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 : в 2 кн. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. Кн. 1. 912 с.
- Правозащитный политический процесс в Москве. 8 июня – 4 августа 1922 г. Стенограмма судебных заседаний : в 14 т. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. Т. 1, 2. 687 с.
- «Руководствуясь революционной совестью...» : сб. док. по истории Алтайской губЧК 1919–1922. Барнаул : Управление архивного дела Алтайского края, 2006.
- Сборник законодательных документов по вопросам организации и деятельности советской милиции (1917–1934 гг.). М., 1957.
- Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. : Республика, 1993.
- Сибирская Вандея. 1920–1921 гг. Документы : в 2 т. / под ред. акад. А.Н. Яковлева ; сост. В.И. Шишкин. М. : Международный фонд «Демократия», 2001.
- Сибирский революционный комитет (Сибревком). Авг. 1919 – дек. 1925 г. : сб. док. и мат. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1959.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 1: 1918–1922. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 864 с.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 2: 1923–1929. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 1168 с.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 3: 1930–1934. Кн. 1: 1930–1931 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 864 с.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 3: 1930–1934. Кн. 2: 1932–1934 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 840 с.
- Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. Новосибирск : Посох, 2004.
- Социальный портрет лишенца (на материалах Урала) : сб. док. / сост. Е.В. Байда, В.М. Кириллов, Л.Н. Мазур и др. ; отв. ред. Т.И. Славко. Екатеринбург : УрГУ, 1996.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992.

- Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск : ЭКОР, 1993.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск : ЭКОР, 1994.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. / сост. С.А. Красильников, Д.Н. Нохотович, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск : ЭКОР, 1996.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы : в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999–2004.
- Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы / составление, вступительная статья и комментарии А.И. Савина. Новосибирск ; Санкт-Петербург : Посох, 2006.
- Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграции и репрессии. Документы и материалы. Новосибирск : Посох, 2009.
- 1936–1937 гг. Конвейер НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2004.
- 1937–1938 гг. Операции НКВД: Из хроники «Большого террора» на томской земле. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2006.

Неопубликованные источники

Государственный архив Новосибирской области:

Фонд Р-20. Прокуратура Новосибирской области (1922 – н. вр.).

Оп. 1. Д. 3, 6, 7, 10, 12, 20, 21, 22, 29, 30, 39, 46, 47, 54, 56, 58, 59, 63, 71, 75, 87, 105, 136, 145, 146, 159, 183, 199.

Оп. 2. Д. 3, 4, 10, 15, 17, 19, 20, 47, 67, 70, 117, 128, 131, 135, 143, 152, 164, 180, 181.

Оп. 3. Д. 18, 19, 21–23, 25, 30, 54.

Оп. 4. Д. 2.

Фонд Р-467. Отдел юстиции Сибревкома (Сибюст). Оп. 1. Д. 3, 33, 40, 44, 63, 66, 67.

Фонд Р-878. Управление прокурора Новониколаевской губернии (1922–1925 гг.). Оп. 1.

Фонд Р-1027. Новосибирский областной суд Министерства юстиции Российской Федерации (1922 г. – н. вр.).

Оп. 1. Д. 280.

Оп. 2, 3.

Оп. 6. Д. 1 – 1ж, 7а, 7д, 9–11, 13–16.

Оп. 7. Д. 4, 7, 10, 17–20, 26, 31, 39, 43, 52.

Оп. 8. Д. 2, 4, 7, 18, 32.

Оп. 10. Д. 1, 13, 21.

Фонд Р-1061. Новосибирский окружной суд (1925–1930 гг.). Оп. 1.

Фонд Р-1096. Новониколаевский единый губернский революционный трибунал Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК (1920–1922 гг.). Оп. 1.

Фонд Р-1146. Сибирский отдел Верховного суда РСФСР (1920 – 1923 гг.). Оп. 1. Д. 3, 11, 22, 55, 59–63, 74, 105, 152–207, 216–219, 848, 856, 868–872.

- Фонд Р-1185. Чрезвычайный Сибирский революционный трибунал Сибревкома (1920 – не уст.). Оп. 1.
- Фонд Р-1240. Новониколаевский губернский суд (1922–1925 гг.). Оп. 1, 2.
- Фонд Р-1958. Сибирская краевая инспекция мест заключения. Оп. 1. Д. 1, 14, 39, 70, 72, 87, 89, 91.
- Фонд П-1. Сиббюро ЦК РКП(б). Оп. 1. Д. 125, 132, 188, 254, 435, 750.
Оп. 2. Секретно-директивная часть Сиббюро ЦК РКП(б). Д. 98, 106, 142, 155, 157, 161, 166, 188, 202, 204, 260, 275, 290, 292, 306, 309, 367, 468.
Оп. 2 «а». Д. 29.
Оп. 9. Д. 15а.
- Фонд П-302. Штаб командующего частями особого назначения (1920–1924 гг.).
Оп. 1. Д. 78.

Государственный архив Томской области:

- Фонд Р-105. Революционный военный трибунал Томской железной дороги и бассейна рек Оби и Енисея Главного революционного военного железнодорожного трибунала. Оп. 1. Д. 2.
- Фонд Р-118. Народные суды Томской губернии (1920–1925 гг.). Оп. 1. Д. 31, 135, 174, 197, 267.
- Фонд Р-159. Отдел юстиции Томского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губюст), г. Томск (1919–1922). Оп. 1. 5, 6, 8, 11. Оп. 2.
- Фонд Р-173. Томский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губисполком), г. Томск (1920–1925).
Оп. 1. Д. 524, 987.
- Фонд Р-183. Исправительно-трудовой отдел отдела юстиции Томского губисполкома, г. Томск (1920–1922). Оп. 1. Д. 5, 6, 11, 12, 16, 21, 27, 40, 46, 50, 57, 61, 62, 64, 70, 72, 83, 91, 128, 139.
- Фонд Р-188. Инспекция мест заключения административного отдела Томского губисполкома, г. Томск (1922–1925). Оп. 1. Д. 2–5, 7, 8, 12, 13, 16, 19, 26, 28–30, 32, 33.
- Фонд Р-236. Томский губревтрибунал, г. Томск (1920–1922). Оп. 1. Д. 1, 2, 7–9, 16, 20, 26, 28, 49, 50, 85, 166, 173, 176.
Оп. 2. Д. 81, 91, 92, 96, 100, 112, 141, 142, 152, 157, 215, 217, 234, 259, 288, 306, 330, 401.
Оп. 3. Д. 116, 117, 120, 162, 172, 195, 279, 322, 325, 445, 449, 558, 570.
Оп. 4. Д. 51, 84, 128, 130, 247, 266, 278.
Оп. 5. Д. 1421, 1450, 1473, 1542, 1695–1697.
Оп. 6. Д. 2–6, 65.
- Фонд Р-277. Управление Томской губернской рабоче-крестьянской советской милиции отдела управления Томского губисполкома, г. Томск (1920–1923). Оп. 1. Д. 51.
- Фонд Р-278. Управление Томской уездной рабоче-крестьянской советской милиции отдела управления Томского уисполкома, г. Томск (1920–1923). Оп. 1. Д. 26, 38, 863, 866, 882, 895, 908, 955, 974, 982 «а», 991, 998, 1004, 1054, 1061, 1066, 1077.
Оп. 2. Д. 2–11, 13, 15, 17, 18, 22, 25, 27, 35, 37, 38.
Оп. 3. Д. 1, 3–5, 8–10, 12, 15, 17, 20–22, 25–27, 30, 33, 38, 44, 50, 53, 59, 60.

- Фонд Р-279. Управление Томской городской рабоче-крестьянской советской милиции отдела управления Томского уисполкома, г. Томск (1919–1921). Оп. 1. Д. 2, 10, 56, 76, 78 «а», 88, 97, 153, 16, 194.
Оп. 2. Д. 1 «а», 9, 18, 46, 118.
Оп. 3. Д. 11.
- Фонд Р-427. Административный отдел окружного исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Окрадмотдел), г. Томск (1925–1930). Оп. 1. Д. 1–6, 9–12, 24, 34.
- Фонд Р-428. Управление Щегловской рабоче-крестьянской советской милиции, г. Щегловск (1920–1925). Оп. 1.
- Фонд Р-523. Инспекция мест заключения административного отдела Томского окрисполкома, г. Томск (1925–1927). Оп. 1. Д. 2–6.
- Ф. Р-579. Штаб командующего частями особого назначения Томской губернии (1920–1924 гг.). Оп. 1. Д. 83.
- Фонд Р-597. Нарымский окружной суд (1932–1944). Оп. 1, 4, 5.
- Фонд Р-804. Прокурор Томского округа, г. Томск ([1926]–1930). Оп. 1. Д. 1, 2, 6 (ОД), 7, 9 (ОД), 10, 11, 13 (ОД)–15, 17.
- Фонд Р-809. Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (ГубЧК), г. Томск (1919–1922). Оп. 1. Д. 1–11, 18.
- Фонд Р-1026. Томский областной суд (1944 – н. вр.). Оп. 1, 2, 3.
- Фонд Р-1040. Томская фабрично-заводская и сельскохозяйственная закрытая колония с домом заключения административного отдела Томского окрисполкома, г. Томск (1927–1931). Оп. 1. Д. 2–5, 7, 9, 10–12.
- Фонд Р-1135. Административный отдел Томского губисполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губадмотдел), г. Томск (1923–1925). Оп. 1. Д. 6 «а», 8, 12, 16–19, 27, 34, 41, 44, 54.
- Фонд Р-1152. Томско-Асиновский ИТЛ ГУ ИТЛ НКВД СССР (Томасинлаг), с. Асино (1937–1940). Оп. 1.

Управление архивного дела администрации Алтайского края:

- Фонд Р-2. Управление ФСБ РФ по Алтайскому краю. Оп. 6. Д. 186.

Центр документации Новейшей истории Томской области:

- Фонд 1. Томский губернский комитет РКП(б). Общий отдел. Оп. 1. Д. 1, 4, 27, 33, 39, 54, 55, 59, 73, 75, 78, 80, 87, 91, 96, 107, 111, 136, 424.
- Фонд 76. Томский окружной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 78, 502, 646, 700, 838, 846, 848, 942–944, 989.
- Фонд 80. Томский горком КПСС. Оп. 1. Д. 6, 54, 55, 132, 133, 164, 166, 167, 186, 265, 361–363, 379, 400, 401, 407, 415, 416, 471, 493, 497, 502, 541, 560, 602, 616, 617, 649, 650, 654, 661, 662, 666, 671, 684, 689, 700, 711–714, 740–744, 776, 778, 779, 784, 800, 801, 807, 830, 831, 862, 865, 866, 873.
- Фонд 102. Васюганский райком КПСС. Оп. 1. Д. 26, 34.
- Фонд 206. Нарымский окружной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 1, 131, 582.
- Фонд 607. Томский обком КПСС. Оп. 1. Д. 243, 1698, 1707, 2504, 2538, 2566, 2621, 2678, 2683.

Управление ФСБ РФ по Новосибирской области:

Фонд архивно-следственных дел. Д. 198, 11516, 13672.

Управление ФСБ РФ по Томской области:

Фонд архивно-следственных дел. Д. 311, 2574, 5621, П-765, П-860, П-898, П-2107, П-2110, П-2517, П-2527, П-2969, П-2971, П-3441, П-3521, П-3843, П-5046, П-5690, П-6806, П-7503, П-7884, П-8556, П-8805, П-9846, П-10220, П-10282, П-10774, П-10975, П-11190, П-11235, П-11240, П-11412, П-11461, П-11575, П-11698, П-11726, П-11729, П-11738, П-11943, П-11947, П-12049, П-13011, П-13021, П-13030, П-13031, П-13052, П-14001, П-14075, П-14085.

Фонд личных дел сотрудников.

Фонд 10. Отделения регистрации и архивных фондов. Д. 29, 34, 35, 41, 85, 1011.

Фонд 16. Коллекция документов, представляющих оперативную или историческую ценность. Д. 60.

Информационный центр Управления внутренних дел Томской области:

Фонд архивных уголовно-следственных дел 8–9. Д. 110, 127, 128 «а», 130, 145, 258, 262, 348, 355, 361, 374, 375, 393, 397, 399–401, 403–405, 407, 408, 416–420, 422, 423, 428, 430–433, 436, 437, 438, 440, 441, 444–447, 454, 455, 463, 464, 466, 468, 470–478, 480, 481, 483, 484, 578, 603, 680, 687, 920, 0682, 0695, 0709, 0713–0716, 0720, 0942, 0951, 0979, 1099, 1186, 1308, 1332–1334, 1346, 1357, 1369, 1370, 1381, 1390, 1441, 1450, 1452, 1463, 1471, 1483, 1487, 1491, 1497, 1509, 1519, 1637, 7147, 7731, ОР-2253, Р-26282, Р-32079, 53527.

Обзоры деятельности подразделений реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации информационных центров МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации за 2000–2009 гг. М. : ГИЦ МВД России.

Периодические и продолжающиеся издания

Алтайская правда (Барнаул). 1989–1992.

Аргументы и факты. 1989–1995.

Вопросы истории. 1989–1990.

Знамя революции (Томск). 1920–1921.

Известия ЦК КПСС. 1989–1990.

Карта: Российский независимый исторический журнал. 1994.

Красное знамя (Томск). 1922–1938, 1989–1995.

Красный Алтай (Барнаул). 1922.

Кузбасс (Кемерово). 1938–1939, 1989–1993.

Молодой ленинец («ТМ-Экспресс» (Томск)). 1989–1993.

Народная трибуна (Томск). 1990–1994.

Политическая информация (Томск). 1989–1990.

Томский вестник (Томск). 1990–1995.

Сибирские огни (Новосибирск). 1989, 1993.

Советская Сибирь (Новосибирск). 1922–1938, 1989–1992.

Воспоминания

- Алин Д.Е. Мало слов, а горя реченька... Невыдуманные рассказы. Томск : Водолей, 1997.
- Берия С. Мой отец – Лаврентий Берия. М. : Современник, 1994.
- Варкентин Я. Я остался живым... // Красное знамя. 1989. 29 янв.
- Возвращение памяти : историко-публицистический альманах : в 3 вып. Новосибирск, 1991–1997.
- Вся наша жизнь. Воспоминания Галины Ивановны Левинсон и рассказы, записанные ею. М. : Мемориал, 1996.
- Гинзбург Е.Н. Крутой поворот // Юность. 1988. № 8.
- Иванов-Разумник Р.А. Писательские судьбы. Тюрмы и ссылки / вступ. статья, сост. В.Г. Белоуса. М. : Новое литературное собрание, 2000.
- Из прошлых лет (Из рукописи воспоминаний И.Н. Филатова) // Забвению не подлежит: Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2003. Т. 10.
- Ларина А.М. Незабываемое // Знамя. 1988. № 10–12.
- Мемуары Никиты Сергеевича Хрущёва // Вопросы истории. 1990. № 2–12; 1991. № 1–12; 1992. № 1–3, 6–9, 11–12; 1993. № 2–10; 1994. № 1–7.
- Разгон Л.Э. Непридуманное: Повесть в рассказах. М. : Книга, 1989.
- Служение Отечеству: воспоминания, статьи, документы. 1917–2005 гг. : в 2 кн. Кемерово, 2005.
- Тамарина Р. Такая планида, или Зарубки на «Щепке». Томск : Водолей, 2002.
- Театр ГУЛАГа / сост., вступ. ст. М.М. Кораллова. М. : Мемориал, 1995.
- Фойгт Л.И. Сталинск в годы репрессий. Воспоминания. Письма. Документы. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1995. Вып. 2.
- Штраус А.С., Изгой Сер. «Русский народ». Иваново : Ковровская заря, 1991.
- «Я остался живым...». Свидетельства человека, прошедшего ад сталинских лагерей // Красное знамя. 1989. 29 янв.
- Яковлев А.Н. Сумерки. М. : Материк, 2005.

Справочные и статистические издания

- Административно-территориальное деление Сибири : справочник. Новосибирск : Зап-Сиб. кн. изд-во, 1966.
- Возвращённые имена (О репрессиях в годы культа личности Сталина в Башкирии) / сост. Г.Д. Иргалин, Е.П. Асабин. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1991.
- Забвению не подлежит. О репрессиях 30-х – начала 50-х годов в Нижегородской области. Нижний Новгород, 1990.
- Забелин А.А. Имя им легион. Судьбы смолян, репрессированных в других республиках, краях, областях. Смоленск : Изд-во Смоленского гуманитарного института, 1998.
- Звенья. Исторический альманах. М. : Прогресс: Феникс: Atheneum, 1991. Вып. 1.
- Звенья. Исторический альманах. М. ; СПб. : Прогресс: Феникс: Atheneum, 1992. Вып. 2.
- Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск, 2009.

- История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. 4.
- Книги памяти жертв политических репрессий в СССР. Аннотированный указатель. СПб., 2003.
- Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960 : справочник. М. : Издание МФД, 1997.
- Марченко С.Г. Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области. Кемерово, 2009.
- Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр им. Б.Н. Ельцина», 2010. 751 с. (История сталинизма. Документы).
- Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 // Меньшевики в 1921–1922 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 622 с.
- Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 // Меньшевики в 1922–1924 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 728 с.
- Нарымская хроника 1930–1945: Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания / сост. и комментарии В.Н. Макшеева. М. : Русский путь, 1997.
- Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941 : справочник / Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ ; под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. М. : Звенья, 1999.
- Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2005.
- Превращение Кузбасса в индустриальный регион (1927–1937 гг.). Кемерово : Кем. ун-т, 1995.
- Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30–50-е гг.) / отв. ред. Л.И. Гвоздкова и др. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1994. Т. 1.
- Регистрационный сборник особоучётников. М. : ОГПУ, 1924.
- Реквием. Орёл : УФСК РФ по Орловской области, 1994.
- Сибирская советская энциклопедия. 1929. Т. 1.
- Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 : справочник / Об-во «Мемориал», ГАРФ ; сост. М.Б. Смирнов ; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М. : Звенья, 1998.
- Список быв[ших] чинов Отдельного корпуса жандармов. М. : ОГПУ, 1927.
- Список быв[ших] унтер-офицеров, филеров жанд. управл. и охран. отдел., чинов Департ. полиции. Часть 1-я. М. : ОГПУ, 1929.
- Список контрразведчиков, милиции, официальных чинов МВД белых правительств. М. : ОГПУ, 1930.
- Список секретных сотрудников б[ывших] охранных отделений и жандарм [ских] управлений. Часть 2-я. М. : ОГПУ, 1929.
- Список бывш[их] чинов Отдельн. корпуса жандармов, унтер-офицеров, секретных сотрудников губернских жандармских управлений, охранных отделений и жандармских полицейских управлений железных дорог, розыск коих прекращен. М. : ОГПУ, 1929.
- Справочник-список офицерского и рядового состава жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры Дворцового коменданта и чинов

Департамента полиции Министерства внутренних дел царской России. М. : ГАУ НКВД СССР, 1940.

Управление ФСБ РФ по Кемеровской области. Служение Отечеству: 1917–2005 гг. Воспоминания, статьи, документы : в 2 кн. / автор-сост. В.В. Онищенко. Кемерово, 2005.

Публикации государственных и партийных деятелей

Ленин В.И. Маленькая картинка для выяснения больших вопросов // Полн. собр. соч. Т. 37.

Ленин В.И. Предложения о работе ВЧК // Полн. собр. соч. Т. 37.

Ленин В.И. «О задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт» – речь на пленуме ВЦСПС 11 апреля 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 38.

Маркс К. Конспект книги Бакунина // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 18.

Сталин И. Доклад на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 07–12.01.1933 г. «Итоги первой пятилетки» // Собр. соч. Т. 13. М., 1951.

Сталин И. «О правом уклоне в ВКП(б)»: Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (стенограмма) // Собр. соч. Т. 12. М., 1953.

Энгельс Ф. Об авторите // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18.

Ярославский Ем. О красном бандитизме: (Мариинское дело). Томск, 1922.

Научная и научно-популярная литература

Аблажей Н.Н. «Кулацкая» и «ровсовская» операции по приказу № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / [сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер]. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина ; Германский исторический институт в Москве, 2009.

Абраменко И.А. Боевые действия коммунистических отрядов – частей особого назначения в Западной Сибири (1920–1923 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1965. Вып. 4.

Абраменко И.А. Коммунистические формирования – части особого назначения (ЧОН) Западной Сибири (1920–1924 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973.

Адибеков Г.М. Спецпереселенцы – жертвы «сплошной коллективизации». Из документов «особой папки Политбюро ЦК ВКП(б) 1930–1932 гг. // Исторический архив. 1994. № 4.

Александров К.М. Народ, режим и армия. «Великий перелом» 1930–1933 годов. (Электронная версия).

Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Разгон. Барнаул, 2010. 170 с.

«...А мы можем любить» (интервью с директором музея ГУЛАГА) А.В. Антоновым-Овсеенко // Преступление и наказание. 2002. № 4. С. 68–71.

Анашкин А.П. Раскулачивание на Алтае в 1927–1931 гг. // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. Барнаул, 2010.

- Андреева А. Как это было // Красное знамя. 1993. 9 июня.
- Антонов-Овсеенко В.А. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 1–4, 6–8.
- Араловец Н.А. Потери населения России и СССР в конце 20-х – 30-е годы в историографии // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1984.
- Базунов В.В., Детков М.Г. Тюрьмы НКВД–МВД СССР в карательной системе советского государства. М. : НИИ УИС Минюста России, 2000.
- Безруков Г.Н. История политических репрессий в Алтайском крае (1916–1965 гг.) // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2005.
- Белади Л., Краус Т. Сталин : пер. с венг. М. : Политиздат, 1989.
- Белозёрова М.В. Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири : рукопись дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2008. 794 с.
- Берия: конец карьеры : сборник / сост. и общ. ред. В.Ф. Некрасова. М. : Политиздат, 1991.
- Бешанов В.В. «Летающие гробы» Сталина. «Всё ниже, и ниже, и ниже...». М. : Язуа-пресс, 2011.
- Бобренёв В.А., Рязанцев В.Б. Палачи и жертвы. М. : Воениздат, 1993.
- Богданов М.А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961.
- Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 – 1927 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969.
- Боженко Л.И. Об одной из форм классовой борьбы в Сибири накануне и в первые годы новой экономической политики // Тр. Том. гос. ун-та. Сер. истор. 1969. Т. 214, вып. 4.
- Бойко В. Вернуть честное имя крестьянству // Советский учитель. 1990. 19 марта.
- Бойко В. Чаинское восстание // Народная трибуна. 1991. 8, 10, 13 авг.
- Бондаренко А.А. Разгром колчаковщины и самоликвидация левозсеровских организаций в Сибири // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность : сб. статей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991.
- Боффа Дж. История Советского Союза : в 2 т. М. : Международные отношения, 1990.
- Бриммерберг В. Великомученики «Партии святых» // Народная трибуна. 1991. 15, 17 авг.
- Бударин М.Е. Были о чекистах. Омск, 1976.
- Бударин М.Е. Чекисты. Омск : Кн. изд-во, 1987.
- Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 967 с. (История сталинизма).
- Булок Алан. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание : в 2 т. Смоленск : Русич, 1994.
- Ваксберг А. Процессы // Литературная газета. 1988. 4 мая.
- Ваксберг А. Царица доказательств // Литературная газета. 1988. 27 янв.
- Ванюков Д.А., Суслов И.В. Годы репрессий. М. : Мир книги, 2007. 240 с. (Серия «История России»).
- Васильева А. Музей истории ГУЛАГа // Преступление и наказание. 2007. № 3. С. 70–71.
- Велидов А.С. К истории ВЧК–ОГПУ. Без вымысла и купюр. СПб. : Алетейя, 2011.
- Верт Н. История советского государства. 1990–1991 : пер. с фр. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992.

- Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / пер. с фр. А.И. Пигалева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010.
- Викторов Б.А. Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. М., 1990.
- Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / пер. с англ. А.В. Бардина. М. : Российская политическая энциклопедия ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010.
- «Включён в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / О. Лейбович, А. Колдушко, А. Казанков и др. М. : Российская политическая энциклопедия ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009.
- Волгогонов Д. Триумф и трагедия // Роман-газета. 1990. № 19, 20.
- Волгогонов Д.А. Сталинизм: сущность, генезис, эволюция // Вопросы истории. 1990. № 3.
- Волгогонов Д.А. Семь вождей : в 2 кн. М., 1996.
- Воронцов С.А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность. Сер. Учебники и учебные пособия. Ростов н/Д, 1999.
- Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1935 // Материалы междунар. научн. конф. (26–28.10.2001 г.). М. : Общество «Мемориал» ; Изд-во «Звенья», 2004.
- Выгон С. Необъяснимый вымысел, или Одна романтическая история тридцатых годов, которую грубо и жестоко разрушили в кабинете следователя НКВД // Красное знамя. 1991. 14–15 июня.
- Гагарин А. Трагическая страница // Политическая информация. 1989. № 12.
- Галкин В. Во имя чести и правды // Кузбасс. 1989. 5 февр.
- Галкин В. «Кемеровское дело» // Кузбасс. 1990. 8 апр.
- Галкин Н.В. «Раскулачивание» в Кузбассе (Обзор рассекреченных документов) // XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири. Красноярск, 1993.
- Галкина Т.И. Продовольственные отряды Омской губернии в борьбе за хлеб (1920–1921 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Вып. IV. Томск, 1965.
- Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997.
- Генина Е.С. К истории дела «РОВС» в Западной Сибири // История белой Сибири : материалы 5-й междунар. науч. конф. Кемерово, 2003.
- Генина Е.С. Преследование «бывших белых» в ходе проверки партийных документов в 1935 г. [по материалам Кемеровского горкома ВКП(б)] // История белой Сибири : материалы 6-й Междунар. науч. конф. 7–8 февраля 2005 г. Кемерово, 2005.
- Герман Е.Н. Хлебозаготовительная кампания 1932/1933 г. в Западной Сибири // Сибирская деревня: проблемы истории : сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. 206 с.
- Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917–2002. Страницы истории. Кемерово : Кем. кн. изд-во, 2002.
- Голиков Ю.И. Служащие в условиях «чистки» госаппарата Сибири в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1994.

- Голиков Ю.И. Генеральная «чистка» советского аппарата Сибири в конце 20-х – начале 30-х гг. // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.
- Голоскоков И. Генералы ЧеКанной карьеры // Томские вести. 2005. 27.04 – 4.05.
- Голоскоков И.В., Уйманов В.Н. На страже безопасности Государства Российского: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. Томск, 2008.
- Гонгало В.М. Крестьянское восстание 1921 г. в Петропавловском уезде // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М. : Политиздат, 1989.
- Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск : БУКВА, 2000.
- Григорчук В. Люди «вечного поселения» (В воспоминаниях и документах) // Советская Сибирь. 1989. 2, 3, 5, 7 марта.
- Гридунова И.А. Роль прокуратуры в реабилитационных мероприятиях 1939–1941 гг. на материалах Алтайского края и Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009.
- Гридунова И.А., Разгон В.Н. Реабилитация // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010.
- Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул, 1995.
- Гришаев В. Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). Барнаул, 1999.
- Гузеева В. Р.И. Эйхе. Фанатизм и трагедия // Советская Сибирь. 1989. 25 авг.
- Гузеева В. Роберт Эйхе: От фанатизма к трагедии // Коммунист Советской Латвии. 1990. № 9/10.
- Гузеева В. «Дело» И.М. Миллера // Советская Сибирь. 1990. 3 апр.
- Гузеева В. С бюро крайкома не вернулся... // Советская Сибирь. 1990. 5 мая.
- ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои (Раскулачивание и гонение на Православную Церковь пополняли лагеря ГУЛАГа) / Международное общество прав человека. Франкфурт/Майн ; Москва, 1999.
- Гущин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.). Новосибирск, 1972.
- Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск : Наука, 1973.
- Гущин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири. 1928–1933 гг.: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1996. № 2.
- Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск : Наука, 1987.
- Данилов В., Ильин А., Тепцов П. Коллективизация: как это было // Урок даёт история. М. : Политиздат, 1989.
- Демидов В.В. Укрепление сибирской партийной организации в ходе чистки РКП(б) в 1921 г. // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность : сб. статей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991.

- Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства и её реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые – пятидесятые годы. Домодедово : РИПК работников МВД СССР, 1992.
- Дизендорф В.Ф. Прощальный взлёт // Судьбы российских немцев и наше национальное возрождение. Кн. 1: От национальной катастрофы – к попытке возрождения. М., 1997.
- Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. 210 с.
- Дмитриенко Н.М. «Дело томских церковников 1922 г.» // Социально-политическое развитие Сибири (XIX–XX вв.). Томск, 1993.
- Дмитриенко Н.М. Как строили дорогу до Асина // Земля асиновская : сб. научно-популярных очерков к 100-летию г. Асина / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995.
- Добровольский А.В. Эсеры Сибири начала 20-х годов (1921–1923 гг.). Новосибирск, 1993.
- Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к нэпу. Новосибирск, 1995.
- Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики в общественно-политической жизни Сибири (1919–1924 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995.
- Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири: от распада к самоликвидации. Новосибирск, 1997.
- Дугин А. Н. ГУЛАГ: открывая архивы // На боевом посту. 1989. 27 дек.
- Дугин А.Н. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7.
- Дугин А.Н. Сталинизм: легенды и факты // Слово. 1990. № 7.
- Егорова Л.П. Классовая борьба в западносибирской деревне в ходе хлебозаготовительных кампаний (1928–1930 гг.) // Осуществление аграрной политики КПСС в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1986.
- Елегечев И. Со слов Ивана Терентьевича... // За советскую науку. 1989. 15 июня.
- Ермакова Л.И. Значение воспоминаний родственников репрессированных для изучения истории политических репрессий // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2005.
- Ефимов И. Большой террор в России // Звезда. 1999. № 5.
- Жанры 30-х годов. Сонька Золотая Ножка // Невский проспект. 1991. № 4.
- Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009.
- Жданова Г.Д. Применение статьи 58 УК в ходе коллективизации и раскулачивания на Алтае (1928–1933 гг.) // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Разгон. Барнаул, 2010.
- Жертвы репрессий. Нижний Тагил. 1920–1980-е годы / Кириллов В.М. Екатеринбург, 1999.
- Жижков В.В. «Дело Сорочьего лога»: Из истории гонений на Русскую православную церковь в 1920-х гг. // Сибирь на перекрестке мировых религий. Новосибирск, 2002.
- Жирнов Е. «Процедура носила омерзительный характер» // Комсомольская правда. 1990. 28 окт.

- Жучков А. Спецпереселенцы // Советская Сибирь. 1992. 1, 2 окт.
 За отсутствием состава преступления // Красное знамя. 1989. 12 февр.
- Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999.
- Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. 432 с.
- Запецкий В. Колпашевский яр. Новосибирск, 1992.
- Зданович А.А. Органы госбезопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934 гг.). М., 2008.
- Земсков В. «Архипелаг ГУЛАГ» глазами писателя и статистика // Аргументы и факты. 1989. № 45.
- Земсков В. Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920 – 1950-е годы: численность, потери, миграция. М., 1994.
- Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1.
- Земсков В. Политические репрессии в СССР (1917–1990 гг.) // Россия XXI. 1994. № 1–2.
- Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // СОЦИС. 1995. № 9.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / Ин-т рос. истории. М. : Наука, 2003.
- Зубков А.И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М. : PRI, 2000.
- И ещё о реабилитации // Неделя. 1990. № 20.
- Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М. : МОНФ, 1997.
- Иванова Н. Приговор вынесен «тройкой» // Красное знамя. 1989. 26 окт.
- Иванова Н.Ю. К вопросу о репрессивной деятельности частей Красной Армии и ЧОН в период народно-повстанческого движения в Горном Алтае 1920–1922 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятое научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : сб. науч. тр. Барнаул, 2005. 302 с.
- Иванова Н.Ю. Силовые структуры раннесоветского режима и народно-повстанческое движение в Горном Алтае 1920–1922 гг.: особенности противостояния // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994.
- Ивницкий Н.А. Раскулачивание и депортация зажиточной части крестьянства (начало 1930-х гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.
- Игнатова Н. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1940 гг.: заселение и условия жизни // Корни травы : сб. статей молодых историков. М. : Звенья, 1996.
- Ильинский М.М. Нарком Ягода. М. : Яуза [и др.], 2005.
- Ильиных В.А. Выявление хозяйств, относимых к кулацким, в ходе налоговых кампаний конца 1920-х – 1930-х гг. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.
- Ильиных В.А. Централизованные закупки хлеба в Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.) // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 2004.

- Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 343 с.
- Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995.
- Иофе В.В. Реабилитация как историческая проблема // Мир после ГУЛАГа: Реабилитация и культура памяти. Второй Международный симпозиум памяти В.В. Иофе. Сыктывкар, 10–11 сент. 2003 г. : сб. докл. СПб., 2004.
- Исаев В.И. Наказаны без вины // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. Новосибирск, 2001. № 2.
- Исаев В.И. «Они хотели убить Сталина»: ОГПУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 г. / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005.
- Исторические чтения на Лубянке. 1997. Российские спецслужбы: история и современность. Москва ; Великий Новгород, 1999.
- Исторические чтения на Лубянке. 1998. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века – 1922 год. Москва ; Великий Новгород, 1999.
- История белой Сибири : тезисы третьей науч. конф., Кемерово, 2–3 февраля 1999 г. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1999.
- История белой Сибири : материалы 5-й Междунар. науч. конф. Кемерово, 4–5 февраля 2003 г. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2003.
- История белой Сибири : материалы 6-й Междунар. науч. конф. 7–8 февраля 2005 г. / отв. ред. С.П. Звягин. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005.
- История Отечества: новые подходы к содержанию предмета : учеб. пособие. Псков, 1994.
- История и сталинизм : [сб. ст. / сост. и авт. предисл. А.Н. Мерцалов]. М. : Политиздат, 1991.
- История советских органов государственной безопасности : макет учеб. пособия / Научно-издательский отдел ВШ КГБ при СМ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. М., 1967.
- Кан Г.И. Вадим Кожевников: история семьи писателя в документах томских архивов // Документ как социокультурный феномен : сб. матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Томск, 29–30 октября 2009 г.). Томск, 2010. С. 436–441.
- Капчинский О. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. М. : Яуза ; Эксмо, 2005.
- Кашеев Н. Он хотел быть честным чекистом // Томский вестник. 1991. 28 июня.
- Кип Джон, Литвин Алтер. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Джон Кип, Алтер Литвин ; [пер. с англ. В.И. Матузовой]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009.
- Киричук У.Н. Командир повстанческих отрядов Пётр Шевченко в воспоминаниях земляков // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Киселев И.Н. Естественное движение населения в 1930-х годах // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1984.
- Кладова Н.В. Региональные особенности реализации политики коллективизации и «ликвидации кулачества как класса» (на примере Барнаульского округа Алтайской

- губернии) // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Разгон. Барнаул, 2010.
- Кликушин М.В. Летопись арестов: научная интеллигенция Сибири в годы сталинских репрессий // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.
- Климова О.Г. Милиция Западной Сибири: её развитие и деятельность в условиях нэпа (1921–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001.
- Климук Я.А. Раскулачивание и красные партизаны Алтая в 1928–1933 гг. // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Разгон. Барнаул, 2010.
- Клямкин И. Была ли альтернатива административной системе? // Политическое образование. 1988. № 10.
- Клямкин И. Ещё раз об истоках сталинизма // Политическое образование. 1989. № 9.
- Кобелев А.И., Потапов Н.Д. Сквозь завесу времён. Рассекреченные судьбы. Главное управление внутренних дел Алтайского края. Барнаул : Алтай, 2002.
- Кобелев А.И., Чернов А.С. Забвению не подлежат! / Главное управление внутренних дел Алтайского края. Барнаул : Алтай, 2002.
- Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 270 с.
- Колоскова Т.Г. Об идейно-психологических предпосылках сталинизма // Вопросы истории КПСС. 1989. № 9.
- Колосов И.В. История контрразведки России от Ивана III до Колчака. Северск : Изд-во СГТИ, 2003.
- Колпакиди А.И., Серяков М.Л. Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб. : Нева ; М. : ОЛМА – ПРЕСС Образование, 2002.
- Конквест Р. Большой террор // Нева. 1989. № 9–12; 1990. № 1–2.
- Конквест Р. Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 4.
- Корни травы : сб. ст. молодых историков. М. : Звенья, 1996.
- Корушин Т.Д. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917–1926 гг.). Ишим, 1926.
- Краевская И., Черказьянова И. От «тьмы» к «свету» предлагала двигаться советская власть, начав бороться с церковью // Забвению не подлежит: Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2002. Т. 8.
- Красильников С.А. Политическая ссылка в 1920-х годах: Некоторые проблемы и задачи изучения // Социально-политические проблемы истории Сибири. Новосибирск, 1994.
- Красильников С.А. Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики (1920 – начало 1930-х гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.
- Красильников С.А. Политические настроения послереволюционной интеллигенции в обзоре ОГПУ (лето 1926 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1996. № 2.
- Красильников С.А. Переселения как инструмент сталинской политики 1930-х гг.: тенденции, формы, масштабы, последствия // Адаптационные механизмы и прак-

- тики в традиционных и трансформирующихся обществах : сб. науч. тр. / отв. ред. О.Н. Шелегина. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2006. 168 с.
- Красильников С.А. Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2009. 343 с.
- Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей / под ред. И.В. Курышева. Ишим : Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2006. 364 с.
- Кудюкина М.М. Зажиточное крестьянство в конце 1920-х гг.: попытка выживания // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.
- Кузнецов И.Н. Знать и помнить (историческое исследование массовых репрессий и реабилитации жертв террора 30-х годов). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993.
- Кузнецов И.С. «Проклятьем заклеимённые?». Социально-психологические предпосылки российского тоталитаризма. Новосибирск, 1994.
- Кузнецов И.С. Сибирские «кондратьевцы» в годы «великого перелома» // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.
- Куперт Ю.В. К вопросу о некоторых особенностях массовой коллективизации в Западной Сибири (1930 г.) // Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири. Томск, 1966. Вып. 4.
- Куперт Ю.В. Проблемы классовой борьбы в западносибирской деревне накануне и в годы коллективизации (1927–1932 гг.) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971.
- Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции. Томск, 1981.
- Куреньшев А.А. Повстанческое движение и «непартийные» «всекрестьянские» организации России в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Курышев И.В. Повстанческо-партизанское движение в Западной Сибири в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.): к вопросу о нравственно-психологическом облике участников // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Курышев И.В. Командующий Сибирским фронтом В.А. Родин: штрихи портрета // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Кутузов В.А. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3.
- Ларьков Н. Долгая дорога к правде // Красное знамя. 1988. 14 янв.
- Ларьков Н. Была такая установка // Политическая информация. 1989. № 12.
- Ларьков Н. Он возглавлял ГУЛАГ // Красное знамя. 1990. 21–22 июля.
- Ларьков Н.С. Сибирский Махно // Народная трибуна. 1991. 18 июня.
- Ларьков Н.С. Руководство Коммунистической партии процессом объединения сибирских партизан с Красной Армией // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность. Томск, 1991.

- Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995.
- Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицейские, комиссары, начальники (Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999.
- Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. Двести лет на страже порядка (Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв.). Томск : Красное знамя, 2002.
- Леонтьев Я. Репрессии против членов ОПК // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1925 : матер. междунар. науч. конф. (28–29.10.2001). М., 2003.
- Лиценбергер О. Репрессии против лютеранских и католических священнослужителей в СССР // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999.
- Максудов С. Потери населения в годы коллективизации // Звенья: Исторический альманах. М. : Прогресс: Феникс: Atheneum, 1991. Вып. 1.
- Макшеев В. Спецы. Исследование. Томск : СК-Сервис, 2007.
- Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. НКВД–МВД Российской Федерации. М., 2000.
- Малышева М.П., Познанский В.С. Бывший соратник открывает глаза Предсовнаркому // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. Новосибирск, 1994. № 2.
- Мамонтова Е.А. «На благо трудового народа». Судьба эсера-максималиста И.И. Жуковского-Жука // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2.
- Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004.
- Маскина Н. Он был и будет: О трагической судьбе учёного-философа Г.Г. Шпета // Красное знамя. 1989. 4 июня.
- Маскина Н. Заложники у времени // Красное знамя. 1989. 2, 9, 23 авг.
- Медведев Р. О Сталине и сталинизме // Знамя. 1989. № 1–4.
- Медведев Р. Трагическая статистика // Аргументы и факты. 1989. № 5.
- Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М. : Политиздат, 1990.
- Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918–1923 гг. М., 1990.
- Минева Г. «...Попов расстрелять, церкви – под клуб» // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2001. Т. 3.
- Минева Г. Судьба Владыки Алексия // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2002. Т. 6.
- Минева Г. Приняли крестные муки // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2003. Т. 7.
- Млечин Л. КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. М. : Центрполиграф, 2001.
- Мозохин О.Б. ВЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М. : Яуза ; Эксмо, 2004.
- Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1923–1926): этика и тактика противоборства. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.

- «Мы исторически созданы для борьбы с классовым врагом...». Кампания террора 1937 г. в Западной Сибири // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. 2005. Вып. 1.
- Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890 – 1920-е гг.) : сб. науч. тр. / под ред. В.А. Ильиных. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. 235 с.
- Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. Т. 1: 1900–1939. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
- Наумов И.В. Органы государственной безопасности Иркутской губернии в 1920 – начале 1922 года // Силовые структуры и общество: исторический опыт взаимодействия в условиях Сибири : матер. науч.-техн. семинара. Иркутск, 24–25 июля 2003 г. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003.
- Наумов Л.А. Борьба в руководстве НКВД в 1936–1938 гг. («Опричный двор Иосифа Грозного»). М. : Модерн – А, 2006.
- Нашей истории строки : сб. очерков и воспоминаний / Главное управление внутренних дел Алтайского края. Барнаул : Алтай, 2002.
- Небогин О.Б., Сланская М.Д. «...Нельзя оставить в рядах партии» (Как Л.М. Кагановича исключали из КПСС) // Вопросы истории КПСС. 1989. № 5.
- Николаев П.Ф. Советская милиция Сибири (1917–1922). Омск : Зап-Сиб. кн. изд-во, 1967.
- Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005.
- Новокшенов В. Крестьянская ссылка в Сибири. 30-е годы // Сибирские огни. 1989. № 12.
- Новокшенов В. В тридцатые – комендатурские (Очерки по истории Тегульдетского района). Тегульдет, 1993.
- О Вячеславе Менжинском: Воспоминания, очерки, статьи / сост. М.А. Смирнов. М. : Политиздат, 1985.
- О некоторых приемах и методах борьбы контрреволюции против Советской власти (Материалы к истории ВЧК–ОГПУ–НКВД). М., 1939.
- Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М. : РОССПЭН, 1997.
- Осмыслить культ Сталина. М. : Прогресс, 1989.
- Осташко Т.Н. Государственное регулирование профессиональной деятельности интеллигенции в период «военного коммунизма» // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.
- Осташко Т.Н. Власть и интеллигенция: динамика взаимоотношений на рубеже 1920–1930-х годов // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1998. № 2.
- Осташко Т.Н. Дело «Краевого филиала ЦК Трудовой крестьянской партии»: политический заказ и его воплощение // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. Новосибирск, 1999. № 2.
- Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 50-х годов. М. : РОССПЭН, 1999.
- Павлова И.В. «Иркутское дело» 1926 года // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. Новосибирск, 1995. № 1.
- Павлова И.В. Сталинские репрессии как способ преобразования общества // Возвращение памяти : историко-архивный альманах. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН, 1997. Вып. 3.

- Павлова И.В. Показательные процессы в российской глубинке в 1937 году // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. Новосибирск, 1998. № 2.
- Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН, 1997.
- Папков С. Эволюция политического контроля и преследования членов ОПК в Западной Сибири в 1925–1935 гг. // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1935 : матер. междунар. науч. конф. (26–28.10.2001 г.). М. : Общество «Мемориал» ; Изд-во «Звенья», 2004.
- Папков С.А. «Белогвардейский заговор» в Западно-Сибирском крае в начале 1930-х годов («Дело генерала Болдырева») // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск : Сова, 2005. Вып. 1.
- Папков С.А. «Ликвидация» организации эсеров в Новониколаевске в 1933 г. // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2005. Вып. 1.
- Папков С.А. «Социально опасные субботники» барона Тизенгаузена и его друзей // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2005. Вып. 1.
- Парфёнов П.С. (Пётр Алтайский). Гражданская война в Сибири. 1918–1920. М.
- Пашков В. Стахановцы в лагерной робе. Дешёвый труд заключённых СИБЛАГА приближал наше «светлое будущее» // Томские новости. 2000. 16 июня.
- Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья : исторический альманах. М. : Прогресс : Феникс : Atheneum, 1991. Вып. 1.
- Петров А.Г. Реабилитация жертв политических репрессий (историко-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2007.
- Петров С.П. Упущенные возможности. Гражданская война в восточно-европейской части России и в Сибири, 1918–1920 гг. М. : АИРО – XX, 2006.
- Пичурин Л.Ф. Опечатка. Невыдуманная повесть. Томск, 1997.
- Плотникова М. Как это было // Красное знамя. 1991. 10 дек.
- Поварцов С. Как это было. Пётр Драверт и дело ОИС (по материалам Омского архива ФСБ) // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2003. Т. 3.
- Пограничники : сб. М. : Молодая гвардия, 1973.
- Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2005. 432 с.
- Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
- Портнов В.П. ВЧК (1917–1922 гг.). М. : Юрид. лит-ра, 1987.
- Призвание – Родине служить! : сб. Новосибирск, 1997.
- Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий в пределах СССР : сб. докл. участников междунар. науч.-практ. конф. 18–21 мая 2000 г. Нижний Тагил, 2000.
- Проблемы урбанизации восточных районов России в XIX–XX вв. / под общ. ред. Ю.В. Куперта, К.В. Фадеева. Томск : Изд-во ТГАСУ, 2007.

- Проскуракова Н.Л. Из биографии командующего Северо-Ишимским повстанческим «фронтом» П.С. Шевченко // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Прощальный взлёт // Судьбы российских немцев и наше национальное движение. Кн. 1: От национальной катастрофы – к попытке возрождения. М., 1997.
- Прудникова Е. Берия. Последний рыцарь Сталина. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Пыстина Л.И. Спецеедство в Сибири в 20-е годы // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.
- Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999. 160 с.
- Пыстина Л.И. «Чистка» специалистов Сибкрайсовнархоза в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2001. № 2.
- Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009.
- Разгон В.Н. «Большой террор» 1937–1938 гг. и колхозное крестьянство Алтая (по материалам архивно-следственных дел) // Экономическая история Сибири XX–XXI века : матер. II Всерос. науч. конф., 27–28 июня 2009 г. / под ред. Е.В. Демчик. Барнаул : Академия развлечений, 2009.
- Разгон В.Н. Коллективизация и раскулачивание на Алтае: репрессивная социальная политика и жизненные стратегии крестьян (1928–1933 гг.): постановка проблемы // Алтайская деревня в 20–30-е годы XX века : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Разгон. Барнаул, 2010.
- Разумов А. Боль людская: Из архивных тайн // Вечерний Петербург. 1993. 5 июля.
- Распятые. Писатели – жертвы политических репрессий : в 2 т. СПб. : Северо-Запад, 1993.
- Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994.
- Расстрел по разнарядке, или Как это делали большевики // Труд. 1992. 4 июля.
- Реабилитация: Политические процессы 30–50-х гг. / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М. : Политиздат, 1991.
- Реабилитирован посмертно : в 2 вып. М. : Юрид. лит., 1988.
- Режим личной власти Сталина. К истории формирования. М. : Политиздат, 1989.
- Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М. : Звенья, 1999.
- Репрессии 30–40-х гг. в Томском крае. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991.
- Рожнёва Ж.А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003.
- Рожнёва Ж.А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е годы : рукопись дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003.
- Рожнёва Ж.А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в период «Большого террора» // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск : Комиссия по правам человека в Томской области, 2005. Вып. 6.
- Рожнёва Ж.А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е годы. Томск, 2008. 224 с.

- Рудакова И.Ф. Медицинское обслуживание спецпереселенческого населения Нарымского края в 30-е гг. XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: Шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : сб. науч. тр. : в 2 ч. Барнаул, 2007. Ч. 2. 302 с.
- Савин А.И. Продразвёрстка и продналог в немецкой деревне Сибири // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 2004.
- Савин А.И. Трагедия евангельских христиан. «Дело» пресвитера О.И. Кухмана (1937 г.) // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. 2005. Вып. 1.
- Савин А.И. Репрессии в отношении евангельских верующих в Сибири в 1939–1941 гг. // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2.
- Савин А.И., Колесников А.А. Дело священника. Репрессии в отношении православной церкви СССР // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010.
- Савина Г.А. Чистые линии (В.И. Вернадский и Н.И. Вавилов) // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М. : Наука, 1995.
- Саламатова М. Лишённые избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы : сб. статей молодых историков. М. : Звенья, 1996.
- Самосудов В. Муромцевское восстание 1930 года // Омская старина. Омск, 1994–1995. Вып. 3.
- Самосудов В. Как это было // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2002. Т. 5.
- Сбитнева М. Из бездны небытия // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий в Омской области. Омск : Кн. изд-во, 2003. Т. 10.
- Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1965. Вып. 4.
- Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. Вып. 6.
- Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 8.
- Славин М. Где эти скорбные места? // Красное знамя. 1989. 28 июня.
- Славнин В. Томск сокровенный. Томск : Том. кн. изд-во, 1991.
- Славнин В. Человек чистый и герой // Народная трибуна. 1991. 6 апр.
- Служение Отечеству: воспоминания, статьи, документы. 1917–2005 гг. : в 2 кн. / УФСБ РФ по Кемеровской области. Кемерово, 2005. Кн. 1.
- Слушали... Постановили... // Политическая информация. 1989. № 12.
- Советская история: проблемы и уроки : сб. статей. Новосибирск, 1992.
- Соколов Б.В. Наркомы террора. Они творили историю кровью. М. : Яуза ; Эксмо, 2005.
- Соколов Г.Е. Кампания 1922 г. по изъятию церковных ценностей (на примере Москвы) // Государство, религия. Церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень № 3 (27). М. : Изд-во РАГС, 2001.
- Соломон П. Советская юстиция при Сталине : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 1998.
- Соскин В.Л. Учёные Сибири в фокусе дискриминации (20-е гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.) : сб. науч. тр. Новосибирск, 1994.

- Софинов П.Г. Очерки истории ВЧК (1917–1922 гг.). М. : Госполитиздат, 1960.
- Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / [сост.: М. Юнге, Б. Бенвеч, Р. Биннер]. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина ; Германский исторический институт в Москве, 2009.
- Становление органов безопасности в Сибири : сб. статей. Новосибирск : Институт ФСБ России, 2007.
- «Твоя пиши хорошо, моя бей мало-мало...» // Невский проспект. 1991. № 6.
- Тепляков А.Г. Портреты сибирских чекистов (1920–1953 гг.) // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997. Вып. 3.
- Тепляков А. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М. : АИРО-XXI, 2007.
- Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М. : Новый Хронограф ; АИРО-XXI, 2008. 632 с.
- Тепляков А.Г. Органы ОГПУ–НКВД–КГБ в Сибири: структура и кадры (1929–1941 гг.) : автореф. дис ... канд. ист. наук. Томск, 2011.
- Тимонин Е.И. История Сибири : учеб. для студентов высших учебных заведений. Омск : Прогресс, 2004.
- Только правда! // Красное знамя. 1989. 13 июля.
- Томская область: Исторический очерк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994.
- Топтыгин А. Неизвестный Берия. СПб. : Нева, 2002.
- Топтыгин А. Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. М. : Яуза ; Эксмо, 2005.
- Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск : Комиссия по правам человека в Томской области, 2005. Вып. 6.
- Трагические судьбы: репрессированные учёные АН СССР. М. : Наука, 1995.
- Третьяков Н.Г. Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1994. № 2.
- Третьяков Н.Г. Западно-Сибирское восстание 1921 г. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994.
- Третьяков Н.Г. «Красный бандитизм» при ликвидации Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921–1937). М., 1960.
- Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.). Ч. 1: Борьба с вооружённой кулацкой контрреволюцией. Л., 1964.
- Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.
- Троцкий Л. Сталин : в 2 т. М. : Терра, 1990.
- Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации. М. : Терра, 1991.
- Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.). Новосибирск, 1999.
- Угроватов А.П. Уголовный розыск в Сибири. 1920–1926 гг. // ГУВД Кемеровской области. 1917–2002. Страницы истории. Кемерово : Кем. кн. изд-во, 2002.
- Уйманов В.Н. Наш долг, наша боль // Политическая информация. 1989. № 12.

- Уйманов В.Н. КГБ – «Мемориал»: практика взаимодействия // Вестник контрразведки. 1992. № 1.
- Уйманов В.Н. «Дольше всего живёт память...» // Вестник контрразведки. 1993. № 20.
- Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 336 с.
- Уйманов В.Н. История – наука точная // Труды Томского областного краеведческого музея : сб. статей / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 210–218.
- Уйманов В.Н. Без права на жизнь // Земля чаинская : сб. научно-популярных очерков к 100-летию с. Подгорное / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 205–227.
- Уйманов В.Н. Возвращение из небытия // Земля первомайская : сб. научно-популярных очерков / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 451–512.
- Уйманов В.Н. Формирование системы ИТУ в 1920-х гг. в Сибири // Правовые и психолого-педагогические аспекты деятельности сотрудников правоохранительных органов : сб. матер. межрег. науч.-практ. семинара / под общ. ред. Ю.К. Якимовича ; Томский филиал Кузбасского института ФСИН России. Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2010. С. 34–48.
- Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск, 2011. 330 с.
- Уйманов В.Н. О некоторых формах сопротивления режиму спецпереселенцами Западной Сибири в 1930-х годах // Правовые и психолого-педагогические аспекты деятельности сотрудников правоохранительных органов : матер. межрег. науч.-практ. семинара / под общ. ред. С.А. Елисеева. Томск : Изд-во ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет», 2011. С. 88–101.
- Уйманов В.Н. Роль Сиблага в экономическом развитии Западной Сибири в 1930-е годы // Вестник ФГОУВПО «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний». 2011. № 1 (4). С. 37–41.
- Уйманов В.Н. Процесс «Союзного бюро меньшевиков» и судьба меньшевика М.А. Валерианова-Броунштейна // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 76–82.
- Уйманов В.Н. Была ли «бериевская оттепель» в СССР? (К вопросу о реабилитации жертв репрессий) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 39–45.
- Уйманов В.Н. Кампания массовой реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири в середине 1950-х – 1980-е годы // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2 (18). С. 92–99.
- Уйманов В.Н. Капитан государственной безопасности Иван Овчинников // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 5 (120). С. 229–235.
- Улица Чайковского, кабинет Домбровского... // Невский проспект. 1991. № 7.
- Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб. : Полигон, 1994.
- Фадеев К.В. Г.Ф. Рогов – крестьянский предводитель повстанческо-партизанского движения // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.

- Фаст В. Открытое письмо // Советский учитель (Томск). 1990. 19 марта, 2 апр.
- Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская голгофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2004.
- Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. М. : Политиздат, 1983.
- Фролов Е. Только правда // Красное знамя. 1989. 13 июля.
- Фурман М. Так это было, или Возвращение в прошлое // Преступление и наказание. 2007. № 5. С. 60–67.
- Халецкая А.А. Экспедиция Ф.Э. Дзержинского в Сибирь (1922 г.). Омск : Омское кн. изд-во, 1963.
- Ханевич В. Белостокская трагедия (Из истории геноцида поляков в Сибири). Томск : Изд-во редакции газеты «Томский вестник», 1993.
- Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999.
- Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010.
- Хацкевич А.Ф. Солдат великих боёв: жизнь и деятельность Ф.Э. Дзержинского. Минск : Наука и техника, 1982.
- Хинштейн А. Тайны Лубянки. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Хлебоготовительная политика советского государства в Сибири в конце 1920-х гг. : хроникально-документальный сборник. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2006.
- Хлевнюк О.В. 1937 – Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.
- Хорошилов А. Подпольщики из «Союза январевичей» // Алтайская правда. 1989. 15 янв.
- Часовые советских границ: Краткий очерк истории пограничных войск СССР. М. : Политиздат, 1979.
- Чекисты Красноярья : сб. статей. Красноярск, 1991.
- Чекисты Кузбасса. 1943–2003 гг. Страницы истории. Кемерово, 2003.
- Чертков В. Обнаженный яр, или История одного захоронения // Правда. 1989. 11 мая.
- Шабунин Е.А. Духовенство Новосибирской епархии в период сталинских репрессий 1937 г. // Книга Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. 2008. Вып. 2.
- Шарыповское дело // Сибирские огни. 1993. № 5–6.
- Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьба спецпереселенцев (1930–1954 гг.). Мурманск, 1996.
- Шишкин В.И. Красный бандитизм в Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.
- Шишкин В. Остров смерти // Сибирские огни. 1993. № 5–6.
- Шишкин В.И. Сибирская Вандея: вооружённое сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск : Олсиб, 1997.
- Шишкин В.И. Численность и состав народной повстанческой армии Степного Алтая (лето 1920 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : матер. конф. Барнаул, 1998. 304 с.
- Шишкин В.И. «Белый» след в Красной Сибири // История белой Сибири : тезисы третьей науч. конф. Кемерово, 2–3 февраля 1999 г. Кемерово, 1999.
- Шишкин В.И. «Разбейся в доску – сдай развёрстку». Советская продовольственная политика в Ишимском уезде Тюменской губернии (сент. 1920 – янв. 1921 г.) // Гу-

- манитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. Новосибирск, 1999. № 2.
- Шишкин В.И. Ишимский судебный процесс (22–28 февраля 1921 г.) // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. статей. Омск, 2006.
- Шишкин И.Б. Дело Рютина // Вопросы истории. 1989. № 7.
- Шлэгель К. Террор и мечта. Москва 1937. М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Шпет в Сибири: ссылка и гибель. Томск : Водолей, 1995.
- Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. Ч. 2: 1918–1925. Омск : Изд-во Омского пед. ун-та, 1996.
- Шуклецов В.Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов. Новосибирск, 1981.
- Шуклецов В. 1935-й и другие годы... // Вечерний Новосибирск. 1991. 17 апр.
- Щетинов Ю.А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920 – 1921 г.). М., 1984.
- Это было так... // Политическая информация (Томск). 1989. № 12.
- Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества. 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / [сост.: М. Юнге, Б. Бенвеч, Р. Биннер]. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина ; Германский исторический институт в Москве, 2009.
- Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим» // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447... М., 2009.
- Юшковский В. «С годами многое видится иначе» // «ТМ-Экспресс» (Томск). 1991. 26 апр.
- Яковенко М.М. Агнесса. М. : Звенья, 1997.
- Яковлев Я.А. Дмитрий Дмитриевич Донской. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000.
- Яковлев Я.А., Рассамахин Ю.К. Рассказы о томской прокуратуре : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004.

Художественные издания

- Знаменский А.Д. Красные дни. Роман-хроника // Роман-газета. 1989. № 2.
- Проскурин П. Отречение // Роман-газета. 1990. № 21.
- Решетько В.М. Черноводье: Роман. Томск : ОАО «Изд-во «Красное знамя»», 2005. 406 с.
- Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. М. : Инком – НВ, 1991.
- Солженицын А.И. «Один день Ивана Денисовича» и другие рассказы. Томск : Том. кн. изд-во, 1990.
- Шаламов В. Левый берег: Рассказы. М. : Современник, 1989.

**Список лиц, реабилитированных в Томской области в 2000–2009 гг.
и не вошедших в Книгу Памяти «Боль людская»**

- Абакумов Владимир Семёнович, 1877 г.р., ур. и житель с. Тисуль Ачинского окр. ЗСК, единоличник. Арестован в апреле 1931 года. В деле имеется справка административного отдела Тисульского РИКа от 26 июня 1931 г., что он осужден по 58-й статье УК РСФСР, но мера наказания не указана.
- Абрамовичуте (Абрамовичете) Мариона дочь Прано, 1888 г.р., род. дер. Падершикис Панемуненского уезда Литовской ССР. Бежала по дороге к месту поселения в Томской области между станциями Тайга и Томск. Арестована в 1952 году. Осуждена к лишению свободы с зачетом срока нахождения под стражей в период следствия и водворению на место обязательного поселения.
- Агафонов Василий Маркович, 1906 г.р., род. г. Краснодар, без определенного места жительства и работы. Арестован в 1937 году. Осужден на 5 лет ИТЛ.
- Агеев Иван Федорович (Федотович), 1872 г.р., ур. и житель дер. Подонино Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден на 5 лет лишения свободы с сокращением срока по Октябрьской амнистии 1920 г. до 2 лет лишения свободы.
- Азимов Музофар, 1909 г.р., ур. кишлака Арабхана Абкенского р-на Узбекской ССР, заключенный Прикульского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1937 году. Расстрелян.
- Азимов Мухит, 1913 г.р., ур. кишлака Арабхана, заключенный Прикульского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1937 году. Расстрелян.
- Акулин Илья Петрович, 1872 г.р., ур. и житель пос. Некрасовский Мариинского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в январе 1920 года. Освобожден из-под стражи в марте 1920 г. в связи с прекращением дела за недоказанностью предъявленного обвинения.
- Аладин Влас (Василий) Иванович, 1895 г.р., род. с. Овчатовка Александровского р-на Донецкой обл., заключенный Каштаковского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1938 году. Расстрелян.
- Алексеев Степан Ильич, 1902 г.р., ур. и житель дер. Ажендорово Кузнецкого уезда Томской губ., боец отряда особого назначения. Арестован в 1921 году. Осужден на 1 год принудработ условно.
- Алехин Афанасий Иванович, 1876 г.р., род. пос. Ояшинский Новониколаевского уезда Томской губ., проживал на ст. Ояш Томской ж. д., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден на 5 лет концлагерей. По Октябрьской амнистии 1920 г. наказание заменено на заключение в концлагерь на 2 года условно.
- Алина София (Софья) Акимовна, 1904 г.р., род. с. Сергеево Асиновского р-на ЗСК, в 1935 году была выслана с детьми в пос. Корза Парабельского р-на ЗСК. Совершила побег, но после задержания была возвращена на место поселения.

- Альбрехт Адольф Иванович, 1929 г.р., род. с. Ватерлоо Василяновского р-на Одесской обл., проживал в г. Томске, рабочий завода № 653. Арестован в 1947 году. Осужден на 2 года ИТЛ.
- Амфилагов Дмитрий Михайлович, 56 лет, член приходского совета церкви с. Тисуль Мариинского уезда Томской губ. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 1 год лишения свободы условно. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобожден.
- Андреев Иван Андреевич, 1896 г.р., род. дер. Коргомизово Погорельского р-на Калининской обл., заключенный Комендантского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1938 году. Расстрелян.
- Андриенко Павел Дмитриевич, 1890 г.р., род. дер. Камышка Камышского р-на Полтавской обл., заключенный Кицимского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1937 году. Расстрелян.
- Анспаль Линда Юрьевна, 1889 г.р., род. дер. Поотси Селистенского уезда Эстонской ССР, проживала в пос. Луговой Бакчарского р-на, член колхоза «Нарым». Арестована в августе 1947 года. Освобождена из-под стражи в декабре 1947 года. В наказание зачтен срок предварительного заключения с обязательным водворением к месту ссылки.
- Аркашев Исая Ермилович, 1888 г.р., ур. и житель дер. Аркашево Томского уезда, крестьянин. Арестован в феврале 1922 года. Умер во время следствия 5 апреля 1922 года.
- Архипчук Варфоломей Петрович, 1884 г.р., ур. Новоград-Волынского уезда и губ., проживал в пос. Францевский Асиновского р-на ЗСК. Арестован в 1938 году. Осужден на 2 года ИТЛ.
- Ащеулов Алексей Дмитриевич, 1899 г.р., ур. и житель дер. Трифоновка Щегловского уезда Томской губ., член коммунистического отряда. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года лишения свободы. Умер 9 августа 1923 г. от дизентерии. Дело прекращено в ноябре 1923 г. в связи со смертью.
- Бабий Андрей Сафонович, 1898 г.р., род. с. Сверликово Уманского уезда Киевской губ., проживал в г. Щегловске Томской губ., милиционер. Арестован в 1921 году. Осужден на 1 год лишения свободы условно.
- Байдарова Мария Устиновна, 1903 г.р., род. г. Каницк, проживала в дер. Кульбень Бириллосского р-на Красноярского края, член колхоза «Кульбень». Арестована в 1950 году. Осуждена на 5 лет ИТЛ. По приговору мера наказания считалась условной с тем же испытательным сроком.
- Бандерин Терентий Иванович, 1877 г.р., ур. и житель дер. Ягуново Кузнецкого уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в феврале 1921 года. Осужден на 1 год лишения свободы. Бежал из дома принудработ. Вторично арестован в октябре 1921 года. Осужден на 4 месяца лишения свободы.
- Барышева Анна Лазаревна, 1879 г.р., ур. и жительница с. Александрово Сургутского уезда Томской губ., крестьянка. Арестована в апреле 1921 года. Освобождена из-под стражи в мае 1921 г. в связи с прекращением дела за недоказанностью предъявленного обвинения.

- Батури́н Михаи́л Николаевич, 1891 г.р., ур. и житель дер. Батурино Вороновского р-на Томского окр., крестьянин. Арестован в 1928 году. Осужден на 1 год лишения свободы.
- Батури́н Феофа́н Андре́евич, 1889 г.р., ур. и житель дер. Батурино, крестьянин. Арестован в 1928 году. Осужден на 1 год лишения свободы.
- Бауэ́р Андре́й Петро́вич, 1916 г.р., род. дер. Луй Мариондотского р-на Саратовской обл., проживал в пос. Тымск Каргасокского р-на Новосибирской обл., рабочий рыбзавода. Арестован в 1944 году. Осужден на 3 года ИТЛ.
- Белев Никола́й Васи́льевич, 1910 г.р., род. с. Белевка Мисеровского р-на Кировской обл., заключенный Томасинлага. Арестован в 1937 году. Осужден к ВМН – расстрелу. Умер 10 января 1938 г. в стационаре Сибиряковского лагерного пункта Томасинлага.
- Беликов Степа́н Ива́нович, 1877 г.р., место рождения неизвестно, проживал в г. Томске, член приходского совета Богоявленского собора г. Томска. Арестован в 1922 году. Умер во время следствия.
- Белокопы́тов Гаври́ил Петро́вич, 1889 г.р., род. с. Преображенское Ливенского уезда Орловской губ., проживал в с. Федосиха Новониколаевского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в июле 1920 года. Освобожден из-под стражи в ноябре 1920 г. в связи с прекращением дела по Октябрьской амнистии.
- Белоногов Усти́н Васи́льевич, 1875 г.р., ур. и житель дер. Стрежная Кривошеинского р-на, единоличник. Арестован в 1931 году. Сведений об осуждении нет.
- Беля́нин Фе́дор Кири́ллович, 1855 г.р., ур. и житель с. Таловское Томского уезда, крестьянин. Арестован в 1921 году. Осужден на 5 лет дома принудработ условно.
- Безобра́зов Григо́рий Фе́дорович, 1870 г.р., ур. и житель дер. Оша Болотинской вол. Томского уезда, священник. Арестован в сентябре 1920 года. Освобожден из-под стражи в марте 1921 г. в связи с прекращением дела – оправдан.
- Беневоле́нский Ива́н Алекса́ндрович, 62 лет, ключарь Нового Собора в г. Томске. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 3 года лишения свободы и 3 года поражения в правах. Постановлением ВЦИК 29 сентября 1923 г. оставшийся срок наказания был определен в виде условного с освобождением из-под стражи.
- Берды́шев Несто́р Андре́евич, 1900 г.р., род. дер. Лай Верхотурского уезда Пермской губ., проживал в г. Томске в Красных казармах, красноармеец караульного батальона. Арестован в июле 1920 года. Осужден к 5 годам лишения свободы с применением принудработ. По Октябрьской амнистии в ноябре 1920 г. из-под стражи освобожден.
- Бетц (Бе́ц) Ива́н Ива́нович, 1915 г.р., род. с. Делер Кункулского р-на Саратовской обл., проживал в пос. Коломинские Гривы Чаинского р-на, не работал. Арестован в 1947 году. Осужден на 3 года ИТЛ.
- Бирули́н Никола́й Дми́триевич, 1896 г.р., род. с. Бунатово Боготольского р-на Красноярского края, проживал в пос. Медвежий Чвор Каргасокского р-на, член неуставной сельхозартели «Красный пахарь». Под подпиской о невыезде с 10 марта 1935 года. Осужден в 1936 году на 3 года ИТЛ.
- Бобро́в Тимофе́й Никифо́рович, 1860 г.р., ур. и житель с. Суслово Мариинского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в марте 1921 года. Освобожден из-под

- стражи в июне 1921 года. Дело прекращено в ноябре 1921 г. за отсутствием состава преступления.
- Бобякин Александр Павлович, 1894 (1895) г.р., ур. и житель г. Щегловска Томской губ., агент мобилизационного отделения отдела труда. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года лишения свободы. В октябре 1922 г. при том же объеме обвинения мера наказания определена – расстрел, но, принимая во внимание «социальное происхождение и неграмотность», заменена на 5 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. По амнистии от 17 августа 1923 г. дело прекращено в ноябре 1923 года.
- Богоявленский Всеволод Семёнович, 68 лет, управляющий Томской епархией. Арестован в 1922 году. Осужден к ВМН – расстрелу. Решением Президиума ВЦИК от 2 марта 1923 г. наказание заменено на 10 лет лишения свободы. Постановлением ВЦИК 20 февраля 1924 г. срок наказания сокращен до 5 лет лишения свободы.
- Бодров Пётр Иванович, 1898 г.р., род. дер. Бальцево Борсановского р-на Ленинградской обл., заключенный Сибиряковского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1938 году. Расстрелян.
- Бойцов Иван Георгиевич, 1908 г.р., род. дер. Крокол Осьминского р-на Ленинградской обл., заключенный Асиновского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1938 году. Расстрелян.
- Бондаревский Гавриил Дмитриевич, 1898 г.р., род. г. Канск Енисейской губ., проживал в г. Томске в общежитии железнодорожного батальона, военнослужащий. Арестован в 1921 году. Расстрелян.
- Борисенко Яков Степанович, 1885 г.р., место рождения неизвестно, проживал в с. Итат Мариинского уезда Томской губ., помощник начальника почтово-телеграфной конторы с. Итат. Арестован в январе 1920 года. Освобожден из-под стражи 9 мая 1921 г. по Первомайской амнистии в связи с прекращением дела.
- Боровков Павел Федорович, 1886 г.р., род. с. Клоденское Курского уезда и губ., проживал в с. Моршанское Новониколаевского уезда Томской губ., заведующий паровой мельницей. Арестован в июле 1921 года. Освобожден по Первомайской амнистии 1921 года в связи с прекращением дела.
- Боянова Екатерина Семёновна, 30 лет, ур. и жительница с. Тутальское Томского уезда. Арестована в мае 1922 года. Осуждена на 1 год лишения свободы условно. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобождена.
- Бугай Михаил Дмитриевич, 1896 г.р., род. г. Кладово (Сербия), проживал в дер. Цыганово Зырянского р-на, шкипер баржи Томского агентства водного транспорта. Арестован в апреле 1938 года. Освобожден в июне 1938 г. в связи с прекращением дела за нецелесообразностью его привлечения к уголовной ответственности.
- Бурханов Григорий Романович, 1874 (1877) г.р., род. с. Большой Косуль Боготольского р-на Красноярского края, проживал в пос. Медвежий Чвор Кargasокского р-на, член неуставной сельхозартели «Красный пахарь». Под подпиской о невыезде с 10 марта 1935 года. Осужден в 1936 г. на 3 года ИТЛ (**Первый арест**).

- Бутнорене Юлия дочь Антанаса, 1906 г.р., род. дер. Жеркшю Шауляйского уезда Литовской ССР, проживала в пос. Победа Шегарского р-на, не работала. Арестована в 1948 году. Осуждена на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту ссылки.
- Бухолт (Бухолц) Розалия Людвиговна, 1908 г.р., род. дер. Латышская Веравда Рижского уезда Латвийской ССР, проживала и работала в колхозе пос. Бобровка Тегульдетского р-на. Арестована в 1950 году. Осуждена на 20 лет ИТЛ.
- Бухтияров Николай Михайлович, 1860 г.р., место рождения неизвестно, проживал в г. Томске, староста Знаменской церкви. Арестован в 1922 году. Умер во время следствия 11 июля 1922 года.
- Бушуев Григорий Алексеевич, 1870 г.р., ур. и житель дер. Юршаново Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1921 г. Расстрелян.
- Ванеев Николай Маркович, 1889 г.р., ур. и житель Кузнецкого уезда Томской губ., боец отряда особого назначения. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года лишения свободы. В октябре 1922 г. при том же объеме обвинения мера наказания определена – расстрел, но, принимая во внимание «социальное происхождение и неграмотность», расстрел был заменен на 5 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах.
- Вахрамеев Александр Прокопьевич, 69 лет, ур. и житель с. Тутальское Томского уезда, крестьянин. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 1 год лишения свободы. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобожден.
- Виноградова Мария Андреевна, 1899 г.р., ур. Стерлитамакского уезда Уфимской губ., проживала в г. Томске, сестра милосердия 11-го госпиталя. Арестована в 1921 году. Осуждена на 2 года лишения свободы. По Октябрьской амнистии срок наказания сокращен до 1 года лишения свободы.
- Войцеховский Виктор Иосифович, 1876 г.р., ур. Радомской губ. (Польша), проживал в г. Барнауле, кондуктор на ж.-д. станции Барнаул. Арестован в октябре 1920 года. Освобожден из-под стражи в декабре 1920 г. в связи с прекращением дела вследствие ратификации мирного договора с Польшей.
- Волков Александр Герасимович, 1881 г.р., ур. и житель Кагаловских юрт Сургутского уезда Тюменской губ., рыбак. Арестован в 1921 году. Осужден на 2 года принудработ.
- Вяткин Николай Маркелович, 1862 г.р., ур. и житель дер. Чаща Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1921 году. Расстрелян.
- Гаврилюк Феодосий Иванович, 1900 г.р., ур. Киевской губ., проживал в г. Щегловске Томской губ., красноармеец отдельного взвода Щегловского политбюро. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года лишения свободы. Освобожден из-под стражи 22 декабря 1922 г. под подписку о невыезде.
- Газисов (Газизов) Гемедин (Гамадей), 1855 г.р., ур. и житель дер. Зимник Томского уезда, торговец. Арестован в 1920 году. Осужден на 5 лет дома принудработ условно.
- Галактионов Василий Яковлевич, 1907 г.р., род. с. Малый Косуль Боготольского р-на Красноярского края, проживал в пос. Медвежий Чвор Каргасокского р-на, член

- неустановленной сельхозартели «Красный пахарь». Под подпиской о невыезде с 10 марта 1935 года. Осужден в 1936 г. на 3 года ИТЛ.
- Галахов Яков Яковлевич, 57 лет, настоятель Кафедрального собора, бывший профессор богословия Томского университета. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества и поражением в правах на 3 года. Постановлением ВЦИК 20 февраля 1924 г. срок наказания сокращен до 2 лет 6 месяцев лишения свободы.
- Ганьшина Елена Фаддеевна, 34 лет, ур. и жительница с. Тутальское Томского уезда. Арестована в мае 1922 года. Осуждена на 1 год лишения свободы условно. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобождена.
- Гапеев Митрофан Иванович, 1891 г.р., ур. Севского уезда Орловской губ., проживал в с. Подонино Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден на 1 год лишения свободы.
- Гардер Курт Иванович, 1929 г.р., род. с. Великокняжеское Либкнехтовского р-на Ставропольского края, проживал в с. Георгиевка Туганского р-на Томской обл., член колхоза им. Ворошилова. Арестован в 1949 году. Осужден на 20 лет каторжных работ.
- Герасимович Николай Осипович, 1887 г.р., род. г. Минск, проживал в г. Томске по ул. Никитинской, 12-1, преподаватель курсов комсостава. Арестован в 1921 году. Осужден на 2 года лишения свободы. По Октябрьской амнистии срок наказания сокращен до 1 года лишения свободы.
- Герасимович Мария Борисовна, 1894 г.р., род. г. Верхнеудинск, проживала в г. Томске по ул. Никитинской, 12-1, домохозяйка. Арестована в 1921 году. Осуждена на 2 года лишения свободы. По Октябрьской амнистии срок наказания сокращен до 1 года лишения свободы. Освобождена из-под стражи в сентябре 1922 года.
- Германов Иван Петрович, 1887 г.р., род. с. Костение Гремячинского р-на Воронежской обл., заключенный Берегаевского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1937 году. Расстрелян.
- Гольдман Израиль Хаймович, 1891 г.р., род. г. Красник Люблинской губ. (Польша), проживал в спецпоселке Симоновка Симоновского ЛЗУ Зырянского р-на, спецпереселенец. Арестован в 1940 году. Осужден на 3 года ИТЛ.
- Горожанин Николай Ефимович, 1896 г.р., род. с. Абакан Минусинского уезда Енисейской губ., проживал в г. Енисейске, заведующий политпросветом г. Енисейска. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года лишения свободы. С применением Первомайской и Октябрьской амнистий 1921 г. освобожден из-под стражи в марте 1922 года.
- Гоштаутайтис Феликсас сын Иполитаса, 1929 г.р., род. дер. Паежерей Паневежского уезда Литовской ССР, проживал в пос. Центральный Асиновского р-на, рабочий мехлеспункта. Арестован в 1948 году. Осужден на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту ссылки.
- Гоштаутайте Ядвига дочь Иполитаса, 1915 г.р., род. дер. Паежерей, проживала в пос. Центральный, портниха. Арестована в 1948 году. Осуждена на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту ссылки.

- Границкас Миколас сын Юргиса, 1906 г.р., род. дер. Клепша Укмергского уезда Литовской ССР, проживал в дер. Больше-Кусково Туганского р-на, член колхоза им. Чапаева. Арестован в 1951 году. Осужден на 3 года ИТЛ с последующим возвращением к месту обязательного поселения.
- Грехнев Гавриил Николаевич, 1895 г.р., род. с. Нарым Томского окр., проживал в г. Томске по ул. Б. Подгорная, 79, заведующий заготовками Сибторга. Арестован в 1927 году. Осужден на 3 года ИТЛ. В мае 1929 г. срок наказания снижен на 6 месяцев, после окончания срока наказания подлежал высылке в Сибирь сроком на 3 года.
- Григорьев Владимир Михайлович, 1864 г.р., род. г. Петроград, проживал в с. Ильинское Кузнецкого уезда Томской губ., священник. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года лишения свободы условно.
- Григорьева Евгения Викторовна, 1874 г.р., род. дер. Гостино Котельничского уезда Вятской губ., проживала в дер. Савиново Болотинской вол. Томской губ., домохозяйка. Арестована 27 июля 1920 года. Освобождена из-под стражи в январе 1921 г. в связи с прекращением дела за отсутствием состава преступления.
- Грималяк Евдокия Михайловна, 1908 г.р., род. с. Ростоки Вижницкого р-на Черновицкой обл. (Украина), проживала в пос. «20 лет Октября» Александровского р-на Томской обл., член колхоза им. Дзержинского. Арестована в 1951 году. Осуждена на 20 лет каторжных работ.
- Громов Глеб Александрович, 1895 г.р., род. г. Москва, проживал в г. Томске по ул. Зверевской, 13, служащий кустарно-кооперативного отдела совнархоза. Арестован в апреле 1920 года. Освобожден из-под стражи в декабре 1920 г. в связи с прекращением дела за отсутствием состава преступления.
- Гулова Клавдия Михайловна, 1906 г.р., род. дер. Кулья Печорского р-на Псковской обл., проживала в пос. Пудовка Кривошеинского р-на, член колхоза «Первомайский». Арестована в 1947 году. В наказание зачтен срок предварительного заключения с обязательным водворением по месту обязательного поселения (**Первый арест**).
- Гулько Сара Давидовна, 1908 г.р., род. г. Бельцы Молдавской ССР, проживала в с. Пудино Томской обл., рабочая райпромкомбината. Арестована в 1947 году. Осуждена на 3 года ИТЛ.
- Гуцка (Гуцкан) Александра Гавриловна, 1919 г.р., род. с. Баян Садторского р-на Черновицкой обл., проживала в с. Каргасок Томской обл., рабочая артели имени «18-го партсъезда». Арестована в 1944 году. Осуждена на 2 года ИТЛ.
- Гущене Она дочь Иозаса, 1901 г.р., род. дер. Баркльню Биржайского уезда Литовской ССР, проживала в пос. Центральный Лай Асиновского р-на, рабочая Батуринаского мехлеспункта. Арестована в 1948 году. Осуждена на 3 года ИТЛ.
- Данилов Филимон Данилович, 1879 г.р., место рождения неизвестно, проживал в с. Ягуново Щегловского уезда Томской губ., милиционер. Арестован в 1921 году. Осужден к ВМН – расстрелу. В мае 1922 г. приговор отменен. В ноябре 1923 г. дело прекращено в связи со смертью – умер 19 июля 1922 г. от прогрессивного малокровия.

- Данюнас Альбинас-Ероминас сын Миколаса, 1928 г.р., род. дер. Папишкой Паневежского уезда Литовской ССР, проживал в пос. Центральный Асиновского р-на, рабочий мехлеспункта. Арестован в 1948 году. Осужден на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту ссылки.
- Дашенко Василий Афанасьевич, 1871 г.р., ур. и житель с. Оброчино Томского уезда, крестьянин. Арестован в 1920 году. Освобожден из-под стражи в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии 1921 года.
- Дворжиков Фёдор Иванович, 60 лет, староста церкви в с. Тисуль Мариинского уезда Томской губ. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 1 год лишения свободы условно. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобожден.
- Девятов Афанасий Илиодорович, 1860 г.р., род. г. Сарапул Вятской губ., проживал в дер. Плотниково Щегловского уезда Томской губ., кузнец. Арестован в 1921 году. Осужден на 2 года лишения свободы условно.
- Демьянцев Борис Яковлевич, 1894 г.р., ур. и житель Судженских каменноугольных копей Томского уезда, заведующий центральным складом копей. Арестован в феврале 1920 года. Освобожден из-под стражи в сентябре 1920 г. в связи с прекращением дела за отсутствием состава преступления.
- Дёмин Александр Спиридонович, 1896 г.р., род. г. Канск Енисейской губ., проживал в г. Томске, студент горного факультета Томского технологического института. Арестован в марте 1922 года. Осужден на 3 года лишения свободы, но с применением амнистии срок наказания сокращен до 6 месяцев.
- Диль Лео Иванович, 1897 г.р., род. с. Мариенберг Зельманского р-на Саратовской обл., проживал в г. Томске, плотник стройотдела ХОЗО УМВД Томской области. Арестован в феврале 1947 года. Освобожден из-под стражи в июне 1947 г. В наказание зачтен срок предварительного заключения.
- Дмитриев Михаил Борисович, 1891 г.р., род. г. Петроград, проживал в г. Томске по ул. Черепичной, 33-2, преподаватель инженерных курсов. Арестован в марте 1921 года. Дело прекращено в связи со смертью 14 апреля 1921 года.
- Доржаева Пелагея Николаевна, 1926 г.р., род. дер. Нижняя Черня Котельниковского р-на Сталинградской обл., проживала в г. Томске, пос. Черемошники, спецпереселенка. Арестована в 1948 году. В наказание зачтен срок предварительного заключения, разрешено проживание по месту жительства мужа в Кемеровской области.
- Дорошкевич Антон Станиславович, 1884 г.р., ур. и житель пос. Сарачевский Новониколаевского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден к ВМН – расстрелу. По Октябрьской амнистии 1920 г. наказание заменено на заключение в дом принудработ сроком на 15 лет. По Первомайской амнистии 1921 г. срок наказания сокращен до 5 лет.
- Ентин Михаил Зельманович, 1896 г.р., ур. и житель г. Каинска Томской губ., наборщик типографии. Арестован в октябре 1920 года. Освобожден из-под стражи в декабре 1920 г. в связи с прекращением дела.

Ерёмкин Кузьма Михеевич, 1869 г.р., ур. и житель дер. Песочная Томского р-на, единоличник. Находился под подпиской о невыезде. В связи с его преклонным возрастом и нетрудоспособностью дело прекращено 23 июля 1931 г., принято решение о высылке на Север. Умер 6 апреля 1932 года.

Жарков Григорий Тимофеевич, 1897 г.р., ур. и житель дер. Поздняково Кожевниковского р-на, единоличник. Находился под подпиской о невыезде с декабря 1930 года. Дело прекращено в мае 1931 года.

Жидких Семён Кириллович, 1891 г.р., ур. Тимского р-на Курской обл., заключенный Кицимского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1938 году. Расстрелян.

Жирохов Василий Назарович, 1886 г.р., ур. и житель г. Сургута, рыбак. Арестован в 1921 году. Осужден на 5 лет лишения свободы.

Житецкий Александр Александрович, 1897 г.р., ур. и житель с. Н-Ильинка Нарымского края, крестьянин. Арестован в сентябре 1921 года. По Первомайской амнистии 1921 г. дело прекращено в декабре 1921 года.

Жуковская Текла Егоровна, 1906 г.р., род. с. Резекне Резекненского уезда Латвийской ССР, проживала в с. Межениновка Томского р-на, работала в совхозе МВД. Арестована в ноябре 1947 года. Освобождена из-под стражи в феврале 1948 года. В наказание зачтен срок предварительного заключения с водворением к месту ссылки.

Загумённый Сергей Андреевич, 1879 г.р., ур. и житель дер. Батурино Вороновского р-на Томского округа, крестьянин. Арестован в 1928 году. Осужден на 3 года ИТЛ.

Засухин Гавриил Давыдович, 1889 г.р., ур. и житель дер. Ягуново Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в феврале 1921 года. Освобожден из-под стражи в июле 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.

Захаров Александр Мартынович, 1895 г.р., ур. и житель дер. Тундрино Сургутского уезда Тюменской губ., член Тундринского волисполкома. Арестован в 1921 году. Осужден на 5 лет лишения свободы.

Зевакин Фёдор Поликарпович, 62 лет, ур. и житель с. Тутальское Томского уезда, крестьянин. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 1 год лишения свободы. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобожден.

Зевакина Агафья Ниловна, 29 лет, ур. и жительница с. Тутальское, крестьянка. Арестована в мае 1922 года. Осуждена на 1 год лишения свободы условно. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобождена.

Зевакина Анна Дмитриевна, 50 лет, ур. и жительница с. Тутальское, крестьянка. Арестована в мае 1922 года. Осуждена на 1 год лишения свободы условно. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобождена.

Зель Элла Альфредовна, 1933 г.р., род. с. Найменшаль Больше-Токмакского р-на Запорожской обл., проживала в пос. Тогур Колпашевского р-на, не работала. Арестована в 1950 году. Осуждена на 20 лет каторжных работ, но с учетом возраста срок наказания сокращен до 5 лет ИТЛ условно с водворением к месту обязательного поселения.

- Зинкуте Она дочь Иозаса, 1928 г.р., род. дер. Либички Таурагского уезда Литовской ССР, проживала в пос. Центральный Асиновского р-на, рабочая мехлеспункта. Арестована в 1948 году. Осуждена на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту ссылки.
- Зиннер Роберт Готфридович, 1933 г.р., род. с. Уста Уренского р-на Горьковской обл., проживал в пос. Морозовка Чаинского р-на, член колхоза «Путь Ленина». Арестован в 1950 году. Осужден на 20 лет каторжных работ, но с учетом обстоятельств дела и молодостью срок наказания сокращен до 5 лет ИТЛ условно с водворением к месту обязательного поселения.
- Зинченко Любовь Акимовна, 1893 г.р., ур. порта Узун-Ада Закаспийской обл., проживала в г. Томске по ул. Равенства, 28-5, билетный кассир на железной дороге. Арестована в 1921 году. Осуждена на 1 год лишения свободы.
- Зобнин Филипп Кузьмич, 1868 г.р., ур. Тюменской губ., проживал в г. Томске по ул. Белинского, 56, конторщик счетно-финансового отдела Томской ж.д. Арестован в сентябре 1921 года. В ноябре 1921 г. признан виновным в распространении в печати ложных измышлений, порочащих советский государственный строй, с освобождением от наказания в связи с преклонным возрастом, чистосердечным признанием и предшествовавших амнистий Республики.
- Зройчиков Иосиф Ильич, 1894 г.р., ур. и житель с. Барачаты Кузнецкого уезда Томской губ., старший милиционер. Арестован в 1921 году. Осужден на 5 лет лишения свободы. По Октябрьской амнистии 1922 г. срок наказания снижен до 2 лет 6 месяцев. В мае 1923 г. из-под стражи освобожден.
- Иванов Василий Иванович, 1895 г.р., род. дер. Мошнино Каинского уезда Томской губ., проживал в г. Томске по ул. Б. Подгорная, 46-7, помощник командира конной сотни караульного полка. Арестован в 1920 году. Расстрелян.
- Иванов Иван Сидорович (Исидорович), 1879 г.р., ур. и житель с. Итат Мариинского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в январе 1920 года. Освобожден из-под стражи в мае 1921 г. по Первомайской амнистии в связи с прекращением дела.
- Игнатов Кузьма Иванович, 1860 г.р., ур. и житель дер. Чусовитино-Барышево Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден с учетом Октябрьской амнистии 1920 г. на 1 год дома принудработ.
- Индриалените Она дочь Антанаса, 1921 г., род. дер. Микену Биржайского уезда Литовской ССР, проживала в пос. Центральный Лай Асиновского р-на, рабочая Батуриного мехлесучастка. Арестована в 1948 году. Осуждена на 3 года ИТЛ.
- Ипполитов Иван Александрович, 1883 г.р., ур. Челябинской губ., проживал в г. Томске по ул. Войлочная заимка, 7-3, счетовод и делопроизводитель в Управлении Томской ж.д. Арестован в 1921 году. Осужден на 5 лет лишения свободы. Умер 22 мая 1922 г. в больнице исправтруддома № 1 г. Томска от сыпного тифа.
- Исаков Михаил Иванович, 1900 г.р., место рождения неизвестно, проживал на ст. Тайга Томской ж.д., Железнодорожный пос., дом 13, работал на Анжерских копиях. Арестован в апреле 1920 года. Освобожден из-под стражи в ноябре 1920 г. по Октябрьской амнистии.

- Кабанова Марианна Ивановна, 45 лет, ур. и жительница с. Тутальское Томского уезда. Арестована в мае 1922 года. Осуждена на 1 год лишения свободы условно. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобождена.
- Казаков Иван Степанович, 52 лет, служащий лесного завода № 2 г. Томска. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 1 год лишения свободы условно. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобожден.
- Кайгородов Фёдор Михайлович, он же Паникаровский Анатолий Михайлович, 1896 г.р., род. г. Барнаул, проживал в с. Ридерском Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области, служащий. Арестован в 1920 году. Осужден на 2 года дома принудработ.
- Калинин Иосиф Степанович, 1906 г.р., род. с. Сорокино Ужурского р-на Красноярского края, проживал в пос. Медвежий Чвор Каргасокского р-на, член неуставной сельхозартели «Красный пахарь». Под подпиской о невыезде с 10 марта 1935 года. Осужден в 1936 г. на 3 года ИТЛ.
- Калинин Михаил Фёдорович, 1893 г.р., ур. и житель г. Томска (ул. Водяная, 26), рыбак. Арестован в 1920 году. Расстрелян.
- Калныньш (Калниньш) Милда Яновна, 1933 г.р., род. х. Дадзени Мадонского уезда Латвийской ССР, проживала и работала в колхозе пос. Бобровка Тегульдетского р-на. Арестована в 1950 году. Осуждена на 20 лет ИТЛ, но с учетом возраста срок наказания снижен до 5 лет ИТЛ условно.
- Канашин Александр Иванович, 1897 г.р., место рождения неизвестно, проживал на заимке Осипова Щегловского уезда Томской губ., член коммунистического отряда. Арестован в мае 1921 года. Дело прекращено в декабре 1921 г. в связи со смертью.
- Кандаков Александр Егорович, 1902 г.р., ур. и житель с. Локосово Сургутского уезда Тюменской губ., крестьянин. Арестован и освобожден из-под стражи в июне 1921 г. в связи с прекращением дела – оправдан по суду.
- Кандаков Илья Федорович, 1896 г.р., ур. и житель г. Сургута, крестьянин. Арестован в 1921 году. Осужден к 20 годам заключения в дом принудработ. В июле 1921 г. на основании декрета Совнаркома от 24 марта 1921 г. о максимальном сроке обращения к принудительным работам срок наказания сокращен до 5 лет лишения свободы со строгой изоляцией. Умер 31 декабря 1921 г. в больнице дома принудработ от возвратного тифа.
- Канцевичене-Скапайте Елена дочь Иозаса, 1922 г.р., род. дер. Ядаусе Укмергского уезда Литовской ССР, проживала в дер. Больше-Кусково Туганского р-на, член колхоза им. Чапаева. Арестована в 1951 году. Осуждена на 3 года ИТЛ с последующим возвращением к месту обязательного поселения.
- Кармаускене Она дочь Иозаса, 1904 г.р., род. дер. Жадайконе Биржайского уезда Литовской ССР, проживала в пос. Центральный Лай Асиновского р-на, рабочая Батуриного мехлесучастка. Арестована в 1948 году. Осуждена на 3 года ИТЛ.
- Карпов Илья Андреевич, 1881 г.р., род. с. Богучар Богучарского уезда Воронежской губ., проживал на ст. Тайга Томской ж. д., ревизор службы движения Томской ж. д. Арестован в январе 1920 года. Освобожден из-под стражи в июне 1920 г. – оправдан по суду.

- Карпухин Григорий Иванович, 1862 г.р., ур. и житель пос. Ояшинский Новониколаевского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден на 10 лет концлагерей. По Октябрьской амнистии 1920 г. срок наказания сокращен до 3 лет. По Первомайской амнистии 1921 г. из-под стражи освобожден.
- Кауфман Егор Петрович, 1890 г.р., род. дер. Шиллинг Бальцерского р-на Саратовской обл., проживал в дер. Мурасы Александровского р-на Томской обл., разнорабочий. Арестован в 1948 году. Осужден на 20 лет каторжных работ, но с учетом возраста и состояния здоровья срок наказания сокращен до 5 лет ИТЛ с последующим водворением к месту обязательного поселения.
- Кежин Иван Васильевич, 1883 г.р., ур. и житель с. Кольчугино Кузнецкого уезда Томской губ., счетовод Кольчугинского рудника. Арестован в сентябре 1920 года. Освобожден из-под стражи в январе 1921 г. в связи с прекращением дела за недоказанностью предъявленного обвинения.
- Кибитский Илья Яковлевич, 1898 г.р., род. г. Канск Енисейской губ., заключенный Тимирязевской ИТК г. Томска. Арестован в 1937 году. Сведений об осуждении нет.
- Киприянов Дмитрий Алексеевич, 1900 г.р., род. дер. Сарапки Щегловского уезда Томской губ., проживал в г. Щегловске, молотобоец химзавода. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года лишения свободы. В ноябре 1923 г. дело прекращено в связи со смертью – умер 23 апреля 1922 года.
- Киселёв Александр Петрович, 1902 г.р., род. г. Курган, проживал в г. Томске в общезжитии гарнизонного клуба, курсант Рабочего института. Арестован в июле 1920 года. Из концлагеря освобожден по Октябрьской амнистии 1921 года.
- Климов Николай Степанович, 40 лет, настоятель Петропавловского храма г. Томска. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 8 лет лишения свободы с конфискацией имущества и поражением в правах на 3 года. Постановлением ВЦИК от 20 февраля 1924 г. срок наказания сокращен до 4 лет лишения свободы.
- Клингель Хаим Шмулевич, 1914 г.р., род. г. Холм Люблинской губ. (Польша), проживал в спецпоселке Симоновка Симоновского ЛЗУ Зырянского р-на, спецпереселенец. Арестован в 1940 году. Осужден на 3 года ИТЛ.
- Кожевников Егор Михайлович, 1913 г.р., род. дер. Бороушка Упоровского р-на Омской обл., заключенный Симоновского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1937 году. Расстрелян.
- Коковкин Яков Алексеевич, 1889 г.р., ур. и житель дер. Лаврово Томского уезда, черноработчий. Арестован в январе 1921 года. Осужден на 3 месяца принудработ. Освобожден из-под стражи по Октябрьской амнистии 1921 г. 10 февраля 1922 года.
- Колесов Михаил Маркович, 1881 г.р., ур. и житель с. Суслово Мариинского уезда Томской губ., ремонтный рабочий на ж. д. Арестован в апреле 1921 года. Освобожден из-под стражи в июне 1921 года. Дело прекращено в ноябре 1921 г. за отсутствием состава преступления.
- Колобкова Анфуса Константиновна, 1893 г.р., ур. и жительница г. Томска (пр. Коммунистический, 46-5), служащая коммунотдела. Арестована в 1921 году. Осуждена на 3 года лишения свободы. Наказание считалось условным в течение года.

- Колядин Евдоким Филиппович, 1896 г.р., ур. и житель г. Щегловска, милиционер уездной милиции. Арестован в 1921 году. Осужден на 1 год дома принудработ. По амнистии от 17 августа 1923 г. дело прекращено в ноябре 1923 года.
- Кондаков Василий Яковлевич, 1895 г.р., ур. и житель дер. Локосово Сургутского уезда Тюменской губ., крестьянин. Арестован и освобожден из-под стражи в июне 1921 г. в связи с прекращением дела.
- Конев Григорий Александрович, 1900 г.р., ур. и житель дер. Арсеньеве Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в ноябре 1921 года. Осужден – срок наказания и судьба неизвестны.
- Конев Дмитрий Михайлович, возраст не установлен, ур. и житель дер. Сартаковка Кузнецкого уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в августе 1920 года. Освобожден из-под стражи в ноябре 1920 года. По Первомайской амнистии 1921 г. дело прекращено.
- Конев Пётр Фёдорович, 1881 г.р., ур. и житель дер. Трекино Кузнецкого уезда, крестьянин. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года лишения свободы. По Октябрьской амнистии 1922 г. срок наказания сокращен до 1 года 6 месяцев лишения свободы.
- Коробейников Анисим Иванович, 1892 г.р., место рождения неизвестно, проживал в дер. Берёзовская Щегловского уезда Томской губ., боец отряда особого назначения. Арестован в 1921 году. Осужден на 1 год дома принудработ.
- Коробейников Иван Петрович, возраст не установлен, род. дер. Н-Соломенники Сарапульского уезда Вятской губ., проживал в с. Леботёр Томского уезда, крестьянин. Арестован в ноябре 1921 года. Обвинение предъявлено в мае 1922 года. Сведений об осуждении нет.
- Королёв (Коралёв) Василий Архипович, 1876 г.р., ур. и житель с. Александрово Сургутского уезда Тюменской губ., крестьянин. Арестован в июне 1921 года. Осужден на 15 лет лишения свободы. В январе 1922 г. дело прекращено в связи со смертью.
- Корсаев Пётр Иванович, 1885 г.р., род. дер. Елань Еланского р-на Саратовской обл., заключенный Сибиряковского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1937 году. Расстрелян.
- Костенко Андрей Александрович, 1901 г.р., род. с. Погорелое Уманского уезда Киевской губ., проживал в г. Щегловске, бывший красноармеец. Арестован в 1921 году. Осужден на 1 год дома принудработ условно.
- Костеренко Аксентий (Акинтий) Петрович, 1886 г.р., ур. и житель пос. Сарачевский Новониколаевского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден на 5 лет концлагерей. По Октябрьской амнистии 1920 г. наказание заменено на заключение в концлагерь на 2 года условно.
- Костеренко Пётр Петрович, 1862 г.р., ур. и житель пос. Сарачевский, крестьянин. Арестован в октябре 1920 года. Освобожден из-под стражи в феврале 1921 г. – оправдан по суду.
- Костерено (Костеренко) Соломея Николаевна, 1861 г.р., ур. и жительница пос. Сарачевский, крестьянка. Арестована в октябре 1920 года. Освобождена из-под стражи в феврале 1921 г. – оправдана по суду.

- Косых Иван Архипович, 1898 г.р., род. с. Шипуново ЗСК, проживал в пос. Добро Чаинской райкомандатуры Сиблага ОГПУ, бригадир сельхозартели «Новая жизнь». Арестован в 1933 году. Осужден на 5 лет ИТЛ условно.
- Кочуров Фёдор Васильевич, 1895 г.р., место рождения неизвестно, проживал в дер. Тамборы Мариинского уезда Томской губ., шорник. Арестован в 1921 году. Осужден к ВМН – расстрелу. В связи с поданным прошением о помиловании решением ВЦИК от 5 мая 1922 г. наказание заменено на 5 лет дома принудраб-от.
- Кошеутов Василий Григорьевич, 1886 г.р., ур. и житель дер. Батурино Вороновского р-на Томского округа, крестьянин. Арестован в 1928 году. Осужден на 1 год 6 месяцев лишения свободы.
- Кошкарлов Кирилл Трофимович, 1891 г.р., род. дер. Солоновка Смоленского р-на Алтайского края, проживал в г. Томске, пос. Черемошники, без определенных занятий. Арестован в 1946 году. Осужден на 2 года ИТЛ.
- Кошман Филипп Андреевич, 1881 г.р., род. с. Карантин Кременчугского р-на Полтавской обл., заключенный Каштаковского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1937 году. Расстрелян.
- Краузе Елизавета Ивановна, 1910 г.р., род. г. Ставрополь, проживала в с. Вершинки Зырянского р-на, не работала. Арестована в 1948 году. Осуждена на 3 года ИТЛ.
- Крейман Татьяна Яковлевна, 1914 г.р., ур. местечка Скулень Ясского уезда (Молдавия), проживала в с. Бакчар, библиотекарь средней школы. Арестована в 1947 году. Осуждена на 3 года ИТЛ.
- Крипайтите Вероника дочь Пятраса, 1930 г.р., род. дер. Данилишко Биржайского уезда Литовской ССР, проживала в пос. Центральный Лай Асиновского р-на, рабочая Батурина меклесучастка. Арестована в 1948 году. Осуждена на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту ссылки.
- Крипайтите Она дочь Пятраса, 1927 г.р., род. дер. Данилишко, проживала в пос. Центральный Лай, рабочая Батурина меклесучастка. Арестована в 1948 году. Осуждена на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту ссылки.
- Крылаев Пётр Алексеевич, 1898 г.р., род. г. Казань, проживал в с. Каргалинское Томского уезда, студент 1-го курса юридического факультета Томского университета. Арестован в 1920 году. Расстрелян.
- Крымский Гаврила Андреевич, год, места рождения и жительства неизвестны, служащий 25-го госпиталя. Арестован в июле 1921 года. В сентябре 1921 г. осужден на 3 года дома принудраб-от, но по Октябрьской амнистии из-под стражи освобожден.
- Крычев (Хрычев) Сергей Васильевич, 52 лет, помощник церковного старосты с. Тутальское Томского уезда. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 1 год лишения свободы. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобожден.
- Кудрявцев Василий Степанович, 1885 г.р., место рождения неизвестно, проживал в г. Щегловске, младший милиционер уездной милиции. Арестован в 1921 году. Осужден к ВМН – расстрелу. В мае 1922 г. приговор отменен. По амнистии от 17 августа 1923 г. дело прекращено в ноябре 1923 года.

- Кудрявцев Виктор Алексеевич, 1898 г.р., ур. и житель г. Томска (ул. Ярлыковская, 21), шофер. Арестован в апреле 1920 года. Осужден на 1 год тюремного заключения. Освобожден из-под стражи в ноябре 1920 г. по Октябрьской амнистии.
- Кудрявцев Михаил Степанович, 1895 г.р., ур. Ачинского уезда Енисейской губ., проживал в г. Щегловске, чернорабочий химзавода. Арестован в 1921 году. Дело прекращено в ноябре 1923 г. в связи со смертью – умер 19 сентября 1923 г. от прогрессивного малокровия.
- Кузульков Василий Никитич, 1884 г.р., ур. и житель дер. Орлово Каинского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в январе 1921 года. Освобожден из-под стражи в мае 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Кузульков Никита Кузьмич, 1864 г.р., ур. и житель дер. Орлово, крестьянин. Арестован в январе 1921 года. Освобожден из-под стражи в мае 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Кулебакин Емельян Степанович, 1889 (1898) г.р., ур. и житель дер. Фомино Щегловского уезда Томской губ., член коммунистического отряда. Арестован в мае 1921 года. Дело прекращено в декабре 1921 г. в связи со смертью.
- Куклин Андрей Матвеевич, 1884 г.р., род. с. Тундрино Сургутского уезда Тюменской губ., проживал в дер. Пилютино Сургутского уезда, крестьянин. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года дома принудработ условно.
- Куликов Алексей Васильевич, 1884 г.р., род. дер. Гремячево Орловского уезда и губ., проживал в дер. Ново-Романово Юргинского р-на Томского округа, крестьянин. Арестован в 1929 году. Осужден на 4 года ИТЛ и 2 года поражения в правах. В декабре 1929 г. срок наказания сокращен до 1 года 6 месяцев лишения свободы и 2 лет поражения в правах.
- Кулимова Екатерина Ивановна, 1900 г.р., род. дер. Подберезово Новосильского р-на Орловской обл., проживала в дер. Новая Березовка Пышкино-Троицкого р-на, колхозница. В июне 1943 г., как член семьи изменника Родины, осуждена на 5 лет ссылки. Освобождена в июне 1948 г.
- Курасов Федосий Андреевич, 1899 г.р., род. с. Бобрышево Обоянского р-на Курской обл., заключенный Каштаковского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1938 году. Расстрелян.
- Курсоо Эрика Эльморовна, 1920 г.р., род. г. Валга Эстонской ССР, проживала в пос. Луговой Бакcharского р-на, член колхоза «Нарым». Арестована в 1947 году. Осуждена на 3 года ИТЛ с последующим возвращением к месту ссылки.
- Курлыхин (Курлокин) Алексей Никифорович, 1880 г.р., ур. и житель с. Александрово Сургутского уезда, охотник. Арестован в апреле 1921 года. Осужден на 2 года лишения свободы условно. Освобожден из-под стражи в мае 1921 г.
- Кусанов Яков Евдокимович, 1901 г.р., место рождения неизвестно, проживал в дер. Н-Мариинка Мариинского уезда Томской губ., служащий почтово-телеграфной конторы с. Итат. Арестован в январе 1920 года. Освобожден из-под стражи 13 марта 1921 г. в связи с прекращением дела за недоказанностью предъявленного обвинения.
- Кучене Михайлина дочь Казиса, 1897 г.р., род. дер. Пенюнай Укмергского уезда Литовской ССР, проживала в пос. Центральный Лай Асиновского р-на, рабочая

Батуриного мехлесоучастка. Арестована в 1948 году. Осуждена на 3 года ИТЛ.

- Лебедев Егор Селивёрстович, 1873 г.р., род. с. Каурак Новосибирского округа, проживал в дер. Батурино Вороновского р-на Томского округа, крестьянин. Арестован в 1928 году. Осужден на 5 лет ИТЛ.
- Лебедев Константин Владимирович, 45 лет, настоятель Богоявленского храма и член Епархиального управления Томской епархии. Арестован в 1922 году. Осужден к ВМН – расстрелу. Решением Президиума ВЦИК от 2 марта 1923 г. наказание заменено на 10 лет лишения свободы. Постановлением ВЦИК 29 сентября 1923 г. срок наказания сокращен до 6 лет 8 месяцев лишения свободы.
- Лебедев Павел Александрович, 39 лет, член приходского совета Кафедрального собора г. Томска. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 2 года лишения свободы. По Октябрьской амнистии 1922 г. срок наказания сокращен до 1 года лишения свободы.
- Лендель Зинаида Ивановна, 1900 г.р., род. г. Канск Енисейской губ., проживала в г. Томске по пр. Ленинскому, 26, без определенных занятий. Арестована в марте 1921 года. Освобождена из-под стражи в апреле 1921 года. В наказание зачтен срок предварительного заключения.
- Лехлер Владимир Юлиусович, 1929 г.р., род. с. Крук Володарского р-на Волынской обл. (Украина), проживал в с. Курлек Томского р-на, рабочий Калтайского ЛПХ. Арестован в 1950 году. Осужден на 20 лет каторжных работ.
- Лехциев Леонид Августович, 1900 г.р., род. г. Севастополь, заключенный Тимирязевской ИТК г. Томска. Арестован в 1937 году. Сведений об осуждении нет.
- Линовицкая Анна Николаевна, 1899 г.р., род. с. Битка Барнаульского уезда Томской губ., проживала в г. Томске, служащая жилищного подотдела. Арестована в июле 1921 года. Освобождена из-под стражи в августе 1921 г. в связи с прекращением дела как действовавшая под чужим влиянием.
- Липецкий Василий Ефимович, 1877 г.р., ур. и житель пос. Витинский Сургутского уезда Тюменской губ., рыбак. Арестован в мае 1921 года. Освобожден из-под стражи в июне 1921 г. в связи с прекращением дела за недоказанностью предъявленного обвинения.
- Липский Александр Лукич, 1897 г.р., ур. и житель х. Дорогинский Новониколаевского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Освобожден из-под стражи в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии 1921 г.
- Локтев Андрей Григорьевич, 1895 г.р., ур. Барнаульского уезда Томской губ., проживал в пос. Сарачевский Новониколаевского уезда Томской губ., пимокат и плотник. Арестован в 1920 году. Осужден к ВМН – расстрелу. По Октябрьской амнистии 1920 г. наказание заменено на заключение в дом принудработ сроком на 15 лет. По Первомайской амнистии 1921 г. срок наказания сокращен до 5 лет. Умер 12 июля 1922 г. во время отбытия наказания.
- Лужин Василий Касьянович, 1895 г.р., ур. и житель дер. Змеинка Щегловского уезда Томской губ., член коммунистического отряда. Арестован в 1921 году. Осужден

- на 3 года лишения свободы. В июне 1923 г. наказание заменено на 5 лет лишения свободы.
- Лысенин Сергей Дмитриевич, 1889 г.р., род. г. Цивинск Казанской губ., заключенный Томского ИТУ. Арестован и освобожден из-под стражи в октябре 1932 года. В наказание зачтен срок предварительного заключения.
- Любушкин Никита Андреевич, 1896 г.р., ур. и житель дер. Чусовитино-Барышево Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден с учетом Октябрьской амнистии 1920 г. на 1 год дома принудработ.
- Лякуб Мария Давыдовна, 44 лет, ур. и жительница г. Томска. Арестована в мае 1922 года. Осуждена на 1 год лишения свободы условно. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобождена.
- Максимов Василий Михайлович, 1900 г.р., род. с. Каракулевское Троицкого уезда Челябинской губ., проживал в г. Щегловске, красноармеец 8-й роты 3-го батальона 354-го стр. полка. Арестован в 1921 году. Осужден на 1 год лишения свободы. Умер в исправтруддоме в июле 1922 года.
- Мальков Прокопий Павлович, 1863 г.р., ур. и житель дер. Ягуново Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в феврале 1921 года. Освобожден из-под стражи в июле 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Марков Иван Васильевич, 1894 г.р., ур. и житель г. Томска, объездчик Обского лесничества. Арестован в 1921 году. Осужден на 2 года дома принудработ. По Октябрьской амнистии 1922 г. срок наказания сокращен на одну треть.
- Марков Михаил Васильевич, 1888 г.р., ур. и житель г. Томска, рабочий Томской мастерской № 1 по ремонту пишущих машинок. Арестован в 1921 году. Осужден на 2 года дома принудработ. По Октябрьской амнистии 1922 г. срок наказания сокращен на одну треть.
- Марков Павел Васильевич, 1890 г.р., ур. и житель г. Томска, рабочий мастерской учебных пособий Томского совнархоза. Арестован в 1921 году. Осужден на 2 года дома принудработ. По Октябрьской амнистии 1922 г. срок наказания сокращен на одну треть.
- Марков Фёдор Васильевич, 1902 г.р., ур. и житель г. Томска, писарь уездного военкомата. Арестован в 1921 году. Осужден на 2 года дома принудработ. По Октябрьской амнистии 1922 г. срок наказания сокращен на одну треть.
- Марков Фома Матвеевич, 1888 г.р., ур. и житель пос. Сарачевский Новониколаевского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден на 10 лет концлагерей. По Октябрьской амнистии 1920 г. срок наказания сокращен до 3 лет лишения свободы. Освобожден из-под стражи по Первомайской амнистии 1921 года.
- Мартенс Яков Генрихович, 1913 г.р., род. с. Капустянка Верхне-Хортицкого р-на Запорожской обл., проживал в г. Томске по ул. Школьной, 4, столяр треста «Томскстрой». Арестован в 1947 году. Осужден на 3 года ИТЛ.
- Марцинкевич Иосиф Михайлович, 1925 г.р., род. дер. Наручаны Варенского р-на Литовской ССР, проживал и работал на Нюрсинском ЛЗУ Чаинского р-на. Арестован в 1951 году. Осужден на 20 лет каторжных работ, но с учетом обстоя-

- тельств побега срок наказания сокращен до 5 лет ИТЛ с последующим водворением на спецпоселение.
- Матиос Василий Юрьевич, 1896 г.р., род. с. Ростоки Вижницкого р-на Черновицкой обл. (Украина), проживал в пос. «20 лет Октября» Александровского р-на Томской обл., член колхоза им. Дзержинского. Арестован в 1951 году. Осужден на 20 лет каторжных работ.
- Матковский Степан Лукич, 1893 г.р., ур. Подольской губ., проживал в г. Томске по ул. Евграфовской, 7-2, студент 2-го курса медицинского факультета Московского университета. Арестован в 1920 году. Расстрелян.
- Мацкан Григорий Тимофеевич, 1932 г.р., род. с. Новые Бадражи Единецкого р-на Молдавской ССР, проживал в пос. Берлинка Зырянского р-на, член колхоза им. Жданова. Арестован в 1951 году. Осужден на 3 года ИТЛ с последующим водворением на спецпоселение.
- Машанов Василий Васильевич, 1858 г.р., ур. Курганского уезда Тобольской губ., проживал в с. Литвиновское Томского уезда, священник с. Десятово. Арестован в 1922 году. Осужден к заключению в исправтруддом на 5 лет со строгой изоляцией. По Октябрьской амнистии 1921 г. срок наказания сокращен до 3-х лет 4-месяцев заключения в исправтруддом на тех же условиях. По Октябрьской амнистии 1922 г. срок наказания сокращен до 2 лет 2 месяцев и 20 дней лишения свободы.
- Мереуца Анастасия Васильевна, 1898 г.р., род. дер. Нападень Бельцкого р-на Молдавской ССР, проживала в с. Бочкарёвка Пудинского р-на, без определенных занятий. Арестована в 1948 году. Осуждена на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту обязательного поселения.
- Мецких Панкрат Артемьевич, 1895 г.р., род. дер. Медведи Черниговской губ., проживал в с. Ново-Славянка Ижморского р-на ЗСК, единоличник. Арестован в июне 1931 года. Сведений об осуждении нет.
- Мильков Алексей Никанорович, 1882 г.р., ур. и житель дер. Максимовская Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден с учетом Октябрьской амнистии 1920 г. на 2 года дома принудработ.
- Михлин Лев Борисович, 1884 г.р., род. г. Глухов Черниговской губ., проживал в г. Мариинске Томской губ., заведующий Упродтранспортом и заведующий Управдел Гужевой тройки. Арестован в марте 1921 года. Освобожден из-под стражи в апреле 1921 г. Дело прекращено в ноябре 1921 г. за отсутствием состава преступления.
- Морозов Семён Андреевич, 1894 (1895) г.р., место рождения неизвестно, проживал в пос. Пушкино Троицкого уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден на 10 лет лишения свободы со строгой изоляцией. По Октябрьской амнистии 1922 г. срок наказания снижен до 5 лет с зачетом отбытого по суду предварительного заключения, таким образом – к лишению свободы со строгой изоляцией сроком на 2 года 7 месяцев 23 дня.
- Морозюк Трофим Акимович, 1887 г.р., род. с. Гордиевка Новоград-Волынского уезда Волынской губ., проживал в пос. Медвежий Чвор Каргасокского р-на, член не-

- установной сельхозартели «Красный пахарь». Под подпиской о невыезде с 10 марта 1935 года. Осужден в 1936 году на 3 года ИТЛ.
- Мосин Пётр Матвеевич, 1913 г.р., род. с. Ярыгино Кузнецкого р-на Новосибирской обл., проживал в с. Кенга Парбигского р-на, с сентября 1941 г. скрывался в тайге. Арестован в 1942 году. Осужден к ВМН – расстрелу с последующей заменой на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах.
- Мосин Фирст Матвеевич, 1916 г.р., род. с. Ярыгино, проживал в с. Кенга, член колхоза «Рассвет», с сентября 1941 г. скрывался в тайге. Арестован в 1942 году. Осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах.
- Мочак Тихон Андреевич, 1893 г.р., ур. и житель с. Журавлёвское Акмолинского уезда Омской губ., бывший красноармеец. Арестован в 1921 году. Осужден к 1 году лишения свободы условно. По амнистии от 17 августа 1923 г. дело прекращено в ноябре 1923 года.
- Мошевитин Михаил Саввич, 1873 г.р., ур. и житель г. Томска, заведующий подотделом благоустройства коммунотдела. Арестован в 1921 году. Осужден к ВМН – расстрелу. Мера наказания условна в течение 1 года.
- Муравский Иван Юлиусович, 1900 г.р., род. с. Ведумка Красноармейского р-на Житомирской обл., проживал в пос. Могильный Мыс Колпашевского р-на, рабочий ветеринарного участка. Арестован в 1948 году. Осужден на 3 года ИТЛ.
- Мюллер Тереза Робертовна, 1899 г.р., род. дер. Куремаа Тартуского уезда Эстонской ССР, проживала в г. Колпашеве, без определенных занятий. Арестована в 1949 году. В наказание зачтен срок предварительного заключения с последующим водворением к месту обязательного поселения.
- Мюллер Хэлла Юлиусовна, 1919 г.р., род. дер. Куремаа, проживала в г. Колпашеве, без определенных занятий. Арестована в июле 1949 года. Освобождена из-под стражи в январе 1950 г. с последующим водворением к месту обязательного поселения.
- Надворный Фёдор Емельянович, 1900 г.р., род. с. Кробышево Лиманского р-на Донецкой обл., заключенный Каштаковского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1938 году. Расстрелян.
- Наконечный Петр Фёдорович, 1895 г.р., род. с. Глинск Колонковского р-на Винницкой обл., заключенный Тимирязевской ИТК г. Томска. Арестован в 1937 году. Сведений об осуждении нет.
- Наумов Михаил Фёдорович, 47 лет, староста Кафедрального собора г. Томска. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 2 года лишения свободы. По Октябрьской амнистии 1922 г. срок наказания сокращен до 1 года лишения свободы.
- Немирович-Данченко Александр Павлович, 1893 г.р., род. г. Казань, проживал в г. Петрограде по пер. Саперному, 10-10, старший делопроизводитель Морского ведомства. Арестован в августе 1921 года. Освобожден из-под стражи в марте 1922 г. в связи с прекращением дела.
- Непомнящий Михаил Михайлович, 1894 г.р., ур. и житель г. Сургута, рыбак. Арестован в 1921 году. Осужден к ВМН – расстрелу с последующей заменой по Октябрьской амнистии 1921 года на 5 лет дома принудработ.

- Нестеров Максим Иосифович, 1882 г.р., ур. и житель с. Итат Мариинского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в январе 1920 года. Освобожден из-под стражи 19 мая 1921 г. по Первомайской амнистии в связи с прекращением дела.
- Нестеров Пётр Васильевич, 1924 г.р., род. ст. Яхрома Дмитриевского р-на Московской обл., красноармеец 3-го отдельного стр. батальона 115-й отдельной стр. дивизии. Арестован в 1943 году. Осужден на 8 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах.
- Нестеров Платон Гаврилович, 58 лет, церковный староста Богоявленского собора г. Томска. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 2 года лишения свободы. По Октябрьской амнистии 1922 г. срок наказания сокращен до 1 года лишения свободы.
- Нехаев Василий Максимович, 1901 г.р., род. с. Можайское Левороссошанского р-на Воронежской обл., заключенный Кицимского лагерного пункта Томсинлага. Арестован в 1937 году. Расстрелян.
- Никишев (Некишев) Пётр Осипович, 1901 г.р., ур. и житель с. Георгиевка Томского уезда, кузнец. Арестован в 1920 году. Осужден к заключению в концлагерь до окончания Гражданской войны. В декабре 1920 г. срок наказания сокращен до 5 лет дома принудработ. По амнистии ВЦИК 5 декабря 1921 г. срок наказания сокращен до 3 лет 4 месяцев лишения свободы.
- Николаев Филипп Иванович, 1898 г.р., ур. и житель дер. Шевели Щегловского уезда Томской губ., сапожник Шевелёвского кожзавода. Арестован в 1921 году. Расстрелян.
- Никольский Александр Иванович, 56 лет, настоятель Преображенского храма и член Епархиального управления Томской епархии. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 8 лет лишения свободы с поражением в правах на 3 года. Постановлением ВЦИК 20 февраля 1924 г. срок наказания сокращен до 4 лет лишения свободы.
- Никольский Василий Константинович, год и место рождения неизвестны, проживал на ст. Итат Мариинского уезда Томской губ., начальник почтово-телеграфной конторы. Арестован 16 января 1920 года. Умер 10 марта 1920 г. от сыпного тифа в Мариинском доме принудработ.
- Никольский Павел Васильевич, 45 лет, священник с. Тисуль Мариинского уезда. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 3 года лишения свободы с испытательным сроком 1 год. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобожден.
- Овчинников Мефодий Яковлевич, 1893 (1894) г.р., ур. и житель дер. Николаевка Новониколаевского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован 27 декабря 1920 года. Освобожден из-под стражи 12 февраля 1921 г. в связи с прекращением дела.
- Онуфриев Семён Кузьмич, 1894 г.р., ур. и житель дер. Чумашкино Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Освобожден из-под стражи в марте 1921 г. в связи с прекращением дела по причине нецелесообразности привлечения его к ответственности из-за невежества.

- Останков Яков Григорьевич, 1886 г.р., ур. и житель дер. Ягуново Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в феврале 1921 года. Освобожден из-под стражи в июле 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Панков Евгений Дмитриевич, 1877 г.р., ур. и житель с. Криволуцкое Сургутского уезда Тюменской губ., рыбак. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года лишения свободы.
- Панчина Софья Яковлевна, 1882 г.р., род. г. Ржев, проживала в г. Томске (ул. Красноармейская, 68), студентка медицинского факультета Томского университета. Арестована в июле 1923 года. Освобождена из-под стражи в августе 1923 г. как поднадзорная. Вторично арестована в 1924 году. Осуждена на 3 года концлагерей. В 1927 г. постановлением Особого совещания Коллегии ОГПУ сослана в Казахстан на 3 года. В августе 1930 г. согласно постановлению Особого совещания как «социально-опасный элемент» лишена права проживания в Москве, Ленинграде, в Ивановской Промышленной области, Центрально-Черноземной области и пограничных округах с прикреплением к определенному месту жительства сроком на 3 года.
- Пастухов Александр Иванович, 1869 г.р., ур. Пермской губ., проживал в г. Томске по ул. Б. Королевской, 14-7, торговец мебелью. Арестован в 1923 году. Осужден на 6 лет лишения свободы с лишением прав на 5 лет и конфискацией имущества.
- Пастухов Степан Моисеевич, 1881 г.р., ур. и житель с. Мазалово Ишимского р-на Томского окр., единоличник. Арестован в марте 1931 года. Сведений об осуждении нет.
- Пацман Иван Карлович, 1900 г.р., род. г. Юрьев (Тарту) Эстонской ССР, проживал в дер. Коломино Чаинского р-на, член колхоза «Сталинец». Арестован в 1940 г. Осужден в апреле 1943 г. на 5 лет ссылки.
- Перемота Степан Кириллович, 1901 г.р., род. с. Высокополье Коломакского р-на Харьковской обл., заключенный Каштаковского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1937 году. Расстрелян.
- Пермитин Николай Петрович, 1873 г.р., ур. и житель дер. Прорыто Томского уезда, крестьянин. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года дома принудработ.
- Першина Вера Николаевна, 1881 г.р., род. г. Нерчинск Забайкальской обл., проживала в г. Мариинске Томской губ., кассир Мариинского экономотдела. Арестована в марте 1921 года. Освобождена из-под стражи в июне 1921 года. Дело прекращено в ноябре 1921 г. за отсутствием состава преступления.
- Петров Александр Андреевич, 1897 г.р., род. с. Тульняк Стерлитамакского уезда Уфимской губ., проживал в г. Томске, специалист Томского уездного земельного отдела. Арестован в 1921 году. Осужден на 2 года дома принудработ. По Октябрьской амнистии 1922 г. срок наказания сокращен на одну треть.
- Петров Павел Александрович, 1901 г.р., род. г. Пермь, проживал в г. Томске, временно не работал. Арестован в 1920 году. Осужден на 1 год 6 месяцев лишения свободы.

- Платонов Василий Васильевич, 1893 г.р., ур. и житель г. Томска, без определенных занятий. Арестован в 1923 году. Осужден на 7 лет лишения свободы со строгой изоляцией.
- Плотников Иван Тарасович, 1898 г.р., ур. и житель дер. Карагулово Барнаульского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Дело прекращено в мае 1921 г. по Первомайской амнистии – из-под стражи освобожден.
- Плуме Вильма (Вилма) Арнольдовна, 1923 г.р., род. х. Акменькальни Вольмерского уезда Латвийской ССР, проживала в пос. Моряковка Томского р-на, рабочая стеклозавода «Красная сопка». Арестована в 1947 году. Осуждена на 3 года ИТЛ.
- Плуме Паулина Яновна, 1897 г.р., род. х. Акменькальни, проживала в пос. Моряковка, рабочая стеклозавода «Красная сопка». Арестована в 1947 году. Осуждена на 3 года ИТЛ.
- Подольян Илья Михайлович, 1883 г.р., род. дер. Холодовка Тульчинского р-на Винницкой обл., заключенный Каштаковского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1938 году. Расстрелян.
- Полещук Алексей Васильевич, 1878 г.р., род. г. Елисаветград Херсонской губ., проживал в г. Томске, техник коммунотдела. Арестован в 1921 году. Осужден на 5 лет лишения свободы. Наказание считалось условным в течение 1 года.
- Полозов Иван Матвеевич, 1898 г.р., ур. и житель дер. Сыромятная Щегловского уезда Томской губ., член сельсовета. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года лишения свободы. По Октябрьской амнистии 1922 г. срок наказания сокращен до 1 года 6 месяцев лишения свободы. В мае 1923 г. из-под стражи освобожден.
- Полуденцев Константин Иванович, 1882 г.р., ур. и житель г. Мариинска Томской губ., заведующий отделом подучетным снабжением Мариинского экономотдела. Арестован в марте 1921 года. Освобожден из-под стражи в августе 1921 г. Дело прекращено в ноябре 1921 г. за отсутствием состава преступления.
- Пономарёв Константин Васильевич, 1887 г.р., ур. и житель г. Кузнецка Томской губ., крестьянин. Арестован в 1921 году. Расстрелян.
- Попельгин Василий Васильевич, 1904 г.р., род. с. Зимовское Пышкино-Троицкого р-на Новосибирской обл., красноармеец минометного батальона 498-го стр. полка. В 1942 году заочно осужден к ВМН – расстрелу за измену Родине. Арестован в 1946 году. Осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах.
- Попов Вячеслав Васильевич, 41 года, священник Богоявленской церкви г. Томска. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 5 лет лишения свободы условно с испытательным сроком на 3 года. По Октябрьской амнистии ВЦИК в декабре 1922 г. от наказания освобожден.
- Попов Илья Константинович, 47 лет, наместник мужского монастыря в г. Томске. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 3 года лишения свободы и 3 года поражения в правах.
- Пракс Мета Югановна, 1918 г.р., род. с. Тьрма Эстонской ССР, проживала в с. Вавиловка Бакчарского р-на, член колхоза «Новая жизнь». Арестована в октябре 1947 года. В наказание зачтен срок предварительного наказания с водворением к месту обязательного поселения. Освобождена из-под стражи в сентябре 1949 г.

- Проводников Егор Павлович, 1890 г.р., ур. и житель с. Широково Сургутского уезда Тюменской губ., крестьянин. Арестован и освобожден из-под стражи в июле 1921 г. в связи с прекращением дела за отсутствием состава преступления.
- Протопопов Павел Дмитриевич, 1886 г.р., ур. и житель дер. Протопопово Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1921 году. Осужден на 2 года дома принудработ условно.
- Прытков (Прутков) Георгий Кондратьевич, 1888 г.р., род. дер. Малиновка Томско-Северного р-на ЗСК, проживал в пос. Добро Чаинской райкомендатуры Сиблага ОГПУ, бригадир сельхозартели «Новая жизнь». Арестован в 1933 году. Осужден на 5 лет ИТЛ условно.
- Пушкарёв Прокопий Степанович, 1889 г.р., ур. и житель дер. Сидоренково Кузнецкого уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден на 10 лет концлагерей.
- Раков Михаил Дмитриевич, 1897 г.р., род. дер. Купреевка Ветковского р-на Гомельской обл., заключенный Тимирязевской ИТК г. Томска. Арестован в 1937 году. Расстрелян.
- Рассохин (Рассихин) Василий Иванович, 1873 г.р., ур. и житель дер. Локосово Сургутского уезда, фельдшер. Арестован в 1921 году. Расстрелян.
- Раудене Адольфина дочь Алексо, 1913 г.р., род. г. Шауляй Литовской ССР, проживала в пос. Победа Шегарского р-на, не работала. Арестована в 1948 году. Осуждена на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту ссылки.
- Ристкок Сальма Адовна, 1912 г.р., род. пос. Эпра Лестенского уезда Эстонской ССР, проживала в пос. Васильевка Чаинского р-на, член колхоза «Путь Ленина». Арестована в 1947 году. Осуждена на 2 года ИТЛ с последующим возвращением к месту обязательного поселения.
- Родин Степан Федорович, 1871 г.р., род. пос. Сергунино Пермской губ., проживал в дер. Киселёвка Ново-Кусковского р-на ЗСК, единоличник. Арестован в сентябре 1931 года. Освобожден из-под стражи в ноябре 1931 г. в связи с нецелесообразностью его привлечения к уголовной ответственности.
- Родионов Иван Николаевич, 1896 г.р., род. г. Самара, проживал в г. Красноярске, начальник комендантской команды военного городка. Арестован в 1920 году. Осужден на 2 года дома принудработ.
- Розенберг Абрам Моисеевич, 1908 г.р., род. г. Варшава (Польша), проживал в пос. Сосновка Асиновского р-на, спецпереселенец. Арестован в 1940 году. Осужден на 3 года ИТЛ.
- Рочагова Хавронья Михайловна, 1873 г.р., род. дер. Ярослав Рязанской губ., проживала в дер. Савиново Томского уезда, домохозяйка. Арестована в июле 1920 года. Освобождена из-под стражи в январе 1921 г. в связи с прекращением дела за отсутствием состава преступления.
- Рудик Иван Емельянович, 1876 г.р., место рождения неизвестно, проживал в г. Томске, служащий кожзвода. Арестован в 1922 году. Осужден к объявлению общественного порицания и штрафу в пользу голодающих – 5 пудов муки.

- Руткаускас Витаутас сын Винцаса, 1929 г.р., род. с. Роюны Паневежского уезда Литовской ССР, проживал в пос. Лесозавод Зырянского р-на, рабочий Симоновского ЛЗУ. Арестован в 1948 году. Осужден на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту ссылки (**Второй арест**).
- Рыжов Яков Николаевич, 1865 г.р., ур. и житель дер. Волкодаевка Томского уезда, крестьянин. Арестован в марте 1921 года. Сведений об осуждении нет.
- Савич Павел Николаевич, 1901 г.р., ур. и житель с. Мазалово Ишимского р-на Томского окр., единоличник. Арестован в марте 1931 года. Сведений об осуждении нет.
- Сакеев Александр Андреевич, 1889 г.р., ур. и житель пос. Сарачевский Новониколаевского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден на 15 лет концлагерей. По Октябрьской амнистии 1920 г. срок наказания заменен на 5 лет концлагерей. По Первомайской амнистии 1921 г. срок наказания сокращен до 2 лет лишения свободы.
- Салтымаков Михаил Ананьевич, 1885 г.р., место рождения неизвестно, проживал в дер. Сыромятная Щегловского уезда Томской губ., боец отряда особого назначения. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года лишения свободы. По амнистии от 17 августа 1923 г. дело прекращено 13 ноября 1923 года. Освобожден из-под стражи 22 декабря 1922 г. под подписку о невыезде.
- Самойлов Пётр Ефимович, 1907 г.р., род. с. Андреевка Чкаловской обл., проживал в г. Рубцовске Алтайского края, находился на излечении в Томской психиатрической больнице. В феврале 1949 года был подвергнут принудительному лечению. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Томского областного суда от 17 января 1950 г. принудительное лечение было снято.
- Самсонов Григорий Афанасьевич, 1882 г.р., место рождения неизвестно, проживал в с. Бабарькино Томского уезда, крестьянин. Арестован в 1921 году. Осужден на 1 год 6 месяцев лишения свободы.
- Сапогаев Григорий Николаевич, 1871 г.р., ур. и житель дер. Хохлово Мариинского уезда Томской губ., рыбак. Арестован в августе 1920 года. Освобожден из-под стражи в феврале 1921 г. в связи с прекращением дела.
- Сафонов Егор Сергеевич, 1870 г.р., ур. и житель дер. Орлово Каинского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в январе 1921 года. Освобожден из-под стражи в мае 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Сафонов Семён Сергеевич, 1871 г.р., ур. и житель дер. Орлово, крестьянин. Арестован в январе 1921 года. Освобожден из-под стражи в мае 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Сваровский Пётр Николаевич, 1896 г.р., ур. и житель г. Томска (пер. Кустарный, 17), кузнец. Арестован в марте 1931 года. Освобожден из-под стражи под подписку о невыезде 6 апреля 1931 года. Сведений об осуждении нет.
- Свечулене Текле дочь Иозаса, 1879 г.р., ур. Литовской ССР, проживала в пос. Нижний склад Томского р-на, не работала. Арестована в 1948 году. В наказание зачтен срок предварительного заключения.

- Свечулис Миколас сын Иозаса, 1874 г.р., ур. Литовской ССР, проживал в пос. Нижний склад, не работал. Арестован в 1948 году. В наказание зачтен срок предварительного заключения.
- Селивёрстов Семён Васильевич, 1881 г.р., ур. и житель дер. Лаврово Томского уезда, крестьянин. Арестован в январе 1921 года. Осужден на 3 месяца принудработ. Освобожден из-под стражи 10 февраля 1922 г. по Октябрьской амнистии 1921 года.
- Селивёрстов Яков Васильевич, 1889 г.р., ур. и житель дер. Лаврово, крестьянин. Арестован в январе 1921 года. Осужден на 3 месяца принудработ. Освобожден из-под стражи 10 февраля 1922 г. по Октябрьской амнистии 1921 года.
- Селюк-Чекурдаев Александр Васильевич, 1896 г.р., род. дер. Аксаково Стерлитамакского уезда Уфимской губ., проживал в г. Томске по ул. Акимовской, 8-4, секретарь губернской милиции. Арестован в 1920 году. Расстрелян.
- Сенаторов Егор Дмитриевич, 1892 г.р., ур. и житель с. Верхотомское Томского уезда, работал по найму. Арестован в 1922 году. Осужден на 5 лет заключения со строгой изоляцией и лишением прав на 5 лет.
- Сетин Ефим Алексеевич, 52 лет, помощник церковного старосты церкви с. Тутальское Томского уезда. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 1 год лишения свободы условно. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобожден.
- Скавронская Мария Николаевна, 1886 г.р., ур. и жительница дер. Тискино Томского уезда, крестьянка. Арестована в марте 1921 года. Освобождена из-под стражи в мае 1921 г. в связи с прекращением дела ввиду отсутствия элементов преступления.
- Скворцов Григорий Петрович, 1887 г.р., место рождения неизвестно, проживал в с. Драченино Кузнецкого уезда Томской губ., священник. Арестован в июне 1920 года. Освобожден из-под стражи в апреле 1921 г. – оправдан по суду.
- Скрылёв Василий Васильевич, 1867 г.р., род. с. Коломна Вышневолоцкого уезда Тверской губ., проживал в г. Томске, служащий службы движения Управления Томской ж. д. Арестован в октябре 1920 года. Осужден Коллегией транспортной ЧК Томской ж. д. в ноябре 1920 г. к заключению в концлагерь на 3 месяца с применением общественно-принудительных работ. По Октябрьской амнистии освобожден из-под стражи 7 ноября 1920 г. Вторично арестован в октябре 1921 года. В декабре 1921 г. мера пресечения изменена на залог в 1 миллион рублей, из-под стражи освобожден. Сведений об осуждении нет.
- Скрылёв Василий Васильевич, 1900 г.р., род. г. Ачинск Енисейской губ., проживал в г. Томске по ул. Советской, 8-2, конторщик службы движения Управления Томской ж. д. Арестован в июле 1921 года. Осужден к ВМН – расстрелу. В августе 1921 г. приговор изменен на 3 года дома принудработ со строгой изоляцией.
- Скрылёв Корнил Иванович, 1900 г.р., ур. и житель дер. Юрты Колтогоренко Сургутского уезда, рыбак. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года дома принудработ.
- Силинкин (Слинкин) Николай Тимофеевич, 1904 г.р., ур. и житель с. Нижневартовск Сургутского уезда, рыбак. Арестован и освобожден из-под стражи в июне 1921 года. Дело прекращено за отсутствием состава преступления.

- Смайлите Янина дочь Иозаса, 1929 г.р., род. дер. Гирининкай Панемуненского уезда Литовской ССР. Бежала по дороге к месту поселения в Томской области между станциями Тайга и Томск. Арестована в 1952 году. Осуждена к лишению свободы с зачетом срока нахождения под стражей в период следствия и водворению на место обязательного поселения.
- Смердин Фома Николаевич, 1892 г.р., род. дер. Поперечная Щегловского уезда Томской губ., проживал в г. Щегловске, крестьянин. Арестован в 1921 году. Осужден на 1 год дома принудработ.
- Сметона Владас сын Балтраса, 1929 г.р., род. дер. Юстиновое Паневежского уезда Литовской ССР, проживал в пос. Лесозавод Зырянского р-на, рабочий Симоновского ЛЗУ. Арестован в 1948 году. Осужден на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту ссылки.
- Собачкин Алексей Леонтьевич, 1875 г.р., ур. и житель г. Мариинска Томской губ., каптенармус Мариинского уездного военкомата. Арестован в марте 1921 года. Освобожден из-под стражи в августе 1921 г. Дело прекращено в ноябре 1921 г. за отсутствием состава преступления.
- Сокирка Николай Иванович, 1928 г.р., род. с. Осколино Сорокского р-на Молдавской ССР, проживал в дер. Большой Волок Молчановского р-на, бондарь артели «Смелый путь». Арестован в 1952 году. Осужден на 3 года ИТЛ с последующим водворением на спецпоселение.
- Соломенников Лука Ефремович, 1861 г.р., ур. и житель с. Белкар Бийского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в 1920 году. Осужден на 2 года лишения свободы.
- Соснин Ефрем Фёдорович, 1889 г.р., ур. и житель дер. Астраханцево Кожевниковского р-на, единоличник. Арестован в 1931 году. Сведений об осуждении нет.
- Спивак Михаил Иванович, 1861 г.р., ур. и житель с. Кожевниково, единоличник. Арестован в мае 1931 года. Освобожден из-под стражи в июне 1931 г. в связи с прекращением дела из-за преклонного возраста.
- Стацевич Борис Семёнович, 48 лет, священник на ст. Юрга Томской ж. д. и в с. Тутьальском Томского уезда. Арестован в 1922 году. Осужден к ВМН – расстрелу. Решением Президиума ВЦИК от 2 марта 1923 г. наказание заменено на 10 лет лишения свободы. Постановлением ВЦИК 20 февраля 1924 г. срок наказания сокращен до 5 лет лишения свободы.
- Степченко Михаил Егорович, 1894 г.р., род. дер. Барково Люцинского уезда Витебской губ., проживал на ст. Кемерово Щегловского уезда Томской губ., молотобоец химзавода. Арестован в мае 1921 года. Осужден на 3 года лишения свободы. По амнистии от 17 августа 1923 г. дело прекращено в ноябре 1923 г.
- Стефановская (Стефанская) Клавдия Павловна, 1880 г.р., ур. и жительница г. Мариинска Томской губ., кассир отдела социального обеспечения. Арестована в марте 1921 года. Освобождена из-под стражи в июне 1921 года. Дело прекращено в ноябре 1921 г. за отсутствием состава преступления.
- Стокс Ионас сын Адомаса, 1892 г.р., род. дер. Стояны Паневежского уезда Литовской ССР, проживал в пос. Лесозавод Зырянского р-на, рабочий Симоновского ЛЗУ.

- Арестован в 1948 году. Осужден на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту ссылки.
- Сустретов Михаил Иванович, 1898 г.р., род. с. Козловка Бутурлинского р-на Воронежской обл., заключенный Каштаковского лагерного пункта. Арестован в 1938 году. Расстрелян.
- Суханов Михаил Фёдорович, 1908 г.р., род. дер. Коровино Пермской губ., проживал в дер. Киселёвка Ново-Кусковского р-на ЗСК, единоличник. Арестован в сентябре 1931 года. Освобожден из-под стражи в ноябре 1931 г. в связи с нецелесообразностью его привлечения к уголовной ответственности.
- Суханов Семён Львович, 1903 г.р., ур. и житель дер. Змеёвка Пермской губ., проживал в дер. Киселёвка, единоличник. Арестован в сентябре 1931 года. Освобожден из-под стражи в ноябре 1931 г. в связи с нецелесообразностью его привлечения к уголовной ответственности.
- Счеснулевич Иосиф Александрович, 1891 г.р., место рождения неизвестно, проживал в г. Мариинске, монтер почтово-телеграфной конторы. Арестован в марте 1921 года. Освобожден из-под стражи в июне 1921 г. Дело прекращено в ноябре 1921 г. за отсутствием состава преступления.
- Тайлаков Михаил Степанович, 1898 г.р., род. с. Катково Новониколаевского уезда Томской губ., проживал в г. Иркутске, санитар в госпитале. Арестован в феврале 1921 года. Освобожден из-под стражи в ноябре 1921 г. по Первомайской амнистии.
- Тайченачев Пётр Михайлович, 1899 г.р., ур. и житель г. Мариинска, техник дорожного отделения Томского губсовнархоза. Арестован в 1920 году. Осужден на 2 года дома принудраб. В августе 1921 г. по амнистии Сибревкома от отбытия наказания освобожден.
- Такжин Николай Викторович, 45 лет, член приходского совета Богоявленского храма в г. Томске. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 1 год лишения свободы условно. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобожден.
- Тамм Ольга Элисовна, 1907 г.р., род. дер. Вержо Варусского уезда Эстонской ССР, проживала в с. Кривошеино, закройщица ателье «Красный боевик». Арестована в 1948 году. Осуждена на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту обязательного поселения.
- Тарасов Анатолий Васильевич, 1899 г.р., ур. и житель г. Сургута, заведующий Сургутским горздравотделом. Арестован в июле 1921 года. В январе 1922 г. осужден к 1 году лишения свободы условно без применения Октябрьской амнистии 1921 года.
- Таргунаков Александр Яковлевич, 1894 г.р., род. дер. Баим Мариинского уезда Томской губ., проживал в с. Калеуль Мариинского уезда, плотник. Арестован в 1921 году. Осужден на 5 лет лишения свободы.
- Тетюцкий Василий Ефимович, 1899 г.р., ур. и житель с. Криволуцкое Сургутского уезда Тюменской губ., служащий Сургутского военкомата. Арестован в 1921 году.

- Осужден на 5 лет лишения свободы. По помилованию ВЦИК в январе 1924 г. срок наказания сокращен до 3 лет 4 месяцев лишения свободы.
- Тимофеев Ефим Григорьевич, 1897 г.р., ур. и житель г. Сургута, рыбак. Арестован в июне 1921 года. Осужден 28 июля 1921 г. за участие в Сургутском вооруженном восстании в марте – мае 1921 г., но с учетом насильственного вовлечения в Белую армию Колчака, социального происхождения и желания искупить вину перед Республикой оправдан с освобождением из-под стражи.
- Тимофеев Иван Григорьевич, 1894 г.р., ур. и житель г. Сургута, рыбак. Арестован в июле 1921 года. Осужден 28 июля 1921 г. за участие в Сургутском вооруженном восстании в марте – мае 1921 г., но с учетом пролетарского происхождения и насильственной мобилизации белобандитами оправдан с освобождением из-под стражи.
- Тихонов Иван Михайлович, 1880 г.р., ур. и житель пос. Ояшинский Новониколаевского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в октябре 1920 года. Освобожден из-под стражи в феврале 1921 г. – оправдан по суду.
- Тобиас Эйно Иоханнесович, 1921 г.р., род. г. Таллин (Эстония), проживал в пос. Красный Яр Кривошеинского р-на, чернорабочий Красноярского ЛПХ. Арестован в 1950 году. Осужден на 25 лет тюремного заключения. В 1956 г. срок наказания сокращен до 15 лет тюремного заключения.
- Токарев Иван Федосеевич, 1869 г.р., место рождения неизвестно, дьякон церкви в с. Тисуль Мариинского уезда Томской губ. Арестован в 1922 году. Осужден на 3 года лишения свободы.
- Томилин Пётр Кондратьевич, 1884 г.р., ур. и житель дер. Протопопово Щегловского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в апреле 1921 года. Освобожден из-под стражи в декабре 1921 г. – оправдан по суду.
- Топорков Сергей Логинович, 1883 г.р., род. завод Нижний Тагил Верхотурского уезда Пермской губ., проживал в г. Ачинске Енисейской губ., начальник службы движения Ачинско-Минусинской ветки Томской ж. д. Арестован в июне 1920 года. По Первомайской амнистии 1921 г. из-под стражи освобожден.
- Тракс Лидия Андреевна, 1897 г.р., род. г. Фриденштадт Лифляндской губ., проживала и работала в колхозе пос. Бобровка Тегульдетского р-на. Арестована в 1950 году. В наказание зачтен срок предварительного заключения (**Второй арест**).
- Угольников Никита Лукьянович, 1876 г.р., род. с. Позднеево Коларовского р-на ЗСК, проживал в пос. Добро Чаинской райкомендатуры Сиблага ОГПУ, председатель сельхозартели «Новая жизнь». Арестован в 1933 году. Осужден на 5 лет ИТЛ условно.
- Умаров Мумин, 1924 г.р., род. с. Молотово-Батока Молотовского р-на Ошской обл. Киргизской ССР, красноармеец 3-го отдельного стр. батальона 115-й отдельной стр. дивизии. Арестован в 1943 году. Осужден на 8 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах.
- Урлаткин Кузьма Алексеевич, 1885 г.р., ур. и житель г. Щегловска Томской губ., крестьянин. Арестован в 1921 году. Осужден на 1 год лишения свободы условно.

- Урлаткин Семён Алексеевич, 1896 (1895) г.р., ур. и житель г. Щегловска, милиционер уездной милиции. Арестован в 1921 году. Осужден на 3 года лишения свободы. В октябре 1922 г. при том же объеме обвинения мера наказания определена – расстрел, но, принимая во внимание «социальное происхождение и неграмотность», заменена на 5 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах.
- Уфельман Кондратий Егорович, 1897 г.р., род. с. Гусенбах Франковского р-на Саратовской обл., проживал в пос. Карелино Верхнекетского р-на, рабочий Карбинского ЛЗУ. Арестован в 1952 году. Осужден на 3 года ИТЛ с последующим водворением на спецпоселение.
- Уфимцев Алексей Иванович, 1892 г.р., место рождения неизвестно, проживал в с. Кольчугино Томской губ., милиционер 4-го р-на рабоче-крестьянской советской милиции. Арестован в 1921 году. Осужден к ВМН – расстрелу. Из-под стражи сбежал, судьба неизвестна.
- Фатеев Александр Егорович, 1924 г.р., род. с. Ново-Ильинка Колпашевского р-на, красноармеец 3-го отдельного стр. батальона 115-й отдельной стр. дивизии. Арестован в 1943 году. Осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах.
- Федорчук Капитон Андреевич, 1893 г.р., ур. и житель с. Н-Никольское Сургутского уезда, рыбак. Арестован в 1921 году. Осужден к ВМН – расстрелу. Данных о приведении приговора в исполнение не имеется.
- Филатов Василий Никитович, 1901 г.р., род. с. Барановское Змеиногорского р-на ЗСК, заключенный Сибиряковского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1938 году. Осужден к ВМН – расстрелу. Умер в Каштаковском штрафном изоляторе 20 марта 1938 года.
- Филиппов Георгий Степанович, 1896 г.р., род. г. Чита, проживал в г. Анжеро-Судженске Томской губ., секретарь отдела социального обеспечения. Арестован в 1920 году. Осужден на 5 лет лишения свободы. По Первомайской амнистии 1921 г. срок наказания сокращен до 2 лет лишения свободы.
- Фирсов Александр Алексеевич, 1911 г.р., род. дер. Кандино Каргапольского р-на Челябинской обл., заключенный Каштаковского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1937 году. Расстрелян.
- Харьков (Хорьков) Даниил (Данил) Игнатьевич, 1899 г.р., место рождения неизвестно, проживал на Анжерских копиях Томского уезда, пос. Теребиловка, дом 272, рабочий на копиях. Арестован в 1920 году. Осужден на 10 лет дома принудработ. По Октябрьской амнистии 1920 г. срок наказания сокращен до 5 лет. По Первомайской амнистии 1921 г. – до 2 лет лишения свободы.
- Хитровский Михаил Яковлевич, 41 года, настоятель Никольского храма г. Томска. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 8 лет лишения свободы с конфискацией имущества и поражением в правах на 3 года. Постановлением ВЦИК 20 февраля 1924 г. срок наказания сокращен до 4 лет лишения свободы.
- Холкин Павел Павлович, 1916 г.р., род. с. Егорьевск Маслянинского р-на ЗСК, заключенный Апкашевского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1938 году. Расстрелян.

- Цейер Адам Исаакович, 1895 г.р., ур. Веровского уезда Лифляндской губ., заключенный Симоновского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1937 году. Расстрелян.
- Цыганков Гавриил Ефимович, 1871 г.р., ур. и житель с. Мазалово Ишимского р-на Томского окр., единоличник. Арестован в марте 1931 года. Сведений об осуждении нет.
- Чабан Василий Ефимович, 1930 г.р., род. с. Слобода-Кишкарены Кишкаренского р-на Молдавской ССР, проживал в пос. Калинино Пудинского р-на, рабочий Чузиковского сплава участка. Арестован в 1950 году. Осужден на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту обязательного поселения.
- Чабан Кирилл Ефимович, 1928 г.р., род. с. Слобода-Кишкарены, проживал и работал в колхозе «Культура Севера» Пудинского р-на. Арестован в 1950 году. Осужден на 3 года ИТЛ с последующим водворением к месту обязательного поселения.
- Чегаскин Павел Егорович, 1895 г.р., ур. и житель с. Мурасы Сургутского уезда, охотник. Арестован в июне 1921 года. Осужден за участие в Сургутском вооруженном восстании в марте – мае 1921 г., но с учетом его неосознанности и насильственного вовлечения в Белую армию Колчака оправдан с освобождением из-под стражи в июле 1921 г.
- Челпанова Евдокия Ивановна, 1901 г.р., ур. и жительница пос. Некрасовский Мариинского уезда Томской губ., крестьянка. Арестована в январе 1920 года. Освобождена из-под стражи в мае 1921 г. по Первомайской амнистии в связи с прекращением дела.
- Чердынцев Александр Андрианович, 1900 г.р., ур. и житель дер. Батурино Вороновского р-на Томского округа, крестьянин. Арестован в 1928 году. Осужден на 8 месяцев лишения свободы.
- Черечук Алексей Герасимович, 1888 г.р., ур. и житель г. Брест-Литовска Гродненской губ., временно проживал в г. Мариинске Томской губ., смотритель магазина Мариинского уездного военкомата. Арестован в марте 1921 года. Освобожден из-под стражи в августе 1921 г. Дело прекращено в ноябре 1921 г. за отсутствием состава преступления.
- Черкасов Ефим Васильевич, 1892 г.р., род. с. Троицко-Заозёрное Рыбинского р-на ВСК, проживал в г. Боготол ВСК, дорожный десятник дорожного отдела Боготольского РИКа. Арестован в 1934 году. Сведений об осуждении нет.
- Чернов Максим Иванович, 1882 г.р., род. дер. Ляжмыри Уржумского уезда Вятской губ., проживал в г. Мариинске, милиционер Тайгинского участка железнодорожной милиции. Арестован в 1920 году. В феврале 1921 г. осужден на 3 года принудработ с содержанием под стражей.
- Черных Иван Григорьевич, 1895 г.р., ур. и житель с. Кузедеево Кузнецкого уезда Томской губ., сапожник. Арестован в августе 1920 года. Освобожден из-под стражи в мае 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Чернявин (Чернавин) Александр Ильич, 1880 г.р., род. с. Лаишево Лаишевского уезда Казанской губ., проживал на ст. Боготол Томской ж. д., помощник заведующего складом топлива. Арестован в 1920 году. Осужден на 5 лет лишения свободы.

- По Октябрьской амнистии 1922 г. из-под стражи освобожден в связи с прекращением дела.
- Чечулин Фёдор Герасимович, 1891 г.р., ур. и житель дер. Протопопово Щегловского уезда Томской губ., председатель Борачатского волисполкома. Арестован в 1921 году. Осужден на 2 года дома принудработ условно.
- Чикаев Пётр Михайлович, 1890 г.р., род. г. Бендеры Бессарабской губ., проживал на 56-й версте Алтайской ветки Томской ж. д., дорожный мастер 20-го участка службы движения Томской ж. д. Арестован и освобожден под подписку о невыезде в октябре 1920 года. По Октябрьской амнистии 31 декабря 1920 г. дело прекращено.
- Чирухин Василий Петрович, 1899 г.р., ур. и житель дер. Сарапки Щегловского уезда Томской губ., боец коммунистического отряда. Арестован в 1921 году. Осужден на 1 год дома принудработ. По амнистии от 17 августа 1923 г. дело прекращено в ноябре 1923 года.
- Чуканов Даниил Алексеевич, 1884 (1885) г.р., ур. и житель пос. Ильинский Новониколаевского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован 25 декабря 1920 года. Освобожден из-под стражи 12 февраля 1921 г. в связи с прекращением дела.
- Чурилов Иван Константинович, 1885 г.р., ур. и житель с. Жуваны Каменского уезда Алтайской губ., крестьянин. Арестован в марте 1921 года. Освобожден из-под стражи в мае 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Шапфер Франц Андреевич, 1896 г.р., род. г. Костен Познанской губ. (Польша), проживал в г. Мариинске, служащий заготовительной конторы Томского губпродкома. Арестован в марте 1921 года. Освобожден из-под стражи в августе 1921 года. Дело прекращено в ноябре 1921 г. за отсутствием состава преступления.
- Шахматов Иван Иванович, 1910 г.р., род. с. Таштып Красноярского края, проживал в с. Туйла Зырянского р-на, лесоруб Каштаковского ЛЗУ Зырянского ЛПХ. Арестован в 1948 году. Осужден на 3 года ИТЛ с последующим возвращением к месту обязательного поселения (**Второй арест**).
- Шахов Василий Еремеевич, 1898 г.р., род. г. Берёзов Тюменской губ., проживал в г. Сургуте, механик почтово-телеграфной конторы. Арестован в июне 1921 года. Осужден на 1 год лишения свободы условно с лишением избирательных прав на тот же срок.
- Шахов Иван Алексеевич, 1887 г.р., ур. и житель с. Н-Николаевское Томского уезда, священник. Арестован в феврале 1921 года. Освобожден из-под стражи 27 апреля 1921 г. по ходатайству Ново-Николаевской комячейки – взят на поруки.
- Швагеров Роман Павлович, 1887 г.р., род. с. Черепок Курской губ., проживал в с. Ново-Славянка Ижморского р-на ЗСК, единоличник. Арестован в июле 1931 года. Сведений об осуждении нет.
- Швиркст Ольга Адамовна, 1908 г.р., род. дер. Бикауниелки Рижского уезда Латвийской ССР, проживала в пос. Заречный Выселок Пышкино-Троицкого р-на, член колхоза им. Сталина. Арестована в 1952 году. Осуждена на 20 лет каторжных работ, но с учетом состояния здоровья срок наказания сокращен до 5 лет ИТЛ условно с водворением к месту обязательного поселения.

- Швиркст Эмилия Григорьевна, 1933 г.р., род. дер. Бикауниелки, проживала в пос. Заречный Выселок, член колхоза им. Сталина. Арестована в 1952 году. Осуждена на 20 лет каторжных работ, но с учетом состояния здоровья срок наказания сокращен до 5 лет ИТЛ условно с водворением к месту обязательного поселения.
- Шипицын Степан Степанович, 1880 г.р., ур. и житель пос. Ояшинский Новониколаевского уезда Томской губ., крестьянин. Арестован в октябре 1920 года. Освобожден из-под стражи в феврале 1921 г. – оправдан по суду.
- Шифер Фёдор Теодорович, он же Верховский Фёдор Фёдорович, 1911 г.р., род. местечко Гонфиунсфельд Мартасовского р-на Кабардино-Балкарской АССР, проживал на ст. Уштобе Каратальского р-на Талды-Курганской обл. Казахской ССР, слесарь ремонтно-механического завода. Арестован в 1949 году. Осужден на 20 лет каторжных работ.
- Шкапор Антон Иванович, 1897 г.р., ур. Витебской губ., проживал в г. Щегловске, начальник 1-го участка Щегловской уездной милиции. Арестован в 1921 году. Осужден на 1 год дома принудработ.
- Шкунов Николай Ефимович, 1892 г.р., ур. и житель дер. Ягуново Щегловского уезда, крестьянин. Арестован в феврале 1921 года. Освобожден из-под стражи в июле 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Шлахов Евстафий Иванович, 1889 г.р., ур. и житель дер. Ягуново, крестьянин. Арестован в феврале 1921 года. Освобожден из-под стражи в июле 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Штайнгамер Герш Мошкович, 1915 г.р., род. г. Люблин (Польша), проживал в пос. Симоновка Симоновского ЛЗУ Зырянского р-на, спецпереселенец. Арестован в 1940 году. Осужден на 3 года ИТЛ.
- Шуков Филипп Яковлевич, 1895 г.р., род. с. Ремовское Кузнецкого уезда Томской губ., проживал в с. Бочаты Кузнецкого уезда, секретарь Бочатского волисполкома. Арестован в 1920 году. Осужден на 10 лет дома принудработ.
- Щеглов Фёдор Фёдорович, 1897 г.р., ур. и житель дер. Ягуново, крестьянин. Арестован в феврале 1921 года. Освобожден из-под стражи в июле 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Эртель-Кутарева Александра Павловна, 1923 г.р., род. пос. Красный Текстильщик Ворошиловского р-на Саратовской обл., проживала в пос. Могочино Молчановского р-на, учетчица Могочинского лесозавода. Арестована в январе 1947 года. В наказание зачтен срок предварительного заключения. Освобождена из-под стражи в мае 1947 г.
- Юрков Киряк Мартемьянович, 1871 г.р., род. дер. Белая Гора Пермской губ., проживал в дер. Киселёвка Ново-Кусковского р-на, единоличник. Арестован в сентябре 1931 года. Освобождён из-под стражи в ноябре 1931 г. в связи с нецелесообразностью его привлечения к уголовной ответственности.

- Юрьев Василий Павлович, 61 года, настоятель Знаменской церкви в г. Томске. Арестован в мае 1922 года. Осужден на 3 года лишения свободы условно. По Октябрьской амнистии в декабре 1922 г. из-под стражи освобожден.
- Ягунов Алексей Григорьевич, 1892 г.р., ур. и житель дер. Ягуново, крестьянин. Арестован в феврале 1921 года. Освобожден из-под стражи в июле 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Ягунов Василий Григорьевич, 1884 г.р., ур. и житель дер. Ягуново, крестьянин. Арестован в феврале 1921 года. Освобожден из-под стражи в июле 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Ягунов Иван Викторович, 1894 г.р., ур. и житель дер. Ягуново, крестьянин. Арестован в феврале 1921 года. Освобожден из-под стражи в июле 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Ягунова Мария Кировна, 1889 г.р., ур. и жительница дер. Ягуново, крестьянка. Арестована в феврале 1921 года. Освобождена из-под стражи в июле 1921 г. в связи с прекращением дела по Первомайской амнистии.
- Якупов Гариф Галеевич, 1896 г.р., род. дер. Юдеево Каширинского р-на Оренбургской обл., заключенный Симоновского лагерного пункта Томасинлага. Арестован в 1938 году. Расстрелян.
- Якупов Никифор Афанасьевич, 1896 г.р., род. г. Троицк Оренбургской губ., проживал в г. Щегловске, крестьянин. Арестован в 1921 году. Осужден к ВМН – расстрелу. В мае 1922 г. приговор отменен. По амнистии от 17 августа 1923 г. дело прекращено в ноябре 1923 года.
- Яундзем (Яудземс) Гелена (Хелена) Августовна (Аугустовна), 1909 г.р., ур. Резекненского уезда Латвийской ССР, проживала и работала в совхозе ХОЗО МВД в Межениновском сельсовете Томского р-на. Арестована в 1947 году. Осуждена на 3 года ИТЛ.
- Яшин Пётр Абрамович, 1895 г.р., род. с. Бутчино Калужской губ., проживал в дер. Хмелёвка Томского уезда, секретарь Елгайской комячейки. Арестован в 1921 году. Осужден на 1 год лишения свободы. По Октябрьской амнистии 1922 г. от наказания освобожден.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
1. Социально-политическая и оперативная обстановка в Западной Сибири в 1919–1941 гг.	6
1.1. Основные особенности социально-политической и оперативной обстановки	6
1.2. Бандитизм	36
1.3. «Красный бандитизм»	64
1.4. Крестьянское сопротивление	92
2. «Социально чуждые»	138
2.1. Первые жертвы новой власти после освобождения Сибири от колчаковщины	140
2.2. Бывшие офицеры и полицейский корпус	153
2.3. Старые специалисты	210
2.4. Духовенство и сектанты	246
3. Политические оппоненты большевиков	299
3.1. Эсеры	300
3.2. Меньшевики	333
3.3. Анархисты	361
3.4. Политическая ссылка	375
4. Реабилитация жертв политических репрессий в Западной Сибири	386
4.1. «Бериевская оттепель»	386
4.2. Кампания массовой реабилитации в середине 1950-х – 1980-е гг.	400
4.3. Новый этап реабилитации жертв массовых репрессий (конец 1980-х – 2000-е гг.)	420
Заключение	464
Список сокращений	472
Именной указатель	475
Географический указатель	489
Список использованных источников и литературы	504
Приложение	530

Научное издание

Уйманов Валерий Николаевич

**ЛИКВИДАЦИЯ И РЕАБИЛИТАЦИЯ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СИСТЕМЕ
БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ
(КОНЕЦ 1919 – 1941 г.)**

Редактор – К.Г. Шилько
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки – А.В. Бабенко

Подписано к печати 30.10.2012 г. Формат 70×100¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 45,8.

Тираж экз. Заказ № .

Отпечатано на оборудовании
редакционно-издательского отдела
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Корп. 4. Оф. 011
Тел. 8+(382-2)–52-98-49

ISBN 978-5-94621-363-9

